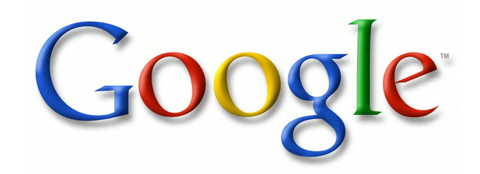

VE
RI
TAS

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLVI.

1888.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ **Л. Майковъ.**

(Вышла 1-го марта).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLV.

1888.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1888.

Екатерининскій кан., д. № 78.
2821.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (25-го октября 1887 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету вдовою полковника Николевою.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день октября 1887 года, Высочайше соизволилъ на принятіе капитала въ 15,900 рублей, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету вдовою полковника Николевой, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала употреблялись на уплату за слушаніе лекцій недостаточными студентами означеннаго университета.

2. (14-го ноября 1887 года). О порядкѣ производства пенсій профессорамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, пріобрѣвшимъ право на оную до изданія новаго положенія о семъ институтѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день ноября 1887 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: профессорамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, пріобрѣвшимъ право на пенсію выслугою 25 и 30 лѣтнихъ сроковъ до изданія новаго положенія о названномъ институтѣ 23-го марта 1887 года, производить таковыя пенсіи, сверхъ содержанія, до выслуги ими сроковъ, на которые они были утверждены на службѣ, съ тѣмъ, чтобы означенные профессоры, по наступленіи таковыхъ сроковъ, подлежали дѣйствію ст. 33 и 37 приведеннаго институтскаго положенія.

3. (1-го декабря 1887 года). О правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе приложенія къ статьѣ 53 устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I, изд. 1886 г.), постановить:

„Двухклассныя русско-киргизскія училища вѣдомства народнаго просвѣщенія въ Тургайской области причисляются, для окончившихъ въ нихъ полный курсъ ученія, къ третьему разряду учебныхъ заведеній, по отбыванію воинской повинности“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (1-го декабря 1887 года). О порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія

о порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденнаго 8-го іюня 1869 года устава Императорскаго Варшавскаго университета, постановить, относительно порядка увольненія и оставленія на службѣ преподавателей, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, слѣдующее правило:

Для продолженія на новое пятилѣтіе службы при университетѣ профессорамъ, прослужившимъ по учебной части двадцать пять лѣтъ (§ 82), требуется ходатайство попечителя учебнаго округа и разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Для доцентовъ, прозекторовъ и лекторовъ университета необходимо въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе попечителя.

Подлинноое мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (25-го декабря 1887 года). **О введеніи въ Пермской губерніи въ число членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта врача.**

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія по ходатайству Пермскаго губернскаго земскаго собранія о введеніи въ число членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта врача.

Комитетъ полагалъ:

I. Разрѣшить участіе земскаго врача въ засѣданіяхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Пермской губерніи съ правомъ голоса по вопросамъ, относящимся до санитарно-гигіеническаго состоянія народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы самое приглашеніе означеннаго врача къ присутствованію въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ по объясненнымъ вопросамъ зависѣло отъ предсѣдателя совѣта и чтобы въ случаѣ невозможности для земскаго врача прибыть на собраніе совѣта, обстоятельство это не служило препятствіемъ къ признанію засѣданія совѣта состоявшимся.

и II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, въ случаѣ возбужденія подобныхъ же ходатайствъ земскими собраніями другихъ губерній, разрѣшать примѣненіе въ сихъ губерніяхъ упомянутой въ предыдущемъ пунктѣ временной мѣры.

Государь Императоръ, въ 25-й день декабря 1887 г., положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го января 1888 г.) **Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II-го при Елабужскомъ реальномъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго Елабужскимъ уѣзднымъ земствомъ капитала въ три тысячи руб., за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, учреждается при Елабужскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Императора Александра II-го.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Елабужскаго реальнаго училища и составляетъ неотъемлемую собственность онаго, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіатъ избирается Елабужскимъ земскимъ собраніемъ изъ дѣтей бѣднѣйшихъ жителей Елабужскаго уѣзда.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время пребыванія въ училищѣ, если только не будетъ лишенъ таковой по опредѣленію педагогическаго совѣта, за неодобрительное поведеніе или малоуспѣшность въ наукахъ.

§ 5. Могущія образоваться сбереженія отъ стипендіи, по случаю временнаго незамѣщенія ея или по какимъ-либо другимъ причинамъ, пріобщаются къ основному капиталу или же выдаются въ пособіе стипендіату, по усмотрѣнію Елабужскаго земскаго собранія.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Елабужскаго реальнаго училища стипендія переходитъ въ другое учебное заведеніе, по усмотрѣнію Елабужскаго земскаго собранія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (23-го января 1888 года). **Положеніе о стипендіи имени Александра Христофоровича Грекова при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала 2,000 рублей, пожертвованнаго женою коллежскаго секретаря Анною Александровною Гре-

ковою и заключающагося въ 2-хъ билетахъ государственной 5°/₀ желѣзнодорожной непрерывной ренты, учреждается при университетѣ св. Владиміра стипендія имени Александра Христофоровича Грекова въ размѣрѣ 100 рублей.

§ 2. Стипендія имени А. Х. Грекова, согласно волѣ жертвовательницы назначается студентамъ юридическаго факультета изъ дворянъ православнаго вѣроисповѣданія.

§ 3. Выборъ стипендіата принадлежитъ юридическому факультету, при чемъ факультетъ отдаетъ преимущество бѣднѣйшему студенту, отличному по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ. Право назначенія стипендіата принадлежитъ правленію университета съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

§ 4. Стипендіатъ имени Александра Христофоровича Грекова обязанъ подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени бытности въ университетѣ; не выдержавшій же по причинамъ неуважительнымъ испытанія, равно неодобрительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и выдержалъ испытаніе, лишается стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (27-го января 1888 года). **Положеніе о стипендіи имени умершаго мануфактуръ-совѣтника Герасима Хлудова при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ десять тысячъ рублей, завѣщаннаго умершимъ мануфактуръ-совѣтникомъ Герасимомъ Ивановичемъ Хлудовымъ, за удержаніемъ суммы, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, учреждается при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ пятипроцентныхъ государственныхъ банковыхъ билетахъ, признается неприкосновеннымъ, а на содержаніе стипендіата употребляются одни проценты въ размѣрѣ установленной за содержаніе пансіонеровъ платы. Излишніе проценты причисляются къ капиталу. Капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ вмѣстѣ съ спеціальными суммами Императорскаго Московскаго техническаго училища.

§ 3. Стипендія должна быть предоставляема только круглымъ сиротамъ, изъ дѣтей бѣднѣйшихъ обывателей города Москвы, право-

славнаго вѣроисповѣданія. Выборъ стипендіата принадлежитъ дочерямъ Герасима Ивановича Хлудова: Прасковьи Прохоровой, Клавдіи Востряковой, Александрѣ Найденовой и Любови Лукутиной, по ихъ взаимному соглашенію, послѣ же ихъ смерти—московскому купеческому обществу.

§ 4. Стипендія предоставляется лицу, удовлетворяющему требованію § 3 и выдержавшему пріемное испытаніе въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ на общемъ основаніи.

§ 5. Стипендіатъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта уволенный изъ числа учениковъ за неодобрительное поведеніе, лишается стипендіи, о чемъ немедленно доводится до свѣдѣнія лицъ или учрежденія, коимъ принадлежитъ выборъ стипендіата, для избранія другаго лица. Стипендіату, оставшемуся на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, тяжкой продолжительной болѣзни, и при томъ во время всего курса лишь одинъ разъ.

§ 6. Начальство Императорскаго Московскаго техническаго училища два раза въ годъ, по истеченіи каждаго полугодія, увѣдомляетъ лицъ или учрежденіе, поименованныхъ въ п. 3 сего положенія, объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (2-го февраля 1888 года). **Положеніе о стипендіи имени Екатерины Григорьевны Тепловой при Иркутской женской прогимназіи И. С. Хаминова.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года на счетъ процентовъ съ капитала въ 950 рублей, пожертвованнаго неизвѣстнымъ лицомъ, учреждается при Иркутской женской прогимназіи одна стипендія имени Е. Г. Тепловой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на сумму 500 руб., 4-хъ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа по 100 руб. каждая, на сумму 400 рубл., и одной облигаціи того же займа въ 50 руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за вычетомъ 5% налога, употребляются на взносъ платы за ученіе въ упомянутой про-

гимназіи одной ученицы, остатокъ же отъ стипендіи, за взносомъ платы за ученіе, выдается стипендіаткѣ на учебныя пособія.

§ 4. Стипендіей пользуется бѣднѣйшая изъ воспитанницъ прогимназіи, по преимуществу изъ круглыхъ сиротъ, отличающаяся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки, а равно и лишеніе стипендіи за неодобрительное поведеніе и неудовлетворительные успѣхи предоставляются попечительному совѣту прогимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

5. (7-го февраля 1888 года). **Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго при Лебедянской прогимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ восемьсотъ руб., пожертвованнаго преподавателями Лебедянской прогимназіи и нѣкоторыми членами мѣстнаго общества, въ память двадцатипятилѣтней педагогической дѣятельности бывшаго инспектора названной прогимназіи статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго, учреждается при означенной прогимназіи одна стипендія съ наименованіемъ: „стипендія имени статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Лебедянской прогимназіи въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода означенныхъ облигацій въ тиражъ, онѣ замѣняются другими государственными процентными бумагами соотвѣтственной стоимости.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г., поступленію въ казну, употребляются на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, одежды, обуви или на другія нужды одного изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣй-

шихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ, безъ различія сословій, во все время ученія его въ прогимназіи.

§ 4. Избраніе и назначеніе стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Лебедянской прогимназіи.

§ 5. Въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта Лебедянской прогимназіи.

§ 6. Могущіе оказаться вслѣдствіе какихъ-либо причинъ остатки отъ суммы стипендіи употребляются въ слѣдующіе годы пребыванія стипендіата въ прогимназіи на необходимые для него расходы, или выдаются стипендіату по окончаніи имъ ученія въ Лебедянской прогимназіи, въ томъ случаѣ, если стипендіатъ поступитъ въ другое учебное заведеніе для продолженія образованія, или причисляются къ основному капиталу стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (12-го февраля 1888 года). **Положеніе о стипендіяхъ имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Саратовскомъ Александро-Маріинскомъ реальномъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи девятьсотъ пятьдесятъ рубл., завѣщаннаго саратовскимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Денисовичемъ Грачевымъ, учреждаются при Саратовскомъ Александро-Маріинскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Обезпечивающій стипендіи капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Саратовскаго реальнаго училища въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право ученія двухъ стипендіатовъ и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для нихъ.

§ 4. Могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендій, или по другимъ причинамъ, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 5. Стипендіями имени Дмитрія Денисовича Грачева пользуются, по избранію педагогическаго совѣта, двое изъ бѣднѣйшихъ учениковъ

Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, заслуживающіе того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 6. За стипендіатами, оставшимися на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендіи могутъ быть сохранены только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. По выходѣ процентныхъ бумагъ, составляющихъ стипендіальный капиталъ, въ тиражъ, пріобрѣтаются училищемъ новыя государственныя процентныя бумаги той же, а если возможно, и высшей стоимости.

7. (12-го февраля 1888 года). **Положеніе о стипендіи имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Саратовской мужской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу шестьсотъ рублей, завѣщаннаго саратовскимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Денисовичемъ Грачевымъ, учреждается при Саратовской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Саратовской гимназіи въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право ученія одного стипендіата и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для него.

§ 4. Могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ причинамъ, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Стипендіей имени Дмитрія Денисовича Грачева пользуется, по избранію педагогическаго совѣта, одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Саратовской гимназіи, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 6. За стипендіатомъ, оставшимся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважи-

тельнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. По выходѣ процентныхъ бумагъ, составляющихъ стипендіальный капиталъ, въ тиражъ, пріобрѣтаются гимназіею новыя государственныя процентныя бумаги той же, а если возможно, и высшей стоимости.

8. (13-го февраля 1888 года). **Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Логиновича Миллера при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго представителями тюменскаго купечества капитала въ девятьсотъ рублей учреждается при Тюменскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Логиновича Миллера.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ билетахъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, хранится въ мѣстномъ окружномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, назначаются для уплаты за право ученія стипендіата, на учебныя пособія и платье.

§ 4. Право пользованія стипендіей предоставляется дѣтямъ лицъ недостаточнаго состоянія, христіанскаго вѣроисповѣданія, всѣхъ сословій.

§ 5. Право назначенія стипендіата, а равно и лишенія стипендіи ученика, оказавшагося недостойнымъ, предоставляется Федору Логиновичу Миллеру, а послѣ смерти его—педагогическому совѣту Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища.

6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (16-го февраля 1888 года). **Положеніе о капиталѣ имени проживающихъ въ Китаѣ сибиряковъ при Троицкосавской женской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память двадцатипятилѣтняго существованія Троицкосавской женской гимназіи учреждается при означенномъ учебномъ заведеніи капиталъ имени сибиряковъ, проживающихъ въ Китаѣ, въ суммѣ до шести тысячъ рублей, пожертвованной упомянутыми сибиряками.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составляя неотъемлемую собственность упомянутой гимназіи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ оной.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, передачѣ въ казну, поступаютъ ежегодно въ распоряженіе попечительнаго совѣта Троицкосавской женской гимназіи на производство стипендій недостаточнымъ ученицамъ означенной гимназіи.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(31-го января 1888 года). **Утверждены**: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Фолькъ**—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 8-го іюня 1887 года; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Мюлау**—деканомъ богословскаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го января 1888 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ **Кеннель**—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ зоологіи, съ 8-го декабря 1887 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ **Праховъ**—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 12-го декабря 1887 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ химіи **Сорокинъ**—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ агрономіи, съ 1-го января 1888 года; наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-

филологическаго института, докторъ греческой словесности, коллежскій совѣтникъ Латышевъ—наставникомъ-руководителемъ гимназіи сего института по греческому языку и завѣдывающимъ этою гимназіею, съ 27-го ноября 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Варшавскаго реальнаго училища, преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ Любарскій—директоромъ Ломжинской мужской гимназіи, съ 1-го ноября 1887 года; дѣйствительный тайный совѣтникъ Батюшковъ, дворянинъ Собанскій, почетный гражданинъ Улановъ и купецъ Ѳемелиди—почетными попечителями прогимназій на три года: Батюшковъ—Устюженской мужской, Собанскій—Херсонской, Улановъ—Бѣлевской мужской и Ѳемелиди—Аккерманской; изъ нихъ Собанскій—съ 10-го декабря 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Тверскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Висьневскій—директоромъ реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, съ 13-го ноября 1887 года; учитель Екатеринбургской гимназіи, надворный совѣтникъ Стешинъ—директоромъ Екатеринбургскаго Алексіевскаго реальнаго училища, съ 1-го декабря 1887 года; директоръ Московскаго архива министерства юстиціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки, коллежскій ассессоръ Бычковъ и дѣлопроизводитель VI класса Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій ассессоръ Уляницкій—членами археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 20-го ноября 1887 года, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; коллежскій совѣтникъ Круликовскій, коллежскій ассессоръ Кульвецъ, сарапульскіе купцы: Барановъ, Осиповъ, Ижболдинъ и Новокшеновъ—членами попечительства Сарапульскаго Алексіевскаго реальнаго училища, на три года; кандидатъ Императорскаго Казанскаго университета Новосильцевъ—почетнымъ попечителемъ Вольской учительской семинаріи, на три года.

Назначены: старшій врачъ Мясницкаго отдѣленія больницы для чернорабочихъ въ Москвѣ, докторъ медицины Поспѣловъ — сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, съ 30-го ноября 1887 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Болдыревъ—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ общей терапіи, съ 1-го декабря 1887 г.; доценты института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, статскій совѣтникъ Краузе и на-

дворный совѣтникъ Быковъ—профессорами сего института, съ 10-го декабря 1887 г.; кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Владиміръ Майковъ — сотрудникомъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 22-го декабря 1887 года.

Перемѣщены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шварцъ, на каѳедру древне-классической филологіи въ томъ же университетѣ, съ 11-го декабря 1887 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кондаковъ — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 1-го января 1888 года.

Опредѣлены: изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ Гадяцскій — вновь на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, директоромъ Якутской прогимназіи, съ 23-го декабря 1887 г.; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Ивановъ — дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 14-го января 1888 г., и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Егоровъ—исправляющимъ должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 1-го января 1888 г.

Переведены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: доцентъ С.-Петербургскаго лѣсного института, коллежскій совѣтникъ Сомовъ—съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по каѳедрѣ механики, съ 14-го ноября 1887 г.; канцелярскій служитель Новгородскаго дворянскаго депутатскаго собранія, не имѣющій чина баронъ Борисъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ — въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя, съ 18-го ноября 1887 года.

Оставлены на службѣ: на два года: директоръ Вольской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зимницкій—съ 19-го ноября 1887 г.; профессоръ православнаго богословія Демидовскаго юридическаго лицея, протоіерей Лавровъ — съ 29-го декабря 1887 г.; на три года: директоръ Тверской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Овсянниковъ, съ 25-го ноября 1887 г., директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ

дѣйствительный статскій совѣтникъ Ставровичъ, съ 27-го декабря 1887 г. и директоръ Ливенскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вѣлинъ, съ 31-го декабря 1887 г.; на пять лѣтъ: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Голевинскій, съ 19-го сентября 1887 г.; Московскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Клейнъ, съ 10-го октября 1887 г. и Дерптскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Валь, съ 18-го октября 1887 г.; окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чеховичъ, съ 19-го октября 1887 г.; директоръ Псковской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кестнеръ, съ 17-го ноября 1887 г.; директоръ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ Шолковичъ, съ 20-го ноября 1887 г., ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кожевниковъ и директоръ Великолуцкаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Вейнбергъ, съ 7-го декабря 1887 г.; директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи, статскій совѣтникъ Жаворонковъ, съ 11-го декабря 1887 г. и директоръ С.-Петербургской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Смирновъ, съ 10-го января 1888 года.

Оставлены на службѣ: по выслугѣ 30-ти лѣтъ по учебной части: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Вреденъ, съ 19-го ноября 1887 г. и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бредихинъ, съ 23-го октября 1887 г.; по выслугѣ 40-ка лѣтъ по учебной части, профессоръ православнаго богословія Императорскаго Харьковскаго университета, протоіерей Добротворскій, съ 31-го октября 1887 года.

Командированы съ ученою цѣлью въ Россіи: ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея, статскій совѣтникъ Суворовъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора сего лицея Щегловъ—въ Москву и С.-Петербургъ,—первый на мѣсяцъ и послѣдній—на полтора мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Трачевскій—въ С.-Петербургъ, на весеннее полугодіе 1888 года; доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Хлюдзинскій—во внутреннія губерніи, съ 25-го января по 1-е сентября 1888 года.

Уволены въ отпускъ въ Россіи: помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кунъ— ца три недѣли, въ С.-Петербургъ; директоръ Пензенской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Аничковъ—на 28 дней, въ С.-Петербургъ; за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Новицкій—на 25 дней; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ Камовскій—на два мѣсяца, по болѣзни; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, князь Гедройцъ и сверштатный ординаторъ Императорскаго Харьковскаго университета Данилевскій—на четыре мѣсяца.

Уволены: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Сергѣевскій, согласно прошенію, отъ должности декана юридическаго факультета сего университета, съ 20-го ноября 1887 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Бялецкій, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Преображенскій и наставникъ-руководитель гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гавриловъ, отъ службы, первый—за выслугою срока, съ 19-го сентября 1887 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, и согласно прошенію: Преображенскій—съ 1-го декабря 1887 года и Гавриловъ—съ 4-го января 1888 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: учителямъ гимназій: Царицынской — надворному совѣтнику Гендри и Симбирской — Пору; учителю Алатырской мужской прогимназіи, надворному совѣтнику Красовскому; учителю Вятскаго реальнаго училища, надворному совѣтнику Асаткину учителю-инспектору Малмыжскаго, Вятской губерніи, городского трехкласснаго училища, коллежскому ассессору Соколову; сверхштатному учителю Московской 5-й гимназіи Касицину; преподавательницѣ Смоленской Маріинской женской гимназіи Аѳанасьевой и преподавательницѣ и надзирательницѣ сей гимназіи Бородиной— за отлично-усердную и ревностную ихъ службу; владѣлицѣ мукомольной мельницы въ Полтавской губерніи графинѣ Капнистъ, предсѣдателю хозяйственнаго комитета и главному химику экспеди-

ціи заготовленія государственныхъ бумагъ, завѣдывающему нефтянымъ заводомъ при экспедиціи, дѣйствительному статскому совѣтнику Дешевому; исправлявшему должность начальника адмиралтейскихъ ижорскихъ заводовъ, инженеръ-механику полковнику Геймбруку; директору рельсоваго механическаго завода общества путиловскихъ заводовъ, инженеръ-технологу Ясюковичу; директору общества франко-русскихъ заводовъ (бывшихъ Берда), инженеру Дю-Бюи; завѣдывающему мѣдно-прокатнымъ отдѣломъ на заводѣ общества франко-русскихъ заводовъ, горному инженеру Радлову; правленію общества с.-петербургскихъ водопроводовъ, главному инженеру сего общества, инженеръ-технологу Ермолину; директору с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, инженеру путей сообщенія, титулярному совѣтнику Сумарокову; владѣльцу крупчато-пшенично-вальцовой мельницы, рыльскому купцу Рыловникову; управляющему верхъ-исетскими заводами графини Стембокъ-Ферморъ, инженеръ-технологу Роджеру; владѣльцу невской писчебумажной фабрики въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Варгунину; владѣльцу писчебумажной фабрики въ Красномъ-Селѣ, инженеръ-технологу, потомственному почетному гражданину Печаткину; владѣльцу кожевеннаго завода въ С.-Петербургѣ, коммерціи-совѣтнику Брусницыну; директору правленія Высочайше утвержденнаго товарищества картонно-тольнаго производства А. Науманъ и К°, дворянину Зайдлеру; владѣльцу маслобойнаго завода въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Жукову; управляющему главнымъ заводомъ общества столичнаго освѣщенія, инженеръ-технологу Скиндеру; исправляющему должность инженеръ-техника на заводѣ общества освѣщенія газомъ города С.-Петербурга, въ 1835 году учрежденнаго, Кубе и директору с.-петербургскаго газоваго общества (для освѣщенія Петербургской и Выборгской частей), французскому гражданину Гарсону — за содѣйствіе ихъ успѣхамъ учебнаго дѣла въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ; почетному блюстителю Едровскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику Герке—за заботливость его о семъ училищѣ; начальникамъ уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскаго — коллежскому совѣтнику Кедрову и Соколовскаго — коллежскому ассессору Кескевичу — за усердіе къ дѣлу народнаго образованія; законоучителю Сожинскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народ-

наго просвѣщенія, Смоленской губерніи и уѣзда, священнику Коноконтину и попечительницѣ Вешковскаго сельскаго училища Гжатскаго уѣзда той же губерніи, графинѣ Уваровой — за заслуги ихъ на пользу дѣла народнаго образованія; предсѣдателю попечительнаго совѣта Троицкой женской прогимназіи, городскому головѣ Дмитріеву — за усердную и полезную для сей прогимназіи дѣятельность; попечителю Петровичской, Минской губерніи Игуменскаго уѣзда, школы плодоводства и хмелеводства, дѣйствительному статскому совѣтнику Мышенкову — за оказанное имъ содѣйствіе учебному вѣдомству въ предоставленіи учителямъ начальныхъ училищъ возможности теоретически и практически ознакомиться съ веденіемъ сихъ отраслей сельскаго хозяйства; заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, тайному совѣтнику Захарьину — за пожертвованіе его въ пользу Саратовской мужской гимназіи; почетному попечителю С.-Петербургской 7-й гимназіи, коллежскому совѣтнику Русанову — за пожертвованіе дома для Мезенскаго двухкласснаго приходскаго училища; администратору завода Черекъ Версону — за постройку новаго каменнаго дома для мужскаго и женскаго училищъ, въ деревнѣ Лешно, Блошскаго уѣзда Варшавской губерніи; попечителю Воронежской Нечаевской двухклассной народной школы, потомственному почетному гражданину Нечаеву—за пожертвованія въ пользу сей школы.

Исключенъ изъ списковъ умершій, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ Видеманъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Исторія Русской Словесности. Составилъ А. Галаховъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1888“—рекомендовать какъ учебное руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка. Составилъ А. Камковъ. Изд. 7-е. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову списку (по христоматіи Буслаева). Въ 8-ку

стр. 64. Казань. 1887. Цѣна 30 к." — одобрить, какъ учебное пособіе при преподаваніи церковно-славянскаго языка.

— Книгу: „Начальная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Е. Тихомировъ, преподаватель Орловской гимназіи. Москва. 1887. Цѣна 1 р. 25 к.—Стр. 400" — одобрить, какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ (за исключеніемъ дополнительнаго класса).

— Книгу: „Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ К. Раевскимъ. 5-е исправленное изданіе съ 203 рисунками. С.-Пб. 1887"—одобрить, какъ руководство для реальныхъ училищъ и училищныхъ институтовъ и какъ учебное пособіе для мужскихъ и женскихъ гимназій и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Руководство къ изученію православной христіанской вѣры. Учебное пособіе при изученіи пространнаго христіанскаго катихизиса православной церкви, въ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ законоучитель Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ священникъ Петръ Мазановъ. Изд. 4-е. Полтава. 1887. Цѣна 80 к." — одобрить, въ 4-мъ изданіи, къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи пространнаго катихизиса митрополита Филарета въ среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюру: „О построеніи и черченіи картъ. Главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири Н. И. Раевскаго (вновь измѣнено и исправлено). Съ 34 чертежами. Цѣна 45 коп. С.-Пб. 1886 г. Стр. 33 въ 8-ку"—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Географія, какъ наука и учебный предметъ. Н. И. Раевскаго (Измѣненное и дополненное сочиненіе „О преподаваніи географіи"). Цѣна 75 коп. С.-Пб. 1887 г. Стр. 142 въ 8-ку"—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Славянскія повѣсти для юношества. Болгарія, Сербія, Черногорія. М. Ляликой. Съ рисунками Каразина и Михайлова. С.-Пб. Изданіе Девріена. Въ 8-ку стр. 220. Цѣна 1 р. 75 коп."— одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „А. Князева, директора Динабургскаго реальнаго

училища подъ заглавіемъ „Методика преподаванія естественной исторіи въ основномъ отдѣленіи Динабургскаго реальнаго училища. Вильна. 1887 г."—одобрить для пріобрѣтенія въ библіотеки реальныхъ училищъ.

— Брошюры проф. Н. М. Любимова: 1) „Чахотка, ея причины и предосторожности противъ нея. Изд. 2-е исправленное и дополненное, книгопродавца А. А. Дубровина. Казань. 1887 г. Стр. 80 въ 16 д. л." и 2) „Бактеріи и вліяніе ихъ на здоровье человѣка, съ 18 рис. Казань. 72 стр. въ 16 д. л."—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ школъ и для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Arriani Anabasis. Для учениковъ третьяго класса гимназій и прогимназій по эвристическому методу обработалъ Вячеславъ Ракушанъ, учитель Тифлисской гимназіи. Часть первая. Тифлисъ. 1887. Въ 8-ку стр. 177. Цѣна 65 к." —допустить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей географіи (Азія, Африка, Америка и Австралія). Составилъ Будиновъ. Москва. 1888. Стр. 74 въ 8-ку. Цѣна 30 к." — допустить въ видѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Анатомія и физіологія человѣка. Въ объемѣ курса женскихъ гимназій, институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ школъ. Составилъ Д. К. Влахопуловъ, кандидатъ естественныхъ наукъ Императорскаго Московскаго университета. Въ приложеніи: Анатомическій атласъ (хромолитографированный). Москва. 1888. 91 стр. въ 16-ю д. л. Цѣна 50 к." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ введено преподаваніе естественныхъ наукъ.

— Книгу: „Учебная книга священной исторіи, для еврейскаго юношества (отъ сотворенія міра до Неемія включительно). Составили М. Вольперсъ и В. Л. Каганъ. Вильна. 1887. Цѣна 80 к." — одобрить какъ учебникъ для еврейскаго юношества, обучающагося въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, реальныхъ и еврейскихъ училищахъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Для дѣтей школьнаго возраста. Изданіе учебнаго магазина „Начальная школа" Е. Н. Тихомировой: 1) Младшій возрастъ. М. 1887. Стр. 392. Цѣна 50 к.—2) Старшій возрастъ. Выпускъ первый. М. 1887. Стр. 412. Цѣна 50 к.—3) Старшій возрастъ. Выпускъ второй. М. 1887. Стр. 314. Цѣна 50 к." — одобрить младшій возрастъ для ученическихъ, а старшій для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ сельскихъ и городскихъ.

— Книгу: „Люди труда и сильной воли. Жизнь Джемса Гарфильда. „Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома". Составлено по Тэйеру Е. А. Сысоевой. Съ портретомъ и 3-мя картинками. 2-е, исправленное и удешевленное, изданіе. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 161 стр. Цѣна 60 к."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и старшаго возраста городскихъ училищъ.

— „Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ. Русскія прописи. Учебное пособіе для народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ и воскресныхъ школъ, дѣтскихъ пріютовъ и для начальнаго домашняго обученія. Изд. 2-е, исправленное. Тетрадь въ 48 стр. С.-Пб. Цѣна 25 к."—одобрить для употребленія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Сказки А. С. Пушкина. Рязань. 1887. Въ 12-ю д. л. 94 стр. Цѣна 10 к."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. (Подъ редакціей О. Ѳ. Миллера). С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л. 85 стр. Цѣна 15 к." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. Изд. 3-е. С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л. 134 стр. Цѣна 15 к." — одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Приключенія Ивасека, маленькаго хохла. Поэма въ

стихахъ (для дѣтскаго чтенія). Сочиненіе Ан. Лѣсничаго. Одесса. 1888. Въ 8-ку 43 стр., съ 6-ю рисунками. Цѣна не обозначена" — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Составленныя Ѳ. И. Егоровымъ книги: 1) „Ариѳметика и сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. М. 1887. Въ 8-ку 232 стр. Цѣна 40 к." и 2) „Для учителей. Отвѣты и рѣшенія задачъ (помѣщенныхъ въ предыдущей книгѣ). М. 1887. Въ 8-ку 30 стр. Цѣна 15 к." — допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ въ качествѣ руководства, а вторую—въ учительскія библіотеки.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Николаевской—Александровской гимназіи до шестидесяти рублей въ годъ съ каждаго ученика, съ начала будущаго 1888—1889 учебнаго года.

— Въ сентябрѣ и началѣ октября прошлаго года преосвященный Анастасій, епископъ Брестскій, при обозрѣніи церквей Волковыскаго и Гродненскаго уѣздовъ, между прочимъ, испытывалъ, обыкновенно въ церквахъ же, по окончаніи богослуженія, знанія учениковъ мѣстныхъ сельскихъ училищъ въ законѣ Божіемъ, церковно-славянскомъ чтеніи и въ церковномъ пѣніи. При этомъ преосвященный, выражая похвалу многимъ учителямъ и преподавая каждому изъ учениковъ свое благословеніе, награждалъ ихъ иконами, крестиками, Евангеліями и другими книгами религіозно-нравственнаго содержанія, а нѣкоторыхъ изъ учителей—брошюрою собственнаго сочиненія подъ названіемъ: „Храните православіе".

Оставшись вообще доволенъ отвѣтами учениковъ и ихъ пѣніемъ, преосвященный Анастасій вынесъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе при посѣщеніи церкви въ м. Новомъ-Дворѣ, Волковысскаго уѣзда, гдѣ хоръ изъ 15 учениковъ мѣстнаго народнаго училища и 9 человѣкъ взрослыхъ крестьянъ, подъ управленіемъ учителя Гуляя, весьма стройно пропѣлъ многія молитвы. Его Преосвященствомъ обращено было также вниманіе на дѣятельность учителя въ м. Мстибовѣ, того же уѣзда, Писаревича, который въ этой сильно окатоличенной мѣстности устроилъ приличный церковный хоръ изъ 12 дѣтей и 3 взрослыхъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа, 29-го ноября минувшаго года послѣдовало открытіе одноклассного начальнаго народнаго училища сего министерства въ селеніи Слободкѣ, Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи, при 175 учащихся.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ [1]).

II.

Польскія историческія школы XIX вѣка въ вопросѣ о паденіи Рѣчи Посполитой.

Въ польской исторіографіи XIX вѣка различаютъ три главныя школы, изъ которыхъ двѣ первыя называются именами своихъ основателей, а третья—по мѣсту своего возникновенія: это—школы Нарушевича, Лелевеля и краковская [2]). Такое дѣленіе еще не обозначаетъ того, что всѣ историческіе труды на польскомъ языкѣ непремѣнно должны принадлежать къ одной изъ этихъ школъ, но существованіе послѣднихъ не въ томъ и заключается: вопервыхъ, указанное дѣленіе относится, главнымъ образомъ, лишь къ тѣмъ историческимъ трудамъ, въ коихъ выражается извѣстное политическое міровоззрѣніе, а къ числу такихъ относятся, главнымъ образомъ, общія исторіи Польши; вовторыхъ, школы знаменуютъ собою самыя видныя, если не господствовавшія въ извѣстное время направленія исторической мысли. Съ послѣдней точки зрѣнія въ развитіи польской исторіографіи можно различить три періода. Первый обнимаетъ время съ конца прошлаго столѣтія до двадцатыхъ годовъ текущаго включительно: это—школа уже извѣстнаго намъ Нарушевича. Второй охватываетъ тридцатые, сороковые и пятидесятые годы: это—

[1]) *Продолженіе*. См. январьскую книжку *Ж. М. Н. Пр*. за текущій годъ.

[2]) *Bobrzyński*. Dzieje Polski w zarysie. Warszawa. 1880. Wstęp. II: o nauce historyi polskiej i jej umiejętnem badaniu. *Smoleński*. Szkoły historyczne w Polsce. Ср. нашъ критико-библіографическій очеркъ „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. въ польской исторіографіи“—*Журн. Мин. Нар. Прос*. 1885, ноябрь, 1 sq. Новѣйшая польская исторіографія, 537.

школа Іоахима Лелевеля, ученаго виленскаго профессора и дѣятеля революціи 1830 года. Наконецъ, третью школу представляетъ изъ себя направленіе краковскихъ ученыхъ, и къ ней принадлежатъ многіе историческіе труды послѣдней четверти вѣка.

Мы уже знаемъ, какія политическія идеи высказывалъ Нарушевичъ: вся его школа въ XIX вѣкѣ повторяетъ взгляды публицистовъ XVIII вѣка, то-есть, является продолжательницей традиціи монархическаго лагеря польской публицистики. Направленіе краковскихъ ученыхъ можетъ быть названо вторымъ изданіемъ школы Нарушевича, явившимся на смѣну лелевелевской доктрины, которая сама была возобновленіемъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, ученія публицистовъ республиканцевъ въ родѣ гр. Вельгорскаго. Таковъ генезисъ и взаимныя отношенія польскихъ историографическихъ школъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы убѣдимся, что можно прослѣдить, какъ историки изъ школы Нарушевича восприняли идеи монархическихъ публицистовъ прошлаго вѣка, и какъ тѣ же идеи, на время оттѣсненныя на заднiй планъ противоположнымъ взглядомъ на прошлое Польши, возродились у писателей краковскаго направленія. Съ другой стороны, намъ очевидно станетъ и то, что школа лелевелевская тѣсно связана съ теоріями, подобными воззрѣнію гр. Вельгорскаго. Конечно, съ теченіемъ времени въ старыя идеи привзошло много новаго, и напримѣръ, особенно о Лелевелѣ можно сказать, что его взглядъ былъ исправленіемъ взгляда республиканцевъ XVIII в., потому что знаменитый историкъ дополнилъ его кое-чѣмъ новымъ, такъ какъ его демократизмъ болѣе соотвѣтствуетъ духу новаго времени, нежели шляхетскій демократизмъ гр. Вельгорскаго, то-есть, демократизмъ въ античномъ смыслѣ, исключавшемъ изъ „демоса", народа, именно то, что̀ принято называть народомъ въ наше время.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о польской исторіографіи въ текущемъ столѣтіи перейдемъ къ отдѣльнымъ ея явленіямъ.

Итакъ, основателемъ первой исторіографической школы въ Польшѣ былъ Нарушевичъ. Продолжателями его дѣла, какъ историка, усвоены были и его политическіе взгляды. Говоря здѣсь о его школѣ, мы имѣемъ въ виду именно не то, что̀ составляетъ, такъ сказать, технику исторической науки, а политическую мысль, вложенную въ историческое представленіе. Въ эпоху Варшавскаго герцогства мѣстное „Общество любителей наукъ" (Towarzystwo przyjaciół nauk) напечатало въ Pamiętniku warszawskim (ноябрь 1809 г.) выработанный Станиславомъ Потоцкимъ и прелатомъ Пражмовскимъ „Про-

спектъ исторіи польскаго народа" [1]), въ которомъ между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе рекомендуемое авторами дѣленіе польской исторіи на періоды. За основу этого дѣленія совѣтуется взять „перемѣны, какимъ подвергался народъ", а между ними особенно перемѣны въ „правящей власти" (we władzy rządzącej), ибо въ ней—сказано тамъ—заключается „первѣйшая причина какъ прежней силы, такъ и позднѣйшаго паденія народа". Вотъ характеристика пятаго періода въ этомъ „Проспектѣ": упадокъ королевской власти, вліяніе заграничныхъ державъ, увеличивающееся безнарядье шляхетской демократіи и можновладства до утраты національной независимости. За проспектомъ въ томъ же изданіи слѣдовалъ „Краткій очеркъ исторіи народа польскаго" [2]) въ видѣ программы большаго труда. Здѣсь эта характеристика пятаго періода развивается подробнѣе, но въ общемъ—какъ замѣчаетъ г. Смоленскій—весь очеркъ былъ только схематизированной квинт-эссенціей (ujętem w szemat zsumowaniem) взглядовъ Нарушевича и разсѣянныхъ въ разныхъ брошюрахъ XVIII вѣка аналогичныхъ воззрѣній. Работу надъ составленіемъ исторіи Польши раздѣлили между собою нѣсколько человѣкъ, но исполнили свою задачу только трое (Нѣмцевичъ, Квятковскій и Краевскій), взявшіе на себя царствованія Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казиміра. Въ историческихъ трудахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому плану [3]), проводится та же мысль, а Нѣмцевичъ, кромѣ того, формулировалъ свою идею, въ „Мысляхъ объ упадкѣ и характерѣ польскаго народа", составляющихъ послѣдній отдѣлъ „Śpiewów historycznych" [4]). Будучи писателемъ совсѣмъ посредственнымъ, но человѣкомъ живымъ и отзывчивымъ, Нѣмцевичъ затрогивалъ въ своихъ произведеніяхъ „всѣ животрепещущіе современные вопросы и ударялъ постоянно въ чувствительную струну патріотизма" [5]). Не смотря на всю слабость его „Историческихъ пѣсенъ", въ которыхъ онъ хотѣлъ изобразить поль-

[1]) Изложенъ у *Смоленскаго*, стр. 19—21.

[2]) Krótki zbiór dziejów narodu polskiego. Изложеніе у *Смоленскаго*, стр. 21—23.

[3]) *Niemcewicz*. Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa. 1819. *Kwiatkowski*. Dzieje narodu polskiego za panowania Władysława IV. Warszawa. 1823. *Krajewski*. Dzieje panowania Jana Kazimierza. Warszawa. 1846.

[4]) Uwagi nad upadkiem i charakterem narodu polskiego. См. Śpiewy historyczne z muzyką i rycinami przez Jul. Urs. Niemcewicza. Warszawa. 1816. Стр. 433—441.

[5]) Слова г. *Спасовича*. О. с., 455.

скую исторію въ картинахъ, но именно благодаря его умѣнію ударять въ чувствительную струну, эти пѣсни были въ свое время очень популярны, такъ что публика заучивала ихъ наизусть: онѣ были положены на музыку и распѣвались въ салонахъ и шляхетскихъ усадьбахъ [1]). Сущность указанныхъ „Мыслей" заключается въ томъ, что шляхта „уничтожила равновѣсіе между собою, народомъ (ludem) и трономъ". „Пріобрѣтеніе одною частью народа богатствъ и власти", говоритъ Нѣмцевичъ,—„подчиненіе другихъ сдѣлалось причиною ослабленія цѣлаго. Вскорѣ среди этой шляхты, по видимости допущенной до равнаго участія въ свободѣ, вслѣдствіе неизмѣримой разницы въ имуществѣ болѣе бѣдная часть сдѣлалась простымъ орудіемъ вельможъ: такимъ образомъ вельможи управляли всѣмъ и часто, несогласные между собою, враждебные королямъ, они, захвативши въ вихрь своихъ страстей все отечество, постепенно погрузили его съ высоты могущества въ вѣчную пропасть. Въ злосчастномъ ослѣпленіи не было обращено вниманія на то, что подобныя злоупотребленія, бурные выборы королей, удаленіе отъ вольностей мѣщанъ и простого народа, приведутъ когда-нибудь къ ужаснымъ слѣдствіямъ. Въ одной саблѣ видѣли только защиту безопасности и цѣлости: въ пренебреженіи были науки, торговля, промышленность" и т. д. [2]). Во время общихъ перемѣнъ въ Европѣ, въ эпоху усиленія исполнительной власти и улучшенія по ея иниціативѣ положенія народныхъ массъ, въ Польшѣ только одна шляхта считалась за народъ; короли были подчиненными ей чиновниками, народъ—орудіемъ доходовъ и богатствъ. Виня въ гибели отчизны слѣпоту вельможъ и снисходительность (powolność) королей [3]), Нѣмцевичъ замѣчаетъ, что и въ каждомъ другомъ народѣ было бы подобное угнетеніе простого люда, гдѣ только почувствовали бы, что „бразды правленія находятся въ слабыхъ рукахъ". По автору, поляки собственно склонны къ повиновенію и дисциплинѣ: „нѣтъ", говоритъ онъ,—„другаго народа, болѣе годнаго, чѣмъ нашъ, чтобы быть управляемымъ, когда король—дѣльный и знающій наши склонности" [4]). Любопытны и политическія мысли, которыя высказываются въ самыхъ „Śpiewach". Напримѣръ, пѣснь о Стефанѣ Баторіи начинается словами:

[1]) *A. Kuliczkowski*. Zarys dziejów literatury polskiej. Lwów. 1884. Wydanie trzecie, стр. 265.

[2]) *Niemcewicz*, 434.

[3]) Ibid., 435.

[4]) Ibid., 436.

Uczą nas dzieje, i obraz niesprzeczny
Ciągłych zwycięstw pod Stefanem,
Co może Polska, kiedy król waleczny
Umie być wodzem i Panem [1]).

Собственно говоря, школа Нарушевича не произвела ничего крупнаго, надъ чѣмъ мы могли бы еще здѣсь остановиться. Въ этотъ періодъ польской исторіографіи писатели любили останавливаться на отдѣльныхъ личностяхъ королей, полководцевъ, законодателей, а не на процессахъ общественной и народной жизни, касаясь которой они имѣли въ виду, главнымъ образомъ, государство и политическіе вопросы, весьма мало вниманія посвящая, чтобы не сказать больше, вопросамъ общественнымъ и соціальнымъ. [2]) Въ старой Рѣчи Посполитой важно было не одно политическое безнарядье, но и соціальное угнетеніе шляхтою другихъ общественныхъ классовъ.

Мысль о томъ, что много зла Польшѣ причинило угнетеніе мѣщанства и хлоповъ, встрѣчается нерѣдко у монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка, равно какъ и у писателей изъ школы Нарушевича [3]), но въ этомъ угнетеніи они видѣли фактъ второстепенный сравнительно съ слабостью правительства, которая и была для нихъ главною причиною бѣдствій. Среди польскихъ публицистовъ прошлаго вѣка преимущественно Станиславъ Сташицъ, бывшій самъ мѣщанскаго происхожденія, доказывалъ, что „шляхта есть только одно сословіе, а не весь народъ" (szlachta są jednym stanem, nié całym narodem), и что „гдѣ народъ уцѣлѣетъ, тамъ удержится и сословіе" (gdzie naród ocalejo, tam otrzyma się stan). Шляхта, по его словамъ, не сумѣла охранить Польшу отъ раздѣла (рѣчь идетъ о первомъ), а потому не можетъ править ею по прежнему. Крѣпостное право, говоритъ онъ еще,—больше зла надѣлало Польшѣ, чѣмъ всѣ враги вмѣстѣ взятые, татары, шведы, москали. „Паденіе Польши, наконецъ", пророчитъ онъ,—„будетъ наказаніемъ за притѣсненіе хлопа". [4]) Но на

---

[1]) *Niemcewicz*, 227. Разборъ „Śpiewów historycznych" былъ сдѣланъ Лелевелемъ (помѣщенъ въ XVII т. изданія сочиненій этого историка подъ заглавіемъ Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1884. Стр. 57 и слѣд. Объ Uwagach см. стр. 74 и слѣд.).

[2]) Хорошій для своего времени учебникъ польской исторіи написалъ *Jerzy Bandtkie*. Dzieje Królestwa Polskiego. Wrocław. Эта книга есть и въ русскомъ переводѣ.

[3]) Напримѣръ, въ „Uwagach" Нѣмцевича.

[4]) Przestrogi dla Polski. 1790, безъ обозначенія мѣста.

такія мысли въ свое время мало обращали вниманія [1]), и ихъ нечего принимать въ расчетъ при обозрѣніи польской публицистической и исторической литературы въ первую треть нашего столѣтія. Только послѣ 1831 г. польскіе историки съ исключительно политической точки зрѣнія, на которой стояли прежде, начали переходить на точку зрѣнія соціальную, то-есть, кромѣ вопроса объ организаціи государственныхъ властей и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, стали интересоваться и исторіей общественныхъ классовъ. Отчасти подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, заставившихъ наконецъ подумать о томъ, что сила націи можетъ заключаться лишь въ народѣ, отчасти и подъ вліяніемъ французскихъ политическихъ идей, среди поляковъ образовалась демократическая партія, представителемъ которой въ исторіографіи былъ Лелевель. Тезисъ о первоначальной свободѣ крестьянства легъ въ основу его „Мыслей объ исторіи Польши и ея народа" [2]), гдѣ причиною паденія Польши было выставлено пренебреженіе исконными, лежащими въ народномъ духѣ и осуществленными въ первоначальной Польшѣ основами всеобщаго равенства и свободы.

„Объясненіе судебъ польской націи—имѣли мы уже случай говорить—Лелевель далъ чисто апріористическое: это была въ умственной жизни Европы пора, когда рядомъ съ значительными успѣхами исторической науки, все болѣе и болѣе основывавшейся на критическомъ изученіи источниковъ и объективномъ построеніи фактовъ, распространяла свое вліяніе идеалистическая философія, вносившая въ исторіографію привычку къ апріорному мышленію. Лелевель, который своими трудами оказалъ важныя услуги наукѣ, находился подъ вліяніемъ этой философіи, когда взялся за построеніе своего общаго взгляда на исторію польской націи: онъ вообразилъ себѣ извѣстный исконный идеалъ своей націи, осуществленіе котораго ему, такъ сказать, мерещилось въ формахъ быта первоначальной Польши, ... и причиной паденія Рѣчи Посполитой было объявлено то, что нація

---

[1]) Объ этомъ сочиненіи Сташица *Kalinka* говоритъ: „czy wówczas była czytana (książka) nie wiemy . . . . czy wywarła wpływ na opinię szlachty, twierdzić nie smiemy". Sejm czteroletni, II, 434.

[2]) *Lelewel.* Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. 1844. Помѣщено въ изданіи „Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela". Poznań. 1855. Томъ III. Въ этомъ же изданіи помѣщены (т. II) Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane (перв. изд. въ Варшавѣ 1830 г.), затѣмъ (т. VI) Panowanie króla polskiego Stanisława Poniatowskiego и (въ т. VII) Polska odradzająca się.

не только не развила этого своего идеала, но съ извѣстнаго момента стала ему измѣнять, его искажать“ (Новѣйшая польская исторіографія, стр. 539). Эта общая концепція сильно напоминаетъ намъ ту, съ которою мы уже встрѣтились у Вельгорскаго, хотя между обоими писателями есть и разница.

Теорія Вельгорскаго была примѣненіемъ къ польской исторической дѣйствительности политической доктрины Руссо и потому можетъ идти въ сравненіе съ извѣстными „Разсужденіями объ исторіи Франціи“ аббата Мабли, доказывавшаго, что исконное политическое устройство французовъ было именно таково, каково идеальное государство Руссо; на Лелевелѣ же сказалось вліяніе не только современнаго ему французскаго радикализма, ведущаго начало отъ того же Руссо, но и апріорной философіи, родственной нѣмецкому идеализму, и романтизма, получившаго у другихъ поляковъ мистическую, религіозную окраску. Еще важнѣе та разница, что Вельгорскій подъ „народомъ“, какъ носителемъ верховной власти, разумѣетъ одну шляхту и даже старается оправдать исключеніе другихъ классовъ, хотя и признаетъ, что первоначально крестьяне не были порабощены [1]), между тѣмъ какъ Лелевель именно въ исключеніи народной массы изъ политическихъ правъ видѣлъ отступленіе отъ первоначальнаго устройства Польши [2]): если для республиканцевъ XVIII вѣка виновниками паденія Польши были короли и магнаты, то для Лелевеля значительная доля вины падаетъ, кромѣ нихъ, и на самую шляхту.

Концепцію Лелевеля въ общемъ можно представить слѣдующимъ образомъ: „У польскаго народа есть искони свой политическій и общественный идеалъ, и когда народъ къ нему приближался, онъ шелъ впередъ,—и приходилъ въ упадокъ, отъ него удаляясь. Идеалъ этотъ— свобода въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; во всей своей широтѣ онъ былъ осуществленъ только разъ въ славянскомъ

---

[1]) *Wielhorski.* Essai sur le rétablissement, 292—293.

[2]) Въ своихъ историческихъ трудахъ Лелевель очень часто говоритъ, что о состояніи Польши нужно судить по положенію бѣднѣйшаго класса, и выставляетъ вины шляхты по отношенію къ хлопамъ. Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań 1859. II, 105, 131). Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej (тоже изд. Poznań 1855. III, 188 sq. 214 sqq. до 252; 328 sqq., 394 sqq. См. также стр. 430 sq., гдѣ говорится о равнодушіи и бездѣйствіи народа во время паденія). Одинъ изъ эпиграфовъ „Uwag“—слова Руссо: quiquonque veut ôter aux autres leur liberté, finit presque toujours par perdre la sienne.

общинномъ быту (gminowładztwo, верховенство общины), насторожѣ котораго стояли первые Болеславы. Когда можновладство, то-есть, аристократическіе элементы общества, уничтожило свободу народа и княжескую власть, съ середины XII в. почти до конца XIV-го, Польша находилась въ упадкѣ, и только въ слѣдующемъ періодѣ совершился подъемъ гражданскаго духа въ лучшей части народа: аристократическое правленіе было сломлено и разцвѣло шляхетское гминовладство. Послѣднее, однако, не исполнило своей задачи, а этою задачей было — возвращеніе свободы деревенскому люду и совершенное осуществленіе республиканской формы правленія; потому-то Рѣчь Посполитая съ начала XVII в. приходитъ опять въ упадокъ, приводящій ее къ окончательному паденію" [1]).

Намъ прійдется еще возвратиться къ разсмотрѣнію собственно идеализаціи польскаго духа, находимой нами у писателей эмиграціи послѣ 1830 г., — прійдется именно при разборѣ славянофильскихъ взглядовъ на предметъ, — а тутъ при общемъ сочувствіи ко взгляду, до нѣкоторой степени являющемуся развитіемъ пророчества Сташица, нельзя не замѣтить, что построеніе польской исторіи, только-что представленное, грѣшитъ не въ одномъ отношеніи. Не говоря о произвольномъ представленіи „гминовладства", весьма невѣрно освѣщена роль Болеславовъ, этихъ самодержцевъ древнѣйшей Польши, которыхъ историкъ ставитъ насторожѣ общинной свободы. Лелевель прославляетъ, далѣе, XV и XVI вѣка, но это именно была эпоха закрѣпощенія въ Польшѣ народныхъ массъ. Впрочемъ, Лелевель и его преемники отступили отъ того представленія о первобытной польской конституціи, какое составилось у республиканскихъ публицистовъ прошлаго вѣка: историки этой школы признаютъ развитіе княжеской власти въ началѣ польской исторіи [2]). Установленіе полной республики въ Польшѣ Лелевель относитъ только къ прекращенію династіи Ягеллоновъ [3]). „Трудно предвидѣть", говоритъ

---

[1]) Новѣйшая польская исторіографія, 552—553.

[2]) *Lelewel.* Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane. 1830 (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. II, 13 sq. 34). Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. (То же изд. Poznań. 1855. III). См. названіе перваго періода, стр. 49. Samowładztwo, создавшее государство, Лелевель называетъ противнымъ духу славянскому, принципамъ, коихъ держалось племя цѣлые вѣка. Стр. 73. Лелевель хвалитъ бытъ низшихъ слоевъ общества въ эпоху шляхетскаго гминовладства. Dzieje Polski p. sp. opow., 70.

[3]) *Lelewel.* Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane. II, 96. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. III, 162.

онъ въ другомъ мѣстѣ,—„что произошло бы отъ попытки Баторія замѣнить въ Польшѣ республику монархіей. Такая перемѣна въ другихъ странахъ Европы безъ кровопролитія и тяжкихъ насилій не обошлась. Богъ знаетъ, что изъ этого вышло бы! Одно вѣрно, что Польша и Литва были не монархіей, какъ другія въ Европѣ государства, но полной республикой, въ которой господствовало шляхетское сословіе“ [1]). Шляхта, однако, не исполнила своей задачи, какъ слѣдуетъ [2]). „Избраніе королей сдѣлалось вреднымъ для Польши, ибо имъ пользовались неумѣло“ [3]); но въ принципѣ Лелевель стоитъ за него, находя, что „наслѣдственный роялизмъ“ противорѣчитъ славянскому духу [4]), а въ попыткахъ установленія монархіи видитъ причину порчи Рѣчи Посполитой [5]). Справедливо здѣсь то, что шляхта, ревниво относясь къ правамъ короны, все болѣе и болѣе ихъ ограничивала при каждой дѣйствительной или мнимой попыткѣ королей установить „роялизмъ“, но отнятыя у короля права она не переносила ни на какой другой органъ власти, и это, дѣйствительно, было причиной разложенія государства. Нельзя еще не отмѣтить, что Лелевель указывалъ на печальныя послѣдствія для Польши отъ католической реакціи съ притѣсненіемъ иновѣрцевъ [6]) и паденіемъ образованія [7]).

Отъ общихъ взглядовъ Лелевеля на всю польскую исторію перейдемъ къ разсмотрѣнію его отношенія къ самымъ послѣднимъ временамъ Рѣчи Посполитой.

Лелевель занимался и эпохой паденія Польши. Обзоры царствованія Станислава Августа входятъ, конечно, въ его общія сочиненія по польской исторіи [8]), но кромѣ того, онъ написалъ объ этой эпохѣ особое сочиненіе, полное заглавіе котораго такое: „Царствованіе

[1]) Dzieje Polski p. sp. op., 103.

[2]) Ibid., 104.

[3]) Ibid., 105.

[4]) Uwagi nad dziejami Polski, 73, особенно 307 слѣд.

[5]) Ibid., 310.

[6]) Dzieje Polski pot. sp. opow., 132, 139—140. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej, 301 sq., 437.

[7]) Dzieje Polski p. sp. opow., 133.

[8]) Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane, стр. 144—160. Эта книжка вышла первымъ изд. 1830 г. въ Варшавѣ. Въ Uwagach nad dziejami Polski ludu jej послѣдніе 55 §§ (стр. 307—469) посвящены вообще эпохѣ паденія. Посмертная Historya Polska (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1863. XIII) доведена только до конца царствованія Стефана Баторія.

польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго, обнимающее тридцатилѣтнія усилія народа возродиться и сохранить существованіе и независимость" [1]). Въ предисловіяхъ къ 3-му и 4-му изданіямъ этого труда самъ авторъ разказываетъ намъ его исторію. „Исторія царствованія, подъ которымъ Рѣчь Посполитая дожила до своего паденія", говоритъ Лелевель,—„нескоро будетъ начертана дѣйствительно историческимъ перомъ. Прежде нежели это будетъ, для цѣлей простаго знанія нужно было краткое изложеніе этой исторіи. Я рѣшился исполнить такое дѣло въ 1818 году. Мое маленькое сочиненіе было хорошо принято, что̀ побудило меня повторить изданіе въ 1819 г. Эти слишкомъ краткія извѣстія объ эпохѣ не могли быть перепечатаны въ послѣдующіе годы вслѣдствіе стѣсненія свободы печати. За это время я задумалъ развить ихъ нѣсколько обширнѣе и, дождавшись болѣе благопріятной для напечатанія минуты (писано въ 1831 г.), пускаю ихъ въ свѣтъ въ третій разъ... Первыя изданія", продолжаетъ предисловіе къ третьему,—„опирались единственно на устныхъ разказахъ и собственной памяти. Въ теперешней, третьей редакціи я воспользовался разными сочиненіями, уже бросающими большой свѣтъ на дѣло падавшей Рѣчи Посполитой... Быть можетъ", говоритъ далѣе Лелевель,—„прійдетъ время, когда найдутся искусныя перья, которыя изложатъ зрѣло (dojrzale) эту часть нашей исторіи; быть можетъ, въ дальнѣйшей жизни и самому мнѣ удастся нѣсколько зрѣлѣе обработать этотъ періодъ времени, а пока вслѣдствіе того, что на польскомъ языкѣ нѣтъ другаго изложенія этой исторіи, печатаю это мое сочиненіе" [2]). Въ предисловіи къ четвертому изданію

---

[1]) Panowanie króla polskiego Stanisława Augusta Poniatowskiego obejmujące trzydziestoletnie usilności narodu podźwignięcia sie, ocalenia bytu i niepodległości (Въ указанномъ изд. Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. VI).

[2]) O. c., 1—2. Лелевель вѣрно замѣчаетъ, что матеріалы для исторіи Ст. Авг. еще мало собраны и мало извѣстны. Вотъ какіе источники и пособія называетъ Лелевель въ предисловіи къ 3-ему изданію: печатные діаріи сеймовъ и брошюры (pisma ulotne), записки Килинскаго и Китовича, извѣстную книгу о конституціи 3-го мая, сочиненія *Рюльера* и *Феррана* („najcelniejsze do przytoczenia dzieła"). *Лейденскую газету,* Histoire de la révolution de Pologne depuis la mort d'Auguste III jusqu'à l'année 1774 (par *Jaubert*. Varsovie 1775. Paris. 1807), путешествіе по Польшѣ Вильяма Кокса, Lettres particulières du baron de Vioménil sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772, соч. *Раумера* о паденіи Польши (франц. пер. 1837 г.), Coup d'oeil sur les causes réelles de la décadence de la Pologne par *Komarzewski* (P. 1897), Histoire de la révolution de Pologne en 1791 par *Mehée* (P. 1792), Hist. de la révolution de Pologne en 1794 par un té-

(1839 г.) Лелевель разказываетъ о цензурныхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ сначала третьимъ изданіемъ, и о судьбѣ его послѣ подавленія революціи въ 1831 г.: авторъ воспользовался событіями того времени, чтобы выпустить въ свѣтъ 3-е изданіе, но оно почти все погибло. Выпуская четвертое, онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что эта работка (dziełko) есть одна изъ тѣхъ, которую онъ нѣсколько разъ передѣлывалъ въ теченіи двадцати лѣтъ, чтобы ее поправить, расширить, не выпуская изъ рамокъ краткихъ извѣстій о событіяхъ [1]. Затѣмъ авторъ, дополнивъ кое въ чемъ этотъ свой трудъ, выпускалъ его въ свѣтъ пятымъ и шестымъ изданіями [2], изъ коихъ послѣднее относится къ 1845 г. [3]).

Изъ всего этого видно, что Лелевель не придавалъ особаго значенія своему сочиненію, хотя и работалъ надъ нимъ постоянно, дополняя его новыми извѣстіями, и перепечатывалъ его нѣсколько разъ: его „dziełko" въ собственныхъ его глазахъ было еще недостаточно „зрѣлымъ". Самые размѣры сочиненія въ послѣдней его переработкѣ (238 небольшихъ страницъ не очень мелкой печати,—въ примѣчаніяхъ прямо разгонистой,—заключающихъ въ себѣ текстъ и примѣчанія) вполнѣ соотвѣтствуютъ этому названію—„dziełko".

Начинаетъ Лелевель свою исторію паденія Рѣчи Посполитой съ указанія на ослабленіе Польши, бывшее результатомъ событій второй половины XVII в. вплоть до 1717 г., событій, непрерывно наносившихъ удары народу и землѣ: послѣ этого, при Саксонскихъ короляхъ, Польша была какъ бы въ параличѣ [4]). Въ числѣ другихъ явленій саксонской эпохи онъ отмѣчаетъ французское вліяніе, которому приписываетъ распространеніе въ Польшѣ монархическихъ идей: послѣднія, по его словамъ, „свободно распространялись между шляхтою, ибо она, при паденіи народнаго просвѣщенія и въ собственномъ оцѣпенѣніи, не оказывала никакого противодѣйствія и не знала

---

moin oculaire (*J. Zajączek*. P. 1797), Mémoire sur la rév. de Pologne trouvé à Berlin (*Пистора*. P. 1807), Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Insurrection (*Karola Woyda*. Zurich. 1796), Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution im Jahre 1794 (Frankfurt und Leipzig. 1796) и нѣкот. др.

[1]) Ibid., 5—7.

[2]) Для дополненій *Bartoszewicz*. Znakomitsi mężowie polscy. *Henryk Schmitt*. Materjały do dziejów bezkrólewia i lat dziesięciu panowania St. Aug. Lwów. 1857. *Wojcicki*. Archivum domowe и нѣкот. др.

[3]) Соч. это имѣется въ нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ.

[4]) Ibid., 11.

потребностей своей Рѣчи Посполитой, а вельможные паны получили вкусъ къ придворной жизни для бо́льшаго отличія отъ обыкновенной шляхты"[1]). Въ томъ же духѣ дѣйствовала и школа, реформированная Конарскимъ. Далѣе онъ указываетъ на потребность реформы: „разныя болѣе знатныя фамиліи увидѣли, какъ низко пала и испортилась Рѣчь Посполитая, а для многихъ тѣмъ болѣе она казалась испорченной, чѣмъ больше сами они были наполнены монархическими мыслями и свою Рѣчь Посполитую разсматривали какъ монархію"[2]). Таковы главныя мысли „вступленія". Въ приведенныхъ словахъ замѣтно нѣкоторое несочувствіе къ новымъ идеямъ, значеніе коихъ въ тогдашней Польшѣ Лелевель преувеличиваетъ. Отсюда не совсѣмъ сочувственное отношеніе историка къ реформаторской „фамиліи" (Чарторыскихъ), съ изложенія политики коихъ и начинается исторія перваго періода царствованія Станислава Августа. Здѣсь сто́итъ только указать въ исторіи этого періода на взглядъ Лелевеля по диссидентскому вопросу: дѣло, по его представленію, шло не о терпимости, какъ кричали въ Европѣ, а о томъ, чтобы усилить политическое значеніе диссидентовъ, чрезъ которыхъ иностранныя державы могли бы дѣйствовать на внутреннюю жизнь Польши[3]). Послѣднее едва ли было нужно, потому что, по крайней мѣрѣ, одна изъ иностранныхъ державъ и чрезъ католическихъ сановниковъ и пословъ въ сеймѣ умѣла оказывать вліяніе на внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой[4]). Самъ Лелевель при всей своей краткости не щадитъ словъ, чтобы достойнымъ образомъ выставить сеймовыхъ пословъ, согласившихся на первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой[5]), который притомъ сопровождался расхищеніемъ староствъ и поіезуитскихъ фундушей польскими фамиліями[6]). Въ Барской конфедераціи, приведшей къ первому раздѣлу, Лелевель видитъ пробужденіе шляхты отъ прежней оцѣпенѣлости, но „народъ находился въ такомъ недужномъ состояніи, что, выходя изъ него, не могъ сразу возвратить себѣ преж-

---

[1]) Ibid., 13.

[2]) Ibid., 15.

[3]) Ibid., 33.

[4]) Лелевель еще прямо обвиняетъ Екатерину въ подстрекательствѣ къ бунтамъ русскихъ хлоповъ. Ibid., 45, 108.

[5]) Ibid., 72—73, 75. Побужденіе къ раздѣлу вышло изъ Пруссіи, а Екатерина была вынуждена послѣ нѣкотораго сопротивленія. Ibid., 71—72.

[6]) Ibid., 79—80.

нія свои силы" [1]). Слѣдующія за тѣмъ пятнадцать лѣтъ глубокаго мира рисуются историку, какъ эпоха важныхъ улучшеній въ Рѣчи Посполитой [2]), хотя „подлые люди, руководимые предразсудками или интересомъ", старались все портить [3]). Указывая на разныя улучшенія, Лелевель однако не забываетъ упомянуть, что дѣлались многія перемѣны „подъ могущественнымъ вліяніемъ россійскаго посольства, такъ что россійскій посланникъ правилъ Польшей". Развивающійся общественный духъ сказался на лучшемъ ходѣ сеймовыхъ дѣлъ, а liberum weto не столько, впрочемъ, въ силу убѣжденія, сколько по принужденію „пало вмѣстѣ съ другими установленіями, поддерживавшими республику. Все это", говоритъ историкъ,—„замѣняется новыми формами, болѣе подходившими къ умѣренной монархіи, къ смѣшанному образу правленія, о которомъ все больше и больше мечтали, къ которому возростала склонность" [4]). Впрочемъ, обо всемъ у Лелевеля говорится такъ кратко, что отношеніе его ко многимъ явленіямъ польской жизни въ 1772—1787 гг. остается для насъ неяснымъ. И вообще Лелевель часто просто только разказываетъ, приводя факты безъ всякаго освѣщенія.

Въ исторіи четырехлѣтняго сейма Лелевель также очень кратокъ. Объ отношеніи его къ конституціи 3-го мая мы скажемъ еще особо по поводу другаго его сочиненія [5]). По мнѣнію историка, сеймъ, поручивъ Станиславу Августу оборону края и разошедшись, сдѣлалъ два пагубные шага [6]).

Въ описаніи краковскаго возстанія стôитъ упомянуть объ указаніи, сдѣланномъ на цѣль его, и объ отношеніи къ нему шляхты и крестьянъ. Цѣлью его не было непремѣнно вернуть конституцію 3-го мая [7]), а отношеніе къ нему шляхты стало охладѣвать, когда Костюшко обратился къ простому люду, хотя въ послѣднемъ знаменитый вождь не нашелъ той моральной силы, на какую расчитывалъ [8]). Разказъ оканчивается капитуляціей Варшавы.

[1]) Ibid., 81.
[2]) Ibid., 82—95.
[3]) Ibid., 96.
[4]) Ibid., 100—101.
[5]) Здѣсь можно только отмѣтить § 113 подъ заглавіемъ: czas rewolucyjny dostarcza gabinetom języka przeciw Polszcze, стр. 129—130, гдѣ порицается политика державъ.
[6]) Ibid., 123.
[7]) Ibid., 142.
[8]) Ibid., 149—150.

Въ заключеніе авторъ даетъ нѣсколько общихъ соображеній. Сравнивая двѣ бурныхъ эпохи, изъ коихъ одна привела къ первому раздѣлу, а вторая—къ двумъ другимъ, Лелевель указываетъ на совершившійся прогрессъ: сначала немногіе хотѣли реформы и то при иноземной помощи, а потомъ безъ послѣдней все народное представительство желало реформы; сначала массы недовольныхъ реформами породили конфедераціи, покрывшія Польшу и Литву, а потомъ лишь нѣсколько измѣнниковъ употребило противъ новыхъ порядковъ иноземную силу; въ первомъ возстаніи въ защиту независимости приняла участіе одна шляхта, въ послѣднемъ—и мѣщане, и сельчане, и войско. Но въ умаленной странѣ не было силъ бороться съ тремя державами, когда ни откуда не было помощи. Въ своемъ паденіи польскій народъ „объявилъ всему міру, что, приближаясь къ паденію, онъ возвращался послѣ долгаго оцѣпенѣнія къ жизни,—показалъ, что въ самомъ его паденіи начинается его быстрое возрожденіе" [1]). Въ общемъ исторія царствованія Станислава Августа представляется Лелевелю такимъ образомъ. Въ началѣ этой эпохи Польша была въ упадкѣ. Тогда „аристократическій эгоизмъ, желая возвыситься, сталъ проповѣдывать монархическіе принципы, сдѣлалъ попытку обособленія съ ущербомъ для республиканскихъ началъ. Но гражданская мысль стремилась воздвигнуть свободу и независимость на стародавнихъ національныхъ основахъ. На откликъ этимъ планамъ пробудились всѣ классы; зрѣлище этихъ предпріятій потрясло ихъ до основанія. Шляхта бросилась спасать свои привилегіи, которымъ грозила опасность; диссиденты, мѣщане вспомнили въ свою очередь объ утраченныхъ правахъ; гуманность (ludzkość) начала говорить за несвободный людъ, сдѣлала попытку двинуть впередъ его дѣло. Столько общественныхъ элементовъ оживило послѣднія тридцать лѣтъ падавшей Рѣчи Посполитой... Врагъ не упустилъ случая извлечь пользу изъ замѣшательства, употребить все, что̀ было негоднаго изъ прежней порчи, изъ прежняго сподленія". Въ Рѣчи Посполитой происходила соціальная революція, а внѣшній врагъ дѣлался все грознѣе, опираясь на возроставшую беззастѣнчивость внутреннихъ польскихъ измѣнниковъ [2]), которые готовы были дѣлать и другъ другу уступки. „Аристократія выхлопотала наслѣдственность престола для упроченія

---

[1]) Ibid., 163—164. Ср. слѣдующій параграфъ подъ заглавіемъ—„Postęp towarzyskości".

[2]) Ibid., 165.

придворнаго быта, почестей, титуловъ, орденовъ... Шляхта сохранила свое всемогущество и прерогативы". Впрочемъ, Лелевель видитъ въ дѣятельности шляхты и другую сторону, указывая на уступки, сдѣланныя мѣщанству, уступки, которыя тотчасъ же прибавили силы Рѣчи Посполитой. „Какую бы силу она пріобрѣла", восклицаетъ онъ,— „еслибы сумѣли двинуть самый сильный и трудолюбивый классъ" [1]).

Въ этомъ взглядѣ знаменитаго историка есть вѣрныя и невѣрныя стороны. Вѣрно то, что въ Польшѣ было замѣшательство, которое было вызвано выступленіемъ Рѣчи Посполитой на путь реформъ и которымъ воспользовались сосѣднія державы, нашедшія союзниковъ внутри самой Польши. Невѣрнымъ нужно признать преувеличеніе происходившаго въ Польшѣ прогресса, ибо не такъ ужь значительно, какъ представляетъ Лелевель, исправились поляки отъ шестидесятыхъ годовъ къ концу восьмидесятыхъ и началу послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка. Также съ чисто партійной точки зрѣнія объясняетъ онъ перемѣну избирательнаго трона въ наслѣдственный. Самая же вѣрная мысль его та, что шляхта одна не могла спасти Рѣчи Посполитой [2]). Съ бóльшимъ успѣхомъ и знаніемъ дѣла доказываетъ тезисъ о прогрессѣ въ Польшѣ, какъ мы увидимъ, новѣйшій польскій историкъ г. Корзонъ.

Въ текстѣ исторіи царствованія Станислава Августа мы напрасно стали бы искать сколько-нибудь опредѣленнаго взгляда Лелевеля на конституцію 3 го мая. Свое къ ней отношеніе историкъ высказываетъ въ одномъ изъ примѣчаній къ разсматриваемому труду и въ отдѣльной статьѣ, на которую въ этомъ примѣчаніи и ссылается. Съ болью въ сердцѣ смотритъ онъ на это „уклоненіе (zboczenie) отъ стародавнихъ началъ, какое народъ и его представители своею верховною волею признали и утвердили. Рѣчь Посполитая, объясняетъ онъ, была превращена въ монархію, республиканскія учрежденія поставлены подъ наслѣдственное правленіе" [3]). Лелевель не хочетъ соглашаться съ „софи-

[1]) Ibid., 166.

[2]) Не касаемся здѣсь отношенія Лелевеля къ самому Станиславу Августу. См. его краткую характеристику, въ которой много вѣрнаго, на стр. 170—171. Отмѣчу еще примѣчаніе 22, гдѣ авторъ также бросаетъ coup d'oeil на послѣднія времена Рѣчи Посполитой. Между прочимъ важно мѣсто, гдѣ Лелевель говоритъ о двухъ дорогахъ для Польши: одна—исправленіе стараго, другая—замѣна его новымъ. Первое значило сохраненіе республики, второе—превращеніе ея въ монархію, 210. Л. сочувствуетъ первому пути, но въ подробности не входитъ, 215.

[3]) Ibid., 220.

стическими аргументами" въ пользу этой перемѣны: дѣлали это для спасенія отчизны, вводя принципъ, противъ коего народъ боролся четыре вѣка (1370—1791 гг.), а между тѣмъ перемѣна не удержала бытія Польши. Тутъ сама судьба показала, что „наслѣдственность трона не согласна съ вольностью народа" [1]). Лелевель высказывается далѣе противъ неотвѣтственности короля, противъ запрещенія veto и конфедерацій: эти постановленія помѣшали дать отпоръ бунту тарговичанъ и т. д. Подробнѣе свой взглядъ развиваетъ авторъ въ брошюрѣ „Сравненіе трехъ польскихъ конституцій", изданной въ первый разъ въ Варшавѣ въ 1831 г., перепечатанной въ 1832 г. въ Парижѣ и во Львовѣ, переведенной на французскій языкъ и выпущенной въ свѣтъ въ Аррасѣ въ 1833 г. и наконецъ прилагавшейся къ 4-му изданію „Panowania Stanisława Augusta" [2]). Лелевель здѣсь насчитываетъ существованію республики въ Польшѣ четыре съ половиной вѣка („по крайней мѣрѣ, отъ короля Локотка"), а паденіе приписываетъ тому, что народъ „заснулъ на лонѣ своихъ вольностей" [3]). „Составилось", продолжаетъ онъ, —„фальшивое мнѣніе, яко бы наши стародавнія республиканскія учрежденія сдѣлались причиной паденія польскаго народа". Авторъ иного мнѣнія: „не учрежденія Рѣчи Посполитой (которыя были не безъ недостатка, которыя несомнѣнно время отъ времени требовали измѣненій и исправленія), но ихъ дурное выполненіе, частныя ими злоупотребленія вліяли на упадокъ народа". Онъ думаетъ, что сама судьба дѣлаетъ поляковъ особенно способными къ политической жизни [4]). Конституція 3-го мая все-таки оставляла власть у народа [5]). Сравнивая ее съ конституціями герцогства Варшавскаго (1807 г.) и царства Польскаго (1815 г.), онъ ей въ этомъ, да и въ иныхъ отношеніяхъ отдаетъ преимущество, а потому

---

[1]) Ibid., 222.

[2]) Trzy konstitucje polskie 1791, 1807, 1815, porównal i róznice jich rozważył *Joachim Lelewel* w roku 1831. (См. VII томъ изданія Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. Здѣсь помѣщено и предисловіе къ французскому изданію, стр. 189—203. Самый текстъ съ обращеніемъ къ „reprezentantom narodu polskiego obu jizb sejmu 18 grudnia 1830 i dalszego ciągu tegoż sejmu w roku 1831" занимаетъ стр. 205—258).

[3]) Trzy konstitucje, 210—211.

[4]) Ibid., 211. Tak do bytu narodu polskiego, zdaje się, pomysł swobód konstytucyjnych przywiązany i zdaje się jakody narod polski bez tych swobód nie mogł mieć bytu. Pewnie że to jest dla narodu zaszczytne, bo to okazuje jego usposobienie do bytu prawdziwie politycznego.

[5] Ibid., 287.

мирится съ нею, хотя и видитъ въ ней уклоненіе отъ національныхъ основъ. Въ концѣ концовъ она была все-таки своя, и въ ней все-таки сохранялся шляхетскій республиканизмъ [1]). Нѣкоторая двойственность въ отношеніи Лелевеля къ конституціи 3-го мая объясняется тѣмъ, что для него эта конституція была, съ одной стороны, измѣной національнымъ основамъ, съ другой, дѣломъ самой націи, сохранявшей за шляхтой прежній суверенитетъ.

Лелевель создалъ въ польской исторіографіи цѣлую школу, но вскорѣ его взгляды встрѣтили критику со стороны защитниковъ шляхетскаго принципа, особенно послѣ событій 1846 и 1848 гг. Изъ сторонниковъ теоріи Лелевеля особаго вниманія заслуживаютъ Морачевскій и Шмиттъ. Первый въ 1843 — 1855 годахъ издалъ въ девяти томахъ Польскую исторію [2]). Удалось ему довести этотъ трудъ только до отреченія Яна Казиміра, но ему очень хотѣлось охватить въ своемъ трудѣ и всю исторію XVIII вѣка. Его интересовалъ вопросъ, пала ли Польша вслѣдствіе неисправимой порчи народа, или же порча эта была только на поверхности и не касалась основъ, и вотъ для рѣшенія этого вопроса онъ собиралъ матеріалы по исторіи прошлаго столѣтія, которые дали ему возможность составить себѣ довольно опредѣленное представленіе объ этомъ столѣтіи: „Это мои времена“, говорилъ онъ друзьямъ,—„мнѣ кажется, что я въ нихъ жилъ; буду же вамъ описывать все, на что въ это время я смотрѣлъ, какъ будто бы былъ очевидцемъ“ [3]).

Въ духѣ республиканской теоріи написаны и историческіе труды Генриха Шмитта, одинъ изъ которыхъ былъ переведенъ по русски [4]). Для насъ важна въ сочиненіяхъ Шмитта идеализація шляхетскаго

[1]) Nie wyzuwał sie naród-szlachta ze swojich praw, tylko dozwalał przewodnictwa nieodpowiedzialnemu królowi i do swojich praw znaczną cześć mieszkańców przypuszczał, 253.

[2]) *Moraczewski.* Dzieje rzeczypospolitej polskiej. Poznań. Отзывъ *Куличковскаго*: Przy całej sumienności i krytyczności rozwija Moraczewski w ciągu dzieła pewne właściwe sobie zapatrywania na dzieje narodowe, które wszystke znajdują wyjaśnienie swoje w republikańskiem stanowisku pisarza. O. c., 477.

[3]) *Zdanowicz-Sowiński.* Rys dziejów literatury polskiej. Wilno. 1877. IV, 423.

[4]) *Schmitt.* Dzieje narodu polskiego krótko opowiedziane. Lwów. 1861. Dzieje Polski w potocznem opowiadaniu. Lwów. 1869.—Rys dziejów narodu polskiego. Lwów. 1869. Русскій переводъ одного изъ этихъ трудовъ, принадлежащій г. Ю. Шрейеру, вышелъ въ Петербургѣ въ 1864—1866 гг. (Исторія польскаго народа, *Генриха Шмитта*). Цитуемъ по этому переводу. (Кромѣ того, тотъ же авторъ написалъ Dzieje Polski od 1738 do 1832 r. Kraków. 1867).

гминовладства. Пятый періодъ польской исторіи, который у него обнимаетъ XVI и первую половину XVII вѣка (съ 1496 по 1648 гг.), обозначенъ въ заголовкѣ словами: „Польша въ цвѣтущемъ положеніи, какъ шляхетско-общинная Рѣчь Посполитая“ [1]); характеризуется же періодъ такимъ образомъ: „Гражданское равенство, личная свобода, свобода совѣсти и слова благопріятствовали этому развитію. Гражданскія доблести, любовь къ отечеству, готовность къ самопожертвованію и шляхетское равенство отличаютъ тогдашнее польское общество. Возникшая общественная жизнь создала могущественное общественное мнѣніе, которое долго сдерживало многихъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о томъ, что на Западѣ „начали возникать явленія, возвѣщавшія, что господство физической силы и вызванное ею историческое право должны уступить мѣсто естественнымъ правамъ человѣка и общества“, авторъ высказываетъ мысль, что „Польша, стоявшая тогда по развитію выше многихъ державъ, могла бы стать во главѣ этого движенія, еслибы къ несчастью сама не сошла съ пути своего развитія“ [3]). Причины послѣдняго явленія, по Шмитту, лежали въ предоставленіи общественнаго воспитанія іезуитамъ, въ религіозныхъ спорахъ и въ проискахъ двора. „Просвѣщеніе мало по малу клонилось къ упадку, а религіозныя преслѣдованія становились все рѣзче и рѣзче. Съ упадкомъ же просвѣщенія поколебалось и общественное мнѣніе, а съ нимъ и тѣ гражданскія доблести, которыя были фундаментомъ Рѣчи Посполитой“. Впрочемъ, и „въ устраненіи большинства жителей отъ пользованія гражданскими правами, составляющемъ темную сторону этого (то-есть, пятаго) періода“, онъ видитъ также причину позднѣйшихъ бѣдствій [4]). Шмиттъ постоянно обвиняетъ дальнѣйшую политику королей и, напримѣръ, заключая разказъ о царствованіи Августа II, говоритъ такъ: „Постоянныя сношенія короля, стремившагося къ единодержавію, съ сосѣдними монархами, давали послѣднимъ возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой“ [5]), то-есть, онъ часто однихъ королей обвиняетъ въ томъ, въ чемъ не одни они были виноваты.

Кромѣ того, Шмиттъ написалъ „Польскую исторію XVIII и

---

[1]) *Schmitt.* Dz. n. p., II, 1.
[2]) Ibid., II, 242.
[3]) Ibid., II, 243.
[4]) Ibid., II, 242.
[5]) Ibid., III 208.

XIX вѣковъ" [1]) и „Царствованіе Станислава Августа" [2]). Первые три тома перваго изъ этихъ сочиненій обнимаютъ исторію отъ 1733 по 1795 г., а четвертый, подъ заглавіемъ „Dzieje Polski porozbiorowej", доводитъ изложеніе до 1832 года. Въ предисловіи ко второму труду авторъ говоритъ, что до того времени (1868 г.) никто не изложилъ исторіи Станислава Понятовскаго „исчерпывающимъ образомъ": „Быть можетъ", думаетъ онъ,—„главнѣйшею причиною этого было отвращеніе къ изображенію событій, въ которыхъ народъ нашъ игралъ довольно печальную роль.... Къ этому присоединялась еще дѣтская боязнь, что обнаженіе отрицательныхъ сторонъ тогдашняго нашего общества лишитъ насъ симпатіи другихъ народовъ" [3]). Этотъ трудъ доведенъ только до 1768 года, и въ немъ помѣщено нѣсколько документовъ, которые до того времени не были нигдѣ напечатаны.

Исходный пунктъ составляетъ теорія Лелевеля и въ сочиненіи, которое однако написано было съ прямою тенденціей защитить шляхту отъ демократическихъ нападокъ. Мы говоримъ о „Словѣ польской исторіи" Врублевскаго [4]). Основной идеалъ польскаго народа сводится имъ къ тремъ принципамъ: ко всеобщимъ свободѣ и равенству, къ единогласію въ совѣщаніяхъ и къ избирательному началу, и въ смыслѣ этого идеала рисуется у него первоначальный бытъ Польши. Если въ Рѣчи Посполитой зародилась анархія, то виноваты въ этомъ паны и короли. „Пока", говоритъ онъ о первыхъ,— „они опасались за свободу, до тѣхъ поръ они не мѣшали шляхтѣ въ ея стремленіи стать во главѣ народа; но со времени Люблинской уніи, лишь только исчезла всякая боязнь передъ наслѣдственной Литвой, лишь только не стало нужды въ приманкѣ литовской шляхты сладостями польскихъ вольностей,—начали они своимъ безполымъ (bezpłciowym?) можновладствомъ устранять рыцарское сословіе отъ

---

[1]) Dzieje Polski XVIII и XIX w. Kraków. 1866—1867. Lwów. 1868.

[2]) Panowanie Stanisława Augusta. Lwów. 1868—1870. Два тома. Этому изданію предшествовало другое, популярное и иллюстрированное подъ заглавіемъ Szkic historyczny trzydziestoletniego panowania Stanisława Augusta króla polskiego. Kraków. 1872. Въ сущности это нѣкоторымъ образомъ повтореніе III тома Dziejów Polski XVIII i XIX w. Наконецъ, укажемъ еще на его труды Pogląd na żywot i pisma Hugona Kołłątaja (1860 г.) и Ksiądz Hugo Kołłątaj (Lwów. 1873).

[3]) Panowanie St. Aug. I, przedsłowie, стр. V—VI.

[4]) *Waleryan Wróblewski.* Słowo dziejów polskich. 1858—1860. Сочиненіе издано собственно подъ псевдонимомъ *В. Короновича.* „Слово" значитъ здѣсь verbum, λόγος въ смыслѣ основной идеи.

его значенія, не допуская его до вершины преобладанія, которой оно уже достигало, и произвели анархію". Съ другой стороны, говоритъ Врублевскій,—„нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ то, что Польша, управляемая наслѣдственно и самодержавно (samowładne), достигла бы великаго значенія и силы и на вѣки упрочила бы свое существованіе, но также нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ и то, что чрезъ это поляки сдѣлались бы чуждыми своему призванію и природѣ свободнаго народа". По этой теоріи, причина паденія Польши—въ томъ, что исторія не сумѣла разрѣшить борьбу національной идеи (=„слова") съ противными ей принципами: все спасеніе было въ развитіи шляхетской республики, а для него необходимо было лишить королей опаснаго права раздачи должностей и наградъ, ибо безъ этого права короли не могли бы деморализовать гражданъ, можновладство должно было бы подчиниться рыцарству, какъ высшему распорядителю почестями и матеріальными благами. „Народъ" (ogoł narodu, то-есть, шляхта), говоритъ Врублевскій,—„всегда послушный своему призванію, своему первоначальному „слову", совершенно чистъ отъ вины въ гибели отечества".

Сваливая всѣ несчастія Польши на королей и магнатовъ, авторъ „Слова польской исторіи" въ сущности возвращался вполнѣ къ республиканскимъ теоріямъ XVIII вѣка, но въ его концепціи была новая сторона, которая роднитъ его взгляды на польскую исторію съ націоналистическимъ мистицизмомъ, встрѣчавшимся и въ другихъ литературахъ нашего вѣка, а въ польской эмиграціонной литературѣ приведшимъ къ такъ называемому мессіанизму. По представленію экзальтированныхъ патріотовъ, своимъ исконнымъ идеаломъ, или своимъ „словомъ", логосомъ, употребляя терминъ Врублевскаго, „Польша рѣшительнымъ образомъ выдѣлялась изъ другихъ европейскихъ націй: она становилась чѣмъ-то исключительнымъ въ человѣчествѣ, и апріорное построеніе ея исторіи, далеко не соотвѣтствующее дѣйствительному ходу этой исторіи, дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ догмата національной вѣры, поддерживая патріотическое упованіе на лучшее будущее" [1]). Доктрина Лелевеля, особенно въ передѣлкѣ Врублевскаго, и сдѣлалась наиболѣе популярною въ польскомъ обществѣ [2]).

Перваго важнаго критика политическія идеи лелевелевской школы нашли въ лицѣ Гофмана, автора „Изображенія правленія и законо-

---

[1]) Новѣйшая польская исторіографія, 539.

[2]) *Smoleński*. Szkoły historyczne, 43.

дательства старой Польши" [1]), „Исторія политическихъ реформъ въ прежней Польшѣ" [2]) и „Причинъ раздѣла Польской монархіи послѣ Болеслава Кривоустаго въ XII вѣкѣ" [3]). Разрушивъ построеніе первоначальной исторіи Польши, созданное цѣлымъ рядомъ писателей, начиная отъ Вельгорскаго, видѣвшаго народовластіе à la Rousseau въ древнѣйшемъ строѣ Польши, и кончая Врублевскимъ, который поднялъ Польшу надъ всѣми народами земли, Гофманъ по вопросу о причинахъ паденія Рѣчи Посполитой высказался такъ: „На несчастье",—передаемъ его основную мысль словами г. Смоленскаго—„на несчастье Польшѣ недоставало національнаго и сильнаго городского сословія (mieszczaństwa), которое, какъ это бывало въ другихъ мѣстахъ, пришло бы, съ помощью къ королямъ, подало бы руку земледѣльческому классу и распространяло бы представленія о всеобщей свободѣ. Послѣ ослабленія монархизма, такъ какъ демократическій элементъ, угнетаемый невѣжествомъ и бѣдностью, не могъ еще мечтать о власти,—пришла очередь аристократіи, а такъ какъ послѣдняя не имѣла никакой организаціи, никакой іерархіи, то правленіе перешло не къ нѣсколькимъ лицамъ или не къ нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, а въ руки каждаго въ отдѣльности. Масса шляхты, упорно державшаяся приманки мнимаго равенства, увлекаемая мѣняющимися теченіями выгоды, предразсудковъ или страстей, переливалась, какъ потокъ, поочередно отъ одного магната къ другому, никому не обѣщая вѣрности, никому не оказывая постоянной поддержки,—ничего не создавала, все уничтожала. Слѣдствіемъ отсутствія феодализма было то, что ни одинъ изъ общественныхъ элементовъ,—монархическій ли, аристократическій или демократическій,—не могъ взять перевѣса, не сумѣлъ забрать въ сильныя руки бразды правленія. Трудно добраться, какая форма правленія была при Ягеллонахъ; не легко отгадать, гдѣ находился суверенитетъ (wszechwładztwo): у короля, въ представительствѣ страны или же въ отдѣльныхъ земляхъ. Каждый изъ этихъ факторовъ заявлялъ на него претензіи, но ни одинъ не могъ одержать рѣшительную побѣду. Одинъ мѣшалъ дѣлу (psuł rządy) другаго, вслѣдствіе чего внутреннее развитіе на-

[1]) *Hoffman*. Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski (*Przegląd Poznański*. 1847, 48, 49).

[2]) Historya reform politycznych w Polsce. Lipsk. 1867.

[3]) Przyczyny podziału monarchii polskiej po Bolesławie Krzywoustym w wieku XII. Kraków. 1872. Ср. статью проф. *Adolfa Pawińskiego* подъ заглавіемъ Karol Boromeusz Hoffman въ журналѣ *Tygodnik Illustrowany* № 397.

рода остановилось. Привилегированное сословіе, вмѣсто того, чтобы подѣлиться властью съ королемъ или народомъ, монополизировало въ свою пользу всѣ существенные интересы; не создавъ внутри себя организаціи, не обезпечивъ за сеймами значенія и силы за дѣйствующимъ правомъ, оно посѣяло еще въ эпоху золотого вѣка просвѣщенія зерно анархіи" [1]).

„Исторія политическихъ реформъ въ прежней Польшѣ" Гофмана раздѣляется на три части. Въ первой идетъ рѣчь о реформахъ временъ совершенной независимости Польши отъ середины XV вѣка до конца XVII, во второй—о реформахъ эпохи „чужеземнаго протектората" съ начала XVIII в. до 1775 г., а въ третьей—о реформахъ времени „номинальнаго существованія Польши" отъ 1775 до 1791 г. Изложеніе царствованія Станислава Понятовскаго начинается съ середины второй главы. Кончается все сочиненіе анализомъ конституціи 3-го мая, такъ какъ она была „ostatnim objawem politycznym życia narodowego".

До сихъ поръ мы видѣли, что при всемъ разнообразіи въ пониманіи причинъ паденія Польши, причинъ этихъ искали въ однихъ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ прежней Рѣчи Посполитой. Явленія культурныя польской исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ лишь отмѣчались попутно въ томъ случаѣ, если содѣйствовали общему упадку, въ какомъ находилась польская нація на канунѣ катастрофы. Напримѣръ, въ упомянутомъ „Краткомъ очеркѣ исторіи народа польскаго", составленномъ по мысли Общества любителей наукъ, указывалось на то, что одною изъ причинъ анархіи была ошибочная система народнаго просвѣщенія (błędna publiczna instrukcya), породившая и духъ религіозной нетерпимости въ польскомъ народѣ [2]). При той роли, какую въ исторіи Польши игралъ „диссидентскій вопросъ", трудно было, чтобы польскіе историки не коснулись религіозныхъ отношеній въ Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о паденіи послѣдней. Въ спеціальномъ очеркѣ литературы по исторіи реформаціи въ Польшѣ [3]) мы объяснили при-

---

[1]) *Smoleński*. Szkoły historyczne, 36. О соч. *Гофмана* Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski: „obszerna ta praca jest po dziś dzień najlepszą u nas historyą instytucyj politycznich w dawnej Polsce i słuszny Hoffmanowi daje tytuł do sławy". *Zdanowicz-Sowiński*. IV, 529.

[2]) *Smoleński*. Szkoły historyczne, 22.

[3]) Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. *Ж. М. Нар. Пр.* 1885, ноябрь. Эта статья вышла и отдѣльною брошюрою.

чину того, почему поляки занялись сравнительно поздно исторіей своихъ диссидентовъ,—и отмѣтили то общее явленіе, что до самаго недавняго времени въ изученіе этого предмета вносились вѣроисповѣдныя тенденціи. Изъ этой литературы надлежитъ отмѣтить здѣсь сочиненія протестанта гр. Валеріана Красинскаго, видящаго причину политическихъ бѣдствій Польши въ паденіи въ ней реформаціи, и іезуитскаго воспитанника, гр. Маврикія Дзѣдушицкаго, который находилъ, что единственное спасеніе Польши заключалось, на оборотъ, именно въ проведеніи программы Сигизмунда III—уничтожить разновѣрство. Гр. Красинскій высказалъ свой взглядъ въ изданномъ по англійски „Историческомъ очеркѣ происхожденія, успѣховъ и упадка реформаціи въ Польшѣ и вліянія, которое евангелическое ученіе оказало на эту страну въ литературномъ, моральномъ и политическомъ отношеніяхъ" [1]). „Быть можетъ", говоритъ въ предисловіи авторъ,—„ни одна страна въ свѣтѣ не даетъ столь блестящихъ доказательствъ, какъ Польша, относительно того, что государство получаетъ великія благодѣянія отъ введенія въ немъ вѣроученія, основаннаго на Св. Писаніи, и что, на оборотъ, подавленіе его влечетъ за собою великія бѣдствія для народа, ибо Польша во время успѣховъ реформаціи пользовалась благосостояніемъ и славой и въ обоихъ отношеніяхъ стала падать, когда библейское христіанство должно было склониться передъ римско-католической реакціей". Этотъ взглядъ мы разобрали въ другомъ мѣстѣ подробно [2]), а здѣсь лишь укажемъ на то, что̀ въ немъ есть вѣрнаго: это именно—печальныя культурныя слѣдствія, которыя вытекли для Польши изъ католической реакціи, предводимой іезуитизмомъ. Хотя точка зрѣнія гр. Красинскаго подсказана ему его вѣроисповѣднымъ субъективизмомъ, но въ общемъ онъ болѣе правъ, нежели панегиристъ іезуитовъ гр. Дзѣдушицкій. Послѣдній на реформацію сваливаетъ всѣ бѣды Рѣчи Посполитой. „Съ тѣхъ поръ", говоритъ онъ въ своей книгѣ о „Петрѣ Скаргѣ и его вѣкѣ",—„съ тѣхъ поръ началось разъединеніе; разладъ (niezgoda) сдѣлался однимъ изъ признаковъ польскаго характера, разладъ, въ которомъ всегда справедливо обвиняютъ нашъ народъ. Odtąd zaczęła

---

[1]) Historical sketch of the rise, progress and decline of the Reformation in Poland and of the influence which the scriptural doctrines have exercised on that country in literary, moral and political respects. London. 1838—1840. Есть въ нѣмецкомъ переводѣ *Линдау* (Leipzig. 1841).

[2]) Вопросъ о религіозной реформаціи, 22.

Polska stać bezrządem" [1]). Между прочимъ онъ приписываетъ реформаціи, какъ слѣдствіе, „рѣшительное раздвоеніе между паномъ и подданнымъ" [2]), хотя это раздвоеніе было уже совершившимся фактомъ до начала реформаціи, и если послѣдняя не удержалась въ Польшѣ, то отчасти именно благодаря ему и исключительно шляхетскому характеру польскаго протестантизма [3]). Если гр. Красинскій правъ, обвиняя въ разложеніи Польши политику іезуитовъ, то гр. Дзѣдушицкій забываетъ, что религіозный раздоръ, игравшій роль въ паденіи Рѣчи Посполитой, не былъ слѣдствіемъ одной реформаціи, и что именно церковная унія 1596 г., введенная іезуитами, содѣйствовала подъему враждебнаго полякамъ чувства въ русскихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой.

Разсмотрѣвъ взгляды польскихъ историковъ двухъ старыхъ школъ (Нарушевича и Лелевеля) на причины паденія Польши, мы могли бы перейдти прямо къ успѣхамъ польской исторіографіи за послѣднее время и къ характеристикѣ основныхъ воззрѣній современной исторіографической школы (краковской) относительно причинъ гибели Рѣчи Посполитой, еслибы не имѣли еще передъ собою особнякомъ стоящей книги Антона Валевскаго подъ заглавіемъ „Философія польской исторіи и методъ ея изслѣдованія" [4]), изданной въ Краковѣ въ 1875 г. и очень нелюбезно въ свое время принятой критикою [5]). Авторъ проводитъ ту мысль, что основная черта польскаго характера — лояльность, и что главная причина паденія Польши въ утратѣ націей этой своей основной черты. Здѣсь было бы совсѣмъ неумѣстно разбирать всю исторіософію и философію исторіи автора, то-есть, его общія философскія разсужденія относительно сущности исторіи и его разсужденія о всемірной исторіи, составляющія обширное (75 стр.) вступленіе, равно какъ общіе его взгляды относительно хода польской

---

[1]) *Rychcicki* (псевдонимъ *hr. Dzieduszyckiego*). Piotr Skarga i jego wiek. Kraków. 1850. I, 138. II, 26. Второе изд. вышло въ 1868—1869 гг.

[2]) Ibid., I, 141.

[3]) *Lukaszewicz*, авторъ нѣсколькихъ монографій о польскомъ протестантизмѣ, видитъ въ реформаціи одну изъ причинъ паденія Польши, ибо она раздѣлила народъ на два враждебные лагеря и отдала его пронырливому ордену іезуитовъ.

[4]) *Antoni Walewski*. Filozofija dziejów polskich i metoda ich badania. Kraków. 1875.

[5]) *Schmitt*. Rozbiór krytyczny pomysłów historyozoficznych i odkryć dziejowych pana...Lwów. 1875. *Zdanowicz—Sowiński*. IV, 571. *Smoleński*. Szkoły historyczne. 38—41.

исторіи [1]), а потому ограничимся уже сдѣланнымъ указаніемъ на основную идею этой и въ другихъ отношеніяхъ курьезной книги [2]).

Послѣдняя четверть вѣка представляетъ изъ себя время весьма быстраго и плодотворнаго движенія впередъ въ польской національной исторіографіи, что̀ было нами уже отмѣчено раньше [3]). Издавая въ 1879 г. свой „Очеркъ исторіи Польши", краковскій профессоръ Михаилъ Бобржинскій замѣтилъ въ предисловіи, что современная детальная и монографическая разработка польскими историками прошлаго Рѣчи Посполитой бросаетъ на исторію послѣдней, взятую въ цѣломъ, совершенно новый свѣтъ, и взгляды, къ которымъ приходитъ національная исторіографія, отличаются какъ небо отъ земли, отъ всего того, чему училось поколѣніе автора изъ школьныхъ руководствъ [4]). „Работа надъ исторіей прежней Польши", говоритъ и Іосифъ Шуйскій въ своемъ компендіумѣ польской исторіи,—„находится въ стадіи полнаго развитія; съ каждымъ годомъ умножается запасъ матеріала, съ каждымъ годомъ ростетъ число монографій, въ которыхъ обрабатываются отдѣльные эпизоды на основаніи бо̀льшаго количества источниковъ и лучшаго метода изслѣдованія, и", прибавляетъ Шуйскій,—„въ виду этихъ успѣховъ въ области спеціальныхъ и частныхъ работъ, весьма быстро старѣютъ общія изложенія польской исторіи, и взгляды, которые добываются ученымъ міромъ, постоянно разрушаютъ распространенныя въ публикѣ представленія

---

[1]) Содержаніе сочиненія: Часть I. Кн. I. Отчего Польша выступила на историческое поприще въ X в.? Кн. II. Какъ возникла монархія въ Польшѣ? Кн. III. Возникло ли Польское государство путемъ завоеванія или развитія? Кн. IV. Политическое и общественное воспитаніе польскаго народа въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ и причины анархіи. Кн. V. Польскія событія послѣ разборовъ.—Часть II. Кн. I. Церковное воспитаніе Польши. Кн. II. Отношеніе польской исторіи къ человѣчеству, Западу и Востоку. Прибавленіе о примѣненіи историческихъ теорій къ практическому положенію.

[2]) Отмѣтимъ здѣсь кстати еще болѣе публицистическую, чѣмъ историческую книжку варшавскаго каноника *Домагальскаго*, вышедшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ за границей подъ заглавіемъ „Prawdą, a nie fałszem". Здѣсь доказывается, что Екатерина II не только не была виновницей паденія Польши, но даже хотѣла спасти ее отъ паденія.

[3]) Вопросъ о религіозной реформаціи, 5—6 и 52. Новѣйшая польская исторіографія, 535—536, 540 и др. Ср. при этомъ IV главу исторіографической работы Смоленскаго, стр. 42 и слѣд.

[4]) *M. Bobrzyński*. Dzieje Polski w zarysie. Kraków. 1880. I. Przedmowa do pierwszego wydania.

о прошломъ Польши" [1]). Мы нарочно привели слова этихъ двухъ новѣйшихъ историковъ, такъ какъ оба они сдѣлали попытку воспользоваться результатами указанной работы для общаго построенія польской исторіи, а ихъ взгляды принадлежатъ третьей (послѣ Нарушевича и Лелевеля) исторической школѣ, которая слыветъ подъ названіемъ краковской [2]). Не касаясь вопросовъ о матеріалѣ, какимъ располагали, съ одной стороны, Нарушевичъ съ послѣдователями, а съ другой—корифеи краковской школы, и о методѣ, который, конечно, въ обѣихъ школахъ далеко не одинъ и тотъ же, обращая все вниманіе на политическую мысль, лежащую въ основѣ взглядовъ на прошлое Польши у этихъ историковъ, мы придемъ къ тому общему выводу, что краковская школа продолжаетъ традиціи школы нарушевичевой, какъ послѣдняя повторяла аргументы монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка. Въ эпоху господства лелевелевскихъ взглядовъ эта традиція нашла пріютъ въ партіи эмигрантовъ, образовавшейся около Адама Чарторыскаго и имѣвшей свои органы и въ періодическихъ изданіяхъ (Kronika emigracyi polskiej, 1834—1839. Trzeci Maj, 1839—1848), и въ парижскомъ Историко-литературномъ обществѣ (Towarzystwo historyczne-literackie). Отсюда традиція эта перешла къ историкамъ, группирующимся около Краковской академіи наукъ (Akademija umiętności), возникшей въ 1872 г. изъ болѣе ранняго Научнаго общества. Установленію сходства между обѣими школами г. Смоленскій въ своей брошюрѣ объ историческихъ школахъ въ Польшѣ посвящаетъ цѣлую главу [3]), утверждая даже, что краковскіе ученые въ историко-философскомъ отношеніи ничего новаго не дали сравнительно съ Нарушевичемъ [4]). Не отрицаетъ родства своихъ взглядовъ съ воззрѣніями первой исторической школы въ Польшѣ и Шуйскій, сначала раздѣлявшій теорію Врублевскаго. Въ пре-

---

[1]) *J. Szujski.* Historyi polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście. Warszawa. 1880. Wstępne słowo.

[2]) Основателемъ краковской школы былъ Калинка, о которомъ ниже въ VII-й главѣ. Въ этой главѣ будетъ сказано нѣсколько больше объ идеяхъ этой школы.

[3]) Подъ заглавіемъ Stosunek szkoły historycznej krakowskiej do Naruszewiczowskiej i stanowisko jej w dziejopisarstwie, стр. 76 и слѣд.

[4]) Z powierzchownej krytyki, jaką Bobrzyński dotknął dziejopisów XVIII i pierwszej ćwierci XIX wieku wypadałoby sądzić, ze pomiędzy szkołą Naruszewiczowską a krakowską pokrewieństwa nie ma żadnego; rzetelniejsze zbadanie rzeczy prowadzi do wniosku, ze historyozoficne poglądy uczonych podwawelskich są echem głosów dawno przebrzmiałych. Ibid., 79. Nic w zasadzie pod względem historyozoficznym uczeni krakowscy nie wymyślili nowego, стр. 80.

дисловіи къ своимъ „Двѣнадцати книгамъ польской исторіи“ онъ говоритъ объ этомъ прямо, прибавляя, что Нарушевичу и его послѣдователямъ нужно отдать справедливость въ томъ, что зрѣлище паденія Рѣчи Посполитой оказало благотворное вліяніе на ихъ способъ пониманія исторіи, на ихъ сужденіе о ней, которое было сужденіемъ и наиболѣе серьезной и зрѣлой части народа: „они“, поясняетъ Шуйскій,— „видѣли слишкомъ близко недостатки Рѣчи Посполитой, чтобъ ихъ не знать, были слишкомъ хорошо знакомы съ дѣйствительностью, чтобы могли ошибиться въ указаніи политическихъ ошибокъ, какія встрѣчали въ исторіи“ [1]). На оборотъ, проф. Бобржинскій старается представить обѣ школы, какъ діаметрально-противоположныя, но въ данномъ случаѣ онъ либо обращаетъ вниманіе на научные пріемы старой школы, либо преувеличиваетъ значеніе такихъ ея сторонъ, которыя должны были бы имѣть второстепенное значеніе [2]). Во всякомъ случаѣ основаніе краковской исторической школы было возвращеніемъ отъ лелевелевскихъ взглядовъ къ тѣмъ, которые въ XVIII вѣкѣ высказывались монархическими публицистами, и это возвращеніе воочію совершилось въ переходѣ Шуйскаго отъ доктрины Врублевскаго къ идеямъ такъ называемыхъ „станьчиковъ“ [3]).

Въ этотъ же періодъ появились и главные историческіе труды по эпохѣ паденія Польши. Нигдѣ, по отзыву проф. Бобржинскаго, перемѣна въ пріемахъ изслѣдованія и въ выводахъ науки, происшедшая въ польской исторической литературѣ послѣ Лелевеля, не бросается въ глаза съ такою силою, какъ именно въ новѣйшихъ сочи-

[1]) W traktowaniu dziejów od Naruszewicza czasów wchodzimy dzisiaj w epokę różną od tej, która czas od r. 1825 do 1861 wypełniała; różną też, acz poniekąd bardziej pokrewną tej, ktorą reprezentował Naruczewicz i jego epigonowie. Cokolwiekbądź pozostawił do życzenia biskup łucki i jego następcy, oddać im trzeba słuszność, że sam fakt zapamiętania lub czynnego przebycia ostatnich zapasów upadającego państwa wpłynął korzystnie na ich sposób pojmowania dziejów, na sąd, który o nich wydawali, a który był zarazem ugruntowanym sądem poważniejszej i dojrzalszej części narodu. Wadom rzeczy pospolitej zbyt byli blizkiemi, aby ich nie znali; doświadczenia zbyt naocznemi, aby się mylić mogli w wskazywaniu obłędow politycznych, jakie spotykali w dziejach, стр. II.

[2]) См. въ первомъ томѣ исторіи *Бобржинскаго* отдѣлъ подъ заглавіемъ: O nauce hystoryi polskiej i jej umiejętnem badaniu, стр. 40—63. Довольно строго критикуетъ за это Бобржинскаго г. Смоленскій, приписывая его характеристику школы Нарушевича „игнорацін“, незнакомству съ литературой XVIII вѣка. Szkoły historyczne, 79 и 80.

[3]) Политическая партія консервативнаго характера, о которой будетъ рѣчь идти въ главѣ VII по поводу трудовъ кс. Калинки.

неніяхъ, посвященныхъ послѣднимъ днямъ Рѣчи Посполитой [1]). Можно сказать, что работы Крашевскаго (Polska w czasie trzech rozbiorów. 1874—1875), Калинки (Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. 1868. Sejm czteroletni. 1880—1886) и Корзона (Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, 1881—1886), не считая другихъ болѣе мелкихъ работъ [2]), совершенно упразднили все сдѣланное по этому предмету самимъ Лелевелемъ и его послѣдователями. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, однако, что и въ послѣдней стадіи польской исторіографіи нѣтъ единообразнаго взгляда на эпоху паденія Польши: именно авторы двухъ главныхъ трудовъ, посвященныхъ этому времени, кс. Калинка и г. Корзонъ стоятъ на двухъ различныхъ точкахъ зрѣнія, такъ что можно говорить о противоположности между ними, если и не столь значительной, какъ между Нарушевичемъ и Лелевелемъ, то во всякомъ случаѣ напоминающей ее. Большіе труды, разсматривающіе паденіе Польши, будутъ подвергнуты нами разбору въ концѣ этой работы, а здѣсь мы остановимся на взглядахъ общихъ историковъ и главнымъ образомъ на взглядахъ Бобржинскаго, какъ наиболѣе радикальнаго въ своей оппозиціи противъ лелевелевской школы. Нѣкоторые критики ставили ему даже въ вину, и не всегда безъ основанія, что онъ слишкомъ преклоняется иногда предъ византійскимъ деспотизмомъ и абсолютизмомъ нѣмецкаго полицейскаго государства.

„Dzieje Polski w zarysie“ Бобржинскаго вышли въ свѣтъ въ 1879 году въ одномъ томѣ, а вторымъ изданіемъ—въ 1881 году въ двухъ томахъ. Появленіе книги произвело сильную сенсацію и въ обществѣ, и въ прессѣ, что̀ только способствовало оживленію полемики, которая возникла вслѣдствіе замѣчаній на книгу, сдѣланныхъ компетентными

---

1) *Bobrzyński*, II, 296.

2) *R. Pilat*. Literatura polityczna sejmu czteroletniego. (*Przegląd polski* 1872). *L. Wegner*. Dzieje dnia 3 i 5 maja 1791 r. Poznań. 1865. Konfederacya województw wielkopolskich 1792 r. Poznań. 1863. Sejm grodzieński ostatni. Poznań. 1866. Hugo Kołłątaj na posiedzeniu rady królewskiej z dnia 23 lipca 1792 r. Poznań. 1869. Ostatnie dni powstania Kościuszkowskiego. Poznań. 1871. *Br. Zaleski*. Korespondencya krajowa Stanisława Augusta. Poznań. 1872. *E. Tysskiewicz*. Króla Stan. Aug. ostatni pobyt w Grodnie. Poznań. 1878. *Dr. Antoni Rolle*. Czartoryscy i Repnin (*Przewodnik naukowy*. 1877). *Z. Gloger*. Antoni Tyzenhaus podskarbi nadworny litewski 1733—1785. (Kwartalnik *Kłosow*. 1887). *M. Chyliński*. Hugo Kołłątaj w obec Targowicy. Lwów. 1875. *K. Chlędowski*. Tractat handlowy między Austryą a Polską z r. 1775 (*Przewodnik naukowy*. 1880). Zajęcie Galicyi (*Ateneum* 1880), *J. J. Kraszewski*. Polska w połowie XVIII w. (*Ateneum* 1877). *Smoleński*. Kuźnica Kołłątajowska. Kraków. 1885 и мн. др.

критиками [1]). Въ общемъ можно сказать, что газетная критика напала на Бобржинскаго вслѣдствіе мотивовъ болѣе публицистическаго, чѣмъ научнаго свойства, и въ этомъ отношеніи такіе историки, какъ Шуйскій, Смолка и Калинка, явились скорѣе защитниками основныхъ идей книги. „Извѣстно", писалъ Смолка въ статьѣ „О задачѣ, понятіи и положеніи исторіи" (Ateneum, 1879),—„что въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ совершился въ нашей исторіографіи важный переворотъ, результаты котораго большею частью еще не проникли въ читающую публику. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ болѣе оживленнаго движенія въ области нашего бытописанія выработались среди историковъ взгляды, съ которыми соглашаются почти всѣ, принадлежащіе къ этому цеху, хотя большая публика не имѣла еще случая съ ними познакомиться. Книга Бобржинскаго прежде всего имѣетъ ту заслугу, что стремится стать выраженіемъ этихъ взглядовъ, хорошимъ ихъ проводникомъ въ болѣе широкую среду читающей публики". Но, продолжаетъ Смолка,—„на этомъ не кончается заслуга и достоинство этой книги. Никто не станетъ спорить, что, кромѣ указаннаго элемента, трудъ Бобржинскаго заключаетъ много сужденій и взглядовъ, которые принадлежатъ исключительно самому автору и, по скольку удержатся, будутъ личной его заслугой. Съ общимъ основнымъ взглядомъ, проведеннымъ во всемъ сочиненіи, со всѣмъ тѣмъ, что представляетъ изъ себя выраженіе единогласнаго приговора современной исторической школы, эти взгляды имѣютъ такое несомнѣнное сходство, что имъ нельзя отказать въ общемъ источникѣ, который есть, безспорно, нынѣшнее положеніе исторіографической работы" [2]).

Мы не станемъ здѣсь входить въ разборъ всѣхъ сторонъ труда Бобржинскаго, а остановимся исключительно на его пониманіи причинъ паденія Польши. Эти причины онъ ищетъ въ условіяхъ, породившихъ въ Рѣчи Посполитой политическое безнарядье, которое и погубило Польшу. „Не границы и не сосѣди", говоритъ онъ,—„только нашъ внутренній разладъ довелъ насъ до потери государственнаго существованія" [3]). Свою основную мысль онъ развиваетъ слѣдую-

[1]) Большая часть статьи нашей „Новѣйшая польская исторіографія" посвящена разбору книги Бобржинскаго. О вызванной ею полемикѣ см. стр. 546—551. Съ точки зрѣнія лелевелевскихъ идей книгу разбиралъ *Schmitt*. Rozbiór dzieła p. t. Dzieje Polski w zarysie przez M. Bobrzyńskiego. Kraków. 1882.

[2]) *Stanisław Smolka*. Szkice historyczne. Warszawa. 1882. Serya pierwsza. Статья „Słowo o historyi", стр. 283—284.

[3]) *Bobrzyński* II, 336.

щимъ образомъ: „Какія бы мы ни находили теперь причины нашего паденія, будетъ ли это притѣсненіе народа шляхтой, или приниженное положеніе городовъ, или моральный упадокъ и умственный регрессъ въ интеллигенціи, все это будутъ только второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ выступали еще въ худшемъ видѣ, но ни одного народа не доводили до утраты политическаго бытія. Вездѣ именно въ другихъ мѣстахъ", сейчасъ же поясняетъ Бобржинскій,—„существовало правительство, которое, усмотрѣвъ зло, раньше или позже поправляло или уменьшало его. У однихъ только насъ недоставало этого оздоравливающаго фактора, недоставало правительства, которое въ рѣшительную минуту совокупило бы около себя, хотя и разрозненныя, общественныя силы и придало бы имъ единое направленіе. Если поэтому, проживъ побѣдоносно столько вѣковъ, въ концѣ XVIII столѣтія мы не могли противостоять опасности, то единственная причина этого заключалась въ нашемъ внутреннемъ безнарядьѣ. Тѣ, которые насъ дѣлили, не разъ находились между собою въ грозномъ раздорѣ; не одинъ изъ нихъ намъ помогъ бы, если бы только и мы могли, и хотѣли съ своей стороны оказать ему хотя бы самую незначительную помощь противъ его соперниковъ" [1]). Весь второй томъ (по 2-му изданію) своего труда Бобржинскій посвящаетъ, главнымъ образомъ, только выясненію причинъ, почему въ Польшѣ не возникло сильной центральной власти, находя вообще, что кто пишетъ исторію Польши съ XVI в., тотъ долженъ выдвинуть на первый планъ ту сторону національной жизни, „тѣмъ болѣе", прибавляетъ онъ,—„что около этого важнаго вопроса (то-есть, организаціи правительственной власти) вращались тогда всѣ усилія націи" [2]). Новую исторію Польши Бобржинскій начинаетъ съ конца XV в., и какъ разъ въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ Лелевель видѣлъ возвращеніе страны къ ея исконному идеалу, усматриваетъ причины, погубившія Польшу. „Знакомясь со взглядомъ Лелевеля", говоритъ онъ,—„мы теперь удивляемся, какъ можно было впасть въ такія заблужденія и ошибки. Слыша постоянно, какъ прославляется свобода, мы удивляемся, какъ можно было проглядѣть другое условіе здороваго развитія каждаго народа, именно силу и упругость его правительственной власти" [3]). Съ этой точки зрѣнія новый польскій историкъ смотритъ даже на самое отдаленное прошлое Польши, какъ бы

[1]) *Bobrzyński*, II, 335.
[2]) Ibid., II, 342.
[3]) Ibid., I 50.

сожалѣя, что оно не заключало въ себѣ условій для развитія не только правительственной власти вообще, но даже абсолютизма. Первоначальнымъ славянамъ онъ ставитъ въ упрекъ, что у нихъ не было „poszanowania prawa i despotycznej władzy“ [1]), и какъ бы завидуетъ Руси и Болгаріи въ томъ отношеніи, что они рано испытали на себѣ вліяніе автократической Византіи [2]). Въ дальнѣйшей исторіи Польши онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тѣ факты, которые свидѣтельствовали объ усиленіи власти. Говоря о возникновеніи въ Польшѣ „парламентаризма“, онъ спрашиваетъ: „не былъ ли онъ преждевременнымъ въ ту эпоху, когда всѣмъ средневѣковымъ народамъ нужна была суровая школа абсолютнаго правленія“,—и отвѣтъ даетъ въ смыслѣ преждевременности [3]). Очень часто Бобржинскій всю бѣду видитъ въ томъ, что Польша въ своемъ развитіи не шла дорогой другихъ континентальныхъ государствъ [4]), и что въ ней не было монарховъ въ родѣ Франциска I, Генриха IV, Людовика XIV, Карла V, Филиппа II или Ивана Грознаго [5]). Не нужно, однако, думать, что авторъ „Dziejów Polski w zarysie“ совсѣмъ не видѣлъ для Польши иного пути образованія правительственной власти, помимо установленія западно-европейскаго абсолютизма. Онъ очень сочувственно относится къ той программѣ „направы Рѣчи Посполитой“, которую на сеймахъ середины XVI в. проводили протестантскіе послы, къ программѣ, какъ онъ выражается, „парламентарной монархіи“, и въ паденіи этой программы видитъ большое несчастье для Польши. Дѣло шло о томъ, чтобы утвердить преобладаніе общаго сейма надъ мѣстными сеймиками, добиться для пословъ совершенныхъ полномочій отъ избирателей, установить рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ, и лишить сенатъ самостоятельности, чтобы король могъ идти и за мнѣніемъ меньшинства сенаторовъ. „Это“, говоритъ Бобржинскій,—„была несомнѣнно самая широкая политическая программа, какая только была въ польскомъ народѣ на протяженіи десяти вѣковъ его существованія“ [6]). Говоря о цар-

---

1) *Bobrzyński*, I, 68.

2) Ibid., I, 69—71.

3) Ibid., II, 21.

4) Ibid., 337 и др. мѣста.

5) Ibid., II, 340.

6) Ibid. II, 71. См. вообще въ этомъ томѣ § подъ заглавіемъ „Program naprawy Rzeczypospolitej“, 68 sq. Ср. также нашъ Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. 1886. См. гл. III.

ствованіи Сигизмунда III, авторъ дѣлаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Думать объ абсолютизмѣ у народа, который уже сто лѣтъ привыкъ къ политической свободѣ, было вещью трудной, но за то тѣмъ болѣе слѣдовало думать объ учрежденіи, которое примирило бы свободу съ порядкомъ, о парламентарномъ министерствѣ, которое, будучи выбраннымъ изъ сеймоваго большинства, могло бы управлять и приказывать отъ имени короля, но въ духѣ націи" [1]). Другими словами, Бобржинскій вполнѣ раздѣляетъ взглядъ на сеймъ, какой въ прошломъ вѣкѣ былъ высказанъ Руссо и повторенъ Вельгорскимъ: сеймъ былъ безсиленъ, и въ этомъ безсиліи сейма заключалась и для новѣйшаго историка причина безнарядья.

По нашему мнѣнію, Бобржинскій весьма основательно разобралъ причины того, что паденіе королевской власти въ Польшѣ не сопровождалось переходомъ этой власти къ сейму, вслѣдствіе чего элементъ власти не нашелъ себѣ помѣщенія въ польскомъ обществѣ, исчезъ изъ него, такъ сказать, чтобы ввергнуть это общество въ анархію [2]). Но очень странно, что, резюмируя въ концѣ книги [3]) свой взглядъ на причину того, что Польша не создала себѣ сильнаго правительства, авторъ молчитъ обо всемъ этомъ и указываетъ на другія условія, которыя сами по себѣ не могли произвести указаннаго результата. „Одно изъ нихъ", именно говоритъ онъ, — „есть наша молодость, ибо мы на пять вѣковъ позднѣе, нежели Западъ, выступили на поприще его цивилизаціи; другое—обширность преимущественно земледѣльческой страны въ отношеніи къ народонаселенію; а сверхъ этого, то, что наши лучшія силы бросились на востокъ, на Русь и Литву, вслѣдствіе чего силы, оставшіяся въ краѣ, уменьшенныя и ослабленныя, не могли выполнить задачи—создать правительство въ духѣ новаго времени" [4]). Но такія же условія—и молодость, и слабая населенность обширной земледѣльческой страны, и эмиграція за ея первоначальные предѣлы—существовали и для русской исторіи, а между тѣмъ Московское государство пошло по совсѣмъ иной политической дорогѣ, чѣмъ Польское.

Бобржинскій въ непривлекательномъ видѣ рисуетъ и развитіе шляхетско-хлопскихъ отношеній и, конечно, не оппонируетъ Леле-

---

[1]) *Bobrzyński*. II, 169.

[2]) Ibid. II, 333 sq.

[3]) Краткое изложеніе этого см. въ нашей статьѣ „Новѣйшая польская исторіографія", стр. 560—564.

[4]) *Bobrzyński*. I, 19.

велю, когда тотъ усматриваетъ въ неволѣ деревенскаго люда одну изъ причинъ паденія Польши; но и здѣсь онъ указываетъ на то, что неволя эта существовала и въ другихъ мѣстахъ, но что въ другихъ мѣстахъ существовало и правительство, которое такъ или иначе боролось со зломъ, хотя бы не давая превратиться крѣпостному праву въ полное рабовладѣльчество и все-таки ограничивая произволъ господъ по отношенію къ ихъ подданнымъ [1]). Вліяніе косныхъ началъ католицизма и развращающей педагогики и политики іезуитовъ также нашло прекрасное освѣщеніе въ книгѣ Бобржинскаго: . онъ совершенно свободно отнесся къ католической реакціи въ Польшѣ и выставилъ на видъ все зло, какое принесли обществу и государству іезуиты [2]). Шуйскій въ своихъ „Замѣчаніяхъ на исторію Польши Бобржинскаго" [3]), соглашаясь въ общемъ съ его объясненіемъ причинъ паденія Польши, находитъ, такъ сказать, неловкимъ, что авторъ книги не сумѣлъ лишить печальную картину національнаго упадка „через-чуръ рѣжущихъ глаза, яркихъ красокъ", и отвѣчая на это, какъ и вообще на упреки въ пессимизмѣ, Бобржинскій во второмъ изданіи своей книги говоритъ: „упрекъ въ пессимизмѣ можно было бы сдѣлать только моему очерку двухъ послѣднихъ вѣковъ. Я ихъ представилъ, не спорю, ярко" [4]). Съ нѣкоторыми оговорками можно сказать, что, постоянно признавая русскую силу въ Литвѣ и справедливо порицая польскую политику по отношенію къ русскому населенію Рѣчи Посполитой, онъ довольно вѣрно въ общемъ изображаетъ необходимость борьбы Польши съ Россіей за русскія земли и, пожалуй, неизбѣжность невыгоднаго для поляковъ результата этой борьбы [5]).

Извѣстно, что вслѣдствіе своего безнарядья Рѣчь Посполитая съ самаго почти начала XVIII вѣка попала подъ опеку Россіи. Это время (1717—1773 гг.) разсматривается у Бобржинскаго въ главѣ, которая названа „Преобладаніе Россіи" [6]), а за нею слѣдуетъ и послѣдняя съ характернымъ названіемъ „Возрожденіе въ упадкѣ" [7]):

---

[1]) *Bobrzyński*, II, 335.

[2]) Ibid., II, 131 sq.

[3]) *I. Szujski.* Kilka uwag o Dziejach Polski Michała Borbzyńskiego. Warszawa. 1879. Было прежде помѣщено въ журналѣ *Niwa*.

[4]) *Bobrzyński*. I, 23.

[5]) Эта сторона историческихъ воззрѣній была мною разобрана въ „Новѣйшей польской исторіографіи", стр. 574—583.

[6]) *Bobrzyński*, II, 262 sq.

[7]) Ibid., II, 296 sq. Odrodzenie w upadku.

здѣсь въ сущности онъ и разказываетъ исторію паденія Польши. На первый планъ въ этихъ главахъ выдвигается иностранная политика. „Пока", говоритъ Бобржинскій,—„Россія думала, что она одна будетъ въ состояніи включить въ свой составъ всю Польшу, до тѣхъ поръ, полагаясь на существующее уже свое преобладаніе, ожидала только удобнаго момента, чтобы не оглядываться на Пруссію и Австрію и не допустить ихъ до участія въ раздѣлѣ. Пруссія и Австрія стояли однако на стражѣ своихъ интересовъ, готовыя помѣшать занятію всей Польши Россіей и сильному вслѣдствіе этого увеличенію послѣдней. Такъ до поры, до времени оправдывался на самомъ дѣлѣ девизъ тогдашней польской шляхты, что Польша держится своимъ безнарядьемъ" [1]). Изъ двухъ единственно возможныхъ для тогдашней Рѣчи Посполитой перспективъ: раздѣла между сосѣдями и подчиненія Россіи—историкъ отдаетъ предпочтеніе второй и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ всю эпоху раздѣловъ, между прочимъ очень сочувственно относясь къ установленному въ Польшѣ Екатериною послѣ перваго разбора „постоянному совѣту" (rada nieustająca), какъ къ „исполнительной власти, къ правительству, въ которомъ такъ давно нуждалась Польша", какъ къ „постепенному переходу отъ безнарядья къ сильному правительству" [2]). Въ сохраненіи этого учрежденія онъ видитъ единственное средство, которое оставалось у Польши для проведенія необходимой внутренней реформы. Съ этой точки зрѣнія онъ высказывается противъ конституціи 3-го мая, введенной вопреки желаніямъ Россіи, хотя именно творцы этой конституціи полагали причину упадка Рѣчи Посполитой тамъ, гдѣ ее указываетъ и современная исторіографическая школа. Впрочемъ, это все относится уже къ подробностямъ факта паденія Польши, и оцѣнка воззрѣній новыхъ польскихъ историковъ на этотъ предметъ будетъ дана въ другомъ мѣстѣ [3]).

Къ „Dziejam Polski w zarysie" можно вполнѣ приложить слова Шуйскаго въ концѣ „Двѣнадцати книгъ польской исторіи". „За эпохой", говоритъ этотъ историкъ,—„въ которую апологія была главнымъ знаменемъ польской исторіографіи, наступаетъ другая, когда среди серьезныхъ работъ, среди все болѣе ростущаго историческаго мате-

[1]) *Bobrzyński*, II, 266.

[2]) Ibid., II, 299 sq.

[3]) Ср. разборъ этой части труда Бобржинскаго въ статьѣ „Новѣйшая польская исторіографія", стр. 583—587.

ріала, рушатся прежнія апологетическія системы, а прошлое должно выступить въ свѣтѣ сравнительнаго метода и общихъ законовъ, познаваемыхъ изъ историческаго опыта. Въ новомъ этомъ направленіи могутъ быть увлеченія и односторонность, появляющіяся время отъ времени; оно однако имѣетъ будущее и непоколебимое право на существованіе, ибо стремится дать обществу объективную истину. Направленіе это положило конецъ несчастному и столь долговременному заблужденію—защитѣ и апоѳеозу анархичной Польши" [1]). Авторъ, писавшій эти слова въ 1880 году, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ самъ отдавалъ дань такому „заблужденію", раздѣляя историческіе взгляды Врублевскаго. „Ежели", писалъ онъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—„ежели мы должны опереться на прошлое, то можемъ опереться только на шляхетское прошлое, ибо оно есть единственно и исключительно прошлое народа... Шляхта есть альфа и омега народа, ибо она одна обладаетъ секретомъ ассимиляціи нешляхетскихъ и даже чуждыхъ элементовъ „и т. д." [2]). Съ этими взглядами и приступилъ Шуйскій къ работѣ надъ своею „Исторіей Польши", вышедшею въ свѣтъ въ четырехъ томахъ въ 1861—1866 годахъ [3]). Оптимистическому эпиграфу, поставленному на заголовкѣ: „Все Ты намъ далъ, Господи, что могъ дать" (Wszystko nam dałeś, co dać mogłeś, Panie!),—вполнѣ соотвѣтствуетъ въ этомъ сочиненіи идеализація Польши въ духѣ теоріи Врублевскаго и мистическихъ фантазій поэтовъ эмиграціи. Но, по вѣрному замѣчанію г. Смоленскаго, Шуйскій долго все-таки колеблется, чему приписать вину паденія Польши — безнравственности ли тогдашнихъ кабинетовъ, или исключительному положенію Польши среди народовъ Европы [4]), положенію, въ которомъ онъ сначала усматриваетъ превосходство Польши. Уже отступленіемъ отъ лелевелевской традиціи были слова, въ которыхъ онъ склоняется къ рѣшенію вопроса во второмъ смыслѣ. „Каждый народъ и каждое человѣческое общество", говоритъ онъ,—„зависятъ отъ извѣстныхъ условій порядка, справедливости внутри и мощи извнѣ, не удовлетворяя коимъ, они утрачиваютъ силу развитія, независимость и свободу (niepodległość). Не освобождаетъ ихъ отъ этихъ условій никакая высшая идея, хотя бы самая возвышенная (najszczytniejsza),

[1]) *Szujski*. Historyi polskiej ksiąg dwanaście, 383.

[2]) Portrety przez Nie-Van-Dyka. Lwów. 1861. Приведено у *Смоленскаго*, стр. 65—66.

[3]) *Szujski*. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów. 1861—1866.

[4]) Szkoły historyczne, 67.

ибо для этой идеи нужно найдти подлежащую форму... Паденіе Рѣчи Посполитой совершила наша собственная вѣковая вина" [1]). Въ ближайшемъ прошломъ Польши онъ видитъ исканіе этой формы то въ видѣ соединенія силъ посредствомъ диктатуры конфедерацій, то въ монархическихъ стремленіяхъ, проявившихся въ политическомъ завѣщаніи 3-го мая 1791 г. Такой взглядъ, заявленный въ послѣднемъ томѣ Dziejów Polski, уже проникъ въ книгу подъ вліяніемъ нѣкотораго сближенія автора съ идеями парижскаго Историко-литературнаго общества. Образованіе въ Краковѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ партіи „станьчиковъ", въ чемъ самъ Шуйскій игралъ видную роль, повліяло окончательно на перемѣну его воззрѣній, которая выразилась съ наибольшею полнотою въ „Двѣнадцати книгахъ польской исторіи", изданныхъ имъ въ одномъ томѣ въ 1880 году. Въ этомъ сочиненіи „монархическая идея" соединилась съ католическимъ доктринерствомъ, которое у Шуйскаго особенно ясно проявляется въ книжкѣ „Возрожденіе и реформація въ Польшѣ" [2]), такъ что приближается къ восхваленію іезуитовъ. Здѣсь не мѣсто сопоставлять Бобржинскаго и Шуйскаго, почти одновременно издавшихъ по очерку польской исторіи съ точки зрѣнія краковской школы [3]), и достаточно только указать на то, что и Шуйскій заявляетъ о своей оппозиціи къ лелевелевской школѣ. „Изъ одного изъ самыхъ младшихъ народовъ, выступившихъ на арену цивилизаціи европейскаго Запада", говоритъ онъ,—„мы стали въ собственныхъ глазахъ народомъ, опережающимъ весь Западъ развитіемъ у насъ конституціонныхъ и республиканскихъ формъ; изъ ошибокъ и заблужденій политической мысли мы свили себѣ идеальные лавровые вѣнки, очень вредные; въ вольной элекціи, королей, въ конфедераціяхъ, даже въ „liberum veto" мы усматривали положительныя явленія, которыми слѣдуетъ гордиться. Борьбу съ идеей правительства мы переносили въ тѣ времена, когда

[1]) *Szujski*. Dzieje Polski, IV, 723. Самъ Шуйскій въ предисловіи (wstępne słowo) къ Польской исторіи въ XII книгахъ говоритъ о себѣ (въ третьемъ лицѣ), что za przekonywającemi i bijącemi prawdą plastycznemi postaciowaniami Szajnochy poszło zastowienie całości dziejów J. Szujskiego jako reakcya przeciwko doktrynie Lelewela i jego stronników, стр. IV.

[2]) Odrodzenie i reformacya w Polsce. Kraków. 1881. Объ этомъ сочиненіи см. въ указанной выше статьѣ „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой", стр. 34.

[3]) См. въ „Новѣйшей польской исторіографіи" стр. 544—545, 542—550 и друг.

это правительство находилось въ самыхъ трудныхъ условіяхъ и только одно оно представляло интересы государственной самостоятельности" [1]). Онъ сходится съ Бобржинскимъ въ мнѣніяхъ и относительно преждевременности польскаго „парламентаризма" [2]), то-есть, въ этомъ вопросѣ краковская школа пошла далѣе писателей XVIII в., бывшихъ ея предшественниками въ пониманіи польской исторіи, такъ какъ они стояли именно за „парламентарную монархію". Въ общемъ и Шуйскій, и Бобржинскій полагаютъ, что гибель Польши происходила отъ того, что государство это развивалось не такъ, какъ другія страны, въ коихъ окрѣпъ абсолютизмъ, опирающійся на бюрократію, хотя Бобржинскій и отмѣчаетъ бывшую въ Польшѣ возможность образованія болѣе сильнаго правительства инымъ путемъ.

Въ духѣ монархической традиціи написана и большая исторія Польши Теодора Моравскаго [3]), о которой очень хорошо отзываются Шуйскій [4]) и др. критики.

Замѣтимъ въ заключеніе этой главы, что далеко не всѣ современные польскіе историки принадлежатъ къ краковской школѣ, хотя и отдаютъ должное ея заслугамъ [5]). Это, между прочимъ, мы увидимъ при разсмотрѣніи спеціальныхъ трудовъ по исторіи послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Прежде однако мы разсмотримъ другія историческія литературы, на сколько онѣ заключаютъ въ себѣ что-либо по исторіи паденія Польши.

III.

Польскія дѣла въ западно-европейской публицистикѣ прошлаго вѣка.

Польскія дѣла въ эпоху раздѣловъ обратили на себя вниманіе и тогдашнихъ западно-европейскихъ писателей. Вопервыхъ, многіе изъ

---

[1]) *Szujski*. H. p. ksiąg XII, стр. III.

[2]) Ibid., 194.

[3]) *Teodor Morawski*. Dzieje narodu polskiego. Poznań. 1870—1871, Drezno. 1872.

[4]) Слова Шуйскаго: w tymż samym kierunku, o dawną monarchiczną szkołę oparte poszły w ostatnich latach *Dzieje Teodora Morawskiego*,—praca źródłowa i monograficzna tym czasem, szersze coras przybrała i przybiera rozmiary, starają się o dosięgnięcie zagraniey w dwóch kierunkach—uporządkowanego i krytycznego nagromadzenia źródeł, obrobienią wybitniejszych lub sporniejszych kwestyj dziejowych. Historyi polskiej ksiąg XII, стр. IV.

[5]) Ср. всю брошюру г. *Смоленскаго* объ историческихъ школахъ въ Польшѣ. Въ числѣ критиковъ Бобржинскаго былъ и Генрихъ Шмиттъ.

нихъ имѣли случаи высказывать свое мнѣніе объ этихъ дѣлахъ мимоходомъ, не посвящая имъ отдѣльныхъ сочиненій, и конечно, собрать все, что̀ говорилось такимъ образомъ о Польшѣ въ XVIII вѣкѣ различными писателями, было бы очень трудно. Вовторыхъ, о польскихъ дѣлахъ писали еще въ видѣ политическихъ совѣтовъ цѣлые трактаты, по приглашенію самихъ поляковъ, видные публицисты прошлаго столѣтія. Втретьихъ, послѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой по собственному почину или по стороннему внушенію нѣкоторые писатели стали составлять историческія описанія событій, приведшихъ къ концу Польское государство.

Мы остановимся вкратцѣ на отношеніи ко всѣмъ этихъ дѣламъ нѣсколькихъ публицистовъ прошлаго столѣтія, которые были руководителями и выразителями тогдашняго общественнаго мнѣнія Европы. Извѣстный клерикальный писатель нашего столѣтія, Вёльо, обвиняетъ философію XVIII вѣка въ томъ, что и она участвовала въ польскихъ раздѣлахъ [1]). Вѣрно въ этомъ взглядѣ то, что общественное мнѣніе Европы, руководимое философами, было сначала, какъ извѣстно, за союзъ, образовавшійся между Россіей и Пруссіей въ пользу польскихъ диссидентовъ, коимъ отказывали въ вѣротерпимости. Далѣе, можно еще сослаться въ частности на Вольтера, находившагося въ перепискѣ съ главными дѣятелями перваго раздѣла Рѣчи Посполитой [2]). На отношеніе его къ польскимъ дѣламъ уже указывали историки этого событія. „Вольтеръ", говоритъ Ферранъ,—„въ своемъ посланіи къ барскимъ конфедератамъ, представляетъ польскія смуты, какъ религіозныя войны, и говоритъ, что сосѣди вступили въ Польшу по праву, которое имѣютъ входить въ домъ сосѣда, когда въ немъ пожаръ" [3]). Извѣстно еще, что къ Фридриху II онъ писалъ: „Говорятъ, что раздѣлъ Польши—ваше дѣло, и я этому охотно вѣрю, потому что это—вещь геніальная". То, что̀ ду-

---

[1]) „La Russie, la Prusse, l'Autriche ne furent pas seules coupables du meurtre de la Pologne: une quatrième puissance y a contribué non moins cruellement et en quelque sorte odieusement que les autres: c'est la philosophie du XVIII siècle. Elle a pressenti le crime, elle l'a conseillé, elle y a participé". *Veuillot.* Mélanges, III, 282. Цитировано у *Laurent.* Études sur l'histoire de l'humanité. XI, 350—351.

[2]) За приведенными словами у *Veuillot* идетъ обвиненіе Вольтера: L'homme qui la représenta, qui parla en son nom, qui stipula pour et qui reçut sa part, ce fut Voltaire. Il eut un cadeau de Frédéric, un sourire de Catherine.

[3]) Histoire des trois démembrements de la Pologne. P. 1820. III, 584.

малъ или, по крайней мѣрѣ, высказывалъ Вольтеръ, было обобщено и распространено вообще на всѣхъ философовъ XVIII вѣка. На самомъ дѣлѣ, нужно различать отдѣльныхъ писателей и разныя эпохи въ исторіи западно-европейскаго общественнаго мнѣнія по отношенію къ польскимъ дѣламъ. Между тѣмъ, и очень еще недавно, одинъ солидный польскій историкъ, спеціально занимавшійся этою эпохой, приписалъ писателямъ XVIII вѣка одно общее и притомъ крайне неблагопріятное мнѣніе о польской націи. „Европа", говоритъ указанный историкъ паденія Польши, г. Корзонъ,—„смотрѣла равнодушно, безъ всякаго протеста на раздѣлъ государства нѣкогда славнаго и цвѣтущаго, объявивъ весь народъ глупымъ, бездѣятельнымъ (niedołężnym) и подлымъ. Такъ-называемые тогдашніе философы нашли для нея только слова брани [1])". Въ сущности дѣло было не совсѣмъ такъ, и мы это увидимъ сейчасъ изъ краткаго обзора, который теперь сдѣлаемъ.

Кромѣ Вольтера, о польскихъ дѣлахъ высказалъ свое мнѣніе и Монтескье. Нѣсколько краткихъ замѣчаній о польскихъ порядкахъ при Саксонскихъ короляхъ можно найдти именно въ его „Духѣ законовъ". Напримѣръ, въ третьей главѣ второй книги, гдѣ авторъ говоритъ о законахъ, относящихся къ сущности аристократіи, дѣлается общее замѣчаніе о томъ, что чѣмъ болѣе аристократія приближается къ демократіи, тѣмъ она совершеннѣе, и что, на оборотъ, она дѣлается менѣе совершенною по мѣрѣ приближенія своего къ монархіи. „Самая же несовершенная изъ всѣхъ аристократій", пропродолжаетъ Монтескье,—„есть та, гдѣ часть народа, которая повинуется, находится въ гражданскомъ рабствѣ у той, которая повелѣваетъ, какова аристократія въ Польшѣ, гдѣ крестьяне—рабы дворянства". Въ знаменитой XI-й книгѣ „Esprit des lois" пятая глава трактуетъ „о предметѣ разныхъ государствъ": для Польши таковымъ Монтескье называетъ „независимость каждаго частнаго лица и, что̀ отсюда проистекаетъ, притѣсненіе всѣхъ". То-есть, вообще авторъ „Духа законовъ" былъ, дѣйствительно, не очень лестнаго мнѣнія о польскомъ государственномъ устройствѣ, и таково было въ его время общее мнѣніе.

Монтескье не пришлось видѣть „начала конца" Рѣчи Посполитой. Но и послѣ перваго раздѣла Польши отношеніе къ ней не

---

[1]) *T. Korzon.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. Kraków. 1885—1886. IV, 643.

измѣнилось: политику дворовъ, разбиравшихъ это государство по частямъ, однако не одобряли; въ самомъ же фактѣ все-таки видѣли естественное слѣдствіе внутреннихъ причинъ, доводившихъ Польшу до разложенія, вслѣдствіе чего къ полякамъ стали иногда проникаться жалостью. Еще большее сочувствіе къ ихъ падающему государству явилось послѣ конституціи 3-го мая, войны 1792 г., втораго раздѣла, возстанія 1794 г. и окончательнаго исчезновенія Рѣчи Посполитой съ политической карты Европы. Въ видѣ примѣра перваго отношенія можно привести слова Рэйналя, писавшаго въ промежутокъ между первымъ и вторымъ польскими раздѣлами.

„Польша", говоритъ этотъ писатель,—„Польша, которая, имѣя внутри себя только народъ рабовъ, заслуживаетъ того, чтобы внѣ себя находить лишь однихъ притѣснителей,—сохраняетъ однако тѣнь и имя свободы. Она (по отношенію къ внутреннему устройству) въ настоящее время представляетъ изъ себя то, чѣмъ были всѣ европейскія государства десять вѣковъ тому назадъ" [1]). Въ польскомъ государственномъ строѣ онъ видитъ именно полное господство феодализма, профанацію имени республики, лигу мелкихъ деспотовъ противъ народа, а сеймъ называетъ горстью тиранновъ. Изобразивъ въ немногихъ словахъ польскія смуты, Рэйналь замѣчаетъ, что „какой бы оборотъ ни принимали дѣла, судьба народной массы не испытываетъ отъ этого никакой счастливой перемѣны" [2]). Извнѣ Польша слаба, и если сосѣди не воспользовались ея слабостью, то лишь вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія. „Особыя обстоятельства ихъ соединили", говоритъ далѣе авторъ.—„Нашимъ временамъ было предназначено видѣть, какъ это государство разрывалось тремя соперничающими державами, которыя присвоили себѣ наиболѣе для нихъ подходящія провинціи, при чемъ ни одинъ европейскій монархъ не пошевелилъ даже пальцемъ, чтобы помѣшать вторженію. Среди безопасности мира, безъ права, безъ предлога, безъ основаній, безъ тѣни справедливости этотъ переворотъ былъ сдѣланъ примѣненіемъ ужаснаго принципа силы, который, къ несчастью, есть лучшій аргументъ королей." Впрочемъ, Рэйналь ожидаетъ и хорошаго результата отъ раздѣла. „Да будетъ угодно небу, восклицаетъ онъ, чтобы преступленіе честолюбія обратилось на пользу человѣчеству, и чтобы муд-

---

[1]) *Raynal*. Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce des européens dans les deux Indes. Genèwe. 1782. X, 36.

[2]) Ibid., 37.

рымъ возвращеніемъ къ добрымъ принципамъ здравой политики узурпаторы разбили цѣпи самой трудолюбивой части своихъ новыхъ подданныхъ! Народъ этотъ, сдѣлавшись менѣе несчастнымъ, будетъ развитѣе, дѣятельнѣе, лучше расположенъ и болѣе вѣренъ по отношенію къ правительству" [1]).

По вѣрному замѣчанію одного новѣйшаго историка, „польская революція 1791 г. имѣла рѣдкую привилегію возбуждать одновременно удивленіе и сторонниковъ французской революціи, и самаго непримиримаго изъ ея противниковъ" [2]). Дѣйствительно, конституція 3-го мая сразу измѣнила европейское общественное мнѣніе въ пользу поляковъ. Знаменитый Бѣркъ, видѣвшій вообще въ раздѣлѣ Польши гибель политической системы, которая до того времени охраняла независимость Европы [3]), превознесъ похвалами конституцію 3-го мая въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей [4]). Съ своей стороны и Фоксъ въ краснорѣчивой парламентской рѣчи 18-го февраля 1793 г. восхвалялъ конституцію 3-го мая и оплакивалъ судьбу Польши [5]). Томасъ Пэнъ, не придавая большого значенія самой конституціи, признавалъ однако, что польское правительство хотѣло дать примѣръ исправленія своихъ недостатковъ [6]). Далѣе, Мэкинтошъ, бывшій оппонентомъ Бѣрка въ пониманіи французской революціи, видѣлъ въ раздѣлѣ Польши убійство націи. Онъ находилъ, что этому дѣлу можно было бы помѣшать, такъ какъ оно произошло не сразу, и „Англія съ Франціей", говоритъ онъ,—„имѣли бы за себя всѣхъ государей, потому что всѣмъ одинаково угрожало покушеніе, отдававшее судьбу націй господству силы" [7]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „убійца не можетъ предвидѣть зла, которое произойдетъ отъ его преступнаго дѣла; онъ убиваетъ силу, назначеніе коей извѣстно единому Богу. Что же будетъ, если это—цѣлая нація, которая погибаетъ отъ злодѣйскаго покушенія? . . . . . Убить націю есть преступленіе про-

---

1) *Raynal*, 88.

2) *A. Sorel*. L'Europe et la révolution francaise. P. 1887. II, 215.

3) *Burke* въ Annual Register 1772 г. Приведено у *Laurent*. O. c., XI, 352.

4) См. длинную выписку на стр. 249—252 перваго тома книги Vom Entstehen und Untergange der poln. Constitution vom 3-ten May 1791. Ср. краткое примѣч. у *Лелевеля* (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. VI. Panowanie St. Aug. Poniatowskiego, 217.)

5) Vom Entstehen etc. I, 252-253. *Lelewel*. O. c., 217.

6) Vom Entstehen etc. I, 253.

7) *Edinburgh Review*. Selections, IV, 42 (*Laurent*, XI, 353).

тивъ человѣчества. Съ точки зрѣнія политики это столь же виновное дѣяніе" [1]). Мэкинтошъ, какъ и Бёркъ, оплакиваетъ гибель европейскаго равновѣсія: „съ 1772 года", говоритъ онъ,—„международное право сдѣлалось пустымъ словомъ, ибо царствуетъ насиліе".

Кромѣ того, сочувствіе къ Польшѣ по поводу конституціи 3-го мая и судьбы послѣдней было высказано аб. Сіейсомъ, Вольнеемъ, членомъ конвента Garran de Coulon и др. [2]).

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ можно ясно видѣть, что приписывать философамъ XVIII в. однообразное отношеніе къ тогдашнимъ польскимъ дѣламъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, цитированные мною Вёльо и г. Корзонъ, положительно не приходится. Это разъ. Вовторыхъ, и тѣ немногіе примѣры, которые были приведены, даютъ намъ до нѣкоторой степени возможность познакомиться съ исторіей общественнаго мнѣнія на Западѣ по польскому вопросу и сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, какое образовалось у самихъ поляковъ относительно причинъ ихъ политической гибели: это очень важно, ибо предопредѣляетъ ту точку зрѣнія, съ какой и на Западѣ должны были писаться первыя исторіи раздѣловъ Рѣчи Посполитой. Собирая вмѣстѣ приведенныя и имъ подобныя мнѣнія западныхъ писателей и политическихъ дѣятелей о Польшѣ, мы во всей совокупности этихъ мнѣній находимъ три существенные пункта. Первый—порицаніе старо-польскихъ порядковъ, то-есть, анархіи въ политическомъ отношеніи (напримѣръ, у Монтескье), угнетенія народной массы въ соціальномъ (напримѣръ, у Рэйналя) и духа нетерпимости въ религіозномъ (напримѣръ, у Вольтера). Отсюда дѣлается выводъ, что Польша заслужила свою судьбу. Другой пунктъ—порицаніе политики державъ, дѣлившихъ Польшу: если въ самомъ началѣ диссидентскаго вопроса независимое общественное мнѣніе было за союзъ Екатерины II и Фридриха II, то когда изъ этого союза вышелъ первый раздѣлъ, это мнѣніе отнеслось къ нему неодобрительно, хотя и было признано, что поляки пострадали заслуженно. Третій пунктъ—сочувствіе возрожденію Польши въ эпоху четырехлѣтняго сейма, вѣра въ это возрожденіе, а затѣмъ и негодованіе на то, что ему помѣшали. Такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ независимый взглядъ на паденіе Польши, образовавшійся на Западѣ, до извѣстной степени со-

---

1) *Ed. R.* Sel., IV, 45 (*Laurent*, XI, 353).

2) Vom Entstehen etc. I, 254. *Lelewel*, 218. *Garran de Coulon* написалъ Recherches politiques sur la Pologne. 1794.

впалъ съ тѣмъ общимъ представленіемъ, какое составилось обо всемъ дѣлѣ въ польскомъ обществѣ.

Ко второй категоріи авторовъ, писавшихъ о Польшѣ, нужно отнести тѣхъ, которые посвятили ей цѣлыя сочиненія. Таковы были, главнымъ образомъ, аббатъ Мабли, составившій цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ „О правительствѣ и законахъ Польши", и Жанъ-Жакъ Руссо, издавшій также „Разсужденіе о польскомъ правительствѣ". Оба названныя сочиненія обязаны своимъ происхожденіемъ просьбѣ польскихъ патріотовъ, доставившихъ знаменитымъ французскимъ публицистамъ и необходимый матеріалъ для такой работы, и свои собственныя соображенія.

„Мы"—такъ начинаетъ Мабли свое сочиненіе, обращаясь къ гр. Вельгорскому [1])—„мы часто разговариваемъ, графъ, о несчастіяхъ, удручающихъ ваше отечество, мы отыскиваемъ ихъ причины, такъ какъ ваше стремленіе къ общему благу заставляетъ васъ искать лѣкарства, полезнаго для вашихъ согражданъ, а разъ вы этого желаете, я сообщу вамъ свои размышленія. Я очень желалъ бы, чтобъ они были въ состояніи принести какую-либо пользу націи, которую могли сдѣлать несчастною недостатки ея правленія, но которая, боясь рабства и любя свободу, быть можетъ, еще способна отказаться отъ своихъ предразсудковъ и исправить свои ошибки. Еслибы вы мнѣ сказали о вашихъ соотечественникахъ то, что говорилъ Титъ Ливій о современныхъ ему римлянахъ: nec vitia nostra, nec remedia pati possumus, вы должны были бы рѣшиться на то, чтобы видѣть гибель своей республики. Любовь къ свободѣ, любовь къ отечеству, презрѣніе къ смерти, храбрость, терпѣніе, ваши конфедераціи, на которыя вы возлагаете такія надежды,—ничто изъ всего этого не помѣшаетъ вамъ пасть.... Но еще не все потеряно, если правда, какъ я не сомнѣваюсь послѣ нашихъ разговоровъ, что ваши вельможи, начиная понимать, что ихъ благосостояніе не удержится, если республика рухнетъ, теперь уже менѣе предаются взаимной непріязни и обнаруживаютъ болѣе способности къ сближенію" [2]).

---

[1]) Abbé de *Mably*. Du gouvernement et des lois de la Pologne. A. M. le comte Wielhorski. Цитуемъ по изданію Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Toulouse. 1793. Tome XI. Объ этомъ политическомъ писателѣ, нѣсколько позабытомъ исторической литературой, есть французская книга проф. Моск. унив. *В. И. Герье.*

[2]) *Mably*, 1—3.

Единственное спасеніе видитъ Мабли въ „мудромъ правленіи“: „конфедераты“ (барскіе), говоритъ онъ,—„убѣждены въ этой истинѣ, и они надѣются, что ихъ отечество, наученное несчастьями, произведетъ у себя реформу. Я охотно желалъ бы вѣрить этому съ вами, но позвольте мнѣ сказать вотъ что: эти надежды изчезнутъ, если въ минуту заключенія мира, сеймикамъ и общему сейму не будетъ представлена совсѣмъ готовая система правленія“ [1]). Что безъ реформы Польша погибнетъ, эта мысль проходитъ черезъ весь трактатъ Мабли [2]), а онъ однако вездѣ даетъ понять, какъ трудна эта реформа, по его мнѣнію. „Сказать ли мнѣ“, объявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—„что по счастью или несчастью слишкомъ серьезное изученіе переворотовъ, которые испытывали народы, меня убѣдило, что ничто не встрѣчается такъ рѣдко и не бываетъ такъ трудно, какъ реформа націй?.... Не долженъ ли всякій знать, что характеръ полученный націей отъ старыхъ законовъ и старыхъ обычаевъ, долго еще борется противъ нововведеній, принять которыя заставила ее политика.... Но даже, допуская, что произойдетъ счастливый переворотъ въ польскихъ нравахъ, я все-таки, графъ, еще боялся бы, какъ бы ваша республика не стала прозябать въ крайней слабости или, по крайней мѣрѣ, какъ бы не упустила случая извлечь все изъ своихъ силъ, пока она остается республикой дворянской. Взгляните, пожалуйста, въ какомъ уничиженіи держитъ ваше дворянство своихъ подданныхъ. Они, конечно, совсѣмъ не интересуются ни благополучіемъ вашимъ, ни вашими бѣдствіями; и еслибы они не были доведены до скотскаго состоянія (abrutis) своимъ невѣжествомъ и тяжестью своего рабства, они были бы открыто вашими врагами, и вы испытали бы возстанія рабовъ, которыя отчаяніе дѣлало иногда столь ужасными“ [3]).

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что авторъ сочиненія „О правительствѣ и законахъ Польши“ смотрѣлъ довольно-таки пессимистически на будущее Рѣчи Посполитой. Есть всѣ основанія полагать, что такой тонъ сочиненія Мабли не понравился полякамъ. Но идемъ далѣе. Разсмотримъ, въ чемъ этотъ политическій писатель видѣлъ главные недуги Польши. Взявшись дать полякамъ политическіе со-

---

[1]) *Mably*, 7. Cf. 8—9.

[2]) Cf. стр. 13—14, 27 и др. Замѣчательно, что авторъ стоитъ противъ крутыхъ переворотовъ, стр. 149 sq.

[3]) Ibid., 230—231.

вѣты, онъ въ началѣ своего трактата „начертываетъ въ двухъ словахъ исторію правленія и несчастій“ Польши [1]). „Польша“, говоритъ онъ,—„ускользнула отъ произвольной власти, только все чаще и чаще прибѣгая къ конфедераціямъ. Голоса покупались на сеймахъ, и чтобы воспрепятствовать этимъ собраніямъ продать королю свободу націи, установили наконецъ liberum veto... Въ концѣ концовъ всѣ несчастья происходятъ отъ уничтоженія (anéantissement) законодательной власти, которая была подчинена капризу одного посла, произносящаго veto... Начните же съ того, чтобъ установить законодательную власть, и дайте ей силу, которой ничто не могло бы сопротивляться“ [2]). Указывая на конфедераціи, единогласіе и liberum veto, какъ на самыя характерныя польскія учрежденія, Мабли высказываетъ о нихъ такое мнѣніе: „такимъ образомъ, чтобы избѣжать тиранніи, ваша республика впала въ самую чудовищную анархію“ [3]). И въ liberum veto, и въ конфедераціяхъ онъ видитъ выгодныя стороны лишь потому, что само польское правленіе чудовищно: „это порокъ (vice), служащій палліативомъ противъ другаго порока“ [4]). Но недостаточно одной организаціи законодательной власти: нужно, продолжаетъ Мабли, „разрушить еще въ провинціяхъ духъ независимости и анархіи, который тамъ царствуетъ и который онѣ ревниво оберегаютъ“ [5]). Авторъ затронулъ здѣсь ненормальныя отношенія, существовавшія въ Польшѣ между сеймомъ и сеймиками. Переходя къ вопросу о королевской власти, онъ остроумно замѣчаетъ, что поляки для униженія короля возвысили министровъ, а противъ нихъ придумали „гражданскую войну“, то-есть, конфедераціи [6]). Самую королевскую власть онъ совѣтуетъ сдѣлать наслѣдственною, указывая на подкупъ и застращиванія, рѣшающіе выборъ королей. „Избраніе“, говоритъ онъ,—„ведетъ за собою дурное царствованіе, а дурное царствованіе подготовляетъ ошибочное избраніе“. Но наслѣдственному королю Мабли оставляетъ мало дѣйствительной власти [7]). Что ка-

---

[1]) *Mably*, 11 sq.

[2]) Ibid., 12—13.

[3]) Ibid., 17.

[4]) Ibid., 31. Je n'ai pas étudié votre histoire, monsieur le comte, mais il me semble, qu'il suffit de connoître vos confédérations et votre *veto*, pour être convaincu que vous êtes dans la plus parfaite anarchie, 48.

[5]) Ibid., 34.

[6]) Ibid., 55.

[7]) Ibid., 59—60. Любопытно, что Мабли находитъ слишкомъ много власти

сается до соціальныхъ отношеній, то Мабли высказывается объ ихъ реформѣ очень осторожно, съ оговорками въ родѣ: „если возможно", „нѣтъ времени думать о такихъ установленіяхъ" [1]). Только о крѣпостномъ состояніи крестьянъ онъ говоритъ рѣшительнѣе [2]). Диссидентскій вопросъ даже совсѣмъ не былъ разсмотрѣнъ авторомъ. Мабли касается и разныхъ важныхъ подробностей государственной жизни, отмѣчая отсталость Польши въ весьма различныхъ отношеніяхъ. „Я слышалъ", говоритъ онъ,—„отъ иностранцевъ, что полиція въ вашемъ отечествѣ не лучше татарской" [3]). —„У васъ нѣтъ ни искусствъ, ни мануфактуръ, ни рабочихъ. Вы смотрите на евреевъ, какъ на своихъ рабовъ, а я уже бралъ на себя смѣлость утверждать, что они—господа Польши" [4]). —„Пора, чтобы философія проникла наконецъ въ Польшу и изгнала изъ вашихъ университетовъ жалкую систему, болѣе опасную, чѣмъ невѣжество" [5]). —„Войска теперь въ Польшѣ такъ же дурно устроены, какъ въ Европѣ три вѣка тому назадъ... Въ то самое время, какъ всѣ націи начали дисциплинировать своихъ солдатъ и воевать при помощи ученой методы, которой мы удивляемся у древнихъ, одна Польша не выходила изъ своего стараго варварства" [6]). Мѣстами встрѣчаются у Мабли и далеко не лестныя мнѣнія о господствующемъ сословіи, то-есть, о шляхтѣ. „Что касается до меня", говоритъ онъ,—„признаюсь вамъ, я не могу видѣть безъ нѣкотораго рода страха это многочисленное дворянство, властительное, хотя и униженное, то-есть, дерзкое, мстящее на народѣ за уничиженіе, съ какимъ оно ползаетъ въ ногахъ вельможъ, коихъ оно ненавидитъ,—полное своихъ старыхъ предразсудковъ, незнакомое съ обязанностями гражданина" [7]). Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ сомнѣніе въ силѣ польскаго патріотизма [8]). Пред-

---

у Англійскаго короля и пророчитъ парламенту гибель, 70, 72, 74, 113—114, 128—129. Онъ рекомендуетъ подражать шведамъ, 75, 77, 105, 292 (cf. у *Rousseau* въ сочиненіи, о которомъ ниже, такіе же отзывы объ Англіи, стр. 434, 439, 444, 446, 457, 470 и др.).

[1]) *Mably*, 170, 171.

[2]) Ibid., 231 sq.

[3]) Ibid., 185.

[4]) Ibid., 189.

[5]) Ibid., 191.

[6]) Ibid., 196—197.

[7]) Ibid., 41. Другія подобныя характеристики шляхты, стр. 37, 125.

[8]) Si j'osais le dire, cette indifférence des plus grands personnages de la répu-

водителей Барской конфедераціи онъ прямо обвиняетъ въ нерѣшительности и бездѣйствіи [1]). Замѣчательна еще звучащая иногда нота вѣжливаго сомнѣнія въ томъ, что̀ автору сообщали барскіе конфедераты, бывшіе не прочь, по видимому, прихвастнуть относительно возможности хорошаго оборота дѣлъ,—въ такомъ случаѣ Мабли оговаривается: „если только это правда, въ чемъ я не сомнѣваюсь послѣ нашихъ разговоровъ", „я готовъ вѣрить этому вмѣстѣ съ вами" и т. д. [2]), но сами эти оговорки очень плохо прикрываютъ сквозящее въ нихъ сомнѣніе.

Мабли не ограничился указаніемъ на явленія внутренняго разложенія Рѣчи Посполитой, онъ обратилъ вниманіе и на ея международное положеніе. Поляки, какъ мы видѣли, говорили, что Польша стоитъ безнарядьемъ, и это было вѣрно, по скольку каждая изъ сосѣднихъ державъ зорко наблюдала за тѣмъ, чтобы другія не поживились на счетъ слабаго польскаго государства. Въ соперничествѣ державъ шляхта видѣла гарантію своей безопасности, и такъ, дѣйствительно, было до поры, до времени. Авторъ разсматриваемаго трактата предостерегаетъ поляковъ отъ слишкомъ большой безпечности въ этомъ отношеніи, и его соображенія, касающіяся даннаго вопроса, сто̀итъ отмѣтить. „Я", говоритъ онъ,—„хорошо это вижу, графъ: ваши соотечественники слишкомъ расчитываютъ на силу равновѣсія, которое, по ихъ словамъ, управляетъ Европой и не позволяетъ, чтобы ихъ притѣсняли. Беру на себя смѣлость доказать вамъ, что эта политика равновѣсія не что иное, какъ химера" [3]). Не свидѣтельствуетъ ли объ этомъ равнодушіе Европы къ несчастьямъ Польши? Если Россія сдѣлаетъ попытку подчиненія Польши, кто можетъ поручиться, что Европа будетъ въ состояніи этому воспротивиться? Пока Польша не можетъ быть по крайней своей слабости полезна своимъ союзникамъ, кто станетъ жертвовать за нее своими интересами? „Всякая нація, которая не можетъ держаться собственными силами, не будетъ вѣчно держаться силами своихъ союзниковъ" [4]). Въ другомъ

---

blique me persuaderoit que l'amour de la patrie n'est qu'un sentiment bien foible en Pologne, et qu'il n'a pas formé toutes ces confédérations qui se sont vantees de s'armer pour défendre la liberté". 118—119.

[1]) *Malbi*, 310 sq.

[2]) Ibid., 3, 7 и др.

[3]) Ibid., 80.

[4]) Ibid., 81.

мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Если мнѣ позволено свободно выразить свою мысль, я признаюсь, что меня удивляетъ, какимъ образомъ Польша уже не сдѣлалась провинціей Россіи" [1]). Съ другой стороны, онъ указываетъ и на то, что „если Австрійскій домъ не воспользовался безпорядками польской анархіи, чтобы подчинить себѣ Польшу или, по крайней мѣрѣ, добиться въ ней вліянія, какимъ пользуется Россія, то Польша обязана этимъ только важнымъ дѣламъ, коими Австрія два вѣка была занята на югѣ Европы" [2]). Мабли еще не предвидитъ опасности отъ Пруссіи и за союзъ съ нею—противъ Россіи, конечно,—совѣтуетъ уступить Прусскому королю кое-какія земли. Въ это время Екатерина вела первую свою войну съ Турціей: „Еслибы", говоритъ Мабли,—„она окончила эту войну, принудивъ султана васъ покинуть, для Польши не осталось бы болѣе никакихъ рессурсовъ.... Вѣнскій и берлинскій дворы не суть ваши враги, какъ дворъ русскій; но они и не друзья ваши: до сихъ поръ не дѣлали вамъ ни добра, ни худа. Конечно, у нихъ есть свои причины любить вашу анархію: для нихъ такъ удобно имѣть подъ бокомъ сосѣда, котораго нечего бояться" [3]). Вѣнскій дворъ онъ совѣтуетъ ублаготворить установленіемъ наслѣдственной короны и выборомъ пріятнаго ему лица на наслѣдственный польскій престолъ, а съ Прусскимъ королемъ „можно было бы вступить въ переговоры и купить его согласіе (на реформу), предоставивъ ему кое-какія земли, которыя будутъ для него подходящи и которыя вамъ самимъ никоимъ образомъ ненужны, чтобы образовать счастливую и уважаемую республику" [4]).

Мемуаръ Мабли, написанный по просьбѣ барскихъ конфедератовъ[5]), былъ сообщенъ гр. Вельгорскимъ многимъ лицамъ, которыя письменно сдѣлали на него замѣчанія. Послѣднія были переданы автору и, возражая на нихъ, онъ написалъ вторую часть своего трактата. „Мнѣ кажется", говоритъ Мабли,—„я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій, что очень часто ихъ авторы разсматриваютъ общее благо только по отношенію къ своимъ частнымъ интересамъ.

---

[1]) *Mably*, 89.

[2]) Ibid., 97—98.

[3] Ibid., 288.

[4] Ibid., 289.

[5] Peut-être, говоритъ Мабли въ первой части,—monsieur le comte, que la publication de ce mémoire que les confédérés m'ont fait l'honneur de me demander, ne seroit pas entièrement inutile. Ibid., 162.

Они судятъ о недостаткахъ и безпорядкахъ республики только по тому злу, какое испытали лично, либо по отношенію къ своимъ землямъ" [1]). Но это мимоходомъ. Укажемъ на главныя возраженія, сдѣланныя аббату Мабли.

Прежде всего возстали противъ его мнѣнія, что польскій государственный строй никуда не годится. Сущность этого возраженія сводилась къ тому, что „законы хороши, и что всѣ безпорядки, жертвою коихъ стала Польша, нужно приписать испорченности нравовъ" [2]). Но откуда эта испорченность? По мнѣнію Мабли, она обусловлена въ концѣ концовъ все-таки худымъ законодательствомъ [3]). Далѣе, одинъ изъ оппонентовъ находилъ, что Польша вовсе не нуждается въ общей реформѣ, что достаточно было бы частныхъ мѣръ, которыя проводились бы при случаѣ и по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ [4]). Возразивъ противъ этой мысли по существу [5]), Мабли совѣтуетъ пользоваться зарождающеюся среди поляковъ мыслью о крайнемъ несовершенствѣ ихъ политическаго быта и о необходимости реформы. „Въ самомъ дѣлѣ", говоритъ онъ,—„еслибы урокъ, который получаетъ Польша, не былъ въ состояніи открыть ей глаза и излѣчить ее отъ ея предразсудковъ, нужно было бы согласиться, что только одна полная гибель будетъ въ состояніи научить поляковъ объ ихъ ошибкахъ" [6]). Въ дальнѣйшемъ авторъ шагъ за шагомъ разбираетъ болѣе частныя замѣчанія о королевскихъ прерогативахъ, о veto, о конфедераціяхъ, объ избирательности престола и т. д.

Мы оставили въ сторонѣ самые совѣты Мабли полякамъ, хотя объ одномъ изъ нихъ—объ установленіи наслѣдственной монархіи и пришлось упомянуть. Изложеніе этихъ совѣтовъ не входитъ въ нашъ планъ, по скольку цѣль наша—представить, какъ понимались въ разное время и разными лицами причины упадка Рѣчи Посполитой. Совѣты Мабли не внушили большаго довѣрія тѣмъ, кто за ними

---

1) *Mably*, 238—239.

2) Ibid., 239.

3) Ibid., 240 sq.

4) Ibid., 247.

5) Tant que je n'aurai pas un plan fixé et arrêté de législation, comment jugerai-je que la loi que je porte aujourd'hui ne nuira pas à celle que je croirai important de publier demain? Ibid., 249.

6) Ibid., 253. Ср. аналогичную мысль въ концѣ второй главы II части, стр. 246.

къ нему обращался, и точно такое же предложеніе было сдѣлано въ 1771 году Руссо [1]). Отвѣтомъ на это были его „Considérations sur le gouvernement de Pologne". Къ анализу этого трактата мы теперь и приступимъ, выдѣливъ при этомъ изъ него все существенное для характеристики общаго взгляда Руссо на польскія дѣла и оставивъ въ сторонѣ какъ преподанные полякамъ совѣты, такъ и все, что̀ относится къ политической философіи самого Руссо.

„Читая исторію польскаго правленія"—почти съ этихъ словъ начинаетъ Руссо свои разсужденія—„съ трудомъ понимаешь, какимъ образомъ столь странно устроенное государство могло просуществовать такъ долго" [2]). Не смотря на такое заявленіе, Руссо совѣтуетъ однако полякамъ держаться своей конституціи. „Храбрые поляки", восклицаетъ онъ,—„остерегайтесь! Какъ бы не испортить своего положенія изъ-за слишкомъ большого желанія блага. Думая о томъ, что̀ вы хотите пріобрѣсти, не забывайте того, что̀ вы можете потерять. Исправьте, если возможно, злоупотребленія своей конституціи, но не презирайте ее, сдѣлавшую васъ тѣмъ, чѣмъ вы есть" [3]). Свое заявленіе о томъ, что нужно удивляться существованію Польши, Руссо объясняетъ гораздо дальше, именно въ началѣ III главы. „Польша", говоритъ онъ здѣсь,—„государство большое, окруженное еще болѣе значительными государствами, которыя, благодаря своему деспотизму и военной дисциплинѣ, имѣютъ большую наступательную силу. Слабая, напротивъ, вслѣдствіе своей анархіи, она, не смотря на польскую храбрость, открыта со всѣхъ сторонъ для ихъ несправедливостей" [4]).

Первымъ радикальнымъ недостаткомъ польскаго устройства Руссо считаетъ обширность территоріи Рѣчи Посполитой: республиканское правленіе не годится, по его теоріи, для большаго государства. Объ этомъ можно было бы не упоминать, еслибы Руссо не высказалъ такой мысли, что Польшу полезно было бы обрѣзать: „быть можетъ", говоритъ онъ,—„ваши сосѣди думаютъ оказать вамъ эту услугу. Это было бы, конечно, великимъ зломъ для отдѣленныхъ частей, но за

[1]) *Джонъ Морлей*. Руссо. М. 1881. Стр. 441. Авторъ этой монографіи говоритъ, что въ „Considérations" нѣтъ ничего такого, о чемъ стоило бы распространяться. Согласиться съ этимъ нельзя. Полное заглавіе: „Considérations sur le gouvernement de Pologne et la réforme projettée". En avril. 1772.

[2]) Цитую по „Oeuvres de J. J. Rousseau, citoyen de Genève. Paris. 1793. Tome premier contenant la politique". Приведенныя слова см. на стр. 404.

[3]) Ibid., 405. Cf. стр. 406.

[4]) Ibid., 412.

то было бы громаднымъ благодѣяніемъ для остальной націи" [1]). Другой недостатокъ польскаго устройства—существованіе въ республикѣ трехъ чиновъ (короля, сената и рыцарскаго сословія), когда одна только шляхта (если ужь не весь народъ) должна имѣть верховную власть [2]). И это опять имѣетъ болѣе отношенія къ собственной политической теоріи Руссо, нежели къ польской дѣйствительности. Но вотъ мѣсто, гдѣ „женевскій гражданинъ" прекрасно отмѣтилъ коренной недостатокъ польской конституціи. „Ослабленіе законодательства", говоритъ онъ,—„произошло въ Польшѣ совсѣмъ особеннымъ и, можетъ быть, безпримѣрнымъ образомъ: дѣло въ томъ, что оно потеряло свою силу, не бывши подчинено исполнительною властью. Въ настоящую еще минуту законодательная власть сохраняетъ весь свой авторитетъ; она находится въ бездѣйствіи, но ничего не имѣя надъ собою. Сейму также принадлежитъ верховенство, какъ и во время его установленія, и однако онъ безсиленъ; ничто надъ нимъ не господствуетъ, но ничто ему и не повинуется (rien ne la domine, mais rien ne l'obéit). Это состояніе замѣчательно и заслуживаетъ размышленія" [3]). Организація исполнительной власти, которой не удалось въ Польшѣ подчинить себѣ власть законодательную, также имѣетъ крупные недостатки. „Исполнительная власть, раздѣленная между многими лицами, лишена гармоніи между своими частями и производитъ постоянныя судороги, несогласныя съ хорошимъ порядкомъ. Каждый носитель части этой власти становится, въ силу этой части, во всѣхъ отношеніяхъ выше магистратовъ и законовъ. Правда, онъ признаетъ авторитетъ сейма, но признавая только его, когда сеймъ распущенъ, онъ не признаетъ въ сущности никакого; онъ презираетъ суды и бравируетъ ихъ приговоры. Каждый изъ нихъ есть маленькій деспотъ, который, не похищая верховной власти въ буквальномъ смыслѣ слова, не упускаетъ случая притѣснять по одиночкѣ гражданъ и даетъ пагубный, находящій слишкомъ много подражателей примѣръ нарушенія, безъ совѣсти и страха, правъ и свободы частныхъ лицъ" [4]). Указываемъ на эти два мѣста, такъ какъ въ нихъ вѣрно схвачены двѣ главныя особенности польскаго госу-

---

[1]) *Rousseau*, 428.

[2]) Ibid., 429 sq. Въ этой же главѣ (VI) находится и знаменитое мѣсто объ освобожденіи крестьянъ.

[3]) Ibid., 433—434.

[4]) Ibid., 435.

дарственнаго строя, и обходимъ молчаніемъ предложенныя въ данныхъ отношеніяхъ Руссо реформы, чтобы перейдти прямо къ сдѣланному имъ анализу причинъ господствующей въ Польшѣ анархіи. Этому вопросу онъ посвящаетъ IX главу. „Презрѣніе къ законамъ", говоритъ онъ въ началѣ этой главы,—„и анархія, въ коихъ Польша жила доселѣ, имѣютъ бросающіяся въ глаза причины. Изъ нихъ я уже указалъ на главную прежде;.... другія, содѣйствующія ей, причины суть: 1) liberum veto, 2) конфедераціи и 3) злоупотребленіе частныхъ лицъ правомъ имѣть у себя на службѣ вооруженныхъ людей. Это послѣднее злоупотребленіе таково", продолжаетъ авторъ,—„что если не начать съ его отмѣны, всѣ остальныя реформы будутъ безполезны. По скольку частные люди будутъ имѣть возможность сопротивляться исполнительной силѣ, по стольку они будутъ считать себя въ правѣ это дѣлать, а пока между ними будутъ маленькія войны, какъ хотите вы, чтобы государство пользовалось миромъ?" [1]). Что касается до liberum veto, то Руссо считаетъ его вовсе не дурнымъ установленіемъ, но „лишь только оно переступаетъ свою границу, оно дѣлается опаснѣйшимъ изъ злоупотребленій: оно представляло собою гарантію общественной свободы, но въ настоящее время оно только орудіе притѣсненія." По отношенію къ нему Руссо рекомендуетъ нѣкоторыя реформы [2]). Столь же осторожно онъ относится къ конфедераціямъ, совѣтуя только ихъ упорядочить и находя, что когда всѣ злоупотребленія изчезнутъ, конфедераціи сами собою сдѣлаются излишними [3]). Мы могли бы привести еще мѣсто, гдѣ говорится о крѣпостномъ состояніи крестьянъ, еслибъ оно не было болѣе характернымъ для самого Руссо, чѣмъ для пониманія имъ причинъ паденія Рѣчи Посполитой.

Общее впечатлѣніе отъ отношенія Руссо къ польскимъ порядкамъ гораздо болѣе для нихъ благопріятное, нежели впечатлѣніе,

---

[1]) *Rousseau*, 461. На это указывалъ и Мабли. Je vois avec chagrin, говоритъ онъ,—un vice énorme dans votre constitution. Je veux parler de ces espèces de souverainetés que se sont faites quelques seigneurs. Ils ont des forteresses, et y tiennent une garnison qui ne dépend que d'eux. Vos lois ont toléré cet abus, ou parce qu'elles ne pouvaient le réprimer, ou etc.... Mais la société est menacée des plus grands dangers quand un citoyen est assez fort par lui-même pour ne pas craindre la loi. O. c., 206.

[2]) *Rousseau*, 462.

[3]) Ibid., 466 sq.

какое оставляетъ по себѣ сочиненіе Мабли о томъ же предметѣ [1]). Но и у него попадаются мѣста, какъ будто говорящія о безнадежномъ состояніи Рѣчи Посполитой. „Если"—сказано, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, — „если Польша дошла уже до того, что все въ ней продажно и развращено до корня, то напрасно она пытается реформировать свои законы и сохранить свою свободу; нужно, чтобы она отъ этого отказалась и склонила голову свою подъ иго" [2]). Въ другомъ мѣстѣ, къ самому концу „Considérations", Руссо говоритъ: „Ну, а если не смотря на храбрость и твердость конфедератовъ и не смотря на справедливость ихъ дѣла, счастье и всѣ державы ихъ оставятъ и отдадутъ отечество его угнетателямъ........ Но я не имѣю чести быть полякомъ, и въ положеніи, въ какомъ вы находитесь, дозволяется подавать свое мнѣніе только своимъ примѣромъ" [3]).

Только что указанное благопріятное отношеніе Руссо къ принципамъ польскаго политическаго строя находитъ объясненіе въ томъ, что въ немъ женевскій философъ видѣлъ какъ бы осуществленіе своей теоріи о народовластіи. Поэтому и въ польскомъ обществѣ Руссо сдѣлался очень популяренъ. „Руссо", говоритъ Калинка, изслѣдовавшій его вліяніе на Польшу, — „приносилъ съ собою то, что находилъ у насъ, приходилъ къ своимъ, и свои его узнали. Было бы", прибавляетъ онъ,—„любопытною и заманчивою вещью разсмотрѣться по-основательнѣе въ столь великомъ количествѣ сходныхъ чертъ между „Общественнымъ договоромъ" Руссо и политическими парадоксами, которые высидѣлись въ шляхетскихъ головахъ въ эпоху нашей анархіи" [4]). Приведши нѣкоторыя мѣста изъ „Contrat social", польскій историкъ замѣчаетъ, что все это какъ бы политическій кодексъ изъ саксонскихъ временъ, и читая его, словно слышишь польскихъ сеймовыхъ пословъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Руссо требовалъ отъ единицы и абсолютнаго повиновенія государству [5]). Не смотря на все это, Руссо находитъ важные недостатки въ польской конституціи,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руссо критикуетъ политическіе совѣты Мабли не называя, впрочемъ, ихъ автора. См. стр. 436, 451, 456, 522, 525.

[2]) Ibid., 501.

[3]) Ibid., 526. О трактатѣ Руссо см. статью *Реппеля*, въ *Zft d. hist. Geselsch. für d. Prov. Posen*, 1887, № 3.

[4]) *Kalinka*. Sejm czteroletni. 1886. II, 411 (по 3 изд.).

[5]) Ibid., II, 451. Калинка страннымъ образомъ пропустилъ Мабли.

и то, что̀ онъ говоритъ о слабости законодательной власти и о дурной организаціи власти исполнительной, совершенно вѣрно [1]).

Третью категорію западно-европейскихъ писателей, которыхъ мы должны включить въ свой обзоръ, составляютъ первые историки раздѣловъ Рѣчи Посполитой, излагавшіе дѣло по устнымъ разказамъ, газетнымъ извѣстіямъ, разнымъ публицистическимъ брошюрамъ и офиціальнымъ публикаціямъ и обсуждавшіе его съ точки зрѣнія наиболѣе распространенныхъ тогда взглядовъ [2]). Уже послѣ перваго раздѣла Польши на западѣ появилось нѣсколько сочиненій полупублицистическаго, полуисторическаго характера, имѣвшихъ значеніе въ свое время по своему вліянію на образованіе общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ относительно польскихъ дѣлъ, но въ настоящее время едва заслуживающихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что ихъ авторамъ иногда было достаточно нѣсколькихъ общихъ идей и общихъ мѣстъ, кое-какихъ отрывочныхъ знаній по исторіи Польши, да ходячихъ разказовъ о томъ, что̀ творилось съ этою страною, чтобы считать себя въ правѣ судить и рядить. Переходъ отъ этихъ писателей къ историкамъ XIX вѣка, писавшимъ о польскихъ раздѣлахъ на основаніи разработки архивныхъ матеріаловъ, представляютъ изъ себя два историка, сочиненія коихъ, не смотря на свой публицистическій характеръ, долгое время были чуть не единственными источниками по исторіи паденія Польши.

Я не думаю останавливаться подробно на многочисленныхъ пи-

---

[1]) Въ „Contrat social“ (кн. III, гл. VII) Руссо говоритъ, что раздѣленіе исполнительной власти на независимыя магистратуры, какъ въ Польшѣ, дурно: cette dernière forme est mauvaise, parce qu'il n'y a pas d'unité dans le gouvernement et que l'État manque de liaison.

[2]) Въ первой главѣ нашего обзора были уже названы: 1) сочиненія объ этомъ предметѣ, изданныя поляками на иностранныхъ языкахъ, 2) иностранныя сочиненія, основанныя на польскихъ источникахъ, и 3) переводы съ польскаго (1) *Łojko*, *Komarzewski*, *Łobarzewski*, *Woyda* и др.; 2) *Jaubert*, *K. Glave* и т. п., 3) Vom Entstehen und Untergange der polnischen Konstitution“, „Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution“ и пр.). Кромѣ того, во второй главѣ при разсмотрѣніи книги Лелевеля о царствованіи Станислава Августа приведены еще названія другихъ сочиненій, коими пользовался этотъ историкъ (*Wil. Coxe*, *Vioménil*, *Mehée*, *Zajączek*, *Pistor* и др.). Наконецъ, укажемъ на Reise eines Liefländers von Riga nach Warschau. Berlin. 1795—1797 (польскій переводъ изданъ въ Дрезденѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ: Polska w roku 1793 według podróży *Fryderyka Szulca*), *Wraxall*. Memoirs of the courts of Berlin, Dresden, Warsaw and Wienna in the years 1777—1779. London. 1800.

саніяхъ прошлаго вѣка, посвященныхъ паденію Польши. Какъ историческій источникъ, они имѣютъ большею частью значеніе самое маловажное, а ихъ взгляды, не отличаясь ни глубиною, ни оригинальностью, и вліянія особеннаго не имѣли на послѣдующую западно-европейскую исторіографію. Въ видѣ примѣра этой литературы можно привести здѣсь только кое-что. Прежде всего одинъ примѣръ того, съ какимъ плохимъ знаніемъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ брались иногда за обсужденіе польскихъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ перваго раздѣла Рѣчи Посполитой вышла въ свѣтъ на французскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ „Польша, какою она была, какова теперь и какою будетъ“ [1]). „Событіе, о которомъ она повѣствуетъ, заслуживаетъ“, по словамъ ея автора,—„всеобщаго вниманія: оно показываетъ намъ, что̀ можетъ сдѣлать сила и какимъ опасностямъ всегда подвержено слабое правительство“ [2]). Книжка представляетъ изъ себя очень бѣглый и поверхностный обзоръ польской исторіи и государственнаго устройства Рѣчи Посполитой; нѣсколько подробнѣе изложена исторія царствованія Станислава Понятовскаго, хотя и тутъ авторъ нерѣдко плохо знаетъ то, о чемъ пишетъ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что Екатерина вступилась „за польскихъ протестантовъ, которыхъ называютъ диссидентами“, и не упоминаетъ ни единымъ словомъ [3]) о православныхъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ увѣряетъ, что польская республика никогда не обижала протестантовъ, и если въ Европѣ была, оворитъ онъ,—нація вѣротерпимая, такъ это именно были поляки [4]). Подробное утвержденіе является у автора вовсе не изъ желанія защитить поляковъ во что бы то ни стало, потому что вообще этого желанія въ книжкѣ незамѣтно, но просто авторъ былъ мало знакомъ даже съ самыми важными фактами польской жизни. Онъ самъ заявляетъ о своемъ безпристрастіи, и на дѣлѣ его размышленія надъ судьбами Польши отличаются спокойствіемъ. „Каждому философу“,—говоритъ онъ,—„который внимательно взвѣшиваетъ то, что мы изложили и что произошло чуть не на нашихъ глазахъ, есть о чемъ

---

[1]) La Pologne, telle qu'elle a été, telle qu'elle est, telle qu'elle sera. 1775. A Varsovie et se trouve à Poitiers. Въ концѣ цензурное разрѣшеніе печатать, помѣченное изъ Парижа въ 1774 г. Сочиненіе это приписываютъ *Caraccioli* (1721—1803).

[2]) Ibid., часть первая, стр. V.

[3]) Ibid, II, 13. Ср. II, 21, 24 и др., гдѣ также рѣчь идетъ объ одномъ лютеранизмѣ.

[4]) Ibid, III, 13.

тутъ поразмыслить, будетъ ли это непостоянство дѣлъ человѣческихъ или способъ умаленія и увеличенія государствъ" [1]). И входя въ обсужденіе факта съ точки зрѣнія политической, а не съ такой отвлеченной, авторъ по прежнему остается спокойнымъ [2]). Значитъ, то, что̀ можно было бы приписать сознательному искаженію истины, объясняется тутъ просто ея незнаніемъ.

Съ другой стороны, были, конечно, сочиненія и основательныя, но въ наше время они большею частью утратили свою цѣну, да и на ближайшихъ даже къ той эпохѣ историковъ не оказали особаго вліянія. Въ видѣ примѣра я укажу здѣсь на одно нѣмецкое изданіе, которое можно разсматривать, какъ ученый комментарій къ конституціи 3-го мая. Именно въ годъ костюшковскаго возстанія (1794 г.) вышла въ Вѣнѣ книжка Франца Іосифа Іекеля подъ заглавіемъ „Изображеніе государственныхъ перемѣнъ въ Польшѣ" [3]), заключавшая въ себѣ краткую исторію государственнаго права Польши до конституціи 3-го мая включительно. Впослѣдствіи авторъ сдѣлалъ изъ этой книжки введеніе въ болѣе обширный трудъ, который вышелъ въ шести частяхъ въ 1803—1814 годахъ подъ названіемъ „Исторія польскихъ государственныхъ перемѣнъ и послѣдней конституціи" [4]). Все сочиненіе получило характеръ анализа конституціи 3-го мая 1791 г. по отношенію къ коему роль введенія играетъ именно болѣе ранняя работа; самый же анализъ ведется такъ, что каждая часть „устава правленія" разсматривается съ исторической точки зрѣнія. Напримѣръ, первая статья конституціи 3-го мая посвящена религіи, и вотъ авторъ разсматриваетъ исторію религіи въ Польшѣ, то-есть, исторію католической церкви и иновѣрныхъ исповѣданій (вся вторая часть). Также разбираются статьи конституціи о шляхтѣ, городахъ, крестьянахъ (III часть), о правительствѣ и сеймѣ, вслѣдъ затѣмъ начинается описаніе Польши въ физическомъ отношеніи (IV часть), представляющее переходъ къ исторіи польской торговли (V и VI части). Конецъ такимъ образомъ не вполнѣ подходитъ къ заглавію книги, такъ что послѣднія статьи конституціи остались не разобранными. Для насъ нѣкоторый интересъ можетъ еще представить первая часть

---

[1]) *Caraccioli*, II, 122.

[2]) Ibid., II, 123 sq.

[3]) *Franz Ios. Iekel.* Darstellung der Staatsveränderungen Pohlens. Wien. 1794.

[4]) *Franz Ios. Iekel.* Pohlens Staatsveränderungen und die letzte Verfassung. Первыя три части—1803 г., четвертая—1806 г., пятая и шестая—1814 г.

болѣе общаго содержанія, которая была выпущена въ свѣтъ въ 1794 г. Въ ней первые 9 параграфовъ разсматриваютъ польскую исторію до смерти Августа III, а послѣдній (17-й) заключаетъ въ себѣ самый уставъ правленія 3-го мая. Такимъ образомъ на исторію царствованія Станислава Августа приходится семь параграфовъ, занимающихъ около 50 страницъ. Эпиграфъ на заглавномъ листкѣ введенія гласитъ:

Οὐχ ἀγαθὸν πολυχοιρανίη · εἷς χοίρανος ἔστω
Εἷς Βασιλεύς,

—стихъ изъ Гомера, осуждающій многоначаліе во имя одного господина, одного царя. Самое однако содержаніе введенія имѣетъ чисто повѣствовательный и описательный характеръ.

Болѣе подробнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ два французскіе историческіе труда о польскихъ раздѣлахъ, долгое время, какъ было упомянуто, остававшіеся главными источниками, изъ коихъ черпали свои свѣдѣнія объ эпохѣ другіе историки [1]).

Первое изъ этихъ сочиненій есть знаменитая „Исторія анархіи въ Польшѣ и расчлененія этой республики" Рюльера [2]). Прежде всего два-три слова объ авторѣ. Получивъ образованіе у іезуитовъ, онъ 25 лѣтъ отъ роду попалъ въ секретари французскаго посольства въ Петербургѣ, гдѣ пробылъ съ небольшимъ годъ, какъ разъ во время переворота, доставившаго престолъ Екатеринѣ II. Возвратившись въ Парижъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ описаніемъ этого переворота (Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'an-

---

[1]) Lange Zeit hindurch beherrschten Rulhière und sein Fortsetzer Ferrand die Auffassung über die Genesis des Theilungsvertrages. *Adolf Beer*. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. I. Vorwort, III. Лелевель въ предисловіи къ 3 изд. Panowania Stanisława Augusta, перечисляя сочиненія, коими пользовался, при указаніи на Феррана замѣчаетъ: dzieło najważniejsze, obejmujące ogół do końca, a poczytujące Rulhièra za swój wstęp. Кромѣ того, онъ особенно выдѣляетъ оба сочиненія изъ массы другихъ: w języku francuzkim najcelniejsze są do przytoczenia dzieła którymi się Francuzi, a mianowicie Rulhière i Ferrand dziejom ostatnich czasów Rzeczypospolitej przysłużyli.

[2]) *De Rulhière*. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. P. 1807. Ссылки дѣлаются у насъ по парижскому изданію 1819 г. въ четырехъ томахъ. Въ этомъ изданіи помѣщены еще: „notice historique sur la vie et les écrits de Rulhière", „extrait de la discussion qui s'éleva dans le sein de l'Institut de France au sujet de l'Hist. de l'anarchie de Pol." и знаменитые Anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762. Это сочиненіе было издано еще въ Парижѣ въ 1863 г. въ трехъ томахъ.

neé 1762), и ему былъ открытъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда можно было бы почерпнуть матеріалъ для заказанной ему исторіи польской анархіи. Эта исторія назначалась въ буквальномъ смыслѣ ad usum delphini (въ 1768 г.). Ему хотѣли даже поручить секретную миссію въ Польшѣ, но дѣло не состоялось, и только черезъ восемь лѣтъ послѣ начала работы надъ польскою анархіей удалось Рюльеру побывать въ этой странѣ (1776 г.) и то въ качествѣ частнаго человѣка: онъ посѣтилъ Польшу, чтобы собрать кое-какія свѣдѣнія на мѣстѣ. Изъ этого можно видѣть, какъ подготовлялъ Рюльеръ свою работу, и откуда онъ почерпалъ для нея матеріалъ: разборъ бумагъ министерства иностранныхъ дѣлъ и личныя сношенія съ французскими дипломатическими агентами на мѣстѣ должны были поставить его au courrant всего, что творилось въ Польшѣ. Работая надъ своимъ историческимъ трудомъ двадцать-два года, онъ такъ-таки его и не окончилъ; изданъ же былъ этотъ трудъ только черезъ 16 лѣтъ послѣ смерти автора. Появленіе книги въ свѣтъ въ 1807 г. надѣлало много шуму, который еще болѣе увеличился, когда во французскомъ институтѣ не хотѣли ей присудить одинъ изъ такъ называемыхъ „grands prix décennaux", распредѣлявшихся въ 1810 году [1]).

Все сочиненіе Рюльера о польской анархіи раздѣляется на пятнадцать „книгъ", не имѣющихъ особыхъ заглавій [2]), но уже конецъ тринадцатой пришлось издателю возстановлять на основаніи оставшихся отъ автора замѣтокъ и набросковъ, такъ какъ самъ онъ не далъ окончательной обработки послѣдней части указанной книги; книги же XIV-я и XV-я существуютъ только въ видѣ краткихъ précis, въ значительной степени принадлежащихъ перу издателя, такъ что,

---

[1]) См. вышеуказанный „extrait de la discussion", занимающій въ изданіи 1819 г. около 125 стр. перваго тома (XLIII—CLXVI).

[2]) Въ I книгѣ излагается вкратцѣ польская, а во II русская исторія до Августа II и Петра Великаго. III книга охватываетъ событія въ Россіи и въ Польшѣ съ начала царствованія Екатерины I до начала семилѣтней войны, IV доводитъ параллельный разказъ о русскихъ и польскихъ дѣлахъ до вступленія на престолъ Екатерины II, книга V—до смерти Августа III, книга VI—до избранія Станислава Понятовскаго, VII—до диссидентской конфедераціи, VIII—до Барской конфедераціи, IX—до турецкой войны, книги X—XII обнимаютъ исторію этой войны и дальнѣйшихъ судебъ Барской конфедераціи, XIII посвящена австро-прусской политикѣ, XIV—продолженію разказа о Барской конфедераціи до похищенія короля, XV оканчивается первымъ раздѣломъ.

напримѣръ, сочиненіе оканчивается указаніемъ на событія 1794 г., которыхъ авторъ не могъ знать, такъ какъ умеръ въ 1791 году [1]).

Рюльеръ описывалъ современныя ему событія, разсматривая ихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, обусловливавшимся и вліяніемъ на него тогдашняго общественнаго мнѣнія, и отношеніемъ къ Польшѣ со стороны Франціи. Своею цѣлью онъ прямо ставитъ изобразить „борьбу духа національной независимости противъ насилія чужеземнаго господства [2])", и онъ не скрываетъ своего сочувствія къ полякамъ, тѣмъ болѣе, что системою правительства, коему онъ служилъ, было противодѣйствовать все болѣе и болѣе возроставшему вліянію Россіи на Рѣчь Посполитую. Отсюда его пристрастія, его симпатіи и антипатіи, идеализація польскихъ сторонниковъ Франціи и совсѣмъ иного рода отношеніе къ Станиславу Августу. Самая постановка вопроса внушена была Рюльеру его партійностью: при обсужденіи достоинствъ и недостатковъ его труда во французскомъ Институтѣ, извѣстный Дюпонъ де-Немуръ совершенно вѣрно замѣтилъ, что „главный недостатокъ его плана" заключается въ принятіи слѣдствія за причину: „если ему вѣрить", говорилъ этотъ академикъ,—„именно вліяніе Россіи породило анархію въ Польшѣ, тогда какъ, на оборотъ, сама польская анархія, предшествовавшая возвышенію Россіи, дала последней и поводъ, и средства къ развитію этого вліянія, а затѣмъ стала вводить и другихъ сосѣдей въ искушеніе подобнаго рода" [3]). „Когда", говоритъ еще тотъ же критикъ,—„князь Радзивиллъ и его конфедерація обращаются къ покровительству сначала Россіи, а потомъ Турціи, еще болѣе опасному, такъ какъ войска послѣдней безъ всякой дисциплины производятъ гораздо бо́льшія опустошенія, это происходитъ, по автору, изъ любви къ свободѣ, ради поддержанія старыхъ законовъ. Ихъ продажность, ихъ интриги, попытки, которыя дѣлаетъ въ Петербургѣ гр. Огинскій, ихъ раболѣпіе предъ иностранцами, у коихъ они вымаливаютъ помощь,—все это ему всегда кажется извинительнымъ. Онъ видитъ здѣсь только хорошія побужденія; онъ говоритъ о лицахъ, которыя такъ себя вели, какъ о гра-

[1]) Ainsi s'annonçaient, dès 1774, les envahissements nouveaux qui, vingt ans plus tard, devaient absorber la Pologne entière. IV, 253.

[2]) Выраженіе издателя въ „notice historique", т. I, стр. XX.

[3]) Extrait du mémoire de M. Dupont de Nemours. Ibid., I, стр. LXI. Ниже мы приведемъ собственныя слова Рюльера, которыя находятся, по видимому, въ противорѣчіи съ такимъ обвиненіемъ, но критикъ вѣрно передаетъ общій тонъ книги.

жданахъ, исполненныхъ чести, высокихъ намѣреній (d'élévation) и добродѣтели. Но если король Понятовскій или его дяди пользуются русскою мощью, чтобы помочь установленію еще лучшихъ законовъ, необходимыхъ даже для самаго существованія республики, онъ видитъ въ нихъ лишь интригановъ и деспотовъ. Если большинство поляковъ остается спокойнымъ, если конфедераціи могутъ собрать только самыя незначительныя силы, это со стороны шляхты лишь необходимое благоразуміе, чтобы выждать болѣе благопріятное время, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе. Если, на оборотъ, король медлитъ, если онъ ждетъ, чтобъ улеглись страсти и истинная любовь къ отечеству привела всѣхъ къ единственно полезнымъ законамъ, которые позволили бы націи возвратить свою прежнюю силу извнѣ и управлять внутренними дѣлами, Рюльеръ обвиняетъ его въ нерѣшительности и въ трусости, за привязанность къ этимъ законамъ и къ этимъ учрежденіямъ, предложеннымъ его дядями, принятымъ его разумомъ и его сердцемъ.... Рюльеръ вынужденъ согласиться, что законъ объ единогласіи и разрывъ сеймовъ однимъ голосомъ дѣлали невозможнымъ какое бы то ни было правленіе, и что обычай оставлять тѣ незначительные финансы, какіе только были у поляковъ, въ произвольномъ распоряженіи великихъ казначеевъ и отдавать войска, притомъ безъ жалованія, на добрую волю великихъ гетмановъ—имѣлъ также весьма важныя неудобства. Но именно удерживаніе этого безпорядка онъ называетъ патріотизмомъ и добродѣтелью, а усилія помочь злу получаютъ у него названіе низости и тираніи. Хотя онъ соглашается, что въ 1573 году совершенное равенство политическихъ правъ польской шляхты не было нарушено существованіемъ различія въ религіозныхъ мнѣніяхъ, и что сами католики подразумѣвались въ формулѣ inter nos de religione dissidentes, тѣмъ не менѣе онъ порицаетъ некатоликовъ за то, что они потомъ протестовали противъ отмѣны политическихъ правъ, которыми они такъ долго пользовались и которыя были столь согласны съ естественнымъ правомъ" [1]). Другой академикъ, также высказавшій свое мнѣніе о книгѣ, именно Левекъ, отмѣтилъ другую сторону пристрастнаго изложенія Рюльера. „Когда Рюльеръ писалъ, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ, что Россія находится на канунѣ своей гибели... Рюльеръ непремѣнно хочетъ, чтобы русскіе были трусы" [2]) и т. п. Въ этомъ пристрастномъ отношеніи

[1]) Ibid., I, стр. LXII—LXIV.

[2]) Extrait des observations de M. Levesque. Ibid. I, стр. LXXXV—LXXXVI.

къ Россіи упрекали автора еще при жизни, когда онъ читалъ знакомымъ отрывки изъ своей книги. Въ 1788 или 1789 г., напримѣръ, академикъ Шабанонъ въ письмѣ къ Рюльеру говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Позвольте мнѣ сдѣлать общее замѣчаніе. Вы всегда изображаете русскихъ, какъ народъ подлый и достойный презрѣнія; вы показываете у поляковъ больше благородства, величія, дѣятельности; вы приписываете имъ патріотическія чувства и великую любовь къ свободѣ. Вы создаете среди нихъ великіе характеры, по истинѣ равные характерамъ древнихъ республикъ. Между тѣмъ во всемъ теченіи вашей исторіи, эти гордые и дѣятельные поляки находятся всегда подъ игомъ. Они всегда зависятъ отъ презрѣнныхъ тиранновъ, которымъ вы ихъ порабощаете.... Не боитесь ли вы возможности упрека въ томъ, что вы провозгласили великихъ людей, которые никогда ничего не дѣлаютъ, хотя и имѣютъ передъ собою только трусовъ!" [1]) Сочувственный Рюльеру авторъ „Histoire des trois démembrements de la Pologne" соглашается съ тѣмъ, что въ книгѣ, дѣйствительно, часто проявляется неблагопріятное чувство по отношенію къ русскимъ. „Не менѣе вѣрно и то", прибавляетъ онъ,— „что, разказывая долговременныя и достойныя слезъ несчастья поляковъ, Рюльеръ, такъ сказать, отожествился съ ними и раздѣлялъ чувство угнетенныхъ по отношенію къ ихъ притѣснителю" [2]).—Разсмотримъ теперь самое содержаніе книги. На первыхъ же ея страницахъ [3]) Рюльеръ говоритъ о польской анархіи, что̀ и понятно при заглавіи сочиненія, имѣющаго впрочемъ, болѣе богатое содержаніе, нежели описаніе одной польской анархіи. Причины послѣдней, по его словамъ, коренятся очень глубоко. „Послѣднія событія", говоритъ онъ,—„на которыя часть поляковъ сваливаетъ всѣ несчастья своего отечества, были ея послѣдовательными симптомами (occasions), но не суть ея настоящія причины. Всѣ эти бѣдствія имѣютъ болѣе глубокіе корни, распространяющіеся, такъ сказать, подъ послѣдними вѣками, такъ что еслибы судьба привела другія конъюнктуры, эти печальныя сѣмена нашли бы какой-нибудь другой способъ дать

Наиболѣе вѣскія замѣчанія о книгѣ Рюльера и о польскихъ дѣлахъ, имъ описываемыхъ, принадлежатъ Дюпонъ-де-Немуру.

[1]) Приведено въ Histoire des trois démembrements de la Pologne. P. 1820. I. Avertissement, p. XI—XII.

[2]) Ibid., I. Avertissement, IX. Объ этой книгѣ см. ниже.

[3]) Ibid., I, 5, 6.

ростки" [1]). Описывая устройство этого государства, давно уже пришедшаго въ „совершенное почти разложеніе" [2]), авторъ находитъ, что польская конституція, не имѣя въ себѣ ничего феодальнаго [3]), была въ сущности тѣмъ же устройствомъ, какое мы встрѣчаемъ у варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію [4]). „Таково", говоритъ онъ,—„въ своей первой простотѣ древнѣйшее республиканское устройство, какое только существуетъ на землѣ, и мы можемъ въ немъ видѣть, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, первобытное состояніе почти всѣхъ новыхъ націй" [5]). Это устройство впослѣдствіи только подверглось измѣненіямъ, исказившимъ его сущность: Рюльеръ подробно останавливается на причинахъ этихъ измѣненій [6]), приведшихъ съ другими условіями быта, особенно въ союзѣ съ католическимъ фанатизмомъ, какъ выражается авторъ, къ „единственной въ своемъ родѣ анархіи (anarchie singulière), которая, подъ предлогомъ приданія коституціи непоколебимости, разрушила въ Польшѣ всю верховную власть (tout le pouvoir souverain), не оставивъ надежды ни для одной корпораціи и ни для одного гражданина когда-либо захватить эту власть въ свои руки" [7]). Польша должна была остановиться въ своемъ развитіи: „если" ,говоритъ Рюльеръ,—„Польша въ предыдущіе вѣка шла наравнѣ со всѣми другими государствами, она остановилась на той точкѣ, какой достигла, или вѣрнѣе—пошла вспять на нѣсколько вѣковъ" [8]). Единственнымъ средствомъ что-либо сдѣлать хорошее, да и то палліативнымъ и обоюдоострымъ были конфедераціи [9]). Частое срываніе сеймовъ сдѣлало Рѣчь Посполитую неспособною быть всегда наготовѣ противъ сосѣдей, честолюбіе коихъ стала привлекать къ себѣ столь богатая добыча [10]). „Ничего подобнаго не случалось ни у одного народа" [11]). Подъ вліяніемъ

---

[1]) Ibid., I, 9.

[2]) Ibid., I, 10.

[3]) Ibid., I, 11 sq.

[4]) Ibid., I, 14.

[5]) Ibid., I, 19.

[6]) Ibid., I, 21 sq. Эти причины: увеличеніе территоріи, установленіе представительныхъ сеймовъ, раздѣленіе дворянства на вельможъ и простую шляхту и новый духъ въ Рѣчи Посполитой послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ

[7]) Ibid., I, 42.

[8]) Ibid., I, 49.

[9]) Un palliatif,...... dont le patriotisme et la tyrannie se soient servis tour à tour. I, 54.

[10]) Ibid., I, 58.

[11]) Ibid., I, 62.

анархіи и характеръ польской націи исказился: „Благородная гордость поляковъ, ихъ великодушная увѣренность въ самихъ себѣ, отличавшая ихъ прежде, должны были необходимо измѣниться и выродиться... Прежде ихъ обвиняли въ легкомысліи, теперь ихъ начали обвинять въ вѣроломствѣ“ [1]). Все это было на руку Россіи, для которой, по Рюльеру, съ Петра Великаго Рѣчь Посполитая сдѣлалась главною цѣлью честолюбія [2]), и „еслибы“, говоритъ онъ еще,—„русскій тронъ былъ болѣе долгое время занятъ однимъ изъ этихъ честолюбивыхъ государей, способныхъ хвататься за всѣ предлоги, какіе имъ только посылаетъ судьба, то, вѣроятно, фатальный періодъ Польши наступилъ бы уже тогда“, то-есть, при Петрѣ Великомъ [3]). Большинство поляковъ этого не понимало, видя даже въ своей анархіи „самую прекрасную систему правленія, какая когда-либо существовала на землѣ“. „Только очень небольшое число гражданъ чувствовало, что столь странное состояніе не можетъ продолжаться много времени, что не можетъ быть настоящаго благополучія для людей безъ защиты и что при первомъ же случаѣ республика падетъ въ великомъ смятеніи. Но даже въ этомъ числѣ нѣкоторые, удерживаемые боязнью причинить такое гибельное потрясеніе, еслибы сдѣлана была попытка реформы, охлаждали свой пылъ, не хотѣли рисковать какою-либо попыткой и предоставляли участь свою и отечества времени и фортунѣ. Другіе, болѣе рьяные и убѣжденные въ настоятельной необходимости предупредить неизбѣжныя иначе бѣдствія, не скрывали отъ себя того, что для успѣха въ такомъ великомъ и трудномъ предпріятіи имъ нужна была крайняя осмотрительность, что одна мысль о перемѣнѣ была бы въ глазахъ большей части націи преступленіемъ, и что сосѣднія державы для ускоренія гибели республики ухватились бы, какъ за предлогъ, за эти самыя реформы, лишь только онѣ стали бы вводиться“ [4]). Рюльеръ становится на сторону поляковъ, видѣвшихъ необходимость въ реформѣ, а въ какомъ направленіи должна была, по его мнѣнію, произойдти эта реформа, можно усмотрѣть изъ того, что имъ говорится, между прочимъ, о безкоролевьѣ по смерти Августа III: „Въ это междуцарствіе, наступленія котораго ожидали самые добродѣтельные граждане, чтобы легче исполнить

[1]) Ibid., I, 107—108. Cf. 184 sq.
[2]) Ibid., I, 110.
[3]) Ibid., I, 125.
[4]) Ibid., I, 188—189.

задуманныя ими преобразованія, дѣло не могло уже ограничиваться, какъ въ предыдущія междуцарствія, удовлетвореніемъ нѣкоторымъ жалобамъ націи, исправленіемъ нѣкоторыхъ злоупотребленій, вкравшихся при послѣднемъ королѣ. Было очевидно, что польскіе законы не соотвѣтствовали болѣе нравамъ; нужно было установить совсѣмъ новое правленіе. Желаніемъ самыхъ мудрыхъ было изъять свое отечество изъ-подъ анархической власти дворянства, отмѣнивъ этотъ нелѣпный законъ объ единогласіи, но въ то же время спасти республику отъ всѣхъ опасностей деспотизма, установивъ національный совѣтъ для назначенія на всѣ должности" [1]).

Такъ понимаетъ Рюльеръ потребности Рѣчи Посполитой, и съ этой точки зрѣнія онъ обсуждаетъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ Польшѣ вообще и въ поднятомъ Екатериною диссидентскомъ вопросѣ въ частности. „Эта государыня", говоритъ онъ,—„видя, что Польша какъ будто сама подставляла шею подъ ярмо, что, ловко играя всѣми интересами и антипатіями, ей удалось всѣхъ поляковъ, заставить повиноваться ея приказаніямъ, — эта государыня думала что поляки дозволили себя ослѣпить до готовности охотно пожертвовать своею независимостью, что республикѣ предстояло подчиненіе, и что наступилъ моментъ самой сдѣлаться ея неограниченною госпожею. Какую славу", продолжаетъ Рюльеръ,—„пріобрѣла бы на самомъ дѣлѣ эта государыня, еслибы, дѣлая въ дѣйствительности то, что она дѣлала только по видимости, она оказала покровительство у сосѣдней и дружественной націи новому законодательству, ставшему необходимымъ, и къ этой прекрасной идеѣ не примѣшала всѣхъ противорѣчій, которыя его разрушаютъ? Какую выгоду она могла бы пріобрѣсти и для себя, еслибы, сдѣлавшись благодѣтельницей этой націи, всегда вѣрной трактатамъ, она привязала ее къ себѣ узами благодарности, не угрожая этимъ несчастнымъ республиканцамъ игомъ, которое они съ ужасомъ отталкивали и тяжесть котораго она уже давала имъ чувствовать, еще не успѣвъ его на нихъ наложить? Это великодушіе только послужило бы ея честолюбію. Лишь возстановляя былую свободу Греціи и сохраняя по отношенію къ ней кажущееся равенство, римляне сдѣлали ее своею данницею. Но Екатерина, ... вообразила, что она сдѣлается владѣлицей этой республики посредствомъ политики, которая была бы равносильна завоеванію: она задумала у націи, еще независимой, перемѣнить и ре-

[1]) Ibid., II, 122.

лигію (!), и законы, то-есть, все то, что̀ ловкіе завоеватели, обладавшіе искусствомъ укрѣплять свое владычество, всегда уважали у покоренныхъ народовъ" [1]). Разказавъ о репнинскомъ рѣшеніи диссидентскаго вопроса, авторъ предается аналогичнымъ же размышленіямъ: „Если бы императрица дѣйствительно желала совершить дѣло, за которое хвалили ее эти философы, то, вмѣсто того, чтобы умножать злоупотребленія церковной власти, она уничтожила бы всѣ старыя злоупотребленія, на которыя жаловались сами поляки, когда нація сохраняла еще свои сеймы; она уменьшила бы всѣ тѣ узурпированныя права, которыя получилъ римскій клиръ, благодаря древнимъ суевѣріямъ: вотъ за что философы, слѣдуя своимъ правиламъ, могли бы ее хвалить. Но установить вооруженною рукою собственную свою религію (!) въ сосѣдней странѣ подъ предлогомъ вѣротерпимости; дать участіе ея священникамъ и ея дворянству въ чужой верховной власти вопреки самому духу религій, которымъ покровительствовала; сдѣлать ихъ столь же обременительными для государства, какъ и римскій клиръ, однимъ словомъ, умножить злоупотребленія религіи",—за все это панегиристы Екатерины не должны были ее хвалить [2]).

Немногія выписки, сдѣланныя нами изъ книги Рюльера показываютъ, что и этотъ писатель, вопервыхъ, находилъ старое польское устройство никуда не годнымъ, вовторыхъ, порицалъ политику раздѣловъ и, втретьихъ, не прочь былъ помечтать о возрожденіи Польши. Его анализъ причинъ польской анархіи, не представляя для насъ ничего новаго и оригинальнаго, сравнительно съ мнѣніями на этотъ счетъ другихъ тогдашнихъ писателей, заслуживаетъ однако вниманія, потому что, при всемъ желаніи сдѣлать изъ своей исторіи апологію падавшей Рѣчи Посполитой, онъ не могъ не видѣть, въ чемъ заключается истинная причина политическихъ бѣдствій Польши Въ данномъ случаѣ Рюльеръ выражалъ только общее мнѣніе о польской конституціи. То же выраженіе общаго мнѣнія представляетъ собою и осужденіе Рюльеромъ политики раздѣловъ, хотя въ послѣдней и ему самому, равно какъ и его современникамъ, не все было извѣстно хорошо и вполнѣ ясно: говоря это, я имѣю въ виду невѣрное пониманіе сущности диссидентскаго вопроса, а еще болѣе—общее молчаніе публицистовъ и историковъ прошлаго столѣтія о томъ,

[1]) Ibid., II, 392—394.
[2]) Ibid., II, 464.

что̀ можно назвать русскимъ вопросомъ [1]). Наконецъ, хотя Рюльеръ и не довелъ своего изложенія до тѣхъ временъ въ исторіи падавшей Рѣчи Посполитой, когда появились дѣйствительные признаки возможнаго, по крайней мѣрѣ, возрожденія націи, но онъ хочетъ въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ симпатичной ему партіи видѣть нѣчто такое, что̀ заключало въ себѣ спасеніе Польши и даже его осуществило бы, еслибъ этому не препятствовали внѣшнія обстоятельства.

Продолжателемъ Рюльера явился Ферранъ, издавшій въ 1820 году въ Парижѣ „Исторію трехъ раздѣловъ Польши" [2]). До извѣстной степени предшественникъ помогъ въ работѣ своему продолжателю, оставивъ ему значительное количество собраннаго и не обработаннаго еще матеріала [3]). Ферранъ издавалъ свою книгу уже послѣ того, какъ совершился послѣдній передѣлъ польскихъ земель на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г., а это обстоятельство дало ему поводъ въ предисловіи предупредить читателя, что его отношеніе къ польскимъ раздѣламъ прошлаго столѣтія отнюдь не распространяется на новый порядокъ вещей. „Справедливые упреки", говоритъ онъ,— „которыхъ не могутъ избѣжать виновники трехъ раздѣловъ, падаютъ на старую политику, подготовившую, проведшую и окончившую это несправедливое дѣло. Справедливыя похвалы (hommages), которыми слѣдуетъ покрыть современное состояніе того, что̀ составляло прежнюю Польшу, касаются теперешней политики, и нѣтъ никого, кто не согласился бы съ тѣмъ, что эта политика обратилась къ выгодѣ разныхъ жителей расчлененныхъ провинцій. Стоитъ только вспомнить всевозможныя бѣдствія, удручавшія поляковъ въ прошломъ столѣтіи, особенно послѣ 1783 г., чтобы прійдти къ тому заключенію, что они потеряли только свое прежнее политическое существованіе, которое было для нихъ лишь источникомъ раздора и несчастій и которое, можетъ быть, не могло бы никогда улучшиться, среди препятствій, какія оно встрѣчало въ ихъ предразсудкахъ, ихъ привычкахъ и ихъ дурныхъ законахъ: теперь они пріобрѣли существованіе, находящееся въ гармоніи съ государствами, часть коихъ они нынѣ составляютъ,

---

[1]) См. гл. V и V нашего обзора.

[2]) Histoire des trois démembremens de la Pologne pour faire suite à l'histoire de l'anarchie de Pologne par Rulhière, par l'auteur de L'esprit de l'histoire et de la théorie des révolutions. Paris. 1820. Ср. похвальные отзывы о Рюльерѣ на первыхъ страницахъ „avertissement".

[3]) Avertissement стр. V—VII.

и если ихъ новое существованіе упрочится, какъ все заставляетъ этого ожидать, полякъ, въ болѣе истинномъ смыслѣ свободный, нежели тогда, когда онъ безпрестанно говорилъ о свободѣ, будетъ въ состояніи, пользуясь выгодами, какія ему даетъ природа, оживить свое земледѣліе, бывшее всегда въ пренебреженіи, и наконецъ освободить свою торговлю отъ разорительной монополіи, какой подчинили ее евреи“ [1]). Мы привели это мѣсто, какъ бросающее свѣтъ на общій взглядъ автора. Вопервыхъ, Ферранъ заявляетъ здѣсь, что онъ будетъ несочувственно относиться и къ самому дѣлу польскихъ раздѣловъ, и къ его виновникамъ. Вовторыхъ, онъ высказываетъ однако сомнѣніе относительно того, могла ли бы Польша придти къ лучшему политическому состоянію, предоставленная сама себѣ,—и не очень высоко ставитъ прежнюю польскую свободу, если не жалѣетъ о ея потерѣ. Втретьихъ, для будущаго онъ рекомендуетъ полякамъ нѣчто такое, что̀ напоминаетъ позднѣйшую программу „органической работы“ (pracy organicznej). По первому пункту авторъ даетъ намъ знать, что его трудъ былъ оконченъ за двѣнадцать лѣтъ до появленія его въ свѣтъ, но онъ находилъ тогда неполитичнымъ издавать сочиненіе, заключающее въ себѣ нападки на политику державъ, раздѣлившихъ Польшу, неполитичнымъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ исключить изъ книги разныя рѣзкости [2]).

Сочиненіе Феррана, состоящее изъ трехъ томовъ, раздѣлено на введеніе, четырнадцать „книгъ“ и общій обзоръ всего содержанія. Во введеніи авторъ разсматриваетъ à vol d'oiseau всю польскую исторію, останавливаясь на концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ первыхъ шести книгахъ (томы I и половина II) разказывается исторія перваго раздѣла, седьмая заключаетъ краткое изложеніе всего происходившаго въ Турціи и Польшѣ со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и перваго раздѣла до 1788 г., книги VIII—XII [3]) повѣствуютъ о сеймѣ 1788 г. и о второмъ раздѣлѣ, двѣ остальныя посвящены костюшковскому возстанію и окончательному раздѣлу, и вездѣ авторъ слѣдитъ за дипломатическими и военными дѣлами, вліявшими на судьбу Польши. Въ заключительномъ обзорѣ подводятся итоги и высказываются общіе взгляды.

---

[1]) Avertissement, стр. XXVII—XXVIII.

[2]) Avertissement, XXIV.

[3]) Третій томъ начинается съ IX книги.

Въ краткомъ очеркѣ польской исторіи Ферранъ, по собственному признанію, слѣдовалъ, главнымъ образомъ, Солиньяку, автору извѣстной исторіи Польши, доведенной до бѣгства Генриха Валуа [1]). Но какъ разъ съ этой эпохи въ польскую политическую жизнь вошли новые принципы, которые придали Польшѣ особый характеръ среди другихъ государствъ Европы. Ферранъ слѣдитъ за измѣненіями въ польской конституціи, открывшими, какъ онъ выражается, „эру бѣдствій" [2]), но, собственно говоря, въ его изложеніи польской исторіи нѣтъ ни одной сколько-нибудь оригинальной мысли, которую слѣдовало бы отмѣтить. Гораздо важнѣе заключеніе (recapitulation), занимающее около пятидесяти страницъ третьяго тома, такъ какъ здѣсь авторъ подводитъ итоги [3]). По представленію Феррана, и съ точки зрѣнія интересовъ „Европы", Польша была „назначена" предохранять „цивилизованную Европу отъ татарскихъ нашествій" и отдѣлять ее отъ обширныхъ странъ, долгое время коснѣвшихъ въ варварствѣ [4]). Поэтому, говоритъ онъ,—послѣ Петра Великаго Европа должна была почувствовать необходимость „удержать Польшу, какъ охранительную плотину", а этого можно было достигнуть, только предупреждая или успокоивая внутреннія польскія несогласія. Европа, однако, этого не сдѣлала [5]). Съ такой точки зрѣнія Ферранъ входитъ далѣе въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ подробностей европейской политики XVIII вѣка указывая на то, что Франція имѣла даже и спеціальный интересъ поддерживать Польшу, которою хотѣла завладѣть Россія [6]). Среди полнаго мира беззаботность Европы дозволила совершиться первому раздѣлу Польши. Этотъ актъ, говоритъ Ферранъ,—„разложилъ Польшу, но еще ранѣе такого топографическаго разложенія Польша уже давнымъ-давно подверглась политическому и нравственному разложенію.

---

[1]) *Ferrand*, I, 2. Замѣчу кстати, что въ 1790 г. въ Амстердамѣ и Лейпцигѣ появилась Continuation de l'histoire générale de Pologne par Mr. le chevalier de Solignac par les auteurs de la grande édition de Hollande de l'histoire universelle. Этотъ маленькій томикъ заканчивается царствованіемъ Станислава Августа, доведеннымъ до 1774 г.

[2]) *Ferrand*, I, 21.

[3]) Ibid., III, 549—682.

[4]) Ibid., III, 550.

[5]) Ibid., III, 551.

[6]) Le premier projet de Catherine étoit de dominer seule dans la Pologne... Elle ne se décida au partage que subsidiairement. III, 552—553. Cм. вообще 552 sq. О Екатеринѣ ср. 577.

Первый шагъ въ политическомъ разложеніи она сдѣлала, когда изъ ревниваго недовѣрія къ власти ослабила свое правительство; вторымъ шагомъ было дозволеніе и даже желаніе, чтобъ иностранные принцы стремились стоять во главѣ этого ослабленнаго правительства. Наконецъ, правительство могло найдти средства своего возстановленія въ сеймахъ, одушевленныхъ благими намѣреніями: Польша лишила себя и этого средства, или вѣрнѣе она легально себя противъ него вооружила, давая безумцу или интригану право разорвать или парализировать сеймъ. Свойство дурного правительства", заключаетъ авторъ,—„деморализировать тѣхъ, которые ему подчинены". Но, замѣчаетъ онъ, указавъ въ немногихъ словахъ на то, въ чемъ заключалась эта деморализація, — въ Польшѣ былъ еще національный духъ, и онъ послѣ воцаренія Станислава-Августа сдѣлалъ-было попытку уничтожить внутренніе безпорядки; попытка однако не удалась, ибо въ ней не было общаго плана, и притомъ безпорядки при поддержкѣ со стороны Россіи взяли верхъ [1]). Далѣе авторъ излагаетъ дипломатическую сторону польскаго раздѣла, изображая его, какъ нѣчто, происшедшее противъ первоначальной мысли Фридриха II [2]), и перечисляетъ приведшія къ этому ошибки и Станислава-Августа (вступленіе его безъ малѣйшихъ правительственныхъ способностей на польскій престолъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ и съ иностранною помощью и всѣ слѣдствія этого факта) [3]), и Барской конфедераціи (отсутствіе осторожности, силы и общаго плана въ ея дѣйствіяхъ [4]), и самихъ державъ, дѣлившихъ Польшу, и наконецъ, всей Европы. Любопытны соображенія Феррана объ ошибкахъ державъ. Австріи,—ея ошибка самая большая,—не слѣдовало переступать Карпаты [5]). Россія должна была думать о внутреннемъ преуспѣяніи и о господствѣ на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, сохраняя неприкосновенность Польши, какъ оплота противъ Европы, и поддерживая ея слабость [6]). И Фридрихъ яко бы сначала былъ противъ раздѣла,

---

[1]) Ibid., III, 558.

[2]) Ibid., III, 559 sq.

[3]) Ibid., III, 563 sq. Это—цѣлый обвинительный актъ противъ Станислава-Августа.

[4]) Ibid., III, 567 sq. Неосторожнымъ, хотя и легальнымъ, дѣломъ Ферранъ объявляетъ низложеніе Станислава-Августа.

[5]) Ibid., III, 574—575.

[6]) Ibid., III, 575 sq.

видя въ немъ для себя болѣе вреда, чѣмъ пользы [1]). Ферранъ указываетъ также и на то, что и самимъ полякамъ не слѣдовало полагаться на соперничество державъ, какъ ва гарантію ихъ политическаго бытія, тѣмъ болѣе, что предусмотрительные люди пророчили объ опасности [2]). Польша, говоритъ онъ,—„не имѣла силы сопротивляться вторженію трехъ державъ, и за это нельзя ее упрекать; но у нея не было силы и возстать противъ многочисленныхъ злоупотребленій, которыя готовили ея гибель. Была ли это безпечность или ослѣпленіе,—первой нельзя извинить, какъ нельзя понять и втораго" [3]). По крайней мѣрѣ, первый раздѣлъ, говоритъ Ферранъ,—оказалъ благодѣтельное вліяніе на національный духъ поляковъ. Начались реформы, которыя уже достигали цѣли, когда все дѣло было испорчено, какъ онъ выражается, измѣною того, кто указалъ на эту цѣль и способствовалъ ея достиженію. Тутъ-то, по его словамъ, и заключается интересъ сейма 1788 года: „въ этой революціи національный духъ стяжалъ всю славу успѣха, и позоръ неудачи его не коснулся" [4]). Ферранъ восхваляетъ четырехлѣтній сеймъ и отказывается видѣть „въ презрѣнныхъ вождяхъ Торговицкой конфедераціи" людей, принадлежащихъ къ націи [5]). Революцію 1794 г. онъ считаетъ также дѣломъ національнаго духа, хотя послѣдній, по его словамъ, едва имѣлъ время въ ней вполнѣ проявиться [6]). Послѣднія страницы книги заняты разсмотрѣніемъ отношенія державъ къ конституціи 3-го мая [7]) и общими разсужденіями моральнаго и политическаго свойства [8]). Нельзя и у Феррана не отмѣтить 1) признанія полной негодности старой польской конституціи, 2) порицанія раздѣловъ и 3)

---

[1]) Ibid., III, 578—579. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ о нарушеніи относительно Польши державами „всего, что̀ священно въ глазахъ цивилизованныхъ націй", 583.

[2]) Ibid., III, 580—582.

[3]) Ibid., III, 582—583.

[4]) Ibid., III, 585.

[5]) Ibid., III, 586.

[6]) Ibid., III, 587.

[7]) Ibid., III, 591 sq.

[8]) Отзывъ объ этомъ сочиненіи Костомарова въ спискѣ источниковъ его „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой" (С.-Пб. 1886. I, стр. IV): „Въ высшей степени пристрастное сочиненіе съ невѣрными фактами и превратными взглядами. Въ немъ важны только приложенія". Въ концѣ отдѣльныхъ книгъ помѣщены pièces justificatives, представляющія изъ себя часто лишь выписки изъ *Лейденской газеты*.

сочувствія къ возрожденію Польши въ эпоху четырехлѣтняго сейма, не смотря на всѣ сомнѣнія въ возможности для поляковъ улучшенія собственными силами. Для современной исторіографіи сочиненія Рюльера и Феррана можно назвать совершенно устарѣлыми [1]), но, какъ было уже сказано въ началѣ ихъ разбора, обѣ книги долгое время были главными историческими трудами по вопросу о паденіи Рѣчи Посполитой.

Н. Карѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. напр. отзывъ *Beer*'а: Diesen Männern standen recht umfassende Hilfsmittel zu Gebote: mündliche Ueberlieferungen und schriftliche Aufzeichnungen. Dennoch waren sie nicht in der Lage, einen ganz richtigen Einblick in die Verhandlungen zu gewähren und die vielfach verschlungenen Fäden vollständig zu entwirren. Die ihnen zur Verfügung stehenden Quellen waren bloss secundärer Natur. In vielen Punkten streifen sie hart an die Wahrheit, ohne jedoch in's Schwarze zu treffen. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. I. Предисловіе, стр. III.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ДРАМЫ [1]).

V.

Попытки Симеона Полоцкаго ввести въ Москвѣ южно-русскій обычай драматическихъ дѣйствъ по времени почти совпадаютъ съ появленіемъ у насъ новаго театра, который не имѣлъ уже ничего общаго съ представленіями школьными. Этотъ новый театръ былъ однимъ изъ знаменательныхъ признаковъ поворота въ умственной жизни русскаго общества XVII столѣтія, однимъ изъ плодовъ западной культуры, носителями которой въ Москвѣ явились нѣмцы. Въ началѣ своего царствованія, молодой государь Алексѣй Михайловичъ, отвѣчая внушеніямъ духовенства, стремившагося удержать русскую жизнь въ кругу старыхъ отеческихъ преданій и обычаевъ, и руководясь собственною набожностью, относился ко всѣмъ, даже самымъ невиннымъ проявленіямъ народнаго веселья совершенно отрицательно. Въ 1648 году по всѣмъ городамъ разосланы были царскія грамоты съ крѣпкимъ подтвержденіемъ читать ихъ въ соборахъ по воскресеньямъ и по торжкамъ въ городахъ, волостяхъ, станахъ, погостахъ не по одиножды всѣмъ вслухъ. По этимъ грамотамъ, какъ выразительно замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ [2]), вся земля святорусская должна была обратиться въ одинъ огромный, безмолвный монастырь съ монашескимъ житіемъ и старческимъ поведеніемъ. Строго предписывалось въ домахъ, на улицахъ и въ поляхъ пѣсенъ не пѣть, по вечерамъ на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, въ ладони не бить (то-есть, въ хороводы не играть) и игръ не слу-

[1]) *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, за 1888 годъ.

[2]) Дом. бытъ русск. царицъ, гл. V.

шать; на свадьбахъ пѣсенъ не пѣть и не играть глумотворцамъ, органникамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ, пѣсельникамъ; на святкахъ въ бѣсовское сонмище не сходиться, игръ бѣсовскихъ не играть, пѣсенъ не пѣть, загадокъ не загадывать, сказокъ не сказывать, празднословіемъ, смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ, — такими помраченными и беззаконными дѣлами,— душъ своихъ не губить, личины и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить, зернью и въ карты и въ шахматы не играть; на Святой на доскахъ не скакать, на качеляхъ не качаться, скоморохомъ не быть, съ гуслями, бубнами, зурнами, домрами, волынками, гудками не ходить, медвѣдей не водить, съ собаками не плясать, кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ лодыги (бабки) не играть,—не говоря уже о ворожбѣ, чародѣйствѣ и вообще о мірскомъ суевѣріи. Словомъ, изъ жизни изгонялись всѣ общественныя и домашнія удовольствія. Ослушниковъ на первый и второй разъ велѣно бить батоги, а въ третій или въ четвертый — ссылать въ ссылку въ украйные городы; гусли, домры, зурны, гудки и всѣ подобные бѣсовскіе гудебные сосуды, а также и хари (маски) велѣно было отбирать, ломать и жечь безъ остатку. Скомороховъ же на первый разъ бить батоги, вдругорядь—кнутомъ и брать пеню по пяти рублей съ человѣка. Подобныя же грамоты были разосланы повсюду и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ наказаніемъ безъ всякаго милосердія и отлученіемъ отъ церкви Божіей [1]).

Девять лѣтъ спустя, въ 1657 году, послѣдовало новое подтвержденіе этого строгаго запрета, наложеннаго на мірское веселье... Между тѣмъ, время шло, и духъ новой культуры постепенно, но все сильнѣе и сильнѣе подкапывался подъ русскую старину и отчину; русская земля, увлекаясь небывалыми новизнами, начинала „переставливать обычьи свои"; въ общественной жизни, въ литературѣ, въ искусствѣ мало по малу пробивались новыя идеи, болѣе живыя и свободныя, устранявшія прежнюю исключительность. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, въ первое время старавшійся подавать примѣръ строгого благочестиваго житія по правиламъ стараго Домостроя, не могъ устоять противъ вѣяній времени и влеченій своей благодушной природы. Назначая „дѣлу время и потѣхѣ часъ", онъ любилъ послушать пѣсенниковъ и игрецовъ на органахъ, віолахъ и флей-

---

[1]) Акты Историч. IV, № 35; Акты Арх. Эксп. IV, № 59 и 98; *Ивановъ*, Опис. Госуд. Архива, 296.

тахъ, не прочь былъ посмотрѣть на пляски шутовъ и скомороховъ, которыхъ не мало жило „у государя на верху", — не прочь былъ иногда позабавиться и запрещенною его же указами игрою въ тавлеи или въ шахматы; словомъ, на практикѣ онъ не могъ долго оставаться такимъ строгимъ ревнителемъ „старческаго устава", какимъ хотѣлъ быть по внушенной ему теоріи. Мало по малу отвыкая отъ преданій и обычаевъ старины, онъ заинтересовался тѣми новинками европейской культуры, которыя все чаще и чаще появлялись въ Москвѣ и не могли остаться безъ вліянія на окружавшую его обстановку. Нѣмецкая слобода, населенная заѣзжими иноземцами всевозможныхъ профессій, пріобрѣтала для русской жизни все болѣе и болѣе важное значеніе, становилась все болѣе и болѣе необходимою: во всѣхъ областяхъ практической жизни нѣмцы оказывались незамѣнимыми людьми, и какъ правительству, такъ и отдѣльнымъ лицамъ все чаще и чаще приходилось пользоваться ихъ услугами. Ближайшіе къ царю люди,—бояре Ординъ-Нащокинъ, Ртищевъ и въ особенности—знаменитый Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, женатый на шотландкѣ Гамильтонъ, находились въ постоянныхъ сношеніахъ съ иностранцами и въ своемъ домашнемъ быту не стѣснялись перенимать заморскіе обычаи и повадки, если это доставляло имъ пользу или удовольствіе: интересовались научными свѣдѣніями, разными художествами и, наконецъ, не виданными до того времени развлеченіями. Вторая супруга царя, Наталья Кирилловна Нарышкина, выросшая въ домѣ Матвѣева „отца и друга нѣмцевъ" была воспитана въ новыхъ условіяхъ быта; своимъ личнымъ характеромъ и вліяніемъ она содѣйствовала измѣненію образа жизни въ царскихъ теремахъ до такой степени, что Алексѣй Михайловичъ сталъ допускать многое такое, о чемъ не смѣлъ бы и подумать за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда церковные ходы и царскіе выходы доставляли чуть ли не единственную пищу его врожденной любви къ художеству.

Въ числѣ новыхъ иноземныхъ развлеченій, которыми сильно заинтересовался и успѣлъ заинтересовать царя бояринъ Матвѣевъ, первое мѣсто занималъ театръ. Изъ разказовъ русскихъ пословъ, бывавшихъ за границей, давно уже было извѣстно, что въ нѣмецкихъ земляхъ и въ Польшѣ при дворахъ бываютъ „комедіи, по русски— потѣхи"; пріѣзжіе иностранцы, изъ которыхъ иные, можетъ быть, и сами игрывали въ подобныхъ „потѣхахъ", могли сообщать еще болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ ихъ обстановкѣ и содержаніи; иноземныя посольства, постоянно наѣзжавшія въ Москву, нерѣдко имѣли въ

своей свитѣ музыкантовъ, фокусниковъ и тому подобныхъ артистовъ; иногда въ Нѣмецкой слободѣ устроивались и настоящія театральныя представленія. Англійскій посолъ графъ Карлейль, въ описаніи своихъ трехъ поѣздокъ въ Россію, разказываетъ, что въ 1664 году въ посольскомъ домѣ была представлена комедія, доставившая зрителямъ нѣсколько пріятныхъ часовъ [1]). Быть можетъ, подобные любительскіе спектакли бывали въ Нѣмецкой слободѣ и не одинъ разъ, и разказы о нихъ при дворѣ еще сильнѣе возбуждали въ Алексѣѣ Михайловичѣ желаніе познакомиться съ нѣмецкою потѣхой. Увлеченный этимъ желаніемъ, царь, наконецъ, рѣшилъ выписать изъ-за границы труппу актеровъ и завести у себя въ Москвѣ постоянный театръ: 15-го мая 1672 года Матвѣевъ объявилъ своему „пріятелю", полковнику Николаю фанъ-Стадену, царскій указъ: ѣхать къ курляндскому Якубусу князю (герцогу Іакову, 1642—1681 гг.) и, будучи въ Курляндской землѣ, приговаривать великаго государя въ службу рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые бъ руды всякія подлинно знали и плавить ихъ умѣли, да трубачей самихъ добрыхъ и ученыхъ, да которые бъ умѣли всякія комедіи строить; при этомъ было прибавлено, что если фанъ-Стаде такихъ людей въ Курляндіи не добудетъ, то ѣхать ему во владѣніе короля Свейскаго и въ Прусскую землю" [2]). Исполняя это порученіе, фанъ-Стаденъ въ іюлѣ нанялъ въ Ригѣ восемь человѣкъ актеровъ, а въ октябрѣ сообщилъ Матвѣеву, что ему удалось приговорить „еще три человѣка молодыхъ, которые на всѣхъ играхъ играютъ, чего никогда впредь сего на Москвѣ не слыхано". Черезъ мѣстныхъ рижскихъ актеровъ онъ вступилъ въ сношенія съ наиболѣе извѣстными изъ германскихъ странствующихъ труппъ. Во главѣ одной изъ этихъ труппъ стоялъ чрезвычайно популярный сценическій дѣятель того времени, магистръ Іоганнъ Фельтенъ, который, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ „Чарлусомъ" (по видимому, англичаниномъ) и труппою изъ двѣнадцати человѣкъ соглашался на предложеніе фанъ-Стадена ѣхать въ Москву. Съ такимъ же предложеніемъ обратился царскій посланецъ и къ примадоннѣ

---

[1]) La relation des trois ambassades etc., nouv. édition, revue et corr. par le pr. *Aug. Galitzyne*. P. 1857, p. 76. Ср. *Wesselofsky*, Deutsche Einflüsse, 11.

[2]) *Тихонравовъ*, Русск. драм. произв. I, стр. VII—VIII. Подробные документы о миссіи фонъ-Стадена, которыми мы, къ сожалѣнію, не могли пользоваться, находятся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію, 1671, № 3; 1672—1677, № 1. См. *Цвѣтаева* Генералъ Н. Бауманъ и его дѣло. М. 1884, стр. 50.

копенгагенской оперы, Аннѣ Паульсонъ. Такимъ образомъ, фанъ-Стаденъ, какъ человѣкъ образованный и, очевидно, любитель театра, предполагалъ познакомить московскій дворъ со всѣмъ тѣмъ, что представляла тогдашняя нѣмецкая сцена самаго новаго и лучшаго. Драматическій репертуаръ Фельтена былъ въ то время, такъ сказать, послѣднимъ словомъ нѣмецкаго театра; опера только что начинала входить въ моду въ Германіи, и еслибы желанія фанъ-Стадена исполнились, то русская сцена, при самомъ своемъ основаніи, была бы поставлена наравнѣ съ нѣмецкою. Но эти ожиданія не сбылись. Нѣмецкіе актеры, сначала заявившіе готовность принять условія фанъ-Стадена (вѣроятно, очень заманчивыя), потомъ отказались отъ поѣздки въ Россію: они были напуганы трудностями пути и неблагопріятными разказами объ этой далекой, варварской странѣ, откуда очень трудно выбраться, и гдѣ иностранцамъ грозятъ иногда „кнутомъ и Сибирью". Вернувшись изъ своей поѣздки въ декабрѣ 1672 года, фанъ-Стаденъ привезъ съ собою только одного трубача да четырехъ музыкантовъ.

Между тѣмъ желаніе царя поскорѣе увидать нѣмецкую театральную потѣху было такъ сильно, что отправивъ фанъ-Стадена за иноземными „экомендіантами", онъ рѣшилъ не дожидаться результатовъ этой поѣздки и устроить театръ домашними средствами, при помощи своихъ московскихъ нѣмцевъ. Матвѣевъ обратился въ Нѣмецкую слободу съ запросомъ, нѣтъ ли такого человѣка, который могъ бы сочинить и представить комедію. Ему было указано на пастора Іоганна Готфрида Грегори, которому, такимъ образомъ, волейневолей пришлось заняться неожиданнымъ и не подходящимъ для него дѣломъ,—устраивать театръ, собирать и обучать труппу актеровъ и музыкантовъ и сочинять комедіи.

Іоганнъ Готфридъ Грегори (Gregorii), уроженецъ Мерзебурга [1]),

---

[1]) Главнымъ источникомъ для біографіи Грегори служатъ записки *Лаврентія Рингубера*: Relation du voyage en Russie fait en 1684 par *L. Rinhuber*. Berl. 1883 (см. объ этой книгѣ статью проф. *Брюкнера* въ *Historische Zeitschrift* 1884, тетр. 5 и *А. И. Фехнера* въ *Spb. Ztg.* 1883, № 232) и дѣло генерала Ник. Баумана въ Моск. Гл. Архивѣ М-ва Ин. Д. См. *Цвѣтаева*, „Дѣло ген. Баумана" и „Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи", т. I. Далѣе—нѣкоторыя документальныя данныя можно найдти въ книгѣ: Die evangelische Ecclesia militans in Moskau vor zwei Jahrhunderten, Berl. 1865 и въ соч. пастора *Fechner*'a: Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, B. I, M. 1876. Что Грегори родомъ изъ *Мерзебурга*, а не изъ Марбурга (какъ сказано въ трудахъ гг. *Тихонравова* и *Цвѣтаева*), объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ, у *Рингубера*, о. с. 10.

былъ сынъ медика Виктора Грегори; мать его, по смерти мужа, вышла за другаго медика, извѣстнаго впослѣдствіи Лаврентія Блюментроста. Въ Москву онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ октябрѣ 1658 года и опредѣлился учителемъ церковной школы въ приходѣ пастора Фадемрехта; раньше служилъ нѣкоторое время, въ военной службѣ, въ Швеціи, а потомъ—въ Польшѣ, въ Ганчевскомъ рейтарскомъ полку. Ко времени прибытія Грегори въ Москву, въ Нѣмецкой слободѣ было двѣ лютеранскія церкви: одна, при которой служилъ Фадемрехтъ, имѣла прихожанами такъ называемыхъ „старыхъ нѣмцевъ", то-есть, такихъ, которые вели свой родъ отъ первыхъ жителей слободы—плѣнныхъ эпохи Грознаго или вообще были въ Москвѣ старожилами; другая церковь, называвшаяся обыкновенно „офицерскою", принадлежала нѣмцамъ нововыѣзжимъ, и при ней находился сначала пасторъ Якоби, а затѣмъ, по смерти его, пасторъ Фокеродтъ. Послѣдняго вызвалъ въ Москву „Датскія земли полковникъ и инженеръ и гранатный мастеръ Миколай Бовманъ" (Бауманъ), приглашенный на русскую службу, вмѣстѣ съ другими офицерами, въ 1657 году. Бауманъ содержалъ Фокеродта на свой счетъ и взялъ его въ 1659 году вмѣстѣ съ собою въ Малороссію, въ походъ противъ гетмана Выговскаго и Крымскаго хана. Возвратившись изъ этого похода уже въ генеральскомъ чинѣ, Бауманъ занялъ среди жителей Нѣмецкой слободы почетное и весьма вліятельное положеніе, въ особенности въ церковныхъ дѣлахъ, какъ старшина прихода офицерской церкви, на перестройку и содержаніе которой онъ жертвовалъ свои деньги. Съ увеличеніемъ количества прихожанъ этой церкви, благодаря наплыву нѣмецкихъ офицеровъ въ началѣ 1660 годовъ, Бауманъ пожелалъ имѣть при ней втораго пастора. Его вниманіе остановилось на Грегори, который уже успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность своею смѣтливостью, начитанностью и въ особенности—краснорѣчіемъ. Въ это время Грегори, желая докончить свое образованіе, собирался уѣхать изъ Москвы. Генералъ послалъ за нимъ въ погоню стрѣльцовъ, призвалъ его къ себѣ и потребовалъ клятвеннаго обѣщанія и поручительства, что онъ вернется въ Москву пасторомъ [1]). Грегори отправился въ Іену, получилъ тамъ степень

[1]) Generalis Baumannus eum per strelizas imperatorios iterum accersi jubet, jurare eum cogit et per fide jussores se reversurum in Moscoviam pastorem spondere. *Rinhuber*, 43. „Просили его генералъ Бовманъ съ начальными людьми и дали ему писмо, чтобъ онъ ѣхалъ въ Цесарскую землю и сталъ въ пасторы, а ставъ въ пасторы, пріѣхалъ въ Москву"—показаніе Грегори, у *Цвѣтаева*, Па-

магистра, а затѣмъ былъ рукоположенъ въ пастора въ Дрезденѣ, въ присутствіи курфирста Саксонскаго Іоанна Георга II и его сановниковъ, вѣроятно, въ апрѣлѣ 1662 года. Отпуская его въ Москву, оба правителя Саксоніи, курфирстъ Іоаннъ-Георгъ и герцогъ Христіанъ, снабдили его грамотами къ царю, въ которыхъ заключались просьбы о благосклонности къ живущимъ въ Россіи лютеранамъ и очень лестные отзывы о новомъ пасторѣ. „Магистръ Іоаннъ-Готфридъ Грегори", писалъ курфирстъ отъ 16-го апрѣля 1662 года,—„отличается ревностнымъ благочестіемъ, чрезвычайною ученостью и замѣчательнымъ умомъ; изъ любви къ слову Божію, онъ сдѣлался добровольнымъ изгнанникомъ, отказавшись отъ всего имущества, покинулъ родину, отцовскій домъ и родственниковъ и въ дальнихъ странствованіяхъ подвергалъ свою жизнь многимъ опасностямъ, повинуясь единственно призванію Божію и желая свято и ненарушимо исполнить данное имъ обѣщаніе возвратиться въ Россію" [1]).

По возвращеніи въ Москву, Грегори занялъ мѣсто младшаго пастора въ офицерской церкви и поочередно съ старшимъ пасторомъ Фокеродтомъ долженъ былъ, время отъ времени, отправляться съ офицерами, для исполненія церковныхъ требъ, въ походы и объѣзжать гарнизоны [2]). Молодой ученый проповѣдникъ скоро возбудилъ противъ себя неудовольствіе и зависть старыхъ пасторовъ, которые не могли простить ему его магистерской степени и краснорѣчія, привлекавшаго къ нему множество слушателей. У старой церкви убавилось число прихожанъ, а слѣдовательно, и доходовъ; вслѣдствіе этого пасторъ Фадемрехтъ сдѣлался крайнимъ недоброжелателемъ Грегори, считая его креатурой Баумана, котораго старые нѣмцы вообще очень не любили; въ новой, офицерской церкви сослуживецъ Грегори, Фокеродтъ, вынужденный дѣлить доходы пополамъ, просто его возненавидѣлъ, всѣми средствами старался его выжить, устраивалъ ему сцены, распускалъ о немъ сплетни, такъ что Бауманъ сталъ пригла-

---

матики, 15. Кажущееся противорѣчіе между обоими свидѣтельствами объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Бауманъ, лично настаивая на возвращеніи Грегори, желалъ оформить дѣло и поручилъ церковнымъ старшинамъ снабдить его рекомендаціею. При томъ вліяніи, какимъ пользовался Бауманъ, ему не трудно было это сдѣлать.

[1]) *Fechner*, Chronik, 298.

[2]) Bey der Officir Kirch zwey Priester, der älteste Herr Job. Fockerodt, der ander Mag. Joh. Gregorii. Reisen eins umbs andere bey die Armeen so auff Tartar, Casack undt polnischer Gräntze liegen, wie auch in die Guarnisonen, umb daselbst die Tauffen undt sonst die Gottesdienst zu verrichten. *Binhuber*, 2.

шать Грегори для проповѣди къ себѣ на домъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ представителями прихода взялъ съ Фокеродта письменное обязательство, съ поручительствомъ четырехъ лицъ, (8-го января 1663 года) не опорочивать Грегори никакими позорными словами, ни тайно, ни явно, ни въ лицо, ни заочно, и почитать его, какъ честнаго человѣка и достойнаго пастыря церкви [1]).

Кромѣ обязанности пастора, Грегори завѣдывалъ также и устроенною Бауманомъ при церкви школою. Содержаніе церкви и школы требовало значительныхъ расходовъ, которые далеко не покрывались сборомъ съ прихожанъ; Бауманъ расходовалъ частью свои деньги, частью дѣлалъ займы у купцовъ, въ надеждѣ на будущія пожертвованія. Между тѣмъ, пожертвованія не оправдывали ожиданій, такъ что чувствовалась большая нужда въ деньгахъ. Въ виду этого, въ 1667 году, Бауманъ и ближайшія къ нему лица рѣшили отправить Грегори въ Германію для сбора пожертвованій, снабдивъ его рекомендаціями и просительнымъ письмомъ [2]). Выборъ палъ на Грегори, потому что онъ лично былъ извѣстенъ Саксонскому курфирсту, къ которому именно въ это время правительство намѣревалось обратиться съ просьбою о присылкѣ въ Россію рудознатцевъ и добрыхъ суконнаго дѣла мастеровъ. Грегори взялъ на себя передачу царской грамоты курфирсту и вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ Баумана, выхлопоталъ у сильнаго въ то время вельможи, князя Юрія Ивановича Ромодановскаго, призывную грамоту для своего отчима, доктора Блюментроста, котораго обѣщано было сдѣлать царскимъ „архіятеромъ" то-есть, лейбъ-медикомъ. Съ этими грамотами Грегори, въ качествѣ почти оффиціальнаго агента русскаго правительства, явился прежде всего въ Дрезденъ, затѣмъ побывалъ въ Готѣ, Аугсбургѣ и многихъ другихъ городахъ, вездѣ былъ принятъ съ почетомъ, собралъ довольно крупную сумму пожертвованій и въ маѣ 1668 года возвратился въ Москву съ новыми рекомендательными грамотами отъ саксонскаго курфирста. Вмѣстѣ съ пасторомъ пріѣхалъ и его отчимъ Блюментростъ, пригласившій съ собою, въ качествѣ ассистента, лейпцигскаго студента Лаврентія Рингубера.

Между тѣмъ враги пастора, съ Фокеродтомъ во главѣ, и завистники Баумана, уже произведеннаго въ полные генералы, не теряли времени и усердно раздували неудовольствіе на того и другаго.

---

[1]) *Цветаевъ*, Дѣло Баумана, 15.

[2]) Тамъ же, 16 и сл., *Rinhuber*, 44.

Противъ Грегори были пущены въ ходъ всевозможныя сплетни: разказывали, будто въ Австріи онъ былъ лишенъ чина и чести, въ Польшѣ бѣжалъ изъ рейтарской службы, за что его имя было прибито къ висѣлицѣ и т. п. Воспользовавшись тѣмъ, что Романовскій впалъ въ немилость и былъ удаленъ отъ двора, враги Грегори стали распускать слухъ, что пасторъ возилъ отъ князя Юрія въ Саксонскую землю подарки и какія-то секретныя письма; что онъ поносилъ Московское государство въ Германіи, называя русскихъ варварскимъ народомъ; что онъ умалялъ честь государя, потому что по возвращеніи своемъ изъ-за границы молился въ церкви сперва за курфирста, а потомъ уже за царя. Такимъ образомъ выработался уже настоящій политическій доносъ, который Фокеродтъ и его сторонники не замедлили подать по начальству вмѣстѣ съ жалобой на своеволіе Баумана въ церковныхъ дѣлахъ. Они доказывали, что офицерская церковь, хотя и построенная преимущественно на средства Баумана, принадлежитъ не ему, а Фокеродту, и просили о возстановленіи правъ послѣдняго и объ удаленіи Грегори. Началось дѣло, очень непріятное для Грегори и его покровителя и тянувшееся нѣсколько мѣсяцевъ, со всевозможными интригами, жалобами, доносами, допросами и т. д. [1]). Грегори оправдывался, но все-таки, былъ оставленъ въ подозрѣніи; царскимъ указомъ 22-го декабря 1668 года велѣно было „у богомольной хоромины въ Нѣмецкой слободѣ пасторомъ быть Ивану Ѳокроту по прежнему, магистру же отъ той богомольной хоромины отказать". Послѣ этого приговора Бауманъ, ссылаясь на свои не возмѣщенные расходы по постройкѣ офицерской церкви, сломалъ ее, перенесъ на новое мѣсто и поставилъ въ ней пасторомъ Грегори, котораго содержалъ отчасти на свой счетъ, отчасти на деньги, пожертвованныя нѣмецкими князьями, въ особенности — Саксонскимъ герцогомъ Эрнстомъ Благочестивымъ. Эта новая или Баумановская церковь была торжественно освящена 2-го февраля 1669 года; при ней была устроена школа, и чтобы занятія въ ней не мѣшали богослуженію, для Грегори былъ выписанъ изъ Нарвы помощникъ, Герардъ Линау. Обученіе въ школѣ было безплатное; въ нее брали богатыхъ и бѣдныхъ юношей, служанокъ, плѣнныхъ или купленныхъ турокъ, татаръ, поляковъ, холоповъ и холопокъ, и учили ихъ закону Божію, нѣмецкому и латинскому языкамъ, счету, письму и музыкѣ.

---

[1]) Дѣло это впервые по подлиннымъ документамъ изложено г. *Цвѣтаевымъ* въ названной выше брошюрѣ.

Школа быстро развивалась, но матеріальное положеніе ея, точно также, какъ и положеніе самого Грегори, было далеко не блестящее, въ особенности послѣ того какъ его покровитель Бауманъ уѣхалъ (въ началѣ 1671 года) изъ Россіи. Старые недруги магистра не оставляли своихъ интригъ, и ему, какъ человѣку уже заподозрѣнному, было очень трудно возстановить въ глазахъ правительства свое прежнее достоинство и защититься отъ навѣтовъ. Лаврентію Блюментросту и Рингуберу жилось также очень плохо: вопреки обѣщанію, данному въ призывной грамотѣ, Блюментростъ не только не получилъ мѣста лейбъ-медика, но и самыя его знанія въ медицинѣ и даже въ латинскомъ языкѣ были заподозрѣны, такъ что ему пришлось держать экзаменъ въ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ митрополита Газскаго Паисія Лигарида; однако, и послѣ того онъ все еще оставался въ неопредѣленномъ положеніи. Что касается до Рингубера, то онъ сначала нѣкоторое время жилъ у Блюментроста и обучалъ его сына медицинѣ и химіи, а затѣмъ въ теченіе года (1671—1672) былъ учителемъ въ школѣ Грегори. Пасторъ, видя, что ему въ Москвѣ не удается пристроиться, хотѣлъ уже отпустить его въ Лейпцигъ; но именно въ это время на Грегори было указано Матвѣеву, какъ на человѣка, способнаго „строить комедіи". Рингуберъ даетъ понять, что это указаніе было сдѣлано врагами Грегори, съ цѣлью поставить его въ еще болѣе затруднительное и непріятное положеніе [1]). Отказаться отъ порученія было не возможно, потому что это значило бы окончательно погубить себя; но и исполнить его, при отсутствіи всякихъ средствъ и при совершенной необычности дѣла, было очень нелегко. Однако Грегори энергично взялся за комидійное строеніе и, при дѣятельномъ участіи своихъ друзей и преданныхъ людей, сумѣлъ обратить это дѣло себѣ въ пользу. На родинѣ пастора, въ его ученическіе годы, повсюду процвѣтали школьныя представленія; можетъ быть, онъ и самъ, будучи студентомъ, не разъ принималъ участіе въ подобныхъ спектакляхъ, такъ какъ въ XVII вѣкѣ большинство странствующихъ труппъ въ Германіи состояло на половину изъ студентовъ, которые любили примкнуть ненадолго къ обществу актеровъ, чтобы людей посмотрѣть и себя показать, и кое-что зарабо-

---

[1]) Magnus Moscoviae Czar de rebus comicis audiens videre comoediam havet. Num quis esset, qui id praestare posset, quaesitum. *Nemine id audiente, clam defertur* dom. mag. Gregorii pastor: hunc comoediam scribere posse dicunt. En nolentem volentem eo adigit vel czarea clementia, vel periculum. *Rinhuber*, 29.

тать. Словомъ, для Грегори комидійное дѣло не могло быть совершенно неизвѣстнымъ [1]). Но, живя почти уже 14 лѣтъ въ Россіи и посвятивъ себя совершенно инымъ занятіямъ, онъ, естественно, отсталъ въ своихъ свѣдѣніяхъ о современномъ положеніи драматической литературы и театра въ Германіи, такъ что когда ему пришлось выбирать пьесу, пригодную для представленія, онъ обратился не къ новому репертуару фельтеновской труппы (пьесы котораго, впрочемъ, трудно было и достать въ Москвѣ), а къ старому, изданному за полвѣка передъ тѣмъ (1620 г.) сборнику такъ-называемыхъ „англійскихъ комедій", которыя въ 70-хъ годахъ въ Германіи уже сошли со сцены. Въ этомъ сборникѣ [2]) на первомъ мѣстѣ стоитъ „Комедія о королевѣ Эсѳири и высокомѣрномъ Аманѣ". На ней-то Грегори, по видимому, и остановилъ свое вниманіе. Можетъ быть, впрочемъ, что онъ предложилъ Матвѣеву на выборъ нѣсколько пьесъ, подходящихъ для обработки и представленія „предъ свѣтлыя очи царскаго величества", и самъ Матвѣевъ выбралъ именно эту пьесу. Какъ бы то ни было, 4-го іюня 1672 года, на шестой день по рожденіи Петра Великаго, которое было отпраздновано во дворцѣ большимъ пированьемъ, въ приказѣ Володимірской и Галицкой чети было объявлено, что „царь указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есѳирь, и для того дѣйства устроить хоромину вновь, а на строенье тое хоромины и что на нее надобно покупать изъ приказу володимірской чети. И по тому великаго государя указу камидѣйная хоромина построена въ селѣ Преображенскомъ со всѣмъ нарядомъ, что въ тое хоромину надобно. А сколько въ тое хоромину лѣсныхъ запасовъ и всякаго наряду, и сколько по цѣнѣ чего пошло, и тому смѣтную роспись подалъ окольничему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву да дьякомъ думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, да Ивану Евстафьеву приказу володимерские чети подъячей Аѳанасей Дмит-

---

[1]) Г. *Цвѣтаевъ* (Дѣло Баум., 50) высказываетъ предположеніе, что драматическія представленія бывали и въ школѣ при Баумановской церкви; но въ такомъ случаѣ Грегори могъ бы просто повторить передъ государемъ одну изъ своихъ школьныхъ пьесъ; между тѣмъ, этого онъ не дѣлалъ, а ставилъ пьесы совершенно иного характера.

[2]) Engelische Comedien und Tragedien, das ist: sehr schöne, herrliche und ausserlesene geist- und weltliche Comedi und Tragedi Spiel sampt dem Pickelhering, и пр. gedruckt im Jahr M. DCXX. Перепечатано *Tittmann*'омъ въ изданіи Deutsche Dichter des XVI Jahrhunderts, B. 13, Lpz. 1880.

ріевъ" [1]). Прежде чѣмъ дать этотъ указъ и такимъ образомъ узаконить небывалую до сихъ поръ въ Московскомъ государствѣ театральную потѣху, царь обратился къ своему духовнику за совѣтомъ, можно ли допустить нѣмцевъ играть во дворцѣ комедію, и духовникъ, протопопъ Андрей Савиновъ—далъ разрѣшеніе, ссылаясь на примѣръ прочихъ христіанскихъ государей и въ особенности — православныхъ византійскихъ императоровъ, которые устроивали театральныя зрѣлища въ своихъ палатахъ [2]). Такова была сила общаго движенія нашей жизни, увлекавшая старую Русь все ближе и ближе къ европейскому міру.

Покуда строилась комидійная хоромина, Грегори и Рингуберъ сочиняли „трагико-комедію" объ Эсѳири и Артаксерксѣ, затѣмъ собрали дѣтей разныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человѣка и, при помощи учителя Юрія Михайлова и переводчика посольскаго приказа Георга Гюбнера [3]), стали упражнять ихъ in exercitio comico на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ [4]). Одинъ изъ друзей пастора, голландскій живописецъ „Петръ Гавриловъ" Инглисъ, писалъ декораціи и, вѣроятно, распоряжался устройствомъ сцены; церковный органистъ Симонъ Гутовскій и другой „игрецъ", Тимоѳей Гасенкрухъ, вмѣстѣ съ дворовыми музыкантами Матвѣева, составили оркестръ. Дѣло представляло, конечно, не мало трудностей, но, благодаря энергіи пастора и его помощниковъ, черезъ четыре съ половиною мѣсяца все было готово, и 17-го октября 1672 года [5]) состоялось первое представленіе „Артаксерксова дѣйства". Царь былъ очарованъ не виданнымъ дотолѣ спектаклемъ и внимательно слѣдилъ за ходомъ пьесы, впродолженіе десяти часовъ не вставая съ мѣста. Грегори и участники дѣйства, въ особенности сынъ доктора Блюментроста (впослѣдствіи — знаменитый архіатръ Петра Великаго и первый президентъ Академіи Наукъ), исполнявшій главную роль (вѣ-

---

[1]) *Лѣтописи*, изд. *Тихонравова*, т. III, отд. 2, стр. 28. Расходныя книги приказа Галицкой чети—во *Временникѣ Общ. Ист. и Др.* 1856, кн. 24 и у *Калачева—Архивъ юрид. и практич. свѣд.*, 1869, вып. VI.

[2]) *Пекарскій*, Н. и Л., I, 392.

[3]) По русски его звали „Гивнеръ"; самъ онъ подписывался Hübner или, можетъ быть, Hühner, но не Hähner, какъ у *А. Н. Веселовскаго*, Deutsche Einfl., 18.

[4]) Scripsit ergo, me socium sibi adjungens, tragico-comoediam Ahasveri et Esthrae, quam et germanice, et slavonice trium mensium spatio pueros edocui agentes. *Rinhuber*, 29.

[5]) Эта дата установлена съ полною несомнѣнностью свидѣтельствомъ Рингубера. Ср. также Ecclesia militans, S. 14.

роятно, роль Эсѳири), были обласканы и вскорѣ щедро награждены: 21-го января 1673 года Матвѣевъ объявилъ царское распоряженіе „взять въ посольскій приказъ сорокъ соболей во сто рублевъ, да пару въ восемь рублевъ, а изъ посольскаго приказу отдать тѣ соболи его, великаго государя, на жалованье магистру Ягану Готфриду за комедійное строенье, что объ Артаксерксовѣ царствованіи". На свѣтлой недѣлѣ, 6-го апрѣля того же года, „были у великаго государя у руки и видѣли его, великаго государя, пресвѣтлыя очи магистръ, пасторъ Яганъ Готфридъ, да учитель Юрья Михайловъ, да съ ними экомедіанты Артаксерксова дѣйства. А напередъ сего изъ посольскаго приказу пасторы и иноземческія дѣти у великаго государя у руки не бывали" [1]). Еще раньше, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1672 года, иноземецъ Фридришко Госенъ, бывшій по указу великаго государя въ комидійномъ дѣйствѣ, просилъ вправить его въ поручецкій чинъ и дать ему жалованье. Просьба эта была исполнена. Экземпляръ Артаксерксова дѣйства, поднесенный царю, велѣно было переплести въ сафьянъ съ золотомъ. Не смотря, однако же, на эту заботливость о комедіи, до нашего времени она, все-таки, не сохранилась. Текстъ ея, несомнѣнно, былъ написанъ по русски; изъ показанія Рингубера, обучавшаго будущихъ актеровъ germanice et slavonice при помощи русскаго учителя Юрія Михайлова, слѣдуетъ заключить, что и представлена была пьеса также на русскомъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы предположить, что царь или слѣдилъ за ходомъ дѣйствія по рукописному экземпляру пьесы, или все время слушалъ переводчика, толковавшаго ему каждое слово дѣйствующихъ лицъ: и то, и другое было, конечно, очень неудобно. Можетъ быть, однако, что нѣкоторые изъ актеровъ, не зная русскаго языка, вели свои рѣчи по нѣмецки.

Комидійная хоромина, выстроенная по царскому указу въ селѣ Преображенскомъ, была не очень велика: приблизительно 10 саженъ въ квадратѣ, при вышинѣ въ 6 аршинъ, и огорожена заборомъ со створчатыми воротами [2]). Изъ дворца было отпущено довольно значительное количество заграничнаго сукна, краснаго и зеленаго, ковровъ и другихъ предметовъ для украшенія театра. Стѣны и полы

---

[1]) *Тихонравовъ*, Русск. драм. произв., I, стр. XI.

[2]) Записка объ употребленномъ на ея постройку лѣсномъ матеріалѣ, стоившемъ болѣе тысячи рублей, напечатана у *Забѣлина*, Бытъ русск. царицъ, 474.

кругомъ были обиты войлоками, а по нимъ убраны сукнами и коврами. Царское мѣсто, конечно, впереди другихъ, было обито краснымъ сукномъ; остальные зрители сидѣли на простыхъ деревянныхъ скамьяхъ; устроены были также полки, то-есть, мѣста амфитеатромъ. Сцена была отдѣлена отъ зрительнаго зала брусомъ съ перилами и, вѣроятно, нѣсколько поднята; занавѣсъ, долго сохранявшій нѣмецкое названіе „шпалеръ" (Spalier), былъ раздвижной на обѣ стороны и висѣлъ на мѣдныхъ кольцахъ на толстомъ желѣзномъ прутѣ. Какъ сцена, такъ и зрительная зала, освѣщались большими сальными свѣчами, вставленными на утвержденные на доскахъ подсвѣчники. Декораціи, называвшіяся „рамами перспективнаго письма" изготовлялись уже упомянутымъ голландцемъ Петромъ Инглисомъ, котораго титуловали „перспективнаго дѣла мастеромъ"; въ записи 1674 года такихъ декораціонныхъ рамъ насчитывается уже 36 штукъ разной величины. На костюмы, парики и прочія принадлежности не жалѣли расходовъ. Грегори подавалъ Матвѣеву „роспись, что ему надобно на комедію", и получалъ деньги изъ приказа Галицкой чети. Такъ, напримѣръ, въ записномъ расходномъ столбцѣ этого приказа подъ 6-мъ октября 182 (1673) года отмѣчено: „По указу государя царя и пр. окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ магистру Іягану Готфриту ко исправленію комедіи на платье ангеловъ и на молодого Товію и на одѣяніе его спутьшественниковъ дать изъ доходовъ приказу галицкие чети тридцать рублевъ съ роспискою" (дѣло шло о представленіи комедіи о Товіи, которое и состоялось 2-го ноября того же года); 9-го октября изъ дворца отпущено въ Преображенское въ комедиинную хоромину на обивку стѣнъ 216½ аршинъ суконъ анбурскихъ червчатыхъ (гамбургскихъ красныхъ); далѣе упоминается, что „на бороды евреевъ и на иную меньшую починку" выдано 5 рублей; мастеру Энрику заплачено за починку вѣнца; Грегори заявлялъ, что для комедіи „платья многово нѣтъ" и костюмы шились по его указаніямъ особыми портными [1]). Вообще, видно, что Матвѣевъ, покровитель и любитель театра, старался доставлять новоустроенной потѣхѣ всѣ средства для приличнаго устройства сцены и тщательной постановки дѣйствъ. Оркестръ состоялъ

---

[1]) Изъ одной записки Грегори, отъ 22-го января 1673 года, видно, что роли, для заучиванія ихъ актерами, расписывались также, какъ это дѣлается и теперь: пасторъ проситъ выдать ему „четыре дести бумаги, *написать робятомъ комедія*".

изъ нѣмцевъ и дворовыхъ людей Матвѣева, которые играли на органахъ, на віолахъ (рылѣ) и въ страменты; вѣроятно, въ этомъ оркестрѣ находились и музыканты, привезенные фанъ-Стаденомъ, имя котораго иногда упоминается въ замѣткахъ о спектакляхъ. Нѣкоторыя представленія сопровождались танцами. Иногда весь комидійный нарядъ перевозился изъ Преображенскаго въ Москву, и спектакли устроивались въ кремлевскихъ палатахъ, надъ придворною аптекою; отсюда театръ временами опять перевозился въ Преображенское, смотря по желанію царя [1]). Представленія происходили обыкновенно по вечерамъ и затягивались иногда до поздней ночи [2]). Зрителями комидійнаго дѣйства были всѣ приближенные царя: „бояре

[1]) „181 года генваря въ 22-й день великій государь царь... указалъ надъ оптѣкою, что на дворцѣ въ полатахъ, построить какъ быть комидѣйному дѣлу... 181 года генваря въ 23-й день, по указу великаго государя царя... и по приказу околничаго А. С. Матвѣева, перевезены изъ села Преображенскаго ис комидійной хоромины рамы перспективаго письма къ Москвѣ и взнесены въ палаты, что надъ оптѣкою; а для взносу, что болшие и середние рамы въ двери не прошли, перстерты и построены здвижными, и къ тѣмъ рамамъ придѣлано сто задвижекъ да двѣсти скобъ желѣзныхъ. За желѣзо и за дѣло по уговору кузнецу Сенке Троеникову три рубли десять алтынъ, да провозу отъ тѣхъ рамъ отъ тридцати ото шти штукъ отъ села Преображенскаго къ Москве до дворца на десять подводъ извощикамъ Андрюшке Яковлеву с товарищи по три алтына на подводу, всего четыре рубли шесть алтынъ четыре денги... 182 г. февраля въ 24-й день, по указу... околничей Матвѣевъ приказалъ изъ полатъ, что построены надъ оптекою для комидѣйнаго дѣйства, рамы и ковры и сукна и стулы и всякой нарядъ и органы перевезти для комидѣйнаго жъ дѣйства въ село Преображенское въ комидѣйные хоромы *наскоро*, на наемныхъ подводахъ... Того жъ числа посылано изъ села Преображенскаго къ Москвѣ по Симона органиста и по ево учениковъ, да въ Новонѣмецкую слободу по игрецовъ по Тимоѳея Гасенкруха съ товарищи, да по музыкантовъ... Да въ село жъ Преображенское въ комидѣйные жъ хоромы х комидѣйному дѣйству купленъ на Москвѣ-рѣкѣ на льду столъ дубовой... Да февраля жъ въ 27-й день изъ села Преображенскаго ис комидѣйныхъ хоромъ тѣ жъ рамы и ковры и сукна и всякой нарядъ и органы перевезены къ Москвѣ въ полаты, что надъ оптекою, для комидѣйного жъ дѣйства". На время поста 1673 г. театральные уборы, ковры, сукна и всякое потѣшное платье были вывезены изъ хоромины и сложены въ палату на кремлевскомъ дворѣ боярина Милославскаго, который послѣ его смерти еще въ 1668 году поступилъ въ число дворцовыхъ зданій, хотя все еще, по старой памяти, назывался дворомъ Милославскаго. Это—такъ называемый потѣшный дворецъ, или теперь комендантскій домъ. *Забѣлинъ*, 475.

[2]) „Началась комидія въ пятомъ часу ночи (то-есть, по нашему счету—въ десятомъ); *отошла* до свѣту за три часа", слѣдовательно, въ пятомъ часу утра.

и околничіе, и думные дворяне и думные дьяки, и ближніе люди всѣ, и стольники, и стряпчіе". Когда въ Преображенскомъ была поставлена „Іудинь" (въ ноябрѣ 1674 г.) царь разослалъ ко всѣмъ приближеннымъ, не сопровождавшимъ его въ Преображенское, нарочныхъ сокольниковъ и конюховъ стремянныхъ, съ приказомъ: „быть съ Москвы нарошно къ великому государю въ походъ, въ село Преображенское" [1]). Въ томъ же году, на представленіи „Эсѳири", кромѣ придворныхъ, были съ одной стороны, „государыня царица и государи царевичи и государыни царевны", а съ другой — всякихъ чиновъ люди [2]). По свидѣтельству Рейтенфельса [3]), для царицы и царевенъ были устроены особыя мѣста, въ родѣ ложъ, отгороженныхъ частою рѣшеткою, сквозь которую они и смотрѣли на сцену, не будучи видны остальной публикѣ, наполнявшей залу. Такимъ образомъ, даже и женская половина царской семьи, хотя и не открыто, но все-таки любовалась новою нѣмецкою потѣхой и не считала этого развлеченія зазорнымъ.

Существованіе театра, по видимому, было упрочено; его старались обставить какъ можно лучше, старались дать комидійному дѣлу возможность правильнаго дальнѣйшаго развитія. Въ половинѣ 1673 года пастору Грегори было поручено обучать спеціально комидійному строенью 26 человѣкъ мѣщанскихъ и подъяческихъ дѣтей, набранныхъ въ „его царскаго величества экомедіанты" изъ Новомѣщанской слободы; такимъ образомъ устроилась настоящая театральная школа. Матеріальное положеніе этихъ первыхъ дѣятелей русской сцены было, однакоже, въ первое время совершенно не обезпечено, такъ что крайняя нужда заставила ихъ, наконецъ, обратиться къ царской милости съ такою характерною челобитною:

„Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцу, бьютъ челомъ подъячишка Васка Мешалкинъ с товарищи. В нынешнем государь во 181 году июня въ 16-й день по твоему великаго государя указу отослали насъ, холопей твоихъ, въ немецкую слободу для научения камидѣйнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и ныне мы, холопи твои, по вся дни ходя к нему магистру

---

[1]) Дворцовые Разряды, III, 1131.

[2]) *Строевъ*. Выходы государей царей. М. 1844, указатель, 41.

[3]) De rebus Moschoviticis. Patav. 1680, p. 105.

и учася у него, платьишком ободрались и сапожишками обносились, а пить ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержецъ! пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитанье поденной кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комедіинаго дѣла, голодною смертію не умереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй!" [1])

Просьба обнищалыхъ и голодныхъ актеровъ была исполнена: „По указу великаго государя царя . . . и по помѣтѣ на челобитной думнаго дьяка Григорья Богданова, велѣно давать великаго государя жалованья поденнаго корму комедиантом, мѣщанским дѣтем 26-ти человѣкомъ, с того числа какъ почели быть въ ученье у магистра и впредь, покамѣсть въ ученье побудутъ, по 4 денги человѣку въ день. Дано іюня съ 16 числа прошлаго 181 году сентября по 1 число нынѣшняго 182 году по 4 деньги человѣку на день, и того 34 рубли 10 алтынъ 4 денги. А сентября съ 1 числа нынѣшняго 182 году тѣм комедиантом поденной корм давать ли— и о томъ великій государь какъ укажетъ.—182 года октября въ 10 день по указу великаго государя . . . давать имъ его великаго государя жалованья поденнаго корму с сего числа на день по 4 денги с свидѣтельством",—то-есть, съ аттестаціею Грегори, который самъ и расписывался въ полученіи этихъ денегъ. [2]) Изъ другихъ русскихъ актеровъ этого времени, товарищей Василія Мѣшалкина, по роспискамъ въ полученіи кормового жалованья извѣстны имена Николая и Родіона Ивановыхъ, Тимоѳея Максимова и Луки Степанова.

Этими данными исчерпываются наши свѣдѣнія о внѣшней сторонѣ перваго русскаго театра. Что касается до внутренней его стороны, до содержанія тѣхъ пьесъ, которыя ставилъ Грегори на своей сценѣ, то самаго поверхностнаго знакомства съ уцѣлѣвшими до нашего времени образцами достаточно для того, чтобы убѣдиться, что эти дѣйства не имѣютъ почти ничего общаго съ драматическими произведеніями нѣмецкихъ или южно-русскихъ школьныхъ учителей и Симеона Полоцкаго. Грегори, подобно школьнымъ драматургамъ, „дѣйствовалъ изъ Библіи": вслѣдъ за „Эсѳирью" онъ далъ комедіи

---

[1]) *Тихонравовъ*, I. с. 30.

[2]) Расходный столбецъ приказу Галицкія чети.

объ Іудиѳи, о Товіи, объ Іосифѣ; но при обработкѣ библейскихъ сюжетовъ онъ руководился совершенно иными правилами и воззрѣніями. Школьная драма на первый планъ выдвигала нравоученіе, морализацію сюжета, обыкновенно при помощи аллегорій и риторическихъ параллелей, при чемъ на развитіе дѣйствія не обращалось почти никакого вниманія. Грегори, на оборотъ, не задаваясь специально нравоучительными цѣлями, прежде всего имѣлъ въ виду литературный или, точнѣе, сценическій интересъ пьесы, заботился не столько о морали сколько о самой драмѣ. Онъ далъ только одну пьесу строгаго школьно-нравоучительнаго характера—комедію объ Адамѣ и Евѣ; но, какъ справедливо замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ [1]), онъ самъ выдвинулъ эту серьезную, строго выдержанную въ стилѣ духовной драмы, каноническую пьесу изъ ряда другихъ дѣйствъ своего репертуара, назвавъ ее „жалостною", въ отличіе отъ остальныхъ—„прохладныхъ" или „потѣшныхъ" комедій. Выборъ библейскихъ сюжетовъ обусловливался какъ общимъ направленіемъ литературы XVII столѣтія, такъ и тѣми особенными условіями, въ какія былъ поставленъ первый русскій театръ: нѣмецкая потѣха представилась бы слишкомъ безчинною и зазорною, еслибы сцена сразу приняла свѣтскій характеръ; не слѣдуетъ, конечно, забывать и духовнаго сана Грегори. Но съ другой стороны нѣмцы относились къ библейскимъ сюжетамъ съ большою свободою и самостоятельностью: они дѣйствовали Библію въ духѣ старинныхъ мистерій, и наконецъ, вслѣдъ за библейскими драмами поставили на сцену пьесу уже чисто свѣтскаго содержанія, „Темиръ-Аксаково дѣйство" или комедію о Баязетѣ и Тамерланѣ. Всѣ эти отличительныя черты репертуара Грегори роднятъ его съ особымъ видомъ западно-европейской драматической литературы XVI—XVII вв., съ такъ-называемыми **англійскими комедіями**.

Въ Англіи, гдѣ театръ уже въ началѣ XVI вѣка достигъ блестящаго и оригинальнаго развитія,—въ Англіи раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, появляются и профессіональные актеры, люди, не знающіе другаго дѣла, кромѣ сцены. Во второй половинѣ XVI вѣка представители этой свободной профессіи,—сначала всевозможные „игрецы", то-есть, музыканты, фокусники, веселые потѣшники, а затѣмъ и настоящіе актеры начинаютъ предпринимать поѣздки на европейскій континентъ,—особенно въ Данію, Голландію и, нако-

[1]) Русск. драм. произв., I, стр. XIII.

нецъ, въ Германію. [1]) Въ 1585 году знаменитый покровитель Шекспира, графъ Лейстеръ, явился въ Голландію съ войскомъ, посланнымъ королевою Елизаветою на помощь Генеральнымъ Штатамъ противъ Филиппа II. Графа сопровождала труппа актеровъ, которую онъ содержалъ на свой счетъ; другую труппу онъ рекомендовалъ Датскому королю Фридриху II; въ 1586 году пятеро англичанъ изъ этой датской труппы являются при дворѣ Саксонскаго курфирста Христіана I и увеселяютъ его игрою на скрипкахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, а также „танцами и другими искусствами, которымъ они обучались“. Успѣхъ этой труппы вызвалъ появленіе на континентѣ другихъ, подобныхъ ей, странствующихъ компаній сначала „инструментистовъ“, а затѣмъ уже и актеровъ. Въ 1591—1600 годахъ по Голландіи, а затѣмъ и по Германіи разъѣзжала небольшая труппа, показывавшая свое искусство въ музыкѣ, гимнастикѣ (agilitez) и представленіи комедій, трагедій и „исторій“. Впослѣдствіи (въ 1602—1617 гг.) одинъ изъ принципаловъ этой труппы, Томасъ Сэквиллъ, съ товарищами, находился при дворѣ герцога Брауншвейгскаго Генриха-Юлія, который былъ страстнымъ любителемъ театра и самъ писалъ трагедіи и комедіи въ англійскомъ стилѣ; другую подобную же труппу держалъ при своемъ дворѣ ландграфъ Морицъ Гессенскій. Обѣ эти труппы, время отъ времени, предпринимали поѣздки по всей Германіи; ихъ примѣру слѣдовали многія другія, пріѣзжавшія, обыкновенно, черезъ Голландію и потому получившія названіе „англійско-нидерландскихъ“ или даже просто „нидерландскихъ“ компаній. Въ первой половинѣ XVII столѣтія онѣ являются повсюду, при дворахъ нѣмецкихъ князей, во всѣхъ имперскихъ городахъ, въ Бельгіи, Моравіи, Польшѣ (1616—1617 гг.), быстро пріобрѣтая широкую популярность. Первоначально эти труппы состояли изъ однихъ англичанъ и давали свои представленія на англійскомъ языкѣ, что̀, однако,

---

[1]) Извѣстія о странствованіяхъ англійскихъ комедіантовъ по средней Европѣ собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ у *Gödecke*, Grundriss, II-e, 524—542; краткій очеркъ исторіи этихъ бродячихъ компаній сдѣланъ *Tittman*'омъ въ изданіи Deutsche Diehter des XVI Jahrh., III (Lpz. 1868), Einleitung. См. также *I. Meissner*, Die englische Comoedianten in Wien, W. 1884; *Zeitschr. für vergl. Liter.*, hrsg. v. *M. Koch* und *E. Geiger*, N. F., Bd. I. 1-tes Heft (1887), статья *Gust. Könnecke*, Neue Beiträg zur Gesch. der engl. Komödianten; Anglia 1887, Bd. X, 2-te Heft, S. 289: *E. Soffé*, Eine Nachricht über engl. Komödianten in Mähren. Хронологическій перечень Gödecke обнимаетъ періодъ съ 1585 по 1666 гг.

не мѣшало публикѣ усердно посѣщать эти спектакли и очень ими интересоваться (вѣдь посѣщались же даже латинскія школьныя дѣйства). Въ англійскихъ представленіяхъ привлекали зрителей, даже не понимавшихъ языка, музыка, пѣніе, танцы и шутовскія выходки клоуна, бывшаго непремѣннымъ участникомъ всѣхъ этихъ спектаклей. Эта „дурацкая персона" уже въ первые годы дѣятельности англійскихъ комедіантовъ въ Германіи овладѣла нѣмецкимъ языкомъ и потѣшала публику въ антрактахъ между дѣйствіями [1]). Съ теченіемъ времени, съ одной стороны, англичане выучивались по нѣмецки, а съ другой—и составъ англійскихъ труппъ понемногу измѣнялся; къ нимъ присоединялись актеры голландскіе и нѣмецкіе, такъ что явилась возможность уже совершенно оставить англійскій языкъ. Наконецъ, нѣмецкіе актеры взяли уже рѣшительный перевѣсъ: бывали такія компаніи, въ которыхъ не было ни одного англичанина, и которыя, не смотря на то, все-таки продолжали называться „англійскими", потому что это названіе было въ то время въ модѣ и указывало на извѣстный, опредѣленный характеръ представленій. Послѣ тридцатилѣтней войны англійскіе комедіанты мало по малу сходятъ со сцены; послѣднія извѣстія о нихъ не идутъ далѣе 1666 года; но ихъ вліяніе долго еще чувствовалось въ нѣмецкой драматической литературѣ и существеннымъ образомъ отозвалось на ея характерѣ и развитіи. Эти профессіональные сценическіе дѣятели принесли въ Германію и надолго утвердили на нѣмецкой сценѣ особенный репертуаръ, рѣзко отличавшійся отъ нѣмецкой школьной драмы какъ формою, такъ и содержаніемъ пьесъ. Отвергая всякія „правила драматическаго сочиненія", всякую нравоучительную тенденцію и не соблюдая никакого единства дѣйствія, англичане брали содержаніе своихъ пьесъ изъ священной и свѣтской исторіи, изъ рыцарскаго романа и легенды, изъ народнаго преданія, старой баллады, италіанской новеллы, англійской хроники и т. д. и обработывали выбранный сюжетъ съ полною свободою, заботясь только о возможно болѣе

---

[1]) Diesolbige agerden... *in ihrer engelscher sprache.* Si hetten bi sich vielle verschieden instrumente, dar sie uf speleden, als luten, zitteren, fiolen, pipen und dergelichen; sie dantzeden vielle und froemmede dentze (so hir zu lande nicht gepruechlich) in anfange und ende der comedien. Sie hetten bei sich einen schalkes narren, so *in duescher sprache* vielle boetze und geckerie machede under den ageren, wan sie einen neuwen actum wolten anfangen und sich umbkleiden, darmidt ehr das volck lachent machede. Изъ Мюнхенской хроники 1601 г., *Gödecke*, l. c.. 528, № 36.

эффектномъ сценическомъ впечатлѣніи. Ужасныя, кровавыя сцены убійствъ и казней съ самыми реальными подробностями безпорядочно переплетаются въ этихъ пьесахъ съ шутовскими эпизодами обыденной жизни, надутое многословіе трагическихъ героевъ смѣшивается съ грубою, часто циничною прозою черни; напыщенныя любовныя сцены въ стилѣ италіанскихъ пасторалей смѣняются дракою шутовъ; вообще, быстрая смѣна событій поражаетъ всякаго рода неожиданностями, а для усиленія эффекта къ дѣйствію прибавляется еще музыка, пѣніе (такъ-называемыя Singetspiele); антракты наполняются пляской, представленіями акробатовъ, фокусниковъ и выходками клоуновъ,—часто импровизированными.

Огромный успѣхъ и популярность, выпавшіе на долю англійскихъ комедіантовъ въ Германіи, объясняются тѣмъ, что они были актеры по профессіи, а не дилеттанты, какъ ихъ предшественники и, слѣдовательно, были прямо заинтересованы въ томъ, чтобы нравиться публикѣ и привлекать ее зрѣлищемъ всевозможныхъ эффектовъ, въ особенности — сраженій и всякаго рода кровопролитія, щекотавшаго нервы толпы, которая шла въ театръ съ тѣмъ же любопытствомъ, какое гнало ее къ эшафоту или заставляло въ мистеріи Страстей Христовыхъ изображать распятіе со всѣми его подробностями. Съ другой стороны, не менѣе притягательною силою обладалъ, конечно, и ничѣмъ не сдерживаемый юморъ шута, обильно приправленный крѣпкими словами и выразительною пантоминой.

Съ точки зрѣнія литературной, „англійскія комедіи“ представляютъ не что иное, какъ эпическій разказъ, переложенный въ разговоры и разбитый на сцены. Дѣйствіе въ нихъ совершенно лишено внутренней связи: мы видимъ рядъ явленій, удовлетворяющихъ любопытству публики и дающихъ ей возможность поплакать или посмѣяться, всевозможныя приключенія, странствованія героевъ и героинь по всему свѣту, различныя опасности, которымъ они при этомъ подвергаются, — но почти не видимъ центральнаго событія, которое было бы ядромъ пьесы: до такой степени она загромождена массою постороннихъ подробностей. Драма развивается совсѣмъ на эпическій ладъ, подобно сказкѣ: она изображаетъ отдѣльныя событія рядомъ одно съ другимъ, предоставляя зрителю отыскивать связь между ними и догадываться о душевномъ состояніи дѣйствующихъ лицъ. Самый способъ выраженія отличается постояннымъ схематизмомъ: дѣйствующія лица обыкновенно говорятъ: „Теперь я сдѣлаю то-то и то-то“, а затѣмъ: „вотъ, теперь я это сдѣлалъ“; о дѣйствіи, только-что

совершенномъ передъ публикою со всѣми подробностями, разказываютъ очень обстоятельно, какъ будто бы оно и не происходило на сценѣ; событія, раздѣленныя многолѣтними промежутками, помѣщаются рядомъ, иногда въ одномъ и томъ же явленіи; словомъ, эта драма еще не успѣла освободиться отъ повѣствовательной формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣетъ очень много общаго съ кукольнымъ представленіемъ: кукла не имѣетъ внутренней драматической жизни и потому всѣ ея движенія должны быть объяснены словами и всѣ психическіе мотивы, вся игра страстей излагаются какъ можно подробнѣе; актеры XVII столѣтія, въ сущности, были такими же куклами на проволокахъ изображаемой ими исторіи; они „слишкомъ усердно пилили воздухъ руками, разрывали страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ ушахъ райка, который не смыслитъ ничего, кромѣ неизъяснимой нѣмой пантомины и крика; старались переиродить самого Ирода; въ словахъ и походкѣ не походили ни на христіанъ, ни на язычниковъ, ни вообще на людей; выступали и орали такъ, точно какой-нибудь поденщикъ природы надѣлалъ людей, да неудачно,—такъ ужасно подражали они человѣчеству...“ [1]) Но настоящей драмы, внутренней психической жизни во всемъ этомъ, все-таки, не было, потому что не было ея въ самыхъ пьесахъ, которыя, при всемъ нагроможденіи трагизма и внѣшнихъ эффектовъ, были, повторяемъ, лишены живого дѣйствія.

Постояннымъ дѣйствующимъ лицомъ „англійскихъ комедій“ является дурацкая персона клоуна, народнаго шута, представляющая особенный, характерный типъ, разработанный въ подробностяхъ актерами-спеціалистами. Фигура, многими чертами напоминающая средневѣкового нѣмецкаго Совѣстдрала и, конечно, имѣющая длинный рядъ предковъ въ лицѣ средневѣковыхъ народныхъ потѣшниковъ и древнеримскихъ глумотворцевъ, выступаетъ на сцену подъ разными прозвищами, большею частью означающими любимое народное кушанье [2]): въ Англіи—Jack Pudding или Posset (молочный пуншъ), въ Италіи—Giovanni Maccaroni, во Франціи — Jean Potage (въ нѣмецкой передѣлкѣ—Schampitasche), въ Германіи — Hans Wurst, въ Голландіи—

---

[1]) Гамлетъ, III, 2.

[2]) Это замѣтилъ еще Аддиссонъ въ своемъ „Зрителѣ“: „There is a set of merry-drolls, whom the common people of all countries admire, and seem to love so well, *that they could eat them*, according to the old proverb: J mean those circumforaneous wits whom every nation calls by the name of that dish of meat which it loves best“. *The Spectator*, № 47, April 24.

Jan Pickelhering, и т. д. [1]). Имя Гансвурста, впервые встрѣчающееся въ нижне-нѣмецкомъ „Narrenschiff" 1497 года, является на сценѣ лишь въ половинѣ XVI столѣтія [2]); но этотъ типъ выработался въ опредѣленную комическую маску только подъ вліяніемъ англійскихъ комедіантовъ и достигъ полнаго своего развитія лишь въ XVIII вѣкѣ, въ фарсахъ неистощимаго вѣнскаго глумотворца Іосифа Страницкаго и Франца Шуха.

Въ извѣстныхъ намъ нѣмецкихъ обработкахъ „англійскихъ комедій" шутовская персона является обыкновенно съ именемъ Пикельгеринга (pickled herring, маринованная селедка). Принадлежность этой разновидности шутовского типа именно англійскимъ комедіантамъ удостовѣрена документально свидѣтельствомъ 1631 года: „Diesen Monsieur Pickelhäring haben die Engelländischen Comödianten erstmalen in Deutschland eingeführet" [3]), происхожденіемъ же своимъ она обязана классической странѣ сельдей — Голландіи [4]). Англійскіе комедіанты вначалѣ выводили шута подъ его нарицательнымъ именемъ—клоуна (съ этимъ именемъ онъ является даже въ пьесахъ нѣмецкихъ послѣдователей англійскаго стиля,—герцога Генриха-Юліуса и Якова Айрера), но вскорѣ дали ему собственное имя Пикельгеринга, которое едва ли не пережило на нѣмецкой сценѣ самую „англійскую комедію". Подобно своему нѣмецкому товарищу Гансвурсту, Пикельгерингъ соединяетъ въ своей особѣ всевозможныя комическія черты: онъ и неповоротливый, грубый обжора (Tölpel), и ловкій пройдоха-плутъ, и глупый лѣнтяй, и предпріимчивый, веселый малый, на всѣ руки мастеръ, — все смотря по обстоятель-

---

[1]) Въ нѣмецкихъ пьесахъ XVII вѣка встрѣчаются еще названія: Jahn Possenreisser, Kurzweiler (потѣшникъ), Narr, Tanzmann, Jahn Clam или Klan (clown), Jan Panser (толсторожій, франц. panse, нѣм. Panze) и др.

[2]) Въ пьесѣ Петра Пробста: Fastnachtspiel vom Kranken Bauern, 1553. См. *Archiv für Literaturgesch.* IV, 409—425.

[3]) *Albert Cohn*, Shakespeare in Germany, Lond. 1865, p. XCVIII.

[4]) Не довольствуясь простымъ объясненіемъ имени Пикельгеринга, нѣмцы придумывали для него разныя мудреныя этимологіи, напримѣръ, производили Pickel отъ древне-нѣмецкаго pickeln=Possen treiben, или отъ pikiren = играть въ пикетъ, или отъ голландскаго guichelaar = Gaukler; въ словѣ же Hering видѣли древне-нѣмецкое hringi, знатнѣйшій (такъ что, стало быть, Pickelhering должно было значить: „оберъ-шутъ"), или hring, собраніе, или даже haar. *Flögel's* Gesch. des Grotesk-Komischen, bearb. v. *Ebeling*, 5-te Aufl. 1888, S. 175. Въ миніатюрахъ фламандскихъ рукописей XV столѣтія дурацкій колпакъ часто украшается селедкой, какъ эмблемою національнаго шутовского типа. *Wesselofsky*, o. c. 27, примѣч.

ствамъ. Не представляя индивидуальнаго комическаго типа, онъ въ каждую данную минуту можетъ выдвинуть на первый планъ ту или другую смѣшную сторону, всегда съ оттѣнкомъ насмѣшки надъ самимъ собою, и ни при какихъ обстоятельствахъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. „Роль Пикельгеринга", говоритъ Девріентъ,— [1]) „собственно даже не роль, а общее мѣсто, какое-то попурри изъ плутовства, глупости, насмѣшливости, наивности и пошлости; это условный сценическій типъ, комическій хоръ, въ которомъ отражаются смѣшныя стороны дѣйствія, олицетвореніе народнаго юмора, который дерзко врывается въ самыя серьезныя сцены и тутъ потѣшается надъ всѣмъ знатнымъ, высокимъ или напыщеннымъ или являетъ ему противоположность собственною грубою фигурою". Иногда ему даются второстепенныя роли, требующія, однако, частаго появленія на сценѣ: онъ является слугою, вѣстникомъ, стражемъ, воиномъ; знаетъ много такого, что̀ неизвѣстно другимъ дѣйствующимъ лицамъ; все подмѣчаетъ и всѣмъ пользуется, чтобы вызвать комическій эффектъ; иногда онъ бываетъ лѣкаремъ, иногда — палачемъ, послѣднее еще по старой, средневѣковой привычкѣ. Но вообще его роль, какая бы она ни была, не имѣетъ непосредственной, органической связи съ пьесою; оттого она часто и не писалась цѣликомъ, а исполненіе ея предоставлялось импровизаторской изобрѣтательности актера: въ упомянутомъ уже сборникѣ „англійскихъ комедій" 1620 года иногда вмѣсто цѣлой сцены просто находится отмѣтка: „Здѣсь дѣйствуетъ Пикельгерингъ". Эти импровизаціи въ грубо-народномъ вкусѣ часто доходили до крайнихъ предѣловъ безстыдства, вызывавшаго протесты даже со стороны далеко не церемонныхъ зрителей XVII вѣка [2]), такъ что иногда „англійскимъ комедіантамъ" по этой

---

[1]) Gesch. d. deutsch. Schauspielkunst, I, 178.

[2]) О шуткахъ Пикельгеринга можетъ дать понятіе слѣдующій отрывокъ изъ Маркса Мангольдта, 1597 г.:

Wie der Narr drinnen, *Jan* genennt,
Mit Bossen wer so excellent:
Welches ich auch bekenn fürwar,
Dass er damit ist Meister gar.
Verstellt also sein Angesicht,
Dass er keim Menschen gleich mehr sicht.
Auff tölpisch Bossen ist sehr geschickt,
Hat Schuch, der Keiner jhn nicht trückt.
In sein Hosen noch einr hett Platz,
Hat dran ein unhehewren Latz.

причинѣ не разрѣшали представленій [1]). Слѣды этого безстыдства остались и въ пьесахъ репертуара Грегори, которыми, впрочемъ, зрители были очень довольны. До насъ дошло современное изображеніе Пикельгеринга на заглавномъ листѣ небольшой брошюры, изданной около 1649 года: „Gesprech zwischen dem englischen Bickelhering und frantzösischen Schanpetasen (то-есть, Jean Potage) über das schändliche Hinrichten Königl. Majestät in Engelland, Schott und Ireland". Пикельгерингъ костюмированъ по-военному; на головѣ у него шляпа въ родѣ тирольской, но вдвое выше, украшенная двумя довольно длинными пѣтушьими перьями; одѣтъ онъ въ короткую, плотно стянутую и застегнутую на двѣ пуговицы куртку съ очень широкимъ отложнымъ воротникомъ, въ короткіе, но широкіе штаны; на ногахъ башмаки; за поясомъ короткій мечь или ножъ [2]).

Въ сборникѣ 1620 года (который былъ перепечатанъ въ 1624 году) находятся комедіи: объ Эсфири и Аманѣ; о Блудномъ сынѣ; о Фортунатѣ; о королевскомъ сынѣ изъ Англіи и королевской дочери изъ Шотландіи; Сидонія и Теагена; Нѣкто и Никто; Юлій и Гипполита; Титъ Андроникъ; двѣ пьесы съ Пикельгерингомъ въ главной роли и шесть „Auffzüge" или „Singetspiele" въ стихахъ и съ нотами, для пѣнія въ антрактахъ. Во второй части сборника, изданной въ 1630 году подъ заглавіемъ: „Liebeskampff", помѣщено восемь пьесъ, въ томъ числѣ комедія о могуществѣ Купидона, объ Аминтѣ и Сильвіи, Испытаніе вѣрной любви, о королѣ Манталорѣ и двѣ Singe-Comödien. Наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ комедій вошли въ изданный

Sein Juppen jhn zum Narren macht,
Mit der Schlappen die er nicht acht
Wann er da fängt zu löffeln an,
Vnd dünckt sich sein ein fein Person.
Der *Wursthänsel* ist abgericht,
Auch zimlicher massen, wie man sicht...
Dass solches fürwar ein Lust zu sehen,
Wie glatt die Hosen jhm anstehen,
Welche mit Fleiss so zugericht,
Dass man was zwischen Beinen sicht:
Darnach etwan pflegen zu schawen
Glüstige Weiber und Jungfrawen...

(*Marx Mangoldt*, Marckschiffs Nachen, цит. у *Gödecke*, Grundr. II², 527, № 19)

[1]) *Gödecke*, o. c. 537, № 62 и 65; 536, № 120; 537, № 126; 542, № 179, 180.

[2]) *H. C. Loffelt*. English actors on the continent, Shakespeare Jahrbuch, VI (1869), S. 377—380. Позднѣйшее (XVIII в.) изображеніе Гансвурста см. у *Flögel-Ebeling*, o. c., Taf. 9. Ср. *Devrient*, o. c. I, 196.

въ 1670 году въ Франкфуртѣ трехтомный сборникъ, подъ заглавіемъ: „Schaubühne Englischer und französischer Comödianten", вмѣстѣ съ переводами мольеровскихъ и другихъ французскихъ пьесъ. Кромѣ того, изъ извѣстій о спектакляхъ „англійскихъ комедіантовъ" мы знаемъ, что въ составъ ихъ репертуара входили передѣлки трагедій Марло (Фаустъ) и Шекспира (Венеціанскій еврей, Гамлетъ, Ромео и Джульета, Король Лиръ), мольеровскій „Амфитріонъ", „Неистовый Орландъ" и цѣлый рядъ пьесъ, содержаніе которыхъ было заимствовано изъ рыцарскихъ романовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ потомъ отысканы и напечатаны Когеномъ и Мейснеромъ. Какъ видно изъ этихъ текстовъ, составители „англійскихъ комедій" относились и къ Шекспиру съ тою же свободою, съ какою они передѣлывали рыцарскіе романы или италіанскія новеллы: и его пьесы служили для нихъ только канвой, на которой они вышивали собственные узоры, большею частью очень грубые и нескладные. Впрочемъ, надо замѣтить, что тѣ нѣмецкія пьесы, которыя дошли до насъ подъ названіемъ „англійскихъ комедій", сами по себѣ представляютъ, по всей вѣроятности, переводы или переработки пьесъ, которыя дѣйствительно разыгрывались „англійскими комедіантами", такъ какъ послѣдніе, конечно, вовсе не были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ подлинные тексты распространялись въ публикѣ помимо представленія. Притомъ, такъ какъ „англійскія" труппы въ Германіи XVII столѣтія пользовались широкою популярностью, то всѣ остальныя актерскія компаніи, образовавшіяся по ихъ примѣру и подъ ихъ вліяніемъ, также или прямо выдавали себя за „англійскія" или, во всякомъ случаѣ, старались имъ подражать и для своихъ представленій сочиняли пьесы въ подходящемъ тонѣ и духѣ. Подобныя-то пьесы, по всей вѣроятности, и служили образцами для московскаго пастора и его помощниковъ, призванныхъ устроить русскій театръ и создать для него драматическій репертуаръ.

Изъ репертуара Грегори до насъ дошли только четыре пьесы (двѣ изъ нихъ—въ неполныхъ спискахъ), извѣстіе о представленіи одного балета и заглавія двухъ пьесъ. Хронологическій порядокъ ихъ представленій опредѣляется (приблизительно) слѣдующими соображеніями [1]).

Первый спектакль („Артаксерксово дѣйство") состоялся 17-го октября 1672 года. Затѣмъ, въ теченіе мясоѣда, то-есть, до 14-го но-

[1]) *Забѣлинъ*, 475—481; *Тихонравовъ*, о. с.

ября, представленія, вѣроятно, повторялись, хотя мы и не имѣемъ объ этомъ извѣстій. Въ наступившій постъ царь, конечно, уже не могъ смотрѣть подобныя зрѣлища, и потому они возобновляются опять въ мясоѣдъ, уже въ январѣ 1673 года. Въ годовщину бракосочетанія съ Натальей Кирилловной, 22-го января, царь отдалъ приказъ объ устройствѣ комидійной палаты въ Кремлѣ, надъ аптекою; работа шла очень спѣшно, и къ 29-му января все было готово, а представленія происходили, конечно, уже на масляницѣ, которая началась 2-го февраля. Въ это время въ два дня перевезено изъ Нѣмецкой слободы до дворца 60 человѣкъ дѣтей, которыя участвовали въ комидійномъ дѣйствѣ: это число должно обозначать всю труппу, бывшую на представленіи. Соображая его съ количествомъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Іудиѳь" (63), мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что между 2-мъ—9-мъ февралемъ 1673 года была представлена именно эта комедія. Это предположеніе кажется намъ тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что въ прологѣ „Іудиѳи", точно также, какъ и въ прологѣ кіевскаго дѣйства объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ (1673 г.), находятся, какъ увидимъ ниже, намеки на современную войну съ турками, почти повторяющіе слова кіевской пьесы, что царь

Съ непріятелемъ Креста дѣло зачинаеть,
Але, яко Константинъ, никгды не програеть.

Кромѣ дѣтей, въ комедіи дѣйствовали и нѣмцы, Тимоѳей Гасенкрухъ съ товарищи, названные игрецами. Ихъ привозили во дворецъ три раза и, слѣдовательно, одинъ разъ они играли уже одни, безъ актеровъ-дѣтей. Вѣроятно, ими и былъ представленъ, въ субботу на масляницѣ, тотъ балетъ, о которомъ разказываетъ Рейтенфельсъ [1]), и о которомъ еще будетъ рѣчь ниже. Это предположеніе подтверждается извѣстіемъ, что при постройкѣ комидійной хоромины надъ аптекой „выкрашены голубцомъ четыре балѣты", то-есть, вѣроятно, подвижныя пирамиды, требовавшіяся для упомянутаго представленія.

Съ наступленіемъ великаго поста театръ былъ, разумѣется, оставленъ и возобновился только весною, уже послѣ Троицына дня, въ Преображенскомъ, куда царь переѣхалъ на другой день послѣ праздника, 19-го мая. На пятнадцати подводахъ были свезены туда 32 рамы декорацій, 9 ковровъ, сукна, скамьи, органы; семеро плот-

---

[1]) De rebus moschovit., 105—107.

никовъ, подъ руководствомъ декоратора Петра Инглиса, устанавливали рамы и устраивали все нужное. О дняхъ и содержаніи спектаклей извѣстій нѣтъ. Осенью, 7-го октября, были выданы деньги на постановку комедіи о Товіи младшемъ, а 2-го ноября, ввечеру, царь, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся въ Преображенское отъ Троицы, „ходилъ въ комидію смотрить дѣйства, какъ нѣмцы дѣйствовали" [1]). Вѣроятно, до заговѣнья 14-го ноября эта комедія была повторена.

Въ началѣ 1674 года мы находимъ комедію опять въ Кремлевскомъ дворцѣ, откуда она 24-го февраля, во вторникъ на масляницѣ, наскоро перевозится въ Преображенское, а въ пятницу, 27-го, опять въ Кремлевскую хоромину; на масляницѣ было, слѣдовательно, не менѣе двухъ спектаклей. Затѣмъ, въ ноябрѣ „была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ комедія, и тѣшили его, великаго государя, иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла", то-есть, „Іудиѳь" [2]); вслѣдъ за нею, въ тотъ же мясоѣдъ, была „другая комедія: какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью", то-есть, „Эсѳирь". Наконецъ, на заговѣнье, 14-го ноября, снова была потѣха, а тѣшили великаго государя иноземцы, нѣмцы да люди боярина А. С. Матвѣева, на органахъ и на фіоляхъ и на страментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами розными (тѣшили); комедія въ числѣ этихъ потѣхъ не упоминается.

Въ 1675 году, въ четвергъ на масляницѣ, 11-го февраля, была комедія, вѣроятно, въ Кремлѣ и продолжалась около семи часовъ. Тѣшили великаго государя тѣ же дѣйствующія лица: иноземцы да люди Матвѣева. Весенній мясоѣдъ и все лѣто государь со всѣмъ домомъ прожилъ на Воробьевыхъ горахъ, оттуда перешелъ въ Ко-

---

[1]) Выходы, 563.

[2]) Не можемъ согласиться съ мнѣніемъ *Н. С. Тихонравова*, что „Іудиѳь" поставлена 8-го декабря: во время рождественскаго поста комедія едва ли могла быть допущена. Въ указателѣ *Строева* къ Выходамъ (стр. 41) отмѣчено, что извѣстіе о представленіи „Іудиѳи" записано безъ чиселъ *въ ноябрѣ*. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, г. Тихонравовъ ссылается на свои примѣчанія къ этой пьесѣ (Русск. драм. произв., I, стр. XLIII); но въ его изданіи „Русск. драм. произведеній" и, сколько намъ извѣстно, вообще въ печати никакихъ примѣчаній къ „Іудиѳи", къ сожалѣнію, не находится. См. по этому поводу нашу замѣтку о сборникѣ г. Тихонравова въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. 226, отд. 2, стр. 270—282.

ломенское и потомъ уже, 9-го ноября, въ Преображенское, гдѣ и оставался до половины декабря. Можетъ быть, въ концѣ масоѣда, между 9-мъ и 14-мъ ноября, и дано было, по примѣру прежнихъ лѣтъ, какое-нибудь представленіе. Лизекъ, секретарь цесарскаго посольства, бывшаго въ этомъ году въ Москвѣ, разказываетъ, что въ посольской свитѣ былъ, между прочимъ, одинъ фокусникъ, чрезвычайно искусный въ своемъ дѣлѣ: напримѣръ, онъ скрещивалъ между собою нѣсколько ножей, которые безъ всякаго посторонняго дѣйствія поднимали вещи и деньги. Нѣмецкіе комедіанты, узнавъ объ его искусствѣ, просили пословъ позволить ему участвовать въ представленіи, которое они должны были устроить черезъ нѣсколько дней; но послы не могли исполнить этой просьбы, потому что 7-го ноября должны были уѣхать изъ Москвы. По отъѣздѣ пословъ, слухъ о фокусникѣ дошелъ до царя, который тотчасъ же отправилъ вслѣдъ за ними барона Менезеса, бывшаго прежде посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ, чтобы воротить фокусника, обѣщая, что онъ безъ всякаго затрудненія и съ наградою будетъ отпущенъ на родину. Послы исполнили желаніе царя и отпустили фокусника, который два раза давалъ свои представленія, удивилъ царя и царицу и воротился съ подарками [1]).

Скудость свѣдѣній о театральныхъ потѣхахъ этого времени лишаетъ насъ возможности болѣе или менѣе точно опредѣлить время представленія трехъ дошедшихъ до насъ пьесъ изъ репертуара Грегори. Эти пьесы — малая прохладная комедія объ Іосифѣ, малая комедія Баязетъ и Тамерланъ и жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ, — несомнѣнно были представлены въ 1637—1675 годахъ учениками школы Грегори, которые въ послѣсловіи „Баязета" называютъ себя „еще неискусными и несмышленными отрочатами", а въ прологѣ „Іосифа" просятъ снисходительности къ своему „дѣтскому дѣйствію". На основаніи эпилога къ „Баязету" мы можемъ предположить, что эта пьеса была представлена вскорѣ послѣ „Іосифа", такъ какъ въ этомъ эпилогѣ упоминается о поклоненіи Іосифу сноповъ [2]). Что касается до комедіи объ Адамѣ и Еввѣ, то по особенностямъ ея содержанія, сближающимъ ее съ школьными moralités, можно думать, что она была представлена въ концѣ масляницы, какъ бы въ видѣ напоминанія о постѣ и покаяніи.

Въ началѣ іюня 1675 года Грегори скончался [3]), и молодой театръ

---

[1]) *Пекарскій*, o. c., 393.

[2]) Русск. драм. произв., I, 242.

[3]) *Fechner*, Chronik, I, 365.

потерялъ, такимъ образомъ, главнаго своего руководителя. Это обстоятельство не могло не отразиться очень невыгоднымъ образомъ на дальнѣйшей судьбѣ драматическихъ представленій при дворѣ Алексѣя Михайловича, которыя, впрочемъ, по смерти Грегори продолжались очень короткое время, такъ какъ въ зимній мясоѣдъ 1676 года самъ царь заболѣлъ и 30-го января скончался.

Изъ приведенныхъ нами извѣстій о первыхъ шагахъ русскаго придворнаго театра 1672—1675 годовъ видно, что комидійныя дѣйства этого времени заключали въ себѣ тѣ же самые внѣшніе элементы, какими отличались представленія „англійскихъ комедіантовъ“: здѣсь кромѣ собственно комедіи, были танцы, пѣніе, музыка, фокусники и, всякіе иные игрецы. Этой внѣшней обстановкѣ соотвѣтствовало и внутреннее содержаніе тѣхъ драматическихъ произведеній, которыя до насъ дошли и которыя (за исключеніемъ одной лишь комедіи объ Адамѣ и Еввѣ) носятъ на себѣ весьма выразительный отпечатокъ „англійскаго“ стиля. По содержанію дошедшихъ до насъ комедій мы считаемъ возможнымъ судить и о характерѣ утраченныхъ пьесъ, къ числу которыхъ относится, прежде всего, Артаксерксово дѣйство; на этомъ основаніи мы и высказали выше предположеніе, что эта первая пьеса репертуара Грегори была, вѣроятно, переработкою „англійской“ комедіи „Von der Königin Esther und hoffärtigem Haman“.

Разказъ объ Эсѳири, занесенный въ Библію, какъ достопамятный и поучительный примѣръ чудеснаго попеченія Божія о возлюбленномъ израильскомъ народѣ, отличается несомнѣнными литературными достоинствами. Эта несложная исторія, въ которой дѣйствіе развивается очень быстро и мотивируется вполнѣ естественно, а характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ обрисованы ярко и живо, еще въ первой половинѣ XVI вѣка обратила на себя вниманіе писателей, занимавшихся драматическою обработкою библейскихъ сюжетовъ. Въ нѣмецкой литературѣ, начиная съ „Эсѳири“ Ганса Сакса (1536 г.) и до появленія въ печати „англійской“ комедіи 1620 года, то-есть, за 84-лѣтній періодъ времени, насчитываютъ до 15-ти пьесъ на эту тему [1]), въ томъ числѣ два или три латинскихъ школьныхъ дѣйства. На французской сценѣ „Эсѳирь“ является еще во времена мистерій, въ XV вѣкѣ, и держится въ различныхъ переработкахъ до эпохи класси-

[1]) Общія замѣчанія и анализъ нѣкоторыхъ пьесъ см. въ статьѣ *Hugo Holstein*'а, въ *Archiv für Litt.-Gesch.* X, 147—154, XI, 442 и XII, 46—60. Ср. *Tittmann*, Schauspiele der engl. Comödianten in Deutschland (Deutsche Dichter des XVI Jahrh., B. XIII), Einleitung, S. XXI—XXII.

цизма (трагедія Расина 1689 г.). Въ англійской драматической литературѣ извѣстна интерлюдія of godly Queen Esther и драма „Эсѳирь и Агасферъ", представленная въ 1594 году актерами лорда Чемберлэна (къ числу которыхъ принадлежалъ и Шекспиръ). Титманнъ высказываетъ предположеніе, что именно эта пьеса послужила оригиналомъ для нѣмецкой обработки 1620 года, въ которой многіе обороты и отдѣльныя слова прямо указываютъ на переводъ съ англійскаго. Комедія 1620 года, о представленіи которой по разнымъ городамъ Германіи до насъ дошли точныя извѣстія, въ свою очередь, послужила предметомъ для латинской передѣлки Jo. Val. Andreae (†1654), который самъ говоритъ въ своей біографіи, что написалъ эту пьесу „ad aemulationem anglicorum histrionum". Такимъ образомъ, эта тема, и въ особенности „англійская" комедія объ Эсѳири, была въ Германіи очень популярна. Ею-то, вѣроятно, и воспользовались Грегори и Рингуберъ, сочиняя свое Артаксерксово дѣйство.

„Комедія объ Эсѳири и высокомѣрномъ Аманѣ" дѣлится на четыре акта. Содержаніе ея, въ общемъ, вѣрно передаетъ библейскій разказъ, только сокращая его въ интересахъ большей выразительности дѣйствія. Пьеса открывается рѣчью царя Артаксеркса, который, восхваляя свою славу и могущество, заявляетъ, что онъ устроилъ роскошные пиры съ цѣлью показать своимъ подданнымъ всѣ свои богатства и, наконецъ, желая показать народу величайшее свое сокровище—красавицу-жену, приказываетъ привести ее на пиръ. Царица, считая такую выставку унизительною и неприличною, отказывается придти на пиръ. Тогда разгнѣванный царь, по совѣту ближайшаго и любимѣйшаго своего вельможи Амана, разводится съ женою, такъ какъ безнаказанность ея поступка побудила бы и всѣхъ другихъ женъ не почитать мужа за главу и господина. Затѣмъ онъ приказываетъ Аману созвать со всего государства прекрасныхъ дѣвицъ на смотръ, для выбора новой жены. Аманъ съ двумя царедворцами отправляется на поиски за красавицами, встрѣчаетъ Мардохея съ его племянницею Эсѳирью и, плѣнившись ея красотою, приводитъ ее во дворецъ. Царь, которому не понравилась ни одна изъ созванныхъ невѣстъ, увидѣвъ Эсѳирь, беретъ ее себѣ въ жены и награждаетъ Амана величайшими почестями. Эти награды возбуждаютъ зависть двухъ царедворцевъ, которые рѣшаются извести царя; но Мардохей, подслушавъ ихъ разговоръ, сообщаетъ объ этомъ Эсѳири, и царь велитъ казнить виновныхъ. Награда за спасеніе царской жизни достается опять-таки Аману: по царскому указу, при встрѣчѣ съ нимъ

всѣ должны преклонять колѣна. Мардохей, считая это идолопоклонствомъ, не слушается царской воли и не падаетъ ницъ передъ гордымъ временщикомъ. Аманъ разгнѣвался и рѣшился отомстить; онъ клевещетъ царю на іудеевъ и выпрашиваетъ повелѣніе истребить въ одинъ день все это, ненавистное ему, племя по всему царству. Іудеи трепещутъ и молятся; Мардохей заклинаетъ царицу спасти ихъ и умолить царя объ отмѣнѣ страшнаго указа. Эсѳирь принимаетъ на себя этотъ подвигъ и достигаетъ цѣли. Своимъ поведеніемъ она такъ умилостивила царя, что тотъ обѣщалъ ей исполнить все, чего только она захочетъ. На первый разъ Эсѳирь проситъ только одного: чтобы царь вмѣстѣ съ Аманомъ пожаловалъ къ ней на пиръ. Аманъ радуется такому благоволенію и еще больше возвышаетъ свою гордость, а для Мардохея, который осмѣлился ему перечить, приказываетъ построить высокую висѣлицу. Но обстоятельства мѣняются. Царь случайно вспоминаетъ заслугу Мардохея, нѣкогда раскрывшаго заговоръ, хочетъ его наградить и обращается къ Аману съ вопросомъ: какой почести заслуживаетъ человѣкъ, котораго царь желаетъ почтить? Аманъ, принимая этотъ вопросъ на свой счетъ, отвѣчаетъ, что такого человѣка надо облечь въ царскую одежду, возложить на него царскій вѣнецъ и, посадивъ на царскаго коня, торжественно провести по всему городу. Царь одобряетъ предложеніе и приказываетъ Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщикъ, не ожидавшій такой развязки, долженъ подчиниться царской волѣ. Послѣ этой унизительной для него церемоніи, онъ является на пиръ, на которомъ царь снова обѣщаетъ Эсѳири исполнить все, чего она пожелаетъ. Тогда царица разказываетъ своему супругу о замыслахъ Амана въ его же присутствіи, и проситъ казнить высокомѣрнаго злодѣя со всѣмъ его родомъ, а іудеевъ избавить отъ смертнаго страха. Амана вѣшаютъ (на сценѣ) на той самой висѣлицѣ, которую онъ готовилъ Мардохею, а Мардохей заступаетъ его мѣсто и становится ближайшимъ совѣтникомъ царя.

Параллельно съ этимъ библейскимъ сюжетомъ въ комедіи развивается балаганная исторія шута Ганса Knapkäse и его сварливой жены. Эта исторія занимаетъ добрую половину 1-го, 2-го и 4-го актовъ и служитъ, такимъ образомъ, веселою интермедіею. Жена Ганса, взбалмошная баба, заставляетъ его таскать корзины и нещадно колотитъ; по совѣту добраго сосѣда, Гансъ вооружается палкою и начинаетъ отплачивать женѣ за побои; силою или хитростью палка, символъ супружеской власти, нѣсколько разъ переходитъ изъ рукъ въ

руки; наконецъ, супруги идутъ къ царю жаловаться другъ на друга. Царь, согласно своему закону, объявляетъ, что жена должна во всемъ повиноваться мужу, какъ главѣ и господину, и рѣшаетъ, что Гансъ долженъ развестись съ своею бабой. „Я очень этимъ доволенъ", говоритъ Гансъ;—„но вѣдь ночью мы будемъ по прежнему вмѣстѣ?" — „Нѣтъ, вы уже никогда не должны видѣть другъ друга". „О, возлюбленный государь, этого я не могу перенести! Возлюбленный государь, днемъ намъ вмѣстѣ тошно, а ночью порознь скучно". „Ну, въ такомъ случаѣ, чудакъ, ты будешь съ нею въ разводѣ только днемъ".

Въ другихъ сценахъ комедіи этотъ же Гансъ является въ роли слуги и палача. Онъ строитъ висѣлицу для Мардохея, и онъ же потомъ вѣшаетъ на ней Амана.

По свидѣтельству Рейтенфельса, „Эсѳирь" дѣйствовали комически: по всей вѣроятности, и въ русской передѣлкѣ находились шутовскія сцены, подобныя этой исторіи Ганса.

Что касается до выбора именно этого сюжета, то И. Е. Забѣлинъ [1]) высказываетъ предположеніе, что исторія объ Эсѳири давала много намековъ на современныя придворныя обстоятельства и что роль Эсѳири походила на роль царицы Натальи во время ея избранія въ невѣсты, также какъ роль Мардохея—на роль ея родственника и воспитателя Матвѣева. Кто указывалъ на Амана—не извѣстно; но Матвѣевъ могъ прямо думать о Богданѣ Хитрово, царскомъ дворецкомъ и тогдашнемъ любимцѣ Алексѣя Михайловича, какъ это разказывается и записками о такихъ отношеніяхъ сына Матвѣева, Андрея. Очень понятно, прибавляетъ г. Забѣлинъ, на сколько и сама царица Наталья интересовалась представленіемъ такой комедіи.

Та же самая основная идея — посрамленіе гордыни и торжество невинно-угнетенныхъ—развивается и въ другой библейской комедіи „Іудиѳь", представленной вслѣдъ за „Эсѳирью". Эта пьеса, очень обширная, дошла до насъ вполнѣ [2]), и относительно ея представленія вскорѣ послѣ „Эсѳири" сохранилась довольно подробная замѣтка въ одной изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, конца XVII столѣтія. Въ виду скудости матеріаловъ для исторіи первоначальнаго русскаго театра, приводимъ эту замѣтку цѣликомъ [3]).

---

[1]) О. с., 473.

[2]) Напечатана первоначально въ Древн. Рос. Вивліоѳ., VIII², 187—328. Русск. драм. произв., I, 76—203.

[3]) Рук. Имп. П. Б-ки, F. IV. 558, русская, но написанная на половину латинскими буквами (какъ это было въ обычаѣ у малороссовъ), заключаетъ въ

„Во рпа-в-г годѣхъ на Москвѣ в Преображинскомъ селѣ учинена была комѣдия по библийному писанию древніхъ в подобие бытей, якожъ было при древнихъ царехъ, при Давидѣ и Соломоне; і како Іюдиеь отсече главу, пришествіем своим, лѣпотою зрака и одѣянием ризъ преукрашенныхъ, на главѣ имѣя митру царску, и пришедше в полкъ людей асирийских сиречь вавилонская, иже видѣ она град свой в погибели і ко взятию предваряюще от людей асирийскихъ. И возвѣстиша онаго полку воеводе, асирийскому мужу Алоферну. Он же возрадовася о ней, яко пришед жена от града того, егоже онъ хощет взяти, и сказа ему словеса утѣшителная, яко преклаияяся она до градовзятия ему. Собра же воевода тогда чиноначалства людиі от полку его, и вечеря съ ними вѣселяся, и упився от вина и шед в ложницу, ляже на одръ свой, никому же ту входити повѣле, токмо единая Іюдиеь. И упився от вина, успе сномъ. Іюдие же стояше близ одра его, видѣ спяща Алоерна, возопи ко Господу Богу, яко да спасеть градъ ихъ и свободить от плепения Ізраиля своего, взем его мечъ і отсече главу асирийскому воеводе Алоерну, і тело его обертевъ одевалом, а главу взем в ризы своя і ізыде из ложвіцы его и крепи ю. И вопроси ю стража о изходе ея, она же сказа им, яко ідет до істочиіка измытися, понеже возвѣщенно бѣ о ней стражем. І пришед ко степе града, і возопи людем своим, да примут во град, і сказа еже бысть і да изыдут із града люди противъ асириян, понеже обезглавенъ Алоернъ. І показа им главу его, оне же, вышед из града, иоби асириян малыми людми многие тысящи. І град свой спасе от погибели, о том же пишет в книге Іюдиеь.

„Тако же дѣло і о царице Езвирь, како упроси у царя своего весь род свой ізраилтеский от посѣченія меча и болярина своего Мардохана от смерти избави, ему же древо приготови Аман, болярин царевъ, но упрошении же царь на том древѣ повѣле Амана обвѣсити пред враты дому его. В книге Езвирь, противъ того действоваху и сим веселяшеся в нощи тако Car z blizhnimi swoimi boliary. Siu sze igru uczini немецъ, якоже во Амбурхе і в прочихъ римских градѣх на откупу его (ее?) держатъ и многую казну тем збирают. А кто хощетъ смотрети,—по дукату імѣетъ дати, сиречь червонному златому. Із иных земель приезжают смотрети многие чесные их люди і кролевичи закрытыми лицы [1]). Овогда же пущаютъ гром, овогда же дождь и снегъ, сицѣ ковньми дѣйствоваху".

„Takova ubo igra byla na moskwe komediia.

себѣ рядъ небольшихъ статей о событіяхъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и первыхъ годовъ Петра Великаго. Большая часть статей касается политическихъ отношеній Московскаго государства къ Польшѣ. На верхней доскѣ современнаго рукописи переплета еще можно разобрать остатки слова: „Kronika". Листы не перенумерованы и никакихъ помѣтъ о принадлежности рукописи кому-либо не имѣется. Приводимый нами отрывокъ уже былъ напечатанъ *И. А. Шляпкинымъ* въ журналѣ *Искусство* 1883, № 16, стр. 184, но съ ошибками. Мы соблюдаемъ правописаніе подлинника, только отдѣляя слова и разставляя знаки препинанія, въ рукописи поставленные совершенно произвольно.

[1]) Incognito?

„Некто поведал от галанцов Izbrant [1]) яко того ради
пряхъ Амбурхъ град многое разорение, іже бы он был в нем и се видел.
Anno Domini 1686—go,
Sruskimi posly widel Wanburhe" [2]).

Исторія Іудиѳи также пользовалась въ Германіи XVI—XVII столѣтій большою популярностью, какъ драматическій сюжетъ. Гансъ Саксъ обработалъ ее въ двухъ пьесахъ (1533 и 1553 гг.); Сикстъ Биркъ (Xystus Betulius, 1500—1554 гг.), въ своей латинской комико-трагедіи примѣнилъ ее къ современнымъ обстоятельствамъ, — къ войнѣ противъ турокъ [3]). Пьесы на эту тему (по перечню Гёдеке ихъ насчитывается до десяти) разыгрывались и на школьной сценѣ, на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а впослѣдствіи вошли въ репертуаръ странствующихъ актеровъ (напримѣръ, драма Мартина Бёме, 1618 г.). Опицъ сдѣлалъ изъ „Іудиѳи" полу-оперу, съ аріями и хорами, на которые была написана Черниингеномъ особая музыка (1646 г.). Наша „Іудиѳь", несомнѣнно, переведена съ нѣмецкаго; оригиналомъ для нея служила комедія, сочиненная въ „англійскомъ" стилѣ и, можетъ быть, близкая къ той, которую видѣли наши послы въ 1634 году во дворцѣ Польскаго короля, гдѣ въ то время дѣйствовали тоже „англійскіе комедіанты". Комедія, какъ мы уже сказали, очень обширна. Она раздѣлена на семь дѣйствъ, которыя, въ свою очередь, дѣлятся на сѣни; всѣхъ сѣней—29; кромѣ того, между третьимъ и четвертымъ дѣйствами вставлено довольно большое междосѣніе, не имѣющее, однако, обычнаго характера интермедіи. Число дѣйствующихъ лицъ доходитъ до 63.

Сохраняя въ общихъ чертахъ направленіе и характеръ „англійскихъ" комедій, „Іудиѳь", какъ и всѣ другія дошедшія до насъ пьесы репертуара Грегори, отличается отъ нихъ одною существен-

---

[1]) Елизарій Избрантъ (Evert Ysbrandszoon Ides) въ концѣ XVII столѣтія ѣздилъ, по порученію русскаго правительства, въ Китай и затѣмъ, по грамотѣ 1700 года, получилъ дозволеніе печатать въ Голландіи и продавать въ Россіи книги. *Пекарскій*, I, 7, 12.

[2]) Въ Гамбургѣ. Въ числѣ гамбургскихъ дѣйствъ XVII столѣтія есть пьеса Христіана *Розе* (1609—1667), напечатанная въ 1648 году подъ заглавіемъ: „Holofern, aus Heil. Schrift Anweisung allen des Teutsch-Landes Friedenstörern und Blutgierigen Kriegern in einem lustigen Schauspiel vorgestellt". *Gödecke*, III², 214, № 15.

[3]) Judith, drama comico-tragicum. Exemplum reipublicae recte institutae, unde discitur, quomodo arma contra Turcam siut capienda. Augsb. 1540. *Gödecke*, II², 134, № 8.

ною чертою: „англійскіе“ комедіанты отбросили прологъ и эпилогъ, эти непремѣнныя принадлежности старинной и затѣмъ школьной драмы; въ нашихъ пьесахъ прологи и эпилоги сохранены, потому что они были необходимы для объясненія комедіи, какъ дѣйства новаго и еще не вошедшаго въ обычай, и для нравоучительныхъ выводовъ изъ ея содержанія. Здѣсь нашла себѣ пріютъ морализація, удаленная изъ самаго текста комедій, но все еще продолжавшая считаться непремѣннымъ условіемъ (и оправданіемъ) театральнаго дѣйства. „Іудиѳь“, въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла, не имѣетъ эпилога (можетъ быть, онъ затерялся); прологъ, конецъ котораго представляется сильно попорченнымъ и темнымъ, въ первой своей половинѣ позволяетъ разбить прозаическую рѣчь на стихи, хотя и очень нескладные, но, все-таки, кое-какъ риѳмованные.

Великій Алексѣй Михайловичъ, о царю,
Самодержче, къ сему многихъ странъ государю,
Тебѣ же весь народъ великія, малыя
Россіи ся склоняетъ, купно жь и бѣлыя!
О, великій князю, превосходитель міра,
Обладателю востока и сѣвера,
И запада жь къ тому. Но и то тебѣ мало,
Достойно бо и быть второму міру было.
Ей, что вселенная едина предъ тобою,
Когда многихъ царей наслѣдіе есть съ тобою.
Ты убо еси можнѣйшій во вселеннѣй,
Зане царству славы ты далъ еси презѣльной:
Весь христіанской родъ скифетръ твой почитаетъ,
Божіею бо милостью онъ всѣхъ ихъ защищаетъ
Отъ врага Крестова, лютаго бусурмана,
Да христіанъ ему одолѣти нѣсть дано...

Дальнѣйшій текстъ пролога не поддается подобному раздѣленію на стихи [1]), да трудно поддается и вообще пониманію.

---

[1]) Кромѣ, впрочемъ, трехъ мѣстъ:

Богъ же всевышній соблюдаетъ твое царство,
Зане оградою есть всему христіанству...
. . . .
И твои, о царю, ограждены предѣлы
Отъ непріятелей огненными ангелы...
. . . .
Зри, великій царю: здѣ ти, ей, изъяснится,
Въ комедіи сіе объявится, (въ рук. *объявляя*)

какъ Богъ нашъ чудесно хранитъ въ странной земли благочестиво (*благочестно*?) и безопасно, и какъ премѣняетъ печаль зѣльную въ счастье, и т. д. Рукопись

Самая пьеса, очень длинная, является подробною передачею, въ діалогической формѣ, библейскаго разказа, при чемъ различныя, даже второстепенныя его части значительно распространены. Дѣйствіе развивается крайне медленно, теряясь среди безконечныхъ разговоровъ, напыщенныхъ и многословныхъ рѣчей множества дѣйствующихъ лицъ. Большая часть этихъ рѣчей дословно взята изъ Библіи; иногда библейскія рѣчи переданы съ прибавками и украшеніями; многое, о чемъ въ Библіи только разказывается, также переложено въ рѣчи. Такъ, пьеса открывается совѣщаніемъ Навуходоносора съ своими вельможами о походѣ на Іудею; царь призываетъ Олоферна и вручаетъ ему начальство надъ войскомъ. Во второмъ дѣйствіи изображается скорбь іудеевъ и посольство къ Олоферну отъ азіатскихъ царей. Въ третьемъ дѣйствіи, ближе къ библейскому тексту и отчасти уже дословно, передаются разспросы Олоферна объ іудеяхъ и гнѣвныя рѣчи вождя, оскорбленнаго замѣчаніями богобоязненнаго мужа Ахіора („Книга Іудиѳь", гл. 5 и 6, послѣдняя въ значительно распространенномъ видѣ). Разказъ Ахіора о происхожденіи и исторіи еврейскаго народа, очень длинный, взятъ цѣликомъ изъ Библіи [2]), какъ и дальнѣйшія рѣчи Ахіора, наказаннаго Олоферномъ. Іудиѳь является только въ четвертомъ дѣйствіи, гдѣ она бесѣдуетъ съ своею служанкой Аброй о крайнемъ бѣдствіи іудеевъ; до сихъ поръ драма, въ сущности, еще ни на шагъ не подвинулась въ своемъ развитіи. Въ пятомъ дѣйствіи опять видимъ плачъ іудеевъ (по книгѣ Іудиѳь VII, 24—30); Іудиѳь убѣждаетъ ихъ не сдаваться еще въ продолженіе пяти дней (VIII, 10 и сл.) и молится Богу о помощи и объ укрѣпленіи ея на подвигъ (IX, 2—14). Въ шестомъ дѣйствіи она прощается съ іудейскими старѣйшинами (X, 7—22) и приходитъ въ

Императорской Академіи Наукъ, напечатанная *Новиковымъ* въ Вивліоѳикѣ и *Тихонравовымъ* въ Русск. драм. произв., вообще неисправна и сильно попорчена; между прочимъ, въ текстѣ пьесы (стр. 114) пропущенъ цѣлый листъ, отчего произошла безсмыслица, не замѣченная издателями (объ этомъ см. ниже). Кромѣ того, Н. С. Тихонравовъ отмѣтилъ испорченныя мѣста на стр. 78, 104, 130, 136.

[2]) Въ этомъ-то разказѣ и находится указанный выше большой пропускъ. Ахіоръ говоритъ: „Егда же отягчаше ихъ царь египетскій работою въ созданіи градовъ своихъ съ блата и плинѳы, и воззваша ко Господу Богу своему; *сій же поразы*, *и взыдоша на горы сія вся*, и паки владѣютъ Іерусалимомъ". Въ Библіи же сказано: „сій же порази *всю землю египетскую язвами различными*. Егда же изгнаша ихъ египтяне" и т. д. Слѣдуетъ исторія странствованія евреевъ по исходѣ изъ Египта, заключающаяся словами: „*И соединишася во единство*, и взыдоша на горы сія вся", и т. д., какъ въ пьесѣ.

лагерь Олоферна (X, 23—XI, 22). Наконецъ, седьмой актъ представляетъ Іудиѳь на пиру у Олоферна (XII, 17—20), смерть послѣдняго (XIII, 3—7) и возвращеніе Іудиѳи въ Веѳулію (XIII, 14—20, XIV, 1), и заключается побѣдною пѣснью іудеевъ (XVI, 1—5). Указанныя нами мѣста изъ книги „Іудиѳь" воспроизведены въ комедіи лишь съ самыми незначительными измѣненіями.

Какъ въ англійской „Эсѳири", такъ и въ нашей „Іудиѳи" параллельно серьезному дѣйствію идетъ рядъ шутовскихъ сценъ, полныхъ живого комизма. Такъ какъ драма разыгрывается во время похода и осады крѣпости, то и эти шутовскія сцены взяты изъ военнаго быта; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ является солдатъ Сусакимъ („облезьянова порода", какъ называетъ его одно изъ дѣйствующихъ лицъ), воплощающій въ себѣ характерныя свойства Гансвурста: обжорство, тупоуміе, трусость и издѣвательство надъ самимъ собою. Солдаты и ихъ ближайшіе начальники радуются походу, потому что онъ даетъ имъ случай награбить вдоволь всякаго добра; одинъ желалъ бы, чтобы война никогда не прекращалась и чтобы такое беззаботное и богатое житье продолжалось вѣчно: вѣдь если, чего добраго, заключатъ миръ, такъ придется вернуться къ себѣ въ деревню и снова хлѣбъ молотить. „Не опасайся, брате!" утѣшаетъ его товарищъ,—„мы столько накрадемъ, разбоемъ и грабежомъ издобудемся, что господами въ нашихъ земляхъ возможемъ быти; аще ли умремы, тогда псы и вороны изъ насъ учрежденіе себѣ да изготовятъ". Сусакима тревожитъ только одно обстоятельство: „Сказываютъ, что жиды свиного мяса не ѣдятъ; тогда и намъ свиныхъ жаринъ и колбасъ не будетъ?" Колбасы и жарины составляютъ любимый предметъ его вожделѣній: не даромъ же Сусакимъ—родной братъ Гансвурста. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ о немъ: „Всегда опасался еси, что колбасами не удоволишися; нынѣ же, чаю, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свиное мясо премѣнишися". „Ни, брате", отвѣчаетъ Сусакимъ,—„не хощу свиніею быти, инако бо возмоглъ бы окорокъ единъ отъ меня нашему воеводѣ на столъ достатися"... Вмѣстѣ съ товарищами онъ стоитъ на часахъ у колодца; іудеи нападаютъ на нихъ и захватываютъ его въ плѣнъ. „Пощадите, господа мои!" молитъ Сусакимъ,—„пощадите мя, даруйте ми животъ, азъ бо отъ роду моего ни единаго жида убилъ есмь"! Когда же его спрашиваютъ, для чего у него ружье и сабля, онъ увѣряетъ, что ружьемъ тѣмъ только свиней убивалъ, а саблею рубилъ мясо въ колбасы. Іудейскій

„поручикъ" Ванея приводитъ его въ Веѳулію; здѣсь тотчасъ же приговариваютъ его къ смертной казни. Узнавъ о томъ, что̀ ему готовится, Сусакимъ разсуждаетъ такъ:

„Азъ есмь отъ природы моей доброй ковалеръ, и господина поручика Ванея отъ кладязевъ нашихъ сюда даже въ домъ его проводилъ; но въ Веѳулія градѣ весьма грубогордые люди обрѣтаются, которые ковалера въ малой чести имѣютъ, понеже никто мя не хочетъ нынѣ паки назадъ на станъ мой проводити"...

„Азь нѣсмь воръ, ни осля, ниже скотъ, и не есмь ни собака и никакой человѣкъ".

Ахіоръ. Что же тогда еси?

Сусакимъ. Азъ есмь вещь, кая деревенскимъ мужикамъ досаждаетъ пущи таракановъ, но имяни мнѣ нѣтъ.

Ахіоръ. О висяльнику! Не знаю ли тя азъ? Не зовутъ ли тя Сусакимомъ?

Сусакимъ. Ни, милостивый господине! то имя азъ въ то время въ кладязь уронилъ, какъ меня Ванея въ полонъ взялъ.

Его собираются повѣсить. „Нѣтъ, господа мои", говоритъ онъ,—„не шутите со мною такъ: шея моя висѣть не привыкла". Тогда іудейскій начальникъ приказываетъ отрубить ему голову, но, для потѣхи, велитъ палачу ударить его по шеѣ, вмѣсто меча, лисьимъ хвостомъ. Видя неизбѣжную смерть, Сусакимъ начинаетъ прощаться съ міромъ, нѣсколько разъ выпрашивая себѣ позволеніе сказать еще слово:

„Прости, чюдный и изрядный свѣтъ честной!... Не вельми печальтеся о моемъ скоромъ умерщвленіи: останутся еще многіе воры и злодѣи по смерти моей къ покоренію. Простите мя, пять мои братія, иже въ Ниневѣ обитаете!... Прости, моя старая сестра, яже въ Ниневѣ большой торгъ и имѣеши сѣрными трески, веревками, сапожными колодками, и вшаною отравою... Простите вы благородные сродники мои изъ пятерыхъ чиновъ: ярыжки, чуры, трубочистники, бренія возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаютца... Простите жь мя вы, девять художествъ, яже плоти моей угождаете: блудодѣяніе, убивство, костарничество, оболганіе, обманство, крадежство, разбойничество и мошенничество!... Простите седмь (?) вы веселія годовые времена, младые цыплятка, ягнятка, яица свѣжія вешнія, кормленые каплуны и телята жареные, къ пасцѣ молоко, сметана, калачи крупчатые съ масломъ и молодые голуби жареные, лѣтніе скворцы и жаворонки, молодые ряпки, кролики и зайцы молодые осенніе, гуси жирные, утята, кислая капуста, вино, жаркое и мясо баранье въ пирогахъ, шуба и рукавицы да шапка теплая, зимнія кишки жареныя свиныя, окороки и головы свиныежъ, студени ребры свиныя и желуди во всѣхъ корчмахъ,—простите, простите!...

Когда палачъ продѣлываетъ надъ нимъ потѣшный обрядъ казни, ударяя его лисьимъ хвостомъ по шеѣ, Сусакимъ долго лежитъ, какъ мертвый; наконецъ встаетъ, и со страху не знаетъ, живъ онъ или умеръ; ему мнится, что „животъ его отступилъ изъ нутренныхъ

потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань и правымъ ухомъ вышла душа"; понемногу приходя въ себя, онъ собираетъ разбросанное свое платье, только не знаетъ, куда дѣвалась его голова и обращается къ публикѣ, „покорно, безъ шляпы" прося отдать ему голову, „аще ли кто изъ любви и пріятства ее скрылъ".

Лисій хвостъ былъ одною изъ постоянныхъ принадлежностей Гансвурста [1]), а сцены казни лисьимъ хвостомъ или платкомъ вмѣсто меча и затѣмъ исканіе головы принадлежали, по видимому, къ числу любимыхъ потѣхъ нѣмецкаго народнаго театра. Н. С. Тихонравовъ указываетъ [2]), что еще въ первой четверти XVIII столѣтія въ одной изъ вѣнскихъ Haupt- und Staatsactionen воспроизведенъ этотъ комическій эпизодъ Юдиѳи, потѣшавшій нѣкогда царя Алексѣя Михайловича.

Другое комическое лицо въ пьесѣ—Абра, служанка Іудиѳи. Это „отроковица" уже далеко не первой молодости, сильно желающая „сподобиться мужа", хотя бы и изъ числа ассирійскихъ солдатъ, одинъ изъ которыхъ отзывается объ ея наружности крайне неучтиво. Она такая же трусиха и буфонка, какъ и Сусакимъ. Всюду сопровождая свою госпожу, она ищетъ приключеній, но неудачно, и прибавляетъ къ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ разныя шутовскія замѣчанія. Когда Іудиѳь, отрубивъ голову Олоферну, приказываетъ служанкѣ положить ее въ мѣшокъ и бѣжать изъ ассирійскаго лагеря, Абра восклицаетъ: „Охъ! таковому храброму воину главу отсѣкла! Вѣсъ таковымъ обычаемъ госпожу мою да возлюбитъ. Что же тотъ убогій человѣкъ скажетъ, егда пробудится, а Іудиѳь съ главою его ушла?"

Гораздо болѣе тонкимъ и замысловатымъ комизмомъ отличается сцена Іудиѳи съ Олоферномъ. Ассирійскій полководецъ говоритъ еврейкѣ о своей любви; Іудиѳь отвѣчаетъ ему согласіемъ, но такъ, что въ ея рѣчахъ для зрителя ясно ея намѣреніе убить Олоферна: напримѣръ, Олофернъ говоритъ: „Спріятствую, да сея нощи главу свою на лонѣ ея держу"; Іудиѳь отвѣчаетъ: „Богъ сіе желаніе твое исполнити можетъ"; на его слова, что она обладаетъ его сердцемъ, она замѣчаетъ, что, дѣйствительно, очень хотѣла бы имѣть это сердце и вообще сдѣлать съ Олоферномъ то, чего она желаетъ, и т. д.

---

[1]) *Prutz*, Vorlesungen, 179.

[2]) Русск. драм. пр., I, стр. XXII, со ссылкою на *Weiss*, Wiener Haupt- und Staatsactionen. Этой книги мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ.

Совершенно въ стилѣ „англійскихъ комедій“ въ пьесу вставлены аріи и хоры (Singetspiele). Въ „междосѣнія“ послѣ 3-го акта цари, взятые въ плѣнъ Олофернонъ, „поютъ зѣло жалобно“ стихи о своей горькой участи: въ пятомъ дѣйствіи изображена солдатская попойка, съ веселыми застольными пѣснями въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей:

О, братья наша!
Не печалитесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь:
Кто вѣсть, кто изъ насъ утрѣ въ живыхъ будетъ?
Смѣло дерзайте,
Пока живете,
Не сомнѣвайтесь,
Но веселитесь,
До коихъ мѣстъ сердце въ тѣлѣ живетъ.

Пируя съ Іудифью, Олофернъ приказываетъ Вагаву „пѣть нѣчто“ о любви его. Пѣснь Вагава, очень краткая, передана прозой, при чемъ въ концѣ пѣсни, вмѣсто словъ: жена въ свойство получила храбраго Олоферна“, послѣднему слышится: „убила“: пріемъ, отчасти напоминающій игру въ эхо, довольно часто встрѣчаемую въ „англійскихъ комедіяхъ [1]). Заключается „Іудифь“ побѣднымъ хоромъ іудеевъ (пять 10-строчныхъ куплетовъ), переложеннымъ изъ библейской пѣсни.

Въ пьесѣ находится очень много подробныхъ сценическихъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что она была опытною рукою приспособлена къ представленію. Такъ, напримѣръ: Селумъ бьетъ на барабанѣ и кличъ чинитъ (85); царь скифетръ на главу Олоферна кладетъ (90); Савалъ глаголетъ дрожаще, яко бы ужаснувся (99); Финеесъ плачетъ: у, у: у! и вси возопіютъ, рыдающе (146); Олофернъ держитъ кубокъ въ руцѣ и говоритъ (191); сполохъ чинится со трубы и тимпаны (201) и т. д.

Отмѣтимъ еще одну литературную подробность. Имя царя Навуходоносора было хорошо знакомо нашимъ предкамъ не только по Библіи, но и по многочисленнымъ спискамъ сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, гдѣ Навуходоносоръ представляется царемъ сильнымъ и мудрымъ, съ оттѣнкомъ волшебства. Между прочимъ, онъ повелѣлъ сдѣлать себѣ „мечъ самосѣкъ аспидъ змій“ и однажды, когда нечестивые цари съ силою многою напали на вавилонянъ и стали ихъ побивать, онъ опоясался этимъ мечемъ и выѣхалъ на помощь своему

---

[1]) См., напримѣръ, первую сцену комедіи о Фортунатѣ, *Tittmann*, 77.

войску. Тогда мечъ самосѣкъ аспидъ змій отъ царя изъноженъ выпорхнулъ и нача безъ милости сѣчь, тотчасъ всѣхъ царей посѣче съ великими силами [1]). Въ нашей пьесѣ Навуходоносоръ, посылая Олоферна на войну, говоритъ: „Се дарствую тя моимъ мечемъ, его же сильная моя мышца самая носила въ то время, во еже извоевахъ Арфаксада, царя медского, на поли, еже имянуется Рагавъ... Той мечъ во всѣхъ походѣхъ твоихъ да носятъ предъ тобою, да очи силою моею возгорятся и сердце твое къ храбрости возбудится". Начитаннымъ зрителямъ XVII вѣка этотъ мечъ Навуходоносора могъ напоминать чудесный самосѣкъ, служившій Вавилонскому царю.

„Іудиѳь", несомнѣнно, переведена съ нѣмецкаго. На это указываетъ множество германизмовъ, отличающихъ языкъ пьесы [2]); изрѣдка попадающіяся, очень немногія, южнорусскія выраженія заставляютъ предполагать въ переводчикѣ малороссійскаго уроженца. Такъ, напримѣръ, Олофернъ называется вельможнымъ гетманомъ (115)— выраженіе, вѣроятно, соотвѣтствующее нѣмецкому Feldherr; хозяйка названа господыней (105); далѣе встрѣчаемъ слова: можнѣйшій царю (79), клейноты (83); войсковой маршалокъ (105), укусъ, укусны (102), ходи брате, (104); отчините врата (197). Палачъ именуется спекулаторомъ, какъ и въ переводѣ „Римскихъ Дѣяній", но и майстеръ Никелемъ (meister Nickel),—очевидно, съ нѣмецкаго (158). Есть много спеціально военныхъ терминовъ: взять языковъ (106); подъѣздъ (рекогносцировка, 106); шанцы (111); передняя стража (аванпостъ, 141); Марсово мѣсто (85); генеральной смотръ (85) и т. п.; изъ военныхъ чиновъ встрѣчаются: воевода (и генеральный воевода, 158), капитанъ (84), ротмистръ (106) поручикъ (158), сотники (140), рейтары (113). Языческіе храмы названы мечетями (95, 97). Есть и спеціально русскія подробности, какъ, напримѣръ, приведенный выше перечень кушаній, съ которыми прощается Сусакимъ, или названіе подарковъ—поминками.

---

[1]) Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ—въ *Лѣтоп. русск. лит. и древн.*, III, отд. 3, стр. 20—26.

[2]) Вотъ примѣры: окомгновеніе=Augenblick, 77; безпутныя горы=weglose, 80; похожденіе (потомство)=Nachkommenschaft, 146; мертвостуденой=todtkalt, 86; въ посреди = inmitten, 86; идите тогда = gehen sie also 89, 95; вредительное (непорченное)=schadhaft, 112; предвступленіе=Vortritt, 79; живите благо=leben sie wohl, 97; поѣзжай благо=fahre wohl, англ. farewell, 185; одежду низъ ложити = niederlegen, 195; клянуся *при* Навуходоносоровѣ мечѣ = bei dem Schwerte, 168 и т. п.

Слогъ пьесы, за исключеніемъ комическихъ сценъ, вообще очень тяжелъ и утомителенъ; стремленіе къ риторической напыщенности и многословію слишкомъ сильно чувствуется. Встрѣчаются иногда сравненія и выраженія провербіальнаго характера, напримѣръ: „Не обрѣтшу соколу прилету, безопасна въ пещерѣ своей пребываетъ горлица" (96); „многажды кошка, въ утѣсненіи сущи, вредительнѣе драти, нежели песъ кусати можетъ" (135); „Коликократно похульные враны и пресильнѣйшаго льва снѣдоша, и крѣпчайшее желѣзо ежедневно ржа истребляетъ, яже точію прахомъ нарицается" (109).

Авторомъ „Іудиѳи" долго считали Симеона Полоцкаго—единственно на томъ основаніи, что Новиковъ, впервые напечатавшій эту пьесу, далъ ей заглавіе: „Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Аммонъ, Нееманъ, Корей, Лапидоѳъ, четыре протазанщики, четыре спальники", принявъ такимъ образомъ за названіе комедіи перечень дѣйствующихъ лицъ перваго явленія. А такъ какъ Симеонъ Полоцкій тоже написалъ комедію „О Навходоносорѣ царѣ", то изъ этого чисто внѣшняго и случайнаго совпаденія и позволяли себѣ положительно заключать о принадлежности ему „Іудиѳи": одинъ изъ довольно многихъ въ исторіи нашей литературы примѣровъ недостаточно строгаго критическаго отношенія къ историческому матеріалу. Ошибочное заключеніе потомъ было отвергнуто; но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, слѣды его все же остались. Пекарскій, ничего не говоря объ авторѣ комедіи, однако, считалъ ее произведеніемъ русскаго писателя, и притомъ—близко знакомаго съ Польшей: по его мнѣнію, въ ассирійскихъ солдатахъ „Іудиѳи" легко узнать представителей мелкой польской шляхты, любившей въ старину выпить и подраться и смотрѣвшей на войну, какъ на средство пограбить и повеселиться [1]). Къ этому мнѣнію присоединяется, отчасти, и Алексѣй Ник. Веселовскій, указывая на подходящіе типы солдатъ въ польскихъ комедіяхъ XVI и XVII вв. (O polskim Scilurusio, Albertus Rotmistrz и др.). Это приводитъ его къ предположенію, что такъ какъ при польскомъ дворѣ еще во времена Сигизмунда III (1587—1652 гг.) часто давались спектакли на латинскомъ, италіанскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, то весьма возможно, что „Іудиѳь" была сочинена именно въ Польшѣ какимъ-нибудь нѣмецкимъ актеромъ, можетъ быть, даже изъ „англійской" труппы Спенсера, дѣйствовавшей тогда въ Польшѣ; этимъ и объясняются мѣстныя, польскія черты

---

[1]) Наука и Лит., I, 398.

въ пьесѣ [1]). И. Е. Забѣлинъ, справедливо замѣчая, что представленная въ пьесѣ характеристика солдатства не имѣетъ въ себѣ ничего спеціально-польскаго, совершенно неожиданно и категорически заключаетъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что переводчикомъ былъ Симеонъ Полоцкій". [2]) Это положеніе ничѣмъ не доказывается; напротивъ, сотрудничество Симеона болѣе чѣмъ сомнительно хотя бы уже потому только, что онъ вовсе не зналъ по нѣмецки (по крайней мѣрѣ, изъ его сочиненій и изъ свѣдѣній о немъ нигдѣ не видно, чтобы нѣмецкій языкъ былъ ему извѣстенъ). Переводъ исполненъ, по нашему мнѣнію, въ посольскомъ приказѣ, откуда и впослѣдствіи выходило много переводовъ для нашей сцены XVII и XVIII вв.

Что касается до солдатскихъ типовъ, то они представляются совершенно обще-европейскими: подобныя фигуры можно указать, напримѣръ, еще въ сводной Mystère du vieux testament XV вѣка, гдѣ именно въ „Іудиеи" выведены два солдата Олоферновой арміи— Granchevuyde и Turelututu, олицетворяющіе собою грубое фанфаронство, пьянство, обжорство и трусливость. [3]) Если искать ближайшихъ родственниковъ нашего Сусакима, то гораздо проще обратиться не въ Польшу, а въ Германію, откуда пришла къ намъ и сама „Іудиеь", и гдѣ Тридцатилѣтняя война расплодила множество представителей этого типа. Впрочемъ, на сценѣ они являются еще въ XVI столѣтіи: напримѣръ, въ пьесѣ Самуила Гебеля „Объ осадѣ Ветуліи" (1566 г.) на ряду съ Юдиеью и Олоферномъ стоятъ ландскнехты

---

[1]) Deutsche Einflüsse, 30—31.

[2]) Бытъ русск. царицъ, 485—486.

[3]) Замѣтимъ кстати, что французская „Judith", также какъ и наша, начинается напыщенною похвальбою Навуходоносора:

Los immortel par triumphant proesse,
Hardiesse de pompeuse noblesse
Si nous dresse grant gloire deifique,
Deifiez par sublime hautesse,
Gentillesse, resplendissant richesse,
De nous qu'esse? Police magnifique
Pareil de nous n'est trouvé en cronique
Soit antique, car sans nulle replique
On s'applique de nous craindre sans cesse, и пр.

[1] *Petit de Julleville*, Les Mystères, II, 373. Сводная мистерія ветхаго завѣта состоитъ изъ 40 отдѣльныхъ мистерій разной величины, заключающихъ въ себѣ болѣе 49.900 стиховъ.

Veit Rausch и Hans Saufer, достаточно характеризуемые уже своими именами. [1])

„Эсеирь" и „Іудиеь" связаны между собою единствомъ основной идеи—что „гордымъ Господь Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать; Богъ бо не любитъ высокія мысли нашея, возносящагося смиряетъ". Эта идея, одна изъ самыхъ распространенныхъ въ нашей до-петровской литературѣ, вводитъ обѣ комедіи Грегори въ длинный рядъ весьма разнообразныхъ литературныхъ произведеній, начиная съ поученій и лѣтописей и кончая благочестивыми легендами, народными духовными стихами, повѣстью о Горѣ-Злочастіи. Такимъ образомъ, первыя пьесы, явившіяся на подмосткахъ комидійной хоромины села Преображенскаго, строго говоря, были новостью только съ формальной стороны, сущностью же своею не противорѣчили господствовавшему въ литературѣ поучительному направленію: это была „потѣха", но потѣха, въ концѣ концовъ, дающая все тотъ же моральный урокъ; оттого-то она и не вызвала, по видимому, протеста со стороны ревнителей благочестія. Даже въ строгой старовѣрческой литературѣ, вообще рѣшительно осуждающей всякія мірскія развлеченія, мы не находимъ укоровъ, которые были бы направлены спеціально противъ комидійнаго дѣйства. Грамотные люди, которымъ случалось отмѣчать извѣстія о театрѣ, относятся къ нему, по видимому, съ любопытствомъ и безъ всякаго порицанія, при чемъ останавливаютъ свое вниманіе именно на „Эсеири" и „Іудиеи", какъ на комедіяхъ, въ которыхъ указанная нами нравоучительная идея проведена съ особенною полнотой и выразительностью. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ, Выходахъ Государей и въ приведенномъ выше рукописномъ извѣстіи изъ всѣхъ комедій, представленныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, названы только эти двѣ [2]). Такимъ образомъ, Грегори, съ точки зрѣнія русскихъ литературныхъ понятій XVII вѣка, сдѣлалъ выборъ удачный и вполнѣ подходившій къ требованіямъ и вкусамъ зрителей. Если обработка „Эсеири" была, можетъ быть, подсказана Матвѣе-

---

[1]) *Kehrein*, Dram. Poesie der Deutschen, I, 112.

[2]) Слова рукописной замѣтки, со ссылкою на свидѣтельство Избранта, „яко того ради пріяхъ Амбурхъ градъ многое разореніе"—по видимому, звучатъ укоромъ; но по смыслу даннаго мѣста трудно опредѣлить, къ чему именно относится этотъ укоръ: къ театру ли вообще, или къ тому, что за посѣщеніе театра брали деньги, или, наконецъ, къ тому, что въ Гамбургъ стало съѣзжаться, ради театра, много посторонней публики. Во всякомъ случаѣ, конецъ замѣтки не ясенъ.

вымъ, то въ выборѣ другаго сюжета—„Іудиѳи"—Грегори полагался уже на собственное усмотрѣніе и руководился, по всей вѣроятности, мнѣніемъ Лютера, который въ этой библейской исторіи прежде всего ставилъ на видъ ея поучительность. „Можетъ быть", говоритъ Лютеръ въ предисловіи къ своему переводу „Іудиѳи",—„можетъ быть, евреи разыгрывали это сказаніе, какъ у насъ представляютъ Страсти Христовы и другія священныя исторіи, чтобы общедоступною картиною или дѣйствіемъ научить народъ и юношество надѣяться на Бога, блюсти благочестіе и ожидать отъ Бога помощи и утѣшенія во всѣхъ напастяхъ, противъ всѣхъ враговъ. Потому эта книга хороша, священна и полезна для чтенія намъ, христіанамъ, и рѣчи, произносимыя дѣйствующими въ ней лицами, слѣдуетъ понимать такъ, что онѣ исходятъ отъ духовнаго, святого поэта или пророка, отъ Святого Духа, который представляетъ этихъ лицъ въ дѣйствіи и ихъ устами поучаетъ насъ" [1]).

Поучительное направленіе, съ прибавкою, для привлекательности легкаго шутовства и театральныхъ эффектовъ во вкусѣ „англійскихъ" комедій, характеризуютъ и всѣ прочія, извѣстныя намъ, пьесы репертуара Грегори. Сильнѣе всего нравоучительная тенденція выразилась въ „жалостной" комедіи объ Адамѣ и Евѣ, которая остается строго вѣрною типу старой духовной драмы и потому исключаетъ всякіе комическіе эпизоды. Далѣе, та же тенденція, и даже одинаковая общая мысль о наказаніи гордости и о наградѣ за смиреніе, объединяетъ между собою комедіи о Товіи, объ Іосифѣ и Темиръ-Аксаково дѣйство, имѣющее уже совершенно свѣтскій характеръ: во всѣхъ этихъ пьесахъ мораль, въ указанномъ нами смыслѣ, составляетъ основную идею.

П. Морозовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Vorrede zum Buche Judith, у *Gödecke*, II², 329—330.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ [1].

IV.

Обратимся теперь къ произведеніямъ о смутѣ князя Семена Ивановича Шаховскаго-Хари. Онъ составилъ Житіе царевича Димитрія и сказаніе о первомъ самозванцѣ подъ названіемъ Повѣсти о нѣкоемъ мнисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса. Оба произведенія стоятъ въ тѣсной связи одно съ другимъ, оба одинаково сильно зависятъ отъ Повѣсти Катырева-Ростовскаго въ своихъ фактическихъ показаніяхъ и оба составлены въ духѣ обычнаго витійства князя Шаховскаго.

Благодаря своимъ литературнымъ трудамъ, князь Семенъ Шаховской получилъ достаточную извѣстность въ исторіи нашей письменности. О немъ сохранилось много біографическихъ свѣдѣній [2]; установилось и опредѣленное представленіе о характерѣ его литературной дѣятельности [3]. Обиліе отзывовъ о Шаховскомъ, какъ писателѣ,

---

[1]) *Продолженіе*. См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ. Здѣсь помѣщается вторая половина IV-й главы.

[2]) Его автобіографія, написанная, вѣроятно, около 1649—1650 гг. (судя по тому, что ея извѣстія кончаются началомъ 7158 года), напечатана подъ заглавіемъ: „Домашнія записки князя С. Шаховскаго“ въ *Моск. Вѣстникѣ* за 1830 г. (ч. V, № 17 — 20, Науки, стр. 61 — 70) съ новаго списка, принадлежавшаго П. П. Бекетову, а нынѣ хранящагося въ библ. Имп. Общества Ист. и Древностей (Отд. I, № 227: это, какъ кажется, списокъ единственный). Біографическія замѣчанія о кн. С. И. Шаховскомъ собраны, кромѣ того, въ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 279—281. Отдѣльныя данныя о Шаховскомъ будутъ указаны ниже.

[3]) Рядъ справедливыхъ замѣчаній о характерѣ и значеніи трудовъ Шаховскаго находимъ въ трудѣ г. *Смирнова*: „Св. патріархъ Филаретъ Никитичъ“ (въ *Чт. Общ. любит. дух. просв.* за 1874 г., февраль, стр. 244—245; мартъ, стр. 455—456; апрѣль, стр. 620—622).—См. также: митр. *Макарія* Ист. русск.

даетъ намъ возможность не останавливаться долго на его литературной характеристикѣ. Но отсутствіе хотя бы краткой его біографіи вынуждаетъ насъ привести въ порядокъ тѣ данныя о его жизни, какими мы располагаемъ. Знакомясь съ ними, мы убѣждаемся, что Шаховской многое обошелъ молчаніемъ въ своемъ собственномъ жизнеописаніи.

Князь Семенъ Ивановичъ Шаховской [1]), сперва стольникъ или стряпчій, затѣмъ дворянинъ московскій [2]), началъ свою службу еще во время смуты. Въ 1606 году, во время возстанія Сѣверскихъ городовъ противъ Шуйскаго, онъ былъ посланъ на службу подъ Елецъ. Но здѣсь его постигла царская опала. Привезенный „за приставомъ" въ Москву, князь Семенъ не узналъ тамъ причины царскаго гнѣва и былъ сосланъ „въ Новгородъ въ моръ". Однако, прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до мѣста ссылки, ему дано было приказаніе „жить до указу въ деревнѣ". Указъ послѣдовалъ только чрезъ два года: осадивъ Тулу въ 1608 году, царь Василій пожаловалъ Шаховскаго, „велѣлъ взять къ Москвѣ" [3]). Годы 1608—1609 князь Семенъ провелъ въ Москвѣ на

церкви, XI, стр. 227—231, и *Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 417. Литературные труды Шаховскаго наиболѣе полно исчислены митр. *Макаріемъ* и *П. М. Строевымъ* (Библіол. Словарь, стр. 291—298). Мы пользовались сборникомъ его произведеній, составленнымъ трудами самого автора и сохранившимся въ двухъ совершенно сходныхъ спискахъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213 и № 214. Строевъ зналъ эти списки подъ № 191 и № 192).

[1]) Его родословіе въ книгѣ *А. А. Титова* Ярославль. М. 1883 г., стр. 137, № 502, и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, Родословныя книги, стр. 59, 150, 234.—О прозвищѣ его (Харя) см. въ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, 149, 150, и Дворц. Разряды I, 341, 389; II, 17, 568.—С. И. Шаховской былъ человѣкомъ состоятельнымъ; его вотчины, какъ видно изъ его автобіографіи и переписки, были подъ Москвой и въ Галичѣ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69.—*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, Переписка дьяка Третьяка Васильева, стр. 5); кромѣ того, онъ имѣлъ крупный помѣстный и денежный окладъ (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 280, 281).

[2]) Подъ 7114 (1606) г. самъ Шаховской говоритъ о себѣ въ своей автобіографіи: „послали насъ стольниковъ и стряпчихъ пятнадцать человѣкъ" (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 62) Позднѣе же, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, онъ писанъ былъ „во дворянѣхъ" (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 279—281.—Дворц. Разряды, II, 718. — Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ. М. 1853 г., стр. 468).

[3]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 62 — 63. Этотъ эпизодъ изъ жизни Шаховскаго весьма любопытенъ. Князь Семенъ, разсказывая о своей опалѣ, замѣчаетъ, что Шуйскій ему „не сказалъ...... никакія вины". Подобной жалобы не находимъ въ запискахъ Шаховскаго, когда онъ говоритъ о другихъ своихъ

службѣ Шуйскому, и не разъ бился съ тушинцами; но въ самомъ началѣ 1610 года, „въ великой мясоѣдъ", онъ измѣнилъ царю Василію и отъѣхалъ изъ Москвы въ Тушино. Въ Тушинѣ ему пришлось быть не долго: уже въ февралѣ того же года отправился онъ къ Сигизмунду, получилъ отъ него помѣстья, а затѣмъ въ 1611 году, неизвѣстно какъ, очутился въ Новгородѣ около того времени, когда Новгородъ взяли шведы: „и я, князь Семенъ, на томъ новгородскомъ взятьѣ былъ", — говоритъ онъ о себѣ [1]). Однако онъ не остался ни въ плѣну у шведовъ, ни въ польскомъ лагерѣ, а пришелъ подъ Москву въ русское ополченіе. Подмосковные воеводы еще до освобожденія Москвы отправили князя Семена „походнымъ воеводою" въ Торопецъ, откуда онъ вернулся въ Москву уже во время избранія Михаила Ѳедоровича [2]).

Изъ этихъ краткихъ замѣчаній видно, какъ много впечатлѣній долженъ былъ вынести Шаховской изъ смутной эпохи. Но эти личныя впечатлѣнія и воспоминанія совершенно не отразились на его произведеніяхъ о смутномъ времени. Ему, конечно, не совсѣмъ было удобно писать со всею откровенностью о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время смутъ: пришлось бы вспоминать свою тушинскую службу и награды, полученныя отъ короля. Послѣ прекращенія смуты, когда общественное мнѣніе безповоротно осуждало всякую измѣну, откровенность въ этомъ отношеніи могла бы повредить князю Семену, и только въ интимной своей автобіографіи рѣшился онъ записать нѣсколько воспоминаній, весьма краткихъ и сдержанныхъ, о томъ, что дѣлалъ онъ въ смутные годы. Знало или не знало московское правительство времени царя Михаила, какъ держалъ себя Шаховской раньше, рѣшить трудно; но князь Семенъ съ первыхъ же дней царствованія Михаила Ѳедоровича началъ служить новому государю. Въ 1613—1615 годахъ онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ

ссылкахъ и опалахъ. И мы можемъ повѣрить ему, что въ данномъ случаѣ онъ пострадалъ безъ личной вины: Шуйскій сослалъ князя Семена, всего вѣроятнѣе, потому, что онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго Григ. Петр. Шаховскаго, возставшаго въ 1606 году противъ Шуйскаго (*А. А. Титова* Ярославль. М. 1883 г., стр. 137). Если эта догадка вѣрна, мы имѣемъ право предполагать, что Шуйскій очень скоро забылъ свое клятвенное обѣщаніе „безъ вины ни на кого опалы своей не класти" и не преслѣдовать братьи, женъ и дѣтей виновныхъ лицъ (Акт. Арх. Эксп. II, № 44.—Ник. Лѣт. VIII, 77).

[1]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 63—64. — Акт. Западн. Россіи, IV, № 183, стр. 322, § XIII, и стр. 321. Дата 2-го марта здѣсь новаго стиля.

[2]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 64.

поляковъ и два раза былъ раненъ. Трудности походной жизни заставили его бить челомъ о томъ, что онъ „заволоченъ со службы да на службу"; но это челобитье навлекло на него кратковременную опалу и ссылку на Унжу и не избавило отъ новой службы. Въ 1616 году онъ былъ посланъ воеводою въ Ядринъ, гдѣ и пробылъ до августа 1618 года. Осенью этого года онъ участвовалъ въ защитѣ Москвы отъ Владислава, а „на весну" 1619 года былъ отправленъ въ Пронскъ полковымъ воеводою противъ татаръ. Съ лѣта 1619 до лѣта 1620 г. оставался онъ свободнымъ отъ служебныхъ посылокъ, а на вторую половину 1620 года былъ отправленъ вторымъ воеводою въ Вязьму, но скоро оттуда возвратился [1]).

Съ 1620 года начались для князя Семена большія непріятности. Произошли онѣ отъ разныхъ причинъ, и самъ Шаховской былъ виноватъ въ нихъ лишь отчасти. Въ концѣ 1619, кажется, года, послѣ смерти своей третьей жены, онъ женился въ четвертый разъ, и это навлекло на него преслѣдованіе патріарха [2]). Въ то же приблизи-

---

[1]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 65 — 67. — Дворц. Разряды, I, 102; 181—182; 247, 349; 336, 341, 359; 389—390, 407; 421; 456.—Книги Разрядныя, I, 47—48; 196, 545; 507, 566, 568; 621 — 624, 640, 653; 717 — 718. — Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 279—280. Здѣсь ошибочно показано, что князь Семенъ былъ на службѣ въ Можайскѣ въ 7122 (1614 г.) вмѣсто 7142 (1633—1634 г.).—Самъ князь Семенъ неправильно говоритъ, что былъ посланъ въ Ядринъ „во 125 году": другіе источники согласно показываютъ 7124 годъ. Въ Вязьмѣ онъ былъ очень короткое время: въ 7129 (1620 — 1621) году тамъ уже были другіе воеводы (Книги Разрядныя, I, 762).

[2]) О своихъ женахъ Шаховской говоритъ въ автобіографіи, въ посланіи къ патріарху Филарету и въ молитвахъ своего сочиненія. Въ первомъ произведеніи читаемъ подъ 122 (1614) годомъ: „того году у меня, князь Семена, жены первыя не стало"; подъ 127 (1619) г.—„тое весны у меня другія жены не стало послѣ Свѣтлова Воскресенія вскорѣ"; подъ 128 (1619) г.—„того же лѣта на Филипово заговѣнье (то-есть въ ноябрѣ) женился я, князь Семенъ, на нынѣшней своей княгинѣ" (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., стр. V, 65 — 67). Такимъ образомъ можно думать, что князь Семенъ женатъ былъ въ молодости три, а не четыре раза. Но въ посланіи къ патріарху онъ говоритъ слѣдующее: „Умершу ми трем женамъ въ маловременней годинѣ и ни со единою довольно пожихъ, толко очима своима видѣхъ я. Со единою пожихъ тригодинное число, со второю полтора года, съ третьею девятнадцать недѣль... И удаляяся отъ различнаго многаго блудодѣянія, сочтался есмь бракомъ съ дѣвицею сущею и жилъ съ нею два годы, и дѣтки, государь великій, даровалъ ми Богъ съ нею" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 20 об.—21; № 214, лл. 28 об.—29). Въ молитвахъ своихъ Шаховской молится за упокой трехъ своихъ женъ и проситъ долгоденствія для четвертой: „Помяни, Господи, рабы своя законоданныя ми жены: Матрону и Настасѣю и Татьяну..."

тельно время случилось событіе, въ которомъ князь Семенъ не былъ виноватъ, но за которое постигла его опала уже отъ самого государя. Въ 1620 г. въ Москвѣ нѣсколько Шаховскихъ были уличены въ „великихъ винахъ" политическаго характера и приговорены къ смерти, но помилованы и сосланы „въ понизовые города по тюрьмамъ" [1]). Хотя князя Семена въ то время не было и въ Москвѣ, когда его родня впала въ „беззаконіе", однако и его привлекли къ дѣлу, обвинивъ, какъ кажется, въ недонесеніи и укрывательствѣ [2]). Источники не позволяютъ точно опредѣлить, когда именно и какое наказаніе понесъ за свои вины князь Семенъ. Въ своихъ запискахъ онъ отмѣтилъ только, что въ 7130 (1622) году онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ „въ опалу въ чужомъ дѣлѣ и того же году пожало-

---

„Помилуй, Господи Царю, и сохрани жену мою, аще и незаконно поятъ ю, и чада моя, еже ми еси даровалъ" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 314 об.—315; № 214, лл. 422—423.—Библіол. Словарь *Строева*, стр. 291). Такимъ образомъ, можно съ полнымъ основаніемъ думать, что князь Семенъ не упомянулъ въ своихъ запискахъ одной изъ своихъ умершихъ женъ и подъ „нынѣшней своей княгиней" разумѣлъ не третью, а четвертую супругу. Всего вѣроятнѣе, не упомянулъ онъ ту, съ которой жилъ не годы, а недѣли. Мы ошибемся во всякомъ случаѣ немного, если временемъ его четвертаго брака будемъ считать 7128 годъ (то-есть, конецъ 1619 г.).

[1]) Русск. Ист. Библіотека, IX, стр. 550 и 529. — „Великія вины" Шаховскихъ были сказаны имъ въ такихъ словахъ: „Во 128 (1620) году извѣщалъ на васъ государю... Ондрей Голубовской, что вы въ вечеру у Илейки Бочкина были и затѣйнымъ воровскимъ обычаемъ вы, князь Оеонасей, и князь Ондрей, и князь Иванъ, и Илейка Бочкинъ называлъ тебя, князя Матвѣя, царемъ, а ты, князь Матвѣй, князя съ братьею называлъ бояры, и сами вы въ томъ воровствѣ винились".—Князья Андрей, Аеанасій, Матвѣй Ѳедоровичи Шаховскіе по роду были довольно близки къ князю Семену и имѣли съ нимъ общаго прадѣда князя Андрея Александровича Шаховскаго.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что князь Семенъ былъ привлеченъ къ этому именно дѣлу. Въ посланіи къ митрополиту Кипріану, прося о милости къ себѣ, онъ приводитъ такія оправданія: „имъ, государямъ, всяко вѣдома суть о сихъ, что моея худости и на Москвѣ не было въ тѣ дни, въ нихъ же случися братіямъ нашимъ въ таковое беззаконіе впасти, и не разумѣхъ о томъ". Намекъ на „братій" здѣсь очень ясенъ. Изъ другаго же мѣста этого посланія видно, что князя Семена обвинили въ томъ, что онъ не донесъ о проступкѣ родныхъ: „Свидѣтельствуютъ о мнѣ самомъ дѣла мои", говоритъ онъ, — „яко ниже по умышленію, ниже по лукавству нѣкоему сицевое дѣло приключися ми, о нихъ же по невѣдѣнію умолчахъ и за то расхищенъ и различными озлобленіи озлобленъ" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 50, л. 52; № 214, л. 65, л. 67 об.).

ванъ, взятъ къ Москвѣ". Въ своихъ посланіяхъ онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что благополучно жилъ съ четвертою женой „два года", прежде чѣмъ его съ нею разлучили. Такъ какъ послѣдняя его женитьба по всѣмъ соображеніямъ была въ концѣ 1619 года, то разлученіе съ женой, по всей вѣроятности, произошло одновременно съ ссылкою его въ 1622 году [1]). Но ссылкою и разлученіемъ бѣды Шаховскаго не ограничились. Прося ходатайства у митрополита Кипріана, князь Семенъ говоритъ, что четыре года онъ терпитъ безъ вины, „гонимъ и прогонимъ и всячески озлобленъ и расхищенъ", въ нищетѣ и убожествѣ [2]). Это даетъ поводъ думать, что имущество его было конфисковано. А изъ другихъ его произведеній видно, что онъ одно время былъ заключенъ и въ тюрьму [3]). Болѣе опредѣленныхъ показаній о бѣдахъ князя Семена не находимъ ни у него самого, ни въ офиціальныхъ документахъ. Можемъ только догадываться, что въ 1625 году положеніе Шаховскаго уже улучшилось: въ маѣ этого года онъ пишетъ, по порученію патріарха, офиціальное посланіе Персидскому шаху, въ которомъ убѣждаетъ шаха принять православіе, а въ іюлѣ 1625 г. князь Семенъ служитъ во дворцѣ [4]). Но опала съ него не была снята: на службу его не посылали до 1628 г., а затѣмъ отправили воеводой въ Енисейскъ, гдѣ онъ и пробылъ до начала 1631 г.

---

[1]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 21; № 214, л. 29.

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 51, л. 52 об.; № 214, л. 66 — 66 об., л. 68.

[3]) Въ первомъ посланіи Шаховскаго самое заглавіе показываетъ, что авторъ сидѣлъ въ тюрьмѣ: „егда ми случися стрегому быти, въ царстей опалѣ сущу неповинну". И въ текстѣ этого посланія говорится: „Ты бо, господине мой и друже, не тако просто въ темницу пріидохъ посѣтити убогаго мя, но и потребна принесохъ". Это первое посланіе писано къ Семену Гавриловичу: по указателю къ Книгамъ Разряднымъ можно видѣть, что изъ замѣтныхъ людей того времени имя Семена Гавриловича носилъ одинъ Коробьинъ, дворянинъ московскій. Въ предисловіи къ сборнику своихъ произведеній Шаховской также свидѣтельствуетъ, что былъ „въ заключеніи и во изгнаніи" и писалъ оттуда своимъ друзьямъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 2, л. 3 об.; № 214, л. 2, л. 3 об.). Не знаемъ, откуда почерпнулъ митроп. *Евгеній* свое извѣстіе о томъ, что князь Семенъ былъ заключенъ въ Чудовѣ монастырѣ (Словарь русск. свѣтскихъ писателей, II, стр. 248).

[4]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 24 об. — 43; № 214, лл. 32 — 55.— Дворц. Разряды, I, 699.— Митр. *Макарія* Ист. р. церкви, XI, стр. 65 — 66 и 228 — 229.

Потомъ въ качествѣ опальнаго человѣка онъ жилъ въ Тобольскѣ еще около года и возвратился въ Москву только въ августѣ 1632 года [1]).

Со смертью патріарха Филарета въ 1633 г., Шаховскіе, дѣйствительно виновные, были помилованы и возвращены въ Москву; имъ былъ данъ совѣтъ „впередъ свои великіе вины покрывать службою". И неповинный князь Семенъ, вмѣстѣ съ прочею роднею, снова началъ служить по смерти Филарета, какъ служилъ до своей опалы. Въ 1633—1637 гг. онъ ходилъ въ походы противъ поляковъ и участвовалъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшей [2]). Въ 1638 году, съ апрѣля по ноябрь, былъ онъ противъ крымцевъ воеводою на Крапивнѣ и мѣстничался съ княземъ С. Гагинымъ, при чемъ былъ обвиненъ и въ февралѣ 1639 года за Гагина сидѣлъ въ тюрьмѣ [3]). Вслѣдъ затѣмъ его отправили воеводою на Терекъ, гдѣ онъ оставался до 1642 года [4]). Въ самомъ концѣ 1643 г. его посылали въ Тверь встрѣчать королевича Вольдемара на его дорогѣ въ Москву [5]). Такъ

---

[1]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67.—Дворц. Разряды, II, 17, 186.—Книги Разрядныя, II, 208, 299, 365. — Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, стр. 149 (и 147), 150; IX, 280.

[2]) Русск. Ист. Библіотека, IX, стр. 529, 551. — *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67 — 68 (слич. Дворц. Разряды, II, 349, 355, 373, 380, 413, 438, 445). Въ 1637 г., 20-го февраля, онъ былъ даже отправленъ посланникомъ въ Польшу (Дворц. Разряды, II, 530, 873. — Доп. къ Акт. Ист., VI, № 138, стр. 430.—Памятники дипломатич. сношеній, III, стр. 89, 121, 212. — Акт. Западн. Россіи, V, № 14 и 15.—Протоколы засѣданій Археографич. Коммиссіи, I, 345 — 346.—Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 377—378).

[3]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 68. — Дворц. Разряды, II, 568, 590—591, 599—600.—Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 110, 113—114, 127.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, стр. 280—281.—Въ 1637—1639 гг. видимъ иногда князя Семена за государевымъ столомъ (Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 100, 180).

[4]) О Терской службѣ князя Семена показанія источниковъ разнорѣчивы: Самъ Шаховской говоритъ, что на Терекъ его послали въ 147 (1639) году (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69); въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ (изд. 2-е, IX, стр. 281) пребываніе его на Терекѣ показано въ 149—150 (1641—1642) годахъ; а изъ Дворц. Разрядовъ (II, 633, 639) видно, что назначеніе его на Терскую службу состоялось 5-го мая 7148 (1640) года. И о концѣ этой службы извѣстія не согласны: по однимъ показаніямъ, князь Семенъ остался на Терекѣ и въ 7150 (1642) году, по другимъ же—въ этомъ 7150 г. воеводою Терскимъ былъ М. П. Волынскій (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 281.—Дворц. Разряды, II, 662 и 688).

[5]) Дворц. Разряды, II. 718.—*Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 291—292.—Самъ князь Семенъ ошибочно написалъ, что эта его служба

обычнымъ московскимъ порядкомъ шла жизнь Шаховскаго до тѣхъ поръ, пока весною 1644 года не разразилась надъ нимъ, неизвѣстно за что, новая опала. Онъ былъ посланъ на далекое воеводство въ Усть-Колу и служилъ тамъ до апрѣля 1646 года; оттуда былъ переведенъ въ Устюгъ и тамъ оставленъ до начала 1647 года. Тамъ ждалъ онъ государевой милости и прощенія: „ожидалъ,.... что велятъ мнѣ быть къ Москвѣ (такъ писалъ онъ дьяку Васильеву), а вмѣсто таковаго чаянія подвинули меня подалѣ, указалъ мнѣ государь быть у Соли у Вычегодской“. Князя Семена хотѣли, кажется, вмѣсто Москвы отправить на Лену, гдѣ тогда только что былъ построенъ „городъ Якутской“. Но эта посылка не состоялась: въ февралѣ 1648 г. отъ государева гонца узналъ Шаховской, что государь велѣлъ его „отъ Ленскіе службы отставить, а до своего государева указу велѣлъ еще побыть у Соли“. И только въ концѣ 1648 года его отпустили изъ Сольвычегодска въ его вотчину въ Галичъ, а затѣмъ позвали и въ Москву. Но опала миновала не надолго: уже на масляницѣ 1649 года князь Семенъ снова поѣхалъ въ ссылку въ Томскъ [1]). Хотя свѣдѣній о его жизни послѣ 1649 года совсѣмъ нѣтъ, однако является возможность утверждать, что онъ въ Сибири не умеръ, но возвратился въ Москву и еще въ 1653 году переписывался съ Троицкимъ келаремъ Симономъ Азарьинымъ [2]). Въ это время ему

была въ 1642 году: „во 151 году... на Рождество Христово“ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69).

[1]) Въ своихъ запискахъ Шаховской не объясняетъ причины опалы (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69). Въ перепискѣ же съ тобольскимъ дьякомъ Т. Васильевымъ, которая относится къ 1647—1648 годамъ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, № 1—4), князь Семенъ объясняетъ свои бѣды не преступленіемъ или проступкомъ, а вообще своими грѣхами: „А напасти, государь мой (пишетъ онъ въ первомъ своемъ письмѣ), за грѣхи постизаютъ мя, а много не вѣмъ въ себѣ ничесо же“. Ту же мысль развиваетъ онъ очень пространно и въ третьемъ письмѣ.—Обстоятельства этой ссылки Шаховскаго изложили мы по его запискамъ и перепискѣ съ Васильевымъ. Кромѣ того, см. Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, 176 (здѣсь показано, что Шаховской былъ въ 1647 году въ Томскѣ; это опровергается его перепиской); III, 161; IX, 281.—При переѣздѣ изъ Колы моремъ къ Архангельску, Шаховской и его спутники едва не погибли отъ бури. Спасеніе свое они приписывали чудотворенію преп. Сергія Радонежскаго; князь Семенъ составилъ святому „кондаки и икосы по подобію несѣдалныхъ“ и принесъ ихъ къ Троицкому келарю Симону Азарьину, когда возвратился изъ ссылки. Симонъ же описалъ все это въ своей Книгѣ новоявленныхъ чудесъ преп. Сергія (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 93—95).

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 202, л. 108: „161 (1653) году... писалъ ко мнѣ, келарю Симону, съ Москвы князь Семенъ княжъ Ивановъ сынъ Шахов-

шелъ по крайней мѣрѣ седьмой десятокъ лѣтъ (около пятидесяти лѣтъ онъ уже находился на службѣ); вѣроятно, князь Семенъ и скончался въ 50-хъ годахъ XVII вѣка.

Трудно догадаться, почему такъ много потерпѣлъ въ концѣ своей жизни такой благочестивый человѣкъ, какъ князь Семенъ. Его знакомый дьякъ Т. Васильевъ называлъ его человѣкомъ „предивнымъ, шествующимъ путемъ правды, и не мало разумѣющимъ божественнаго писанія, и пріимшимъ по дару Божію много здраваго ученія". Патріархъ Филаретъ, преслѣдовавшій Шаховскаго, именно ему поручилъ составленіе своего посланія къ шаху; очевидно, онъ считалъ князя Семена способнымъ къ такому важному труду, въ которомъ должны были сочетаться и правыя богословскія знанія, и литературныя способности. Изъ сочиненій князя Семена видно, что многія лица считали его авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры и обращались къ нему за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Изучая его произведенія, мы дѣйствительно убѣждаемся въ большой начитанности Шаховскаго въ книгахъ священныхъ и церковныхъ. Какъ писатель, онъ является предъ нами писателемъ-богословомъ. Его излюбленныя темы — похвальныя слова святымъ, церковныя службы, молитвы; въ просительныхъ своихъ посланіяхъ и въ частныхъ письмахъ онъ легко обращается къ религіознымъ размышленіямъ и наставленіямъ; если же берется за историческій сюжетъ, то непремѣнно обработываетъ его

скій...". Въ этомъ письмѣ князь Семенъ сообщаетъ келарю, что пожаръ въ его вотчинѣ былъ остановленъ иконою преп. Сергія. Такъ какъ онъ упоминаетъ здѣсь объ икосахъ „своего творенія", то нѣтъ сомнѣнія, что это былъ именно писатель Шаховской. Но другія извѣстія о Семенѣ Ивановичѣ Шаховскомъ, дошедшія отъ второй половины XVII в., не могутъ относиться непремѣнно къ С. И. Шаховскому-Харѣ. Въ родѣ Шаховскихъ былъ другой Семенъ Ивановичъ, поколѣніемъ младше князя Семена Хари, приходившійся ему, если не ошибаемся, троюроднымъ племянникомъ (*А. А. Титова* Ярославль. М. 1883, стр. 136). Онъ началъ свою службу стряпчимъ около 1640 года и былъ потомъ стольникомъ; упоминанія о его службѣ въ Москвѣ встрѣчаемъ въ 1640 и 1647 гг., какъ разъ тогда, когда старшаго князя Семена въ Москвѣ не было (Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 215, 366, 372, 377). Зная о существованіи втораго С. И. Шаховскаго и не имѣя точныхъ указаній на жизнь князя Семена Хари послѣ 1649 года (на которомъ онъ прекратилъ свои записки), мы не можемъ рѣшить, къ кому изъ нихъ отнести слѣдующія, напримѣръ, данныя: въ 1652 г. С. И. Шаховской упоминается въ одномъ изъ богомольныхъ походовъ государыни; въ Боярскихъ книгахъ 7166 (1657—1658) и 7176 (1667—1668) годовъ С. И. Шаховской показанъ дворяниномъ московскимъ. Сомнѣваемся, чтобы князь Семенъ могъ дожить и дослужить до 1670, приблизительно, года.

въ формѣ богословскаго трактата, религіозно-нравственнаго поученія. Таково его Слово о пожарѣ московскомъ 1626 года [1]). Въ немъ находимъ лишь нѣсколько словъ о самомъ событіи, и то довольно общихъ и риторичныхъ; но пожаръ даетъ автору поводъ сказать москвичамъ обширную обличительную проповѣдь на ту тему, что несчастіе было Божьимъ наказаніемъ за грѣхи московскихъ людей. Такимъ же точно характеромъ благочестиваго поученія отличаются и произведенія Шаховскаго о смутѣ. Въ нихъ изображеніе фактовъ не играетъ главной роли; событія смуты интересуютъ автора по стольку, по скольку на нихъ оправдываются его религіозно-нравственные взгляды. Излагая эти взгляды и въ нихъ полагая главное значеніе своего труда, Шаховской счелъ болѣе удобнымъ для себя при описаніи фактовъ воспользоваться готовымъ разсказомъ о смутѣ, находящимся въ повѣсти Катырева.

Оба произведенія Шаховскаго, касающіяся смутнаго времени, такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ правильнѣе считать одною повѣстью, раздѣленною на двѣ части только заглавіями [2]). Въ первомъ изъ этихъ произведеній описаны преступленія Бориса Годунова, во второмъ — то возмездіе, какое онъ получилъ отъ Бога за эти преступленія. Основная мысль, одинаково замѣтная и въ томъ, и въ другомъ повѣствованіи, такова: ни одинъ грѣхъ не остается безъ наказанія, какъ не остается безъ награды терпѣніе и страданіе. Борисъ, много согрѣшившій властолюбія ради, могъ бы загладить свою вину передъ Богомъ, если бы началъ „по волѣ Божіи.. власть свою строити“; но онъ не сдѣлалъ этого и погибъ отъ само-

---

[1]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 113 об.—140; № 214, лл. 149—185 (самое же описаніе пожара находится въ ркп. № 213 на лл. 115—116 об.; въ ркп. № 214—на лл. 151—153).

[2]) Оба произведенія находятся въ сборникѣ сочиненій Шаховскаго непосредственно одно за другимъ. Первое носитъ заглавіе „Повѣсть, извѣстно сказуема, на память великомученика благовѣрнаго царевича Димитрія, о убіеніи его и о преславномъ обрѣтеніи тѣлеси, и о язвѣ людстѣй. Списано Семіономъ Шаховскимъ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 267—285 об.; № 214, лл. 362—386). Часть этого заглавія („о преславнемъ обрѣтеніи тѣлеси“) относится къ содержанію уже втораго произведенія, въ которомъ повѣствуется объ открытіи мощей царевича. Второе произведеніе озаглавлено: „Повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса во отмщеніе крове праведнаго царевича Димитрія“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 286—301: № 214, лл. 387—404 об. Существуетъ и отдѣльный списокъ: см. *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1879 г. II, Протоколы засѣданій, стр. 4).

званца, въ свою очередь скоро ниспровергнутаго за свои беззаконія. Невинно же пострадавшій Димитрій сподобился дара чудесъ и былъ прославленъ, какъ святой [1]).

Свой разсказъ о страданіяхъ Димитрія Шаховской начинаетъ пространнымъ описаніемъ того, какъ угождаютъ Богу Его святые или отшельничествомъ, или подвигами труда и послушанія въ общежитіи, или, наконецъ, мученичествомъ. Мученическаго вѣнца достигъ и царевичъ Димитрій. Приступая къ изображенію его судьбы, авторъ боится, что не сумѣетъ этого сдѣлать по своему невѣжеству и „юродству ума". Рѣшается онъ писать лишь въ надеждѣ на Божью помощь и съ тѣмъ соображеніемъ, что житія святыхъ можно описывать „не витѣйскими словесы и риторскимъ разумомъ", а простою рѣчью. „Житія святыхъ и мученія и доблести ихъ ясно да сказуются", говоритъ онъ,—„яко же и не книжнымъ мочно простымъ глаголемая внимати". Въ судьбѣ царевича Димитрія прежде всего занимаетъ автора его „многобрачное рожество", то-есть, то, что царевичъ родился „отъ шестыя жены" Грознаго. „Не осудится бо всякъ родивыйся отъ многобрачія родительскимъ согрѣшеніемъ", пишетъ онъ и указываетъ затѣмъ, что даже въ книгѣ родства Іисуса Христа можно найдти примѣры неправильныхъ браковъ. За этимъ обширнымъ вступленіемъ начинается у Шаховскаго и самое житіе царевича.

Помянувъ о смерти Грознаго, о возвышеніи Годунова, авторъ характеризуетъ степень власти Бориса словами Катырева: „и самому царю во всемъ послушну ему быти и повелѣнное имъ творити" [2]). Послѣ краткихъ самостоятельныхъ замѣчаній о честолюбіи Бориса и ссылкѣ въ Угличъ царевича [3]), Шаховской въ разсказѣ о смерти царевича, о безсиліи царя Өедора узнать правду въ этомъ дѣлѣ, о московскомъ пожарѣ 1591 года, о кончинѣ царя Өеодора, — прямо слѣдуетъ словамъ Катырева, изрѣдка дополняя ихъ риторическими

---

[1]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 281 об.—284 об., лл. 293—296; № 214, л. 381 об.—385, л. 395 об.—399.

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 278 об.; № 214, л. 377.—Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 285.

[3]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 278 об.—279; № 214, л. 377 об.: по словамъ Шаховскаго, Борисъ „посылаетъ юнѣйшаго брата царева Димитрія царевича и съ матерію его на Угличъ лестію, якобы власть даруя ему". Обыкновенно въ сказаніяхъ читаемъ, что Димитрія на Угличъ отправилъ царь Өедоръ; къ показанію Шаховскаго близки только Хронографъ 2-й редакціи (Изборникъ, стр. 186—187) и „Сказаніе и Повѣсть, еже содѣяся"..., стр. 1.

вставками [1]). Измѣнивъ затѣмъ со стороны слога и сокративъ извѣстіе Катырева объ избраніи Бориса въ цари, Шаховской приступаетъ къ обстоятельному развитію основной идеи своего произведенія, уже указанной нами. Вспоминая судьбу Саула, говоритъ онъ, что Борисъ, ставъ царемъ, не избѣжалъ этимъ суда и кары Божьей. Спасти его могло бы благочестивое правленіе и добрыя дѣла. Но Борисъ „слѣпотою объятъ бысть и братоненавидѣніемъ"; онъ сталъ гордиться, сталъ подозрѣвать и преслѣдовать своихъ подданныхъ. Словами Катырева излагаетъ Шаховской опалу на Романовыхъ [2]) и затѣмъ замѣчаетъ, что именно съ тѣхъ поръ, какъ обнаружились грѣхи Бориса-царя, Господь послалъ ему казнь, поразивъ его народъ голодомъ и моромъ. Немногимъ позже голода явился Борису новый мститель отъ Бога—самозванецъ, котораго Шаховской сравниваетъ съ Фокою, убійцею имп. Маврикія. Но разсказъ объ этомъ мстителѣ авторъ обѣщаетъ дать уже въ другой повѣсти. Борисъ „судъ пріятъ подобенъ своему нечестію", пишетъ Шаховской,—„и многожелаемаго своего владычества лишается образомъ симъ, яко же здѣ явственно Повѣсть предложити вамъ хощу".

Такимъ образомъ Повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ, по признанію самого автора, является непосредственнымъ продолженіемъ Повѣсти о смерти царевича. Начинается она разсказомъ о похожденіяхъ самозванца на Руси и въ Польшѣ, при чемъ этотъ разсказъ, съ чисто-внѣшними стилистическими измѣненіями, прямо взятъ изъ Повѣсти Катырева [3]). Затѣмъ, опуская всѣ подробности борьбы самозванца съ войсками царя Бориса, Шаховской беретъ у Катырева лишь немногія строки о томъ, какъ распространился на Руси слухъ о самозванцѣ и какъ Борисъ приготовился къ борьбѣ съ своимъ врагомъ [4]). Душевное состояніе Бориса при этомъ онъ рисуетъ обстоятельнѣе, чѣмъ Катыревъ: хотя Бориса и мучила совѣсть, тѣмъ не менѣе онъ „мужески"

[1]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 279—281; № 214, лл. 378—380 об.— Изборникъ, стр. 285, отъ словъ: „послалъ таибниковъ своихъ", и стр. 286, до словъ: „аки овца не имѣюще пастыря". — Изъ дополненій Шаховскаго историческій характеръ имѣетъ только одна замѣтка, что царь Ѳедоръ не могъ узнать о смерти брата, „понеже удержанъ бысть властью убійцы оного", то-есть, Бориса.

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 284 об.; № 214, л. 385.—Изборникъ, стр. 287: „Не усрами же ся и славна роду" и т. д.

[3]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 286—289; № 214, лл. 387—390 об.— Изборникъ, стр. 287—288 (до словъ: „и отпускаетъ досягати царства отеческаго").

[4]) Изборникъ, стр. 287.—Ркп. Моск. Дух. Академіи, № 213, лл. 289—290; № 214, лл. 390 об.—391 об.

ополчался на самозванца, напрасно думая избѣжать Божьяго мщенія. Оно скоро постигло его: самъ Борисъ умеръ внезапною смертью, а семья его стала жертвою Разстриги. При описаніи смерти Бориса, гибели его семейства и торжества самозванца Шаховской возвращается къ тексту Катырева и передаетъ его въ сильно сокращенномъ видѣ съ измѣненіями и вставками, мало интересными въ историческомъ отношеніи. Словами Катырева характеризуетъ онъ и царствованіе Разстриги [1]), при чемъ, сообщая о женитьбѣ самозванца, даетъ самостоятельный отзывъ о поведеніи Гермогена при Лжедимитріи [2]). Очень близокъ къ тексту Катырева и разсказъ о сверженіи самозванца и поруганіи его тѣла, объ избіеніи поляковъ въ Москвѣ и о тѣхъ физическихъ явленіяхъ, которыя совпали съ переворотомъ 17-го мая [3]).

Отъ описанія погибели самозванца Шаховской переходитъ къ отвлеченнымъ размышленіямъ и окончательно выясняетъ главную мысль своего повѣствованія. Онъ показываетъ читателю, что и Борисъ, и самозванецъ пали вслѣдствіе своихъ грѣховъ; ему остается для полнаго раскрытія темы показать, что награда не замедлила явиться тому праведному страдальцу, судьба котораго была связана съ судьбою описанныхъ авторомъ злодѣевъ. И Шаховской обращается къ

---

[1]) При описаніи царствованія самозванца заимствованія Шаховскаго идутъ приблизительно въ такомъ порядкѣ: разсказавъ о сверженіи и заточеніи Годуновыхъ (Изборникъ, стр. 292), онъ въ двухъ самостоятельныхъ фразахъ говоритъ о воцареніи Лжедимитрія; затѣмъ сообщаетъ словами Катырева о замыслахъ самозванца противъ православія (Изборникъ, стр. 293 въ концѣ), о сверженіи Іова, о поставленіи въ патріархи Игнатія, о судьбѣ царевны Ксеніи (Изборникъ, стр. 292), о призваніи въ Москву Мнишка и другихъ поляковъ, о женитьбѣ самозванца съ позволенія Игнатія (Изборникъ, стр. 293—294).

[2]) Послѣ сообщенія, со словъ Катырева, что Игнатій благословилъ самозванца на женитьбу „безо всякаго прекословія" (Изборникъ, стр. 294), Шаховской пишетъ: „Митрополиту же казанскому Ермогену, единому по благочестію поборнику, ревностію всяко Божіею много запрещающе ему (то-есть, Разстригѣ) о скверно браченіи семъ, глаголюще: яко не достоитъ ти есть, царю, совокупитися со иновѣрною отроковицею, не омывъ ю духовною банею паки бытія, сірѣчь святымъ крещеніемъ. Онъ же, окаянный, никако сего восхотѣ послушати, яко аспидъ глухій затыкая уши своя, и многу ненависть и рвеніе воздвизаетъ на блаженнаго сего отца. Аще не бы Богъ прекратилъ дніе его, безъ сумнѣнія убилъ быхъ того окаянный" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 291 об.—292; № 214, л. 394. Сравн. отзывъ Катырева о Гермогенѣ въ Изборникѣ, стр. 295).

[3]) Изборникъ, стр. 294, отъ словъ: „Во десятый же день"...... до словъ: „волнсніе въ царствующемъ градѣ даже и до третьяго дня".—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 292—293; № 214, лл. 394 об.—395 об.

разсказу объ открытіи мощей царевича. Кратко говоритъ онъ, заимствуя фразы у Катырева, объ избраніи на царство царя Василія и о возведеніи въ патріархи Гермогена; затѣмъ даетъ самую общую характеристику послѣдующей смуты „даже и до благочестиво царствующа великого князя Михаила Ѳедоровича" [1]). Эта характеристика служитъ для него какъ бы введеніемъ въ разсказъ объ обрѣтеніи мощей Димитрія. „Внегда убо царю Василью скипетры царскія удержавшу и мятежу велію бывшу, той же..... Ермогенъ воспоминаетъ царю, да послется отъ него на взысканіе тѣлеси праведнаго царевича",—такъ начинаетъ Шаховской свой разсказъ [2]). Изъ лицъ, посланныхъ въ Угличъ за мощами, называетъ онъ одного Филарета Никитича и повторяетъ о немъ почти буквально отзывъ Катырева [3]). Самое же обрѣтеніе и перенесеніе мощей описываетъ онъ такими общими фразами, въ которыхъ нельзя уловить сколько-нибудь цѣнныхъ показаній. Очевидно, съ подробностями этого дѣла онъ былъ мало ознакомленъ и не зналъ такого обстоятельнаго источника, изъ котораго могъ бы черпать свои свѣдѣнія въ данномъ случаѣ такъ-

---

[1]) Этотъ обзоръ смуты не даетъ исторически-цѣнныхъ свѣдѣній, благодаря своей чрезвычайной краткости. Читая его, невольно думаешь, что онъ писанъ подъ впечатлѣніемъ шестой главы Сказанія Палицына. На это же какъ будто намекаютъ и слѣдующія слова Шаховскаго: „Не азъ, иже невѣжда по всему, но и мудръ нѣкто не бы моглъ писаніемъ представити нужду тогдашняго времени; и нѣсть мощно подробну глаголати нынѣ, паче же и слову удолжитися. Хотяй навыкнути о сиковыхъ да прочита: въ лѣтописныхъ исторіяхъ мало что изъявлено суть любомудрецы" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 297—297 об.; № 214, л. 400—400 об.). Въ то время, когда писалъ Шаховской (въ царствованіе Михаила Ѳедоровича), еще не появились историческіе труды С. Азарьина и Ив. Насѣдки; Сказаніе Палицына было единственною „исторіею", гдѣ обстоятельно были описаны ужасы смутной поры и бѣдствія русскихъ людей.

[2]) Приведенная фраза Шаховскаго заключаетъ въ себѣ двѣ неточности: съ одной стороны перенесеніе мощей царевича состоялось до появленія открытой смуты при Шуйскомъ: а съ другой—Гермогенъ не участвовалъ въ дѣлѣ перенесенія мощей. Эти ошибки нашего автора показываютъ, что онъ не руководился ни оффиціальными грамотами Шуйскаго, ни Повѣстью о перенесеніи мощей Димитрія, составленною въ 1607 году (показанія этихъ памятниковъ разсмотрѣны нами въ первой главѣ нашего труда). Источники Шаховскаго въ данномъ случаѣ опредѣлить трудно; но нельзя не замѣтить, что въ Хронографѣ 2-й редакціи находятся подобныя же фактическія неточности (Изборникъ, стр. 195—196).

[3]) Изборникъ, стр. 312—313.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 297 об.—298; № 214, л. 401.

9*

же удобно, какъ въ другихъ случаяхъ изъ Повѣсти Катырева [1]). Повѣствованіе свое князь Семенъ оканчиваетъ молитвою къ святому царевичу Димитрію и проситъ помощи отъ всѣхъ бѣдъ „благовѣрному царю Михаилу".

Двукратное упоминаніе о царѣ Михаилѣ свидѣтельствуетъ, что Шаховской писалъ не позже 1645 года, а его зависимость отъ Повѣсти Катырева говоритъ намъ, что онъ не могъ писать раньше 1626 года. Точнѣе указать время составленія его Повѣстей мы не можемъ, да въ этомъ не представляется и нужды въ виду ничтожнаго историческаго значенія произведеній князя Семена. Для того, чтобы окончить рѣчь о нихъ, замѣтимъ, что Шаховской передѣлывалъ Повѣсть Катырева иногда очень небрежно, какъ бы спѣша, и поэтому допускалъ въ своемъ изложеніи нѣкоторыя несообразности и неловкости. Отмѣтимъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто. Разсказывая о смерти Бориса, Шаховской затѣмъ такъ сокращаетъ повѣствованіе Катырева: „Слышана же бысть смерть царева воемъ и всѣмъ людемъ, и сотвориша совѣтъ, да отоимутъ скипетръ отъ дому его (то-есть, Бориса).... и предадутъ царство въ руцѣ грядущаго (то-есть, самозванца). И тако утверждаютъ совѣтъ и предаются въ руцѣ злокозненнаго мниха оного". Читатель думаетъ, что рѣчь идетъ о Москвѣ и всемъ государствѣ, но сейчасъ же встрѣчаетъ фразу: „Слышана же бысть сія въ царствующемъ градѣ, яко предашася все многособранное воинство въ руцѣ оного, и воздвигоша оружіе и пріидоша на царскій дворъ и пограбиша вся царская сокровища" [2]). При сопоставленіи этихъ мѣстъ съ Повѣстью Катырева, становится яснымъ, что Шаховской въ первой фразѣ очень неудачно сократилъ разсказъ Катырева объ измѣнѣ Ѳедору Борисовичу въ полкахъ, а вторую фразу объ измѣнѣ въ Москвѣ частью списалъ у Катырева, частью же составилъ самъ. Далѣе, сокращая изложеніе Катырева, Шаховской постоянно выбрасывалъ изъ повѣствованія собственныя имена [3]) и отдѣльныя извѣстія и не всегда заботился о возстанов-

---

[1]) Шаховской, на сколько можно судить, не зналъ даже мѣсяца и дня принесенія мощей царевича въ Москву. Онъ оставилъ пробѣлъ для того, чтобы вписать число и мѣсяцъ, и почему-то не вписалъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 298 об.; № 214, л. 402).

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 290—290 об.; № 214, л. 392—392 об. Изборникъ, стр. 290—291, 292.

[3]) Такъ, при описаніи жизни самозванца въ Литвѣ, Шаховской выпустилъ всѣ личныя и географическія имена, находящіяся у Катырева, кромѣ имени Мнишка.

ленія нарушенной пропусками грамматической правильности рѣчи. Въ этомъ отношеніи любопытна такая частность: Шаховской говоритъ о трупѣ Лжедимитрія, что его положили на площади „нага суща, ничимъ покровенна и лежаху трупъ его три дни". Неправильное употребленіе формы „лежаху" объясняется текстомъ Катырева: „Положиша его.... на площади, нага суща, въ знакъ ничѣмъ прикровенна; подъ ногами же положиша болярина П. Басманова... и тако лежаху трупія ихъ" [1]). Такія литературныя оплошности Шаховскаго ясно показываютъ (если только въ этомъ можетъ быть сомнѣніе), что именно онъ дѣлалъ заимствованія у Катырева, а не на оборотъ.

Отъ произведеній кн. Шаховскаго, представляющихъ собою типичный образецъ риторическаго искусства его эпохи, перейдемъ къ безыскусственной по формѣ „Книгѣ, глаголемой Новый Лѣтописецъ". Въ XVII вѣкѣ она была распространена во множествѣ списковъ [2]); богатствомъ своихъ показаній она рано обратила на себя вниманіе историковъ и была издана два раза въ прошломъ столѣтіи и одинъ разъ въ настоящемъ [3]). Въ наше время извѣстія Но-

---

[1]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 292 об.; № 214, л. 395.—Изборникъ, стр. 294.

[2]) Трудно перечислить всѣ списки этого памятника: они находятся во всѣхъ нашихъ древнехранилищахъ. Мы лично не могли принять на себя громадный трудъ ихъ сличенія и ограничили свои занятія одними напечатанными текстами въ той увѣренности, что одно изъ печатныхъ изданій счастливо воспроизвело первоначальный текстъ памятника (Ник. Лѣт. VIII).

[3]) „Лѣтопись о многихъ мятежахъ" и т. д. (изд. 1-е: С.-Пб. 1771 г.; изд. 2-е: М. 1788).—„Руская Лѣтопись по Никонову списку", VIII, С.-Пб. 1792.—„Новый Лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, изданъ по списку кн. Оболенскаго". М. 1853 (и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII).—Изъ этихъ печатныхъ текстовъ первоначальнымъ мы считаемъ тотъ, который помѣщенъ въ Никоновой Лѣтописи. Онъ сохранилъ свое первоначальное заглавіе: „Книга, глаголемая Новой Лѣтописецъ; степень ц. и в. кн. Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, въ ней же сперва степени немногіе главы ц. и в. кн. Ивана Васильевича всеа Русіи; въ началѣ убо книги о взятіи царства Сибирского; нача писати съ 92 (1584)-го году и *донынѣ*" (то-есть, до 1630 г., которымъ оканчивается списокъ. См. Ник. Лѣт. VIII, стр. 1 и 256.—П. Собр. Р. Лѣт., IX, стр. VIII). Въ этомъ текстѣ находимъ много указаній на то, что онъ составлялся дѣйствительно при патр. Филаретѣ (эти указанія будутъ приведены ниже) и именно около 1630 года. Другой печатный текстъ (въ Лѣт. о мн. мятежахъ) сохранилъ вообще неприкосновенною первоначальную редакцію памятника, но утратилъ нѣсколько первыхъ статей его и имѣетъ позднѣйшія приписки (Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, стр. 343—366). А тотъ текстъ Новаго Лѣтописца, который

ваго Лѣтописца пользуются большимъ вниманіемъ со стороны историковъ смуты, но и до сихъ поръ ничего не сдѣлано для того, чтобы освѣтить происхожденіе этого цѣннаго памятника.

Изученіе текста Новаго Лѣтописца не даетъ никакихъ прямыхъ указаній на его автора. Авторъ очень немного говоритъ о себѣ самомъ. Въ первый разъ, описывая чудесное видѣніе 1611 года и не довѣряя ему, онъ замѣчаетъ: „обаче азъ написахъ се, а не мимо идохъ". Въ другомъ мѣстѣ при разказѣ о томъ, что поляки, осажденные въ Кремлѣ, питались человѣческимъ мясомъ и дѣлали запасы этого мяса, авторъ прибавляетъ: „то сами видѣхомъ очима своима" [1]). На основаніи этихъ фразъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній о личности писателя; можно только считать его современникомъ смуты. Мы не остановились бы на вопросѣ о личности составителя Новаго Лѣтописца, еслибы не встрѣтили въ „Исторіи Россійской" Татищева намека на то, что авторомъ этого произведенія Татищевъ считалъ Іосифа, келейника патріарха Іова, или же самого Іова [2]). Нельзя, конечно, думать съ Татищевымъ, что лѣтопись,

---

начинается краткимъ обзоромъ всей русской исторіи и который былъ принятъ кн. Оболенскимъ за „первобытный" текстъ (*Врем. Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII), есть не что иное, какъ позднѣйшая литературная переработка, стершая указанія первоначальной редакціи на автора и время составленія. Мы будемъ руководиться при разборѣ памятника его первоначальнымъ текстомъ и въ своемъ мѣстѣ дадимъ рядъ сопоставленій, которыя оправдаютъ изложенныя здѣсь замѣчанія.

[1]) Ник. Лѣт., 173, 197.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 233, 265.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ оба эти указанія выпущены (стр. 143, 157—158), что свидѣтельствуетъ о позднѣйшемъ происхожденіи текста.

[2]) Исторія Россійская, I, Предъизвѣщеніе, стр. XII.—Татищевъ не говоритъ прямо о Новомъ Лѣтописцѣ. Приписывая митр. Макарію описаніе первыхъ 26 лѣтъ „жизни" Ивана Грознаго, онъ затѣмъ говоритъ: „Іосифъ келейникъ Іова Патріарха или самъ Іовъ нѣкоторыя дѣла онагожъ Государя послѣднихъ 24 года, но весьма кратко, а по немъ до избранія царя Михайла довольно пространно (описалъ)". Не смотря на всю неточность выраженій Татищева, думаемъ, что онъ здѣсь разумѣетъ именно Никонову Лѣтопись съ ея продолженіемъ Новымъ Лѣтописцемъ. Макарьевская лѣтопись, по представленію Татищева, обнимала 26 лѣтъ „жизни" Грознаго, и, стало быть, должна была кончаться 1556 годомъ, а лѣтопись Іова (Іосифа) обнимала послѣдніе 24 года жизни Грознаго и, стало быть, должна была начинаться 1560 годомъ. Изъ московскихъ сводовъ до конца 50-хъ годовъ XVI в. доведены Воскресенская и Никонова Лѣтописи и Степенная Книга. Но только одна Никонова Лѣтопись имѣетъ краткія приписки о концѣ царствованія Грознаго (Ник. Лѣт. VII, 313—316) и добавленія о Грозномъ, царѣ Θеодорѣ и смутѣ—въ Житіи ц. Θеодора и въ Новомъ Лѣ-

доходящую до 1630 года, составилъ Іовъ, умершій въ 1607 году. Но келейникъ патріарха могъ на много лѣтъ пережить его и, какъ современникъ смуты, могъ быть авторомъ Новаго Лѣтописца. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ извѣстій объ этомъ келейникѣ Іосифѣ, мы не можемъ поэтому провѣрить показанія о немъ Татищева; но мы интересуемся этимъ показаніемъ потому, что оно даетъ намъ извѣстную точку зрѣнія на памятникъ, даетъ поводъ считать Новый Лѣтописецъ произведеніемъ, составленнымъ при патріаршемъ дворѣ. Къ такому же взгляду на происхожденіе Новаго Лѣтописца приводятъ и нѣкоторыя другія соображенія.

Въ источникахъ сохранились указанія на то, что московскіе патріархи XVII вѣка, и особенно—Гермогенъ, были прикосновенны къ дѣлу составленія, переписки и храненія лѣтописей. Эти указанія, какъ ихъ ни мало, вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Ту лѣтопись, которая теперь извѣстна подъ названіемъ Воскресенской, люди XVII вѣка считали патріаршею: они называли ее „лѣтописцемъ святѣйшаго патріарха Гермогена" [1]). Списокъ этой лѣтописи былъ позднѣе, въ 1658 году, въ рукахъ патріарха Никона, который и пожертвовалъ его въ только что основанный Воскресенскій монастырь [2]). Та-

---

тописцѣ (Ник. Лѣт. VII, VIII). Это даетъ уже поводъ догадываться, что приведенныя слова Татищева должны относиться къ Никонову своду. Еще большее основаніе для такой догадки заключается въ томъ обстоятельствѣ, что въ V томѣ своей Исторіи Татищевъ пересказывалъ именно послѣднія части Никонова свода со всѣми отрывочными извѣстіями о времени Грознаго и съ Житіемъ Ѳеодора патр. Іова (Исторія Россійская, V, М. 1848, стр. 490—530.—Ник. Лѣт. VII, 313—359). При такихъ условіяхъ ясно, что Татищевъ считалъ Іова и Іосифа авторами послѣднихъ частей Никоновой Лѣтописи (и Новаго Лѣтописца), а не другаго какого-нибудь произведенія.

[1]) Мы утверждаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ: въ одной изъ Родословныхъ книгъ, писанныхъ, какъ думаютъ, въ началѣ XVII в., включено родословіе Литовскихъ великихъ князей. Предъ нимъ находится статья: „Предисловіе родомъ великихъ князей литовскихъ" и при ней замѣчаніе: „Списано съ Лѣтописца Святѣйшаго патріарха Гермогена Московскаго" (Родословныя книги во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, стр. 74 и предисловіе, стр. I.—*Барсукова* Рукописи Археографич. Коммиссіи, стр. 23). Сравнивая это „предисловіе родомъ" съ московскими сводами, убѣждаемся въ томъ, что выписка о Литовскихъ князьяхъ сдѣлана изъ Воскресенской Лѣтописи и ея добавочныхъ статей (Сравн. Родословную книгу, стр. 74—75, и П. Собр. Р. Лѣт., VII, 253—254 и 165; см. также „Русскую Лѣтопись съ Воскресенскаго списка". С.-Пб. 1793—1794, т. I, 48—49; т. II, 239—240).

[2]) П. Собр. Р. Лѣт., VII, Предисловіе, стр. VI.

кимъ образомъ исторія одного изъ подробнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ московскихъ связана съ именами двухъ московскихъ патріарховъ, и это даетъ поводъ думать, что послѣ историческихъ трудовъ митр. Макарія (Степенная книга) и патр. Іова (Житіе царя Ѳеодора), послѣдующіе московскіе іерархи не пренебрегали лѣтописнымъ дѣломъ. На ту же мысль наводитъ и весьма вѣроятное, какъ мы видѣли, преданіе о происхожденіи Филаретовой Рукописи. Наконецъ, имѣемъ мы и прямое свидѣтельство самого Гермогена о томъ, что онъ записывалъ „въ лѣтописцѣхъ" замѣчательныя событія его времени [1]). Рядъ подобныхъ указаній невольно возбуждаетъ вопросъ: если при патріаршемъ дворѣ существовали лѣтописные своды, если Гермогенъ, какъ онъ самъ говоритъ, дѣлалъ записи о событіяхъ, то гдѣ искать патріаршую лѣтопись за позднѣйшіе (XVI—XVII) вѣка и гдѣ искать тѣ записи Гермогена, которыя относятся къ смутному времени? Помимо Новаго Лѣтописца, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ повѣствованій о смутѣ безусловно ни одно не можетъ считаться произведеніемъ патріаршимъ, кромѣ Рукописи Филарета. Но изучая всѣ тѣ дополненія, какія привнесены въ этомъ послѣднемъ памятникѣ къ Повѣсти Катырева, не находимъ никакихъ слѣдовъ литературнаго творчества Гермогена. Остается, стало быть, предположить, что записи Гермогена или не дошли до насъ вовсе, или же находятся именно въ Новомъ Лѣтописцѣ, который чрезвычайно богатъ свѣдѣніями, пользовался, очевидно, офиціальными источниками и былъ въ рукахъ патр. Никона, какъ дополненіе къ Никоновой Лѣтописи [2]).

Было бы довольно легко оправдать это послѣднее предположеніе, еслибы намъ удалось отыскать въ текстѣ Новаго Лѣтописца изло-

---

[1]) „И то чюдо въ Лѣтописцѣхъ записали мы",—таковы слова патріарха (Акт. Арх. Эксп. II, № 169, стр. 290—291).

[2]) Описаніе списка Никоновой Лѣтописи, отданнаго Никономъ въ Воскресенскій монастырь,—въ П. Собр. Р. Лѣт., IX, Предисловіе, стр. VIII—IX. Мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ, чтобы установить офиціальное происхожденіе этого свода, но не можемъ не указать на слѣдующее: въ Никоновой Лѣтописи находится офиціальное повѣствованіе Іова о Житіи царя Ѳеодора; Никонова лѣтопись очень близка по составу къ Воскресенской; Никоновою лѣтописью въ XVII в. интересовались офиціально: въ 1637 году одинъ изъ ея списковъ, принадлежавшій Тр.-Сергіеву монастырю, былъ доставленъ „по государеву указу" въ Приказъ Большаго Дворца (П. Собр. Р. Лѣт., IX, Предисловіе, стр. VII—VIII). Совокупность этихъ признаковъ, вмѣстѣ съ общимъ офиціальнымъ тономъ этой лѣтописи, даетъ нѣкоторое право считать памятникъ офиціальнымъ.

женіе того факта, который хотѣлъ занести патр. Гермогенъ въ свой лѣтописецъ. Въ грамотѣ своей къ русскимъ измѣнникамъ, отъѣхавшимъ отъ царя Василія, Гермогенъ свидѣтельствуетъ, что самъ Богъ немедленно наказалъ людей, возставшихъ на законнаго государя Шуйскаго. „Преславно, Божіимъ праведнымъ судомъ", говоритъ патріархъ,—„тѣ враждотворцы сами отъ Бога въ мгновеніи ока месть восприяша и разоришася, ни отъ кого, но сами отъ себя.... И то чюдо въ Лѣтописцѣхъ записали мы", — прибавляетъ Гермогенъ [1]). Естественно было бы ожидать, что въ Новомъ Лѣтописцѣ (если онъ дѣйствительно былъ составленъ при Гермогенѣ) мы встрѣтимъ разсказъ объ этомъ чудѣ, на которое патріархъ только намекаетъ въ своей грамотѣ. Обращаясь къ тексту памятника, мы находимъ въ немъ повѣствованіе о тѣхъ событіяхъ, по поводу которыхъ составлены грамоты Гермогена: Новый Лѣтописецъ перечисляетъ нѣсколько отъѣздовъ изъ Москвы въ Тушино [2]). Но при этомъ онъ не упоминаетъ о скорой погибели измѣнниковъ и не говоритъ ни о какомъ чудѣ [3]). Такимъ образомъ мы лишены возможности подтвердить свою догадку текстомъ разбираемаго памятника. Въ немъ не оказывается того, что̀ записывалъ Гермогенъ въ своей лѣтописи.

Однако на этомъ основаніи еще нельзя заключать, что Гермогеновская лѣтопись исчезла для насъ совершенно безслѣдно. Мы можемъ только утверждать, что она не дошла до насъ въ томъ видѣ, какой имѣла при Гермогенѣ. Но легко можетъ быть, что матеріалъ, собранный Гермогеномъ для исторіи смуты, не пропалъ, а былъ сведенъ и переработанъ позднѣе, уже по смерти Гермогена. Не представляетъ ли собою Новый Лѣтописецъ именно такого свода данныхъ, офиціально собранныхъ при патріаршемъ дворѣ для исторіи смуты? Въ такую форму облекается въ концѣ концовъ вопросъ о

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. II, № 169, стр. 290, и примѣчаніе 19.

[2]) Слич. Акт. Арх. Эксп. II, № 169, и Новый Лѣтописецъ (Ник Лѣт. VIII, 101—102, 111—112, 122—123.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 136—137, 150—151, 165.—Нов. Лѣт., 95, 101—102, 107).

[3]) Правда, въ Новомъ Лѣтописцѣ есть разсказъ о необычайной, чудесной кончинѣ измѣнниковъ, просившихъ „съ лестію" патріаршаго благословенія. Но объ этомъ повѣствуется уже послѣ разсказа о сверженіи Шуйскаго; измѣнники, проклятые Гермогеномъ и погибшіе страшною смертью, были уже не тушинцы, а слуги Сигизмунда и поляковъ. Поэтому нѣтъ возможности отожествить это чудо Новаго Лѣтописца съ чудомъ Гермогеновой грамоты (Ник. Лѣт. VIII, 141—142.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 190—191.—Нов. Лѣт., 121—122).

происхожденіи Новаго Лѣтописца, и для разрѣшенія этого вопроса негдѣ искать указаній, кромѣ текста самаго памятника.

Наблюденія надъ этимъ текстомъ прежде всего приводятъ къ мысли, что Новый Лѣтописецъ не есть лѣтопись въ строгомъ смыслѣ этого слова. Его повѣствованіе представляется читателю не рядомъ разновременныхъ записей, сдѣланныхъ по годамъ, а довольно цѣльнымъ разсказомъ, составленнымъ, такъ сказать, за одинъ пріемъ. Много данныхъ говорятъ намъ, что этотъ разсказъ во всѣхъ его частяхъ былъ писанъ не въ смуту, а послѣ нея,—въ то приблизительно время, къ которому относятся послѣднія извѣстія Новаго Лѣтописца. (1630 г.). Укажемъ эти данныя. Онѣ находятся уже въ началѣ Лѣтописца, въ статьѣ о ссылкѣ Романовыхъ отъ Бориса Годунова [1]). Здѣсь Ѳедоръ Никитичъ Романовъ названъ „государемъ," а всѣ Романовы—„царскимъ послѣднимъ сродствіемъ". Понятно, что такого отношенія къ семьѣ Романовыхъ въ смуту у лѣтописца, современнаго событію, быть не могло. Статья эта написана, очевидно, тогда, когда Филаретъ Никитичъ уже сталъ „государемъ": послѣ 1619 г. и никакъ не раньше 1613 года. Послѣ 1619 года составленъ и разсказъ о Ростовскомъ плѣнѣ Филарета въ 1608 году: въ немъ Филаретъ названъ „великимъ государемъ" [2]). И далѣе, въ нѣсколькихъ статьяхъ, посвященныхъ судьбѣ Филарета въ смуту, авторъ Лѣтописца не разъ даетъ понять, что писалъ въ патріаршество Филарета, послѣ 1619 года. Такъ, говоря о отправленіи великаго посольства подъ Смоленскъ въ 1610 году, онъ замѣчаетъ о митрополитѣ Филаретѣ: „многую бѣду и скорбь въ девять лѣтъ за православную христіанскую вѣру претерпѣ" [3]). То же повторяетъ онъ, говоря о плѣненіи Филарета и пословъ: „и былъ онъ, государь, въ такихъ великихъ бѣдахъ девять лѣтъ [4]). И въ разсказѣ о взятіи Смоленска находимъ подобное же свидѣтельство, касающееся участи воеводы Шеина съ

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 42—45.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 56—61.— Нов. Лѣт., 49—51.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 103.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 139.—Иначе въ Нов. Лѣт., 96: здѣсь находимъ литературную переработку первоначальнаго разсказа.

[3]) Ник. Лѣт. VIII, 143.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 192 (здѣсь варіантъ: „десять лѣтъ").—Нов. Лѣт., 122 („до девяти лѣтъ").

[4]) Ник. Лѣт. VIII, 160.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 215.—Нов. Лѣт., 134 „велію скорбь оніи послы претерпѣша въ девять лѣтъ").—Подобный же намекъ на позднее время составленія Лѣтописца встрѣчаемъ и въ статьѣ о посылкѣ въ Литву къ плѣнному Филарету игумна Ефрема: Ник. Лѣт. VIII, 210.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 283.—Нов. Лѣт., 165.

его семьею: „быша въ полону девять лѣтъ" (1611—1619 гг.) [1]). Всѣ эти признаки ясно говорятъ, что обработка Новаго Лѣтописца завершилась не ранѣе 1619 года. Другія же данныя болѣе опредѣленно свидѣтельствуютъ, что Новый Лѣтописецъ составленъ около 1630 года: въ это время были занесены въ него не только послѣднія его извѣстія, но и показанія о событіяхъ довольно раннихъ. Такъ, помѣщая въ началѣ своего повѣствованія о времени царя Михаила разсказъ о Казанской иконѣ Божьей Матери, авторъ Новаго Лѣтописца приводитъ въ этомъ разсказѣ фактъ 7133 года—признакъ, что статья эта составлена не ранѣе 1625 года [2]). Говоря о состояніи Новгорода подъ шведскимъ владычествомъ въ 1613—1617 гг., авторъ свидѣтельствуетъ, что Хутынскій архимандритъ Кипріанъ, едва не убитый шведами, былъ впослѣдствіи Новгородскимъ митрополитомъ. Назначеніе митрополита Кипріана въ Новгородъ состоялось въ 1626 году, и, стало быть, ранѣе этого года не могли появиться замѣтки о Кипріанѣ въ Новомъ Лѣтописцѣ [3]). Наконецъ, въ разсказѣ о кометѣ 7127 (1618) года, авторъ Лѣтописца прямо указываетъ, что писалъ этотъ разсказъ въ 7138 (1630) году [4]). Такимъ образомъ рядъ указаній заставляетъ насъ считать Новый Лѣтописецъ произведеніемъ, составленнымъ и законченнымъ много лѣтъ спустя послѣ смуты, въ 1630 году.

Намъ можно возразить противъ такого вывода. Всѣ приведенныя нами хронологическія показанія могли быть внесены въ первоначальный текстъ Лѣтописца его позднѣйшимъ поправщикомъ во время Филарета, самый же Лѣтописецъ могъ по частямъ составляться и

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 163.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 219.—Нов. Лѣт., 136.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 210.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 282.—Нов. Лѣт., 165.

[3]) Ник. Лѣт. VIII, 223.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 299—300. — Нов. Лѣт., 173—174.—*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 36.—П. Собр. Р. Лѣт., III, 188.

[4]) Ник. Лѣт. VIII, 238.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 320—321.—Комета явилась въ 1618 году: „въ тое же пору пришелъ подъ Москву" королевичъ Владиславъ. По мнѣнію автора, небесное знаменіе пророчило войну въ Германіи, и междоусобія среди нѣмцевъ дѣйствительно произошли: „Бывшимъ у нихъ межъ себя войнамъ великимъ *по 138* (1630) *годъ, а впрядь объ нихъ Богу свѣдущу*, покамѣста у нихъ Богъ велитъ быти войнамъ",—говоритъ авторъ. Ясно, что онъ писалъ эту статью въ 1630 году и тогда же закончилъ свой трудъ, потому что послѣднія извѣстія Никонова списка оканчиваются именно 1630 годомъ. Въ спискѣ Новаго Лѣтописца кн. Оболенскаго (стр. 183) это мѣсто о войнахъ въ Германіи пропущено, что прямо указываетъ на позднѣйшее происхожденіе списка.

раньше, даже въ самую смуту. Однако знакомство съ содержаніемъ памятника устраняетъ такое соображеніе. Новый Лѣтописецъ отличается внутреннею цѣльностью повѣствованія. Съ одной стороны, онъ весь проникнутъ единствомъ взгляда на событія, и это единство указываетъ на трудъ одного автора. Съ другой стороны, въ Лѣтописцѣ нѣтъ и слѣда личныхъ симпатій и антипатій его составителя; авторъ очень спокойно относится ко всѣмъ лицамъ и дѣятелямъ смуты и нигдѣ не измѣняетъ разъ принятому тону. Въ этомъ мы видимъ ясный признакъ поздняго происхожденія Лѣтописца: еслибы его авторъ работалъ въ самую эпоху смуты, онъ не могъ бы съ такимъ успѣхомъ скрыть свои личныя чувства подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій. Постараемся оправдать свои предположенія текстомъ памятника.

Авторъ на все смотритъ съ религіозной точки зрѣнія. Всѣ бѣды, постигающія Русь, приписываетъ онъ Божьему гнѣву и ковнямъ діавола. И въ началѣ, и въ концѣ своего Лѣтописца многія статьи онъ начинаетъ однообразными фразами, въ родѣ такихъ: „Богу же попущающу, а врагу дѣйствующу, видя Богъ наши неправды и лукавство, наипаче жъ любви не имѣхомъ, всякіе козни наведе на насъ грѣхъ ради нашихъ: аки волны морскія, една погибаетъ, а другая воставаетъ"... или „Врагъ же искони вѣкъ не хотя видѣти добра роду христіянскому, а хотя видѣти души въ пагубѣ, вложи мысль на Москвѣ многимъ людемъ"... [1]). Этими и подобными фразами исчерпывается стремленіе автора къ прагматизму. Благочестивыя размышленія нашъ авторъ охотно вводитъ и по поводу различныхъ мелочей своего повѣствованія: такъ, о лукавомъ поступкѣ кн. В. Голицына, который при переходѣ на сторону Лжедимитрія велѣлъ себя связать, чтобы казаться не измѣнникомъ, а плѣннымъ, авторъ замѣчаетъ: „хотя у людей утаити, а у Бога не утаити ничто же". Говоря о преданности и повиновеніи русскихъ людей самозванцу, авторъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они „не восхотѣша отъ Бога приняти вѣнца страстотерпческаго". По поводу зависти Шуйскихъ къ М. В. Скопину авторъ высказываетъ такія мысли: „Видяще, кому Богъ даетъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяху;

---

[1]) Сравн. начала статей въ Ник. Лѣт. VIII, 6, 15, 20, 29, 40, 53, 54, 80 89, 111, 116, 122 и т. д.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 24, 31—32, 36, 41, 52, 57, 78, 87, 101, 105, 107) эти вступительныя фразы часто выбрасываются.

силою жъ никому у Бога не взять: всякъ бо званный отъ Бога честь воспріемлетъ; власть даетъ Богъ: кому хощетъ, тому и даетъ" [1]). Благочестивое настроеніе автора вызываетъ въ немъ сожалѣніе, что Датскій „королевичъ Еганъ", пріѣхавшій при царѣ Борисѣ на Русь, „умре не крещенъ" [2]). Преобладаніе религіознаго чувства въ авторѣ сказывается на всемъ его разсказѣ объ избраніи королевича Владислава и отправленіи къ нему посольства: авторъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на вопросѣ о вѣроисповѣданіи Владислава и даже отмѣчаетъ, что Гермогенъ избиралъ такихъ священниковъ и дьяконовъ въ посольство, „которые бъ умѣли говорити съ Латыни о православной христіянской вѣрѣ" [3]). При такомъ настроеніи писателя естественно то вниманіе, съ какимъ онъ относится къ дѣламъ церкви и духовенства: онъ нерѣдко описываетъ открытіе мощей или освященіе новой раки того или другаго святаго; онъ упоминаетъ объ установленіи новыхъ праздниковъ, о приходѣ греческихъ іерарховъ на Русь, о бѣдствіи монастырей русскихъ, о крещеніи иновѣрцевъ и т. п. [4]). Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы уяснить себѣ господствующую точку зрѣнія автора. И кто дастъ себѣ трудъ сравнить тѣ статьи Новаго Лѣтописца, какія были составлены несомнѣнно въ патріаршество Филарета, съ остальными частями памятника,—тотъ убѣдится, что авторомъ и тѣхъ, и другихъ было одно лицо. Статьи позднѣйшаго происхожденія ничѣмъ не выдѣляются отъ прочаго повѣствованія: на нихъ лежитъ печать того же строго религіознаго міровоззрѣнія. Это—первое основаніе для того, чтобы считать Новый Лѣтописецъ такимъ произведеніемъ, которое было написано послѣ смуты и однимъ лицомъ.

Другое основаніе заключается въ отношеніи автора къ описаннымъ въ Лѣтописцѣ событіямъ и лицамъ. Авторъ не безстрастенъ: къ однимъ дѣятелямъ смуты онъ относится съ рѣзкимъ осужденіемъ, къ другимъ же—съ похвалою. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія личной или партійной. Всѣ тѣ лица, которыхъ онъ осуждаетъ,—„отметники" и „измѣнники"; тѣ же, кото-

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 66, 72, 132—133.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 88, 97, 178. Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 66, 72, 114) всѣ эти мѣста выпущены.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 50.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 67.—Нов. Лѣт., 56.

[3]) Ник. Лѣт. VIII, 143.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 192—Нов. Лѣт., 122.

[4]) См., напримѣръ, Ник. Лѣт. VIII, 12, 27—28, 31, 32—33, 49, 79, 128—130, 167—168, 190, 209—210, 245.

рыхъ онъ хвалитъ,—защитники православія и русской народности. Такимъ образомъ авторъ является не представителемъ политической партіи, а выразителемъ всей православно-русской народности [1]). При этомъ самый тонъ повѣствованія автора остается спокойнымъ и не переходитъ ни въ страстное обличеніе, ни въ страстную похвалу. Уже то обстоятельство, что авторъ сумѣлъ возвыситься до такого отношенія къ событіямъ смуты, можетъ навести на мысль, что онъ писалъ по окончаніи смутной эпохи, когда тяжелые годы, пережитые русскимъ обществомъ, стали простымъ воспоминаніемъ и не будили острыхъ чувствъ въ русскихъ людяхъ. Если же мы обратимся къ частностямъ повѣствованія автора и разберемъ его отношеніе къ нѣкоторымъ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ смуту, то для насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ не стоялъ близко ни къ кому изъ дѣятелей смутной поры (кромѣ патріарха Филарета), не зависѣлъ ни отъ кого изъ нихъ, даже мало былъ знакомъ съ нѣкоторыми событіями смуты. Это — уже ясный признакъ поздняго происхожденія Лѣтописца.

Посмотримъ, напримѣръ, какъ относится авторъ къ Борису Годунову. Онъ совершенно объективно излагаетъ борьбу Годунова съ боярами при царѣ Ѳеодорѣ, обвиняетъ Бориса въ томъ, что онъ погубилъ въ этой борьбѣ много народа и „оболгалъ“ передъ царемъ митрополита Діонисія; разсказываетъ затѣмъ подробно, какъ Борисъ изыскивалъ средства умертвить царевича Димитрія, какъ онъ велѣлъ ослѣпить Симеона Бекбулатовича. Далѣе, отмѣчая, что Бориса избрали въ цари, „видяще его при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ праведное и крѣпкое правленіе къ землѣ“, авторъ свидѣтельствуетъ, что Борисъ въ первое время царствованія оправдывалъ свою репутацію, „объявляяся всѣмъ добръ“. Но вслѣдъ затѣмъ находимъ въ Лѣтописцѣ рядъ новыхъ обличеній Годунова: авторъ говоритъ о доносахъ, опалахъ и казняхъ, бывшихъ при Борисѣ, и даетъ понять, что въ успѣхахъ самозванца самъ Борисъ „слышавъ на себя гнѣвъ Божій“ [2]). При такомъ отношеніи къ Борису автора Новаго Лѣто-

[1]) Единственнымъ уклоненіемъ отъ обычной широты воззрѣнія автора является необъяснимая вражда его къ Прокопію Ляпунову. Онъ называетъ Ляпунова „льстивымъ человѣкомъ“, упрекаетъ его въ томъ, что онъ „не по своей мѣрѣ вознесся и гордость взя“ (Ник. Лѣт. VIII, 123—124, 133—134, 165 — 167. —Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 166, 178—179, 222—225.—Нов. Лѣт., 108, 118, 138).

[2] Ник. Лѣт. VIII, 7—10, 15—20, 23, 30, 36—39, 40—45, 62.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 8—13, 19—26, 30—31, 39—40, 48—52, 54—61, 83.—Нов. Лѣт., 25—27, 33—35, 38, 42, 46—48, 49—53, 64.

писца нельзя и думать, чтобы Лѣтописецъ составлялся кѣмъ-нибудь изъ приверженцевъ Годунова. Не могъ, конечно, написать такое произведеніе и патріархъ Іовъ, на котораго, какъ мы видѣли, намекалъ Татищевъ. Не могъ, наконецъ, написать его и патріаршій келейникъ Іосифъ: еслибы составителемъ Лѣтописца былъ этотъ Іосифъ, отношеніе Лѣтописца къ Іову было бы и внимательнѣе, и теплѣе, чѣмъ мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Объ Іовѣ говорится весьма мало и довольно холодно. Съ нѣкоторымъ сочувствіемъ разсказываетъ авторъ только о поведеніи Іова въ тѣ минуты, когда его свергли съ престола. Но такое отношеніе вызвано въ данномъ случаѣ не близостью къ пострадавшему патріарху, а тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ пострадалъ отъ еретика самозванца [1]). Такимъ образомъ можно высказать увѣренность, что Новый Лѣтописецъ составлялся не при Годуновѣ и не при Іовѣ. Увѣренность эта усиливается и тѣмъ, что авторъ, говоря о времени Бориса, впадаетъ въ такія противорѣчія и неточности, какихъ могъ бы избѣжать современникъ событій [2]).

Къ подобному же выводу приводитъ и разборъ отношенія автора къ лицамъ времени царя Шуйскаго. Самъ Василій Шуйскій рисуется въ Новомъ Лѣтописцѣ, какъ Богомъ вѣнчанный государь, много терпѣвшій отъ мятежниковъ и измѣнниковъ. Это привлекаетъ къ нему сочувствіе благочестиваго автора; но, сочувствуя монарху, онъ иногда не щадитъ въ Шуйскомъ человѣка. Такъ онъ не скрываетъ, что Шуйскій солгалъ царю Ѳеодору о смерти царевича Димитрія и что онъ вступилъ на престолъ не вполнѣ законно; не

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 11—12, 36, 55—56, 67—69.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 14—16, 48—49, 74—75, 90—93.—Нов. Лѣт., 29, 46—47, 58—59, 68—69.

[2]) Такъ, повѣствуя о посылкѣ царевича Димитрія въ Угличъ, авторъ заявляетъ, что съ нимъ поѣхали и убійцы его Д. Волоховъ и Н. Качаловъ. А ниже онъ говоритъ, что эти лица посланы въ Угличъ передъ самымъ убіеніемъ царевича (Ник. Лѣт. VIII, 5 и 17.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 6 и 22. — Нов. Лѣт., 21 и 33). Это грубое противорѣчіе отмѣчено между прочимъ въ статьѣ *Е. А. Бѣлова*: „О смерти царевича Димитріа“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 г., августъ, стр. 286—287). Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ, что Шуйскіе не хотѣли избранія Бориса въ цари, ибо знали „что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію: они же отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша“ (Ник. Лѣт. VIII, 36.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 48.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ, стр. 46, этого нѣтъ). А между тѣмъ извѣстно, что Шуйскіе при Борисѣ уцѣлѣли отъ „многихъ бѣдъ“.

оправдываетъ авторъ и непріязни царя Василія къ М. В. Скопину [1]). Объективно отношеніе Новаго Лѣтописца и къ патріарху Гермогену до тѣхъ поръ, пока авторъ не подходитъ къ концу царствованія Шуйскаго. О дѣятельности Гермогена при Шуйскомъ говоритъ онъ очень мало, отзывается о патріархѣ сдержанно и вообще при описаніи царствованія Шуйскаго на столько же далекъ отъ Гермогена, на сколько былъ далекъ отъ Іова при описаніи царствованія Бориса [2]). Словомъ, нѣтъ въ Лѣтописцѣ ни одной черты, которая давала бы право заключать о близости автора къ царю Василію и къ его патріарху, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что Новый Лѣтописецъ не былъ офиціальнымъ произведеніемъ времени Шуйскаго. Рядомъ съ этимъ не найдемъ мы въ Лѣтописцѣ никакихъ слѣдовъ пріязни автора къ какой-нибудь партіи времени Шуйскаго. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ статьяхъ Лѣтописца, которыя посвящены Романовымъ, и позднее происхожденіе которыхъ, какъ мы показали выше, несомнѣнно. Ихъ нельзя принимать въ расчетъ; остальныя же статьи памятника ясно показываютъ, что авторъ Новаго Лѣтописца не вынесъ изъ царствованія Шуйскаго личныхъ впечатлѣній; онъ даже не ясно представлялъ себѣ нѣкоторыя видныя событія этого времени и дѣлалъ фактическія ошибки [3]).

Иного рода признаки появляются въ изложеніи событій, послѣдовавшихъ по сверженіи царя Василія. Борьба Москвы съ иновѣр-

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 19, 75—77, 124, 131—132.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 26, 102—104, 166—167, 176—178.—Нов. Лѣт., 35, 74—76, 108—109, 113—114.

[2]) Ник. лѣт. VIII, 76—77, 95, 111, 139—140.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 103, 128, 150, 187—188.—Нов. Лѣт., 75, 90, 101 (здѣсь вставлена витіеватая рѣчь Гермогена), 119—120.

[3]) Авторъ говоритъ, что Гермогенъ вѣнчалъ Шуйскаго на царство и встрѣчалъ (уже патріархомъ) мощи цар. Димитрія въ Москвѣ (Ник. Лѣт. VIII, 76, 78.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 103, 106.—Нов. Лѣт., 75, 76). Но въ офиціальномъ чинѣ вѣнчанія царя Василія первое мѣсто занимаетъ митрополитъ Новгородскій Исидоръ (Акт. Арх. Эксп. II, № 47), а отсутствіе патріарха на встрѣчѣ мощей цар. Димитрія удостовѣряется грамотою самого Шуйскаго (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110—111). По одному показанію, Гермогенъ былъ поставленъ въ патріархи только черезъ мѣсяцъ послѣ перенесенія мощей царевича— 3-го іюля 1606 года (*Митр. Макарія* Ист. р. церкви, X, стр. 130).—Любопытна и другая неточность въ разсказѣ Новаго Лѣтописца: авторъ его говоритъ, что Шуйскій тогда только подумалъ о перенесеніи тѣла царевича въ Москву, когда узналъ, что „многіе городы измѣнили". Въ этомъ заблужденіи авторъ Лѣтописца сошелся съ авторомъ Хронографа 2-й редакціи (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 194—196).

ными врагами выдвинула на первый планъ патріарха Гермогена и людей, шедшихъ за нимъ и ему помогавшихъ. На нихъ-то и обращено главное вниманіе автора. Отношеніе его къ Гермогену замѣтно измѣняется. Вмѣсто краткихъ отзывовъ о патріархѣ мы видимъ рядъ пространныхъ главъ, посвященныхъ восхваленію дѣятельности Гермогена. Авторъ не разъ называетъ Гермогена „праведнымъ" и приписываетъ ему даже даръ пророчества: патріархъ предрекаетъ „злую смерть" нѣкоторымъ измѣнникамъ, предвѣщаетъ князю Ѳ. И. Мстиславскому скорое прекращеніе его рода [1]). Рядомъ съ Гермогеномъ какъ его лучшій и достойнѣйшій сподвижникъ, поставленъ въ Новомъ Лѣтописцѣ и митрополитъ Филаретъ Никитичъ. Съ Гермогеномъ онъ былъ связанъ обѣтомъ умереть за православіе,—и дѣйствительно, будучи въ великомъ посольствѣ, Филаретъ „подвизашеся, чтобъ пострадать за православную христіянскую вѣру, и товарыщей своихъ укрѣпляше". Въ глаза врагамъ говорилъ онъ, что „радъ страдать" за православіе, и не сдавался на ихъ увѣщанія, какъ сдавались другіе. Его твердость повела къ тому, что сами поляки удивлялись митрополиту, желали его благословенія и „начаша его почитать и честь ему воздаваху велію" въ то время, когда онъ былъ плѣннымъ въ Польшѣ [2]). Авторъ Лѣтописца могъ усвоить себѣ одинаковое отношеніе къ заслугамъ Гермогена и Филарета съ общей своей точки зрѣнія, православно-національной. Этого, конечно, нельзя отрицать; но нельзя также отрицать и нѣкоторой близости автора къ Филарету, о которомъ онъ сообщаетъ положительно больше, чѣмъ о Гермогенѣ. Переходя къ описанію царствованія Михаила, авторъ не теряетъ изъ виду плѣннаго Филарета: мы читаемъ въ Лѣтописцѣ обстоятельныя сообщенія о томъ, какъ Михаилъ Ѳедоровичъ сносился со своимъ отцомъ чрезъ довѣренныхъ людей. Изъ этихъ сообщеній особенно любопытно одно—о свиданіи Филарета съ Ѳ. Желябужскимъ [3]). Русскихъ людей не было при разговорѣ Филарета съ гонцомъ его сына. Кромѣ самихъ собесѣдниковъ и людей близкихъ къ

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 141—142, 152—153, 177.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 190—191, 204—206, 238.—Нов. Лѣт., 121—122, 128—129, 146.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 143, 148, 153—154, 160—161.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 191—192, 199, 206—207, 215—216.—Нов. Лѣт., 122, 125, 129—130, 134.

[3]) Ник Лѣт. VIII, 210—211.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 283—284.—Нов. Лѣт., 165—166 (здѣсь бесѣда Филарета съ Желябужскимъ изложена болѣе литературнымъ языкомъ,—знакъ позднѣйшей передѣлки).—О посылкѣ Желябужскаго мы уже упоминали въ одномъ изъ примѣчаній къ этой главѣ.

государевой семьѣ, никто не могъ сообщить автору свѣдѣній объ этой бесѣдѣ. А между тѣмъ какъ безыскусственно и правдиво она изложена въ Новомъ Лѣтописцѣ! При описаніи патріаршества Филарета, въ концѣ произведенія, находимъ подобныя же черты близости автора къ патріарху. Характеризуя правленіе Филарета, авторъ замѣчаетъ, что Филаретъ привелъ въ православіе многихъ иновѣрцевъ, которые „подъ началомъ всѣ быша у него, государя, на патріаршѣ дворѣ" [1]). Это частное замѣчаніе свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ внѣшними порядками патріаршаго управленія, бывшими при Филаретѣ.—Такимъ образомъ только во второй половинѣ Новаго Лѣтописца обычное безстрастіе автора исчезаетъ и замѣняется панегирическими отзывами о двухъ московскихъ патріархахъ. Кромѣ Гермогена и Филарета, авторъ со всею теплотой чувства повѣствуетъ о Мининѣ, Д. М. Пожарскомъ и вообще о дѣятеляхъ нижегородскаго движенія; но по отношенію къ нимъ нельзя уловить въ Новомъ Лѣтописцѣ такихъ частностей, которыя дали бы намъ право говорить о томъ, что Лѣтописецъ составлялся въ лагерѣ втораго ополченія. Такихъ частностей не найдемъ мы, строго говоря, и въ отношеніи автора къ Гермогену: авторъ благоговѣетъ передъ нимъ, но не близокъ къ нему. Ближе, чѣмъ къ кому бы то ни было, стоитъ онъ къ Филарету, и это даетъ намъ еще одинъ лишній поводъ утверждать, что разбираемый Лѣтописецъ есть литературное произведеніе времени патріарха Филарета.

Итакъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, изучая общіе взгляды автора рядомъ съ частностями его повѣствованія, приходимъ мы къ одному и тому же заключенію: Новый Лѣтописецъ, доходящій въ своихъ показаніяхъ до 1630 года, былъ весь составленъ около этого же года (допускаемъ, что составленіе такого крупнаго памятника продолжалось не одинъ годъ: онъ могъ быть начатъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка и только законченъ въ 1630 году). На основаніи такого заключенія можемъ мы установить и дальнѣйшую характеристику разбираемаго произведенія.

Если авторъ его работалъ надъ исторіею смуты много времени спустя послѣ ея окончанія, если онъ писалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ черезъ тридцать, даже черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ они совершились, то очевидно, что онъ писалъ не по однимъ своимъ вос-

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 245.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 329.—Нов. Лѣт., 186 (здѣсь эта живая подробность выпущена при переработкѣ первоначальнаго текста).

поминаніямъ. Никакая память не могла бы удержать съ такою отчетливостью той массы фактовъ, какую передаетъ намъ Новый Лѣтописецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у автора Лѣтописца были источники, и при томъ очень хорошіе и очень разнообразные, такіе, которые позволяли ему съ замѣчательною обстоятельностью, съ мелочною точностью описывать положеніе дѣлъ одновременно въ различныхъ частяхъ Русской земли [1]). Какого рода историческіе документы были подъ руками автора, мы можемъ догадываться съ большою вѣроятностью. Можно даже категорически утверждать, что авторъ зналъ, напримѣръ, много офиціальныхъ грамотъ и центральнаго правительства, и мѣстныхъ властей. Часто находимъ у него упоминанія о грамотахъ времени Шуйскаго: онъ говоритъ по поводу разныхъ дѣлъ, что „съ Коломны писалъ ко царю Василью воевода", или что „писалъ изъ Торжку воевода К. Чоглоковъ ко князь Михаилу Васильевичу (Скопину)", или что кн. Дм. Мих. Пожарскій „съ тою грамотою посла ко царю Василью наскоро". Очень обстоятельно излагаетъ нашъ авторъ и дипломатическую переписку со шведами и съ Новгородомъ властей нижегородскаго ополченія. Упоминаетъ онъ и о грамотахъ времени царя Михаила [2]). Рядомъ съ офиціальною перепиской, безъ сомнѣнія, были извѣстны автору и разрядныя записи.

---

[1]) За всѣ описанные въ Лѣтописцѣ годы авторъ даетъ одинаково хорошія свѣдѣнія о разныхъ мѣстностяхъ, другъ отъ друга отдаленныхъ. Сопоставимъ, напримѣръ, нѣкоторые разсказы автора о событіяхъ въ различныхъ городахъ: Новгородѣ, Владимірѣ, Смоленскѣ, Нижнемъ. Подробно разсказывая о пребываніи Скопина въ Новгородѣ, сообщая мелочныя частности его бѣгства изъ Новгорода и затѣмъ похода къ Москвѣ, авторъ съ такою же обстоятельностью рисуетъ убіеніе воеводы во Владимірѣ, послѣдовавшое въ то же, приблизительно, время. Приводя много подробностей о томъ, какъ Казань цѣловала крестъ Вору, авторъ черезъ нѣсколько страницъ обнаруживаетъ весьма близкое знакомство съ тѣми обстоятельствами, какія помогли Сигизмунду овладѣть Смоленскомъ. И въ описаніи первыхъ минутъ нижегородскаго движенія авторъ выступаетъ съ такимъ же знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ: онъ даже помнитъ, что „первое пріидоша Коломничи" на помощь Нижнему (Ник. Лѣт. VIII, 106—109, 118—121; 114, 150, 162—163, 174—178.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 143—147, 158—162; 153—154, 201—202, 218—219, 234—240.—Нов. Лѣт., 97—100, 105—107; 103, 127, 136, 144 и далѣе; замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ изводѣ Лѣтописца свѣжесть извѣстій значительно уже пострадала отъ литературной переработки). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что авторъ не могъ самъ видѣть всѣхъ сопоставленныхъ нами событій: не могъ онъ быть въ одно время въ Новгородѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и подъ Смоленскомъ.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 105—106, 119, 133; 181, 184; 230, 233.

Начиная со времени царя Θеодора Ивановича, почти на каждой страницѣ онъ даетъ рядъ извѣстій о служебныхъ назначеніяхъ, о придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, о царскихъ походахъ и т. п. Нѣтъ нужды приводить примѣры подобныхъ показаній: на столько они многочисленны и опредѣленны по своему, такъ сказать, разрядному характеру. Если даже и вѣрно то извѣстіе, что офиціальные разряды не были писаны за 7113—7121 (1605—1613) годы [1]), то разряды частные, безъ сомнѣнія, существовали и за это время (примѣръ—разрядная книга, носящая названіе Хронографа Столяра). Кромѣ того, въ московскихъ приказахъ не исчезалъ, конечно, и въ смуту тотъ матеріалъ, на основаніи котораго составлялись обыкновенно разряды. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что авторъ Новаго Лѣтописца могъ заимствовать свои данныя изъ подобнаго матеріала, офиціальнаго или частнаго. Помимо офиціальныхъ документовъ, авторъ зналъ и литературу своего времени. Въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего его знакомство съ лѣтописью: онъ, напримѣръ, знаетъ обстоятельства смерти Андрея Боголюбскаго и сравниваетъ предателя Романовыхъ Втораго Бартенева съ убійцею Андрея, Якимомъ Кучковичемъ [2]). Пользуясь древними памятниками съ цѣлями литературнаго украшенія своего разсказа, составитель Лѣтописца изъ современныхъ ему произведеній заимствовалъ иногда и факты. Такъ онъ зналъ разобранную нами выше Повѣсть нижегородца Григорія о чудесномъ видѣніи 1611 года и далъ довольно подробный отчетъ о ея содержаніи [3]). Какъ ни малочисленны и какъ ни проблематичны эти указанія на источники Новаго Лѣтописца, тѣмъ не менѣе ихъ совершенно достаточно для того, чтобъ утверждать, что авторъ Новаго Лѣтописца имѣлъ у себя нѣкоторыя пособія, а не записывалъ одни только личныя впечатлѣнія.

Это обстоятельство не лишено значенія для общей характеристики разбираемаго памятника. Если мы признаемъ, что Новый Лѣтописецъ есть произведеніе, основанное на источникахъ, то должны, конечно, признать нѣкоторую зависимость автора отъ его источниковъ, и со стороны фактической точности показаній, и со стороны литературной. Только этою зависимостью можемъ мы объяснить, во-

---

[1]) *Русск. Ист. Сборникъ* подъ ред. *Погодина*, II, стр. XVI—XVII.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 42.

[3]) Повѣсть о видѣніи Григорія разсмотрѣна нами во II главѣ.—Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 143.

первыхъ, нѣкоторыя противорѣчія автора, а вовторыхъ, двойственность его литературныхъ пріемовъ. Наконецъ характеръ источниковъ Лѣтописца преимущественно офиціальный, позволяетъ догадываться съ бóльшею или меньшею вѣроятностью, что разбираемое произведеніе создалось въ средѣ офиціальной.

Что касается до противорѣчій въ повѣствованіи Новаго Лѣтописца, то мы не задаемся цѣлью указать ихъ всѣ. Для характеристики ихъ мы позволимъ себѣ остановиться на такомъ рѣзкомъ примѣрѣ: разсказывая объ установленіи празднества иконѣ Казанской Божіей Матери при царѣ Михаилѣ, авторъ даетъ перечисленіе чудесъ отъ иконы, бывшихъ въ смуту. Въ числѣ ихъ онъ помѣщаетъ и взятіе у поляковъ Новодѣвичьяго монастыря: „ею помощію подъ Москвою взяли Новой дѣвичей монастырь у Литовскихъ людей". Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду, что объ иконѣ и о взятіи монастыря онъ уже повѣствовалъ раньше, и повѣствовалъ въ совершенно иномъ тонѣ [1]). Раньше онъ заявилъ, что подъ Москву былъ принесенъ „списокъ съ Казанскія иконы"; позже заявляетъ, что былъ принесенъ подлинный образъ, который затѣмъ былъ отправленъ въ Ярославль, а въ Казань возвращенъ списокъ, сдѣланный въ Ярославлѣ. Сверхъ того, въ первомъ разсказѣ нѣтъ ничего о чудесной помощи иконы при взятіи Новодѣвичьяго монастыря, и самое взятіе описывается съ полнымъ несочувствіемъ къ казачеству, взявшему монастырь. Получается, такимъ образомъ, полное противорѣчіе и въ тонѣ, и въ содержаніи двухъ повѣствованій: одно и то же событіе возбуждаетъ въ авторѣ раньше чувство нѣкотораго неодобренія, позже—чувство благоговѣнія. Очевидно, что эта разница отношенія къ одному и тому же факту существовала въ различныхъ источникахъ, которыми въ данномъ случаѣ воспользовался авторъ. Такое же подчиненіе разнообразнымъ источникамъ сказывается и въ отношеніи нашего автора къ бывшему при самозванцѣ патріарху Игнатію. Какъ и всѣ прочіе писатели, онъ считаетъ его еретикомъ и говоритъ, что онъ „пришелъ къ Москвѣ при царѣ Ѳедорѣ; царь же Борисъ не позна въ немъ, окаяннемъ, ерести, посла его на Рязань". Но раньше и самъ авторъ какъ будто впалъ въ одинаковую ошибку съ Борисомъ и свидѣтельствовалъ, что когда греческое духовенство приходило на Русь „въ утвержденіе вѣры" при царѣ Ѳеодорѣ Іоан-

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 209—210 и 167—168.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 281—282 и 225—226.—Нов. Лѣт., 164—165 и 139—140.

новичѣ, то многіе греки на Руси „видяху православную христіянскую, истинную, непорочную вѣру и осташась на Москвѣ, туто жь остася Кипрскій архіепископъ Игнатей" [1]). Читатель въ правѣ думать, что Игнатій, пришедшій вмѣстѣ съ прочими для „утвержденія вѣры", остался именно потому, что убѣдился въ правовѣріи Москвы. Очевидно, что это объективное извѣстіе объ Игнатіи, которое замѣняется потомъ обвиненіемъ его въ ереси, попало въ Новый Лѣтописецъ изъ какого-нибудь источника времени царя Ѳеодора, и авторъ Лѣтописца не привелъ своего перваго показанія въ соотвѣтствіе съ дальнѣйшимъ разсказомъ.

Рядомъ съ внутренними противорѣчіями въ Лѣтописцѣ бросается въ глаза и отсутствіе внѣшней литературной обработки повѣствованія. Авторъ вообще не заботился о своемъ слогѣ. Между статьями. составленными по правиламъ тогдашняго витійства, помѣщалъ онъ простыя лѣтописныя отмѣтки о разныхъ фактахъ, иногда вовсе не замѣчательныхъ исторически. Такъ, почти рядомъ съ обширными статьями о доносахъ при Борисѣ и о ссылкѣ Романовыхъ, авторъ помѣстилъ такое, напримѣръ, извѣстіе: „тое же зимы въ великій постъ (1599 г.) ходилъ царь Борисъ съ сыномъ своимъ съ царевичемъ Ѳедоромъ на Волокъ на Ламской въ Осиѳовъ монастырь молитися" [2]). Офиціально-спокойный и безыскусственный тонъ этой и многихъ подобныхъ ей замѣтокъ о царѣ Борисѣ совершенно расходится съ литературно обработаннымъ слогомъ статей о жестокостяхъ Бориса. Такая двойственность внѣшняго литературнаго пріема свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что авторъ Лѣтописца зависѣлъ отъ своихъ источниковъ не только въ выборѣ и освѣщеніи фактовъ, но и въ литературномъ отношеніи. Тамъ, гдѣ его источники говорили простымъ языкомъ, и онъ выражался просто. И напротивъ, онъ стремился облечь свое повѣствованіе въ торжественныя фразы и придать ему литературную цѣльность и законченность въ томъ случаѣ, если сообщаемый фактъ казался автору особенно важнымъ. Просматривая Новый Лѣтописецъ, мы легко можемъ отмѣтить въ немъ нѣсколько такихъ статей, которыя рѣзко выдѣляются изъ прочаго повѣствованія своею литературною отдѣланностью и законченностью. Часто эти

---

[1]) Ник. Лѣт., VIII, 31—32 и 71.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 42 и 95.—Нов. Лѣт., 43 и 70—71.—Выше мы имѣли случай указать и еще одно грубое противорѣчіе Лѣтописца—о времени отправленія въ Угличъ Битяговскихъ и Качалова.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 39 и 40—45.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 52 и 54—61.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго это извѣстіе выпущено.

статьи имѣютъ всѣ признаки отдѣльныхъ сказаній: при нихъ находимъ особыя предисловія и заключенія, въ нихъ авторъ нарушаетъ общую послѣдовательность изложенія, возвращается ко времени ранѣе описанному и забѣгаетъ впередъ за цѣлые годы [1]). Сопоставленіе этихъ сказаній съ массой простыхъ и краткихъ фактическихъ извѣстій, среди которыхъ они находятся, даетъ намъ право раздѣлить статьи Новаго Лѣтописца на два ясно-очерченныхъ типа повѣствованій: на повѣствованія литературно-обработанныя и на записи лѣтописнаго характера. Между тѣми и другими очень часто нѣтъ никакой литературной связи. Поэтому Новый Лѣтописецъ можетъ быть названъ сводомъ разнохарактернаго литературно-историческаго матеріала.

Давая такое опредѣленіе разбираемому памятнику, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя возможности точно опредѣлить его историческую цѣнность. Если Новый Лѣтописецъ не имѣетъ однороднаго состава,

[1]) Попробуемъ перечислить статьи Новаго Лѣтописца, болѣе или менѣе близкія къ типу отдѣльныхъ сказаній (при названіи статей указываемъ страницы Никонова списка): 1) „О смерти царевича Малатъ-Кирея" (13—15); 2) „О убіеніи царевича Димитрія" (15—20); 3) „О приходѣ царя Крымского подъ Москву и о пророчествѣ царя Θедора" (20—22); 4) „О преставленіи царя Θедора" (33—35); 5) „О доводѣхъ холопьихъ на бояръ" и „О Θедорѣ Никитичѣ съ братьею" (40—45); 6) О королевичѣ Яганѣ (49—50); 7) „О посылкѣ и о побоѣ въ Таркахъ" (51—53); 8) „О настоящей бѣдѣ Московскому государству, о Гришкѣ Отрепьевѣ" (54—55—59); 9) „О ворѣ Стародубскомъ" (89—91); 10) „О градѣ Ростовѣ и о крѣпкостоятельствѣ митр. Филарета" (103—105); 11) „О осадѣ Троицкого монастыря" (128—130; здѣсь помѣщены такія чудеса преп. Сергія, о которыхъ Авр. Палицынъ или не говоритъ, или говоритъ иначе: слич. его Сказаніе, изд. 2-е, стр. 88—89, 93—94, 102—104, 157—158, 185—190); 12) „О взятіи Пафнутьева монастыря" (136—137); 13) „О разореніи Московскаго государства" (156—158); 14) „О взятіи Смоленскомъ" (162—163; это сказаніе едва ли не составлено по показаніямъ Юрія Потемкина: см. стр. 163); 15) „О приговорѣ всей земли и убіеніе Пр. Ляпунова" (стр. 165—167; и здѣсь играетъ роль тотъ же Потемкинъ: см. стр. 167); 16) „О посту" (172—173); 17) О нижегородскомъ движеніи (174—177); 18) „О умышленіи Заруцкаго" (185—186); 19) О пребываніи нижегородскаго ополченія въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ (189—191); 20) „Объ избраніи царя Михаила" (201—203); 21) „О походѣ подъ Москву иконы преч. Богородицы Казанскія" (209—210); 22) „О воровствѣ и о побоѣ на казаковъ и на черкасъ" (214—216); 23) „О принесеніи срачицы Господни" (248—250).—Предлагая этотъ перечень, мы не думаемъ, что онъ полонъ и безошибоченъ. Дальнѣйшія изслѣдованія текста Новаго Лѣтописца, быть можетъ, укажутъ точнѣе на его источники и въ связи съ этимъ вѣрнѣе опредѣлятъ характеръ его составныхъ частей.

то трудно допустить, чтобы всѣ его показанія были одинаково точны, вѣрны и цѣнны. Въ Лѣтописцѣ, рядомъ съ драгоцѣнною записью современника, можетъ стоять позднѣйшее литературное воспроизведеніе какого-нибудь событія (слѣды такихъ позднѣйшихъ литературныхъ упражненій автора были указаны нами выше). Кто же можетъ поручиться, что поздняя редакція разсказа не исказила подробностей какого-нибудь факта, не внесла въ него чертъ легендарныхъ?

Если тѣ показанія Новаго Лѣтописца, которыя мы назвали записями лѣтописнаго характера, дышатъ часто наивною правдивостью, отличаются полною достовѣрностью и нерѣдко удивительною точностью показаній [1]), то разсказы, облеченные въ литературную форму, не всегда заслуживаютъ такого отзыва. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Стоитъ, напримѣръ, сравнить уже упомянутую нами статью Новаго Лѣтописца „О посту", въ которой разсказано нижегородское видѣніе, съ ея оригиналомъ—подлиннымъ повѣствованіемъ о видѣніи нижегородца Григорія,—и мы увидимъ, что авторъ Лѣтописца и неполно, и неточно передалъ содержаніе оригинала [2]). Въ прочихъ случаяхъ подобное сравненіе Лѣтописца съ его источниками не возможно, однако найдутся основанія для того, чтобы заподозрить и нѣкоторые другіе литературно обработанные разсказы его текста. Мы уже видѣли, что иногда самъ авторъ допускалъ разногласія и самъ себѣ противорѣчилъ при повтореніяхъ своихъ извѣстій. Про-

[1]) Нѣтъ возможности исчислить всѣ тѣ извѣстія Лѣтописца, въ которыхъ видны правдивыя впечатлѣнія не только современника, но и очевидца событій. Они встрѣчаются почти на каждой страницѣ памятника. Для характеристики ихъ приведемъ немногіе примѣры: Описывая бурю, бывшую въ Москвѣ въ 1595 году, авторъ замѣчаетъ, что „въ Кремлѣ городѣ у Бориса Годунова съ воротъ верхъ сломило". Въ замѣткѣ объ одной изъ послѣднихъ битвъ съ тушинцами подъ Москвой авторъ говоритъ, что враги „древяной городъ зажгоша" въ Москвѣ, и что выгорѣло стѣны „сажень съ сорокъ". Въ разсказѣ о притѣсненіяхъ Гермогену въ Москвѣ авторъ мимоходомъ замѣчаетъ о полякахъ: „въ то бо время бысть у нихъ костелъ на старомъ царя Борисовѣ дворѣ въ полатѣ". Въ повѣствованіи о приходѣ втораго ополченія подъ Москву находимъ указаніе даже на то, гдѣ именно Пожарскій устроилъ свой первый ночлегъ подъ Москвою: „сташа на Яузѣ за пять верстъ . . . и нача туто на Яузѣ ночевати, а не пошелъ (то-есть, къ самой Москвѣ) для того, что пришли поздно" (въ спискѣ кн. Оболенскаго это извѣстіе уже испорчено).—Ник. Лѣт. VIII, 28—29, 125—126, 155—156, 190—191.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 38, 168—169, 209, 256—257.—Нов. Лѣт., 41, 109—110, 131, 153—154.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 143.—Подлинное сказаніе Григорія разсмотрѣно нами въ концѣ II главы.

стыми замѣтками о взятіи Новодѣвичьяго монастыря онъ заставляетъ насъ убѣдиться въ неполнотѣ своего же сказанія о Казанской иконѣ. Замѣткою о томъ, что Битяговскіе и Качаловъ отправлены были въ Угличъ одновременно съ Нагими, онъ самъ подрываетъ весь свой разсказъ о томъ, какъ Борисъ долго не могъ отыскать злодѣевъ, готовыхъ убить царевича, какъ онъ, наконецъ, отыскалъ Битяговскаго и послалъ его въ Угличъ уже тогда, когда царевичъ давно жилъ тамъ. Такимъ образомъ неосмотрительность самого автора помогаетъ намъ убѣдиться въ неправотѣ нѣкоторыхъ его показаній. Подробная критическая оцѣнка извѣстій Новаго Лѣтописца найдетъ, безъ сомнѣнія, и другіе пути для того, чтобы выдѣлить въ немъ достовѣрные факты отъ легендъ. Одну такую попытку критическаго изученія статей разбираемаго памятника представилъ уже Е. А. Бѣловъ, заподозрившій достовѣрность того сказанія о смерти царевича Димитрія, которое мы находимъ въ Новомъ Лѣтописцѣ [1]). Къ замѣчаніямъ г. Бѣлова, сводящимъ на степень простой легенды разсказъ Лѣтописца о смерти царевича, мы относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Въ дополненіе къ нимъ можемъ сказать, что этотъ разсказъ представляется намъ позднѣйшимъ произведеніемъ, принадлежащимъ перу самого автора Лѣтописца, который, какъ мы видѣли, писалъ около 1630 года [2]). Нельзя допустить, чтобы онъ былъ очевидцемъ собы-

---

[1]) *Е. А. Бѣлова* „О смерти царевича Димитрія“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 годъ, августъ, стр. 281—294.—Ник. Лѣт. VIII, 15—20.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 19—26.—Нов. Лѣт., 31—35.

[2]) Въ томъ, что разсказъ о смерти царевича не есть запись очевидца или современника событія, убѣждаетъ насъ слѣдующее его мѣсто: авторъ говоритъ, что Богъ хранилъ царевича отъ яда, „хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити всему міру“. Это—ясный признакъ, что сказаніе составлено послѣ канонизаціи Димитрія въ 1606 году. Мнѣніе же наше о томъ, что это сказаніе принадлежитъ самому составителю Новаго Лѣтописца, а не просто имъ списано съ какого-нибудь другаго памятника, мы основываемъ на слѣдующемъ: вопервыхъ, вступленіе въ разсказъ о смерти царевича совершенно соотвѣтствуетъ обычному тону тѣхъ благочестивыхъ вступленій, которыми авторъ, какъ мы уже говорили, начинаетъ многія главы своего Лѣтописца; и вообще языкъ этого разсказа ничѣмъ не отличается отъ языка всего Лѣтописца. Вовторыхъ, въ сказаніи мы можемъ отмѣтить слѣды любопытнаго повѣрья: авторъ думаетъ, что кровь убитаго царевича не допустила бѣгства преступниковъ и они невольно возвратились на мѣсто преступленія, съ котораго сначала убѣжали. „Кровь же праведнаго вопіяше къ Богу, не попусти ихъ, они же окаяніи возвратишася назадъ“,—говорится въ сказаніи. Такое повѣрье принадлежитъ именно автору Лѣтописца: онъ высказываетъ его и въ другомъ мѣстѣ, когда повѣствуетъ о по-

тія: слишкомъ много лѣтъ прошло между фактомъ и его описаніемъ. Очевидно, что у автора должны были быть какіе-нибудь источники. Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами раннихъ произведеніяхъ о смутѣ мы находили лишь краткія замѣтки о убіеніи Димитрія. Можно думать, что подробныхъ описаній угличскаго происшествія и не существовало до перенесенія въ Москву мощей царевича, потому что самое раннее Житіе царевича, какъ мы уже видѣли, было составлено только въ 1607 году, при чемъ заимствовало свое краткое фактическое содержаніе изъ Повѣсти 1606 года [1]). При такихъ условіяхъ необходимо допустить, что, если авторъ Новаго Лѣтописца пользовался чужими показаніями при описаніи смерти царевича, то эти показанія онъ почерпнулъ или въ не дошедшихъ до насъ литературныхъ произведеніяхъ, составленныхъ не ранѣе времени Шуйскаго (1606—1607 гг.), или въ тѣхъ устныхъ преданіяхъ, какія существовали во время составленія Лѣтописца. Если же настаивать на раннемъ происхожденіи источниковъ нашего автора, то всего естественнѣе предположить, что онъ воспользовался фактическими данными извѣстнаго слѣдственнаго дѣла о смерти Димитрія и перемѣшалъ ихъ съ позднѣйшими легендами [2]). Почти къ такому выводу при-

---

кушеніи казака Степана на жизнь Пожарскаго. Убійца ранилъ не князя, а стоявшаго подлѣ казака и не убѣжалъ: „злодѣя Стеньку не попускаше кровь, тутъ же стоящу ему" (Ник. Лѣт. VIII, 18 и 186). Втретьихъ, наконецъ, въ разсказѣ о смерти царевича выражается симпатія къ Гр. В. Годунову. И нѣсколькими страницами ниже, въ другой главѣ Лѣтописца, видимъ опять благосклонное отношеніе къ тому же лицу и увѣреніе, что Гр. Годуновъ былъ близокъ къ царю Өеодору (Ник. Лѣт. VIII, 16 и 21).

[1]) См. первую главу нашего труда, гдѣ разсмотрѣна нами первая редакція Житія цар. Димитрія, внесенная въ Минея Тулупова.

[2]) Полною легендарностью отличается разсказъ Лѣтописца объ участіи и поведеніи Гр. Годунова во всемъ этомъ дѣлѣ объ убіеніи царевича: Григорій Годуновъ знаетъ умыселъ, сокрушается и молчитъ, тогда какъ по своей близости къ государю, о которой свидѣтельствуетъ самъ Лѣтописецъ, онъ могъ бы предупредить злодѣйство. Мало вѣроятно и молчаніе Загряжскаго съ Чепчуговымъ. Несомнѣнны также легендарныя свойства преданія о томъ, что убійцы успѣли убѣжать за двѣнадцать верстъ, но вернулись сами собою для того, чтобы понести наказаніе. Тѣмъ же эпическимъ числомъ двѣнадцать исчислены и всѣ убитые „совѣтники" злодѣйства. Словомъ, легендарно-поэтическій отпечатокъ лежитъ на всемъ сказаніи. Въ немъ можно даже различить слѣды легендъ болѣе раннихъ отъ слѣдовъ легендъ болѣе позднихъ. Преданіе о ядѣ, не подѣйствовавшемъ на царевича, было создано еще въ Повѣсти 1606 года; слухъ о злодѣйской близости Клешнина къ Борису ходилъ еще въ 1608 году (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVI, стр. 4.—*Бутурлина* Ист. смутн. времени, II,

ходитъ и А. Е. Бѣловъ, считая разсказъ Лѣтописца воспроизведеніемъ народныхъ толковъ и догадокъ, соображеній самого сказателя и искаженныхъ отрывковъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Какъ бы то ни было, къ тѣмъ частямъ Новаго Лѣтописца, которыя носятъ на себѣ слѣды литературной работы самого автора, нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ приведенные примѣры неточностей, противорѣчій и разногласій въ текстѣ Лѣтописца. Вотъ почему нѣтъ возможности дать одну общую характеристику достовѣрности этого памятника. Въ то время, когда однѣ его части служатъ прекраснымъ источникомъ для историка, въ другихъ его показаніяхъ ясно выступаютъ на видъ искусственность и легендарность повѣствованія, сами себя обличающія, благодаря тому, что авторъ не былъ въ силахъ слить разнохарактерныя части своего свода въ цѣльное литературное произведеніе.

Сведемъ теперь результаты нашихъ наблюденій надъ текстомъ Новаго Лѣтописца. Къ изученію этого текста мы приступили съ вопросомъ: не есть ли Новый Лѣтописецъ офиціальный сводъ данныхъ, собранныхъ для исторіи смуты при патріаршемъ дворѣ? Прежде всего мы замѣтили, что Новый Лѣтописецъ нельзя считать лѣтописью, слагавшеюся постепенно, трудомъ нѣсколькихъ лицъ. По всѣмъ признакамъ онъ былъ обработанъ съ начала до конца въ патріаршество Филарета, около 1630 года, и притомъ однимъ лицомъ. Авторомъ его былъ человѣкъ, проникнутый религіознымъ чувствомъ и обсуждавшій событія исключительно съ религіозно-національной точки зрѣнія безъ личныхъ симпатій и антипатій. Въ немъ незамѣтно близости ни къ какому дѣятелю смутной эпохи, кромѣ патріарха Филарета, о которомъ авторъ знаетъ даже такія подробности, какъ его частная бесѣда съ Желябужскимъ. Въ повѣствованіи своемъ авторъ Лѣтописца руководился разнообразными источниками, между прочимъ и офиціальными документами. Зависимость его отъ источниковъ была такъ велика, что вводила его въ противорѣчія съ самимъ собою и не позволила ему выработать цѣльный, однообразный

Приложенія, стр. 49). Напротивъ, сказочное повѣствованіе о томъ, какъ В. Шуйскій плакалъ надъ тѣломъ царевича, молчалъ во время слѣдствія, ни съ кѣмъ „не можаше проглаголати", а потомъ сдѣлалъ ложное донесеніе царю,—это повѣствованіе могло появиться только по сверженіи Шуйскаго, когда его темное участіе въ этомъ дѣлѣ могло излагаться открыто и свободно. Повѣсть 1606 года молчитъ объ этомъ участіи, и въ первый разъ обличеніе двуличнаго поведенія Шуйскаго находимъ только въ Временникѣ Тимоѳеева.

литературный пріемъ. Тамъ, гдѣ онъ передавалъ свои источники не въ собственной обработкѣ, онъ сохранилъ намъ драгоцѣнныя записи, современныя событіямъ. Тамъ же, гдѣ онъ подвергалъ источники литературной передѣлкѣ, онъ не всегда умѣлъ воздержаться отъ неточностей, не всегда умѣлъ различать легенду отъ факта.

Нужно сознаться, что эти данныя не рѣшаютъ категорически вопроса о происхожденіи памятника. Обиліе въ немъ данныхъ офиціальнаго характера даетъ полное основаніе предполагать, что Новый Лѣтописецъ вышелъ изъ офиціальныхъ круговъ московскаго общества. Трудно себѣ представить, чтобы какое нибудь частное лицо могло собрать такой богатый матеріалъ, касающійся притомъ всѣхъ частей Русской земли, какимъ располагалъ авторъ Лѣтописца. Чтобы описать смуту такъ подробно, какъ описалъ онъ, нужно было пользоваться центральными правительственными архивами,—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Каково же было общественное положеніе автора: былъ ли онъ самъ лицомъ офиціальнымъ? былъ ли онъ патріаршимъ лѣтописцемъ? На эти вопросы нельзя дать точнаго отвѣта. Текстъ памятника говоритъ намъ, что авторомъ его не могъ быть ни Іовъ, ни его келейникъ Іосифъ, ни патріархъ Гермогенъ. Но тотъ же самый текстъ указываетъ на близость автора къ Филарету; религіозное міросозерцаніе автора обличаетъ въ немъ лицо духовное. Подобныя обстоятельства нисколько не противорѣчатъ тому предположенію, что Лѣтописецъ могъ быть составленъ при дворѣ Филарета,—и это очень важно. Если приведенныя нами выше указанія на лѣтописную дѣятельность московскихъ патріарховъ заслуживаютъ довѣрія и если искать въ письменности XVII вѣка патріаршую лѣтопись о событіяхъ XVI—XVII вѣковъ, то прежде всего придется указать на Новый Лѣтописецъ, потому что никакой другой историческій памятникъ, намъ извѣстный, не можетъ претендовать на подобное значеніе. Новый же Лѣтописецъ легко могъ быть написанъ какимъ-нибудь священникомъ или монахомъ изъ патріаршаго штата. Онъ и сохранился до насъ въ первоначальномъ видѣ именно въ патріаршемъ спискѣ лѣтописи.

Новымъ Лѣтописцемъ завершается рядъ наиболѣе замѣтныхъ литературныхъ произведеній о смутѣ, составленныхъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ современниками и очевидцами смутной эпохи. Отъ обозрѣнія этого Лѣтописца мы могли бы перейдти къ перечню болѣе мелкихъ и позднѣйшихъ произведеній о смутѣ, еслибы не считали себя обязанными дать нѣсколько замѣчаній о томъ любопытномъ па-

мятникѣ письменности XVII вѣка, который до сихъ поръ зачислялся въ ряды литературныхъ произведеній лишь по недоразумѣнію. Разумѣемъ такъ-называемый Столяровъ хронографъ, принадлежавшій Карамзину и отъ него получившій свое названіе [1]). Изъ обстоятельнаго описанія этого хронографа, даннаго А. Н. Поповымъ, узнаемъ, что по составу своему онъ представляетъ сборникъ различныхъ историческихъ повѣствованій, ничѣмъ не связанныхъ между собою [2]). Многія части этого сборника общеизвѣстны и мало любопытны. Но среди нихъ находится повѣствованіе о событіяхъ 1604—1644 годовъ, къ которому Карамзинъ и Поповъ отнеслись съ большимъ вниманіемъ. Карамзинъ нерѣдко пользовался его данными при обработкѣ XII тома своей Исторіи, а Поповъ, признавая это повѣствованіе частью „какого-то неизвѣстнаго лѣтописнаго сочиненія", оригинальнаго и самобытнаго, издалъ его цѣликомъ [3]). Это же самое сочиненіе, какъ можно думать, было извѣстно и П. И. Мельникову подъ именемъ Лобковскаго хронографа [4]). Всѣ названные изслѣдователи считали разбираемое повѣствованіе памятникомъ литературнаго творчества и называли его „хронографомъ". Истинный же характеръ произведенія опредѣленъ былъ А. И. Маркевичемъ который видѣлъ въ немъ довольно полную разрядную книгу частнаго происхожденія [5]).

Знакомясь съ содержаніемъ памятника, мы убѣждаемся въ пол-

---

[1]) *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, прим. 46.

[2]) *А. Н. Попова* Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 252—256. Въ основу сборника положена первая редакція Хронографа, дополненная извѣстіями Хронографа 1617 года, Новаго Лѣтописца и другихъ произведеній XVII в. Сборникъ подписанъ рукою владѣльца „Спасскаго игумена Корнилія, что въ Арзамасѣ". Корнилій былъ игуменомъ Спасскаго Арзамасскаго монастыря въ 1646—1661 годахъ (*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 616). Къ этимъ годамъ и должно относить составленіе сборника, хотя онъ и дополнялся позднѣйшими замѣтками до 1668 года.

[3]) Изборникъ, стр. 321—379.

[4]) *П. И. Мельникова* „Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени" и т. д. въ *Москвитянинѣ* за 1850 годъ, № 21, ноябрь, кн. I, стр. 1—12.—Мельниковъ, излагая данныя о смутѣ, найденныя имъ въ хронографѣ А. И. Лобкова, замѣтилъ, что этотъ хронографъ „цѣлыми страницами схожъ" съ хронографомъ Столяра (*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, пр. 100, 116, 117, 132, 133, 134 и др.). Дѣйствительно, сличая данныя Мельникова съ текстомъ Столярова хронографа въ Изборникѣ, убѣждаемся въ полномъ тожествѣ текстовъ. Къ сожалѣнію, въ статьѣ Мельникова нѣтъ обстоятельнаго описанія Лобковской рукописи.

[5]) *А. И. Маркевича* О мѣстничествѣ. Ч. I, Кіевъ. 1879, стр. 755—756.

ной справедливости такого опредѣленія. Повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа есть дѣйствительно разрядная книга. Это видно, вопервыхъ, уже изъ того, что нѣкоторыя ея показанія слово въ слово были приводимы Карамзинымъ прямо изъ разрядныхъ книгъ, раньше, чѣмъ ему сдѣлался извѣстенъ хронографъ Столяра [1]). А вовторыхъ, повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа всѣмъ строемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что цѣлью его автора было не изложить исторію смуты, а собрать возможно большее число дѣловыхъ, иногда очень мелкихъ замѣтокъ о разнаго рода назначеніяхъ, мѣстническихъ случаяхъ и замѣчательныхъ событіяхъ въ сферѣ служебной. Поэтому авторъ обходитъ въ своемъ изложеніи многія выдающіяся событія смуты. Такъ, у него почти вовсе нѣтъ свѣдѣній о похожденіяхъ Отрепьева; очень кратко говорится и о самомъ царствованіи самозванца; но при этомъ весьма подробны записи о назначеніи воеводъ противъ Лжедимитрія при царяхъ Борисѣ и Ѳедорѣ Борисовичѣ, не забыта также и та частность, что самозванецъ „въ 114 году... велѣлъ всѣ городы верстати помѣстными оклады и денежными оклады" [2]). О перенесеніи мощей царевича Димитрія въ Москву не говорится вовсе; но съ большимъ стараніемъ отмѣчается, что во время похода царя Василія на Тулу, „Разрядъ былъ весь съ царемъ Васильемъ", и что Иванъ Кровковъ, обѣщавшій затопить Тулу, обратился съ своимъ предложеніемъ именно въ этотъ Разрядъ: „въ государевѣ Разрядѣ дьякомъ подалъ челобитную". Точно также о существованіи Разрядной избы и другихъ приказовъ въ подмосковныхъ земскихъ ополченіяхъ говорится не одинъ разъ, а о началѣ нижегородскаго ополченія находимъ разсказъ далеко не полный и притомъ односторонній. И здѣсь авторъ все свое вниманіе обращаетъ на внѣшнюю организацію дѣла, на то, какъ устроены были служилые люди, пришедшіе служить нижегородцамъ, и какое денежное жалованье они получали отъ Пожарскаго и Минина [3]). Такимъ образомъ авторъ является въ своемъ повѣствованіи не историкомъ, желающимъ послѣдовательно изобразить крупнѣйшія событія прошлаго, а служилымъ человѣкомъ, ведущимъ разрядную лѣтопись, въ которую онъ заносилъ съ одинаковымъ вниманіемъ и служебныя

[1]) См. выписки изъ Разрядныхъ книгъ въ Ист. Гос. Росс., XI, прим. 285 (Изборникъ, ст. 326—327), прим. 304 (Изб., 327), прим. 311 (Изб., 327).

[2]) Изборникъ, стр. 323—329.

[3]) Изборникъ, стр. 335, 337, 351—352, 353.

мелочи, и великія историческія событія. Если же обратимъ внимание на полное отсутствіе въ повѣствованіи всякой риторики, даже всякой попытки къ построенію стройнаго литературнаго изложенія (разсказъ ведется погодно и не всегда послѣдовательно), то убѣдимся въ томъ, что имѣемъ дѣло не съ литературнымъ сказаніемъ, а съ разрядною книгой.

Опредѣлить точно происхожденіе этой разрядной книги намъ кажется невозможнымъ. Официальные разряды въ смуту не велись [1]), поэтому повѣствованіе Столярова хронографа должно считать произведеніемъ частнаго лица. Объ этомъ же говорятъ намъ и находящіяся въ произведеніи многочисленныя вставки лѣтописнаго характера, не имѣющія вида официальныхъ разрядныхъ записей (онѣ-то и были причиною того, что разрядная книга сочтена была за хронографъ). Можно думать, что та часть повѣствованія Столярова хронографа, которая посвящена событіямъ смуты, была составлена современникомъ и очевидцемъ. Только очевидецъ могъ дать такое живое описаніе, какое находимъ въ разсказѣ о народномъ сборищѣ на Красной площади, когда читались въ Москвѣ грамоты самозванца [2]). Только современникъ могъ знать такія частности о постриженіи царя Василія, какія сохранились въ разбираемомъ произведеніи [3]). Однако, какъ ни вѣроятны подобныя догадки, вопросъ о происхожденіи памятника ими не разрѣшается: на основаніи ихъ можно только утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ раннимъ, которое составлялось или въ самую смуту, или не позднѣе времени царя Михаила Ѳеодоровича, и было доведено путемъ постепенныхъ приписокъ до 1644 года, на которомъ и прерывается повѣствованіе [4]).

---

[1]) *Русск. Ист. Сборникъ* подъ ред. *Погодина*, II, стр. XVI—XVII: „со 113 году какъ пришелъ къ Москвѣ воръ розстрига Гришка Отрепьевъ... по 121 годъ, по царство В. Гос. Царя и В. Кн. Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи розряды не писываны".—См. также *П. Н. Милюкова* „Официальныя и частныя редакціи древнѣйшей Разрядной книги" въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1887 г., II, стр. 4—5.

[2]) Изборникъ, стр. 328.

[3]) Изборникъ, стр. 346—347.

[4]) *П. И. Мельниковъ* замѣчаетъ, что „судя по тѣмъ подробностямъ, съ какими лѣтописатель говоритъ о нижегородскихъ и арзамасскихъ происшествіяхъ, надобно полагать, что хронографъ писанъ въ здѣшнихъ мѣстахъ" (*Москвитянинъ* за 1850 г. № 21, стр. 1). Если сопоставить съ этимъ замѣчаніемъ то обстоятельство, что экземпляръ Карамзина принадлежалъ Арзамасскому игумну, а экземпляръ Лобкова пріобрѣтенъ имъ въ Нижнемъ, то догадка Мельникова получаетъ полную вѣроятность.

Характеръ памятника выводитъ его изъ круга тѣхъ литературныхъ произведеній, которымъ посвященъ нашъ трудъ. Для надлежащей оцѣнки показаній Столярова хронографа мы должны были бы войдти въ сличеніе и изслѣдованіе различныхъ редакцій разрядныхъ книгъ за смутное время, которыя еще далеко не приведены въ извѣстность и не имѣютъ близкаго отношенія къ памятникамъ, нами изучаемымъ. Что же касается до тѣхъ мѣстъ Столярова хронографа, которыя приближаются къ лѣтописнымъ показаніямъ, то они представляются намъ весьма цѣнпымъ историческимъ матеріаломъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно вспомнить находящееся въ памятникѣ обстоятельное описаніе походовъ и битвъ въ борьбѣ Годуновыхъ съ самозванцемъ и В. Шуйскаго съ мятежниками; далѣе, подробные разсказы о сверженіи Шуйскаго и о постриженіи его; цѣнныя показанія о грамотахъ Гермогена въ смуту; разсказы о сожженіи Москвы, о смерти Ляпунова и о третьемъ самозванцѣ; наконецъ, нѣкоторыя подробности о нижегородскомъ ополченіи [1]). Всѣ эти показанія Столярова хронографа по своей обстоятельности и правдивости мало чѣмъ уступаютъ Новому Лѣтописцу и даютъ разбираемой разрядной книгѣ весьма почетное мѣсто въ ряду русскихъ неофиціальныхъ памятниковъ смутной эпохи.

С. Платоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[1]) Изборникъ, стр. 346—347, 349 351—352 353, 354—355.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ПОЛЬШЕЙ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА [1]).

VI.

1680 годъ.

Отправленіе въ Польшу пословъ окольничаго Ивана Аѳанасіевича Прончищева и дьяка Емельяна Украинцова.—Наказъ, имъ данный въ январѣ 1680 г.—Въ Оршѣ, 4-го марта, послы узнаютъ отъ Кутеинскаго монастыря намѣстника Досиѳея и чернаго священника Симеона о разговорахъ, происходившихъ въ Люблинѣ между греческаго закона духовными и мірскими людьми съ исповѣдниками римскаго костела и съ уніатами.—Прибытіе пословъ въ Варшаву 21-го апрѣля и совѣщанія здѣсь съ сенаторами апрѣля 27-го, 29-го; мая 5-го, 8-го и 10-го.—Совѣщаніе русскихъ пословъ съ французскимъ посломъ маркизомъ де-Бетуніемъ и цесарскимъ резидентомъ Яномъ Жировскимъ.—Сенаторы въ совѣщаніи 12-го мая стараются убѣдить русскихъ пословъ въ необходимости вести съ Турціей войну наступательную, а не оборонительную.—Рѣчи цесарскаго резидента Яна Жировскаго, 15-го мая. По его увѣренію, „нехристіанскіе поступки" Французскаго короля чинятъ замѣшаніе во всемъ христіанствѣ; онъ старается взбунтовать венгровъ противъ цесаря; уговариваетъ курфирста Бранденбургскаго отступить отъ цесарскаго величества, находится въ тайномъ союзѣ съ султаномъ.—Переговоры дьяка Емельяна Украинцова съ папскимъ легатомъ Францискомъ Мартелли, 21-го мая.—Послѣднее совѣщаніе русскихъ пословъ съ сенаторами 29-го мая.—Созваніе порубежной коммиссіи откладывается до 20-го іюня 1681 г.—Универсалы королевскіе о съѣздѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ греческаго вѣроисповѣданія и уніатовъ въ Люблинъ, въ январѣ 1680 г.—Послы русскіе настаиваютъ на томъ, чтобы королевское величество никакого утѣсненія и гоненія православнымъ чинить не велѣлъ.

23-го января 1680 г. великій государь указалъ и бояре приговорили въ передней: отпустить къ королевскому величеству пословъ окольничаго Ивана Аѳанасьевича Прончищева и дьяка Емельяна

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Украинцова съ предложеніемъ слѣдующихъ статей „на общую христіанскую пользу противъ наступленія силъ поганскихъ": 1) призвать къ союзу цесарское величество и короля Французскаго; тому союзнику, на котораго султанъ сдѣлаетъ нападеніе, каждый изъ остальныхъ союзниковъ посылаетъ на помощь 20,000 ч. войска; тотъ, кто не исполнитъ этой статьи, долженъ заплатить 200,000 руб.; 2) договоръ о союзѣ заключить на 13 лѣтъ; 3) одинъ государь безъ другого ни въ какіе переговоры вступаться не долженъ; 4) великій государь желалъ бы заключить договоръ съ королевскимъ величествомъ, даже еслибы послы цесарскій и французскій не захотѣли приступить къ союзу, не списався съ своими государями; если имъ, обоимъ государямъ, не учинить договора, „то и окрестные государи ни къ какому общему христіанскому добру приступить не похотятъ, понеже всѣ христіанскіе государи смотрятъ на союзное обовязательство ихъ обоихъ государей" [1]).

На дорогѣ послы получили 27-го февраля грамоту [2]) съ предписаніемъ не откладывать заключеніе договора до коммиссіи. Въ случаѣ, если паны-рада будутъ стоять накрѣпко, чтобы коммиссіи, по договору 1678 г., быть въ 1680 г., то посламъ „всякими мѣрами" настаивать на отложеніи коммиссіи до будущаго года, такъ какъ королевское величество не писалъ великому государю о посредникахъ. Какъ видно, московское правительство опасалось, чтобы переговоры въ коммиссіи не повели къ разрыву съ Польшей.

4-го марта послы пріѣхали въ Оршу, и сюда въ тотъ же день ихъ пріѣзда явились къ нимъ Кутеинскаго монастыря намѣстникъ Досифей и черный священникъ Симеонъ. Они сказывали, что благочестивыя христіанскія вѣры греческаго закона у духовныхъ и у мірскихъ людей съ испокѣдниками римскаго костела и съ уніатами были въ Люблинѣ о вѣрѣ разговоры [3]). „А съ Бѣлой Руси ѣздили на тотъ разговоръ Кутеинскаго монастыря игуменъ Гедеонъ, да изъ Могилева намѣстникъ, да изъ коруны польской епископъ Луцкой Гедеонъ Четвертинской, и иные многіе духовные и мірскіе люди, шляхта

---

[1]) Кн. № 195, лл. 96—116. Посламъ велѣно быть у руки великаго государя 24-го января, а съ Москвы итти 2-го февраля.

[2]) Лл. 238—248, 1680 г., февр. 23-го, царская грамота посламъ. Ср. кн. № 196, лл. 7—10.

[3]) Кн. № 196, статейный списокъ бывшихъ въ Польшѣ пословъ окольничаго Ивана Прончищева и дьяка Емельяна Украинцова, л. 13. Л. 292: съѣздъ православныхъ съ уніатами происходилъ въ январѣ 1680 г.

и мѣщане. Да при тѣхъ же разговорехъ былъ уніатской митрополитъ Кипреянъ Жеховской со многими уніаты. И чинили римляне и уніаты съ тѣми благочестивыми духовными и мірскими людьми разговоры о сровнаніи соборника двунадесяти мѣсяцовъ съ римскимъ календаремъ и о иныхъ церковныхъ артикулахъ. Только де за помощію Божіею и за предстательствомъ пресвятыя Богородицы отъ благочестивыхъ, духовныхъ и мірскихъ людей римляне и уніаты со стыдомъ отошли и обиды, по своему злому намѣренію, благочестивой вѣрѣ никакой не учинили. А королевское де величество, разсмотря того дѣла, что духовнымъ благочестивымъ и мірскимъ людемъ учители римскіе и уніаты ничего учинить не возмогли, указалъ тѣ разговоры прекратить, а сказалъ духовнымъ благочестивымъ и мірскимъ людемъ, что хотя нынѣ тѣ разговоры добраго совершенія и не восприяли, однако же довершитъ онъ то дѣло и къ доброму концу приведетъ на сеймѣ. И съ того разговору изъ Люблина всѣ духовные и мірскіе люди греческаго закона разъѣхались" [4]).

21-го апрѣля послы пріѣхали въ Варшаву и здѣсь же 25-го апрѣля были у короля на пріѣздѣ [5]). Въ первомъ же посольскомъ совѣщаніи, происходившемъ 27-го апрѣля въ Варшавѣ, сенаторы говорили, что королевское величество имѣетъ вѣдомость объ отправленіи царскимъ величествомъ посланника къ султану для переговоровъ о мирѣ и спрашивали, съ чѣмъ былъ отправленъ этотъ посланникъ. На это послы потребовали объявить имъ, какого рода порученія были даны королевскимъ величествомъ Спандовскому, посланному къ султану, и Карвовскому, который былъ отправленъ къ Крымскому хану. Царское же величество, говорили послы,—отправилъ къ султану посланника для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Сенаторы отвѣчали: Султанъ узналъ о переговорахъ польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1678 г. Хотя эти переговоры и не повели къ заключенію союза, однако королевское величество, опасаясь, чтобы султанъ, досадуя на него, не началъ съ нимъ войны, отправилъ къ нему резидента, а къ хану—гонца, чтобъ ихъ не раздосадовать прежде времени [6]).

Второе совѣщаніе русскихъ пословъ съ сенаторами, апрѣля 29-го, началось съ обычнаго спора о томъ, кому первому объявлять условія

[4]) Кн. № 196, л. 13.

[5]) Лл. 25, 29. Л. 18: 1-го апрѣля послы пріѣхали въ мѣстечко Еловку (за Слонимомъ) и говорили приставу Николаю Выгановскому, „что чрезъ все княжество Литовское кормовъ и подводъ имъ не давано".

[6]) Лл. 48—60.

союза. Сенаторы отказывались опредѣлять эти условія, ссылаясь на то, что они уже были выяснены Бростовскимъ и Гнинскимъ. Послы русскіе доказывали, что предложенія послѣднихъ польскихъ пословъ не осуществимы; великій государь—государь самодержавный, и потому прежде времени говорить о томъ, чтобъ онъ предводительствовалъ войсками — не надобно; запросъ о денежной казнѣ называли непристойнымъ. „А что они сенаторы", говорили наши послы,—„ставятъ на примѣръ Голандскихъ Статовъ и короля Свѣйскаго, и тотъ примѣръ великому государю его царскому величеству не пристоенъ. Буде голландцы денежную казну цесарю Римскому, и королю Датскому, и курфирсту Бранденбургскому на войска ихъ давали, и они [Статы] чинили то отъ великой своей нужи, понеже отъ короля Французскаго имѣли великое утѣсненіе. И за тою помочью завоеванное все у Французскаго короля отыскали и миръ учинили. Также и король Свѣйской просилъ у Французскаго короля войсками и деньгами вспоможенія, видя свое конечное отъ непріятелей утѣсненіе. А великому государю его царскому величеству при помощи Божіи никакого утѣсненія отъ непріятеля нѣтъ" [7]).

Когда послы упомянули о томъ, что королевское величество болѣе нуждается въ союзѣ, чѣмъ великій государь, такъ какъ король уступилъ Турціи значительную часть своихъ владѣній, сенаторы дали отвѣтъ, въ которомъ находятся любопытныя данныя для характеристики тогдашнихъ взглядовъ на отношенія Россіи къ Турціи. „Королевское де величество съ салтаномъ Турскимъ имѣетъ миръ. А у царскаго де величества миру съ салтаномъ Турскимъ и съ ханомъ Крымскимъ быть они не чаютъ, потому что турки и татаровя на Московское государство великую имѣютъ непріязнь для того, что Русь греческой вѣры, а они владѣютъ греческими государствы. И будто всегда греки чаютъ себѣ отъ царскаго величества обороны и отъ руки бусурманской освобожденія. А съ римлянами де [католиками] непріязни турки не имѣютъ и легко ихъ почитаютъ". Турки имѣютъ великую непріязнь къ Московскому государству потому также, что они требуютъ у царскаго величества всей Украйны и впредь будутъ требовать, „вмѣняя то, что будто еще Богданъ Хмельницкій имъ съ Украйною поддался. Да не успѣли они тогда его принять, понеже удержаны были кандійскою войною. И куранъ [коранъ] де ихъ не повелѣваетъ

---

[7]) Л. 70.

своего никому не уступать. Да турки жъ де не только что отъ Кіева съ царскимъ величествомъ войну имѣютъ, но и со всѣхъ сторонъ промышляютъ, какъ бы на Московское государство войну навесть, и въ Казани, и въ Астрахани тамо будущихъ татаръ бунтуютъ и наговариваютъ, чтобъ они на Московское государство возстали и домашнюю войну всчали". На это послы отвѣчали: Московское государство начало войну съ Турціей изъ-за Рѣчи Посполитой, въ Казани и Астрахани служатъ вѣрно, и сенаторы бы „отложили свои мысли" [8]).

Хотя сенаторы и старались доказать посламъ, что Рѣчь Посполитая менѣе, чѣмъ Московское государство, нуждается въ союзѣ противъ Турціи, однако въ совѣщаніи 5-го мая они заявили о томъ, что королевское величество „для великаго и доброначатаго дѣла откладываетъ запросъ денежной казны, и больши того упоминатися о томъ не будетъ, а хочетъ тѣ убытки для общаго добра христіанскаго нести собою и Рѣчью Посполитою, и съ непріятелемъ миръ нарушитъ и войну взочнетъ"; запросъ объ уступкѣ городовъ откладываетъ до коммиссіи, назначенной въ іюнѣ 1680 г. „Ту тягость", говорили сенаторы,—„и войну непріятельскую за имя христіанское и для цѣлости всего христіанства хочетъ его королевское величество принять съ радостію. А на великаго государя, на его царское величество, на брата своего и на ближайшаго сосѣда надеженъ, что въ той войнѣ его не выдастъ и убытки его королевскаго величества изволитъ наградить инымъ способомъ, который бы могъ его королевское величество и Рѣчь Посполитую удовольствовать". Тогда послы объявили статьи о слученіи силъ. Но эти статьи не оправдали ожиданій. Великій государь, говорили сенаторы, желаетъ заключить съ королевскимъ величествомъ только оборонительный союзъ, а не наступательный. „А если быть одному оборонительному союзу, и непріятельской де войнѣ конца не будетъ, потому что непріятель всегда будетъ войною приходить... и обои государства разорять". Отъ оборонительнаго союза оба государства придутъ только къ вящему разоренію, а прибыли изъ того никакой не будетъ. А королевское де величество желаетъ оборонительнаго и наступательнаго союза, чтобъ непріятелю, учиня отъ своихъ государствъ отпоръ, воевать его въ Волошской землѣ по Дунай и за Дунаемъ, а съ другой

---

[8]) Лл. 73—74.

стороны въ Крыму". Послы отвѣчали, что прежде времени такихъ высокихъ словъ и говорить не слѣдуетъ [9]).

Послѣ совѣщанія 5-го мая послы отправили сенаторамъ письменныя условія о союзѣ съ оговоркою, чтобы эти условія, данныя на письмѣ, въ случаѣ если не состоится договоръ, не были причтены къ крѣпости [10]).

6-го мая къ посламъ пріѣзжали приставы Гавріилъ Черкесъ и Александръ Мереевскій и заявили: чтобы обсудить предложенныя послами условія союза, королевское величество созываетъ раду, „потому что то дѣло, о которомъ они послы отъ царскаго величества присланы, великое, и одному королевскому величеству дѣлать его не возможно". „Да приставы же говорили: Сего жъ де числа приказывалъ къ королевскому величеству чрезъ конюшаго корунпаго Марка Матчинского Крымскаго хана посолъ Мустоеа Ага, чтобъ указалъ королевское величество прислать къ нему его Гавріила Черкеса. И королевское де величество его, Гавріила, къ нему посылалъ. И посолъ де говорилъ ему, чтобъ королевское величество съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ слученіе силъ противъ салтана турскаго и хана его не чинилъ. А учинилъ бы слученіе съ ними. И они де возьмутъ у царскаго величества Кіевъ и Смоленскъ и отдадутъ королевскому величеству. Да онъ же де говорилъ, чтобъ королевское величество поволилъ ему отпустить въ Крымъ отъ себя татарина. И онъ де, выслушавъ у него тѣ рѣчи, доносилъ до королевскаго величества. И королевское де величество указалъ ему сказать, что они послы договору о слученіи силъ никакого не чинятъ, а присланы отъ царскаго величества въ тѣхъ дѣлехъ, которыя имѣетъ его королевское величество съ его царскимъ величествомъ въ разводѣ рубежей и въ иныхъ порубежныхъ дѣлехъ. А татарина ему отпускать не указалъ, и будетъ де отпускъ и самому ему послу вскорѣ" [11]).

Въ совѣщаніи 8-го мая сенаторы снова обратились къ посламъ съ вопросомъ: какого рода порученія даны посланнику царскаго величества, отправленному къ султану? Послы отвѣчали то же, что̀ и въ совѣщаніи 27-го апрѣля. Но этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ сенаторовъ. Королевскому величеству, говорили они, и имъ сенаторамъ

[9]) Лл. 88—98.
[10]) Л. 99.
[11]) Л. 108.

„зѣло сумнительно“, что отъ великаго государя „учали быть частыя посылки къ салтану Турскому и къ хану Крымскому, и чаетъ его королевское величество, что не объ иномъ о чемъ царское величество пересылки съ ними [султаномъ и ханомъ] имѣетъ, токмо о миру“ [12]).

Затѣмъ перешли къ обсужденію условій союза. Тѣ, которыя были предъявлены послами на письмѣ, не удовольствовали ни королевское величество, ни сенаторовъ, ни депутатовъ потому, говорили польскіе уполномоченные, „что награды вмѣсто запросовъ въ тѣхъ способахъ его королевское величество никакой себѣ не видитъ, но еще тѣ способы хуже тѣхъ, которые царскаго величества послы въ Гроднѣ предлагали. А что де написано въ первой статьѣ, чтобъ съ царскимъ величествомъ и съ королевскимъ величествомъ быти въ союзѣ цесарскому величеству римскому и королевскому величеству французскому, и то дѣло нестаточное и неподобное, чтобъ имъ учинити союзъ вмѣстѣ съ царскимъ величествомъ такожъ и съ королевскимъ величествомъ, для того, что цесарь Римскій и король Французской имѣютъ съ салтаномъ Турскимъ свои нриналежности, и царскаго величества и королевскаго величества приналежности съ ихъ приналежностьми не сойдутся, понеже король Французской имѣетъ государство свое отъ салтана Турскаго въ дальнихъ странахъ. А великій государь его царское величество и государь ихъ его королевское величество имѣютъ съ салтаномъ Турскимъ близкое сосѣдство“.

„А цесарь Римской, хотя и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ въ союзѣ, потому что и онъ съ салтаномъ Турскимъ отъ Венгерской земли имѣетъ ближнее жъ сосѣдство, и въ нѣсколько на десять миляхъ отъ самой Вѣдни рубежи непріятельскіе прилежатъ, однако не можетъ и онъ [цесарь безъ обнадеживанія короля Французскаго въ тотъ союзъ съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ и съ государемъ ихъ съ его королевскимъ величествомъ вступить. Потому опасается де его цесарское величество того, если онъ войну съ турками взочнетъ и въ союзъ съ царскимъ и съ королевскимъ величествомъ вступитъ, и король Французской въ то время наступитъ на него войною въ государство Нѣмецкое и въ дѣдичныя его государства. И имѣетъ де нынѣ король Французской въ собраніи войска своего 170.000, которые стоятъ близко рубежей цесарскаго величества, а цесаря де онъ про-

---

[12]) Л. 113.

тивъ его желанія не обнадеживаетъ. И когда у государя ихъ у его королевскаго величества была въ Варшавѣ генеральная рада, на которой былъ и цесарскаго величества посолъ, и королевское де величество желалъ того, чтобъ съ цесарскимъ величествомъ противъ общаго непріятеля учинити силъ слученіе. И посолъ де цесарскаго величества тоже объявлялъ, что цесарское величество въ союзѣ быти желаетъ, только вступить въ союзъ опасенъ отъ короля Французскаго, что если онъ въ союзъ вступитъ и войну съ салтаномъ Турскимъ взочнетъ, и король Французской тогда на государство его цесарскаго величества войною наступитъ. И королевское де величество, видя цесарскаго посла такое предложеніе, послалъ съ той рады къ королевскому величеству французскому великаго и полномочнаго посла своего Андрея Морштена, подскарбія великаго корупнаго, съ тѣмъ, чтобъ королевское величество французской цесарское величество римскаго дружбою своею обнадежилъ, и въ союзъ ему съ его королевскимъ величествомъ вступить, и войну съ турками всчать не помѣшалъ. А его королевскому величеству въ той войнѣ противъ непріятеля, яко государь христіанскій, помочь денежною казною или ратными людьми учинилъ. И по се де время тотъ королевскаго величества посолъ у королевскаго величества французскаго. А никакого обнадеживанья цесарскому величеству римскому не упросилъ. А въ помочи королевскому величеству одержалъ отъ королевскаго величества французскаго такой отвѣтъ: когда де королевское величество учинитъ съ царскимъ величествомъ противъ того непріятеля союзъ и войну взочнутъ, и тогда и онъ [король Французскій] въ той войнѣ учинитъ имъ великимъ государямъ помочь.

„А съ салтаномъ де Турскимъ королевское величество французской никакихъ рубежей не имѣетъ, токмо подданные его имѣютъ моремъ съ турками великую торговлю. И отъ того имѣетъ онъ богатые доходы и великую прибыль.

„А смотритъ де королевское величество французской того, какъ великій государь его царское величество съ королевскимъ величествомъ [польскимъ] союзъ учинитъ, и онъ тогда хочетъ помочь учинить.

„О томъ подлинно писалъ къ его королевскому величеству изъ Французской земли великій посолъ Андрей Морштенъ.

„И для того де не надобно въ тотъ союзъ призывать королевское величество французскаго, понеже его приналежности не равняются приналежностямъ царскаго величества и королевскаго величества, но

еще и противныя его приналежности. И уже де государь ихъ его королевское величество въ томъ дѣлѣ чрезъ посла своего гораздо его извѣдалъ.

„А они послы присланы нынѣ отъ его царскаго величества къ королевскому величеству о союзѣ договоръ чинить. И королевскаго де величества—намѣреніе и ихъ сенаторская рада то, чтобъ прежде учинити межъ себя союзъ великому государю его царскому величеству и королевскому величеству и укрѣпиться, какъ пристойно, а потомъ бы призывать къ себѣ на помочь папу и иныхъ христіанскихъ государей, которые уже обѣщаются помочь учинить людьми и деньгами, только смотрятъ того, какъ великій государь его царское величество съ его королевскимъ величествомъ союзъ изволитъ учинить и войну съ непріятелемъ взочнутъ. И послы къ папѣ и къ тѣмъ государемъ для того посланы отъ королевскаго величества еще съ Гроденского сейму. А цесарской де резидентъ и французской посолъ нынѣ отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ они отъ государей своихъ полной мочи къ договорамъ съ ними царскаго величества послы и получить къ себѣ указу о томъ отъ государей своихъ не обѣщаются. И надобно де обоимъ великимъ государемъ, великому государю его царскому величеству и великому государю ихъ его королевскому величеству, самимъ о себѣ мыслить и междо собою, какъ и наикрѣпчае и союзнѣе укрѣплятися и договоръ чинить на достойныхъ способахъ“ [11]).

Не смотря на убѣдительные, по видимому, доводы сенаторовъ, послы въ совѣщаніи 10-го мая продолжали настаивать на томъ, чтобы сначала чинить договоръ съ французскимъ и цесарскимъ послами. Тогда сенаторы вышли въ другую палату и, возвратясь отсюда въ отвѣтную палату, объявили посламъ, что на дворѣ королевскаго величества находятся тѣ послы чужеземныхъ государей, съ которыми русскіе уполномоченные желаютъ видѣться. Сначала они должны переговорить съ французскимъ посломъ, а потомъ съ резидентомъ цесаря. Переговоры должны происходить не въ отвѣтной, а въ другой палатѣ. На это послы замѣтили: „имъ изъ отвѣтной палаты идти въ другую палату недлячего и чтобъ королевскаго величества французскаго посолъ пришелъ къ нимъ въ отвѣтную палату, потому что о томъ богоугодномъ дѣлѣ [о союзѣ] зачаты разговоры въ отвѣтной палатѣ, и его призываютъ они послы для того жъ дѣла, и пристойно

[11]) Кн. № 196, лл. 115—118.

ему притить къ нимъ посломъ въ отвѣтную палату". Сенаторы вышли въ другую палату и, возвратясь оттуда въ отвѣтную палату, говорили: „О чемъ де они послы имъ сенаторемъ говорили, и они французскому послу о томъ сказывали. И посолъ де имъ говорилъ, что ему въ отвѣтную палату, гдѣ они сенатори имѣютъ съ ними царскаго величества послы разговоры, притить никакими мѣрами невозможно для того: отвѣтная де палата на договоры назначена и мѣста въ ней какъ они царскаго величества послы, такъ и они королевскаго величества сенатори и депутаты имѣютъ, а ему мѣста нѣтъ и имѣть невозможно потому, что онъ отъ государя своего отъ его королевскаго величества указу и полной мочи къ тѣмъ договорамъ не имѣетъ. И сидѣть ему въ той палатѣ, гдѣ съ обоихъ сторонъ полномочные договоры отправлятися имѣютъ, не мочно. И желаетъ де онъ съ ними царскаго величества послы видѣться, кромѣ отвѣтной палаты, въ иной палатѣ и сойтиться ему съ ними царскаго величества послы среди палаты".

Послы согласились. На совѣщаніи ихъ съ французскимъ посломъ должны были присутствовать четверо лицъ изъ польскихъ уполномоченныхъ: ксендзъ Янъ Малаховскій, епископъ Хельминскій, подканцлеръ великій корунный Владиславъ Рей, воевода Любельскій, Станиславъ Любомирскій, маршалокъ великій корунный, Хриштофъ Пацъ, великій канцлеръ Литовскій. Въ сопровожденіи этихъ лицъ русскіе послы вошли въ палату, въ которую одновременно вошелъ и французскій посолъ маркизъ Де-Бетуній и, сошедшись съ нимъ среди палаты, витались и сѣли въ кресла. Послѣ рѣчи русскихъ пословъ о союзѣ, французскій посолъ сталъ говорить то же, что они уже слышали отъ сенаторовъ. Послы обратились къ нему съ просьбою изложить свою рѣчь письменно, но онъ отказался исполнить эту просьбу и вышелъ изъ палаты. Затѣмъ вошелъ сюда цесарскій резидентъ Янъ Жировскій и сѣлъ близъ русскихъ пословъ съ лѣвой стороны, „а не въ томъ мѣстѣ", записано въ статейномъ спискѣ русскихъ пословъ, „гдѣ сидѣлъ французскій посолъ, для того, что сенатори того мѣста, гдѣ сидѣлъ французскій посолъ, ему не дали потому, что онъ резидентъ, а не посолъ". И резидентъ цесаря заявилъ то же, о чемъ уже было заявлено сенаторами: цесарское величество только тогда готовъ приступить къ союзу, когда великій государь вступитъ въ союзъ съ королемъ Польскимъ [14]). Какъ увидимъ, это заявленіе

---

[14]) Лл. 129—137.

цесарскаго резидента было неискреннимъ и сдѣлано, вѣроятно, вслѣдствіе настояній французскаго посла. Цесарю въ ожиданіи новаго враждебнаго столкновенія съ Франціей, нельзя было и думать о приступленіи къ союзу Россіи и Польши противъ Турціи. Едва ли съ искреннимъ сочувствіемъ могъ относиться къ этому союзу и Французскій король, такъ какъ всякое умаленіе турецкаго могущества было ему невыгодно.

Послѣ приведенныхъ заявленій французскаго посла и цесарскаго резидента задача переговоровъ русскихъ пословъ съ сенаторами упрощалась. Окончательно выяснилась возможность и необходимость первоначально заключить союзъ только между двумя государствами—Россіей и Польшей. Не было никакого повода сомнѣваться въ самомъ искреннемъ желаніи Польскаго короля добиться осуществленія этого союза. Король заручился сочувствіемъ и французскаго посла, и цесарскаго резидента, умалилъ свои требованія относительно обязательствъ великаго государя, отказался даже отъ денежной помощи, но по расчетамъ короля и сенаторовъ для успѣшнаго веденія войны съ Турціей необходимо было Московскому государству выставить болѣе значительное войско, чѣмъ то, которое могла выставить Рѣчь Посполитая. Въ этомъ, а также въ крайней необходимости вести съ Турціей войну не оборонительную, а наступательную, сенаторы старались убѣдить пословъ въ совѣщаніи 12-го мая. „Отъ начала свѣта", говорили сенаторы,—„до нынѣшняго вѣка тѣ всегда были счастливы, которые наступательныя войны чинили. А тѣ несчастливы были, которые имѣли оборонительную войну. И отложивъ иные примѣры, объявляютъ они къ разсужденію дѣло Турскаго салтана. Чѣмъ онъ распространилъ монархію свою? И чѣмъ страшенъ всѣмъ монархамъ? Посмотримъ на его страны. И въ Подольѣ, и въ Украйнѣ у него все въ цѣлости. А у насъ—дикое мѣсто и пустыня. И то надобно разсудить: тогда бъ отъ него имѣть оборонительный союзъ, когда бъ онъ нынѣ приходилъ къ намъ изъ своихъ азіатскихъ краевъ, тобъ въ то время держаться противъ его оборонительно, не пропущая его въ началѣ чрезъ тѣсное море подъ Царемъ-Городомъ, а потомъ чрезъ горы, а на остатокъ чрезъ Дунай. Но когда уже онъ, прошедъ моря, овладѣлъ греками, а прошедъ чрезъ горы и Дунай, овладѣлъ многими христіанскими государствы и королевствы, а чрезъ Днѣстръ прошедъ, овладѣлъ Подольемъ, Украйною, Каменцомъ, Чигириномъ и иными мѣсты, а въ Венгерской землѣ въ ближнихъ мѣстехъ отъ цесарской столицы отъ Вѣны,

и нынѣ уже обороняться отъ него во Львовѣ, въ Кіевѣ, въ Вѣнѣ. И 15,000, которые царское величество обѣщается въ помочь, могутъ ли ему [султану] возбранить? И русскіе около Львова краи, и остатокъ Венгерской земли обратятся въ такую жъ пустыню, какъ и прочіе, или завоевавъ, учнетъ ихъ держать, какъ и иныя мѣста.

„И папа Римской, и всѣ государи христіанскіе не для того хотятъ учинить помочь денежною казною и отвращеніемъ на море, чтобъ оборонять Кіевъ, Львовъ, Вѣну, но для того, чтобъ изъ рукъ поганскихъ Каменецъ взять, въ Подольѣ и въ Украйнѣ расширятися и селитися непріятелю не дать и изъ Венгерской земли его выгнать. И буде невозможно далѣ, хотя бъ его за Дунай загнать, и чтобъ православныхъ христіанъ изъ неволи свободить.

„Да и то надобно разсудить, что отъ оборонительной войны, и безъ наступленія непріятельского, сами бъ государи наши государства свои разорили. А Турской салтанъ имѣетъ татаръ, которымъ ничего не даетъ, а они ему чинятъ великую прибыль. Также имѣетъ волоховъ и мултановъ, и не малую часть турковъ, которые съ земель служатъ, не касаяся казнѣ его. И тѣхъ онъ будетъ высылать въ полѣ по вся годы. А королевское величество и царское величество, не вѣдая того, на кого они наступать будутъ, великія держать будутъ войска, съ великимъ убыткомъ денежной казнѣ. А непріятель учнетъ загонами находить, иногда на государство королевскаго величества, а иногда на государство царскаго величества. А они великіе государи учнутъ только войску деньги давать, и земли свои тѣмъ разворять и пустошить.

„Да и того де непріятель будетъ надъ нами смотрѣть: буде у котораго государя учинится въ государствѣ бунтъ или съ сосѣдомъ война, и онъ въ то время на того же и войною пойдетъ. И тогда помочные 15 тысячъ не оборонятъ.

„И такими де способами государей нашихъ тотъ непріятель и долготою войны преодолѣетъ, и ни во что обратитъ. И для того не надобно де надѣяться государемъ нашимъ на то, что будто, услышавъ онъ о союзѣ ихъ государскомъ, войною наступать не будетъ. Но тотъ непріятель ни съ кѣмъ не можетъ воевать, только съ христіаны, сосѣдства нигдѣ съ инымъ не имѣетъ. Персы его воевать не мыслятъ. Да и по вѣрѣ де своей турки безъ войны быти не могутъ. И если они учнутъ государства государей нашихъ воевать, а они отъ нихъ учнутъ только борониться, и отъ того была

(бы) имъ очевидная пагуба, хула и малое отъ всѣхъ христіанъ почитанье, и государствамъ ихъ изнищенье.

„Да и оттого де надобно имѣть остерегательство, что продолженіе оборонительной войны привело бъ подданныхъ государей нашихъ къ отчаянію, такоже какъ волоховъ и мултяновъ, и казаковъ съ Дорошенкомъ и съ Хмельниченкомъ. Не вѣдая бъ своей обороны, пошли бъ въ поганскія руки".

Въ заключеніе своей пространной рѣчи о необходимости наступательной, а не оборонительной войны съ Турціей, сенаторы ссылались на примѣръ царя Алексѣя Михайловича, который хотѣлъ самъ своею особою вести войска на Крымъ, а королевскому величеству предлагалъ предпринять походъ къ Дунаю.

На эту рѣчь послы отвѣчали: условія союза, о которыхъ имъ велѣно было сообщить, они уже заявили, а объ иномъ договариваться имъ нельзя, такъ какъ на это не имѣютъ они полной мочи. Вести войну наступательную—опасно. Въ такомъ случаѣ пришлось бы войску проходить черезъ степь, гдѣ нельзя найти корму. Оборонительная и наступательная война—въ руцѣ Божіи [15].

15-го мая къ посламъ пріѣзжалъ цесарскаго величества резидентъ Янъ Жировскій и заявилъ: на совѣщаніи, происходившемъ 10-го мая, онъ не могъ объявить, отчего цесарское величество въ скоромъ времени не можетъ приступить къ союзу противъ Турціи, такъ какъ на этомъ совѣщаніи присутствовали сенаторы, бывшіе совѣтниками французскаго посла. Французскій король, учиня миръ съ цесаремъ, „нынѣ войска свои держитъ близко государствъ цесарскаго величества, со 170,000 [человѣкъ], и нѣкоторыя земли у цесарскаго величества заѣзжаетъ, и къ курфистромъ посылаетъ, чтобъ они отъ цесарскаго величества отступили и къ нему пристали. И того де цесарское величество крѣпко опасенъ.

„И здѣсь де въ Польшѣ короля Французскаго посолъ маркизъ Де-Бетуній да посланникъ Акакей и иные многіе его слуги и совѣтники. И послалъ посолъ маркизъ Де-Бетуній того Акакія нынѣ недавно изъ Польши въ Седмиградскую землю къ Абаѣю, князю Седмиградскому, бунтовать тамъ венгерскихъ бунтовщиковъ противъ

---

[15]) Кн. № 196, лл. 138—154. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelowitch, Féodor III et Pierre le Grand, czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par *Augustin Theiner*. Rome. 1859. P. 202—203, № CLXIV.

цесарскаго величества. И онъ резидентъ послу о томъ говорилъ, чтобъ онъ Акакія въ Венгерскую землю не посылалъ, и того нехристіанскаго поступка чинить ему не велѣлъ. И посолъ де ему сказалъ, что будто Акакій ѣдетъ къ Абаѳію князю считаться въ денежной казнѣ, что доведется ему взять на государѣ его на королевскомъ величествѣ французскомъ, а королевское де величество такого безславія не хощетъ о себѣ слышать, чтобъ кто на немъ могъ долгъ какой почитать. И то де онъ [посолъ французскій] говоритъ вымышленную рѣчь. А послалъ онъ его подлинно для того, чтобъ венгровъ еще противъ цесарскаго величества взбунтовать.

„Да и у курфистра Бранденбургскаго есть нынѣ французскій посолъ. Также его наговариваетъ, чтобъ онъ отъ цесарскаго величества отступилъ и къ нему присталъ.

„Такіе де нехристіанскіе поступки Французскаго короля замѣшаніе чинятъ во всемъ христіанствѣ. А до сгоды и до соединенія [король Французскій] не допуститъ. А съ Турскимъ де салтаномъ подлинно имѣетъ онъ тайный союзъ. И цесарское величество того и опасается, что если ему всчать съ Турскимъ салтаномъ войну, а король Французскій въ то время на него наступитъ, и оттого опасно, чтобъ государства не потерять.

„И папа Римскій послалъ ко Французскому королю посла своего, напоминая его, чтобъ онъ отъ злаго своего начиванія престалъ и цесарскому величеству съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ союзъ противъ салтана Турскаго учинить допустилъ и дружбою своею и додержаніемъ мира его [цесаря] обнадежилъ. А что тотъ посолъ учинилъ, и того еще не слышитъ".

Резидентъ цесаря сказывалъ еще, „что Крымскаго хана посолъ пошелъ черезъ Польшу во Французскую землю. И королевское де величество польской не хотѣлъ было его пропустить. И посолъ французскій королю говорилъ: для чего онъ цесарскихъ пословъ и посланниковъ къ царскому величеству, а царскаго величества пословъ къ цесарскому величеству чрезъ свою землю пропущаетъ, а хана Крымскаго посла къ государю его не пропуститъ? И король де не могъ въ томъ отъ него отговориться, велѣлъ татарскаго посла отпустить къ королю Французскому. И въ томъ де какая правда Французскаго короля? Сосѣдства у него не только съ ханомъ и съ салтаномъ нигдѣ нѣтъ, и пересылки имѣетъ онъ съ ханомъ не для чего иного, но чтобъ какую ссору учинить. И наговариваетъ [Французскій король] тѣхъ непріятелей [султана и хана] на цесарское ве-

личество и на царское величество. И королевское величество польской видитъ его въ томъ такое лукавство да еще держится дружбы его для того: ожидаетъ отъ него вспоможенія денежною казною, которую онъ ему обѣщалъ дать и дожидается о томъ его королевское величество вѣдомости изъ Французской земли отъ посла своего съ часу на часъ.

„Да и папа Римскій и иные христіанскіе государи обѣщались королевскому величеству помочь денежною казною учинить.

„А съ царскимъ де величествомъ желаетъ его королевское величество учинить противъ непріятеля наступательный союзъ. И тогда недлячего будетъ Кіева и Львова оборонять. Хочетъ де его королевское величество съ войсками идти въ Волосскую землю къ Дунаю. И тогда у царскаго величества подъ Кіевомъ войны не будетъ. И для того де наступательнаго союза хочетъ папа и иные христіанскіе государи его королевскому величеству денежною казною и помочь учинить. А если онъ съ турками войны не вчочнетъ, и они не хотятъ ему и денегъ давать. И буде они послы (русскіе) полной мочи о договариваніи наступательнаго союза не имѣютъ, и королевское величество хочетъ ихъ отпустить вскорѣ. А объ оборонительномъ союзѣ и не мыслитъ договариваться.

„А будетъ они послы, при помощи Божіи, договоръ о слученіи силъ здѣсь учинятъ, и цесарское величество указалъ ему резиденту съ тою вѣдомостью пріѣхать къ себѣ самому тотчасъ. И о томъ одержалъ онъ къ себѣ цесарскаго величества указъ съ нынѣшнею почтою.

„Онъ же говорилъ, что жить ему здѣсь зѣло тяжко. Онъ здѣсь одинъ отъ цесарскаго величества, а Французскаго короля посолъ, да посланникъ, да резидентъ, и иные многіе каноники и изъ польскихъ сенаторей и изъ урядниковъ совѣтники и друзья. И безпрестанно посолъ ихъ у себя кормитъ. А они ему дружбу дѣлаютъ. А то де ихъ и дѣло, чтобъ цесарское величество съ королевскимъ величествомъ польскимъ въ союзъ не допустить, чтобъ цесарь и король Польской противъ турка не соединялись, и войны съ туркомъ не имѣли, и побѣды надъ нимъ не одержали. То де Французскаго короля и радость, чтобъ цесарь и король Польской Турскаго салтана боялись. А если цесарское величество, соединясь съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ, учинятъ турку отпоръ и завоеванное свое цесарь и король Польской у него отыщутъ, и тогда де це-

сарь Французскаго короля опасаться не будетъ. И для того онъ нынѣ вымышляетъ и ссоритъ, чтобъ ни къ какому добру не допустить" [16]).

Послѣ описаннаго нами совѣщанія 15-го мая цесарскій резидентъ имѣлъ еще нѣсколько совѣщаній съ нашими послами, а именно 24-го, 26-го и 27-го мая. Но всѣ эти совѣщанія не оказали никакого существеннаго вліянія на переговоры нашихъ пословъ съ сенаторами. Вслѣдствіе извѣстныхъ отношеній къ Людовику XIV, цесарь не могъ идти далѣе заявленій о томъ, что онъ желаетъ осуществленія мысли о союзѣ Россіи и Польши противъ Турціи. А этихъ заявленій было слишкомъ недостаточно для того, чтобы подвигнуть московское правительство къ заключенію союза съ Рѣчью Посполитою [17]).

Не могли имѣть также никакого существеннаго вліянія на переговоры о союзѣ и заявленія папскаго легата. За болѣзнью Прончищева, имѣлъ свиданіе съ нимъ дьякъ Емельянъ Украинцовъ, въ саду подскарбія корунааго Андрея Морштена, 21-го мая. Папскій легатъ Францискъ Мартелли, арцыбискупъ Коринескій, говорилъ Украинцеву: слышалъ онъ, что русскіе послы присланы „для богоугоднаго и всему христіанству пожелаемаго дѣла". Королевство Польское „въ силахъ своихъ нынѣ ослабѣло" и противъ Турціи, противъ такого сильнаго непріятеля „безъ помощи царскаго величества устоять не можетъ". Затѣмъ легатъ говорилъ объ условіяхъ союза то же, что̀ заявляли и польскіе уполномоченные, а Украинцовъ предлагалъ ему отправить письмо къ папѣ съ просьбою, чтобы „папа Французскаго короля, яко пастырь и учитель, отъ злаго начинанія клятвою своею или инымъ какимъ запрещеніемъ отвратилъ, чтобъ онъ цесарскому величеству въ союзъ съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ противъ непріятеля креста святаго вступать не мѣшалъ". На это легатъ отвѣчалъ: папа о томъ давно радѣетъ „и по должности своей Французскаго короля отъ того отвращаетъ. И чаетъ онъ, что папа Французскаго короля въ томъ уговоритъ и въ пріязнь съ цесарскимъ величествомъ приведетъ. Однако жъ де онъ и нынѣ, слыша такія отъ него [Украинцова] слова, писать о томъ къ папѣ учнетъ" [18]).

---

[16]) Кн. № 196, лл. 180—183.

[17]) Лл. 246, 272, 274—276.

[18]) Л. 217. Monuments etc. *Theiner*, p. 206—207, № CLXV. „Il venerdi mattina la maesta del ré mandò da me il canonico Kordwanowski, il quale per

Условія союза, предложенныя русскими послами, были отвергнуты, и имъ удалось исполнить одно только порученіе относительно порубежной коммиссіи для заключенія договора. Въ послѣднемъ совѣщаніи 29-го мая сенаторы согласились отложить созваніе коммиссіи до 20-го іюня 1681 года [19]). Когда покончили съ вопросомъ о времени созыва коммиссіи, послы въ томъ же совѣщаніи 29-го мая стали говорить о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ православными, обитающими въ области Рѣчи Посполитой. На это сенаторы отвѣчали: „Напередъ сего царскаго величества великіе послы, будучіе въ Гроднѣ, въ отвѣтехъ о томъ говорили жъ. И по указу королевскаго величества отвѣтъ они сенаторы тѣмъ царскаго величества посломъ учинили и на письмѣ дали".

Прочитавъ это письмо, сенаторы продолжали: „Нынѣ было имъ царскаго величества посломъ въ другорядь о томъ и говорить непристойно, потому что королевское величество постановленные договоры во всемъ ненарушимо сохраняетъ и во употребленіи церквей Божіихъ и вѣры греческой Руси въ сторонѣ его королевскаго величества имѣющейся никакой препоны не чинится". Это заявленіе не могло удовлетворить пословъ. „Въ нынѣшнемъ," говорили они,—„во 188 (1679 году) въ октябрѣ мѣсяцѣ въ государствѣ королевскаго величества разосланы универсалы за его королевскаго величества рукою, изъ Яворова, по всѣмъ городамъ, чтобъ митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены и все духовенство, также и шляхта моленія греческаго, уніаты и не уніаты, въ корунѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и въ земляхъ, къ нимъ належащихъ, пребывающіе, со всѣми съ обоихъ сторонъ привилліями, приговорами и дѣлами въ Люблинъ генваря въ 14 день нынѣшняго 1680 г. пріѣзжали. И тамъ, при прибытіи его королевскаго величества коммиссаровъ, межъ собою подлинной учинили разговоръ. А ктобъ для того въ Люблинъ пріѣхать не похотѣлъ, и тотъ отъ мѣстностей которыми владѣетъ, будетъ отлученъ. И когда въ государствѣ королевскаго величества разосланы такіе универсалы и потому въ государствѣ

---

parte della maestà sua mi pregò di volermi trovare quell'istessa mattina nel giardino del sig. grantesoriere, dovi si sarebbe trovato anche il *sudetto secondo ambasciatore* Moscovita, e cosi fu fatto". Затѣмъ слѣдуетъ донесеніе Мартэлли о разговорѣ съ Украинцевымъ... „e tratto sempre meco con somma humanita e con sommo rispetto, e poi ha detto al residente Cesareo che era restato sadisfatissimo di me".

[19]) Кн. № 196, лл. 288, 309 и 310.

королевскаго величества греческія вѣры жителемъ явное гоненіе и утѣсненіе чинится. И не для чего иного въ Люблинъ призывать было указано, только для того, чтобъ всѣ благочестивыя церкви греческаго закона, также и жителей благочестивыхъ въ римскую вѣру или въ унію обратить". Ссылаясь на 4-ую статью Московскаго договора, послы просили донести королевскому величеству, чтобъ онъ „никакого утѣсненія и гоненія чинить не велѣлъ".

„И сенаторы говорили шумно и сердитуя: въ Московскомъ де перемирномъ договорѣ написано только объ уступленныхъ въ сторону королевскаго величества городахъ: Невлѣ, Себежѣ и Велижѣ, чтобъ въ нихъ въ дѣйствованіи богомолія вѣры греческой вольность дана была. И королевское де величество по тѣмъ постановленнымъ договорамъ въ цѣлости непорушимо во всемъ сохраняетъ, и въ тѣхъ вышепомянутыхъ, уступленныхъ городѣхъ въ дѣйствованіи богомолія вольность имѣти позволяетъ, и во употребленіи церквей Божіихъ и вѣры греческой никакой препоны чинить не велитъ.

„А то де королевскому величеству и Рѣчи Посполитой зѣло досадительно, что великій государь его царское величество за подданныхъ его королевскаго величества русской вѣры, которые пребываютъ въ государствѣ его королевскаго величества вступается. И тѣмъ чинится государю ихъ его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой великое безчестье. И ни который христіанскій монархъ не имѣетъ такой власти, чтобъ кто Рѣчью ихъ Посполитою правилъ и въ дѣлахъ указывалъ. А о чемъ они послы предлагаютъ: и того въ государствѣ королевскаго величества не бывало и впредь не будетъ. А что они жъ послы припоминаютъ съѣздъ Люблинской, и будто на тотъ съѣздъ греческія вѣры духовные и мірскіе люди, по универсаламъ королевскаго величества, собраны были по неволѣ, и неволи въ томъ никакой не бывало, а требовали того съѣзду сами греческой вѣры духовные люди. Да и въ вѣрѣ ихъ римской нѣтъ такого обычая, чтобъ въ нее совращать кого по неволи. И легатъ папы Римскаго, который всегда живетъ въ государствѣ королевскаго величества, крѣпко того постерегаетъ, чтобъ неволи никому къ принужденію на вѣру римскую не было, кромѣ того, развѣ кто добровольно обратится.

„И въ государствѣ де королевскагс величества народъ вольный. И еслибы кому чинилась въ чемъ какая кривда, и о томъ вольно говорить на сеймикахъ, и на сеймахъ, и въ трибуналахъ. А греческой де вѣры многіе есть родовитая шляхта. И въ городѣхъ многое

жъ церковное братство. И чтобъ царское величество впредь за подданныхъ королевскаго величества греческой вѣры вступаться не изволилъ потому—неволи имъ въ государствѣ королевскаго величества никакой нѣтъ и впредь не будетъ. Да и въ Гроднѣ царскаго величества послы о томъ говорили жъ, и имъ тогда отвѣтъ учиненъ же и на письмѣ данъ. И нынѣ было о томъ въ другорядь говорить не годилось.

„А надобно де царскому величеству стоять за ту Русь и за грековъ, которые въ неволи у турковъ и у татаръ пребываютъ и не токмо въ вѣрѣ своей утѣсненіе пріемлютъ, но обрѣзаніе бусурманское, и на вѣру магометанскую приневоленіе терпятъ, и поголовные откупы даютъ отъ того. Тѣхъ бы де изволилъ великій государь его царское величество у непріятеля отыскать и увольнить.

„А у королевскаго де величества русской вѣры жителемъ неволи никакой нѣтъ. Еще де наипаче королевское величество указываетъ къ нимъ всякую свою милость, чего напередъ его ни который государь не чинилъ.

„А что Московскаго перемирнаго договору королевскаго величества пословъ князя Михаила Черторыйскаго, воеводы Волынскаго, съ товарищи припоминаютъ они послы о той же греческой вѣрѣ четвертую статью, и то они послы написали безъ указу королевскаго величества и безъ росказанія Рѣчи Посполитой. И на сеймѣ Гродненскомъ королевское величество того не подтвердилъ, и Рѣчь Посполитая не приняла. Да и перемирный де договоръ учинили они послы безъ указу королевскаго величества и безъ росказанья Рѣчи Посполитой. Только де принялъ королевское величество и Рѣчь Посполитая то перемиріе для того, что они послы сенаторы чиновъ высокихъ и о всякомъ радѣніи Рѣчи Посполитой учинили присягу. И Рѣчь де Посполитая такимъ присяглымъ сенаторемъ вѣритъ, что они заприсяженные люди и учинили то, желая Рѣчи Посполитой лутчего" [30]).

Послы выѣхали изъ Варшавы 9-го іюня. Король былъ очень недоволенъ ихъ дѣйствіями. За два дня до ихъ отъѣзда приставъ говорилъ имъ: королевское величество полагаетъ, что коммиссія, которая должна будетъ собраться въ слѣдующемъ году, какъ постановлено въ нынѣшнемъ договорѣ, не состоится, такъ какъ царскому величеству она не такъ необходима, какъ королевскому величеству и Рѣчи

[30]) Кн. № 196, лл. 209—295.

Посполитой; если царское величество не будетъ поступать по братски съ королевскимъ величествомъ, то онъ будетъ искать дружбы у турокъ и татаръ, которые давно уже того желаютъ [21]).

VII.

1680—1682 года.

Донесенія русскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Польшѣ въ 1680 г. относительно вопроса о союзѣ Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ.— Тайные разговоры московскаго гонца Назарія Краевскаго съ гетманомъ Пацомъ и воеводою Трокскимъ Мартіаномъ Огинскимъ, въ іюнѣ 1680 г. — Заботы московскаго правительства о пограничной коммиссіи, которая должна была опредѣлить условія вѣчнаго мира между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою. — Совѣщаніе бояръ 8-го іюля и ихъ приговоръ относительно пограничной коммиссіи. — Отношенія польскаго правительства къ вопросу о той же коммиссіи. — Прибытіе въ Москву польскихъ полномочныхъ пословъ Константина Томицкаго, каштеляна Велюнскаго, и секретаря Юрія Доминика Довмонта, подчашаго Жмудскаго. Совѣщанія съ ними русскихъ уполномоченныхъ.—20-го сентября отпускъ пословъ.—Отправленіе въ Польшу думнаго дворянина Ивана Аѳанасіевича Желябужскаго и дьяка Семена Протопопова, въ декабрѣ 1680 г. Совѣщанія ихъ съ польскими уполномоченными въ 1681 г. 23-го и 28-го февраля, 7-го и 11-го марта, 7-го апрѣля.—Вѣсти, сообщенныя посламъ цесарскимъ резидентомъ и приставомъ Гавріиломъ Черкесомъ.—Намѣреніе короля начать войну съ Турціей. — Шляхтичъ Янъ Пріемскій.—Указъ великаго государя о веденіи „пространныхъ и пристойныхъ любовныхъ разговоровъ“ съ сенаторами. — Отпускъ пословъ 2-го іюня. — Свѣдѣнія, собранныя въ Варшавѣ Желябужскимъ и Протопоповымъ.—Рѣчи волосскаго посланца Костантина Козловскаго и папскаго легата Опиціуса Поллавитинуса.—Пріѣздъ въ Москву польскаго посланника Станислава Невѣстинскаго въ ноябрѣ 1681 г. Переговоры съ нимъ въ декабрѣ того же года.—Общія заключенія о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ въ періодъ времени съ 1676 по 1682 г.

Донесенія русскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 г. [1]), должны были убѣдить московское правительство въ томъ, что союзъ съ Рѣчью Посполитою можетъ только создать новыя трудности, вовлечь въ непроизводительные расходы и не принести никакихъ существенныхъ выгодъ. Надежды, которыя,

---

[21]) Л. 347.

[1]) Они вернулись въ Москву 21-го іюля 1680 г. Кн. № 196, л. 361.

по увѣренію польскихъ уполномоченныхъ, могли быть, по видимому, возлагаемы на цесаря и на папу, тоже оказывались несбыточными. Цесарь не могъ приступить къ союзу восточно-европейскихъ государствъ противъ Турціи и вслѣдствіе своихъ сомнительныхъ отношеній къ Людовику XIV; посредничество папы не оказывало никакого замѣтнаго вліянія на политику того же короля. А между тѣмъ вліяніе его на дипломатическія сношенія Рѣчи Посполитой снова возстановило противъ Польскаго короля литовскую партію.

Съ главными представителями этой партіи гетманомъ Пацомъ и воеводою Трокскимъ Мартіаномъ Огинскимъ имѣлъ тайные разговоры гонецъ великаго государя Назарій Краевскій, отправленный съ царскою грамотою къ русскимъ посламъ. Онъ прибылъ въ Гродну 9-го іюня и оставался здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. По пріѣздѣ сюда, онъ не засталъ гетмана и имѣлъ свиданіе съ воеводою Трокскимъ Мартіаномъ Огинскимъ. Ему Краевскій объявилъ въ тайнѣ, что онъ, по указу великаго государя, присланъ къ гетману и къ нему воеводѣ для переговоровъ. Огинскій отвѣчалъ, что ему одному трудно учинить отповѣдь, и онъ пошлетъ извѣщеніе къ гетману. Когда прибылъ въ Гродну Пацъ, Краевскій имѣлъ съ нимъ тайное свиданіе, на которомъ присутствовалъ и воевода Трокскій Мартіанъ Огинскій. Краевскому было поручено переговорить съ ними о способахъ къ заключенію союза и, по возвращеніи въ Москву, онъ представилъ въ Посольскій приказъ письменные отвѣты гетмана, въ которыхъ высказывается готовность содѣйствовать намѣреніямъ великаго государя. Пацъ негодовалъ на короля за его потворство Франціи. Лучше, писалъ онъ,—совѣщаться съ чинами Рѣчи Посполитой, чѣмъ съ тѣмъ, кого „французженинъ съ туркомъ посадилъ на королевскій престолъ“ [2]).

Еще до возвращенія пословъ въ Москву, здѣсь были озабочены не изысканіемъ способовъ къ заключенію союза съ Рѣчью Посполитою, а тѣмъ вопросомъ, который уже давно приковывалъ къ себѣ главное вниманіе московскаго правительства, вопросомъ о пограничной коммиссіи, которая должна была опредѣлить условія вѣчнаго мира между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою. Вслѣд-

[2]) № 195, лл. 591—608. „Онъ же Назарей слышалъ отъ Яна Храповицкаго, воеводы Витебскаго, говорилъ де ему онъ Янъ: „видятъ де они, что царское величество слученіе съ ними чинить не изволилъ. И впредь того дѣла не чають же, потому что де Москва усматриваетъ прибыли себѣ, а не имъ. И того де для гинутъ они. Пускай же и Москва съ ними пропадетъ“.

ствіе заявленія русскихъ пословъ, бывшихъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 г., созваніе пограничной коммиссіи было отложено до 1681 г., о чемъ и дана была ими запись.

8-го іюля 1680 г. происходило въ Москвѣ совѣщаніе бояръ о коммиссіи, имѣющей собраться въ 1681 г. На этомъ совѣщаніи присутствовали бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, Петръ Михайловичъ Салтыковъ, Иванъ Михайловичъ Милославскій, Василій Семеновичъ Волынской, Иванъ Ѳедоровичъ Стрешневъ, князь Юрій Никитичъ Барятинской. Бояре приговорили: 1) „Запись, какову дали государевы послы нынѣ польскимъ сенаторамъ объ отложеніи коммиссіи отставить не мочно; только тою записью на съѣздѣ послы при посредникахъ къ нарушенію договоровъ будутъ причитать, что неприбытіе по договорамъ посредниковъ и пословъ учинилось съ стороны царскаго величества, а у королевскаго величества было готово".

2) „Какъ о той записи великій государь изволитъ, только посредниковъ звать время. Изъ прежнихъ звать короля Датскаго и послать къ нему гонца подъячаго съ грамотою, дать вѣдать коммиссіи срокъ".

3) „Прежняго посредника цесаря Римскаго отставить для тѣхъ причинъ, что онъ будетъ общій, а пріятства на государеву сторону, хотя онъ и хотѣлъ бы учинить, не можетъ, потому что онъ безсиленъ и короля Польскаго во всемъ слушаетъ, а Французскаго боится и отъ турка имѣетъ, по близости своихъ земель, страхъ и впредь по тѣмъ причинамъ надѣяться на него въ добрѣ не мочно. Да и для того, что онъ царскаго величества и полномочнымъ посламъ, по государскому желанію, никакой дружбы не показалъ".

4) „Вмѣсто бъ цесаря, призвать въ посредство Англійскаго короля, хотя онъ будетъ и общій посредникъ съ королемъ Польскимъ, только онъ великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Россійскимъ исконный другъ и чаять бы онъ больше похотѣлъ добра на государеву сторону. А буде бы онъ похотѣлъ просить прежней повольности въ торгахъ, и его бъ тѣмъ и обнадежить противъ прежняго въ то время, какъ у великаго государя у его царскаго величества успокоится война съ Турскимъ султаномъ и съ Крымскимъ ханомъ, и буде его посредствомъ съ Польскимъ королемъ учинится вѣчный миръ на волѣ великаго государя. А о сборѣ пошлинъ выписать, что по прежнему было въ сборѣ и что послѣ англичанъ при торговомъ уставѣ".

5) „Ко Французскому королю посланника отпустить съ тѣмъ,

что великій государь его царское величество, по волѣ всемогущаго Бога, учинился на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія на престолѣ отца своего государева. И то будетъ Французскому королю въ любовь. Да посланникамъ же говорить о торговыхъ дѣлахъ, о чемъ его королевское величество напередъ сего желалъ, и чтобъ его подданные ѣздили торговать къ Архангельскому городу или въ Великій Новгородъ и во Псковъ. И какіе товары его королевскому величеству будутъ годны, тѣ бъ имали, по договорной цѣнѣ, по прямому торгу, съ платежемъ пошлинъ. А его бъ королевскаго величества подданные товары свои продавали по прямой же цѣнѣ съ пошлинами. А буде онъ учнетъ называться въ посредники, и ему сказать, что онъ будетъ съ стороны королевскаго величества польскаго посредникомъ. А великій государь его царское величество, по исконной дружбѣ, и безъ посредничества на его королевское величество надежность имѣетъ, что его королевское величество на его государскую сторону непріятства никакого чинити не похочетъ. А буде учнетъ гораздо принуждать о призываніи своемъ въ посредство, и ему объявить чрезъ ближнихъ его людей тайно, что посредникъ не долженъ никакой неволи при договорахъ чинить, только долженъ выслушать съ обѣихъ сторонъ. И если между обоихъ великихъ государей дойдетъ до успокоенія дѣлъ, то добро. А если за какими трудностями мирный договоръ совершенія своего не воспріемлетъ, тогда посредниковъ съ учтивостью отпустить, а самимъ тѣ всѣ дѣла отложить на дальнее время. Тому всему свидѣтельствуютъ договоры съ королемъ Польскимъ. А великій государь его царское величество и безъ посредниковъ съ королемъ Польскимъ о мирныхъ договорахъ и о союзѣ христіанскомъ на бусурманъ пересылки чинитъ, о чемъ его королевскому величеству не безвѣстно, и королевское величество учинити того не похотѣлъ. И чтобъ его королевское величество французской, яко государь христіанскій, по исконной дружбѣ его царскому величеству съ христіанскаго своего намѣренія объявилъ, какъ бы учинить христіанству покой и отвращеніе отъ христіанскихъ государствъ бусурманъ. И когда великій государь его царское величество дознаетъ въ томъ его королевскаго величества пріятство, тогда его королевскому величеству взаимно такою жь братскою любовью будетъ воздавати".

Этотъ приговоръ боярскій 9-го іюля былъ утвержденъ великимъ государемъ [1]).

[1]) Кн. № 199, лл. 15—21.

Съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ московское правительство, относилось къ вопросу о пограничной коммиссіи правительство Рѣчи Посполитой. Его болѣе занимали переговоры о союзѣ. Но какъ ни желало оно скорѣйшаго благопріятнаго для себя окончанія этихъ переговоровъ, заключенія союзнаго договора съ Московскимъ государствомъ, какъ ни значительны были уступки, дѣлаемыя королемъ, событія отодвигали все далѣе и далѣе осуществленіе его завѣтной мысли — возвращеніе Каменца, а вмѣстѣ съ нимъ и юго-западной Украйны. Во время пребыванія въ Гроднѣ, въ іюнѣ 1680 года, Краевскій слышалъ отъ гетмана Паца: „говорилъ де ему гетману королевское величество, и инымъ сенаторамъ, что имъ съ великимъ государемъ союзъ учинить никакъ не возможно, потому что Москва турковъ боится. И полководцевъ добрыхъ у нихъ [московитянъ] нѣтъ и биться съ ними [турками] не умѣютъ. И если де учинится союзъ, то чаетъ онъ, что ихъ выдадутъ" [4]). Не смотря однако на горькое разочарованіе, королю, не располагавшему необходимыми для самостоятельной политики средствами, приходилось идти по старой тропѣ, изыскивать новые способы для слученія силъ Московскаго государства съ силами Рѣчи Посполитой.

Въ августѣ 1680 года явились въ Москву полномочные польскіе послы Константинъ Томицкій, каштелянъ Велюнскій, и секретарь Юрій Доминикъ Довмонтъ, подчашій Жмудскій [5]). 27-го августа послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы имъ быть на пріѣздѣ у великаго государя, и каштелянъ Константинъ Томицкій обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Ужъ многажды на воинскихъ бояхъ кровавымъ потомъ обливался наияснѣйшій король Польской, государь нашъ милостивый, когда на хотинскихъ бояхъ съ немногими рыцарями выгналъ толикое множество непріятельскихъ войскъ изъ валовъ, обозовъ и смерти ихъ предалъ, а потомъ въ журавинскихъ окопахъ бывшимъ всѣмъ восточнымъ гордымъ силамъ насмѣялся и застыдилъ ихъ. Дожидается подобный случай къ безсмертной славѣ вашего царскаго величества, если людей тѣхъ своихъ толико многихъ рыцарскихъ, которые въ тоскѣ безъ воинскихъ чиновъ въ обозахъ время теряютъ, на тотъ бой спровадити повелите, гдѣ вѣра святая хри-

[4]) Кн. № 195, л. 602.

[5]) Кн. № 199, лл. 75 и сл. Томицкій и Довмонтъ прибыли въ Смоленскъ 31-го іюля. Съ ними было королевскихъ дворянъ 16 человѣкъ да 2 ксендза, посольскихъ и дворянскихъ людей 295 человѣкъ. 2-го августа послы выѣхали изъ Смоленска. Лл. 75, 94—95, 106.

стіанская неотволочнаго требуетъ пособствія. Если только великіе достатки государства своего на защищеніе всего христіанства поволити изволите, на ту вашего царскаго величества храбрость, все что ни есть подъ именемъ христіанскихъ князей, королей и монарховъ взираютъ, прилежно дожидаяся, дабы имъ ваше царское величество обѣщаніемъ своимъ войны святой подалъ извѣщеніе. Къ чему, если постоянно приложитися изволите, если съ толико великою охотою къ чинамъ воинскимъ, которую охоту до нынѣ въ сердцѣ своемъ содержаще всему міру объявить изволите, не только тѣмъ толико великихъ предковъ своихъ величіемъ славы своея превзыдете, но такожъ на вѣки вѣчные воспоминаніе о себѣ наслѣдникамъ своимъ благодарнымъ оставите. Угасите ваше царское величество тотъ воинскій пожаръ, который не только тѣ два превеликіе государства, въ сосѣдствѣ близкомъ и пріятствѣ между собою будущія, поглотити желаетъ, но такожъ примирныя и желательныя всегда народу вашего царскаго величества наиясиѣйшаго цесаря христіанскаго государства пожрети хочетъ“ [6]).

Веденіе переговоровъ съ польскими послами было поручено ближнему боярину и намѣстнику Обдорскому Василію Семеновичу Волынскому, думному дворянину и намѣстнику Курмышскому Ивану Аѳанасьевичу Желябужскому и думному дьяку Ларіону Иванову [7]).

Въ первомъ же совѣщаніи, 30-го августа, послы горячо настаивали на томъ, чтобы имъ было объявлено, съ какими порученіями отправили посланниковъ царскаго величества къ султану и Крымскому хану. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что эти посланники были отправлены для переговоровъ о плѣнныхъ; королевское величество посылалъ къ султану Спандовскаго, а къ Крымскому хану Карвовскаго, и бояре и думные люди даже не развѣдывали о порученіяхъ, данныхъ помянутымъ посланцамъ, такъ какъ царское величество надеженъ на королевское величество. Послы этимъ отвѣтомъ не удовольствовались, продолжали настаивать на томъ, чтобы имъ были объявлены наказы, данные русскимъ посланцамъ, и заставили русскихъ уполномоченныхъ доложить объ этомъ великому государю. Исполнивъ это требованіе, думные люди заявили тоже, что уже было ими заявляемо: „И того ни въ которыхъ государствахъ не повелось,

---

[6]) Лл. 300—301.
[7]) Л. 334.

чтобъ посламъ пріѣхать досматривать грамотъ государскихъ и наказовъ" [8]).

Когда приступили къ переговорамъ объ условіяхъ союза, оказалось невозможнымъ примирить требованія той и другой стороны. Послы настаивали на необходимости вести войну наступательную, требовали помощь деньгами и ратными людьми. Русскіе уполномоченные заявляли, что царское величество соизволяетъ послать войско на Крымскаго хана и отправить ратныхъ людей на помощь королевскому величеству, если онъ предприметъ походъ въ Волосскую землю. Сначала думные люди предложили на помощь королевскому величеству 3,000, а затѣмъ 5,000 человѣкъ. Послы просили со стороны царскаго величества помощи войскомъ въ 40,000 человѣкъ, затѣмъ въ 20,000 человѣкъ; со стороны же королевскаго величества объявляли всего только 3,000 человѣкъ [9]). Въ безплодныхъ спорахъ прошло девять совѣщаній [10]) и 20-го сентября послы были на отпускѣ [11]).

Еще во время пребыванія русскихъ пословъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 года до короля дошли слухи о переговорахъ московскаго правительства съ султаномъ, и тогда же сенаторы обратились къ посламъ съ запросами о цѣли этихъ переговоровъ. Еще настоятельнѣе были запросы о томъ же польскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Москвѣ въ августѣ и сентябрѣ 1680 года. Именно въ это время для окончанія переговоровъ съ Крымскимъ ханомъ и султа-

---

[8]) Лл. 334—358.

[9]) Лл. 380—381, 427, 472, 462, 465, 501, 565.

[10]) Августа 30, 31; сентября 2, 4, 7, 13, 16, 17 и 19.

[11]) Л. 568. 29-го сентября послы выѣхали изъ Москвы, л. 666. 11-го сентября (1680 г.) послы, по принятіи съ почты присланныхъ на ихъ имя бумагъ, говорили стольнику Семену Алмазову и дьяку Василію Постникову: „*У салтана жъ де замыслъ, чтобъ волохъ и мултянъ изъ земли ихъ всѣхъ вывесть. А въ ихъ бы мѣсто населить и жить туркомъ, чтобъ на сей странѣ Дуная во всѣхъ мѣстехъ насажены были турки*, а имя бъ христіанское нигдѣ не помянулось. И для того изъ Волосской земли къ королевскому величеству польскому присыланы были знатные люди, чтобъ имъ указалъ королевское величество въ своемъ государствѣ для поселенія дать мѣсто. И молятъ Господа Бога, дабы, по своей неизреченной милости, благословилъ великихъ государей, царское величество и королевское величество, между ихъ крѣпкимъ союзомъ. А они волохи и мултяне къ тому союзу пристать готовы" (л. 484). Monuments etc. *Theiner*, p. 211—212, № CLXIX, письмо Томицкаго къ нунцію, изъ Можайска, 12-го октября, 1680 года— „dux magnus, mihi expeditione 30 Septembris data, iisdem fere vestigiis ad regem serenissimum remque publicam nostram legatos suos submittit, qui utinam optatum christiano orbi hoc tandem alioquando terminent opus".

номъ были отправлены въ Крымъ стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ [12]). Московское правительство имѣло основаніе ожидать благопріятнаго окончанія этихъ переговоровъ, желало, какъ можно предполагать, не союза съ Польшею, а заключенія мирнаго договора съ Турціей. Но въ то же самое время оно считало необходимымъ продолжать переговоры съ Рѣчью Посполитою о союзѣ противъ Турціи. Польскій король могъ помѣшать этимъ переговорамъ, могъ предложить свои услуги Турціи, а не то—сообщить свѣдѣнія, которыя повредили бы интересамъ Московскаго государства. Политическіе расчеты требовали принятія мѣръ къ тому, чтобы не допустить короля ко вмѣшательству въ отношенія Московскаго государства къ Крымскому хану и султану. Необходимо было также, по возможности, обстоятельно и заблаговременно узнать о томъ, что предприметъ Рѣчь Посполитая по полученіи извѣстія о договорѣ Московскаго государства съ Турціей.

Три мѣсяца спустя послѣ того, какъ польскіе послы оставили Москву, а именно въ декабрѣ 1680 года, велѣно было ѣхать въ Польшу думному дворянину Ивану Аѳанасьевичу Желябужскому и дьяку Семену Протопопову. 23-го октября они были на отпускѣ, а 7-го января выѣхали изъ Москвы [13]).

Въ первомъ же совѣщаніи, 23-го февраля 1681 года, сенаторы обратились къ посламъ съ просьбой объявить имъ, заключилъ ли великій государь миръ съ султаномъ и Крымскимъ ханомъ, о чемъ дошли извѣстія до королевскаго величества. Послы завѣряли, что отъ великаго государя къ султану и Крымскому хану „пословъ не посылано о договорѣ и вѣчнаго миру не учинено" [14]). Затѣмъ приступили къ переговорамъ объ условіяхъ союза, и въ нихъ самымъ спор-

---

[12]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., XIII, по изд. 1863 г., стр. 288.

[13]) Кн. № 202, лл. 1 и 3. Въ кн. № 201, лл. 26—28. 1680 г. декабря 20, царская грамота гетману съ извѣщеніемъ объ отправленіи въ Польшу пословъ. „На отпуску той великаго государя грамоты помѣта думнаго дьяка Ларіона Иванова: 189 года декабря въ 17 день великій государь, слушавъ сей грамоты въ комнатѣ и совѣтуя съ святѣйшимъ патріархомъ и говоря съ своими государевыми ближними бояры, указалъ отпускать, да и въ Польшу послать пословъ не мѣшкавъ, чтобъ они поспѣшили къ сейму". Съ Желябужскимъ были посланы: 1 дворянинъ, 5 человѣкъ „изъ житья"; переводчикъ польскаго и латинскаго языковъ Иванъ Тяжкогорскій и 4 подъячихъ (л. 80 и сл.).

[14]) Кн. № 202, л. 59. Стат. списокъ Ивана Желябужскаго и Семена Протопопова. Monumenta, *Theiner*, p. 215, № CLXXIV. „Primus congressus fuit die 5 Martii 1681".

нымъ являлся вопросъ о числѣ войска съ той и другой стороны. Послы русскіе, по обыкновенію, начинали съ предложенія условій, менѣе выгодныхъ, и затѣмъ, уступая запросамъ польскихъ уполномоченныхъ, измѣняли эти условія къ выгодѣ Рѣчи Посполитой, хотя представителямъ ея всѣ предлагаемыя съ русской стороны измѣненія по бо́льшей части казались ничтожными.

Въ совѣщаніи 28-го февраля послы предложили, чтобы со стороны царскаго величества было отправлено на помощь королевскому величеству 10,000 человѣкъ пѣхоты, съ его же стороны должно быть отправлено на помощь царскому величеству 9,000 человѣкъ конницы. Это предложеніе сенаторы называли непристойнымъ. Королевское величество, говорили они, согласенъ выставить 60,000 войско и столько же должно быть и со стороны царскаго величества; для похода русскихъ въ Крымъ король даетъ въ помощь великому государю отрядъ въ 2,000 человѣкъ. Русскіе уполномоченные замѣтили, что польскіе послы, бывшіе въ Москвѣ, просили со стороны царскаго величества всего только 20,000 человѣкъ. То, отвѣчали сенаторы,—послы предлагали сами собою. На это русскіе уполномоченные возразили: „Всякой посолъ повиненъ указъ государя своего исполнять, что ему будетъ наказано, а не по волѣ своей чинить“ [15]).

Относительно числа ратныхъ людей, которые должны быть выставлены каждымъ союзникомъ, русскіе уполномоченные въ шестомъ совѣщаніи, происходившемъ 7 марта, предложили со стороны царскаго величества 20,000 человѣкъ со стороны королевскаго величества—10,000 чел. конницы „для крымскаго промысла [16]). Это предложеніе тоже не было принято и въ совѣщаніи 11-го марта сенаторы объявили посламъ о томъ, что они получаютъ отпускъ. Тогда послы всѣми мѣрами домогались, чтобы королевское величество дозволилъ имъ отправить къ великому государю отписку. Объ этомъ доложили королю, и онъ изъявилъ свое согласіе на то, чтобы они пребывали въ Варшавѣ до полученія царской грамоты, хотя сенаторы и были убѣждены въ томъ, что послы испрашивали время на полученіе царской грамоты только для того, чтобы затянуть переговоры [17]), и едва ли это убѣжденіе было неосновательно. Московское правительство могло желать замедленія перего-

---

[15]) Кн. № 202, лл. 70—91. *Theiner*, p. 217.

[16]) Кн. № 202, лл. 115—130. *Theiner*, p. 218: „Congressus sextus die 17 Martii“. „Itaque legati Moschovitici post longas contestationes obtulerunt 20,000 peditum; sub conditione tamen, quod respublica ipsis det 10,000 equitum“.

[17]) Кн. № 202, лл. 140—157.

воровъ съ польскими уполномоченными относительно союза съ цѣлью выждать окончаніе переговоровъ съ Турціей. Тогда только могли выясниться требованія, которыми необходимо было руководствоваться въ отношеніяхъ къ Рѣчи Посполитой. Въ случаѣ заключенія договора съ Турціей, отъ союза съ Польшей, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время необходимо было уклониться; въ случаѣ продолженія войны съ Турціей, можно было предложить Рѣчи Посполитой условія болѣе выгодныя, чѣмъ тѣ, которыя были предложены.

Въ совѣщаніи 7-го апрѣля сенаторы обратились къ посламъ съ предложеніемъ объявить послѣднія условія. Послы отвѣчали: все, что имъ велѣно было объявить по наказу, ими объявлено; замедленіе же въ переговорахъ чинится не отъ нихъ, а отъ королевскаго величества, такъ какъ, по его приказанію, задержали посыльщика, отправленнаго съ отпискою къ великому государю. Имъ объявили, что посыльщикъ ихъ отпущенъ.

Черезъ два дня послѣ описаннаго совѣщанія послы отправили переводчика Тяжкогорскаго для провѣдыванія вѣстей къ цесарскому резиденту, и онъ сообщилъ довольно важныя новости: Турція готовится къ новой войнѣ, а между тѣмъ приходятъ вѣсти о заключеніи мира съ Россіей. „И того де поляки“, говорилъ резидентъ,— „зѣло опасны, чтобы за тѣмъ миромъ не пришелъ на нихъ тотъ непріятель войною“. Сеймъ не кончится за тѣми трудностями, что въ корунѣ и въ Литвѣ войску быть противъ непріятеля числа подлиннаго не положено, и на то войско какимъ поборамъ быть и откуда того не постановлено [18]).

Вѣроятно вѣсти о заключеніи московскимъ правительствомъ мира съ Турціей и опасенія, о которыхъ сообщалъ цесарскій резидентъ, заставили короля прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ, съ цѣлью склонить сеймъ къ признанію союза съ Россіей. 1-го мая къ посламъ нашимъ пріѣзжалъ приставъ Гавріилъ Черкесъ, который, по приказанію короля, сообщилъ имъ въ тайнѣ: „Завтрашняго де числа его королевское величество станетъ засѣдать съ сенаторами и съ повѣтовыми послами въ сеймовой посольской избѣ для рады государственной и ихъ посольскаго дѣла. И вѣдомо де его королевскому величеству учинилось, что нѣкоторые изъ сенаторей особы, хотя тому доброначатому дѣлу помѣшку учинить, сеймъ хотятъ разорвать и, не дождався на ихъ посольскую обсылку отъ царскаго

---

[18]) Кн. № 202, лл. 180—193.

величества указу изъ Варшавы разъѣхаться хотятъ для того, что въ томъ дѣлѣ многіе королевскому величеству не довѣриваютъ, чтобъ съ царскимъ величествомъ королевское величество, учиня тотъ союзъ, ихъ польскія вольности не отнялъ и подъ свое сомодержавство не привелъ. И чтобъ они царскаго величества послы завтрашняго числа, какъ королевское величество засядетъ въ сеймовой избѣ, прислали отъ себя королевскаго величества на дворъ переводчика и велѣли бъ, вызвавъ изъ сенаторской избы, гетману Литовскому Михаилу Пацу или корунному Польскому гетману, воеводѣ Русскому Яблоновскому говорить, что будто имъ посламъ вѣдомость такая есть: что царское величество указалъ имъ посламъ о томъ союзѣ при его королевскомъ величествѣ договоръ учинить и подтвердить. И тотъ царскаго величества указъ съ Москвы къ нимъ посламъ уже посланъ, и нынѣ въ дорогѣ, и чаютъ, что придетъ тотъ указъ къ нимъ посламъ вскорѣ. И они де гетманы тое ихъ посольскую присылку въ то жъ время въ сеймовой избѣ объявятъ королевскому величеству и Рѣчи Посполитой. И чаетъ де королевское величество, что тою ихъ посольскою присылкою сеймъ удержится и, слыша Рѣчь Посполитая такой ихъ посольскій къ нимъ приказъ, того сейму разрывать никто не будетъ, а станутъ ожидать отъ царскаго величества къ нимъ посламъ посланнаго указу" [19]).

На это предложеніе короля послы не изъявили согласія. 4-го мая приставъ Черкесъ объявилъ посламъ о томъ, что король получилъ вѣрное извѣщеніе о заключеніи мира между Россіей и Турціей. Послы на это заявили, что они никакихъ вѣдомостей изъ Москвы не имѣютъ.

Не смотря однако на полученное королемъ важное извѣстіе, онъ желалъ провести на засѣданіяхъ сейма, происходившихъ въ маѣ мѣсяцѣ, предложеніе о начатіи войны съ Турціей. Все, какъ сообщилъ посламъ приставъ Черкесъ, было подготовлено на сеймѣ для рѣшенія вопроса относительно войны, но „по наученію не желающихъ Рѣчи Посполитой добра нѣкоторыхъ особъ изъ воеводства Познанскаго", посолъ шляхтичь Янъ Пріемскій вышелъ изъ сеймовой избы, „и тѣмъ своимъ непозволеніемъ сеймъ остановилъ". Король послалъ епископа Познанскаго уговаривать Пріемскаго не разрывать сейма и пріидти въ сеймовую избу, но епископъ уже не засталъ его дома: Пріемскій уѣхалъ къ себѣ въ воеводство. Ходили слухи,

---

[19]) Лл. 194—195.

что онъ и его единомышленники подвергнутся суду. Главнымъ же виновникомъ неудачнаго окончанія сейма считали гетмана Литовскаго Михаила Паца, а онъ дѣйствовалъ по замыслу курфирста Бранденбургскаго [20]).

27-го мая сенаторы объявили посламъ: хотя сеймъ и не сдѣлалъ окончательнаго постановленія относительно войны съ Турціей, все же вопросъ о союзѣ Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и они сенаторы отъ тѣхъ предложеній, которыя были заявлены посламъ, не отступаютъ.

На слѣдующій день послы получили наконецъ царскія грамоты. Посламъ велѣно было объявить о договорѣ съ Турціей, просить объ отпускѣ, а на послѣднія предложенія сенаторовъ относительно союза заявить о томъ, что имъ будетъ данъ отвѣтъ впослѣдствіи. Предписывалось вести съ сенаторами „пространные и пристойные любовные разговоры“, чтобы „впредь множилась дружба и любовь“, но содержаніе этихъ любовныхъ разговоровъ запрещалось излагать письменно [21]).

30-го мая послы исполнили вновь полученныя ими предписанія. Выслушавъ заявленія ихъ, сенаторы говорили: „Свидѣтельствуются они Господомъ Богомъ и разсудитъ то весь свѣтъ, что къ тому доброму и всему христіанству потребному дѣлу королевскаго величества и Рѣчи Посполитой радѣніе и охота была и желали того вседушно, чтобъ съ его царскимъ величествомъ, союзъ учиня, итти противъ того непріятеля вообще всѣмъ христіанамъ на оборону. И имѣючи въ томъ на царское величество надежду королевское величество и Рѣчь Посполитая и ко окрестнымъ государямъ то святое дѣло огласили. А нынѣ видятъ они, что конечное къ тому доброму дѣлу неизволеніе его царскаго величества и нынѣшнее ихъ посольство не ко оборонѣ христіанской, къ пущему разоренію его королевскаго величества государству приводитъ. И гдѣ бы на свѣтѣ такой христіанской поступокъ явился, какъ съ стороны царскаго величества учинено: отпустя посланниковъ для договору о миру къ хану, а ихъ пословъ изволилъ царское величество прислать къ королевскому величеству противъ того жъ непріятеля о союзѣ и о наступленіи на него договоръ чинить. И розглаша то дѣло всему свѣту и непріятелю ихъ то святое и всему христіанству потребное дѣло оставя и

[20]) Лл. 198—208.
[21]) Лл. 213 и слѣд.

приведчи ихъ тѣмъ розголошеніемъ непріятелю въ самую злобу и ссору, учинили съ тѣмъ непріятелемъ перемирье, который отъ своей злобы и отъ розголошенія того союзу государству его королевскаго величества починитъ великое раззореніе и инымъ государствамъ многое утѣсненіе. Такъ же де и царскаго величества государству въ томъ перемирьѣ покой и прибыль малая будетъ, и то разсудитъ Богъ, кто будетъ къ пролитію той христіанской крови причиною [22])".

На это послы отвѣчали, что перемирье учинено „для свободы страждущихъ въ неволѣ православныхъ христіанъ"...

Не смотря на горькія жалобы поляковъ, послы были отпущены 2-го іюня „по прежнему посольскому обычаю съ любовью [23])". Съѣздъ коммиссіи для договора съ Рѣчью Посполитою, назначенный въ 1681 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ, былъ отложенъ [24]).

Желябужскому и Протопопову, во время долгаго пребыванія ихъ въ Варшавѣ, также какъ и другимъ русскимъ посламъ XVII вѣка, представился случай собрать нѣкоторыя, не лишенныя политическаго значенія, свѣдѣнія отъ лицъ посторонних, не принимавшихъ непосредственнаго участія въ дипломатическихъ переговорахъ. Варшава во второй половинѣ XVII вѣка была центромъ оживленныхъ политическихъ сношеній. Отношенія Польши и Россіи къ Турціи обращали на себя вниманіе и цесаря, и папы, и Французскаго короля. За этими отношеніями слѣдили съ живѣйшимъ вниманіемъ и въ Малой Россіи, и въ Венгріи, и въ земляхъ, подвластныхъ Турціи.

24-го февраля 1681 г. приходилъ къ посламъ Волосскаго господаря посланецъ Константинъ Козловскій и говорилъ: Посланъ онъ къ королевскому величеству просить его объ избавленіи отъ ига бусурманскаго. Они Волошане надѣются на союзъ королевскаго величества съ царскимъ величествомъ. „А если де королевское величество станетъ ихъ обнадеживать своими войсками безъ слученія царскаго величества войскъ, и они де на одного королевскаго величества въ оборонѣ надежности имѣть не будутъ. А буде изволитъ великій государь его царское величество прислать къ нимъ войска своего хотя 10,000 человѣкъ, и они де волошане при тѣхъ царскаго величества войскахъ и сами стоять учнутъ противъ того непріятеля крѣпко и надежны будутъ, и никогда бъ де бусурмана

---

[22]) Кн. № 201, лл. 240 и 241.

[23]) Лл. 245—247.

[24]) Кн. № 203, лл. 1—2.

за Дунай не перепустили; также де и мултяне, и сербы отъ нихъ волоховъ не отстали. А чаялъ бы де онъ, что и Седмиградская земля турку была не прочна и нынѣ де она всегда бунтуетъ". „А они де волошане хотя и множественныя царскаго величества войска прокормить у себя могутъ и всякими запасами удовольствовать. И радостно бъ имъ то было, что удовольствовать христіанъ, нежели бусурманъ. А какъ де бусурманскія войска ходятъ противъ царскаго величества войскъ, и они де тѣмъ войскамъ всякое удовольствованіе чинятъ же. А за милосердіемъ Божіимъ еще они запасами не скудны и скотомъ животиннымъ довольны.

„И по сю де сторону Дуная въ Волосской землѣ турскихъ войскъ, опричь Каменца Подольского, нигдѣ нѣтъ. А въ Каменцѣ де Подольскомъ только осадныхъ людей тысячь съ шесть. Да и за Дунаемъ де нигдѣ сбору войскамъ турскимъ нѣтъ же, и нынѣшняго де году къ Кіеву турскимъ войскамъ приходу не будетъ". Упомянувъ затѣмъ о переговорахъ султана съ царскимъ величествомъ, Козловскій продолжалъ: „А мысль де ихъ бусурманская, чтобъ помирась съ царскимъ величествомъ овладѣть Польшею... Да и къ царскому де величеству владѣтель ихъ и Волосской земли жители хотѣли послать отъ себя съ тѣмъ же, съ чѣмъ и онъ присланъ къ королевскому величеству. Только де къ Кіеву проѣздъ труденъ и берегутъ накрѣпко. И Хмельниченко де того стережетъ крѣпко жъ, чтобъ кто съ письмами какими не проѣхалъ. И въ Польшу де владѣтель ихъ послалъ его тайнымъ обычаемъ, только де въ Польшу проѣхать свободнѣе. „А вѣрѣ де ихъ христіанской и церквамъ благочестивымъ отъ бусурманъ конечное утѣсненіе. И опасеніе де турки великое имѣютъ отъ царскаго величества, потому что христіане, подъ туркомъ живущіе, всѣ того ожидаютъ, чтобъ царскаго величества войска въ ихъ землю вступили, и христіане бъ всѣ отъ турокъ отступили и приключились къ войскамъ царскаго величества" [25]).

Съ тѣми же русскими послами, съ которыми посланецъ Волошскаго господаря говорилъ о великихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на царское величество христіанскими народами, живущими подъ игомъ турецкимъ, велъ разговоръ о союзѣ противъ Турціи и папскій легатъ Опицій Поллавитинъ. Пріѣхавъ къ посламъ 9-го марта, онъ сталъ уговаривать ихъ, чтобъ они „для славы" великаго государя не

[25]) № 202, лл. 63—65.

разстроивали бы столь добраго дѣла, какъ заключеніе союза противъ Турціи. Легатъ обѣщалъ приводить и королевское величество, и Рѣчь Посполитую къ святому союзу. „А будетъ де", говорилъ онъ,—„у царскаго величества то доброе дѣло съ королевскимъ величествомъ учинится, и папа де его королевскому величеству помощь хотя не людьми, ино денежною казною спомоществуетъ, такъ же и иные государи помощь за промысломъ и радѣніемъ папежскимъ учинятъ же" [26]).

Послѣ заключенія московскимъ правительствомъ договора съ Турціей, казалось, должны были прекратиться и переговоры съ Рѣчью Посполитою о союзѣ. А между тѣмъ они не прекращались. Кромѣ политическихъ событій, которыя имѣли прямое вліяніе на эти переговоры, на нихъ оказывали также не малое вліяніе и отдаленныя отъ Восточкой Европы событія западно-европейскія, отношенія Французскаго короля къ цесарю и его отношенія къ султану.

Въ 1681 г., ноября 12-го, голова московскихъ стрѣльцовъ Елизарій Жуковъ вмѣстѣ съ переводчикомъ ѣздили за Днѣпръ по Смоленской дорогѣ встрѣчать польскаго посланника Станислава Невѣстинскаго, съ которымъ было 6 человѣкъ дворянъ да 44 человѣка прислуги. Посланные къ нему на встрѣчу спрашивали: для какихъ дѣлъ онъ пріѣхалъ? и услышали слѣдующій отвѣтъ: пріѣхалъ онъ съ королевскою грамотою и въ отвѣтѣ де ему быть велѣно, и крестъ поцѣловать, а королевское величество договорныя статьи у него приметъ. „Султанъ де Турской воюетъ цесаря Римского и впредь многими полками султанъ Турской на цесаря Римского готовится. А венгры де, которые подъ цесаревымъ владѣніемъ, на цесаря бунтъ подняли. И султановою де помощію они венгры его жъ цесаря воюютъ. А хочетъ де султанъ, чтобы цесарь, убоявся той войны цесарской, свой вѣнецъ отдалъ Французскому королю. А буде не отдастъ, и онъ де государство его хочетъ разорить" [27]). 29-го ноября посолъ былъ на пріѣздѣ, а на слѣдующій день великій государь указалъ ему быть въ посольскомъ приказѣ на совѣщаніи съ окольничимъ и намѣстникомъ каргопольскимъ Иваномъ Ивановичемъ Чаадаевымъ и думнымъ дьякомъ Ларіономъ Ивановичемъ Ивановымъ. Въ первомъ же совѣщаніи 30-го ноября посолъ объявилъ, что королевское величество призываетъ и проситъ царское величество приступить къ союзу и

[26]) Кн. № 202, л. 137.
[27]) Кн. № 204, лл. 732—734.

начать войну, „на которую и главу свою его королевское величество несетъ, и всѣ войска свои коронныя и литовскія и посполитое рушенье собираетъ, и желаетъ, чтобы то дѣло могло нынѣ принять подлинное совершеніе“ [28]).

Во второмъ совѣщаніи, 2-го декабря, посолъ объявилъ новые способы къ слученію: 1) королевское величество желаетъ получить отъ царскаго величества помощь въ 18,000 человѣкъ пѣхоты и въ 2,000 человѣкъ конницы; 2) войскамъ царскимъ воевать не только въ полѣ, но чинить воинскій промыселъ и ко взятію городовъ; 3) чтобы войска царскаго величества помогали войскамъ королевскаго величества взять Каменецъ. Для промысла крымскаго королевское величество предлагаетъ въ помощь царскому величеству 5,000 человѣкъ. „Королевское величество“, говорилъ посолъ,—„писалъ ко всѣмъ христіанскимъ государямъ о помощи, но болѣе всего надѣется онъ на царское величество“.

На эти заявленія русскіе уполномоченные въ третьемъ совѣщаніи дали такой отвѣтъ: „Великому государю вашему его королевскому величеству и всей Рѣчи Посполитой вѣдомо подлинно, съ какимъ истиннымъ намѣреніемъ“ царь Алексѣй Михайловичъ желалъ союза съ королемъ. Но Рѣчь Посполитая упустила случай къ заключенію этого союза. Нынѣ великій государь его царское величество желаетъ содержать съ королевскимъ величествомъ дружбу и любовь; но къ союзу можетъ приступить только тогда, когда король отвратитъ Французскаго короля отъ войны съ цесаремъ. „А если государь вашъ его королевское величество того учинить не изволитъ, чтобъ Французскаго короля отъ войны цесарской отвратить, и христіанскихъ государей слученіе будетъ не надежно“. Этотъ отвѣтъ не только не возбудилъ никакихъ горькихъ жалобъ со стороны польскаго посла, но былъ принятъ даже сочувственно. „Такимъ де отвѣтомъ“, говорилъ онъ,—„государь его королевское величество и Рѣчь Посполитая довольствуются, что великій государь его царское величество братскую дружбу и любовь съ его королевскимъ величествомъ содержать изволяетъ и о слученіи „силъ въ надеждѣ оставляетъ ко удобному времени, а совершенно не отступаетъ. И по тому его великаго государя его царскаго величества намѣренію разумѣетъ онъ, что еще милосердіе Божіе надъ христіаны есть, и любовь въ сердцахъ у христіанскихъ государей ко общему христіанскому добру

[28]) Кн. № 204, лл. 734, 780—781, 786.

не угасаетъ. Подай той же Всемогущій Господь Богъ и впредь ту жъ свою милость, чтобъ у христіанскихъ государей любовь ко общему христіанскому добру множилась, а пачежъ у государя его у королевскаго величества съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ, чтобъ бусурманъ съ той государей христіанскихъ любви страхъ имѣлъ, а не о безсовѣтіи ихъ радовался".

Послу объявили, что великій государь его пожаловалъ „для братской къ королевскому величеству дружбы и любви указалъ своего царскаго величества жалованья давать ему посланнику по 80 р. на недѣлю, съ многою прибавкою передъ иными его королевскаго величества посланниками".

Когда посолъ въ четвертомъ совѣщаніи, 12-го декабря, заговорилъ о заключеніи вѣчнаго мира, отвѣчали, что вопросъ объ этомъ отложенъ до имѣющей быть пограничной коммиссіи.

13-го декабря Невѣстинскій былъ на отпускѣ [1]).

Какъ видно изъ отвѣта русскихъ уполномоченныхъ Невѣстинскому, московское правительство высказывало сочувствіе предложеніямъ о союзѣ противъ Турціи, но считало этотъ союзъ осуществимымъ только въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ Московскимъ государемъ и королемъ Польскимъ будетъ участвовать въ этомъ союзѣ и цесарь. Союзнической помощи одной Рѣчи Посполитой Московское государство имѣло основаніе придавать весьма мало значенія. Явнымъ доказательствомъ безсилія Польши служилъ Журавинскій договоръ. Въ то время, когда война съ Турціей возбуждала въ московскомъ правительствѣ тревожныя и основательныя опасенія, польскіе уполномоченные вынудили его къ заключенію невыгоднаго договора 1678 года. Вскорѣ послѣ этого договора въ отношеніяхъ Рѣчи Посполитой къ Московскому государству совершается перемѣна, вызванная новыми политическими событіями на западѣ Европы. Польскій король убѣждается въ ошибочности своихъ расчетовъ на Французскаго короля и начинаетъ дѣятельно стремиться къ заключенію союза съ Московскимъ государствомъ. Но оно, какъ мы видѣли, не могло принять предложеній короля, такъ какъ онѣ не представляли никакихъ существенныхъ выгодъ. На военныя силы и средства Рѣчи Посполитой въ концѣ XVII вѣка нельзя было расчитывать, и крайнее недовѣріе къ ней со стороны московскаго правительства служитъ только доказательствомъ его политической дальновидности и трезвости, его умѣнья сохранять и

[1]) Лл. 793—808, 818, 819, 823, 838. *Theiner*, pp. 229—234, № CLXXXI.

ограждать интересы своего государства, не соблазнясь никакими заманчивыми обѣщаніями. Оно не расчитывало на чужую помощь, отъ которой ея ближайшій и безпокойный сосѣдъ ожидалъ если не спасенія, то по крайней мѣрѣ выхода изъ тягостнаго политическаго положенія. Но эта помощь не являлась. Сказывался роковой законъ исторіи, въ силу котораго народъ, заявлявшій притязаніе на самостоятельную жизнь государственную, долженъ располагать и необходимыми для таковой самостоятельности и духовными, и матеріальными средствами. Расчеты и надежды Рѣчи Посполитой на чужую помощь въ концѣ XVII вѣка напоминаютъ имъ же подобные расчеты и надежды въ XVIII вѣкѣ и въ историческихъ судьбахъ являются знаменательнымъ предвѣстіемъ ея упадка и немощи.

Е. Замысловскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Родъ Шереметевыхъ. *Александра Барсукова.* Книга V. С.-Пб. 1888.

Любитель русской исторіи не можетъ не порадоваться появленію новаго тома труда А. П. Барсукова, первыми своими выпусками уже стяжавшаго вполнѣ заслуженную извѣстность. Трудъ этотъ, даже въ литературахъ болѣе богатыхъ историческими монографіями, чѣмъ наша, долженъ былъ бы остановить на себѣ вниманіе,—тѣмъ болѣе онъ важенъ для насъ. Удачный выборъ предмета, ибо родъ Шереметевыхъ въ тотъ періодъ, который обнимаютъ появившіеся томы, имѣетъ выдающееся значеніе въ русской исторіи, изслѣдовательность, стремящаяся ознакомиться со всѣми источниками, нужными для полнаго освѣщенія предмета, изложеніе ясное, живое, значительное умѣнье сохранить историческую перспективу, выставляя вполнѣ тѣ событія, въ которыхъ принимаетъ участіе Шереметевъ, а на другіе только указывая по мѣрѣ нужды въ нихъ для объясненія первыхъ,—вотъ выдающіяся черты сочиненія А. П. Барсукова, объясняющія возбужденный имъ интересъ и опредѣляющія его прочное мѣсто въ русской исторіографіи. Конечно, ни одинъ будущій изслѣдователь и повѣствователь не можетъ уже обойдтись безъ изученія этого замѣчательнаго труда. Пятый томъ разбираемаго сочиненія заключаетъ въ себѣ дѣятельность Василія Петровича Шереметева отъ времени назначенія его воеводою въ Кіевъ до плѣна подъ Чудновымъ. За исключеніемъ немногихъ страницъ, авторъ излагаетъ событія, совершавшіяся въ Малой Россіи въ знаменательную пору, послѣдовавшую за смертью Богдана Хмельницкаго. Кромѣ не особенно обстоятельныхъ, устарѣ-

лыхъ и не всегда критическихъ исторій Малой Россіи (Бантышъ-Каменскаго и Маркевича), время это описано въ „Исторіи Россіи" Соловьева и въ монографіяхъ Костомарова: „Гетманство Выговскаго" и „Гетманство Юрія Хмѣльницкаго". Въ громадномъ трудѣ Соловьева нельзя искать подробнаго монографическаго изложенія, монографіи Костомарова отличаются обычными достоинствами и недостатками его изложенія и, конечно, не могутъ руководить къ вѣрному пониманію событій; а между тѣмъ пора эта, пора перваго сближенія между Великою и Малою Россіей, представляетъ собою высокій интересъ. Время Богдана, которое занимаетъ видное мѣсто въ изложеніи нашего автора, въ его четвертомъ томѣ, занято, главнымъ образомъ, военными дѣйствіями, а здѣсь завязываются уже другіе вопросы: здѣсь уясняется для московскаго правительства составъ общества Малой Россіи, какъ-то отношенія между казаками зажиточными и голытьбой, значеніе городовъ; здѣсь является вопросъ о московскихъ воеводахъ въ городахъ малорусскихъ. Въ изложеніи Костомарова, конечно, выходятъ на первый планъ недостатки тогдашняго правящаго слоя въ Московскомъ государствѣ и забывается многое существенное. Костомаровъ, хотя и пользуется источниками московскихъ архивовъ, но нерѣдко становится прямо на точку зрѣнія тогдашнихъ малороссовъ; взглядъ Соловьева и яснѣе и выше, но историкъ не могъ давать подробностей и вникать во всѣ источники. Вообще для нашихъ историковъ только еще наступаетъ та пора, которую пророчилъ Максимовичъ, когда съ высотъ кіевскихъ можно будетъ смотрѣть и на Москву, и на Украйну. Добросовѣстные и подробные труды, въ родѣ разсматриваемаго, сильно приближаютъ наступленіе этой поры.

Каждый новый томъ сочиненія А. П. Барсукова служитъ доказательствомъ его постояннаго внимательнаго отношенія къ источникамъ. Сравнивая его изложеніе съ изложеніемъ Соловьева и Костомарова, мы видимъ, что онъ пользуется гораздо бо̀льшимъ числомъ источниковъ, чѣмъ не только первый — что̀ само собою ясно — но даже чѣмъ и второй, посвятившій этому времени двѣ монографіи. Г. Барсуковъ представляетъ гораздо болѣе свидѣтельствъ польскихъ; между прочимъ, онъ пользуется трудами Потоцкаго, свидѣтеля очень интереснаго, ибо въ бытность свою въ Москвѣ онъ успѣлъ ознакомиться и съ людьми, и съ положеніемъ дѣла, а въ русской исторіографіи сочиненія его почти неизвѣстны; дневникъ Даревскаго, сообщенный графу С. Д. Шереметеву изъ Рима отцемъ Мартыновымъ,

далъ нашему автору много любопытныхъ свѣдѣній. Въ выборѣ иностранныхъ свидѣтельствъ автору помогалъ г. Фетерлейнъ, первый современный знатокъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи. Это сотрудничество служитъ, конечно, ручательствомъ за полноту собраннаго матеріала. Съ русскимъ печатнымъ и архивныхъ матеріаломъ авторъ знакомился лично, а сверхъ того, Г. Ѳ. Карповъ подѣлился съ нимъ портфелемъ выписокъ, собранныхъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи. Располагая столь обширнымъ матеріаломъ, авторъ могъ передавать тѣ событія, которыя прямо входятъ въ его задачу со всею полнотой; изложеніе его получаетъ такимъ образомъ особенное значеніе. Въ вышедшемъ томѣ болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе главы, посвященныя дѣйствіямъ подъ Чудновымъ; ясное представленіе этого эпизода всецѣло принадлежитъ автору: Соловьеву движенія Шереметева казались запутанными, Костомаровъ останавливается на надменности Шереметева и не видитъ въ немъ достоинствъ полководца; авторъ подробно раскрываетъ и значеніе движеній Шереметева, свидѣтельствующихъ о его большихъ военныхъ талантахъ, и измѣну Юрія Хмѣльницкаго, и бездѣятельность Барятинскаго, принужденнаго обращаться за приказаніями въ Москву. При этомъ нельзя не вспомнить сообщеннаго у Соловьева мнѣнія Ордына-Нащокина: „Во всѣхъ государствахъ надъ войсками гетманы или генералиссимусы на границѣ бываютъ, даже и не въ военное время, а когда война, то и подавно съ войскомъ стоятъ на границахъ, рати съ ними идутъ и указы отъ нихъ получаютъ, а не они отъ кого-нибудь указовъ просятъ: отъ этого дѣло скорѣе дѣлается; гдѣ глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ держать неотложно“ (Ист. Росс., XI, 60). Мы выписали это замѣчательное и поучительное мнѣніе, которое могло бы затеряться въ обширномъ трудѣ Соловьева.

Пожелаемъ въ заключеніе г. Барсукову также неуклонно и также подробно вести свой важный для русскаго самознанія трудъ. Поприще, которое предстоитъ ему впереди обширно, матеріала у него достаточно, и можно поручиться что всѣ, кому дорого наше прошлое, будутъ неуклонно и съ любовью слѣдить за его трудомъ. Впереди у него еще конецъ XVII вѣка и начало XVIII столѣтія, когда Шереметевы дѣятельно участвуютъ въ политическихъ дѣлахъ; если въ XVIII и XIX вв. они не являются на страницахъ политической исторіи, то занимаютъ видное мѣсто въ исторіи бытовой: архивъ графовъ Шереметевыхъ поможетъ даровитому автору нарисовать

намъ много сценъ придворной, общественной и вообще частной жизни нашего недалекаго прошлаго.

Изданіе его книги роскошно, что̀, конечно, нельзя поставить въ вину: это книга монументальная, а не очеркъ мимолетный. Такъ издаются подобныя книги и въ западной Европѣ. Появленіе этой книги радуетъ еще какъ ясное свидѣтельство о томъ, что въ наше время потомки заслуженныхъ предковъ, уже перестаютъ считать

грамоты царей
за пыльный сборъ календарей

и начинаютъ понимать разницу истинныхъ заслугъ отъ временныхъ и случайныхъ отличій. Пушкинъ, конечно, этому порадовался бы. При пятомъ томѣ приложены фотографіи въ современнаго гравированнаго портрета В. В. Шереметева и снимокъ съ его отписки къ царю.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

М. Урсинъ. Очерки изъ психологіи Славянскаго племени. Славянофилы. С.-Пб. 1887.

Серьезныхъ книгъ для чтенія, написанныхъ безъ претензій, просто и живо, по нѣкоторымъ вопросамъ у насъ очень мало. Особенно эта бѣдность чувствуется относительно вопроса славянскаго, какъ извѣстно, не обрѣтающагося въ „авантажѣ“ въ текущей литературѣ,—вслѣдствіе чего интересъ къ нему не можетъ удовлетворяться и періодическими изданіями въ той мѣрѣ, какъ другіе интересы, усердно разрабатываемые на страницахъ разныхъ журналовъ. Уже въ виду этого, какъ восполненіе весьма чувствительнаго пробѣла, книга г. Урсина представляетъ несомнѣнно пріятное явленіе. Интересъ къ ней усиливается предметомъ изслѣдованія. Авторъ дѣлаетъ попытку анализировать мистическій патріотизмъ, какъ „всеобщую психическую черту славянскаго племени“, представляющую поэтому наиболѣе, по его мнѣнію, удобный матеріалъ для сравнительныхъ очерковъ. Приступая къ своему труду, онъ руководствовался мыслью, что „указаніе и опредѣленіе характерныхъ особенностей даннаго народа или племени составляетъ благодарнѣйшую задачу для изслѣдователей исторіи и литературы“ (стр. 218). Характерною чертою славянскаго племени авторъ, какъ сказано, считаетъ мистическій патріотизмъ, „заключающійся, по его опредѣленію, въ томъ, что распространившіяся въ теченіе послѣдняго столѣтія національныя стремленія проявились у

насъ въ формѣ мистической вѣры въ особое наше призваніе возродить погрязшій въ сухомъ раціонализмѣ міръ, при чемъ это возрожденіе должно совершиться помощью живою начала чувства, которое у насъ еще сохранилось и продолжаетъ развиваться" (стр. 5), или, какъ перифразировываетъ авторъ это опредѣленіе въ другомъ мѣстѣ— мессіанизмъ—это „вѣра въ великое будущее народа, основанная не на умственныхъ способностяхъ или культурномъ превосходствѣ племени, но на чувствѣ и происходящей отсюда способности постигать и увлекаться религіозными и общественными идеалами" (стр. 144).

„Очерки", по сознанію самого автора, „далеко не исчерпываютъ предмета: затронуты въ нихъ лишь самые выдающіеся факты и лица": русское славянофильство (преимущественно Хомяковъ); Шевченко Гоголь какъ представители „украинскаго" мессіанизма, хорватъ Прерадовичъ,—все это изъ 221 страницъ занимаетъ лишь 74 и является такимъ образомъ лишь какъ дополненіе и болѣе яркое освѣщеніе польскаго мессіанизма, на которомъ авторъ и „сосредоточилъ все свое вниманіе" (стр. 6).

Скажемъ заранѣе, что мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на подробностяхъ содержанія книги г. Урсина. Въ подобныхъ изслѣдованіяхъ важна основа, исходная точка, а не подробности, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ отношеніи „Очерки" не представляютъ, да и не могутъ представлять ничего новаго, за что̀, конечно, вовсе нельзя упрекать автора: его книга имѣетъ интересъ какъ попытка сгруппировать извѣстные факты около одного центра, на который до сихъ поръ не обращали надлежащаго вниманія. Именно какъ первая попытка въ этомъ родѣ, она заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ затрогиваетъ вопросъ несомнѣнно очень интересный, но въ то же время сложный и чрезвычайно мало разработанный: „предварительныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ личностяхъ или проявленіяхъ, входящихъ въ область мессіанизма" (стр. 219) нѣтъ, или почти нѣтъ. Очевидно, въ такомъ случаѣ необходимо точно опредѣлить самый предметъ изслѣдованія, болѣе или менѣе твердо гарантировать себя отъ возможныхъ недоразумѣній и смѣшеній. Мы видѣли, что въ опредѣленіи предмета своего изслѣдованія авторъ не колеблется (стр. 5, 113, 144), и тѣмъ не менѣе съ первой же страницы чувствуется какое-то существенное недоразумѣніе. Авторъ считаетъ мессіанизмъ „явленіемъ, проходящимъ черезъ весь славянскій міръ, всеобщею психическою чертой славянскаго племени". Что же? Это черта, исключительно ли свойственная славянамъ? Всегда ли взглядъ на себя, какъ на народъ

избранный, представляетъ мистическій патріотизмъ, или же такой взглядъ можетъ быть и чуждъ мистицизма? Наконецъ, если даже онъ и вытекаетъ изъ чувства, но совпадаетъ съ выводами холоднаго критическаго ума, долженъ ли онъ также быть отнесенъ къ мистицизму, или нѣтъ? Вотъ вопросы, являющіеся съ первой же страницы.

Съ одной стороны, несомнѣнно, не только въ поэзіи, но и во всякомъ произведеніи, отличающемся извѣстнымъ подъемомъ чувства, особенно патріотическаго или религіознаго, могутъ встрѣчаться и встрѣчаются, мотивы, близко подходящіе къ тѣмъ, которые авторъ считаетъ мессіаническими; съ другой—нѣтъ ни одного крупнаго историческаго народа, который считалъ бы себя послѣднимъ и не чувствовалъ бы себя призваннымъ къ великой роли, къ великимъ дѣламъ. Великіе историческіе народы не только чувствуютъ себя, но и сознательно выступаютъ въ роли благодѣтелей непремѣнно нуждающагося въ нихъ—по ихъ мнѣнію—человѣчества. Своего рода мессіанизмъ вовсе поэтому не представляетъ собою психической черты, свойственной исключительно славянскому племени, а есть простое самоопредѣленіе народа, чувствующаго себя великимъ. Такое самоопредѣленіе можетъ быть облечено въ стройную теорію, можетъ и обойдтись безъ нея, и какъ естественное слѣдствіе сознанія дѣйствительной силы, дѣйствительнаго величія оно можетъ изумлять лишь народы, вовсе не обладающіе ни тѣмъ, ни другимъ, и на оборотъ, оно является чѣмъ-то совершенно ненормальнымъ, если не гармонируетъ съ окружающею дѣйствительностью. Можно ли—спрашивается—эти разнородныя явленія подводить подъ одну категорію? Никто, конечно, не станетъ спорить, что польскій мессіанизмъ можетъ быть отнесенъ только ко второму разряду. Породило его окончательное паденіе Польши и неудачная попытка возстановить ея самостоятельность, и легко себѣ представить, какъ должна была отразиться въ сердцахъ выдающихся представителей польскаго народа постигшая ихъ родину катастрофа; не трудно понять, что вырвавшійся изъ ихъ груди стонъ долженъ былъ живымъ эхомъ отозваться въ душѣ ихъ соотчичей, надолго выбитыхъ изъ колеи, принужденныхъ искать новыхъ путей для дальнѣйшаго своего развитія. Мессіанизмъ охватываетъ чуть не все польское общество, является временнымъ пристанищемъ народа на его историческомъ распутьи. Не смотря на то, что съ дѣйствительностью онъ имѣетъ связь лишь поразительнаго контраста, польскому сердцу онъ доставляетъ временное облегченіе и успокоеніе отъ жестокой боли. Философія польскаго мессіанизма представляетъ собою бредъ отрѣ-

шившагося отъ дѣйствительности воображенія, совершенно невозможный постулатъ чувства. По сознанію самого г. Урсина, „идеи, проводимыя въ книгахъ польскаго народа и польскаго пилигримства лишены разумнаго основанія"; „о возможности осуществленія въ практикѣ мечтаній творцовъ „Дзядовъ" и „Сенгеллія" не можетъ быть и рѣчи" (стр. 145). Въ восторженномъ, но безумномъ бредѣ польскихъ мессіанистовъ нѣтъ ни одного здороваго мѣста; „мысли, высказанныя ими, лишены реальной подкладки, при малѣйшемъ прикосновеніи критики разлетаются въ пухъ и прахъ" (стр. 145). Пусть созданія ихъ сотканы изъ цвѣтовъ радуги, пересыпаны бриліантами росы, пусть побужденія ихъ благородны и святы, чтò жь изъ этого? Въ свободномъ отъ родственной имъ болѣзни сердцѣ они могутъ оставить лишь неудовлетворенность, утомленіе и горечь при мысли, что столько чудныхъ Божіихъ даровъ потрачено столь безплодно и напрасно. Это сознаетъ самъ г. Урсинъ: „Съ Мицкевичемъ и Словацкимъ", говоритъ онъ—„разсуждать и спорить не возможно (а Красинскій—спросимъ мы—развѣ всегда трезвъ и вразумителенъ?),—остается или покориться всепоглощающей силѣ чувствъ перваго и волшебной фантазіи втораго и послѣдовать за ними въ міръ, не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью, или отвернуться отъ нихъ съ чувствомъ грусти, что столько гигантскихъ силъ потрачено на служеніе безпочвенной, хотя и симпатичной, идеѣ" (стр. 116). Повторяемъ, мы убѣждены, что въ нормальномъ состояніи возможно только послѣднее. И съ этимъ причудливымъ сцѣпленіемъ разстроенныхъ чувствъ и фантастическихъ образовъ, съ этимъ болѣзненнымъ бредомъ сопоставляется стройная и цѣлостная теорія, вытекающая изъ чувства—да,—но провѣренная „добросовѣстнымъ изученіемъ Европы" (стр. 89), глубокимъ напряженіемъ мощной мысли, „вооруженная всѣми доводами науки" (стр. 116), теорія, касающаяся народа независимаго, сильнаго, полнаго вѣры въ свою мощь и силы, „искавшаго только свободы и простора" (стр. 116) и, слѣдуетъ прибавить, имѣющаго полное основаніе вѣрить, что и свобода, и просторъ развитія должны ему открыться. Самъ г. Урсинъ чувствуетъ, что здѣсь что-то неладно. „Какъ ни странно съ виду", говоритъ онъ,—„подводить подъ одинъ уровень горячечный бредъ великихъ польскихъ поэтовъ и ученіе, имѣвшее въ числѣ своихъ послѣдователей даже видныхъ государственныхъ дѣятелей (почему видные государственные дѣятели свободны отъ горячки—это секретъ автора), все-таки, не смотря на значительныя различія сущность и тутъ, и тамъ—та же, тотъ же взглядъ на мистическое призваніе славянства обновить дряхлѣющій міръ" (стр. 115).

Такъ ли это? Древній грекъ или римлянинъ совершенно трезво и сознательно противопоставлялъ себя „варвару"; если остальной міръ и не представлялся ему „дряхлѣющимъ", то во всякомъ случаѣ, онъ считалъ только себя призваннымъ сѣять въ немъ то сѣмя, которое казалось ему единственно плодотворнымъ. Въ свою очередь для германца, послѣ первоначальнаго дѣтскаго изумленія передъ величіемъ старой культуры Рима, этотъ же Римъ сталъ несомнѣнно дряхлымъ; теперь нѣмцы считаютъ себя совершенно сознательно Kulturträger'ами въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, французы смотрятъ на себя, какъ на la grande nation, англичане — тоже, и врядъ ли во всемъ этомъ играетъ какую-нибудь роль мистицизмъ. Но посмотрѣли на себя, какъ на народъ, призванный къ великимъ подвигамъ, русскіе — и это называютъ мистицизмомъ. Что же противъ такого взгляда можетъ сказать холодный трезвый умъ? Утверждаетъ ли онъ непремѣнно, что мы — народъ послѣдній? И вотъ, съ одной стороны — болѣзненный бредъ народа, поверженнаго въ прахъ не сцѣпленіемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ только — это признаютъ и поляки, народа, выбитаго изъ вѣковой колеи; въ виду дѣйствительно безпримѣрно труднаго настоящаго и неопредѣленнаго будущаго онъ создаетъ фантастическія теоріи, находитъ въ нихъ утѣшеніе, успокоеніе и держится ихъ какъ единственнаго якоря спасенія, нисколько не останавливаясь передъ сознаніемъ рѣшительной невозможности ихъ осуществленія. Это ли не самое мрачное, самое безнадежное отчаяніе! Съ другой стороны, свѣтлыя надежды на свѣтлое будущее, положимъ даже—вытекающія изъ чувства, но опирающіяся на реальный непререкаемый фактъ, и намъ говорятъ: „сущность и тутъ, и тамъ—та же!"

Мало этого. Г. Урсинъ находитъ, что относительно этическаго значенія польскій мессіанизмъ далеко оставляетъ за собою русское славянофильство, даже что послѣднее имѣетъ лишь отрицательное значеніе. Если такъ, то для Россіи остается одно изъ двухъ: или, уничтоживъ съ корнемъ славянофильство, ибо оно „лишено нравственной возвышенности" (стр. 220), ждать, пока кто-нибудь не придумаетъ для нея чего-нибудь подходящаго, или прямо обратиться къ „вѣчной сокровищницѣ высокихъ чувствъ и высокихъ стремленій" (стр. 221), къ польскому мессіанизму, отражающему „святую жажду правды и добра и пламенную вѣру" его великихъ представителей. Къ счастью для славянофильства, по крайней мѣрѣ, послѣдній исходъ можетъ быть отвращенъ одною выпиской изъ книги г. Урсина. Сравнивая „Ири-

діона" Красинскаго съ „Неофитами" Шевченка, онъ говоритъ: „У Красинскаго рядомъ съ апотеозомъ страданія, которое есть знакъ благодати Божіей, все слышатся полныя силы воззванія къ борьбѣ противъ всего зла, которое служитъ помѣхой къ осуществленію идеала: пора бросить поэзію словъ и взяться за поэзію дѣлъ; награда вѣнчаетъ только подвиги самоотверженія; дай, о Господи, чтобы мы святыми дѣлами умѣли воскресить себя; трудитесь во имя высшей идеи, хоть бы сердце изсохло въ вашей груди, хоть бы усумнились вы въ людяхъ, отчаялись въ Богѣ—все это чудные"—по мнѣнію г. Урсина—„аккорды, которые составляютъ лучшую часть поэзіи Красинскаго" (стр. 188). Это лучшая часть поэзіи Красинскаго, а Красинскій, по словамъ г. Урсина, „хотя по силѣ генія и уступаетъ Мицкевичу и Словацкому, но проповѣдуемые имъ идеалы поставили его на высотѣ, которой не удалось достигнуть его великимъ противникамъ" (стр. 172), слѣдовательно, это лучшая часть всего польскаго мессіанизма. Сердцемъ изсохнуть, въ Богѣ отчаяться, въ людей извѣриться и при этомъ трудиться во имя высшей идеи (?)!.. Да что же это такое? Намъ говорятъ: это „чудные аккорды", это „сокровищница". Нѣтъ! Это могильные стоны, это гробъ!

Мы нѣсколько вышли изъ первоначально предположенныхъ рамокъ. Что дѣлать! Этого требовала важность затронутаго г. Урсиномъ вопроса. Теперь мы можемъ ограничиться бѣглыми замѣчаніями. Изложеніе славянофильства у автора довольно безпристрастно, легко и понятно; за немногими исключеніями (укажемъ важнѣйшее: авторъ выводитъ славянофильство отъ декабристовъ; конечно, зарожденіе его слѣдуетъ искать гораздо раньше), мы считаемъ его весьма удачнымъ, и вообще 4-я глава книги, по ясности и опредѣленности изложенія, едва ли не лучшая; въ другихъ главахъ не мало лишняго, и изложеніе не вездѣ отличается одинаковыми достоинствами. Нельзя однако никакъ обойдти одного крупнаго промаха: г. Урсинъ утверждаетъ, что славянофильство „обоготворило существующее" (стр. 220), и самъ же онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что „Хомяковъ и Аксаковъ основывали свою вѣру въ Россію на совершенныхъ, по ихъ мнѣнію, началахъ русской исторической жизни" (стр. 173); слѣдовательно, онъ понимаетъ, что рѣчь можетъ быть не о существующемъ, а лишь о его основахъ; къ чему же такое непріятное извращеніе?

Еще одно замѣчаніе: на какомъ основаніи къ мессіанистамъ отнесены Гоголь и Шевченко?

Сильное, но болѣзненное религіозное настроеніе—вотъ характеръ

„Переписки" Гоголя, и только; гдѣ же тутъ мессіанизмъ? Относительно Шевченка авторъ говоритъ: „Шевченко поэтизировалъ свою грусть, не касаясь животрепещущихъ вопросовъ жизни, и собственно говоря, мессіанизмъ его обнаружился только въ одной поэмѣ—„Неофитахъ", и то сравнительно слабо" (стр. 185). Объясняется ли это „малымъ развитіемъ украинскаго пѣвца", или другими причинами—это особый вопросъ, въ данномъ случаѣ не имѣющій никакого значенія. Въ изданіи „Кобзаря" 1884 года находимъ такое примѣчаніе къ „Неофитамъ": „Въ письмѣ къ М. М. Лазаревскому, отъ 21-го января 1858 года, Т. Г. Шевченко сообщилъ, что „Неофиты" не окончены. Послѣ этого онъ не принимался за нихъ; такъ они и остались не оконченными". Не доказываетъ ли это, что поэма была плодомъ, если не минутнаго, то во всякомъ случаѣ лишь временнаго, преходящаго настроенія поэта, почему онъ и не чувствовалъ потребности къ ней возвращаться, что, по своимъ мотивамъ рѣзко выдѣляясь изъ ряда стихотвореній Шевченка, она никоимъ образомъ не можетъ быть принимаема за мѣру въ оцѣнкѣ его поэзіи, настроенія и взглядовъ? Не говоримъ уже о томъ, что мессіанизма доискаться въ „Неофитахъ" врядъ ли можно. На какомъ основаніи относитъ г. Урсинъ Шевченка къ мессіанистамъ, и что̀ еще болѣе удивительно, какимъ образомъ рѣшается онъ, на основаніи такихъ сомнительныхъ представителей мессіанизма, какъ Гоголь и, особенно, Шевченко, создавать особый „украинскій" мессіанизмъ и не затрудняться даже въ общей его характеристикѣ (стр. 219),—этого мы рѣшительно постигнуть не можемъ. „Психологія не математика, поэтому трудно опредѣлить, гдѣ кончается поэзія и начинается мистицизмъ" (стр. 113), говоритъ и самъ г. Урсинъ, но, вопервыхъ, слѣдуетъ отдѣлять мистицизмъ и мистическій патріотизмъ, и разъ поставивъ опредѣленіе какого-нибудь явленія, слѣдуетъ подводить подъ него только тѣ факты, которые дѣйствительно сюда подходятъ; вовторыхъ, въ сомнительныхъ случаяхъ надо быть болѣе осторожнымъ.

Вотъ все, что̀ мы считали нужнымъ сказать о книгѣ г. Урсина. Его попытку разъяснить избранный имъ вопросъ мы не можемъ считать удачною, но она несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, и дай Богъ, чтобы починъ, очевидно, не русскаго автора нашелъ себѣ продолжателей въ средѣ русскихъ изслѣдователей.

И. Филевичъ.

Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора *Л. Мехелина.* Переведено и дополнено примѣчаніями по русскимъ документамъ *К. Ординымъ.* С.-Пб. 1888.

Финляндскій сенаторъ Мехелинъ издалъ, на французскомъ языкѣ, очень любопытную книгу „Précis du droit public du grand duché de Finlande", которая, сверхъ того, если не ошибаемся, въ нѣмецкомъ переводѣ войдетъ въ составъ IV-го тома извѣстнаго сборника издаваемаго Марквардсеномъ подъ заглавіемъ: Handbuch des öffentlichen Recht der Gegenwart in Monographien (Freiburg. 1886—1888). Сочиненіе г. Мехелина особенно любопытно тѣмъ, что онъ въ сжатомъ очеркѣ представляетъ ясную картину государственнаго управленія одной изъ составныхъ частей Россійской имперіи, части, о которой большинство русскихъ людей имѣетъ самое смутное понятіе. Причиной тому, между прочимъ, конечно, и отсутствіе на русскомъ языкѣ обстоятельныхъ изслѣдованій о порядкѣ управленія Финляндіей. Поэтому, нельзя не поблагодарить г. Ордина за то, что онъ принялъ на себя трудъ не только перевести сочиненіе г. Мехелина, но и снабдить свой переводъ примѣчаніями, основанными, какъ заявляетъ переводчикъ, на русскихъ источникахъ. Къ сожалѣнію, г. Ординъ не всегда указываетъ эти источники. Въ свою же очередь, и г. Мехелинъ, излагая государственныя учрежденія Финляндіи, также не указываетъ въ надлежащихъ мѣстахъ, на чемъ основано то или другое изъ его положеній, но за то въ особомъ отдѣлѣ своего сочиненія онъ говоритъ о законодательныхъ источникахъ государственнаго права Финляндіи и затѣмъ уже нигдѣ на нихъ болѣе не указываетъ. Нельзя сказать, чтобы такая система была удобна для читателя, но ея придерживаются многіе писатели.

Догматическому изложенію г. Мехелина предшествуетъ небольшое историческое введеніе, въ которомъ, конечно, главное мѣсто отведено разказу объ окончательномъ присоединеніи Финляндіи къ Россіи и состоявшемуся тогда сейму въ городѣ Борго. Къ открытію этого сейма Императоръ Александръ I прибылъ лично въ Борго и подписалъ 15-го марта 1808 года манифестъ, которымъ даровалъ охраненіе религіи и основныхъ законовъ страны и правъ, коими каждое сословіе въ великомъ княжествѣ въ частности и всѣ жители вообще высшаго и низшаго состоянія пользовались до того времени по конституціи. „Мы обѣщаемъ", говорилъ императоръ,—„сохранить всѣ эти преимущества и законы твердо и незыблемо въ полной ихъ силѣ" (стр. 12). Съ этого дня вся Финляндія присоединена была къ Россіи или, выра-

жаясь словами нашихъ основныхъ законовъ (Томъ I, ч. 1), съ этого дня „съ Императорскимъ Россійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго" (ст. 4). Императоръ Всероссійскій управляетъ Финляндіей, имѣя при этомъ своими органами: генералъ-губернатора, сенатъ и статсъ-секретаріатъ, который находится въ Петербургѣ для веденія дѣлъ, требующихъ рѣшенія императора и великаго князя Финляндскаго. Финляндскій сенатъ въ Гельсингфорсѣ состоитъ изъ двухъ департаментовъ: судебнаго—это высшая инстанція суда, и административнаго, который завѣдуетъ общимъ управленіемъ страны это—какъ бы наши министерства въ ихъ совокупности. Кромѣ того, сенатъ приготовляетъ проекты законовъ и другихъ предложеній, вносимыхъ императоромъ въ сеймъ; представляетъ императору свои заключенія по резолюціямъ и ходатайствамъ сейма; получаетъ и распубликовываетъ утвержденные императоромъ законы, а также императорскіе манифесты. Генералъ-губернаторъ, сенаторы и секретари-докладчики въ сенатѣ назначаются императоромъ. Не входя въ подробное изложеніе государственнаго строя и предоставляя читателямъ лично ознакомиться съ произведеніемъ г. Мехелина, мы позволимъ себѣ еще сказать нѣсколько словъ о финляндскомъ сеймѣ.

Сеймъ собирается въ столицѣ страны по меньшей мѣрѣ каждыя пять лѣтъ, на время до четырехъ мѣсяцевъ (но сессія можетъ быть продолжена долѣе и закрыта ранѣе). Созываетъ сеймъ императоръ, Онъ же можетъ созвать и чрезвычайный сеймъ. На сеймъ являются представители четырехъ сословій княжества, именно: отъ дворянства въ числѣ отъ 100 до 140 лицъ; отъ духовенства — въ томъ числѣ архіепископъ и два епископа лютеранской церкви, 28 депутатовъ отъ духовенства, одинъ или два депутата по выбору профессоровъ и чиновниковъ Гельсингфорскаго университета, а также отъ 3 до 6 депутатовъ, выбранныхъ преподавателями лицеевъ и другихъ общественныхъ училищъ. Городскіе обыватели имѣютъ 54 представителя; каждый городъ посылаетъ одного депутата, но при населеніи въ шесть тысячъ жителей посылаются два депутата, а свыше того—по одному депутату на каждыя шесть тысячъ жителей. Систему выборовъ городскихъ депутатовъ предоставляется по закону установить самимъ городамъ съ тѣмъ, что установленный порядокъ долженъ быть представленъ на утвержденіе императора. Крестьянское сословіе избираетъ по одному депутату въ каждомъ судебномъ участкѣ. Необходимо припомнить, что въ судебномъ отношеніи вся Финляндія

раздѣлена на 60 судебныхъ округовъ, и въ каждомъ округѣ имѣется одинъ только судья, свѣдущій въ юридическихъ наукахъ (häradshärding). Онъ назначается императоромъ. Этотъ округъ (domsagu) имѣетъ отъ 3 до 5 судебныхъ участковъ (tingslag), гдѣ два раза въ годъ бываютъ судебныя засѣданія, на которыя пріѣзжаетъ этотъ юристъ-судья и отправляетъ правосудіе вмѣстѣ съ пятью совѣтниками, избираемыми изъ числа землевладѣльцевъ округа. Это первая степень суда. Отъ каждаго судебнаго округа избирается одинъ депутатъ на сеймъ, при чемъ всякій владѣлецъ кадастроваго недвижимаго имущества, а также арендаторъ казенныхъ земель, имѣетъ право голоса. Выборы двухразрядные. Каждое сословіе на сеймѣ имѣетъ своего предсѣдателя и вице-предсѣдателя, а также секретаря, утверждаемыхъ императоромъ. Сословія засѣдаютъ каждое отдѣльно и обсуждаютъ дѣла и предложенія отдѣльно. Резолюціи одного сословія безотлагательно сообщаются другимъ сословіямъ. Въ каждомъ сословіи рѣшенія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ. Подробно указано, въ какихъ дѣлахъ для законнаго рѣшенія необходимо получить согласіе четырехъ сословій, и въ какихъ достаточно согласія трехъ, а также въ какихъ случаяхъ образуется великая коммиссія изъ 60 членовъ, которой, при разрѣшеніи предложенныхъ ей вопросовъ, предоставляются права самаго сейма. Сейму, представляющему собою народъ, принадлежитъ вмѣстѣ съ императоромъ законодательная власть. Сеймъ установляетъ налоги и посредствомъ депутатовъ управляетъ, наблюдаетъ и контролируетъ финскій банкъ. Сеймъ имѣетъ право петиціи, и каждый членъ сейма имѣетъ право предложить свою петицію.

Что касается законодательнаго почина, то въ этомъ отношеніи надо прежде всего замѣтить, что въ Финляндіи есть два рода законовъ. Первую группу составляютъ собственно законы, къ числу которыхъ принадлежатъ законы основные, привилегіи сословій, законы гражданскіе, уголовные, а также судопроизводство гражданское и уголовное, далѣе законы о военной организаціи, морское уложеніе, законы о налогахъ, о финляндскомъ банкѣ и монетной единицѣ, законы въ области хозяйства и администраціи, касающіеся правъ и обязанностей гражданъ, законы о лютеранской церкви и прочихъ вѣроисповѣданіяхъ и т. д. Вторую группу составляютъ законы въ области администраціи. Этого рода законы издаетъ императоръ безъ содѣйствія сейма. Въ силу своего права управлять страною императоръ можетъ (стр. 72) не только давать приказанія на счетъ мѣръ, вызывае-

мыхъ обстоятельствами, но и установлять признаваемыя имъ нужными правила для обезпеченія соблюденія и исполненія законовъ и вообще для правильнаго дѣйствія публичныхъ властей и выполненія правительствомъ его обязанностей. Въ отношеніи законовъ первой группы законодательный починъ сперва принадлежалъ только императору, но закономъ 16-го іюня 1886 года право законодательнаго почина предоставлено и сейму, съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями. Починъ этотъ осуществляется слѣдующимъ образомъ: по приказанію императора, сенатъ изготовляетъ проектъ закона; императоръ, одобривъ его, приказываетъ предложить его сейму, одновременно всѣмъ сословіямъ. Затѣмъ происходитъ обсужденіе законопроекта по сословіямъ, и если онъ будетъ принятъ, то подносится на утвержденіе императора, при чемъ государь требуетъ предварительно заключенія сената по законопроекту. По утвержденіи закона императоромъ, онъ объявляется сенатомъ и публикуется въ официальной финляндской газетѣ и читается въ церквахъ. Бюджетъ обыкновенный утверждается императоромъ безъ участія сейма. Чрезвычайный же бюджетъ (его не существовало до 1865 года) установляется сеймомъ, подносится на утвержденіе императора, и служитъ основаніемъ на составленіе чрезвычайнаго ежегоднаго бюджета до будущаго сейма. Установленіе новыхъ налоговъ, а также отмѣна или преобразованіе существующихъ, не можетъ послѣдовать безъ согласія сейма. Въ началѣ каждаго сейма сословіямъ сообщается о финансовомъ положеніи, „дабы они могли узнать, какимъ образомъ доходы были употреблены въ пользу и на благо страны" (стр. 79). Это изложеніе разсматривается финансовою коммиссіей, образуемою изъ среды сейма, и если сеймъ передастъ къ свѣдѣнію правительства замѣчанія, сдѣланныя ею, то сенатъ обязанъ принять ихъ въ соображеніе и извѣстить слѣдующій сеймъ о сдѣланныхъ имъ вслѣдствіе того распоряженіяхъ. Для исполненія дѣлъ сейма образуется особая коммиссія въ составѣ двухъ членовъ отъ каждаго сословія; на ея обязанности лежитъ окончательная редакція бумагъ, поступающихъ отъ сейма къ императору, отвѣтовъ на проекты, исходящіе отъ монарха, а равно она имѣетъ право вносить свои предложенія и петиціи. Протоколъ общій (рецессъ) подписывается всѣми членами сейма. Всѣ эти акты, а равно и проекты, публикуются.

Таковы основныя черты государственнаго права Финляндіи въ изложеніи г. Мехелина. Переводъ его, сдѣланный г. Ординымъ, вполнѣ удовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Одно намъ непонятно; почему заглавіе сочиненія г. Мехелина переведено словами „Конституція Фин-

ляндіи" и т. д. Казалось бы, правильнѣе было заглавіе книги г. Мехелина перевести словами „Очеркъ государственнаго права великаго княжества Финляндскаго". Слово конституція полуиностранное и можетъ вести къ не совсѣмъ точному понятію о содержаніи книги. По заглавію можно предполагать, что въ книгѣ содержится буквальное изложеніе дѣйствующаго въ Финляндіи законодательства по статьямъ и параграфамъ, а между тѣмъ на дѣлѣ г. Мехелинъ въ своей книгѣ передаетъ своими словами содержаніе законодательныхъ актовъ и мѣстами добавляетъ его своими разсужденіями и историческими изслѣдованіями, чего въ конституціяхъ, въ общепринятомъ значеніи сего слова, не встрѣчается. Затѣмъ еще, на стр. 121 и слѣдующихъ въ отдѣлѣ объ организаціи народной обороны г. Ордину слѣдовало бы ближе держаться выраженій того русскаго оригинала, который служилъ и г. Мехелину основаніемъ для его изложенія. Мы говоримъ о Высочайше утвержденномъ 6-го декабря 1878 года уставѣ о воинской повинности въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ, принятомъ земскими чинами Финляндіи на сеймѣ 1877—1878 годовъ; онъ помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ за 1878 годъ подъ № 59100. Этотъ уставъ очень напоминаетъ дѣйствующій въ имперіи уставъ о воинской повинности 1874 года. На основаніи устава 1878 года въ Финляндіи вооруженныя силы края составляютъ: „1) дѣйствующія войска, состоящія на постоянной службѣ; 2) запасъ, который преимущественно предназначается для приведенія дѣйствующихъ войскъ въ полный военный составъ, и 3) ополченіе, состоящее изъ всѣхъ вышедшихъ изъ запаса". У г. Ордина это передано такъ: „изъ милиціи, или осѣдлой національной стражи (landtwärn), пополняемой всѣми прошедшими черезъ (?) резервъ". Равнымъ образомъ по § 6 устава, лица, осужденныя за позорные поступки, въ военную службу не допускаются. Г. Ординъ говоритъ: „исключаются изъ воинской службы всѣ осужденные за позорныя преступленія",—что опять большая разница. На стр. 127 говорится вдругъ о производствѣ набора и дѣленіи на рекрутскіе участки, тогда какъ по уставу никакого набора не производится, и даже слово рекрутъ не встрѣчается во всемъ уставѣ. Придерживаясь опять текста закона, слѣдуетъ сказать: каждая губернія дѣлится на призывные участки. Равнымъ образомъ никакой высшей коммиссіи по воинскимъ дѣламъ (стр. 123) въ каждой губерніи не состоитъ, а есть призывное присутствіе (ст. 42 устава), а вторую инстанцію состав-

ляетъ губернское по воинской повинности присутствіе (ст. 46 и 47), на которое жалобы приносятся судебному департаменту сената.

Нельзя не упомянуть также, что г. Ординъ снабдилъ свой переводъ какъ примѣчаніями, такъ и приложеніями, въ которыя вошли по преимуществу законодательные акты, помѣщенные въ Полномъ Собраніи Законовъ. Примѣчанія, сдѣланныя переводчикомъ, указываютъ на близкое знакомство его съ различными актами, до Финляндіи относящимися, тѣмъ не менѣе, въ правильности нѣкоторыхъ изъ примѣчаній можно сомнѣваться, а содержаніе и цѣль другихъ является не совсѣмъ понятными. Такъ, напримѣръ, на стр. 71 г. Ординъ въ примѣчаніи заявляетъ, что утвержденныя Государемъ Императоромъ мѣры носятъ въ Финляндіи названіе не повелѣній, а Высочайшихъ объявленій. Тутъ есть какое-то недоразумѣніе. Беремъ на выдержку любой томъ Собранія постановленій великаго княжества Финляндскаго (которое печатается въ Гельсингфорсѣ на русскомъ языкѣ), напримѣръ, хоть за 1872 годъ, и видимъ, что въ немъ помѣщена въ № 1—Высочайшая Его Императорскаго Величества открытая грамота, подъ № 4—Высочайшее Его Императорскаго Величества постановленіе, подъ № 5 — таковое же Положеніе, подъ № 12—Высочайшій рескриптъ, подъ № 20—Высочайшая инструкція, подъ № 28—Высочайшій уставъ, подъ № 38—Высочайшій манифестъ. Конечно, встрѣчаются нерѣдко и Высочайшія объявленія, но утверждать, что обнародованіе Высочайшей воли всегда въ Финляндіи называется объявленіемъ, очевидно, нельзя.

На стр. 5 г. Мехелинъ въ своемъ историческомъ очеркѣ говоритъ, что христіанство въ Финляндіи насадили шведы въ теченіе XII и XIII вв. При этомъ г. Ординъ дѣлаетъ примѣчаніе: „Въ восточной части Финляндіи христіанство насаждено новгородцами. Тамъ и до сихъ поръ числится до 40 тысячъ православныхъ финновъ". Очевидно, слово тамъ означаетъ восточную часть Финляндіи. Изъ того, что теперь въ восточной части Финляндіи числится до 40 тысячъ православныхъ, нельзя еще заключать, что христіанство насаждено въ Финляндіи именно новгородцами: эти православные могли поселиться гораздо позднѣе. Равнымъ образомъ, это обстоятельство не даетъ указанія на то, въ какомъ вѣкѣ христіанство насаждено въ восточной части Финляндіи. Между тѣмъ изъ Исторіи Русской церкви Макарія, митрополита Московскаго (т. I, стр. 202 и слѣд.), мы узнаемъ, что преподобные отцы Сергій и Германъ были изъ числа тѣхъ проповѣдни-

ковъ, чрезъ которыхъ св. Владиміръ хотѣлъ распространить Евангеліе въ глубинѣ Кареліи (принадлежавшей тогда Россіи), и что, вѣроятно, для успѣшнѣйшаго хода своей проповѣди вокругъ Ладожскаго озера они основали на островѣ Валаамѣ обитель иноковъ. По случаю нападенія шведовъ въ 1164 году мощи этихъ преподобныхъ валаамскихъ чудотворцевъ перенесены въ Новгородъ. Въ XIII вѣкѣ русскіе обратили—было почти всю Карелію къ православной вѣрѣ (стр. 207). Нельзя также не замѣтить, что это примѣчаніе на стр. 5 противорѣчитъ тому, что̀ говорится г. Ординымъ въ примѣчаніи на стр. 89; тутъ уже общее число финляндскихъ гражданъ (слѣдовательно, не только одной восточной части Финляндіи) православнаго вѣроисповѣданія показано въ количествѣ до 40,000, то-есть, около двухъ процентовъ населенія великаго княжества, не включая въ эту цифру русскихъ войскъ, пребывающихъ въ Финляндіи. На самомъ же дѣлѣ, по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ въ Матеріалахъ для статистики Финляндіи, изданныхъ генеральнымъ штабомъ въ 1855 году, во всей Финляндіи было 1.651,353 лицъ лютеранъ и 37,352 православныхъ: изъ сихъ послѣднихъ 28,715 жили въ Выборгской губерніи, 7,483 въ Куопіоской, и остальные 1,174 въ городахъ Гельсингфорсѣ, Або, Нейшлотѣ (стр. 197), при чемъ замѣчалось, что русское населеніе, сперва быстро увеличившееся отъ переселенія русскихъ въ Финляндію, въ послѣднія пять лѣтъ быстро уменьшилось. Такъ, въ 1830 году считалось во всей Финляндіи 25,212 человѣкъ, въ 1835—35,396, въ 1840—37,130, въ 1845—42,565, въ 1850—47,144, а въ 1855—опять 37,352 (стр. 215): причина такого уменьшенія не объяснена.

Но было бы крайне несправедливо съ нашей стороны, указывая на нѣкототорыя не выдерживающія критики примѣчанія г. Ордина, не обратить вниманія и на самыя существенныя, въ которыхъ на основаніи русскихъ источниковъ онъ указываетъ на неточности и неправильныя толкованія и выводы, сдѣланные г. Мехелиномъ въ его сочиненіи. Не приводя ихъ въ подробности, мы сообщимъ ихъ сущность. Вопросъ сводится къ тому, какъ понимать манифестъ императора Александра I отъ 5-го іюня 1808 г. къ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финдляндіи всякаго чина и состоянія, а также слова, произнесенныя императоромъ Александромъ I при открытіи сейма въ Борго, а потомъ при его закрытіи въ 1809 году. Г. Мехелинъ говоритъ: Употребить матеріальную силу для того, чтобы слить эту страну (Финляндію) съ Россіей, не соотвѣтствовало бы ни личнымъ взглядамъ императора, ни потребно-

сти немедленнаго умиротворенія, вызванной политическими интересами имперіи. Поэтому Александръ I предпочелъ актъ соединенія; онъ утвердилъ конституцію страны и призвалъ представителей ея для основанія новаго порядка вещей (стр. 18), и прочнаго основанія бюджета новаго государства (стр. 15). Финляндцы, предвидя невозможность возвратиться къ прошедшему, не колеблясь, приняли предложеніе императора, давшаго имъ въ залогъ будущаго самое формальное обѣщаніе сохранить прежнія учрежденія (стр. 19). Послѣдовало соединеніе Финляндіи съ Россіей, ясно опредѣленное, не только въ рѣчахъ императора, но и въ манифестѣ 1810 года (15-го марта) (стр. 21).

Г. Ординъ считаетъ такое толкованіе и выводы г. Мехелина неправильными и лишенными основанія. Онъ указываетъ на то, что Финляндія никакого особаго государства не составляла и не составляетъ; Финляндію называли только провинціей (стр. 13); манифестъ 5-го іюля 1808 года указываетъ на водвореніе Финляндіи въ Россію, какъ ея неразрывной части, но вовсе не имѣлъ цѣлью обезпечить обособленность Финляндіи (стр. 8); о сеймѣ Императоръ Александръ имѣлъ неопредѣленное понятіе и колебался въ своихъ рѣшеніяхъ по сему предмету; ему придавалось только совѣщательное значеніе (стр. 11); акта соединенія не было, этого выраженія даже нѣтъ ни въ одномъ изъ документовъ (стр. 19); императоръ Александръ I ни единымъ словомъ не предрѣшалъ того, какія отношенія будутъ установлены между русскимъ народомъ и завоеванною его кровью и деньгами Финляндіей (стр. 19); всѣ льготы, данныя императоромъ Финляндіи, исходили исключительно отъ его доброй воли; сеймъ никакого рѣшающаго значенія не имѣлъ, и о его резолюціяхъ даже вовсе не упоминается (стр. 22); не боргскіе акты, а статсъ-секретари Финляндіи (въ томъ числѣ М. М. Сперанскій, воспользовались довѣрчивостью императора и успѣшно начали и продолжали подъ русскою эгидой разрушеніе великихъ дѣлъ Петра, Елизаветы и самого Александра (стр. 26 и 27).

Замѣтимъ также, что г. Ординъ въ газетѣ Новое Время отъ 9-го января сего года, отвѣчая на отзывы финскихъ газетъ по поводу сдѣланнаго имъ перевода книги г. Мехелина съ своими примѣчаніями, указываетъ еще на то, что хотя отношенія Россіи и Финляндіи опредѣляются, главнѣйшимъ образомъ, документами, писанными и подписанными на русскомъ языкѣ, но финскіе писатели знаютъ эти документы только въ переводахъ на шведскій языкъ. Переводы же эти далеко не точны; такъ,

напримѣръ, въ манифестѣ, данномъ 15-го марта 1809 году въ Борго (онъ приведенъ нами въ концѣ замѣтки), допущены четыре неточности, а именно: 1) опущено слово вновь передъ глаголомъ утвердить, чрезъ что̀ манифестъ является какъ бы новымъ, особымъ актомъ, хотя на дѣлѣ этотъ манифестъ въ себѣ новаго ничего не заключалъ и является повтореніемъ обѣщаній, данныхъ до сейма; 2) къ слову религія произвольно добавлено слово страны, отчего получилась религія страны, то-есть, господствующей церкви (конечно, лютеранской, чего въ подлинникѣ нѣтъ); 3) слово подданные переведено словомъ жители (in byggarre), что̀ конечно, не одно и то же; 4) вмѣсто по конституціямъ или по уставамъ и учрежденіямъ въ переводѣ сказано по конституціи,—что̀ опять совершенно не то, что̀ стоитъ въ русскомъ документѣ. Произнести свое рѣшительное сужденіе въ этомъ толкованіи словъ и намѣреній императора мы, конечно, не рѣшаемся. Позволимъ себѣ только сказать слѣдующее: Какое бы толкованіе ни придавали словамъ, произнесеннымъ императоромъ Александромъ въ Борго: „J'ai promis de maintenir votre constitution, vos loix fondamentales; votre réunion içi vous garantit ma promesse. Cette réunion fera époque dans votre existence politique" и т. д. (Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время—Богдановича, томъ II, стр. 410), или словамъ, выраженнымъ въ манифестѣ 5-го іюня 1808 г.: „Обыватели Финляндіи. Вступивъ въ составъ имперіи нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ и свято нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается" (Прибавленіе къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на русскій языкъ Уложенію, существующему въ великомъ княжествѣ Финляндіи. С.-Пб., 1827, стр. 231), или словамъ манифеста, даннаго 15-го марта 1809 года въ Борго (такого же содержанія манифестъ данъ императоромъ Николаемъ 14-го декабря 1825): „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе великаго княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи"; какое бы, говоримъ, ни придавали значеніе и толкованіе вышеприведеннымъ словамъ, для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что императоръ и

самодержецъ Всероссійскій есть въ то же время и великій князь Финляндскій (ст. 37. Т. I, ч. 1 основныхъ законовъ); что Финляндія, придерживаясь словъ манифеста 1808 года, „навсегда присоединена къ Россіи", и что „это достояніе, Промысломъ врученное, надлежитъ хранить во всей его незыблемости и въ непремѣнномъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ".

Задача опредѣлена ясно; осуществленіе ея составляетъ потребность нашей имперіи. Потребность эту должно ясно сознавать и никогда не упускать изъ виду. Но какъ, то-есть, въ какой формѣ и какими способами, осуществить ее, это, конечно, не могло быть предначертано ни манифестами, ни трактатами. Это зависитъ отъ множества условій, тѣсно связанныхъ съ государственною жизнью Россіи, указывать и даже касаться которыхъ, очевидно, выходитъ далеко за предѣлы библіографическаго очерка, единственною цѣлью котораго было обратить вниманіе читателя на сочиненіе г. Мехелина и переводъ онаго, прекрасно изданный г. Ординымъ.

П. М—въ.

M. Gaster. Ilchester lectures on greco-slavonic literature and its relation to the folk-lore of Europe during the middel ages. London. 1887.

Содержаніе лекцій г. Гастера не новое въ славянской наукѣ: апокрифы и повѣсти, пересказы греческихъ подлинниковъ (оттуда и названіе: „греко-славянской" литературы), сохраненные въ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ спискахъ, уже не разъ обращали на себя вниманіе изслѣдователей, давая матеріалъ для монографій и замѣтокъ, указывавшихъ на связь греко-славянскаго литературнаго преданія съ западно-европейскимъ. Изъ неславянскихъ ученыхъ въ этомъ изслѣдованіи принимали участіе лишь румынскіе, встрѣчавшіе въ своей древней письменности тѣ же памятники, отраженія и переводы славянскихъ и греческихъ оригиналовъ. Я имѣю въ виду извѣстную книгу г. Хыждеу, разборъ которой представленъ въ моихъ Розысканіяхъ, VI, и аналогическую работу г. Гастера: Literatura popularа romana (Bucuresti. 1883). Результаты этихъ сравнительно-литературныхъ изысканій, въ которыхъ памятники древнеславянской литературы освѣщались сближеніемъ съ западными и въ свою очередь нерѣдко бросали свѣтъ на ихъ праисторію, эти результаты оставались до сихъ поръ достояніемъ немногихъ, читающихъ на славянскихъ и румынскомъ языкахъ. Между тѣмъ, каковы бы ни были эти резуль-

таты, важно было оповѣстить ихъ въ болѣе широкихъ кругахъ, чтобы вызвать ихъ провѣрку въ обратномъ смыслѣ и съ другой точки отправленія, которую, очевидно, избрали бы себѣ западные ученые, не-спеціалисты въ славяно-румынской области. Ильчестерскія лекціи г. Гастера помогутъ имъ оріентироваться въ ней, познакомятъ съ характеромъ литературнаго матеріала, съ рядомъ вопросовъ и рѣшеній и литературой предмета. Въ послѣдней есть у г. Гастера недочеты, отчасти невольные: авторъ не могъ пользоваться ни изслѣдованіемъ г. Порфирьева о ветхозавѣтныхъ апокрифахъ, ни работой покойнаго А. Попова о Палеѣ [1]); тамъ и здѣсь онъ нашелъ бы многое, что̀ могъ бы перенести на страницы своего труда. Жаль также, что ему осталась неизвѣстною (см. стр. 172) книга француза Берже о старофранцузскихъ переводахъ Библіи, и не приняты въ разчетъ новѣйшія работы по вопросу о до-лютеровскомъ (вальденскомъ?) ея переложеніи: онѣ упрочили бы или отмѣнили гипотезу автора о вальденскомъ происхожденіи Biblia pauperum (стр. 199 слѣд.).

Я коснусь лишь мимоходомъ тѣхъ сторонъ его книги, которыя не подлежатъ моему вѣдѣнію. Лингвисту, знакомому съ языками Балканскаго полуострова, предстоитъ разрѣшить, на сколько состоятельно предположеніе автора о болгарскомъ (финно-татарскомъ) вліяніи, обусловившемъ нѣкоторыя особенности, общія языкамъ албанскому, румынскому, новогреческому, болгарскому и отчасти сербскому (сл. стр. 130 слѣд.). Г. Гастеръ устраняетъ мнѣніе, объясняющее эти общія черты воздѣйствіемъ древнеѳракійскаго туземнаго населенія, и склоненъ уступить его роль болгарамъ. Ихъ орда была не малочисленна, судя по многимъ народностямъ, которыя онѣ подчинили и держали въ своей власти; въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій они удержали свой говоръ и, хотя съ теченіемъ времени переняли языки побѣжденныхъ, но оставили въ нихъ слѣды своего собственнаго: тѣ особенности, которыя типически сближаютъ между собою албанскій, новогреческій, румынскій и т. д. языки, не что иное, какъ печать финско-татарскаго вліянія, одинаково распространившагося на соотвѣтствующія народности въ VII—X вѣкахъ.

Еще относительно другаго вопроса, поднятаго авторомъ (стр. 139 и 209 и слѣд.), я ограничусь простымъ рефератомъ. Дѣло идетъ объ изобрѣтеніи глаголицы св. Кирилломъ: по мнѣнію г. Гастера, ея источникомъ оказывается армянскій алфавитъ, въ свою очередь заим-

---

[1]) См. также: *Жданова*, Палея (Оттискъ изъ *Кіевск. унив. извѣстій* 1881 г.).

ствованный изъ зендскаго, и, вѣроятно, распространенный у крымскихъ хазаръ. Среди нихъ проповѣдывали свв. Кириллъ и Меѳодій, препираясь съ евреями, магометанами и схизматиками, то-есть, вѣроятно, толкуетъ авторъ, армянами, главными представителями въ то время манихейской ереси. Мнѣніе свое о томъ, что глаголица есть приспособленіе къ звукамъ славянскаго языка какого-то восточнаго алфавита, близко сходнаго съ армянскимъ и грузинскимъ, авторъ уясняетъ графически, параллельною таблицей. Онъ и самъ считаетъ свое рѣшеніе вопроса не болѣе, какъ вѣроятнымъ (стр. 228); извѣстно, что у насъ подобная гипотеза уже была высказана Вс. Ѳ. Миллеромъ.

Перехожу къ главному содержанію книги, знакомящей западнаго читателя съ литературой южнославянскихъ ветхо- и новозавѣтныхъ апокрифовъ, легендъ и заклинаній и съ небольшою группой повѣстей свѣтскаго характера. Большей части памятниковъ, разсмотрѣнныхъ г. Гастеромъ, касался и я въ разныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, и такъ какъ авторъ цитуетъ иныя изъ нихъ, я позволю себѣ кое-что прибавить къ его указаніямъ—изъ своего и чужаго.

Говоря (стр. 29—30) о космогоническихъ представленіяхъ древнеславянскихъ „Вопросовъ и отвѣтовъ", авторъ умалчиваетъ о космогонической же сказкѣ, сохранившейся и въ записяхъ, и въ славянскихъ и румынскихъ пересказахъ: о сотвореніи міра Богомъ и діаволомъ. О ней я говорилъ въ моихъ Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 164 и прим. 1. Съ тѣхъ поръ моя библіографія преданія значительно обогатилась; я вернусь къ его анализу въ слѣдующемъ выпускѣ моихъ Розысканій, которыя коснутся и вопроса объ источникахъ русскаго стиха о Голубиной книгѣ. Г. Гастеръ сообщаетъ его содержаніе (71—74) по одному варіанту, представляющемуся ему наиболѣе полнымъ; см. пока сочиненіе г. Мочульскаго, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ (Варшава, 1887).

Въ отдѣлѣ, посвященномъ легендѣ о крестѣ (стр. 31 и слѣд.; см. мои Розысканія, X, стр. 367 слѣд.), „Gherusia Plata (=блато) Исповѣданія Еввы (стр. 34) не что иное, какъ ἡ ἀχέρουσα λίμνη=езеро хѣрусииско Апокалипсиса св. Павла (см. мои: Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 508); Severian Gavalski = изъ Габалы (стр. 53), Cabalorum episcopus.

По поводу славянскихъ сказаній о Соломонѣ (стр. 40 и слѣд.) присоединю къ указанію г. Гастера на мою диссертацію о Соломонѣ и Китоврасѣ — еще мои Розысканія, V (= Neue Beiträge zur Geschichte der Solomonssage въ Архивѣ Ягича, VI); „О талмудическомъ

источникѣ одной Соломоновской повѣсти въ русской Палеѣ" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, апрѣль); „Эпизодъ о южской царицѣ въ Палеѣ" (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 1 слѣд.) и „Замѣтки къ исторіи апокрифовъ" (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1886, іюнь, стр. 297 слѣд.), гдѣ указано (стр. 298—299) и еще одно французское свидѣтельство (Roman d'Alexandre, ed. Michelant, p. 452) о знакомствѣ запада съ легендой о невѣрности Соломоновой жены. Кстати—замѣтка по поводу заключительной сцены славянской (и нѣмецкой) повѣсти объ „увозѣ": Соломонъ, разыскивая жену, попадаетъ въ руки ея похитителя и осужденъ къ повѣшенію. Онъ проситъ, чтобъ ему дозволено было передъ смертью поиграть на рожкѣ; трубитъ, и войско его, оставленное имъ въ засадѣ, спѣшитъ къ нему на выручку. Извѣстны народныя отраженія этого разказа; г. Гастеръ (стр. 42) сравниваетъ съ призывнымъ рогомъ Соломона знакомую всѣмъ сцену въ Chanson de Roland, гдѣ раненый Роландъ три раза трубитъ, подавая вѣсть своимъ. Я предпочелъ бы параллель Будинской лѣтописи (Chron. Budense, ed. Pedhradczky, p. 56), вѝчтя особую развязку разказа: Leel и Bulchu, вожди венгровъ (955 г.), попадаютъ въ плѣнъ къ императору Конраду (= Оттону Великому), который предлагаетъ имъ выборъ смерти: Eligite vobis mortem, qualem vultis.— Cui Leel ait: Afferatur mihi tuba mea, cum qua primum boccinans, post hoc tibi respondebo. Получивъ дозволеніе, Леэль начинаетъ трубить, все время приближаясь къ императору, которому раскраиваетъ черепъ ударомъ рога. Замѣтимъ, что Simon Kéza (ed. Endlicher, p. 105) говоритъ о повѣшеніи обоихъ вождей, съ замѣткой: „quidam vero ipsos aliter dampnatos fabulose asseverant, quod Cesari presentati, unus illorum cum tuba in caput ipsum Cesarem occidisset feriendo".

Повѣстью о „Вавилонскомъ царствѣ" (стр. 43) я не разъ занимался и надѣюсь, что мнѣ удастся еще разъ вернуться къ полному пересмотру вопроса о ней. Гастеръ цитуетъ мою статью въ Архивѣ г.Ягича (II, 1, 2) и въ Замѣткахъ по литературѣ и народной словесности I, стр. 9—14; присоединю къ этому мою же замѣтку въ томъ же Архивѣ VIII, стр. 326—330: Der Drache zu Babylon и слѣдующую выписку изъ Jean d'Outremeuse (t. I, p. 6, 9): Яфетъ съ сыновьями Jabam и Rachem, прибывъ въ Европу, строятся на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи основанъ былъ Римъ, но по нѣкоторомъ времени множество змѣй и другихъ ядовитыхъ животныхъ заставили ихъ удалиться, откуда пришли. Позже Rachem вернулся по приказанію Божію, „qui

li envoia certain signe, par lequelle ilh fist vuidier de son pays tous les serpens et s'en alcrent en Orient. Se prisent puis ches serpens habitation en la thour de Babel, c'on nommoit alors la thour de confusion". Интересно эпизодическое упоминаніе о пустынномъ Вавилонѣ и великанскомъ змѣѣ въ одномъ славянскомъ спискѣ житія свв. Кирика и Улиты. Встрѣчается ли этотъ эпизодъ въ греческихъ спискахъ—не знаю; Dillmann (Über die apocryphen Märtyrergeschichten des Cyriacus und Julitta въ Sitzungsberichte d. kgl. preuss. Akad. d. W. zu Berlin, XVIII—XXIII) пересказываетъ его по сирійскому и арабскому текстамъ житія, вмѣняя его (стр. 348) подлиннику, отмѣченному уже въ индексѣ папы Геласія (495—496 г.) и, вѣроятно, отличавшемуся болѣе яркимъ гностическо-манихейскимъ колоритомъ, чѣмъ его позднѣйшіе, очищенные пересказы. Такъ какъ вышеуказанный эпизодъ не безынтересенъ для вопроса объ источникахъ нашей вавилонской повѣсти, я остановлюсь на немъ подробнѣе.

Въ славянскомъ житіи Кирика и Улиту сбираются бросить въ котелъ съ кипащею смолою, масломъ и воскомъ; Улита колеблется, но сынъ поддерживаетъ ее напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей „ѿтъ пещи" Ананіи, Азаріи и Мисаила, и пророка Даніила изъ львинаго рва, и далѣе говоритъ: „Не вѣсы ли, мати моа, егда Маѯіминань цр҃ь повелѣ наю вънложити въ корабь и сточить наю ѿтъ свое земле? Беху бо тамо ѕверіе мноѕи, не можеть езыкь чл҃вчь ни исчесты, и ехидни аспидь; бѣше бо ту змеи великы, ѿпашь его досезаше до оусть его и посрѣ его блато ѿбьстоаше миноующи ·н҃· дн҃и? И гривеше травѣ и тръстіе и хотѣхоу наю пожрѣти ѕвѣріе тіи, нь Богъ спасе наю и избави насъ ѿтъ звѣри лютыхъ. Не вѣси ли, маты моа: егда придоховѣ кь Вавулону градоу и ѿбрѣтоховѣ его пуста, и бѣху ту зверіе мноѕи, и ны единь кь намь не прикоснусе? Не вѣси ли, маты моа, ꙗко егда придоховѣ на рѣцѣ Мадиамли та бо ѥсть рѣка исходеще ѿтъ бездны и с пекломь течеть розмесь, тоу же реку не можеть ни единь чл҃вкь прѣити, нь божіемь повеленіемь въ суб[оту] прѣходить, и тогда придуть въси ѕверіе, тем же ѥсть камень зелѥль,—а ми прѣидоховѣ вь дн҃ь четвръткъ повелѣніемъ божіемь"?

Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ сирійскаго житія (Dillmann, стр. 346—347), напоминающій Дильманну отреченныя Дѣянія апостола Өомы, особливо ихъ гностическій гимнъ: „Стоя въ котлѣ, св. Киріакъ началъ на своемъ языкѣ читать молитву, содержаніе которой въ переводѣ такое: 'Се врата Господа, въ которыя вступаютъ праведные! И снова сказалъ онъ: Когда я молился, мать моя сдѣлала мнѣ одежду (στολή)

и украсила ее жемчугомъ; мать моя—церковь, жемчугъ—божественныя словеса, наставленіе св. Духа. Съ знаменіемъ эпистоліи св. Духа (съ посланіемъ св. Духа, какъ знаменіемъ?) я былъ посланъ въ мрачный градъ, гдѣ не было ни одного луча свѣта, ни солнца, ни луны, ни мѣсяца. Когда я прибылъ въ градъ,.... я нашелъ тамъ онокентавровъ и гиппокентавровъ и волшебницу Lmntaus (или Lmntaos) и множество демоновъ; они хотѣли уничтожить меня, но эпистолія ихъ отогнала. Затѣмъ я прибылъ въ Вавилонъ, къ рѣкѣ, парицаемой страшной (Tausfis или Taospis), черезъ которую люди могутъ переправиться лишь въ субботу, ибо и ей повелѣно покоиться въ первый день недѣли. Въ той рѣкѣ есть нѣчто, истекающее изъ глубины, и все это песокъ, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи увидѣть воды той рѣки. Когда я переправился черезъ рѣку, я прибылъ въ тотъ градъ, море собранія (море Квіа и Кбіа), и нашелъ тамъ змѣй и ехиднъ и многочисленную рать демоновъ, великихъ драконовъ и царя всѣхъ земныхъ пресмыкающихся, опашь котораго засунута въ его пасть [1]), а передъ лицомъ его лежалъ путь ехиднъ; у него зубы что острые мечи, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, ногти что когти орла, пасть какъ острый вертелъ; пищей ему служитъ папирусъ и кожа воловъ; изъ его ноздрей исходитъ духъ, подобный дыму, а когда онъ раскрываетъ пасть, въ теченіе семи дней проглатываетъ воды Іордана, и ни одна капля не упадаетъ изо рта. Это тотъ змѣй, который совратилъ вожделѣніями ангеловъ съ высоты; змѣй, совратившій перваго Адама и изгнавшій его изъ рая (формула: „это змѣй" повторяется нѣсколько разъ къ ряду, съ такими же библейскими воспоминаніями). Когда онъ узрѣлъ меня, онъ хотѣлъ меня проглотить, но письмо заткнуло его пасть. Тогда явился Спаситель, сжегъ великаго змѣя, отогналъ отъ меня сонмище демона, собралъ все, что осталось отъ израильской рати, и выслалъ ихъ въ тотъ градъ; и они казались единоплеменными. А есть въ томъ градѣ знаменіе: порогъ и врата изъ желѣза, въ 300 исполинскихъ аршиновъ высотою (Второзак. 3,11 Pesch.); говорятъ, что въ послѣдніе дни то желѣзо и порогъ будутъ стоптаны ногами проходящихъ, такъ что отъ желѣза ничего не останется на томъ мѣстѣ для идущаго вокругъ пути живыхъ. Когда я прибылъ въ городъ царства (stadt des Reiches), я окончилъ мои молитвы".

---

[1] *Дильманъ*, l. c., стр. 347, прим. 2. Сл. сходный образъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ св. Ѳомы: οὗ ἡ οὐρὰ ἔγκειται τῷ ἰδίῳ στόματι.

Дильманъ находитъ въ приведенномъ нами отрывкѣ гностическую, или даже двѣ гностическія молитвы (стр. 346 и прим. 5); меня интересуетъ въ нихъ эпическій элементъ послѣдней, разказывающій о посланіи Кирика въ градъ мрака и Вавилонъ съ какимъ-то обережнымъ письмомъ-знаменіемъ. О послѣднемъ въ славянскомъ житіи нѣтъ рѣчи и, на оборотъ, вмѣстѣ съ Кирикомъ идетъ (сослана) и Улита. Въ сирійскомъ текстѣ драконъ, облегающій городъ,— демонъ, „царь пресмыкающихся": у него хвостъ сошелся съ пастью, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, изъ ноздрей выходитъ дымъ. Въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ драконъ оживаетъ лишь впослѣдствіи, въ началѣ дѣло идетъ о хитрыхъ постройкахъ Навуходоносора: вокругъ города онъ велитъ сотворить „змій великъ, во главу бы зміеву въѣздъ въ градъ", „глава бы зміева во вратѣхъ градныхъ съ хоботомъ свилась"; и „повелѣ во вратѣхъ градныхъ, въ главѣ зміевѣ по обѣ стороны рѣшетки мѣдныя подѣлати, и за тѣ рѣшетки повелѣ уголія навозити; и какъ во время посольскаго приходу, егда послы пріидутъ отъ великихъ царей и великихъ кралей, и тогда Навходоносоръ царь Вавилонскій повелитъ грознымъ своимъ воеводамъ за градомъ на полѣ, на двадцати верстахъ до града полки великіе урядити, и по полкамъ знамена львовы, и во всѣхъ полкахъ набаты и накры и многогласныя трубы. Егда же послы поидутъ въскрозь великіе полки, тогда во всѣхъ полкахъ ударити повелѣлъ воеводы во вся набаты и накры и во многогласныя трубы, и тогда послы весело буяше идучи. А какъ близъ вратъ градныхъ пріидутъ, и тогда триста кузнецовъ начнутъ въ мѣхи дути разжегши уголье, и тогда дымъ и искры; а какъ выйдутъ послы во врата во главу зміеву, и тогда огнь и поломя опалятъ пословъ. И тогда послы ужасти великія исполнятся и пришедъ къ великому царю Навходоносору поклонятся".

Если эпизодъ о вавилонскомъ змѣѣ и царствѣ входилъ въ древній составъ житія о Кирикѣ и Улитѣ и принадлежитъ вообще по замыслу не къ объективно-повѣствовательнымъ, а къ легендарно-апокрифическимъ мотивамъ, то въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ онъ является уже въ другой, позднѣйшей стадіи своего примѣненія: и здѣсь данныя апокрифа развились въ схему повѣсти, какъ талмудическіе разказы о Соломонѣ перешли въ романтическое сказаніе объ увозѣ его жены. Это вноситъ нѣкоторую двойственность въ рѣшеніе вопроса: къ апокрифу или къ повѣсти отнести образъ вавилонскаго змѣя, указанный мною въ Roman d'Alexandre (ed. Michelant).

Александръ говоритъ Пору, что возьметъ Вавилонъ, „s'ocirai le serpent c'on dist qui tous jors veille", послѣ чего объ Александрѣ говорится въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ взятіемъ Вавилона: Al dragon est li rois qui le mont emprisone. Сл. мою статью: „Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ", Журн. Мин. Нар. Просв., 1885, ноябрь, стр. 78 и „Изъ исторіи романа", стр. 405, примѣч. 1. Позволю себѣ указать на послѣднюю работу (стр. 331—332, прим. 2 и 3) еще и по поводу преданія объ „успеніи" Іереміи (Gaster, p. 42—43; мотивъ неестественно долгаго сна у Cosquin'a, Contes pop. de Lorraine I, 19) и легенды о св. Макаріи (стр. 305 и слѣд.). Если, говоря о ней, г. Гастеръ (стр. 55) выражается, что ея апокрифическая часть цѣликомъ взята изъ Псевдокаллисоена, то едва ли онъ не выразился черезчуръ аподиктично, какъ и въ другомъ случаѣ, связавъ съ еретическимъ или заподозрѣннымъ церковью культомъ ап. Іоанна (сл. стр. 49, 64 и слѣд.) нѣмецкую обрядовую Johannisminne. Она, несомнѣнно, относится къ распространенной ивановской обрядности, какъ, вѣроятно, и эротическій Hannsenwein, недавно отмѣченный Нагеле (Germania, XXXI, стр. 346—347).

„Эпистолія съ неба" и легенда о 12-ти пятницахъ (стр. 67—71; см. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, II—VI; Джузеппе Питрѐ и его библіотека народныхъ сицилійскихъ преданій, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, январь, стр. 89 и слѣд; Критическія и библіографическія замѣтки, ib. 1878, янв., стр. 156 — 159; Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 14 и слѣд.), если распространеніе и своеобразное развитіе того и другаго памятника стоятъ, какъ я полагаю, въ связи съ развитіемъ флагелланства, нарушаютъ въ хронологическомъ и генетическомъ отношеніяхъ серію текстовъ, до сихъ поръ разобранныхъ авторомъ, ибо слѣдующая далѣе заговорная молитва отъ трясавицы, приписанная попу Іереміи (см. стр. 80 и слѣд.), относится, во всякомъ случаѣ, къ другой, болѣе древней, сферѣ представленій, чѣмъ статьи о Недѣлѣ и Пятницѣ.— Молитвой отъ трясавицы подробно занимались Хыждеу и г. Гастеръ въ указанныхъ выше сочиненіяхъ; сл. мои Разысканія VI, стр. 40 и слѣд., 222—223, прим. 2 и 427 и слѣд.; Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 87 и слѣд.; Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, l. c., стр. 288—293.

Изъ заклинательныхъ формулъ, которыми кончаетъ авторъ обзоръ апокрифической литературы, укажу на „молитву святаго апостола Павла отъ змія", которой я коснулся по поводу сообщеній Питрѐ

о сициліанскихъ ciaraulі: людяхъ, родившихся въ ночь на 29-е іюня или 25-е января (дни, посвященные памяти апостола Павла), не боящихся укушенія змѣи и исцѣляющихъ уязвленныхъ ею. См. мою замѣтку: Новые журналы по народной словесности и миѳологіи въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь, стр. 213 и слѣд. Какъ суевѣрная молитва, такъ и ремесло ciaraulі (о которыхъ см. еще замѣтку Torraca въ Giorn. storico della letteratura italiana № 10—11, стр. 218, прим. 3) одинаково примыкають къ извѣстному разказу Апостольскихъ Дѣяній, гл. XXVIII.

Мы видѣли, что повѣсть о Соломонѣ и его женѣ и о Вавилонскомъ царствѣ была разсмотрѣна авторомъ въ отдѣлѣ апокрифовъ, хотя, быть можетъ, естественнѣе было удѣлить имъ мѣсто въ разборѣ разказовъ романтическаго содержанія, проникшихъ изъ Греціи къ славянамъ. Извѣстно, что греки съ своей стороны были нерѣдко лишь передатчиками иноземнаго преданія: такъ перешелъ къ намъ Акиръ премудрый, Стефанитъ и Ихнилатъ (стр. 117 и слѣд.), Варлаамъ и Іоасафъ (стр. 111—112) и др.

Относительно первой повѣсти надлежало упомянуть новое ея изданіе Е. В. Барсовымъ [1]) и загадочное упоминаніе дѣйствующихъ въ ней лицъ, Синагрипа и Акира въ одномъ апокрифическомъ чудѣ св. Николая. Въ румянцевской рукописи № 181, 1523 года, оно озаглавлено: „чюдо святаго Николы ѡ Синагрипи цари" и начинается такимъ образомъ: „в таже лѣта поиде царь Синагрипъ на брань и бысть на мори восташа вѣтры велици и оуже кораблю разбитися". „Статья въ рукописи зачеркнута и, кажется, давно, иныя слова трудно разобрать", говоритъ Пыпинъ [2]);—„впрочемъ содержаніе очень темно и по испорченности чтенія, и потому, что въ рукописи недостаетъ листовъ". То же чудо находится, если не ошибаемся, въ одномъ изъ сборниковъ библіотеки проф. Тихонравова, и о немъ же докладывалъ, на основаніи одного сборника XVI вѣка Императорской Публ. библіотеки (Q, I, № 862), г. Владиміровъ въ Обществѣ любителей древней письменности, въ засѣданіи 21-го февраля 1886 года [3]). Мнѣ оно извѣстно по списку XVII вѣка, описанному А. Н. Попо-

---

[1]) Акиръ Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI вѣка, съ предисловіемъ *Е. В. Барсова*, въ *Чтеніяхъ Имп. Общ. ист. и древн. Росс.* 1886, кн. III.

[2]) Пыпинъ, Очеркъ, стр. 84.

[3]) Памятники древней письменности № LXVI, 1887, стр. 32.

вымъ [1]), и въ копіи съ указаннаго выше текста, любезно представленной мнѣ г. Владиміровымъ. Въ послѣднемъ чудо „о цри Синагрипѣ“ помѣщено при житіи и чудесахъ св. Николая Чудотворца, въ самомъ концѣ посмертныхъ чудесъ; въ хлудовскомъ спискѣ наша статья стоитъ подъ 29-мъ февраля и надписана: „преподобнаго ѿтца нашего Кассіяна римлянина“. Демоны, похитившіе въ младенчествѣ Касьяна, пользуются имъ впослѣдствіи для того, чтобы чинить „пакости великому Василію, когда божественную литургію писаше“. Далѣе говорится о составленіи имъ литургіи, обращеніи Касьяна и сложеніи канона: Всякое дыханіе да хвалитъ Господа. По кончинѣ св. Василія его наслѣдникомъ въ Кесаріи былъ Ѳеоктиристъ, впослѣдствіи митрополитъ Халкидонскій. Здѣсь собственно и начинается чудо св. Николая; списокъ Имп. Публ. библ. не знаетъ сообщеннаго тотчасъ введенія [2]). „В тоже время поиде царь Синаграеъ (вар. Синагрипъ) на брань; яко бысть ему в мори, и восташа вѣтри и хотѣша корабль разбити. Въ тожъ время бысть у него радца Акиръ мудрыи крьстьянинъ и рече царю своему: Призови святаго Николу и завѣщай ему завѣтъ: канонъ и свѣщи, и избавитъ тя ѿтъ потопа“. Такъ тотъ и дѣлаетъ и избавляется отъ бури. Вернувшись домой, онъ проситъ Акира: позвать къ нему Николу; но Акиръ ссылается на митрополита Ѳеоктириста: „тотъ можетъ призвати святаго Николу въ образѣ человѣка“. Тогда царь посылаетъ за митрополитомъ, принимаетъ отъ него благословеніе, творитъ обѣты святому Николѣ. „И по повелѣнію Ѳеоктириста поставити повелѣ полату (вар. церковь) чисту въ три дни, и никому повелѣ ясти и пити. И освящена бысть церковь святымъ митрополитомъ и пѣша канонъ и молебенъ и сотвориша святому Николе святую литургию и совершивъ канонъ и кутію и вшедъ въ полату цареву седоша за трапезою и готоваше мѣсто святому Николе“. Митрополита понуждаютъ ѣсть и пить, но онъ отказывается до пришествія Николы, а онъ не является, и Ѳеоктириста начинаютъ уличать во лжи, когда по девятомъ часѣ онъ видитъ святаго, грядущаго во врата царевы. Онъ выходитъ къ нему на встрѣчу съ свѣщами и кадилами, припадаетъ къ стопамъ, спрашиваетъ: „Отче святый, почему ты замедлилъ?“ Никола отвѣчаетъ: „бывшоу ми на мори Тиверіадстемъ, и нача ко-

---

[1]) Описаніе рукописей и каталогъ книгъ и т. д. библіотеки А. И. Хлудова, № 178, стр. 358—360.

[2]) Далѣе сообщаю текстъ по хлудовской рукописи, кое-гдѣ отмѣчая варіанты другаго списка.

рабли утопати, и призваше имѧ мое, и шедъ тамо избави ихъ изо дна морѧ, и умедливщу ми тамо. И рече ему Ѳеоктиристъ: Да что еси у нихъ взялъ? И рече святый Николае: Завѣщаша канонъ и свѣщу и ѳимиянъ и даша ми курецъ печенъ тѣстанъ. И показа ему курецъ. И рече Ѳеоктиристъ ѳилософиею ѿтъ моудрости: Азъ бы сего дѣлѧ курца трехъ степеней (вар. ступеней) не ступилъ". Услышавъ это, Никола выходитъ изъ палаты, а Ѳеоктириста упрекаетъ въ гордости: „сотворю на тѧ молитву Христу царю Богу нашему". Митрополитъ и царь и вельможи начинаютъ молить святого, и онъ, снова войдя въ палату, благословилъ всѣхъ, брашно и вино, а самъ сталъ невидимъ. Царь крестился со всѣмъ домомъ и сотворили Николѣ „праздникъ честенъ; а святаго Ѳеоктириста за тѣ три степени (вар. ступени) повелѣша святіи ѿтцы по три года не поминати, но понеже въ четвертый годъ поминаютъ, тогда бываетъ високость, а святомоу Николе составиша святіи ѿтцы праздновати во единъ годъ трижды".

Отношенія Синагрипа и Акира предложенной апокрифической легенды къ повѣсти, въ которой они являются протагонистами, загадочны; Акиръ видимо обобщился до роли христіанскаго совѣтодателя и увлекъ за собою и имя Синагрипа. Чудо Николы сводится къ общему мѣсту его обычныхъ чудесъ; весь разказъ къ ожидаемому объясненію: по чину св. Николаю празднуютъ три раза въ году, а Ѳеоктиристу лишь черезъ три года въ четвертый. Въ греческихъ синаксаряхъ XII вѣка память св. Ѳеоктеристу или Ѳеоктерикту полагается 29-го февраля, когда празднуютъ и св. Кассіана; въ пергаменномъ Евангеліи XIV вѣка (Публ. библ. F. п. I, № 17, л. 132) читается подъ этимъ числомъ помѣтка: „оц҃ фестерикта сего поминають на д—є лѣ҇" [1]). Если народная русская легенда [2]) замѣнила его Касьяномъ, то естественно является вопросъ: случайно или нѣтъ упоминаніе послѣдняго въ хлудовскомъ варіантѣ чуда передъ эпизодомъ о Синагрипѣ? Разказъ легенды проще: однажды осенью мужикъ увязилъ по дорогѣ возъ; проходитъ Касьянъ-угодникъ и отказывается помочь ему, чтобы не замарать райскаго платья; помогъ Никола [3]). Когда тотъ и другой пришли къ рай и Господь узналъ, какъ было дѣло,

[1]) Сообщеніе г. Владимірова.

[2]) См. *А. Аѳанасьевъ*, Нар. русскія легенды, № 11.

[3]) Спасеніе на морѣ, о которомъ говоритъ чудо, замѣнено въ сказкѣ спасеніемъ на сушѣ. Въ одной нѣмецкой легендѣ св. Николай также помогаетъ крестьянину вытащить увязнувшую въ землю телѣгу и лошадей. Сл. *Schnell*, Sanct. Nicolaus, der heilige Bischof und Kinderfreund, I Heft, p. 33.

Онъ говоритъ Касьяну: „не помогъ ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны; а тебѣ, Никола-угодникъ, за то, что помогъ мужику возъ вытащить, будутъ служить молебны два раза въ годъ". Никольскіе капуны извѣстны: когда Никола хочетъ помѣшать бражнику пробраться въ рай, тотъ стыдитъ его: „А помнишь ли ты, святой Николае, коли ты намъ велѣлъ кануны варить и намъ бражникамъ велѣлъ пить долго, свой праздникъ величать? Святый Николае отъиде отъ вратъ посрамленъ" [1]).

Если повѣсть объ Акирѣ дала нѣсколько собственныхъ именъ благочестивой легендѣ, то такому сюжету, какъ Варлаамъ и Іоасафъ, этотъ путь популяризаціи былъ предначертанъ самими его свойствами: русскія и румынскія народныя пѣсни знаютъ аскетическій образъ Іоасафа, и мнѣ кажется, что популярность нѣкоторыхъ апологовъ повѣсти, распространенныхъ въ рукописяхъ какъ притчи отъ болгарскихъ книгъ, требовала болѣе подробнаго изложенія, чѣмъ какое удѣлилъ имъ авторъ. Здѣсь мы въ самомъ дѣлѣ присутствуемъ при переходѣ литературнаго памятника въ оборотъ народной поэзіи, въ европейскій folk-lore, отношенія котораго къ грекославянской литературѣ разобраны не въ уровень съ обѣщающимъ заглавіемъ книги. До-славянская судьба Варлаама и Іосафата, о которой мнѣ не разъ приходилось говорить [2]), здѣсь насъ не интересуетъ, но я не могу не указать на недавній трудъ Зотенберга, посвященный этой повѣсти [3]) и вызвавшій интересныя соображенія барона В. Р. Розена [4]). По мнѣнію Зотенберга, редакторомъ греческаго житія Варлаама и Іоасафа былъ какой-то Іоаннъ, монахъ лавры св. Саввы около Іерусалима, жившій и писавшій въ первой половинѣ VII вѣка; онъ-то и придалъ разказу, занесенному изъ Индіи въ Іерусалимъ, ту законченную и художественную форму, въ которой онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи столь огромную популярность. Но въ надписаніи повѣсти объ Іоаннѣ говорится только какъ о лицѣ, принесшемъ повѣсть въ монастырь, не какъ о переводчикѣ ея; Зотенбергъ полагаетъ, что

---

[1]) Памятники древней письменности. Докладъ комитета 16-го декабря 1878 г., стр. 88—91: о пиянствѣ.

[2]) См. между прочимъ мой отчетъ о *Cosquin*, Contes populaires de Lorraine въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г., апрѣль, стр. 285.

[3]) Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph, accompagnée d'extraits du texte grec et des versions arabes et éthiopiennes par *H. Zotenberg*. Paris, 1886.

[4]) *Извѣстія Вост. отд. Имп. Р. Археол. Общ.* 1887 г., т. II, вып. I—II, стр. 166 слѣд.

слова „перевелъ“ или „списалъ“ случайно опущены, не давая большого значенія показанію двухъ рукописей, изъ которыхъ одна относится къ XI вѣку, въ которыхъ рядомъ съ Іоанномъ, принесшимъ повѣсть, упоминается и имя ея переводчика, Евѳимія Ивира: „μετενεχθεῖσ[α] διὰ 'Ιωάννου μοναχοῦ μονῆς τοῦ ἁγίου Σάββα, [ἑρμηνευθεῖσα] ἀπὸ τῆς 'Ιβήρων πρὸς τὴν Ἑλλάδα γλῶσσαν ὑπὲρ Εὐθυμί[ου] ἀνδρὸς τιμίου καὶ εὐσεβοῦς τοῦ λεγομένου Ἴβηρος“. „Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности“ проф. Цагарели дали барону Розену поводъ высказать въ связи съ этимъ надписаніемъ нѣсколько соображеній, открывающихъ новую страницу въ исторіи греческаго Варлаама и Іоасафа. Св. Евѳимій Ивиръ жилъ въ концѣ X и началѣ XI вѣка; еще въ дѣтствѣ привезенный въ Константинополь, онъ по воспитанію и языку былъ болѣе грекъ, чѣмъ грузинъ. Извѣстна его дѣятельность какъ переводчика греческихъ отеческихъ писаній на грузинскій языкъ; но онъ переводилъ и съ грузинскаго на греческій; въ одной рукописи 1074 года проф. Цагарели нашелъ указаніе, что св. Евѳимій, извѣстный „не только въ Грузіи, но и въ Греціи... перевелъ съ грузинскаго на греческій языкъ Балаһвари (по вторичной справкѣ въ рукописяхъ, вмѣсто напечатаннаго Бальвари), Абукура и нѣсколько другихъ книгъ“. Баронъ Розенъ предполагаетъ въ словѣ Балаһвари имя Б-л-в-һ-р, какъ зовется Варлаамъ въ мусульманской версіи повѣсти о немъ и Іоасафѣ. Это подтвердило бы показаніе упомянутыхъ выше рукописей, которое бар. Розенъ понимаетъ такимъ образомъ: индійская легенда, занесенная уже въ христіанизованномъ видѣ въ лавру св. Саввы, записана была здѣсь монахомъ Іоанномъ со словъ „правдивыхъ и благочестивыхъ людей“, можетъ быть, по сирійски; монахи-грузины той же лавры перевели ее на грузинскій языкъ и занесли въ Грузію, гдѣ въ началѣ XI вѣка Евѳимій Ивиръ переложилъ ее по гречески въ той формѣ, въ какой она намъ теперь извѣстна. Исторія ея греческаго текста спустилась бы, при этой гипотезѣ, на нѣсколько столѣтій позже, съ VII на XI вѣкъ: списковъ житія ранѣе этого времени не встрѣчается, самыя имена св. Варлаама и Іосафа не являются въ древнихъ синаксаряхъ и минологіяхъ, не исключая и Симеона Метафраста. Это не мѣшаетъ предположить для легенды другіе пути проникновенія на западъ, хотя бы и не въ греческой, и даже въ нехристіанизованной формѣ. Г. Влислоцкій сообщилъ недавно [1]) армянскій и цыганскій пересказъ

[1]) Въ *Zeitschrift f. vergleichende Litteraturgeschichte* I, 5—6 Heft., стр. 462 слѣд.

легенды объ Іоасафѣ-Буддѣ, записанный имъ изъ устъ народа. Въ послѣднемъ именъ нѣтъ, въ первомъ они обличаютъ непосредственное отношеніе къ какому-нибудь восточному оригиналу, не къ его христіанской передѣлкѣ: царевичъ (=Іоасафъ) названъ Gimártan-Siddhârta (Будда), его другъ Tschandakan отвѣчаетъ Tschandaka'ѣ Лалитавистары, гдѣ это имя носитъ возница Будды.

Страницы, посвященныя г. Гастеромъ разбору Стефанита и Ихнилата, вызываютъ поправку къ сказанному на стр. 120: будто въ арабскомъ текстѣ (Калила ва Димна) нѣтъ сновъ царя (Biladh), существующихъ какъ въ сирійской и тибетской, такъ и въ греческой и славянской версіяхъ. Это едва ли не обмолвка; сл. мое: Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, стр. 25—27. Г. Гастеръ цитуетъ этотъ памятникъ, какъ „The Dreams of Tzar Mamer und Shahaisha". Въ древней редакціи этой статьи названіе царя Шахаиша, то-есть, Шаханшахъ, Мамеръ—имя философа, толкующаго сны; лишь въ позднѣйшихъ спискахъ послѣднее имя перешло на царя, а философъ названъ—Шаховичъ. Я по прежнему предполагаю, что статья эта переведена была у насъ не съ греческаго, а съ какого-нибудь восточнаго оригинала, какъ и сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ, хотя для послѣдней Е. В. Барсовъ [1]) нашелъ возможнымъ допустить греческій оригиналъ—на основаніи встрѣчающихся въ повѣсти греческихъ собственныхъ именъ: Өеодулъ, Вахрамей (Βαρθολομαῖος), Епистимія, Анастасія; Продора (Πρόδρομα) и Легія (λέγαι-γυναῖκες—въ фрагментахъ Архилоха!), отвѣчающая и своимъ типомъ этимологіи имени, какъ Аращей либо ἀρηΐθοος, либо ἀραῖος, царь Картаусъ — κρατύς, κράτος. Примѣняя сказанное авторомъ (l. c. I, 310—311) по поводу славянскаго перевода повѣсти о Дигенисѣ къ сказкѣ о Еруслапѣ, ограничимся замѣткой, что указанныя въ ней грецизмы недостаточны для предположенія греческаго подлинника и могутъ принадлежать русскому переводчику.

Если сны Шахайши уже вывели насъ изъ собственно-греческаго теченія всей этой литературы, то тѣмъ менѣе подходитъ къ понятію grecoslovenic повѣсть о Семи мудрецахъ. Самъ авторъ говоритъ (стр. 117), что въ русской литературѣ она явилась въ переводѣ съ польскаго, въ югославянскихъ пока неизвѣстна; существованіе въ разказахъ отдѣльныхъ мотивовъ и даже повѣстей этого сборника еще не указываетъ, изъ какого, греческаго или западнаго, ис-

---

[1]) *Е. Барсовъ*, Слово о полку Игоревѣ, I (стр. 422).

точника они проникли въ народъ. Для всякаго отдѣльнаго случая необходимо отдѣльное изслѣдованіе. Славянскія сказки, напримѣръ, о гордомъ царѣ могутъ восходить къ отраженію какой-нибудь западной повѣсти, въ родѣ извѣстной въ Gesta Romanorum, либо къ ея византійскому прототипу, въ родѣ легенды о царѣ Аггеѣ [1]); мотивъ баллады о „Фридолинѣ“ встрѣчается въ цѣломъ рядѣ восточныхъ и западныхъ сказокъ [2]), г. Леммъ сообщилъ мнѣ, что нашелъ ея коптскую версію въ рукописи X вѣка; невольно возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли здѣсь дѣло съ фактомъ устнаго распространенія одного и того же сюжета, или въ частныхъ случаяхъ было воздѣйствіе на народный пересказъ какой-нибудь опредѣленной литературной обработки общеизвѣстнаго мотива. Я имѣю въ виду, между прочимъ, варіантъ указанной легенды, помѣщаемый въ древнерусскихъ прологахъ подъ 18-мъ апрѣля, какъ заимствованный изъ Патерика [3]). Во время голода одинъ отецъ продалъ вельможѣ своего сына и, оставляя его, заповѣдалъ ему, чтобъ онъ никогда не проходилъ мимо церкви во время богослуженія, не вошедши въ нее и не простоявъ всей службы. Однажды увидѣлъ онъ свою госпожу въ преступной связи съ слугою, но никому о томъ не повѣдалъ, а только молилъ Бога простить имъ тотъ грѣхъ. Но госпожа, стыдясь срама, исполнилась гнѣва и наклеветала на юношу, внушивъ своему мужу, что тотъ юноша замышляетъ убить его. Господинъ рѣшилъ предать его позорной казни и совѣщался съ эпархомъ, чтобы онъ умертвилъ того, кто къ нему придетъ съ убрусомъ. Юноша былъ посланъ, но

---

[1]) См. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 44 слѣд.; Разысканія V, стр. 104 и слѣд. Къ указанной тамъ литературѣ необходимо теперь прибавить: *R. Köhler* въ *Zs. fur roman. Philologie* III 275; *Hermann Varnhagen*, Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Literaturen (1882) и отчеты объ этой книгѣ: *R. Köhler*'a (*Archiv f. Litteraturgeschichte*, XI, 582 слѣд.) и *Torraca*, Saggi e rassegne (1884), p. 294. О драматической передѣлкѣ этого сюжета у Lope de Vega, El palacio incantado см. *Bolte* въ *Anz. für deutsches Alterthum u. Literatur* XIII, 1 Jan. 1887, стр. 110—111. Диссертацію *Nuck'a*, Robert of Cisyle, я знаю лишь по заглавію.

[2]) См. мой Dit de l'empereur Coustant въ *Romania* № 22.

[3]) *Буслаевъ*, Ист. очерки I, 448—449 и Повѣсть о благочестивомъ рабѣ (въ двухъ варіантахъ) въ Пам. стар. русск. литературы I, стр. 81—83. Легенда эта находится въ ближайшей связи съ разказомъ, отмѣченнымъ у *Weber*'a (Ueber eine Episode im Jaimini-Bharâta въ *Monatsberichte d. kön. preuss. Akad. d. Wiss.* 1869, стр. 45—46): о сиротѣ Ahmed'ѣ въ введеніи къ арабскому роману о Семи визиряхъ.

на пути зашелъ въ церковь и промедлилъ; а между тѣмъ, вмѣсто него былъ казненъ дѣйствительный виновникъ, опозорившій господина и его жену.

Разказы, подобные этому, нерѣдко встрѣчаются въ такъ-называемыхъ повѣстяхъ „отъ старчества", благочестивыхъ легендахъ—прикладахъ, проводившихъ въ народное сознаніе рядъ типовъ и эпическихъ формулъ, нерѣдко дошедшихъ съ дальняго востока, чтобы затеряться впослѣдствіи въ синкретизмѣ европейскаго folk-lore'а. Посредницей здѣсь для славянъ была Византія и литература патериковъ. Въ исторіи греко-славянскихъ „вліяній" ее не надо было обходить молчаніемъ.

Иначе ставится вопросъ объ источникѣ южно-славянской Александріи. Я отнесъ ее [1]) къ числу византійскихъ повѣстей и въ этомъ смыслѣ не могу протестовать противъ опредѣленія „greco-slavonic"; но необходимо отмѣтить, что греческій оригиналъ славянской повѣсти не непосредственно выработался на византійской почвѣ изъ какого-нибудь текста Псевдокаллисѳена, а указываетъ на знакомство его редактора съ литературой западной романтики, или же на посредство или вліяніе какой-нибудь западной, нынѣ утраченной обработки, въ родѣ Historia de preliis (l. c., стр. 444). Замѣчу кстати, что я нашелъ во Флоренціи списокъ греческой Александріи 1521 г., тожественный съ напечатаннымъ мною вѣнскимъ спискомъ (l. c. Приложенія, стр. 1 слѣд.), но восполняющій его пробѣлы въ совершенномъ согласіи съ старосербскимъ переводомъ. Такъ, въ этомъ спискѣ находится весь эпизодъ о хожденіи Александра въ страну чудесъ, который я думаю напечатать; въ описаніи даровъ, поднесенныхъ Александру въ Троѣ, та же подробность, что̀ и въ вѣнскомъ спискѣ (недостающая въ славянскихъ): о любви Троила къ Бризендѣ, только что первый замѣненъ Ахилломъ, послѣдняя замѣнила Поликсену; встрѣчается тотъ же загадочный Аданъ (см. l. c., стр. 443—444 и Приложенія, стр. 36): Ο' Ἀδὰμ ὁ προπάπους μας διὰ τὴν γυναῖχαν ἐξόριστος ἐγήνει ἐχ τὴν τροφὴν τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστὸς χαὶ ἀνδρειωμένος δια γυναῖχα χαχὴν ἐχάθη, ὁ Σολομὼν ὁ θαυμαστὸς χαὶ φρόνιμος εἰς τὸν χόσμον ὅλον τὸν Ἀτάνην (вѣнск. см. Ἀδάνην) τὸν βασιλέαν ἐχολούθησεν διὰ χαχὴν γυναῖχαν. Приведу для сравненія съ напечатаннымъ мною вѣнскимъ текстомъ и соотвѣтствующими славянскими эпизодъ троянскихъ даровъ: ἤφεραν (троянцы Александру) χαὶ

[1]) См. мое изслѣдованіе: Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 129—451.

τοῦ Ἀχιλλέως τὸ σκουτάριν μὲ τὸ πετζὶν τοῦ λέοντος ἐντι[μη]μένον, καὶ ἦτον ἱστορισμένον τὸ πρόσωπον του εἰς τὸ σκουτάριν καὶ τόσον ἔλαμπε τὸ πρόσωπόν του εἰς τὸ σκουτάριν ὡσὰν τὸ φεγγάρι εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ὡσὰν τοῦ παγονίου μὲ χρυσάφιν τὰ πτερά του ἐφάνταζεν ἔμορφα (**до сихъ поръ сходно, если не дословно, съ вѣнскимъ спискомъ**), ὡσὰν εἰς κοκκινάδα ἐφαίνετον, καὶ ὅταν ἐμάκρυνεν οὐρανοχεύον (?) ἐφαίνετον τὸ πρόσωπον ἐφάνταζεν, καὶ πάλιν ἔφεγγεν ἀπὸ τὰ λιθαρόπουλα ὁποῦ εἶχεν ἐγκομισμένον. καὶ πάλιν ὅταν του ἔκρουεν ὁ ἥλιος, ἐφαίνετον ἄσπρον καὶ κόκκινον καὶ γαλαζεύον τὸ πρόσωπον εἰς τὸ σκουτάριν τὸ συνεῖχεν τὴν τέχνην θαυμαστὴ ὅτι λόγιαις ἔλαμπε ἀπὸ τὰ λιθαρόπουλα ὁποῦ ἦτον ἐγκομισμένο τὸ σκουτάριν του. Καὶ ὡς το εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐθαύμασε θαῦμα μέγα πολύν. Ἤφεραν καὶ τῆς Βρισηΐδας (**вѣнск. спис. далѣе:** τοῦ Καλχᾶ) τῆς θυγατρὸς τὸ μαντέλον ὅλον με χρυσομάργαρον καὶ πολυτίμητα λιθαρόπουλα εἶχεν, ὅπου τὸ εἶδεν πᾶσα ἄνθρωπος καὶ ἐθαύμασε. **Въ вѣнскомъ спискѣ за послѣднею фразой, нѣсколько иначе выраженною** (ἤφεραν καὶ τῆς Βροσιάδος τὸ μαντέλο ὅλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τετιμημένο ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορφάδα ὁποῦ εἶχεν), **слѣдуютъ непосредственно слова:** ὁποῦ ἀγάπα ὁ Τρώιλος τοῦ Καλχᾶ τῆς θυγατρός (**то-есть, Бризеиду**), καὶ ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ θαυμαστὸς ἐσκοτώθη διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην. **Иначе продолжаетъ флорентійскій списокъ (за описаніемъ чудеснаго** μαντέλο **Бризеиды, являющейся далѣе въ роли Поликсены):** ὅπου ἐσκοτώθην ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ θαυμαστὸς καὶ μέγας καὶ δυνάστης διὰ τὴν Βρισηΐδαν καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, αὐτὴ ἐσφάγη εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως καὶ ἀπέθανεν. καὶ ὡς εἶδεν τὸ ῥοῦχον ἐκεῖνον ὁ Ἀλέξανδρος πολλὰ τὸν ἔπομπεν καὶ ἐκαύχησεν τὴν τιμὴν τῆς γυναικὸς ἐκείνης, τὸ πῶς καθαρὸν πόθον καὶ ἐνεπιστευμένην ἀγάπην ἐκράτησεν πρὸς τὸν Ἀχιλλέα, ὅπου εἰς τὸν κόσμον ὅλον ἄλλη μία γυναῖκα οὐδὲν ἐποιῆσε τέτοιαν ἐμπιστοσύνην, καὶ πολλὰ τὴν ἐπαίνεσαν ὅλοι ὅτι ὁ Ἀχιλλεὺς ἀπέθανεν καὶ αὐτὴ ὁλονοῦ ἀνθρώπου οὐδὲν ἠθέλησε νὰ γένη γυναῖκα. καὶ εἶπε ἡ Βρισηΐδα εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως ὄνταν ἐσφάνην ὁ βασιλεύς· Ἀχιλλέα μου καὶ λέοντα, ὁποῦ οἱ Τρωαδῖται ἀπὸ τὸν φόβον σου ἐτρόμαξαν, πῶς ἐγὼ ἡ ἀθλία νὰ ὑπηγαίνω εἰς ξένον τόπον; ὅπου ἔσαι, αὐθέντη μου λεοντόπαρδε; διὰτ' ἐμένα ἐχάθης, κάλλιον τὸ αἷμα μου νὰ πέση εἰς τὸ μνῆμα σου καὶ ἐγὼ ἀτίμου νὰ πέσω κοντά σου περὶ νὰ γένω ζοντανὴ καὶ νὰ ἐπάρω ἄλλον ἄνδρα. **За этимъ причитаніемъ, недостающимъ въ вѣнскомъ спискѣ и менѣе развитымъ въ славянскихъ, слѣдуетъ во всѣхъ похвала Александра добродѣтелямъ Поликсены=Бризеиды, послѣ чего продолжается перечисленіе даровъ, между прочимъ** τῆς βασίλισσας ἐκείνης **(то-есть, Поли-**

ксены=Вризеиды) τὸ στεφάνιν и ἀπανωχλίβανον Гектора, какъ въ славянскихъ текстахъ, тогда какъ вѣнскій имени не упоминаетъ.

Я позволилъ себѣ пространную выписку изъ флорентійской рукописи Александріи, ибо троянскій эпизодъ этого памятника представляетъ особый интересъ по своей запутанности и поднимаемому имъ хронологическому вопросу. Я разумѣю упоминаніе любви Троила къ Вризеидѣ, разказъ, встрѣчающійся впервые у Benoît de Saint More. Флорентійскій текстъ не знаетъ Троила, но не есть ли это результатъ простаго опущенія? Дальнѣйшее смѣшеніе Вризеиды съ Поликсеной я представляю себѣ возможнымъ лишь подъ условіемъ, что смѣшаны были слѣдовавшія другъ за другомъ влюбленныя пары: Вризеиды и Троила, Поликсены и Ахилла; славянскіе тексты стоятъ здѣсь въ сторонѣ. Интересно во флорентійскомъ спискѣ подробное описаніе Ахиллова щита и его портрета на немъ; ни въ вѣнскомъ, ни въ славянскихъ текстахъ его нѣтъ, но послѣдніе представляютъ во многомъ сходное описаніе „корзна" Поликсены: когда она облачалась въ него, „четиремь различиѥмъ подоблаша се и четири образѣ оуказоваше различнѡ оть различнаго камениа. ѥгда на зелено камениѥ вьзираше, прибиваше се зѣлено камениѥ бѣломоу ѥѥ лицоу и подобнь бѣше образь ѥѥ лоуне небесной и паоуновоу позлатномоу перію (сл. выше: ὡσὰν τὸ φεγγάρι εἰς τὸ οὐρανὸν καὶ ὡσὰν τοῦ παγονίου μὲ χρυσάφιν τὰ πτερά του); ѥгда ли на цьрвено каменіе вьзираше, бѣлоѥ лице ѥѥ неранжаномоу (οὐρανοχεύον?) видѣнию прибиваше се; ѥгда ли на плаветно камение вьзираше, прибиваше ее плаветь къ бѣломоу лицоу ѥѥ, и небесной плавети (βαλαζεύον) образь ѥѥ подоблаше се; ѥгда-ли вь нѥи исхождаше, различнаа блистаніа блисташе оть каменныихъ видовь, ıаже оть крьзна того исхождаахоу" (см. Изъ исторіи романа I, стр. 264).— Едва ли такое описаніе не естественнѣе встрѣтить при изображеніи Поликсены, какъ въ славянскомъ текстѣ, чѣмъ при описаніи Ахилла. Я полагаю вѣроятнымъ, что перенесеніе этихъ образовъ съ первой на послѣдняго принадлежитъ оригиналу флорентійскаго списка, и что изъ сличенія доступныхъ намъ версій этой части текста можно сдѣлать заключеніе о ея первоначальномъ составѣ. Въ славянскомъ переводѣ въ сценѣ поднесенія даровъ являются слѣдующія имена и подробности: Ахиллъ, Гекуба, Кассандра, Поликсена и ея корзно; въ вѣнскомъ спискѣ: Ахиллъ, описаніе его щита, по началу сходное съ пространною флорентійскою рукописью; Троилъ и Бризеида; Поликсена; въ флор. сп.: Ахиллъ, подробное описаніе его щита, Бризеида (=Поликсена). Послѣдовательность греческаго оригинала могла быть первоначально та-

кою: Ахиллъ, его щитъ; описаніе корэна Поликсены; между тѣмъ и другимъ вторглось упоминаніе Троила и Бризеиды, но такъ, что описаніе корэна приложено было къ Ахиллову щиту; въ вѣнскомъ сохранилась лишь часть этого описанія, во флорентійскомъ оно было удержано, но съ выпаденіемъ имени Троила, Бризеида, внесенная въ контекстъ, какъ простое упоминаніе, смѣшана была съ слѣдовавшею далѣе Поликсеной. Еслибъ это предположеніе оказалось состоятельнымъ, оно пролило бы свѣтъ на хронологію греческаго текста Александріи, ибо эпизодъ о Троилѣ и Бризеидѣ является въ данномъ случаѣ хронологическимъ признакомъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать при бѣдности другихъ данныхъ. Таковыхъ, къ сожалѣнію, оказалось весьма мало въ еврейской Александріи, извлеченіе изъ которой сообщены были мнѣ г. Гастеромъ. Сл. мои: Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ и мой отчетъ о Paul Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature française du moyen âge въ Giornale storico della letteratura ital iana fasc. 25—26, стр. 255 слѣд.

Замѣчу мимоходомъ, что легенда о св. Христофорѣ кинокефалѣ, упомянутая г. Гастеромъ (стр. 100) въ связи съ разказами о хожденіи Александра въ страну чудесъ, стоитъ отдѣльно отъ нихъ, являясь однимъ изъ многихъ комментаріевъ къ ихъ представленіямъ о песиглавцахъ. Къ легендѣ о св. Христофорѣ сл. Usener, Acta S. Marinae et S. Christofori, Bonn, 1886; объ этомъ изданіи я надѣюсь поговорить особо.

Славянскую Александрію мы принуждены были извлечь изъ не тронутаго западомъ византійскаго теченія, оплодотворявшаго южнославянскую новеллистику. „Троянскія дѣянія“, о которыхъ говоритъ далѣе авторъ (стр. 101 слѣд.), должны быть совершенно изъяты изъ ея византійскихъ источниковъ. Я говорю не о средне-болгарской повѣсти, изданной г. Сырку, содержаніе которой сообщается на стр. 102—104 и затронуто было мною въ статьѣ: Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника, Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, январь, стр. 76—77, въ: Изъ исторіи романа, вып. I, стр. 440 и въ: Die altslawische Erzählung vom Trojanishen Kriege, въ Arch. f. Slav. Philol. X, 37 [1]) — а о древней „Троянской притчѣ“, извѣстной по изданіямъ гг. Микло-

[1]) О другомъ спискѣ этой повѣсти, найденномъ въ рукописяхъ покойнаго проф. Григоровича, докладывалъ проф. Кирпичниковъ на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ. Судя по письменному сообщенію мнѣ проф. Кирпичникова, содержаніе (и, вѣроятно, и текстъ) то же, что̀ и въ версіи г. Сырку; Магдона (дочь царя Аморя) названа Магдуной, Елена—*Гилудой*.

шича и Ягича. О ней я говорилъ въ послѣдней изъ указанныхъ выше работъ; что ея источникъ западный—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе: параллели къ Овидіевымъ Героидамъ и такъ называемому Пиндару Ѳиванскому, указанныя Мейстеромъ, Кёлеромъ и Грейфомъ, говорятъ краснорѣчиво; къ нимъ я присоединилъ и другія, разбирая составъ тѣхъ эпизодовъ, которые въ текстѣ, изданномъ Ягичемъ, являются лишними противъ изданія Миклошича. Зависимость отъ однихъ и тѣхъ же, и притомъ западно-латинскихъ источниковъ обнаруживается во всей повѣсти, говорящей въ первой своей части, послѣ краткаго введенія, о рожденіи и романтической юности Париса, во второй разказывающей намъ о битвахъ подъ Троей, до паденія города. Первая часть, собственно эпизодъ о рожденіи и юности Париса, извѣстна въ цѣломъ рядѣ западныхъ версій, являясь эпизодомъ поэмъ о Троѣ, пересказанныхъ по Дарету, Диктису, Бенуа де St. More: источникамъ, не знающимъ этого эпизода; вторая стоитъ въ извѣстной доселѣ литературѣ троянской саги особнякомъ, не по новости фактовъ, а по составу, обнаруживающему тѣ же отношенія къ Овидію, какъ и первая. Это побудило меня предположить, что „Притча“ могла быть переводомъ какой-нибудь западной повѣсти о Троѣ, части которой („юность Париса“) забрели эпизодически въ ту или другую европейскую поэму, тогда какъ цѣлое сохранилось лишь въ славянскомъ переложеніи. Грейфъ (въ письмѣ ко мнѣ) не согласенъ съ этимъ построеніемъ: по его мнѣнію, повѣсть о „юности Париса“ могла быть отдѣльною статьей, которою пользовались одинаково и независимо другъ отъ друга поэты и компиляторы троянскихъ сказаній. Это возможно, но предполагаетъ прежде всего, что сказка о юности Париса могла въ самомъ дѣлѣ дать содержаніе отдѣльному разказу, и оставляетъ открытымъ вопросъ: о своеобразности всего состава славянской повѣсти (и ея оригинала) по сравненію съ западными, въ которыя эпизодъ о юности введенъ, какъ мы видѣли, въ разказъ, составленный по другимъ, обычнымъ тамъ, источникамъ.

Я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на эпизодѣ о рожденіи и юности Париса, такъ какъ со времени написанія моей статьи для него открылись новыя параллели, не безынтересныя по вопросу объ источникахъ славянской повѣсти.

Гекубѣ снился сонъ, что она родила головню, которая, взлетѣвъ къ небу, упала въ море, изъ моря разсыпались искры, отъ которыхъ выгорѣла Троя. Пріамъ, которому жена передала свой сонъ, спрашиваетъ о его значеніи пророковъ и волхвовъ. Тѣ говорятъ, что у царя

родится сынъ, будущая гибель города. Услышавъ это, царь велитъ женѣ тотчасъ же убить имѣющаго родиться ребенка; но у ней не хватило на то духа; завернувъ новорожденнаго въ шелковыя ткани, положивъ къ нему золота и серебра, она отдаетъ его одному юношѣ съ порученіемъ забросить его подальше отъ города. Такъ тотъ и сдѣлалъ; ребенка находитъ старикъ овчарь, который относитъ его къ своей женѣ, только-что родившей ему сына; съ нимъ выростаетъ въ семьѣ пастуха и заброшенный царевичъ, играетъ въ полѣ около стада, сводя быковъ въ бою и возлагая вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову побѣдителя. Самъ онъ, возмужавъ, начинаетъ сходиться съ добрыми витязями и всѣхъ ихъ превосходитъ въ играхъ и военныхъ забавахъ. — Къ послѣдующему развитію дѣйствія этотъ разказъ примыкаетъ такимъ образомъ: Парисъ рѣшаетъ извѣстный споръ трехъ богинь и присуждаетъ яблоко Венерѣ, которая и открываетъ ему тайну его происхожденія. Парисъ отправляется въ Трою, узнанъ, и его дальнѣйшая исторія сплетается съ общимъ ходомъ троянскихъ дѣлъ.

Мотивы этого разказа, отчасти древніе, отмѣчены были до сихъ поръ въ слѣдующихъ средневѣковыхъ обработкахъ троянской саги: у Симона Capra Aurea, Конрада Вюрцбургскаго, въ Trójumannasaga, Seege of Troye, передѣлкѣ поэмы Benoît de St. More Jean'омъ Malkaraume и въ хроникѣ Delgado. Сличеніе всѣхъ этихъ текстовъ съ славянскими и между собою дало мнѣ поводъ высказать нѣсколько предположеній относительно послѣдовательности первичнаго разказа, легшаго въ ихъ основу. Новые варіанты той же легенды, о которыхъ я говорю далѣе, дадутъ мнѣ, вѣроятно, возможность кое въ чемъ видоизмѣнить эти предположенія, но уже и тотъ матеріалъ, который до сихъ поръ былъ у меня подъ рукою, не оставляетъ сомнѣнія, что оригиналъ славянской статьи былъ западный, латинскій или романскій. Обращу вниманіе на этимологическую игру именемъ Париса. Въ текстѣ Миклошича говорится, что обрѣтеннаго отрока пастухъ назвалъ „Парижь пастыревичищь"; иначе въ версіи Ягича: „издѣ му имя Парижь, за-ч растѣше како и парижъ (=фарижъ—конь), искружив шию". Такъ какъ оба текста пошли изъ одного прототипа, то послѣднему слѣдуетъ вмѣнить одну изъ двухъ этимологій, другую— редактору одного изъ двухъ текстовъ, которому этимологія подлинника могла показаться невнятною. Какой бы изъ нихъ мы ни отдали предпочтеніе въ древности, обѣ онѣ представляются ребяческими, внѣшними, какъ бы внушенными стараніемъ приблизительно выразить звуками родного слова не переводимую содержательную

игру словъ подлинника. Въ англійскомъ Seege of Troye Parys такъ названъ потому, что былъ wyse; то же и у Конрада Вюрцбургскаго (wis: Pâris), но онъ же говоритъ, въ связи съ правосудіемъ Париса, обнаруженнымъ въ состязаніи быковъ, что имя ему дано было за его справедливость, прибавляя:

Pâr und Pâris sind ebensleht.

Стало быть, имя Paris'a, правосуднаго, толковалось въ связи съ par; этой игры словами не могъ удержать славянскій переводчикъ и замѣнилъ ее другою, въ которой содержательное значеніе прозвища поневолѣ исчезло, какъ не поддающееся передачѣ.

Разказъ о юности Париса находится еще въ средне-англійской хроникѣ Robert de Brunne (по письменному сообщенію мнѣ Грейфа) и въ цѣломъ рядѣ италіанскихъ сказаній о Троѣ, разбору которыхъ посвящена недавно вышедшая книга Egidio Gorra'ы (Testi inediti di storia trojana. Torino, 1887). Я пользовался его трудомъ въ корректурныхъ листахъ и во время моего, къ сожалѣнію слишкомъ краткаго, пребыванія во Флоренціи, могъ самъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ описанныхъ имъ рукописей. Италіанская редакція троянской саги тѣмъ болѣе меня заинтересовала, что западному оригиналу южнославянской „Притчи" естественнѣе всего было проникнуть въ славянскія земли именно изъ Италіи.

Дальнѣйшія сообщенія я ограничиваю эпизодомъ о юности Париса,

Въ Istorietta Trojana, изданной Горрой въ приложеніи къ своему труду по рукописи начала XIV вѣка, нѣтъ разказа о рожденіи и воспитаніи Париса у пастуха. Однажды, когда онъ идетъ въ полѣ, онъ видитъ, что его быкъ бьется съ захожимъ, и награждаетъ послѣдняго какъ побѣдителя, возлагая на него гирлянду изъ цвѣтовъ. За этотъ поступокъ онъ заслужилъ репутацію справедливаго (e ciò saputo, molto ne fue Paris lodato e tenuto a giusto), и когда заспорившія богини ищутъ, кто могъ бы разсудить ихъ между собою, онѣ обращаются къ нему, припоминая его судъ надъ быками [1]).—Инте-

---

[1]) Мотивъ „быка" существовалъ въ классическомъ преданіи еще и въ другомъ видѣ при имени Париса. Я указалъ на Овидія Heroid. XVI 357:

Paene puer caesis abducta armenta recepi
Hostibus, et causam nominis inde tuli.

(Сл. мою: Die altslavische Erzählung и т. д., l. c., стр. 39, прим. 1). Объясняется это указаніе легендой у Гигина (Hygini Fabulae 91), сонъ Гекубы; она велитъ слугамъ убить родившагося мальчика, но тѣ пощадили его: quem satellites misericordia ducti exposuerunt, [cum] pastores pro suo filio repertum expositum

ресны собственныя имена троянской саги, встрѣчающіяся въ нашемъ памятникѣ и напоминающія обликъ именъ въ славянской притчѣ: Accilles=Ацилешъ, Giuppiter=Ипитерь, Ulixes=Урикшешь, Patricolus (sic)=Патриколушь.

Въ одной венеціанской версіи Троянскихъ сказаній, описанной Горрой, которому я обязанъ сообщеніемъ нѣкоторыхъ выписокъ изъ текста, послѣдовательность такая: сонъ Гекубы; она отдаетъ Париса на воспитаніе женамъ пастуховъ, а Пріама увѣрила, что мальчикъ убитъ по его приказу. Слѣдуетъ, какъ въ большинствѣ пересказовъ нашей легенды (и въ славянскомъ, сокращающемъ этотъ эпизодъ), любовная связь Париса съ Энoной, которая представляется нимфой. zoè dia dele fontane e delle aque. Парисъ отбиваетъ стадо, которое пытались увести (см. выше въ примѣчаніи разказъ Гигина); бой быковъ и судъ надъ ними Париса: e per zò follo chiamado Paris proter (?: per tal?) sentenzia che iera igual le sentenzie ch'ello daxeva. Энона открываетъ ему тайну его рожденія. Въ славянской версіи это откровеніе приписано Венерѣ; ту же подробность я предполагалъ возможнымъ вмѣнить и Trójumannasaga'ѣ, текстъ которой въ данномъ мѣстѣ указываетъ на явный пропускъ: Гекуба отдаетъ Париса на воспитаніе, онъ названъ Парисомъ; „когда онъ выросъ, онъ сильно любилъ Фрею (=Венеру) и впослѣдствіи, когда узналъ о своемъ происхожденіи....“ Далѣе, въ сценѣ суда надъ богинями, Фрея является сѣверною замѣной Венеры, почему я и полагалъ возможнымъ, что въ приведенныхъ отрывочныхъ строкахъ она выступаетъ, какъ и въ славянской версіи, въ роли Венеры, открывающей Парису тайну его происхожденія. Противъ этого говоритъ то обстоятельство, что въ славянской притчѣ это откровеніе помѣщено послѣ суда надъ богинями, въ связи съ обѣщаніемъ Венеры наградить Париса, если онъ окажетъ ей преимущество; между тѣмъ въ сагѣ сцена суда, въ которой является и Фрея=Венера, разказана позже указаннаго выше

educarunt eumque Parim nominaverunt. Is cum ad puberem aetatem pervenisses habuit taurum in deliciis. Quo cum satellites missi a Priamo ut taurum aliquit adduceret venissent, qui in athlo funebri quod ei fiebat poneretur, coeperunt Paridis taurum abducere qui persecutus est eos et inquisivit quo eum ducerent. illi indicant se eum ad Priamum adducere qui vicisset ludis funebribus Alexandri. ille amore incensus tauri sui descendit in certamen et omnia vicit, fratres quoque suos superavit. indignans Deiphobus gladium ad eum strinxit, at ille in aram Jovis Hercei insiluit. Quod cum Cassandra vaticinaretur eum fratrem esse, Priamus eum agnovit regiaque recepit.

отрывочнаго ея упоминанія, и представляется сомнительнымъ, по отношенію къ ней, выраженіе: любилъ. Остается предположить, что какъ въ венеціанскомъ пересказѣ, такъ и въ подлинникѣ саги дѣло шло о Энонѣ, которую пересказщикъ смѣшалъ (если только смѣшеніе не произошло въ его оригиналѣ) съ слѣдующею далѣе Венерой—по смежности и созвучію именъ, усиленному обоюднымъ искаженіемъ. Въ славянской притчѣ Венера = Веноушь, Веноуша, Энона = Оинеушь, Ионеш и Веноушь, какъ въ одной латинской статьѣ о Троѣ, о которой рѣчь будетъ далѣе, Венера является подъ именемъ Veneus (Венеоушь).

Въ связи съ эпизодомъ объ Энонѣ нашего разказа припомнимъ одно мѣсто славянской притчи. Энона обращается съ упрекомъ къ Еленѣ: „помяни, егы то ны три сѣдѣхомь въ морьскомъ отоцѣ и доиде Тезишь витезь и възѧ тебе из междѫ насъ, и по томъ тѧ е възѧлъ Менелаоушь царь, а сези си въ третиѧ постелѧ прѣлюбы сьтворила“. Въ венеціанской повѣсти Энона такъ говоритъ Парису: Tu credis aver fato una gran cossa per aver tolto Elena, ma no sastu ch'elo non è, ma sa tempo avanti ch'ela fosse moier de Menelaus si andò la festa in Grezia che le done se andava a bagnar al fiume in chamixa, e siando le done sovra lo ladi del fiume e li signori da l'altro ladi, e siando Ellena spoiada, sì se gita in lo fiume per lavarse; e Texeo, lo qual si era so amador, sì se li zita driedo a l'aqua e sì la prexe e menala a [A]tenes e sì la tene molti zorni? и т. д.

Въ „Цвѣтникѣ“ (Fiorita) Armannino giudice di Bologna (XIV в.) разказъ о юности Париса встрѣчается дважды, но безъ боя быковъ и откровеній Эноны. Интересны для славянскаго текста нѣкоторыя подробности, предшествующія первому разказу: Пелей женится на Өетидѣ, дочери Нерея. У этого Нерея было пятьдесятъ мудрыхъ и вѣщихъ дочерей, знавшихъ всѣ искусства гаданія, особливо путемъ гидромантіи. Онѣ обитали на морскихъ „отокахъ“, isole nereite, ибо здѣсь ихъ искусство проявлялось наиболѣе; писатели зовутъ этихъ женъ нимфами и морскими богинями, ибо онѣ изощрялись въ искусствѣ гидромантіи. Нимфы и нереиды обратились въ вѣщихъ женъ, пророчицъ, какъ въ славянской притчѣ Юнона, Паллада и Венера являются „вилами пророчицами, кожѥ бѣхѫ наилѣпшѧ вь морскыихь отоцѣхь“. Послѣднее опредѣленіе напоминаетъ „isole nereite“: богини смѣшаны съ вѣщими морскими вилами — нереидами; морскою вилой и пророчицей является позднѣе и Фелеща—Діана. Очень вѣроятно, что славянскому переводчику принадлежитъ

перенесеніе на языческихъ богинь вообще образа пророчицъ-нереидъ, встрѣченный имъ въ его подлинникѣ, въ эпизодѣ о Пелеевой свадьбѣ.

Тѣ же подробности о рожденіи и юности Париса съ боемъ быковъ (judex justus), но безъ эпизода о Энонѣ, находятся въ одномъ рукописномъ латинскомъ Liber exitium Troye, изъ котораго выше приведено было чтеніе Veneus=Venus.

Какъ эта форма имени, въ связи съ другими подобными, такъ и весь характеръ источниковъ, раскрываемый предыдущимъ, хотя бы и частичнымъ сравненіемъ, отводитъ нашей притчѣ мѣсто не въ греко-славянскомъ литературномъ теченіи, какъ то полагаетъ авторъ, а въ томъ, которое позволено обозначить, по отношенію къ южнославянскимъ странамъ, названіемъ латинско- или романско-славянскаго. Въ этомъ теченіи помѣстятся, слѣдомъ за Троянскою притчей, и сербскіе переводы Тристана и Бовы, сохранившіеся въ бѣлорусскомъ пересказѣ XVI вѣка, можетъ быть, и нѣкоторые изъ другихъ памятниковъ, обыкновенно разсматриваемыхъ подъ рубрикой византійскаго вліянія. Для Россіи передаточнымъ пунктомъ этой западной литературной струи были въ древнюю пору Сербія и Далмація; позднѣе—Польша.

Византійскому теченію, на оборотъ, принадлежитъ поэма о Дигенисѣ [1]), перешедшая къ славянамъ въ своеобразномъ прозаическомъ пересказѣ. Разборъ, посвященный ей Гастеромъ (стр. 105—108; стр. 39. Сл. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ, Вѣстникъ Европы 1875, апрѣль=Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, Russische Revue 1875, IV Jahrg. 6 Heft; отчетъ о книгѣ г. Жданова: Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1881, февраль, стр. 368—371), едва ли отвѣчаетъ ея значенію; по отношенію къ греко-славянскому вліянію, которое изучаетъ авторъ, ему интересно было остановиться на гипотезѣ Психари (которую, впрочемъ, я по прежнему считаю не доказанною, см. мою статью: Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ, l. c., стр. 74): что списатель поэмы о Дигенисѣ скалькировалъ свой планъ съ французской

---

[1]) Новое изданіе ея трапезунтскаго текста, съ добавками изъ другихъ, не отвѣчаетъ цѣлямъ критики. См. Ἔπος μεσαιωνικὸν ἐκ τοῦ χειρογράφου Τραπεζοῦντος. Ὁ βασιλεὺς Διγενὴς Ἀκρίτης ὁ Καππαδόκης ὑπομνηματισθὲν ἐκδίδοται ὑπὸ Σάββα Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1887.

chanson de geste o Guillaume au Court nez. Съ другой стороны отмѣтивъ предложенное мною отожествленіе Дигениса-Аникита съ Аникою русскаго духовнаго стиха, Гастеръ не коснулся вопроса, поднятаго Саѳой, Леграномъ и Политомъ: о другомъ отраженіи легенды о Дигенисѣ въ области народнаго folk-lore. Я разумѣю балладу о Ленорѣ или о братѣ-мертвецѣ. Я позволилъ себѣ (l. c., стр. 76—78) усомниться въ состоятельности этой генеалогіи; тѣмъ не менѣе вопросъ еще остается открытымъ, какъ вообще вопросъ о международныхъ направленіяхъ, среди которыхъ создалась пѣсня о Ленорѣ. См. Krumbacher, Ein Problem der vergleichenden Sagenkunde und Litteraturgeschichte (Zeitschr. f. vergleichende Literaturgeschichte I, стр. 214 слѣд.); Böckel, Zur Lenorensage, Germania XXXI, стр. 117—119 и тамъ же стр. 347—351: отчетъ Либрехта о брошюрахъ Психари и Полита; Jahn, Volkssagen aus Pommern und Rügen № 515 (библіографія пѣсни, составленная Ernst'омъ Kuhn); новые варіанты греческихъ пѣсенъ, сообщенные недавно Политомъ (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος II, 7, стр. 552 слѣд.). Вопросъ этотъ тѣмъ интересенъ, что рядомъ съ литературнымъ движеніемъ греко-славянскимъ онъ открываетъ возможность и другому противоположному— славяно-греческому. Я имѣю въ виду предположеніе Вольнера о томъ, что мотивы баллады о братѣ-мертвецѣ сложились въ отношеніяхъ славянскаго быта и соотвѣтствующія греческія пѣсни стоятъ въ зависимости отъ южно-славянскихъ.

Переходя къ общимъ взглядамъ автора на пути и характеръ изучаемаго имъ литературнаго движенія, я совершенно согласенъ съ нимъ (стр. 95, см. мой отчетъ о книгѣ Cosquin, l. c., стр. 288 и слѣд.) въ отрицательной оцѣнкѣ Бенфеевой гипотезы: о монголахъ, какъ передатчикахъ отъ Азіи къ Европѣ восточнаго повѣствовательнаго матеріала, и въ значеніи, которое онъ даетъ въ этомъ дѣлѣ византійскому посредству. Я долженъ выразиться сдержаннѣе по другому вопросу: о значеніи богомиловъ-катаровъ въ исторіи того же литературнаго перехода. Я формулировалъ подобныя предположенія въ моихъ Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ (1872); позднѣе встрѣтилъ его въ книгѣ г. Хыждеу, теперь его развиваетъ авторъ разбираемаго труда (сл. его 2-ю главу; стр. 48 и слѣд., 79: о связи средневѣковыхъ вѣрованій въ демонизмъ вѣдовства съ распространеніемъ дуалистическихъ ересей; стр. 112), къ которому я могу приложить сказанное мною по поводу сходныхъ воззрѣній г. Хыждеу; по видимому, по данному вопросу между нами не могло бы быть разно-

гласія; между тѣмъ, оно существуетъ — не въ принципѣ, а въ примѣненіяхъ. Я по принципу не сомнѣваюсь въ сильномъ вліяніи богомильской проповѣди и богомильской фантазіи на религіозное и, болѣе того, поэтическое міросозерцаніе тѣхъ народныхъ слоевъ, которыхъ такъ или иначе тронуло движеніе сектанства; но я выразился бы теперь менѣе категорично относительно опредѣленныхъ слѣдовъ этого вліянія, чѣмъ дѣлалъ это прежде, чѣмъ дѣлаетъ это, съ большою смѣлостью противъ меня, г. Хыждеу (Разысканія VI, стр. 4)—и Гастеръ [1]). Я не подписался бы, напримѣръ, подъ слѣдующимъ мнѣніемъ послѣдняго (стр. 23): „Замѣчательно, что древнѣйшіе переводы Библіи на народные (европейскіе) языки, особливо на французскій и италіанскій, сдѣланы были не съ латинской Вульгаты, а несомнѣнно съ греческаго текста, либо какого-нибудь составленнаго по немъ перевода. По всей вѣроятности, они принадлежатъ катарамъ и, быть можетъ, переведены были съ славянскаго“ (сл. стр. 195). Такое же богомильское происхожденіе авторъ приписываетъ не только древне-славянской Палеѣ (стр. 26—27), но и западной Bible historiale, источники которой разбираются въ особомъ приложеніи (стр. 147 и слѣд.). Общій выводъ изъ этого разбора такой (стр. 191): „Источники западной Bible Historiale, и въ извѣстномъ смыслѣ и Historia Scholastica, слѣдуетъ искать въ греко-славянской Палеѣ, принесенной съ востока во Францію и Провансъ теченіями, съ которыми мы далѣе познакомимся.... Не въ ортодоксальныхъ, а въ иновѣрческихъ кружкахъ зачалась и развилась литература апокрифовъ“, говорится въ другомъ мѣстѣ (стр. 192),—„и здѣсь же сложилась и Bible Historiale, появленіе которой страннымъ образомъ совпадаетъ съ замѣчательнымъ движеніемъ, обнаружившимся въ ту пору во Франціи и во всей средней Европѣ“. Въ началѣ XIII вѣка возникло въ Мецѣ общество съ цѣлью читать Библію на народномъ языкѣ; Мецскій епископъ донесъ объ этомъ Иннокентію III, общество было закрыто, ихъ Библія, уличенная въ еретическомъ содержаніи, сожжена; она оказалась принесенною въ Мецъ вальденсами (стр. 194). „Такимъ образомъ“, заключаетъ авторъ,—„мы имѣемъ звено, соединяющее вульгарный пере-

[1]) Что распространеніе русскихъ сатирическихъ разказовъ на духовенство принадлежитъ, между прочимъ, нашимъ раскольникамъ и сектантамъ, предполагаетъ, но не доказываетъ г. *К. Г.*: Два малороссійскихъ фабло и ихъ источники, *Вѣстн. Европы* 1887 г., іюль, стр. 323 и слѣд. Кстати: fableau вѣрнѣе fabliau, но къ послѣднему мы привыкли (стр. 324); странный пуризмъ рядомъ съ передачей Rustbues=Рутебуесомъ.

водъ Библіи и ея обращеніе въ народѣ съ еретическими сектами, процвѣтавшими въ то время, особливо на югѣ Франціи" (l.c.). Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о вальденсахъ, не о дуалистахъ богомилахъ или катарахъ; Библія первыхъ не могла быть Библіей вторыхъ и на оборотъ; вальденсы также мало принадлежатъ дуалистическому религіозному движенію, протянувшемуся отъ Болгаріи до Прованса, какъ и флагелланты, распространившіе свою проповѣдь покаянія и самобичеванія въ обратномъ направленіи: отъ Италіи до далекаго Новгорода. Полагаю также, что авторъ выразился слишкомъ обще, говоря въ другомъ мѣстѣ (стр. 21—22), что еретическое (дуалистическое) движеніе, подавленное на югѣ Франціи крестовымъ походомъ на альбигойцевъ, не было окончательно уничтожено, и что его отголоски объявились позднѣе—въ движеніи флагеллантовъ и гусситовъ.

За вычетомъ всего сказаннаго, попытка г. Гастера уяснить себѣ составъ западной Bible Historiale сравненіемъ ея съ греко-славянскою Палеей, заслуживаетъ полнаго вниманія. Разумѣется, его работа — только опытъ, онъ и самъ не даетъ ей другаго значенія (стр. 147), но это опытъ, имѣющій будущее. Авторъ пересмотрѣлъ цѣлый рядъ памятниковъ, черпавшихъ свое содержаніе изъ искомой древней Bible Historiale; обойденъ почему-то богатый отреченнымъ содержаніемъ Cursor mundi. Частные результаты сличенія съ нашею Палеей любопытны. Въ одной каталонской Bible historiale, изученной Rhode (Suchier, Denkmäler der provenzalischen Literatur und Sprache, p. 589 и слѣд.), какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотворныхъ Библіяхъ нерѣдко встрѣчается воззваніе: „Слышите! Слушайте! Зрите!" и тому подобныя выраженія. Издатели и изслѣдователь (Rhode) заключили изъ этихъ воззваній, что такая Библія читалась въ церкви и въ школѣ; но если припомнить, что содержаніе ея далеко не каноническое и что чтеніе вульгарной Библіи не допускалось католическою церковью, мы поймемъ невозможность предложеннаго объясненія. Совершенно иной смыслъ получаютъ указанныя фразы, если сравнить ихъ съ сходными въ славянской толковой „Палеѣ": она обращена преимущественно противъ евреевъ и, въ меньшей степени, противъ мусульманъ, служа къ ихъ уличенію. Отсюда понятны частыя возглашенія: „Слыши, жидовине!.. Спрашиваю тебя, жидовине!.. О, вы, грѣшные жиды и нечистые бесермены!.. Уразумѣйте чудо и возблагодарите Господа!., Откройте глаза и устремите очи" и т. п. Гастеръ усматриваетъ въ такихъ же возглашеніяхъ романской „Исторической Библіи", непонятныхъ въ ея настоящемъ составѣ, слѣдъ ея древняго

учительнаго назначенія (сл. стр. 179—180 и 153—154). Другой поводъ сближенія съ Палеей даетъ одна рукопись нѣмецкой „Исторической Библіи“ (стр. 189—190). „Когда Господь готовился создать небо и землю, Онъ сотворилъ раньше всего ангела Sataël, а затѣмъ и другихъ ангеловъ“. Этотъ Sataël не кто иной, какъ Сатанаилъ Палеи, извѣстный изъ богомильскихъ писаній и спеціально принадлежащій ихъ еретическому вліянію. Въ полномъ согласіи съ ихъ ученіемъ стоитъ и то обстоятельство, что Сатанаилъ названъ первосозданнымъ, могущественнѣйшимъ, бóльшимъ надъ другими ангелами, откуда его гордыня и паденіе. Comestor въ Historia Scholastica также знаетъ Satanail'а, котораго отожествляетъ съ Люциферомъ и неправильно объясняетъ Сатаною: sic dictus est ante lapsum, vel forte post lapsum, Satan, quasi adversarius, El: Deo“. Интересную легенду о немъ и о происхожденіи демоновъ находимъ въ житіи св. Марины (ed. Usener, l. c., стр. 34—36): οὗτος ὁ Σαταναὴλ ἔλαβεν εἰς γυναῖκα τοῦ Διὸς τὴν θυγατέρα· καὶ οὗτος, ἡ θυγατηρ τοῦ Διός, ἐγενήθη δαίμων τέλειος· καὶ οὗτος συμμίγνυται αὐτῇ ὥσπερ ἀνδρόγυνον, καὶ τίκτει ἐξ αὐτοῦ ᾠὰ ἀντὶ γεννήσεως· καὶ ἐξ αὐτῶν τῶν ᾠῶν ἐξέρχονται δαίμονες πονηροί. Такъ говоритъ демонъ святой Маринѣ, прибавляя: καὶ λοιπὸν λέγουσιν οἵ μὲν περὶ ἡμῶν ὅτι ἀπὸ τῶν πονηρῶν γυναικῶν τῶν ἀρχαίων γεγενήμεθα.... ἄχρις δὲ Σολομῶντος ἦμεν φυλαττόμενοι εἰς πίθος ἐγκεκλεισμένοι τῇ σφραγῖδι τοῦ Σατανά· ὅτε δὲ ἦλθον οἱ Βαβυλώνιοι, ἡμεῖς ἐποιήσαμεν φλόγα ἀπὸ τῶν ἀγγείων· οἵ δὲ ἐνόμισαν ἰδόντες θησαυρὸν λάμποντα, καὶ ἐλθόντες ἤνοιξαν τοὺς χαλκοὺς πίθους νομίζοντες χρυσίον εὑρεῖν· ἡμεῖς δὲ ἀπολυθέντες ἐθύγομεν εἰς τὴν ὑπ'οὐρανόν.

Знакомство западныхъ ученыхъ съ составомъ нашей Палеи несомнѣнно прольетъ свѣтъ на исторію подобныхъ ей библейско-апокрифическихъ сводовъ, бывшихъ въ ходу на западѣ. Разумѣется, не всегда новыя откровенія будутъ на нашей сторонѣ: легенда объ Авраамовомъ деревѣ неизвѣстна, напримѣръ, богатому циклу славянскихъ крестныхъ сказаній. Я занимался ею въ моихъ Разысканіяхъ (X стр. 417 слѣд.; сл. теперь: Bonnard, Les traductions de la Bible en vers français au moyen âge, стр. 181; Chabaneau, Li romans de St. Fanuel, Revue des langues romanes, t. XXVIII de la collection, 3-me série, t. XIV, Sept. 1885, p. 118 слѣд.; Oct.—Dec., стр. 158 слѣд.), приравнивая встрѣчающійся въ ней мотивъ: о чудесномъ оплодотвореніи цвѣтомъ къ малорусской легендѣ о двухъ женахъ, созданныхъ Господомъ Адаму: „жинкѣ зъ рожи“ и женѣ изъ ребра = Еввѣ. Въ томъ же нѣмецкомъ текстѣ „Historienbibel“, на который

выше было указано по поводу Сатанаила, упоминается и еврейская легенда (Alphabetum Pseudo-siracidum, около VIII вѣка) о первой женѣ Адама, сотворенной Господомъ изъ персти и внѣ рая, тогда какъ Евва сотворена была въ раю изъ ребра Адамова (стр. 188).

Какъ часто мелкіе факты западной апокрифической литературы могутъ выяснить темныя стороны сходныхъ русскихъ и славянскихъ статей, я попытаюсь указать на примѣрѣ. Въ русской Повѣсти града Іерусалима „царю Волоту видится сонъ: „въ тое страны восточныя восходитъ луча солнца краснаго, освѣтила всю землю святорусскую; а въ другую сторону полуденную выростало древо кипарисъ, серебреное корение, і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у нево колокольчикъ". Объясненіе этого сновидѣнія такое (сл. мои Разысканія IV, стр. 71): „что съ тое страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю святорусскую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начяльный; а что с тое страны полуденныя выростало древо кипарисъ, корение сребреное, [то] въ томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софиі Премудрости Божия о седмидесяти верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золоты, то будутъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ пред чюднымъ образомъ. [А что поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой], то у меня (Давида) будетъ сынъ царь Соломонъ премудрый і онъ созиждетъ Святая Святыхъ...; а что у кречета колокольчикъ золотой,—у твоей царицы родитця дочь Соломонида".

Символы дерева (крестнаго)=церкви, птицы—кречета (=феникса), на немъ сидящей = Христа извѣстны въ средневѣковой литературѣ и искусствѣ; что кречетъ=Соломонъ, колокольчикъ=его жена Соломонида, дочь Волота—это не гармонируетъ съ иносказательнымъ смысломъ предыдущихъ образовъ (l. c., стр. 71); это дало мнѣ право заключить, что въ данномъ эпизодѣ русской статьи мы имѣемъ дѣло съ агломераціей „нѣсколькихъ значеній, не связанныхъ между собою внутренне, а послѣдовательно пріуроченныхъ къ одному и тому же образу, что̀ стало возможнымъ лишь при забвеніи первоначальной символики" (l. c., стр. 72). Она могла быть такая: дерево=церковь, птица=Христосъ; значеніе колокольчика ясно изъ слѣдующаго крестнаго видѣнія, бывшаго одному умбрійскому мистику XIV вѣка Tomasuccio da Foligno (сл. G. Mazzatinti, Un profeta umbro del secolo XIV, въ Propugnatore 1882 г., disp. 4—5, стр. 13—14): онъ ви-

дѣлъ почтеннаго, убѣленнаго сѣдинами старца, въ правой рукѣ у него вѣтка кипариса, на которой висятъ благозвучно звенящіе колокольцы, въ лѣвой знамя съ изображеніемъ черепа, изо рта котораго выходятъ три лозы. Это Адамъ, три лозы означаютъ три дерева, изъ которыхъ сдѣланъ былъ крестъ Спасителя, кипарисъ указываетъ на качество дерева, колокольцы изображаютъ радость людей, избавленныхъ Распятымъ на крестѣ.—Слѣдуютъ видѣнія: Ноя, Авраама, Моисея и Аарона (безъ иносказательнаго отношенія къ крестному древу) и, наконецъ, Давида, съ тремя вѣтвями въ рукѣ: кипариса, кедра и пальмы (=три крестныхъ древа), украшенными серебряными колокольцами.—Иносказаніе русской повѣсти объясняется: въ ея источникѣ колокольцы на кречетѣ=фениксѣ=Христѣ, возсѣдавшемъ на крестномъ древѣ=церкви, могли также обозначать радость, имѣющую вселиться въ міръ подвигомъ спасенія.—Въ этомъ иносказаніи имя Соломона могло быть связано первоначально съ упоминаніемъ древа=церкви=Святая Святыхъ, имъ сооруженной; имя Соломониды вторглось впослѣдствіи изъ Соломоновской повѣсти (увозъ жены), спутавъ первичный символизмъ.

Замѣтокъ и обоюдныхъ исправленій, подобныхъ предложенному, я могъ бы сдѣлать и еще нѣсколько, разбирая трудъ г. Гастера; но я предоставляю это дѣло другимъ, особливо западнымъ ученымъ, для которыхъ его книга будетъ въ извѣстномъ смыслѣ откровеніемъ.

А. Веселовскій.

Лекціи по общей теоріи права. Приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета *Н. Коркунова*. Ч. I. С.-Пб. 1887.

Появленіе въ свѣтъ курса общей теоріи права г. Коркунова очень обрадовало насъ. Даже въ Германіи, которая еще такъ недавно была богата литературою по общей теоріи энциклопедіи права, въ два послѣднія десятилѣтія замѣчается по этимъ предметамъ видимый упадокъ; съ 60-хъ годовъ вышли всего только два небольшіе курса Меркеля (Juristische Encyclopädie. 1885) и К. Гарейса (Encyclopädie и Methodologie. 1887), не представляющіе впрочемъ ни по направленію, ни по содержанію ничего выдающагося.

Курсъ г. Коркунова обѣщалъ тѣмъ больше, что онъ явился въ результатѣ довольно продолжительнаго преподаванія, слѣдовательно, постепенно могъ быть провѣренъ и обработанъ; къ тому же г. Кор-

куновъ извѣстенъ, по прежнимъ трудамъ, какъ человѣкъ способный, со свѣдѣніями по своей спеціальности.

Къ сожалѣнію, курсъ лекцій г. Коркунова, въ его печатномъ видѣ, далеко не оправдалъ нашихъ ожиданій. Трудъ этотъ не даетъ ни цѣльной системы, ни опредѣленныхъ ясныхъ понятій, ни даже сколько-нибудь выдержаннаго направленія. Книга его представляетъ попытку, столько же оригинальную, сколько и неудачную, соединить не соединимые начала и методы, такъ какъ авторъ считаетъ задачею современнаго правовѣдѣнія (между прочимъ) „обработку практическаго матеріала права въ систематическомъ, спекулятивно-идеалистическомъ, историческомъ и эмпирико-реалистическомъ направленіяхъ“ (стр. 29).

Г. Коркуновъ начинаетъ свою книгу изложеніемъ понятій объ энциклопедіи права, философіи права и общемъ ученіи о правѣ; въ этомъ краткомъ критическомъ очеркѣ онъ въ особенности борется противъ „философіи права, какъ сверхчувственнаго понятія о правѣ“ и въ результатѣ отвергаетъ юридическую энциклопедію, какъ особую науку, отожествляя ее съ философіей права (стр. 26), а послѣднюю въ свою очередь отожествляетъ съ общею теоріей права. Съ извѣстной точки зрѣнія можно согласиться со взглядомъ автора; дѣло не въ названіяхъ; необходимо только, чтобы данное опредѣленіе науки было отчетливо и послѣдовательно проведено въ цѣломъ трудѣ, но именно этого мы и не находимъ въ книгѣ г. Коркунова, какъ убѣдимся впослѣдствіи.

Что̀ же такое общая теорія права по взгляду г. Коркунова? Слѣдуя Мюллеру (не извѣстно которому, а Мюллеровъ такъ много!), г. Коркуновъ опредѣляетъ свою науку „какъ систему основъ права“ (стр. 28), которая, слѣдуя вышеуказанному сложному методу, „обработываетъ практическій матеріалъ права, извлекаетъ изъ него общія основы права, обработываетъ ихъ собразно ихъ внутренней связи въ цѣльную систему общей теоріи права“... Въ особенности общая теорія провѣряетъ положительное право съ его технической (?) и логической стороны, выясняетъ руководящіе правовые принципы изъ совокупности, связи и сущности общественнаго организма и сводитъ ихъ къ общимъ основамъ людской дѣятельности въ обществѣ и государствѣ“. „Общая теорія права есть такимъ образомъ краеугольный камень системы правовѣдѣнія“ (стр. 29). Впрочемъ, „сама общая теорія права“, продолжаетъ Коркуновъ,—„конечно, не можетъ никакъ имѣть непосредственнаго примѣненія къ жизни, ибо она содержитъ только общія основы права; не возможно также изъ ея общаго содержа-

нія, путемъ интерпретаціи, путемъ логическаго и діалектическаго развитія понятій, образовать практическое (?) право" (стр. 29). Предоставляемъ самому читателю найдти въ этомъ объясненіи сколько-либо опредѣленныя черты той науки, которую авторъ ставитъ „краеугольнымъ камнемъ всего правовѣдѣнія", при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что „общая теорія права есть обобщенный выводъ изъ практическаго матеріала права", и въ то же время „изъ общаго содержанія этой науки не возможно образовать практическое право", равно и на то, что „теорія права связываетъ въ одно цѣлое не только отдѣльныя дисциплины, но и ихъ содержаніе"; какъ будто дисциплина можетъ быть безъ содержанія?

Для своей науки общей теоріи права г. Коркуновъ ставитъ широкія задачи: „она должна имѣть мѣсто какъ въ системѣ обученія, такъ и въ разработкѣ права"; она служитъ введеніемъ, заключительнымъ курсомъ юридическихъ наукъ, руководствомъ для выбора и постановки спеціальныхъ изслѣдованій и повѣрки ихъ результатовъ; она же заключаетъ въ себѣ и общую критику для права" (§ 5). Если подобное расширеніе задачъ общей теоріи права мыслимо при научной разработкѣ предмета, то едва ли оно возможно въ системѣ обученія; какимъ образомъ начинающіе слушатели, то-есть, студенты первыхъ семестровъ, могутъ выполнять одновременно столь высокія задачи, могутъ быть готовыми для изученія основъ права и для критики положительныхъ и научныхъ явленій права?

Въ историческомъ очеркѣ философіи права (§ 3) авторъ увѣряетъ, что „теоріи XVII вѣка еще не отличаютъ нравственности отъ права, по крайней мѣрѣ отъ права естественнаго" (§ 19), и что будто бы „первый установившій опредѣленнымъ образомъ не только это различіе, но и противоположность (?) между правомъ и нравственностью, былъ Томазій". Между тѣмъ еще Гроцій понималъ различіе между правомъ (facultas, justitia expletrix) и нравственностью (aptitudo, justitia attributrix) и провелъ его весьма отчетливо въ ученіи о наказаніи; еще болѣе понималъ различіе между естественнымъ правомъ и нравственностью Пуффендорфъ, указавшій существенныя черты той и другой. Томазій лишь точнѣе и рѣзче установилъ отличіе между правомъ и нравственностью и провелъ это отличіе въ цѣлой своей системѣ (Fundamenta juris naturae et gentium. 1705); вмѣстѣ съ тѣмъ Томазій не только не противополагалъ право нравственности, но признавалъ необходимымъ для счастливой жизни человѣка совокупное дѣйствіе честнаго (honeste), благопристойнаго (decore) и праведнаго (juste).

Перейдемъ однако къ опредѣленію самаго понятія о правѣ.

Г. Коркуновъ полагаетъ (стр. 48), что юридическія нормы, отличныя отъ законовъ природы, не могутъ быть „чѣмъ-либо другимъ какъ только явленіями" [1]). Въ чемъ же заключается это „явленіе-право"? „Если отбросить въ обыденныхъ взлядахъ на право всѣ субъективныя воззрѣнія, все мѣняющееся, сообразно различію времени, мѣста, обстоятельствъ, то мы получимъ", говоритъ г. Коркуновъ,— „какъ общепризнанное, стоящее внѣ споровъ, слѣдующее положеніе: право есть правило (здѣсь уже право не явленіе?), норма человѣческой дѣятельности, осуществляемая чрезъ посредство сознательной воли человѣка, а потому допускающее нарушеніе" (стр. 34). Жаль очень, что авторъ не указалъ, кто именно считаетъ подобное опредѣленіе безспорнымъ, такъ какъ мы не встрѣчали его ни у одного серьезнаго правовѣда. Да и что̀ заключается въ этомъ опредѣленіи? Развѣ подъ него не подходятъ отношенія нравственныя, религіозныя, правила логики, грамматики, гигіены и т. п.?

Высказавъ свое безспорное положеніе, г. Коркуновъ нѣсколько ниже вспоминаетъ, „что въ юридической литературѣ нельзя вовсе найдти опредѣленія, пользующагося сколько-нибудь общимъ признаніемъ" (стр. 53). Вѣроятно, вслѣдствіе того онъ излагаетъ и критикуетъ различныя прежнія и новыя воззрѣнія на право и предлагаетъ въ заключеніе свои. Остановимся лишь на болѣе интересныхъ. Г. Коркуновъ причисляетъ нѣкоторымъ образомъ къ праву и юридическія теоріи: „Если бы право и законъ", говоритъ онъ,—„были тожественны, то былобы непонятно существованіе юридическихъ теорій. Еслибы норма дѣлалась юридическою только въ силу облеченія ея въ форму закона, единственно возможная юридическая теорія была бы теорія составленія законовъ. Между тѣмъ стоитъ раскрыть любой трактатъ по гражданскому и уголовному праву, чтобы убѣдиться въ существованіи такихъ матеріальныхъ теоретическихъ ученій, могущихъ прямо составить содержаніе закона, но и до превращенія въ законъ имѣющихъ юридическій характеръ" (каковъ языкъ?! стр. 62). Не легко отдать себѣ отчетъ въ этихъ положеніяхъ. Вѣдь существенная принадлежность юридическихъ нормъ заключается въ томъ, что общество, власть признаютъ ихъ обязательными (самъ г. Коркуновъ подтверждаетъ это на стр. 38, 43). Что̀ же общаго, въ юридиче-

---

[1]) Раньше, на стр. 45, онъ говоритъ иначе: нормы юридическія *служатъ причиною явленій*, совокупность которыхъ образуетъ юридическій бытъ. . .

скомъ смыслѣ, между нормами права и трактатами отдѣльныхъ мыслителей? Одна общность содержанія еще не можетъ превратить теорій въ право; хотя бы ученый трактатъ былъ вполнѣ годенъ и приложимъ къ дѣйствительнымъ юридическимъ отношеніямъ, онъ получаетъ значеніе юридическое только въ силу признанія его обществомъ (обычай) или властью (законъ).

Въ теченіе XVII и части XVIII вѣка господствовало воззрѣніе, что законодательство есть исключительная форма права, что самый обычай есть лишь молчаливо признанный законъ, и именно въ это время процвѣтала теорія естественнаго права, а не одна теорія составленія законовъ. Трудно даже понять, почему г. Коркуновъ при такомъ пониманіи юридическихъ теорій отвергаетъ гипотезу естественнаго права, многія положенія котораго перешли въ концѣ XVIII вѣка цѣликомъ въ законодательство.

За симъ г. Коркуновъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (§ 13) отрицанію принужденія, какъ существенно отличительнаго признака права: „различіе между нравственностью и правомъ", говоритъ онъ,— „заключается въ томъ, что „нравственность никогда не допускаетъ„ принудительнаго осуществленія... а право иногда допускаетъ... Но отсюда еще нельзя заключать о возможности опредѣлить юридическую норму какъ принудительно осуществляемую" (стр. 65). Изъ принудительно осуществляемыхъ нормъ г. Коркуновъ исключаетъ „всѣ тѣ, послѣдствіемъ нарушенія которыхъ является наказаніе, такъ какъ наказаніе не есть принужденіе къ осуществленію тѣхъ нормъ" (стр. 66). „Всѣ юридическія нормы, требующія содѣянія чего-либо, совершенія какого-либо дѣйствія, безусловно не допускаютъ принудительнаго осуществленія. Нѣтъ власти, могущей насильно заставить человѣка дѣйствовать. Силою можно отнять у человѣка жизнь, но нельзя вынудить совершенія дѣйствія" (стр. 67).

Безъ сомнѣнія, можно находить разнообразныя основанія и цѣли въ дѣйствіи уголовной кары, но общее и основное значеніе наказанія заключается, между прочимъ, и въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно служитъ прямымъ или косвеннымъ принужденіемъ къ осуществленію нормъ права. Сверхъ того, если законъ требуетъ отъ извѣстныхъ лицъ уплаты налоговъ, долговъ, исполненія повинностей, и если за неисполненіе сего назначаетъ въ продажу и продаетъ имущество неисправнаго плательщика или должника, то можно ли сказать, что никакая сила не можетъ заставить человѣка уплатить слѣдуемый съ него налогъ или долгъ?

Разборъ важнѣйшихъ опредѣленій философіи у древнихъ и новыхъ народовъ (Аристотеля, Гроція, Канта, Шеллинга, Конта, Краузе, Спенсера) г. Коркуновъ завершаетъ (стр. 24) ссылкою на философскіе этюды г. Козлова, выписывая изъ нихъ длинную тираду, съ такимъ окончаніемъ: „Подлинною задачею философіи всегда было „не познать“ міръ какъ заготово-законченное цѣлое, а лишь построить понятіе міра“ (Этюды, в. I. 1876, стр. 28). Разборъ общихъ опредѣленій права нашъ авторъ оканчиваетъ ссылкою (стр. 29) на Альб. Поста (къ сожалѣнію, не указывая, на какую изъ нѣсколькихъ брошюрокъ Поста). Подобныя завѣнчивающія ссылки производятъ странное впечатлѣніе: неужели авторъ не нашелъ болѣе твердыхъ и признанныхъ авторитетовъ для опроверженія идей Аристотеля и Канта о сверхчувственномъ мірѣ и для подкрѣпленія своихъ воззрѣній? Вѣдь Постъ—одинъ изъ самыхъ незначительныхъ правовѣдовъ-практиковъ, не имѣющихъ никакого научнаго авторитета. Почему же было не сослаться на Алекса, который еще рельефнѣе выражаетъ позитивный взглядъ на право и на философію права (Du droit et du positivisme 1876)?

Перейдемъ къ разсмотрѣнію основныхъ вопросовъ, составляющихъ содержаніе общей теоріи права г. Коркунова.

На первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ о правѣ (гл. I), который г. Коркуновъ разсматриваетъ въ далеко раздвинутыхъ рамкахъ. Авторъ прежде всего старается уяснить отличіе законовъ этическихъ (въ томъ числѣ и права) отъ нормъ техническихъ (?) и законовъ научныхъ (?); но онъ не только не достигаетъ успѣшныхъ результатовъ, но и спутываетъ понятія. „Законы въ научномъ смыслѣ или законы природы есть“, говоритъ г. Коркуновъ,—„не болѣе какъ формула, выражающая подмѣченное людьми постоянное однообразіе [1]) явленій“; „законъ этотъ указываетъ лишь на то, что есть, независимо отъ воли и сознанія человѣка“ (стр. 34); „онъ представляетъ собою лишь обобщенное выраженіе дѣйствительности; поэтому онъ безусловно не допускаетъ нарушеній“ (стр. 44). „Нормы же техническія суть правила должнаго, осуществляются сознательно волею человѣка“ (стр. 36); „онѣ указываютъ только, какъ слѣдуетъ поступать для достиженія какой-либо опредѣленной цѣли, и могутъ быть и не соблюдены, нарушены; таковы правила гигіены, педагогики, грамматики, строительнаго

---

[1]) Одно однообразіе явленій, безъ сведенія его къ общимъ причинамъ, еще не можетъ имѣть значенія научнаго закона.

искусства" и т. д. (стр. 34). „Правила техническія представляются выводами изъ разнородныхъ началъ; нельзя свести къ одному общему началу правила педагогіи, строительнаго искусства, грамматики и гигіены" (стр. 36). По поводу этой характеристики замѣтимъ, что для насъ далеко не ясно принятое г. Коркуновымъ принципіальное различіе между правилами техническими и законами природы, которые почему-то авторъ спеціально называетъ также законами научными. Развѣ техническія правила, къ которымъ онъ относитъ правила гигіены, грамматики, педагогики, не суть также формулы, выведенныя наукой изъ наблюденія надъ явленіями, и не суть требованія законовъ природы? Развѣ хотя одинъ серьезный гигіенистъ или языковѣдъ согласится, что правила гигіены и грамматики составляютъ простое техническое искусство, что они обнимаютъ не то, что̀ есть? Смѣшавъ понятія о правилахъ техническихъ и законахъ природы, г. Коркуновъ не могъ установить точнаго отличія между законами этическими (къ которымъ онъ относитъ и нормы права) и законами природы. „Нормы этическія и юридическія осуществляются", говоритъ г. Коркуновъ,—„сознательною волею человѣка, выражаютъ не фактъ, а требованіе, не то, что̀ необходимо есть, а то, что̀ должно быть" (стр. 34). „Этическія нормы не могутъ мѣняться съ перемѣною преслѣдуемыхъ людьми цѣлей; онѣ едины въ томъ смыслѣ, что всѣ онѣ одинаковы, что всѣ онѣ могутъ быть сведены къ одному общему началу" (стр. 36). Предложенная характеристика крайне сбивчива и неудовлетворительна. Нормы этическія, какъ и законы природы и правила техническія, не суть произвольныя созданія; онѣ вырабатываются, хотя и при участіи человѣческаго сознанія, но истекаютъ также изъ фактовъ, изъ того, что̀ есть, изъ тѣхъ основаній и условій, которыя существуютъ въ природѣ человѣка и общества.

Затѣмъ, на какомъ основаніи г. Коркуновъ такъ рѣшительно утверждаетъ, что законы этики, въ противоположность нормамъ техническимъ, могутъ быть сведены къ одному общему закону? Правда, всѣ науки, въ томъ числѣ и этическія, стремятся къ возможному обобщенію и объединенію законовъ; но всѣ онѣ далеки отъ искомой цѣли. Впрочемъ, нѣсколько ниже г. Коркуновъ сознается, что юридическія нормы различныхъ народностей и эпохъ не могутъ быть сведены къ одному общему принципу (стр. 55), что юридическая норма не есть выраженіе общаго и постояннаго въ юридическихъ отношеніяхъ, а представляетъ собою частный и измѣнчивый элементъ юридическаго порядка (стр. 48).

Къ дѣйствительно принудительнымъ нормамъ права г. Коркуновъ относитъ только двѣ небольшія категоріи: 1) „когда законъ запрещаетъ что-либо не дѣлать, то можно силою заставить его не совершать запрещенныхъ дѣйствій“; 2) „если человѣкъ отказывается представить другому опредѣленную вещь, то эту вещь можно отнять у него силою“. „Въ этихъ двухъ случаяхъ, но и только, дѣйствительно возможно принудительное осуществленіе юридическихъ нормъ“ (стр. 67). Слѣдуя однако строго воззрѣнію г. Коркунова, мы можемъ сказать, что и во второй категоріи не всѣ нормы вполнѣ принудительны: въ моментъ, когда является судебный приставъ, чтобы силою взять у меня вещь, принадлежащую другому, я могу сдѣлать эту вещь негодною (хотя она будетъ находиться на лицо) или еще лучше передать ее третьему лицу. Мало того, къ какому разряду должно отнести нормы о правоспособности и дѣеспособности?

Не должно, однако, думать, что г. Коркуновъ вовсе исключаетъ принужденіе изъ области права; отвергнувъ его въ одномъ видѣ, онъ открываетъ ему полный просторъ въ другомъ: „юридическія нормы“, говоритъ онъ,—„не вездѣ могутъ быть принудительно осуществлены, но интересы, ими разграничиваемые, всегда допускаютъ принужденное осуществленіе. Принудительнось есть отличительное свойство не самаго права, а регулируемыхъ имъ отношеній и интересовъ“ (стр. 69).

Предлагаемое г. Коркуновымъ различіе, заимствованное отчасти у Тона, но выраженное имъ въ своеобразномъ и запутанномъ видѣ, скорѣе составляетъ игру въ формализмъ понятій и выраженій, нежели уясняетъ существо вопроса. Если однако стоять на точкѣ зрѣнія г. Коркунова, то-есть, что принудительность не есть отличительное свойство права вообще, то съ одинаковымъ основаніемъ можно сказать, что принудительность не есть свойство и регулируемыхъ правомъ отношеній и интересовъ. Спрашивается: какимъ образомъ осуществить принудительно всѣ отношенія и интересы супруговъ, дѣтей и родителей, интересы нанимателей и рабочихъ, всѣ отношенія должностныхъ лицъ, всѣ обязанности представителей службы и вообще большинство интересовъ и отношеній публичнаго права? Вѣдь здѣсь также не возможно непосредственное физическое принужденіе къ осуществленію; психическое же принужденіе, по словамъ г. Коркунова, „сопутствуетъ столько же праву, сколько и религіи, нравственности, логикѣ и т. п.“ (стр. 68). За симъ г. Коркуновъ переходитъ къ формулировкѣ собственнаго понятія о правѣ; но пред-

варительно онъ останавливается на воззрѣніи Іеринга о правѣ (какъ оно выражено въ сочиненіи: Der Zweck im Recht), которое онъ находитъ „наиболѣе широкимъ и нравственнымъ".

Опредѣленіе Іерингомъ права какъ „охраны и обезпеченія интересовъ" представляетъ въ глазахъ г. Коркунова много преимуществъ, сравнительно съ старымъ объясненіемъ права какъ „разграниченія воль" (стр. 72). Не смотря однако на эти преимущества, г. Коркуновъ не вполнѣ доволенъ опредѣленіемъ Іеринга и „считаетъ необходимымъ" принять его съ видоизмѣненіемъ и поправкою (стр. 75). „Нельзя", говоритъ онъ,—„согласиться вполнѣ съ тѣмъ, чтобы право было лишь охраной интересовъ, такъ какъ можетъ оказаться, что какой-либо одинъ исключительный интересъ (деспота) поглощаетъ и подавляетъ всѣ другіе". Поэтому г. Коркуновъ считаетъ болѣе правильнымъ замѣнить выраженіе „охрана" „разграниченіемъ" и опредѣляетъ право „нормою, разграничивающею интересы". „При такомъ опредѣленіи функціей права будетъ не охрана, а только разграниченіе интересовъ, и этимъ самымъ объяснится, почему юридическое отношеніе мыслимо только между субъектами правоспособными" (стр. 77). Предложенное опредѣленіе имѣетъ еще и то преимущество, по мнѣнію г. Коркунова, что „охрана интересовъ" предполагаетъ выборъ лучшаго способа осуществленія ихъ, слѣдовательно, открываетъ путь для безграничной правительственной опеки и подавленія личной иниціативы, между тѣмъ какъ „разграниченіе интересовъ" только устраняетъ взаимныя столкновенія интересовъ, не вмѣшиваясь въ выборъ лучшихъ способовъ осуществленія каждаго интереса въ отдѣльности. Такимъ образомъ, заканчиваетъ г. Коркуновъ,—„разграниченіе интересовъ представляетъ средину между двумя крайностями: индиферентизмомъ формальнаго пониманія права и безусловнымъ уничтоженіемъ всякой индивидуальной самостоятельности" (стр. 78).

Относительно изложенныхъ воззрѣній на право считаемъ необходимымъ высказать слѣдующее. Прежде всего понятіе о правѣ самого Іеринга, столь высоко цѣнимое г. Коркуновымъ, мы позволимъ себѣ считать чрезвычайно слабымъ; да и вообще ученіе Іеринга о цѣли права имѣетъ болѣе соціально-политическій интересъ, нежели юридическій. Оставивъ твердую почву римскаго и общаго гражданскаго права, на которой Іерингъ стоялъ въ своихъ первыхъ трудахъ, доставившихъ ему имя одного изъ первыхъ и даровитыхъ современныхъ правовѣдовъ, онъ вступилъ въ шаткую, измѣнчивую и одностороннюю сферу соціально-политическихъ ученій, вслѣдствіе чего его „Der

Zweck im Recht", хотя заключаетъ въ себѣ талантливыя страницы, глубокія и вѣрныя замѣчанія, не вноситъ однако въ ученіе о правѣ ни твердости, ни ясности, исполнено искусственныхъ построеній, односторонних выводовъ и едва ли многимъ переживетъ произведенія Поста. И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы опредѣленіе права, предложенное Іерингомъ въ „Der Zweck im Recht" [1]): „право" является здѣсь „системою обезпеченныхъ принужденіемъ общественныхъ цѣлей или жизненныхъ условій общества" (S. 240). „Условіе и цѣль" у Іеринга совпадаютъ (§ 434); подъ условіемъ онъ разумѣетъ всѣ тѣ блага и наслажденія, которыя даютъ жизни настоящую цѣну; они обнимаютъ честь, любовь, дѣятельность, образованіе, религію, искусство, науку (стр. 435 — 436). „Такимъ образомъ, все частное исчезаетъ, все состоитъ подъ господствомъ общества, государства, все можетъ быть превращено въ общественную цѣль, подвергнуться принужденію". Самъ г. Коркуновъ замѣчаетъ этотъ недостатокъ и говоритъ, что „при такомъ разумѣніи права можетъ явиться безграничная опека правительства, такъ какъ выборъ цѣлей и способовъ осуществленія принадлежитъ правительству". У Іеринга оно такъ и есть: „Лицо, товарищество, государство", говоритъ онъ,—„такова историческая лѣстница человѣческихъ цѣлей; что̀ прежде исполнялось лицомъ, то переходитъ къ товариществу и затѣмъ къ государству. Государство поглощаетъ въ себѣ всѣ цѣли общества; и если правильно заключеніе отъ прошедшаго къ будущему, то въ концѣ концовъ государство восприметъ въ себя все общество, явится верховнымъ субъектомъ права" (стр. 304). „Прогрессъ государства и права", продолжаетъ Іерингъ,—„представляетъ безконечное повышеніе требованій къ индивидууму, и мы должны быть готовы постоянно къ новымъ ограниченіямъ" (стр. 316—521). Неужели нѣтъ пункта, достигнувъ котораго индивидуумъ могъ бы воскликнуть: „довольно однако требовать, я усталъ быть вьючнымъ животнымъ общества; должна же быть граница между мною и обществомъ, за которою начинается область свободы, принадлежащая мнѣ исключительно"? (стр. 522). Іерингъ благоразумно уклонился отъ разрѣшенія этого вопроса и сомнѣвается даже, чтобъ онъ могъ быть разрѣшенъ когда-либо принципіально (стр. 522—523). Опасеніе совершенно основательное; при взглядѣ Іеринга на право, отысканіе желаемой границы немыслимо.

---

[1]) I-er Bd. Leipz. 1877.

Отдавъ, однако, человѣка въ полную жертву цѣлямъ государства, Іерингъ старается успокоить личность и оградить частную свободу различными искусственными гарантіями. Гарантіи эти Іерингъ находитъ въ „самоограниченіи силы и власти государства, въ развитіи и утвержденіи правосознанія, въ отдѣленіи юстиціи отъ правительственной власти и въ независимости судовъ, долженствующихъ охранять право, наконецъ въ сознаніи, что государство и индивидъ не чужды другъ другу (стр. 368); что государство есть само отдѣльное лицо, что государство должно быть такъ устроено, чтобы каждый подданный могъ повторять выраженіе Людовика XIV: L'état c'est moi. „Римлянинъ такъ и понималъ свое государство", заключаетъ Іерингъ (стр. 546). Не трудно видѣть всю слабость и ложность основаній и аргументаціи Іеринга. Сдѣлавъ государство верховнымъ творцомъ и субъектомъ права, производя все право изъ интереса и силы, превративъ право въ политику власти, сливъ государство съ индивидуумомъ, Іерингъ сдѣлалъ свои гарантіи ничтожными и безполезными. Одна сила сама себя не можетъ ограничивать, и, вѣроятно, не захочетъ. Да къ чему индивиду гарантія, если для него не оставлена неприкосновенною ни одна частица личной жизни, если даже тайники мысли, любви, религій обречены только на службу государству? Независимо отъ сказаннаго, принципъ цѣли и интереса, предложенный Іерингомъ, не имѣетъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ прежними теоріями, основывавшими право на началахъ справедливости, блага, свободы и т. п. Также, какъ и послѣдніе, онъ непрерывно колеблется, не имѣетъ ни опредѣленнаго содержанія, ни опредѣленныхъ границъ, а потому не можетъ служить точнымъ мѣриломъ для оцѣнки и разграниченія. Самъ Іерингъ сознавалъ послѣднее, говоря, „что вопросъ о жизненныхъ цѣляхъ какъ индивида, такъ и общества есть вопросъ культуры" (стр. 430—437). „Языческое государство ополчалось противъ христіанства, раздавался кликъ: горе христіанамъ! Позднѣе само христіанство вооружалось огнемъ и мечемъ и сказало: горе еретикамъ! Тюрьмы и костры остались тѣ же, измѣнились лишь жертвы закланія. Какое же изъ этихъ воззрѣній было правильное? Каждое для своего времени!"

Предположенная г. Коркуновымъ замѣна выраженія Іеринга „охрана интересовъ" разграниченіемъ интересовъ, по нашему мнѣнію, страдаетъ всѣми вышеуказанными недостатками и кромѣ того, заключаетъ въ себѣ свои собственные. Прежде всего: чѣмъ отличается понятіе „охраны интересовъ" отъ „разграниченія интересовъ"?

Для того, чтобы разграничить, необходимо распредѣлить, избрать (г. Коркуновъ, между тѣмъ, желаетъ избѣжать выбора изъ опасенія правительственной опеки); при этомъ разграниченіи право будетъ брать одни интересы въ свое вѣдѣніе, другіе—оставлять на свободѣ, одни интересы будетъ признавать существенными, другіе—несущественными и вредными, и потому однимъ будетъ содѣйствовать, другіе—отклонять и сдерживать. Сверхъ того, разграниченіе не можетъ остановиться на одномъ отмежеваніи; если оно захочетъ дать своей границѣ какое-либо значеніе, оно неминуемо должно и охранить ее. Напрасно г. Коркуновъ боится, что „при значеніи права только какъ хранителя интересовъ придется признать правомъ и такой порядокъ, въ которомъ охраняются интересы одной силы, гдѣ есть только деспотъ и безправіе“. Право есть законъ для отношеній, отношенія же возможны лишь тамъ, гдѣ есть лица правоспособныя,—гдѣ же существуетъ одно правоспособное лицо, тамъ нѣтъ отношенія, не можетъ быть и права.

Въ заключеніе разсмотримъ предложенное авторомъ отличіе права отъ нравственности. По взгляду г. Коркунова, „цѣль и интересъ составляютъ содержаніе нравственности, какъ и права; „различіе между тою и другою областью“, говоритъ онъ,—„можетъ быть формулировано очень просто: нравственность даетъ оцѣнку интересовъ, право—разграниченіе ихъ; какъ установленіе мѣрила для оцѣнки нашихъ интересовъ есть задача каждой нравственной системы, такъ установленіе принципа для разграниченія интересовъ различныхъ личностей есть задача права“ (стр. 42). Дѣйствительно, формулировка эта чрезвычайно проста, но едва ли даетъ что-либо. Какъ мы видѣли, по мнѣнію г. Коркунова, содержаніе нравственности и права тожественно; разница между ними заключается лишь въ томъ, что первая оцѣниваетъ интересы, а второе разграничиваетъ ихъ. Но понятіе объ интересѣ не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго содержанія, и по общепринятому взгляду; между интересомъ и нравственностью есть даже нѣкоторая противоположность: интересъ нерѣдко требуетъ одного, нравственность—другаго. Самъ г. Коркуновъ говоритъ, „что обязательность нравственныхъ нормъ не обусловлена вовсе заинтересованностью другихъ людей въ ихъ исполненіи; если даже никто того отъ меня не требуетъ, нравственный долгъ сохраняетъ свою силу. Это потому, что нравственная оцѣнка не обусловлена вовсе противуположеніемъ своихъ и чужихъ интересовъ“ (стр. 43). При чтеніи послѣднихъ строкъ невольно является вопросъ: откуда и почему

явился у г. Коркунова долгъ, если нравственность имѣетъ дѣло только съ интересами и ихъ оцѣнкою? Возможно ли при оцѣнкѣ интересовъ не различать и не противополагать своего и чужаго? Можно побѣдить влеченіе къ собственному интересу, но не понимать различія между моимъ и чужимъ не мыслимо? Дѣло въ томъ, что единственная сдержка и побѣда надъ эгоистическимъ личнымъ интересомъ происходитъ не посредствомъ оцѣнки интересовъ, а подъ вліяніемъ сознанія и чувства долга, которое и есть главнѣйшій руководитель въ нравственномъ мірѣ.

Далѣе г. Коркуновъ говоритъ, что каждая нравственнная система должна установить мѣрило для оцѣнки нашихъ интересовъ. Но откуда она возьметъ это мѣрило, если все основаніе и содержаніе нравственности заключается въ цѣляхъ и интересахъ? Если нравственная система обратится въ этомъ случаѣ за поисками къ принципамъ пользы, истины, красоты, любви, свободы, какъ предполагаетъ г. Коркуновъ (стр. 40),—то, очевидно, она броситъ собственный міръ, зайдетъ въ чужія области и едва ли будетъ въ силахъ примирить ихъ, за исключеніемъ развѣ принцина пользы, который совпадаетъ съ интересомъ.

Переходимъ къ ученію о происхожденіи права (стр. 93—112) и о формахъ образованія права (стр. 255—298), такъ какъ оба эти вопроса (хотя разсматриваются г. Коркуновымъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга отдѣлахъ) составляютъ развитіе одного начала и неразрывно связаны между собою. Остановимся, однако, только на двухъ положеніяхъ автора. Отвергая идею естественнаго права, врожденность правосознанія, г. Коркуновъ останавливается на вопросѣ: „какимъ образомъ и откуда появляется впервые самосознаніе о правѣ“ (стр. 106), и рѣшаетъ его такимъ образомъ, „что первоначальное правосознаніе дается и устанавливается безсознательно“ (стр. 107), и въ поясненіе ссылается на аналогическое образованіе воли (по Бену), языка (непроизвольно произносимые звуки по ассоціаціи впечатлѣній переходятъ въ сознательно произносимыя слова и звуки, по Штейнталю). „Безсознательно образуемые обычаи, подъ вліяніемъ столкновеній, представленія о тѣхъ непріятностяхъ, какія влечетъ за собою нарушеніе обычаевъ, переходятъ въ сознательное соблюденіе установившихся обычаевъ; безсознательно созданное содержаніе обычаевъ превращается въ обязательно обычныя правила“ (стр. 108—109).

Предложенное объясненіе весьма слабо въ научномъ отношеніи. Авторъ неоднократно высказывалъ, и совершенно справедливо, что

17*

формы права дѣлаются доступными для наблюденія уже тогда, когда онѣ образовались, и потому нѣтъ достаточныхъ данныхъ для заключенія о процессѣ образованія права. Мало того, въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ совершенно иначе объясняетъ происхожденіе права какъ общественнаго порядка (§ 43); тамъ онъ говоритъ, что „общепризнанное въ обществѣ право предшествуетъ субъективно различному правосознанію отдѣльныхъ личностей, что прежде индивидуальныхъ воззрѣній на справедливость въ отношеніяхъ между людьми слагаются общія, всѣми одинаково признаваемыя, нормы такихъ отношеній" (стр. 208). Не смотря на эти воззрѣнія, г. Коркуновъ, подъ вліяніемъ ученій [1]) Бена и Штейнталя, незамѣтно остановился на объясненіи, которое ничѣмъ не лучше ученія о прирожденныхъ идеяхъ естественнаго права. Самая аналогія между образованіемъ права, языка и воли, на которую ссылается г. Коркуновъ, оказывается не вѣрною: новѣйшія изслѣдованія по языковѣдѣнію объясняютъ, что образованіе языка происходитъ не случайно, подъ вліяніемъ „впечатлѣній о пріятномъ и желательномъ", а обусловливается, между прочимъ, законами физическими, а также физіологическимъ строеніемъ гортани. Притомъ же ученіе о безсознательномъ происхожденіи обычаевъ мало согласуется съ принципами о цѣли, интересѣ, которые признаетъ г. Коркуновъ; равно не согласуется это ученіе и съ тѣми отрывочными, но знаменательными фактами, которые можно найдти у Спенсера, Фримена, Леббока объ образованіи учрежденій и права у первобытныхъ племенъ.

Въ ученіи объ источникахъ положительнаго права г. Коркуновъ принимаетъ за формы права: обычай, законы и судебную практику (стр. 256). Послѣднюю онъ признаетъ за самостоятельный источникъ права(стр.275), наравнѣ съ обычаемъ и закономъ, отличаетъ отъ „судебнаго обычнаго права" (стр. 274), приписываетъ ей творческую силу (стр. 275 и 276) говоря: „Судебная практика всегда имѣетъ нѣсколько творческое значеніе, и право, какъ оно выражается въ судебной практикѣ, никогда не совпадаетъ въ точности съ правомъ, какъ оно выразилось въ обычаѣ или законѣ" (стр. 257). Допустивъ такое мнѣніе, г. Коркуновъ возбуждаетъ вопросъ: „какимъ образомъ дѣятельность суда, призваннаго только къ примѣненію существующаго права, можетъ привести къ возникновенію новыхъ нормъ? Признать судебную практику самостоятельнымъ источникомъ права не все ли равно, что признать за су-

---

[1]) Постороннихъ для права.

домъ право судить не по закону или обычаю, а по своему усмотрѣнію, и такимъ образомъ возвести въ общее правило судейскій произволъ" (стр. 275).... Возбужденное однако сомнѣніе не отклонило автора отъ признанія за судебною практикою творческаго значенія: „Какъ изданіе обыкновенныхъ законовъ или правительственныхъ распоряженій", говоритъ онъ,—„по необходимости имѣетъ творческое значеніе, такъ и дѣятельность суда, по самому своему существу, не можетъ быть чужда творческаго элемента" (стр. 257). „Творчество необходимо, потому что, вопервыхъ, „рѣдкій законодательный актъ, есть цѣльное выраженіе единой мысли"; почти каждый законъ является продуктомъ компромисса между разнообразными стремленіями въ правительственныхъ сферахъ или въ парламентѣ". Въ такомъ положеніи суду приходится пріискивать единство логическое самостоятельно и, это, конечно, есть творческая дѣятельность! Притомъ, „что при одной концепціи общей системы законодательнаго постановленія можетъ явиться общимъ правиломъ, при другой можетъ быть низведено на степень строго ограниченнаго исключенія" (стр. 276). „Вовторыхъ", продолжаетъ авторъ, — „въ каждомъ законодательствѣ встрѣчаются противорѣчія и неполноты; для ихъ устраненія представляется обыкновенно нѣсколько путей, и выборъ между этими различными, но одинаково возможными путями, дѣлаемый судебною практикой, имѣетъ опять, таки творческій характеръ" (стр. 275). „Наконецъ, втретьихъ, возстановляя логическое единство, устраняя противорѣчія и пробѣлы, судъ черпаетъ для того матеріалъ и руководящія начала въ выводахъ научнаго мышленія о правѣ" (стр. 276). „Та́кимъ образомъ чрезъ посредство судебной практики, и наука является источникомъ права" (стр. 277).

Давая такое значеніе судебной практикѣ, г. Коркуновъ оговаривается, что разъ принятое судомъ рѣшеніе не связываетъ судъ на будущее время: „Если каждый законъ можетъ быть замѣненъ новымъ, то, конечно, и судебная практика не можетъ быть обречена на неподвижность и застой" (само собою при равенствѣ въ самостоятельности, должно быть равенство и въ силѣ дѣйствій). „Впрочемъ", поясняетъ авторъ,—„такъ какъ постоянство судебной практики имѣетъ весьма важное значеніе, то судъ всегда будетъ склоненъ поддержать однажды признанное,... поэтому все вѣроятіе за то, что разъ принятое судомъ начало будетъ поддерживаться имъ и въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ" (стр. 277).

Изложенное мнѣніе г. Коркунова о творчествѣ судебной практики

есть явленіе почти исключительное; можно сказать, что ни одинъ изъ авторитетныхъ юристовъ не признаетъ подобнаго значенія за судебнымъ правомъ. Допускается толкованіе, примѣненіе по аналогіи, однако, всегда въ предѣлахъ смысла закона и законодательства; но судебное творчество, которое имѣло бы право „отвергать компромиссы, введенные въ законодательный актъ", могло бы обращать „общее правило въ исключеніе, а исключеніе въ общее правило", и которое для „пополненія пробѣловъ или устраненія противорѣчій могло бы черпать матеріалъ и руководящія начала изъ научнаго мышленія о правѣ",—противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ о дѣйствительномъ судѣ и правѣ.

Жаль, что г. Коркуновъ въ настоящемъ столь важномъ вопросѣ отступилъ отъ Іеринга, котораго онъ ставитъ столь высоко и который въ своемъ „Der Zweck im Recht" высказываетъ неоднократно: „Судья долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ живымъ олицетвореннымъ закономъ" (стр. 378). „Какъ солдатъ научается подчиненію въ строевой войсковой школѣ, такъ судья службою научается повиновенію закону" (стр. 404). „Юридическая форма, которою судья не обязанъ руководствоваться при отправленіи суда — противорѣчіе, — это не горящій огонь, это—свѣтъ, который не свѣтитъ" (стр. 321).

Взглядъ г. Коркунова на судебное творчество не менѣе противорѣчитъ и другимъ воззрѣніямъ самого г. Коркунова. „Всякому важно", говоритъ онъ выше,—„опредѣлить напередъ, съ возможною точностью, при соблюденіи какихъ именно правилъ онъ можетъ быть обезпеченъ отъ всякаго притязанія со стороны другихъ, и соблюденія чего именно онъ можетъ требовать отъ нихъ самихъ" (стр. 261)... „Отличительная особенность положительнаго права—его общеизвѣстность; поэтому никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ положительнаго права..." (стр. 265). „Судъ долженъ судить по закону или обычаю, а не по своему усмотрѣнію"..... А развѣ уничтоженіе законодательныхъ компромиссовъ и введеніе научныхъ началъ не есть усмотрѣніе, и развѣ логическіе выводы, научныя заключенія всѣми понимаются одинаково?

Правда, г. Коркуновъ подаетъ надежду, что судъ не легко будетъ мѣнять однажды сотворенныя и принятыя имъ начала; но такъ какъ, по мнѣнію того же автора, судъ можетъ измѣнять свои рѣшенія также властно, какъ и законъ („на обыкъ есть перевыкъ"), то возможно ли считать подобный порядокъ обезпеченнымъ отъ случай-

ности и произвола суда? Есть ли способы знать впередъ, по какимъ правиламъ должно дѣйствовать?

Не довольствуясь теоретическими положеніями, г. Коркуновъ утверждаетъ, что русское право также относитъ къ источникамъ права законъ, обычай и судебную практику: „наша судебная практика", говоритъ онъ,—„особенно кассаціонная, вслѣдствіе неполноты и казуистичнаго характера нашего законодательства по необходимости заурядъ (?) имѣетъ творческій характеръ"... (стр. 284, 286).

Положеніе это совершенно не вѣрно. Вопервыхъ, ст. 47 нашихъ основныхъ законовъ, опредѣляющая что „имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ" не отмѣнена; по ст. 49, 55, даже поясненія, дополненія законовъ подносятся на Высочайшее благоусмотрѣніе; остаются въ силѣ и слѣдующія за 47-ю статьею основныхъ законовъ, опредѣляющія порядокъ и границы примѣненія законовъ (стр. 65). Вовторыхъ, въ нашемъ законодательствѣ (и почти во всѣхъ законодательствахъ Европы) даже обычному праву предоставлено мѣсто только дополнительнаго источника, дѣйствующаго не въ общемъ порядкѣ, а въ опредѣленныхъ случаяхъ и границахъ. Втретьихъ, во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, а равно и у насъ, судебная практика не признается самостоятельнымъ творческимъ источникомъ права. Правда, судебные уставы расширили право судовъ въ толкованіи и примѣненіи законовъ, при чемъ статьи Гражд. Суд. 9—10 и Угол. Суд. 12—13 не вполнѣ согласованы съ вышеприведенными статьями законовъ основныхъ; но въ указанныхъ статьяхъ судебныхъ уставовъ, на которыя ссылается г. Коркуковъ, вовсе не говорится о творчествѣ судебной практики. Такъ, ст. 9 (Гр. С.) гласитъ: „всѣ судебныя установленія обазаны рѣшать дѣла по точному разуму дѣйствующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполности, неясности, недостатка или противорѣчія — основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ закона". Къ этому разъясненіе сената (Кассац. гражд. департ. № 47, 1867) прибавляетъ: „они (то-есть, судьи) обязаны всякій споръ о правѣ гражданскомъ разрѣшать силою того закона, которымъ опредѣлено и охранено право, подвергшееся спору". То же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ сказано и въ ст. 12 и 13 уст. уголовн. судопроизв. Далѣе, судебные уставы требуютъ, чтобы въ резолюціи судовъ заключалось: 1) краткое изложеніе обстоятельствъ, 2) соображенія суда и указаніе на

законы, которыми они руководствовались (ст. 701 Гр. Суд.). Изъ приведенныхъ статей очевидно, что въ судебныхъ уставахъ дѣло идетъ о толкованіи и примѣненіи законовъ по аналогіи, съ непремѣннымъ условіемъ руководствоваться точнымъ разумомъ закона. Какъ далеко это отъ творчества, которое приписываетъ нашимъ судамъ г. Коркуновъ, утверждающій, что „наша кассаціонная практика сената заурядъ имѣетъ творческій характеръ!" Утвержденіе это извращаетъ самое понятіе о кассаціонныхъ судахъ, которые были созданы въ западной Европѣ съ цѣлію дать закону твердость и постоянство, а правосудію равенство и единообразіе. Наши кассаціонные департаменты сената учреждены съ тою же цѣлью: правительствующій сенатъ, сказано въ ст. 12 Судебн. Уст. (Учрежд. Суд. уст.) въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, не рѣшая дѣлъ по существу въ общемъ порядкѣ судопроизводства, наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными постановленіями имперіи. А для того, чтобы суды могли слѣдовать указаніямъ сената, требуется (ст. 815 Гражд. Суд.), „чтобы всѣ рѣшенія и опредѣленія кассаціонныхъ департаментовъ, которыми разъясняется точный смыслъ законовъ, были публикуемы во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію оныхъ". Гдѣ же здѣсь мѣсто творчеству судовъ?

Отдѣлъ второй посвященъ г. Коркуновымъ изложенію объективной и субъективной стороны права и классификаціи права (системѣ). Мы не войдемъ въ подробное разсмотрѣніе этого отдѣла, такъ какъ онъ не представляетъ ничего особеннаго. Общій характеръ всей работы замѣчается и здѣсь: непослѣдовательность, излишества, противорѣчія, непрерывныя отступленія (такъ, напримѣръ, по поводу субъектовъ права и правоспособности авторъ посвящаетъ цѣлыя страницы вопросу о рабствѣ, невольничествѣ черныхъ, о международныхъ актахъ и договорахъ, прекратившихъ торговлю неграми).

Весьма часто авторъ приводитъ чужія мнѣнія и предлагаетъ свои поправки, при этомъ останавливается на мнѣніяхъ, далеко не выработанныхъ, не признанныхъ (напримѣръ, Тона). Жаль очень, что именно въ ученіи о субъективной и объективной формѣ права авторъ не руководствовался такими образцовыми правоучителями, какъ Унгеръ, Лоранъ, Толь, Фёрстеръ. Они охранили бы его отъ многихъ ошибокъ и неточностей.

По вопросу о классификаціи права авторъ указываетъ на раз-

личныя характеристики частнаго и публичнаго права (римскаго права, исторической школы, Аренса, Іеринга, Тона, Мейера, Кавелина, Муромцева), вездѣ онъ находитъ недостатки и предлагаетъ свою характеристику. „Всѣ особенности частнаго и публичнаго права", говоритъ онъ,—„вполнѣ объясняются различіемъ подѣленія объекта и его приспособленія" (стр. 164). Не говоря о томъ, что понатія о подѣленіи и приспособленіи, въ которомъ г. Коркуновъ находитъ рѣшительное и объемлющее отличіе частнаго права отъ публичнаго, сами по себѣ еще не выработаны съ точностію и опредѣленностію, развѣ можно сказать, а еще болѣе принять, что это различіе, достаточное болѣе или менѣе для частнаго права, исчерпываетъ и характеризуетъ всѣ основанія и особенности публичнаго права?

Третій отдѣлъ (книги) авторъ посвящаетъ изложенію ученій объ обществѣ и государствѣ. Отдѣлъ этотъ очень обширенъ (стр. 167—255), особенно ученіе объ обществѣ; авторъ подробно разсматриваетъ и критикуетъ теорію механическую, историческую, органическую, на нѣсколькихъ страницахъ полемизируетъ со Спенсеромъ относительно отожествленія общества съ организмомъ. Мы не будемъ останавливаться подробно на этихъ главахъ (исполненныхъ также излишествъ, напримѣръ, разказъ объ археяхъ доктора Сталя, о витализмѣ Биша̀), такъ какъ онѣ представляютъ интересъ болѣе психологическій, нежели юридическій или политическій, а обратимъ вниманіе лишь на нѣкоторые вопросы. По поводу ученія о свободѣ воли г. Коркуновъ говоритъ: „Всѣ попытки дать примирительное рѣшеніе вопросу о свободѣ оказываются несостоятельными. Не возможно, чтобы воля была вмѣстѣ и свободна, и несвободна. Приходится ставить вопросъ категорически: воля свободна или нѣтъ; нельзя считать ее какою-то полусвободною" (стр. 199). На поставленный вопросъ авторъ отвѣчаетъ: „Прежде всего законъ причинной связи есть совершенно общій, не знающій никакихъ исключеній". Свободная воля есть нѣчто не существующее никакимъ опредѣленнымъ образомъ, то-есть, очевидный non sens... „намъ заурядъ приходится сознавать себя не властнымъ надъ собою" (стр. 200); „то же самое доказываетъ наблюденіе поведенія другихъ; будь воля свободна, никакія прочныя отношенія между людьми не были бы возможны" (стр. 201). Размѣръ нашей замѣтки не позволяетъ намъ войдти въ ближайшій разборъ изложеннаго понятія о свободѣ; можно лишь сказать, что оно очень просто, но мало убѣдительно. Дѣло, впрочемъ, въ томъ, что самъ г. Коркуновъ на слѣдующихъ страницахъ, забывая свой категорическій выводъ

о свободѣ воли, старается найдти средній примирительный путь для объясненія свободы воли и хочетъ сохранить за человѣкомъ самостоятельность и возможность противополагать себя внѣшнему міру и обществу. Подобное примиреніе онъ хочетъ доказать различнымъ образомъ; прежде всего посредствомъ закона ассоціаціи идей, въ силу котораго „мы можемъ по нашей волѣ усиливать и ослаблять, вызывать и устранять впечатлѣнія“ (стр. 203). Далѣе: „Личность“, говоритъ г. Коркуновъ,—„есть самоцѣльное существо, она никогда не можетъ быть средствомъ для чего-либо внѣ ея“... „Законъ причинности отвергаетъ лишь существованіе объективныхъ цѣлей міра“... „Но каузальное объясненіе міра допускаетъ существованіе субъективныхъ цѣлей... Эти цѣли суть только наши представленія; внѣ нашего сознанія никакихъ цѣлей нѣтъ. При такомъ взглядѣ личность не есть ни цѣль, ни средство; она сама себѣ ставитъ цѣль... И каждая личность создаетъ себѣ свой особый міръ, съ нею вмѣстѣ и гибнущій“... (стр. 204). Приведенныя строки вызываютъ вопросы: Откуда вдругъ явилась у г. Коркунова воля, которая можетъ вызывать и устранять впечатлѣнія? Откуда могутъ явиться цѣли субъективныя, если нѣтъ объективныхъ? Какое значеніе могутъ имѣть субъективныя цѣли, составляющія, какъ думаетъ авторъ, плодъ воображенія, порывъ мысли, лишенныя всякой дѣйствительности?

Г. Коркуновъ силится отстоять самостоятельность личности принадлежностью человѣка одновременно различнымъ общеніямъ (государству, церкви, общинѣ, національности, семьѣ и т. д.), изъ которыхъ каждое составляетъ противовѣсъ другимъ, вслѣдствіе чего „личность представляетъ особое самостоятельное начало, никогда не прилаженное къ складу даннаго общества... личность стремится нѣсколько видоизмѣнить его и потому служитъ источникомъ жизни, является прогрессивнымъ факторомъ общественной жизни“. Но взаимные противовѣсы, расширяя кругъ силъ, вліяющихъ на человѣка, не могутъ поддерживать постоянство движенія: нейтрализируя другъ друга, они неминуемо приводятъ къ устою и неподвижности, въ которой должна исчезнуть личная иниціатива. Наконецъ, если личность есть лишь „продуктъ коллективной жизни людей“ (стр. 193), „если она не вноситъ въ міръ ничего своего новаго“ (стр. 205), если „ея идеалы суть результаты отъ прошлаго и настоящаго“, если „весь созданный человѣкомъ личный міръ живетъ лишь въ его сознаніи и съ нимъ погибаетъ“ (стр. 204), то откуда же

можетъ явиться движеніе, прогрессъ, различіе и треніе между обществомъ и индивидомъ? Да и къ чему самое движеніе, прогрессъ?

Слѣдуя Р. Молю, г. Коркуновъ выдѣляетъ общество изъ государства и говоритъ по этому поводу, что „воззрѣніе Моля" на самостоятельное значеніе общества на ряду съ государствомъ въ настоящее время пользуется наибольшею популярностью" и „въ общемъ можетъ быть принято, но въ частностяхъ требуетъ исправленій". Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Коркуновъ считаетъ ученіе Р. Моля популярнымъ въ настоящее время. Ученіе это никогда не было популярнымъ: оно осталось почти неизвѣстнымъ въ литературѣ французской и англійской; даже въ Германіи оно потеряло въ настоящее время значеніе. При первомъ появленіи его, въ началѣ 50-хъ годовъ, оно вызвало серьезныя возраженія Блюнчли (который въ свое время пользовался авторитетомъ не менѣе самого Р. Моля), потомъ обстоятельную критику извѣстнаго историка и публициста Трейчке [1]), позднѣе Шеффле. Подъ вліяніемъ критики этихъ публицистовъ, съ первыхъ дней была обнаружена вся слабость, искусственность и несостоятельность выдѣленія общества, предложеннаго Р. Молемъ, и оно не образовало даже школы. Значительными защитниками этого ученія были только Штейнъ (передававшій его въ своеобразномъ видѣ) и до нѣкоторой степени Бёръ и Гирке; но они не оказали никакого дѣйствительнаго вліянія на дальнѣйшіе успѣхи этой доктрины; наиболѣе значительные новѣйшіе публицисты Германіи—Гельдъ, Лабандъ, Шульце, Гарейсъ—не даютъ ему самостоятельнаго мѣста въ своихъ системахъ.

Въ ученіи о государствѣ г. Коркуновъ весьма многое заимствуетъ изъ „Der Zweck im Recht" Іеринга, и такъ какъ публицистическое ученіе послѣдняго чрезвычайно слабо, а съ другой стороны, г. Коркуновъ дѣлаетъ нѣкоторыя свои прибавки и поправки [2]), мало соотвѣтствующія общимъ основамъ Іеринга, то несообразности выступаютъ у нашего автора гораздо рельефнѣе.

---

[1]) Die Gesellschaftswissenschaft. Ein kritischer Versuch. 1859.

[2]) Напримѣръ, Іерингъ полагаетъ, что интересы отдѣльнаго лица и цѣли законодательства на высшихъ ступеняхъ должны слиться, что личное должно совпадать съ общимъ; г. Коркуновъ же говоритъ, что общее развитіе ведетъ къ большему расширенію личной свободы, что личность съ своею самостоятельностью всегда противостоитъ обществу (стр. 222) и можетъ сталкиваться съ послѣднимъ (стр. 239).

Отличительнымъ признакомъ и условіемъ государства г. Коркуновъ признаетъ „самостоятельность власти принужденія"; другіе общественные союзы или вовсе не пользуются властью принужденія, напримѣръ, семья, общественные классы, или, если пользуются, то не самостоятельно. Такимъ образомъ, „государство есть общественный союзъ, пользующійся самостоятельною и исключичительною властью принужденія" (стр. 217). Едва ли надо доказывать, что властію самостоятельнаго принужденія пользуются и главы родовъ, племенъ, какъ это можно видѣть изъ множества описаній историческихъ и географическихъ (напримѣръ, у того же Спенсера), хотя эти роды и племена никто не признаетъ за государства; феодалы, а затѣмъ сословія въ средневѣковой западной Европѣ пользовались вполнѣ самостоятельною властью суда и наказанія надъ своими членами безъ уполномочія отъ государства.

Смѣшавъ понятіе принужденія и власти, и замѣтивъ, что власть характеризуетъ всѣ общественные союзы, г. Коркуновъ силится найдти отличительные признаки государственной власти и находитъ ихъ „въ независимости (внутренней и внѣшней) и единой ея организаціи" (стр. 223), а также въ томъ, что „она принудительно организована, между тѣмъ какъ другіе союзы (научные, художественные, филантропическіе) имѣютъ организацію свободную, не опирающуюся на принужденіе" (стр. 224). Не трудно видѣть, что вся эта аргументація необыкновенно спутана и безсодержательна: каждому извѣстно, что единствомъ организаціи, независимостью и даже правомъ сношеній съ иноземными державами пользуются многія племена (напримѣръ нѣкоторые австралійцы, бушмены и др.), которыхъ никто не признаетъ за государства. Далѣе: Что̀ означаетъ выраженіе „государственная власть принудительно организована"? Его можно понимать или въ томъ смыслѣ, что она организована насильно, или что она господствуетъ насильно надъ людьми, что, разъ захвативъ людей въ свой кругъ, она уже не выпускаетъ ихъ.

Очевидно, характеристика государственной власти и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ несообразна и противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. Дѣло въ томъ, что истинную природу, отличительный признакъ и государства и государственной власти надо искать не во внѣшнихъ признакахъ, каковы принужденіе, сила, власть, а въ условіяхъ внутренней жизни, въ степени политическаго единства, въ сознаніи и выполненіи всѣхъ цѣлей и функцій государственной жизни.

Разбирая формы правленія, г. Коркуновъ, по обыкновенію, отвергаетъ всѣ прежнія классификаціи, древнія и новыя (стр. 235—238) и говоритъ, что „разсмотрѣніе различныхъ существующихъ организацій приводитъ, само собою, къ двойной классификаціи". Основываясь на выраженіи двойная, мы предполагали, что авторъ признаетъ дѣйствительно двойную классификацію, но оказывается, что подъ двойною классификаціей онъ разумѣетъ собственно два типа формъ правленія: „самодержавство и народоправство: первое правитъ государствомъ самостоятельно, по собственному праву и составляетъ монархическую форму, второе—по порученію народа и есть республика; при этомъ „принадлежитъ ли правительственная власть одному лицу или коллегіи, но если власть эта не самостоятельна (то-есть, не есть делегація, данная народомъ), мы будемъ имѣть республику" (стр. 239). Предлагаемая „двойная" классификація очень проста, но совершенно неудовлетворительна; она игнорируетъ государственный строй почти всей западной Европы; слѣдуя началамъ г. Коркунова, мы затрудняемся найдти мѣсто для Германской имперіи, Англіи, Пруссіи, Бельгіи, Италіи и др. Въ Англіи власть королевы образовалась не по порученію отъ народа, но власть ея не самостоятельна, она раздѣлена между ею и коллегіей парламента. Неужели же Англія составляетъ республику? Равно къ республикамъ приходится отнести и Бельгію, Италію и даже Пруссію!

Въ заключеніе г. Коркуновъ опредѣляетъ отношеніе государственной власти къ праву. Государственную власть онъ ставитъ (стр. 218) въ „числѣ основныхъ и необходимыхъ элементовъ государства, наравнѣ съ территоріей и населеніемъ". Но уже на стр. 239 онъ называетъ ее только „важнымъ интересомъ общества", а нѣсколько ниже говоритъ, что „на ряду" съ государственною властью есть и множество другихъ интересовъ человѣческихъ, могущихъ приходить въ столкновеніе съ интересомъ власти" (стр. 239). „Въ устраненіе этихъ столкновеній и для огражденія общества отъ произвола и насилія власти, вооруженной силою" авторъ предлагаетъ мѣры, которыя заимствуетъ у того же Іеринга („Der Zweck im Recht"), съ небольшою прибавкою отъ себя. Подобно Іерингу, онъ полагаетъ, что „неограниченная государственная власть въ интересахъ собственной твердости и спокойствія должна сама себя обуздать" (стр. 340). Не совсѣмъ однако увѣренный, чтобы власть, происшедшая изъ силы, всегда своевременно отворяла двери закону, Іерингъ, а за нимъ г. Коркуновъ ищутъ и находятъ гарантіи права „въ раздѣленіи

властей и въ независимости отъ правительства суда, который долженъ имѣть исключительною цѣлью охраненіе права" (стр. 377). „Если истолкованіе и примѣненіе права будетъ ввѣрено особому органу власти, независимому отъ другихъ, то этимъ самымъ", говоритъ г. Коркуновъ,—„господству права, какъ въ отношеніи гражданъ, такъ и въ отношеніи къ органамъ власти, будетъ придана надлежащая твердость" (стр. 244). Устанавливая „обособленность" (стр. 377) и „независимость суда", г. Коркуновъ, очевидно, упустилъ, что на стр. 235 онъ характеризуетъ „правительство органомъ единаго цѣлаго государства", а на стр. 223 „отличительною особенностью государственной власти" признаетъ „единство ея организаціи". Гдѣ же будетъ это единство, если въ лицѣ суда стоитъ конкурирующая съ правительствомъ власть судебнаго контроля? Кромѣ того, г. Коркуновъ, объясняя въ начальной главѣ значеніе общей теоріи права, высказалъ, что его наука есть „обобщенное знаніе дѣйствительности", что она „должна извлекать свои начала изъ положительнаго и практическаго матеріала"; но ни въ одномъ государствѣ западной Европы суды не пользуются положеніемъ, которое присвоиваетъ имъ г. Коркуновъ въ своей теоріи права. Въ верховномъ судѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на первый взглядъ представляются нѣкоторыя черты чего-то подобнаго, но при ближайшемъ разсмотрѣніи положенія и функцій этого суда обнаруживается коренное отличіе отъ того, что̀ предлагаетъ г. Коркуновъ. Верховному сѣверо-американскому суду, дѣйствительно, ввѣрено охраненіе конституціи, законовъ и договоровъ сѣверо-американской федераціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ конституціи исчислены всѣ случаи несогласій, пререканій и споровъ между опредѣленными органами власти, между отдѣльными штатами и гражданами отдѣльныхъ штатовъ, которыя судъ этотъ имѣетъ право принимать къ своему разбирательству и рѣшенію. Такимъ образомъ сѣверо-американскій верховный судъ не есть непрерывный стражъ законности, который по собственной иниціативѣ можетъ преслѣдовать нарушенія, а тѣмъ болѣе творить свое самостоятельное право (Recueil Dareste, T. I. Art. III, Sect. 2 § 1, 23). Затѣмъ верховный судъ не есть обособленное и независимое учрежденіе; высшая власть въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ принадлежитъ лишь конгрессу, который одинъ, при участіи президента, уполномоченъ устанавливать законы для всѣхъ государственныхъ учрежденій, а въ томъ числѣ и для верховнаго суда (Art. 1, 38, §

18); наконецъ судьи верховнаго суда назначаются президентомъ (Art. 11, S. 2 § 2).

Мы разсмотрѣли важнѣйшіе вопросы, составляющіе содержаніе „Общей теоріи права" г. Коркунова, и на этомъ могли бы закончить разборъ. Почитаемъ, однако, необходимымъ указать еще на изложеніе, которое въ этой книгѣ до такой степени неудовлетворительно, что крайне тяжело слѣдить за ходомъ мыслей автора; во многихъ же случаяхъ строеніе его рѣчи вызываетъ рѣшительное недоумѣніе. Вотъ образцы:

„Но, признавая (?) всю плодотворность результатовъ такого раздѣленія, нельзя (?), съ другой стороны, не быть пораженнымъ капитальными неудобствами, какія она (?) порождаетъ въ своемъ настоящемъ состояніи: чрезмѣрною частностью идей, занимающихъ каждаго отдѣльнаго изслѣдователя" (стр. 23).

„Если другіе ученые будутъ руководиться общими принципами, такимъ образомъ установляемыми, и вмѣстѣ съ устанавливающими ихъ изслѣдователями взаимно повѣрять свои результаты, то тогда раздѣленіе труда въ области научной дѣятельности можетъ быть развито до крайнихъ предѣловъ безъ того (?), чтобы наука потерялась въ частностяхъ, деталяхъ, безъ того (?), чтобы за деревьями мы перестали видѣть лѣсъ" (стр. 24).

„Если даже никто того отъ меня не требуетъ, нравственный долгъ сохраняетъ всю свою силу" (стр. 42).

„На языкѣ современной науки законъ не есть уже велѣніе явленіямъ совершаться такъ, а не иначе, но есть правило должнаго" (стр. 44).

„Право не есть, помимо воли и сознанія людей, существующій порядокъ, людьми только намѣченный, какъ это имѣется въ отношеніи къ законамъ" (стр. 47).

„Идеальное же ихъ соотношеніе было бы то (?), при которомъ при полной нейтральности права по отношенію ко всѣмъ допускающимъ различіе убѣжденій нравственнымъ вопросамъ право проводило (?) только стоящіе внѣ спора общепризнанные въ данномъ обществѣ и въ данное время нравственные принципы" (стр. 53).

„Свести къ одной общей формулѣ разнородное содержаніе всѣхъ юридическихъ нормъ не возможно, и потому опредѣленія (?) права

выбираютъ (?) одинъ изъ разнообразныхъ юридическихъ принциповъ...“ (стр. 55).

„Но матеріальныхъ юридическихъ ученій, имѣющихъ содержаніе однородное съ законами, развивающихъ (?) самое содержаніе юридическихъ нормъ было бы немыслимо“ (стр. 62).

„Установленіе различія естественнаго и положительнаго права представляетъ поэтому полнѣйшую аналогію тому, какъ, наблюдая въ опытѣ нашемъ по необходимости только то, что есть, мы составляемъ, однако, понятіе небытія, наблюдая исключительно временно преходящія явленія, мы, посредствомъ простой антитезы, составляемъ понятіе вѣчнаго“ (стр. 90).

„Дозволенное дѣйствіе можетъ стать правомъ только, когда будетъ запрещено совершеніе всего мѣшающаго дозволеннымъ дѣйствіямъ“ (стр. 117).

„Въ организмахъ энергія ихъ жизнью непремѣнно исчерпывается и чѣмъ дѣятельнѣе ихъ жизнь, тѣмъ скорѣе“ (стр. 186).

„Законъ или обычай ни (?) суть основанія обязательности, основанія силы нормы, а только признакъ“ (стр. 264).

Подобный строй рѣчи мы встрѣчаемъ на многихъ страницахъ книги г. Коркунова.

Н. Ренненкампфъ.

Д. И. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма 1857—1887 гг. по вопросамъ о преподаваніи исторіи.—Путевыя замѣтки и воспоминанія.—Публицистика по Восточному вопросу.—Публицистика по внутреннимъ дѣламъ.—Послѣдній фазисъ Восточнаго вопроса. М. 1888.

Въ 1884 году Д. И. Иловайскій издалъ первый томъ своихъ сочиненій, въ который вошли „Исторія Рязанскаго княжества“, „Е. Р. Дашкова“ и „Графъ Я. Сиверсъ“. Въ настоящее время онъ готовитъ второй томъ, въ которомъ будутъ помѣщены другіе его историческіе труды (кромѣ, вѣроятно, учебниковъ и „Исторіи Россіи“). Сборникъ своихъ мелкихъ статей, появлявшихся въ журналахъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, авторъ издалъ особо. Само собою разумѣется, что статьи, вошедшія въ составъ этого сборника, не всѣ равнаго достоинства; но всѣ онѣ интересны, какъ потому, что такой писатель, какъ Д. И. Иловайскій, не можетъ написать ничего лишеннаго интереса, такъ и потому, что онѣ передаютъ впечатлѣнія минуты, иногда уже отдѣленной отъ настоящаго значительнымъ періодомъ времени.

Первый отдѣлъ сборника заключаетъ въ себѣ рецензіи историческихъ учебниковъ 50-хъ годовъ, а также новыхъ—г. Гуревича, Бидермана и „Методики" Крюгера. Сюда же вошли замѣтки автора о преподаваніи исторіи во Франціи, Пруссіи и Австріи и замѣчанія на учебную програму русскихъ гимназій. Эти послѣднія статьи въ особенности интересны. Не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ автора о взаимномъ отношеніи былеваго и бытоваго элемента въ преподаваніи исторіи. Увлеченіе бытовымъ элементомъ въ гимназіи можетъ быть очень вредно: лица и событія для дѣтей и подростковъ гораздо интереснѣе политическихъ, экономическихъ и юридическихъ отношеній. Только въ живыхъ лицахъ научаются молодые люди любить исторію. Люди нашего поколѣнія навѣрное не забыли, съ какимъ трепетомъ и восторгомъ читали они когда-то Плутарха, вспоминая того наставника какого-то принца, который на просьбу своего питомца показать ему героя, вручилъ ему Плутарха. Читая Плутарха, мы жили одною жизнью съ Фабіями и Сципіонами, съ Аристидами и Ѳемистоклами, какъ съ смѣлыми людьми. Херонейскій Вальтеръ Скоттъ былъ намъ такимъ же другомъ, какъ и абботсфордскій Плутархъ. Дѣйствительно, трудно найдти двухъ писателей, которые на разстояніи многихъ вѣковъ были бы такъ похожи другъ на друга. Молодость любитъ эти простодушные разказы, напоминающіе разказы дѣда у домашняго очага окружающимъ его внукамъ. Вспомнилась мнѣ и программа исторіи для гимназій Казанскаго учебнаго округа, составленная въ 40-хъ годахъ профессоромъ Ивановымъ. Эпизодическій курсъ по этой программѣ, съ сожалѣнію, ограничивавшійся тогда тремя классами, состоялъ изъ ряда біографій, умно и со знаніемъ дѣла выбранныхъ. Хорошо, еслибы теперь кто-нибудь, найдя эту програму, которая едва ли, впрочемъ, находима, составилъ по ней эпизодическій курсъ. Это было бы большою заслугой.

Второй отдѣлъ книги составляютъ путевыя замѣтки и воспоминанія автора о разныхъ лицахъ. Д. И. Иловайскій изъѣздилъ почти всю Европейскую Россію, почти всю западную Европу, былъ и въ Палестинѣ. Мы не можемъ не пожалѣть, что онъ такъ мало записалъ изъ своихъ поѣздокъ, да и въ записанномъ много записано не имъ самимъ, а съ его словъ. Изъ этого отдѣла мы особенно дорожимъ его „Прогулкой по берегу Оки", совершенною въ то время, когда онъ готовилъ свою магистерскую диссертацію. Въ ней такъ много молодого, и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезной наблюдательности, всегда отличавшей ав-

тора. Своимъ поѣздкамъ авторъ обязанъ живостью мѣстныхъ описаній въ его большомъ трудѣ, все еще, по моему мнѣнію, мало цѣнимомъ въ русскомъ обществѣ. Воспоминанія автора о лицахъ, очень живы, хотя къ сожалѣнію кратки; по задушевности изъ нихъ выдѣляется въ особенности воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ, безвременно погибшемъ юношѣ, подававшемъ столько надеждъ.

Книга заканчивается публицистическими статьями о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ. Въ этихъ замѣткахъ всегда слышится человѣкъ высокопатріотически настроенный, умный и образованный (въ настоящемъ смыслѣ этого слова). Можно поспорить съ нѣкоторыми его положеніями, но нельзя относиться къ его публицистической дѣятельности безъ уваженія; къ публицистикѣ не часто обращаются у насъ не записные журналисты, а это очень прискорбно: не всякому журнальному сотруднику есть время обдумать то, что онъ говоритъ, да не у всякаго есть на то нужная подготовка; а между тѣмъ ихъ мнѣнія дѣйствуютъ на публику и рѣдко встрѣчаютъ или отпоръ, или поддержку въ людяхъ знанія и мысли, которые часто пренебрегаютъ журналистикой. Вотъ почему примѣръ Д. И. Иловайскаго заслуживаетъ подражанія.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Poczet rodow w wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Ułożił i wydał *Adam Boniecki* (Перечень родовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ. Составилъ и издалъ *Адамъ Боницкій*). Warszawa. 1887.

Трудъ г. Бонѣцкаго собственно есть книга перечневыхъ справокъ съ годами объ одиночныхъ должностныхъ лицахъ (1113) и обоего пола представителяхъ 367 фамилій, составленная на основаніи документовъ тяжебныхъ, наслѣдственныхъ, дарственныхъ, пожалованій и проч., за два вѣка, при чемъ лица указаны въ алфавитномъ порядкѣ. Поэтому заглавіе, данное г. Бонѣцкимъ своему труду, можетъ, по нашему мнѣнію, ввести читателя въ ошибку, ибо сулитъ не то, что книга даетъ въ дѣйствительности. Мы ожидали встрѣтить въ трудѣ г. Бонѣцкаго сочиненіе по генеалогіи литовскихъ фамилій, но надежды наши оправдались далеко не вполнѣ. Признать трудъ г. Бонѣцкаго генеалогическимъ мѣшаетъ присутствіе въ немъ множества указаній о должностныхъ лицахъ, родъ которыхъ не

указанъ. Да и о родословныхъ представителяхъ справки даются частныя, не обнимающія ни семейнаго, ни служебнаго ихъ положенія, большею частью безъ датъ рожденія и смерти. Даты указаны только случайно, внѣ обязательности плана, требующаго полноты.

Въ концѣ книги, въ видѣ особаго приложенія, помѣщенъ (на 49 страницахъ римской нумераціи) „Spis dygnitarzy i urzędników duchownich i swieckich, objętich tą ksęnga", —важнѣйшая, по нашему мнѣнію, часть труда г. Бонѣцкаго. Но и этотъ списокъ, расположенный по мѣстамъ, занимаемымъ лицами, и представляющій перечень преемства въ санѣ, судя по выставленнымъ годамъ,—съ пропусками. Саны расположены въ іерархической постепенности своего служебнаго значенія, но должности одного рода перечисляются не въ алфавитномъ порядкѣ географическихъ названій.

Въ духовенствѣ списокъ представляетъ прежде всего римское католичество, съ девятью Римскими архіепископами за три вѣка (1224—1522 гг.), архіепископами Рижскими (всего впрочемъ 9 лицъ) и епископами: Кіевскими (6), Луцкими (8), Виленскими (18), Жмудскими и Минскими (6 лицъ за 1417 — 1626 гг.). По восточно-православному исповѣданію указаны архимандриты десяти монастырей (по одному, кромѣ Кіево-Печерскихъ), митрополиты Кіевскіе (1416—1571 гг. 10 лицъ), да епархіальные архіереи: Холмскіе и Бѣльзскіе (1416—1552 гг.) 7, Луцкіе и Острожскіе (1416—1574 гг.) 9, Пинскіе и Туровскіе (1416—1556 гг.) 9, Полоцкіе, Витебскіе и Мстиславскіе (1406—1595 гг.) 10, Смоленскихъ 5 (1416—1514 гг.), да 7 (1406—1548 гг.) Владимірскихъ и Брестскихъ. Но, какъ іерарховъ римско-католическихъ, такъ и православныхъ, за сказанное время извѣстно гораздо большее число. Такъ что подборъ г. Бонѣцкаго заставляетъ невольно задуматься: почему и тутъ не хватило у автора рѣшимости добиться необходимой полноты, очень важной въ подобномъ трудѣ.

Что касается перечня свѣтскихъ сановъ въ Литвѣ, то систематическій подборъ ихъ въ концѣ книги имѣетъ гораздо большій интересъ—по самой новости перечня въ такомъ объемѣ. Въ него вошли очень любопытные литовскіе саны: бобровниковъ (Крулевскаго и Подляссскаго), хорунжихъ (chorązowie)—земскихъ литовскихъ, дворныхъ, татарскихъ и разныхъ, расписаннымъ по мѣстностямъ [1]).

---

[1]) *Татарскіе хорунжіе* были: Гродненскій, Кревскій, Новогрудскій, Остринскій, Трокскій, Виленскій; мѣстные же *хорунжіе* въ Литвѣ (очевидно, по знаме-

Послѣ хорунжихъ поставлены по польскому алфавиту тивуны (ciwunowie), расписанные по 43 пунктамъ литовской территоріи [1]). За тивунами, въ алфавитномъ порядкѣ поименованы г. Бонѣцкимъ должности „ченсника литовскаго", государственнаго контролера или министра финансовъ, четырехъ гаевниковъ: Бѣльскаго, Брестскаго, Каменецкаго и Мѣльницкаго (по округамъ, очевидно), двухъ гетмановъ: великаго литовскаго и надворнаго. Далѣе перечислены въ пятнадцати городахъ „городничіе", канцлеры литовскій и великаго князя Швидригайлы; каштеляны тринадцати замковъ (Брацлавскаго, Брестскаго, Кіевскаго, Минскаго, Новогрудскаго, Подлясскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Троцкаго, Виленскаго, Витебскаго, Волынскаго и Жмудскаго); казначеи: Брянскій и Смоленскій, десять ключниковъ (Брестскій, Гродненскій, Кіевскій, Ковенскій, Луцкій, Новогрудскій, Полоцкій, Троцкій, Виленскій и Витебскій), да восемь конюшихъ (Литовскій, Гродненскій, Мстиславскій, Новогрудскій, Смоленскій, Троцкій, Виленскій и Витебскій). Были еще должности двухъ кравчихъ, кухмистра, двухъ ловчихъ и восьми лѣсничихъ—по округамъ: Брестскому, Гродненскому, Каменецкому, Крыньскому, Кузьминскому, Нѣпокойскому, Одельевскому и Подлясскому. Маршалковъ указано шесть: великій, земскій, дворовый, королевскій (hospodarsky), земли

намъ или отрядамъ) были въ XVI в. слѣдующіе: Бѣльскій, Брестскій, Дорсуницкій, Дрогицкій, Ѳйшишскій, Гедройцкій, Гродненскій, Каменецкій, Керновскій, Кобринскій, Ковенскій, Кревскій, Курклевскій, Лѣпуньскій, Лидскій, Мейшагольскій, Мемешскій, Минскій, Мельницкій, Мстиславскій, Нѣменчинскій, Новогрудскій, Оникштскій, Остринскій, Ошмянскій, Пенянскій, Пинскій, Подлясскій, Полоцкій, Пуньскій, Радуньскій, Рудоминскій, Слонимскій, Сомилишскій, Судеревскій, Звирскій, Троцкій, Упицкій, Виленскій, Вилькомірскій, Витебскій, Владимірскій (на Волыни), Волкиницкій, Волковышскій, Волынскій, Высокодворскій и Жижморскій.

[1]) По г. Бонѣцкому, *тивуны* въ Литвѣ были: Бережанскій, Виржинянскій, Черинській, Чечерскій, Черезвяцкій, Довговскій, Дубицкій, Дирвянскій, Ѳйрагольскій, Гондынскій, Ильговскій, Ѣзденьскій, Юрборгскій, Каменецкій, Керновскій, Конявскій, Коршевскій, Красносельскій, Кревскій, Крошскій, Минскій, Могилевскій, Новогрудскій, Ошмянскій, Ожскій, Поюрскій, Полоцкій, Пропойскій, Пржеляйскій, Пржеломскій, Радуньскій, Ретовскій, Шовдовскій, Тельшевскій, Теньджагольскій, Трокскій, Тверскій, Усвятскій, Вѣшвянскій, Виленскій, Воложинскій, Высокодворскій, Жижморскій, Жмудскій и Жолудскій. Другими словами, въ собственной Литвѣ принято было тіунское управленіе, очевидно, изъ Руси, и оставлено въ мѣстахъ, издавна русскихъ, литвою отнятыхъ. Такимъ образомъ, составленный г. Бонѣцкимъ списокъ должностей полезенъ для разнородныхъ историческихъ изслѣдованій.

Волынской, в. кн. Свидригайлы (1437—1452 гг.) и татарскій (1517—1547 гг.).

Еще въ XVI вѣкѣ показаны четыре мостовничихъ: Кременецкій, Луцкій, Пинскій и Полоцкій, „королевскій убрусный“ (obruśny) и „окольничій Смоленскій“. Должность секретаря или писаря въ Литвѣ раздѣлялась на три степени: высшій санъ составлялъ государственный секретарь Литвы (pisarz litewski), затѣмъ было два писаря гродскихъ (pisarze grodzcy)—Дрогичскій и Виленскій, и шесть земскихъ (pisarze ziemscy): Бѣльскій, Дрогицкій, Мельницкій, Пинскій, Слонимскій и Жмудскій.

Должности помощниковъ или замѣстителей имѣлись у главныхъ сановъ въ Литвѣ: подчашій, подканцлеръ, два подключовыхъ (Троцкій и Виленскій), 13 подкоморьевъ, подконюшій, подстолій, 8 подсудсудковъ, два подскарбія—великій литовскій и надворный; былъ свой подскарбій и у Свидригайлы (1450 г.). Указаны еще: 21 подстароста, 5 подвоевудцевъ, 6 гродскихъ судей и 11 земскихъ, скарбничій, 2 сокольничихъ, 74 старостъ (по городамъ), Литовскій стольникъ, 15 воеводъ, 10 войскихъ и Смоленскій восковничій.

Войскіе были въ земляхъ собственно Литвы: Бѣльскій, Брестскій, Дрогицкій, Гродненскій, Каменецкій, Кобринскій, Кременецкій, Мельницкій, Пинскій и Слонимскій; воеводы же посажены были преимущественно въ бывшихъ русскихъ княжествахъ, доставшихся Литвѣ: Браславльскій, Брестскій, Кіевскій, Минскій, Могилевскій, Новогрудскій, Подольскій, Полоцкій, Смоленскій, Витебскій и Волынскій, въ двухъ главныхъ городахъ старой Литвы—Вильнѣ и Краковѣ, да въ сосѣдней съ Польшею Подляхіи. Очевидно, что въ трехъ послѣднихъ областяхъ воеводы явились въ то время, когда глава государства оказывался живущимъ въ Польшѣ, не очень разчитывавшей па спокойствіе въ Литвѣ, для поддержанія порядка въ которой требовалась сила.

Элементъ гражданскаго управленія въ Литвѣ составляли старосты Оттого и находимъ ихъ во всѣхъ населенныхъ пунктахъ, сколько-нибудь похожихъ на городъ. Этимъ только и объясняется итогъ 174 якобы городовъ въ Литвѣ, въ XVI вѣкѣ.

Еще разъ повторяемъ,—перечень сановъ великаго княжества Литовскаго, хотя и не съ полнымъ числомъ представителей ихъ, есть все же самое существенное, въ нашихъ глазахъ, въ книгѣ г. Вонѣцкаго.

Но едва ли и это достоинство труда г. Вонѣцкаго можетъ вполнѣ выкупать недостатки существенной части книги, которая могла бы быть очень важною, еслибъ авторъ какъ слѣдуетъ отнесся къ своей

задачѣ, въ смыслѣ обработки статей съ генеалогическою цѣлью. Между тѣмъ неполнота справокъ о лицахъ 367 фамилій даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу вслѣдствіе несоблюденія условій, необходимыхъ въ генеалогіи. Для нихъ требуется если не полнота фамиліи, съ ясною преемственностью колѣнъ отъ родоначальника, то по крайней мѣрѣ, полнота представителей ихъ обоего пола, по вѣтвямъ и съ годами жизни, если только встрѣчается время упоминанія случайныхъ обстоятельствъ. Но этого-то и нѣтъ въ книгѣ г. Бонѣцкаго, такъ что авторъ не гарантируетъ никакой полноты, предлагая довольствоваться отрывочными извѣстіями. Г. Бонѣцкій не обозначаетъ, хотя бы по однимъ именамъ, всѣхъ дѣтей отцовъ, указываемыхъ на таблицахъ. Сверхъ того, читатель не можетъ пользоваться приложенными къ тексту таблицами, ибо не знаетъ, къ какому колѣну рода относятся указанныя лица, безъ датъ рожденія и смерти.

Поэтому генеалогамъ не особенно удобно пользоваться книгою г. Бонѣцкаго, хотя бы внѣшняя форма приложеній давала по наружности право считать этотъ трудъ генеалогическимъ матеріаломъ. Но для того требовалось бы гораздо больше указаній, чѣмъ мы находимъ въ текстѣ фамильныхъ перечней. Впрочемъ, авторъ не болѣе щедръ и при сообщеніи одиночныхъ справокъ, въ три раза, какъ мы замѣтили, превосходящихъ въ книгѣ итогъ фамильныхъ статей (1113 одиночныхъ справокъ и 367 фамильныхъ). Много ли, напримѣръ, можетъ говорить такое одиночное указаніе (стр. 3): „Баба, Кристофъ Михаиловичъ, бояринъ королевскій въ 1550 г.“? Или (стр. 5): „Вердовскій Станиславъ, хорунжій Лидскій, 1550 г.“? Конечно, и подобныя справки могутъ имѣть значеніе для пополненія другихъ извѣстій, но сами по себѣ, помѣщенныя въ книгѣ отдѣльно, безъ иныхъ указаній, не могутъ принести существенной пользы для генеалогическихъ разысканій. И Баба, и Бердовскій, еще повторяемъ, взятые внѣ перечня представителей извѣстнаго сана, требуютъ нахожденія еще другихъ матеріаловъ—для того даже, чтобы занять по праву мѣсто въ своихъ фамиліяхъ. Статьи же о фамиліяхъ даютъ, можетъ быть, нѣсколько больше указаній, но также страдаютъ неполнотою и отрывочностью, особенно въ годахъ.

Для ознакомленія читателей съ фамильными статьями въ книгѣ г. Бонѣцкаго, возьмемъ на выдержку, вмѣсто нѣсколькихъ, одинъ примѣръ, наглядно выставляющій характерную особенность книги.

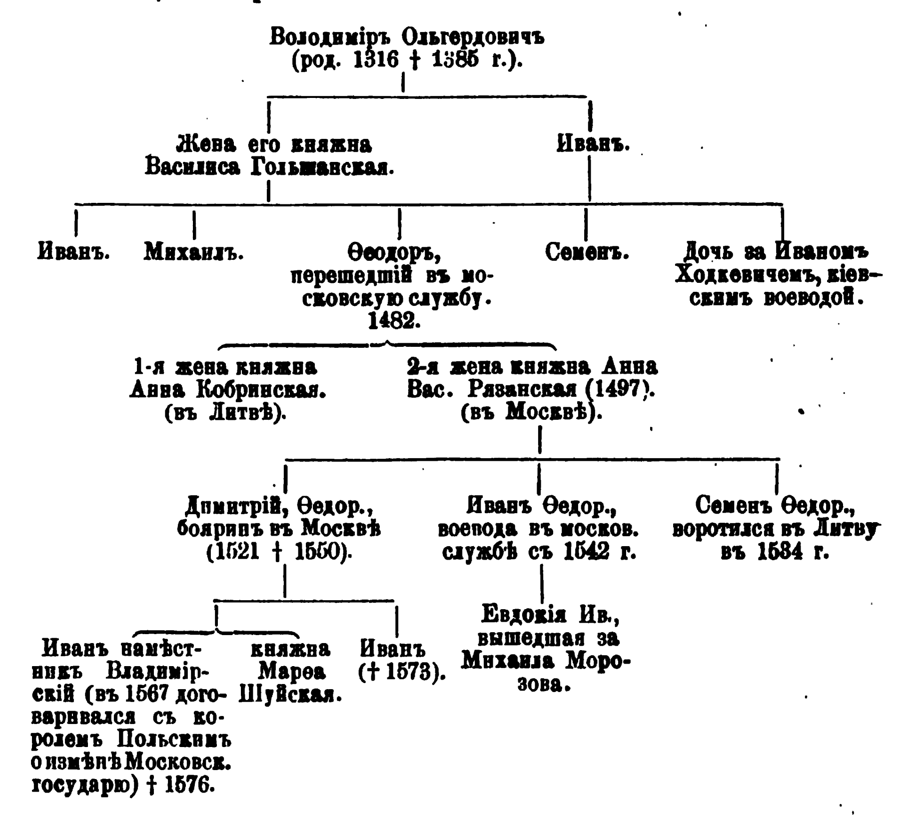
На стр. 4 помѣщена статья о князьяхъ Бабичахъ. Въ ней указанъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Соколинскій, прозванный Бабичь, безъ даты времени и безъ обозначенія того, какъ онъ приходится своему родоначальнику. Поименовываетъ г. Бонѣцкій это лицо только по поводу женитьбы его на Маріи, дочери Сеньки Ивановича, отъ котораго въ родъ Соколинскихъ перешли имѣнія Полонное, Черезье и Тухачево. И характеристика отца невѣсты Бабича тоже, по нашему мнѣнію, мало даетъ для разгадки, что это за лицо: „Сенько Ивановичь, отецъ Маріи, женатъ былъ на Авдотьѣ, сестрѣ княгини Марьи, жены Андрея Владиміровича, и отъ князя Андрея взялъ Полонное". Лаконизмъ автора могъ бы быть расширенъ хотя бы на столько, чтобъ объяснить читателю, что Андрей Володиміровичъ былъ князь Кобринскій. Безъ того читатель, не заинтересованный этимъ лицемъ, не прочтетъ совсѣмъ или отложитъ чтеніе конца извѣстія о немъ, гдѣ говорится, что по смерти отца у Марьи Семеновны возникъ процессъ съ теткой изъ-за обладанія Полоннымъ, и что король Казиміръ присудилъ Полонное племянницѣ, а не теткѣ.

Позволяемъ себѣ еще обратить вниманіе читателей на личность Андрея Владиміровича и постараемся указать на пропускъ въ фамиліи князей Бѣльскихъ, къ которымъ принадлежитъ и Семенъ (Сенько) Ивановичъ (Романовичъ), отецъ Маріи.

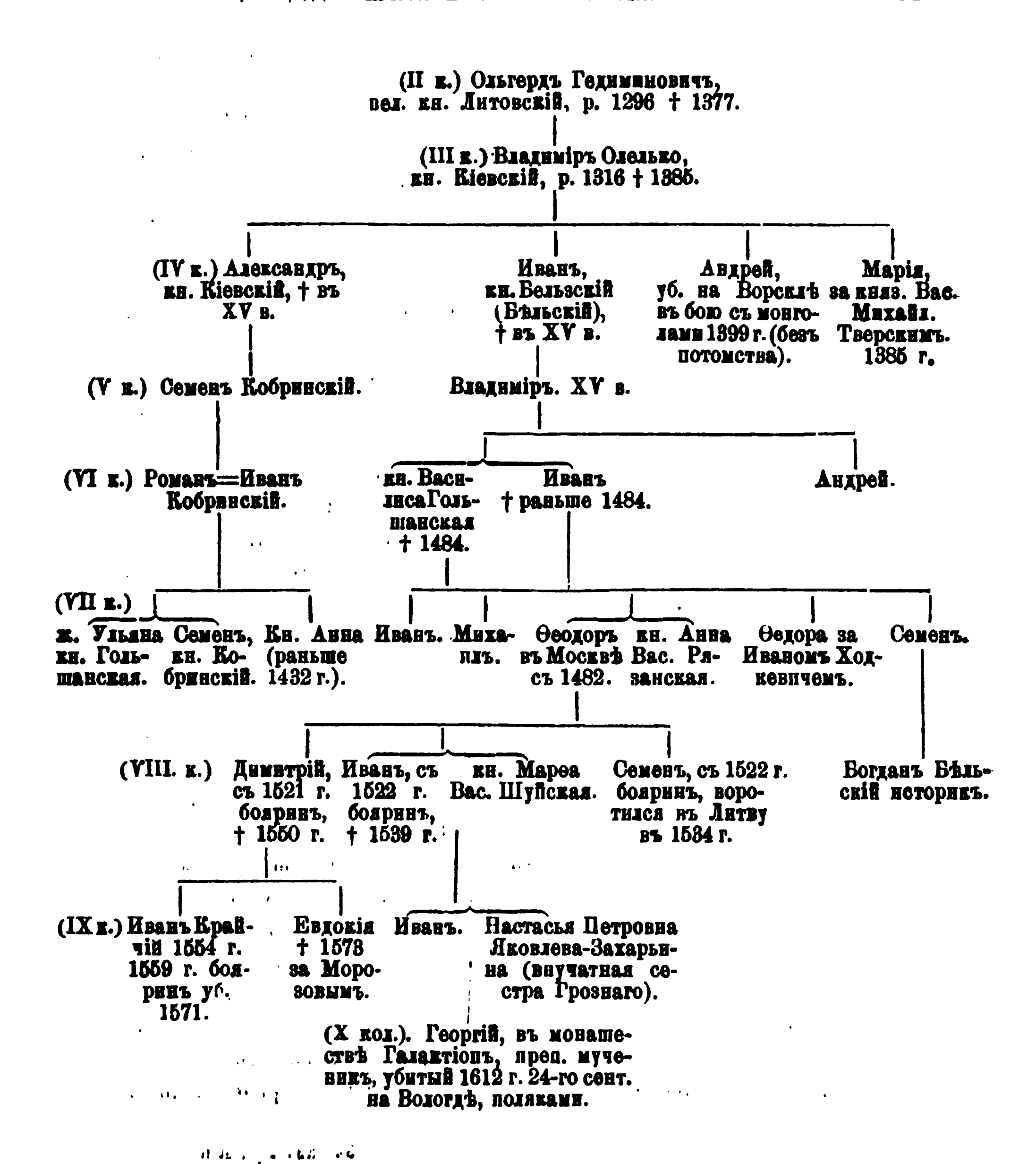
Г. Бонѣцкій, какъ мы выше замѣтили, не обращаетъ вниманія на происхожденіе фамилій и на таблицахъ своихъ не постарался выставить ни годовъ рожденія и смерти, ни количества колѣнъ въ родѣ, указывая лишь два-три поколѣнія въ фамиліи за разбираемое имъ время. Это неудобство отражается и для самого автора книги тѣмъ, что онъ дѣлаетъ промахи на таблицахъ, самъ того не замѣчая,

Родъ князей Бѣльскихъ, хорошо извѣстенъ былъ у насъ на Руси вслѣдствіе переселенія въ Москву, при Иванѣ III, двухъ братьевъ Бѣльскихъ, упоминаемыхъ затѣмъ, какъ при Иванѣ III, такъ и при Василіи, и при Грозномъ. Князья Бѣльскіе были потомки старшаго сына Ольгерда Оледька (Владиміра Ольгердовича), который съ потомствомъ до временъ Грознаго представленъ у г. Бонѣцкаго всего въ пяти колѣнахъ, между тѣмъ какъ мы должны принять, за этотъ періодъ времени семь колѣнъ.

Таблица на стр. 8 книги г. Бонѣцкаго:

По нашему мнѣнію, таблица эта представляетъ пропускъ двухъ колѣнъ непосредственно за родоначальникомъ, да кромѣ того, не показано потомство отъ кн. Ивана Θедоровича, имѣвшаго сына Ивана. Само собою разумѣется, что при первомъ же взглядѣ на время жизни Олелька и на молодость мнимаго внука его, князя Θедора Ивановича Бѣльскаго,—черезъ девяносто семь лѣтъ по смерти якобы дѣда его, обнаруживается невозможность этому вѣрить. Здоровая критика, сопоставляя точную хронологію фактовъ, оказывается поэтому единственною союзницею генеалогіи, выводящею ее на истинный путь. Поэтому хронологіи и должно предоставить первую роль въ опредѣленіи порядка колѣнъ въ родѣ. Положеніе потомства старшаго сына Ольгерда, Олелька, на основаніи показаній самого г. Бонѣцкаго,—которыми онъ однако не воспользовался,—представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

(II к.) Ольгердъ Гедиминовичъ,
вел. кн. Литовскій, р. 1296 † 1377.
(III к.) Владиміръ Олелько,
кн. Кіевскій, р. 1316 † 1385.
(IV к.) Александръ,
кн. Кіевскій, † въ
XV в.
Иванъ,
кн. Бельзскій
(Бѣльскій),
† въ XV в.
Андрей,
уб. на Ворсклѣ
въ бою съ монго-
лами 1399 г. (безъ
потомства).
Марія,
за княз. Вас.
Михайл.
Тверскимъ.
1385 г.
(V к.) Семенъ Кобринскій.
Владиміръ. XV в.
(VI к.) Романъ—Иванъ
Кобринскій.
кн. Васи-
лиса Голь-
шанская
† 1484.
Иванъ
† раньше 1484.
Андрей.
(VII к.)
ж. Ульяна
кн. Голь-
шанская.
Семенъ,
кн. Ко-
бринскій.
Кн. Анна
(раньше
1432 г.).
Иванъ.
Миха-
илъ.
Θеодоръ
въ Москвѣ
съ 1482.
кн. Анна
Вас. Ря-
занская.
Θедора за
Иваномъ Ход-
кевичемъ.
Семенъ.
(VIII. к.)
Димитрій,
съ 1521 г.
бояринъ,
† 1550 г.
Иванъ, съ
1522 г.
бояринъ,
† 1539 г.
кн. Марθа
Вас. Шуйская.
Семенъ, съ 1522 г.
бояринъ, воро-
тился въ Литву
въ 1534 г.
Богданъ Бѣль-
скій историкъ.
(IX к.) Иванъ Край-
чій 1554 г.
1559 г. боя-
ринъ уб.
1571.
Евдокія
† 1578
за Моро-
зовымъ.
Иванъ.
Настасья Петровна
Яковлева-Захарьи-
на (внучатная се-
стра Грознаго).
(X кол.). Георгій, въ монаше-
ствѣ Галактіонъ, преп. муче-
никъ, убитый 1612 г. 24-го сент.
на Вологдѣ, поляками.

Послѣ показанія г. Бонѣцкаго на стр. 7, что у того князя Андрея Владиміровича, котораго князь Семенъ Ив. Кобринскій считалъ своимъ дядею, осталась внучка, намъ дѣлается яснымъ, что одноименныхъ князей Андреевъ Владиміровичей было два: первый—сынъ Олелька, павшій, безъ потомства, въ бою на Ворсклѣ 1399 г., и второй—жившій въ XV вѣкѣ и приходившійся первому двоюроднымъ внукомъ, имѣвшій сына, который умеръ раньше отца, но оставилъ дочь, внучку княжну Ѳеодору, къ коей перешло наслѣдственное имѣніе дѣда, закрѣпленное королевскимъ указомъ (1484 г.) въ родѣ мужа ея, кн. Ивана Семеновича Кобринскаго. Если же доказана двойственность князей Андреевъ Владиміровичей Бѣльскихъ, то ясно, что и Ивановъ Владиміровичей было два: одинъ—сынъ, а другой—правнукъ Олелька. Но г. Бонѣцкій принимаетъ одного сына Олелька Ивана Владиміровича, не замѣчая, вслѣдствіе непроставки годовъ, вопервыхъ, невозможной долготы жизни для одного лица, а вовторыхъ, еще большей невозможности: видѣть у лица, рожденнаго въ половинѣ XIV вѣка, сыновей молодыхъ въ концѣ XV вѣка. Иначе же, какъ молодымъ въ 1482 году, князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго мы признавать не можемъ, если примемъ въ соображеніе факты изъ жизни его самого и его первой жены, оставленной въ Литвѣ при уходѣ его въ Россію. Жена его, княжна Анна С. Кобринская, очевидно, обвѣнчалась съ нимъ незадолго до переселенія его въ Россію и была, очевидно, молода, если нашла втораго себѣ мужа спустя двадцать лѣтъ послѣ изчезновенія перваго. А самъ князь Ѳедоръ Ивановичъ женился на княжнѣ Аннѣ Васильевнѣ Рязанской послѣ 15-лѣтняго пребыванія въ Москвѣ, въ 1496 г., и отъ нея имѣлъ сыновей, родившихся уже въ XVI вѣкѣ. Ясно, что князья Дмитрій, Иванъ и Семенъ Ѳеодоровичи Бѣльскіе могутъ приходиться Владиміру (Олелько) Ольгердовичу (1385 г.) никакъ не внучатами, а только праправнучатами.

Открытіе это есть прямой результатъ данныхъ, сообщенныхъ въ книгѣ г. Бонѣцкаго, но получилось оно никакъ не по винѣ ея составителя, который отнесся безъ всякой критики къ своимъ генеалогическимъ матеріаламъ и пренебрегъ хронологіей въ родословномъ дѣлѣ.

П. Петровъ.

Книжныя новости.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. I (1688—1701). С.-Пб. 1887.—Спѣшимъ заявить о выходѣ въ свѣтъ этого въ высшей степени важнаго изданія, предпринятаго съ Высочайшаго соизволенія въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича, по мысли бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго. Матеріалы для этого изданія были собраны особою коммиссіей, въ которой, подъ предсѣдательствомъ гр. Толстаго, принимали участіе профессора К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. Е. Замысловскій, Н. А. Поповъ и С. М. Соловьевъ, академикъ А. Ѳ. Бычковъ, директоръ Московскаго архива министерства юстиціи Н. В. Калачовъ и хранитель рукописей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ А. Е. Викторовъ. Въ составъ изданія предположено было внести не только всѣ письма, указы и инструкціи Петра Великаго, но и его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ, трактаты и договоры съ иностранными державами, утвержденные его подписью, учебныя его тетради и всякіе другіе документы и бумаги, хотя бы писанные и не самимъ государемъ, но содержащія въ себѣ поправки его рукою. Матеріалы для изданія были извлечены изъ правительственныхъ архивовъ русскихъ, а частью и иностранныхъ, и получены изъ частныхъ собраній. Документы изданы съ обширными примѣчаніями, въ составъ которыхъ внесены и многія отвѣтныя государю письма разныхъ лицъ. Редакція изданія принадлежитъ А. Ѳ. Бычкову. Вышедшій нынѣ первый томъ сборника содержитъ въ себѣ письма и бумаги Петра Великаго за время съ 1688 по 1701 годъ. Онъ украшенъ двумя портретами государя, относящимися къ этому времени, и снабженъ подробнымъ указателемъ. Ограничиваясь пока краткимъ извѣстіемъ объ этомъ драгоцѣнномъ пріобрѣтеніи отечественной науки, надѣемся вскорѣ дать о немъ на страницахъ журнала подробный отчетъ.

Творенія Иннокентія, митрополита Московскаго. Собраны *Иваномъ Барсуковымъ*. Книга 3-я. М. 1888. — Вышедшій нынѣ томъ этого прекраснаго изданія содержитъ въ себѣ извѣстный этнографическій трудъ покойнаго архипастыря; „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла". Изданный первоначально въ 1840 году, онъ понынѣ остается однимъ изъ важнѣйшихъ сочиненій о сѣверовосточной окраинѣ Америки, въ подробности изображающимъ, какъ суровую природу этого края, такъ и полную картину быта его обитателей. Обновить этотъ почтенный трудъ въ памяти современныхъ русскихъ читателей составляетъ почтенную заслугу И. П. Барсукова.

Е. Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ. Томъ I. Губернія Могилевская. Выпускъ 3-й. Сказки. Витебскъ. 1887.—На страницахъ Журн. Мин. Нар. Пр. (1886 г. май) уже разсмотрѣны 1-й и 2-й выпуски I-го тома этого изданія; выпускъ 3-й содержитъ въ себѣ исключительно сказки, которыхъ помѣщено 151; изъ нихъ 27 отнесено собирателемъ къ животному эпосу, 95 сказокъ—къ числу миѳическихъ и 29—къ числу бытовыхъ, сатирическихъ и юмористическихъ; сверхъ того, въ особомъ отдѣлѣ помѣщены розказни (12), докушныя басни

(10), присказки (4), юмористическіе діалоги (8) и писанныя произведенія (7). Содержаніе выпуска дополнено еще приложеніями, куда вошли указатель къ миѳическимъ сказкамъ, списокъ казанниковъ и лицъ записывавшихъ сказки (тѣхъ и другихъ было 84), списокъ сказокъ, записанныхъ лично собирателемъ (число ихъ 100), и перечень мѣстностей, въ коихъ записаны сказки. Въ предисловіи г. Романовъ, перечисливъ весьма ничтожное количество бѣлорусскихъ сказокъ, появившихся до сихъ поръ въ печати, между прочимъ говоритъ: „Затѣмъ я не встрѣчалъ бѣлорусскихъ сказокъ въ другихъ изданіяхъ, и если ихъ дѣйствительно не было, то на мою долю выпала высокая честь изданіемъ настоящаго выпуска положить начало пополненію этого важнаго пробѣла въ русской этнографической литературѣ“. Безъ сомнѣнія, пробѣлъ этотъ ощущался, и честь положить начало его пополненію дѣйствительно принадлежитъ г. Романову, за что̀ этнографическая наука будетъ признательна, какъ ему, такъ и Русскому Географическому обществу, командировавшему г. Романова въ Могилевскую губернію: по его собственнымъ словамъ, настоящій выпускъ, въ главной своей части, есть результатъ этой командировки. Своей поѣздкѣ г. Романовъ посвятилъ 48 дней, въ теченіе коихъ проѣхалъ 770 верстъ и посѣтилъ 26 пунктовъ въ уѣздахъ Могилевскомъ, Быховскомъ, Рогачевскомъ, Чериковскомъ и Климовицкомъ. Матеріалы же изъ другихъ уѣздовъ были собраны имъ раньше. Собиратель встрѣтилъ живое сочувствіе своему дѣлу въ сельскомъ населеніи: „69 лицъ, отъ коихъ записывались сказки и другіе матеріалы, были исключительно крестьяне, неграмотные, уроженцы той мѣстности, гдѣ дѣлалась запись, и по большей части не бывавшіе за предѣлами Могилевской губерніи. На этомъ основаніи“, говоритъ г. Романовъ, — „нахожу возможнымъ утверждать, что находящіяся въ сборникѣ сказки—мѣстнаго происхожденія“. Разказавъ затѣмъ о пріемахъ, употребленныхъ при записываніи сказокъ, г. Романовъ переходитъ къ языку собраннаго имъ матеріала; по его замѣчанію, языкъ этотъ „вмѣщаетъ въ себѣ не всѣ лексическія богатства бѣлорусскаго нарѣчія... „Но“, продолжаетъ онъ, — „грамматическія формы и фонетическія особенности бѣлорусскаго нарѣчія переданы въ сказкахъ съ совершенною точностію, и въ этомъ отношеніи, редакція ихъ, по моему мнѣнію, не оставляетъ пока желать ничего лучшаго“. Далѣе г. Романовъ сообщаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о говорахъ Могилевской губерніи. Здѣсь обстоятельно разсмотрѣны три говора акающей вѣтви бѣлорусскаго нарѣчія: первый — южный, развивающійся на много подговоровъ, изъ которыхъ указываются здѣсь три: переростовскій, озеранскій и друтскій, второй — восточный и, наконецъ, третій—чистый бѣлорусскій. Въ началѣ предисловія г. Романовъ счелъ нужнымъ дать отвѣтъ рецензентамъ первыхъ двухъ выпусковъ его Сборника. Принося благодарность за нѣкоторыя ихъ указанія, онъ въ то же время сѣтуетъ, что „нѣкоторые изъ нихъ, игнорируя предисловіе, ставятъ въ вину собирателю и такіе недостатки, на устраненіе которыхъ онъ не имѣлъ возможности“. Въ числѣ такихъ недостатковъ были указаны, напримѣръ, соединеніе нѣсколькихъ стиховъ въ одну строку, отсутствіе системы въ расположеніи матеріаловъ и даже типографскіе недосмотры. Въ особенности собиратель останавливается „на обвиненіи въ отсутствіи системы при расположеніи матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что на немъ рецензентъ (Журн. Мин. Нар. Просв.) основываетъ предположеніе о допущенной будто бы поспѣшности изда-

нія. Въ опроверженіе этого взгляда г. Романовъ излагаетъ исторію печатанія первыхъ двухъ выпусковъ, которая дѣйствительно выясняетъ случайное распредѣленіе матеріала и устраняетъ предположеніе о поспѣшности, выдвигая вмѣсто нея „образъ дѣйствій, противоположный поспѣшности". Но именно отсутствіе такого объясненія въ предисловіи къ первымъ выпускамъ и подало поводъ къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя были высказаны г. Романову о неудовлетворительномъ расположеніи его матеріала. Эту неудовлетворительность, по видимому, признаетъ теперь и самъ собиратель; а если такъ, то и спорить не о чемъ. Щепетильность г. Романова относительно своихъ рецензентовъ не мѣшаетъ намъ признать трудъ его прекраснымъ и въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу, такъ какъ этотъ первый сборникъ бѣлорусскихъ сказокъ представляетъ собою богатый матеріалъ лингвистическій, заключая въ себѣ особенности того или другаго говора, матеріалъ бытовой, широко открывая своеобразное міросозерцаніе бѣлорусскаго племени съ уцѣлѣвшими остатками миѳовъ, и наконецъ, матеріалъ чисто литературный, указывая на интересное развитіе фабулы, нерѣдко полной истинной поэзіи.

Календарь Вятской губерніи на 1888 годъ. Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Вятка. 1887. — Кромѣ прямаго своего назначенія — служить мѣстною справочною книгой, календарь этотъ имѣетъ и нѣкоторый общій интересъ благодаря преимуществу, данному въ немъ отдѣламъ статистическому и историческому (260 страницъ изъ общаго числа 390). Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ обращаетъ на себя вниманіе статья О. А. Нурминскаго: „Грамотность въ населеніи губерніи", для которой матеріаломъ послужили обыскныя книги за 1880—1882 гг. Добытыя изъ нихъ данныя сопоставляются съ результатами подобной же работы автора надъ книгами 1870—1872 гг., произведенной имъ въ 1875 г. Въ отдѣлѣ историческомъ помѣщены двѣ статьи А. С. Верещагина: „Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ"? и „Откуда почерпнуты и на сколько достовѣрны вообще показанія вятскаго лѣтописца?", въ которыхъ авторъ старается опредѣлить источники указаннаго лѣтописца и подвергаетъ критикѣ его извѣстіе о постройкѣ новгородцами города Хлынова въ 1174 г., вошедшее въ научный оборотъ безъ надлежащей провѣрки. Обѣ статьи указываютъ на близкое знакомство автора съ литературою предмета. Статья А. А. Спицына „Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII ст." служитъ продолженіемъ его статьи „Земля и люди на Вяткѣ въ XVII ст.", помѣщенной въ Вятскомъ календарѣ на 1887 г.; авторъ почерпнулъ матеріалъ изъ изданныхъ при книгѣ „Столѣтіе Вятской губерніи" (Вятка. 1880—1881, три тома) актовъ, частію вновь собранныхъ, частію же перепечатанныхъ изъ другихъ изданій; статья отличается фактическимъ содержаніемъ. Не лишены интереса и остальныя статьи: В. П. Юрьева—„Вятская гимназія въ первые свои восемь лѣтъ (1811—1819 гг.)" и К. В. Лаврентьева—„Слободское городское училище за 100 лѣтъ своего существованія". Изъ первой, между прочимъ, видно, что не въ далекомъ будущемъ долженъ выйдти обстоятельный трудъ А. А. Спицына—историческій очеркъ упомянутой гимназіи за 75-лѣтнее ея существованіе, предпринятый имъ по порученію начальства. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что г. Спицынъ много поработалъ уже для мѣстной исторіи: его „Вятская Старина", „Вотчины Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря" „Исторія рода Рязанцевыхъ" и другія статьи помѣщались въ мѣстныхъ изда-

ніяхъ. Опрятно изданный Вятскій календарь производитъ своимъ содержаніемъ пріятное впечатлѣніе, какъ результатъ совокупныхъ работъ людей, искренно преданныхъ своему дѣлу.

Записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго. Съ двумя портретами. С.-Пб. Изданіе *А. С. Суворина*. 1888.—Записки Кс. Ал. Полеваго не составляютъ собственно ни его автобіографіи, ни мемуаровъ о его времени; авторъ задался мыслью написать разказъ о жизни своего брата, извѣстнаго писателя Николая Ал. Полеваго, и лишь по тѣсной связи собственной своей жизни съ его судьбой говоритъ о себѣ и о событіяхъ своего времени. Но такъ какъ Н. Ал. Полевой занималъ важное положеніе въ литературѣ 1820-хъ—1840-хъ годовъ и былъ въ сношеніяхъ съ разными лицами, то автору записокъ пришлось коснуться многихъ обстоятельствъ этого періода нашего общественнаго и литературнаго развитія. Какъ и слѣдовало ожидать, Кс. Ал. Полевой является горячимъ апологетомъ своего брата и въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣваетъ снять съ него обвиненія, которыя взводились на него современниками. Иногда, однако, желаніе автора выгородить Н. Ал. Полеваго дѣлаетъ его несправедливымъ къ другимъ лицамъ; такъ, напримѣръ, едва ли безпристрастно изображены имъ отношенія Пушкина и князя Вяземскаго къ издателю Московскаго Телеграфа. Во всякомъ случаѣ записки Кс. Ал. Полеваго полны интереса, и нельзя не быть благодарнымъ А. С. Суворину за ихъ изданіе. Оно сдѣлано отчетливо и снабжено портретами обоихъ братьевъ Полевыхъ и указателемъ.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. III. вв. III и IV. Содержаніе: Пѣсня о Худояръ-Ханѣ—*Н. Остроумова*. Посольство Спафарія (переводъ)—*А. Ивановскаго*. Замѣтка о курганахъ Туркестанскаго края — *Н. Веселовскаго*. Грузинскія надписи, найденныя въ Россіи—*А. Цагарели*. Буддійскія молитвы — *И. Минаева*. Списокъ персидскимъ, турецко-татарскимъ и арабскимъ рукописямъ библіотеки Имп. С.-Пб. университета—*К. Залемана*. Кромѣ того, мелкія замѣтки и извѣстія, критика и библіографія, и протоколы Восточнаго отдѣленія.

— Упомянемъ еще нѣсколько любопытныхъ книгъ, о которыхъ надѣемся дать отзывъ въ ближайшихъ нумерахъ журнала:

В. Мочульскій. Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887.

Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе *П. В. Владимірова*. С.-Пб. MDCCCXXXVIII (изданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности).

Крестьянскія пѣсни, записанныя въ селѣ Никольскомъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи *Е. Пальчиковымъ*. Изданіе *А. Е. Пальчикова*. С.-Пб. 1888.

КЪ ВОПРОСУ О ЖЕЛАТЕЛЬНОМЪ ЕДИНООБРАЗІИ ВЪ РУССКОЙ УЧЕБНОЙ ГРАММАТИКѢ.

Читателямъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, безъ сомнѣнія, извѣстно, съ какимъ живымъ интересомъ отнеслись преподаватели русскаго языка къ изданному академикомъ Я. К. Гротомъ „Русскому правописанію", какія оживленныя бесѣды велись по этому предмету между преподавателями нашихъ учебныхъ заведеній. Привести русское правописаніе къ желательному единообразію, конечно, весьма полезно вообще, въ особенности же въ школѣ, и за это говорятъ очень многія и вѣскія педагогическія соображенія. Весьма понятно, почему вопросъ этотъ давно уже занимаетъ педагоговъ. Изданная въ Пруссіи книжечка „Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung" выдержала очень много изданій и сдѣлалась достояніемъ каждаго учащагося юноши-нѣмца не только въ Германіи, но и у насъ въ Россіи—въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Такой успѣхъ книжки, составленной послѣ многихъ преній педагоговъ и филологовъ, безспорно былъ гарантированъ и тѣмъ, что починъ изданія ея исходилъ отъ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія; послѣднимъ она была и издана. „Русское правописаніе" Я. К. Грота, въ составленіи котораго приняли участіе и другіе члены II-го отдѣленія нашей Академіи Наукъ, а въ распространеніи — министерство народнаго просвѣщенія, рекомендовавшее учебникъ, есть явленіе очень аналогичное вышеупомянутымъ нѣмецкимъ „Regeln". Остается только пожелать, чтобы составленное почтеннымъ академикомъ руководство столь же широко распространилось у насъ, какъ нѣмецкое руководство въ Германіи.

Но если желательно въ школѣ единообразіе въ ороографіи, не менѣе желательно въ учебной грамматикѣ единообразіе и въ терминологіи и въ опредѣленіяхъ правильныхъ формъ въ измѣняющихся частяхъ рѣчи. Къ сожалѣнію, на этотъ счетъ у насъ господствуетъ такой произволъ, какого, пожалуй, не было и въ ороографіи до изданія „Русскаго правописанія". Не говоримъ уже о маленькихъ грамматикахъ и грамматичкахъ,—даже въ грамматикахъ съ притязаніями на объемъ и серьезность не разыщешь, какъ отъ словъ: чудовище, существо, благородіе винительный падежъ, сходенъ ли онъ съ родительнымъ или именительнымъ. А вѣдь каждая грамматика отечественнаго языка является для ученика весьма часто не столько учебникомъ, сколько справочною книгой въ вопросахъ болѣе или менѣе темныхъ. Вопросу о терминологіи и опредѣленіи правильныхъ грамматическихъ формъ въ нашей учебной грамматикѣ мы и позволимъ себѣ посвятить нѣсколько страницъ.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что терминологія вообще не должна подвергаться измѣненіямъ и обречена, такъ сказать, на окаменѣніе. Съ большимъ развитіемъ грамматиковѣдѣнія должна развиться и грамматическая терминологія, должны явиться и новые термины, старые же и неудобные могутъ или измѣниться или уступить мѣсто новымъ, болѣе соотвѣтствующимъ тому, что̀ они должны выражать. Поэтому появленіе совершенно новыхъ терминовъ въ ученыхъ изысканіяхъ нашихъ филологовъ также естественно, какъ и въ области всякой другой науки. Но изъ этого едва ли слѣдуетъ, чтобы школьная учебная грамматика также нуждалась въ новыхъ терминахъ, появляющихся только въ ученыхъ изысканіяхъ спеціалистовъ филологовъ; и конечно, школа должна быть крайне осмотрительна въ отношеніи къ новѣйшей терминологіи и не торопиться вводить то, что̀ не есть еще достояніе всеобщее. И такъ уже наша грамматическая терминологія полна разнорѣчій, и безъ новыхъ терминовъ—она обильна; но, къ сожалѣнію, „порядка въ ней нѣтъ"! А между тѣмъ пора бы подумать о ней, разобраться въ ней и установить болѣе точное пониманіе ея. Вопросъ о школьной терминологіи безспорно съ точки зрѣнія педагогической долженъ занимать видное мѣсто; и мы рѣшительно не можемъ согласиться съ высокоуважаемымъ Я. К. Гротомъ, высказавшимъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе по поводу жалобъ на сбивчивость нашей грамматической терминологіи: „Что касается несовершенства нашей грамматической терминологіи, на которое многіе жалуются, то мы не придаемъ ему

особенной важности и находимъ, что всякій терминъ хорошъ, если только съ нимъ соединяется опредѣленное понятіе" [1]). Это, пожалуй, вѣрно въ отношеніи къ одному ученику или къ нѣсколькимъ, если они всѣ называютъ одно и то же однимъ терминомъ, хотя бы и несовсѣмъ удачнымъ. Но не такъ это вѣрно въ томъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ десятками учениковъ, которые одинъ и тотъ же предметъ называютъ каждый по своему. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ мальчика: его приготовляетъ сперва учитель дома, и онъ усвоиваетъ себѣ терминологію одного учебника. Позже, этого мальчика отдаютъ въ школу; здѣсь онъ частью долженъ забыть усвоенную терминологію и связать извѣстныя грамматическія понятія съ совершенно новыми для него названіями, частью остается при старой терминологіи. Но эту школу мальчикъ, по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ, долженъ перемѣнить на другую. При разнообразіи нашей грамматической терминологіи, ему приходится продѣлать и здѣсь то же, чтò и въ первой школѣ, то-есть, забыть нѣкоторые термины, и частью вновь вспомнить забытые имъ въ первой школѣ и усвоить себѣ совершенно новые. Спрашивается: не пропадетъ ли у мальчика просто охота усвоивать себѣ для одного и того же предмета каждый разъ другое названіе на одномъ и томъ же языкѣ, да и не утратитъ ли онъ довѣрія къ наукѣ, въ которой не установилось даже точныхъ наименованій или—чтò одно и то же на языкѣ ученическомъ—„когда и учителя-то сами не знаютъ, какъ называются предметы, ими преподаваемые"? Не говоримъ уже о томъ, что мальчикъ въ одномъ училищѣ могъ слышать со стороны учителя одобреніе того термина, который въ другомъ училищѣ другимъ учителемъ охуждался.

Представимъ себѣ и другую картину. Въ первый классъ гимназіи поступили ученики, подготовлявшіеся дома по самымъ различнымъ учебникамъ: всѣ они привыкли къ извѣстной терминологіи въ области пройденнаго ими по русской грамматикѣ. Одинъ относительно прилагательнаго: „красён-ъ" говоритъ, что оно съ усѣченнымъ окончаніемъ, а полное окончаніе — „красн-ый"; другой именуетъ данную форму краткою, а основную—полною, иной первую—спрягаемою, а вторую — склоняемою, и т. д. Конечно, это должно невыгодно отозваться, какъ на пріемахъ преподаванія, такъ равно и на степени яснаго, отчетливаго усвоенія предмета учащимися.

---

[1]) Филологическія разысканія. Т. II.

Кто не согласится съ тѣмъ, что нигдѣ, пожалуй, не требуется болѣе точнаго и простаго способа опредѣленія, какъ въ школѣ, а излишнее разнообразіе терминологіи, при обстоятельствахъ, нами отмѣченныхъ, только сбиваетъ съ толку ученика; не говоримъ уже, что на усвоеніе этой разнообразной терминологіи ему приходится по пусту затрачивать драгоцѣннѣйшее время, котораго у учениковъ нашихъ гимназій очень немного. Вотъ отчего къ разнообразію нашей грамматической терминологіи не приходится относиться съ тѣмъ хладнокровіемъ, съ какимъ относятся къ ней многіе, и едва ли тутъ можно успокоивать себя тѣмъ, чѣмъ нерѣдко утѣшаютъ другъ друга въ бесѣдахъ шуточныхъ: „назови хоть горшкомъ, да не ставь только въ печку".

Въ желаніи указать на недостатки нашей грамматической терминологіи, мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ у насъ курсахъ грамматики, предназначенныхъ для среднихъ и начальныхъ школъ. Приведенныя мѣста изъ нихъ лучше всего уяснятъ, на сколько страдаетъ наша грамматика отъ „обилія" терминологіи, при отсутствіи „порядка".

Изъ фонетики:

Какимъ именемъ обозначается различіе между согласными: $\frac{б}{п}$, $\frac{г}{к}$, $\frac{д}{т}$, $\frac{ж}{ш}$, $\frac{з}{с}$ и т. д.?

Въ грамматикѣ Колосова [1]) верхніе звуки называются *звучными*, нижніе—*отзвучными*; Я. К. Гротъ [2]) называетъ первые—*голосовыми*, вторые *безголосыми*, Перевлѣсскій [3])—*рѣзкими* и *глухими*, Поливановъ [4])—*мгновенными* и *глухими*; Буслаевъ [5]) и Кирпичниковъ [6])—*средними* и *тонкими*, Говоровъ [7])—*ясными* и *глухими*; есть для этихъ звуковъ также названія: *мягкіе* и

---

[1]) Старославянская грамматика. Варшава. 1882.

[2]) Русское правописаніе. 4-е изд. С.-Пб. 1885.

[3]) Практическая русская грамматика въ 3-хъ частяхъ. Шестое изданіе. 1869.

[4]) Краткій учебникъ русской грамматики. Курсъ 3-хъ первыхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Изд. 8-е. М. 1882. Русская и церковно-славянская этимологія для среднеучебныхъ заведеній. Изд. 6-е. 1879.

[5]) Учебникъ русск. грамматики, сближенной съ церк.-славянскою. Изд. 5-е. 1878.

[6]) Этимологія русск. языка для низшихъ классовъ гимназій. Изд. 20-е. 1885.

[7]) Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русск. языка. 15-е изданіе. 1882.

и твёрдые [1]). Разберитесь-ка въ этой терминологіи! Въ ученіи о звукахъ заслуживаетъ вниманія также дѣленіе звуковъ по органамъ ихъ произношенія.

Изъ ученія о составѣ словъ:

Кромѣ корня, что̀ еще входитъ въ составъ словъ? Что̀ такое суффиксъ и флексія? Предложенные вопросы разрѣшаются нашими грамматиками различно, а нѣкоторыми изъ нихъ и сбивчиво.

Буслаевъ подъ суффиксами разумѣетъ „образующія или производственныя" окончанія, а подъ флексіями — окончанія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Такое же опредѣленіе дается и въ грамматикѣ Кирпичникова. Колосовъ сливаетъ флексіи съ суффиксами и не различаетъ ихъ: „Суффиксы служатъ для образованія отъ даннаго корня различныхъ частей рѣчи или для образованія въ данномъ словѣ различныхъ формъ склоненія и спряженія". Говоровъ подраздѣляетъ окончанія на: „отличительное" (родовое), „относительное" и „производственное". Перевлѣсскій довольно неопредѣленно различаетъ суффиксъ отъ флексіи. У Поливанова въ обѣихъ грамматикахъ по данному вопросу значительная неточность; у него суффиксъ какъ будто раздѣляется отъ родоваго окончанія и какъ будто сливается съ нимъ; терминъ „флексія" не упоминается вовсе.

Очевидно, и въ данномъ случаѣ необходимо позаботиться объ установленіи болѣе точнаго, опредѣленнаго пониманія терминологіи.

Изъ ученія объ отдѣльныхъ частяхъ рѣчи:

Уже выше мы упомянули о разнообразномъ наименованіи двойныхъ окончаній прилагательныхъ. Коснемся теперь обстоятельнѣе этого вопроса.

Колосовъ называетъ окончанія: ый, ая, ое и т. д. полными, ъ, а, о—краткими; такого наименованія придерживаются и Буслаевъ и Поливановъ. Перелѣсскій первыя окончанія называетъ опредѣленными, вторыя—неопредѣленными, Говоровъ, согласно съ Востоковымъ,—склоняемыми и спрягаемыми (въ степени сравнительной, впрочемъ, окончаніе „ѣйшій" называется долгимъ, а „ѣе"—короткимъ), Кирпичниковъ—опредѣленными и неопредѣленными, Ивановъ [2])—полными и усѣченными. Не забудемъ, что есть названія для этихъ же окончаній—„членныя" и „безчленныя".

---

[1]) Напримѣръ, у *Серно-Соловьевича*: Практическая русск. грамм. для нѣмцевъ. 5-е изданіе. 1873.

[2]) Русская грамматика. 16-е изданіе (145 тысяча).

При такомъ разнообразіи, однако, не легко сказать, которые изъ терминовъ отвѣчаютъ болѣе тому, что ими желательно выразить. Тѣмъ легче, намъ думается, нѣкоторые изъ названныхъ терминовъ вовсе удалить изъ учебныхъ грамматикъ и ради единообразія остановиться на чемъ-нибудь одномъ.

Позволимъ себѣ остановиться нѣсколько и на глаголѣ.

а) Большинство поименованныхъ нами учебниковъ по грамматикѣ предлагаетъ узнавать залогъ глагола по значенію, а не по составу. Да и дѣйствительно, не возможно опредѣленно указать на постоянныя примѣты, образующія залогъ, а равно и видъ въ глаголѣ; въ коренныхъ же глаголахъ ихъ и вовсе нѣтъ. Многія изъ грамматикъ и не касаются даже вопроса объ образованіи залоговъ, а прямо опредѣляютъ число ихъ и значеніе, насчитывая пять залоговъ въ русскомъ глаголѣ: дѣйствительный, средній, взаимный, возвратный и страдательный; нѣкоторыя же изъ нихъ (Буслаева, Иванова, Кирпичникова), опредѣляя залоги по значенію [1]), присоединяютъ къ названнымъ пяти залогамъ и общій, значитъ шестой залогъ, узнаваемый и по значенію, и по составу („ся"). Итакъ, сколько залоговъ въ русскомъ глаголѣ? спроситъ учитель ученика.—А по какой грамматикѣ прикажете считать ихъ? отвѣтитъ ученикъ, познакомившійся хоть съ двумя маленькими грамматиками Поливанова и Кирпичникова, по первой—пять, по второй—шесть. Не видимъ ничего хорошаго въ такомъ разногласіи; а вѣдь и его не трудно удалить изъ учебной грамматики.

б) Два вида именуются всегда одними и тѣми же наименованіями: это—однократный и многократный; остальные извѣстны подъ названіями совершеннаго и несовершеннаго, длительнаго и окончательнаго; встрѣчаются и глаголы „продолженные"; изъ грамматики Востокова внесенъ въ нѣкоторые учебники видъ начинательный.

Мы рѣшаемся ограничиться приведенными указаніями, достаточно подтверждающими—полагаемъ—наше мнѣніе о несовершенствѣ, въ нашей учебной грамматикѣ, терминологіи, только страдающей отъ излишняго изобилія названій и ничего не выигрывающей отъ своего кажущагося богатства. Въ отношеніи къ остальнымъ частямъ рѣчи, въ отношеніи къ синтаксическимъ наименованіямъ наши учебныя грам-

---

[1]) Въ грамматикѣ г. Буслаева, впрочемъ, довольно обстоятельно изложено *производство* залоговъ.

матики столь же разнорѣчивы; но указанія, болѣе обстоятельныя, слишкомъ увеличили бы объемъ нашей замѣтки, имѣющей цѣлью лишь вновь поднять старый вопросъ.

Укажемъ теперь на разнорѣчивыя данныя въ ученіи о правильныхъ формахъ частей рѣчи.

Прежде всего, число склоненій въ нашихъ грамматикахъ опредѣляется самыми различными цифрами. Считая такое несогласіе по отношенію къ учебникамъ болѣе крупнымъ для среднихъ классовъ явленіемъ неважнымъ, мы однако не думаемъ, чтобъ это разногласіе было допустимо въ учебникахъ для младшихъ классовъ, ученикамъ которыхъ зачастую суждено бываетъ мѣнять и школы, и учебники, и всякихъ—прошенныхъ и не прошенныхъ—учителей. А вотъ для примѣра дѣленія существительныхъ на склоненія въ нашихъ элементарныхъ руководствахъ.

Кирпичниковъ дѣлитъ существительныя на три склоненія: I: ъ, ь, й, о, е; II: а, я; III: ь (ж. р.) и разносклоняемое: мя (также дитя). Въ грамматикѣ Говорова два склоненія: I: ъ, й, ь, о, е; II: а, я, ь и „разносклоняемое" — „мя". Въ грамматикѣ Иванова три склоненія: I: ъ, й, ь; II: а, я, ь; III: о, е, мя; слѣдовательно, въ основаніе дѣленія принято родовое различіе. Въ грамматикѣ Поливанова четыре склоненія и 5-е—„неравносложныхъ": I: ъ, ь, й; II: о, е; III: а, я; IV: ь (ж. р.). Перевлѣсскій въ I-й части своей грамматики (курсъ элементарный) раздѣляетъ существительныя на три склоненія, основывая такое дѣленіе на родовомъ различіи, при чемъ совершенно не упоминаетъ о словахъ на „мя".

Мы вовсе не намѣрены рѣшать здѣсь вопросъ о томъ, что̀ правильнѣе или удобнѣе имѣть въ виду при дѣленіи существительныхъ на склоненія: сходство ли падежныхъ окончаній, или родовое различіе; считаемъ, однако умѣстнымъ замѣтить, что едва ли возможно руководиться при дѣленіи обоими основаніями вмѣстѣ.

Мы понимаемъ первое склоненіе въ грамматикѣ Говорова (ъ, ь, й о, е); въ основаніе его положено сходство большинства падежныхъ окончаній, но не понимаемъ II-го склоненія (а, я, ь). Или здѣсь родовое дѣленіе? Въ такомъ случаѣ, какъ примирить съ этимъ слѣдующее положеніе, высказанное предъ примѣрами склоненій: „Основаніемъ этому дѣленію склоненій именъ существительныхъ служатъ окончанія косвенныхъ падежей: родительнаго, дательнаго и творительнаго" (стр. 36) Ученикъ, не заучивающій урока наизусть прямо по книгѣ,

а старающійся отчетливо понять изложенное, непремѣнно на листкѣ бумаги начертитъ слѣдующее:

Им. п. а, я, ь
Р. п. ы, и, и
Д. ѣ, и
Тв. ою, ею ью.

Какое богатое сходство нашелъ онъ въ окончаніяхъ, не пройдя еще измѣненія гласныхъ!

Еще разъ позволимъ себѣ замѣтить, что едва ли допустимы въ элементарныхъ руководствахъ такое разногласіе и сбивчивость. Но отъ маловажнаго вопроса о раздѣленіи именъ существительныхъ на склоненія перейдемъ къ болѣе важному, къ опредѣленію падежныхъ формъ въ склоненіяхъ.

Въ отношеніи къ данному вопросу, прежде всего поражаетъ то, какъ различно опредѣляется составителями учебныхъ грамматикъ степень потребности въ знаніяхъ учениками производства не совсѣмъ обычныхъ формъ—уклоненій отъ нормы—по различнымъ причинамъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя грамматики останавливаются на томъ, что существительныя на „мя" съ предыдущею согласною и полугласною въ род. п. мн. ч. принимаютъ окончаніе не „ь", а „ъ"; оставляя въ сторонѣ другія особенности въ склоненіяхъ словъ на „я" въ томъ же падежѣ (змѣ—я, й, свинья—ей, келья, ій и т. д.). Вообще, приводимыя данныя объ уклоненіяхъ очень мало указываютъ, какъ намъ кажется, на тѣ соображенія, коими вызвано внесеніе ихъ въ учебникъ. Но замѣчаніе это, касающееся уже системы педагогическихъ воззрѣній, позволяемъ себѣ занести сюда лишь къ слову.

Перейдемъ къ правильнымъ формамъ склоненія.

На что̀ оканчивается винительный падежъ въ существительныхъ средняго рода, называющихъ одушевленный предметъ: сходенъ ли онъ съ именительнымъ или родительнымъ падежомъ?

Маленькія распространенныя грамматики разрѣшаютъ этотъ вопросъ такъ:

Говоровъ въ „примѣчаніяхъ" за примѣрами склоненій (таблицъ съ окончаніями нѣтъ) словъ муж. и средн. р. говоритъ: „Вин. п. въ именахъ существительныхъ средняго рода постоянно сходенъ съ именительнымъ, а въ именахъ муж. р. сходенъ съ нимъ только въ именахъ собирательныхъ и въ именахъ неодушевленныхъ; въ именахъ же одушевленныхъ предметовъ всегда сходенъ съ родитель-

нымъ". Для того, чтобы воспользоваться этимъ правиломъ, конечно, предстоитъ задача опредѣлить, что̀ значитъ слово: „постоянно".

Въ словарѣ Даля—ученикъ—допустимъ прочтетъ такое истолкованіе: „всегда, безпеременно, неизмѣнно". Такимъ образомъ послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ ученикъ уяснитъ себѣ, что вин. падежъ въ именахъ средн. рода сходенъ всегда съ именит. падежомъ. Но насколько намъ думается, нарѣчіе „постоянно", которое Даль называетъ „словомъ полурусскимъ", можетъ быть понимаемо и въ нѣсколько иномъ значеніи: „по большей части", „обыкновенно". При такомъ пониманіи этого слова (такъ его, кажется, понимаетъ и авторъ учебника), конечно, правило, помѣщенное въ грамматикѣ Говорова, лишено всякаго значенія по своей неопредѣленности.

Въ грамматикѣ Кирпичникова также нѣтъ таблицъ съ обозначеніемъ окончаній; ученики усвоиваютъ окончанія вмѣстѣ съ примѣромъ. Для обозначенія окончаній средняго рода склоняются слова: „слово" и „поле". Примѣры, такимъ образомъ, не объясняютъ ничего въ отношеніи къ именамъ одушевленныхъ предметовъ средняго рода. Но вотъ что̀ находимъ мы у Кирпичникова о винительномъ падежѣ въ параграфѣ, изъясняющемъ „особенности" I-го склоненія „Въ I-мъ склоненіи" (то-есть въ словахъ на ъ, й, ь, о, е) „винительный падежъ именъ предметовъ одушевленныхъ сходенъ въ обоихъ числахъ съ родит. пад.., а именъ предметовъ неодушевленныхъ—съ именительнымъ". Если понимать слово „постоянно" въ значеніи, како даетъ ему Даль, то правило, приведенное въ грамматикѣ Кирпичникова, совершенно противоположно правилу, помѣщенному въ грамматикѣ Говорова.

Въ грамматикѣ Иванова въ таблицѣ окончаній словъ на *о* и *е* въ графѣ винительнаго падежа обоихъ чиселъ читаемъ слѣдующее: „вин. пад. сходенъ съ именительнымъ". Въ правилахъ же для склоненій" въ объясненіяхъ о винительномъ падежѣ читаемъ слѣдующее: „Винительный падежъ единственнаго числа во всѣхъ именахъ средняго рода всегда сходенъ съ именительнымъ безъ различія предметовъ". „Винительный падежъ множественнаго числа всѣхъ родовъ въ именахъ предметовъ неодушевленныхъ сходенъ съ именительнымъ, а въ именахъ предметовъ одушевленныхъ съ родительнымъ". Что̀ же выходитъ? Правила для склоненій, помѣщенныя въ § 39-мъ, уничтожаютъ таблицу склоненій, помѣщенную въ § 38-мъ!

Поливановъ, въ краткомъ своемъ учебникѣ, нигдѣ не указываетъ

опредѣленно на форму винительнаго падежа именъ предметовъ одушевленныхъ средняго рода; но на основаніи соображеній, вытекающихъ изъ примѣровъ склоненія словъ на *о* и *е*, и данныхъ о винительномъ падежѣ существительныхъ мужескаго рода ученикъ можетъ вывести то заключеніе, что винительный падежъ въ именахъ средняго рода всегда въ обоихъ числахъ сходенъ съ падежомъ именительнымъ. Только что сказанное о грамматикѣ Поливанова вполнѣ приложимо и къ I-й части грамматики Перевлѣсскаго.

Итакъ, маленькія грамматики разрѣшаютъ поставленный нами вопросъ различно, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ даютъ противорѣчивыя правила, а нѣкоторыя и вовсе замалчиваютъ его.

Перейдемъ къ грамматикамъ „средняго курса", съ притязаніями на полноту.

Поливановъ въ своей „Русской и церковно-славянской этимологіи", взявъ для примѣровъ склоненія существительныхъ средняго рода имена неодушевленныхъ предметовъ, въ примѣчаніяхъ къ склоненіямъ словъ средняго рода не упоминаетъ вовсе о винительномъ падежѣ. Перевлѣсскій во II-й части своей грамматики въ сравнительной таблицѣ склоненій существительныхъ говоритъ о винительномъ падежѣ словъ средняго рода, какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа, слѣдующее: „винит. пад. сходенъ съ именительнымъ". Буслаевъ въ своемъ учебникѣ [1]), можно сказать, вовсе не затрогиваетъ этого вопроса. Такъ, таблицъ склоненій у него нѣтъ, а въ примѣры существительныхъ средн. рода взяты названія неодушевленныхъ предметовъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ привести о винительномъ падежѣ данныя изъ грамматики Востокова: „Винит. п. въ именахъ одушевленныхъ предметовъ мужскаго рода числа единственнаго и всѣхъ трехъ родовъ числа множественнаго сходенъ съ родительнымъ, въ именахъ же неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ—съ именительнымъ". И въ примѣчаніи: „Правило о сходствѣ винит. падежа съ именительнымъ распространяется на предметы одушевленные или духовные, когда имъ придается имя, служащее собственно къ означенію отвлеченнаго предмета. Таковы имена существительныя средняго рода, кончающіяся на ство, аніе, еніе, напримѣръ: божество, созданіе, существо, также лицо и отродіе, которыя во всякомъ случаѣ имѣютъ винит. п., подобный именительному" (изд. 1856 г.). Можетъ быть,

[1]) „Исторической грамматики" почтеннаго профессора мы не имѣемъ въ виду.

Востоковъ и не правъ; но право, такая опредѣленность и предусмотрительность заслуживаютъ полнаго вниманія, и за это честь и слава нашимъ старымъ, добрымъ учителямъ!

Отъ существительнаго перейдемъ къ прилагательному.

Имѣетъ ли русское прилагательное особенныя окончанія для производства степеней сравнительной и превосходной, и какія?

Въ разрѣшеніи предложеннаго вопроса цитуемыя нами грамматики также расходятся.

Большинство изъ нихъ окончанія $\frac{\text{ѣ}}{\text{а}}$йшій и $\frac{\text{ѣе}}{\text{е}}$ называютъ окончаніями сравнительной степени, при чемъ указываютъ, что сравнительная степень съ окончаніями $\frac{\text{ѣ}}{\text{а}}$йшій употребляется также и въ значеніи превосходной степеии. Превосходную же степень образуютъ эти грамматики описательно при помощи приставокъ, мѣстоименій и нарѣчій, прилагаемыхъ къ сравнительной или положительной степени съ полнымъ окончаніемъ ($\frac{\text{ой, ый}}{\text{і}}$, $\frac{\text{ѣ}}{\text{а}}$йшій) ой. Нѣкоторые изъ названныхъ выше учебниковъ окончанія $\frac{\text{ѣ}}{\text{а}}$йшій называютъ окончаніями превосходной степени, а сравнительную степень надѣляютъ только окончаніями $\frac{\text{ѣе}}{\text{е}}$. Такимъ образомъ маленькому ученику, при поверхностномъ его знакомствѣ хотя бы съ двумя маленькими учебниками, можетъ легко показаться, что даже и составители грамматикъ не знаютъ отчетливо производства степеней сравненія! Выводъ, конечно дѣтскій и смѣшной, — но зачѣмъ же давать поводы къ такого рода умозаключеніямъ?

Да не подумаетъ читатель, что мы выбрали все сполна, чтò можетъ подтвердить высказанное раньше замѣчаніе о путаницѣ, существующей въ нашей учебной грамматикѣ. Матеріалъ для выписокъ остался еще очень обильный. Но мы полагаемъ, что и выписаннаго достаточно для уясненія поднятаго нами вопроса, притомъ вопроса далеко не поваго. Имѣя въ виду живое участіе нашей Академіи Наукъ къ школьному дѣлу, сказавшееся за послѣднее время въ попыткахъ привести въ нашихъ школахъ правописаніе къ „желательному единообразію", а равно ожидая многихъ добрыхъ результатовъ отъ собраній преподавателей русскаго языка, посвящаемыхъ обсужденію спеціально школьныхъ вопросовъ по преподаванію этого предмета, мы и позволили себѣ столь подробно напомнить о вопросѣ, давно уже назрѣвшемъ

Будемъ считать нашу замѣтку вполнѣ достигнувшею цѣли, если она обратитъ на поднятый вопросъ вниманіе лицъ, заинтересованныхъ судьбою русскаго языка въ русскихъ школахъ и способныхъ

возвысить авторитетный голосъ за желательное единообразіе въ русской учебной грамматикѣ. Позволимъ себѣ высказать увѣренность, что при болѣе или менѣе коллегіальномъ способѣ обсужденія поднятый нами вопросъ можетъ быть рѣшенъ безъ особыхъ затрудненій: установить единообразіе въ терминологіи и формулировкѣ основныхъ положеній школьной грамматики едва ли труднѣе, чѣмъ ввести „единообразное“ правописаніе.

В. Богдановъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

I.

Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ [1]).

Нынѣшній годъ былъ годомъ великихъ утратъ для Академіи: 30-го мая скончался академикъ Стефани, а 17-го декабря послѣдовалъ за нимъ въ могилу академикъ Видеманъ. Такъ, на разстояніи съ небольшимъ полугодія, не стало среди насъ двухъ знаменитыхъ представителей науки. Оба они многочисленными и важными, совершенными въ теченіе долгой жизни, трудами заняли такое высокое положеніе въ ученомъ свѣтѣ, что смерть ихъ должна оставить между нами надолго пустоту. И когда разставаніе съ дорогими для насъ товарищами, внушавшими къ себѣ глубокое уваженіе, какъ люди чести и добра, наполняло насъ чувствами горькой скорби, то утѣшеніемъ намъ служило справедливое сознаніе, что они оставили намъ, послѣ себя, въ наслѣдіе свою добрую славу и блестящія въ наукѣ имена, которыя останутся навсегда украшеніемъ лѣтописей нашей Академіи.

Лудольфъ Эдуардовичъ Стефани родился 17-го (29-го) марта 1816 года, въ селеніи Бейха, близъ Лейпцига, и получилъ образованіе сперва въ гимназіи въ Гриммѣ, а затѣмъ въ Лейпцигскомъ

[1]) Читанъ непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ *К. С. Веселовскимъ*, въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1887 г.

университетѣ. Избравъ, съ ранней молодости, своею спеціальностью—классическую археологію, онъ, къ своему счастью, столь же рано сознаъ, что занятіе этою наукою, безъ основательнаго знанія языковъ и литературы Греціи и Рима, никогда не могутъ идти далѣе дилеттантизма. Поэтому, первые годы своего пребыванія въ университетѣ онъ посвятилъ исключительно изученію классической филологіи. При своей даровитости и невсегда соединяющемся съ нею трудолюбіи, онъ, подъ руководствомъ и вліяніемъ такихъ наставниковъ, какъ знаменитый praeceptor Germaniae—Готфридъ Германъ—для греческой филологіи, Гауптъ—для латинской, Адольфъ Беккеръ—для древностей, такъ быстро развился въ зрѣлаго ученаго, что съ первой же работы, съ которою онъ явился въ свѣтъ („Борьба Ѳезея съ Минотавромъ", 1842), обратилъ на себя общее вниманіе въ ученыхъ кругахъ. Совершенное имъ, вслѣдъ затѣмъ, четырехлѣтнее путешествіе по странамъ, гдѣ процвѣтало въ древности искусство, по Италіи, Греціи и нѣкоторымъ частямъ Малой Азіи, не только доставило ему обильную жатву наблюденій, надписей, рисунковъ и пр., но и подготовило, такъ-сказать, успѣхъ его послѣдующихъ работъ, развивъ въ немъ столь важное для археолога тонкое пониманіе той связи, какую проявленія искусства всегда имѣютъ съ окружающею ихъ природою. Изданные имъ тогда отчеты объ этомъ путешествіи и нѣкоторыя другія сочиненія успѣли создать ему весьма блестящую извѣстность. Въ то время, какъ онъ, вернувшись изъ своихъ странствованій (осенью 1845 г.), занялъ въ Лейпцигскомъ университетѣ мѣсто доцента, наша Академія, находившаяся тогда уже нѣсколько лѣтъ безъ археолога—за смертью въ 1838 г. Келера, искала для себя достойнаго представителя этой науки, и получивъ, чрезъ академика Дорна, извѣстіе о восторженныхъ отзывахъ Готфрида Германа о молодомъ ученомъ, стала помышлять о привлеченіи его въ свою среду. Между тѣмъ, извѣстность Стефани не ускользнула отъ вниманія и Дерптскаго университета, который, послѣ ухода изъ него знаменитаго Преллера, также помышлялъ о пріобрѣтеніи для себя достойнаго ему преемника. Представленіе университета о Стефани только нѣсколькими днями упредило собою ходатайство о немъ же Академіи. Такимъ образомъ случилось, что когда Стефани сообщилъ Академіи о готовности своей занять въ ней мѣсто предпочтительно передъ переселеніемъ въ Дерптъ, избраніе его на каѳедру археологіи въ университетѣ уже было утверждено графомъ С. С. Уваровымъ, который, весьма естественно, призналъ неудобнымъ такъ скоро

отмѣнить данное имъ однажды разрѣшеніе, и предложилъ Академіи повременить переводомъ Стефани изъ Дерпта въ Петербургъ. Такимъ образомъ окончательное вступленіе его въ Академію стало только вопросомъ времени, и можно сказать, что уже съ той поры Академія считала его какъ бы принадлежащимъ къ ея составу, и возложивъ на него тогда же порученіе—разобрать и обработать къ печати массу оставшихся послѣ смерти Келера рукописныхъ трудовъ его, тѣмъ какъ бы признала его преемникомъ Келера и дѣятельнымъ своимъ сотрудникомъ. А масса оказавшихся въ посмертныхъ бумагахъ Келера, еще не напечатанныхъ трудовъ его по классической археологіи—была огромная; издать же въ свѣтъ чужіе посмертные труды, старательно приготовивъ для печати многое еще не приведенное въ порядокъ и не окончательно обработанное самимъ авторомъ,— значитъ принести не маловажную жертву наукѣ. И такую жертву, съ полною добросовѣстностью и удивительнымъ самоотреченіемъ— принесъ Стефани, своимъ образцовымъ изданіемъ, съ 1850 по 1853 гг., шести большихъ томовъ сочиненій Келера по классической археологіи. Со вступленія Стефани, въ 1850 г., въ Академію и съ назначеніемъ его въ то же время директоромъ нашего археологическаго музея, а въ слѣдующемъ затѣмъ 1851 году—ученымъ хранителемъ Греческихъ и Римскихъ древностей въ только что оконченномъ постройкою новомъ императорскомъ эрмитажѣ—начинается его изумительная по принесеннымъ ею плодамъ, неустанная дѣятельность по изслѣдованію древняго искусства и въ особенности—по изученію многочисленныхъ и въ высшей степени важныхъ памятниковъ его, открываемыхъ раскопками въ нынѣшнихъ предѣлахъ Россіи. Изъ всего круга предметовъ, обнимаемыхъ археологіею, какъ наукою о вещественныхъ памятникахъ древности, избравъ исключительно спеціальностью своей экзегетики—произведенія пластическихъ искусствъ, Стефани являлъ собою счастливое и рѣдкое сочетаніе тѣхъ условій, при которыхъ труды по этой части только и могутъ быть плодотворны: тонкое эстетическое чувство, хорошее знакомство съ технической стороной этихъ искусствъ, изученіе собственными глазами тѣхъ странъ, гдѣ они въ древности процвѣтали; и наконецъ основательное знаніе обоихъ классическихъ языковъ и литературъ, такъ какъ самые памятники древности, при всей ихъ для насъ занимательности, безмолвствуютъ о своей исторіи, и объясненіе всего ихъ значенія въ связи съ бытомъ народнымъ возможно только путемъ внимательнаго изученія дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ. Совокупностью

такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ обезпечено за трудами Стефани прочное значеніе ихъ въ наукѣ. Какіе бы успѣхи ни сдѣлала археологія въ будущемъ,—работы нашего покойнаго сочлена навсегда останутся образцами остроумной и осмотрительной критики, ширины общихъ взглядовъ и выводовъ столько же, сколько изящества изложенія. Многочисленность и объемистость ихъ не удивятъ никого, кто зналъ, какъ Стефани любилъ работу съ исключительностью страсти, отказавшись навсегда отъ всякихъ развлеченій и даже отъ всякихъ знакомствъ, на которыя у иныхъ идетъ не мало времени. Для него жить—значило работать, по правилу nulla dies sine linea. Каждое изъ заглавій, въ длинномъ спискѣ его сочиненій, напоминаетъ собою столько же обширныя по объему, сколько интересныя по содержанію, изслѣдованія, существенно обогатившія науку о древностяхъ. Упомяну только о его „Parerga archaeologica“ объ „Аполлонѣ Боэдроміосѣ“, о „Нимбѣ и лучезарномъ вѣнцѣ въ произведеніяхъ древняго искусства“, объ „Отдыхающемъ Ираклѣ по рельефу Villa Albani“, о „Бореѣ и Бореадахъ“, о „Кормленіи змѣй въ Орфическихъ таинствахъ“, о „Подложныхъ именахъ древне-классическихъ художниковъ на рѣзныхъ камняхъ“, о „Собраніи антиковъ Павловскаго Дворца“, о „Древностяхъ Босфора Кимерійскаго“, и въ особенности о 21 томѣ отчетовъ императорской археологической коммиссіи, въ которыхъ перу Стефани принадлежитъ объясненіе всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ предметовъ классической древности, открытыхъ въ почвѣ Россіи раскопками послѣднихъ 30 или 40 лѣтъ. Какъ ни кратко время, отмѣренное мнѣ для настоящаго чтенія, не могу, однако, не сказать двухъ словъ о Стефани, какъ о человѣкѣ. Его мало знали даже и тѣ, которые съ нимъ часто встрѣчались. Немногіе могли вполнѣ оцѣнить всѣ прекрасныя качества его души, все благородство его характера. Заключивъ всю свою жизнь въ стѣнахъ кабинета, проводя все свое время съ современниками Праксителя, Фидіаса, Павзанія, онъ не чувствовалъ потребности въ общеніи съ живыми людьми. Въ сердцѣ его не было струнъ, которыя бы звучали отъ прикосновенія къ нимъ современности. Но это не было у него дѣломъ мизантропіи; онъ никогда бы не могъ понять французскаго моралиста, сказавшаго, что тотъ не любилъ людей въ 20 лѣтъ, кто въ 40 лѣтъ не презираетъ ихъ немножко. Нѣтъ, Стефани любилъ человѣчество, но любилъ по-своему—на разстояніи, изъ того отдаленія, которое отдѣляетъ нашъ вѣкъ отъ временъ Перикла и Аспазіи. А отдавать всю свою жизнь служенію наукѣ, то-есть, вы-

работкѣ истинъ, которыя всецѣло обращаются на пользу человѣчества, не значитъ ли это также любить своихъ ближнихъ? Стефани вѣрилъ въ науку, вѣрилъ и въ себя, въ долговѣчность того ученаго дѣла, на совершеніе котораго онъ употребилъ свое существованіе на землѣ. О томъ, какъ онъ любилъ это дѣло, онъ самъ далъ намъ осязательное свидѣтельство: въ послѣдніе годы, когда разстроенное здоровье указало, что ученое поприще его кончено,—онъ старательно собралъ по экземпляру всѣхъ, когда-либо изданныхъ имъ сочиненій, любовно одѣлъ ихъ въ изящные переплеты, наполнилъ ими особый, не малой величины, красивый шкафъ, и въ предсмертномъ своемъ распоряженіи завѣщалъ его Академіи, съ тѣмъ, чтобы онъ сохранялся въ музеѣ классической археологіи. И Академія свято исполнитъ этотъ завѣтъ, вспоминая съ признательностью, что благодаря трудамъ Стефани она заняла не послѣднее мѣсто въ ряду учрежденій, много способствовавшихъ въ наше время болѣе глубокому, чѣмъ было дотолѣ, пониманію античнаго міра.

Невознаградимою утратою для другой отрасли наукъ была кончина Видемана. Чтобы измѣрить громадность этой потери, стоитъ только вспомнить все то, что имъ было сдѣлано для филологіи, и какое, всѣми признанное и никѣмъ не оспориваемое значеніе имѣлъ его голосъ во всѣхъ вопросахъ той отрасли языкознанія, которой онъ себя посвятилъ. Сходя въ могилу уже отягченный годами, онъ—не смотря на свою, по истинѣ, необычайную скромность, могъ съ полнымъ правомъ сказать, что исполнилъ здѣсь долгъ человѣка и ученаго такъ, какъ не всякому удается.

Фердинандъ Ивановичъ Видеманъ родился 18-го марта 1805 г. въ Гапсалѣ, изучалъ въ Дерптскомъ университетѣ юриспруденцію и древніе языки, и въ продолженіе 27-ми лѣтъ (1830—1857 гг.) занималъ должность учителя сперва въ Митавской, а потомъ въ Ревельской гимназіяхъ. Но, при рано пробудившейся въ немъ наклонности къ самостоятельнымъ ученымъ изслѣдованіямъ, педагогическія занятія, какъ бы они ни были добросовѣстны, не могли одни удовлетворить всѣхъ потребностей его дѣятельнаго и пытливаго ума.—Основательнымъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ хорошо приготовленный къ филологическимъ трудамъ, онъ тогда же избралъ предметомъ своихъ любимыхъ занятій изученіе еще недостаточно изслѣдованной ученымъ образомъ семьи финскихъ языковъ. Первый же опытъ, съ которымъ онъ, въ 1847 году, выступилъ на ученое поприще— „Опытъ грамматики зырянскаго языка“ — показалъ, что онъ вѣрно

угадалъ свое призваніе. Когда вслѣдъ затѣмъ, еще въ томъ же году, вышла его „Грамматика черемисскаго языка", а четыре года спустя— его „Грамматика вотяцкаго языка", то ясно стало, что Видеманъ былъ рожденъ—сдѣлаться лингвистомъ.—Эти труды, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, которые онъ издалъ въ то время, не могли не обратить на себя вниманіе Академіи, когда ей, послѣ смерти Шегрена, предстояло избрать достойнаго преемника ему и продолжателя трудовъ этого основателя у насъ финской діалектологіи. Какъ ни велики были надежды, возлагавшіяся на него Академіею, но Видеманъ, вступивъ въ нее въ 1857 году, еще превзошелъ ихъ — тою изумительною производительностью, въ какой выразилась его ученая дѣятельность съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ возможность на ней одной сосредоточить свои занятія. Одинъ за другимъ, въ быстрой послѣдовательности, появлялись его труды, составившіе собою эпоху въ наукѣ: „Грамматика и словарь языка ливовъ" (1861), „Опытъ о верро-эстскомъ нарѣчіи" (1864), „Грамматика эрзо-мордовскаго языка" (1865), „Эстско-нѣмецкій словарь" (1869), „О народности и языкѣ нынѣ вымершихъ въ Курляндіи кревиновъ" (1871), „Грамматика эстскаго языка въ разныхъ его нарѣчіяхъ" (1875), и много другихъ. Работая всегда на основаніи богатыхъ, старательно собранныхъ и критически очищенныхъ матеріаловъ, и прилагая къ нимъ строгій философскій методъ современной лингвистики, онъ сумѣлъ придавать своимъ трудамъ ту законченность, которою обезпечивается за ними навсегда высокое значеніе въ наукѣ. И не одному сравнительному языкознанію оказалъ Видеманъ незабвенныя услуги; обогащена его трудами также и этнографія многочисленныхъ финскихъ племенъ, раскинувшихся на огромныхъ пространствахъ сѣвера и востока Россіи. Самое глубокое уваженіе внушалъ къ себѣ Видеманъ, какъ ученый, — повсемѣстно, вблизи и издалека; но еще большее, если можно, уваженіе питалъ къ нему всякій, кто имѣлъ счастье узнать его какъ человѣка. То, что могъ бы я теперь, въ бѣглыхъ словахъ и какъ бы только мимоходомъ, сказать объ этой сторонѣ его личности, было бы и блѣдно и недостойно ея. А тема эта могла бы быть благодарна, и тѣнь Видемана ожидаетъ, и конечно — дождется такого себѣ литературнаго памятника, который передалъ бы потомству, рядомъ съ должною оцѣнкою его ученыхъ заслугъ, и вѣрное изображеніе этой высоконравственной и свѣтлой личности.

Скорбный списокъ нашихъ утратъ не кончается этими двумя академиками. Изъ числа внѣшнихъ членовъ Академіи, въ теченіе

года скончались: нашъ почетный членъ — генералъ-адъютантъ Сам. Алекс. Грейгъ и члены-корреспонденты: по разряду физическихъ наукъ—Кирхгофъ, обезсмертившій себя изобрѣтеніемъ спектральнаго анализа; по разряду біологическихъ наукъ профессоръ Левъ Семен. Ценковскій и членъ французскаго института Вюльпіанъ; по разряду историко-политическихъ наукъ — Томасъ въ Мюнхенѣ и Гутшмидтъ въ Тюбингенѣ; по классической филологіи Генценъ; по восточной словесности—Штенцлеръ въ Бреславлѣ, и по разряду лингвистики—Поттъ въ Галле.

Приступая къ обзору ученыхъ трудовъ за истекающій годъ, мы имѣемъ счастье заявить, съ чувствомъ благоговѣйной признательности о новомъ знакѣ Монаршаго покровительства наукѣ и милостиваго благоволенія къ Академіи. Съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, Государю Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было назначить въ распоряженіе Академіи 25,000 руб. на изданіе описанія путешествія Н. М. Пржевальскаго по Средней Азіи. Такимъ образомъ, щедротамъ Его Высочества ученый міръ будетъ обязанъ появленіемъ въ свѣтъ научныхъ результатовъ, достигнутыхъ четырехкратными экспедиціями знаменитаго русскаго путешественника. Устроенная нашимъ зоологическимъ музеемъ, въ началѣ нынѣшняго года, выставка вывезенныхъ г. Пржевальскимъ изъ Азіи предметовъ естественной исторіи, поражавшая посѣтителей своею громадностью, была какъ бы нагляднымъ итогомъ огромнаго числа матеріаловъ, требующихъ теперь систематическаго разбора, внимательнаго изученія и наконецъ—надлежащаго изданія всего того, что, вслѣдствіе такой обработки, окажется чистою прибылью для современной науки. Чѣмъ драгоцѣннѣе являлись эти матеріалы, тѣмъ съ большимъ воодушевленіемъ начата въ Академіи ученая ихъ разработка цѣлою коммиссіею спеціалистовъ, между которыми распредѣлена эта работа соотвѣтственно разнородности самыхъ коллекцій.

Рядомъ съ тѣмъ, другимъ предметомъ заботъ Академіи была обработка наблюденій и коллекцій, привезенныхъ докторомъ А. Бунге и барономъ Толемъ изъ Пріянскаго края и съ Новосибирскихъ острововъ. Въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ приступить къ изданію въ свѣтъ столь нетерпѣливо ожидаемыхъ результатовъ нашей полярной экспедиціи, напечатаны въ нынѣшнемъ году [1])—предварительные отчеты о ней путешественниковъ, исправленная

[1]) Въ сборникѣ: Beiträge zur Kenntniss des russ. Reichs.

ими карта Новосибирскихъ островов и сдѣланныя ими метеорологическія наблюденія.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ нашемъ было сообщено объ обязанности, возложенной на Академію посмертною волею преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) по изданію въ свѣтъ его сочиненій и біографіи. Интересующіеся этимъ дѣломъ узнаютъ съ удовольствіемъ, что, подъ руководствомъ академиковъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Куника, вся огромная масса полученныхъ нами по завѣщанію Порфирія бумагъ, рукописей, рисунковъ и проч. старательно разобрана, и помощникомъ библіотекаря П. А. Сырку составлено обстоятельное ихъ описаніе, которое теперь печатается, для ознакомленія ученыхъ съ составомъ и значеніемъ этихъ важныхъ документовъ.

Перехожу къ обзору работъ, занимавшихъ въ теченіе года физико-математическое отдѣленіе Академіи.

Изслѣдованія нашихъ математиковъ доставили и въ нынѣшнемъ году нѣсколько новыхъ обогащеній науки.

Академикъ П. Л. Чебышевъ показалъ, какъ, при помощи теоремы относительно интеграловъ, доказанной имъ въ прошлогоднемъ его мемуарѣ, получается теорема относительно вѣроятностей, которая—въ приложеніи къ опредѣленію благонадежнѣйшихъ величинъ неизвѣстныхъ, на основаніи большаго числа уравненій, заключающихъ случайныя, болѣе или менѣе значительныя погрѣшности, — приводитъ къ способу наименьшихъ квадратовъ.

Академикъ В. Г. Имшенецкій далъ простой и общій способъ нахожденія раціональныхъ дробныхъ частныхъ интеграловъ линейныхъ уравненій съ раціональными коефиціентами и тѣмъ рѣшилъ весьма важную, въ теоріи интеграловъ линейныхъ уравненій задачу, которую впервые, но безуспѣшно, пытался рѣшить почти за полстолѣтіе предъ симъ знаменитый Ліувиль, но которая, вѣроятно по трудности своей, оставалась и до сихъ поръ безъ надлежащаго рѣшенія.

Адъюнктъ А. А. Марковъ сообщилъ Академіи о ходѣ работы, предпринятой имъ еще въ 1885 году съ цѣлью составленія, для значеній интеграла $\int_x^\infty e^{-t^2} dt$, таблицу, которая будетъ отличаться отъ извѣстной таблицы Крампа не только большею точностью, но и тѣмъ, что разность между послѣдовательными значеніями x будетъ въ ней въ десять разъ меньше, чѣмъ въ таблицѣ Крампа.

Наконецъ, наши записки украсились новымъ интереснымъ изслѣ-

дованіемъ почтеннаго профессора Д. К. Бобылева о движеніи поверхности, прикасающейся къ другой, неподвижной.

По астрономіи, академикъ О. В. Струве напечаталъ извѣстіе о сдѣланномъ имъ, за 36 лѣтъ предъ симъ, наблюденіи одного туманнаго пятна въ созвѣздіи Оріона, а академикъ О. А. Баклундъ частью уже напечаталъ, а частью приготовилъ для дальнѣйшаго обнародованія свои изслѣдованія о каталогѣ звѣздъ, изданномъ въ 1886 году Пулковскою обсерваторіею. Здѣсь плодомъ многолѣтней и тщательной работы нашего астронома явилось рѣшеніе весьма важнаго для науки вопроса о томъ, какое отношеніе имѣютъ напечатанныя (въ VIII томѣ „Observations de Poulkova") наблюденія меридіаннымъ кругомъ—къ каталогу Пулковскихъ фундаментальныхъ звѣздъ, а равно и къ другимъ извѣстнымъ звѣздныхъ каталогамъ. Въ числѣ результатовъ этого изслѣдованія особеннаго вниманія заслуживаетъ открытіе значительныхъ систематическихъ погрѣшностей въ опредѣленныхъ Пулковскимъ меридіаннымъ кругомъ склоненій, — погрѣшностей, доходящихъ до цѣлой секунды въ дугѣ и заключающихся не только въ наблюденіяхъ 1840—1869 годовъ, но и въ произведенныхъ г. Ромбергомъ въ 1874—1881 годахъ. Предстояло доискаться причинъ подобной аномаліи въ показаніяхъ такого первокласснаго инструмента, какъ меридіанный кругъ, и г. Баклунду удалось доказать, что такою причиною служило—съ одной стороны—недостаточная оцѣнка гнутія, а съ другой — принятіе погрѣшности дѣленій круга — ошибочно съ противоположнымъ знакомъ,—и такимъ образомъ—указать средство для надлежащаго исправленія ошибочныхъ склоненій, напечатанныхъ въ VI и VII томахъ Пулковскихъ наблюденій.

Кромѣ этой работы, г. Баклундъ напечаталъ, въ Парижскомъ Bulletin astronomique, первую часть своихъ изслѣдованій о теоріи спутниковъ Юпитера; а наблюдатель Дерптской обсерваторіи Л. О. Струве помѣстилъ, въ нашихъ мемуарахъ, свою диссертацію объ опредѣленіи постоянныхъ величинъ предваренія равноденствій и собственнаго движенія солнечной системы.

Предметомъ записки нашего многоуважаемаго члена-корреспондента І. И. Стебницкаго служитъ фигура земли. Представленное здѣсь изложеніе современныхъ результатовъ геодезическихъ измѣреній и ихъ несогласія съ астрономическими опредѣленіями долготъ и широтъ ведетъ къ заключенію о тѣхъ затрудненіяхъ, съ какими сопряжено опредѣленіе точной фигуры геоида. Посредствомъ своихъ извѣстныхъ наблюденій надъ маятникомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа, ва-

торъ—опровергая мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ — доказалъ необходимость—при опредѣленіи этой фигуры—принимать во вниманіе притяженіе материковъ, и въ заключеніе—указываетъ тѣ задачи, которыя предстоитъ разрѣшить при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ фигуры земли.

Академикъ Г. И. Вильдъ, поставивъ себѣ задачею придать абсолютнымъ опредѣленіемъ элементовъ земнаго магнетизма большую степень точности, предложилъ, въ устройствѣ магнитнаго однонитнаго теодолита, такія усовершенствованія, что построенный по его мысли новый инструментъ этого рода далъ возможность, въ произведенныхъ помощью его, лѣтомъ нынѣшняго года, наблюденіяхъ—достигнуть, относительно опредѣленія абсолютной горизонтальной напряженности земнаго магнетизма, результатовъ въ 4 раза болѣе точныхъ, чѣмъ было возможно доселѣ. Вслѣдствіе такого успѣха, превзошедшаго даже ожиданія самого изобрѣтателя, явилась надобность въ увеличеніи чувствительности и варіаціонныхъ аппаратовъ.

Въ то же время г. Вильдъ, продолжая свои фотометрическія изслѣдованія, устроилъ новый поляризаціонный фотометръ, примѣнимый для техническихъ цѣлей. Этотъ снарядъ, какъ оказалось изъ произведенныхъ имъ измѣреній свѣта отъ разныхъ источниковъ, представляетъ собою преимущества не только большей удобности при употребленіи его, и большей точности, но въ особенности—гораздо большей благонадежности при сравненіи между собою не вполнѣ равноцвѣтныхъ источниковъ свѣта, какъ, напримѣръ, свѣта одной свѣчи—съ газовою лампою, силою въ 200 свѣчей.

Дѣятельность главной физической обсерваторіи, становящейся все болѣе и болѣе центромъ ученыхъ работъ по метеорологіи въ нашемъ отечествѣ, продолжала развиваться съ неослабнымъ успѣхомъ, который по всей справедливости долженъ быть отнесенъ какъ къ счастливой постановкѣ всего дѣла со стороны дирекціи этого учрежденія, такъ и къ тому воодушевленію, съ какимъ всѣ служащіе при обсерваторіи относятся къ своимъ обязанностямъ, постоянно стремясь солидными трудами поддерживать почетную извѣстность обсерваторіи въ ученомъ свѣтѣ. Свидѣтельствомъ этому служитъ и въ нынѣшнемъ году рядъ работъ, составившихъ для метеорологіи и для климатологіи Россіи новыя пріобрѣтенія.

Помощникъ директора А. М. Рыкачевъ изслѣдовалъ интересныя явленія, представляемыя—въ области Каспійскаго моря — суточнымъ и годичнымъ распредѣленіемъ вѣтровъ, и сдѣлалъ попытку къ объ-

ясненію этихъ явленій вычисленными имъ данными о давленіи воздуха въ томъ краѣ и построенными на ихъ основаніи новыми изобарами. Въ другой своей запискѣ, появившейся въ нашемъ Бюллетенѣ, г. Рыкачевъ воспользовался наблюденіями капитана 1-го ранга, флигель-адъютанта Макарова, для разъясненія вопроса объ измѣненіяхъ температуры воздуха около полудня на морѣ подъ тропиками.

Со времени обнародованія, въ 1874 году, изслѣдованія г. Рыкачева о распредѣленіи средняго давленія воздуха на пространствѣ Европейской Россіи, достигнуто было, въ нашей метеорологической сѣти, существенное улучшеніе именно въ отношеніи барометрическихъ наблюденій; не только значительно умножено число станцій, снабженныхъ хорошими и сравненными между собою барометрами, но — помощью инспекціоннаго объѣзда станцій — были обезпечены болѣе правильное употребленіе инструментовъ и болѣе точное установленіе ихъ нулевой точки по отношенію къ геодезически опредѣленнымъ гипсометрическимъ пунктамъ. Такъ какъ вслѣдствіе этого, наши барометрическія наблюденія 1881—1884 годовъ представляютъ собою болѣе надежный матеріалъ, чѣмъ наблюденія прежнихъ лѣтъ, то физикъ нашей главной обсерваторіи В. И. Срезневскій употребилъ ихъ для вычисленія новыхъ годичныхъ изобаръ для Европейской Россіи. При основательности и старательности, съ какими выведены результаты этихъ вычисленій, они служатъ уже, для отдѣленія штормовыхъ предостереженій, важнымъ пособіемъ при производимыхъ въ немъ работахъ.

Инспекторомъ метеорологическихъ станцій А. М. Шенрокомъ напечатаны изслѣдованія о грозахъ въ Россіи въ 1885 году, и выводы изъ произведенныхъ имъ опытовъ повѣрки карманныхъ анероидовъ подъ воздушнымъ насосомъ. Полезнымъ пріобрѣтеніемъ для анемометріи явились результаты, полученные старшимъ наблюдателемъ обсерваторіи В. Х. Дубинскимъ изъ произведеннаго имъ весьма точнаго сравнительнаго изслѣдованія анемометровъ Гамбургскаго (Нѣмецкой морской обсерваторіи) и Петербургскаго (главной физической обсерваторіи). Другой старшій наблюдатель обсерваторіи Р. Р. Бергманъ обработалъ метеорологическія наблюденія д-ра Бунге и барона Толя на Новосибирскихъ островахъ и въ Пріянскомъ краѣ; а младшимъ наблюдателемъ Павловской обсерваторіи В. И. Фридрихсомъ сообщены интересные результаты его изслѣдованій надъ точностью показаній термографовъ парижскихъ механиковъ, братьевъ Ришаръ.

Изъ прочихъ трудовъ по метеорологіи упомянемъ о произведенномъ г. Броуновымъ, во время путешествія его по Европѣ, тщательномъ сравненіи между собою нормальныхъ барометровъ главныхъ метеорологическихъ учрежденій Берлина, Гамбурга, Утрехта, Брюсселя, Парижа, Цюриха и Вѣны съ нормальнымъ барометромъ нашей главной физической обсерваторіи, который, по большой точности своихъ показаній, какъ оказалось изъ многостороннихъ испытаній, долженъ считаться нормальнымъ въ полномъ значеніи слова, и уже служилъ исходною точкою для цѣлаго ряда сравненій барометровъ различныхъ метеорологическихъ сѣтей въ Европѣ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ.

Г. Б. Керсновскій подвергъ провѣркѣ способы предугадыванія низшей температуры и предстоящей ночи по наблюденіямъ предшествующаго дня. Р. Н. Савельевъ напечаталъ въ нашихъ изданіяхъ свои изысканія по вопросу объ опредѣленіи истинной температуры и влажности воздуха, а г. Маркъ—интересные выводы о климатѣ Енисейска на основаніи 12-лѣтнихъ наблюденій (1871—1883).

Въ связи съ нашимъ прошлогоднимъ отчетомъ, мы должны упомянуть здѣсь объ успѣхѣ, достигнутомъ въ нынѣшнемъ году главною физическою обсерваторіею по отношенію штормовыхъ предостереженій для портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Благодаря денежному пособію, назначенному на этотъ предметъ биржевымъ купечествомъ Ростова-на-Дону, Отдѣленіе морской метеорологіи могло организовать у себя непрерывную службу въ вечерніе часы и въ праздничные и воскресные дни, и на основаніи разбора получаемыхъ два раза въ день метеорологическихъ телеграммъ составляло синоптическія карты, при помощи которыхъ регулярно давала по телеграфу предостереженія о буряхъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, а—когда оказывалось возможнымъ—и портамъ Бѣлаго и Каспійскаго морей. При такомъ расширеніи службы, уже съ начала года были достигнуты значительно бо́льшіе, въ сравненіи съ прошлымъ временемъ, успѣхи въ предостереженіяхъ для Балтійскаго моря; что же касается Чернаго моря, то въ первую половину года бури наступали здѣсь иногда совершенно непредвидѣнно для обсерваторіи. При ближайшемъ изслѣдованіи этого явленія выяснилось, что въ этомъ морѣ наступленіе бурь обусловливается гораздо меньшимъ барометрическимъ градіентомъ, чѣмъ въ Балтійскомъ морѣ, такъ что со введеніемъ затѣмъ надлежащихъ поправокъ, въ зависимости отъ величины градіента, получилась возможность дѣлать, во вторую половину года

и для черноморскихъ портовъ предсказанія о буряхъ съ гораздо большею достовѣрностью. Такимъ образомъ, ростовское купечество. своимъ пожертвованіемъ, не только совершило дѣло—полезное для интересовъ торговли и промышленности, но и заслужило полную благодарность со стороны науки, доставивъ ей средство для лучшаго изученія законовъ возникновенія и распространенія бурь на южныхъ окраинахъ нашего отечества.

Въ заключеніе обзора трудовъ по физикѣ мы должны еще указать на особенно важныя, появившіяся въ нашихъ мемуарахъ, экспериментальныя изслѣдованія, произведенныя съ большимъ стараніемъ и въ обширныхъ размѣрахъ г. Тамманомъ съ цѣлью ближайшаго разъясненія законовъ объ упругости паровъ водяныхъ растворовъ солей.

Въ отдѣлѣ химіи крупнымъ пріобрѣтеніемъ для науки явилась записка, въ которой академикъ Н. Н. Бекетовъ представилъ выводы, полученные имъ при дальнѣйшей разработкѣ уже прежде высказаннаго имъ положенія, что энергія химическаго взаимодѣйствія противоположныхъ элементовъ зависитъ отъ относительной величины соединяющихся массъ, и что этому закону подчиняются элементы, въ своемъ распредѣленіи, въ большинствѣ соединеній природы. Съ цѣлью прослѣдить это положеніе по отношенію къ щелочнымъ металламъ, авторъ произвелъ рядъ термохимическихъ изслѣдованій энергіи соединенія этихъ металловъ съ кислородомъ, которое, по трудности полученія безводныхъ соединеній, было неизвѣстно. Научный интересъ этихъ изслѣдованій, помимо изученія химическихъ свойствъ едва извѣстныхъ окисей, заключается въ томъ, что эквивалентъ кислорода, сравнительно съ другими электроотрицательными элементами, есть наименьшій, и слѣдовательно, эти соединенія, согласно вышеуказанному положенію, должны были представить, относительно энергіи, обратный ходъ тому, какой является въ голоидныхъ соединеніяхъ. Опытъ вполнѣ подвердилъ это предположеніе. Первое изслѣдованіе г. Бекетова относилось къ окиси натрія, при чемъ было открыто свойство ея возстановляться водородомъ; но одинъ случай не рѣшалъ вопроса: необходимо было опредѣлить энергію образованія окиси металла съ большимъ и съ меньшимъ атомными вѣсами: съ этою цѣлію и сдѣлано г. Бекетовымъ изслѣдованіе окисей калія и литія, которое вполнѣ подтвердило означенное положеніе. По отношенію къ кислороду литій оказался наиболѣе энергичнымъ, а калій на оборотъ сталъ ниже натрія, и окись его возстановлялась водородомъ еще легче. Въ настоящее время нашимъ химикомъ про-

должаются изслѣдованія надъ щелочными металлами—рубидіемъ и цезіемъ. Эти изслѣдованія не только вносятъ въ науку новые интересные факты, но, что очень важно, указываютъ на извѣстную законность выдѣленія энергіи при взаимодѣйствіи элементовъ и проливаютъ новый свѣтъ на явленія такъ-называемаго избирательнаго сродства.

Другими работами по химіи въ нашихъ изданіяхъ были: записка гг. Горбова и Кесслера о дѣйствіи іодоформа и іода на натрій-изобутилатъ, и продолженіе изслѣдованій нашего члена-корреспондента И. М. Сѣченова надъ поглощеніемъ углекислоты соляными растворами разной концентраціи.

Геологія и палеонтологія не остались также безъ полезныхъ пріобрѣтеній. Академикъ Ѳ. Б. Шмидтъ сообщилъ Академіи о новыхъ открытіяхъ въ области низшихъ кембрійскихъ образованій въ Эстляндіи. А. П. Карпинскій сдѣлалъ опытъ разъясненія вопроса о правильности въ очертаніи материковъ. И. Д. Черскій, пріобрѣвшій себѣ извѣстность своими геологическими развѣдками въ Восточной Сибири, произведя, по порученію Академіи, изслѣдованіе мѣстностей вдоль большаго Сибирскаго почтоваго тракта отъ Байкала до восточнаго склона Урала, окончилъ обработку собранныхъ имъ въ это путешествіе матеріаловъ и изложилъ въ представленномъ имъ отчетѣ, который не замедлитъ появиться въ нашихъ Запискахъ, много новаго и любопытнаго по геологіи того края. Наконецъ, нашему многозаслуженному члену-корреспонденту К. Г. Шмидту мы обязаны благодарностью за сообщеніе намъ продолженія его интересныхъ гидрологическихъ изслѣдованій о разныхъ водоемахъ въ Россіи.

Обращаясь къ ботаникѣ, мы съ особымъ удовольствіемъ можемъ отмѣтить, въ нашей лѣтописи, такой трудъ, какъ многолѣтнія и вполнѣ успѣшныя изслѣдованія нашего члена-кореспондента М. С. Воронина о болѣзни ягодъ Vaccinieae, причиняемой склероціями разныхъ видовъ грибка Peziza. Новость и важность фактовъ, установленныхъ въ этой работѣ нашимъ знаменитымъ микологомъ, не замедлятъ обратить на себя общее вниманіе въ ученомъ свѣтѣ. Въ запискѣ г. Пуаро о развитіи тканей въ вегетативныхъ органахъ сосудистыхъ споровыхъ растеній спеціалисты найдутъ любопытное дополненіе и провѣрку изслѣдованій нѣкоторыхъ извѣстныхъ европейскихъ ботаниковъ. Предварительное сообщеніе, напечатанное въ нашемъ Бюллетенѣ г. Храповицкимъ, указываетъ на главные результаты, имъ полученные путемъ опытовъ, относительно синтеза бѣлковыхъ тѣлъ

въ хлорофилоносныхъ растеніяхъ. Ѳ. П. Кеппенъ приложилъ необыкновенную свою начитанность и неутомимое трудолюбіе къ составленію полнаго свода современныхъ нашихъ свѣдѣній о географическомъ распространеніи большаго числа древесныхъ растеній (до 450 видовъ) въ Европейской Россіи и на Кавказѣ.

По зоологіи, нашъ музей доставилъ матеріалы для ряда трудовъ, принесшихъ болѣе или менѣе значительныя приращенія въ нашихъ познаніяхъ о различныхъ классахъ животныхъ.

По ихтіологіи, ученый хранитель музея С. М. Герценштейнъ описалъ новые виды рыбъ, привезенные Н. М. Пржевальскимъ изъ бассейна Лобъ-Нора, а Н. А. Варпаховскій далъ обзоръ, въ одной своей статьѣ, новыхъ, водящихся въ Россіи гольяновъ, а въ другой—видовъ рода Hemiculter, и установилъ одинъ совершенно новый родъ, названный имъ Hemiculterella.

По орнитологіи, кромѣ составленной Н. А. Заруднымъ полной монографіи пернатаго царства Оренбургскаго края, появились въ нашихъ изданіяхъ труды нашего почетнаго члена Н. М. Пржевальскаго о новыхъ видахъ птицъ, найденныхъ имъ во время его послѣдняго путешествія въ Центральной Азіи, и ученаго хранителя музея Ѳ. Д. Плеске—о нѣсколькихъ интересныхъ случаяхъ помѣсей у птицъ.

Наконецъ, по отдѣлу млекопитающихъ, ученый хранитель Е. А. Бихнеръ основательно разработалъ весьма спутанную доселѣ исторію двухъ видовъ тура, водящихся на Кавказѣ, а профессоръ Вольджихъ, занявшись разборомъ большой массы рукописныхъ замѣтокъ, оставшихся послѣ смерти академика Ѳ. Ѳ. Брандта, составилъ по нимъ обширный мемуаръ о дилювіальной Европейской и Сѣверо-Азіятской фаунѣ млекопитающихъ и объ отношеніяхъ ея къ человѣку.

Замѣчаемый въ этомъ рядѣ пробѣлъ по энтомологіи восполняетъ собою записка, представленная намъ учителемъ Ревельскаго реальнаго училища В. Петерсеномъ о чешуекрылыхъ арктической полосы Европы. Авторъ ея, въ продолженіе многихъ лѣтъ, спеціально занимался изслѣдованіемъ этихъ насѣкомыхъ и съ этою цѣлью предпринималъ путешествія по Лапландіи, Кавказу, Персіи и Центральной Америкѣ. Въ означенной запискѣ онъ сообщилъ перечень всѣхъ видовъ Macrolepidoptera, до сихъ поръ найденныхъ въ сѣверныхъ странахъ Европы, съ критическими, морфологическими и историко-географическими замѣчаніями о нихъ, и изъ внимательнаго сравненія фауны чешуекрылыхъ арктической Европы, Сибири и Сѣверной Аме-

рики вывелъ интересныя заключенія относительно географическаго распространенія этихъ животныхъ какъ въ настоящее время, такъ и въ непосредственно предшествовавшій геологическій періодъ.

Наконецъ, по анатоміи и физіологіи, академикъ Ф. В. Овсянниковъ произвелъ рядъ изслѣдованій для разъясненія вопроса о третьемъ глазѣ у рѣчной миноги и у нѣкоторыхъ другихъ животныхъ; Е. В. Костеничъ прослѣдилъ развитіе палочекъ, колбочекъ и наружнаго ядернаго слоя сѣтчатки человѣческаго зародыша, а докторъ Н. В. Усковъ подвергъ болѣе точному изученію кровеноснососудистые зачатки и ихъ развитіе у куринаго зародыша.

Обзоръ занятій историко-филологическаго отдѣленія мы имѣемъ возможность на этотъ разъ начать съ новаго предпріятія особенной важности для отечественной исторіи. Извѣстно, что въ числѣ ученыхъ изданій, оставшихся безъ исполненія за смертью академика Н. В. Калачова, былъ между прочимъ задуманный имъ и одобренный Академіею въ проектѣ сборникъ актовъ, исходившихъ изъ Боярской Думы и другихъ центральныхъ и областныхъ органовъ государственнаго и земскаго управленія въ Московскомъ государствѣ за XVI и XVII столѣтія. Существующія изданія историческихъ источниковъ для этой эпохи, имѣя цѣлью выясненіе лишь общихъ вопросовъ исторіи и юридическаго быта, не касаются дѣятельности самихъ учрежденій, отъ которыхъ сохранились публикуемые въ нихъ документы и поэтому, не смотря на всю массу уже обнародованныхъ документовъ, относящихся до какой-либо отрасли государственной дѣятельности того времени, еще нѣтъ возможности возстановить, съ помощью ихъ, полную картину этой дѣятельности и уяснить себѣ характеръ того учрежденія, которому была поручена эта отрасль, такъ что наличное число изданныхъ доселѣ актовъ еще не позволяло приступать къ обстоятельному изслѣдованію объ учрежденіяхъ, существовавшихъ въ Россіи въ эпоху Московскаго государства. Уясненіе характера и дѣятельности какого-либо учрежденія возможно лишь тогда, когда систематически разсмотрѣны всѣ, на сколько они сохранились, дѣла, производившіяся въ немъ: только тогда, сгруппировавъ эти дѣла по опредѣленнымъ рубрикамъ, смотря по роду документовъ, получимъ возможность съ большею или меньшею точностью — опредѣлить значеніе того или другаго учрежденія и положеніе его въ ряду другихъ органовъ государственной жизни нашего отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе, предпринятое съ этою цѣлью, было бы съ радостью привѣтствуемо каждымъ, желающимъ уяснить себѣ тѣ основ-

ныя начала, на которыхъ въ то или другое время зиждилась система государственнаго управленія, и дать себѣ отчетъ о причинахъ постепенной смѣны однихъ учрежденій, отживавшихъ, другими, болѣе соотвѣтствовавшими времени.

Монументальное изданіе „Полнаго Собранія Законовъ" начинается, какъ извѣстно, съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича; предшествовавшая же законодательная дѣятельность Московскихъ государей, слѣды которой сохранились въ дѣлахъ тогдашнихъ учрежденій, вошла въ это изданіе лишь на столько, на сколько она сохранилась въ Уложеніи; но какимъ образомъ составилось Уложеніе, что̀ вошло и чего не вошло изъ существовавшихъ до него законовъ въ составъ его—такіе вопросы понынѣ остаются безъ рѣшенія, по недостаточности наличнаго матеріала для точнаго по возможности выясненія ихъ, а такой матеріалъ можетъ быть добытъ только громадною работою—разысканія въ архивахъ и надлежащаго изданія тѣхъ указовъ, наказовъ и приговоровъ боярскихъ и приказныхъ, которые въ огромномъ числѣ разсѣяны въ дѣлахъ тогдашнихъ учрежденій.

Чѣмъ яснѣе сознавалась важность и своевременность такого изданія для дальнѣйшихъ успѣховъ отечественной исторіографіи, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приняла Академія изъявленную ей членомъ-корреспондентомъ Н. А. Поповымъ готовность посвятить свои труды осуществленію задуманнаго Калачовымъ ученаго предпріятія. Имя г. Попова, какъ преемника Калачова по завѣдыванію Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, хранилищемъ главной массы дѣлъ, изъ которыхъ предстоитъ извлекать данныя для такого изданія, и какъ заслуженнаго ученаго, занявшаго своими многочисленными и серьезными трудами самое почетное мѣсто въ ряду русскихъ историковъ, — въ полной мѣрѣ оправдываетъ самыя основательныя надежды на то, что собраніе актовъ, которое будетъ выходить въ свѣтъ подъ его опытною редакціей, составитъ собою одно изъ важнѣйшихъ пособій для ближайшаго изученія государственнаго быта до-Петровской Россіи. Представленная г. Поповымъ программа этого изданія уже одобрена Академіей, и производство на ея основаніи работъ пошло въ теченіе года столь успѣшно, что уже приступлено къ печатанію перваго тома „Актовъ Московскаго государства".

Другое, задуманное и начатое Калачовымъ, собраніе весьма важныхъ историческихъ документовъ — „Докладовъ и приговоровъ, состоявшихся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго"—издается теперь подъ редакціей нашего новаго сочлена

Н. Ѳ. Дубровина. Въ нынѣшнемъ году оконченъ печатаніемъ третій томъ, содержащій въ себѣ документы 1713 года. Рядомъ съ тѣмъ, г. Дубровинъ продолжалъ трудиться надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи присоединенія Крыма къ Россіи и выпустилъ нынѣ въ свѣтъ третій томъ этихъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ весьма важные, относящіеся до 1781 года, документы, которыми собственно подготовлено было включеніе того края въ составъ государственной территоріи нашей—при помощи однихъ лишь переговоровъ.

Академикъ В. П. Безобразовъ, получивъ отъ семейства покойнаго графа Ѳ. П. Литке массу бумагъ, оставшихся по смерти его, занялся при помощи ихъ составленіемъ біографіи бывшаго нашего президента и приготовилъ къ печати первый томъ этого труда.

Интереснымъ вкладомъ въ нашу церковную исторію послужитъ представленная академикомъ А. А. Куникомъ записка г. Гельцера, посвященная византійскимъ извѣстіямъ о Галичской и Литовской митрополіяхъ.

Историческое и филологическое изученіе литовскаго языка, важное не только для лингвистики — по родственной связи этого языка съ славянскимъ,—но даже и для исторіи западной Россіи, для освѣщенія литовскаго періода русской исторіи, нашло себѣ усерднаго дѣятеля и даровитаго представителя въ лицѣ Э. А. Вольтера. Употребивъ лѣто нынѣшняго года на этнографическія, историко-литературныя и лингвистическія изслѣдованія въ Литвѣ и Жмуди, онъ напечаталъ въ нашихъ Запискахъ отчетъ объ нихъ, который, по новизнѣ и важности сообщаемыхъ въ немъ наблюденій и фактовъ, конечно, не преминетъ обратить на себя вниманіе ученыхъ. Въ одномъ изъ приложеній къ этому отчету г. Вольтеръ останавливается на вопросѣ капитальномъ для ранней русской хронологіи, а именно — о походѣ Шведскаго короля Олафа въ 853 году противъ чудскихъ куровъ, о которомъ имѣются очень подробныя показанія одного современника. О немъ, года три назадъ, была напечатана академикомъ А. А. Куникомъ записка, въ которой мѣсто нахожденія главнаго города куровъ опредѣлялось приблизительно на границѣ нынѣшней Ковенской губерніи. Г. Вольтеръ произвелъ на томъ мѣстѣ дальнѣйшія изысканія, которыми, какъ позволительно думать, вполнѣ и навсегда рѣшилъ вопросъ о мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ городъ, и тѣмъ доставилъ историкамъ и этнографамъ возможность выводить отсюда дальнѣйшія послѣдствія.

Перехожу къ занятіямъ нашихъ оріенталистовъ.

Академикъ О. Н. Ветлингъ закончилъ, послѣднимъ, десятымъ выпускомъ предпринятое имъ новое изданіе грамматики Панини, которымъ успѣшно устранены трудности, встрѣчавшіяся еще въ пониманіи этого древняго памятника санскритской литературы. Въ то же время онъ печаталъ послѣднюю букву послѣдняго тома своего Сокращеннаго санскритскаго словаря и составилъ одинъ общій указатель ко всѣмъ дополненіямъ, помѣщеннымъ въ разныхъ томахъ этого Словаря, съ цѣлью облегчить пріисканіе словъ и ихъ значеній, внесенныхъ въ эти дополненія.

Академикъ В. П. Васильевъ помѣстилъ въ нашихъ Запискахъ двѣ замѣтки по буддизму—одну о собственномъ имени царя Аджаташатру, а другую—о новой эрѣ смерти Будды.

Академикъ В. В. Радловъ совершилъ поѣздку, въ концѣ прошлаго года, въ Крымъ для изученія на мѣстѣ разныхъ существующихъ тамъ татарскихъ нарѣчій, а лѣтомъ нынѣшняго года — въ Литву и Волынскую губернію съ цѣлію собиранія тамъ свѣдѣній о языкѣ караимовъ, живущихъ въ Трокахъ и Луцкѣ, — и въ читанныхъ имъ отчетахъ указалъ на новые матеріалы, которые были плодомъ этихъ поѣздокъ для лучшаго познанія тюркскихъ языковъ, частью черезъ непосредственное изученіе разныхъ говоровъ изъ устъ народа, частью же при помощи старинныхъ памятниковъ письменности, какіе г. Радлову удалось добыть у мѣстныхъ жителей. При огромности массы собранныхъ и уже изданныхъ г. Радловымъ образцовъ народной литературы живущихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи тюркскихъ племенъ—все болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ общемъ словарѣ ихъ языковъ. Въ сознаніи такой потребности, г. Радловъ рѣшился, не откладывая долѣе изданія многолѣтняго, обширнаго своего лексикографическаго труда, приступить нынѣ же къ печатанію его подъ скромнымъ заглавіемъ „Опыта“ словаря тюркскихъ языковъ.

Полезнымъ добавленіемъ къ трудамъ г. Радлова по изслѣдованію тюркскихъ языковъ явились обработанные, подъ его руководствомъ, природнымъ сагайцемъ г. Катановымъ матеріалы для изученія сагайскаго нарѣчія, а именно: списокъ сагайскихъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка, съ наблюденіями о характерѣ фонетическихъ измѣненій въ такихъ словахъ, и списокъ сагайскихъ названій рѣкъ, селеній, городовъ и проч. [1]).

[1]) Кромѣ того, г. Катановъ составилъ, для изданія особою книгою, алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ I-мъ томѣ изданныхъ г. Радловымъ образцовъ литературы тюркскихъ племенъ.

Адъюнктъ К. Г. Залеманъ занимался изданіемъ, по рукописи нашего азіатскаго музея, части сочиненія Міяръ-и-Гамали, авторъ которой, Шамсъ-и-Фахри, жилъ въ половинѣ XIV вѣка, и которая, составляя второй по времени изъ дошедшихъ до насъ оригинальныхъ словарей персидскаго языка, служила источникомъ для всѣхъ позднѣйшихъ лексикографовъ. За изданнымъ нынѣ первымъ выпускомъ послѣдуютъ еще два, для обработки которыхъ авторъ ожидаетъ присылки сюда изъ Парижа и Берлина нужныхъ ему, для продолженія труда, рукописей; въ ожиданіи же ихъ онъ счелъ полезнымъ, черезъ нашъ Бюллетень, ознакомить ученый свѣтъ съ предпринятымъ имъ изданіемъ. Кромѣ того, онъ сообщилъ, въ Бюллетенѣ, описаніе двухъ замѣчательныхъ персидскихъ и трехъ сагатайскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ въ недавнее время азіатскимъ музеемъ.

Группа различныхъ персидскихъ народныхъ нарѣчій, на которыхъ говорятъ въ собственной Персіи, во внутреннихъ провинціяхъ этого государства, еще такъ мало изслѣдована въ ученой литературѣ, что поразительно богатые лингвистическіе матеріалы, собранные молодымъ русскимъ иранистомъ г. Жуковскимъ, во время трехлѣтняго пребыванія его въ томъ краѣ, не могли не обратить на себя самаго живаго вниманія Академіи, и вслѣдствіе доклада, сдѣланнаго о нихъ Залеманомъ, она, по высокому значенію этихъ матеріаловъ, положила принять изданіе ихъ въ свѣтъ на свой счетъ. „Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій" г. Жуковскаго составятъ собою пять томовъ.

Другая группа малоизслѣдованныхъ народныхъ нарѣчій, именно мингрельская, была предметомъ весьма успѣшныхъ занятій г. Грена, на Кавказѣ. Составленный имъ „Сборникъ народныхъ мингрельскихъ произведеній, со словаремъ и опытомъ грамматики разныхъ діалектовъ мингрельскаго языка" будетъ равномѣрно изданъ Академіей особою книгой.

Преміи имени нашего президента присуждаются ежегодно, по очереди, однимъ изъ отдѣленій Академіи. Въ нынѣшнемъ году очередь принадлежала физико-математическому отдѣленію, въ которое, къ назначенному сроку, было представлено, для соисканія ихъ, 15-ть сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ математическихъ, физическихъ и біологическихъ. По внимательномъ разсмотрѣніи ихъ и по обсужденіи ихъ достоинствъ, отдѣленіе признало, что труды двухъ изъ конкуррентовъ въ равной мѣрѣ удовлетворяютъ требованіямъ § 6 правилъ и служатъ, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоя-

тельныхъ изслѣдованій авторовъ, существеннымъ обогащеніемъ науки, такъ что они одинаково достойны первой почетной золотой медали. Но такъ какъ на каждое соисканіе премій графа Д. А. Толстаго положено лишь по одной медали каждаго изъ трехъ различныхъ достоинствъ ихъ, то, баллотировкою, большинствомъ голосовъ, назначена 1-я почетная медаль Н. Е. Введенскому за его телефоническія изслѣдованія надъ электро-физіологическими явленіями въ мышцахъ и нервахъ [1]), а 2-я медаль надворн. совѣтнику Эрн. Егор. Лейсту за его изслѣдованія о средствахъ для достиженія большей точности въ наблюденіяхъ надъ земнымъ магнетизмомъ [2]).

Означенныя изслѣдованія г. Введенскаго были, по порученію отдѣленія, разсмотрѣны академикомъ Ф. В. Овсянниковымъ, донесеніе котораго и послужило для отдѣленія основаніемъ для сужденія о значеніи этихъ изслѣдованій.

Одною изъ самыхъ сложныхъ задачъ физіологіи является точное опредѣленіе соотношенія между нервами и мышцами какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ организмѣ.

При опытахъ въ этомъ направленіи мышечныя сокращенія искусственно воспроизводятся электрогальваническимъ путемъ—а для изслѣдованія нервныхъ токовъ и мышечныхъ сокращеній употребляются разнообразные снаряды, не вполнѣ соотвѣтствующіе требованіямъ науки. Г. Введенскій примѣнилъ для электрофизіологическихъ изслѣдованій телефонъ, чувствительность котораго значительно превышаетъ такъ-называемый „физіологическій реоскопъ", считавшійся самымъ чувствительнымъ изо всѣхъ гальваноскоповъ.

Доктору Введенскому принадлежитъ честь вполнѣ успѣшнаго примѣненія телефоническихъ снарядовъ къ физіологическимъ цѣлямъ, при чемъ многочисленными, произведенными имъ опытами вполнѣ доказано, что новые, придуманные имъ снаряды, обладая необыкновенною чувствительностью къ колебаніямъ электрическаго тока, пе-

---

[1]) Телефонныя изслѣдованія надъ электрическими явленіями въ мышечныхъ и нервныхъ аппаратахъ. С.-Пб. 1884 (напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей). Die telephonischen Erscheinungen am Herzen bei Wagus-Reizug (изъ Mélanges biologiques, tirés du *Bulletin de l'Académie*). О соотношеніяхъ между раздраженіемъ и возбужденіемъ при тетанусѣ. С.-Пб. 1886 (Изъ *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*, т. LIV).

[2]) Fehler bei Bestimmung der Schwingungsdauer von Magneten und ihr Einfluss auf absolute Messungen der Horizontal-Intensität des Erdmagnetismus. С.-Пб. 1887. (Особый оттискъ изъ *Метеор. Сборника*). Untersuchung über Nadel-Inclinatorien. С.-Пб. 1887 (Особый оттискъ изъ *Метеорологич. Сборника*).

редаютъ колебанія эти въ формѣ вполнѣ осязательной для нашего слуха; вмѣстѣ съ тѣмъ телефоническій аппаратъ оказывается на столько подвижнымъ, что даетъ возможность изучать быстрыя и измѣнчивыя, по направленію, колебанія токовъ, для чего прежніе гальванометры были вовсе непригодны.

Примѣнивъ телефоническій методъ къ изученію мышцъ и нервовъ, г. Введенскій достигъ научныхъ выводовъ, идущихъ совершенно въ разрѣзъ съ прежними понятіями. По замѣчанію академика Овсянникова, рѣдко какое-либо изслѣдованіе распространялось въ ученомъ мірѣ съ такою быстротою и удостоивалось съ первыхъ же поръ такого довѣрія, какъ это случилось съ изслѣдованіями г. Введенскаго.

Не входя въ подробности всѣхъ добытыхъ имъ фактовъ, замѣтимъ, что онъ существенно пополнилъ и развилъ извѣстныя изслѣдованія Гельмгольца.

Гельмгольцъ опытнымъ путемъ установилъ тотъ фактъ, что раздражаемая мышца вибрируетъ числомъ колебаній, соотвѣтствующимъ раздраженію, издавая при этомъ соотвѣтствующіе тоны—изъ наблюденій же г. Введенскаго выясняется, что мышцы обладаютъ способностью вибрировать соотвѣтственнымъ раздраженію числомъ колебаній лишь до извѣстнаго предѣла, но далѣе онѣ производятъ только шумъ, схожій съ тономъ естественнаго сокращенія, тогда какъ на ряду съ этимъ самые нервы, даже и отъ продолжительнаго раздраженія, хотя бы въ теченіе многихъ часовъ, вовсе не утомляются. Этимъ послѣднимъ фактомъ авторъ воспользовался для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о тетанусѣ. Здѣсь г. Введенскій подвергъ строгому анализу своеобразное подмѣченное имъ явленіе, что при извѣстныхъ условіяхъ ослабленіе тетаническаго раздраженія ведетъ къ появленію новыхъ сокращеній въ мышцѣ, по видимому совершенно утомленной и, на оборотъ, что усиленіе тетаническаго раздраженія имѣетъ послѣдствіемъ разслабленіе мышцы. Такъ какъ въ этихъ явленіяхъ нервъ, какъ аппаратъ не утомляющійся, участія не принимаетъ, то, по выводу г. Введенскаго, сами мышцы въ данномъ случаѣ впадаютъ въ особое состояніе, которое не есть ни покой, ни дѣятельность, но которое представляетъ аналогію съ состояніемъ сердца при раздраженіи блуждающаго нерва.

Эти и иныя наблюденія г. Введенскаго надъ раздраженіями нервовъ и мышцъ при введеніи ядовъ кураре и стрихнина и т. д. описаны самымъ тщательнымъ образомъ, съ подробнымъ указаніемъ условій, при которыхъ они производились, что̀ даетъ читателю воз-

можность слѣдить за авторомъ, шагъ за шагомъ, и самому провѣрять добытые изслѣдователемъ результаты.

При такой тщательности, съ какою произведены изслѣдованія г. Введенскаго, они, не смотря на сравнительно недавнее ихъ появленіе въ печати, получили уже широкую извѣстность въ ученомъ свѣтѣ; многіе изъ доказанныхъ г. Введенскимъ фактовъ признаны на столько устойчивыми, что нашли уже себѣ мѣсто въ учебникахъ по физіологіи.

Въ двухъ, относящихся до земнаго магнетизма, сочиненіяхъ г. Лейста, увѣнчанныхъ второю почетною золотою медалью имени графа Д. А. Толстаго, изложены произведенныя авторомъ изслѣдованія, послужившія къ значительному усовершенствованію способовъ наблюденія двухъ элементовъ этого магнетизма. Одно изъ нихъ касается опредѣленія наклоненія силы земнаго магнетизма помощью инклинатора съ иглою. Авторъ представилъ здѣсь гораздо болѣе полное и болѣе точное, чѣмъ доселѣ извѣстно было, изслѣдованіе погрѣшностей этого инструмента и вліянія ихъ на величину опредѣляемаго, посредствомъ его наклоненія. Основываясь на этомъ изслѣдованіи, г. Лейстъ указалъ, при помощи большаго числа наблюденій со многими инклинаторами, какимъ образомъ можно, надлежащею оцѣнкою этихъ погрѣшностей, достигнуть болѣе надежныхъ результатовъ относительно наклоненія, и въ заключеніе—обращаетъ вниманіе на тѣ измѣненія въ устройствѣ инклинатора, которыми возможно было бы устранить, или по крайней мѣрѣ уменьшить эти погрѣшности.

Другое сочиненіе г. Лейста содержитъ въ себѣ изслѣдованія о вліяніи, какое измѣненіе въ земной магнитной силѣ оказываютъ на опредѣленіе времени качанія магнитовъ, имѣющее, при наблюденіи горизонтальной части магнитной силы, весьма важное значеніе. А именно, такъ какъ для точнаго опредѣленія продолжительности качанія магнита нужно времени иногда до получаса, и даже болѣе, то постоянныя, происходящія въ это время, колебанія силы земнаго магнетизма оказываютъ вредное вліяніе на результатъ, и такой результатъ доселѣ просто отбрасывали, какъ негодный, не смотря на потраченныя на него время и трудъ, всякій разъ, что одновременно съ нимъ наблюдаемые, такъ-называемые варіаціонные аппараты показывали, за время продолжительности качанія магнитовъ, значительныя колебанія силы земнаго магнетизма. Г. Лейстъ, изъ внимательнаго разбора этихъ обстоятельствъ, вывелъ формулы, которыя позво-

ляютъ, при помощи одновременныхъ показаній варіаціоннаго аппарата, въ каждомъ данномъ случаѣ освободить результатъ отъ возмущающаго вліянія измѣненія земной магнитной силы, и такимъ образомъ всегда, не смотря на эти измѣненія, получить точный результатъ. Найденный г. Лейстомъ способъ представляется особенно важнымъ при наблюденіяхъ въ полярныхъ странахъ, гдѣ лишь весьма рѣдко бываетъ такое спокойствіе въ земномъ магнетизмѣ, что и безъ употребленія этого способа можно получать надежныя величины для времени качанія магнитовъ, и слѣдовательно—для горизонтальной части силы земнаго магнетизма.

Премію имени нашего вице-президента, назначаемую за выдающіеся труды по математикѣ, Академія присудила въ нынѣшнемъ году профессору К. А. Поссе, за его сочиненіе [1]), посвященное изложенію главнѣйшихъ свойствъ функціи θ отъ двухъ аргументовъ и рѣшенію задачи Якоби объ обращеніи ультраэллиптическихъ интеграловъ перваго класса.

Это сочиненіе, составляющее собою весьма цѣнное обогащеніе нашей математической литературы, есть плодъ глубокаго изученія и самостоятельной обработки матеріала, заключающагося во множествѣ изслѣдованій, отчасти разсѣянныхъ въ различныхъ иностранныхъ журналахъ, отчасти изданныхъ отдѣльными мемуарами. Достоинство сочиненія увеличивается еще тѣмъ, что изложеніе автора, не смотря, на трудность предмета, отличается ясностью, точностью и систематичностью.

Число наградъ, раздаваемыхъ Академіею за ученые труды, значительно возросшее въ послѣднее время, увеличилось въ нынѣшнемъ году учрежденіемъ еще одной преміи. Приближающійся срокъ столѣтія со дня рожденія нашего почетнаго члена, генералъ-отъ-инфантеріи Θедора Θедоровича Шуберта, знаменитаго преобразователя геодезіи Россіи, внушилъ дочери его Софьѣ Θедоровнѣ Шубертъ благую мысль почтить память его учрежденіемъ, которое сохраняло бы въ ученомъ мірѣ на вѣчныя времена воспоминаніе о его трудахъ и заслугахъ. Съ этою цѣлью, она внесла въ Академію сумму въ 10,550 руб. съ тѣмъ, чтобы, черезъ каждые два года, начиная съ 12-го февраля 1889 года, проценты съ этого капитала, въ видѣ преміи имени генерала Шуберта, присуждались Академіею за выдающіяся сочиненія по теоретической астрономіи и вспомогательнымъ

---

[1]) О функціяхъ θ отъ двухъ аргументовъ и о задачѣ Якоби. С.-Пб. 1882.

для нея отраслямъ математики, или же употреблялись, по усмотрѣнію Академіи, на пособіе при ученыхъ работахъ по тѣмъ же отраслямъ наукъ. Академія, сохраняя глубокое уваженіе къ памяти своего доблестнаго почетнаго члена, много потрудившагося на пользу науки и Россіи, съ полнымъ сочувствіемъ приняла предложеніе его дочери, и входила съ надлежащимъ о семъ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія, по всеподданнѣйшему докладу котораго Государь Императоръ, въ 29-й день іюля, Высочайше соизволилъ на принятіе Академіей означеннаго пожертвованія и на учрежденіе преміи имени Ѳ. Ѳ. Шуберта, раздаваемой на основаніи правилъ, подлежащихъ утвержденію министра. Составленныя, соотвѣтственно желаніямъ учредительницы, правила объ этой преміи, по утвержденіи г. министромъ 2-го сентября, обнародованы во всеобщее извѣстіе.

Въ заключеніе годичнаго перечня нашихъ ученыхъ трудовъ, долгъ мой—упомянуть о довершенномъ въ нынѣшнемъ году расширеніи той изъ нашихъ принадлежностей, отъ благоустройства которой много зависитъ успѣхъ этихъ трудовъ. Академическая библіотека, постоянно и значительно вворостая путемъ новыхъ пріобрѣтеній, достигла наконецъ такихъ размѣровъ, что помѣщеніе ея, остававшееся безъ соотвѣтственнаго съ тѣмъ расширенія болѣе полустолѣтія, оказывалось, по тѣснотѣ своей, существеннымъ препятствіемъ къ сохраненію необходимаго порядка и благоустройства въ книжномъ нашемъ дѣлѣ. По неоднократномъ и всестороннемъ обсужденіи вопроса о способахъ къ устраненію возникавшихъ отъ этого важныхъ неудобствъ, единственнымъ къ тому средствомъ оказалось предоставленіе библіотекѣ болѣе просторнаго помѣщенія, соотвѣтственно нынѣшнему ея составу. По предстательству нашего президента и благодаря просвѣщенному содѣйствію нашего почетнаго члена, генералъ-адъютанта М. П. фонъ-Кауфмана, представленіе о семъ Академіи было уважено, и Государю Императору благоугодно было явить новый знакъ Монаршаго благоволенія къ Академіи, пожалованіемъ ей нужной суммы—для возведенія вдоль переулка, прилегающаго къ зданію библіотеки, особаго флигеля, оконченнаго постройкой и отдѣлкой въ нынѣшнемъ году. Эта постройка не только дала возможность обезпечить лучшій порядокъ въ библіотекѣ еще, можетъ быть, лѣтъ на 50, но и позволяетъ озаботиться преобразованіемъ нашихъ этнографическихъ коллекцій въ музей, достойный этого названія и открытый для посѣщенія его публикою.

О такомъ расширеніи и улучшеніи средствъ для учебныхъ за-

нятій Академія сохранить, въ своей исторіи, благодарное воспоминаніе, въ благоговѣйномъ сознаніи, что для нея, какъ и для всѣхъ ученыхъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, все благодатное нисходитъ съ высоты Престола.

О предстоящихъ въ 1888 году соисканіяхъ наградъ за ученыя сочиненія, присуждаемыхъ Академіей Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ.

Въ теченіе 1888 года Академіей Наукъ, по физико-математическому и историко-филогическому отдѣленіямъ будутъ присуждены, по конкурсу, слѣдующія награды и преміи за ученые труды:

Ломоносовская премія, въ 1000 руб., за ученыя изслѣдованія и открытія, сдѣланныя въ Россіи, въ области физики, химіи и минералогіи. На это соисканіе будутъ принимаемы, до 1-го іюня этого года, оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, изданныя въ Россіи въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, а также и рукописныя. Присылаемыя рукописи должны быть четко писаны и съ подписью имени автора.

Награды Бэра, состоящія: 1) изъ почетной золотой медали, цѣнностью въ 200 руб., назначаемой въ видѣ высшей награды такимъ ученымъ, которые цѣлымъ рядомъ многолѣтнихъ трудовъ существенно подвинули ту или другую изъ біологическихъ наукъ, ниже исчисленныхъ, и 2) изъ денежной преміи 1000 руб., для соисканія которой будутъ принимаемы, до 1-го мая этого года, печатныя сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ послѣднія 6 лѣтъ, на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ языкахъ, содержащія въ себѣ изысканія въ области слѣдующихъ наукъ: анатоміи, гистологіи, эмбріологіи и физіологіи человѣка, животныхъ и растеній, систематической зоологіи и ботаники, палеонтологіи съ біологической точки зрѣнія. Фауны и флоры принимаются въ конкурсъ только въ такомъ случаѣ, если онѣ обнимаютъ собою весьма обширныя или еще не изслѣдованныя и трудно доступныя страны Россійской имперіи.

Премія академика Г. П. Гельмерсена, въ 500 руб. Для соисканія ея, будутъ принимаемы въ Академіи, до 1-го марта этого года, печатныя сочиненія, на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ, содержащія въ себѣ самостоятельныя изысканія по геологіи, палеонтологіи съ геологической точки зрѣнія и по физической географіи Россіи и сопредѣльныхъ странъ Азіи.

Премія Рклицкаго, суммою въ 540 руб., назначается за лучшее сочиненіе по части анатомико-микроскопическихъ изслѣдованій центральной нервной системы, съ примѣненіями физіологическими и практическими. На соисканіе этой преміи принимаются, до 1-го іюня нынѣшняго года, оригинальныя сочиненія, написанныя на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ, изданныя какъ въ Россіи, такъ и за границею,

въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Рукописныя же сочиненія на одномъ изъ сихъ языковъ допускаются лишь въ томъ случаѣ, если авторы ихъ—русскіе подданные или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ постоянное пребываніе въ Россіи. Присылаемыя рукописи должны быть четко писаны, съ подписью имени автора.

Преміи Таврическаго дворянства за сочиненія о Русскомъ дворянствѣ въ исторіи развитія Россійскаго государства, состоятъ изъ первой преміи въ 1000 руб. и второй—въ 500 руб.

Сочиненія, назначаемыя для конкурса на эти преміи, должны быть строго ученаго характера. Достойными той или другой преміи могутъ быть признаны лишь такія сочиненія, въ которыхъ исторія русскаго дворянства, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ Россійскаго государства, будетъ изложена въ достаточной полнотѣ, на основаніи внимательнаго изученія первоначальныхъ источниковъ, и всѣ изложенные въ сочиненіи факты и выводы будутъ подтверждены ссылками на подобные источники.

Къ соисканію этихъ премій будутъ принимаемы въ Академіи, до 21-го апрѣля сего 1888 года, оригинальныя, на русскомъ языкѣ, сочиненія, какъ рукописныя, такъ и печатныя, изданныя въ Россіи. Рукописныя сочиненія должны быть писаны четко. Какъ тѣ, такъ и другія, должны быть доставлены съ обозначеніемъ имени автора и мѣста его жительства.

Въ случаѣ, если, изъ числа поступившихъ на конкурсъ сочиненій, окажется заслуживающимъ награжденія только одно, и оно будетъ отличаться особыми достоинствами; то его автору могутъ быть присуждены обѣ вышеозначенныя преміи, то-есть, въ совокупности 1500 руб.

Сочиненія, которыя будутъ удостоены премій Таврическаго дворянства не лишаются права участвовать въ соисканіи другихъ премій, раздаваемыхъ Академіей Наукъ.

О результатахъ соисканій всѣхъ выше исчисленныхъ премій будетъ доведено до общаго свѣдѣнія въ торжественномъ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря нынѣшняго 1888 года.

Кромѣ того, въ теченіе года будутъ присуждены награды графа Уварова, въ публичномъ засѣданіи 25-го сентября, за сочиненія, поступившія въ соисканіе ихъ до 25-го сентября 1887 года.

Наконецъ, въ Академіи будутъ принимаемы:

1) до 19-го сентября 1888 года, для соисканія премій митрополита Макарія въ 1500 и 1000 руб., оригинальныя по всѣмъ отраслямъ наукъ сочиненія на русскомъ языкѣ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, а также рукописныя, чисто и четко писанныя, съ подписью ли имени автора, или же подъ девизомъ, при запечатанномъ конвертѣ. Отчетъ о присужденныхъ по этому конкурсу преміяхъ будетъ объявленъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 19-го сентября 1889 года.

2) До 15-го августа 1888 года, для соисканія преміи имени Ѳ. Ѳ. Шуберта (въ 1000 руб.) печатныя сочиненія, на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, англійскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ и относящіяся до теоретической астрономіи и до анализа безконечно малыхъ величинъ. Присужденіе же этой преміи будетъ произведено въ публичномъ засѣданіи Академіи 12-го февраля 1889 года.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1885 ГОДУ.

Въ 1885 году испытанія зрѣлости производились въ 164 учебныхъ заведеніяхъ, а именно: въ 154 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 5-ти церковныхъ училищахъ, существующихъ на правахъ правительственныхъ гимназій, и въ 5-ти гимназіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Дерптѣ), содержимыхъ частными лицами. Заявили о своемъ желаніи подвергнуться испытаніямъ 3222 ученика правительственныхъ гимназій, 56 учениковъ церковныхъ училищъ, 77 учениковъ частныхъ гимназій и 450 постороннихъ лицъ. Всѣхъ явившихся къ испытанію было 3805 человѣкъ, на 119 человѣкъ или 3,2% болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ 1884 году. Распредѣленіе ихъ по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округи.	Число гимназій.	Гимназистовъ.	Постороннихъ.
С.-Петербургскій	27	430	45
Московскій	24	545	38
Казанскій	9	163	39
Оренбургскій	6	65	6
Харьковскій	14	279	55
Одесскій	15	289	70
Кіевскій	14	436	82
Виленскій	8	206	13
Варшавскій	18	411	35
Дерптскій	15	338	62
Кавказскій	7	131	3
Туркестанскій край . . .	1	5	1
Западная Сибирь и Семирѣченская область. . . .	4	35	—
Восточная Сибирь. . . .	2	22	1
Всего .	164	3355	450

Изъ числа этихъ молодыхъ людей не были допущены къ испытаніямъ: 129 учениковъ правительственныхъ гимназій, 1 ученикъ церковнаго училища и 13 учениковъ частныхъ гимназій по безуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія ихъ въ гимназіяхъ, и 3 ученика правительственныхъ гимназій, совершившіе болѣе или менѣе важные проступки, свидѣтельствующіе о ихъ нравственной незрѣлости; изъ числа постороннихъ лицъ 9, какъ обучавшіеся прежде въ какой-либо гимназіи или иномъ учебномъ заведеніи и приступившіе къ выпускному экзамену ранѣе своихъ сотоварищей по классу, и 11, какъ оказавшіе въ представленныхъ ими свидѣтельствахъ, прошеніяхъ или собственныхъ жизнеописаніяхъ явные признаки незрѣлости умственной или нравственной; 14-ти гимназистамъ и 5 постороннимъ лицамъ отсрочено испытаніе на годъ по болѣзни, а 7 гимназистамъ и 2 постороннимъ лицамъ—за попытки къ обману и нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ (§ 44 п. а, б, в и § 55 п. і означенныхъ правилъ). Всего устранено было въ 1885 г. отъ испытаній или добровольно отъ нихъ отказалось 194 человѣка, что составляетъ 5,1% въ отношеніи къ общему числу заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ. Въ 1883 году не были допущены къ испытаніямъ или отказались отъ нихъ 141 (4%), въ 1884 году 179 (4,5%). Наибольшее число устраненныхъ отъ испытаній по малоуспѣшности въ ученіи выпадаетъ на долю гимназій въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ (33), Варшавскомъ (25), Московскомъ (23), Кіевскомъ (13), Харьковскомъ и Дерптскомъ (по 16). За исключеніемъ изъ числа заявившихъ о желаніи подвергнуться испытанію вышеозначенныхъ 194 молодыхъ людей, въ дѣйствительности подвергались испытаніямъ:

учениковъ правительственныхъ гимназій . . .	3070
„ церковныхъ училищъ	55
„ частныхъ гимназій „	63
постороннихъ лицъ	423
Всего	3611

Удовлетворительно выдержали испытанія и затѣмъ удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости:

учениковъ правительственныхъ гимназій .	2738	(89,2%)
„ церковныхъ училищъ . . .	54	(98,2%)
„ частныхъ гимназій.	59	(93,6%)
постороннихъ лицъ	197	(46,6%)
Всего	3048	(84,4%)

Не выдержали испытаній:

учениковъ правительственныхъ гимназій .	332	(10,8%)
„ церковнаго училища	1	(1,8%)
„ частныхъ гимназій	4	(6,3%)
постороннихъ лицъ	226	(53,4%)
Всего .	563	(15,6%)

Въ сравненіи съ предшествующимъ годомъ, число подвергавшихся испытаніямъ въ 1885 году увеличилось на 104 человѣка или 2,9%, число удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости на 65 человѣкъ или 2,2%, въ общемъ итогѣ по всѣмъ категоріямъ экзаменующихся. Наибольшій процентъ учениковъ правительственныхъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, выпадаетъ въ 1885 г. на долю учебныхъ округовъ: Казанскаго (96,3%), Оренбургскаго (95,3%), С.-Петербургскаго (94,1%), Одесскаго (92,4%), Дерптскаго (91%) и Кіевскаго (90,9%); наименьшій приходится на Варшавскій учебный округъ (81,5%), при чемъ въ разчетъ не приняты гимназіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа и Восточной Сибири, по незначительному числу экзаменующихся въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, и Ташкентская гимназія, единственная въ Туркестанскомъ краѣ, въ которой подвергались испытанію 5 учениковъ и всѣ выдержали экзаменъ удовлетворительно.

Въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ успѣшность испытаній въ процентномъ отношеніи увеличилась въ учебныхъ округахъ: Оренбургскомъ на 5,8%, въ Дерптскомъ на 7,5%, въ Виленскомъ на 1% и, напротивъ, нѣсколько понизилась въ учебныхъ округахъ; Московскомъ (на 6,6%), Харьковскомъ (на 2,1%), Одесскомъ на (3,1%), Кіевскомъ (на 1,7%) и Варшавскомъ (на 1,2%).

Изъ учениковъ четырехъ церковныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ 97,9% выдержали испытанія удовлетворительно, ученики же училища св. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ всѣ безъ исключенія удостоены аттестата зрѣлости. Въ частныхъ гимназіяхъ г. С.-Петербурга удовлетворительно выдержавшихъ испытанія оказалось 96% общаго числа подвергавшихся въ нихъ испытаніямъ; въ частныхъ же гимназіяхъ г. Москвы всѣ подвергавшіеся экзамену его выдержали безъ исключенія; въ частной гимназіи Кольмана въ г. Дерптѣ успѣшно окончившихъ курсъ числилось 83,3%. Наиболѣе успѣшные результаты испытаній зрѣлости для постороннихъ лицъ оказались въ учебныхъ округахъ: Виленскомъ (66,6%) Дерптскомъ (59,6%), Казанскомъ (57,9%), Кіевскомъ (50,6%) и Оренбургскомъ (50%).

Общее число окончившихъ гимназическій курсъ въ 1885 году, считая вмѣстѣ учениковъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, и постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ въ тѣхъ же гимназіяхъ, въ среднемъ выводѣ на каждую гимназію опредѣляется цифрою—18,6. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ этотъ средній выводъ возвышается до 30 учениковъ на каждую гимназію округа, въ Виленскомъ составляетъ 22, въ Дерптскомъ 21, въ Московскомъ и Казанскомъ по 19 или 20. Наименьшее число окончившихъ курсъ выпадаетъ на долю учебныхъ заведеній Сибири, Семирѣченской области и Туркестанскаго края, гдѣ minimum доходитъ до 6 учениковъ на учебное заведеніе.

Лучшіе ученики гимназій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, награждены были медалями золотыми и серебряными. Число розданныхъ въ 1885 году медалей простиралось до 286 (въ томъ числѣ 154 золотыхъ и 132 серебряныхъ), что̀ составляетъ около 11,4% въ отношеніи къ общему числу удостоенныхъ аттестата зрѣлости учениковъ тѣхъ гимназій, въ коихъ установлена эта награда [1]). Наиболѣе роздано медалей въ Кіевскомъ учебномъ округѣ—47 (22 золотыхъ и 25 серебряныхъ), въ С.-Петербургскомъ округѣ—44 (29 золотыхъ и 15 серебряныхъ, въ томъ числѣ 2 золотыя и 1 серебряная въ гимназіяхъ гг. Мая и Гуревича) и въ Московскомъ 43 (23 золотыхъ и 20 серебряныхъ).

Оказавшихъ неудовлетворительные успѣхи на испытаніяхъ, какъ и въ предыдущіе годы, наиболѣе затрудняли главные предметы гимназическаго курса: древніе языки, русскій языкъ и словесность и математика. Изъ 332 учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ въ 1885 году испытаній зрѣлости, получили неудовлетворительныя отмѣтки:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По латинскому языку .	187	86	273
„ греческому „ . . .	169	77	246
„ русскому „ . . .	122	—	122
„ математикѣ	127	67	194
„ прочимъ предметамъ курса	—	65	65
Всего .	605	295	900

[1]) Въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ и въ коллегіи Павла Галагана награды золотыми и серебряными медалями не полагается.

Изъ 226 постороннихъ лицъ получили такія же неудовлетворительныя отмѣтки:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По латинскому языку .	158	69	227
„ греческому „ .	145	66	211
„ русскому „ .	107	47	154
„ математикѣ	103	46	149
Изъ исторіи	—	43	43
„ географіи	—	22	22
По закону Божію. . .	—	17	17
„ новымъ иностран. языкамъ	—	22	22
Изъ физики.	—	33	33
„ логики	—	8	8
Всего .	513	373	886

Сравнивая приведенныя двѣ таблицы, слѣдуетъ вывести заключеніе, что изъ числа учениковъ гимназій, признанныхъ въ 1885 г. подготовленными къ аттестату зрѣлости, каждый оказалъ на экзаменѣ неудовлетворительныя познанія, среднимъ числомъ, по 2 или 3 предметамъ гимназическаго курса одновременно, а изъ постороннихъ лицъ, не выдержавшихъ испытаній, по 3 или 4 предметамъ одновременно.

Изъ 337 учениковъ гимназій, не выдержавшихъ испытаній (332 ученика правительственныхъ гимназій, 1 ученикъ церковнаго училища и 4 ученика частныхъ гимназій), 218 пожелали остаться на второй годъ въ VIII классѣ для повторенія курса, и 119 выбыли со свидѣтельствами, выданными на основаніи § 72 правилъ объ испытаніяхъ.

По возрастамъ, удостоенные аттестата или свидѣтельства, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

17-ти-лѣтнихъ числилось . .	191	или	6,3%
18 „ „ . . .	587	„	19,2%
19 „ „ . . .	771	„	25,3%
20 „ „ . . .	659	„	21,6%
21 года и болѣе „ . . .	840	„	27,6%

Отдѣльно для учениковъ правительственныхъ гимназій указанныя процентныя отношенія располагаются въ слѣдующей постепен-

ности 6,2%, 19,9%, 26,4%, 22% и 25,4%. Такимъ образомъ оказывается, что въ числѣ абитуріентовъ гимназій въ 1885 г. значительное большинство составляли учащіеся трехъ старшихъ возрастовъ, какъ въ общемъ итогѣ всѣхъ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, такъ и отдѣльно въ общемъ числѣ окончившихъ курсъ въ правительственныхъ гимназіяхъ. Въ церковныхъ училищахъ преобладали ученики 19-ти лѣтняго возраста, составляя болѣе 1/3 всѣхъ окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ по ихъ классическимъ отдѣленіямъ, именно 35,2%; въ частныхъ гимназіяхъ преобладали ученики 18-ти лѣтняго возраста, составляя 28,8%, а между посторонними лицами значительное число удостоенныхъ гимназическаго свидѣтельствами зрѣлости имѣли болѣе 21 года и составляли 62,9% общаго числа экзаменовавшихся этой категоріи.

Изъ общаго числа всѣхъ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости 2907, или 95,4%, заявили о своемъ желаніи поступить въ университеты и другія соотвѣтствующія имъ по курсу высшія учебныя заведенія; въ томъ числѣ 1059, или 34,7%, на медицинскій факультетъ, или въ военно-медицинскую академію, 708, или 23,2%, на физико-математическій факультетъ, 695, или 22,8%, на юридическій, 366, или 12%, на историко-филологическій факультетъ университета и въ историко-филологическіе институты, 40, или 1,3%, на факультетъ восточныхъ языковъ и 39, или 1,3%, на богословскій факультетъ Дерптскаго университета или въ духовныя академіи; въ иныя высшія спеціальныя учебныя заведенія направились 115 молодыхъ людей, составляющихъ 3,8% общаго числа абитуріентовъ гимназій, въ томъ числѣ 49 поступили или намѣревались поступить въ технологическій институтъ, 30 въ земледѣльческую академію или лѣсной институтъ, 22 въ горный институтъ, 4 въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, 3 въ строительное училище, 5 въ академію художествъ и 2 въ военныя училища (Павловское военное училище и инженерное училище); 25 молодыхъ людей предполагали посвятить себя по окончаніи гимназическаго курса непосредственно практической дѣятельности (0,8%), въ томъ числѣ: 5 государственной службѣ гражданской и 8 военной, 2 частной дѣятельности—учебной, 5 сельско-хозяйственной и 5 коммерческой.

Въ сравненіи съ предыдущими годами не замѣчается значительной разницы въ распредѣленіи абитуріентовъ гимназій по занятіямъ, къ коимъ они себя предназначали. Такъ, напримѣръ, предполагали поступить:

На факультеты:	Въ 1883 г.	Въ 1884 г.	Въ 1885 г.
историко-филологическій .	290	359	366
юридическій	569	648	695
физико-математическій . .	828	721	708
медицинскій	998	1025	1059
въ высшія спец. учеб. зав.	111	128	115
на попр. практ. дѣятельн.	22	12	25

Независимо отъ свѣдѣній о награжденіи лучшихъ учениковъ золотыми и серебряными медалями, гимназіи ежегодно представляютъ списки тѣхъ молодыхъ людей, окончившихъ въ нихъ курсъ, отъ которыхъ ихъ начальство ожидало дальнѣйшихъ успѣховъ по различнымъ отраслямъ науки, на основаніи обнаруженныхъ имъ способностей, примѣрнаго поведенія и пріобрѣтенныхъ познаній. Именные списки этихъ молодыхъ людей за 1885 г. напечатаны въ вѣдомости № 5, приложенной въ концѣ этой статьи. Изъ означенной вѣдомости усматривается, что подобные списки представили 89 гимназій изъ числа 164, въ которыхъ въ 1885 г. производились испытанія зрѣлости. Въ представленные списки внесены имена 238 молодыхъ людей, наиболѣе выдающихся своими способностями и достоинствами, на которыхъ означенныя гимназіи пожелали обратить особенное вниманіе учебной администраціи, что̀ составляетъ, впрочемъ, не болѣе 2 или 3 въ среднемъ выводѣ на каждое учебное заведеніе изъ числа представившихъ списки и не болѣе 7,8% въ отношеніи къ общему числу всѣхъ признанныхъ зрѣлыми. Наибольшее число этихъ молодыхъ людей предполагало поступить на физико-математическій факультетъ, именно 77, или 32,3%, общаго ихъ числа, 61, или 25,6%, на историко-филологическій, 47, или 19,7%, на медицинскій и 38, или 16%, на юридическій факультетъ; остальные 6,3% на богословскій факультетъ Дерптскаго университета (7), на факультетъ восточныхъ языковъ (4) и въ технологическій институтъ или политехническое училище (4).

Въ 1885 году въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на испытаніяхъ по закону Божію присутствовали главный наблюдатель за преподаваніемъ этого предмета, преосв. Арсеній, епископъ Ладожскій, и помощникъ его протоіерей Яхонтовъ, а по другимъ предметамъ были приглашаемы профессоры и доценты С.-Петербургскаго университета. По Московскому учебному округу, въ качествѣ депутатовъ отъ учебно-окружнаго управленія, присутствовали: въ гимназіи при Лазаревскомъ институтѣ во-

сточныхъ языковъ, на устныхъ испытаніяхъ по латинскому и греческому языкамъ, ординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ римской словесности Ѳ. Е. Коршъ; во второй Московской гимназіи, на устныхъ испытаніяхъ по латинскому языку, ординарный профессоръ того же университета, по каѳедрѣ римской словесности, И. В. Цвѣтаевъ; въ третьей и четвертой Московскихъ гимназіяхъ, на испытаніяхъ по математикѣ, заслуженный ординарный профессоръ Давыдовъ и ординарный профессоръ Слудцкій; въ первой, пятой и шестой гимназіяхъ на испытаніяхъ по исторія—профессора: Поповъ, Виноградовъ и Ключевскій; въ частной гимназіи Поливанова, въ качествѣ депутатовъ отъ окружнаго управленія, присутствовали: преподаватель Лазаревскаго института Корелинъ и окружный инспекторъ Киндлеръ; послѣдній присутствовалъ и въ частной гимназіи Креймана на всѣхъ испытаніяхъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ.

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ присутствовали на испытаніяхъ зрѣлости: въ Оренбургской гимназіи — попечитель округа и окружный инспекторъ Великановъ, а въ Екатеринбургской—окружный инспекторъ Чеховичъ. На испытаніяхъ зрѣлости въ Виленскомъ учебномъ округѣ, по закону Божію православнаго исповѣданія, въ гимназіяхъ: Минской, Витебской и Могилевской, присутствовали мѣстные епископы, преосв. Варлаамъ и Маркеллъ, ректоръ Могилевской духовной семинаріи и Витебскій губернаторъ, а по закону Божію римско-католическаго исповѣданія, въ Ковенской гимназіи, суфраганъ Тельшевской епархіи Барановскій; по греческому, латинскому языкамъ и исторіи, въ гимназіяхъ: Виленской 1-й, Шавельской, Слуцкой и Могилевской — окружный инспекторъ Бѣлецкій. Въ гимназіи г. Варшавы командированы были, въ качествѣ депутатовъ по разнымъ предметамъ, профессоры мѣстнаго университета: Востоковъ, Бобчинскій, Зининъ, Трессъ, Мержинскій, Дьячанъ, Смирновъ и лекторъ Кулаковскій, а въ Петроковскую гимназію того же учебнаго округа проф. Сонинъ. Въ Ташкентскую гимназію, въ качествѣ депутата отъ управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края, командированъ былъ инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области С. С. Прилежаевъ [1]), и, кромѣ того, испытанія посѣщали: мѣстный епископъ преосв. Неофитъ и главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края А. И. Забѣлинъ.

---

[1]) Окончившій курсъ въ С.-Пб. историко-филолог. институтѣ.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ испытанія зрѣлости въ двухъ гимназіяхъ г. Тифлиса происходили въ присутствіи попечителя округа или окружныхъ инспекторовъ Ильяшенко и Короваева.

Въ Вѣрненской гимназіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа для письменныхъ испытаній предложены были особыя отъ остальныхъ гимназій Западной Сибири темы, такъ какъ, въ виду Высочайшаго повелѣнія 13 августа 1880 г. объ увеличеніи каникулярнаго времени въ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края, испытанія въ этой гимназіи, принадлежавшей прежде къ учебнымъ заведеніямъ упомянутаго края, начались ранѣе, чѣмъ въ прочихъ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго округа.

Во Владимірской гимназіи Московскаго учебнаго округа произошло разногласіе между депутатомъ отъ окружнаго управленія и большинствомъ членовъ испытательной коммиссіи относительно письменной работы одного изъ учениковъ гимназіи по русскому языку. Означенное сочиненіе было оцѣнено балломъ 2, депутатъ призналъ его удовлетворительнымъ и заслуживающимъ балла 3; попечительскій совѣтъ, на разсмотрѣніе коего восходило это дѣло, утвердилъ единогласно мнѣніе депутата и рѣшилъ встрѣтившееся сомнѣніе въ пользу ученика.

Подобное же разногласіе обнаружилось въ мнѣніяхъ директора гимназіи или депутата и прочихъ членовъ испытательныхъ коммиссій въ гимназіяхъ Варшавской 3-й и Холмской, по поводу трехъ сочиненій по русскому языку; по ближайшемъ разсмотрѣніи означенныхъ сочиненій въ попечительскомъ совѣтѣ Варшавскаго учебнаго округа, со стороны содержанія и изложенія всѣ три ученическія работы признаны удовлетворительными.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Темы и задачи, предложенныя для письменнаго рѣшенія на испытаніяхъ зрѣлости въ 1885 году (одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

I. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

„Чувство при разставаніи съ учебнымъ заведеніемъ".

2. По латинскому языку.

Когда, во время междоусобной войны, въ сорокъ девятомъ году до Рождества Христова, легатъ Цезаря Куріонъ, тщетно пытавшійся овладѣть Утикою, гдѣ засѣлъ приверженецъ Помпея Варъ, которому помогали нумидійцы, услышалъ отъ нѣкоторыхъ перебѣжчиковъ, что царь Юба, *отвлеченный* [1]) пограничною войною, остался въ предѣлахъ своего царства, а что Сабурра, префектъ его, посланный съ незначительными силами, приближается къ Утикѣ, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе [состоявшее въ томъ, чтобы] дождаться прибытія остальныхъ войскъ изъ Сициліи и затянуть войну, и рѣшился вступить въ сраженіе. Въ началѣ ночи онъ послалъ всю конницу противъ непріятельскаго лагеря, надъ которымъ начальствовалъ Сабурра, не подозрѣвая, что за Сабуррою слѣдуетъ самъ Юба, расположившійся отъ лагеря Сабурры на разстояніи шести миль. Всадники, посланные ночью, напали неожиданно на непріятелей, *погруженныхъ въ сонъ* [2]; перебивъ большое число ихъ, они уже возвращались къ Куріону и вели къ нему плѣнныхъ, какъ въ исходѣ ночи выступилъ со всѣми войсками самъ Куріонъ, оставивъ на защиту лагеря пять когортъ. Пройдя не болѣе шести миль, онъ *встрѣтился* [3] съ возвращающимися всадниками и спросилъ у плѣнныхъ, кто начальствуетъ надъ лагеремъ. Когда тѣ отвѣтили, что Сабурра, онъ, обратившись къ своимъ, сказалъ: „развѣ вы не видите, воины, что слова плѣнныхъ сходятся со словами перебѣжчиковъ, а именно, что царь отсутствуетъ, что посланныя имъ войска незначительны, такъ какъ они не могли *устоять* [4] противъ немногихъ только всадниковъ? Поэтому поспѣшите къ добычѣ, къ славѣ, чтобы я уже теперь началъ думать о вашихъ наградахъ и о воздаяніи благодарности". Между тѣмъ Юба, извѣщенный Сабуррою о ночномъ сраженіи, подослалъ Сабуррѣ двѣ тысячи всадниковъ, которыхъ онъ обыкновенно держалъ при себѣ для своей собственной охраны, и ту часть пѣхоты, которой онъ наиболѣе довѣрялъ; самъ же съ остальными войсками и шестьюдесятью слонами подступалъ нѣсколько медленнѣе. Такъ какъ Сабурра не сомнѣвался, что на него хочетъ сдѣлать нападеніе самъ Куріонъ, то онъ привелъ въ порядокъ свои войска и приказалъ имъ мало по малу подъ видомъ страха отступать, говоря, что когда будетъ надобность, онъ дастъ знакъ сраженія и прикажетъ, чего потребуютъ обстоятельства. Едва Куріонъ свелъ свои войска съ возвы-

менныхъ мѣстъ на равнину, какъ неожиданно былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелями и погибъ почти со всѣмъ своимъ войскомъ.

1. revocare. 2. opprimere somno. 3. convenire. 4. parem esse.

3. По греческому языку.

На шестнадцатомъ году Пелопоннесской войны прибыли въ Аѳины послы изъ Сициліи, веля съ собою шестьдесятъ талантовъ, и просили аѳинянъ помочь *егестейцамъ* [1] противъ *селинунтцевъ* [2]. Аѳиняне постановили отправить въ Сицилію Никія и Алкивіада съ большимъ войскомъ и шестьюдесятью кораблями, надѣясь подчинить себѣ весь островъ. Между тѣмъ въ одну ночь у большей части гермовъ, которые стояли въ преддверіяхъ домовъ и храмовъ, *разбиты* [3] были лица, и никто не зналъ сдѣлавшихъ это. [Люди] наиболѣе *недовольные* [4] Алкивіадомъ, *мѣшавшимъ* [5] имъ *править* [6] народомъ, *обвиняли* [7] его въ этомъ [преступленіи], полагая, что, если они изгонятъ его изъ отечества, они сами займутъ первенствующее мѣсто (будутъ первыми). Онъ же оправдывался и готовъ былъ *подвергнуться суду* [8] прежде тѣмъ отплыть и, если окажется, что онъ совершилъ что-либо такое, понести наказаніе. Враги же его, опасаясь, что онъ будетъ имѣть войско на своей сторонѣ (=благосклоннымъ), если *тотчасъ* [9] будетъ *преданъ суду* [10], приказывали ему выѣхать и не *задерживать похода* [11], потому что они надѣялись въ его отсутствіе легче собрать противъ него болѣе сильныя улики (=клевету), затѣмъ, чтобы потомъ вызвать его въ Аѳины къ суду. И такъ рѣшено было отплыть Алкивіаду.

1. οἱ Ἐγεσταῖοι. 2. οἱ Σελινούντιοι. 3. περικόπτω. 4. ἄχθομαι c. dat. 5. ἐμποδὼν εἰμι. 6. черезъ гл. προΐστημι. 7. αἰτιάομαι. 8. κρίνομαι. 9. ἤδη. 10. ἀγωνίζομαι. 11. κατέχω τὴν ἀγωγήν.

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Державинъ, какъ пѣвецъ Екатерины II.

Запасная. Почему слѣдуетъ дорожить памятниками древности?

2. По латинскому языку.

Основная. Побѣдивъ боіевъ и принявъ отъ нихъ заложниковъ, консулъ П. Корнелій Сципіонъ, *въ твердой уверенности* [1], что сенатъ удостоитъ его чести тріумфа, распустилъ войско и приказалъ ему *явиться* [2] *ко* [3] дню тріумфа въ Римъ; самъ онъ на другой день послѣ своего *прибытія* [4] въ городъ созвалъ сенатъ и, *изложивъ* [5], какое пораженіе онъ *нанесъ* [6] боіямъ, просилъ *позволенія* [7] *торжественно* [8] *въѣхать* [9] въ Римъ. Народный трибунъ Семпроній *Блезъ* *) высказывалъ было мнѣніе, „что не слѣдуетъ *отказывать* [10] Корнелію въ тріумфѣ, но что его нужно *отложить* [11], [ибо], пока *лигурійцы* [12], постоянная *поддержка* [13] боіевъ въ прежнія войны, не будутъ *покорены* [14], то и боіи не *успокоятся* [15]; если бы П. Сципіонъ перешелъ съ своимъ побѣдоноснымъ

*) Blaesus.

войскомъ въ область лигурійцевъ, съ которыми уже третій годъ Кв. Минуцій ведетъ войну *съ сомнительнымъ успѣхомъ* [16], то онъ *окончилъ* бы [17] всю войну и имѣлъ бы [основаніе] просить тріумфа". На это Корнелій отвѣчалъ, „что онъ проситъ тріумфа не для себя, а для войска. Если уже не *признаютъ* [18] того, что онъ *сдѣлалъ* [19] въ своей провинціи, и ему ставятъ въ упрекъ, что онъ не дѣлалъ того, о чемъ даже не просилъ его Минуцій, то почему же воины, не оставившіе въ провинціи ни одного врага, не считаются достойными *участвовать* [20] въ тріумфѣ своего полководца? Если же сенатъ желаетъ, чтобы они шли *на* [8] новыя опасности, то пусть онъ прикажетъ, прежде чѣмъ ихъ отправить, *выплатить* имъ *сполна* [21] *вознагражденіе* [22] за прежніе труды". Едва консулъ окончилъ свою рѣчь, какъ весь сенатъ не только самъ *разрѣшилъ* [23] ему тріумфъ, но и *постановленіемъ* [24] своимъ *побудилъ* [25] трибуна *отказаться отъ вмѣшательства* [26].

1. nihil dubito. 2. adsum я на лицо. 3. ad. 4. глаголъ. 5. expono. 6. afficio. 7. licet. 8. triumpho. 9. invehor. 10. nego. 11. differo. 12. Ligures. 13. относительное предложеніе. 14. subigo. 15. quiesco. 16. dubius. 17. conficio. 18. aestimo. 19. gero. 20. particeps sum. 21. persolvo. 22. merces. 23. decerno. 24. auctoritas. 25. commoveo. 26. intercessionem remitto.

Западная. Въ то время, когда это происходило въ Азіи, римляне послали пословъ къ Антіоху, которые бы, подъ *видомъ* [1] посольства, *развѣдали* [2], какія царь дѣлаетъ *приготовленія* [3], и либо склонили Ганнибала *на сторону* римлянъ, или же сдѣлали его самого *подозрительнымъ* [5] и *ненавистнымъ* [6] царю. Послы, прибывъ въ Эфесъ, передали Антіоху порученія сената, который требовалъ, чтобы царь довольствовался предѣлами Азіи. Пока они дожидались отвѣта, они ежедневно бывали у Ганнибала, *стараясь* [7] убѣдить его, „что со стороны римлянъ ему не угрожаетъ никакая опасность; что онъ поступилъ *малодушно* [8], что удалился изъ отечества, такъ какъ римляне *свято* [9] хранятъ миръ, заключенный скорѣе съ нимъ, чѣмъ съ государствомъ; ибо, кому неизвѣстно, что *онъ* одинъ *предпринялъ* [10] эту войну, самую опасную, которую когда-либо кто велъ, не столько изъ ненависти къ римскому имени, сколько изъ любви къ отечеству, которому *каждый* [11] хорошій [гражданинъ] *обязанъ жертвовать* [12] даже жизнью? Поэтому, пусть онъ не усомнится возвратиться въ Карѳагенъ, гдѣ его сограждане теперь гораздо болѣе оцѣнятъ его *труды* [13], нежели они то сдѣлали два года тому назадъ". Вслѣдъ затѣмъ они [обыкновенно начинали] хвалить его подвиги въ мирное и военное время. Ганнибалъ, *довольный* [14] этими похвалами [бывшихъ враговъ, разговаривалъ съ послами чаще и охотнѣе [чѣмъ бы то слѣдовало], *не понимая* [15], какую ненависть [со стороны] царя онъ *создастъ себѣ* [16] *знакомствомъ* [17] съ римлянами. И дѣйствительно Антіохъ, какъ только узналъ объ этихъ частыхъ разговорахъ, опасаясь, что Ганнибалъ тайно *примирился* [18] съ римлянами и притворяется только, будто онъ *непримиримый* ихъ *врагъ* [19], сталъ скрывать отъ него свои планы и ненавидѣть его, какъ врага и предателя.

1. species. 2. speculor 1. 3. apparatus. 4. partes sequor. 5. suspectus. 6. invisus. 7. operam do. 8. timide. 9. съ величайшею вѣрностью (fides). 10. suscipio. 11. quisque 12. debeo. 13. opera 1. 14. laetus. 15. ignarus. 16. creo, concito. 17. familiaritas. 18. in gratiam redire. 19. превосходная степень.

3. По греческому языку.

Основная. Нѣкто Гобрій [1], мужъ уже *преклонныхъ лѣтъ* [2], придя къ Киру, сказалъ: „я родомъ *ассиріецъ* [3], владѣю (=имѣю) сильнымъ *замкомъ* [4] и управляю обширною страною. Я пришелъ къ тебѣ, желая быть твоимъ рабомъ и союзникомъ, и прошу тебя *отомстить за* [5] меня. Былъ у меня единственный сынъ, который, любя и почитая меня, *дѣлалъ* [6] меня счастливѣйшимъ отцомъ; его убилъ теперешній царь еще при жизни своего отца. Ибо, когда прежній царь призвалъ моего сына, чтобы выдать за него свою дочь, я отпустилъ его, *гордясь* [7], что увижу сына *супругомъ* [8] царской дочери. Сынъ мой, *приглашенный* [9] на *охоту* [10], *охотился вмѣстѣ* [11] съ царскимъ сыномъ, какъ съ другомъ. Когда же *появился* [12] левъ, тотъ, *метнувъ копье* [13], *далъ промахъ* [14], а сынъ мой *поразилъ* *) звѣря. Тогда-то *злодѣй* [15] этотъ, не *сдержавъ* [16] своего гнѣва, убилъ моего сына, какъ врага. Если бы прежній царь былъ живъ, я никогда не пришелъ бы къ тебѣ, ибо много добра я испыталъ отъ него и самъ ему оказалъ. Но такъ какъ теперь царствуетъ убійца моего сына, то ни я не *могу* [17] быть *преданнымъ* [18] ему, ни онъ не *можетъ* [17] считать меня другомъ, зная, какъ я *отношусь* къ нему [19]“. „Скажи мнѣ“, сказалъ Киръ,—„если мы примемъ тебя и дозволимъ тебѣ имѣть страну и власть, которую ты прежде имѣлъ, что ты намъ за это дашь?“ Онъ же отвѣчалъ: „*Дань* [20], которую я прежде *платилъ* [21] Ассирійскому царю, я буду платить тебѣ и, куда бы ты ни отправился походомъ, я буду слѣдовать за тобою“. „*На этомъ условіи*“ [22], сказалъ Киръ,—„даю тебѣ мою правую руку и беру твою, а боги да будутъ намъ свидѣтелями“.

1. Γωβρύας 1. 2. πρεσβύτης. 3. Ἀσσύριος. 4. τεῖχος. 5. τιμωρὸς γίγνομαί τινι. 6. τίθημι. 7. μέγα φρονέω. 8. γαμέτης 1. 9. παρακαλέω. 10. θήρα 1. 11. συνθηράω. 12. παρατυγχάνω. 13. ἀκοντίζω. 14. ἁμαρτάνω. 15. ἀνόσιος. 16. κατέχω, 17. mod. potentialis. 18. εὔνους. 19. ἔχω πρός τινα. 20. δασμός. 21. ἀποφέρω. 22. ἐπὶ τούτοις.

Запасная. Взявъ городъ аѳинянъ, Ксерксъ велѣлъ *Мардонію* [1] созвать *начальниковъ флота* [2] и посовѣтоваться съ ними, *давать ли морское сраженіе* [3]. Между тѣмъ какъ всѣ другіе *требовали* [4], чтобы царь сразился съ греками на морѣ, *Артемизія* [5], царица Галикарнасская [6], которая съ пятью кораблями слѣдовала за царемъ *въ его походѣ* [7] на Грецію, посовѣтовала щадить корабли и, если греки не сами *нападутъ* [8] на нихъ, не подвергаться большой опасности, потому что греки на морѣ на столько же *сильнѣе* [9] персовъ, на сколько мужчины (сильнѣе) женщинъ. „Зачѣмъ *вообще*“ [10], говорила она,—„нужно царю дать морское сраженіе? Развѣ онъ не владѣетъ уже Аѳинами, ради которыхъ онъ выступилъ въ походъ? Если онъ будетъ *ждать* [11], *держа* [12] корабли у *берега* [13], а *сухопутное войско* [14] пошлетъ противъ Пелопоннеса, то греки *разсѣются* [15], чтобы подать помощь своимъ городамъ; если же онъ дастъ морское сраженіе, то я боюсь, какъ бы *флотъ* [16], *потерпѣвъ пораженіе* [17], не погубилъ и сухопутное войско“. Ксерксъ, хотя [18] и *съ удовольствіемъ* [19] вы-

*) καταβάλλω.

слушалъ *доложенное* [20] ему мнѣніе Артемизіи, однако *послушался* [21] большинства, потому что надѣялся множествомъ своихъ кораблей легко *одолѣть* [22] грековъ.

1. Μαρδόνιος. 2. ναύαρχος. 3. ναυμαχέω. 4. κελεύω. 5. Ἀρτεμισία. 6. Галикарнасцевъ Ἁλικαρνασσεύς. 7. глаголъ. 8. ἐπιτίθημι Μ. 9. сравнит. степень отъ ἀγαθός. 10. πάντως. 11. μένω. 12. ἔχω. 13. γῆ. 14. τὸ πεζικόν, ἡ πεζικὴ δύναμις 15. σκεδάννυμι. 16. τὸ ναυτικόν. 17. ἡττάομαι. 18. μέν. 19. ἥδομαι. 20. ἀπαγγέλλω. 21. πείθομαι. 22. περιγίγνομαι.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Основная. Два купца внесли деньги для общаго торговаго предпріятія; одинъ вложилъ 10,000 руб. на 3 года, другой 6,000 р. на 5 лѣтъ. Послѣ раздѣла оказалась прибыль, изъ коей, уплативъ въ пользу города 8%, на оставшіеся 3,956 руб. куплено ими три партіи чая по 122,(6) руб. за пудъ. Вѣсъ первой партіи относится къ вѣсу второй, какъ $^1/_8$: 0,08(3); вѣсъ чая третьей партіи составляетъ $7^1/_2$ % вѣса двухъ первыхъ партій вмѣстѣ. Узнать: 1) сколько получено было прибыли послѣ раздѣла, 2) сколько пудовъ въ каждой партіи чая и 3) сколько пудовъ приходится на каждаго купца?

Запасная. Куплено два сорта чая, перваго по 2,(6) руб. и втораго по 4,(8) р. за фунтъ. Изъ перваго сорта взято $\frac{4}{27}$ его количества, а изъ второго $\frac{25}{54}$ количества, послѣ чего составилось 50 фунт. смѣси, которую, безъ прибыли и убытка, можно продавать по $3^1/_3$ рубля за фунтъ. Узнать, сколько денегъ было у купца, если на покупку обоихъ сортовъ чая имъ употреблено лишь 5% всѣхъ его денегъ?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Въ геометрической прогрессіи сумма крайнихъ членовъ=21, сумма среднихъ = 19, а сумма квадратовъ всѣхъ четырехъ членовъ = 442. Найдти пропорцію.

Запасная. Два каменьщика, изъ коихъ второй начинаетъ работать $1^1/_2$ днями позже перваго, могутъ выстроить стѣну въ 7 дней. Еслибы эта работа была поручена каждому отдѣльно, то первому для ея совершенія понадобилось бы тремя днями болѣе, чѣмъ второму. Во сколько дней каждый изъ нихъ отдѣльно выстроитъ стѣну?

в) *По геометріи.*

Основная. Полная поверхность усѣченнаго конуса = 616 кв. фут.; его высота=8 ф.; разность діаметровъ обоихъ основаній=12 ф. Вычислить радіусы основаній (принимая $\Pi = \frac{22}{7}$ и ограничиваясь однимъ десятичнымъ знакомъ).

Запасная. Высота правильной пирамиды=7,3 ф., а боковая ея поверхность болѣе площади ея квадратнаго основанія на 16,2 кв. фута. Найдти объемъ этой пирамиды.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Изъ точки окружности радіуса 25,5 д. проведены двѣ хорды, коихъ длина a=29,8 д., b=48,4 д. Опредѣлить уголъ между ними.

Запасная. Периметръ равнобедреннаго тр-ка=22,4 д.; основаніе=4,2 д. Опредѣлить углы и площадь треугольника.

III. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Значеніе Пушкина въ исторіи русской словесности.

Запасная. Значеніе Ломоносова въ исторіи русской литературы.

2. По латинскому языку.

Основная. Сатурнинъ, народный трибунъ, внесъ законъ, чтобы сенатъ въ *народномъ собраніи* поклялся, что онъ будетъ одобрять все, что бы ни приказалъ народъ и что никогда не будетъ *противодѣйствовать*. Метеллъ, считавшій этотъ законъ и недостойнымъ авторитета сената, и пагубнымъ для республики, *открыто* заявилъ, что онъ никогда не поклянется. Увлекшись авторитетомъ столь важнаго въ государствѣ мужа, сенаторы разошлись съ форума по домамъ. Спустя немного дней, когда Сатурнинъ созвалъ отцевъ къ каѳедрѣ, угрозами сталъ побуждать ихъ къ тому, чтобы они *дали клятву*, то Марій, бывшій въ шестой разъ консуломъ, поклялся первымъ, а народъ привѣтствовалъ его *криками одобренія* и рукоплесканіями. Затѣмъ сенаторы, каждый въ свою очередь, дали клятву, боясь народнаго гнѣва. Дошло дѣло и до Метелла. Онъ, не смотря *на мольбы* друзей дать клятву, чтобы не понести тягчайшихъ наказаній, *предложенныхъ* Сатурниномъ, удалился изъ собранія, рѣшившись скорѣе умереть, чѣмъ сдѣлать хоть что-нибудь постыдное. Друзьямъ провожавшимъ его домой, онъ сказалъ: поступать честно, когда нѣтъ никакой опасности, *дѣло не хитрое*; между тѣмъ свойство *истинно-честнаго* мужа *идти прямымъ путемъ* даже въ виду личной опасности.

Запасная. Л. Манлій освобождается отъ суда, благодаря (opera) своему сыну (Cic. de officiis 3, 31).

Л. Манлію, сложившему съ себя должность диктатора (abdicare se dictatura, или черезъ dictatorem esse), М. Помпоній, народный трибунъ, назначилъ день суда за то, что онъ на нѣсколько дней продлилъ свою диктатуру (что онъ нѣсколько дней прибавилъ къ отправленію должности диктатора). Обвинялъ онъ Манлія также и въ томъ, что онъ сына Тита, который послѣ получилъ прозваніе Торквата, удалилъ отъ общества (relegare ab hominibus) и приказалъ ему жить въ деревнѣ. Разказываютъ, что когда узналъ объ этомъ юноша-сынъ, то тотчасъ же примчался (accurrere) въ Римъ и вмѣстѣ съ разсвѣтомъ явился въ домъ Помпонія. Когда послѣднему дали знать объ этомъ, то онъ, полагая, что сынъ, разгнѣванный на отца, сообщитъ ему что-нибудь важное (aliquid) противъ своего отца, немедленно всталъ съ постели и, удаливши свидѣтелей, приказалъ юношѣ войдти къ себѣ. А тотъ, какъ только вошелъ, тотчасъ обнажилъ мечъ и поклялся, что онъ умертвитъ его, если Пом-

поній не поклянется въ свою очередь, что освободитъ (missum facere) отца. Помпоній, подъ вліяніемъ (cogere) страха, далъ клятву, сообщилъ объ этомъ обстоятельствѣ (rem deferre) народу и объяснилъ, почему ему необходимо прекратить процессъ; Манлія же освободилъ. Такъ велико было въ тѣ времена значеніе клятвы!

3. По греческому языку.

Основная. Остракизмъ въ Аѳинахъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Отовсюду собирались въ городъ граждане. Каждый, взявъ *черепокъ* и написавъ, кого изъ гражданъ онъ хотѣлъ *изгнать*, относилъ въ одно мѣсто площади, *огражденное перилами*. Архонты сначала считали все количество черепковъ, потому что, если писавшихъ было менѣе 6,000, то изгнаніе остракизмомъ было не *дѣйствительно*. Потомъ, сложивъ отдѣльно каждое изъ именъ, *провозглашали* изгнаннымъ на 10 лѣтъ осужденнаго большинствомъ. *Посредствомъ остракизма изгоняемы* были только могущественные въ государствѣ люди и знатнаго происхожденія.

Впослѣдствіи времени, когда стали подвергать изгнанію незначительныхъ и порочныхъ людей, то остракизмъ былъ уничтоженъ.

Запасная. Аѳиняне и прочіе эллины.

Когда всѣ прочіе эллины, *при нашествіи* Ксеркса, *упали духомъ* и одни изъ нихъ, какъ ѳивяне, *подпали подъ власть* варваровъ и отправились съ ними въ походъ, а другіе, какъ пелопоннесцы, искали только своего спасенія, тогда лишь аѳиняне *рѣшились лучше* умереть, чѣмъ признать себя рабами варваровъ. Въ то время, когда приближалось 1200 триремъ и безчисленное сухопутное войско грозило вторгнуться въ Аттику; въ то время, когда такимъ образомъ нигдѣ не оставалось для аѳинянъ надежды на спасеніе, и они были *безъ союзниковъ* и видѣли себя обманутыми во всѣхъ своихъ надеждахъ, они однакоже *отказались* отъ всѣхъ *предложеній* царя, хотя могли бы не только избѣжать *грозившихъ* опасностей, но и воспользоваться великими почестями, которыя имъ царь предлагалъ, думая что, если склонитъ флотъ этого государства на свою сторону, онъ тотчасъ сдѣлается властителемъ Пелопоннеса. Аѳиняне *не гнѣвались* даже на грековъ за то, что были *оставлены* ими, но вооружились одни, чтобы *взять на себя борьбу* за свободу всей Греціи.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Основная. Три купца составили для торговаго предпріятія капиталъ въ 43,600 р. Внесенные капиталы каждымъ изъ нихъ относились между собою какъ $^2/_3 : ^3/_4 : ^2/_5$. По истеченіи трехъ лѣтъ образовалась такая прибыль, какъ будто ежегодно получалось по 8% (простыхъ) съ оборотнаго капитала. Сколько прибыли получилъ каждый купецъ на свой капиталъ?

Запасная. Въ общемъ торговомъ предпріятіи одно лицо участвовало капиталомъ въ 6000 р., бывшимъ въ оборотѣ 2 мѣсяца, а другое лицо—капиталомъ, составлявшимъ 0,1666... перваго и находившимся въ оборотѣ 6 мѣсяцевъ. Сколько получитъ каждый изъ общей прибыли, поступившей въ видѣ векселя

на 1,200 р., при продажѣ котораго необходимо было сдѣлать учетъ за 8 мѣсяцевъ до срока, по 6°/₀ годовыхъ (учетъ коммерческій)?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Въ магазинѣ полученъ ящикъ съ серебряными часами на 1112 р. Часы были въ 45 и 52 р. Сколько было часовъ той и другой стоимости?

Запасная. Опекунъ оставшагося малолѣтняго продалъ имѣніе за 24,800 р. и внесъ эти деньги въ банкъ, для обращенія, по 5% сложныхъ. Какую сумму получитъ владѣлецъ по истеченіи 15 лѣтъ, по достиженіи совершеннолѣтія?

в) *По геометріи.*

Основная. Цилиндрическій сосудъ вышиною въ 24 дюйма съ внутреннимъ діаметромъ 12 дюйм. налитъ до половины водою. Опредѣлить высоту уровня воды въ этомъ сосудѣ, если погрузить въ него сполна желѣзный кусокъ, имѣющій форму шестиугольной правильной призмы, которой высота 12,56 дюйм., а сторона основанія 4 дюйма.

Запасная. На половинѣ діагонали прямоугольника, имѣющаго основаніе 12, а высоту 9 футовъ, построенъ квадратъ, діагональ котораго служитъ стороною правильнаго треугольника.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Въ прямоугольномъ треугольникѣ A B C катетъ b=25 д., а прилежащій къ нему уголъ равенъ 25°, 18′ 46″. Опредѣлить гипотенузу и площадь треугольника.

Запасная. Вычислить діагональ и площадь ромба, котораго стороны равны 37,52, а уголъ между ними заключенный 30°, 20′ 15″.

IV. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Любовь къ отечеству—источникъ великихъ дѣяній.

Запасная. Значеніе монастырей въ древней Руси.

2. По латинскому языку.

Основная. T. Livii Lib. III, Cap. 15. Въ двѣсти девяносто четвертомъ году отъ основанія Рима изгнанники и рабы, числомъ до четырехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Аппія Гердонія (Herdonius) ночью захватили Капитолій и крѣпость. Немедленно были избиты въ крѣпости тѣ, которые не хотѣли принять участіе въ заговорѣ и взяться за оружіе. Нѣкоторые, впрочемъ, (ускользнувши) во время тревоги, *пораженные* (praeceps) ужасомъ, *поспѣшно приходятъ* (devolare) на форумъ. *Попеременно* (перемѣнный—alternus, a, um) стали раздаваться крики: „къ оружію“ и „непріятели въ городѣ“. Консулы, не зная, какого рода несчастіе столь неожиданно *постигло* (invadere) городъ, извнѣ оно или извнутри (внѣшнее или внутреннее), приписать ли причину его ненависти народа или вѣроломству

рабовъ, сначала боялись и вооружать народъ, и оставлять его безоружнымъ. Хотя они и собрали потомъ на *всякій случай* (omnis) достаточно надежный отрядъ, но оставаясь въ невѣдѣніи, кто именно непріятели и какъ велико ихъ число, остальную часть ночи провели въ томъ, что разставили караулы на удобныхъ мѣстахъ города. *Наступившій* день (lux) открылъ наконецъ и характеръ войны (войну) и ея вождя. Аппій Гердоній призывалъ изъ Капитолія рабовъ къ свободѣ, говоря, что онъ взялъ на себя (выполненіе) дѣла всѣхъ самыхъ несчастныхъ людей, съ цѣлью возвратить въ отечество изгнанниковъ, которые несправедливо были изгнаны изъ него, и избавить рабовъ отъ тяжкаго ига; что онъ лучше желаетъ достигнуть этого съ согласія римскаго народа; если же на это нѣтъ надежды, то онъ подниметъ вольсковъ и эквовъ (Aequi) и рѣшится (tentare aliquid) на самыя крайнія средства (все крайнее).

Запасная. Corn. Taciti Annal. Lib. II, Cap. 71. *Германикъ* (Germanicus), чувствуя, что силы покидаютъ его и наступаетъ конецъ, обратился къ стоявшимъ подлѣ друзьямъ со слѣдующими словами: „еслибы я *умиралъ* (concedere) *естественною смертью* (fatum), то и тогда жалоба моя была бы справедлива даже на боговъ, потому что они преждевременно, въ *цвѣтѣ лѣтъ* (juventa) похитили бы меня у родителей, дѣтей, отечества; теперь же *сраженный* (intercipere) злодѣяніемъ *Пизона и Планцины* (Piso, Plancina), я ввѣряю вашимъ сердцамъ мои послѣднія просьбы. Скажите отцу и брату, какими *жестокими обидами* (acerbitas) меня терзали, какими кознями я былъ окруженъ и какъ окончилъ несчастнѣйшую жизнь самою печальною смертью. Тѣ, кого *волновали* мои надежды, тѣ, кого *связывало* близкое родство (кровь), даже тѣ, кого *возбуждала* противъ меня при жизни зависть (волновать, связывать, возбуждать—*movere*), заплачутъ при вѣсти, что я, *окруженный* нѣкогда *блескомъ* (florens), переживщій столько сраженій, палъ отъ женскаго коварства. Вы будете имѣть поводъ жаловаться сенату, *обратиться* (invocare aliquid) къ законамъ. Не въ томъ заключается главная обязанность друзей, чтобы сопровождать покойника безполезными сожалѣніями, но въ томъ, чтобъ помнить о его волѣ и исполнить его порученія. Оплакивать Германика будутъ и незнакомые; мстить же за меня будете вы, если только вы любили болѣе меня, чѣмъ мое положеніе. Покажите римскому народу мою жену, *внучку* (neptis) божественнаго Августа, сосчитайте шестерыхъ дѣтей, и состраданіе будетъ *на сторонѣ* (cum) обвинителей".

Друзья Германика, держа правую руку умирающаго, поклялись, что они скорѣе готовы умереть, чѣмъ откажутся отъ мести.

3. По греческому языку.

Основная. *Перстень* (δάκτυλος) *Гигеса* (Γύγης). Plato. de rep. II. 359. D. E. 360. A. B. C. Гигесъ былъ пастухъ, *служившій по найму* (θητεύω) у тогдашняго правителя Лидіи (Λυδία). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пасъ стадо, отъ сильнаго дождя и землетрясенія *треснула* (ῥήγνυμι) нѣсколько земля и появилась *разсѣлина* (χάσμα). Увидѣвъ ее и поднявшись, онъ спустился въ нее и тамъ, кромѣ другихъ *чудесъ* (θαῦμα), нашелъ, говорятъ, мѣднаго *пустаго* (κοῖλος) коня съ дверями, *заглянувъ* (ἐγκύπτω) въ которыя, онъ увидѣлъ въ конѣ мертваго человѣка. У мертвеца не было ничего, кромѣ золотаго перстня на рукѣ.

Снявъ (περιαιρέω) его, Гигесъ вышелъ и явился съ перстнемъ на *обычную* (εἰωθώς) у пастуховъ *сходку* (σύλλογος). Сидя съ прочими пастухами, онъ случайно *повернулъ* (περιάγω) перстень *камнемъ* (σφενδόνη) къ себѣ и тотчасъ сдѣлался *невидимымъ* (ἀφανής) для сидѣвшихъ съ нимъ, такъ что они стали говорить о немъ, какъ объ ушедшемъ. Гигесъ удивился этому и, снова взявши перстень, повернулъ его камнемъ *наружу* (ἔξω) и сталъ *видимымъ* (φανερός). Замѣтивъ это, онъ продолжалъ испытывать камень, чтобы узнать, обладаетъ ли онъ такою же силою, и всегда оказывалось одно и то же. Понявъ это, онъ *добился того* (διαπράττομαι), что сдѣлался однимъ изъ тѣхъ пастуховъ, которые ежемѣсячно посылались къ царю съ *докладомъ* (ἐξαγγέλλω) относительно *стадъ* (ποίμνιον). Явившись къ царю, онъ вмѣстѣ съ царицею умертвилъ его и *захватилъ* (κατέχω) его власть. И такъ, еслибы было два перстня, и одинъ *надѣвалъ бы* (περιτίθημι) себѣ на руку человѣкъ справедливый, а другой несправедливый,—то, надо полагать, мало было бы столь твердыхъ (ἀδαμάντινος) людей, которые оставались бы вѣрны справедливости и рѣшились бы воздерживаться отъ чужаго и не прикасаться къ нему, когда представляется возможность, не брать на площади *безъ всякаго опасенія* (ἀδεῶς) все, что имъ угодно, не убивать и не освобождать отъ оковъ, кого вздумается, и не дѣлать всего прочаго, словно равные богамъ между людьми.

Запасная. *Пирръ* (Πύῤῥος) и *Кинеасъ* (Κινέας). Plut. vita Pyrrhi, Cap. XIV. Пирръ, царь Эпирскій (Ἤπειρος—Эпиръ), высоко и *постоянно* (διατελέω) уважалъ Кинеаса и *былъ того мнѣнія* (ἡγέομαι), что Кинеасъ покорилъ больше городовъ словомъ, чѣмъ царь оружіемъ. Этотъ-то Кинеасъ, замѣтивъ, что Пирръ обратилъ все свое вниманіе на походъ въ Италію, однажды, когда царь *былъ свободенъ отъ дѣлъ* (σχολάζω), вступилъ съ нимъ въ такой разговоръ: „Говорятъ, о Пирръ, что римляне воинственны и сдѣлались уже властителями многихъ боевыхъ народовъ. Если же богъ дастъ намъ побѣду надъ ними, то какъ мы будемъ пользоваться ею?"—Ты, Кинеасъ, сказалъ Пирръ, спрашиваешь о дѣлѣ *очевидномъ* (φαινόμενος): послѣ побѣды надъ римлянами въ Италіи не будетъ ни одного *равносильнаго* (ἀξιόμαχος) намъ города, ни варварскаго, ни греческаго, и мы тотчасъ овладѣемъ всею Италіею, могущество которой и богатство ты знаешь лучше всякаго.—Кинеасъ, немного *помолчавъ* (ἐπέχω), сказалъ: „А взявъ, Италію, что будемъ дѣлать?". Пирръ, *все еще не* (οὔπω) понимая его мысли, отвѣчалъ:—Сицилія близка къ намъ и протягиваетъ руки,—островъ благодатный, многолюдный и очень удобный для покоренія; тутъ, Кинеасъ, все полно волненіями и безначаліемъ въ городахъ.—„Ты говоришь *правдоподобное*" (εἰκώς), сказалъ Кинеасъ,—„но *покореніе* (λαμβάνω) Сициліи будетъ ли предѣломъ завоеваній (походовъ)?"—Пусть только богъ даруетъ намъ побѣду и *успѣхъ* (κατορθόω): это будетъ для насъ началомъ великихъ дѣяній.—„А когда все будетъ подъ нашею властью, что будемъ дѣлать?" Пирръ, засмѣявшись, сказалъ:—будемъ *наслаждаться* (ἄγω) полнымъ покоемъ; у насъ будетъ *ежедневный* (καθημερινός) пиръ и, сходясь, будемъ веселить себя бесѣдами.—„Что же мѣшаетъ намъ теперь", возразилъ Кинеасъ,—„наслаждаться пирами и проводить безъ дѣла время другъ съ другомъ, если уже теперь мы можемъ пользоваться тѣмъ, чего думаемъ достигнуть кровью, великими трудами и опасностями".

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Основная. Золотыхъ дѣлъ мастеръ купилъ старыя золотыя вещи по 4 руб. за золотникъ чистаго золота, а именно: 6 цѣпочекъ, по $\cfrac{1}{2+\cfrac{1}{1+\cfrac{1}{2}}}$ фунта каждая, 92-й пробы, 10 солонокъ по 5 лотовъ и $\frac{3}{5}$ долей 72-й пробы, и 6 браслетовъ по 0,1041666....фунта 56-й пробы. Въ уплату за эти вещи онъ далъ вексель на 1,500 руб. 96 коп., обязуясь уплатить деньги черезъ годъ, но потомъ внесъ свой долгъ до срока и по учетѣ 6% уплатилъ только 1,440 руб. 92 коп. За сколько мѣсяцевъ до срока уплатилъ онъ по векселю?

Запасная. Вычисливъ выраженіе:

$$\frac{(0,7474\ldots + 0.05252\ldots + 0,283\ldots) : \frac{1}{60}}{\left[\left(\frac{2}{3} + \frac{1}{3} - \frac{11}{12}\right) + \left(\frac{1}{3} - \frac{1}{6} + \frac{7}{24}\right)\right] \cdot 2,2044\ldots},$$

полученное число раздѣлить на такія 4 части, чтобы первая составляла 20% второй, вторая равнялась бы $\frac{2}{3}$ третьей, а третья относилась бы къ четвертой какъ $\cfrac{1}{1+\cfrac{1}{2+\cfrac{1}{2}}}$ къ 0,857142....

б) *По алгебрѣ.*

Основная. 195 раздѣлить на такія три части, которыя составили бы геометрическую прогрессію, при чемъ разность между третьимъ членомъ прогрессіи и первымъ ея членомъ была бы равна 120.

Запасная. Два тѣла, двигаясь по прямой A B въ одну и ту же сторону, въ одинъ и тотъ же моментъ времени проходятъ черезъ точки A и B, отстоящія другъ отъ друга на разстояніи 75 метровъ. Первое тѣло проходитъ 1 метръ въ первую минуту, 3 метра во вторую, 5 въ третью и т. д. Второе тѣло проходитъ 3 метра въ первую минуту, 4 метра во вторую, 5 въ третью и т. д. Чрезъ сколько минутъ отъ прохожденія тѣлъ чрезъ точки A и B первое тѣло догонитъ второе.

в) *По геометріи.*

Основная. Опредѣлить радіусъ круга, зная, что разность между площадью правильнаго вписаннаго въ него восьмиугольника и площадью правильнаго вписаннаго шестиугольника равна 1 квадр. метру.

Запасная. Около круга радіуса r описанъ правильный шестиугольникъ; опредѣлить отношеніе между поверхностями и объемами тѣлъ, описанныхъ кругомъ и шестиугольникомъ при вращеніи ихъ вокругъ линіи, соединяющей точки касанія противоположныхъ сторонъ шестиугольника.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Дугу въ 45° раздѣлить на такія двѣ части, чтобы Sinu первой части былъ въ два раза больше Sinus'а второй.

Запасная. Въ треугольникѣ ABC даны: AC=117m, 285; BC=89m, 214; уголъ C=69° 18′ 20″. Опредѣлить на AC точку M, изъ которой нужно опустить перпендикуляръ на AB, чтобы раздѣлить треугольникъ на двѣ равномѣрныя части.

V. ВЪ ОДЕССКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Вліяніе классическаго образованія на умственное и нравственное развитіе человѣка.

2. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Торговецъ купилъ 35 ф. сахару по 0,18 руб. за фунтъ и $1^1/_2$ пуд. другаго сорта сахару; продавши весь товаръ за 14 руб. 76 коп., торговецъ нажилъ $9^1/_3$%. Почемъ онъ платилъ за фунтъ сахару втораго сорта?

б) *По алгебрѣ.*

Нѣкто внесъ въ банкъ 2345 руб. по 5 сложныхъ процентовъ на 4 года и затѣмъ въ продолженіи 3-хъ послѣднихъ лѣтъ ежегодно прибавлялъ по 500 руб. Какой у него составился капиталъ?

в) *По геометріи.*

Въ прямой конусъ, радіусъ основанія котораго=7 и высота=6, вписана пирамида съ квадратнымъ основаніемъ. Вычислить площадь боковой грани пирамиды.

3. *По тригонометріи.*

Бо́льшая изъ сторонъ прямоугольника=4,8063 арш., соединивъ средины стороны его, получимъ ромбъ, котораго острый уголъ=32°. Найдти меньшую сторону прямоугольника.

VI. ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. Сравнительная характеристика.

Запасная. Причины неблагопріятнаго для кароагенянъ исхода второй Пунической войны.

2. По латинскому языку.

Основная. Катилина собралъ въ Фезулахъ около 12,000 солдатъ; однако онъ сомнѣвался въ возможности побѣдить противниковъ, такъ какъ только четвертая часть его войска имѣла надлежащее воинское вооруженіе. Онъ могъ бы присоединить къ своему войску рабовъ, которыхъ къ нему сбѣгалось много, и о которыхъ многіе думали, что они составятъ преданный отрядъ. Катилина и самъ былъ убѣжденъ, что, сдѣлавъ это, онъ увеличитъ свои силы, но помня свое происхожденіе и древность своего рода, онъ не рѣшался соединиться съ рабами. Кромѣ того, онъ думалъ, что у него будутъ въ изобиліи средства и войска, если его соучастники въ Римѣ приведутъ въ исполненіе свои планы. И нѣтъ сомнѣнія, что это случилось бы, если бы заговоръ не былъ открытъ. Но какъ скоро въ лагерь пришло извѣстіе, что Лентулъ и прочіе казнены, то весьма многіе солдаты разсѣялись, потому что они примкнули къ Катилинѣ только изъ желанія добычи. Поэтому Катилина порѣшилъ отвести свое войско въ Галлію. Но Кв. Метеллъ, узнавъ объ этомъ планѣ, скорѣе чѣмъ можно было ожидать, занялъ всѣ дороги и помѣшалъ Катилинѣ сойдти съ горъ. Такъ какъ съ другой стороны приближался съ войскомъ консулъ Антоній, то Катилина не надѣялся убѣжать отъ враговъ и рѣшился возложить свою надежду на храбрость и оружіе. Но прежде, чѣмъ начать сраженіе, онъ собралъ войско и сказалъ ему рѣчь. Онъ напомнилъ воинамъ, что они со всѣхъ сторонъ окружены и что имъ ничего не остается, какъ побѣдить или умереть. Если они побѣдятъ, то для нихъ будутъ открыты всѣ муниципіи и колоніи; если же они будутъ побѣждены, то потеряютъ богатство, славу, свободу и отечество. Послѣдовавшее затѣмъ сраженіе кончилось пораженіемъ и смертью Катилины.

Надлежащій воинскій militaris; составятъ—будутъ; не рѣшаться—dubitare средство—subsidium; приводить въ исполненіе—efficere; сходить—descendere; будутъ открыты—будетъ открытъ доступъ.

Запасная. Когда римскія войска были заперты въ Кавдинскихъ [1] ущельяхъ, Самнитяне не знали, на что имъ рѣшиться [2]; поэтому всѣ положили спросить письменно совѣта у отца ихъ полководца, Геренія Понція. Удрученный [3] годами Гереній уже давно отказался [4] не только отъ военныхъ, но и отъ гражданскихъ должностей; однако же въ дряхломъ тѣлѣ пребывалъ [5] сильный духъ и благоразуміе. Узнавъ отъ нарочнаго о случившемся, онъ высказалъ мнѣніе, что всѣхъ римлянъ должно, какъ можно скорѣе, отпустить невредимыми. Когда этотъ совѣтъ былъ отвергнутъ [6] самнитянами и Гереній былъ спрошенъ вторично, онъ отвѣчалъ, что должно умертвить всѣхъ до одного. Исполнивъ первый совѣтъ, присовокупилъ онъ, самнитяне окажутъ великое благодѣяніе римлянамъ и добьются такимъ образомъ прочнаго мира и дружбы съ могущественнѣйшимъ народомъ; исполненіе же втораго совѣта отсрочитъ войну на много лѣтъ, такъ какъ римское государство, лишившись двухъ армій, не легко соберется [7] съ силами; третьяго совѣта онъ дать не можетъ. Тѣмъ не менѣе самнитяне не приняли ни того ни другаго мнѣнія, и за то скоро попали подъ власть римлянъ.

1. Furculae Caudinae. 2. Consilium mihi non suppetit. 3. compar. отъ gravis. 4. abscedere. 5. vis. 6. spernere. 7. vires. recipere.

3. По греческому языку.

Основная. Тарентинцы [1], ведя войну съ римлянами, призывали на помощь [2]. Пирра. Другъ Пирра. Киней [3], видя, что онъ готовъ отплыть въ Италію, сказалъ ему: Пирръ, говорятъ, что римляне народъ воинственный и владычествуютъ [4] надъ многими воинственными народами; однако, еслибы Богъ далъ одолѣть ихъ, какъ воспользоваться побѣдой? Если мы побѣдимъ ихъ, отвѣчалъ Пирръ, то ни одинъ тамошній городъ не будетъ въ силахъ сражаться съ нами, и мы тотчасъ овладѣемъ всей Италіей. Киней, немного помолчавъ [5], возразилъ: а если мы, царь, возьмемъ Италію, что потомъ будемъ дѣлать? Пирръ говоритъ: вблизи находится Сицилія, островъ большой и многолюдный, который можно легко завоевать [6]. То, что ты говоришь, вѣроятно [7], возразилъ Киней, но это будетъ ли конецъ нашего похода? О, еслибы Богъ, отвѣчалъ Пирръ, только далъ намъ побѣду! А это мы будемъ считать [8] только началомъ великихъ дѣлъ. Ибо кто удержался бы отъ Ливіи и Карѳагена, еслибы сдѣлался владѣтелемъ Сициліи? Киней, выслушавъ его, спросилъ: а если все это будетъ подвластно намъ, что потомъ сдѣлаемъ? Пирръ, засмѣявшись, отвѣчалъ: потомъ будемъ наслаждаться [9] досугомъ [10] и бесѣдуя доставлять другъ другу удовольствіе. Тутъ Киней, перебивъ его, сказалъ: что же намъ теперь мѣшаетъ проводить другъ съ другомъ свободное время, если мы имѣемъ безъ труда то, чего мы намѣреваемся достигнуть съ большими трудами, опасностями и пролитіемъ крови.

1. Ταραντῖνος. 2. призывали П., чтобы онъ... 3. Κινέας. 4. ἄρχω. 5. ἐπέχω 6. ἁλίσκομαι. 7. εἰκότα λέγεις. 8. χράομαι. 9. ἄγω. 10. σχολή. 11. σχολάζω.

Запасная. Киръ, взявъ Сарды, велѣлъ привести къ себѣ Креза и сказалъ: „Мои воины, испытавъ много трудовъ и много опасностей, увѣрены что въ ихъ рукахъ находится городъ самый богатый въ Азіи послѣ Вавилона. Видя это, я нахожу справедливымъ [1], чтобы имъ досталась добыча [2], ибо я понимаю, что я не въ состояніи держать ихъ долгое время въ повиновеніи [3], если они не получатъ никакой награды за свои труды. Я не хочу однако, чтобы Сарды были разграблены, ибо думаю, что городъ при этомъ былъ бы разрушенъ и знаю навѣрное, что большая часть добычи досталась [5] бы самымъ дурнымъ людямъ". Сказавъ это, Киръ просилъ Креза дать ему совѣтъ въ этомъ дѣлѣ. Крезъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „Обѣщай только лидійцамъ, что ты не дозволишь грабить, и они добровольно отдадутъ все. Увидѣвъ же то, что они принесутъ, ты будешь еще имѣть возможность [6] подумать о грабежѣ. Но прежде всего пошли за моими сокровищами. Киръ согласился [7], исполнить все это такъ, какъ сказалъ Крезъ, и на слѣдующій день получено столько сокровищъ, что ими наполнили много возовъ.

1. Πονέω, κινδυνεύω. 2. ἄξιον. 3. ὠφελοῦμαι. 4. выразить глаголомъ. 5. Πλεονεκτέω. 6. ἔξεστί μοι. 7. συναινέω.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Основная. Нѣкто продалъ вексель въ 5050 р. за 9 мѣсяцевъ до срока съ учетомъ (комм. по 8%) и вырученныя отъ продажи деньги раздѣлилъ

между тремя сыновьями такъ, что части ихъ по порядку, начиная отъ части старшаго, относились какъ $^{2}/_{3}$: 0,8: 0, (7). Опредѣлить, сколько денегъ получилъ каждый изъ сыновей?

Запасная. Одинъ сортъ чаю на $1^{1}/_{2}$ р. дороже другаго. Смѣшанные въ отношеніи 2: 3 они даютъ смѣсь въ 2 р. 70 к. за фунтъ. По скольку фунтовъ каждаго сорта слѣдуетъ взять для составленія 24 ф. смѣси цѣною въ 3 руб. за фунтъ?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Двѣ артели рабочихъ заработали по одинаковому числу рублей. Въ первой артели рабочихъ было 5-ю меньше, чѣмъ во второй, вслѣдствіе чего каждому работнику второй артели досталось 4-мя рублями меньше, чѣмъ каждому работнику первой артели. Число рублей, заработанныхъ каждою артелью, на 95 больше числа рабочихъ въ обѣихъ артеляхъ.

Сколько было рабочихъ въ каждой артели?

Запасная. Купецъ продалъ за 342 р. нѣсколько головъ сахару и, за такую же цѣну продалъ чаю 19 фунтами болѣе, нежели головъ сахару, и взялъ за каждый фунтъ 1 р. 50 коп. дешевле, нежели за голову сахару. Сколько продано головъ сахару и фунтовъ чаю, и что̀ стоитъ голова сахару и фунтъ чаю?

в) *По геометріи.*

Основная. Въ шаръ вписанъ конусъ такъ, что высота конуса дѣлится въ центрѣ шара въ среднемъ и крайнемъ отношеніи.

Найдти отношеніе объема шара къ объему конуса.

Запасная. Отъ правильной четырехугольной пирамиды, имѣющей апоѳему $= L$, плоскостью, параллельною основанію, отсѣчена пирамида, полная поверхность которой S, а боковая — S_1. Опредѣлить объемъ всей данной пирамиды.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Сторона параллелограмма $= 48$ д., діагональ 84 д., уголъ между діагоналями $46^\circ\ 18'\ 14''$.

Опредѣлить другую сторону и діагональ.

Запасная. Въ кругѣ проведена хорда $AB = 140$ д., соотвѣтствующая дугѣ въ 160°. Точка C дуги соединена съ A и B и отношеніе хордъ AC и $BC = 3 : 4$.

Опредѣлить величины этихъ хордъ.

VII. ВЪ ВАРШАВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Характеристика поэтической дѣятельности Пушкина.

2. По латинскому языку.

Примѣръ истинной дружбы. Тиберія Гракха сочли справедливо врагомъ отечества за то, что онъ свое господство предпочелъ благу государства. Однакожъ, сколь непоколебимо вѣрнымъ другомъ оказался у Гракха, вопреки столь дур-

ному замыслу его, нѣкто Гай Блозій, уроженецъ Кампаніи, это стоитъ узнать. Не смотря на то, что Гракхъ былъ объявленъ врагомъ отечества, подвергнутъ смертной казни, лишенъ чести погребенія, онъ все же не лишился расположенія друга своего Блозія. Когда Римскій сенатъ поручилъ консуламъ наказать, по обычаю предковъ, единомышленниковъ Гракха и когда Блозій пришелъ къ Лелію, къ которому консулы обращались главнымъ образомъ за совѣтомъ, просить прощенія, онъ, на вопросъ Лелія, исполнилъ ли бы онъ изъ-за дружбы, которою хвастается, волю Гракха, еслибы тотъ приказалъ поджечь храмъ Юпитера, отвѣчалъ, что Гракхъ никогда не отдалъ бы такого приказанія. Этотъ отвѣтъ былъ очень рѣзокъ, ибо Блозій осмѣлился защищать поведеніе мужа, единогласно осужденнаго всѣмъ сенатомъ; но слѣдующій отвѣтъ его гораздо смѣлѣе. Доведенный до крайности настойчивыми допросами Лелія, онъ остался непоколюбимымъ и наконецъ отвѣтилъ, что исполнилъ бы и это приказаніе, еслибъ Гракхъ согласился. Кто счелъ бы Блозія нечестивымъ, еслибъ онъ смолчалъ? Кто не призналъ бы его даже благоразумнымъ, еслибы онъ отвѣтилъ сообразно со своимъ критическимъ положеніемъ? Но Блозій не пожелалъ отстаивать свое спасеніе ни честнымъ молчаніемъ, ни благоразумною рѣчью, дабы не измѣнить въ какомъ-либо отношеніи памяти о злополучной дружбѣ.

3. По греческому языку.

Когда Аннибалъ, вынужденный бѣжать изъ отечества, проживалъ спокойно въ Виѳиніи, у царя Прузія, туда прибылъ въ качествѣ римскаго посла Титъ Фламининъ. Увидѣвши Аннибала, котораго онъ считалъ самымъ заклятымъ врагомъ римскаго народа, онъ потребовалъ его выдачи и какъ ни умолялъ Прузій позволить Аннибалу жить спокойно въ его царствѣ, какъ человѣку уже безвредному, вслѣдствіе своей старости и слабости, достигъ того, что Аннибалъ окончилъ свою жизнь. Когда объ этомъ возвѣщено было сенату, многимъ казалось, что Титъ поступилъ слишкомъ рѣзко и жестоко, убивъ Аннибала, когда онъ не могъ уже вредить римскому народу. Они указывали при этомъ на кротость и великодушіе Сципіона Африканскаго, который, побѣдивъ Аннибала въ Ливіи, когда послѣдній казался еще непобѣдимымъ и страшнымъ, не изгналъ его оттуда и не требовалъ его выдачи, но какъ до битвы, вступивъ съ нимъ въ переговоры, привѣтствовалъ его, такъ и послѣ битвы, при заключеніи мира, не оскорблялъ его и не издѣвался надъ участью этого мужа. Разказываютъ, что они опять встрѣтились въ Эфесѣ и когда рѣчь зашла о полководцахъ и Аннибалъ высказалъ мнѣніе, что самымъ лучшимъ изъ полководцевъ былъ Александръ, потомъ Пирръ, а третій—онъ самъ, то Сципіонъ, спокойно улыбаясь, сказалъ: а что еслибы я не побѣдилъ тебя? Аннибалъ отвѣтилъ: тогда я считалъ бы себя не третьимъ, но первымъ изъ полководцевъ. Восхищаясь этими поступками Сципіона, большинство укоряло Тита за то, что онъ наложилъ руку на человѣка, уже пораженнаго имъ.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Торговецъ составилъ 90 фунтовъ изъ 2-хъ сортовъ кофе; фунтъ 1-го сорта стоитъ 84 к., а 2—60 к. Еслибы онъ продалъ 0, 4 (6) всей смѣси по цѣнѣ

1-го сорта и все остальное количество смѣси по цѣнѣ самой смѣси, то отъ этой продажи онъ получилъ бы 5 р. 88 к. прибыли. Сколько фунтовъ каждаго сорта было взято для составленія смѣси?

б) *По алгебрѣ.*

Требуется найдти между 1 и 300 всѣ числа кратныя 9, которыя при дѣленіи на 21-й членъ разностной прогрессіи даютъ въ остаткѣ 9 членъ той же прогрессіи, когда извѣстно, что въ этой прогрессіи 23 положительныхъ члена и произведеніе крайнихъ ея членовъ равно 60, а разность ея есть корень уравненія

$$\frac{1}{x} + 4 - \sqrt{16 + \sqrt{\frac{64}{x^2} + \frac{9}{x^4}}} = 0.$$

в) *По геометріи.*

Периметръ треугольника $= 54,4$ сажени. Одинъ изъ угловъ содержитъ $34°2'51,9''$ и радіусъ круга, описаннаго около этого треугольника $= 12,145383$ саж. Опредѣлить остальные углы треугольника.

г) *По тригонометріи.*

На какомъ разстояніи отъ поверхности шара должна находиться свѣтящаяся точка, чтобы она могла освѣщать $^1/_4$ часть его поверхности, если радіусъ шара равенъ 2 футамъ?

VIII. ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

(Въ гимназіяхъ Тобольской, Томской и Омской).

1. По русскому языку.

Какъ согласить слова великихъ русскихъ писателей: „Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе“ (Пушкинъ); и „Оставьте предковъ вы въ покоѣ; имъ по дѣломъ была и честь, а вы, друзья, лишь годны па жаркое“ (Крыловъ).

2. По латинскому языку.

Послѣ пораженія римлянами Антіоха, Аннибалъ убѣжалъ къ царю Виѳинскому Прузію. Узнавъ объ этомъ., римляне послали къ Прузію посла Калпкція Фламинина, бывшаго консула, чтобы онъ потребовалъ выдачи Ганнибала. Тотчасъ по первому разговору Прузія съ Фламининомъ посланы были воины стеречь домъ Аннибала. Сей, видя *непримиримую* къ себѣ ненависть римлянъ, нисколько не надѣясь на покровительство царя, уже давно предвидѣлъ подобный исходъ своей жизни. Чтобы имѣть нѣкоторый готовый путь къ бѣгству, онъ сдѣлалъ въ своемъ домѣ семь выходовъ, нѣкоторые изъ нихъ секретные. Но шпіоны царя открыли тайные выходы и окружили стражами всю *окрестность*.

Тогда Аннибалъ потребовалъ ядъ, который гораздо ранѣе приготовилъ себѣ для такихъ случаевъ. Освободимъ, сказалъ онъ, отъ долгой заботы рим-

скій народъ, когда они считаютъ долгимъ дожидаться смерти старика. Не великую и недостопамятную одержитъ онъ побѣду надъ безоружнымъ, выданнымъ друзьями, человѣкомъ. Этотъ день даже будетъ свидѣтельствовать о томъ, на сколько измѣнились нравы римскаго народа. Отцы ихъ царя Пирра, вооруженнаго врага, имѣвшаго войско въ Италіи, предувѣдомили, чтобы онъ опасался яду, эти посылаютъ посла, бывшаго консула, чтобы былъ виновникомъ злодѣйскаго умерщвленія гостя. Послѣ того, *пославъ* проклятіе на голову и царство Прузія, призывая въ свидѣтели нарушеннаго имъ слова боговъ гостепріимства, онъ выпилъ ядъ. Таковъ былъ конецъ жизни Аннибала.

Подчеркнутыя слова были переведены.

3. По греческому языку.

Периклъ. Когда лакедемоняне вторгнулись въ Аттику и опустошили ее, сынъ Ксантиппа, владѣвшій большими помѣстьями, отправилъ аѳинскій флотъ для опустошенія *прибрежныхъ* странъ Лаконіи, чтобы лакедемонянамъ *приходилось* болѣе терпѣть самимъ, нежели наносить вредъ другимъ. Такъ какъ Архидамъ, царь Лакедемонскій, который предводительствовалъ ими, былъ старый другъ и гость его, то Периклъ, предвидя, что изъ *уваженія* къ ихъ дружбѣ онъ воздержится отъ опустошенія его земли, и не желая навлечь на себя подозрѣніе аѳинянъ, явился въ народное собраніе и подарилъ государству всю землю, которою владѣлъ. По окончаніи войны Периклъ занимался *внутреннимъ устройствомъ* государства, и никогда въ Аѳинахъ не процвѣтали науки и искусства такъ, какъ это было во время управленія Аѳинскимъ государствомъ этимъ мудрымъ государственнымъ мужемъ, котораго современники сравнивали даже съ Зевсомъ, съ первымъ и могущественнѣйшимъ изъ своихъ боговъ.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Одинъ изъ двухъ братьевъ, раздѣливъ свой капиталъ на части, пропорціональныя числамъ 8, 6 и 10, отдалъ ихъ въ ростъ, отчего со второй изъ этихъ частей, отданной по 5%, получалъ ежегодно 225 руб. процентныхъ денегъ. Другой братъ купилъ по номинальной цѣнѣ нѣсколько сторублевыхъ акцій двухъ желѣзныхъ дорогъ: акцій одной на $^3/_{16}$ и акцій другой на $^3/_8$ своего капитала, остальныя же деньги отдалъ подъ вексель въ 5,000 р. по 3%, срокомъ на 10 лѣтъ. Чрезъ 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ послѣ этого онъ продалъ вексель съ учетомъ по 3%, а акціи: первыя по 324 р., а вторыя по 88 руб. за каждую. Найдти отношеніе между капиталомъ, полученнымъ отъ такой продажи, и первоначальнымъ капиталомъ перваго брата.

б) *По алгебрѣ.*

Помѣщикъ купилъ имѣніе. Въ первый годъ оно дало ему 1242 р. дохода; затѣмъ доходъ увеличивался ежегодно въ продолженіи четырехъ лѣтъ на 120 руб. Если доходъ съ имѣнія за пятый годъ отдать въ ростъ по 8% сложныхъ, то во что обратится этотъ доходъ чрезъ 20 лѣтъ.

в) *По геометріи.*

Прямой конусъ, высота котораго h, а радіусъ основанія R, укрѣпленъ въ отвѣсномъ положеніи, вершиною внизъ. Наливъ въ конусъ воды до высоты a, бросаютъ въ воду шаръ радіуса s, совершенно погружающійся въ нее. На какой высотѣ будетъ тогда уровень воды?

г) *По тригонометріи.*

По берегу рѣки проведена прямая линія, длиной въ 41,2 метра; линіи же, проведенныя въ концѣ ея къ столбу на противоположномъ берегу, образуютъ съ ней углы въ 68° 4′ 13″ и 71° 15′ 10″. Опредѣлить ширину рѣки.

Темы для письменныхъ испытаній, предложенныя въ Вѣрненской гимназіи (Семирѣченской области).

1. По русскому языку.

Заслуги Н. М. Карамзина, какъ журналиста.

2. По латинскому языку.

Созвавъ солдатъ на сходку, Агаѳоклъ успокоилъ ихъ слѣдующими словами: имъ слѣдуетъ требовать жалованья не отъ него, но искать его у врага: общая побѣда будетъ общею добычею. Пусть они употребятъ немного еще усилій, пока не окончится война, ибо они знаютъ, что взятіе Карѳагена *удовлетворитъ* надежды всѣхъ. Прекративъ мятежъ, Агаѳоклъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, ведетъ войско къ вражескому лагерю; но необдуманно *давъ* тамъ битву, потерялъ бо́льшую часть войска. Итакъ, замѣчая, что на него обращена ненависть за неразумно начатую войну и боясь новаго оскорбленія за *не доплаченное* жалованье, онъ ночью убѣгаетъ изъ лагеря съ сыномъ. Лишь только узнали это солдаты, они засуетились и стали кричать, что дважды покинуты среди враговъ царемъ. Желая его преслѣдовать, они, *перехваченные* нумидами, возвращаются въ лагерь, захвативъ царскаго сына, который, долго проблуждавъ изъ-за темноты ночной, попалъ имъ въ руки.

3. По греческому языку.

Леонтіадъ, пришедши въ собраніе выборныхъ, говорилъ слѣдующее: „Лакедемоняне! прежде чѣмъ начаться нынѣшнимъ (событіямъ), вы говорили не разъ, что ѳивяне враждебно къ вамъ настроены, ибо вы видѣли, что они въ дружбѣ съ вашими *врагами* и враждуютъ съ вашими друзьями. Они не пожелали отправиться съ вами въ походъ противъ демоса, что (находится) въ Пиреѣ; они пошли войной противъ фокейцевъ, ибо видѣли, что вы къ нимъ благоволите; зная, что вы объявляете войну олинѳянамъ, они заключили съ ними союзъ. Въ ту пору вы постоянно обращали вниманіе, не услышите ли, что они принуждаютъ Беотію быть подъ ихъ властью; теперь, когда это уже произошло, вамъ не нужно бояться ѳивянъ“.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Въ общемъ предпріятіи одно лицо участвовало капиталомъ въ 6,000 руб., бывшемъ въ оборотѣ 2 мѣсяца; вкладъ другаго лица, составляющій 0,1 (6)

долю вклада перваго, былъ въ оборотѣ 6 мѣсяцевъ. Раздѣлить между этими лицами деньги, вырученныя отъ продажи векселя въ 1200 руб., подлежавшаго уплатѣ черезъ 8 мѣсяцевъ, если учетъ произведенъ по 6%.

б) *По алгебрѣ.*

Трапецію требуется раздѣлить на двѣ части прямою, параллельною ея сторонамъ такъ, чтобы отношеніе между частями трапеціи было равно отношенію между числителями 4-го и 5-го приближеній дроби $\frac{44}{61}$, обращенной въ непрерывную. Параллельныя стороны трапеціи содержатъ въ себѣ 30 ф. и 10 ф., разстояніе между ними равно числу членовъ въ кратной прогрессіи, которой знаменатель $= 2$, а отношеніе послѣдняго члена къ первому 32,768. Опредѣлить длину дѣлящей и ея разстояніе отъ параллельныхъ сторонъ трапеціи.

в) *По геометріи.*

Площадь перпендикулярнаго къ основанію сѣченія по оси прямаго усѣченнаго конуса есть $d = 43$ кв. д. Производящая l, содержащая 4 дюйм., вдвое болѣе разности радіусовъ основаній конуса. Найдти объемъ даннаго усѣченнаго конуса.

г) *По тригонометріи.*

Уголъ при вершинѣ прямаго конуса $x = 68°40'24''$, а радіусъ основанія $R = 49$. Вершину конуса приняли за центръ шара и выбрали радіусъ послѣдняго такой длины, что поверхностью шара данный конусъ раздѣлится на двѣ равномѣрныя части. Опредѣлить длину радіуса шара.

IX. ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ.

(Въ Ташкентской гимназіи).

1. По русскому языку.

Какія изобрѣтенія и открытія могутъ считаться великими и почему?

2. По латинскому языку.

Въ войнѣ, которую римляне вели съ Порсеной, Кай Муцій своею невѣроятною храбростью стяжалъ безсмертную славу. Чтобы устранить царя, онъ рѣшился сначала самовольно проникнуть въ лагерь враговъ, но потомъ открылъ сенату, что̀ онъ намѣренъ предпринять, боясь, чтобы онъ, если пойдетъ безъ приказанія консуловъ, схваченный римскими стражами, не былъ обратно приведенъ, какъ перебѣжчикъ. Прибывши въ лагерь, онъ остановился въ толпѣ близъ царскаго трибунала. Такъ какъ тамъ случайно выдавалось жалованье солдатамъ и сидѣли два человѣка въ одинаковомъ почти одѣяніи, то онъ, боясь спросить, кто изъ нихъ Порсена, умертвилъ писца вмѣсто царя. Схваченный царскими тѣлохранителями и поставленный (призванный) предъ царскимъ трибуналомъ, онъ сказалъ: „Я римскій гражданинъ; зовутъ меня Каемъ Муціемъ. Какъ врагъ, я хотѣлъ убить врага; но такъ какъ мнѣ это не удалось, то для смерти во мнѣ не менѣе мужества, чѣмъ для убійства.

Знай однако, что очень много есть такихъ, которые домогаются той же славы". Когда царь, воспламененный гнѣвомъ и испуганный опасностью, сказалъ, что онъ убьетъ его, если онъ не откроетъ ему всего, то Муцій, чтобы показать, какъ ничтожно тѣло для тѣхъ, которые стремятся къ великой славѣ, вложилъ правую руку въ огонь и жегъ ее. Потомъ онъ заявилъ, что триста римскихъ юношей поклялись въ томъ, что они будутъ преслѣдовать царя такимъ же образомъ. Порсена, услышавъ это, объятъ былъ такимъ страхомъ, что, отпустивши Муція, заключилъ (сдѣлалъ) съ римлянами миръ.

3. По греческому языку.

Послѣ того какъ аѳиняне несправедливо осудили Сократа на смерть за то, будто онъ не вѣруетъ въ боговъ, въ которыхъ вѣруетъ государство, вводя другія новыя божества, и развращаетъ юношей, онъ долженъ былъ выпить ядъ въ темницѣ. Но между приговоромъ и его смертью прошло тридцать дней по слѣдующей причинѣ. Именно случилось, что на канунѣ приговора увѣнчана была корма корабля, на которомъ аѳиняне ежегодно отправляли въ Делосъ священное посольство. И (всякій разъ), когда аѳиняне начинали такой обрядъ, по ихъ закону, городъ въ это время соблюдался чистымъ и не бывало публичныхъ смертныхъ казней, пока корабль (не) приходилъ въ Делосъ и не возвращался обратно. Это (плаваніе) совершалось иногда долгое время, когда путешественниковъ случайно задерживали вѣтры, какъ это случилось и тогда.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Бассейнъ можетъ быть наполненъ водою посредствомъ трехъ трубъ: черезъ первую наполненіе продолжается $3^1/_2$ часа, черезъ вторую—$3^3/_4$ часа черезъ третью—$4^1/_6$ часа. Въ нѣкоторое время, въ продолженіе котораго были открыты всѣ три трубы, въ бассейнъ влилось 605 ведеръ воды.

Сколько ведеръ дала въ это время каждая изъ трехъ трубъ? Въ какое время, дѣйствуя вмѣстѣ, наполнили бы онѣ бассейнъ?

б) *По алгебрѣ.*

Какую сумму должно ежегодно платить въ банкъ, начиная со дня рожденія ребенка и считая сложные проценты по $4^1/_2$ съ 100, чтобы накопился капиталъ въ 48,000 руб., когда ему минетъ 21 годъ?

в) *По геометріи.*

Въ кругѣ, котораго діаметръ равенъ 13 дюймамъ, вписать равносторонній треугольникъ. Найдти объемъ пирамиды, которой основаніе равно этому треугольнику, а высота равна 1 футу.

г) *По тригонометріи.*

Съ вершины башни въ 33,3 вышины видѣнъ рѣчной мостъ, направленіе котораго лежитъ въ одной вертикальной плоскости съ осью башни. Лучи зрѣнія, идущіе къ концамъ моста, составляютъ съ вертикалью углы въ 52°7) и 41°18′. Опредѣлить длину моста.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желан. подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
				Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44 пунктовъ.					
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	По малоуспѣшности.	По нравственной незрѣлости.	а.	б.	в.	Итого (и процентное отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 55 правилъ.
С.-Петербургскій:											
21 правительств. гимназія	348	45	393	24	—	—	—	—	24 (6,1)	1 (гимн.)	2 (гимн.)
4 церковныя училища .	—	—	49	1	—	—	—	—	1 (2)	—	—
2 частныя гимназіи . .	—	—	33	8	—	—	—	—	8 (24,2)	—	—
Во всѣхъ 27 учебн. завед.	348	45	475	33	—	—	—	—	33 (6,9)	1	2
Московскій:											
21 правительств. гимназія	518	38	556	23	—	—	—	2	25 (4,5)	3(4 гимн.) 1 (пост.)	—
1 церковное училище. .	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназіи . . .	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 24 учебн. завед.	518	38	583	23	—	—	—	2	25 (4,3)	4	—
Казанскій:											
9 правительств. гимназій	163	39	202	1	—	—	—	—	1 (0,5)	1 (пост.)	—
Оренбургскій:											
6 правительств. гимназій	65	6	71	—	—	—	—	—	—	—	1 (гимн.)
Харьковскій:											
14 правительств. гимназій	279	55	334	16	—	—	—	—	16 (4,8)	1 (гимн.)	—
Одесскій:											
15 правительств. гимназій	289	70	359	10	—	4	—	4	18 (5)	2 (гимн.), 1 (пост.)	—
Кіевскій:											
14 правительств. гимназій	436	82	518	13	1	1	—	2	17 (3,3)	3 (гимн.)	—

и удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1885 году.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
321	45	366	302 (94,1%)	13 (28,9%)	315 (86,1%)	15	27	14	41 (13,5)
—	—	48	—	—	47 (97,9%)	$11^{3}/_{4}$	—	—	—
—	—	25	—	—	24 (96%)	12	2	1	3 (12,5)
321	45	439	302	13	386 (87,9%)	$14^{8}/_{27}$	29	15	44 (13,5)
492	35	527	421 (85,6%)	13 (37,1%)	434 (82,3%)	$20^{14}/_{21}$	23	20	43 (10,2)
—	—	7	—	—	7 (100%)	7	—	—	—
—	—	20	—	—	20 (100%)	10	—	—	—
492	35	554	421	13	461 (83,2%)	$19^{5}/_{24}$	23	20	43 (10,2)
162	38	200	156 (96,3%)	22 (57,9%)	178 (89%)	$19^{7}/_{9}$	15	14	29 (18,6)
64	6	70	61 (95,3%)	3 (50%)	64 (91,4%)	$10^{4}/_{6}$	3	5	8 (13,1)
262	55	317	225 (85,9%)	26 (47,3%)	251 (79,2%)	$17^{13}/_{14}$	11	10	21 (9,3)
278	61	339	257 (92,4%)	26 (42,6%)	283 (83,5%)	$18^{13}/_{15}$	19	12	31 (12)
419	79	498	381 (90,9%)	40 (50,6%)	421 (84,5%)	$30^{1}/_{14}$	22	25	47 (12,9% изъ 364)

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желан. подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44 пунктовъ.			Итого (и процентное отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 55 правилъ.
				По малоуспѣшности.	По нравственной незрѣлости.	а.	б.	в.			
Виленскій:											
8 правительств. гимназій	206	13	219	8	—	2	—	1	6 (2,7)	1 (пост.)	1 (гимн.)
Варшавскій:											
18 правительств. гимназій	411	35	446	25	2	—	—	2	29 (6,5)	2 (гимн.)	2 (гимн.)
Дерптскій:											
14 правительств. гимназій	314	62	376	11	—	2	—	—	13 (3,4)	1 (гимн.) 1 (пост.)	1 (гим.) 2 (пост.)
1 частная гимназія . . .	—	—	24	5	—	—	—	—	5 (20,8)	1 (гимн.)	—
Въ 15 учебн. заведеніяхъ	314	62	400	16	—	2	—	—	18 (4,5)	3	3
Кавказскій:											
7 правительств. гимназій	131	3	134	1	—	—	—	—	1 (0,7)	1 (гимн.)	—
Туркестанскій край:											
1 правительств. гимназія	5	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—
Западная Сибирь:											
4 правительств. гимназіи	35	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—
Восточная Сибирь:											
2 правительств. гимназіи	22	1	23	2	—	—	—	—	2 (8,7)	—	—
Итого:											
Въ 154 прав. гимназіяхъ	3222	450	3672	129	3	9	—	11	152 (4,1)	13 (гимн.) 5 (пост.)	7 (гимн.) 2 (пост.)
„ 5 церковн. училищахъ	—	—	56	1	—	—	—	—	1 (1,8)	—	—
„ 5 частн. гимназіяхъ.	—	—	77	13	—	—	—	—	13 (16,9)	1 (гимн.)	—
А всего											
Въ 164 учебн. заведеніяхъ	3222	450	3805	143	3	9	—	11	166 (4,3)	19	9

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
202	9	211	177 (87,6%)	6 (66,6%)	183 (86,7%)	$22^{7}/_{8}$	5	8	13 (7,3)
380	33	413	310 (81,5%)	11 (33,3%)	321 (77,7%)	$17^{15}/_{18}$	13	12	25 (8)
301	57	358	274 (91%)	34 (59,6%)	308 (86%)	22	3	2	5 (14,3% изъ 35)
—	—	18	—	—	15 (83,3%)	15	—	—	—
301	57	376	274	34	323 (85,9%)	$21^{8}/_{15}$	3	2	5
129	3	132	116 (89,9%)	1 (33,3%)	117 (88,6%)	$16^{5}/_{7}$	4	6	10 (8,6)
5	1	6	5 (100%)	1 (100%)	6 (100%)	6	—	—	—
35	—	35	35 (100%)	—	35 (100%)	$8^{3}/_{4}$	6	3	9 (25,7)
20	1	21	18 (90%)	1 (100%)	19 (90,4%)	$9^{1}/_{2}$	1	—	1 (5,5)
3070	423	3493	2738 (89,2%)	197 (46,6%)	2935 (84%)	19,06	—	—	—
—	—	55	—	—	54 (98,2%)	10,8	—	—	—
—	—	63	—	—	59 (93,6%)	11,8	—	—	—
3070	423	3611	2738	197	3048 (84,4%)	18,6	154	132	286 (11,4% изъ 2506)

№ 2. Вѣдомость о не выдержавших

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число невыдержавших						
				Закону Божію.	Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.
С.-Петербургскій.										
Ученики правительств. гимназій	321	19	5,9	—	2	—	12	8	10	9
» церковныхъ училищъ	48	1	2,1	—	—	—	—	—	—	1
» частныхъ гимназій	25	1	4	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	45	32	71,1	5	15	18	26	20	24	20
Всего	439	53	12,1	5	17	18	38	28	34	30
Московскій.										
Ученики правительств. гимназій	492	71	14,4	1	20	—	52	10	37	5
» церковнаго училища	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» частныхъ гимназій	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	35	22	62,9	1	9	—	19	2	13	—
Всего	554	93	16,8	2	29	—	71	12	50	5
Казанскій.										
Ученики правительств. гимназій	162	6	3,7	—	2	—	4	—	4	1
Постороннія лица	38	16	42,1	—	9	2	9	1	13	2
Всего	200	22	11	—	11	2	13	1	17	3
Оренбургскій.										
Ученики правительств. гимназій	64	3	4,7	—	3	—	3	—	2	—
Постороннія лица	6	3	50	—	1	—	3	—	3	—
Всего	70	6	8,6	—	4	—	6	—	5	—
Харьковскій.										
Ученики правительств. гимназій	262	37	14,1	—	8	—	22	8	24	6
Постороннія лица	55	29	52,7	—	19	—	26	2	23	1
Всего	317	66	20,8	—	27	—	48	10	47	7
Одесскій.										
Ученики правительств. гимназій	278	21	7,5	—	12	—	12	—	6	4
Постороннія лица	61	35	57,4	1	17	12	20	11	16	10
Всего	339	56	16,5	1	29	12	32	11	22	14
Кіевскій.										
Ученики правительств. гимназій	419	38	9,1	—	8	—	14	24	15	14
Постороннія лица	79	39	49,4	1	9	1	25	18	20	13
Всего	498	77	15,5	1	17	1	39	42	35	27

испытанія зрѣлости въ 1885 году.

спытанія по слѣдующимъ предметамъ:								Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 72 правилъ.
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ.		
Письменнаго.	Устнаго.								
6	3	—	4	—	—	—	54 на 19 (284%)	16	3
1	—	—	—	—	—	—	2 на 1 (200%)	—	1
—	—	—	—	—	—	—	? 1	—	1
22	19	13	20	16	—	8	226 на 32 (706%)	—	—
29	22	13	24	16	—	8	282 на 52 (542%)	16	5
24	6	—	4	—	—	—	159 на 71 (224%)	58	13
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	1	1	—	—	1	—	58 на 22 (263%)	—	—
35	7	1	4	—	1	—	217 на 93 (233%)	58	13
—	1	—	—	—	—	—	12 на 6 (200%)	4	2
4	1	—	—	—	1	1	43 на 16 (268%)	—	—
4	2	—	—	—	1	1	55 на 22 (250%)	4	2
2	—	—	—	—	—	—	10 на 3 (333%)	1	2
1	1	—	—	—	—	—	9 на 3 (300%)	—	—
3	1	—	—	—	—	—	19 на 6 (317%)	1	2
11	7	—	5	—	—	—	91 на 37 (246%)	19	18
8	—	—	—	—	—	1	80 на 29 (276%)	—	—
19	7	—	5	—	—	1	171 на 66 (259%)	19	18
14	6	—	3	—	—	—	57 на 21 (271%)	10	11
12	6	11	8	6	4	3	137 на 35 (391%)	—	—
26	12	11	11	6	4	3	194 на 56 (346%)	10	11
9	10	—	3	—	—	—	97 на 38 (255%)	28	10
21	5	6	4	—	1	—	124 на 39 (318%)	—	—
30	15	6	7	—	1	—	221 на 77 (287%)	28	11

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ						
				Закону Божію.	Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.
Виленскій.										
Ученики правительств. гимназій	202	25	12,4	—	6	—	14	8	11	3
Постороннія лица	9	3	33,3	—	2	—	1	—	2	—
Всего	211	28	13,3	—	8	—	15	8	13	3
Варшавскій.										
Ученики правительств. гимназій	380	70	18,4	—	45	—	27	8	29	6
Постороннія лица	33	22	66,6	—	11	5	10	—	12	4
Всего	413	92	22,2	—	56	5	37	8	41	10
Дерптскій.										
Ученики правительств. гимназій	301	27	9	7	12	—	16	13	22	22
„ частной гимназіи	18	3	16,7	1	—	—	2	2	—	—
Постороннія лица	57	23	40,4	9	14	9	17	15	17	16
Всего	376	53	14,1	17	26	9	35	30	39	38
Кавказскій.										
Ученики правительств. гимназій	129	13	10,1	—	4	—	9	7	7	7
Постороннія лица	3	2	66,6	—	1	—	2	—	2	—
Всего	132	15	11,3	—	5	—	11	7	9	7
Туркестанскій край.										
Ученики правительств. гимназій	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Западная Сибирь.	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Восточная Сибирь.										
Ученики правительств. гимназій	20	2	10	—	—	—	2	—	2	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	21	2	9,5	—	—	—	2	—	2	—
ИТОГО:										
Ученики правительств. гимназій	3070	332	10,8	8	122	—	187	86	169	77
» церковныхъ училищъ	55	1	1,8	—	—	—	—	—	—	1
» частныхъ гимназій	63	4	6,3	1	—	—	2	2	—	—
Постороннія лица	423	226	53,4	17	107	47	158	69	145	66
ВСЕГО	3611	563	15,6	26	229	47	347	157	314	144

испытанія по слѣдующимъ предметамъ:

Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 72 правилъ.
Письменнаго.	Устнаго.								
10	2	—	7	—	—	—	61 на 25 (244%)	14	11
2	—	—	—	—	—	—	7 на 3 (233%)	—	—
12	2	—	7	—	—	—	68 на 28 (243%)	14	11
27	10	—	4	—	—	—	156 на 70 (222%)	47	23
12	3	—	1	—	—	—	58 на 22 (263%)	—	—
39	13	—	5	—	—	—	214 на 92 (232%)	47	23
20	18	—	17	—	—	1	148 на 27 (548%)	9	18
2	2	—	3	—	—	—	12 на 3 (400%)	3	—
10	10	—	10	—	1	9	137 на 23 (595%)	—	—
32	30	—	30	—	1	10	297 на 53 (560%)	12	18
3	4	—	7	—	—	—	48 на 13 (369%)	10	3
—	—	2	—	—	—	—	7 на 2 (350%)	—	—
3	4	2	7	—	—	—	55 на 15 (366%)	10	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	1	1	—	—	7 на 2 (350%)	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	1	1	—	—	7 на 2 (350%)	2	—
127	67	—	55	1	—	1	900 на 332 (271%)	218	114
1	—	—	—	—	—	—	2 на 1 (200%)	—	1
2	2	—	3	—	—	—	12 на 3 (400%)	—	4
103	46	33	43	22	8	22	886 на 226 (392%)	—	—
233	115	33	101	23	8	23	1800 на 562 (320%)	218	119

№ 3. Распредѣленіе признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
С.-Петербургскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	302	32	—	69	—	85	—	61	—	55	—
» церковн. училищъ.	47	5	—	8	—	17	—	8	—	9	—
» частныхъ гимназій.	24	5	—	4	—	5	—	3	—	7	—
Постороннія лица.	13	—	—	2	—	1	—	—	—	10	—
Всего . .	386	42	10,9	83	21,5	108	28	72	18,6	81	21
Московскій.											
Ученики правит. гимназій	421	28	—	84	—	122	—	86	—	101	—
» церковн. училища.	7	—	—	2	—	2	—	3	—	—	—
» частныхъ гимназій.	20	2	—	8	—	4	—	4	—	2	—
Постороннія лица.	13	—	—	1	—	2	—	5	—	5	—
Всего . .	461	30	6,5	95	20,6	130	28,2	98	21,2	108	23,4
Казанскій.											
Ученики правит. гимназій.	156	17	—	38	—	45	—	36	—	20	—
Постороннія лица.	22	2	—	3	—	2	—	2	—	13	—
Всего . .	178	19	10,7	41	23	47	26,4	38	21,3	33	18,5

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Оренбургскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	61	3	—	14	—	22	—	8	—	14	—
Постороннія лица.	3	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—
Всего.	64	3	4,7	14	21,9	22	34,4	9	14	16	25
Харьковскій.											
Ученики правит. гимназій.	225	13	—	53	—	65	—	44	—	50	—
Постороннія лица.	26	—	—	2	—	4	—	7	—	13	—
Всего.	251	13	5,2	55	21,9	69	27,5	51	20,3	63	25,1
Одесскій.											
Ученики правит. гимназій.	257	12	—	57	—	60	—	63	—	65	—
Постороннія лица.	26	—	—	4	—	—	—	6	—	16	—
Всего.	283	12	4,2	61	21,6	60	21,2	69	24,4	81	28,6
Кіевскій.											
Ученики правит. гимназій.	381	16	—	68	—	105	—	76	—	116	—
Постороннія лица.	40	—	—	—	—	3	—	7	—	30	—
Всего.	421	16	3,8	68	16,1	108	25,6	83	19,7	146	34,7

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Виленскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	177	8	—	36	—	41	—	42	—	50	—
Постороннія лица.	6	—	—	—	—	1	—	1	—	4	—
Всего.	183	8	4,4	36	19,7	42	22,9	43	23,5	54	29,5
Варшавскій.											
Ученики правит. гимназій.	310	18	—	43	—	74	—	84	—	91	—
Постороннія лица.	11	—	—	—	—	2	—	2	—	7	—
Всего.	321	18	5,6	43	13,4	76	23,7	86	26,8	98	30,5
Дерптскій.											
Ученики правит. гимназій.	274	22	—	62	—	68	—	64	—	58	—
» частной гимназіи.	15	3	—	5	—	2	—	3	—	2	—
Постороннія лица.	34	3	—	2	—	3	—	5	—	21	—
Всего.	323	28	8,6	69	21,3	73	22,6	72	22,3	81	25,1

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
			%		%		%		%		%
Кавказскій.											
Ученики правит. гимназій.	116	—	—	12	—	17	—	23	—	64	—
Постороннія лица.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего.	117	—	—	12	10,3	17	14,5	23	19,7	65	55,5
Туркестанск. край.											
Ученики правит. гимназіи.	5	—	—	—	—	1	—	2	—	2	—
Постороннія лица.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего.	6	—	—	—	—	1	16,7	2	33,3	3	50
Западная Сибирь.											
Ученики правит. гимназій.	35	2	5,7	9	25,7	11	31,4	7	20	6	17,1
Восточная Сибирь.											
Ученики правит. гимназій.	18	—	—	1	—	7	—	6	—	4	—
Постороннія лица.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего.	19	—	—	1	5,3	7	36,8	6	31,6	5	26,3
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназій	2738	171	6,2	546	19,9	723	26,4	602	22	696	25,4
» церковн. училищъ.	54	5	9,2	10	18,5	19	35,2	11	20,4	9	16,6
» частныхъ гимназій.	59	10	16,9	17	28,8	11	18,6	10	16,9	11	18,6
Постороннихъ.	197	5	2,5	14	7,1	18	9,1	36	18,3	124	62,9
Всего.	3048	191	6,3	587	19,2	771	25,3	659	21,6	840	27,6

№ 4. Распредѣленіе признанныхъ зрѣлыми по

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты;							П
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Военныя училища.
С.-Петербургскій.								
21 правительств. гимназій . .	—	55	82	42	108	5	292	—
4 церковныя училища . . .	4	10	7	11	14	1	47	—
2 частныя гимназіи	—	1	3	8	12	—	24	—
Изъ всѣхъ 27 учебн. заведеній	4	66	92	61	184	6	363	—
Московскій.								
21 правительств. гимназій . .	—	53	96	108	158	4	419	—
1 церковное училище. . .	—	—	—	2	4	—	6	—
2 частныя гимназіи	—	8	3	5	4	—	20	—
Изъ всѣхъ 24 учебн. заведеній	—	61	99	115	166	4	445	—
Казанскій.								
9 правительств. гимназій . .	—	25	34	66	49	1	175	—
Оренбургскій.								
6 правительств. гимназій . .	—	6	21	7	23	1	58	—
Харьковскій.								
14 правительств. гимназій . .	—	34	52	41	111	2	240	—
Одесскій.								
15 правительств. гимназій . .	—	22	70	76	97	4	269	1 [1])
Кіевскій.								
4 правительств. гимназій . .	2 [3])	51 [4])	107	102	145	4 [5])	411	—
Виленскій.								
8 правительств. гимназій . .	—	15	71	26	63	1	176	—

[1]) Въ Лѣсной институтъ.—[2]) Въ инженерное.—[3]) Въ Духовную академію.—[4]) Изъ Восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

занятіямъ, къ которымъ опи себя предназначали.

ступающіе въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						
							Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				
Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. акад.	Строительн. училище.	Академію художествъ.	Всего.	Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельскохозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзн. дорожн.	Всего.
2	3	3	1	1	3	13	3	4	—	1	2	—	10
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	3	3	1	1	3	13	3	4	—	1	2	—	10
1	2	7	4	—	—	14	—	—	—	—	1	—	1
—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	2	8	4	—	—	15	—	—	—	—	1	—	1
—	—	1	2	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
—	2	2	1	—	—	5	1	—	—	—	—	—	1
—	3	1	1[1])	1	1	7	1	1	1	1	—	—	4
—	3	7	2	—	1	14	—	—	—	—	—	—	—
—	3	3	4	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—
—	1	4	2	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—

нихъ 7 въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ.—[5]) Изъ нихъ 1 въ Отдѣленіе

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Не
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Военныя училища.
Варшавскій.								
18 правительств. гимназій [6]) . .	1 [7])	21	69	83	121	5	300	—
Дерптскій.								
14 правительств. гимназій . . .	31	39	39	85	76	11	281	—
1 частная гимназія.	1	2	3	5	4	—	15	—
Изъ всѣхъ 15 учебн. заведеній.	32	41	42	90	80	11	296	—
Кавказскій.								
7 правительств. гимназій. . .	—	18	35	18	44	1	116	—
Туркестанскій край.								
1 правительств. гимназія . . .	—	2	3	—	1	—	6	—
Западная Сибирь.								
4 правительств. гимназіи . . .	—	3	7	9	14	—	33	1 [9])
Восточная Сибирь.								
2 правительств. гимназіи . . .	—	1	6	1	11	—	19	—
Всего въ 164 учебн. заведеніяхъ	39	366	708	695	1059	40	2907	2
Процентное отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ (3048) . .	1,3	12	23,2	22,8	34,7	1,3	95,4	0,06

[6]) Одинъ изъ абитуріентовъ ко времени составленія отчета еще не избралъ себѣ

[9]) Въ Павловское военное училище.

тупающіе въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						
							Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				
путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. академію.	Строительн. училище.	Академію художествъ.	Всего.	Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельскохозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзн. дороги.	Всего.
—	4	11	5 [8])	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—
1	—	9	8	1	—	19	—	3	1	3	1	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	9	8	1	—	19	—	3	1	3	1	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	22	49	30	3	5	115	5	8	2	5	5	—	25
,13	0,72	1,61	0,98	0,10	0,16	3,8	0,16	0,26	0,06	0,16	0,16	—	0,8

зціальности. — [7]) Въ Духовную академію. — [8]) Изъ нихъ 2 въ Лѣсной институтъ. —

№ 5. Списокъ гимназистовъ, удостоенныхъ въ 1885 году аттестата ... шихъ успѣховъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ — Историко-филологическій.
Московскій . . .	Московская 1-я	Савеловъ Сергѣй (?)
	» 2-я	Фортинскій Петръ (?)
	» 3-я	Виноградовъ Николай (?)
	» 4-я	Смирновъ Михаилъ (?)
	Тверская	Мясниковъ (?)
	Тульская	Щегловъ Николай (Лейпц. фил. инст.).
	Костромская	Солнцевъ Иванъ (С.-Пб. ист.-филолог. инст.).
	Смоленская.	Ярошевскій Викторъ (?)
	Вяземская	Боссе Артуръ, Григорьевъ Иванъ (?)
	Шуйская	—
	Нижегородская	—
	Елецкая	—
	Нижегородскій Александровскій институтъ	—
	Частная гимназія Креймана.	Кожевниковъ Валентинъ (?)
	Гимназія при Петропавловскомъ училищѣ	—
Итого. . .	(15)	11
Казанскій . . .	Имп. Казанская 1-я	Свѣчниковъ Сергѣй (Казанск. унив.).
	Казанская 2-я	Кузьминъ Николай и Фроловъ Алексѣй (Казанск. унив.), Александровъ Павелъ и Малевскій Владиміръ (Нѣжинск. ист.-фил. инст.).
	» 3-я	—
	Симбирская	—
	Самарская	Аксеновъ Михаилъ, Пономаревъ Николай и Морозовъ Сергѣй (Казанск. унив.); и Пѣтуховъ Григорій (Нѣжинск. ист.-фил. инст.).
	Саратовская	—

зрѣлости, отъ которыхъ учебное ихъ начальство ожидало дальнѣй-
въ наукахъ.

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
Цебриковъ Владиміръ (?)	Милютинъ Павелъ (?)	—	
—	Астровъ Павелъ (?)	Гулевичъ Владиміръ (?)	
—	—	—	
—	—	—	
Томинскій (?)	—	—	
Соловьевъ Григорій, Алферовъ Иванъ, Мясоѣдовъ Петръ, Сушкинъ Петръ (?)	—	—	
—	Бѣльченко Николай (?)	—	
—	—	—	
Лыкошинъ Дмитрій (?)	—	Никольскій Василій (?)	
—	—	Алексѣевъ Сергѣй (?)	
Попперекъ Георгій (?)	—	—	
Агаповъ Александръ (?)	—	—	
Ищерековъ Петръ, Добронравовъ Николай (?)	—	—	
—	—	—	
—	—	Вильямъ Николай и Рейнъ Фридрихъ (?)	
11	3	5	30
Коржавинъ Николай и Кролленбергъ Евгеній (Казанск. унив.).	Камковъ Александръ (Казанск. унив.).	Орловъ Николай (Казанск. унив.).	
Троицкій Константинъ (Казанск. унив.).	Поляковъ Андрей (Казанск. унив.).	—	
Пятницкій Александръ (Казанск. унив.).	—	Березинъ Михаилъ (Казанск. унив.).	
—	—	Карцевъ Викторъ (Казанск. унив.).	
—	Колышкинъ Петръ (Казанск. унив.).	Полумордвиновъ Дмитрій и Ястребовъ Александръ (Казанск. унив.).	
—	Мельниковъ Сергѣй (С.-Пб. унив.).	—	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ — Историко-филологическій.
Казанскій. . . .	Вятская	Клепиковъ Александръ (Моск. унив.), Заболотскій Николай (С.-Пб. ист.-филолог. инст.).
	Царицынская.	—
Итого . . .	(8)	11
Оренбургскій. . .	Троицкая.	Рыбаковъ Сергѣй (С.-Пб. унив.).
	Уфимская	Гудковъ Василій (Лейпц. фил. инст.).
	Пермская.	—
	Екатеринбургская	Бобровъ Евгеній (Московск. унив.).
Итого. . .	(4)	3
Харьковскій . . .	Сумская	—
	Старобѣльская.	Панчишка Иванъ (Харьк. унив.).
	Корочанская	Арсеньевъ Михаилъ (С.-Пб. ист.-фил. инст.).
	Воронежская	Розаліонъ - Сомальскій Константинъ и Федяевскій Константинъ (Московск. унив.).
Итого . .	(4)	4
Одесскій.	Ришельевская	—
	Одесская 2-я.	Будде Сергѣй (Новоросс. ун.).
	» 3-я.	—
	Ананьевская.	—
	Николаевская	Масловскій Константинъ (С.-Пб. унив., ф. восточн. яз.).

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
Башмаковъ Илья (Казанск. унив.), Плюснинъ Алексѣй (С.-Пб. унив.).	Колотинскій Николай (Казанск. унив.).	Барановъ Александръ (Казанск. унив.).	
Красновъ Александръ (Казанск. унив.).	—	—	
7	5	6	29
Ганъ Левъ (Дерпт. унив.).	—	—	
—	—	—	
Тихонравовъ Александръ (С.-Пб. унив.).	—	—	
Ландезенъ Георгій (Дерпт. унив.).	Удинцевъ Всеволодъ (Моск. унив.).	—	
3	1	—	7
—	—	Спановскій Даміанъ (Моск. унив.), Селиховскій Николай (Харьк. унив.).	
—	—	—	
Плужниковъ Петръ (Харьк. унив.).	—	Зубковъ Агаѳангелъ (Харьк. унив.).	
Анцыферовъ Алексѣй (Моск. унив.), Сергіевскій Дмитрій (С.-Пб. унив.).	Сухоставъ Эммануилъ (Моск. унив.).	—	
3	1	3	11
—	Сабининъ Алексѣй (Новоросс. унив.).	—	
Гинеткингъ Давидъ (Новоросс. унив.).	Шнейдеръ Самуилъ (Новоросс. унив.).	—	
Пфейферъ Эммануилъ (Новоросс. унив.).	—	—	
—	—	Комарницкій Михаилъ (Моск. унив.).	
—	—	Комаровскій Мордко (Моск. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Одесскій	Кишиневская 1-я	Горбенко Михаилъ (Московск. ун.), Козаченко Александръ (С.-Пб. унив.).
	Симферопольская	—
	Θеодосійская.	—
	Екатеринославская	—
	Ростовская-на-Дону	—
Итого . . .	(10)	Фил. 3, ф. вост. яз. 1.
Кіевскій	Кіевская 1-я	—
	» 2-я	—
	» 3-я.	Якубовскій Владиславъ, Серебрянниковъ Павелъ (Кіевск. унив.) и Черногоровъ Гавріилъ (Истор.-фил. инст. кн. Безбородко).
	» 4-я	—
	Житомирская	Янковскій Иванъ (Кіевск. унив.).
	Каменецъ-Подольская . . .	—

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
Денбскій Семенъ (С.-Пб. унив.), Русьянъ Цезарь (Новоросс. унив.), Тумаркинъ Лазарь и Ефруси Борисъ (Московск. унив.).	—	Дмитріевъ Дмитрій Кіевск. унив.).	
Зеленецкій Вячеславъ (С.-Пб. унив.), Пугачевъ Сергѣй (Кіевск. унив.), Стародубцевъ (Новоросс. унив.), Альтунджи (С.-Пб. техн. институтъ), Таргонскій (С.-Пб. унив.).	—	—	
Пасхаловъ Василій и Крымъ Саломонъ (Новоросс. унив.).	—	—	
Кнотте Богданъ (Кіевск. универс.).	—	Вегнеръ Оскаръ (Дерпт. унив.).	
—	Коганъ Илья (Московск. унив.).	—	
13 матем. и 1 технол.	3	4	25
Заремба Антонъ, Меркульевъ Павелъ и Петерсонъ Николай (Кіевск. унив.).	—	Кравченко Павелъ (Кіевск. унив.).	
Гогоцкій Игорь, Антоновичъ Владиміръ, Радкевичъ Николай и Ржецескій Антонъ (Кіевск. унив.).	Вайнштейнъ Давидъ (Кіевск. унив.).	—	
Орда Николай и Теплаковъ Яковъ (Кіевск. унив.).	—	Кириченко Михаилъ (Кіевск. унив.).	
Антоновъ Георгій и Кестельманъ Лейба (Кіевск. унив.).	—	—	
Карповичъ Іосифъ (Кіевск. унив.).	—	Васильковскій Леонъ (Варш. унив.), Лаговскій Станиславъ и Тробща Станиславъ (Кіевск. унив.).	
—	—	Гогоцкій Владиміръ, Литвахъ Мейеръ и Берманъ Іосифъ (Кіевск. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистов
		Историко-филологическій.
Кіевскій	Немировская	—
	Черниговская	Марковъ Николай (Кіевск унив.).
	Новгородсѣверская	—
	Полтавская	Ильенко Антоній (Лейпц. фил инст.), Варшавскій Авраам (С.-Пб. унив., фак. вост. яз.)
	Прилукская.	—
	Коллегія Павла Галагана . .	Николаевъ и Ферхиновскій (Кіевск. унив.).
Итого. . .	(12)	Ист.-фил. ф. 8 и вост. яз. 1.
Виленскій	Виленская	Шишло Ѳаддей (С.-Пб. унив.).
	Ковенская	—
	Слуцкая	—
	Витебская.	—
Итого. . .	(4)	1
Варшавскій. . .	Варшавская 1-я	Шаховской Левъ (Варш. ун.).
	» 2-я	—
	» 4-я	—
	» 5-я	—
	» 6-я	Бульмерингъ Александръ (богосл. фак. Дерптск. унив.).
	Петроковская	Гельвихъ Николай (С.-Пб. ист.-фил. инст.).
	Калишская	—

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего
—	—	Ерузальскій Михаилъ (Кіевск. унив.).	
Лаппа Сергѣй (С.-Пб. техн. инст.).	Гордонъ Лейба (Кіевск. унив.).	—	
Казачекъ Борисъ (С.-Пб. унив.).	—	—	
Педошенко Степанъ (Моск. унив.) и Чуйковъ Николай (С.-Пб. унив.).	Айзенштейнъ Александръ (С.-Пб. унив.).	Дьяконенко Александръ (Кіевск. унив.).	
—	—	Волошинъ Андрей (Кіевск. унив.).	
—	Тамара (Моск. унив.).	Бялюсловичъ (Кіевск. унив.).	
15 мат. и 1 техн.	4	12	41
Дружининъ Борисъ, Руткевичъ Константинъ, Корсакъ Владиміръ (С.-Пб. унив.), Зеландъ Владиміръ (С.-Пб. техн. инст.).	Кацъ Рафаилъ (С.-Пб. унив.).	Блохъ Григорій (Дерпт. унив.).	
Островскій Вульфъ и Меръ Шахно (С.-Пб. унив.).	—	—	
Севрукъ Леонидъ (С.-Пб. унив.).	—	—	
—	—	Петрожицкій Леонидъ (Кіевск. унив.).	
6 мат. 1 техн.	1	2	11
Худзинскій Алексѣй (Варш. унив.).	—	—	
—	Пржеворскій Ицикъ (С.-Пб. унив.).	—	
Вислоухъ Витольдъ (Варш. унив.).	Койшевскій Адамъ (Варш. унив.).	—	
—	—	Скаржинскій Казиміръ и Шавявскій Михаилъ (Варш. унив.).	
Пашенный Николай (Варшавск. унив.).	—	Станкевичъ Чеславъ (Варшавск. унив.).	
—	—	—	
—	Толмачевъ Сергѣй (С.-Пб. унив.).	—	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Варшавскій . . .	Радомская	—
	Кѣлецкая.	Новинскій Иванъ (С.-Пб. ун., ф. вост. яз.).
	Люблинская.	Корниловъ Антонъ (Истор.-фил. инст. кн. Безбородко), Валяновскій Игнатій (Варш. унив.).
	Холмская	Леонтьевъ Михаилъ (Варш. унив.) и Ярема Владиміръ (Ист.-фил. инст. кн. Безбородко).
	Сѣдлецкая	Шанявскій Иванъ (С.-Пб. ун., ф. вост. яз.).
	Сувалкская.	—
	Маріампольская	—
	Ломжинская	—
Итого . . .	(15)	6 ист.-филолог. фак., 2 ф. вост. яз. и 1 богосл. ф.
Дерптскій	Рижская губернская. . . .	Шиллингъ Карлъ (богосл. фак. (Дерптск. унив.), Пуссель Артуръ, Якобсонъ Людвигъ и фонъ-Вихертъ Павелъ (Дерптск. унив.).
	Рижская городская	Глейе Эрихъ, Вольтнеръ Робертъ (Дерптск. унив.).
	» Александровская .	Юпатовъ Порфирій (С.-Пб. унив.).
	Ревельская губернская. . .	Вейсъ Эдгаръ (Дерптск. ун.) и Галлеръ Адольфъ (богосл. фак. Дерптск. унив.).
	Эстляндское рыцарское домское училище	Броссе Рихардъ (Дерптск. унив.).
	Дерптская	Янзенъ Эдуардъ, Лицъ Германъ (Дерптск. унив.), Фрейманъ Людвигъ, Гайке Альфредъ (богосл. фак. Дерптск. унив.).

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
—	Подчаскій Осипъ и Вощинскій Здзиславъ (Варш. унив.).	Пржіалковскій Марій (Варш. унив.).	
Рускевичъ Өома (С.-Пб. унив.).	—	—	
—	—	Гржибовскій Станиславъ (Варш. унив.) и Мохлинскій Іосифъ (Кіевск. унив.).	
—	—	—	
Цеглинскій Казиміръ (С.-Пб. унив.).	—	—	
Божовскій Михаилъ (С.-Пб. унив.).	—	Лесніовскій Антонъ (Варш. унив.).	
Лазорайтисъ Матвѣй (Моск. унив.).	Мачисъ (Моск. унив.).	—	
—	Трейеровъ Димитрій (Варш. унив.).	—	
7	7	7	30
—	Леберъ Августъ и Лезевицъ Вильгельмъ (Дерптск. унив.).	Якобсонъ Морисъ и Межакъ Эмиль (Дерпт. унив.).	
Саккитъ Карлъ (Дерптск. унив.), Думпе Августъ (въ Рижск. политехнич. учил.).	—	—	
Реймерсъ Николай (С.-Пб. унив.).	—	Бутрисъ Петръ (Дерпт. унив.).	
Лавягинъ Владиміръ (С.-Пб. унив.).	—	Зире Евгеній, Эггерсъ Александръ (Дерптск. унив.).	
—	—	—	
Таубе Иванъ и Паллонъ Оскаръ (Дерпт. унив.).	Баронъ Штакельбергъ Максимъ (Дерптск. унив.).	Каблицъ Бруно (Дерпт. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Дерптскій	Митавская	—
	Либавская.	—
	Гольдингенская.	Фонъ Горлагеръ Освальдъ, Тальбергъ Николай (Дерпт. унив.), Бютнеръ Альфредъ и Фрейбергъ Эрнстъ (бог. фак. Дерптск. унив.).
	Феллинская	Кавенагъ Эмилій (Дерптск. унив.).
	Императора Александра II въ Биркенруэ.	—
	Частная гим. Кольмана. . .	Пельцеръ Максъ (Дерптск. унив.).
Итого . . .	(12)	14 истор.-филолог. и 6 богосл. фак.
Кавказскій . . .	Кубанская.	—
	Елисаветпольская	—
	Эриванская	—
Итого. . .	(3)	—
Восточная Сибирь.	Иркутская	—
	Красноярская	—
ВСЕГО . . .	89 изъ 164.	Истор.,филол. фак. 61, богословск. 7, восточн. яз. 4.

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего
—	Зиллеръ Бернгардъ (Дерптск. унив.), Гаррайсъ Фридрихъ (С.-Пб. унив.), Герценбергъ Леонгардъ (Моск. ун.).	Рафаэль Александръ (Дерптск. унив.).	
—	Закъ Бернгардъ и Кохъ Эрнстъ (Моск. унив.).	—	
—	Конради Карлъ и Баронъ Фитингофъ Готгардъ (Дерптск. ун.).	—	
—	—	Зееманъ Оттонъ (Дерпт. унив.).	
Трампедахъ Александръ (Дерптск. унив.).	—	—	
Гернгардъ Евгеній (Дерпт. унив.).	Баронъ Шиллингъ Александръ и фонъ Анрепъ Конрадъ (Дерпт. унив.).	—	
7 физ.-мат. и 1 технич.	12	8	48
Мееровичъ Фроимъ (?)	—	=	
—	Пацевичъ Николай (Моск. унив.).	—	
Теръ-Овакимовъ Александръ и Теръ-Хачатуровъ Григорій (Моск. унив.).	—	—	
3	1	—	4
Шведовъ Николай (С.-Пб. унив.).	—	—	2
Тютрюмовъ Порфирій (Кіевск. унив.).	—	—	
Физ.-матем. 77, технич. 4.	38	47	238

Въ рукописяхъ и изданіяхъ встрѣчается исключительно форма σαλπιγκτής, отъ которой въ надписяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда; вмѣсто нея тамъ читается только σαλπικτής и позже σαλπιστής. Herw., p. 64 — 65 доказывается σαλπικτής лишь примѣрами изъ II вѣка, Riem. Rev. IX, p. 75, приводитъ изъ IV в. CIA. II, 814, b. 28 σαλπικτεῖ.

II склоненіе. Meisterh., p. 51—54.

О дательномъ пад. мн. ч. сообщаетъ Мейстергансъ, что уже въ самыхъ древнихъ надписяхъ V вѣка встрѣчается окончаніе -οις рядомъ съ -οισι, которое является лишь иногда. Какъ послѣдній примѣръ окончанія -οισι онъ приводитъ Ἀθηναίοισι CIA. I, 301, a, 7 (отъ 334 г. до Р. Х.) въ формулѣ клятвы и δσοισι ib. II, 570, 34 (ок. 403 г. до Р. Х.) въ постановленіи дема. Мейстергансъ долженъ бы былъ указать на то, что уже CIA. IV, 27, a, въ надписи 446—445 г., имѣется вездѣ окончаніе -οις, кромѣ строкъ 25, 26, гдѣ въ торжественной клятвѣ удержано уже устарѣлое тогда Ἀθηναίοισι. Riem. Rev. IX, p. 179. Meyer. Gr.[1], p. 309 и Gr.[2], p. 359.

Въ словахъ νοῦς, πλοῦς, ἔκπλους, παράπλους, χοῦς, ἡμίχουν и κανοῦν надписи имѣютъ лишь слитныя формы. CIA. II, 678, B, 29 читается χοῦς, а не χ]νοῦς, какъ утверждаетъ Meisterh., p. 52. ἡμίχουν находится CIA. II, Add. 682, c, 11. Thuc. VI, 64, 2 читаетъ большинство рукописей невѣрно εὐνόων. Stahl, p. 56.

Слова θοηχοῦς и χρυσοχοῦς образуютъ падежи слитно и неслитно.

Относительно словъ ἡ θεά и ἡ θεός сообщаетъ Keck, p. 17 sq., наблюденіе, что, если у аттическихъ ораторовъ и въ надписяхъ рѣчь идетъ объ элевзинскихъ богиняхъ (Κόρη и Δημήτηρ), то по II вѣкъ до Р. Х. говорили только τὼ θεώ, τοῖν θεοῖν. Впрочемъ какъ на исключеніе указываетъ Riem. Rev. IX, p. 68, на надпись V в. (Ἐφ. ἀρχ. 1883, p. 167 sq. l. 26), гдѣ Куманудисъ прочелъ τοῖ]ν θεαῖ[ν. И въ прочихъ случаяхъ болѣе древнія надписи имѣютъ только ἡ θεός. Кекъ приводитъ какъ единственное исключеніе CIA. II, Add. 57, b=Syll. 83, 9 τοῖς δώδεκα θεοῖς καὶ ταῖς σεμναῖς θεαῖς, гдѣ отступленіе отъ обыкновеннаго объясняется противоположеніемъ; онъ упустилъ изъ виду, что уже Riem. Rev. V, 169, привелъ примѣръ (Syll. 13, 39, V вѣка τῷ θεῷ καὶ τῇ θεᾷ), „доказывающій, что древняя аттическая проза въ случаѣ надобности могла употребить и ἡ θεά".

Аттическое II склоненіе.

Винит. пад. ед. ч. образуетъ слова мужск. и женск. р. съ 363 г. до Р. Х. и на -ω: Κέω Syll. 79, 30 (363 a. C.), τὸν νεώ CIA. II, 836, B, b, 14 (320—317 a. C.) ib. 332, 44 (271—265 a. C.) Ἡγησίλεω.

До 270 г. до Р. Х. находится въ прозѣ только νεώς, вскорѣ послѣ этого времени лишь ναός. Riem. Rev. IX, p. 179, приводитъ, правда, делосскую надпись аттическаго происхожденія второй половины IV в. (Bull. VIII, p. 324, l. 17), гдѣ имѣется ναοποιοί, но прибавляетъ самъ, что надпись, можетъ быть, вырѣзана рабочими не аттическаго происхожденія.

Слово Λεώς является въ прозѣ (кромѣ сложныхъ, какъ Ἀριστόλεως и др.) только какъ имя героя филы Леонтиды и имѣетъ всегда спеціально аттическія формы. Въ сложныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаются впрочемъ довольно рано діалектическія формы, какъ Ἀρχέλας, Ἀναξίλας, Ἀρκεσίλας. Riem. Rev. V, p. 155, говоритъ, что такія формы наводятъ на мысль, что въ подобныхъ случаяхъ рѣчь идетъ о натурализованныхъ иностранцахъ или о лицахъ, имена которыхъ иностраннаго происхожденія.

Къ немногочисленнымъ словамъ атт. II склон. присоединяется изъ надписей: ἡμιέκτεων средн. р. и Φώς (дат. Φῴ CIA. II, 793, с, 36), имя корабля. Въ рукописяхъ является первое слово лишь въ формахъ ἡμιέκτεον и ἡμίεκτον. Meisterh., p. 53. Вакернагель Phil. Anz. 1886, p. 74) производитъ ἡμιέκτεων правдоподобно отъ ἡμιέκτηϝον, какъ вообще сложныя слова съ ἡμι- бываютъ средняго рода и принимаютъ суффиксъ -ον, ср. ἡμιδάρειχον ἡμιώβολον. Объясненія Мейстерганса нельзя принять.

Слово κάλως склоняется въ аттической прозѣ всегда по II склон. и лишь у позднѣйшихъ поэтовъ находятся формы III склон. Riem. Rev. IX, p. 80, указываетъ на слѣдующія надписи, въ которыхъ значится κάλως въ nom. pl. (какъ ἥρως=ἥρωες): CIA. II, 793, a, 62—65; ib. 794, b, 17—21; ib. Add. 834, c, 18 (начала III вѣка).

За исключеніемъ словъ μέραρχαι (финансовыя должностныя лица, CIA. II, 550, 3, 7; 324 a. C.) и βοιωτάρχαι (CIG. 1738. Liv. XLII, 43, 7 boeotarchae), всѣ сложныя отъ ἄρχω оканчиваются на -αρχος, а не на -άρχης: γυμνασίαρχος, δήμαρχος, ἐπιτριήραρχος, ἵππαρχος, τόξαρχος, ταξίαρχος, πολέμαρχος (CIA. II, 88, 6, гдѣ читается не πέζαρχος, какъ утверждаетъ Мейстергансъ), τριήραρχος и др.; слѣдовательно, читается невѣрно Thuc. V, 66, 3 въ изданіи Классена ἐνωμοτάρχαι. Meisterh., p. 53 sq. Riem. Rev. IX, p. 68. Schanz Plat. VII, p. VIII. Stahl, p. 54.

III склоненіе.

Πόλις. Въ надписяхъ, относящихся къ 410—335 гг. до Р. Х., встрѣчается дат. ед. ч. πόλῃ Syll. 77, 3, ἀκροπόλῃ ib. 75, 17, Νέᾳ

πόλῃ, и Meisterh., p. 54, приводитъ 8 случаевъ этого употребленія; 9-й находится еще Mitth. VIII, p. 314, l. 8 στῆσαι [ἐμπό]λῃ. Мейстергансъ считаетъ это число слишкомъ великимъ, чтобы можно было думать о простой ошибкѣ и о смѣшеніи звука ει съ η, то-есть, примыкаетъ къ мнѣнію Римана, высказавшаго Rev. IV, p. 186, предположеніе, что въ формулѣ στῆσαι ἐν τῇ πόλῃ (ἀκροπόλῃ) сохранилось древнее окончаніе, которое нужно считать за сліяніе древне-іонійскаго πόληι. Противъ этого толкованія возражалъ Диттенбергеръ (Hermes 1882, p. 37), ссылаясь на другіе примѣры смѣшенія ει съ η, какъ δοχῇ (ind.!) Syll. 74=CIA. II, Add. 52, c, 12, Ἀργῆος Syll. 421, 5, γραμματῇ Syll. 94 (ср. вообще Syll. index p. 791). Риманъ (Rev. IX, p. 54) присоединяется теперь къ этому мнѣнію и указываетъ на другія подобныя ошибки, какъ -κ]ράτῃ (dat. sing.) CIA. II, 664, 6 ($^{400}/_{399}$ a. C.), Ἀριστήδης, Ἀπολλοφάνῃ. Meyer Gr.², p. 383, считаетъ πόλῃ за правильную форму. Нѣсколько примѣровъ обыкновенной формы πόλει изъ надписей приводитъ Riem. Rev. IV, p. 186.

Πολέοιν, извѣстное изъ писателей (Isocr. IV, 73. 75), доказываетъ Meisterh., p. 55, примѣромъ изъ надписи: Mitth. II, 212=Syll. 52, 2 (394 г. до Р. Х.).

ἄστυ. Это слово имѣетъ въ род. пад. только ἄστεως, напримѣръ, CIA. II, 167, 76 (326 a. C.); 584, 7; 379, 15. Bamb. Jb. VIII, p. 200. Stahl, p. 55. За форму ἄστεως, говорятъ, кромѣ того, слѣдующія мѣста поэтовъ: Eur. El. 246. Bacch. 840. Or. 751. Phoen. 856. Schanz Plat. XII, p. X, сообщаетъ, что Plat. Leg. V, p. 746 A и XI, p. 936 C въ Paris. A читается ἄστεος, но „ο in rasura". Невѣрное, слѣдовательно, сообщаетъ Krüger Gr. Spr. I, 18, 8, 2 съ Kühner Ausf. Gr. I, p. 344. Anm. 2. Невѣрно пишетъ ἄστεος, напримѣръ, Classen Thuc. VIII, 95, 7; II, 13, 7.

Род. мн. ч. πήχεων, требуемый уже древними грамматиками (Phryn., p. 245. Phot., p. 316. Moeris, p. 327. Thom. M., p. 272, 7), найденъ теперь и въ надписи CIA. II, Add. 834, c, 15. Xen. An. IV, 7, 16 читается въ изданіяхъ невѣрно πηχῶν. Eur. Cycl. 391, впрочемъ, πήχεων слѣдуетъ читать какъ двухсложное слово.

Снова на -εύς.

Прежде предполагали, что ῆς, древнее окончаніе им. множ. ч. словъ на -εύς, основывается на ῆες. Это предположеніе ошибочнымъ считаетъ Диттенбергеръ (Hermes XVII, p. 38 sqq.), указывая на древне-аттическое окончаніе εης и основываясь на томъ, что 1) во всѣхъ

падежахъ названныхъ словъ именно послѣдній слогъ удлиненъ (βασιλέως, βασιλέα, βασιλέας) и 2) на томъ, что существуетъ еще нѣсколько эпиграфическихъ примѣровъ этого окончанія. Самый безспорный примѣръ составляетъ Syll. 56, 1: Οἵδε ἱππέης ἀπέθανον ἐν Κορίνθῳ. Къ нему присоединяется еще ΧαλκιδΕΕΣ CIA. IV, 27, a, 57 (445 a. C.). Что послѣднее=Χαλκιδέης, видно по тому, что—εες является не раньше 356 г., —ηες же нигдѣ не встрѣчается. Meisterh., p., 55 приводитъ еще 3-й, по его мнѣнію, несомнѣнный примѣръ, Ἀργολέης CIA. I, 338, 3 (408 г. до Р. X.); но Riem. Rev. IX, p. 75 sq., указалъ на то, что нельзя знать, не существовала ли другая форма дема Ἀγρολή, а именно Ἀγρύλεια, отъ которой могло бы быть образовано δημοτικόν Ἀγρολειεύς или Ἀγρυλεεύς, такъ что можно предполагать и nom. plur. Ἀγρολεῆς. Съ мнѣніемъ Диттенбергера согласны Мейстергансъ и Риманъ. Другого мнѣнія держится Вакернагель (Zeitschr. f. vergl. Sprachw. XXVII, p. 268), считая вышеприведенныя формы происшедшими вслѣдствіе диттографіи и съ нимъ соглашается Meyer Gr.[2], p. 344.

Кромѣ указаннаго окончанія -εης, встрѣчаются въ надписяхъ иногда не слитныя: εες (Ἁλα]ιέες, Κολλυτέες, Ρηγαιέες рядомъ съ Βατῆς CIA. II, 870; 350 a. C.) и ι.ες=ιjες, ср. выше стр. 84 (Διομέ⟨ι⟩ες Ἐρχιέες, Ἰκαριέ⟨ι⟩ες, Κολλυτέες рядомъ съ Ἀζηνιῆς, Πειραιεῖς. CIA. II, 943; 323 г. до Р. X.).

Обыкновенно имѣютъ слова на -εύς въ мн. ч. слитныя окончанія и притомъ

a) -ῆς (преобладаетъ съ 350 г., встрѣчается иногда до 325 г. до Р. X.).

b) на -εῖς (первый примѣръ CIA. II, 17, B, 24. 31; 375 г.; съ 350 г. это окончаніе встрѣчается часто, съ 324 г. до Р. X. исключительно). Meisterh., p. 56. Болѣе полный списокъ примѣровъ даетъ Riem. Rev. IX, p. 76 sq.

Въ древне-аттическомъ нарѣчіи слова на -εύς съ предшествующимъ гласнымъ сливаютъ въ род. и вин. пад. ε съ окончаніями -ως, -ων, -α, -ας, какъ Αἰγιλιῶς, Πολιῶς, Κυδαθηναιᾶ, Ἁλαιᾶς, Θεσπιᾶς. Первый не слитный примѣръ при предшествующей α составляетъ Ὀαεύς CIA. I, 318, 8 (417 a. C.), съ предшествующею ι Ἐρετριέων Mitth. II, p. 212, 5 (394 a. C.). Подробный хронологическій обзоръ слитныхъ и не слитныхъ формъ словъ на -εως даетъ Riem. IX, p. 77 sq.

Въ новоаттическомъ нарѣчіи сліяніе становится рѣже въ особенности въ офиціальныхъ документахъ, тогда какъ въ документахъ, касающихся флота и представляющихъ болѣе народный языкъ, обы-

кновенно встрѣчаются слитныя формы. Съ 200 г. до Р. Х. сліяніе уже болѣе не примѣняется, между тѣмъ какъ во время римскихъ императоровъ вмѣстѣ съ другими классическими формами, благодаря дѣятельности грамматиковъ, воскресаютъ опять и слитныя формы на -ῶς, -ῶν, -ᾶ, -ᾶς. Meisterh., p. 57. Рукописи Θукидида и въ этомъ отношеніи колеблются. Stahl, p. 55, считаетъ для Θукидида отъ словъ на -ιεύς единственно возможными слитныя формы, такъ какъ и сценическіе поэты вездѣ сливаютъ (Aesch. Pers. 486. 817. Soph. Phil. 4. Arist. Eq. 815. Av. 1040. Lys. 1169. Ran. 694.).

При предшествующемъ согласномъ -έα вин. пад. ед. ч. и έας мн. ч. на аттическихъ надписяхъ никогда не сливается въ -ῆ и -ῆς; за то формы въ родѣ βασιλῆ, βασιλῆς въ другихъ нарѣчіяхъ многочисленны, но всѣ примѣры (см. Syll. index. p. 782) относятся къ времени послѣ 200 г. до Р. Х. Мейстергансъ не приводитъ никакихъ примѣровъ правильнаго образованія; у Лаутензаха (въ его рецензіи стр. 231) находятся слѣдующія изъ CIA I: ἱερέα 1, A, 40 (до 450 a. C.), γραμματέα 20, 12 (до 444 г.), ἐ]σαγωγέα[ς 37, b, 7 (425 г.), βασιλέας 61, 12 (409 г.), χωπέας 82, 6. Другіе примѣры см. Weckl., p. 19. Riem. Rev. V, p. 167.

Съ македонскаго времени проникаетъ слитная форма им. пад. на -εις и въ вин. пад.: τοὺς βασιλεῖς CIA. II, 243, 8 (306—301 a. C.), τοὺς ἱερεῖς 539, 22 (ок. 300 г.), τοὺς ἱππεῖς 323, 12 (277 г. до Р. Х.) и т. п.

Форму вин. пад. мн. ч. слитную порицаетъ Thom. Mag., p. 115, 2: ἑρμηνέας, βασιλέας, ἱερέας, καὶ ὅσα τοιαῦτα, Ἀττικοί· τὸ δὲ συνῃρημένως ταῦτα λέγειν οὐκ ἔστιν ἐκείνων. Между тѣмъ какъ Херобоскъ у Herod. ed. L. II, p. 677 признаетъ лишь -εις, говоря: βασιλῆς (nom. pl.) Ἀττικῶς διὰ τοῦ η. Ἡ δὲ τούτων αἰτιατικὴ διὰ τῆς ει διφθόγγου μόνως λέγεται, οὐκέτι δὲ καὶ τοῦ η; тѣмъ не менѣе приводятся вслѣдъ за тѣмъ формы на ῆς: Soph. Ai. 390 τοὺς βασιλῆς и Xen. Cyrop. I, 1, 2 τοὺς νομῆς. Τοὺς πελαργιδῆς читается въ нашихъ изданіяхъ Arist. Av. 1356. Другія слитныя формы, главнымъ образомъ вин. ед. ч. на -η, изъ поэтовъ приводитъ Nauck ad Soph. Ai. 104.

Можно ли въ виду такихъ данныхъ удержать у аттическихъ писателей такія формы, какъ τοὺς ἱππεῖς Andoc. I, 45. III, 5 и др., приведенныя у Кюнера Ausf. Gr.[2] I, p. 350, A. 4?

Собственныя имена на -κλῆς. Meisterh., p. 57 sq.

Въ им. пад. ед. ч. представляютъ уже самыя древнія аттическія надписи слитную форму, хотя еще въ V и IV вѣкахъ встрѣчается иногда не слитная форма: Χαρικλέης (464 г. до Р. Х.), Θρασυκλέης,

Προκλέης (421 года), Πρωτοκλέης (398 г.), Μενοκλέης (ок. 340 г.). Рукописи Θукидида имѣютъ лишь слитную форму; Аристофанъ неслитную (Μεγακλέης, Περικλέης и т. п.), кромѣ Ἡρακλῆς (Ran. 282. 464. 581, Lys. 928 etc.) и Θεμιστοκλῆς (Eq. 884); трагики употребляютъ ту и другую. Stahl, p. 56.

Въ род. пад. встрѣчается съ 322 г. до Р. Х. иногда окончаніе -κλέου: Σωφοκλέου CIA. II, Add. 963, 9 (ок. 322), Δημοκλέου, Ἀριστοκλέου [1]).

Нѣсколько примѣровъ неслитнаго дат. пад. приводитъ Riem. Rev. IX, p. 71, какъ Πασικλέει, Φοινικλ[έ]ει CIA. II, 814, b, 12. 13 (37¹/₂ a. C.) и Rev. V, p. 150 форму Διοκλῇ CIA. II, Add. 489, b, 19 (I в.).

Вин. пад. ед. ч. имѣлъ до 300 г. до Р. Х. окончаніе -κλέα, послѣ этого -κλῆν: Μενεκλῆν (292 г.), Ἀμεινοκλῆν (281 г.); впрочемъ Ἐπικλῆν CIA. II, 987, 12 (= CIG. 116) считаетъ Кёлеръ относящимся къ IV в.—Окончаніе -κλῆ, въ другихъ нарѣчіяхъ часто встрѣчающееся (Syll. p. 782, но не раньше 228 г. до Р. Х.), въ аттическихъ надписяхъ не употребляется.

Другія собственныя имена на -ης. Meisterh., p. 58—60.

Къ собств. именамъ съ основою на -σ причисляетъ Мейстергансъ имена, оканчивающіяся на: -άγης, -αισχης, -ανθης, -αλκης, -αρχης, -αρης, -αρκης, -γενης, -ευχης, -ίκης, κηδης, -κρατης, -κρινης, -κυδης, -μελης, -μηδης, -ναπης, -οφελης, -πειθης, -πτερης, -σθενης, -τελης, -τρεφης, -φανης, -φειδης, -χαρης, -ψευδης и приводитъ каждому случаю самый древній примѣръ род. пад. на -ους. CIA. II, 283, 22 (424 г. до Р. Х.) читается впрочемъ не Ἀλκισθένους, а Ἀψεύδους. На эти слова простирается ἑτερόκλισις гораздо раньше, чѣмъ на имена на -κλῆς, а именно:

Раньше всѣхъ падежей постигаетъ ἑτερόκλισις вин. пад.: Τισσαφρένην CIA. II, 64, b, 14 (410—405 a. C.), Κλεοφράδην CIG. I, 538 (ок. 380 г.), Δημοχάρην CIA. II, 791, 38 (377 г.), Ἀριστοπείθην CIA. II, Add. 52, c, 33 (368 г.), Ἀστυκράτην (а не Ἀριστοκράτην, какъ говоритъ Meisterh., p. 59) ib. 54, a, 20 (363 г.), Ἀριστοφάνην, ib. 573, 20 (ок. 350 г. до Р. Х.). Недостаетъ у Мейстерганса слѣдующихъ примѣровъ, указанныхъ Riem. Rev. V, p. 150 и IX, p. 72: Φιλο[κ]λή[δη]ν CIA. II, 582, 8, Θεογένην 962, 10 (ок. 323 г.), Ἀριστομήδην 794, d, 28 (356/5 a. C.), Ἀντισθένην 564, 15. Въ надписяхъ сохранилось

---

[1]) *Meisterh.*, p. 58, приводитъ еще сомнительный примѣръ Μοιροκλέ⟨ι⟩ου 328 г. CIA. II, Add. 834, b, II, 74, но Ἐφ. ἀρχ. 1883, tab. 10 читается -κλείους. Кромѣ того, приводится невѣрно Λυσικλέου CIA. II, 329, 26, такъ какъ тамъ читается Λυσικλέους.

всего два вин. пад. на η:..κρ]άτη CIA. II, 2, 5 (вскорѣ послѣ 403 г. до Р. X.) и 'Αστυκράτη 54, b, 30 (363 a. C.).

Въ литературѣ имѣютъ изъ иностранныхъ именъ Τισσαφέρνης всегда -ην, 'Αρταφέρνην читается Thuc. IV, 50, 'Αστυάγης, Κυαξάρης имѣютъ то -ην, то -η. Stahl, p. 55, въ виду того, что на надписяхъ до Ol. 100 нѣтъ формы на -ην (кромѣ Τισσαφρένην) и что у сценическихъ поэтовъ формы на -η „salvo metro" могутъ и должны быть возстановлены (Weckl., p. 24), полагаетъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что Θукидиду были свойственны исключительно формы на -η, хотя рукописи въ этомъ отношеніи во многихъ мѣстахъ колеблются. Kaibel, Hermes XVII, p. 416, приводитъ изъ рукописнаго преданія Демосѳена, Гиперида и Ликурга Εὐθυκράτη, Λεωκράτη, 'Αριστογένη, Δημοχάρη, Λεωχάρη, Λασθένη, Δημομέλη, Διοπείθη, Φιλοκράτη, Δημοσθένη. Bamb. Jb. XII, p. 25. Послѣдній по поводу Κλεοφράδην CIG. I, 538 (ок. 380 a. C.) указываетъ на Arist. Eccl. 129 'Αρίφραδες и Vesp. 1280 'Αριφράδην.

2) Съ 350 г. до Р. X. образуется ἑτεροκλίτως и род. пад.: 'Αριστοκράτου, 'Αντιφάνου, 'Επικράτου, Θεογένου... CIA. II, 573, 11 (середины IV в.) и много другихъ примѣровъ. Δεινοκράτου, Εὐθυκράτου, Σωσιγένου находятся CIA. II, 873, 21. 26. 18. 5. 16. (до 300 г.). Послѣ 300 г. до Р. X. формы на -γενου, -κράτου и т. п. вытѣснили совсѣмъ прежнія формы на -γενους, -κρατους (только въ пяти надписяхъ находятся еще послѣ этого времени формы съ окончаніемъ -ους и то на ряду съ формами на ου). Въ императорское время замѣчается реакція: въ офиціальныхъ документахъ, составленныхъ на литературномъ языкѣ, главнымъ образомъ принятыхъ въ CIA. III vol. I, встрѣчаются почти только формы на -ους, а въ другихъ, представляющихъ народный языкъ и вошедшихъ въ CIA. III vol. II, имѣются почти исключительно формы на -ου.

Изъ нарицательныхъ именъ на -ης лишь τριήρης, τετρήρης, и ἰσοτελής имѣютъ изрѣдка формы, образованныя по I склоненію: τριήρην рядомъ съ τριήρη (съ 334 г. до Р. X. CIA. II, 804, A, b, 32, τετρήρην при τετρήρη (съ 326 г. до Р. X. CIA. II, 808, a, 49); ἰσοτελοῦ (III в. Kaibel. Ep. 48, 1).

Слова на -ος. Meisterh., p. 61.

Мейстергансъ говоритъ: „Nom. и Acc. Dual. оканчиваются правильно на -ει: σκέλει, ζεύγει (398 г. до Р. X.)". Это утвержденіе основывается только на двухъ надписяхъ, CIA. II, 652 (=Syll. 366), гдѣ читается A, 24 ΣΚΕΛΕ δύο—B, 26 δύο ΖΕΥΓΕ; Бёкъ (CIG. 150)

читалъ эти слова σκέλει и ζεύγει [1]) на томъ основаніи, что въ этой надписи и въ другихъ мѣстахъ Ε = ει. Въ опроверженіе этого указалъ Riem. Rev. V, p. 165, на то, что въ той же надписи находится ANEΘEKEN = ἀνέθηκεν, и хотѣлъ поэтому читать въ указанныхъ мѣстахъ ζεύγη, σκέλη,—прибавляя впрочемъ, что нельзя рѣшать, множеств. ч. это или двойств. Теперь (см. Rev. IX, p. 73) онъ примыкаетъ къ мнѣнію Бека и Диттенбергера (Hermes XVII, p. 36 not. 1 и Syll. p. 504 not. 13).

Впрочемъ и слова на -ις, -εως имѣли, кажется, окончаніе -ει въ им., вин., зват. пад. двойств. ч. Кекъ (p. 22) ссылается на два мѣста, имѣющія будто πόλη: Isocr. IV, 17 и VIII, 116. Однако по Мартэну (A. Martin, Le ms. d'Isocrate Urbinas CXI etc., p. 26—28) значится IV, 17 въ Urb. не πόλη, а πόλεις; VIII, 116 же стоитъ тамъ πόλη отъ второй руки, вмѣсто чего первая рука написала, вѣроятно, πόλει. Тотъ же Мартэнъ (стр. 27) указываетъ еще на schol. ad Arist. Ran. 1378: τὼ πλάστιγγ'· τὸ δὲ σχῆμα ἀττικὸν ὡς τὼ χεῖρε, τὼ πόλει καὶ νὴ τὼ σιώ. Къ этому присоединяется еще свидѣтельство Херобоска у Herodian. ed. L. II, p. 322, 10—19. (=696, 7—16): Δεῖ δὲ γινώσκειν ὅτι ἐν μὲν τοῖς δυϊκοῖς τὰ δύο εε εἰς η κίρναται οἷον Δημοσθένεε Δημοσθένη, Διομήδεε Διομήδη· ἐν δὲ τοῖς πληθυντικοῖς εἰς τὴν ει δίφθογγον οἷον Δημοσθένεες Δημοσθένεις, Διομήδεες Διομήδεις, σπανίως δὲ καὶ ἐν τοῖς δυϊκοῖς, ἀλλ' εὑρίσκεται τὰ δύο εε εἰς τὴν ει δίφθογγον κιρνάμενα οἷον ταρίχεε ταρίχει, πόλεε πόλει, ὡς παρ' Αἰσχίνῃ τῷ Σωκρατικῷ „τούτω τὼ πόλει" (λέγει δὲ περὶ Ἀθηνῶν καὶ Λακεδαιμονίων), καὶ ἐν τοῖς πληθυντικοῖς εἰς η οἷον ἱππέες ἱππῆς καὶ βασιλέες βασιλῆς. Ταῦτα δὲ Ἀττικά ἐστι καὶ ἐπὶ μόνων τῶν εἰς ευς τοῦτο ποιοῦσιν οἱ Ἀττικοί, φημὶ δὲ τὸ κιρνᾶν τὰ δύο εε εἰς η ἐν τῇ εὐθείᾳ τῶν πληθυντικῶν. Херобоскъ, слѣдовательно, говоритъ ясно, что εε обыкновенно сливается въ η, иногда также въ ει и приводитъ въ примѣръ ταρίχει и πόλει, чѣмъ онъ, кажется, хочетъ сказать, что окончаніе ει въ им. вин. пад. двойств. ч. для τάριχος и πόλις, то-есть, для существительныхъ на -ος и -ις, обязательно; ср. Herodian. II, p. 323, 11—12=696, 35—36 τάριχεε ταρίχει, πόλεε πόλει· ταῦτα γὰρ διὰ τῆς ει διφθόγγου γράφεται. Если же у того же Херобоска (Herod. ed. L. II, p. 756, 25—27) говорится: ἀλλ' ἔστιν ὅτε συναιρεῖται, οἷον βασιλεὺς βασιλέως βασιλέε βασιλῆ, πόλιε πόλεε πόλη, ὡς παρ' Αἰσχίνῃ τῷ Σωκρατικῷ „τούτω τὼ πόλη"—λέγει δὲ περὶ Ἀθηναίων καὶ Λακεδαιμονίων, то рѣчь идетъ здѣсь о томъ, слѣдуетъ ли сливать или нѣтъ, и въ

---

[1]) А не σκέλεε и ζεύγεε, какъ напрасно утверждаетъ Кюнеръ, Ausf. Gr.[3] I, p. 337 A. 6.

цитатѣ изъ Эсхина, по всему вѣроятію, нужно писать πόλει вм. πόλη, какъ дѣйствительно и читается въ той же цитатѣ въ выше приведенномъ мѣстѣ. Риманъ (Rev. IX, p. 74) полагаетъ поэтому вопреки Кеку, что форму πόλεε, даваемую рукописями Thuc. V, 53 и Isocr. XII, 156. 157, слѣдуетъ исправить, и указываетъ на то, что у переписчиковъ существовала склонность замѣнять слитную форму неслитною, что видно изъ того, что у Элія Аристида (II, p. 222, 6) мѣсто изъ Эсхина, приведенное у Херобоска въ доказательство слиянія (πόλει или πόλη), читается съ формой πόλεε. Съ другой стороны, утверждаетъ противное, по крайней мѣрѣ относительно словъ средн. р. на -ος, Ioann. Alex. (Herod. ed. L. I, 420, 11 sqq. cp. II, 323 not.): τὰ δύο εε εἰς η συναιροῦσιν Ἀττικοί, указывая на Arist. Pac. 820 и 325, гдѣ будто читается τὼ σκέλη.

Относительно им., вин. пад. двойств. ч. существительныхъ и прилагательныхъ на -ης говорятъ въ пользу сліянія εε въ η многія мѣста у Геродіана (ed. L. II, 322, 11. 324, 2—4. 695, 39. 696, 8. 711, 25. 715, 16. 756, 21). Riem. Rev. IX, p. 74 указываетъ на то, что Aristoph. Thesm. 282 форма περικαλλῆ опирается на свидѣтельствѣ схоліаста, и Bamb. Jb. XII, p. 27 сообщаетъ, что такъ читается въ cod. Rav.

Странное правило даетъ еще Херобоскъ (Herod. ed. L. II, p. 711, 24—34), будто во всѣхъ словахъ III скл. εε двойств. ч. сливается въ η, если род. ед. ч. оканчивается на долгій слогъ, слѣдовательно Δημοσθένους — Δημοσθένη, βασιλέως—βασιλῆ, πόλεως — πόλη и исключаются поэтому прилаг. на -ύς, -εῖα, -ύ; съ этимъ правиломъ согласно чтеніе отрывка Аристофана Ioann. Alex. 14, 15 καὶ πρός γε τούτοις ἥκετον πρέσβη δύο (fr. 495 Dind. 639 Kock); но самъ Херобоскъ говоритъ вслѣдъ за этимъ: δεῖ δὲ γινώσκειν ὅτι τὸ τραχὺς μόνον εὑρίσκεται συναιρούμενον κατὰ τὴν εὐθεῖαν τῶν δυϊκῶν εἰς τὴν ει δίφθογγον παρὰ Ἴωνι τῷ τραγικῷ οἷον τὼ τραχέε τὼ τραχεῖ [1]). Herod. ed. L. II, p. 324, 12—14 напечатанъ этотъ отрывокъ еще разъ, но у Ленца последнее слово напечатано τραχῆ, хотя передъ тѣмъ сказано, что εε сливается въ ει, почему можно заключить о склонности переписчиковъ сливать εε въ η. По всѣмъ этимъ противорѣчивымъ правиламъ можно видѣть, какъ мало можно положиться на свидѣтельства грамматиковъ. Не видно основанія, почему прилагательтельныя на -υς должны бы были образовать двойственное число инымъ образомъ, чѣмъ другія подоб-

---

[1]) *Meyer* Gr.[2], p. 360, слѣдовательно, утверждаетъ совершенно напрасно, будто Іонъ, по свидѣтельству Геродіана, употребилъ τραχῆ вмѣсто τραχέε.

ныя же слова; кромѣ того, говоритъ въ пользу сліянія ee въ двойств. ч. то обстоятельство, что υἱός, склоняющееся какъ прилаг. на -ος род. υἱέος), имѣло слитную форму, что видно по HΥIE на надписи времени Пелопоннесской войны (Mitth. VII, p. 320—раньше 418 г.); Meisterh., p. 63 и Riem. Rev. IX, p. 170, читаютъ это υἱεῖ.

Въ концѣ концовъ намъ кажется самымъ раціональнымъ предполагать, что слова на -εος, -ος [1]), -υς (существ. и прилаг.) имѣли въ им. и вин. пад. дв. ч. формы на -ει, такъ что рукописное преданіе и отчасти свидѣтельства грамматиковъ въ этомъ отношеніи не заслуживаютъ никакого довѣрія. Во всякомъ случаѣ общепринятое теперь βασιλέε и т. п. противорѣчитъ даже единогласному свидѣтельству грамматиковъ.

Въ род. пад. мн. ч. слова сред. р. на -ος на аттическихъ надписяхъ никогда не имѣютъ неслитной формы: ἐπῶν CIA. I, 583, 20 (424—422 a. C.), τεμενῶν II, 814, a, A, 27 (374 a. C.) и т. д.; ср. Thom. Mag., p. 263, ὀρῶν, οὐχ ὀρέων, но p. 1 ἀνθέων, οὐχ ἀνθῶν. Herod. ed. Lob. (post Phryn.) p. 454 ἀνθέων γράφε, ἀλλὰ μὴ ἀνθῶν, ἵνα μὴ συνεμπέσῃ τῷ ἀνθ' ὧν ἔγραψας καὶ ἀνθ' ὧν ἔδωκας. Suid. ed. Bernh., p. 443 Ἀνθέων· τὴν γενικὴν ὁμοίως τοῖς Ἴωσιν οἱ Ἀττικοί κτλ. Согласіе грамматиковъ, другъ у друга списывающихъ, относительно аттическаго будто ἀνθέων, не болѣе важно, чѣмъ вѣроятенъ выдуманный Геродіаномъ поводъ, почему аттики не говорили ἀνθῶν. Послѣднее читается Xen. Cyneg. V, 5.

Основы на ν. Meisterh., p. 61.

Вин. пад. ед. ч. словъ Ἀπόλλων и Ποσειδῶν гласилъ въ классическое время Ἀπόλλω, Ποσειδῶ: ὀμνύναι μὲν Δία καὶ Ἀπόλλω CIA. I, 9, 15 (470—460 a. C.), II, Add. 49, b, 24 (375 a. C.); Ποσειδῶ Syll. 79, 67, CIA, II, Add. 66, b, 14 (356 a. C.). Кобетъ (Var. Lect. p. 262 и Mnemos. N. S. VIII, p. 122) утверждаетъ невѣрно, что аттики говорили всегда τὸν Ἀπόλλωνα и Ποσειδῶνα, за исключеніемъ клятвенныхъ формулъ νὴ (μὰ) τὸν Ἀπόλλω (Ποσειδῶ). Arist. Av. 586 и Nub. 1234 защищается размѣромъ Ποσειδῶ, Ἀπόλλω же Aesch. Suppl. 214. Riem. Rev. IX, p. 81 указываетъ еще на Plat. Crat. 402 D, 404 B, C, D, E, 405 D, гдѣ чередуются обѣ формы и обыкновенно употребляется Ἀπόλλω, и только тамъ читается полная форма, гдѣ рѣчь идетъ объ этимологіи; то же самое говоритъ и Schanz Plat. XII, p. XI, прибавляя: Sine dubio formae pleniores antiquiores

---

[1]) По Штальбауму читается въ Paris. A отъ первой руки Plat. Resp. VIII, p. 547 B: ἑκατέρω τῷ γένει.

putandae sunt ac graviores formis detruncatis, quae in sermone quotidiano floruisse videntur. Inde perspicuum, cur Plato in Legibus antiquis formis refertis semper Ἀπόλλωνα dixerit.

Anomala. Meisterh., p. 62—64.

Ἄρης. „Libri penes quos auctoritas est Platonici unanimi testes sunt genitivi Ἄρεως, quem correctores futiles saepe in Ἄρεος permutabant. — Etiam in (Paris.) A prima manus semper dedit Ἄρεως cf. Rp. III, p. 390 C, Leg. II, p. 671 E, VIII, p. 833, B. Herodian. ed. Lentz II, p. 682, 13 (Choerobosc.) εὑρίσκεται δὲ καὶ Ἄρεως Ἀττικῶς διὰ τοῦ ω". Schanz Plat. XII, p. IX.—Вин. пад. Ἄρη находится CIA. II, 833, 5 и Syll. 171, 60; ту же форму слѣдуетъ, вѣроятно, дополнить и CIA. II, 66, 6, fr. c. 15 (=Syll. 89, 40), а не Ἄρην. Bamb. Jb. XII, p. 28. И у Платона имѣется Ἄρη; ср. Schanz l. c.

ἀρήν. Прежде предполагали, что Фринихъ у Bekk. Anecd. I, 7, выдумалъ им. пад. ἀρήν (ср. Kühner Ausf. Gr.[2] I, p. 401), и что аттики замѣняли его другими словами; что онъ дѣйствительно употреблялся, видно по CIA. I, 4, 22 (около 450 г. до Р. Х.) Ἑρμ]ῇ ἀρὴν κριτό[ς.

δεσμός. Во множ. ч. употреблялось въ прозѣ какъ δεσμοί CIA. II, 678, B, 48 (378—366 a. C.), такъ и δεσμά CIA. II, 791, 31 (377, a. C.) δεσμὰ χαλκίων; ср. Thom. Mag., p. 79, δεσμὰ κάλλιον ἢ δεσμοί.

Κέρας. Это слово образуетъ въ классическое время формы отъ основы κέρατ. Мейстергансъ приводитъ κέρατε CIA. IV; 185, B, 47 (410 a. C.); Riem. Rev. IX, p. 80, указываетъ еще κέρατα изъ CIA. II, 728, B, 4; 778, A, 2; 835—836, A, d, 2. Въ послѣдней надписи находится еще ΕΝΙ . ΕΡΑ:, что̀ Риманъ, читая это ἔνι κέρα, считаетъ за доказательство того, что краткая форма κέρα употреблялась не только въ смыслѣ „крыло арміи". Bamb. Jb. XII, p. 30, возражаетъ справедливо, что если ΚΕΡΑ: и не слѣдуетъ принять за сокращеніе (ср. въ той же надписи A, d, 21 ΘΥΓΑΤ:=θυγάτηρ) вмѣсто κέρατα, то все-таки надпись отъ 329 — 317 гг. до Р. Х. не можетъ ничего доказать относительно языка классическаго времени.

Κρέας. Род. пад. κρέατος нашелся въ надписи 338 г. до Р. Х. (Ἀθήν. VII, прилож. къ p. 87, l. 73); Riem. Rev. IX, p. 81 note 1 полагалъ, что κρέατος, кажется, встрѣчается лишь у грамматиковъ и позднихъ авторовъ; прочія надписи имѣютъ только κρέα, κρεῶν.

μάρτυς. Дат. мн. ч. μάρτυσι встрѣчается въ надписи 327 г. до Р. Х. (CIA. II, 609, 21). Вин. ед. ч. (μάρτυρα, μάρτυν) въ надписяхъ еще не открытъ.

πρεσβευτής. Множественное число этого слова гласитъ до 250 г. до Р. Х. πρέσβεις, а съ этого времени πρεσβευταί.

Πνύξ образуетъ въ болѣе древнее время падежи съ перестановкою πυκνός CIA. I, 501, 2 (до 444 a. C.), позднѣе по аналогіи съ им. пад. (πνύκα). Steph. Byz. s. v. Eusth. ad Il. V, 660 πνύξ... ὅπερ ἡ κοινὴ χρῆσις πνυκὸς κλίνει. Въ лучшихъ рукописяхъ Аристофана (напримѣръ, Rav. и Ven. Equit. 1109) имѣютъ πυκνός, худшія πνυκός. Weckl., p. 25. Thuc. VIII, 97, 1 имѣетъ только cod. Vat. πνύκα. Stahl, p. 56.

ῥίς. Утвержденіе Thom. Mag, p. 323, ῥίς 'Αττικοί, ῥίν Ἕλληνες подтверждается надписью CIA. II, 835, c—l, 89 (320 a. C.).

σταθμόν. До сихъ поръ было извѣстно только множ. ч. σταθμά= вѣсы. Meisterh., p. 63, указываетъ шесть примѣровъ ед. ч. σταθμόν= вѣсъ; во всѣхъ говорятся послѣ названія двухъ предметовъ σταθμὸν τούτοιν (CIA. I, 141, 4 — 433 a. C.: φιάλα ἀργυρᾶ σταθμὸν τούτοιν); Riem. Rev. IX, p. 69 приводитъ еще четыре новыхъ (CIA. II, 701, I, 50. 54; 706, a, 17; 722, A, 4), въ которыхъ каждый разъ сказано σταθμὸν ἐπιγέγραπται.

Вм. φράτωρ аттическія надписи имѣютъ φράτηρ, φράτερα, φρατέρων, φράτερσι CIA. II, Add. 841, b (396 г. до Р. Х. Steph. Byz. s. v. φρατρία· ἐλέγετο δὲ φράτηρ καὶ φράτωρ, ἀλλὰ τὸ μὲν φράτηρ ἀρχαῖον, θάτερον δὲ νεώτερον.

φρήν. Дат. пад. мн. ч. φρασίν находится CIA. IV², 477, h, 1 и Кирхгофъ считаетъ нужнымъ принять эту форму въ текстъ Эсхила; ср. его примѣчаніе ad Aesch. Sept. 25.

χείρ. Нашелся род. пад. мн. ч. χ]ε[ι]ροῖν CIA. II, 742, A, 14 (350—300 a. C.), что противорѣчитъ извѣстному правилу, по которому при долготѣ окончанія первый слогъ долженъ гласить χε-.

υἱός. Мѣсто этой формы, сохранившейся въ древней поэтической надписи V в. (CIA. I, 398, 4 ὑός, безъ ι, о чемъ ср. выше стр. 89), заступило рано υἱός съ вин. пад. υἱόν, вслѣдствіе чего слово мало по малу переходило во II склоненіе; только до 350 г. преобладаютъ формы III склоненія, послѣ этого времени встрѣчаются лишь формы II склоненія. Надписями удостовѣрены формы ὑέος (Mitth. V, p. 318; 400 — 350 a. C.); им. и вин. мн. ч. υἱεῖς, им. вин. дв. ч. υἱεῖ (ср. выше стр. 114). Размѣромъ защищается υἱέων Arist. Nub. 1341 τὸν πατέρα τύπτεσθ' ἐστὶν ὑπὸ τῶν υἱέων, и υἱέσι Soph. Ant. 571 κακὰς ἐγὼ γυναῖκας υἱέσι στυγῶ. Bamb. Jb. XII, p. 31.

Вин. пад. мн. ч. υἱέας не извѣстенъ ни изъ надписей, ни изъ ат-

тическихъ поэтовъ, такъ что Thom. Mag., p. 367 не заслуживаетъ довѣрія, говоря: υἱεῖς, υἱέων, υἱέας καὶ υἱεῖς (λέγε), χρείττω γὰρ ταῦτα τοῦ υἱοί, καὶ υἱῶν καὶ υἱοῖς καὶ υἱούς. Вин. ед. ч. υἱέα порицаетъ Phryn., p. 68 οὐ γάρ, ἐπεὶ υἱέος καὶ υἱεῖ ἐστίν, εὐθὺς καὶ τὴν αἰτιατικὴν υἱέα εὕροι τις ἄν · ἀλλὰ τὴν αἰτιαχὴν υἱόν λέγουσιν οἱ ἀρχαῖοι.

ἥρως. Объ этомъ словѣ, которое пропустилъ Мейстергансъ, подробно трактуютъ Riem. Rev. IX, p. 79 и Bamb. Jb., p. 28—30, по матеріалу которыхъ мы даемъ нижеслѣдующій обзоръ.

Слѣдующія формы болѣе или менѣе хорошо удостовѣрены:

Sing.			
Gen.	ἥρωος		ἥρω
Dat.		ἥρῳ	
Acc.	ἥρωα	ἥρω	ἥρων
Plur.			
Nom.	ἥρωες	ἥρως	
Gen.	ἡρώων		
Dat.	ἥρωσι		
Acc.	ἥρωας	ἥρως	
Dual.			
N. A.	ἥρωε		
G. D.		ἥρῳν	

Формы, напечатанныя разрядкой, или удостовѣрены надписями: ἥρω CIA. II, 1058, 25=Syll. 440 („pactio... parte altera saeculi quarti vix recentior"), ἥρωος ib. 778, A, 6 (второй половины IV в.), ἡρώων ib. 966 (191 a. C.), ἥρῳν на надписи у Hicks, The collection of ancient greek inscriptions in the british Museum t. I, No LXXIII, c, 6—7 (V вѣка), или защищены размѣромъ у аттическихъ поэтовъ: ἥρῳ Arist. Av. 1490 εἰ γὰρ ἐντύχοι τις ἥρῳ; ἥρωσιν ib. 1485 ἔνθα τοῖς ἥρωσιν ἄνθρω | ποι, вин. мн. ч. ἥρως Aesch. Ag. 516 ἥρως τε τοὺς πέμψαντας, εὐμενεῖς πάλιν.

Изъ этихъ формъ три засвидѣтельствованы и грамматиками: вин. пад. ед. и мн. ч. ἥρω и ἥρως Thom. Mag., p. 169, ἥρω 'Αττικοί, οὐχ ἥρωα, καὶ ἥρως ἐπὶ αἰτιατικῆς τῶν πληθυντικῶν καὶ οὐχ ἥρωας; дат. п. ἥρῳ Moeris ἥρω χωρὶς τοῦ ι 'Αττικοί... ἥρωι μετὰ τοῦ ι "Ελληνες. Им. мн. ч. ἥρως отвергается Фринихомъ, p. 158, οἱ ἥρως οὐ λέγουσιν, ἀλλ' οἱ ἥρωες,

говорящій затѣмъ, что Аристофанъ, въ силу требованій размѣра, употребилъ разъ эту форму. Ἥρως основывается только на Херобоскѣ у Herod. ed. L. II p. 715, 9. Формы по II склоненію вин. ед. ч. ἥρων и род. ед. ч. ἥρω основываются, первая на цитатѣ изъ Аристофана schol. ad Il. XIII, 428, вторая на Herodian. II, p. 714, 2—4. 30—31 и Cod. Σ Dem. XIX, 249. На одномъ рукописномъ преданіи основываются порицаемыя Thom. Mag. l. c. формы ἥρωας, которое читается, напримѣръ, Plat. Cratyl. p. 397 D и 398 D (у Шанца безъ варіантовъ) и ἥρωα, находящееся у Шанца Plat. Leg. V p. 738 D безъ варіантовъ, между тѣмъ, какъ Липсіусъ Dem. XVIII, 180 читаетъ ἥρω, хотя cod. Σ имѣетъ ἥρωα.

Нарѣчія. Meisterh., p. 64 sq.

Нарѣчія на -ασι и -ησι, произведенныя отъ именъ демовъ, не имѣютъ ι προσγεγραμμένον; Herw., p. 40, составилъ слѣдующій перечень такихъ открытыхъ на надписяхъ нарѣчій: Ἀγγελῆσι(ν), Ἀγχυλῆσι(ν), Ἀγρυλῆσι(ν), Ἀζηνιᾶσι(ν), Αἰξωνῆσιν, Ἀλωπεχῆσιν, Ἀμφιτροπῆσιν, Ἀναχᾶσιν (=Ἀναχαίασιν), Ἀντηνῆσιν, Ἀχαρνῆσιν, Ὀτρυνῆσιν, Παλληνῆσιν, Πεντελῆσιν, Φλυῆσιν, къ которымъ присоединяютъ Meisterh., p. 64, еще Κεφαλῆσιν и Ὀῆσιν, а Riem. Rev. IX, p. 83, Ἐπιχηφισιᾶσι. Сюда же относятся такія же образованія: Ἀθήνησι, Ἐρυθρᾶσι, Μουνιχίασι, Ὀλυμπίασι, Ὀροβίασι.

Рядомъ съ ἀεί является на надписяхъ по 361 г. до Р. Х. въ прозѣ и αἰεί (ср. выше стр. 78).

Ἀσυλεί находится CIA. I, 41, 13 (V в.), написанное согласно съ правиломъ Θеогноста (p. 165, 6), что послѣ θ, μ и λ нарѣчія оканчиваются на -εί, ср. Herodian. ed. Lenz. II, p. 464, 19—23.

Δεῦρε, до сихъ поръ неизвѣстная форма, нашлось нѣсколько разъ на пограничныхъ камняхъ V в. Ἀθήν. VIII, 292. 525.

Ἐνταυθοί, считавшееся нерѣдко за неаттическую форму, открыто на надписи V в. Ἀθήν. VIII, 408, 13.

Нарѣчія на -θεν лишаются въ прозѣ съ IV вѣка изрѣдка своего конечнаго ν: Μουνιχίαθε CIA. II, 793, f, 11 (357 a. C.) ἔμπροσθε (ок. 350 г. до Р. Х.), Ἀλωπεχῆθε II Add. 834, b, 38 (329 a. C.), ὄπισθε ib. 835, 62 (320—317 a. C.), νοτόθε ib. 781, 11 (Riem. Rev. IX, p. 60.) а въ поэзіи еще раньше: πρόσθε πυλῶν CIA. I, 333, 3 (ок. 460 a. C.), πρόσθε Ποτειδαίας ib. 442, 10 (431 a. C.).—Herw., p. 41. Riem. Rev. V, p. 158 и IX, p. 83, Meisterh., p. 65 приводятъ слѣдующія нарѣчія на θεν изъ надписей:: Ἀγγελῆθεν, Ἀγχυλῆθεν, Ἀγρυλῆθεν, Ἀλωπεχῆθεν, Ἀμφιτροπῆθεν, Ἀναχαίαθεν, Βατῆθεν, Βραυρωνόθεν, Ἐχαλῆθεν Ἐλευθε-

ρᾶθεν, Ἐλευσινόθεν, Ἑστιαιόθεν, Θριῶθε(ν) Ἐφ. ἀρχ. 1883, p. 119—20, 32, Κεφαλῆθεν, Κολωνῆθεν, Κονθυλῆθεν, Κριῶθεν, Εἰτέαθεν, Μαραθωνόθεν, Μουνιχίαθεν, Ὄαθεν, Ὀῆθεν, Οἰόθεν, Πεντελῆθεν, Περγασῆθεν Σφενδαλῆθεν, Σφηττῆ[θεν CIA. II Add. 834, b, I, 52. Φλυῆθεν, Ὠᾶθεν, Ὠῆθεν.

Изъ нарѣчій на -οι нашлись на надписяхъ: Ἀθμονοῖ, Γαργηττοῖ, Ἐρυθοῖ, Κολωνοῖ, Ποταμοῖ, Φαληροῖ, Ἀναφλυστοῖ, Θορικοῖ. Herw., p. 40 sq. Riem. Rev. V, p. 157.

Прилагательныя. Meisterh., p. 65—68.

Положительная степень.

Εὔνους склоняетъ съ 302 г. до Р. Х. им. под. мн. ч. по III склоненію: εὔνους ὄντες CIA. II, 270, 10. Meyer. Gr.², p. 345.

Прилательныя на -ης съ предшествующимъ гласнымъ оканчиваются въ вин. п. ед. ч. на -α, а не на -η: Εὐφυᾶ (имя корабля) CIA. II, 794, d, 54 (356 a. C.), ἀκλεᾶ (поэзія ок. 300 г. до Р. Х.) Kaib. Ep. 850, 4. Ошибочное μεγαλοφυῆ приводитъ Herw., p. 57, изъ CIA. III, 768 (времени императоровъ). — Ὑγιής оканчивается въ neutr. plur. съ 350 г. до Р. Х. на -η. Ὑγιᾶ и ὑγιῆ находятся еще въ одной и той же надписи CIA. II, 61, d, 52 и a, 45 (357—352 a C.). Ὑγιῆ находится CIA. II, 720, A, II, 22; B, I, 3. 17. 18. 27. (320 a. C.); ib. 731, B, 20; 736, A, 5; Add. 682, c, 8; Add. 834, c, 42. Moeris p. 375: ὑγιᾶ Ἀττικῶς, ὑγιῆ Ἑλληνικῶς.

Прилагательныя на -πους образуютъ вин. п. ед. ч. въ V вѣкѣ еще на -ποδα: τρίποδα, τετράποδα, ἑπτάποδα; но уже въ IV в. встрѣчаются формы δίπουν CIA. II, 1054, 24; τετράπουν ib. 14, δεκάπουν ib. 24 (347 a. C.); δίπουν ib. 1057, 23. По Krüg. Gr. Spr. I, § 17, 6, b существ. τρίπους имѣетъ только τρίποδα. Riem. Rev. IX, p. 71 приводитъ существ. ἁμαξήποδα изъ CIA. II, Add. 834, c, 42 начала III в.

Meisterh., p. 66, говоритъ, что σῶος и σῶς одинаково хорошія аттическія формы, и доказываетъ σῶον примѣромъ, уже выше у насъ (стр. 89) приведеннымъ, а въ пользу σῶν указываетъ на CIA. I, 68, 6 (444—403 a. C.). Женскій родъ σᾶ находится CIA. II, 62, 8 (357 a. C.) = Syll. 88: ὅπως [ἄ]ν Ἄνδ[ρος] ἔ[ι] σ[ᾶ] τῶι δ[ή]μωι τῶι Ἀθη[να]ίων, гдѣ въ вѣрности дополненія надписи сомнѣваться нельзя; σᾶ было до сихъ поръ извѣстно лишь изъ отрывка Аристофана (fr. 631 Kock.) ἡ μᾶζα γάρ σᾶ καὶ τὰ κρέα χὼ κάραβος. Въ пользу начертанія σῷος Мейстергансъ ничего не говоритъ. Встрѣчается ли оно вообще на надписяхъ? Ср. Herodian. ed. Lentz I, p. 112, 2: σῷος ὃ διὰ τοῦ ι γράφεσθαί φησι Δίδυμος, ἡ δὲ παράδοσις ἄνευ τοῦ ι οἶδε.

Прилагательныя на -ος могутъ, согласно выше (стр. 82) сказанному, въ женск. р. оканчиваться на -εια и -εα: ἡμίσειαν CIA. II, 600, 22 (300 a. C.), ἡμίσεαν ib. 1055, 16 (345 a. C.) и 1059 14. 19 (321 a. C.). Средній родъ мн. ч. оканчивается только на -εα (-εια) и не сливается никогда въ -η: χανᾶ πλατέα CIA. II, 818, 18 (354 a. C.), χανᾶ πλατέ⟨ι⟩α ib. 817, B, 22 (358 a. C.); τὰ ἡμίσεα CIA. II, 1055, 14 (345 a. C.). Послѣдняя форма удостовѣряется еще другими эпиграфическими примѣрами (CIA. II, 546, 29. 37; 803, b, 39. 47. 85. 100. 148. 172; c, 70; ср. Bamb. Jb. VIII, p. 202) и съ этимъ согласны свидѣтельства грамматиковъ: Thom. Mag. ed. Ritschl, p. 172 ἁμαρτάνουσιν οἱ τὰ ἡμίση λέγοντες καὶ οὐ τὰ ἡμίσεα. τὰ γὰρ τριγενῆ τῶν ὀνομάτων ἐπὶ τῶν οὐδετέρων διῃρημένας ἔχουσι τὰς τοιαύτας πτώσεις, οἷον οἱ γλυκεῖς, αἱ γλυκεῖαι, τὰ γλυκέα... οὕτως ἄρα καὶ οἱ ἡμίσεις, αἱ ἡμίσειαι, τὰ ἡμίσεα и Phrynich. у Bekk. Anecd. p. 41, 33 ἡμίσεα, ἀλλ' οὐχ ἡμίση. Бамбергъ (l. c.) сообщаетъ, что самое древнее свидѣтельство въ пользу ἡμίση находится въ папирусѣ, содержащемъ отрывки Гиперида (ed. Blass, p. 3), гдѣ значится ἡ[μί]σηι=ἡμίση, и что cod. Σ Демосѳена имѣетъ то ἡμίση, то ἡμίσεα. На этомъ основаніи Бамбергъ склоненъ допустить ἡμίση у Гиперида и Демосѳена, Риманъ же (Rev. IX, p. 83) полагаетъ, что мы обязаны этими формами въ рукописяхъ переписчикамъ.

Изъ прилагательныхъ двухъ окончаній на -ος приводитъ Мейстергансъ только одно πάτριος, о которомъ онъ сообщаетъ, что на надписяхъ оно всегда бываетъ прилаг. двухъ окончаній: τὰς πατρίους πολιτείας CIA. II, 332, 15 (271—265 a. C.), πατρίους θυσίας ib. 628, 14 (I в. до Р. Х.). Bamb. Jb. XII, p. 31—34, даетъ подробное извлеченіе изъ двухъ сочиненій, занимающихся спеціально этими словами (La Roche. Über die Adiectiva zweier Endungen auf ος im Griech. Linz. 1883 и Godofr. Wirth, De motione adiectivorum, quae in ιος, αιος, ειος, ιμος, terminantur. Leipzig. Studien. IV. 1881). Результаты обоихъ сочиненій вкратцѣ слѣдующіе:

πάτριος какъ commune находится у писателей 14 разъ (Thuc. III, 58, 5 θυσίας τὰς πατρίους; VII, 21, 2; Xen. Cyr. I, 1, 2; Hell. III, 4, 2. Isocr. VII, 29; IX, 32; Lys. II, 9; XXX, 19. 20. Din. I, 110. Aesch. I, 23; Lycurg. 97; Dem. XIX, 128, Arist. Ran. 368), πατρία—четыре раза (Andoc. III, 27; Plat. Leg. VI p. 759 B. Isocr. VII, 59; X, 63. Относительно мысли, которая легко можетъ прійдти, а именно, что меньшинство мѣстъ слѣдуетъ исправить по аналогіи большинства, Бамбергъ говоритъ, что можетъ быть не все равно, на-

ходится ли членъ при существ. или нѣтъ; дѣйствительно, во всѣхъ четырехъ мѣстахъ, гдѣ читаются формы πάτριαι и πατρίαν, члена при существ. нѣтъ.

ἀναγκαῖος есть у прозаиковъ V и IV вв. прилаг. 3-хъ окончаній. Только у Платона встрѣчается оно иногда какъ commune; Thuc. I, 2 τῆς καθ' ἡμέραν ἀναγκαίου τροφῆς нужно ἀναγκαίου, вѣроятно, выбросить какъ глоссему, а Thuc. VII, 60 ἐξ ἀναγκαίου понимается теперь въ смыслѣ нарѣчія.

βέβαιος употребляется только какъ commune у Өукидида, Платона, Андокида и Лисія; форма βεβαία находится у Исократа въ двухъ мѣстахъ; у Демосеена названное слово бываетъ 2-хъ и 3-хъ окончаній; у Ксенофонта оно только разъ (Hell. VII, 1, 44) имѣется какъ commune.

βίαιος бываетъ у Өукидида и Платона только двухъ окончаній, у Андокида и Лисія оно не относится къ слову женск. р.; у Ксенофонта имѣется разъ βιαία.

μάταιος не встрѣчается, кажется, при словѣ женск. рода у Өукидида, Андокида, Исократа и Эсхина; у Демосеена и Платона употребленіе этого слова колеблется.

Относительно прилагательныхъ на -ιμος соблюдается вообще то правило, что они бываютъ только двухъ окончаній. Кромѣ единичныхъ случаевъ (разъ γνωρίμη и ναυπηγησίμη у Платона), составляютъ исключеніе только ὠφέλιμος и χρήσιμος: ὠφελίμη встрѣчается у Платона три раза, въ прочихъ случаяхъ находится ὠφέλιμος=fem.; χρήσιμος=fem. употребляется у Өукидида и Демосеена по одному разу и разъ въ формѣ χρησίμη; у Платона преобладаетъ χρήσιμος = fem., у Исократа—χρησίμη.

ἐπιτήδειος есть прилаг. 3-хъ окончаній. Единственное исключеніе Thuc. V, 112 хочетъ Виртъ (p. 27) измѣнить.

ἔρημος. 1) Въ судебномъ отношеніи (съ рядомъ стоящими или подразумѣваемыми γραφή, δίκη, δίαιτα) находится форма ἐρήμη у Өукидида (VI, 61, 7) и Платона (Apol. 18 C) по одному разу, у ораторовъ—десять разъ, ἔρημος = fem. семь разъ (всѣ примѣры изъ Демосеена). 2) По отношенію къ другимъ словамъ встрѣчается у Платона ἔρημος только какъ прилаг. 2-хъ окончаній; то же самое имѣетъ мѣсто у Өукидида въ десяти случаяхъ, въ трехъ же (II, 82, 15; IV, 26, 4; 81, 1) имѣется ἐρήμη. Такое же колебаніе бываетъ у ораторовъ и Ксенофонта.

ἕτοιμος=commune читается Dem. VIII, 15. 46; ἑτοίμη—Soph. El. 1079. Antiph. II, α, 4. Plat. Leg. IV, p. 715. D.

λάλος встрѣчается по Ларошу только у Аристофана и Лукіана при словѣ женск. р. и только какъ commune.

Помѣстимъ здѣсь еще заключительныя замѣчанія § 17 у Вирта: I. Apud Ionicos scriptores poetasque lyricos rarus est usus formarum communium eorum adiectivorum quae in -ιος et -ειος terminantur, eorum autem quae in -αιος prope nullus; praeterea communes terminationes apud epicos haud raro metri aut euphoniae rationibus debentur. II. In prosa Attica numerus adiectivorum ambiguae motionis parvus est pro numero semper mobilium; rarissime adhibent communes formas oratores, saepius historici, audacissimus est Plato, qui proxime accedit ad III. Poetas tragicos, qui in plerisque adiectivis in -ιος et -ειος, rarius in eis quae in -αιος cadunt prout metrum aut euphonia postulabat aut sine ulla causa motionem per duo genera usurpant, cautius Sophocles, effusius Euripides.—Правило Вирта (§ 2): „Non componuntur formae communes cum substantivis femininis in -ος terminatis' не безъ всякихъ исключеній (ἔρημος νῆσος у Θукидида).

παλαστιαῖος. CIA. II, Add. 834, b (329—8 a. C.) имѣетъ II, 17 и 33 παλαστιαῖαι, и II, 21 παλαστιαῖοι=fem. Riem. Rev. IX, p. 84.

Сравнительная степень.

Meisterh., p. 67: „По 100 г. до Р. Х. употребляются отъ сравн. степ. на -ιων въ acc. sing. m. и f. и въ nom. acc. pl. m. f. и n. исключительно болѣе короткія формы на -ω и -ους : ἐλάττω, μείζω CIA. II, 61, d, 45, ὀλείζω, πλείω, ἀμείνους, ἐλάττους, καλλίους, πλείους. Лишь со времени взятія Аѳинъ Суллою встрѣчаются формы на -ονα, -ονες, -ονας". Ср. Moeris, ed. Piers. p. 34: Ἀμείνω Ἀττικῶς, ἀμείνονα Ἑλληνικῶς.

Прежде были извѣстны только два примѣра, составляющіе исключеніе изъ этого правила, а именно двѣ метрическія надписи CIA. II, 555 (376—5 г. до Р. Х.), гдѣ находится μείζονα и Kumanud. 3482, гдѣ встрѣчается ἥσσονα. Riem Rev. IX, p. 184, указываетъ теперь третій примѣръ (народное рѣшеніе V в., Ἐφ. ἀρχ. 1884 p. 161—62, l. 33. πλέονα (=πλείονα?), „qui prouve que, dans la déclinaison des comparatifs, les formes non contractes ne sont pas étrangères à la prose attique". Кромѣ того, что въ выписанномъ у Θукидида (V, 47) договорѣ между аргивянами и аѳинянами § 6 читалось въ подлинникѣ ἣν δὲ πλείονα χρόνον βούλωνται χρῆσθαι, видно по отрывкамъ этого договора, помѣщеннымъ CIA. IV, 46, b, гдѣ число

недостающихъ буквъ требуетъ дополненіе πλείονα. Что касается сценическихъ поэтовъ, то они употребляли болѣе длинныя формы часто тамъ, гдѣ размѣръ ихъ требовалъ (Aesch. Prom. 922 κρείσσον'. 1035 ἀμείνον'. Pers. 440 μάσσονα. 813 ἐλάσσονα. Suppl. 203 ἥσσονας. Choeph. 905 κρείσσον'. Soph. Ai. 456 κρείσσονα. O. T. 1374 κρείσσον'. Ant. 313 πλείονας. 681 ἥσσονες. fr. 779, 5 βελτίονα. Eur. Cycl. 10 μείζον'. Alc. 433 ἀμείνον'. Suppl. 196 χείρονα. Troad. 1059 ἐχθίονες. El. 405 μείζονας. Arist. Ach. 1078 πλείονες ἢ βελτίονες. Nub. 113 κρείττον'... ἥττονα. 114 ἥττονα. Vesp. 807 πλείονα въ триметрѣ, и Arist. Nub. 432 πλείονας. Eq. 811 πλείονα и Plut. 558 βελτίονας въ анапестахъ), а въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ размѣръ допускалъ ту и другую форму, они употребляли только болѣе короткую форму; ср. Riemann, Bullet. IV, p. 146—150. Stahl, p. 56. По всему этому видно, что форма слитная была общеупотребительною.

Два раза встрѣчается род. п. на -ου: ἀπὸ τοῦ μείου CIA. II, Add., 841, b, 5 (ок. 396 г. до Р. Х.) и ἐχ (=ἐκ) θάττου ib. 302, b, 9 (294—292 a. C.).

Ὀλίγος имѣетъ въ древнемъ аттическомъ языкѣ сравн. ст. ὀλείζων: ὄλε(ι)ζον CIA. I, 9, 10 (вр. Кимона); ὀλείζοσι ib. 1, B, 33 (раньше 456 a. C.); ὀλείζω 'Αθ. VIII, 407, 8=CIA. IV², 27, b, 8 (439 a. C.); ὄλειζον CIA. I, 37, a, 17, (425 a. C.); ὀλείζονα Αθ. XII, 163, 1 (418 a. C.); но, кромѣ того, употребляется въ это же время и ἐλάττων: μὴ ἔλαττον ἢ ἑκτέα 'Αθ. VIII, 407, 6 (439 a. C.).

Относительно спорнаго вопроса, слѣдуетъ ли въ аттическомъ нарѣчіи допустить формы πλέων рядомъ съ πλείων, πλεῖον рядомъ съ πλέον, Meisterh., p. 68, составилъ слѣдующее правило на основаніи данныхъ на надписяхъ: a) передъ долгими гласными стоитъ постоянно ει: πλείων, πλείω, πλείους; b) передъ короткими гласными находится въ классическое время (до 300 г. до Р. Х.) одно ε: πλέονος, πλεόνων, πλέοσιν".

Противъ перваго правила возразить не приходится, потому что на надписяхъ нѣтъ противорѣчащихъ этому правилу случаевъ и, кромѣ того, съ нимъ согласно употребленіе трагическихъ поэтовъ (Aesch. Ag. 868. 1068 слѣдуетъ съ Диндорфомъ читать πλέον вм. πλέω). У Θукидида читается въ четырехъ мѣстахъ въ рукописяхъ πλέω (I, 81, 5. 104, 1. II, 89, 5. IV, 19, 2), которое слѣдуетъ исправить въ πλείω, тѣмъ болѣе что во многихъ другихъ мѣстахъ сохранилась въ рукописяхъ вѣрная форма. Stahl, p. 58.

Что касается второго правила Мейстерганса, то онъ 1) основы-

ваетъ его на слишкомъ маломъ числѣ случаевъ (разъ πλέοσιν, разъ πλεόνων и разъ πλέονας), 2) онъ оставилъ въ сторонѣ πλειόνων CIA. II, 421, c, 4 и πλείονος ib. 564, 11 (Riem Rev. V, p. 175) потому, вѣроятно, что время ихъ опредѣлить нельзя, но во всякомъ случаѣ эти надписи могутъ быть старше 300 г.; кромѣ того, приводитъ Riem. Rev. IX, p. 65, πλείονος изъ CIA. II, 1113, 4, то-есть, изъ надписи, которая, безъ сомнѣнія, относится къ IV в., такъ какъ въ ней O означаетъ еще ου, и наконецъ выше мы указали на CIA. IV, 46, 6, гдѣ нужно дополнить πλείονα. О правилѣ Мейстерганса говоритъ совершенно справедливо Riem. Rev. IX, p. 180: „Les textes épigraphiques doivent toujours être rapprochés des autres moyens que nous avons de nous renseigner sur le dialecte attique. Or, on voit, que chez les tragiques et chez Aristophane πλείονος πλειόνων, πλείοσιν sont plusieurs fois garantis par le mètre (Rev. V, p. 174, онъ приводитъ πλείονος Eur. fr. 288, 12; πλείονα Aesch. Ag. 760. Soph. OC. 36. 796. Phil. 576. Eur. Suppl. 451. Rhes. 778. Med. 609. Troad. 473. Iph. T. 1233, fr. 421. Arist. Nub. 822. 1290, 1292. Vesp. 806. 1439. Eccl. 179. Eq. 711. 811 Plut. 187; πλείονες Eur. Alc. 720. Arist. Ach. 1078; πλείονας Soph. Ant. 313. Ar. Nub. 432; πλειόνων Soph. O. R. 247. Eur. Soppl. 239. Ar. Eccl. 1073; πλείοσιν Soph. El. 1353. 1371. Eur. Iph. T. 279. Ar. Eccl. 409); d'après cela, je suis convaincu que ces formes sont au moins aussi attiques que πλέονος, πλεόνων, πλέοσιν.... Tout ce qu'on peut conclure, c'est que les formes de πλείων où la seconde syllabe est brève pouvaient, dés l'époque attique, s'écrire par ε au lieu de ει". Съ этимъ мнѣніемъ въ общемъ согласенъ Stahl, p. 58, который относительно сценическихъ поэтовъ сообщаетъ слѣдующія наблюденія: Аристофанъ употребляетъ во всѣхъ формахъ, кромѣ πλέον, дифтонгъ; трагики допускаютъ въ двухъ трехсложныхъ формахъ ε, а именно въ πλέονος (Soph. OC. 1211. Phil. 1100, въ лирическихъ мѣстахъ) и въ πλέονι (Eur. Phoen. 539), а въ прочихъ употребляютъ исключительно ει.

Средній р. ед. ч. встрѣчается въ надписяхъ IV и III вѣковъ, судя по Meisterh., p. 68, not. 596, лишь въ видѣ πλέον, напримѣръ, CIA. II, 573, 17 (IV в.); 352, 12 (III в.) πλέον ἤ, чѣмъ опровергается утвержденіе Кобета, будто аттики говорили только πλεῖν ἤ. Πλεῖον защищено размѣромъ Arist. Eccl. 1132. Aesch. Pers. 791. Eur. Hipp. 641. Troad. 644 (въ трехъ послѣднихъ мѣстахъ Диндорфъ безъ основанія старается πλεῖον устранить) и Phoen. 603. Ср. Stahl, p. 57. Piers. ad Moerid., p. 294 πλεῖν ἢ μύριοι 'Αττικοί, πλέονες ἢ μύριοι Ἕλληνες.

О сравн. степени прилаг. κενός и στενός говоритъ Херобоскъ, Bekk. An. III, p. 1286: κανὼν ἔστιν ὁ λέγων, ὅτι τὰ εἰς ος ποιοῦντα συγκριτικὰ ἢ ὑπερθετικά, ἐὰν μὲν βραχείᾳ λήγωνται, τρέπουσι τὸ ο εἰς ω ἐν τοῖς συγκριτικοῖς καὶ ὑπερθετικοῖς, οἷον σοφώτερος σοφώτατος... χωρὶς τοῦ κενός, κενότερος καὶ στενός στενότατος. ταῦτα γὰρ βραχείᾳ παραληγόμενα [οὐ] τρέπουσι τὸ ο εἰς ω. и Etym. Magn. 275, 50 ...πλὴν τοῦ στενότατος καὶ κενότατος· ἅπερ φησὶν ἀπὸ τοῦ στεῖνος καὶ κεῖνος γέγονε. Бамбергъ (Zeitschr. f. d. Gymnasialw. 1874, p. 9 sq.) указалъ уже на то, что Kühner, Ausf. Gr.[2] p. 430 неосновательно предпочиталъ авторитетъ дурныхъ рукописей (въ особенности Ксенофонта, въ такихъ вопросахъ никакого значенія не имѣющихъ) свидѣтельству Херобоска, и говоритъ, что теорія грамматиковъ болѣе защищается тѣми мѣстами, гдѣ рукописи имѣютъ чтеніе, согласное съ нею, чѣмъ подрывается тѣми мѣстами, гдѣ чтеніе рукописей противорѣчитъ ей. Бамбергъ сообщаетъ, что Scymn. v. 710 размѣръ требуетъ στενοτάτου, между тѣмъ какъ въ код. C (Meineke) читается στενωτάτου, и что въ Volumina Herculanensia Neap. Vol. IX, col. 12, 7 и vol. VI, col. 6, 4 ясно написано κενότατον. На этомъ основаніи слѣдуетъ считать за аттическія формы κενότερος, στενότερος, какъ и пишетъ теперь Шанцъ Plat. Phaed. 111 D. (στενότερα съ код. Bodlei.) и Symp. 175 D (κενότερος, вопреки рукописямъ). Στενότερον находится и на надписи Syll. 353, 10. Bamb. Jb. XII, p. 36.

Мѣстоименія. Meisterh., p. 68—70.

Кобетъ (Misc. crit., p. 258) утверждалъ, что въ им. и вин. пад. двойств. ч. личныхъ мѣстоименій I и II лицъ слѣдуетъ писать νῷ и σφῷ, а не νώ и σφώ, противорѣчащее аналогіи. Формы преданія защищаетъ теперь Шанцъ (Plat. VII, p. XI), указывая на свидѣтельства грамматиковъ (Apoll. Dysc. de pronom. 109 C p. 85 ed. Schneider и Herod. ed. Lentz II, p. 218) и на то, что лучшія рукописи Платона, за исключеніемъ одного мѣста (Leg. I, p. 646 B, гдѣ въ Paris. A первою рукой было написано σφῷ), вездѣ имѣютъ νώ, σφώ, и что только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удареніе другое.

Род. и дат. пад. того же мѣстоименія гласили въ аттическомъ нарѣчіи νῷν и σφῷν, такъ какъ одни они допускаются размѣромъ сценическихъ поэтовъ (ср., напримѣръ, Soph. El. 882. 918. 1038. O. C. 342, 497, 1111, 1411 etc.) и, кромѣ того, они защищены свидѣтельствами грамматиковъ. Ср. Herodian. ed. L. I, p. 475 αἱ... γενικαί,

νῶϊν σφῶϊν προπερισπῶνται. ταύτας δὲ κατὰ συναίρεσιν Ἀττικοὶ προφέρονται μονοσυλλάβως, τοῦ ι γραφομένου μὴ συνεκφωνημένου; ὧν καὶ ἡ περισπωμένη μένει κατὰ τὴν συναίρεσιν οἷον νῷν σφῷν. Рукописи Платона сохранили вѣрную форму σφῷν только въ одномъ мѣстѣ (Leg. X, p. 892 E). Schanz, Plat. XII, p. XII.

Отъ возвратнаго мѣстоименія употребляются въ надписяхъ болѣе длинныя формы (σφῶν αὐτῶν, σφέτερος αὐτῶν) почти исключительно, (единственное исключеніе CIA. I, 231 frg. 34 ὑπὲρ [ἑ]αυτῶν 448 a. C.) приблизительно по 400 г. до Р. Х.; послѣдній примѣръ формы, начинающейся съ σφ, составляетъ σφίσιν αὐτοῖς Mitth. II, 212. 9 (395 г.).

Послѣ названнаго времени являются только формы ἑαυτοῦ, ἑαυτῶν. Слитныя формы αὑτοῦ, αὑτῶν и т. д. встрѣчаются въ надписяхъ рѣдко (CIA. II, 807, b, 14 καθ' αὑτούς 330 a. C.) и съ 300 г. до Р. Х. почти совсѣмъ исчезаютъ. Meisterh., p. 69. Schmolling, Über den Gebrauch einiger Pronomina auf att. Inschr. Progr. d. Marienstifts—Gymn. zu Stettin. 1882, p. 3, 5, 7. 1885, p. 19. Kühner Gr.[2] I, p. 459 sq. Относительно отношенія формъ σεαυτοῦ, ἑαυτοῦ къ формамъ σαυτοῦ, αὑτοῦ у писателей сообщаетъ Бр. Кейль (Analecta Isocratea. Leipzig. 1885, p. 106) результатъ своихъ наблюденій; а именно трагики употребляютъ трехсложныя формы рѣдко, комики чаще, хотя и у нихъ преобладаетъ болѣе короткая форма; Исократъ предпочитаетъ по образцу трагиковъ двухсложныя формы. Bamb. Jb. XII, p. 36. Со временъ Августа встрѣчаются часто формы безъ υ: ἑατοῦ CIA. III, 575, 4 (27—12 a. C.); ἑατούς ib. 645, 9 (ок. 30 г. до Р. Х.). Съ 69 г. до Р. Х. встрѣчается ἴδιος вм. ἑαυτοῦ, ἑαυτῶν: CIA. II, 470, 71, 80 (οἱ ἔφηβοι) κάλλιστον ὑπόδειγμα τῆς ἰδίας φιλαγαθίας τοῖς μεθ' ἑαυτοὺς ἀπολείποντες.

Вмѣсто οὗτινος, ᾧτινι, ἅτινα аттическія надписи употребляютъ всегда ὅτου, ὅτῳ, ἅττα; формы род. и дат. пад. мн. ч. въ надписяхъ еще не открыты; въ женскомъ р. встрѣчаются только формы ἧστινος, ᾗτινι. Meisterh., p. 70. Какъ у аттическихъ поэтовъ, такъ и у ораторовъ такимъ же образомъ οὗτινος и ᾧτινι не встрѣчается; немногочисленныя исключенія слѣдуетъ считать за описки переписчиковъ: Soph. O. C. 1673 пишетъ Бадгамъ (Philol. X, p. 339) ὧτινε вм. ᾧτινι. O Eurip. Hipp. 903 и Arist. Pac. 1279 ср. A. Nauck, Euripid. Studien II, p. 36 sq. Невѣрныя формы οὗτινος, ᾧτινι читаются еще Andoc. II, 10; Lys. I, 37, 38, II, 21. Ср. A. Nauck, Mélanges Gréco-Romains V, p. 223, гдѣ, кромѣ того, сообщается, что Кобетъ (Var. Lect. p. 532) вслѣдствіе опрометчивой догадки считалъ возможнымъ ὅτου

принять и за форму женск. рода и что въ Lexic. Vindobon. p. 131, 3 говорится подъ вліяніемъ невѣрнаго чтенія у Софокла (OR. 1107): ὅτῳ καὶ ὅτου εὕρηνται καὶ ἐπὶ θηλυκοῦ. Σοφοκλῆς. ὅτου νυμφῶν Ἑλικωνιάδων. γράφει δὲ Σοφοκλῆς καὶ ὅτων ἐπὶ θηλυκοῦ.

ὁ αὐτός. Въ среднемъ р. является въ надписяхъ изрѣдка, но уже рано τὸ αὐτόν вмѣсто τὸ αὐτό: μέγεθος τὸ αὐτόν CIA. I, 322, II, 29 (409 a. C.); ἀνάλωμα τὸ αὐτόν рядомъ съ ἀνάλωμα τὸ αὐτό CIA. I, 324, c, I, 25. 23 (408 a. C.). Schanz, Plat. XII, p. VI sq. сообщаетъ, что лучшія рукописи Платона, BTA, имѣютъ около 366 разъ ταὐτόν (τὸ αὐτόν), а ταὐτό (τὸ αὐτό) только 22 раза, и считаетъ вѣроятнымъ, что Платонъ употреблялъ одно ταὐτόν (τὸ αὐτόν), тѣмъ болѣе, что ταὐτό передъ гласными не элидируется (всего 4 случая по рукописямъ: Euthyd. 278 A ταὐτὸ ὄνομα — cod. A, Leg. II, p. 669 D ταὐτὸ οὐχ, Politic. p. 263 D ταὐτὸ οὐδέν, Erast. p. 138 C ταὐτὸ ὡς). То же самое относится и къ τοιοῦτον, τοσοῦτον и τηλικοῦτον, которыя Шанцъ по тѣмъ же причинамъ считаетъ свойственными Платону. Подробнѣе объ этомъ вопросѣ говоритъ Шанцъ въ Novae commentationes Platonicae. Würzb. 1871, p. 1—4.

Что касается трагиковъ, то Эльмслей не признавалъ у нихъ формъ τοιοῦτο и τοσοῦτο, что оспаривается [1]) Weckl., p. 29. Веклейнъ полагаетъ, что сказанное Эльмслеемъ слѣдуетъ отнести къ комикамъ, между прочимъ потому, что Аристофанъ передъ гласными очень часто говоритъ ταὐτόν, а нигдѣ не встрѣчается у него ταὐτ' = τὸ αὐτό съ элизіей послѣдняго слога (Ran. 1161. Nub. 546. Ran. 1250 ταὐτ' = τὰ αὐτά).

Etym. Magn. p. 758, 5 = Herod. ed. Lentz. II, p. 193 τὸ αὐτὸν οὐ πλεονασμὸς ἀλλ' ἀναλογία· αἱ ἀντωνυμίαι εἰς ο περατοῦνται κατὰ γένος οὐδέτερον, αὐτό, ἐκεῖνο, τοῦτο.... Ἀθηναῖοι οὖν μετὰ τοῦ ἄρθρου λέγοντες μετὰ τοῦ ν λέγουσι ταὐτὸν ἀναλόγως.

Числительныя. Meisterh., p. 70—74.

δύο. Им. и вин. пад. являются въ аттическихъ надписяхъ только въ видѣ δύο, а не δύω, что имѣютъ иногда даже лучшія рукописи Платона (напримѣръ, Soph. p. 254 D τώ γε δύω BT, Phileb. p. 53 B τινε δύω BT, Politic. 209 E δύο B: δύω T; cp. Schanz, Plat. VII, p. X). Arist. Eq. 1350 читаютъ рукописи: καὶ νὴ Δία γ' εἰ δυὼ λεγοίτην ῥήτορε, что исправилъ Порсонъ καὶ νὴ Δι' εἴ γε δύο κτλ.

---

[1]) Soph. Trach. 445 κλύειν γ' ἔφασκον· ταὐτὸ δ' οὐχὶ γίγνεται, гдѣ А. Наукъ, впрочемъ, пишетъ καὐτό, а Эльмслей ταὐτά. Утвержденію Эльмслея противорѣчитъ во всякомъ случаѣ Aesch. Prom. 801 Dind. (799 *Kirchh.*):

τοιοῦτο μέν σοι τοῦτο φρούριον λέγω.

Два остальные падежа сохранились въ надписяхъ въ слѣдующихъ формахъ:

a) δυοῖν (род. и дат.) приблизительно по 329 г. до Р. Х.: CIA. I, 273 (дат., 420/416 a. C.); ib. 322 (не 312; род., 409 a. C.); ib. 324 (дат., 408 a. C.); CIA. II, Add. 834, b, I, 32 (дат., 329 a. C.).

b) δυεῖν (род. и дат.) приблизительно отъ 334—229 a. C.: CIA. II, 167, 18 (род., 334—329 a. C.) ib. 380, 27 (род., ок. 229 г. до Р. Х.). Эта форма находится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ худшихъ рукописяхъ Өукидида (Stahl, p. 59) и въ лучшихъ рукописяхъ Платона (напримѣръ, Paris. A: Leg. I, 638 E, VI, p. 754 E; 774 D; Resp. VIII, p. 546 C codd. AD, ср. Schanz, Plat. VII, p. X), но не признается, конечно, новѣйшими издателями за аттическую форму (относительно ораторовъ ср. Кекъ, стр. 40). Δυεῖν читается въ рукописяхъ Aesch. Prom. 867.

c) „δύο (род.), δυοί (дат.) съ римскаго времени: CIA. III, 1443 ἐτῶν δύο; ib. 1447 ἐτῶν τριάκοντα δύω (sic); CIA. II, 467, 27(=Syll. 347), δυοὶ πλοίοις (I в. до Р. Х.); ib. 471, 48 ἐν στή[λαις] λιθίναις δυοῖν (I в. до Р. Х.)". Meisterh., p. 70 sq.

Сказанное подъ c) относительно δυοί невѣрно, такъ какъ Riem. Rev. IX, 84, указываетъ на то, что приведенный уже Веклейномъ (стр. 28) примѣръ Eph. A. 1950 (=CIA. II, 591) ἐν στήλ]αις δυοί относится къ концу IV вѣка, такъ что δυοί употреблялось раньше „римскаго времени". Что касается не склоняемаго δύο, то нельзя не видѣть случайности въ томъ, что только одинъ примѣръ этого употребленія открылся въ надписи, и притомъ относящейся къ римскому времени: вопервыхъ, число 2 нерѣдко выражается въ надписяхъ знакомъ || (ср., напримѣръ, Meisterh., p. 50, not. 487), а не словомъ, такъ что не извѣстно, какъ сказали бы аттики при чтеніи надписи; вовторыхъ, встрѣчается у аттическихъ писателей такое большое число мѣстъ съ не склоняемымъ δύο (въ такомъ случаѣ всегда съ множеств. числ., а не двойств., какъ, напримѣръ, Dem. XLI, 8 οὐσῶν δ' αὐτῷ δύο θυγατέρων), что нельзя думать объ ошибочности преданія. По Кеку, (l. c., p. 39 sq.) находится δύο въ косв. пад. у Демосөена 1 (2) разъ, у Платона 4 (2 сомнительныхъ), 7 разъ у Өукидида, 6 разъ у Ксенофонта—вездѣ съ род. множ. числ.; съ дат. мн. ч. имѣется δύο въ 6 примѣрахъ у Өукидида [1]) и въ одномъ у Ксенофонта.

---

[1]) Такъ какъ δυοῖν у Өукидида всегда соединяется съ род. пад., то VIII, 79, 1 слѣдуетъ читать ναυσὶ δύο съ codd. Cl. Ven., а не δυοῖν съ прочими рукописями. *Stahl*, p. 59.

Извѣстія грамматиковъ о формахъ δύο, δύω, δυοῖν, δυεῖν, δυσί противорѣчатъ нерѣдко другъ другу и отчасти составляютъ смѣсь вѣрнаго съ невѣрнымъ, отчасти даже содержатъ ложное. Тѣмъ не менѣе мы приведемъ нѣсколько изъ этихъ свидѣтельствъ для того, чтобы однимъ поражающимъ примѣромъ доказать, какъ мало довѣрія иногда заслуживаютъ грамматики. Phryn. p. 210 δυσὶ μὴ λέγε ἀλλὰ δυοῖν· δυεῖν δ' ἔστι μὲν δόκιμον, τῷ δὲ ἀλλοκότως αὐτῷ χρῆσθαι ἐπιταράττεται· ἐπὶ γὰρ μόνης γενικῆς τίθεται, οὐχὶ δὲ δοτικῆς. Противъ этого говоритъ Thom. Mag. p. 90 R. δυοῖν, οὐ δυσίν... καὶ ταῦτα μὲν Φρύνιχος ἀπαγορεύων καθάπαξ τὸ δυσίν, εὕρηται μέντοι καὶ τοῦτο παρὰ τοῖς ῥήτορσι. Θουκυδίδης (VIII, 101, 1, гдѣ наши рукописи дѣйствительно читаютъ такъ, какъ говоритъ Θома) ἐπισιτισάμενοι δυσὶν ἡμέραις (въ нашихъ изданіяхъ теперь исправлено: δυοῖν ἡμέραιν) καὶ Ἀριστείδης (II, 4)... κρεῖττον μέντοι τὸ δυοῖν. Etym. Magn. 289, 30, κοινῶς μὲν γὰρ τοῦ ο μικροῦ, Ἀττικῶς δὲ διὰ τοῦ ω μεγάλου· καὶ ποῖόν ἐστιν ἀναλογώτερον; τὸ διὰ τοῦ ω μεγάλου.

κ. Διττοί, часто употребляемое трагиками вмѣсто δύο и встрѣчающееся также иногда у Платона въ этомъ смыслѣ, находится такъ и въ надписяхъ: CIA. II, 836, B, c—k, 19, 62, 64, 107 ὀφθαλμοὶ διττοί. Bamb. Jb. XII, p. 38.

πέντε удерживаетъ въ классическое время въ сложныхъ словахъ свое конечное ε: πεντέπους, πεντέποδε, πε]ντεπαλάστω, πεντεπάλαστα CIA. I, 332, a, 21, 26, 28, 51, 77 (409 a. C.); πεντεβάλανον ib. 766, 27 (340—338 a. C.). πεντέδραχμον Mitth. VIII, 211 (330 a. C.). Meisterh., p. 71, пропустилъ πεντετηρίς (не πενταετηρίς, какъ, напримѣръ, Thuc. VIII, 104, 2 имѣютъ нѣкоторыя рукописи, Stahl, p. 47), находящееся CIA. II, 756, 15; 758 A, 19; 816, 12; 818, 14, и πεντεβάλανον CIA. II, 765, 27; Riem. Rev. IX, p. 67. Лишь въ послѣклассическое время ε переходитъ въ α: πεντάμνουν CIA. II, 476, 34 (II—I вв.). Phryn. p. 412 πεντάμηνον πεντάπηχυ· μετάθες τὸ α εἰς τὸ ε, πεντέμηνον λέγων καὶ πεντέπηχυ.

λ. ἕξ можетъ лишиться своего ς не только въ сложныхъ словахъ: μῆκος ἓκ ποδῶν CIA. I, 322, a, 67 (409 a. C.), ἓκ χοίνικες (329 a. C.) ἓγ δακτύλων (329 a. C.). Въ сложныхъ словахъ не вставляется α: ἕκπους (не ἑξάπους) CIA. I, 322, a, 11. 54 (409 a. C.), ἑξδάκτυλος и ἑγδάκτυλος.

ὀκτώ не обращаетъ ω въ α: ὀκτώπους CIA. I, 322, a, 33, 37 (409 a. C.); ὀκτωδάκτυλος CIA. II, 807, a, 114 sqq. (330 a. C.).

Ἐννέα (и ἐννεακαίδεκα) имѣетъ два ν, прочія формы (ἐνενήκοντα,

ἕνατος, ἐνακόσιοι) одно ν: ἐννέα CIA. II, 163, 11; ἐνενήκοντα ib. I, 273, f, 40; ἐνάτης ib. I, 188, 15; другія формы не встрѣчаются въ аттическихъ надписяхъ. Syll. 170, 252, 255.

δέκα, какъ и πέντε, лишается своего гласнаго передъ гласнымъ, слѣдовательно δεκέτης, πεντέτης, а не δεκαέτης, πενταέτης. Riem. Rev. IX, p. 67. Согласно съ этимъ требуетъ Stahl, p. 47, измѣненія рукописнаго чтенія Thuc. V, 25, 1 δεκαετῆ въ δεκέτη и V, 26, 3 δεκέτει. Риманъ приводитъ еще δεκώβο[λον CIA. II, 837, 23.

Числа *12*, *13*, *17*, *18* обозначаются въ надписяхъ (кромѣ обыкновенныхъ формъ δώδεκα, ἑπτακαίδεκα, ὀκτωκαίδεκα) иногда такъ, что бо̀льшее число предшествуетъ: δέκα δύο CIA. II, 476, 31 (II—I вѣка), δέκα τρεῖς CIA. I, 324, c, II, 16 (408 a. C.), δέκα ἑπτά CIA. II, Add. 834, b, II, 5 (329 a. C.), δέκα ὀκτώ CIA. II, 1054, 47 (347 a. C.).

Τρεῖς καὶ δέκα и τέτταρες καὶ δέκα встрѣчаются въ надписяхъ только какъ склоняемыя формы: CIA. I, 171, 11 τ]ρεῖς καὶ δέκα (433 a. C.); ib. 322, 87 (409 a. C.) τριῶν καὶ δέκα ποδῶν; τρισὶ καὶ δέκα μησίν CIA. II. Add., 834, c, 7 (317—307 a. C.); ταῖς τέ[τ]ταρσι καὶ δέκ[α ν]αυσίν CIA. II, 794, c, 80 (356 a. C.). Такъ какъ, слѣдовательно, τρισκαίδεκα въ качествѣ indeclinabile не существуетъ, то Riem. Rev. IX, p. 84 sq. совершенно вѣрно полагаетъ, что единственныя мѣста аттическихъ авторовъ, цитуемыя съ τρισκαίδεκα какъ род. или дат., а именно Thuc. VIII, 22, 1 τρισκαίδεκα ναυσίν и Isae. VIII, 35 τρισκαίδεκα μνῶν, слѣдуетъ измѣнить, первое τρισὶ καὶ δέκα, второе τριῶν καὶ δέκα, тѣмъ болѣе, что Θукидидъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ τριῶν καὶ δέκα II, 97; τρισὶ καὶ δέκα VIII, 108, и Исей самъ нѣсколькими строками выше (въ томъ же §) употребляетъ τριῶν καὶ δέκα. Съ Риманомъ согласенъ Stahl, p. 59. Такъ какъ въ им. и вин. пад. встрѣчается исключительно τρεῖς καὶ δέκα, и въ другихъ нарѣчіяхъ также соблюдается это правописаніе (ср. Syll. 353, 134; 137, 1; 367, 20 sq. 233, 61), то нельзя сомнѣваться въ томъ, что у аттическихъ авторовъ τρισκαίδεκα вездѣ слѣдуетъ устранить: „la confusion de ι et de ει dans les mss. est un fait bien connu", говоритъ Риманъ (l. c.); такія мѣста приводитъ Stahl, p. 59, изъ Θукидида: III, 69, 1; VIII, 88; III, 79, 2 τρεῖς δὲ καὶ δέκα вм. τρισκαίδεκα δὲ большинства рукописей. Такимъ же образомъ слѣдуетъ, вѣроятно, поступать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ читается τεσσαρεσκαίδεκα или τεσσαρακαίδεκα какъ indecl. Напримѣръ, Xen. Mem. II, 7, 2 читается невѣрно τεσσαρεσκαίδεκα τοὺς ἐλευθέρους. Вѣрно преданіе: τρία καὶ δέκα Arist. Plut. 194. 846. Pac. 990. Andoc. III, 4; τριῶν καὶ δέκα Thuc. II, 97. Isae. VIII, 35;

τρισὶ καὶ δέκα Thuc. VIII, 108. Dem. IX, 25. XXXIV, 25. Ср. Riem. Rev. IX, p. 84, note 3.

„Число 29 является въ надписяхъ выраженнымъ: ἑνὸς δέοντες τριάκοντα, а не ἑνὸς δέοντος τριάκοντα (Krüger, Gr. Spr. I, § 24, 2. A. 9): CIA. I, 325, 10 (раньше 403 г. до Р. Х.) ἀ]νδράσιν ἑνὸς δέουσι τριάκ[οντα“.

„2½ дня значитъ не δύο καὶ ἡμίσεια ἡμέρα, а δύο καὶ ἥμισυ ἡμέρας: CIA. II, Add. 834, c, 73 (послѣ 329 г. до Р. Х.) ἐν δυοῖν καὶ ἡμίσει ἡμέρας“. Ср. Herodian. ed. Lob. p. 465: μέσον ἡμέρας καὶ μεσημβρία, οὐχὶ μέση ἡμέρα. Meisterh. p. 73. Tom. Mag. p. 237, 7.

„При порядковыхъ числительныхъ отъ 13—19 отдѣлялись всегда въ до-римское время единицы и десятки: τρίτης καὶ δεκάτης. Лишь непосредственно передъ битвой при Акціи является сложная форма ἑπτακαιδεκάτῃ CIA. II, 482, 23 (39/32 a. C.). Во избѣжаніе недоразумѣній примѣнялось часто для обозначенія чиселъ мѣсяца описаніе съ ἐπὶ δέκα: τετράδι ἐπὶ δέκα [Βοηδ]ρομιῶνος CIA. I, 189, a, 22 (407 a. C.), πρὸ τῆς ἕκτης ἐπὶ δέκα (послѣ 350 a. C.), ἄχρι τῆς τρίτης ἐπὶ δέκα (329 a. C.) и т. д. „Двадцать первый“ означается εἷς (не πρῶτος) καὶ εἰκοστός, прочія числа образуются правильно: δεύτερος καὶ εἰκοστός и т. д. Μ]ιᾶς καὶ εἰκοστῆς CIA. II, 660, 30“. Meisterh., p. 73. Къ этому прибавляетъ Bamb. Jb. XII, p. 38, что, по Syll., 337, 6 (320/19 a. C.) и CIA. II, 263, 5 (303/2 a. C.) видно, что говорили и μιᾷ καὶ τριακοστῇ, и что CIA. II, 978, 2 дополненіе μι]ᾷ καὶ τε[σσαρακοστῇ не подлежитъ сомнѣнію.

Рядомъ съ οὐδείς, οὐδέν, μηδείς, μηδέν возникаютъ съ 378 г. до Р. Х. формы οὐθείς, οὐθέν, μεθείς, μηθέν (но никогда οὐθεμία, μηθεμία), которыя послѣ 330 г. становятся господствующими. Относительно объясненія формы οὐθείς, μηθείς = οὐδὲ εἷς, μηδὲ εἷς Мейстергансъ (p. 37) согласенъ съ Буттманомъ (Ausf. Sprachl. I, p. 281. Anm. 3) и Курціусомъ (Leipz. Stud. 1883, p. 189—192); для подтвержденія этого объясненія можно указать на CIA. II, 789, 24 (373/2 a. C.) σκεῦος ἔχει οὐδὲν οὐθ' οἱ ὀφθαλμοὶ ἔνεισιν, гдѣ ΟΥΘΟΙ можетъ быть только=οὐδ' οἱ. Meyer Gr.², p. 215, производитъ οὐθείς отъ οὔτε εἷς и предполагаетъ смѣшеніе словъ οὔτε и οὐδέ. Подъ вліяніемъ аттикистовъ эти формы опять вытѣсняются.

Спряженіе.

Глагольныя окончанія. Meisterh., p. 74—77.

а) Изъявительное наклоненіе. Труднаго вопроса объ окончаніи

II л. двойств. ч. историч. временъ съ помощью надписей рѣшить нельзя, такъ какъ эта форма тамъ не встрѣчается [1]). Эльмслей (ad Arist. Ach. 733 и Eur. Med. 1041) и согласно съ нимъ Кобетъ (Mnemos. VIII, p. 408) и А. Наукъ (Euripid. Stud. II, p. 57 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, ноябрь, стр. 40) предполагаютъ, что, такъ какъ у аттиковъ въ 9 мѣстахъ читается форма на -την (Plat. Euthyd. 273 E, ib. 294 E, Leg. VI, 753 A, Symp. 189 C, Eryx. 399 D; Athen. XV, p. 695, Soph. OR. 1511 — гдѣ чтеніе εἰχέτην обезпечено размѣромъ—Eur. Alc. 661 и, можетъ быть, Arist. Nub. 1056), то сообразно съ ними слѣдуетъ измѣнить другія мѣста, гдѣ рукописное преданіе говоритъ въ пользу формы на -τον, тѣмъ болѣе, что у поэтовъ нѣтъ мѣста, гдѣ размѣръ защищалъ бы формы на -τον (напримѣръ, Aesch. Ag. 1207. Soph. O. C. 1379. 1756. Eur. El. 1300). Зенодотъ хотѣлъ даже въ Иліадѣ (Θ 448, K 545, Λ 782) читать χαμέτην, λαβέτην, ἠθελέτην. Ср. Curtius Verb. I, p. 77. Meyer Gr.[2], p. 416.

III лицо двойств. ч. истор. вр. встрѣчается въ прозаическихъ надписяхъ лишь съ окончаніями -την, -σθην: ἀνεθέτην CIA. I, 351 (VI в.); ib. 375. 396 (начала V в.); ἐποιησάτην ib. 375. 376 (V в.); εἰσηγέσθην ib. 319, 19 (417 a. C.). Другіе примѣры даетъ Lautens., p. 2. Окончаніе -τον въ той же формѣ, встрѣчающееся уже у Гомера (Il. K 364 διώκετον, N 346 ἐτεύχετον, Σ 583 λαφύσσετον), является въ надписяхъ только въ одномъ стихотворномъ примѣрѣ II вѣка до Р. X: Kaibel. Epigr. 1110, 3. 5 ἴτον. Шанцъ читаетъ теперь въ своемъ изданіи Plat. Euthyd. 274 A ἐφάτην, вопреки чтенію рукописей. Thuc. II, 86, 3 имѣется въ изданіи Шталя διέχετον, тогда какъ Классенъ удержалъ рукописное чтеніе διείχετον.

О I и III лицахъ единств. ч. plsqpf. act. трактуетъ Schanz. Plat. XII, p. XIII—XV и приходитъ къ тому заключенію, что окончаніе I лица -ειν рукописями Платона не достаточно удостовѣрено, тогда какъ въ пользу окончанія -η прямо говорятъ слѣдующія свидѣтельства: Eustath. ad Odyss. ψ p. 1946, 22 παραδίδωσι Ἡρακλείδης, ὅτι Ἀττικοὶ τοὺς τοιούτους ὑπερσυντελικοὺς ἐν τῷ η μόνῳ περατοῦσιν, ᾔδη λέγοντες καὶ ἐνενοήκη καὶ ἐπεποιήκη· καὶ οὕτω φησὶ Παναίτιος ἔχειν τὰς γραφὰς παρὰ Πλάτωνι и Phot. ἑωράκη τὸ πρῶτον πρόσωπον, ὡς ἐπεπόνθη καὶ ἐπεποιήκη καὶ ᾔδη ᾔδειν. Πλάτων τοῖς τοιούτοις χρῆται σχηματισμοῖς. Окончаніе III лица -ειν передъ гласнымъ сохранилось въ одномъ Paris. A (ср. Cobet. Mnemos., III, p. 196).

---

[1]) По Кеку (стр. 50), ея нѣтъ и у ораторовъ.

III л. множ. ч. того же времени оканчивается въ надписяхъ еще въ македонское время на -εσαν, а не на -εισαν: CIA. II, 811, c, 89 παρειλήφε[σ]αν (323 a. C.), и окончаніе -εσαν защищено размѣромъ Arist. Eq. 651. 674. Plut. 744, и съ этимъ согласно свидѣтельство грамматика Phryn., p. 149: Ἠχηκόεσαν, ἐγεγράφεσαν, ἐπεποιήκεσαν, ἐνενοήκεσαν ἐρεῖς· ἀλλ' οὐ σὺν τῷ ι, ἠκηκόεισαν. По Bamb. Jb. XII, p. 39, даетъ Резерфордъ (Rutherford) въ своемъ изданіи Фриниха, стр. 237, слѣдующій образецъ аттическаго давно-прошедшаго:

ἐλελύκη		ἐλελύκεμεν
ἐλελύκης	ἐλελύκετον	ἐλελύκετε
ἐλελύκει(ν)	ἐλελυκέτην	ἐλελύκεσαν

и ссылается относительно I и II лицъ мн. ч. на Eur. Bacch. 1345

ὀψ' ἐμάθεθ' ἡμᾶς, ὅτε δ' ἐχρῆν, οὐκ ᾔδετε

и Arist. Lys. 1098

ὦ Πολυχαρείδαν δεινά κα 'πεκόνθεμες.

Отъ II лица средн. зал. настоящ. и буд. вр. не встрѣчается въ надписяхъ ни одного примѣра [1]). Что эта форма оканчивалась первоначально на ῃ, а не на -ει, слѣдуетъ заключить по происхожденію ея изъ -εαι; за это предположеніе говоритъ еще то обстоятельство, что II лицо гл. δέομαι, сливающагося вездѣ, гдѣ происходитъ слитный слогъ ει, имѣетъ всегда двусложную форму; Bamb. Jb. XII, p. 40, приводитъ Arist. Thesm. 264: οὐ τοῦτο γίγνωσκ' ἀλλ' ἔχεις γὰρ ὧν δέῃ. Если тѣмъ не менѣе окончаніе -ῃ замѣнено было окончаніемъ ει, то, по всей вѣроятности, въ этомъ нужно видѣть слѣдствіе возникшей въ IV вѣкѣ привычки вм. всякаго HI писать EI (ср. выше стр. 81 сл.), вытѣсненной впослѣдствіи реакціей грамматиковъ, старавшихся посредствомъ правописанія отличить изъяв. наклон. отъ сослаг. ср. Blass., p. 41. Относительно трагиковъ имѣется прямое свидѣтельство грамматика въ пользу -ῃ, а именно Херобоскъ у Bekk. Anecd. Gr. p. 1290, объяснивъ формы τύπτει, ποιεῖ, говоритъ: οἱ τραγικοὶ τοῦτο οὐ ποιοῦσιν, ἀλλ' ἀκολουθοῦσι τοῖς κοινοῖς и согласно съ нимъ окончаніе -ῃ считаютъ свойственнымъ трагикамъ Bergk, Griech. Lit. III, p. 102 Anm., Riem. Rev. IX, p. 87 и Bamb. Jb. XII, p. 40.

---

1) φανήσει, что приводитъ *Weckl.*, p. 32, изъ CIG. I, 956, 15 подлежитъ сильному сомнѣнію. *Kaibel*, Epigr. 153, читаетъ вм. этого: φάνη· σὺ δέ.

Съ другой стороны Диндорфъ полагаетъ (Poet. scen., p. IX), что Херобоскъ не могъ заимствовать своего утвержденія у Геродіана и что онъ самъ сдѣлалъ упомянутое заключеніе, будучи введенъ въ заблужденіе рукописями его времени. Древнимъ аттикамъ приписываютъ окончаніе ει слѣдующія свидѣтельства грамматиковъ: Eustath ad Od. μ 295 p. 1723, 18 τὰ δεύτερα παθητικὰ πρόσωπα τῶν εἰς μαι ληγόντων ῥημάτων, ὁποῖον τὸ τύπτομαι τύπτῃ καὶ τὰ λοιπὰ ὅλα κατὰ τὴν παλαιὰν Ἀτθίδα διὰ τῆς ει διφθόγγου γραφόμενα, ὡς καὶ ἐν τοῖς τοῦ κωμικοῦ πέφηνεν, οἱ ὕστερον Ἀττικοὶ γράψαντες διὰ τοῦ η σὺν τῷ ἰῶτα προσγεγραμμένῳ κτλ. Schol. ad Arist. Plut. 40 πεύσει· οἱ Ἀττικοὶ τὰ τῶν παθητικῶν χρόνων δεύτερα πρόσωπα ἀεὶ διὰ διφθόγγου γράφουσιν, ὡς καὶ ἐνταῦθα καὶ ἐν τοῖς ἑξῆς εὑρήσεις· οὗτος γάρ, εἴπερ τις, τῇ Ἀττικῇ διαλέκτῳ χρῆται. ἡ δὲ κοινὴ διάλεκτος μόνου τοῦ βούλει, καὶ ὄψει καὶ οἴει τὰ ἐνεργητικὰ μὴ ἐν χρήσει εὑροῦσα τῇ Ἀττικῇ ἑπομένῃ συνηθείᾳ ἀεὶ διὰ διφθόγγου τὰ τρία ταῦτα ἐκφέρει. Cp. Scholl. ad Arist. Ran. 469. Nub. 490. Vesp. 943. Stahl, p. 62, приписываетъ Θукидиду окончаніе -ει, сохранившееся въ рукописяхъ, напримѣръ, VI, 14, 1 ἡγεῖ.

Основы, оканчивающіяся на согласный, образовывали, судя по надписямъ, III лицо множ. ч. perf. и plsqpf. Pass. на -αται и -ατο по 420 г. до Р. Х.: ἀν]αγεγράφαται CIA. I, 38, e, 3 (424—420 a. C.), γεγράφαται ib. 40, 10 (424 a. C.), ἐτετάχατο ib. 40, 9. 31 (424 a. C.). Послѣ этого времени встрѣчаются только описательныя формы съ причастіемъ: ἐστὶν ἐψηφισμ[έ]να CIA. I, 32, A, 5 (420—416 a. C.); εἰσὶ γεγ[ραμμένοι CIA. IV, 61, a, 36 (409/8 a. C.); ἀγαγεγραμμένα ἦσαν Mitth. II, 142, 31 (363 a. C.). и др. Основы на гласный имѣютъ окончаніе -νται: κεκώπηνται CIA. II, 791, 73 (377/6 a. C.). Около конца IV вѣка находится въ одной надписи (CIA. II, 167, 59. 70) два раза описательная форма даже отъ этихъ основъ: εἰσὶν οἰκοδομη[μ]ένοι и εἰσ[ὶν] κείμεναι. Описаніе проникло, кажется, не только въ повелит. наклон. CIA. II, Add. 1, c, 22 (399/8 a. C.) [ἔστω ἐψ]ηφισμένα, но и въ III л. plsqpf. med. CIA. II, 380, 14 (ок. 229 г. до Р. Х.), если та и другая надпись дополнена вѣрно. Lautens., p. 3.

b) Сослагательное наклоненіе. „Вслѣдствіе перехода звука η въ ει (ок. середины IV в.) 3 л. ед. ч. сослаг. накл. наст. дѣйств. зал. глаголовъ на -ω совпадаетъ съ соотвѣтствующею формой изъяв. накл.: ἐὰν τις ἀδικεῖ CIA. II, 811, c, 154 (323 a. C.). Однако односложныя основы на -έω удерживаютъ не слитную форму: CIA. II, 809, b, 32 (325 a. C.) ἐὰν δέ του προσδέει". Meisterh., p. 75. Впро-

чемъ встрѣчаются исключенія: Syll. 126, 8 (304—3 a. C.) ἐὰν δὲ δεῖ; ib. 337, 10—11 ὡς ἂν προσδεῖται = προσδῆται = προσδέηται; Syll. 353, 62. Обыкновенная форма δέῃ читается CIA. II, 61, a, 22. Riem. Rev. IX, p. 88.

c) **Желательное наклоненіе.** Meisterh., p. 75, говоритъ, будто по стиху Ἐχθροὶ στάσαιεν Ζηνὶ τρόπαιον ἕδος (Kaibel, Epigr. 24, 2 „ante med. IV saec.) эпиграммы на павшаго на войнѣ аѳинянина видно, что поэты IV вѣка пользовались и безъ принужденія со стороны размѣра неаттическими формами желат. аориста. Bamb. Jb. XII, p. 41, возражаетъ справедливо, что изъ приведеннаго стиха уже по причинѣ формы Ζηνί нельзя сдѣлать никакихъ заключеній объ аттическомъ нарѣчіи.

Для рѣшенія спорнаго вопроса объ окончаніяхъ -ειας, -ειε(ν) -ειαν и -αις, -αι, -αιεν въ opt. aor. I act. аттическаго нарѣчія надписи не даютъ много матеріала: всѣ прозаическія надписи, открытыя до сихъ поръ, представляютъ во всякомъ случаѣ лишь такъ-называемыя эолическія формы; CIA. IV, 116, a, 10 (450—400 a. C.) δήσειε; CIA. II 167, 93 (вскорѣ послѣ 307/6 гг. до Р. Х.) ὑ]ποφορήσ[ε]ι[ε; Ἀθ. X, 541 22 προστάξειεν, ib. 23 ἄρξειεν (II в. по Р. Х.). Lautens., p. 24. Рукописи и для этого вопроса мало надежны. На основаніи матеріала, собраннаго у Bamb. Jb. III, p. 11 sqq. XII, p. 40 sqq. и Stahl p. 63 мы даемъ здѣсь слѣдующее короткое обозрѣніе результатовъ, добытыхъ изслѣдованіями разныхъ ученыхъ.

Платонъ, кажется, предпочелъ во II лицѣ окончаніе -αις, избѣгаетъ -αι въ III л. ед. ч. почти совсѣмъ (Leg. II p. 667 E читаетъ Шанцъ ὀνομάσαι), а въ III л. множ. ч. употребляетъ одинаково часто формы на -αιεν и -ειαν. Ѳукидидъ болѣе всѣхъ прозаиковъ придерживается эолическихъ формъ по примѣру сценическихъ поэтовъ и Stahl. p. 63, пишетъ поэтому III, 29, 3 φθάσειαν вм. φθάσαιεν; V, 111, 1 νομίσειαν вм. νομίσαιεν; II, 49, 3 στηρίξειεν вм. στηρίξαι и II, 84, 2 ἐκπνεύσειεν вм. ἐκπνεύσαι. На основаніи данныхъ, собранныхъ B. Рёдеромъ въ его статьѣ (Über den Gebrauch der nichtäolischen Optativformen bei den Attikern), приходитъ Bamb. Jb. XII, p. 41, къ тому заключенію, что въ нашихъ текстахъ слѣдуетъ вездѣ возстановить эолическія формы тамъ, гдѣ рукописное преданіе не исключаетъ ихъ совершенно. Точное изслѣдованіе, въ которомъ были бы приняты въ разчетъ всѣ подходящія мѣста Платона, Ѳукидида, Ксенофонта и ораторовъ, до сихъ поръ еще не предпринято.

Что касается сценическихъ поэтовъ, то у Софокла [1]) устранена теперь въ нашихъ текстахъ единственная форма на -αις (OR. 446). Такимъ же образомъ и у Еврипида исправлены всѣ мѣста, имѣвшія прежде еще -αις: Med. 1109 пишутъ Диндорфъ и Принцъ χορήσει; Ib. 325 исправилъ Шталь ἀνακείσεις κοτέ вм. ἂν κείσαις κοτέ рукописей; Iph. T. 1184 предлагаетъ Шталь σώσῃς вм. σώσαις. Bacch. 747 читаетъ теперь Веклейнъ по рукописямъ ξυνάψαι вм. ξυναίψαις. Относительно Аристофана Шталь говоритъ, что четыре мѣста не поддаются исправленію (два изъ нихъ, Vesp. 572 и 728 находятся въ анапестическихъ стихахъ и этимъ самымъ оправдываются, о двухъ остальныхъ—Plut. 1036. 1134 см. ниже). Изъ семи мѣстъ Аристофана съ окончаніемъ -αις, приведенныхъ Ярошемъ (La Roche) въ его статьѣ: Grammatische Untersuchungen (Zeitschr. f. oesterr. Gymn. 1874, p. 405 sqq.) ни одно, говоритъ Бамбергъ, не осталось безъ возраженій, отчасти не исключительно по поводу формы; вотъ эти мѣста: Vesp. 573. Nub. 776. Plut[2]. 1036 [2]). 1134. Pax 405. Vesp. 726. 819; къ нимъ надо прибавить еще Lys. 506. Въ III лицѣ ед. ч. окончаніе -αι совершенно теперь устранено изъ Өукидида: Шталь пишетъ Thuc. II, 49, 3 στηρίξειεν вм. στηρίξαι; II, 84, 2 ἐκπνεύσειεν вм. ἐκπνεύσαι; IV, 62, 2 онъ принимаетъ толкованіе Гервердена и пишетъ неопредѣленныя παῦσαι и ξυνδιασῶσαι. У Аристофана нѣтъ формы на -αι; Еврипидъ употребляетъ разъ ἐλπίσαι въ триметрѣ (Hec. 820) и нѣсколько разъ находится такая же форма у него въ хоровыхъ пѣсняхъ (Alc. 117. Suppl. 620. 830). При преобладающемъ числѣ формъ на -ειε, у Эсхила желательныя оканчиваются иногда на -αι въ лирическихъ частяхъ (Suppl. 660. 662. Eum. 983); а въ другихъ мѣстахъ (Ag. 170. Suppl. 624. Eum. 608) чтеніе спорно.

Окончаніе -αιεν III л. множ. ч. устранили изъ Еврипида Диндорфъ, исправивъ Hel. 75 и Herc. fur. 183, а изъ Өукидида Шталь, написавъ Thuc. III, 49, 3 φθάσειαν и V, 111, 1 νομίσειαν.

Bamb. Jb. III p. 14 даетъ, на основаніи собранныхъ Ярошемъ мѣстъ, слѣдующую таблицу, заключающую въ себѣ тѣ окончанія желательнаго накл. слитныхъ глаголовъ, которыя слѣдуетъ считать употребительными въ аттическомъ нарѣчіи:

---

[1]) Aesch. Suppl. 589 χορήσαις, находящееся въ лирическомъ мѣстѣ, не слѣдуетъ принимать во вниманіе.

[2]) Kappeyne исправляетъ этотъ стихъ такъ:

διὰ δακτυλίου μὲν οὖν με διελκύσειας ἄν.

αω	εω	οω
φῴην (φῶμι)	οίην (οῖμι)	οίην
φῴης	οίης (οῖς)	(οῖς)
φῴη	οίη (οῖ) [2]	οίη [4] (οῖ)
φῷτον	οῖτον	
	οίτην	
φῷμεν [1]	οῖμεν [3]	οῖμεν
φῷτε	οῖτε	οῖτε
φῷεν	οῖεν	οῖεν

И относительно прочихъ желательныхъ (на -αίην, -οίην, -είην) всѣхъ временъ и залоговъ слѣдуетъ принять за правило, что они у аттиковъ въ двойств. и множ. ч. η не имѣютъ: слѣдовательно, нужно читать ξυμφαῖμεν Eur. Ion 943 съ Диндорфомъ (рукоп. φαίημεν). Soph. Ant. 926 форма ξυγγνοῖμεν требуется размѣромъ; ср. Arist. Thesm. 1230 ἀνταποδοίτην. Знаменательно, что I и II л. множ. ч. являются у сценическихъ поэтовъ лишь съ болѣе короткими окончаніями -εῖμεν, -εῖτε, тогда какъ въ текстахъ прозаиковъ, гдѣ переписчики не были стѣсняемы размѣромъ, рукописи часто имѣютъ болѣе длинныя окончанія. Isocr. IV, 99 и 160 читаетъ Cod. Urbin. отъ первой руки ἀξιωθεῖμεν и βουληθεῖμεν: въ обоихъ мѣстахъ позднѣйшая рука надписала η. Много матеріала о всѣхъ формахъ желат. накл. собрали O. Riemann, Qua rei criticae etc., p. 83—86, и Rutherford, The new Phrynichus, p. 436. 451, Послѣдній требуетъ окончаній -οίην, -οίης, οίη и для opt. perf. act. по аналогіи слѣдующихъ мѣстъ: Soph. O. R. 840 ἐκπεφευγοίην, Arist. Ach. 940 πεποιθοίη, Cratin. fr. 320 Kock. ἐδηδοκοίη, Xen. Cyr. II, 4, 17 προεληλυθοίης. Ср. Bamb. Jb. XII, p. 43 sq. Надписи, къ сожалѣнію, не даютъ намъ ничего для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ; только CIA. II, 578, 12 ἐπιορκο[ί]ην (послѣ 440 г. до Р. X.) подтверждаетъ то, что̀ выше сказано о жел. накл. слитныхъ гл. на -εω.

---

[1]) Eur. Cycl. 132 принята теперь въ нашихъ изданіяхъ конъектура Девеса ξυνδρῷμεν вм. рукописнаго δρῴημεν.

[2]) Въ рукописяхъ такъ часто читаются формы на -οῖ, что врядъ ли правъ Кобетъ, желающій вездѣ писать οίη. Ср. Ѳлія Діонисія у Фотія: εὐδοκιμοῖ καὶ εὐδοκιμοίη τὸ εὐκτικὸν ῥῆμα καὶ ποιοῖ καὶ ποιοίη καὶ τἄλλα τὰ ὅμοια σὺν τῷ η καὶ ἄνευ τούτου.

[3]) Eur. Hel. 1010 читается теперь въ нашихъ изданіяхъ конъектура Порсона ἀδικοίην вм. ἀδικοίημεν рукописей.

[4]) Soph. OR. 829 ὀρθοίη. Arist. Pax 924 μεσοίη. Форма ὑμεναιοῖ Arist. Pax 1076 находится въ эпическомъ гексаметрѣ.

d) Повелительное наклоненіе. Meisterh., p. 75—77.

Поразительный примѣръ малонадежности рукописнаго преданія представляетъ 3 л. множ. ч. повел. накл. Оказывается по надписямъ, что окончаніе -ωσαν стало употребляться лишь съ 300 г. до Р. Х.; а именно на 112 примѣровъ съ окончаніемъ -ντων или -σθων, открытыхъ въ надписяхъ (Lautens., p. 2), до названнаго времени не приходится ни одного съ окончаніемъ -τωσαν или -σθωσαν; въ III, II и I вѣкахъ послѣднія окончанія становятся почти исключительно господствующими. Что окончаніе -ωσαν не свойственно аттикамъ, подтверждають и грамматики: Moeris ed. Piers., p. 15, ἀγόντων, ᾀδόντων, 'Αττικῶς. ἀγέτωσαν, ᾀδέτωσαν, 'Ελληνικῶς. Etym. M. 6, 56 ἀγγελλόντων ἀντὶ τοῦ ἀγγελλέτωσαν οἱ 'Αττικοί φασιν. Въ текстахъ сценическихъ поэтовъ классическаго времени имѣется только два раза форма на -ωσαν Eur. Iph. T. 1480 ἴτωσαν εἰς σὴν ξὺν θεᾶς ἀγάλματι, вм. чего предложено исправленіе εἰς σὴν ἰόντων, и Ion. 1131 κηρύσσε δαῖτες ἔστωσαν φίλοις, вм. чего Л. Диндорфъ написалъ δαῖτας ἑστία φίλοις. Ср. Riem. Qua rei crit., p. 76. Bamb. Jb. VIII, p. 205.—Stahl, p. 63, исправляетъ Thuc. I, 34, 1 μαθόντων, III, 39, 6 κολασθέντων, III, 67, 2 ὠφελείσθων, IV, 92, 7 κτάσθων; VIII, 18, 3 онъ предлагаетъ ἔστων вм. рукописнаго ἔστωσαν, а не ὄντων (встрѣчающихся исключительно въ надписяхъ), потому что считаетъ невѣроятнымъ происхожденіе чтенія ἔστωσαν изъ ὄντων. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что всѣ мѣста, приведенныя у Кюнера (Ausf. Gr². I, p. 529, 537) и Маттія (Matthiae. Ausf. Gr³. I, p. 442), не стѣсняясь преданіемъ, слѣдуетъ исправить, и что Эльмслей правъ, утверждая, что формы на -ωσαν встрѣчаются лишь у Архестрата (во время Аристотеля); послѣ Эльмслея высказалъ то же мнѣніе Кобетъ (Var. Lect., p. 327).

Замѣчательна форма μισθωσάντωσαν CIA. II, 600, 45, (300 a. C.), относящаяся къ переходному времени. Meisterh., p. 77.

Въ среднемъ залогѣ является въ надписяхъ форма, изъ литературы совершенно неизвѣстная, а именно повелительныя, оканчивающіяся на -όσθων, которая по 424 г. до Р. Х. въ надписяхъ исключительно встрѣчается, а съ этого времени по 378 г. до Р. Х. преобладаетъ надъ другою формой на -έσθων. Взаимное отношеніе обѣихъ формъ можно выразить такъ:

450—424 гг. до Р. Х.	-όσθων : -έσθων=5 : 0
421—378 гг. до Р. Х.	-όσθων : -έσθων=6 : 4

Мы даемъ тутъ всѣ примѣры, тѣмъ болѣе, что списокъ Мейстерганса не полонъ.

α) 450—424 гг. до Р. Х.: ἐπιμελόσθων CIA. IV, 22 a, c, 21; ἐπιμελ[ό]σθων [ib. frg e—d, 8 (450—446 a. C.); ἐπιμελόσθων ib. 27, a, 19 и 44. συνεπιμελόσθων ib. 68. εὐθυνόσθων CIA. IV², 27, b, 20 = Syll. 13 = Ἀθ. VIII, 408 (439 a. C.), εὐθυνόσ[θων CIA. IV², 34, a, 10 (раньше 440 до Р. Х.), вмѣсто чего Кирхгофъ читалъ въ I томѣ εὐθύνος = εὐθύνους.

β) 424—378 гг. до Р. Х.: συσσημαινόσθων CIA. I, 32, A, 17 (420—416 a. C.); ε]ὑρισκόσθων ib. IV, 71, 19 (420—413 a. C.); ἐπιμελόσθων ib. IV², 35 b, c, 18 и ἑλόσθων ib. 29 (V вѣка); χρώσθω[ν CIA. I, 78, 5 (раньше 403 г. до Р. Х.); ἐπιμελόσθων ib. II, 92, 5 (378 a. C.);—εὐθυνέσθων CIA. I, 40, 38 (424 a. C.); ἐπ]αρᾶσθων ib. IV, 71, 25 (420—413 a. C.); ἐπιμελέσθων ib. I, 94, 7 (до 403 a. C.), δεχέσθων ib. IV, 116, c, 9 (до 403 a. C.).

Curtius, Verb. II, p. 65 приводитъ дорическую надпись съ формой ἀνελόσθω (множ. ч.!). Ср. Meyer. Gr²., p. 500.

e) Что неопредѣленное накл. не имѣетъ ι προσγεγραμμένον, доказываютъ примѣры ὁρᾶν CIA. II, 1054, 91 (347—329 a. C.), τιμᾶν CIA. II, 467, 92, (I в.), νικᾶν Mitth. X, 111 (IV в.). Meisterh., p. 77. Lautens., p. 25.

f) Причастіе женск. р. прошедш. соверш. дѣйств. зал. оканчивается въ V и IV вв. на -υια (υα), въ слѣдующихъ же трехъ вѣкахъ (III—I вв.) встрѣчается и дорическое окончаніе -εια: γεγονεῖα CIA. II, 398, 13 (III в.); 455, 16 (II в.), 467, 92 (I в.).

g) Глагольныя прилагательныя въ -τος въ надписяхъ не имѣютъ значенія возможности, а по смыслу равняются или страдательному причастію или прилагательному: τὴν πόλιν... ἀνάστατον CIA. IV, 27, a, 5 (ок. 445 до Р. Х.); ἀνυπόζωστος CIA. II, Add. 789, b 79. 83. (374 a. C.); τὰς ἐξαιρέτους ib. II, 794, a, 39 (356 a. C.); κλεὶς ἀνάπαιστος Ἐφ. ἀρχ. 1883, 135, 22 (IV в.); σφραγὶς σύνθετος CIA. II, 766, 28 (341—333 a. C.). Lautens., p. 26.

Приращеніе и удвоеніе. Meisterh., p. 77—79.

a) Слоговое приращеніе.

Слогового приращенія давнопрошедшаго вр. надписи ни разу не пропускаютъ: ἐτετάχατο CIA. I, 40, 9 (428 a. C.), ἐδεδήμε[υτο ib. IV, 61, a, 9 (409 a. C.); ἐ[πε]γέγρα[π]το II, 754, 5 (349—344 a. C.), ἀνεγέγραπτο II, 809, c, 222 (325 a. C.), ἐτετίμητο Mitth. IX, 291, 37 (200—150 a. C.). La Roche, Das Augment d. griech. Verbums. Linz 1882, p. 3 и 35 sq., высказалъ мнѣніе, что пропускъ прираще-

нія въ литературѣ встрѣчается въ особенности въ сложныхъ глаголахъ. Противъ этого, относительно Платона говоритъ Шанцъ (Plat. XII p. XII), полагая, что онъ не могъ въ 4 мѣстахъ пропустить приращеніе, если 21 разъ онъ ставилъ его; поэтому Шанцъ пишетъ, вопреки рукописямъ, Apol. p. 36 A ἀπεπεφεύγη, Symp. p. 173 B παρεγεγόνει, p. 217 C ἐνεκεχειρήκη. Leg. III, p. 699 E ξυνεβεβήκει. Stahl, p. 59, того же мнѣнія относительно Θукидида: въ рукописяхъ читается Thuc. IV, 90, 2 καταπεπτώκει; V, 14, 3 γεγένητο; V, 35, 5 ἀποδεδώκεσαν; VIII, 15, 1 ἀνακεχωρήκεσαν, мѣста, которыя, конечно, нужно исправить.

Глаголы βούλομαι, δύναμαι, μέλλω имѣютъ въ надписяхъ приращеніе η лишь съ 284 г. до Р. Х. : ἐδύναντο CIA. II, 89, 5 (356—352 a. C), ἔμελλον ib. Add. 834, c, 28 (317—307 a. C.); ἠβούλοντο CIA. II, 314, 25 (284 a. C.). Ср. Thom. Mag. p. 130 ἐβουλόμην καὶ ἐβουλήθην πλειστάκις οἱ δοκιμώτατοι λέγουσιν, ἠβουλόμην δὲ καὶ ἠβουλήθην ἅπαξ. То же самое подтверждаютъ относительно δύναμαι, по Ларошу, (стр. 4 сл.) рукописи прозаиковъ, гдѣ, за исключеніемъ Демосѳена, при δύναμαι ε преобладаетъ, а при μέλλω η никогда не бываетъ. Размѣромъ защищено, впрочемъ, ἠδυνήθην Aesch. Prom. 206, ἠδύνω Philipp. Com. IV, p. 472, ἤμελλ' Arist. Ran. 1038, ἤμελλον Eccl. 597. Bamb. Jb. VIII, p. 204.

Глаголъ ἁλίσκομαι имѣетъ въ аористѣ въ надписяхъ только форму ἑάλων : ἑάλωσαν CIA. II, 38, 14 (раньше 380 г. до Р. Х.); ср. Thom. Mag. p. 146 ἑάλωκεν 'Αττικοί, οὐχ ἥλωκε καὶ ἑάλω, οὐχ ἥλω. 'Εάλω защищено размѣромъ Arist. Vesp. 355. Въ рукописяхъ Платона первая форма относится ко второй, какъ 4 : 1, у Эсхина какъ 2 : 2, у Демосѳена какъ 31 : 10, у Андокида, Лисія, Исея, Динарха и Ликурга какъ 12 : 0. Bamb. Jb. XII, p. 45.

Предлогъ πρό сливается съ ε приращенія до середины IV вѣка: προὔπεμψε Kaib. Ep. 39 (IV в.), προυβούλευσεν CIA. II, Add. 57, b, 16 (362 a. C.). Послѣ 350 г. кразисъ всегда избѣгается: προε[βούλευσεν] CIA. II, 236, a, 7 (послѣ 336 a. C.), προέστη 'Εφ. ἀρχ. 1884, 137, B, 4 (337—286 a. C.), προετρέψαντο ib. II, 628, 21 (I в.), προενοήθη ib. строка 28, etc. Lautens., p. 6. Meisterh., p. 78. Ср. Moeris, p. 302: προὔτρεψεν, οὐ προέτρεψεν. Riem. Rev. IX, p. 58, поэтому напрасно не соглашается съ Диндорфомъ и Кобетомъ, пишущими Xen. Hell. I 2, 18 προὔδοσαν, вопреки рукописямъ.

Κέκτημαι. Schanz Plat. XII, p. XVII sq., приходитъ на основаніи рукописнаго преданія къ тому заключенію, что Платонъ писалъ

ἔκτημαι послѣ согласныхъ, κέκτημαι послѣ гласныхъ. Aesch. Prom. 795 ὁμμ' ἐκτημέναι защищено размѣромъ; послѣдній требуетъ κέκτημαι Arist. Vesp. 615. Av. 379. Ran. 1146. Eccl. 601. Plut. 4. 755. Bamb. Jb. XII, p. 45. κ[ε]κτημένος читается CIA. II, 476, 2 (100—50 a. C.). У Θукидида никогда не встрѣчается ἔκτημαι; поэтому исправляется вѣрно Thuc. II, 62, 3 чтеніе большинства рукописей προσεκτημένα въ προκεκτημένα. Cp. Stahl., p. 60.

b) **Временное приращеніе.** Лобекъ (Phryn. p. 140 и ad Soph. Ai. 120) возставалъ противъ Эльмслея и другихъ, пишущихъ напримѣръ, Eur. Iph. T. 777 ηὑρήμεθα. Heracl. 305 ηὕρομεν, то-есть, противъ тѣхъ, которые полагали, что глаголы, начинающіеся съ ευ-, должны имѣть приращеніе. Дѣйствительно, мнѣніе Лобека основывается на свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ древнихъ грамматиковъ, напримѣръ, Pseudo-Herod. ap. Lob. Phryn. p. 456 ηὐξάμην καὶ εὐξάμην, ηὐδόκουν καὶ εὐδόκουν καὶ ὅσα ἀπὸ τοῦ ευ ἄρχονται; id. ap. G. Herm. de emend. rat. gram. gr. p. 314 ἁμαρτάνουσιν οἱ λέγοντες ηὐξάμην καὶ ηὐχόμην λόγῳ τοιούτῳ ὅσα ἀπὸ τῆς ευ διφθόγγου ἄρχεται, ταῦτα τηρεῖ τὴν ευ δίφθογγον καὶ ἐπὶ πάντων τῶν χρόνων. Однако этому утвержденію противорѣчатъ другіе: cp. Etym. Magn. 400, 26 εὐχόμην καὶ εὐφραινόμην· ἰστέον ὅτι παρ' ἡμῖν φυλάττεται, παρὰ δὲ Ἀθηναίοις τρέπεται· ὥσπερ ἡ ει δίφθογγος ἔχουσα τὸ ε παρ' ἡμῖν μὲν οὐ τρέπεται κατὰ τὸν παρατατικόν, οἷον εἴργω, εἶργον· οὕτω καὶ ἡ ευ ὡς ἔχουσα τὸ ε οὐ τρέπεται· παρὰ δὲ Ἀττικοῖς πολλάκις τρέπεται τὸ ε τῆς ει διφθόγγου· οἷον εἰκάζω ᾔκαζον. Τούτου χάριν καὶ τὸ ε τῆς ευ διφθόγγου εἰς η τρέπεται· οἷον εὔχομαι ηὐχόμην. Bekk. Anecd. II 804 εἰκάζω, εἴκαζον· οἱ δὲ Ἀττικοὶ διὰ τοῦ ι, οἷον ᾔκαζον, καὶ τὸ εὐφραίνομαι ηὐφραινόμην. Moeris p. 175 ηὐξάμην Ἀττικῶς, διὰ δὲ τοῦ ε Ἑλληνικῶς. Weckl., p. 34 sq. Однѣ надписи могутъ рѣшить спорный вопросъ, и по нимъ оказывается, что въ IV вѣкѣ аттики писали въ прошедш. вр. такихъ глаголовъ исключительно ηυ: ηὑρ[έθ]η CIA. II, 813, B, 16 (раньше 400 г. до Р. Х.), ηὑρέθη ib. 652, B, 16 (398 a. C.); 747, 4 (ок. 350 a. C.); ηὑρέθ[η 720, A, 24 (321 a. C.); ηὕρηται Kaib. Epigr. 35, 2 (ок. 350 г.); ηὔχθ[αι [1]) CIA. II, Add. 57, b, 12 (362 a. C.). Лишь въ I вѣкѣ находится ἀνεῦρον CIA. II, 628, 25. Meisterh., p. 78. Lautens., p. 5. Рукописи Θукидида сохраняли иногда ηυ, напримѣръ, Thuc. I, 58, 1 ηὕροντο; II, 18, 3 ηὐτρεπίζοντο; V, 42, 1 ηὗρον, Stahl, p. 60. Bamb. Jb. VIII, p. 204. Ж. М. Н. Пр. 1876 ноябрь, стр. 44. Глаголы, сложенные съ εὖ, на аттическихъ надписяхъ приращенія не

---

[1]) По *Riem*. Rev. IX, p. 180, въ CIA. напечатано невѣрно εὐχθ[αι.

имѣютъ: εὐεργετήκα[σι CIA. II, 283, 10 (ок. 300 a. C.), εὐε[ργ]έ[τ]ηκε[ν ib. 271, 4 (302 a. C.), προευχρήστηκεν 'Αθ. VIII, 295, 16 (III в.). Lautens. p. 5. Относительно рукописей сообщаетъ Bamb. Jb. XII, p. 46, что Arist. Plut. 835 codd. RVU читаютъ εὐεργέτησα, Plat. Crit. p. 43 A—Paris. A εὐεργέτηται, Isocr. IV, 56—cod. Urb. εὐεργέτησεν.

Правило у Moeris (p. 182 ed. Piers. ᾔκασα 'Αττικῶς, εἴκασα 'Ελληνικῶς, Etym. M. 400, 26 (см. выше) и Herodian. ed. Lentz II, p. 326, 5; 486, 12 подтверждается аттическою надписью классическаго времени 'Εφ. ἀρχ. 1885, p. 88, ἐξηκάσατο. У Θукидида II, 54, 5 имѣетъ одинъ cod. Laur. ᾔκαζον, Thuc. V, 92, 5 лучшія рукописи имѣютъ ᾔκαζον, другія — εἴκαζον. Stahl, p. 60. У Эсхила имѣетъ cod. Med. (prima manus безъ ι) ἤκασεν Choeph. 633, προσήκασεν Sept. 431, ἐξηκασμένον ib. 445. Weckl., p. 35.

Прош. соверш. гл. οἰκοδομεῖν иногда не имѣетъ приращенія въ надписяхъ: νεώσοικοι οἰκοδομημένοι CIA. II, 807, c, 28; 808, d, 95; 811, c, 6 (330—322 a. C.), однако ib. 809, e, 55 νεώσοικοι ᾠκοδο[μημένοι (325/4 a. C.); ἐξῳκοδόμησεν CIA. II, 240, b, 5 (307 a. C.); διῳκημέν[ων CIA. II, 240, b, 22 (307/6 a. C.); ᾠκονομημένων ib. 836, B, ρ, 7 (ок. 270 a. C.); ᾠκονόμηκεν ib. 329, 16 (ок. 270 a. C.); 444, 20 (160—150 a. C.); 446, 17 (ок. 150 a. C.). Bamb. Jb. XII, p. 46. Lautens. p. 4.

Глаголъ ἀναλόω принимаетъ приращеніе всегда послѣ предлога; слѣдовательно, ἀνήλωσα, ἀνήλωκα, а не ἀνάλωσα или ἠνάλωσα etc. Ср. CIA. I, 181, 1 ἀνήλωσαν (415 a. C.); ib. 181, 1 (410 a. C.); ἀνηλωκώς CIA. II, 444, 18 (начала II в.); ἀνηλώσαμεν ib. Add. 834, c, 24 (317—307 a. C.); ἀνηλώθη ib. строка 20; ἀνήλωκεν Mitth. IX, 289 (200—150 a. C.); ἀνηλώθη CIA. II, 814, A, a, 32 (374/3 a. C.); ἀνηλώθησαν ib. 766, 64 (341—333 a. C.); ἀνήλωται CIA. II, Add. 834, b, I, 41. II, 4 (329/8 a. C.). Эти формы не измѣняются, если присоединяется новый предлогъ: προανήλωσεν CIA. II, 379, 3 (вскорѣ послѣ 229 a. C.), προσανήλωσεν ib. II, 613, 11 (298/7 a. C.) и 379, 7. Ср. Moeris ἀνηλωμένον 'Αττικῶς, ἀναλωμένον 'Ελληνικῶς. Невѣрно утверждаетъ Thom. Mag. p. 141, 16 ἀνάλωκα καὶ ἀνάλωσα 'Αττικοί, τὸ δὲ μετὰ αὐξήσεως ταῦτα λέγειν οἷον ἀνήλωκα καὶ ἀνήλωσα κοινόν. Riem, Rev. IX, p. 86. Lautens, p. 5 sq. Meisterh., p. 78.

Aor. и imperf. гл. ἐργάζομαι встрѣчаются въ надписяхъ IV вѣка семь разъ съ начальнымъ звукомъ η, одинъ разъ съ ει: ἠργάζον[το CIA. II, 14, a, 17 (387/6 a. C.), ἐξ]ηργάσατο ib. 834, 10, 23 (330—300 a. C.), ἐξηργάσα[το 240, b, 6 (307/6 a. C.), ἠργάζετο 780, 8 (ок. 300 a. C.),

782, 11 (ок. 300 a. C.), ἠργάσατο Bull. II, 547 (IV вѣка); однако κατειργάσθησαν CIA. II, 809, b, 117 (325/4 a. C.). Отъ perf. имѣется въ надписяхъ того же времени пять [1]) примѣровъ съ начальнымъ ει: κατειργασμένα CIA. II, 757, 27 (335/4 a. C.), κατ]ειργασ[μένα ib. строка 3; κατειργ[ασμένα CIA. II, 762, 4 (IV в.), κατ]ειργα[σ]μένα ib. 758, B, 40 (послѣ 334 a. C.), κατειργασμένα ib. 751, B, b, 14 (350—314 a. C.). Lautens, p. 4.—Weckl., p. 36, и Herw., p. 79, считали правописаніе черезъ η ошибочнымъ, хотя оно упоминается уже у древняго грамматика Херобоска Cram. anecd. Ox. IV, p. 412, 22 ἐργάζομαι, εἰργαζόμην ὅπερ καὶ διφορεῖται, τινὲς μὲν γὰρ διὰ τῆς ει διφθόγγου γράφουσιν αὐτό, τινὲς δὲ διὰ τοῦ η. Riem. Rev. V, p. 145, принималъ формы, начинающіяся съ η, за народныя, въ литературномъ языкѣ не употребительныя. Очень вѣроятно мнѣніе Вакернагеля (Philol. Anzeig. XVI, p. 80), предполагающаго, что ει свойственно удвоенію, η же приращенію: подтверждается эта разница формами ἑώρων, ἑάλων [2]) съ одной, и ἑόρακα, ἑάλωκα [3]) съ другой стороны. Методичнѣе будетъ во всякомъ случаѣ ΕΡΑ CIA. IV[2], 321, I, 39 читать ἠργ[άζετο. чѣмъ εἰργάζετο, какъ читаетъ Кирхгофъ въ транскрипціи; такимъ же образомъ мы читаемъ поэтому ib. II, 26 ἠ[ργ]άζετο и II, 30 ἠργάζετο. Кромѣ того, встрѣчается еще отъ того же корня, отъ котораго происходитъ ἐργάζομαι, форма συνήρ[γησ]εν CIA. II, 313, 11 (286/5 a. C.) и изъ другихъ нарѣчій дорическое ἐξηργάξατο CIA. I, 423, 5 (раньше 430 a. C.); ἠργά[σ]σατο Kaib. Epigr. 778 (Kalymna), συνήργησαν Mitth. I, 240, 15 (Andros). Lautens., p. 4. Въ папирусѣ Hyperid. IV, col. 44 читается также ἠργάζετο. Meyer. Gr.[2], p. 425.

Глаголъ ἕλκω имѣетъ въ классическое время приращеніе ει: κα]θείλκυσεν CIA. II, 791, 23 (377/6 a. C.), εἵλκυσε ib. Add. 834, b, I, 23. 56 (329/8 a. C.), Add. 834, c, 53 (317—307 a. C.); но въ I вѣкѣ η: καθῆλκον CIA. II, 470, 20 (69—62 a. C.). Lautens., p. 4.

Форма ἐξέταζεν CIA. II, 835, a—b, 16, говоритъ Riem. Rev. IX, p. 86, основывается или на ошибочномъ чтеніи со стороны издателя, или на ошибкѣ рѣзчика; вѣрно читается ἐξητάσθη CIA. II, 716, 13.

Аористъ εἰπεῖν считаютъ теперь обыкновенно происшедшимъ изъ

---

[1]) Двухъ надписей не слѣдуетъ принимать въ разсчетъ, такъ какъ онѣ относятся къ I вѣку до Р. Х.: Mitth. VIII, 59, 12 (начала I вѣка) τῶν ἠργασμένων (Meisterh., p. 80, пишетъ ошибочно ἠργασαμένων) и Ἐφ. ἀρχ. 1884, 170, 21 ἐπειργάσαντο.

[2]) Cp. Arist. Vesp. 355.

[3]) Cp. Aesch. Ag 30.

ϝεϝεπεῖν. Meisterh., p. 79, видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что еще до Евклида писали постоянно ΕΙΠΕ, а не ΕΠΕ, доказательство того, что ι принадлежитъ къ корню. Lautens., p. 14, справедливо возражаетъ, что и другія слова встрѣчаются до Евклида часто съ дифтонгомъ ει, хотя и въ нихъ ι не коренная. Такъ, напримѣръ, находится часто уже въ V вѣкѣ εἶναι рядомъ съ ἐ̃ναι, какъ CIA. I, 1, B, 4, 25. 36. 36, 13. 57, a, 36; εἰμι съ ει въ VI вѣкѣ CIA. I, 475, 484, 492, 7; εἶχε CIA. I, 324, c, II, 18 (408/7 a. C.). Если же пишется постоянно εἶπε, то это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что оно употребляется постоянно въ извѣстныхъ формулахъ, такъ что такое правописаніе вошло въ привычку. Lautens., p. 14.

Perf. act. гл. ὁράω въ надписяхъ не встрѣчается. У трагиковъ находится только ὄπωπα, такъ что остаются одни только комики, у которыхъ форма ἑόρακα часто защищена размѣромъ; ср. Arist. Nub. 767. Plut. 98. 1045, Thesm. 33. 35. Av. 1573. Ту же форму упоминаетъ Herodian. ed. Lentz II, p. 170 not. τὸ δὲ ἑώθουν ὥσπερ καὶ τὸ ἑώρων πλεονασμὸν ἔχει τοῦ ε ὡς καὶ τὸ ἑώρακα, ὅπερ καὶ διὰ τοῦ ο λέγεται „πολλοῦ γὰρ αὐτοὺς οὐχ ἑόρακά πω χρόνου" Ἀριστοφάνης ἐν Πλούτῳ (v. 98), гдѣ впрочемъ называется и другая форма ἑώρακα (ср. и Herod. II, 788, 25). Послѣдняя форма основывается, кромѣ приведенныхъ мѣстъ изъ грамматика, только на рукописномъ преданіи, никакой доказательной силы не имѣющемъ. Такъ какъ форма ἑόρακα сохранилась нѣсколько разъ въ cod. Parisin. Σ Демосѳена, то методичная критика должна признать за единственно аттическую форму ἑόρακα. Того же мнѣнія держатся А. Наукъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, іюнь, стр. 245, Stahl, p. 59, Диндорфъ и др.; за ἑώρακα стоитъ Бамбергъ Zeitschr. f. d. G. 1874, p. 21 sq.

На основаніи Herod. ed. L. II, p. 790 μεγεθύνεται δὲ πολλάκις ἐν τοῖς Ἀττικοῖς τοῖς ἀπὸ βραχείας ἀρχομένοις, ὀμώμοχα ὠμωμόκειν, ἀγήοχα ἠγηόχειν и ib. 268, 18 sq. τὰ Ἀττικὰ παρακείμενα ἐν τῷ ὑπερσυντελίκῳ χρονικῶς μεγεθύνονται οἷον ἀλήλιφα ἠληλίφειν, ὀμώμοχα ὠμωμόκειν, ἀγήοχα ἠγηόχειν, ἐνήνοχα ἠνηνόχειν, ὄπωπα ὠπώπειν, ὄλωλα ὠλώλειν, ὄρωρα ὠρώρειν, ὄδωδα ὠδώδειν, πλὴν τοῦ ἐλήλυθα, ἐληλύθειν γὰρ ὁ ὑπερσυντέλικος (ср. Anecd. Ox. IV, 416 fol. 108 b; Etym. M. p. 330, 4) и рукописнаго преданія даетъ Бамбергъ Zeitschr. f. d. Gw. 1874, p. 19—21, слѣдующее правило о plsqpf. глаголовъ, имѣющихъ аттическое удвоеніе:

1) глаголы, начинающіеся съ ο, имѣютъ „приращеніе: ἀπωλώλειν, ὠρωρύγμην, ὠρώρειν (Aesch. Ag. 653. Soph. OC. 1622; ὀρώρει въ эпи-

ческомъ гексаметрѣ Ar. Pax 1287) ὠμωμόκειν. Формы ὠπώπειν и ὠδώδειν не защищены рукописнымъ преданіемъ.

2) Глаголы, начинающіеся съ α, имѣютъ приращеніе: ἠκηκόειν (Arist. Vesp. 800, Pax. 616); относительно другихъ (ἠγηόχειν, ἠληλίφειν) рукописи не даютъ никакой опоры.

3) Глаголы, начинающіеся съ ε: рукописи и свидѣтельства грамматиковъ достаточно доказываютъ отсутствіе приращенія въ ἐληλύθειν. Въ пользу приращенія другихъ говорятъ вообще свидѣтельства грамматиковъ, ἠνηνόχειν даже прямо называется. Рукописное преданіе говоритъ противъ приращенія при ἐληλέγμην, ἐνηνόχειν, ἐγρηγόρειν (Arist. Eccl. 32. Plut. 744). По Фотію, Менандръ употреблялъ ἐγρηγόρειν и ἠγρηγόρειν.

Что касается мѣста приращенія въ сложныхъ глаголахъ, то рукописное преданіе въ общемъ подтверждается сохранившимися на надписяхъ глагольными формами; ср. Lautens., p. 6. Глаголъ ἀνορθοῦν имѣетъ двойное приращеніе: ἐπηνωρθώθη Syll. 373, 4 (съ остр. Микона). Глаголы, произведенные отъ сложныхъ именъ, принимаютъ, какъ извѣстно (Kühner. Ausf. Gr.[2] I, p. 517), приращеніе послѣ предлога, какъ видно по примѣрамъ изъ надписей: ἐπεστάτει (отъ ἐπιστάτης) CIA. I, 8, 3 (500—450 a. C.); 40, 4. 34 (424/3 a. C.); παρεσπονδηκότος (отъ παράσπονδος) CIA. II, 332, 32 (271—265 a. C.), συνήρ[γησ]ε (συνεργός) ib. 313, 11 (286/5 a. C.). Глаголъ ἐναντιοῦσθαι въ надписяхъ, кажется, не встрѣчается; по аналогіи другихъ глаголовъ слѣдовало бы ожидать формы ἐνηντιούμην ἐνηντίωμαι. Рукописи однако даютъ вездѣ только формы съ ἠναντ- начинающіяся; однако Arist. Av. 385 нельзя удержать рукописное чтеніе: ἀλλὰ μὴν οὐδ' ἄλλο σοί πω πρᾶγμ' ἠναντιώμεθα, и уже Бентли исправилъ по указанію размѣра ἐνηντιώμεθα. Кобетъ (Mnemos. III, p. 297) предлагаетъ такъ читать и Thuc. II, 40, 4 и видитъ подтвержденіе своего мнѣнія въ испорченномъ мѣстѣ Гезихія: ἤντησεν· ἀπήντησε, ἱκέτευσε. Θουκυδίδης δὲ τὸ ἠντιώμεθα ἐπὶ τῷ ἐναντιώμεθα. „Duae glossae in unam coaluerunt. Quid scripserit grammaticus apertum esse arbitror, quibus verbis scripserit non apparet. Habebat ἡ παλαιὰ 'Ατθίς formam ἐνηντίωμαι, pro qua recentiores constanter ἠναντίωμαι dicere solebant".

c) Неправильное употребленіе приращенія.

Приращеніе проникало иногда изъ историческихъ временъ въ изъяв. накл., причаст. и даже существительныя. Meisterh., p. 79 приводитъ εἰστηκότα CIA. I, 324 c, 19 (408/7 a. C.), что имѣетъ свою аналогію въ многочисленныхъ примѣрахъ съ формами εἴσχηκα, εἴσχημαι,

приведенныхъ у Meyer Gr.[2], p. 124, изъ неаттическихъ надписей; ἀνήλωμα CIA. II, 595, 12 и 624, 5 (II в.), ἀνηλώσας CIA. II, 594, 16 (127 a. C.) ср. 595, 4; εἰσάμενος Bull. V, 262 (I в.). Εἱλικτῆρες CIA. II, 698, II, 23 (353 a. C.) не произошло впрочемъ изъ приращенія, а слѣдуетъ признать здѣсь іонизмъ. Ср. Wackernagel, Phil. Anz. 1886, p. 80.

Производство временъ. Meisterh., p. 80—81.

a) Будущее время.

Отъ многосложныхъ глаголовъ на -ίζω буд. вр. образуется въ аттическихъ надписяхъ до II вѣка всегда безъ σ: ἐπψηφιῶ CIA. IV, 27, a, 10 (415 a. C.), λογιεῖσθαι CIA. II, 578, 13 (послѣ 340 a. C.), κομιοῦνται ib. 387, 13. Къ примѣрамъ Мейстерганса прибавляетъ Lautens., p. 17, συνφροντιεῖν 'Αθ. VIII, 295, 18; ib. 21 κομιοῦνται (III в.). Лишь въ одномъ сомнительномъ случаѣ имѣется въ прозѣ окончаніе -ίσω: περιενκεντρίσει CIA. II, 167, 62 рядомъ съ καλυπτεριεῖ строка 71 и μεριεῖται строка 110 (послѣ 307 a. C.). Herw., p. 69.

Глаголъ σκευάζω образуетъ по II в. до Р. Х. буд. вр. правильно: ἐπισκευάσει CIA. II, 167, 46 (334—326 a. C.), κατασκευάσουσιν (III в.). Лишь во II половинѣ II в. встрѣчается отъ этого глагола fut. attic.: κατασκευῶσι[ν CIA. II, 405, 5; μετακατ]ασκευῶιν ib. 404, 14, но строка 32 μετακατασκευάσοντες.

Будущія καλῶ и τελῶ встрѣчаются въ надписяхъ по одному разу: ὑποτελῶ CIA. IV, 27, a, 26 (ок. 445 a. C.), παρακαλοῦσι CIA. II, 311, 47 (266 a. C.). παρακαλέ[σ]ουσιν CIA. II, 593, b, 20 относится лишь къ II вѣку.

Страдат. зал. буд. вр. на -ήσομαι имѣется въ надписяхъ лишь въ формѣ ἐγ[λ]εγήσεσθαι 'Αθ. VIII, 408, 16=CIA. IV[2], 27, b, 16 (раньше 429 a. C.) рядомъ съ ἐγλεχθῇ. Формы на -θήσομαι см. Lautens., p. 17.

b) Аористъ.

Глаголы на -ιαίνω и -ραίνω въ надписяхъ также имѣютъ aor. только на -ᾶναι: λειᾶναι CIA. I, 282, 8 (415 a. C.), ἐντετρά[ν]αντι CIA. II, Add. 834. b, II, 40 (329 a. C.). Arist. Thesm., 18 διετετρήνατο сказано, по мнѣнію Резерфорда (Bamb. Jb. XII, p. 48), для осмѣянія Еврипида.

„Окончанія I аориста проникаютъ мало по малу и во II-й аористъ", говоритъ Мейстергансъ, стр. 81, не только относительно глаголовъ ἔχω и εὑρίσκω, отъ которыхъ со временъ императоровъ находятся формы ἔσχα (CIA. III, 1363, 5), εὑράμενον (CIA. III, 900, 6 времени Адріана), εὕρατο (Kaib. Epigr. 873, 6; III в. по Р. Х.), но

и относительно формъ εἶπας и εἰπάτω, которыя встрѣчаются въ надписяхъ будто бы лишь съ 300 г. до Р. X. Послѣднее во всякомъ случаѣ не точно, такъ какъ 'Εφ. ἀρχ. 1884, 71, 19, приводится надпись V вѣка съ формой ἀνειπάτω, тогда какъ Мейстергансу извѣстенъ только примѣръ CIA. II, 614, 17 (ἀνειπάτω ок. 281 a. C.) и CIA. II, 681, 8 (IV — III в.) εἶπας = εἰπών. Совершенно вѣрно возражаетъ Riem. Rev. IX, p. 180, противъ поспѣшнаго вывода Мейстерганса изъ слишкомъ скуднаго матеріала, обнаружившагося въ надписяхъ. „Съ одной стороны", говоритъ онъ,—„извѣстныя формы I-го аориста, кажется, исключительно употреблялись въ аттическомъ нарѣчіи: такъ какъ надписи представляютъ столь же мало εἶπες, какъ εἶπας, столь же мало ἤνεγκες, какъ ἤνεγκας и т. д., то нѣтъ основанія не продолжать пока предполагать, что аттическія формы гласили εἶπας, ἤνεγκας, а не εἶπες, ἤνεγκες. Съ другой стороны, изъ того, что существуетъ два эпиграфическихъ примѣра въ пользу ἐνεγκέτω, и нѣтъ ни одного въ пользу ἐνεγκάτω, мы не имѣемъ никакого права заключить, что ἐνεγκάτω не аттическая форма; все, что можно сказать, это то, что ἐνεγκέτω, очевидно, хорошая аттическая форма".

Лишь во время римскихъ императоровъ проникаютъ формы I-го аориста и въ imperf.: ἤλπιζα (Kaib. Epigr. 167, 5), ἤφερα (ib. 168, 2=CIA. III, 1379; III в. по Р. X.). Въ другихъ, неаттическихъ надписяхъ проникаютъ окончанія аориста даже въ perf.; ср. παρείληφαν (Syll. 171; 246 — 226 a. C. изъ Смирны), διατετέλεκαν, ἐντέτευχαν, εἴσχηκαν, πεποίηκαν (Syll. 255. I в. до Р. Х. изъ Лаконики). Аттическія надписи представляютъ только обыкновенныя формы, ср. διατετελέκασιν (Syll. 471, 41; I в. до Р. X.), καθεστήκασιν (CIA. II, 478, c, 3; 68—48 a. C.).

Прошедшее совершенное и аористъ страдательнаго залога:

О perf. и aor. pass. Мейстергансъ умалчиваетъ. Мы дадимъ здѣсь, на основаніи замѣтокъ у Weckl., p. 60—62, Riem. Rev. V, 176, IX, p. 89, Bamb. Jb. XII, p. 48 и Lautens. p. 23, слѣдующій обзоръ новѣйшимъ разысканіямъ: По матеріалу, собранному у Веклейна (l. c.) видно, что у позднѣйшихъ грековъ существовала склонность прибавлять (а не выпускать, какъ говоритъ Lobeck ad Soph. Af. v. 104) σ въ perf. и aor. pass., какъ, напримѣръ, Thuc. III, 61 читается въ рукописяхъ даже ἠτιασμένων, III, 54 δεδρασμένων. Веклейнъ полагаетъ, что трагикамъ, Аристофану, Ѳукидиду, Ксенофонту и даже Платону свойственны однѣ болѣе древнія формы: σέ-

σωμαι, κέκλῃμαι, νένημαι [1]), κέκλαυμαι, κέχροομαι, πέπρημαι, ἐκολούθην, ἐκαύθην, ἄλουτος, ἐγκαυτής. Тамъ, гдѣ существуютъ двѣ формы, можно заключить, что форма безъ σ есть болѣе древняя. Riem. Rev. V, p. 176, прибавляетъ, что при этомъ впрочемъ надо имѣть въ виду, что извѣстное число глаголовъ не имѣетъ σ въ perf. pass. и передъ суффиксомъ, начинающимся съ μ, а имѣетъ σ въ aor. pass. и передъ суффиксомъ, начинающимся съ τ, и приводитъ примѣры: ἐμνήσθην, μέμνημαι, ἐρρώσθην, ἔρρωμαι, ἐνεπρήσθην (πρηστήρ) πέπρημαι, ἐχρίσθην (χριστός), κέχριμαι (χρῖμα), ἐδράσθην (δραστικός, δραστήριος), δέδραμαι (δρᾶμα), ἐκλῄσθην или ἐκλείσθην, κέκλειμαι, ἔζωμαι (ὑποζώματα CIA. II, 728, B, 12. 20) ἐζώσθην (судя по формѣ Ζωστηρίας CIA. I, 273, f, 24). Въ надписяхъ встрѣчается προσκεχροομέναι CIA. II, 720, B, 14. 20, поэтому Риманъ считаетъ оправданнымъ у Arist. Ach. 459 чтеніе ἀποκεχροομένον (рукописи ἀποκεχρουσμένον), заключеніе, къ которому ужъ раньше пришелъ Диндорфъ, на основаніи чтенія codd. A и B y Athen. XI, p. 479 B и грамматика Bekk. Anecd. I, p. 429, 9 ἀποκεχροομένον· οἷον ἠκρωτιασμένον καὶ κεκολοβωμένον χαλίσκιον κτλ. οὕτως Ἀριστοφάνης Ἀχαρνεῦσιν [2]). По формѣ χώματι Syll. 112=CIA. II, 809, b, 16 (325 a. C.) можно заключить, что perf. pass. глагола χοῦν было κέχωμα. Что καίω образовывало глагольн. прилагательное καυτός [3]), можно заключить по ἐγκαυταῖς CIA. I, 324, a, 42. 49; c, II, 12. 27. (408 a. C.). Στρωτῆρας CIA. II, 167, 60 (вскорѣ послѣ 307 a. C.) позволяетъ предполагать ἐστρώθην; за perf. pass. τέτεισμαι говоритъ ἀπ[ότ]εισμα CIA. II, 1058, 26 (350 — 300 a. C.), за κέκλασμαι—существительное κλάσματα CIA. II, 678, B, 33 (378—366 a. C.); за ἔξυσμαι—ξυσμάτων CIA. II, Add. 834, c, 36 (317 — 307 a. C.). Ср. еще ἀνυπ[όζωστ]ος CIA. II, 789, b, 79 и ἀνυπόζ[ωστο]ς строка 83 (374 a. C.; дополненіе на основаніи числа недостающихъ буквъ несомнѣнно). Что γιγνώσκω въ древнее время въ aor. pass. не имѣло σ, можно заключить на основаніи формъ: γνωτός (поэт. Kaib. Ep. 91; IV в.), ἄγνωτος, εὔγνωτος, πολύγνωτος, но σ, должно быть, была рано принята, удя по CIA. I, 9, 30 ·κατα]γνωσθῇ (время Кимона); ср. καταγνωσ-

[1]) *Dindorf* ad Arist. Eccl. 839 ἐπινενημέναι: „Correxi ex Phrynicho in Bekk. Anecd. p. 13, 24 ἀγαθῶν πάντων ἐπινένηται ἡ τράπεζα: ἀντὶ τοῦ σεσώρευται, μεμέστωται, ut Nub. 1203 νενημένοι pro νενησμένοι vel νενασμένοι scribendum erat“.

[2]) κέχρουσμαι читается у Херобоска Herodian. ed. L. II, p. 811 (подъ текстомъ) въ перечнѣ прошедш. соверш. безъ σ, гдѣ Риманъ считаетъ нужнымъ исправить κέχρουμαι.

[3]) Plat. Tim. 85 C читается въ рукописяхъ πυρίκαυτα. Bamb. Jb. XII, p. 49.

θέντος Mitth. II, 143, 30 (364 — 362 a. C.), Γνωστή CIA. II, 812, b, 57 (323 a. C.). Part. perf. pass. ν]ενημένη (отъ νάω, νῶ пряду [1])=poet. νήθω) имѣется CIA. II, 757, 23 (335 a. C.). Lautens., p. 22.

Въ σ обращается ν передъ μ въ ὑφαίνω: ἐνυφασμένα CIA. II, 754, 9 (349—344 a. C.); 755, 3 (349—344 a. C.); но ὑφάμματα ib. 678, B, 67 (378 — 366 a, C.); σημαίνω: σεσημασμένος CIA. II, 661, d, 29 (ок. 390 a. C.); 672, 41 (376 a. C.); 676, 13 (400—350 a. C.); 690, 10 (ок. 350 a. C.). Lautens., p. 20. III л. ед. ч. σεσ]ήμαν[τ]αι CIA. II, 666, 6 (ок. 385 a. C.). II л. ед. ч. такихъ глаголовъ не засвидѣтельствовано ни надписями, ни въ литературѣ; очень сомнительно поэтому, имѣемъ ли мы право образовать формы въ родѣ πέφανσαι, σεσήμανσαι, ὤξονσο.

Глаголы на -μι. Meisterh., p. 81—83.

1. τίθημι, ἵημι, δίδωμι, ἵστημι.

II л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ τίθημι и ἵημι гласило, судя по нашимъ грамматикамъ, τίθης и ἵης, и такимъ образомъ пишутъ въ своихъ изданіяхъ Диндорфъ и Наукъ (ср. Soph. Phil. 992. Ant. 403. El. 596. OC. 425. Eur. Cycl. 545), хотя во многихъ мѣстахъ лучшія рукописи имѣютъ форму τίθεις или τιθεῖς. Размѣръ въ этомъ случаѣ безполезенъ, а въ надписяхъ названная форма не встрѣчается, такъ что почти только на основаніи рукописей можно сдѣлать заключеніе о языкѣ древнихъ аттиковъ. Самое вѣское доказательство въ пользу формы ἱεῖς представляетъ стихъ Касторіона у Athen. X, p. 455 A, гдѣ, какъ самъ Аѳиней говоритъ, каждая диподія состоитъ изъ 11 буквъ и слѣдовательно писать нужно:

μωσοπόλε θήρ, χηρόχυτον ὃς μείλιγμ' ἱεῖς.

Рукописи имѣютъ ἱείς, ἵεις и ἵης. На необходимость писать ἱεῖς указалъ еще до Кобета (Var. Lect. p. 221) Порсонъ. Кобетъ (Mnemos. IX, p. 373) указалъ на то, что Plat. Soph. 238 E и 243 B. cod. Bodlei. вѣрно сохранилъ ξυνιεῖς, а Шанцъ (Nov. Comment. Platon. Wirceburgi 1871, p. 50) прибавляетъ, что въ указанныхъ мѣстахъ такъ читаютъ и другія рукописи. Бамбергъ (Z. f. G. 1874, p. 28) сообщаетъ, что Arist. Eq. 717, Lys. 895 и Plut. 45 рукописи имѣютъ формы ἐντιθεῖς, διατιθεῖς, ξυνιεῖς. На необходимости писать τιθεῖς,

---

[1]) Не νέω; ср. Etym. M. 344, 1=Herodian. ed. L. II, p. 302, 14: ἔννη: ἔστε νῶ, σημαίνει τὸ νήθω· ὁ παρατατικὸς καὶ ἐπὶ πρώτης συζυγίας καὶ ἐπὶ δευτέρας. εἰ γὰρ ἔστι νώμενος ὡς κλώμενος, δηλονότι ἐστὶ δευτέρας· τοῦ νῶ παρατατικὸς ἔνων, ἔνης, ἔνη κτλ.

ἱεῖς вновь настаиваетъ Наберъ (Mnemos. N. S. IX, p. 233). Кюнеръ (A. Gr.[2] I, p. 644 Anm. 4) во всякомъ случаѣ не правъ, защищая удареніе τίθεις и ἵεις и считая эти формы свойственными однимъ поэтамъ.—Meyer. Gr.[2], p. 85.

Въ III л. множ. ч. надписи имѣютъ только формы на -ασι : διδόασι CIA. IV, 51, e, 11 (410 a. C.), διδόασιν 'Αθ. VIII, 153, 20 (347 a. C.), ἀποτιθέασι ib. строка 34.

Ед. ч. несоверш. прош. имѣетъ формы, образованныя по аналогіи слитныхъ глаголовъ: ἀπεδίδου CIA. II, 811, c, 110 (323 a. C.); ἀφίει ib. 306, 15 (ок. 287 a. C.) Lautens, p. 8.

По Bamb. Jb. XII, p. 49, считаетъ Rutherford, p. 463, за одинаково хорошія аттическія формы: ἀνίστασο и ἀνίστω, ἐπίστασο и ἐπίστω, ἠπίστασο и ἠπίστω. Ср. Kühner, Ausf. Gr.[2] I, p. 540. Anm. 1 и p. 817. Софоклъ употребляетъ ἐπίστω и ἐπίστασο часто. Аристофанъ пишетъ въ триметрѣ ἵστω Eccl. 737, ἐξίστω Ach. 617, ἐπανίστω въ анапестахъ, ἀνίστασο въ лирическомъ мѣстѣ Vesp. 286, πρίω говоритъ Ach. 35 аѳинянинъ, πρίασο—акарнянинъ. На этомъ основаніи можно, кажется, заключить, что аѳиняне употребляли въ разговорномъ языкѣ слитныя формы и что правъ Moeris, p. 19: ἀνίστω 'Αττικῶς, ἀνίστασο Ἑλληνικῶς. Ср. Thom. Mag. p. 12, 9: ἀνίστω 'Αττικοί, οὐχ ἀνίστασο. Suid. p. 441 Bernh. ἀνίστω ἀντὶ τοῦ ἀνίστασο.

Свѣдѣнія объ аористѣ у Lautens., p. 12, полнѣе, чѣмъ у Meisterh., p. 81. Первый говоритъ: Въ двойств. и множ. ч. употребляются въ VI и V вѣкахъ до Р. Х. однѣ формы безъ κ : ἀνετέθην CIA. I, 351 (VI в.), παρέ]δομεν, ib. 294, 40 (452—444 a. C.). Эти формы преобладаютъ въ IV в. до 300 г. до Р. Х. на столько, что съ 385—300 гг. на 133 формы безъ κ приходится лишь 10 съ κ. У Мейстерганса недостаетъ примѣровъ ἐδώκ]αμεν CIA. II, Add. 737, B, 28 (306—304 a. C.) и ἔδωκαν 'Εφ. ἀρχ. 1883, 121, β, 29 (329 a. C.); I л. мн. ч. съ κ встрѣчается въ первый разъ въ 329 г. до Р. Х. : παρεδώκαμεν CIA. II, 808, d, 47 рядомъ съ 19 формами безъ κ: παρέδομεν, ἐπέδοσαν. Съ 300—30 гг. до Р. Х. встрѣчаются только формы на -καν (26 примѣровъ). Со временъ императоровъ являются опять формы на -σαν, такъ что 5 формъ съ этимъ окончаніемъ приходится на 12 съ -καν. О драматическихъ поэтахъ сообщаетъ Bamb. Jb. VIII, p. 206, что находится въ триметрѣ ἔθηκαν Eur. Or. 1166. 1641. Phoen. 30. Herc. f. 590, fr. 455; въ лирическихъ частяхъ встрѣчается θῆκαν Bacch. 129; ἐδώκαμεν, ἔδωκαν и сложныя формы находятся Med. 629. Cycl.

296. Heracl. 463, fr. 488 и въ анапестич. стихѣ παρέδωκαν Nub. 969. Это всѣ мѣста, гдѣ встрѣчаются у сценическихъ поэтовъ формы съ κ.

Прошедшее совершенное вр.

Надписи представляютъ исключительно perf. τέθηκα: τ]εθη[κ]ότας CIA. II, 1053, 7 (400—350 a. C.), ἀνατέθηκεν ib. 835, A, d, 45 (320—317 a. C.), ἀνατεθηκότων Ἐφ. ἀρχ. 1884, 137, 44 (307—286 a. C.) и CIA. II, 408, 38 (конца III в.). Лишь въ I в. до Р. Х. встрѣчается форма τέθεικα, извѣстная изъ нашихъ грамматикъ: ἀνατεθείκασιν CIA. II, 470, 71. 80 (69—62 a. C.). Кирхгофъ не имѣетъ права читать: CIA.I, 19, 2: ΘΕΚΟΣ τε]θεικώς, а слѣдовало бы транскрибировать τε]θηκώς. Херобоску (870, 5 = Herodian. ed. L. II, p. 836, 40) извѣстна форма τέθηκα, но онъ говоритъ, что τέθεικα имѣло перевѣсъ надъ τέθηκα: ἔστιν οὖν θήσω ὁ μέλλων καὶ τέθηκα ὁ παρακείμενος διὰ τοῦ η ὥσπερ ποιήσω πεποίηκα καὶ κατὰ τροπὴν Βοιωτικὴν τοῦ η εἰς τὴν ει δίφθογγον γέγονε τέθεικα διὰ τῆς ει διφθόγγου ὥσπερ ἥρωες, εἵρωες· οὕτως δὲ καὶ ἐπεκράτησε γράφεσθαι. Слѣдуетъ ли полагать, что вездѣ, гдѣ τέθεικα встрѣчается въ нашихъ текстахъ, оно искажено позднѣйшими переписчиками? Riem. Rev. IX, p. 181, того мнѣнія, что такой выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ и что, еслибъ τέθηκα было единственною аттическою формою, то грамматики должны бы были знать это. Во всякомъ случаѣ нужно ждать новыхъ открытій; но очевидно, что τέθεικα образовалось по аналогіи формы εἶκα (ἀφεῖκε CIA. II, 811, c, 119). Ср. Meyer Gr.[2], p. 86 и 490.

Судя по CIA. I, 324, c, 19 πρ]ο[σεστ]ῶτα и рядомъ съ этимъ ε⟨ἱ⟩στηκότα (408 a. C.) и ἔστ[ηκ]εν CIA. IV, 477 e (V в.), формы прош. сов. гл. ἵσταμαι, произведенныя отъ основы ἑστα-, не менѣе свойственны аттическому языку классическаго времени, чѣмъ болѣе длинныя отъ основы ἑστηκ-.

Надписи IV в., впрочемъ, представляютъ одни послѣднія образованія: ἐφεστήκασιν CIA. II, 564, 9 (350—300 a. C.), ἑστηκότι ib. 758, B, II, 32 (ок. 334 a. C.), καθ]εστηκότας ib. 809, a, 184 (325 a. C.), καθεστηκέναι ib. 812, a, 149 (323 a. C.) и др. Riem. Rev. IX, p. 90, not. 2, говоритъ о взаимномъ отношеніи обоихъ образованій въ литературѣ: онъ сообщаетъ наблюденіе Гервердена (Studia Thucydidea, p. 113 sqq.), что у Θукидида встрѣчаются только формы отъ основы ἑστα- за исключеніемъ род. пад. женск. р. (ἀφεστηκυίας), и даетъ затѣмъ длинный списокъ формъ обоихъ родовъ изъ трагиковъ и Аристофана; изъ его списка видно, что формы съ κ сравнительно рѣдки у этихъ поэтовъ: встрѣчаются только ἑστήκασι (Eur. Cycl. 681, Fragm. 994),

ἐπανεστήκῃ (Ar. Av. 554), καθεστήκοι (-ῃ? Soph. Ai. 1074), ἑστηκώς (Eur. Hel. 438).

Средн. р. причастія ἑστώς въ надписяхъ не встрѣчается, такъ что съ ихъ помощью спорный вопросъ о начертаніи этой формы рѣшить нельзя. Древній грамматикъ Θеогностъ (Cram. Anecd. Oxon. II, p. 119, 31; ср. Herod. ed. L. I, p. 351, 11) говоритъ: πολλάκις αἱ εἰς ως μετοχαὶ ἀπὸ περισπωμένων κατὰ πάθος γενόμεναι καὶ φυλάττουσαι τὸ ω ἐπὶ τῆς γενικῆς τοῦ ἀρσενικοῦ, ἔχουσαι τὸ οὐδέτερον, εἰς ως ἔχει· τὸ βεβῶς, βεβῶτος, καὶ τὸ βεβῶς· ὁ γεγῶς, τοῦ γεγῶτος, καὶ τὸ γεγῶς· ὁ ἑστῶς, τοῦ ἑστῶτος, τὸ ἑστῶς. ὁ τεθνῶς, τοῦ τεθνῶτος, καὶ τὸ τεθνῶς и (p. 152, 15): αἱ εἰς ως πεπονθυῖαι μετοχαὶ τὸ οὐδέτερον ἔχουσι διὰ τοῦ ω μεγάλου γραφόμενον, οἷον τὸ ἑστῶς, τὸ βεβῶς, τὸ γεγῶς (Etym. M. p. 224, 7). Риманъ (Bull. III, p. 440 sqq.) высказывается на основаніи род. п. ἑστῶτος (а не ἑστότος) и образованія формы (изъ ἑσταός) за ἑστώς, которое имѣетъ противъ себя лишь авторитетъ нѣкоторыхъ рукописей, между ними, впрочемъ, Paris. A Платона (напримѣръ, Resp. VIII, 564 D, Tim. 46 B, 56 B, Crit. 113 C; вездѣ въ этихъ мѣстахъ вторая рука исправила ἑστώς, какъ Soph. OT. 633 ἑστός измѣнено въ ἑστώς). Другого мнѣнія Шанцъ (Plat. II, 2, p. XII), который въ виду лучшихъ рукописей считаетъ невѣроятнымъ, что форма ἑστός выдумка переписчиковъ. За первоначальную форму слѣдуетъ во всякомъ случаѣ считать ἑστώς, что въ неизвѣстное время было замѣнено формою ἑστός. Meyer Gr.², p. 486, признаетъ одно ἑστώς.

Вмѣсто καθέστηκα является въ надписяхъ съ начала I вѣка до Р. Х. καθέσταμαι: καθεσταμένοις CIA. II, 471, 24, 80 (нач. I в.), καθεσταμένον ib. 476, 38, 61 (ок. 100 a. C.). Herw., p. 55.

За εἱστήκη говоритъ авторитетъ лучшихъ рукописей; Paris. A Платона нигдѣ не имѣетъ ἑστήκη. Ср. Schanz. Plat. VII, p. XIII. Herodian ed. L. II, p. 269, 12 ἐγένετο εἱστήκειν διὰ τῆς ει διφθόγγου.

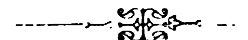
2. εἰμί, εἶμι, φημί, οἶδα.

Вмѣсто ἔνεστι встрѣчаются въ отчетахъ 398 и 320 — 317 гг. до Р. Х. (CIA. II, 652 и 835) часто ἔνι.

Повелит. накл. гл. εἰμί является въ надписяхъ только въ формѣ ὄντων (не ἔστων): CIA. IV, 22, a, frg. c, 11 (450—447 a. C.); ib. 29, 6 (445—441 гг.); ib. 40, 46 (424 a. C.); ἔστωσαν встрѣчается лишь съ 200 до Р. Х.: CIA. II, 624, 12. 15 (II в.); III, 23, 36 (вр. имп.).

Прошедш. несоверш. гл. εἶμι: въ ед. ч. удостовѣрены формы ᾖα, ᾔεισθα, ᾔει (ᾔειν) лучшими рукописями Платона; см. Schanz. Plat. VII, p. XIII, sq.

Digitized by Google

Въ складѣ Д. Д. Полубояринова (С.-Петербургъ, Николаевская № 18) находятся:

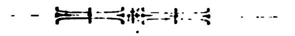
ИЗДАНІЯ И. БЕЛЛЯРМИНОВА:

Руководство къ Древней исторіи. Изданіе третье, исправленное, значительно сокращенное, съ картами и рисунками. Цѣна 70 коп. Между учебниками того же наименованія оно единственное, удостоенное ученымъ комитетомъ высшей степени одобренія.

Руководство къ Средней исторіи. Изданіе четвертое, *заново составленное*, съ картами и рисунками. Цѣна 70 коп. Собственно учебный матеріалъ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ, занимающимъ около 155 страницъ. Мелкій шрифтъ, занимающій вмѣстѣ съ прибавленіемъ и картами нѣсколько менѣе 100 страницъ, для заучиванія не предназначается.

Руководство къ Русской исторіи съ дополненіями изъ Всеобщей. Изданіе седьмое, пересмотрѣнное, съ рисунками въ текстѣ и съ картою. Цѣна 50 коп.

Элементарный курсъ Всеобщей и Русской исторіи. Изданіе семнадцатое, съ рисунками въ текстѣ и съ картами. Цѣна 90 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей семьдесять-пять копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

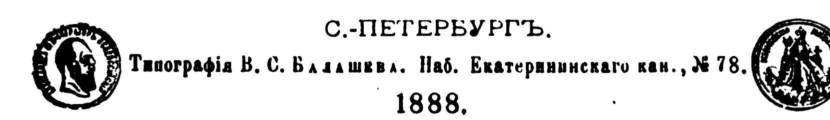
ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLVI.

1888.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLV.

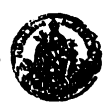
1888.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1888.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

6. (15-го января 1888 года). Объ учрежденіи званія почетныхъ блюстительницъ при приходскихъ училищахъ.

Комитетъ министровъ, по выслушаніи записки министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи званія почетныхъ блюстительницъ при приходскихъ училищахъ, полагалъ:

Предоставить министру народнаго просвѣщенія учреждать при приходскихъ училищахъ, въ коихъ обучаются или однѣ дѣвочки, или дѣти обоего пола, званіе почетныхъ блюстительницъ, на основаніяхъ, установленныхъ для почетныхъ блюстителей сихъ училищъ, какъ въ порядкѣ учрежденія должности послѣднихъ, выбора лицъ и утвержденія ихъ въ должности, такъ и въ опредѣленіи обязанностей и правъ сихъ лицъ но отношенію къ училищамъ.

Государь Императоръ, въ 15-й день января 1888 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

10. (17-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго при Московской 1-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу пятьсотъ руб., пожертвованнаго вдовою дворянина Маріею Васильевною Бѣлинскою,

за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, учреждается при Московской 1-й гимназіи одна стипендія имени Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ билетахъ восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Московской 1-й гимназіи и считается неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентныхъ денегъ, получаемыхъ ежегодно съ означеннаго капитала, за вычетомъ помянутаго купоннаго налога, надлежащая сумма идетъ на уплату гимназіи за обученіе стипендіата, а остальныя деньги выдаются ему на руки.

§ 4. Въ стипендіаты назначаются педагогическимъ совѣтомъ гимназіи ученики православнаго вѣроисповѣданія, уроженцы великороссійскихъ губерній, безъ различія сословій, бѣднаго состоянія, хорошаго поведенія, при чемъ преимущество отдается ученикамъ старшихъ классовъ, начиная съ V-го.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (17-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана Сергѣевича Аксакова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ триста пятьдесятъ рублей, пожертвованнаго Московскою городскою думою, учреждается при историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета стипендія въ 300 руб. сер. имени Ивана Сергѣевича Аксакова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ и хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя на вѣчныя времена неприкосновенную собственность университета.

§ 3. Стипендіатъ избирается изъ числа православныхъ славянъ слушающихъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, при чемъ при избраніи стипендіата дается преимущество тому, кто посвящаетъ себя изученію славянскихъ нарѣчій.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется городскому головѣ съ

его товарищемъ и членами управы по соглашенію съ правленіемъ университета.

§ 5. При послѣдовательномъ незачетѣ двухъ полугодій безъ особо уважительной причины стипендіатъ имени И. С. Аксакова лишается стипендіи.

§ 6. Остаткамъ, образовавшимся отъ временнаго незамѣщенія стипендіи, ведется особый счетъ, и они выдаются по назначенію городской управы съ согласія правленія университета какъ пособіе оканчивающему курсъ стипендіату.

§ 7. Правленіе университета увѣдомляетъ городскую управу о ходѣ занятій стипендіата и объ освобожденіи стипендіи.

12. (19-го февраля 1888 года). **Положеніе о стипендіи при Рыбинской Маріинской женской гимназіи въ ознаменованіе дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 11-го февраля 1888 года, на проценты съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго купцомъ А. Ф. Фроловымъ, учреждается одна стипендія въ ознаменованіе дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ наименованіемъ стипендіи „Маріинскою".

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность гимназіи, хранится въ Рыбинскомъ уѣздномъ казначействѣ, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за ученіе стипендіатки, а могущій образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, остатокъ, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ бѣдныхъ ученицъ гимназіи, отличающихся успѣхами и поведеніемъ, преимущественно изъ жителей г. Рыбинска.

§ 5. Право назначенія стипендіатки принадлежитъ учредителю стипендіи, на время его жизни, а по смерти—попечительному совѣту, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ.

§ 6. Стипендіатка можетъ быть лишена стипендіи только за без-

успѣшность или неодобрительное поведеніе, засвидѣтельствованныя педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

13. (13-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи имени барона Өедора Александровича Менда при Выборгскомъ русскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шестьсотъ руб., пожертвованнаго баронессою Е. П. Мендъ, учреждается при Выборгскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени барона Ө. А. Менда.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ $4^1/_2$% закладныхъ листахъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Выборгскаго реальнаго училища, составляя неотъемлимую собственность заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Назначеніе стипендіата, преимущественно изъ учениковъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 4. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею во все время ученія въ Выборгскомъ реальномъ училищѣ, но, въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишенъ стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Остатокъ отъ процентовъ съ означеннаго капитала употребляется на учебныя пособія и другія нужды стипендіата.

§ 6. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи: остатки эти употребляются, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, на выдачу пособія недостаточнымъ ученикамъ училища.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Руководство къ изученію теоріи словесности по луч-

шимъ образцамъ. Составилъ П. Случевскій. Изданіе шестое, вновь обработанное и значительно дополненное. Въ 8-ку стр. 224. Ставрополь. 1888. Цѣна 1 рубль" — одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи словесности.

— Книгу: „Сочиненія Корнелія Тацита, пер. В. И. Модестова. Т. II. С.-Пб. 1887"—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки гимназій мужскихъ и женскихъ и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „О. Д. Хвольсона: Объ абсолютныхъ единицахъ, въ особенности магнитныхъ и электрическихъ. С.-Пб. 1887"—рекомендовать для библіотекъ, фундаментальныхъ и ученическихъ, гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „О. Д. Хвольсона: Популярныя лекціи объ основныхъ гипотезахъ физики. С.-Пб. 1887. Цѣна 60 к."—рекомендовать для библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Дмитрій Кайгородовъ. Изъ зеленаго царства, популярные очерки изъ міра растеній (со многими рисунками). С.-Пб. 1888. Стр. 286. Цѣна 2 р. 50 к." — рекомендовать для ученическихъ библіотекъ, при чемъ желательно, чтобы авторъ понизилъ цѣну для учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ неорганической химіи по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, В. Рихтера. Съ политипажами и спектральной таблицею, шестое, исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1887"—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи химіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „А. Матвѣева. Русская грамматика въ диктовкахъ. Курсъ приготовительный. С.-Пб. 1888"—одобрить какъ учебное пособіе для класснаго употребленія въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ и въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ при первоначальномъ обученіи дѣтей русскому правописанію.

— Книгу: „Сатиры Д. Юнія Ювенала. Стихотворный переводъ и объясненія Андрея Адольфа, учителя Московской 3-й гимназіи. Съ прибавленіемъ латинскаго текста. Москва. Ц. 8 р. Стр. XX+504"—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Методически обработанный сборникъ алгебраическихъ задачъ съ текстомъ общихъ объясненій и разнообразными практи

ческими указаніями. Часть I, для классовъ третьяго и четвертаго. Составили Н. А. Шапошниковъ, доцентъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, и Н. К. Вальцовъ, преподаватель Коломенской гимназіи. Москва. 1887. Стр. VII+221. Цѣна 80 коп."— рекомендовать какъ весьма полезное пособіе при преподаваніи алгебры въ 3 и 4 классахъ гимназій и реальныхъ училищъ и соотвѣтствующихъ классахъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Солнце. Составилъ по Секки и другимъ источникамъ Н. А. Конопацкій, преподаватель Каменецъ-Подольской гимназіи. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Оп. физики и эл. математики за 1886—1887 уч. годъ. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Цѣна 40 к. Кіевъ. 1887. Стр. 46"—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Лягушки. Комедія Аристофана. Съ греческаго перевелъ, съ присоединеніемъ необходимыхъ примѣчаній, К. Нейлисовъ. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку стр. 129"—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Le Misanthrope, comédie en cinq actes et en vers, par Molière, со словаремъ и примѣчаніями грамматическими и литературными, составилъ Александръ Алексѣевъ. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку стр. 110. Ц. 60 к."—одобрить для чтенія въ старшихъ классахъ мужскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Уроки. Руководство для классныхъ и внѣклассныхъ занятій по русскому языку, съ упражненіями въ чтеніи церковно-славянскомъ. Въ четырехъ отдѣлахъ. Начальный курсъ. Составилъ Ѳ. Барсовъ. Вильна. 1887. Въ 8-ку 474 стр."—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Переводъ Валеріана Висковатова. Книжка 3-я. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 128 стр., съ рисунками. Цѣна 1 руб."—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ и младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Краткіе очерки исторіи Россіи. Составилъ А. Мостовскій. Изд. 2-е. Рига. 1887. Въ 12 д. л. 50 стр. (съ удареніями надъ словами). Цѣна въ папкѣ 36 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ руководства, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, въ коихъ проходится краткій курсъ Русской исторіи.

— Книгу: „Историческій очеркъ развитія элементарной школы въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и по уставамъ правительствъ. А. Бѣляевскаго. Приложеніе къ „Курсу воспитанія и обученія д-ра Линднера". Глуховъ. 1887. Въ 8-ку 102 стр. Цѣна 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ семинарій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ до тридцати руб. въ годъ съ каждаго ученика, съ начала будущаго 1888—1889 учебнаго года; 2) установить размѣръ платы за ученіе въ 1-й Тифлисской гимназіи, съ начала 1888—1889 учебнаго года по пятидесяти руб. (50 руб.) въ годъ съ каждаго ученика; и увеличить плату за ученіе въ Полтавской мужской гимназіи съ 40 до пятидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика съ начала будущаго 1888—1889 учебнаго года.

ЛИТЕРАТУРА ПРИ КАЛИГУЛѢ, КЛАВДІѢ И НЕРОНѢ.

(Изъ лекцій по исторіи римской литературы).

Луканъ, Персій, Петроній, Квинтъ Курцій и др.

Между писателями, которые вышли изъ литературной школы Сенеки, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ племянникъ его, Луканъ, сынъ младшаго брата философа, М. Аннея Мелы, главный поэтъ времени Нерона и важнѣйшій представитель римской эпической поэзіи послѣ Виргилія.

М. Анней Луканъ родился въ Кордубѣ (Кордовѣ), въ городѣ, откуда происходилъ и наиболѣе знаменитый представитель рода Аннеевъ, философъ Сенека, 3-го ноября 39 года по Р. Х. (792 отъ основанія Рима), какъ сообщаетъ намъ одинъ изъ его древнихъ біографовъ (Вакка). Но еще въ младенчествѣ (по словамъ названнаго біографа, на восьмомъ мѣсяцѣ отъ рожденія) онъ былъ привезенъ въ Римъ, гдѣ впослѣдствіи получилъ самое тщательное образованіе подъ руководствомъ своего знаменитаго дяди. Учителями его были грамматикъ Реммій Палемонъ, риторъ Вергиній Флавъ и философъ Корнутъ, тѣ praeceptores eminentissimi, которыхъ имѣетъ въ виду его біографъ и которые перечисляются въ древней біографіи Персія, упоминающей о знакомствѣ Лукана съ Персіемъ при посредствѣ Корнута. Послѣ достиженія блестящихъ успѣховъ въ греческой и латинской декламаціи, Луканъ для довершенія образованія отправился въ Аѳины, откуда былъ вызванъ Нерономъ, который, находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, сдѣлалъ его квесторомъ раньше достиженія имъ законнаго для этой должности возраста (25-го года) и затѣмъ доставилъ ему почетную духовную должность. Но дружба

между нимъ и Нерономъ не была продолжительна. Литературные успѣхи Лукана и всеобщее одобреніе, вызванное имъ на состязаніи 65 г. по Р. Х. (818 г.), были непріятны ревнивому къ литературной и артистической славѣ другихъ императору, который поэтому и запретилъ своему сопернику выступать передъ публикой съ декламаціей своихъ поэтическихъ произведеній. Оскорбленный (genus irritabile vatum!) поэтъ, не долго думая, вступилъ въ заговоръ, организованный противъ жизни императора Пизономъ, что и послужило причиной его преждевременной и насильственной смерти. Луканъ умеръ на двадцать шестомъ году отъ рожденія 30-го апрѣля 65 г. по Р. Х. (818 г.), испросивши себѣ право избрать родъ смерти по своему усмотрѣнію. Послѣднія минуты жизни молодого поэта посвящены были поэзіи и исправленію своихъ произведеній. Умеръ онъ такъ, какъ нерѣдко умирали тогда свободные люди, открывши на рукахъ артеріи, и, какъ это было прилично поэту, декламируя подходящіе къ случаю стихи изъ своихъ произведеній [1]; но во время слѣдствія о заговорщикахъ онъ обнаружилъ такое малодушіе, что, желая спасти себя, оклеветалъ свою невинную мать „въ надеждѣ", по злобному замѣчанію біографа, „что это нечестіе принесетъ ему пользу въ глазахъ матереубійцы государя". Этого позора, которымъ запятналъ себя Луканъ на ряду съ нѣкоторыми другими участниками Пизонова заговора, предавшими лучшихъ своихъ друзей, amicorum praecipuos, не скрылъ отъ потомства и Тацитъ, передавая ходъ слѣдствія по этому дѣлу [2]). Послѣ него осталась молодая жена, извѣстная Полла Аргентарія, прославленная поэтами слѣдующаго поколѣнія Марціаломъ и Стаціемъ и названная у послѣдняго (Praef. ad. lib. II Silv.) clarissima uxorum.

До насъ дошли двѣ древнихъ біографіи Лукана, изъ которыхъ одна принадлежитъ, какъ слѣдуетъ думать, Светонію и дошла до насъ не вполнѣ; другая же написана однимъ изъ позднѣйшихъ комментаторовъ Лукана, вѣроятно, грамматикомъ Ваккой. Та и другая отпечатаны въ наилучшемъ видѣ въ извѣстномъ изданіи отрывковъ Светонія, сдѣланномъ Рейффершейдомъ: C. Suetonii Tranquilli praeter Caesarum libros reliquiae (Lipsiae 1860). Кромѣ этихъ біографій Лукана, есть еще нѣсколько другихъ, очевидно, позднѣйшаго проис-

[1]) Tac. Ann. XV, 70: Recordatus carmen a se compositum, quo volneratum militem per ejusmodi mortis imaginem obiisse tradiderat, versus ipsos rettulit, eaque illi suprema vox fuit.

[2]) Ann. XV, 56.

хожденія: онѣ напечатаны Веберомъ въ его Vitarum M. Annaei Lucani collectarum part. III. (Marb. 1858). Изъ новыхъ сочиненій, разсматривающихъ жизнь Лукана, можно указать на Études sur les poètes latins de la décadence Низара (Paris, 1834, т. II), на трудъ Вебера, который въ particula II изслѣдовалъ жизнь этого поэта по годамъ, какъ то съ давнихъ поръ дѣлается относительно наиболѣе замѣчательныхъ древнихъ писателей, и на сочиненіе Генте (Genthe): De M. Annaei Lucani vita et scriptis (Berl. 1859). Въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. была напечатана въ 1873 г. (Отд. класс. фил. стр. 128 слд.) статья о Луканѣ, гдѣ сдѣланы указанія на нѣмецкую ученую литературу, касающуюся біографіи этого поэта.

Луканъ принадлежалъ къ плодовитымъ писателямъ въ римской литературѣ. Его литературная дѣятельность началась съ самой ранней юности, teneris in annis, какъ выражается Стацій въ стихотвореніи на день рожденія Лукана, посвященномъ молодой вдовѣ покойнаго поэта (Silv., II, 7, 54). Начало всему было положено поэмой о Троянской войнѣ, Iliacon (libri), какъ она называется у Вакки, вслѣдъ за которою тѣмъ же біографомъ приводится цѣлый рядъ другихъ произведеній, какъ-то: Saturnalia, Catachthonion (libri), 10 книгъ Silvarum, трагедія Медея, оставленная, по замѣчанію біографа, не оконченною, Salticae fabulae въ 14 книгахъ и, наконецъ, Эпиграммы, если только вѣрно прочтенъ текстъ дошедшей до насъ біографіи. Это произведенія, писанныя стихами. Но Луканъ также рано упражнялся и въ прозѣ. Изъ этого рода сочиненій были извѣстны его рѣчи въ защиту и противъ Октавія Сагитты, разумѣется, не дѣйствительныя рѣчи, а декламаціи, въ видахъ упражненія на пикантную современную тему, гдѣ дѣло шло объ убійствѣ народнымъ трибуномъ страстно любимой, но холодной къ нему, женщины [1]); кромѣ того, сочиненіе объ извѣстномъ римскомъ пожарѣ 64 года по Р. X.—de incendio urbis, и какія-то письма изъ Кампаніи. Но отъ всѣхъ этихъ произведеній какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ не осталось до нашего времени почти ровно никакого слѣда. Нѣкоторое поясненіе къ указаніямъ Вакки о потерянныхъ для насъ сочиненіяхъ Лукана можетъ дать упомянутое стихотвореніе Стація, гдѣ рѣчь идетъ о литературной дѣятельности нашего поэта, но вообще вопросъ о потерянныхъ сочиненіяхъ Лукана принадлежитъ къ самымъ неблагодарнымъ въ наукѣ, такъ какъ, при отсутствіи положительныхъ данныхъ,

---

[1]) Исторія этого убійства разказана Тацитомъ въ Лѣтописи (XIII, 44).

мы не только лишены возможности возстановить ихъ содержаніе, но даже едва можемъ стоять за тѣ заглавія, какія я привелъ вамъ изъ біографіи Вакки по изданію Рейффершейда. Желающихъ ближе ознакомиться съ положеніемъ вопроса я отсылаю къ упомянутой статьѣ Журн. Мин. Нар. Просв.

Всѣ вышепоименованныя и не дошедшія до насъ сочиненія рано умершаго поэта принадлежали ко второстепеннымъ его произведеніямъ и служили, по словамъ біографа, лишь прибавкою къ его главному сочиненію, которое дошло до насъ вполнѣ, на сколько оно было обработано поэтомъ и на которомъ основывается вся его слава. Это эпическая поэма въ 10 книгахъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ междоусобную войну Кесаря съ Помпеемъ, исходъ которой былъ рѣшенъ знаменитой битвой при Фарсалѣ, въ Ѳессаліи, въ 706 г. отъ основанія Рима (48 г. до Р. Х.), окончившейся полнымъ пораженіемъ Помпея. Обыкновенное названіе, какое носитъ въ изданіяхъ поэма Лукана, есть Фарсалія (Pharsalia), какъ, впрочемъ, поэтъ и самъ называетъ ее въ одномъ мѣстѣ (IX, 985), но въ рукописяхъ она озаглавливается Междоусобная война (Bellum civile), — заглавіе, которое и употребляется нѣкоторыми новыми учеными. Поэту не пришлось окончить свое произведеніе, о которомъ онъ думалъ и въ послѣднія минуты жизни. Будучи обнародовано послѣ его смерти, оно было встрѣчено римской публикой съ энтузіазмомъ, какъ это засвидѣтельствовано важнѣйшими представителями поэтической литературы слѣдующаго поколѣнія, Стаціемъ (Silv. II, 7) и Марціаломъ (Epigr. VII 20, 21 и 22). Огромное распространеніе этого сочиненія въ древнемъ мірѣ говоритъ въ пользу того, что успѣхъ его не былъ мимолетный. И дѣйствительно, при всѣхъ своихъ недостаткахъ Фарсалія есть крупное произведеніе римской литературы, и во всякомъ случаѣ самое блестящее, какое римская эпическая поэзія произвела послѣ Виргилія.

Но, собственно говоря, поэма Лукана есть не что иное, какъ написанная стихами исторія борьбы Кесаря съ Помпеемъ. Разказана борьба эта въ томъ же хронологическомъ порядкѣ, какъ она разказывается и въ историческомъ повѣствованіи, и даже съ соблюденіемъ исторической вѣрности въ передачѣ событій, украшаемыхъ тутъ лишь рѣчами, описаніями и нравственными размышленіями. Поэтому нѣтъ нужды и разсматривать содержаніе поэмы, такъ какъ это просто значило бы разказать съ разными отступленіями извѣстныя событія римской исторіи съ того момента, какъ Кесарь, не желая уступить

Помпею и олигархической партіи, перешелъ Рубиконъ, чѣмъ была начата междоусобная война, до того, когда онъ, осажденный въ Александріи, подвергся крайней опасности въ борьбѣ съ вспыхнувшимъ противъ него возстаніемъ египтянъ. Сущность поэмы обнаруживается не въ содержаніи, которое у нея обще съ исторіей, а въ способѣ изложенія этого содержанія, въ тѣхъ многочисленныхъ и патетическихъ рѣчахъ, которыя онъ влагаетъ въ уста дѣйствующимъ лицамъ, въ описаніяхъ, нравственныхъ размышленіяхъ и вообще въ приложеніи къ обработкѣ историческаго сюжета пріемовъ риторской декламаціи, которая была въ такой модѣ у современнаго ему поколѣнія литераторовъ. Эпической поэмы въ собственномъ смыслѣ Фарсалія не представляетъ. Тутъ нѣтъ ни эпическаго сюжета, нуждающагося въ извѣстномъ просторѣ фантазіи, какой допускали сюжеты изъ временъ героическихъ, ни эпическаго единства, ни эпическихъ характеровъ, свойственныхъ героямъ полумиѳическаго времени. Между гражданскою войной Кесаря съ Помпеемъ и временемъ автора протекла всего какая-нибудь сотня лѣтъ, въ теченіе которой еще не успѣли совсѣмъ стереться живыя воспоминанія о людяхъ, бывшихъ въ этой войнѣ дѣятелями: какое же тутъ могло быть мѣсто для эпопеи, которая требуетъ и отдаленнаго времени и, какъ мы сказали, свободнаго поприща для эпической фантазіи! Но за то трудно было бы Лукану найдти въ римской исторіи болѣе благодарную почву для приложенія къ дѣлу своего декламаторскаго дарованія, какъ именно эта междоусобная война, въ которой рѣшался вопросъ о существованіи республики. Необыкновенная важность историческаго момента, выступающаго въ произведеніи Лукана, позволяла поэту принять высокій тонъ и не щадить риторическихъ средствъ, чтобы поддержать его, особенно размышленіями, которыя, съ своей стороны, доставляли для декламаціи богатую матерію; цѣлый рядъ крупныхъ историческихъ личностей, какъ Кесарь, Помпей, Катонъ, Брутъ, Секстъ Помпей, давалъ возможность ввести въ разказъ множество сильныхъ рѣчей; участвовавшія въ событіяхъ женщины, какъ Марція, жена Катона, Корнелія, жена Помпея, давали особый поводъ къ патетическимъ мѣстамъ, которыя играютъ столь важную роль въ пріемахъ риторской декламаціи; военныя дѣйствія, происходившія на разныхъ театрахъ войны—въ Италіи, въ Испаніи, въ Галліи, въ Эпирѣ, въ Ѳессаліи, въ Ливіи, въ Египтѣ, открывали широкій просторъ для описаній, въ духѣ Александрійскаго эпоса, наконецъ политическій характеръ сюжета, очень близкаго современному обществу, открывалъ множество

случаевъ для проявленія гражданской доблести, для выраженія негодованія противъ тиранніи, для восхваленія свободы, для прославленія подвиговъ мужества и самоотверженія.

Но было бы напрасно думать, что, избирая такой именно сюжетъ, Луканъ руководился, съ самаго начала политическою тенденціей, что онъ на изображеніи борьбы Кесаря съ Помпеемъ думалъ развить идею борьбы за свободу съ тиранніей. Все заставляетъ предполагать, что первоначальная цѣль сочиненія была чисто литературная. Въ біографіи поэта, написанной Светоніемъ, ярко выступаетъ фактъ его благородной ревности къ Виргилію, который въ своемъ Комарѣ, въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній, представилъ столько поэтическаго дарованія, что Луканъ, сравнивая съ Комаромъ свои первые опыты, initia sua, со скорбію говорилъ: „Сколько мнѣ еще остается до Комара!“ Et quantum mihi restat ad Culicem! Несомнѣнно, что Луканъ прежде всего хотѣлъ большою поэмой на чисто римскій сюжетъ создать себѣ памятникъ литературной славы, который до нѣкоторой степени приближался бы къ тому, какой создалъ себѣ Виргилій своей Энеидой. Нѣтъ, разумѣется, основанія думать, что Луканъ былъ человѣкъ безъ политическаго направленія, что политическая свобода была для него дѣло равнодушное; но мы видимъ, что въ первыхъ трехъ книгахъ, которыя были изданы самимъ поэтомъ, нѣтъ ничего похожаго на ту страстную любовь къ свободѣ, которая одушевляетъ его въ послѣднихъ четырехъ книгахъ. Въ первыхъ трехъ книгахъ Луканъ не скупится на похвалы и даже на лесть Нерону. Лесть эта доходитъ до того, что онъ, выражая свой ужасъ передъ междоусобными войнами, готовъ примириться съ ними, если эти страшныя схватки гигантовъ нужны были для того, чтобы со временемъ осуществилось высокое назначеніе Нерона. „Тогда, о боги“,—говоритъ онъ,—„мы нисколько не ропщемъ; за такую цѣну намъ нравятся самыя злодѣянія и нечестіе“ [1]). Онъ не останавливается и передъ выраженіемъ ожиданія, что Неронъ послѣ смерти войдетъ въ сонмъ безсмертныхъ. Мѣста эти нисколько не говорятъ о

---

[1]) Phars. I, 33:

Quodsi non aliam venturo fata Neroni
Invenere viam, magnoque aeterna parantur
Regna deis, caelumque suo servire tonanti
Non nisi saevorum potuit post bella Gigantum,
Iam nihil, o superi, querimur: scelera ipsa nefasque
Hac mercede placent.

томъ, что поэтъ, приступая къ поэмѣ, имѣлъ цѣль политическую и притомъ въ смыслѣ оживленія въ публикѣ воспоминаній о республиканской свободѣ, утраченной въ битвѣ при Фарсалѣ. Его любовь къ этой свободѣ начинаетъ ясно сказываться лишь съ шестой книги, гдѣ Помпей является у него уже борцомъ за „права міра" (VI, 139), въ особенности съ седьмой, гдѣ онъ видитъ въ Кесарѣ прямо гонителя свободы, которая „ушла за Рейнъ и Тигръ" съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не возвращаться въ Римъ (ст. 432 слд.). Этимъ языкомъ поэтъ заговорилъ уже тогда, когда испыталъ на себѣ деспотическія замашки Нерона и когда пылалъ жаждой мести къ своему оскорбителю. Теперь дѣло Кесаря казалось ему столь ужаснымъ, что онъ готовъ завидовать участи народовъ, никогда не знавшихъ свободы. „Счастливы", говоритъ онъ (VII, 442),—„арабы, мидяне и восточная земля, которую судьбы всегда держали подъ игомъ тиранновъ!" Участь же римлянъ хуже всѣхъ потому, что они не могутъ безъ стыда переносить рабство.

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что уже и въ первыхъ трехъ книгахъ авторъ Фарсаліи не обнаруживаетъ расположенія къ Кесарю и что онъ стоитъ своимъ сочувствіемъ на сторонѣ Помпея, Катона и Брута, будущаго убійцы Кесаря. Рисуя въ первой книгѣ (ст. 143 и слѣд.) портретъ этого послѣдняго, онъ заявляетъ, что у него не было ни такого громкаго имени, ни такой славы полководца, какъ у Помпея, но за то это былъ человѣкъ, который ни передъ чѣмъ не останавливался въ своихъ стремленіяхъ и у котораго былъ одинъ стыдъ: не остаться на войнѣ побѣдителемъ, solusque pudor non vincere bello. Кесарь рисуется далѣе человѣкомъ, который рвался къ цѣли на-проломъ, настойчиво требуя у боговъ себѣ споспѣшествованія, опрокидывая все, что̀ стояло ему на дорогѣ въ достиженіи высшей власти, и весело прокладывая себѣ путь къ ней разрушеніемъ. Во второй книгѣ (ст. 439 и слѣд.) Луканъ еще рѣзче высказывается о страсти Кесаря къ войнѣ, увѣряя, что ему пріятно ходить только тамъ, гдѣ имъ пролита кровь, что ему пріятнѣе взломать ворота, чѣмъ входить въ открытыя, что ему не такъ нравится истоптать нивы, къ чему поселянинъ относится терпѣливо, какъ опустошить ихъ огнемъ и мечемъ: ему, будто-бы, стыдно идти дозволеннымъ путемъ и казаться гражданиномъ. Въ то же время, уже въ этихъ первыхъ трехъ книгахъ Луканъ не скрываетъ своего расположенія къ Помпею, называетъ его постоянно не иначе, какъ Великимъ, и, сопоставляя его съ Кесаремъ, прямо говоритъ (II, 453),

что симпатіи народа были больше на сторонѣ Помпея (pronior in Magnum populus). Не скрываетъ также авторъ въ первыхъ книгахъ своей поэмы и своего благоговѣнія передъ Катономъ, который не поколебался стать на сторону побѣжденнаго, хотя на сторону побѣдителя стали боги (I, 128):

Victrix causa deis placuit, sed victa Catoni.

Даже и Брутъ, похвала которому такъ дорого обошлась Кремутію Корду при Тиберіѣ, является у Лукана уже въ первыхъ книгахъ лицомъ, импонирующимъ своимъ нравственнымъ характеромъ, «великодушнымъ» Брутомъ, который готовъ, вмѣстѣ съ Катономъ, умереть въ послѣдней борьбѣ за свободу.

Первыя три книги, какъ мы сказали, были изданы самимъ поэтомъ и написаны были имъ еще въ то время, когда онъ былъ близокъ къ Нерону. Объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ біографъ Вакка, который, согласно съ Тацитомъ (Ann. XV, 49), послѣдовавшій затѣмъ разрывъ поэта съ императоромъ прямо приписываетъ литературному успѣху, достигнутому, безъ сомнѣнія, всего болѣе этими книгами эпической поэмы. Слѣдующія семь книгъ этой послѣдней были написаны поэтомъ уже въ другомъ настроеніи, и это настроеніе въ 7-й книгѣ, въ которой разказывается о битвѣ при Фарсалѣ, переходитъ въ явную рѣзкость приговоровъ о родоначальникѣ дома Кесарей и внушаетъ автору самыя пламенныя рѣчи въ защиту свободы. Тутъ Кесарь, воодушевляющій своихъ воиновъ, называется rabies populis stimulusque furorum (ст. 557), а побѣда его возвѣщается какъ неисцѣлимая рана, нанесенная въ сердце народа, отъ которой этотъ послѣдній никогда не поправится до скончанія вѣка (VII, 640):

in totum mundi prosternimur aevum.

Теперь поэтъ уже не боится прямо восхвалять Брута, «послѣднюю надежду сената», какъ лицо, отъ руки котораго палъ потомъ побѣдитель при Фарсалѣ (VII, 588 и слѣд.), гдѣ «погибла вся краса отечества» (VII, 597). Въ восьмой книгѣ (ст. 609 — 610) онъ даже съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ, которые подвигъ Брута назвали злодѣяніемъ (nefas). Въ десятой книгѣ (341 и слѣд.) онъ проситъ судьбу не допустить Кесаря пасть отъ руки александрійскаго убійцы, чтобы голова римскаго тиранна не была отрублена въ отсутствіе Брута и чтобы такимъ образомъ не пропалъ примѣръ для потомства. Наконецъ, онъ заявляетъ, что до тѣхъ поръ, пока мечи сенаторовъ не будутъ вонзены во внутренности Кесаря, Помпей останется не отомщеннымъ (X, 528 —

529). Рядомъ съ этимъ идутъ въ шести послѣднихъ книгахъ рѣшительныя заявленія сочувствія Помпею, который, по приведеннымъ раньше словамъ поэта, стоялъ за «права міра» (VI, 13). Пораженіе Помпея при Фарсалѣ для поэта—столь тягостное, столь горькое событіе, что онъ не хочетъ о немъ и разказывать (556):

Quidquid in hac acie gessisti, Roma, tacebo.

Горячія фразы о свободѣ начинаются уже съ четвертой книги. Онъ говоритъ (807): „Римъ былъ бы, конечно, счастливъ и имѣлъ бы довольныхъ гражданъ, еслибы богамъ такъ была пріятна забота о свободѣ, какъ о мщеніи". Нападая на похитителей свободы, онъ не оставляетъ въ покоѣ ни „мощнаго Суллы", ни „жестокаго Марія", ни „кровожаднаго Цинны", ни цѣлаго „ряда членовъ дома Кесарей" (IV, 821 и слѣд.). Въ первой книгѣ (385—386) онъ, съ ѣдкою ироніей говоритъ о лжи раболѣпныхъ названій, какія римляне, со времени диктатуры Кесаря, придаютъ своимъ властителямъ. Онъ грустить о томъ, что свобода, ушедши изъ Рима и сдѣлавшись достояніемъ германца и скиѳа, уже не оборачиваетъ болѣе своего взора на Авзонію (VII, 435). Воодушевляясь все болѣе и болѣе идеей свободы, онъ позволяетъ себѣ, наконецъ, сдѣлать рѣзкую выходку противъ самого Нерона, запрещая ему налагать изъ зависти руку на священную славу поэта, и тутъ же говоритъ, что поэма его будетъ жить, и слава его никогда не затмится (IX, 485):

Pharsalia nostra
Vivet, et a nullo tenebris damnabimur aevo.

Даже изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ, какія я привелъ вамъ, нельзя не видѣть, что поэма Лукана написана съ блескомъ, живостью и даже страстностью, что спокойнаго тона эпопеи тутъ нѣтъ. Это первый ея недостатокъ, хотя и такой, который нравился его современникамъ. Далѣе мы видимъ, что въ поэмѣ этой нѣтъ единства дѣйствія, нѣтъ даже главнаго героя. Читатель не можетъ уловить идеи, которая проникала бы все произведеніе, и не знаетъ, кого онъ долженъ счесть за первенствующее въ ней лицо: автору видимо хочется сдѣлать главнымъ лицомъ поэмы Помпея, но на самомъ дѣлѣ такимъ лицомъ выходитъ Кесарь, который всюду является главною пружиной дѣйствія въ избранномъ поэтомъ сюжетѣ, даетъ тонъ движенію, тогда какъ Помпей, не смотря на всѣ приписываемыя ему добродѣтели, блѣденъ и не можетъ оправдать своего постояннаго эпитета Magnus. Слабая сторона поэмы открывается также въ обрисовкѣ характеровъ. При-

страстное недоброжелательство къ Кесарю и не мотивированное фактами восхищеніе Помпеемъ бросаются въ глаза и производятъ на читателя непріятное впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ совсѣмъ не то, какое имѣлъ въ виду авторъ поэмы. Да и другія дѣйствующія лица не могутъ похвалиться живо и рельефно очерченными характерами. Болѣе удачному ихъ изображенію, безспорно, мѣшало то обиліе риторическихъ красокъ, которое придаетъ поэмѣ извѣстный внѣшній блескъ, но никакъ не уживается съ художественною правдой и естественностью. Общее впечатлѣніе поэмы таково, что читатель видитъ передъ собою руку автора, не достаточно зрѣлаго, но несомнѣнно даровитаго и нерѣдко блестящаго. Незрѣлость автора ясно видна не только въ слабости его политическаго міросозерцанія, но и въ неумѣньи придать ходу разказываемыхъ событій больше внутренней связи и причинности. Талантъ его высказывается въ блестящихъ описаніяхъ, въ живости изложенія, въ бойкости, съ какою онъ пользуется риторическими средствами для того, чтобы придать разказу больше движенія, или чтобы произвести въ данномъ случаѣ на читателя болѣе сильное впечатлѣніе. Но при этомъ ему недостаетъ ни надлежащей гибкости и ясности языка, затемняемаго еще стремленіемъ блистать ученостью на манеръ александрійскихъ поэтовъ, ни плавности стихосложенія, какой можно бы было ожидать отъ римскаго эпическаго поэта послѣ Виргилія. Быть можетъ, еслибъ поэма Лукана дошла до насъ въ оконченномъ и отдѣланномъ видѣ, впечатлѣніе ея на насъ было бы болѣе благопріятно. Поэтому судить ее съ большою строгостью мы не имѣемъ полнаго права. Во всякомъ случаѣ мы не должны забывать, что въ древности она пользовалась большимъ вниманіемъ публики и читалась съ удовольствіемъ.

Но и древніе критики не относятся къ Лукану съ безусловною похвалой. Сужденіе Квинтиліана о немъ мѣтко и интересно. „Луканъ", говоритъ онъ (X, I, 90),—„пылокъ, полонъ возбужденія и замѣчателенъ по мыслямъ, но, чтобъ сказать то, что́ я думаю, онъ болѣе долженъ служить предметомъ подражанія для ораторовъ, чѣмъ для поэтовъ". Петроній (Sat. 118) находитъ, что онъ напрасно взялся за поэтическое изложеніе историческихъ дѣяній, такъ какъ эту работу гораздо лучше выполняютъ историки, quod longe melius historici faciunt. То же мнѣніе высказываетъ и схоліастъ Лукана, приступая къ объясненію его. Значитъ, мнѣніе это было ходячимъ между писателями. Его мы встрѣчаемъ и у Виргиліева комментатора Сервія, который даже прямо говоритъ (ad Aen. I, 382), что Луканъ не стоитъ

того, чтобы его считали поэтомъ, такъ какъ онъ пишетъ „исторію, а не поэму". Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ у самыхъ позднихъ писателей, какъ-то: Исидора (Orig. VIII, 7, 10) и Іорнанда (De reb. Get. 5).

Текстъ Фарсаліи дошелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, между которыми нужно отмѣтить прежде всего дошедшіе до насъ, какъ думаютъ, отъ IV вѣка листы палимпсеста, находящіеся частію въ Римѣ, частію въ Неаполѣ и частію въ Вѣнѣ. Объ этомъ палимпсестѣ по вѣнскимъ его листамъ писалъ въ 1860 г. В. Штейнгартъ: De Lucani schedis rescriptis Vindobonensibus, а римскіе и неаполитанскіе листы, вмѣстѣ съ вѣнскими осматривалъ Детлефсенъ, который и написалъ по этому поводу три статьи въ Philologus 1858, 1859 и 1867 гг. Важнѣйшимъ и основнымъ кодексомъ для новѣйшихъ изданій Лукана служитъ рукопись XI столѣтія, находящаяся въ Монпелье (cod. Montepessulanus), обозначаемая въ изданіяхъ буквою M, и рядомъ съ нею два лейденскихъ списка (A и B) X столѣтія, но хуже сохранившіе текстъ поэта. Редакція текста, съ котораго списаны всѣ три рукописи, принадлежитъ Павлу Константинопольцу, какъ показываетъ приписка къ кодексу въ Монпелье. Разъясненіемъ этихъ вопросовъ мы обязаны изслѣдованіямъ Штейнгарта: De emendatione Lucani (Bonnae, 1854) и De Lucani codice Montepessulano въ Symbola philologorum Bonnensium in honorem Frid. Ritchelii collecta (Lipsiae, 1864). Подробнѣе объ этихъ трудахъ говорится въ статьѣ филологическаго отдѣла Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., о которой было говорено раньше. Послѣ указанныхъ рукописей хорошей редакціи мало заслуживаетъ вниманія множество другихъ рукописей, испорченныхъ позднѣйшими вставками.

Сохранились древнія схоліи (комментаріи) къ Лукану, лучшее изданіе которыхъ принадлежитъ Узенеру. Онѣ изданы подъ заглавіемъ: M. Annaei Lucani commenta Bernensia (Lipsiae, 1869). Изданы, кромѣ того, схоліи изъ кодекса, находящагося въ Монпелье, Герм. Генте: Scholia vetera in Lucanum e codice Montepessulano (Berol. 1868).

Изданій Лукана было не мало. Первое вышло въ Римѣ въ 1469 г. Изъ старинныхъ изданій болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе голландскія изданія: Пульмана (Антверпенъ, 1564), Г. Грота (Антверпенъ, 1614 и Лейденъ, 1626), Корте (Лейденъ, 1826), Удендорпа (Лейденъ, 1728) съ древними схоліями, Бурмана (Лейденъ, 1740). Англійское изданіе съ примѣчаніями Бентли къ тремъ первымъ кни-

гамъ вышло въ 1760 г., потомъ въ 1816 г. въ Глазгоу. Изданія нашего столѣтія: Вебера со схоліями (Лейпцигъ, 1821—1831), Лемэра (Парижъ, 1836), Вейзе (Кведлинбургъ, 1835).

Въ послѣднее время относительно поэмы Лукана вышли слѣдующія изслѣдованія Трампе: De Lucani arte metrica (Berol. 1884), Обермейера, Der Sprachgebrauch des Lucanus (München, 1886); Souciau, Du merveilleux de l'histoire dans Lucain въ Revue de l'histoire des religions, XIV; Perrin, Lucan as a historical source for Appian въ American Journal of Philology 1884 (№ 19).

Рядомъ съ Луканомъ стоитъ передъ нами другой поэтъ Нероновскаго времени, сверстникъ его и школьный товарищъ, умершій, какъ и пѣвецъ Фарсаліи, также въ очень молодыхъ лѣтахъ, но болѣе его симпатичный и чистый, А. Персій Флаккъ. Онъ, по указанію его древней біографіи, принадлежащей Валерію Пробу [1]), родился 4-го декабря 34 года по Р. Х. (787 Рима), въ этрусскомъ городѣ Волатеррахъ, происходилъ изъ всадническаго сословія и находился въ родственныхъ связяхъ съ людьми сенаторскаго сословія. Отецъ его умеръ очень рано, оставивъ сына почти шестилѣтнимъ ребенкомъ. Мать его, Фульвія Сизеннія, вышедшая другой разъ замужъ за римскаго всадника Фузія и вскорѣ похоронившая и его, дѣятельно принялась за воспитаніе сына. До двѣнадцатаго года онъ учился въ Волатеррахъ, а затѣмъ отвезенъ былъ матерью въ Римъ, гдѣ въ школѣ Реммія Палемона получилъ грамматическое образованіе, а въ школѣ Вергинія Флава риторическое. Достигши шестнадцатилѣтняго возраста, онъ подружился съ философомъ стоической секты Аннеемъ Корнутомъ, который сдѣлался его руководителемъ и посвятилъ его въ начала стоической философіи. Такимъ образомъ, онъ прошелъ у хорошихъ учителей весь курсъ образованія, какой требовался для того, чтобы считаться по тому времени человѣкомъ вполнѣ образованнымъ. Въ ранней юности—я продолжаю пользоваться краткими свѣдѣніями, сообщенными древнимъ біографомъ,—друзьями поэта были (лирическій) поэтъ Цезій Бассъ, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ свое время, и Кальпурній Статура, который умеръ юношей, еще при жизни Персія. Извѣстнаго историка и оратора (см. Tac. Ann. XIV, 19), Сервилія Новіана, который умеръ тремя годами раньше Персія, поэтъ почиталъ, по словамъ біографа, какъ отца. Черезъ Кор-

---

[1]) Она обыкновенно печатается въ изданіяхъ поэта. См. ее въ изданіяхъ *Отто Яна* и у *Рейффершейда* въ его изданіи отрывковъ Светонія.

нута онъ познакомился съ Луканомъ, который, какъ было раньше упомянуто, былъ также слушателемъ этого стоическаго философа. Луканъ, замѣчаетъ біографъ, до такой степени восхищался сочиненіями Персія, что, сравнивая ихъ со своими, называлъ ихъ истинными поэтическими произведеніями, vera poemata, свои же стихотворенія считалъ бездѣлушками, ludos. Впослѣдствіи, быть можетъ, при посредствѣ Лукана, Персій познакомился и съ Сенекой, дядей послѣдняго, но „не для того",—замѣчаетъ біографъ, „чтобы плѣняться его талантомъ". Встрѣчался у Корнута съ его друзьями, греческими учеными и стоическими философами суроваго закала — съ лакедемоняномъ Клавдіемъ Агаѳемеромъ, врачемъ по профессіи, и съ Петроніемъ Аристократомъ изъ Магнезіи, питалъ къ нимъ, хотя они были ему ровесники, чувство большого уваженія и старался соревновать имъ въ слѣдованіи правиламъ стоической философіи. Наконецъ, біографъ указываетъ на его близкую связь съ знаменитымъ строгостью своей нравственной и политической жизни Ѳразеей Петомъ, который его очень любилъ, бралъ иногда съ собой въ путешествіе и которому онъ приходился съ родни по женѣ его Арріи, женщинѣ также, какъ была и мать ея, высокаго характера (Tac. Ann. XVI, 34).

Таково было общество, въ которомъ выросъ и воспитался Персій. Это было общество избранныхъ людей того времени, и не мудрено, что образовавшійся въ такомъ кругу поэтъ, вышелъ юношей съ самыми возвышенными мыслями и стремленіями, какимъ онъ является въ своихъ произведеніяхъ. Этимъ высокимъ мыслямъ и стремленіямъ соотвѣтствовала его и жизнь. Біографъ сообщаетъ: „Онъ былъ человѣкъ кротчайшихъ нравовъ, дѣвичьей стыдливости, былъ красивъ собою и питалъ къ матери, сестрѣ и теткѣ любовь, которая могла служить примѣромъ; былъ воздерженъ и цѣломудренъ". Умеръ Персій отъ желудочнаго разстройства въ 62 г. по Р. Х., не достигнувъ даже полныхъ двадцати восьми лѣтъ отъ роду (біографъ ошибочно говоритъ: на тридцатомъ году). Онъ оставилъ около двухъ милліоновъ сестерціевъ (около ста тысячъ рублей на звонкую монету) матери и сестрѣ, прося мать въ завѣщаніи дать сто тысячъ сестерціевъ (а по другимъ — прибавляетъ біографъ, еще двадцать фунтовъ серебра въ подѣлкѣ) въ подарокъ Корнуту, которому завѣщалъ и свою значительную библіотеку. Отъ денегъ Корнутъ отказался въ пользу сестеръ покойнаго, а библіотеку своего друга, гдѣ было семьсотъ книгъ столба стоической школы, Хризиппа, принялъ. У него осталась книга сатиръ въ не оконченномъ видѣ. Поэтому издатели изъяли изъ послѣдней

сатиры нѣсколько стиховъ, чтобы придать ей оконченный видъ. Корнутъ слегка пересмотрѣлъ эти сатиры и отдалъ ихъ Цезію Бассу, который самъ просилъ объ этомъ, для изданія ихъ. Другія же стихотворенія поэта, представлявшія собою его раннія литературныя упражненія (scripsit in pueritia) Корнутъ передалъ матери покойнаго для уничтоженія, ut aboleret. То были: какая-то трагедія на римскій сюжетъ (претекста), какое-то описаніе путешествій, да нѣсколько стиховъ на смерть тещи Ѳразеи Пета, Арріи, которая прославилась (Plin. Ep. III, 10; Mart. I, 14) тѣмъ, что показала своему мужу, Цецинѣ Пету, примѣръ, какъ надобно умирать и, подавая вынутый изъ своей груди кинжалъ, произнесла знаменитыя слова: „Paete, non dolet (Петъ, не больно)"! Вотъ тѣ фактическія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ намъ о Персіѣ, древняя біографія поэта, извлеченная изъ комментарія къ его сатирамъ, написаннаго грамматикомъ Валеріемъ Пробомъ.

Небольшое литературное наслѣдство, оставленное намъ Персіемъ, всего шесть сатиръ, представляетъ любопытнѣйшее явленіе въ литературной исторіи. Мы только-что познакомились съ біографіей поэта, изъ которой увидѣли, какой нѣжной духовной организаціи, какой нравственной чистоты и невинности былъ этотъ молодой поэтъ, выступившій съ сатирическимъ бичомъ противъ современниковъ. Мы видѣли, какими людьми, и строгими въ принципахъ, и серьёзными въ жизни, онъ былъ окруженъ съ самаго дѣтства, людьми, въ средѣ которыхъ онъ могъ видѣть развѣ только неизбѣжныя для всякаго смертнаго существа человѣческія слабости, но никакъ не встрѣчалъ ни грубыхъ нравовъ, возбуждающихъ негодованіе сатирика, ни преступныхъ дѣйствій, требующихъ кары закона; онъ видѣлъ передъ собою, напротивъ, людей, въ которыхъ проявлялись лучшія стороны человѣческой природы. И между тѣмъ онъ выступаетъ въ литературѣ не съ одой, не съ эпическою поэмой, не съ трагедіей, а съ сатирой, и съ сатирой полною воодушевленія, выступаетъ съ страстною проповѣдью противъ порока, говоря объ его чудовищномъ безобразіи и съ энтузіазмомъ противоставляя ему красоту образа добродѣтели. Схоліастъ объясняетъ намъ, что стремленіе писать сатиры породило у Персія прочтеніе имъ десятой книги сатиръ Луцилія. Конечно, и чтеніе сатиръ Луцилія и Горація не осталось безъ вліянія на идею взяться за этотъ родъ литературы, и на это даже прямо указывается Персіемъ въ первой его сатирѣ; но главный мотивъ къ этому былъ другой. Сатиры Персія, какъ мы сейчасъ увидимъ, были въ сущности не что иное, какъ проповѣдь началъ стоической философіи. Увлеченіе стоическою муд-

ростью, которая, внушая своимъ адептамъ убѣжденіе, что разумная жизнь и сохраненіе человѣческаго достоинства возможны только на лонѣ философіи, представляла жизнь не посвященныхъ въ нее людей исполненною всякаго безобразія и скверны и глубоко жалкою,—увлеченіе, говорю я, этою философіей, которая въ тотъ страшный вѣкъ деспотизма и разврата, была почти единственнымъ убѣжищемъ возвышенныхъ умовъ и сильныхъ характеровъ, и породило въ молодомъ, незнакомомъ еще съ дѣйствительною жизнью, поэтѣ, страстное желаніе выступить съ сатирой, какъ средствомъ провозглашенія высокихъ нравственныхъ истинъ забывшему всякіе идеалы обществу. Персій сдѣлался сатирикомъ не потому, что былъ подвигнутъ на борьбу со зломъ горькимъ опытомъ жизни, близкимъ знакомствомъ со всею мерзостью страстей и пороковъ павшаго общества, какъ это было впослѣдствіи съ Ювеналомъ, выступившимъ съ своимъ сатирическимъ негодованіемъ уже по достиженіи сорокалѣтняго возраста, не потому, чтобы онъ, подобно Луцилію, стоялъ въ очагѣ страстной борьбы политическихъ партій или, подобно Горацію, рѣзко столкнулся съ печальною дѣйствительностью на зарѣ своей жизни и вступилъ съ нею борьбу ради личнаго самосохраненія, а потому, что развращенность міра была догматомъ его философіи, и борьба съ этою развращенностью, какъ она характеризовалась философіей, была дѣломъ служенія философской истинѣ. Перешедшій въ самомъ концѣ республики на римскую почву греческій стоицизмъ, принялъ здѣсь въ первый вѣкъ имперіи рѣзко практическій характеръ, сдѣлавшись орудіемъ борьбы, не только нравственной, но и политической. Ѳразея, въ обществѣ котораго Персій прожилъ десять лѣтъ и съ которымъ даже предпринималъ путешествія, лучше, чѣмъ всякій другой, доказывалъ юношѣ своею жизнью, что исповѣданіе догматовъ философіи Зенона и Хризиппа для него не было дѣломъ празднословія, даже по отношенію къ политической жизни; да и между самими греками стоицизмъ этого времени имѣлъ не мало представителей дѣятельной борьбы съ общественными нравами, каковы были и тѣ два молодыхъ грека, съ которыми Персій познакомился у Корнута, и которыхъ біографъ Персія называетъ не только людьми большой учености и большой нравственной чистоты (doctissimi et sanctissimi), но и горячими исповѣдниками доктрины стоиковъ (acriter philosophantes). Персій, воспитанный въ школѣ Корнута и Ѳразеи, не хотѣлъ отставать отъ другихъ въ исповѣдничествѣ усвоеннаго имъ ученія и избралъ для того форму сатиры, наиболѣе національнаго вида римской литературы. Нельзя, однако, сказать, что онъ,

избирая эту форму, совсѣмъ былъ лишенъ сатирическаго таланта. Онъ несомнѣнно обладалъ извѣстною долею того, что теперь называютъ юморомъ, который ясно сказывается въ первой сатирѣ и даже въ прологѣ, которымъ открывается состоящая изъ шести сатиръ книжка Персія.

Предшествующій сатирамъ Персія прологъ состоитъ всего изъ 14 стиховъ холіямбическаго размѣра (versus Hipponacteus). Сколько можно понять изъ темнаго языка этихъ стиховъ, Персій хочетъ оправдать въ нихъ свою смѣлость въ стихотворствѣ, хотя онъ и не посвященъ въ таинства музъ, не пивши изъ ихъ источника, и не засыпалъ на Парнассѣ. По мнѣнію Пассова, прологъ этотъ написанъ лишь къ одной первой сатирѣ; по мнѣнію Гейнриха, онъ написанъ не самимъ Персіемъ, а издателемъ его сатиръ Цезіемъ Бассомъ. Первостепенный филологъ семнадцатаго столѣтія Казобонъ, капитальному труду котораго Персій больше всего обязанъ своимъ распространеніемъ въ новой Европѣ, перевелъ этотъ прологъ на греческій языкъ, хорошими стихами и тѣмъ же размѣромъ. Есть и еще два перевода на греческій языкъ пролога, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ знаменитому Іосифу Скалигеру.

Въ первой сатирѣ, которая одна только и походитъ на сатиру въ обычномъ смыслѣ, поэтъ, указывая на страсть къ стихотворству, обуявшую бездарныхъ поэтовъ въ Нероново время, заявляетъ, что онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, Луцилія и Горація, хочетъ говорить обществу правду и проситъ вниманія къ себѣ у тѣхъ, кто имѣетъ вкусъ къ этому роду произведеній и любитъ сатиру такую же смѣлую, какъ была смѣла древняя аттическая комедія. Но онъ не желаетъ имѣть читателями людей, которые любятъ смѣяться надъ пустяками въ родѣ греческой обуви, которые могутъ назвать кривого кривымъ и любятъ острить надъ ариѳметикой и геометріей. Написана сатира въ формѣ діалога между авторомъ и его противникомъ, то-есть, возражателемъ, — форма, далеко не новая въ исторіи римской сатиры.

Уже во второй сатирѣ поэтъ не оправдываетъ своего обѣщанія писать въ смѣломъ сатирическомъ родѣ, какой можетъ понравиться людямъ, знакомымъ съ Эвполидомъ, Кратиномъ и Аристофаномъ. Въ ней поэтъ разсуждаетъ о молитвѣ, слегка подсмѣиваясь надъ людьми за то, что они обыкновенно возсылаютъ къ богамъ молитвы недостойныя божествъ и даже безнравственныя. Такъ, одинъ, имѣя на устахъ хорошія слова молитва, внутренно проситъ о томъ, чтобъ ему найдти кладъ, другой, чтобъ поскорѣе умеръ его богатый дядя,

третій, какъ бы скорѣе отдѣлаться отъ находящагося у него подъ опекой питомца и воспользоваться его состояніемъ, четвертый завидуетъ сосѣду, который схоронилъ уже третью жену, и т. п. Высказывая въ глубинѣ души своей такія пожеланія, люди думаютъ, что для этого боговъ можно подкупить внутренностями животныхъ. Равнымъ образомъ поэтъ приписываетъ глупости людской то, что римляне мѣдные и глиняные сосуды временъ Нумы замѣнили въ храмахъ золотыми. Видя, какъ люди вносятъ свои нравы въ храмы боговъ и считаютъ для боговъ пріятнымъ то, что̀ отвѣчаетъ ихъ собственнымъ похотямъ, онъ восклицаетъ (стр. 61): „О души, наклоненныя къ землѣ и не заключающія въ себѣ ничего небеснаго!"

O curvae in terris animae et caelestium inanes!

Было бы гораздо лучше, заключаетъ онъ, еслибы мы приносили богамъ въ даръ справедливость и соблюденіе долга, чистоту сокровенныхъ помысловъ и сердце, исполненное благородства и чести.— Написана эта сатира къ Макрину, одному изъ близкихъ друзей,— о которомъ, впрочемъ, не упоминается въ біографіи поэта,—въ день его рожденія.

Въ третьей сатирѣ, направленной противъ превратнаго воспитанія, содержится горячая проповѣдь стоическаго ученія. Поэтъ поднимаетъ вопросъ о томъ, что̀ такое люди и для чего они рождаются; онъ приглашаетъ познать мѣру денегъ и всего суетнаго. Добродѣтель имѣетъ такую красоту, что онъ не знаетъ для тиранновъ большаго наказанія, какъ то, чтобы Юпитеръ заставилъ ихъ смотрѣть на нее и чахнуть отъ того, что они ее покинули (стр. 38):

Virtutem videant intabescantque relicta.

Четвертую сатиру Персій посвятилъ проповѣди самопознанія, порицая обычный людямъ порокъ думать о себѣ много, не видѣть своихъ недостатковъ, за то очень усердно замѣчать ихъ въ другихъ людяхъ и заботиться больше объ исправленіи другихъ, чѣмъ себя. Поэтъ начинаетъ рѣчь словами Сократа къ Алкивіаду по Платонову діалогу, носящему названіе Алкивіадъ (Alcibiades prior), и излагаетъ сущность разговора между тѣмъ и другимъ, какъ Сократъ обуздываетъ самолюбіе или самомнѣніе Алкивіада.

Пятую сатиру поэтъ обращаетъ къ своему учителю Корнуту, развивая извѣстное стоическое положеніе, что только одинъ мудрецъ, то-есть, философъ, свободенъ. Всего замѣчательнѣе въ этой сатирѣ тѣ мѣста, гдѣ поэтъ въ трогательныхъ выраженіяхъ высказываетъ чувства любви и благодарности къ своему наставнику, которому онъ

считаетъ себя обязаннымъ тѣмъ, что не пошелъ по дурному пути, когда предъ нимъ, неопытнымъ юношей, открылись двѣ дороги, а предался изученію спасительной мудрости. Сатира эта причисляется къ лучшимъ произведеніямъ Персія не только потому, что въ ней въ такомъ превосходномъ свѣтѣ высказывается душа поэта, нѣжная и любящая, но и по болѣе искусному и ясному изложенію предмета.

Шестая сатира обращена къ другому другу поэта, Цезію Бассу, и трактуетъ о важномъ вопросѣ практической жизни, о пользованіи своимъ богатствомъ, о вопросѣ, который не разъ поднимался въ стоической философіи и разрѣшеніе котораго было для нея, по видимому, не такъ просто, какъ это кажется съ перваго раза. Къ нему, какъ мы видѣли, часто возвращался Сенека въ своихъ сочиненіяхъ. Авторъ сатиры высказывается противъ всякой расточительности, но и не считаетъ нужнымъ отказываться отъ пользованія своимъ состояніемъ и понапрасну терпѣть лишенія.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе сатиръ Персія. Въ нихъ много благородныхъ и возвышенныхъ мыслей, въ нихъ ясно сказывается чистая, прекрасная натура автора, въ нихъ нѣтъ недостатка и въ литературномъ дарованіи, но, читая ихъ, всякій безъ труда увидитъ, что онѣ не классическія произведенія. Для этого имъ недостаетъ ни надлежащаго сатирическаго содержанія, ни сообразной съ этимъ содержаніемъ обработки, ни мастерства литературной формы, какъ это мы находимъ у Горація. Для сатиры требуется живая жизнь извѣстнаго общества съ ея реальными уклоненіями отъ нормальной линіи человѣческаго существованія, а сатира Персія имѣетъ дѣло не столько съ тѣмъ паденіемъ общественныхъ нравовъ, какое должно было бросаться въ глаза каждому наблюдателю нравовъ Нероновской эпохи, сколько съ уродливыми явленіями человѣческой жизни вообще, какъ они представлялись съ точки зрѣнія стоической философіи. Въ обработкѣ своихъ темъ Персій далеко не обнаруживаетъ той складности и естественности хода мыслей, какъ это мы опять-таки видимъ почти въ каждой сатирѣ Горація, а всего чаще излагаетъ дѣло въ отрывистыхъ сценахъ, внутренняя связь которыхъ не легко отыскивается. Если прибавить къ этому несомнѣнную темноту языка, какую-то умышленную искусственность выраженій, являющихся подъ-часъ какъ бы загадками, которыя требуютъ напряженія, чтобы ихъ отгадывать, то мы легко поймемъ, какъ далеки сатиры Персія отъ классической законченности сатиръ

Горація. Сравненіе мѣстъ, гдѣ Персій подражаетъ Горацію, съ соотвѣтствующими имъ мѣстами сатирика Августова вѣка всего яснѣе показываетъ, какъ велико паденіе литературной формы, совершившееся въ періодъ времени отъ Августа до Нерона. Сравненіе это, сдѣланное еще Казобономъ въ концѣ его изданія этого поэта, вы можете найдти также у Низара въ его „Études sur les poètes latins de la décadence" (I, p. 250 слд.).

Не смотря на эти слабыя стороны произведенія Персія, мы понимаемъ, что появленіе ихъ въ свѣтъ, по словамъ древняго біографа, было встрѣчено съ восхищеніемъ, и что книга читалась съ жадностью: editum librum continuo mirari et diripere homines coepere. Она произвела такое впечатлѣніе потому, что отвѣчала своимъ содержаніемъ нравственнымъ требованіямъ лучшихъ людей эпохи, искавшихъ всюду слова ободренія и нравственнаго подкрѣпленія. И современники не жаловались на темноту языка, которая въ настоящее время вертится на языкѣ у всякаго, кто только говоритъ о сатирахъ Персія. Мы знаемъ, что Луканъ приходилъ въ восторгъ отъ поэтическихъ произведеній Персія и называлъ ихъ vera poemata: вѣроятно, при этомъ молодой другъ нашего поэта имѣлъ въ виду, какъ другія его произведенія, такъ и нѣкоторыя его сатиры. Но мы знаемъ, какъ поэтъ слѣдующаго поколѣнія Марціалъ отзывался именно о сатирахъ Персія. Главный представитель римской эпиграммы, сравнивая Персія съ извѣстнымъ эпиграмматистомъ, написавшимъ также и эпическую поэму, Домитіемъ Марсомъ, прямо говоритъ (Epigr. IV, 29, 7—8), что одна книга Персія цѣнится больше, чѣмъ вся Амазонка Марса [1]). Такъ говоритъ поэтъ, но вотъ и отзывъ главнаго критика въ римской литературѣ, Квинтиліана (I, 1, 94): „Много и притомъ истинной славы заслужилъ Персій, хотя и одною книгой". Въ послѣдующее время мы видимъ ссылки на Персія и похвалы ему у разныхъ писателей: грамматиковъ, поэтовъ и отцовъ церкви, именно у Лактанція, Августина и особенно у Іеронима. Причиной такого вниманія къ рано умершему и такъ мало оставившему литературныхъ произведеній поэту, была, понятно, рѣдкая чистота его души, возвышенность его нравственныхъ помысловъ. Подъ покровительствомъ этого уваженія, оказаннаго Персію въ твореніяхъ свв. отцовъ, онъ вступилъ, какъ одинъ

---

[1]) Вотъ собственно, какъ Марціалъ выражается:

Saepius in libro numeratur Persius uno,
Quam levis in tota Marsus Amazonide.

изъ наиболѣе любимыхъ писателей въ средніе вѣка, и этой любви къ чтенію его средневѣковыми людьми мы обязаны тѣмъ, что сатиры его дошли до насъ въ безчисленномъ множествѣ списковъ. Не поколебалось уваженіе къ нему и въ эпоху Возрожденія, хотя во второй половинѣ XVI столѣтія и возстали противъ чрезмѣрности этого поклоненія отецъ и сынъ Скалигеры, Юлій Кесарь и Іосифъ, авторитетъ которыхъ, особенно послѣдняго, былъ чрезвычайно великъ. Іосифъ Скалигеръ называлъ Персія бѣднымъ поэтомъ, un pauvre poète, даже miserrimus auctor, но все-таки говоритъ: c'est un pauvre poète lequel pourtant nous entendons tous. Въ лицѣ Казобона, посвятившаго Персію одинъ изъ лучшихъ трудовъ своей поэзіи, un pauvre poète Скалигера встрѣтилъ сильнаго защитника и хотя по поводу замѣчательнаго изданія, сдѣланнаго Казобономъ, Іосифъ Скалигеръ и высказалъ часто приводимую учеными фразу: au Perse de Casaubon la saulce vaut mieux que le poisson, но симпатіи ученаго міра остались на сторонѣ Персія. Крупные филологи прежняго и новаго времени, какъ Питу и Тюрнебъ во Франціи, Пассовъ и Веберъ въ Германіи, поддерживали къ нему вниманіе, какъ къ поэту, достойному изученія, вплоть до нашего времени, такъ что рѣзко высказанное Юліемъ Кесаремъ Скалигеромъ (Poet. VI, 6; III, 97) осужденіе темноты языка Персія вовсе не удерживаетъ любителей классической литературы отъ прилежнаго его изученія. Превосходное, дышащее жизнью, любовью и убѣжденіемъ, изслѣдованіе о Персіѣ, написанное сорбоннскимъ профессоромъ Мартà и включенное имъ въ книгу: „Les moralistes sous l'Empire Romain" (Paris, 1866, 2-е изд.), показываетъ, какія умныя и краснорѣчивыя страницы могутъ иногда посвящать Персію люди, умѣющіе изучать древнихъ писателей. У насъ Персіемъ занимались профессоръ Благовѣщенскій, издавшій его переводъ съ текстомъ, примѣчаніями и введеніемъ (Сатиры Персія, С.-Пб. 1873) и кіевскій ученый г. Бехъ, издавшій „Этюды по Персію" (Кіевъ, 1877) и „Наблюденія и замѣчанія по поводу языка Персія" (Кіевъ, 1879). Работы г. Беха, хотя тогда еще очень молодаго ученаго, исполнены съ любовью и тщательностью. Онъ не хочетъ соглашаться съ мнѣніями Скалигеровъ о темнотѣ языка поэта, хотя заключительное его заявленіе, что „темнота его рѣчи считаетъ своими виновниками не его, а новаго читателя", и что „люди, хорошо владѣвшіе оружіемъ, необходимымъ при чтеніи сатиръ, не упрекали Персія за его темноту", и страдаетъ нѣкоторою рѣзкостью, особенно, когда представишь себѣ, что въ числѣ лицъ, находившихъ Персія темнымъ, были Скалигеры.

Текстъ сатиръ Персія, какъ мы сказали уже мимоходомъ, дошелъ до насъ во множествѣ списковъ. Значительное количество ихъ обозрѣно въ Prolegomena къ большому изданію Отто Яна. Во главѣ этихъ списковъ стоитъ знаменитый кодексъ IX столѣтія, хранящійся въ Монпелье, Montepessulanus, обозначаемый теперь буквою *C* и содержащій въ себѣ также Іонія. Текстъ его принадлежитъ редакціи нѣкоего Флавія Сабина, сдѣланной въ Барселонѣ въ 402 г. по Р. Х. Изъ этого же источника произошли кодексы ватиканскій (*B*) и другой Montepessulanus (*A*), X столѣтія. За ними слѣдуютъ также пергаментные списки: вѣнскій, X столѣтія, четыре или пять бернскихъ, X—XI столѣтій, мюнхенскіе, парижскіе, одинъ берлинскій, цюрихскій, вольфенбюттельскій, копенгагенскіе, кентёрберійскій, сангаленскіе, пражскій и множество бумажныхъ. Вмѣстѣ съ текстомъ дошли и древнія схоліи, подъ именемъ Commentum Cornuti. Этотъ Корнутъ, не имѣющій ничего общаго съ философомъ и намъ неизвѣстный грамматикъ времени Каролинговъ (по Отто Яну), не самъ составилъ примѣчанія къ поэту, а воспользовался лишь трудами предшественниковъ, зачастую очень неумѣло, и даже не свободенъ отъ явныхъ нелѣпостей. Изданы эти схоліи въ критическомъ видѣ Отто Яномъ въ концѣ его большого изданія (1843 г.).

Первое печатное изданіе Персія вышло въ Римѣ, безъ обозначенія года (ок. 1470 г.). Изъ болѣе важныхъ старинныхъ изданій слѣдуетъ указать на изданіе Питу, съ древними комментаріями (Парижъ, 1585, послѣднее изданіе 1613) и въ особенности Казобона какъ на важнѣйшее критическое и ученое изданіе (Парижъ, 1605, затѣмъ, 1615; Лондонъ, 1647 и Лейпцигъ, 1833, съ добавленіями Дюбнера). Въ числѣ новыхъ изданій первое мѣсто занимаетъ изданіе Отто Яна, какъ главное критическое изданіе нашего времени (Лейпцигъ, 1843), снабженное при этомъ обширнымъ введеніемъ (Prolegomena), примѣчаніями и древними схоліями. Интересно оно также по своему краткому предисловію, обращенному къ Карлу Лахману, и исполненному чувства самой глубокой любви и признательности къ учителю. Послѣ того Отто Яномъ было выпущено въ 1868 г. въ Берлинѣ изданіе одного текста Персія и варіантовъ къ нему вмѣстѣ съ текстомъ Ювенала, которое въ 1886 г. вышло вновь, подъ редакціей Бюхелера, съ присовокупленіемъ къ тексту того и другаго сатирика древнихъ схолій. Между другими изданіями нашего столѣтія пользуются извѣстностью изданія: Пассова, съ переводомъ и примѣчаніями къ 1-й сатирѣ (Лейпцигъ, 1809), Ашентра (Парижъ,

1812), Вебера (Лейпцигъ, 1826), Гейнриха (Лейпцигъ, 1844), К. Фр. Германа (критическое), изданіе одного текста вмѣстѣ съ Ювеналомъ (Лейпцигъ, 1854). Менѣе извѣстны у насъ, но имѣютъ свои достоинства, англійскія изданія: Арт. Дж. Маклеана (вмѣстѣ съ Ювеналомъ), съ примѣчаніями (Лондонъ, 1867, 2-е изд.), А. Претора (Лондонъ, 1869), Дж. Куннингтона, съ переводомъ и примѣчаніями (2-е изд., изданное Ниттльшипомъ, Оксфордъ, 1874).

Между послѣдними трудами разнаго характера и значенія, относящимися къ Персію въ европейской литературѣ, отмѣчу: Zingerle, Zu den Persius-Scholien въ Sitzungsberichte der Akademie zu Wien (1881); Papa, Lo stoicismo in Persio (Туринъ, 1882); Werther, De Persio Horatii imitatore (Галле, 1883); E. Rousse, Les satires de Perse. Études et traduction française (Парижъ, 1884); Schlüter, De satirae Persianae natura (Андернахъ, 1886).

Между другими поэтами Неронова времени, число которыхъ было не мало, мы не находимъ ни одного имени съ значеніемъ Лукана или Персія. Наиболѣе виднымъ лирикомъ этого времени считался извѣстный уже намъ другъ и издатель Персія Цезій Бассъ, погибшій потомъ во время изверженія Везувія въ 79 г. по Р. Х. Квинтиліанъ, признающій изъ римскихъ лириковъ одного Горація заслуживающимъ чтенія, замѣчаетъ (X, 1, 96): „Если ты хочешь когонибудь прибавить, то такимъ будетъ Цезій Бассъ, котораго мы недавно видѣли (живымъ)". Отзывъ этотъ, конечно, былъ бы очень лестенъ для друга Персія, еслибы знаменитый римскій критикъ тотчасъ же не прибавилъ: „но его далеко превосходятъ таланты еще живущихъ (поэтовъ)". Квинтиліанъ разумѣетъ подъ этими послѣдними Стація и Марціала. Персій въ началѣ шестой сатиры (ст. 2), которую онъ обращаетъ къ Бассу, называетъ своего друга „чуднымъ художникомъ" (mirus opifex). Нельзя не принять къ свѣдѣнію и этой дружеской похвалы, но, въ виду отзыва Квинтиліана, она имѣетъ уже немного значенія. Мы рѣшительно не знаемъ, что́ писалъ Цезій Бассъ, ибо изъ всей его поэтической дѣятельности, результатомъ которой были по меньшей мѣрѣ двѣ книги лирическихъ произведеній, до насъ дошелъ только одинъ стихъ, сохраненный Присціаномъ изъ второй книги [1]). Но у грамматиковъ Діомеда, Теренціана Мавра,

[1]) Вотъ этотъ стихъ (Prisc. I, 527 ed. H.):
Calliope princeps sapienti psallerat ore.

Марія Викторина цитуется Цезій Бассъ, какъ авторъ сочиненія о стихотворныхъ размѣрахъ, De metris. Въ тожествѣ друга Персія и метрика есть основаніе сомнѣваться. Все, что̀ приписывается Бассу лирику и метрику, собрано у Бэренса въ Fragmenta poetarum Latinorum (p. 363—365).

Не много также имѣетъ въ исторіи римской литературы значенія дошедшая до насъ дидактическая поэма Этна (Aetna), принадлежащая, по всей вѣроятности, извѣстному другу Сенеки, Луцилію Юніору. Поэма эта, состоящая изъ 645 стиховъ гекзаметрическаго размѣра, есть не что иное, какъ описаніе изверженія Сицилійской огнедышащей горы Этны, которое сдѣлано было, по видимому, по внушенію Сенеки, какъ это можно видѣть изъ 79-го письма послѣдняго къ Луцилію. Въ письмѣ этомъ Сенека прежде всего заявляетъ, что онъ ожидаетъ отъ Луцилія (который былъ прокураторомъ въ Сициліи) писемъ съ сообщеніемъ всего того, что̀ Луцилій при своемъ объѣздѣ Сициліи найдетъ новаго, даже того, что̀ узнаетъ болѣе вѣрнаго о Харибдѣ, прибавляя, что относительно Скиллы (по обыкновенному русскому правописанію: Сциллы) онъ очень хорошо знаетъ, что это скала. Далѣе Сенека проситъ его подняться въ честь его (in honorem meum) на Этну и сообщить ему интересныя для него, Сенеки, свѣдѣнія, при чемъ прямо говоритъ объ описаніи Луциліемъ Этны въ стихотвореніи, какъ предмета, любимаго поэтами (donec Aetnam describas in tuo carmine et hunc solemnem omnibus poetis locum attingas). И дѣйствительно, Этна воспѣвалась, какъ замѣчаетъ Сенека, Виргиліемъ, Овидіемъ и Корнеліемъ Северомъ, другомъ Овидія, собственно эпическимъ поэтомъ.

Авторъ сохранившейся до насъ, хотя и не въ полномъ видѣ, поэмы начинаетъ свое произведеніе опредѣленіемъ ея содержанія, говоря, что предметомъ его стихотворенія будетъ гора Этна, ея изверженія, причины ихъ производящія, сила при этомъ дѣйствующая:

> Aetna mihi, ruptisque cavis fornacibus ignes,
> Et quae tam fortes volvant incendia causae,
> Quod fremat imperium, quid raucos torqueat aestus,
> Carmen erit.

Затѣмъ слѣдуетъ обычное поэтамъ воззваніе къ Аполлону и къ музамъ. Вслѣдъ за вступленіемъ поэтъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что не слѣдуетъ думать, что эта огнедышащая гора есть сѣдалище Вулкана, извергающаго пламя. Богамъ, по эпикурейскому воззрѣнію автора, нѣтъ дѣла до такихъ пустяковъ, для нихъ не

пристойно спускаться до такихъ низкихъ занятій, они царствуютъ въ высотахъ неба (ст. 32 слѣд.):

non est tam sordida divis
Cura neque extremas jus est demittere in artes
Sidera: subducto regnant sublimia caelo.

Онъ не согласенъ съ прежними поэтами въ томъ, что огнедышащія горы служили мастерскими для циклоповъ и вообще онъ не почитатель разныхъ сказокъ о подвигахъ боговъ и не вѣритъ тому, что Юпитеръ взвалилъ Этну на гиганта Энкелада, который будто бы и бушуетъ тамъ и извергаетъ огонь:

Haec est mendosae vulgata licentia famae (ст. 72).

Онъ, вопреки другимъ поэтамъ, не станетъ разказывать небылицы, рисуемыя воображеніемъ, а будетъ разказывать одну истину (ст. 89—90):

Debita carminibus libertas ista, sed omnis
In vero mihi cura.

Слѣдуетъ изложеніе ученія о вулканическихъ изверженіяхъ въ томъ смыслѣ, какъ оно изложено Сенекой въ его Quaestiones Naturales.

Авторъ поэмы, какъ вы видите отчасти и изъ приведенныхъ мною мѣстъ, эпикуреецъ и хочетъ повторить своимъ сочиненіемъ Лукреція. Въ письмахъ Сенеки къ Луцилію очень часто опровергается эпикурейское міросозерцаніе его друга.

Вообще говоря, дидактическая поэма Луцилія не безъ достоинствъ. Есть по мѣстамъ живость въ изложеніи, какъ, напримѣръ, въ описаніи изверженія Этны (ст. 608 слд.). Языкъ чистъ, стихъ правиленъ. Въ языкѣ авторъ видимо стремится подражать Виргилію, въ стихѣ, какъ говорятъ знатоки, есть родство съ Овидіемъ.

Сочиненіе Луцилія прежде печаталось въ изданіяхъ Виргилія, которому оно приписывалось еще въ древности (Сервій). Въ новое время приписывали его сначала разнымъ авторамъ: Клавдіану (Ю. К. Скалигеръ), Манилію (Бартъ), а чаще всего Корнелію Северу (Іосифъ Скалигеръ и его послѣдователи). Наконецъ мнѣніе Вернсдорфа (см. предисловіе къ IV тому изданія Poetae latini minores) о принадлежности поэмы Луцилію Юніору нашло себѣ общее признаніе, тѣмъ болѣе, что всѣ обстоятельства, какъ-то: свидѣтельство Сенеки о дидактической поэмѣ Луцилія, имѣющей содержаніемъ Сицилію и Этну, эпикурейское направленіе автора, знакомое намъ по письмамъ

Сенеки, нѣкоторыя выраженія и обороты, напоминающіе Quaestiones Naturales, языкъ и стиль перваго вѣка имперіи, рѣшительно говорятъ въ пользу Луцилія.

На основаніи мнѣнія о принадлежности этой поэмы Виргилію, она дошла до насъ въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненій Виргилія вмѣстѣ съ его Catalecta. Важнѣйшій изъ списковъ, въ который она вошла, есть кембриджскій, X столѣтія, и затѣмъ неполный брюссельскій, XI столѣтія. Вплоть до XVIII столѣтія Этна печаталась исключительно въ изданіяхъ Виргилія. Отдѣльно же она была издана въ первый разъ въ Амстердамѣ въ 1703 году съ примѣчаніями Т. Горалла (псевдонимъ Жана Леклерка), съ присовокупленіемъ также примѣчаній Іосифа Скалигера, Линденбруха и со статьей Бембо, и послѣ того издавалась нѣсколько разъ и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи, равно какъ и въ изданіяхъ Poetae lat. minores (Вернсдорфа, Вэренса). Лучшее критическое изданіе принадлежитъ англійскому филологу Мёнро (Кембриджъ, 1867). Раньше его было сдѣлано критическое изданіе съ примѣчаніями старинныхъ ученыхъ Якобомъ (Лейпцигъ, 1862). Критикой текста занимались также Гауптъ и въ особенности Мэли (Mähly) въ своихъ Beiträge Zur Kritik des Lehrgedichts Aetna (Basel, 1862), равно какъ и Бэренсъ. Изъ новѣйшихъ работъ можно указать на Вагнера: De Aetna poemate (Berlin. 1884).

Изъ поэзіи этой же эпохи до насъ дошелъ въ эпической формѣ панегирикъ Пизону, извѣстному организатору заговора противъ Нерона, вслѣдствіе котораго погибли Сенека, Луканъ и множество другихъ лицъ, о чемъ съ такою подробностью говорится въ XV-й книгѣ (гл. 48—73) Лѣтописи Тацита. Сочиненіе это состоитъ изъ 261 стиха и надписывается то Panegyricus ad Calpurnium Pisonem, то Carmen panegyricum ad Pisonem, то ad Calpurnium Pisonem poemation. Содержитъ въ себѣ восхваленіе благородства, краснорѣчія и щедрости Пизона. Кто авторъ этого панегирика, рѣшительно нельзя сказать, хотя произведеніе это печатается обыкновенно въ изданіяхъ Лукана. Самъ авторъ называетъ себя молодымъ человѣкомъ, не достигшимъ еще и двадцатаго года (ст. 249). Цѣль его, очевидно, попользоваться отъ щедрой руки Пизона, который былъ въ нѣкоторой степени Меценатомъ своего времени (exercebat, по словамъ Тацита, Ann. XV, 48, largitionem adversum amicos), хотя авторъ и старается скрыть эту цѣль, говоря, что его заставила написать эти стихи не жажда золота, не страсть своекорыстія, а любовь къ похвалѣ (ст. 207 слд.):

Nec enim me divitis auri
Imperiosa fames et habendi saeva libido
Impulerit, sed laudis amor.

За то въ другихъ стихахъ онъ прямо взываетъ къ Пизону, какъ къ новому Меценату, называя его покровомъ поэтовъ, или, какъ онъ собственно выражается (ст. 232), „піэрійскаго хора", и заявляя, что онъ въ состояніи доставить Пизону вѣчную славу, если только мольбы автора будутъ услышаны. Онъ высказываетъ это въ такихъ выраженіяхъ (ст. 234):

Quod si quis nostris precibus locus et mea vota
Si mentem subiere tuam, memorabilis olim
Tu mihi Maecenas tereti cantabere versu.
Possumus aeternae nomen committere famae.

Въ ученой литературѣ есть много предположеній относительно автора этого стихотворенія, но всѣ они построены на шаткихъ основаніяхъ. Одни считаютъ авторомъ его Лукана (Іос. Скалигеръ, Питу, Фоссъ), другіе Салея Басса (Вернсдорфъ), третьи Стація (Бартъ, Бекъ), а нѣкоторые (Веберъ) совсѣмъ отвергаютъ его принадлежность древности. Это послѣднее предположеніе сдѣлалось возможнымъ потому, что обѣ рукописи, на основаніи которыхъ панегирикъ былъ изданъ, потерялись, и лишь одинъ отрывокъ его былъ не такъ давно найденъ въ одной рукописи XIII столѣтія. Но ни языкъ, ни стихъ не позволяютъ думать, чтобъ этотъ панегирикъ былъ произведеніемъ эпохи Возрожденія, а существованіе отрывка его въ рукописи XIII столѣтія дѣлаетъ и всякій вопросъ объ этомъ излишнимъ.

Изданъ былъ панегирикъ въ первый разъ въ Базелѣ въ 1527 г. Зихардомъ между сочиненіями Овидія. По другой рукописи было сдѣлано въ Базелѣ же Юніемъ изданіе въ 1556 г., какъ сочиненія Лукана. Съ тѣхъ поръ вплоть до нашего столѣтія панегирикъ обыкновенно печатался въ изданіяхъ Лукана, съ именемъ котораго онъ является и въ бипонтинскомъ изданіи 1807 г. Въ 1831 г. его напечаталъ въ Бреславлѣ Гельдъ отдѣльно, какъ произведеніе неизвѣстнаго автора, incerti auctoris. Съ такимъ же заглавіемъ вышелъ онъ и въ 1859 г. въ Марбургѣ въ изданіи Вебера. Изданіе Бека (Beck) съ именемъ Стація не нашло почитателей. Во всякомъ случаѣ нельзя признать Лукана авторомъ столь унизительнаго по своему тону произведенія.

Никакъ не бо́льшую цѣну имѣютъ одиннадцать эклогъ, при

писываемыхъ нѣкоему Т. Кальпурнію Сицилійцу (T. Calpurnius Siculus), о личности котораго мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Эклоги эти написаны въ подражаніе Өеокриту и Виргилію. Въ началѣ второй половины нашего столѣтія Гауптъ старался подтвердить мнѣніе Уголета, что Кальпурнію, поэту Неронова времени, принадлежитъ только 7 эклогъ, а остальныя 4, стоящія въ стихотворномъ отношеніи гораздо ниже первыхъ, принадлежатъ поэту позднѣйшаго времени Немезіану, имя котораго стоитъ въ рукописяхъ наравнѣ съ именемъ Кальпурнія. Трудъ Гаупта, заключенію котораго слѣдуютъ и другіе, носитъ заглавіе: De carminibus bucolicis Calpurnii et Nemesiani (Berol. 1854). Первыя семь эклогъ, дѣйствительно, обличаютъ Нероново время: авторъ ихъ ищетъ милостей у молодого императора, признаки котораго могутъ идти только къ Нерону. За подробностями прошу васъ обратиться къ сочиненію Гаупта.

Рукописи, въ которыхъ дошли эклоги, принадлежатъ позднему времени. Лучшая изъ нихъ, неаполитанская, принадлежитъ XV в. Впрочемъ одна парижская относится къ XIII в. Въ первый разъ напечатаны были эклоги въ Римѣ въ 1471 г. вмѣстѣ съ сочиненіемъ Силія Италика; затѣмъ Уголетомъ въ Пармѣ между 1490 и 1493 гг. Въ нашемъ столѣтіи издавались онѣ (независимо отъ сборниковъ poetarum minorum) Векомъ (Лейпц., 1803) и Глэзеромъ (Гёттингенъ, 1842). Только-что вышло новое изданіе эклогъ въ Англіи, сдѣланное Кине (Лондонъ, 1887).

Наконецъ, къ Неронову же времени, вѣроятно, принадлежитъ и стихотворная передача въ сокращенномъ видѣ содержанія Иліады, подъ именемъ Homerus latinus въ 1075 стихахъ. По мѣстамъ тутъ есть отступленія отъ Иліады въ сравненіяхъ и описаніяхъ. Стихъ правиленъ, хотя и тяжелъ. Авторъ много заимствуетъ изъ Виргилія и Овидія (изъ Метаморфозъ). Въ средніе вѣка сочиненіе это было въ большомъ ходу, что̀ доказывается и множествомъ рукописей, хотя большею частью сильно попорченныхъ. Лучшіе списки: два лейденскихъ, эрфуртскій, флорентійскій. Первое изданіе вышло въ Пармѣ въ 1492. Въ нашемъ столѣтіи главное изданіе—голландскаго ученаго Вейтинга (Weityngh) 1809 г. (Лейденъ и Амстердамъ).

Теперь намъ приходится говорить о сочиненіи, которое является въ своемъ родѣ единственнымъ въ римской литературѣ. Оно также дошло до насъ,—правда, лишь въ отрывкахъ,—отъ времени Нерона, но представляетъ рѣзкій контрастъ съ господствовавшимъ тогда на-

правленіемъ Сенеки, не имѣетъ съ этимъ направленіемъ никакой духовной связи, да и по литературной манерѣ стоитъ независимо отъ моднаго направленія Нероновскаго времени и даже осмѣиваетъ его. По содержанію своему это сочиненіе есть сатирическій романъ, написанный въ формѣ Мениипповой сатиры, родоначальникомъ которой въ Римѣ былъ М. Теренцій Варонъ Реатинскій [1]), и образчикъ которой мы видѣли въ сатирѣ Сенеки на смерть Клавдія [2]). Это—Сатириконъ (то-есть, Satiricon libri) или Сатиры Петронія Арбитра, гдѣ прозой въ перемѣшку со стихами, живо и талантливо разказываются забавныя и зачастую въ самомъ обнаженномъ видѣ необыкновенно грязныя исторіи, характеризующія мерзость нравовъ тогдашняго времени, но разказываются не для того, чтобъ ихъ выставить на позоръ, какъ этого требуетъ сатира и Мениппова, и всякая другая, а просто для того, чтобы доставить читателю развлеченіе, какое, напримѣръ, имѣютъ въ виду доставить намъ современные романисты пикантнаго направленія.

Въ томъ видѣ, какъ это произведеніе дошло до насъ, оно составляетъ лишь малую часть цѣлаго сочиненія, которое, какъ все заставляетъ думать, имѣло значительный объемъ. То, чтò уцѣлѣло, представляетъ собою лишь отрывки изъ 15-й и 16-й книгъ сочиненія. Если взять во вниманіе, что отрывки эти въ новѣйшемъ ихъ изданіи, въ изданіи Бюхелера, напечатаны (правда, съ варіантами текста внизу) на 229 страницахъ въ 8-ку, то легко себѣ представить, какъ великъ былъ этотъ романъ въ цѣломъ видѣ, если даже онъ состоялъ только изъ 16-ти, или, чтò вѣроятнѣе, изъ 20-ти книгъ. Итакъ, это былъ большой романъ. Въ чемъ заключалось его главное содержаніе, чтобы не сказать, какая была его идея,—такъ какъ древніе романы не были похожи на наши и не были такъ цѣльны, какъ это требуется отъ нынѣшнихъ,—мы не знаемъ; но тò, чтò дошло до насъ, представляетъ собою рядъ разнообразныхъ сценъ, слабо между собою связанныхъ, часто безъ начала и безъ конца, сценъ разнаго объема очень пестраго содержанія. Связаны онѣ разказомъ о похожденіяхъ въ разныхъ городахъ компаніи шелопаевъ-вольноотпущенниковъ, состоящей изъ Энколпія, Аскилта и мальчика Гитона.

Дѣйствіе открывается выходкой Энколпія, представляющагося главнымъ лицомъ романа, противъ декламаторовъ, обучавшихъ мо-

---

[1]) Лекціи по исторіи римской литературы I, стр. 426 слд. (2-го изд.).

[2]) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1878 г., т. CC, стр. 162.

лодежь искусству краснорѣчія, говоря и заставляя говорить слушателей рѣчи на неправдоподобныя темы, какъ мы объ этомъ говорили въ свое время. Нападеніе дѣлается бойко, со ссылками на то, что ни одинъ истинный ораторъ не учился такимъ нелѣпымъ методомъ краснорѣчію, и что распространившаяся теперь декламація губитъ литературу, какъ прозу, такъ и поэзію. За этимъ слѣдуетъ рядъ сценъ, то забавныхъ, то грубыхъ, то циничныхъ, между товарищами, называющими одинъ другаго, въ часто происходящихъ между ними ссорахъ, убійцей, ночнымъ разбойникомъ, подлымъ гладіаторомъ или такими срамными названіями, какихъ у насъ громко произносить или печатать не позволяется, и рядъ ихъ грязныхъ и мошенническихъ похожденій въ качествѣ странствующихъ ученыхъ и литераторовъ, не брезгующихъ воровствомъ, а при случаѣ и грабежомъ, и занимающихся всякими плутнями. Все это разказывается съ живѣйшимъ юморомъ, съ непринужденностью тона и съ поразительною реальностью, при чемъ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ языкомъ, ему свойственнымъ и вѣрнымъ дѣйствительности, хотя и не всегда грамматикѣ. Прежде всего идетъ сцена въ изданіи Бюхелера съ Квартиллой, жрицей Пріапа, затѣмъ обѣдъ у богатаго вольноотпущенника Трималыхіона, составляющій главный эпизодъ романа въ сохранившихся отрывкахъ, пребываніе у помѣщика Ликурга и исторія съ Трифеной, возлюбленной Лики (Lycas), хозяина корабля, также землевладѣльца, въ этой приморской мѣстности, гдѣ происходитъ главное дѣйствіе романа, то-есть, въ окрестностяхъ Неаполя; далѣе воровство на кораблѣ Изиды, грабежъ въ домѣ Ликурга и сцена съ плащемъ, въ который были зашиты краденыя деньги, на неаполитанскомъ толкучемъ рынкѣ. Въ то время какъ герой романа разсматривалъ въ неаполитанской картинной галереѣ (пинакотекѣ) картины Зевксида, Протогена и Апеллеса, онъ тамъ встрѣчаетъ поэта Эвмолпа, который умѣетъ пародировать Лукана, но въ котораго мальчишки, заслышавъ его декламацію, бросаютъ каменьями. Поэтъ присоединяется къ компаніи, съ которою онъ, въ сохранившихся отрывкахъ, уже не разстается. Компанія, за исключеніемъ Аскилта, садится по предложенію Эвмолпа на корабль, и отправляется въ путешествіе. Встрѣтившись на палубѣ корабля съ старыми знакомыми, съ Ликой и Трифеной, Энколпій и Гитонъ напрасно стараются скрыться отъ нихъ. На кораблѣ происходитъ ссора и драка. Эвмолпу удается возстановить примиреніе интереснымъ разказомъ объ эфесской дамѣ, которая пять дней оплакивала своего погребеннаго мужа въ

склепѣ и, желая умереть, не хотѣла принимать пищи, но вдругъ почувствовала склонность къ сказавшему ей нѣсколько словъ утѣшенія солдату, который стоялъ на караулѣ у тѣлъ распятыхъ неподалеку отъ этого мѣста разбойниковъ. Солдатъ уговорилъ матрону принять пищу и до того расположилъ ее къ себѣ, что она тутъ же вступила съ нимъ въ любовную связь и согласилась отдать солдату тѣло своего мужа для замѣны на крестѣ украденнаго у него трупа разбойника, чтобы ему не подвергнуться за недосмотръ тяжкой отвѣтственности. Корабль, на которомъ ѣхали эти забавные путешественники, потерпѣлъ крушеніе, но они не погибли, а были выброшены на берегъ. Узнавши, что по близости находится городъ Кротонъ, гдѣ люди до крайности любятъ гоняться за наслѣдствами, они направляются туда. Дорогой Эвмолпъ декламируетъ имъ стихи, изображающіе междоусобную войну Кесаря съ Помпеемъ и пародирующіе поэму Лукана. Выдавъ себя за человѣка, обладающаго несмѣтнымъ богатствомъ въ Африкѣ, Эвмолпъ заставляетъ этимъ ухаживать за собою массу кротонцевъ, въ то время какъ спутникъ его Энколпій предается любовнымъ наслажденіямъ. Но такъ какъ корабль съ деньгами и рабами, котораго будто бы ожидалъ Эвмолпъ, не приходилъ, то вниманіе къ нему искателей наслѣдствъ стало уменьшаться, что заставляло компанію призадумываться. Эвмолпъ, чтобы не подвергнуться непріятностямъ, ожидающимъ обманщиковъ, ставитъ искателямъ у него наслѣдства условіе, что по его завѣщанію могутъ получить легаты только тѣ, которые послѣ его смерти разрѣжутъ его тѣло на части и съѣдятъ свои куски въ присутствіи народа. Кротонцамъ не понравилось это, но Эвмолпъ старается убѣдить слушателей историческими примѣрами, какъ люди въ крайности ѣли человѣческое мясо. Чѣмъ окончилась для него эта шутка съ кротонцами, мы не знаемъ, такъ какъ сохранившіяся части романа на этомъ прерываются.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе Сатирикона, то-есть, сохранившейся части этого замѣчательнаго произведенія въ римской литературѣ. Оно замѣчательно и по необыкновенной живости разказа, и по массѣ картинъ народной жизни, нарисованныхъ если не прямо съ натуры, то представляющихся вполнѣ вѣрными дѣйствительности, и по литературному таланту автора, обнаруживающаго не только тонкую наблюдательность, но и умѣнье воспроизводить наблюдаемое легко, свободно и просто, съ какою-то беззаботностью и съ постоянно веселымъ настроеніемъ. Міръ, въ которомъ движется описываемое дѣйствіе, развратный, безпутный и падшій, его не смущаетъ, не

вызываетъ у него ни протеста, ни ужаса, ни печали, ни декламаторскаго негодованія. Онъ относится къ нему единственно съ точки зрѣнія наблюдателя и беретъ совершающіяся передъ его глазами явленія лишь какъ интересный матеріалъ для изображенія, чтобы доставить читателю болѣе или менѣе пикантное развлеченіе.

Я указалъ уже на то, что главный эпизодъ романа есть пиръ у Тримальхіона. Ему посвящена, по существующему въ изданіяхъ дѣленію, 51 глава изъ 141, изъ которыхъ состоитъ весь текстъ сохранившихся отрывковъ. Трудно себѣ представить, какое разнообразіе чертъ современныхъ нравовъ раскрывается передъ читателемъ съ того момента, какъ знакомая намъ компанія вольноотпущенниковъ подходитъ къ дому Тримальхіона, игравшаго въ мячъ съ молодыми рабами, до того, какъ причудливый, богатый самодуръ, не зная какую кичливую глупость придумать, заставляетъ играть надъ собою похоронную музыку. Прежде всего предъ нами раскрывается сцена въ Тримальхіоновой банѣ куда отправилась компанія передъ обѣдомъ, описывается мытье въ банѣ и торжественный выходъ оттуда самого Тримальхіона въ носилкахъ, роскошь его дворца съ курьезною надписью на воротахъ, съ картинами на стѣнахъ зданія и другими особенностями роскошь обѣденной обстановки, входъ въ столовую Тримальхіона подъ музыку. Затѣмъ уже начинается описаніе обѣда, сопровождающагося всевозможными причудами богатаго самодура - вольноотпущенника. Тутъ и цѣлыя жареныя свиньи, тутъ и докладъ о томъ, чтò произошло въ данный день въ огромныхъ владѣніяхъ богатаго выскочки, тутъ и канатные плясуны, тутъ и стихотворные экспромты, и глупѣйшіе вопросы, задаваемые хозяиномъ своимъ ученымъ собесѣдникамъ, тутъ и причудливые подарки гостямъ, тутъ всевозможныя глупости и пошлости. За столомъ сидитъ жена его Фортуната, по словамъ одного изъ гостей командующая своимъ мужемъ, который, однако, ее купилъ когда-то на рынкѣ. Она вся въ золотѣ и драгоцѣнностяхъ, но скупа и бережлива до скаредности. Она не можетъ сдержать себя при видѣ того, какъ ея мужъ поцѣловалъ красиваго мальчика, и осыпаетъ его всякими ругательствами: Тримальхіонъ бросаетъ ей въ лицо чашу. Поднимается крикъ и вой женщины. Тримальхіонъ съ своей стороны кричитъ, обзывая жену площадными словами и напоминая ей, изъ какой грязи онъ ее вытащилъ. Его едва успокоиваютъ. Тогда онъ разказываетъ свою исторію, какъ онъ изъ рабовъ достигъ такого колоссальнаго состоянія, и надѣется еще присоединить къ своимъ владѣніямъ Апулію. Онъ увѣренъ, что чѣмъ больше

имѣешь богатства, тѣмъ тебя больше уважаютъ. Онъ прежде былъ „лягушкой", а теперь сталъ „царемъ". Нужно все это читать, чтобы видѣть, сколько этотъ романъ могъ доставить развлеченія римскому читателю и какъ много онъ представляетъ захватывающаго интереса для читателя нашего времени.

Теперь вопросъ: кто же авторъ столь интереснаго и столь исключительнаго по литературной манерѣ произведенія? Кто тотъ Петроній Арбитръ, имя котораго носитъ рукописи отрывковъ, и когда онъ жилъ? Въ самомъ началѣ лекціи уже было замѣчено, что Сатириконъ есть произведеніе Нероновскаго времени, и если я теперь поднимаю вопросъ объ эпохѣ, къ которой относится авторъ его, то лишь потому, что еще не такъ давно вопросъ этотъ казался очень спорнымъ. Одни (Бурманъ) относятъ автора Сатирикона ко времени Августа, другіе (неаполитанскій ученый Игнарра и голландскій Рункеній) ко времени Коммода, третьи (Нибуръ) ко времени Александра Севера, а нѣкоторые (Пьеръ Пети, подъ псевдонимомъ Marinus Statilius) отодвигаютъ его даже ко времени Константина Великаго. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что мнѣнія эти и въ свое время являлись исключительными, такъ какъ мнѣніе огромнаго большинства филологовъ, начиная съ XVII столѣтія, представляемое, между прочимъ, такими свѣтилами, какъ Питу, Липсій, Казобонъ, не допускало считать авторомъ Сатирикона никого другаго, какъ извѣстнаго намъ по Тациту законодателя вкуса (elegantiae arbiter) при Нероновомъ дворѣ, Т. Петронія. Въ наше время, за исключеніемъ, впрочемъ, уже давно покойнаго Бернгарди, я не знаю ни одного виднаго филолога, который бы если не положительно, то хотя бы предположительно не стоялъ за это мнѣніе. Бернгарди, прежде принимавшій совсѣмъ несостоятельное мнѣніе Нибура о принадлежности Сатирикона къ III столѣтію по Р. Х., потомъ сталъ признавать несомнѣнность его принадлежности къ I столѣтію, но почему-то не желаетъ видѣть авторомъ его извѣстное историческое лицо Неронова времени. Къ Бернгарди можно, пожалуй, еще присоединить американскаго ученаго Бека, который много занимался списками дошедшихъ до насъ отрывковъ романа Петронія и издалъ также монографію о времени Петронія (The age of Petronius Arbiter Кембриджъ (въ Америкѣ), 1856, оттискъ изъ Mémoirs of the American Academy. New Ser. Vol. VII): онъ находитъ наиболѣе естественнымъ отнести Сатириконъ къ концу правленія Августа или къ правленію Тиберія. Но вообще, какъ мы сказали, теперь уже нѣтъ

сомнѣнія въ принадлежности этого сочиненія времени Нерона, и всѣ согласны съ его новѣйшимъ издателемъ Бюхелеромъ, что „какъ люди, обстоятельства, нравы, литературныя занятія и вообще весь складъ человѣческой и гражданской жизни, какой тутъ описывается, такъ и языкъ и техника размѣровъ не совпадаютъ ни съ какимъ временемъ, кромѣ Нероновскаго“ (Praef. p. V). Особенно защищалъ принадлежность романа къ Неронову времени Штудеръ въ Rhein. Museum II, p. 50 слѣд.

Что же касается личности Петронія Арбитра, признаваемаго авторомъ романа и писателями (Теренціаномъ Мавромъ, Діомедомъ, Мар. Викториномъ, Макробіемъ), и списками отрывковъ романа, то мы читаемъ у Тацита (Ann. XVI, 18—19) слѣдующее:

„О Петроніѣ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ. Онъ проводилъ день во снѣ, а ночь посвящалъ обязанностямъ и утѣхамъ жизни. Какъ другимъ доставила славу дѣятельность, такъ ему безпечность, но онъ не считался гулякой или мотомъ, какъ многіе изъ расточающихъ свое состояніе, а человѣкомъ умѣренныхъ удовольствій. Слова и дѣла его, чѣмъ больше они были непринужденны и обнаруживали какую-то беззаботность о себѣ, тѣмъ охотнѣе принимались за нѣчно простодушное. Впрочемъ, будучи проконсуломъ Виѳиніи и затѣмъ консуломъ, онъ показалъ себя человѣкомъ съ энергіей и способнымъ управляться съ дѣлами. Возвратился ли онъ потомъ къ порочной жизни, или то было лишь подражаніе порокамъ, но онъ былъ принятъ Нерономъ въ число самыхъ интимныхъ приближенныхъ, въ качествѣ судьи въ дѣлѣ изящнаго вкуса, такъ что Неронъ не считалъ ничего пріятнымъ и доставляющимъ нѣгу своимъ изобиліемъ, если раньше не одобрилъ того Петроній. Это породило въ Тигеллинѣ зависть къ нему, какъ къ сопернику и какъ къ человѣку болѣе сильному въ наукѣ удовольствій. И Тигеллинъ прибѣгаетъ къ жестокости государя, которой уступали дорогу всѣ другія страсти послѣдняго, и обвиняетъ Петронія въ дружбѣ съ Сцевиномъ, подкупивъ къ доносу раба и лишивъ Петронія возможности защищаться, послѣ того какъ засадилъ въ тюрьму большую часть его рабовъ.

„Случилось такъ, что въ эти дни Кесарь отправился въ Кампанію, и Петроній, достигнувъ уже Кумъ, былъ тамъ остановленъ. Тогда онъ не хотѣлъ больше оставаться между страхомъ и надеждой. Однако онъ и не слишкомъ поспѣшно лишилъ себя жизни, а порѣзавъ себѣ жилы, онъ, смотря по желанію, то перевязывалъ ихъ, то снова открывалъ и разговаривалъ съ друзьями, но не о серьезныхъ вещахъ или

такихъ, которыми онъ искалъ бы славы твердаго духомъ человѣка. И отъ друзей онъ не слышалъ ничего о безсмертіи души и мнѣніяхъ философовъ, а слушалъ маловажнаго содержанія поэтическія произведенія и легкіе стихи. Однихъ рабовъ онъ наградилъ, нѣкоторыхъ наказалъ розгами. Онъ пообѣдалъ и легъ спать, чтобы смерть его хотя и принужденная, походила на естественную. Даже и въ своемъ дополненіи къ завѣщанію онъ не высказалъ лести ни къ Нерону, ни къ кому другому изъ вліятельныхъ лицъ, какъ поступали многіе изъ умирающихъ, а изобразилъ гнусности государя съ приведеніемъ именъ раздѣлявшихъ его развратъ мужчинъ и женщинъ, описалъ все, что въ его сладострастныхъ сношеніяхъ было новаго и, запечатавъ, послалъ къ Нерону. Но онъ сломалъ печатку, чтобъ ею не могли воспользоваться съ цѣлью погубить кого-нибудь другаго".

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, который признается авторомъ романа, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Въ прежнее время думали, что романъ этотъ и есть то описаніе разврата Нерона, которое Петроній написалъ въ послѣдніе минуты жизни, запечаталъ и отослалъ къ своему Кесарю. Но мнѣніе это не выдерживаетъ критики. Романъ, о которомъ мы говоримъ, былъ сочиненіемъ объемистымъ, такъ что одни сохранившіеся изъ пятнадцатой и шестнадцатой книгъ отрывки его могутъ составить цѣлую, хотя и небольшую, книгу; тѣ же codicilli, въ которыхъ Петроній изобразилъ гнусности Нерона, были написаны имъ въ короткое время, передъ самою смертью. Слѣдовательно о тожествѣ того и другаго сочиненія не должно быть и рѣчи. Но сообщаемый Тацитомъ фактъ о характерѣ предсмертныхъ записокъ Петронія важенъ въ томъ отношеніи, что служитъ для насъ подтвержденіемъ того, что авторомъ Сатирикона могъ быть скорѣе всего этотъ Петроній, а не другой какой-либо. Мы видимъ изъ словъ Тацита, что Петроній дѣйствительно занимался изображеніемъ гнуснаго разврата и что, слѣдовательно, нѣтъ повода искать для подобнаго же изображенія нравовъ автора въ лицѣ какого-либо другаго Петронія. Гастонъ Буассье, написавшій о Петроніѣ очень хорошій этюдъ, который вошелъ въ его книгу „L'opposition sous les Césars" (Paris, 1875), очень основательно разсуждаетъ, когда говоритъ, что Сатириконъ долженъ быть сочиненіемъ, которое было написано Петроніемъ совсѣмъ не съ оппозиціонною цѣлью, а прямо для развлеченія Нерона и его двора, и что въ немъ даже можно усмотрѣть слѣды желанія понравиться Нерону. Такія вещи, какъ осмѣяніе богатыхъ вольноотпущенниковъ, которые играли такую большую роль

при дворѣ Клавдія и были, какъ напримѣръ, Паллантъ, заносчивы до послѣдней степени, пародія на поэму Лукана, съ которымъ у Нерона было литературное соперничество, дѣйствительно не могли не быть пріятны Нерону. Да и весь романъ съ его изысканною грязью, изображенною однако свѣтскимъ человѣкомъ, могъ доставить только развлеченіе при дворѣ, гдѣ такъ много гонялись за тѣмъ, чтобы придавать больше оживленія удовольствіямъ государя, luxus principis intendere, какъ выражается Тацитъ, говоря о роли вольноотпущенника Парида (Ann. XIII, 20). Онъ былъ написанъ, по мнѣнію Гастона Буассье, именно для того, чтобы быть читаннымъ при дворѣ, въ кругу тонкихъ развратниковъ, которые окружали Нерона и Поппею (р. 280).

Такимъ образомъ, все заставляетъ думать, что авторомъ романа былъ именно Петроній, къ которому относится приведенное мѣсто Тацита, хотя, строго говоря, вопросъ долженъ быть рѣшенъ такъ, что этотъ Петроній могъ всего скорѣе быть его авторомъ, а не такъ, что романъ написанъ несомнѣнно этимъ Петроніемъ. Интересно то, что о немъ, какъ о писателѣ, не упоминаютъ ни Тацитъ въ своей характеристикѣ, ни Квинтиліанъ, который не долженъ былъ бы пропускать такого крупнаго литературнаго явленія. Или грязность содержанія романа была причиною, что серьезные люди I вѣка по Р. Х. молчали о немъ? Можетъ быть и то, что они и не знали такого сочиненія, обращавшагося, главнымъ образомъ, среди любителей пикантной литературы. Тэйфель считаетъ возможнымъ предположеніе, что сочиненіе вышло въ свѣтъ безъ имени автора и даже внѣ Рима, напримѣръ, въ Массиліи, и затѣмъ уже было приписано имени Тацитовскаго Петронія. Предположеніе смѣлое, но не лишенное остроумія. Мы считаемъ себя вправѣ думать, что Сатириконъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ Т. Петронію, кончина котораго изображена Тацитомъ; что же касается прозвища Arbiter, которое придается автору романа и позднѣйшими писателями иногда употребляется одно, безъ обозначенія родового имени Petronius, то легко можетъ быть, что оно присоединено было къ имени Петронія литераторами впослѣдствіи подъ вліяніемъ Тацитовскаго о немъ выраженія: elegantiae arbiter.

Какъ бы то ни было, романъ Петронія былъ очень распространенъ не только въ древности, но и въ средніе вѣка, когда изъ него стали дѣлать извлеченія, въ которыхъ онъ и дошелъ до насъ. Составители этихъ извлеченій, средневѣковые монахи, какъ видно, особенно выби-

рали мѣста, дѣйствущія на воображеніе картинами сладострастія. Съ эпохи Возрожденія Петроній также насчитываетъ не мало поклонниковъ и среди духовныхъ, которые являются ревностными его переводчиками во Франціи, какъ, напримѣръ, аббатъ де-Маролль, и среди свѣтскихъ людей, каковъ, напримѣръ, Сентъ-Эвремонъ, и даже между учеными, каковъ, напримѣръ, Юстъ Липсій, который объявляетъ Петронія писателемъ, умѣвшимъ самымъ чистымъ образомъ говорить о грязныхъ вещахъ (auctor purissimae impuritatis). Въ наше время его любятъ и почитаютъ не только въ виду того интереса, какой онъ имѣетъ для знакомства съ нравами эпохи, но и для языка, который намъ представляетъ превосходные образцы простонароднаго говора, того sermo plebejus и vulgaris, знакомство съ которымъ такъ важно вообще для исторіи латинской рѣчи [1]).

Отрывки романа Петронія, за исключеніемъ той части ихъ, которая относится къ обѣду Трималхіона, cena Trimalchionis, дошли до насъ въ немаломъ количествѣ списковъ, которые всѣ сходятся къ одному источнику, къ той рукописи, которая заключала въ себѣ уже не цѣльное сочиненіе, а лишь извлеченія. Важнѣйшіе изъ нихъ: бернскій X или XI столѣтія, два парижскихъ XI—XII столѣтія, XII—XIV и мессинскій XII столѣтія. Къ нимъ же принадлежатъ codex Traguriens, найденный около 1650 года въ Далмаціи, въ городѣ Трогирѣ (по италіански и по нѣмецки Трау). Онъ принадлежитъ къ XV столѣтію и полнѣе другихъ, такъ какъ въ немъ находится и cena Trimalchionis. См. о рукописяхъ предисловіе къ изданію Бюхелера и изслѣдованіе Бека: The manuscripts of the Satiricon of Petronius Arbiter described and collated (Кембриджъ, въ Соед. Штатахъ, 1863 года).

Первое изданіе Петронія вышло, какъ полагаетъ Бюхелеръ, въ Миланѣ или въ 1476, или въ 1482 г. Это былъ небольшой отрывокъ, изданный Путеоланомъ, вмѣстѣ съ панегириками Плинія и другихъ и съ Агриколой Тацита. Но обыкновенно первымъ изданіемъ считается вышедшее въ Венеціи въ 1499 г. и заключавшее въ себѣ также незначительный отрывокъ. Въ 1500 г. вышелъ въ Лейпцигѣ carmen de bello civili по мюнхенскому списку, какъ думаетъ Бюхелеръ. Затѣмъ изъ болѣе извѣстныхъ слѣдовали: парижское изданіе 1520 г., ліонское 1575 г., которое было перепечатано въ томъ же году въ Парижѣ

[1]) См. диссертаціи *Лудвига*: De Petronii sermone plebejo. Lipsiae, 1870, и *Герике* De linguae vulgaris reliquiis apud Petronium etc. Gumbinae, 1875.

Пьеромъ Питу, лейденское изданіе Дузы 1585 г., парижское 1587 г., вышедшее у Матисона и повторенное съ примѣчаніями Вовера и другихъ въ Лейденѣ въ 1596 г., франкфуртское (Гольдаста) 1610 и 1621 гг., также франкфуртское (Гонзалеса де Саласъ) 1629 г., еще франкфуртское (Лотихія), также 1629 г. Въ 1664 г. появилась въ свѣтъ Cena Trimalchionis въ Падуѣ и тогда же была перепечатана Пьеромъ Пети въ Парижѣ, въ 1665 г. Шефферомъ въ Упсалѣ, въ 1566 г. со схоліями Рейнезія въ Лейпцигѣ, въ 1667 г. Христ. Арнольдомъ въ Нюренбергѣ. Въ 1693 г. вышло въ Парижѣ съ поддѣльнымъ дополненіемъ будто бы по найденному въ Бѣлградѣ списку изданіе Нодо. Изъ полныхъ изданій сохранившихся отрывковъ наиболѣе замѣчательны: Бурмана (Утрехтъ, 1709 и Амстердамъ, 1743), Антона (Лейпц., 1781); Бибонтинское 1790 г., изданіе съ французскимъ переводомъ Гэньена де Герта (Hegnin de Guerte), вышедшее въ въ Парижѣ 1860 г. Критическое изданіе Бюхелера вышло въ Берлинѣ въ 1862 г. (его же изданіе одного текста 1862 и 1871 гг.) и есть главное изданіе Петронія.

Въ нашей литературѣ есть неполный переводъ собранныхъ отрывковъ Петронія, сдѣланный Вл. Чуйко (С.-Пб. 1882).

Время трехъ послѣднихъ императоровъ Юліева-Клавдіева дома, какъ вы могли замѣтить, было богато поэтами. Мы видѣли между ними эпика, сатирика, лирика-дидактика, наконецъ романиста, писавшаго въ формѣ Менипповой сатиры. Хотя ни одинъ изъ этихъ поэтовъ не играетъ первоклассной роли въ римской литературѣ вообще и даже въ литературѣ перваго вѣка имперіи, но несомнѣнно, что вмѣстѣ взятые они указываютъ на оживленное литературное движеніе, которое все-таки представляетъ свѣтлую сторону этого тяжелаго времени. Прозаическая литература не только не отставала отъ поэтической, но видимо была сильнѣе ея. Уже одинъ такой представитель ея, каковъ былъ Сенека, первостепенный прозаикъ времени имперіи, достаточно говоритъ о томъ, что главное значеніе въ римской литературѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ перваго столѣтія нашей эры принадлежало не поэзіи, а прозѣ. Сенека, какъ ораторъ и философъ, обнаруживалъ столь огромное вліяніе на литературу своего времени, что поэзія этого времени отражала его и въ стилѣ, и въ идеяхъ. И вліяніе это продолжалось вплоть до Квинтиліана, которому удалось направить умы молодежи къ изученію литературы классическаго періода.

Послѣ Сенеки, о которомъ достаточно было говорено раньше [1]), наиболѣе виднымъ прозаикомъ этого времени является Кв. Курцій (правильнѣе: Куртій) Руфъ, очень хорошо намъ извѣстный авторъ Исторіи Александра Великаго (Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri). Сочиненіе это состояло изъ десяти книгъ, но до насъ дошли только восемь, да и то съ пропусками, какъ, напримѣръ, въ концѣ 5-й, въ началѣ 6-й и въ нѣсколькихъ мѣстахъ 10-й. Въ наукѣ было много споровъ относительно личности и времени жизни автора, такъ какъ ни самъ онъ не даетъ о себѣ никакого опредѣленнаго указанія, ни древніе писатели не сообщаютъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Время жизни его относимо было къ столь разнымъ историческимъ періодамъ, что взятые вмѣстѣ они составятъ общій періодъ въ 400 лѣтъ. Одни (Питу, Бонгарсъ, а въ новѣйшее время Цумптъ, Клоцъ) относили его ко времени Августа, другіе (Попма, Перизоній)—ко времени Тиберія, третьи (Юстъ Липсій, Бриссонъ, Телье, Тирабоски) — ко времени Клавдія, многіе (Фрейнсгеймъ, Фоссъ изъ старинныхъ и большая часть новѣйшихъ филологовъ)— ко времени Веспасіана, нѣкоторые (Понтанъ) — ко времени Траяна, иные (Нибуръ)—ко времени Александра Севера; были и такіе, которые относили Кв. Курція ко времени Гордіана (Гиббонъ), Константина Великаго (Баньоло [2]), даже Θеодосія Великаго (Бартъ), то-есть, къ концу IV стол. по Р. Х. Наконецъ, нѣкоторые (Бодэнъ и Леклеркъ во Франціи, Моллеръ въ Германіи) считали сочиненіе Курція объ Александрѣ Великомъ произведеніемъ среднихъ вѣковъ и относили его къ XIII столѣтію, хотя въ XII столѣтіи о немъ уже говорятъ епископъ Іоаннъ Салисбюрійскій и Пьерръ де-Блуа [3]). Все, что̀ намъ даетъ въ этомъ отношеніи самъ писатель, это два мѣста, изъ которыхъ одно (IV, 4, въ концѣ), по поводу разказа о разрушеніи Тира Александромъ, говоритъ о благоденствіи этого города подъ правленіемъ Рима и процвѣтаніи, благодаря продолжительному миру [4]), а другое (X, 9, 3), разсуждая о распаденіи Македонской монархіи, послѣдовавшемъ за смертью Александра, указываетъ на то, что рим-

---

[1]) См. *Ж. М. Н. Пр.* CC (1878), стр. 130—172.

[2]) Въ спеціальномъ изслѣдованіи: Della gente Curzia e dell'età di Q. Curzio l'historico ragionamento. Bologna, 1741.

[3]) См. подробности у *Фабриція* въ Bibliotheca latina II, p. 341 слд., изданія Эрнести (Lips. 1773).

[4]) Multis ergo casibus defuncta et post excidium renata (Tyros) nunc tandem longa pace cuncta refovente sub tutela Romanae mansuetudinis adquiescit.

скій народъ обязанъ своимъ спасеніемъ государю, который засіялъ въ мірѣ въ самую страшную ночь, какъ новая звѣзда [1]). Мѣста эти, какъ вы видите, такъ неопредѣленны, что нѣтъ ничего удивительнаго, если ученые, на основаніи ихъ, приписывали сочиненіе объ Александрѣ Македонскомъ то времени Августа, то Клавдія, то Веспасіана, то Александра Севера и т. д. Очевидно, что на этихъ мѣстахъ нельзя построить никакого прочнаго опредѣленія времени жизни автора. Болѣе важности имѣетъ, съ одной стороны, указаніе у Светонія, въ его перечнѣ риторовъ (см. изданіе отрывковъ Светонія Рейффершейда, p. 99 и 128) на ритора Кв. Курція Руфа, вслѣдъ за М. Порціемъ Латрономъ, риторомъ времени Августа, но раньше риторовъ Л. Валерія Примана и Вергинія Флава, бывшаго учителемъ сатирика Персія, а съ другой—упоминаніе Тацита (Ann. XI, 20) о Курціѣ Руфѣ, сынѣ гладіатора, достигшемъ высшихъ должностей и бывшемъ при Клавдіѣ проконсуломъ провинціи Африки. Мы, конечно, никакъ не можемъ утверждать, что вышеозначенныя свидѣтельства относятся къ автору Исторіи объ Александрѣ Великомъ, но они получаютъ большое значеніе, если внутреннія свойства сочиненія совпадаютъ съ временемъ, къ которому относятся риторъ Светонія и проконсулъ Тацита. А свойства эти именно таковы, что авторъ этого сочиненія можетъ быть отнесенъ къ половинѣ перваго столѣтія имперіи. Во-первыхъ, языкъ сочиненія, по мнѣнію знатоковъ (Липсія, Фосса, Цумпта, Мютцеля), еще не обнаруживаетъ никакихъ существенныхъ отступленій отъ языка классическаго, а риторическій колоритъ стиля какъ разъ совпадаетъ съ характеромъ литературы первыхъ временъ имперіи, тотъ колоритъ, который нашелъ себѣ лучшее выраженіе въ сочиненіяхъ Сенеки. Поэтому мнѣніе о принадлежности „Исторіи Александра Великаго“ времени императора Клавдія, высказанное еще старинными учеными перваго ранга — Липсіемъ и Бриссономъ и развитое въ началѣ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія Мютцелемъ, въ настоящее время получаетъ силу и можетъ расчитывать на господство въ наукѣ, которое, однако, еще не принадлежитъ ему. Но съ утвержденіемъ этого мнѣнія въ томъ, что касается времени происхожденія сочиненія, едва ли когда-либо утвердится и мнѣніе о тождествѣ историка съ раньше упомянутымъ проконсуломъ. Фактъ, что Тацитъ, разказывая подробности о Курціѣ Руфѣ, не дѣлаетъ

---

[1]) Proinde jure meritoque populus Romanus salutem se principi suo debere profitetur, qui noctis, quam paene supremam habuimus, novum sidus inluxit etc.

никакого намека на его литературную дѣятельность, очень важенъ. Скорѣе можетъ идти рѣчь о тожествѣ историка съ риторомъ, личное имя (praenomen) котораго, именно Квинтъ (Q.), также располагаетъ къ заключенію, что историкъ и риторъ были одно лицо: основаній же принять того и другаго за одно лицо съ проконсуломъ Африки, кромѣ совпаденія по времени, нѣтъ никакихъ. Можно скорѣе допустить, что историкъ былъ сыномъ этого послѣдняго, какъ нѣкоторые (Буттманъ) и думаютъ, относя, впрочемъ, его произведеніе ко времени Веспасіана.

Сочиненіе Курція имѣетъ въ виду прославить подвиги Александра Македонскаго, исторію котораго онъ составилъ по Клитарху, Тимагену и Птолемею, на которыхъ онъ самъ указываетъ, какъ на свои источники (IX, 5, 21; 8, 15). Но оно не есть исторія въ строгомъ смыслѣ, какъ ее понимали въ то время римляне: это скорѣе романъ, написанный съ назидательною цѣлью. И въ самомъ дѣлѣ, Курцій не такой историкъ, который имѣетъ въ виду изложеніе историческихъ событій, какъ они происходили въ дѣйствительности: онъ не считаетъ нужнымъ относиться съ критикою къ своимъ источникамъ, и ему мало горя, разказываютъ ли они истину, или вымыселъ. Онъ прямо признается въ этомъ и притомъ пренаивнымъ образомъ (IX, 1, 34): „Я, конечно, привожу больше событій, чѣмъ сколькимъ вѣрю, ибо я какъ не осмѣливаюсь утверждать того, въ чемъ сомнѣваюсь, такъ и не хочу скрывать того, что я узналъ“ [1]). Изложеніе его носитъ вполнѣ риторическій характеръ и переполнено рѣчами, описаніями, сентенціями и т. п. Обиліе рѣчей, обиліе баснословнаго и противорѣчащаго, масса географическихъ нелѣпостей, тактическія несообразности, ошибки въ хронологіи—все это бросается въ глаза въ сочиненіи Курція. Мало-историческій характеръ сочиненія подалъ даже поводъ къ названію его романомъ (См. Chassang, Histoire du roman dans l'antiquité, Par. 1862, p. 313 слд.). Но при всемъ томъ авторъ обладаетъ безспорнымъ талантомъ. Изложеніе его живо и носитъ нерѣдко возвышенный характеръ. Этотъ послѣдній, въ соединеніи съ изящнымъ языкомъ, дѣлаетъ книгу полезною для чтенія въ школахъ, въ которыхъ она съ давнихъ поръ и на самомъ дѣлѣ нашла себѣ самый благожелательный пріемъ. Мы знаемъ, положи-

---

[1]) Equidem plura transcribo, quam credo; nam nec adfirmare sustineo, de quibus dubito, nec subducere, quae accepi. Ср. VII, 8, 11: Utcumque sunt tradita, incorrupta perferemus.

тельно, что она читалась въ школахъ еще въ XII столѣтіи и вообще была въ средніе вѣка въ полномъ ходу: это доказывается не только существованіемъ огромнаго числа списковъ ея, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что она является для средневѣковыхъ поэтовъ—кастильскихъ, провансальскихъ, французскихъ, а черезъ нихъ и нѣмецкихъ—источникомъ, откуда они почерпали сказанія объ Александрѣ Македонскомъ.

Древнѣйшія рукописи исторіи Александра Великаго восходятъ къ IX или X столѣтію. Важнѣйшимъ кодексомъ представляется парижскій IX вѣка. См. по вопросу о спискахъ Курція предисловія Цумпта и Мютцеля къ ихъ изданіямъ этого автора, а также спеціальное изслѣдованіе Гедике: De codicum Curtii fide atque auctoritate (Bernburg, 1870) и предисловіе къ его изданію. Еще Цумптъ раздѣлилъ рукописи, въ которыхъ дошелъ до насъ Курцій, на два класса: на болѣе древнія (IX—XI вв.) и новѣйшія. Послѣднія, XIV—XV столѣтій, представляютъ массу поправокъ и вставокъ и въ виду очень большого количества старѣйшихъ рукописей лишены значенія.

Первое изданіе Курція вышло въ Венеціи въ 1470 г. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить изданія: Эразма (Страсбургъ, 1518), Фрейнсгейма (Страсбургъ, 1648) съ дополненіями для всѣхъ утраченныхъ мѣстъ. Послѣ этого мы можемъ сразу перейдти къ изданіямъ настоящаго столѣтія: Лемэра (Парижъ, 1822) по парижскимъ спискамъ, Цумпта (Берл., 1822, послѣднее 1864), съ комментаріями и критикой текста, Мютцеля (Берл., 1840), также съ критикой текста и примѣчаніями. Изданія одного текста: Фосса (Лейпц., 1851 и 1859), Гедике (Берл., 1867), Фогеля (Лейпц., 1882), Круазе (Парижъ, 1886).

Словарь къ Курцію изданъ Эйхертомъ (Ганноверъ, 1870).

Масса статей въ филологическихъ журналахъ относительно критики текста; множество изслѣдованій по грамматикѣ автора. Новѣйшее сочиненіе о Курціѣ: Доссонъ, Étude sur Quinte-Curce, sa vie et son oeuvre. Paris, 1887.

Сверхъ Сенеки и Курція до насъ дошли еще два прозаика разсматриваемаго времени: Л. Юній Модератъ Колумелла и Помпоній Мела, изъ которыхъ каждый служитъ представителемъ особаго вида прозаической литературы. Оба были родомъ изъ Испаніи, которая дала Риму въ первый вѣкъ нашей эры цѣлый рядъ видныхъ писателей: обоихъ Сенекъ, Лукана, Квинтиліана и Марціала.

Колумелла, родился, по собственнымъ его словамъ (X, 185; ср. VII, 2, 4), въ Кадиксѣ (Gades). Значительное время жизни своей

онъ провелъ на Востокѣ, гдѣ служилъ въ VI легіонѣ, называвшемся Ferrata, въ которомъ онъ былъ трибуномъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и надпись найденная Муратори въ Тарентѣ и воспроизведенная Моммзеномъ въ его изданіи надписей бывшаго Неаполитанскаго королевства и Генценомъ въ добавленіи къ сборнику надписей Орелли (№ 5598), хотя подлинность этой надписи подвержена сомнѣнію. Впрочемъ онъ и самъ свидѣтельствуетъ о своемъ личномъ знакомствѣ съ Сиріей и Киликіей (ipse vidi, II, 10, 18). Но затѣмъ онъ жилъ въ Италіи, гдѣ у него въ округѣ латинскаго города Ардеи было имѣніе (III, 9, 2), котораго онъ уже не былъ хозяиномъ, когда писалъ свою книгу о сельскомъ хозяйствѣ (ante possedimus). Было у него также имѣніе и въ Испаніи въ Церетанской области (in nostris Ceretanis III, 3, 3). Въ Испаніи же жилъ его дядя М. Колумелла, человѣкъ ученый и усердно занимавшійся сельскимъ хозяйствомъ (doctissimus et diligentissimus agricola, II, 16, 4; ср. также V, 5, 51; VII, 24; XII, 21, 4; 40, 2). Изъ сочиненій его мы также видимъ, что онъ былъ современникъ медика Цельса (I, 1, 14; III, 3, 3; IV, 8) и философа Сенеки, котораго онъ называетъ vir excellentis ingenii atque doctrinae (III, 3, 3).

Колумелла написалъ трактатъ въ 12 книгахъ О сельскомъ хозяйствѣ (de re rustica), которымъ онъ хотѣлъ возбудить любовь къ земледѣлію, сильно упавшему въ Италіи. Мысли свои о причинахъ этого упадка онъ развилъ въ предисловіи, обращенномъ къ Публію Сильвину, лицу, впрочемъ, намъ неизвѣстному, но, по видимому, его земляку, какъ на это указываютъ выраженія: in nostris Ceretanis (III, 3, 3; ср. in Ceretano tuo III, 9, 6).

Умно, толково и съ полнымъ знаніемъ дѣла въ книгѣ Колумеллы говорится о томъ, какихъ правилъ вообще долженъ держаться сельскій хозяинъ, на что онъ долженъ смотрѣть при покупкѣ земли, какъ надобно удобрять, обсѣменять и пахать землю, какъ собирать жатву. Рядомъ съ этимъ мы находимъ у него подробное наставленіе относительно воздѣлыванія винограда. Далѣе рѣчь идетъ о садоводствѣ и о сбереженіи плодовъ, о скотоводствѣ, гдѣ рѣчь идетъ не только о рогатомъ скотѣ, о расположеніи его, уходѣ за нимъ и лѣченіи его болѣзней и т. п., но и о лошадяхъ, мулахъ, ослахъ, овцахъ, козахъ, свиньяхъ, собакахъ, о домашней птицѣ (курахъ, голубяхъ, горлицахъ, дроздахъ, павлинахъ, гусяхъ, уткахъ), о рыбьихъ прудахъ, затѣмъ о пчелахъ и выдѣлкѣ меда и воска, объ управляющемъ, объ экономкѣ, ихъ обязанностяхъ, съ наставленіями обо всемъ, что нужно

умѣть дѣлать въ сельскомъ хозяйствѣ. Книга эта не есть только произведеніе хозяина-практика, но и трудъ человѣка, который познакомился со всѣмъ, что для него представляла по этому предмету греческая и римская литература, не исключая Георгикъ Виргилія. Онъ даже вздумалъ дополнить эти послѣднія, написавъ стихами (гекзаметромъ) свою десятую книгу, о садоводствѣ (de cultu hortorum), на томъ основаніи, что Виргилій эту часть предоставилъ (Georg IV, 148) разработать своимъ преемникамъ.

Независимо отъ этого большого сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ, отъ Колумеллы дошла еще книга: о деревьяхъ (De arboribus), которая обыкновенно въ изданіяхъ прилагается къ большому сочиненію. Она разсматривается какъ остатокъ перваго изданія De re rustica, состоявшаго будто бы изъ четырехъ книгъ. Этимъ думаютъ объяснить заявленіе Кассіодора о 16 книгахъ Колумеллы (Div. lect. 28).

Всѣ согласны въ томъ, что книга О сельскомъ хозяйствѣ написана языкомъ чистымъ и правильнымъ, хотя и не лишеннымъ риторическихъ украшеній. Вслѣдствіе спеціальнаго предмета, которымъ занимается эта книга, она рѣдко цитуется писателями, да и то лишь такими, какъ Плиній Старшій, который писалъ обо всемъ на свѣтѣ, или какъ Гаргилій Марціалъ, писавшій въ III ст. по Р. Х. также о сельскомъ хозяйствѣ. Упоминаетъ о ней также Сервій въ своихъ примѣчаніяхъ къ Энеидѣ Виргилія (III, 540).

Списковъ, въ которыхъ дошелъ Колумелла, не мало. Лучшими считаются сенжерменскій, московскій, сличенный Маттэи, два флорентинскихъ и лейпцигскій. См. о нихъ въ предисловіяхъ къ изданіямъ Колумеллы Геснера и Шнейдера, а также у Фабриція въ Bibl. Lat. II, p. 73 изд. Эрнести.

Печатается книга Колумеллы обыкновенно въ сборникахъ Scriptores rei rusticae. Первое изданіе ея было сдѣлано въ Венеціи въ 1472 г. вмѣстѣ съ такими же сочиненіями Катона, Варрона и Палладія. Съ примѣчаніями Викторія вышло въ 1541 г. изданіе въ Ліонѣ, а въ 1548 г. въ Парижѣ (у Роб. Этьеня). Въ 1735 г. вышло съ примѣчаніями разныхъ ученыхъ въ Лейпцигѣ изданіе Гесснера, повторявшееся нѣсколько разъ до 1787 г. (бибонтинское изданіе), а въ 1794 г. изданіе Шнейдера съ примѣчаніями, занимающими цѣлую половину II тома Script. rer. rust., въ которомъ и напечатаны De re rustica и De arboribus Колумеллы. Десятая книга De re rustica, какъ изложенная стихами, шла также въ сборникъ Poetae lat. minores Вернсдорфа (т. VI). Отдѣльно изданъ Колумелла Рессомъ въ 1795 г. (Фленсбургъ).

Въ небольшой книгѣ Помпонія Мелы De chorographia мы имѣемъ единственное цѣльное руководство въ римской литературѣ по географіи, хотя о географіи писалось не мало послѣ Мелы. Онъ былъ родомъ изъ испанскаго мѣстечка Тингентеры (въ провинціи Бэтикѣ), о чемъ онъ самъ заявляетъ въ 6 гл. II кн. § 96 своего сочиненія (atque unde nos sumus Tingentera). Кромѣ этого свѣдѣнія, мы другихъ о Мелѣ не имѣемъ. Можно только изъ одного мѣста (III, 6, 49) заключить, что онъ писалъ свою книгу около 44 года по Р. Х. (747 Рима), такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о предстоящемъ тріумфѣ императора, открывающаго Британію. Подъ императоромъ же этимъ всего естественнѣе разумѣть Клавдія, который дѣйствительно праздновалъ тріумфъ по возвращеніи изъ Британіи въ этомъ году.

Сочиненіе Помпонія Мелы въ старинныхъ изданіяхъ обыкновенно носитъ названіе De situ orbis, согласно его началу: Orbis situm dicere aggredior, а въ новое время его стали называть De chorographia, согласно заглавію древнѣйшей (ватиканской) рукописи. Оно состоитъ изъ трехъ книгъ и дошло до насъ вполнѣ.

Послѣ краткаго предисловія и затѣмъ разсужденія о трехъ частяхъ свѣта, Мела начинаетъ съ краткаго описанія Африки, дѣлаетъ затѣмъ краткій же очеркъ Азіи и Европы, послѣ этого переходитъ къ подробному описанію Африки, Азіи и (во 2-й книгѣ) странъ европейскихъ, которое начинаетъ съ Европейской Скиѳіи, то-есть, нынѣшней южной Россіи, при чемъ называетъ Днѣпръ пріятнѣйшею рѣкой Скиѳіи (Borystenes inter omnes Scythiae amoenissimus), далѣе переходитъ (въ 3-й книгѣ) изъ Германіи въ Сарматію и Азіатскую Скиѳію, говоритъ о Каспійскомъ морѣ и народахъ, къ нему примыкающихъ, обращается къ внѣшнимъ берегамъ Испаніи и островамъ сѣвернѣе ея лежащаго океана, переходитъ къ Восточному океану, к Индіи, говоритъ о Чермномъ морѣ, Персидскомъ и Аравійскомъ заливахъ, Эѳіопіи и заканчиваетъ все Атлантическимъ океаномъ и прилегающею къ нему частію Эѳіопіи и Мавританіи.

Изъ писателей, которыми онъ пользовался, Мела приводитъ Гиппарха, (III, 7, § 70), карѳагенянина Ганнона (III, 9, §§ 90 и 94) и Корнелія Непота, считая его, какъ болѣе новаго, и болѣе достовѣрнымъ (III, 5, §§ 45 и 90); но, конечно, это не единственные его источники. Къ источникамъ онъ старается относиться критически, хотя это ему и не всегда удается, такъ что въ его книгѣ есть всетаки не мало и сказочнаго. Въ предисловіи къ своему труду онъ

заявляетъ, что со временемъ онъ намѣренъ изложить географическія свѣдѣнія съ большею полнотою и точностью (plura et exactius) а теперь онъ хочетъ представить лишь ясное, по краткое обозрѣніе (clarissima et strictim) географіи. Изложеніе его дѣйствительно идетъ ясно и отчетливо, даже довольно живо, не безъ примѣси, конечно, риторическаго элемента, свойственнаго тому времени. Что онъ имѣлъ передъ глазами географическую карту, это представляется ясно при чтеніи его книги. Предположеніе объ этомъ высказалъ еще Партей въ предисловіи къ изданію Мелы.

Плиній Старшій часто ссылается на Мелу (въ книгахъ 3, 4, 5, 6, 8, 12, 13, 21 и 22). Есть ссылки на него у Сервія, комментатора Виргилія (ad. Aen. XI, 31) и у Ювеналова схоліаста (II, 160), а также у Іорнанда (см. предисловіе къ изданію Чукке). Множество списковъ доказываетъ вниманіе, которымъ пользовался Мела въ средніе вѣка. Древнѣйшій изъ этихъ списковъ есть ватиканскій IX или начала X столѣтія. Остальные не превышаютъ XIV столѣтія. См. предисловія къ изданіямъ Чукке и Партея.

О старинныхъ изданіяхъ Мелы см. Фабриція Bibliotheca Latina, II, p. 76 слд. (изд. Ernesti). Первое изданіе вышло въ Миланѣ въ 1471 г. Въ 1632 г. вышло въ Антверпенѣ изданіе Шотта съ примѣчаніями, въ 1658 г.—въ Гагѣ важное изданіе Фосса (повторено во Франкфуртѣ, 1700), въ 1685 г. въ Лейденѣ изданіе съ примѣчаніями Як. Гроновія. Въ нашемъ столѣтіи обращаетъ на себя наибольшее вниманіе изданіе Чукке (Лейпц., 1807) съ обширными примѣчаніями и новѣйшее критическое изданіе Партея (Берлинъ, 1867).

Чтобы покончить съ прозаиками времени Сенеки, скажемъ, что къ тому же времени относится Асконій Педіанъ, извѣстный комментаторъ Цицероновыхъ рѣчей, изъ котораго до насъ дошли комментаріи къ пяти рѣчамъ знаменитаго оратора [1]), а также историки Сервилій Ноніанъ и знаменитый полководецъ Гн. Домитій Корбулонъ, занимавшіеся исторіей своего времени. Но отъ этихъ послѣднихъ намъ не сохранилось ровно ничего, какъ и отъ военныхъ мемуаровъ другаго славнаго полководца этого времени, Светонія Павлина. Мы знаемъ о литературной дѣятельности этихъ лицъ лишь по ссылкамъ на нихъ писателей, главнымъ образомъ, Плинія Старшаго.

В. Модестовъ.

---

[1]) См. мои *Лекціи по исторіи римской литературы*. Курсъ I, стр. 284 2-го изд. (303 1-го изд.).

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О КАФФѢ И КРЫМСКИХЪ ТАТАРАХЪ ИЗЪ НАЧАЛА XV ВѢКА.

Альберто Альфіери, родомъ изъ Албано (въ шести миляхъ отъ Vercelli), генуэзскій гражданинъ, учитель латинскаго языка (gramaticae professor) въ Каффѣ, написалъ около 1421 года небольшой „діалогъ въ царствѣ мертвыхъ", раздѣленный на восемь сценъ или главъ (откуда его названіе: Ogdoas) и лишь недавно изданный Черрути по рукописи XV вѣка, находящейся въ Амброзіанѣ [1]). Разговоры происходятъ въ какой-то фантастической области, не въ преисподней, но и не въ царствѣ блаженныхъ; дѣйствующія лица принадлежатъ по большей части къ семьѣ Висконти, политикѣ которыхъ нашъ авторъ, очевидно, сочувствовалъ: Gian Galeazzo († 1402), его жена Caterina († 1404) и ея отецъ Bernabò Visconti; сынъ Gian Galeazzo'a, Gabriele Maria († 1408) и мать послѣдняго, Agnese Mantegazza († 1405); къ нимъ присоединяется еще Antoniotto Adorno († 1398), бывшій четыре раза дожемъ Генуи; другому члену той же семьи, племяннику предыдущаго, Якову Адорно, бывшему въ 1418 году консуломъ Каффы, посвящена и сама Ogdoas. Содержаніе разговоровъ нравственно-политическое; загробные собесѣдники разказываютъ другъ другу о недавнемъ прошломъ Генуи и сѣверной Италіи, ими пережитомъ, иногда и пророчатъ о ближайшемъ будущемъ, что удавалось по стольку, по скольку для автора это будущее было прошедшимъ: vaticinium post eventum. Иногда, впрочемъ, въ эти предвѣщанія о совершившихся фактахъ вторгался элементъ легенды и фантазіи.

---

[1]) L'Ogdoas di Alberto Alfieri. Episodii di storia genovese nei primordii del secolo XV, publ. dal dott. *Antonio Cerruti*. Genova. 1886 (оттискъ изъ *Atti della società ligure di storia patria*, Ser. II, v. XVII).

Antoniotto бесѣдуетъ съ Gabriele, пророчествуя о грядущемъ: на сценѣ Tommaso Fregoso, зять Антоніотто и дожъ Генуи; говорится о событіяхъ 1416 года, послѣ чего идетъ слѣдующій отрывокъ, значеніе котораго невѣрно оцѣнено издателемъ, усмотрѣвшимъ въ немъ указаніе на извѣстнаго „пресвитера Іоанна“, тогда какъ дѣло идетъ объ одной, доселѣ неизвѣстной, редакціи сказанія о Вѣчномъ Жидѣ.

„Tunc temporis vir quidam apparebit nomine Johannes dictus servus Dei, qui multa futura canet. Cum Christus, qui dicitur Jesus Salvator orbis, a Judaeis impiis duceretur ad mortem, hic Dominum impulsu magno vulgi turba maxima consequente commovit. Ait illi mondi Redemptor: „Et tu de me testimoniorum agas; gradere atque vive quamdiu mondialis machina perdurabit“. Se quoque in varias formas saepe permutat; nunc juvenis, nunc senex canus efficitur, nunc ambulat invisibilis, omnium nationum idiomata imitatur, omnia loca atque oppida regionum habitabilium ipse novit. Qui ipsum hodie alloquitur, die crastino non cognoscit. De principibus ac pontificibus populi christiani plura loquetur. Qui sanctum, qui Dominum, qui daemonem appellabunt; attamen Judaeus fuit, et tempore aeterni judicii, a quo gratiam est adeptus. Quid dicam quod Januae nunc est, nunc Parisiis, nunc Venetiis, nunc in Scythia, nunc in Aegipto? Velocior est animo a corpore et vinculo qui migravit. Honestissimum induit habitum; felix est eloquio et sanctitate. Est quoque verissimum testimonium fidei christianae. Non sic Protheus in fabulis agitatur, me Thetis quondam dea aequorea, ut vir iste ore probissimo hominum referetur“. Обращаясь затѣмъ къ событіямъ прошлаго, точно онъ еще предусматриваетъ ихъ въ будущемъ, Antoniotto апострофируетъ Tommaso Fregoso: Anno tertio imperii tui plurima parabuntur. Heu immane scelus! Plebs tua, quae in eois partibus commoratur, bubonibus et antracibus igneis admodum prosternetur. Vacuabuntur ephebis urbes duae, constantissima pectora regni tui. Caffa morbo, fame atque Marte torquebitur, Palladis virtutibus indigebit. Praeterea tercenti scythici hostes perfidissimi, omnibus armis instructi, caffensem urbem inibunt, qui maxima populi industria ac optimorum civium expellentur. Nunc te, clarissime nepos, caffensis civitas exoptabit, omnes tuum flebunt decessum [1]). Quot fletus in urbe

---

[1]) Дѣло идетъ о Яковѣ Адорно, консулѣ Каффы въ 1418 году. Сл. далѣе стр. 64: adventabit magnificus nepos noster Jacobus Adurnus, magua calliditate refertus, qui urbem illam tunc expugnatam totis viribus restaurare conabitur; gloriosus erit et omnibus metuendus.

audies! Quot matronae suis liberis privabuntur! Prodigiose homines morientur; multi futura canent. Tu quoque, gener illustris (=Томмазо Фрегозо), si hunc urbi pestiferum tumultum evaseris, regnum tuum video stabili in sede repostum. Non expavescas; audacem te fore necesse est. Iterum reminiscere amicitiis Adurnorum. Praeterea videor videre canes Aminum captos et ab agmine Eumenidum agitari. Caffa hoc praesagium mali habitura est; Gothia quoque pariter et provincia tomitana" (стр. 56—57). „Вѣщать далѣе запрещаютъ парки", говоритъ Антоніотто; тѣмъ не менѣе вѣщаніе продолжается и далѣе, принимая нѣсколько фантастическій характеръ, повѣствуя о будущемъ объединеніи Лація, объ имѣющемъ явиться героѣ, объединителѣ восточнаго и западнаго христіанства; Генуѣ суждена не послѣдняя роль въ этомъ періодѣ общаго обновленія: ея слово проникнетъ до Каспія, и генуэзцы будутъ ставить татарамъ ихъ властителей „Consolare genus humanum; qui tantopere enituntur, canum antistitem procreabunt, qui an sede apostolica bis septem lunales annos explebit. Postquam ad deos optimos migraverit, Saturnia tellus pristina eriget colla; Latium fiet unum et gens bona dominabitur oris. Renascetur enim vir robustus, qui totam Graeciam ad fidem italicam restaurabit; Teucrorum principem trucidabit; Asiam maritimam ad usque paludes Aegypti suo imperio subjugabit; maximis olim Judaeorum urbibus imperabit; ubi sacratissimum Jesu sepulcrum est, qui Christus dicitur, cujus atrium aditurus sum, fabricari ingentia moenia cernes. Judaei de malis fient boni et suum recognoscent Salvatorem. Parthi admodum trepidabunt, justitia diligetur, extimabitur cana fides, vitia deprimentur. O felices quibus licuerit haec beatissima saecula intueri! Quantis, o Janua, honoribus habundabis magni causa boni! Quot tibi naves rostratae dabuntur! Quotiens de hostibus triumphabis! Erit praeterea tempus, quo Scythiae imperatores a Januensium ducibus creabuntur; fama ad usque regna caspia metuetur" (стр. 58).

Скиѳы (=татары) и пароы, Лета и Ахеронтъ, Церберъ и Эвмениды, цѣлый рядъ классическихъ воспоминаній и самыя качества латинскаго стиля отводятъ нашему автору извѣстное, хотя и скромное, мѣсто въ исторіи италіанскаго возрожденія переходной поры. Являясь его представителемъ въ далекой Каффѣ, онъ полонъ самосознанія: estne parum apud Scythas barbaros obversari et tam illustrissimos Italos introducere colloquentes"? (стр. 16), спрашиваетъ онъ, такъ опредѣляя назначеніе и цѣли своего труда: Editor vero praesentis operis gente lombardus, patria Vircellensis, in oppido natus

cui nomen est Albanum, vocatus Albertus, nunc civis illius imperiosae Januae civitatis, in Scythia moram faciens, ubi opulentissima urbs est, quae Caffa vocatur, a colonis condita januensibus, cupiens inertiae dare terga, patriae bona tradere documenta, gloriam vero et delectationem nec non et fructam consulibus magnificis ceterisque incolis, qui coguntur latinos, graecos et armenios, nabateos (далѣе: nabathaci— не караимы ли?) plurimasque barbaricas nationes sub tanto imperio gubernare, hanc litterarum seriem ordinavit, ut Platonis ac Ciceronis virorum tam illustrium sermones beatissimos ignorantes coram noscere valeant, quantam apud Deum beatitudinem immortales animae mereantur in hoc saeculo justitiam ministrantes, quantaque supplicia eandem justitiam negligentes" и т. д. (стр. 15).

Среди италіанскихъ воспоминаній, наполняющихъ Ogdoas, первое мѣсто занимаетъ, какъ то и слѣдовало ожидать, Каффа и ея мѣстныя отношенія. По вызову Gabriele, Antoniotto такъ принимается разказывать о татарахъ=скиѳахъ: „Scytharum gens vetustissima est, cultu aspera et modico contenta paratu. Primus enim rex Thanais fuit; homines inter sese nullos fines habent. Agros minime colunt, domibus carent; eorum divitiae sunt armenta per varias solitudines errantia. Conjuges ac filios, quocumque eunt, secum in plaustris ducunt coriis coopertis. Justitiam ingenium facit, non leges. Nihil apud Scythas gravius quam furto vivere. Acetoso quidem lacte vescuntur sibi optimo nutrimento. Rarus est panis usus apud illos. Solemne convivium est proceres equinum lac saepe potare; quas aeris intemperies necat, pecudes edunt. Plurimum equorum, qui in Marte perimuntur, carnibus vescuntur; eorum potus est aqua; quandoque equorum sanguine sitim extinguunt, gladio tactis salientibus venis; quandoque melle fruuntur. Maximis uruntur membra frigoribus; pellibus ovinis hyemem praetereunt, pauci enim sunt qui veste lanea sua membra tegant. Tot habent uxores, quot habere possunt. Liberos precio vendunt; nullos colunt deos, excepto naturae principio. Ter dominium Asiae sunt adepti; ipsi ab aliena potentia aut intacti aut invicti fuere" (стр. 59—60). Антоніотто приводитъ примѣры изъ исторіи, начиная съ Дарія, принужденнаго бѣжать изъ Скиѳіи, но Gabriele проситъ его перейдти отъ прошлаго къ настоящему, что̀ тотъ и дѣлаетъ, съ оговоркой, что характеръ народа нисколько не измѣнился со временемъ: „Sed ut certior sis, iterum tibi antiqua enarrabo, quae praetermiseram gratia brevitatis. Discordiae plus quam civiles scytharum regum pene genus illud gloriosissimum quondam radicitus deleverunt; nunc

ad nihilum devenerunt.... Imperatores, qui quingentis milibus hominum equitare solebant, nunc gloriantur si duo milia equitum se et sua tentoria comitantur (нап. imitantur); saepe boves equitant cum imperator hostes fudit (multi enim sunt juvenes imperiales); raptas conjuges connubio suo jungit; more quidem ferarum cubant. Mortuo fratre, secundus ab illo fraternas uxores colendo matrimonio sibi admittit. In terris pedibus sub ano positis ferino ritu epulas edunt. Nulla pietas est apud Scythas cum bella fremunt, capita enim hostilia in acutis lanceis fixa, cruenta cervice recisa, clamore gestant haec praemia consequentes. Agros pauci colere didicerunt, non qui regios juvenes imitantur (comitantur?), sed qui apud populos nostros suas posuere sedes; Scythae tamen nobiles (non Scythas appello qui arant, qui ligonizant, qui fodiunt, qui aedificant) genus veterrimum consequuntur. Quotiens Ruthenos opulentissima patria ortos, sed foemineos et enerves invadunt! Quotiens Histrios turbant! Quid Geticos referam infelices, quorum numerus potentior in Aegypto, quam in solo natali?" [1]) Самъ Тимуръ не въ силахъ былъ совладать съ ними: „Nunc propter ingentes discordias majorum principum conquassata est respublica Scythicorum, et fecerunt nostro dominio maximum augumentum.—Sacerdotes quippe, qui in Scythia sunt, sua membra frigore indurantes nudi ambulant, ferreis cathenis brachia, nares, ramicem, pectora ac aures vincti consistunt; ridentes, jocantes velociter et currentes potius mansuetudinis causa (?) pecoribus abutuntur, quam sexu foemineo; sic mos est illis; pauperiem tamen colunt; viri nempe a Scythis vitae optimae appellantur, veteri tamen instituto quatuor uxores praeterire non debent. Lex ista minime observatur. Cum extremum diem adveniunt, sollemnia convivia celebrant. Reges earum gentium super feltro laneo a primatibus creantur. Equos suos in bello non calcaribus sed scuticis exagitant magnis clamoribus incitatos. Amictus quidam fluxos habent; fatigatos itinere equos, cum vesper advenit, laxis habenis pascere se demittunt. Cum ad consules senatumque adeunt, brevi oratione potiuntur. Cum acies nostras invadunt, si resistimus, retrocedunt, si fugimus, nos sequuntur, magnis clamoribus ortis" (стр. 61—62). Къ этимъ свѣдѣніямъ присоединяется далѣе еще одно, касающееся

---

[1]) Geticos я не умѣю объяснить; можетъ быть, Gothicos, вмѣсто Gothos, если natale solum—Крымъ. Упоминаніе *Египта* отнесетъ насъ въ такомъ случаѣ къ пораженію готовъ въ 268 году при императорѣ Клавдіи (Gothicus), чему содѣйствовалъ съ александрійскимъ флотомъ префектъ *Египта* Пробъ.

погребальныхъ обрядовъ: „cum Scytharum delata cadavera sunt sepulta, collem ingentem ad instar turris maximae terra et lapidibus cumulatis superimponunt; pauci nostras pyramides imitantur“ (стр. 65).

Разказъ Альфьери о бытѣ татаръ интересно сравнить съ болѣе поздними сообщеніями Барбаро, шестьнадцать лѣтъ (1436—1452 гг.) прожившаго въ Танѣ или Азовѣ. Свѣдѣнія послѣдняго о татарахъ-земледѣльцахъ [1]) подтверждаются и нашимъ авторомъ, отличающимъ татаръ-кочевниковъ (Scythae... nobiles... genus veterrimum consequuntur) отъ осѣдлыхъ и пахотниковъ, поселившихся въ области Каффы (qui apud populos nostros suas posuere sedes), которыхъ онъ даже отказывается назвать татарами.

Альфьери перечисляетъ, отъ лица Антоніотто, консуловъ Каффы (съ 1409 по 1420 годъ) и именитыя генуэзскія семьи, избравшія ее своимъ мѣстопребываніемъ: „Adsunt Auriæ, Flisci, spectabiles Spinulæ, Lercarii, Salvatici, Gentiles, Romei, genus vetustissimum et in urbe nostra egregium et famosum; adest praeterea Goarchorum progenies magnanimorum, aderunt et Adurni. Quid referam Cimbalum scopulosum, Gotthiae maximam maritimae partem? Ejusdem urbis cultores Matricam fundaverunt pariter et Mapale. Usque ad ripam Thanais januensis respublica dominatur, ubi olim arcem consurgere videbis a Petro Vivalda de stirpe fundandam, cujus imperio consulari Scythae, qui apud Thanaim fluvium habitant, in judiciis se subjicient reverenter, et defensorem facient in urbe caffensi“ (стр. 63).

Къ восхваленію Каффы авторъ обращается дважды: „Urbs vero quam Caffam appellamus, juxta egregium portum in arido solo posita, opulentissima est, hiberno tempore lutulenta, solis aestivi fervore pulverulenta, Christiani populi maximum tutamen, utilis civibus nostris, reboante borea frigidissima, arthon aspiciens, diversarum gentium linguis culta. Hanc Graeci incolunt, Armeni, Judaei, Nabathaei, omnium gentium genus reperitur in urbe. Taceo cives nostros qui eam custodiunt, incolunt pariter et defendunt; illic juvenes vitam ducere stabili sede, viros complurimos nobiles et populares, qui continuo matrimonii vinculo se loci illius incolas addiderunt. Hi genus illud rudissimum die noctuque bonis monitis ornant et apud deos optimos gratiam promerentur“ (стр. 62). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 65) говорится: „Caffa

[1]) Библ. иностр. писателей о Россіи *Семенова*. Путешествіе Барбаро въ Тану, стр. 36—37.

vero, quae a Nabathaeis terra infidelium appellatur, eo quod Latinos, Graecos, Armenios ac omnes nationes Christum principem nostrum colentes vocitant infideles..., omnibus est tutum refugium. Cum imperatores in acie expugnantur, illac celeriter adveniunt, admittuntur, sponte recedunt, persaepe a victoribus ducibus repetuntur, minime consignantur. Quotiens qui bello pulsi sunt, urbem ingressi inde abeunt imperialem apicem assumpturi! Qui Caffam laesit, quiscumque sit, sive Scythicus, sive Latinus, a diis immortalibus gravioribus aculeis cruciatur, aut in pugna terrestri, aut in freto, optimo malorum magistratuum judice atque digno. Quot Scytharum proceres, qui coffensem rempublicam iniquo praelio turbaverunt, scimus fuisse peremptos, divino auxilio suffragante, laceratos que more et fererum, laqueis strangulatos, labentes in fluviosque demissos!" Авторъ не скрываетъ и обратной стороны дѣла, говоря о неправедныхъ правителяхъ города, купцахъ и „navium rectores, qui injustis mercibus adhaeserunt",— ихъ постигло наказаніе; но благопріятная характеристика преобладаетъ (Felix es Caffa, et ad sidera aurea meatura, стр. 64), сознаніе культурнаго значенія италіанской колоніи, заброшенной на Черное море и простирающей свои планы отъ Дуная до Каспія, планы, которымъ, лѣтъ тридцать спустя, положило конецъ взятіе Константинополя и разгромъ генуэзскихъ колоній въ Крыму.

Александръ Веселовскій.

ЕЩЕ ЗАМѢТКА О СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ.

Академикъ В. И. Ягичъ, согласно обѣщанію, напечаталъ въ издаваемомъ имъ Архивѣ Славянской Филологіи (Archiv fü Slavische Philologie, X Band) два письма М. К. Бобровскаго, переданныя ему профессоромъ Миклошичемъ, о которыхъ нами упомянуто въ статьѣ „Судьба Супрасльской рукописи" [1]). Оба письма М. Бобровскаго писаны по латыни, одно—къ профессору Эйхвальду, отъ 10-го августа 1837 года, изъ Шерешова, другое—къ Копитару, отъ 18-го іюля 1838 года, изъ Вильны.

Профессоръ Ягичъ, по поводу этихъ писемъ между прочимъ, замѣчаетъ слѣдующее: „Поводомъ къ ихъ изданію послужило желаніе племянника (то-есть, мое) узнать о позднѣйшей судьбѣ Супрасльской рукописи, нѣкогда открытой дядей его, извѣстнымъ славянскимъ филологомъ Михаиломъ Бобровскимъ. Изъ переписки видно, что профессоръ Эйхвальдъ былъ посредникомъ между Копитаромъ и Бобровскимъ, и что, зная важность Супрасльской рукописи, Бобровскій дѣйствовалъ предусмотрительно: сначала онъ послалъ только списки съ нея (одно поученіе Іоанна Златоуста „отъ чоудесъ" и часть другаго); затѣмъ (по настоянію Эйхвальда) отправилъ съ Эйхвальдомъ же вторую половину оригинала и только послѣ возвращенія ея профессоромъ Эйхвальдомъ (что̀ случилось въ 1839 г.) отослалъ въ Вѣну первую половину. Эта первая половина (въ изданіи Миклошича отъ начала до пробѣла на стр. 172) находилась въ рукахъ Копитара въ 1840 году. На собственноручной копіи Копитара, хранящейся нынѣ въ библіотекѣ Люблянскаго лицея, на первой страницѣ находимъ такую по-

[1]) Въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.*, октябрь 1887 г., прим. 47. Въ особыхъ оттискахъ, при которыхъ приложены facsimile, на стр. 34 и 35.

мѣтку: „Coepi describere 19 Febr. 1840“, а на концѣ 16-й тетради: „Absolvi quaterniones die 20 apr. 1840“. Слѣдовательно, Копитаръ переписалъ уже рукопись 20-го апрѣля 1840 года, и такъ какъ онъ умеръ въ 1844 году, то мы лишены возможности судить о томъ удивительномъ обстоятельствѣ [2]), почему онъ держалъ у себя эту рукопись (то-есть, первую половину) четыре года“.

Вотъ письма М. К. Бобровскаго въ буквальномъ переводѣ съ латинскаго языка:

I.

Промеморія профессору Эйхвальду.

Рукописный Супрасльскій кодексъ, писанный по славянски, на пергаменѣ, кирилловскими унціальными (uncialibus) буквами, описаніе котораго сдѣлалъ ученый Востоковъ въ № 14 Библіографическихъ Листовъ Кеппена, хранится въ Супрасльскомъ базиліанскомъ монастырѣ, находящемся въ разстояніи около трехъ нѣмецкихъ миль отъ Бѣлостока. Съ нѣкотораго времени этотъ кодексъ находится въ моихъ рукахъ, такъ какъ я думаю издать оный въ свѣтъ.

Изъ характерныхъ особенностей этого кодекса: древняго славянскаго языка, словъ, вышедшихъ изъ употребленія, архаическихъ (pervetusta) формъ и флексій глаголовъ и именъ существительныхъ, а также по характеру письма, приближающемуся къ глаголическому или, лучше сказать, къ письму славянъ, обитавшихъ въ древней Иллиріи, можно предположить, что мѣстомъ происхожденія кодекса слѣдуетъ считать Далмацію или же Аѳонскую гору [3]). Сродство, если можно такъ выразиться, нашего кодекса съ глаголическими таково, что, еслибы мнѣ случилось увидѣть глаголическій кодексъ болѣе старый (antiquiorum), чѣмъ нашъ кирилловскій, то я не задумался бы сказать, что этотъ послѣдній происходитъ отъ него. Будучи шесть лѣтъ тому назадъ въ Вильнѣ, я имѣлъ въ рукахъ изданныя Монфокономъ творенія святаго Златоуста; сличивъ нѣсколько поученій Супрасльскаго кодекса съ греческимъ текстомъ, я замѣтилъ, что

---

[2]) „So entzieht sich unserer Beurtheilung der auffalende Umstand“.

[3]) Нужно сличить это мѣсто письма М. Бобровскаго къ Эйхвальду съ письмомъ его къ Кеппену отъ 15-го мая 1826 г., въ которомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы въ программу путешествія по славянскимъ землямъ было включено путешествіе черезъ страны Македоніи вплоть до Аѳонской горы. См. примѣчаніе 23-е къ нашей статьѣ „Судьба Супрасльской рукописи“.

нашъ кодексъ сходится съ древнѣйшими, лучшаго происхожденія, греческими кодексами Іоанна Златоуста, такъ что при критическомъ обзорѣ текста это обстоятельство не должно быть оставляемо безъ вниманія.

Согласно справедливому желанію славнаго мужа Копитара, я съ большою охотою посылаю одно слово святаго Златоуста цѣликомъ и часть другаго, остальное же, чтò потребуется, оставляю для переписки in καιρον.

При перепискѣ я тщательно наблюдалъ, чтобы, согласно желанію ученѣйшаго мужа, страница соотвѣтствовала страницѣ, стихъ — стиху, слово—слову; равнымъ образомъ сохранялъ словосокращенія, стихометрическія соединенія и форму буквъ и знаки препинанія, и орѳографическія замѣтки, такъ что не позволилъ себѣ въ своей копіи измѣнить ни одной іоты Супрасльскаго кодекса; равнымъ образомъ я не преминулъ вторично прочесть ее и исправить ошибки.

Сверхъ того, нужно добавить, что листы Супрасльскаго кодекса не нумерованы, и слово святаго Златоуста, которое начинается словами: „Отъ чоудесъ“, занимаетъ почти средину кодекса, а слово святаго Епифанія написано затѣмъ, такъ что до конца кодекса, который не полонъ, находится еще восемь тетрадей (sexterniones, то-есть, 48 листовъ).

Шерешовъ. 10-го августа 1837 года. Протопресвитеръ греко-уніатской Жировицкой каѳедры, заслуженный профессоръ Михаилъ Бобровскій [1]).

II.

Варѳоломею Копитару, ученѣйшему и знаменитѣйшему мужу,

Михаилъ Бобровскій.

Справедливому желанію твоему, clarissime vir, и просьбамъ друзей, а въ особенности настояніямъ ученаго (doctissimi) профессора Эйхвальда о посылкѣ въ Вѣну славянскаго Супрасльскаго кодекса для того, чтобы ты могъ собственными руками осязать оный и окинуть его критическимъ взоромъ, я не могъ не удовлетворить. Имѣешь, поэтому, послѣднюю часть кодекса, содержащую въ себѣ, главнымъ образомъ, бесѣды (sermones) св. отецъ и состоящую изъ 21 четверки (quaternione). У послѣдней четверки, то-есть, 37-й (такъ какъ я сдѣ-

[1]) „Szereszovii. Die 10 Augusti anno 1837. Cathedrae greco-unitae Zyrovicensis protopresbyter Professor emeritus Michael Bobrowski“.

лалъ нумерацію красною краскою), нѣтъ предпослѣдняго листа. Первую же часть (у которой равнымъ образомъ нѣтъ начала и также въ дальнѣйшемъ конца), изъ 16 четверокъ, содержащую въ себѣ преимущественно житія или же, если предпочитаешь, сказанія о жизни святыхъ, которыхъ память празднуется въ греческой церкви въ мартѣ мѣсяцѣ, я намѣренно удержалъ; такъ какъ боюсь, чтобы столь дорогой для насъ кодексъ, если будетъ посланъ цѣликомъ, не погибъ весь случайно въ дорогѣ, и тогда несчастіе было бы со-совершенно неисправимо. Если же случится какое-либо несчастіе съ одною частью, другая же сохранится, то горе наше будетъ все-таки меньшимъ, и у меня будетъ по крайней мѣрѣ хотя нѣчто для возвращенія въ библіотеку Супрасльскаго монастыря, въ которой сохраняется это κειμέλιον. Но да отвратитъ отъ насъ Господь такое несчастіе! Когда же я получу обратно всю вторую часть, я пошлю и первую тѣмъ охотнѣе, что нашъ clarissimus профессоръ Эйхвальдъ принялъ на себя обязанность отсылки и полученія кодекса обратно. Но довольно объ этомъ. Въ болѣе удобное время сообщу то, что̀ мною замѣчено въ этомъ кодексѣ. Съ большимъ удовольствіемъ читаю твою „Клоціеву глаголиту", которою ты меня почтилъ, но тщетно ищу въ этомъ экземплярѣ двухъ гравированныхъ на мѣди таблицъ, которыя показаны въ оглавленіи, и къ которымъ читатель очень часто отсылается въ критическихъ замѣчаніяхъ [5]).

Всего лучшаго и не забывай насъ. Писалъ въ Вильнѣ іюня 18-го дня 1838 года [6]).

Профессоръ Ягичъ, доставивъ намъ обязательно отдѣльный оттискъ этихъ писемъ своего изданія, въ письмѣ отъ 5-го января сего 1888 года сообщаетъ: „Прибавлю, что недавно отыскалъ еще одно письмо вашего дяди къ Копитару отъ 8-го ноября 1839 года, въ которомъ онъ (вашъ дядя) сообщаетъ Копитару о томъ, что вторая часть извѣстной рукописи возвращена въ Вильну и оттуда имъ же (Бобровскимъ) свезена домой (къ себѣ ли, или въ Супрасль, не видно), и что онъ (вашъ дядя) теперь, то-есть, 8-го ноября, посылаетъ Копитару первую часть (16 тетрадей). Дальше идутъ разсужденія вашего дяди о важности этой рукописи, о ея родинѣ и о томъ, какъ она могла попасть въ Супрасль. Любопытное это письмо будетъ мною напечатано въ свое время въ

[5]) Эта глаголическая рукопись, найденная въ библіотекѣ извѣстнаго австрійскаго мецената, барона Клоца, издана Копитаромъ въ 1836 году.

[6]) „Vale quam optime et nobis fave. Scribebam Vilnae die 18 Junio anno 1838".

журналѣ такимъ же образомъ, какъ оба прежнія, и я не замедлю доставить вамъ отдѣльный оттискъ".

Такимъ образомъ вторая половина рукописи (21 тетрадь) переписана была Копитаромъ въ промежутокъ времени отъ 18-го іюня 1838 года, а первая отъ 19-го февраля до 20-го апрѣля 1840 года. Изъ письма же къ профессору Эйхвальду видно, что М. К. Бобровскій предполагалъ самъ издать Супрасльскую рукопись, точно также, какъ онъ думалъ издать и другіе цѣнные матеріалы по славистикѣ (напримѣръ, Славянскую библіографію).

Нужно замѣтить еще, что ранѣе предполагалось профессору Бобровскому поручить устройство Полоцкой духовной академіи [7]), сдѣлать его въ ней ректоромъ, и эту мысль долгое время лелѣяли епископы Іосифъ Сѣмашко и Антоній Зубко; отъ академіи пришлось отказаться лишь тогда, когда ассигнованная на устройство ея сумма была обращена на усиленіе способовъ для пріобрѣтенія церковныхъ книгъ московской печати и разнаго рода церковной утвари, а равно на устройство иконостасовъ въ Литовской и Бѣлорусской епархіяхъ. М. К. Бобровскій, однако, продолжалъ по временамъ навѣщать Вильну и послѣ возсоединенія уніатовъ съ православіемъ.

Отысканное г. Ягичемъ второе письмо Бобровскаго къ Копитару, отъ 8-го ноября 1839 года, относится именно къ тому времени, когда нашъ ученый профессоръ былъ призванъ въ Вильну для завершенія, такъ сказать, дѣла возсоединенія. Изъ письма епископа Іосифа Сѣмашки къ графу Протасову (конфиденціально) отъ 4-го сентября

---

[7]) *Морошкинъ*. Возсоединеніе уніи. *Вѣстникъ Европы* 1872 г., № 4, стр. 639. Съ прекращеніемъ отправленія уніатскихъ клириковъ въ римско-католическую семинарію при Виленскомъ университетѣ предполагалось учредить въ Полоцкѣ для уніатовъ высшія каѳедры богословскихъ наукъ и церковной словесности, обративъ Полоцкую семинарію въ греко-уніатскую духовную академію. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ императору Николаю Павловичу министромъ Шишковымъ въ апрѣлѣ 1828 года, было сказано слѣдующее: „Въ дѣлѣ семъ можно употребить съ пользою, между прочимъ, профессора Виленскаго университета богословскихъ наукъ, уніатскаго священника (sic) Бобровскаго, отлично одобреннаго митрополитомъ (Булгакомъ) и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ. Нужно его вызвать сюда для составленія плана образованія сей академіи и Жировицкой семинаріи. Находясь постоянно при университетѣ и главной семинаріи, онъ, вѣроятно, знаетъ, способнѣйшихъ изъ священниковъ, тамъ обучавшихся, коихъ можно употребить профессорами академіи и семинаріи" и т. д. См. Высочайше утвержденный докладъ греко-уніатск. департамента и дѣло о Полоцк. дух. академіи въ синод. архивѣ по 2-му департаменту, № 61.

1839 г., видно, что 1-го сентября 1839 г. прибыли въ Вильну для совершенія торжественнаго богослуженія преосвященный Исидоръ (нынѣшній митрополитъ С.-Петербургскій), Іосифъ Сѣмашко, епископъ Литовскій, и Антоній Зубко, епископъ Минскій, вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями отъ духовенства обѣихъ епархій, въ числѣ которыхъ находимъ старшаго соборнаго протоіерея Михаила Бобровскаго. Въ воскресенье, 3-го сентября, въ Свято-Троицкомъ, бывшемъ базиліанскомъ, монастырѣ всѣ три архіерея совершили соборне торжественное богослуженіе при необыкновенно большомъ стеченіи народа. „Священниковъ къ богослуженію употреблено было съ обѣихъ сторонъ 12: со стороны моей—Тупальскій, ректоръ Гомоницкій [8]) и Бобровскій, очень кстати здѣсь бывшій по извѣстности его въ Вильнѣ, и четыре іеромонаха; со стороны Исидора — два архимандрита, одинъ протоіерей, одинъ священникъ и одинъ іеромонахъ" (Записки митрополита Іосифа, т. II, № 37).

Можетъ быть, при своихъ неоднократныхъ посѣщеніяхъ Вильны, Михаилъ Кирилловичъ готовилъ способы къ изданію Супрасльской рукописи. Во всякомъ случаѣ должно казаться страннымъ оставленіе Копитаромъ части рукописи въ Вѣнѣ въ такое именно время, когда Бобровскій подготовлялъ матеріалы для ея изданія.

Приведенныя письма Михаила Кирилловича къ Копитару въ соединеніи съ фактами изъ нашихъ изслѣдованій о Супрасльской рукописи побуждаютъ насъ обратить вниманіе еще на слѣдующія объясненія Срезневскаго къ изданной имъ „Переискѣ А. Х. Востокова": „Востокову самому не удалось видѣть всей Супрасльской рукописи, и все-таки его статья въ Библ. Листахъ долгое время оставалась единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпали о ней свѣдѣнія. По его же старанію этотъ памятникъ доставленъ былъ позже Копитару, а тотъ всю рукопись переписалъ, а часть ея удержалъ у себя до смерти, такъ что послѣ смерти она вмѣстѣ съ другими его рукописями перешла въ Люблянскую библіотеку" [9]).

---

[8]) Протопресвитеръ Антоній Тупальскій, предсѣдатель Брестской, а съ 1828 года Литовской консисторіи, болѣе двадцати лѣтъ *фактически* управлялъ епархіей и образовалъ вмѣстѣ съ Антоніемъ Зубкомъ и М. Бобровскимъ Жировицкую семинарію; Ипполитъ Гомолицкій, воспитанникъ главной духовной семинаріи (1824—1827 гг.), былъ назначенъ послѣ Антонія Зубка ректоромъ Жировицкой семинаріи.

[9]) *Сборн. II-го отд. Импер. Акад. Наукъ*, т. V, вып. 2, № 130, стр. 443.

Въ 1837 году Михаилъ Кирилловичъ еще не терялъ надежды издать этотъ знаменитый кодексъ славянской древности, который Шафарикъ и другіе считали древнѣе даже Остромірова Евангелія. Но къ ея изданію обстоятельства не благопріятствовали Бобровскому по прежнему. Между тѣмъ Востоковъ, послѣ изданія своей Россійской грамматики, приготовлялъ матеріалы для изданія въ свѣтъ Остромірова Евангелія (изд. въ 1841 г.). Считая Супрасльскую рукопись предметомъ письменности западныхъ славянъ (вѣроятно, Моравіи), онъ присоединился къ числу тѣхъ друзей, которые вмѣстѣ съ профессоромъ Эйхвальдомъ упрашивали М. К. Бобровскаго весною 1838 года склониться на желаніе Копитара „собственными руками осязать" этотъ древнѣйшій кодексъ, написанный кириллицей. Востоковъ, надо думать, желалъ знать мнѣніе о ней отъ Копитара, который родиною старославянскаго языка считалъ Паннонію. Но иначе смотрѣли на этотъ вопросъ другіе ученые. Подобно Бобровскому, Шафарикъ, напримѣръ, относилъ Супрасльскую рукопись къ письменности южныхъ славянъ XI столѣтія.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о переходѣ Супрасльской рукописи въ руки Копитара обставленъ такими фактами, на основаніи которыхъ никакъ нельзя утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ и польскихъ ученыхъ, что Бобровскій подарилъ ее Копитару. Сообразивъ письма о ней къ Востокову Шафарика 1836—1838 гг. (№№ 248, 249, 254, 258, 259 [10]), который считаетъ эту драгоцѣнность принадлежностью южно-славянской письменности начала

---

[10]) *№ 248, 21-го февр. 1836 г.* Шафарикъ проситъ Востокова, доставить ему копіи тѣхъ *выписокъ* о Супрасльской рукописи, о которыхъ сказано на стр. 533 *Библ. Лист.*; Шафарикъ находитъ, что гипотеза Копитара о старшинствѣ глаголицы передъ кириллицею лишена здраваго смысла и противорѣчитъ исторіи.— *№ 249, 23-го іюня 1836 г.* Шафарикъ повторяетъ просьбу о присылкѣ ему выписокъ изъ Супрасл. рукописи.—*№ 254, 2-го апрѣля 1837 г.* Шафарикъ благодаритъ Востокова за драгоцѣнный подарокъ названной выписки: „рукопись эта стара, очень стара", ее слѣдуетъ отнести къ началу XI в., но для удостовѣренія, необходимо имѣть facsimile, которыя доставлены Бобровскимъ въ Петербургъ.—*№ 258, 6-го января 1838 г.* Не получая болѣе восьми мѣсяцевъ даже отвѣта, Шафарикъ повторяетъ просьбу о доставленіи ему facsimile этой въ высшей степени замѣчательной рукописи. —*№ 259, 4-го апрѣля 1838 г.* Шафарикъ спрашиваетъ: „могу ли я надѣяться получить снимокъ?" (Переписка Востокова — *Сб. II отд. Имп. Акад. Наукъ*, т. V, вып. 2-й). Отвѣта со стороны Востокова не послѣдовало, а между тѣмъ весною 1838 г. начинается ухаживаніе за Бобровскимъ, чтобъ онъ послалъ *всю рукопись* къ Копитару *для переписки и критической оцѣнки!*

XI столѣтія, письмо Копитара къ Востокову же въ 1841 г. (№ 271) гдѣ онъ упоминаетъ о Прейсѣ [11]), гдѣ спрашиваетъ Востокова: „живъ ли еще Бобровскій", далѣе имѣя въ виду доставленныя два письма Бобровскаго къ Эйхвальду и Копитару 1837 и 1838 гг., вышеприведенное объясненіе И. И. Срезневскаго о стараніи Востокова, чтобы рукопись попала къ Копитару, и наконецъ, письма Ганки къ Востокову и Норову,—мы приходимъ къ такому выводу, что въ дѣлѣ передачи рукописи въ руки Копитара дѣйствовали какія-то тайныя силы, къ которымъ не былъ, да и не могъ быть причастенъ просвѣщенный служитель алтаря, наставникъ „архипастырей".

Къ изслѣдованіямъ нашимъ о судьбѣ Супрасльской рукописи считаемъ нужнымъ сдѣлать еще нѣсколько дополненій на основаніи недавно открытыхъ и доставленныхъ намъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи М. К. Бобровскаго. Это собственноручно веденный покойнымъ профессоромъ журналъ съ отпусками важнѣйшихъ писемъ его за 17 лѣтъ, съ начала 1830 года по 22-е февраля 1847 [12]). Всѣхъ писемъ болѣе ста. Корреспонденція эта касается: 1) вопросовъ, относящихся къ исторіи греко-унитской церкви въ важнѣйшихъ ея фазисахъ, отъ смерти митрополита Лисовскаго въ 1809 году до подписки, данной унитскими епископами о согласіи ихъ на возсоединеніе съ православіемъ (письмо 21-го января 1835 г.); 2) исторіи славянской литера-

---

[11]) Петръ Ивановичъ Прейсъ до 1838 г. былъ учителемъ русскаго языка въ Дерптской гимназіи, затѣмъ около года пробылъ въ Петербургѣ, изучая древнія рукописи подъ наблюденіемъ Востокова, далѣе съ 1839 по 1842 г. путешествовалъ по славянскимъ землямъ и, наконецъ, съ 1843 по 1845 г. былъ преподавателемъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій съ С.-Петербургскомъ университетѣ. Срезневскій былъ друженъ съ Прейсомъ. Обоимъ несомнѣнно была извѣстна вся процедура передачи Супрасльской рукописи Копитару.

[12]) Считаемъ долгомъ выразить глубокую признательность священнику Малечской церкви Владиміру Андреевичу Кургановичу за сохраненіе и передачу намъ упомянутыхъ собственноручныхъ писемъ протоіерея М. К. Бобровскаго, равно какъ протоіерею Николаю Жуковичу, охотно принявшему на себя заботы по пересылкѣ ихъ изъ г. Пружанъ, при письмѣ отъ 11-го февраля сего года. „Священникъ, къ которому вы заѣзжали въ Городечнѣ, ѣдучи изъ г. Кобрина въ г. Пружаны" (въ апрѣлѣ 1861 г.), пишетъ мнѣ протоіерей Жуковичъ,—„назывался Андрей Кургановичъ; онъ уже умеръ и былъ въ близкихъ и личныхъ отношеніяхъ съ вашимъ дядею, о которомъ говорилъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ и любовью, какъ о человѣкѣ весьма ученомъ. Послѣ него остался одинъ только сынъ Владиміръ, состоящій священникомъ въ м. Мальчѣ, въ 16 верстахъ отъ г. Пружанъ". См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887 г., октябрь, стр. 305.

туры, между прочимъ: а) проекта графа Сперанскаго о составленіи сравнительнаго словаря нарѣчій славянскихъ, къ каковому труду съ Высочайшаго соизволенія предполагалось привлечь Михаила Кирилловича; послѣдній въ письмѣ отъ 16-го февраля 1833 г. разсматриваетъ критически состояніе словарей и грамматикъ у всѣхъ славянъ и признаетъ составленіе всеславянскаго словаря предпріятіемъ очень важнымъ, могущимъ составить эпоху въ славянской литературѣ, но еще преждевременнымъ; б) свѣдѣній о Супрасльской рукописи, „можетъ быть, единственной въ славянской литературѣ"; но здѣсь мы не нашли ничего новаго: черновыми отпусками Михаила Кирилловича подтверждается все то, что̀ уже нами сказано въ нашемъ изслѣдованіи; эти черновые отпуски вполнѣ согласны съ подлинниками; въ письмѣ къ Эйхвальду, отъ 28-го апрѣля 1838 г., еще не опубликованному нами, выражено извѣстное уже опасеніе за цѣлость рукописи, принадлежащей монастырю, и просьба о выдачѣ росписки посланному въ ея полученіи; в) открытія М. К. Бобровскимъ (1823 г.) въ грудѣ всякаго монастырскаго хлама Лѣтописца Литовско-Русскаго, переданнаго Супрасльскимъ монастыремъ, по его просьбѣ, профессору Даниловичу для изданія (изданъ въ 1827 г.). Оказывается, что Бобровскій помогалъ Даниловичу разбирать эту лѣтопись, о чемъ впрочемъ и упоминаетъ издатель въ своемъ предисловіи. Здѣсь же въ грудѣ бумагъ попалось М. К. Бобровскому слово св. Ефрема, напечатанное въ Супрасльской типографіи старообрядцами, при прусскомъ правительствѣ, по старинной славянской рукописи, хранившейся въ монастырѣ (письмо отъ 10-го декабря 1839 г.). На этомъ пока остановимся, въ надеждѣ со временемъ сообщить еще нѣкоторые новые факты, относящіеся и къ исторіи возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, и къ исторіи славянской литературы.

П. Бобровскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ДРАМЫ.

V[1]).

Указывая на книгу „Іудиѳь“, какъ на матеріалъ для драматическаго представленія, Лютеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилъ вниманіе и на другую библейскую повѣсть, которая казалась ему также очень похожею на драму, именно—на исторію Товіи. „Можно предполагать“, говоритъ онъ въ предисловіи къ переводу „Товіи“,—„что у евреевъ было много подобныхъ прекрасныхъ поэмъ и дѣйствъ, которыя ими разыгрывались на праздникахъ и шабашахъ и служили поученіемъ для юношества. „Іудиѳь“ представляетъ собою серьезную и доблестную трагедію, „Товія“—изящную, пріятную и благочестивую комедію“ [2]).

Нѣмецкіе драматурги XVI и XVII столѣтій воспользовались этимъ указаніемъ, и комедія о Товіи сдѣлалась, наравнѣ съ Эсѳирью и Іудиѳью, однимъ изъ самыхъ любимыхъ сюжетовъ для школьныхъ представленій: начиная съ Ганса Сакса (1533 г.) и Викрама (1551 г.), обработкой этого сюжета въ нѣмецкихъ и латинскихъ дѣйствахъ занимались, въ указанную эпоху, многіе писатели, такъ что количество дошедшихъ до насъ комедій о Товіи превышаетъ десять. Очень можетъ быть, что которая-нибудь изъ этихъ обработокъ библейскаго разказа послужила образцомъ для пьесы Грегори, представленной 2-го ноября 1673 г. Текстъ этой пьесы, къ сожалѣнію, не сохранился.

---

[1]) См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1888 годъ.

[2]) *Gödecke*, II², 330 b.

Къ тому же разряду библейскихъ пьесъ относится и „Малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ объ Іосифѣ“ [1]), представленная, по всей вѣроятности, позже „Товіи“. Исторія прекраснаго Іосифа (Бытія 37—44) изъ всѣхъ библейскихъ разказовъ съ давнихъ поръ пользовалась повсюду въ Европѣ наибольшею популярностью; средневѣковая литература представляетъ множество различныхъ пересказовъ этой исторія, въ прозѣ и стихахъ; въ очень давнее время появилась она и на сценѣ, въ видѣ мистеріи, и затѣмъ, какъ мы уже видѣли, обработывалась школьными драматургами XVI—XVIII вѣковъ въ разныхъ формахъ, исторически и аллегорически [2]). Въ нѣмецкой литературѣ XVI и XVII вв. насчитывается болѣе двадцати комедій объ Іосифѣ; въ польскихъ школахъ эта тема была едва ли не самою обычною, при чемъ іезуиты придавали ей, большею частью, аллегорически-нравоучительную форму и совершенно исключали соблазнительную сцену съ женою Пентефрія, указывая въ самомъ заглавіи пьесы на отсутствіе женщины въ числѣ дѣйствующихъ лицъ (komedya bez persony niewesciej). Педагоги Іисусова ордена строго предписывали при сочиненіи драмы воздерживаться отъ изображенія какой бы то ни было любви, даже самой чистой, и вообще устранять женщинъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ (ne persona ulla muliebris vel habitus introducatur). „Не возможно безъ опасности прикасаться къ огню, даже скрытому подъ пепломъ“, говорили они,—„и угли, даже потухшіе, пачкаютъ руки“ [3]). Съ другой стороны, писатели, болѣе или менѣе независимые отъ іезуитскихъ учебниковъ и писавшіе, по видимому, не для школы, не только не исключали „persony niewesciej“, но даже иногда придавали сценѣ съ Пентефріевою женой особенное развитіе и реальный характеръ. Такою, напримѣръ, является эта сцена въ пьесѣ Николая Рея: „Żywot Josefa“, 1545 г. [4]). Въ репертуарѣ „англійскихъ“ комедіантовъ также находилась комедія объ Іосифѣ, до насъ, однако, не дошедшая [5]).

---

[1]) Русск. драм. произв., I, 270—295.

[2]) Изслѣдованію подобныхъ переработокъ въ литературѣ XVI вѣка посвящена недавно вышедшая спеціальная работа: *Weilen*. Der ägyptische Joseph im Drama des XVI Jahrhunderts. Ein Beitrag zur vergl. Literaturgeschichte. Wien. 1887

[3]) *Boysse*. Le théâtre des jésuites, p. 27.

[4]) Напечатана у *Войцицкаго*, Teatr starożytny, I, 131—157.

[5]) *Gödecke*, II², 530, № 54.

Въ русской литературѣ исторія Іосифа, какъ и повсюду, была хорошо извѣстна съ первыхъ вѣковъ нашей письменности. Со множествомъ апокрифическихъ подробностей и амплификацій, по старымъ восточнымъ сказаніямъ, излагалась она въ Палеяхъ („Завѣты двѣнадцати патріарховъ") и Прологахъ, откуда перешла въ народныя легенды и духовные стихи [1]). Пьеса Грегори замѣчательна особенно тѣмъ, что авторъ ея пользовался, между прочимъ, и этими апокрифическими сказаніями объ Іосифѣ:—непосредственно, или заимствуя свою комедію изъ готовой уже пьесы нѣмецкой, обработанной на основаніи апокрифовъ,—это вопросъ, который, кажется, слѣдуетъ рѣшить въ смыслѣ близкой зависимости отъ нѣмецкаго оригинала: языкъ русской комедіи объ Іосифѣ представляетъ не мало характерныхъ германизмовъ [2]).

Пьеса, названная въ прологѣ „малою прохладною комедіею" (kurzweilige, lustige Comödie—обычный эпитетъ „англійскаго" репертуара), дошла до насъ не вполнѣ: рукопись обрывается на 7-й сѣни втораго дѣйства. Прологъ или „предисловіе", послѣ обычнаго обращенія къ царю, говоритъ о злонравіи и добродѣтели и заключается словами: „Понеже паки малую прохладную о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ комедію въ дѣйствѣ объ Іосифѣ въ пречестныя очи предпоставити умыслили есмы, тѣмъ же не отчаемъ, яко превысокая вашего царскаго величества обыклая милость во всемилосердомъ пресмотрѣніи дѣтскаго дѣйствія нашего проводити оное благоволитъ". Очевидно, комедія была представлена „робятами", учениками школы Грегори, и притомъ не одинъ разъ: слово паки указываетъ на второе представленіе той же комедіи въ присутствіи царя, награждавшаго актеровъ своею уже обыклою въ то время милостью.

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокриѳ. сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ, 52—55, 256—280, 288; Апокриѳ. сказанія и пр. по рукописямъ Соловецкой библіотеки, 149—194; *Безсоновъ*, Калики, I, 155—205.

[2]) Напримѣръ: *живи благо* (278); *никое милосердіе!* (Keine Erbarmung, 277); *отче мой Израиле! когда бъ ти возможно было возлюбленнаго сына твоего Іосифа нынѣ увидѣти!* (o mein Vater Israel! wenn's dir möglich wäre deinen geliebten Sohn Ioseph nun zu sehen, 281); *пойди токмо, пойди* (geh'doch, geh' 281); *безъестественная помышленія* (unnatürliche Gedanken, 287); *никому иному, кромѣ мнѣ* (keinem anderen als mir, 287) и др. Переводъ сдѣланъ, вѣроятно, въ посольскомъ приказѣ; переводчикомъ былъ москвичъ, потому что въ пьесѣ не видно слѣдовъ южно-русскаго нарѣчія, и напротивъ, попадаются выраженія чисто великорусскія (напримѣръ, *будь вамъ повольно*, 284; *здѣ по рукамъ бьютъ*, то-есть, заключаютъ сдѣлку 280, и др.).

Число дѣйствующихъ лицъ въ сохранившихся двухъ первыхъ актахъ комедіи превышаетъ 20; во всей комедіи ихъ было, конечно, еще больше. Въ первомъ актѣ, раздѣленномъ на пять сѣней, представлено постепенное развитіе ненависти братьевъ къ Іосифу и продажа его въ рабство израильтянамъ; дѣйствіе идетъ очень быстро, въ короткихъ діалогахъ, и отличается сценичностью. Во второмъ актѣ Іосифъ уже въ домѣ Пентефрія; здѣсь съ особенною подробностью представлены его отношенія къ женѣ Пентефрія, которая названа Вильгой (Bilha, имя рабыни, которую Рахиль дала въ наложницы Іакову, Быт. 30, 3; въ славянской Библіи она называется Валлою: еще указаніе на нѣмецкій оригиналъ комедіи). Источникомъ для сценъ Іосифа съ Вильгою служили апокрифическіе „Завѣты двѣнадцати патріарховъ", гдѣ весьма обстоятельно и въ романическомъ стилѣ излагается развитіе страсти въ египтянкѣ и трудная борьба съ нею Іосифа. Сначала жена Пентефрія только ласкаетъ Іосифа и говоритъ, что хочетъ имѣть его вмѣсто сына, потому что у нея нѣтъ дѣтей; затѣмъ уже прямо открываетъ ему свою любовь и уговариваетъ раздѣлить ее. Іосифъ, съ своей стороны, увѣщеваетъ ее отказаться отъ преступныхъ мыслей; она же начинаетъ хвалить Іосифа передъ мужемъ и потомъ говоритъ Іосифу, что еслибы даже кто-нибудь и донесъ на него мужу, то онъ не повѣритъ. Видя, что всѣ ея старанія безуспѣшны, египтянка объявляетъ Іосифу, что ради любви къ нему она готова отступиться отъ идоловъ и можетъ склонить къ этому и мужа; но Іосифъ отвѣчаетъ, что Богу не угодны люди, живущіе въ нечистотѣ. Затѣмъ Вильга признается ему, что она готова извести мужа, и тогда можетъ сдѣлаться законною женою Іосифа. Іосифъ заклинаетъ ее удержаться отъ этого преступленія. Вильга пытается привлечь его подарками („здѣ ему поминки даетъ"): но, видя, что и это средство не дѣйствуетъ, рѣшается его отравить и посылаетъ ему „изрядную пищу" съ ядомъ; но Богъ открылъ ему злое намѣреніе египтянки, и Іосифъ, желая показать, что Богъ защищаетъ надѣющихся на него, беретъ кушанье и начинаетъ ѣсть въ ея присутствіи; она раскаивается и проситъ у него прощенія; но вслѣдъ затѣмъ снова начинаетъ настаивать, чтобъ онъ „сотворилъ ея желаніе".

Іосифъ. О, окаянная! чего ради ослѣпла еси въ грѣху и такъ въ великой печали и предаешься подъ владѣніе нечистаго духа? Отстани отъ сего грѣха и стыдися.

[illegible]. Горе. [illegible] никто [illegible] не [illegible] и [illegible] с [illegible] горя [illegible].

Іосифъ. Ахъ [illegible].

[illegible]. А я [illegible] тя.

Іосифъ. [illegible] тя!

[illegible]. [illegible] и [illegible]!

Іосифъ. Что [illegible]?

(Тут прибывают слуги Пентефріи.)

Что за насилство? что за насилство?

[illegible]. Ух! Горе! Довольное насилство, и уже погибну абие...

На этомъ рукопись [1]) обрывается. Всѣ подробности сценъ Іосифа съ Вильгою вполнѣ соотвѣтствуютъ разказу „Завѣтовъ", которые и на западѣ были извѣстны не меньше, чѣмъ на востокѣ [2]), и могли послужить матеріаломъ для нѣмецкаго автора, у котораго Грегори заимствовалъ свою пьесу.

Такимъ образомъ, первыя комедіи, представленныя наскоро собранною труппою пастора Грегоря въ первомъ московскомъ театрѣ, были написаны на ходячія темы, уже давно усвоенныя нѣмецкою драматическою литературой, и притомъ очень популярныя среди русскихъ грамотныхъ людей. Такой выборъ придавалъ новой нѣмецкой потѣхѣ благочестивую окраску (хотя бы только внѣшнюю) и долженъ былъ служить для нея, до извѣстной степени, оправданіемъ въ глазахъ людей, смущенныхъ новизною: нѣмцы и ихъ русскіе ученики „дѣйствовали изъ Библіи". Только уже тогда, когда эта новая потѣха была достаточно упрочена вниманіемъ государя, когда царская милость къ комедіантамъ сдѣлалась уже обыклою и ближайшее будущее театра перестало вызывать сомнѣнія и опасенія,—Грегори позволилъ себѣ выйдти изъ области библейскаго репертуара и представить предъ царскія очи пьесу уже совершенно свѣтскаго содер-

---

[1]) Имп. П. Б-ки, F. XIV. 6. Эта рукопись представляетъ копію, списанную въ началѣ нынѣшняго столѣтія для библіотеки гр. Сухтелена писцомъ, очень плохо разбиравшимъ старинную скоропись, и оттого заключаетъ въ себѣ много ошибокъ, не всегда поправимыхъ.

[2]) „Завѣты", по общему мнѣнію, были первоначально написаны на еврейскомъ языкѣ, съ котораго очень рано переведены на греческій; съ греческаго на латинскій они были переведены въ XIII в. Робертомъ, епископомъ Линкольнскимъ. Латинскій текстъ напечатанъ у *Фабриція*, Cod. pseudepigr. Vet. Test., I, 519—748; французскій—у *Миня*, Dict. des apocryphes, I, 854—918; русскій—у *Тихонравова*, Пам. отреч. лит., I, 96—232 (двѣ редакціи, XIV и XV вв.).

жанія,—Темиръ-Аксаково дѣйство или „малую комедію“ о Баязетѣ и Тамерланѣ [1]).

Наша пьеса о Тамерланѣ является отдаленнымъ отголоскомъ знаменитой трагедіи Марло: „Тамерланъ Великій“ (Tamburlaine the Great, 1586), которою этотъ сюжетъ впервые былъ введенъ въ европейскую драматическую литературу. Задавшись цѣлью проложить новые пути драматическому искусству, Марло считалъ необходимымъ поставить въ центрѣ дѣйствія трагическаго героя, одну могучую личность, одну преобладающую страсть, съ которою такъ или иначе были бы связаны всѣ подробности пьесы. Такимъ образомъ, прежняя эпическая монотонность и безсвязность дѣйствія съ безличностью персонажей смѣнились въ трагедіяхъ Марло яркою характеристикою героевъ и органическою сосредоточенностью дѣйствія, чертами вполнѣ драматическими. Не гоняясь за дешевыми эффектами кровавыхъ и шутовскихъ сценъ, быстро смѣняющихъ одна другую, Марло чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобъ увлечь публику за собою, ввести своихъ слушателей въ кругъ интересовъ болѣе широкаго объема, заставить ихъ быть свидѣтелями всемірно-историческихъ событій, паденія царствъ и народовъ. „Трудно подыскать сюжетъ, который въ такой степени удовлетворялъ бы вкусамъ народной аудиторіи XVI вѣка и въ то же время давалъ столько простора фантазіи поэта, какъ жизнь Тамерлана. Бродить съ великимъ завоевателемъ по зыбучимъ пескамъ Персіи и Египта, присутствовать при кровопролитныхъ сраженіяхъ и осадахъ городовъ, быть свидѣтелями пріема посольствъ и депутацій, одѣтыхъ въ роскошные костюмы востока, наконецъ—воочію видѣть загадочнаго и грознаго человѣка, о которомъ въ средневѣковой Европѣ ходило столько фантастическихъ разказовъ,—какое утѣшеніе для глазъ, какой праздникъ для воображенія!“ [2]) Понятно, почему эта трагедія Марло вызвала въ европейской литературѣ XVII столѣтія многочисленныя передѣлки и подражанія. Бродячія труппы „англійскихъ комедіантовъ“ разнесли ее по всей Германіи и, конечно, старались приспособить представленіе къ вкусамъ своей публики, выпуская мало-эффектныя сцены (напримѣръ, любовныя объясненія Тамерлана съ дочерью египетскаго султана Зенократой)

[1]) Русск. драм. произв. I, 204—242, по рукописи Моск. гл. архива министерства иностр. дѣлъ.

[2]) *Н. И. Стороженко*. Предшественники Шекспира. С.-Пб. 1872, стр. 219.

и замѣняя ихъ новыми, составленными по обычному „англійскому“ рецепту: побольше крови и грубыхъ буффонадъ Пикельгеринга. Переходя, такимъ образомъ, изъ рукъ въ руки, трагедія Марло утрачивала свой первоначальный смыслъ и обращалась иногда въ сильно сокращенный и довольно безсвязный пересказъ Марловскаго сюжета, изъ котораго оставалось въ памяти только одно главное событіе—побѣда Тамерлана надъ Баязетомъ, да кое-какіе отрывки изъ характеристики героя пьесы. Одна изъ такихъ нѣмецкихъ передѣлокъ попала, надо полагать, въ руки Грегори, который, вмѣстѣ съ своими помощниками, наскоро перевелъ ее на русскій языкъ, при чемъ дѣло, по всей вѣроятности, не обошлось безъ сокращеній [1]).

Наше Темиръ-Аксаково дѣйство лишь очень немногими общими чертами напоминаетъ свой далекій англійскій первообразъ. Оно состоитъ изъ пролога, эпилога и трехъ дѣйствъ, раздѣленныхъ на 13 сѣней. Число дѣйствующихъ лицъ доходитъ до тридцати. Въ прологѣ, начало котораго, къ сожалѣнію, утрачено, заключаются общія разсужденія о комедіи, вѣроятно, не понятыя и оттого перепутанныя переписчикомъ, такъ что ихъ смыслъ еще болѣе затемнился:... „а что во в(селенной) творится, кромѣ радости и печали? Едина персона радостно играетъ, а другая печально играетъ, и скоро благосчастіе превратится. Во многихъ ѳилосоѳскихъ книгахъ чтутъ и въ письмахъ ихъ обрящутъ, что можетъ вмѣсто комедіи почитать. Въ землѣ таѳельской всѣ городы и села не огорожены, а однако жь ихъ честное житіе по тому не узнать (?). А во всей вселенной обрящутъ, что старые люди временемъ недогадливы, такъ что и молодые“... Прологъ заключается обычною просьбой о милостивомъ вниманіи; „выговоря“ эту просьбу, „всѣ падутъ на землю и поклонятца его царскому величеству“.

Начало перваго дѣйствія также не сохранилось. На сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ обрывкамъ и по соображенію съ дальнѣйшими словами Тамерлана, комедія начиналась эффектною фантастическою картиною: Тамерланъ спитъ въ своей опочивальнѣ и видитъ во снѣ, что къ нему приходятъ многіе „честные храбрые люди“, прося помощи противъ варваровъ, а за ними прибѣгаетъ „мужъ сильный во всемъ оружіи, и очи ево что свѣщи горятъ, а въ рукахъ у него большая свѣща“,—и нападаетъ на Тамерлана. При этомъ на сценѣ

[1]) Въ эпилогѣ пьеса называется малою и *вскорѣ сотворенною* комедіей (242).

дѣйствуетъ пушечный нарядъ: „градъ и стрѣлянiе, гранаты и рекети (ракеты) огненные, молнія" и пр. Изъ сохранившихся безсвязныхъ отрывковъ первой сѣни можно понять, что „сильный мужъ" нападаетъ на Тамерлана за то, что онъ не хочетъ признавать его вѣры („...моей молитися не хощетъ"); этотъ непріятель обращается за помощью къ языческимъ богамъ („поизвольте огонь съ неба на землю спустить... свѣщѣ паки свое блисканіе воспріяти и укрѣпити ее, чтобъ вновь кровоизлитіе, пожаръ и разбой во всѣхъ улицахъ слышить")... Далѣе мы увидимъ, что Баязетъ изображается въ комедіи язычникомъ, а Тамерланъ—христіаниномъ.

Тамерланъ просыпается и „вопитъ", что его хотятъ убить. На крикъ прибѣгаютъ стремянный полкъ и „комнатная сторожа", которые успокоиваютъ его. Онъ посылаетъ за своими думными и комнатными боярами и разказываетъ имъ только-что видѣнный сонъ, Въ это время „придетъ почта съ листами": греческій цесарь Палеологъ проситъ своего „брата и союзника" Темиръ-Аксака помочь ему противъ сильнаго варварскаго врага Байцета (Баязета), который „безъ всякіе дани причины" началъ воевать греческое государство. Тамерланъ тотчасъ же посылаетъ къ Баязету своего думнаго боярина съ приказаніемъ оставить греческаго императора въ покоѣ и съ угрозами за неповиновеніе.

Между тѣмъ, Баязетъ съ своими приближенными пашами похваляется своею силой и славой, говоря, что скоро онъ сдѣлается владыкой всего свѣта и заставитъ все человѣчество признать его земнымъ богомъ. Приходятъ послы съ грамотою Тамерлана; взбѣшенный Баязетъ приказываетъ тотчасъ же готовиться къ походу. Съ своей стороны, и Тамерланъ собираетъ войско. Второе дѣйствіе происходитъ попеременно то въ лагерѣ Тамерлана, то въ лагерѣ Баязета. Войска обоихъ султановъ стоятъ другъ противъ друга, близъ Константинополя, и между ними происходятъ частыя стычки; Баязетъ терпитъ неудачи, но при извѣстіи о нихъ все еще по-прежнему похваляется. Въ одномъ сраженіи воины Тамерлана захватили въ плѣнъ анатолійскаго пашу, брата Баязетова; Тамерланъ приказываетъ привести его къ себѣ и совѣтуетъ ему убѣдить Баязета покориться; но паша на всѣ его вопросы и совѣты отвѣчаетъ дерзко и оскорбительно. Не смотря на это, Тамерланъ великодушно отпускаетъ его на свободу, и еще велитъ дать ему добраго коня. Себя самого Тамерланъ считаетъ избранникомъ провидѣнія (точно также, какъ и въ трагедіи Марло): „Я посланъ небомъ", говоритъ онъ,—„для того

чтобы усмирять дерзость Баязета и показать ему, что Господь Богъ казнитъ гордыхъ и возвышаетъ смиренныхъ". Такимъ образомъ, Тамерланъ обрисованъ въ нашей пьесѣ чертами христіанскаго рыцаря: онъ скроменъ, великодушенъ, уповаетъ на милость Божію; передъ рѣшительною битвой онъ приказываетъ своимъ воеводамъ: „да всякъ человѣкъ въ таборахъ нашихъ о полунощи, когда въ трубы затрубятъ, на колѣна припадетъ и Господа Бога о помощи проситъ надъ непріятели нашими (побѣду) получити", и самъ горячо молится: „О Боже, отецъ нашихъ Богъ! даждь намъ милость свою и укрѣпи мышцы наши и научи руцѣ наши ратовать, дабы убогое христіанство отъ шатостныхъ мучителей стѣсненны и посмѣяппы не были". Въ противоположность ему, Баязетъ представленъ чисто-восточнымъ тираномъ, жестокимъ кровопійцей; онъ—язычникъ, и также призываетъ своихъ боговъ, но не для молитвы, а только для проклятій, и не особенно имъ довѣряетъ: „аще бози пособствовать не хотятъ, тогда вы, храбрые меди и янычаня (мидійцы и янычары), помозите", говоритъ онъ. Онъ грозитъ потопить греческую столицу въ крови; по его повелѣнію, „войску подобаетъ грабить, убивать, тако же и младенца во чревѣ матери его жива да не оставятъ, зане азъ непотребну челядь греческую ищу известь, да и песъ во всей греческой землѣ не останется". При всякомъ извѣстіи объ успѣхахъ Тамерлана онъ приходитъ въ наступленіе, называетъ своего противника „хромымъ псомъ" и произноситъ страшныя угрозы. Эта противоположность двухъ характеровъ, нѣсколько напоминающая замыселъ Марло, выдержана во всей пьесѣ довольно послѣдовательно.

Въ третьемъ дѣйствіи наступаетъ катастрофа. На сценѣ „сполохъ" и сраженіе, во время котораго слышны крики побѣдителей и мольбы побѣжденныхъ: „На нихъ! На нихъ! На нихъ! На нихъ! На тѣхъ псовъ! Сполохъ! Сполохъ! На нихъ!—Пощадите, господа! Пощадите!—На нихъ! На тѣхъ псовъ! На нихъ!—Пощади! Пощади! Даруй ми животъ!—Имайте тѣхъ псовъ въ полонъ! Сбейте весело! Весело! На нихъ! На нихъ!"... Къ Тамерлану приводятъ плѣннаго Баязета, который, не смотря на пораженіе, все-таки, остается непреклоннымъ и осыпаетъ своего побѣдителя бранью. Тамерланъ приказываетъ посадить его въ желѣзную клѣтку и затѣмъ велитъ привести его жену, „да получитъ нѣчто отъ радости нашей". Въ присутствіи жены Баязета, Тамерланъ и его вельможи издѣваются надъ нимъ; Баязетъ не въ силахъ вынести этого позора и разбиваетъ себѣ го-

лову о желѣзныя прутья клѣтки („голову всю сокрушилъ, и мозгъ видѣть"). Тамерланъ благодаритъ Бога за побѣду.

Такимъ образомъ, основная идея пьесы—та же самая, чтò и во всѣхъ предыдущихъ, именно—что „гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать". Раньше Грегори иллюстрировалъ эту идею библейскими примѣрами, теперь же обратился къ исторіи и представителемъ христіанскаго смиренія выбралъ Тамерлана, нисколько не смущаясь странностью подобнаго выбора.

По внѣшнему своему построенію Темиръ-Аксаково дѣйство представляетъ много сходства съ „Іудиѳью", съ тою только разницею, что здѣсь нѣтъ того обильнаго многословія, какимъ отличается послѣдняя пьеса: дѣйствіе идетъ очень быстро, такъ что автора можно упрекнуть, пожалуй, даже въ излишней краткости. Здѣсь также, какъ въ „Іудиѳи", есть солдатскія сцены, и притомъ по содержанію своему почти одинаковыя съ подобными же сценами „Іудиѳи": солдаты радуются походу, который сулитъ имъ богатую добычу; они готовы идти „хотя къ бѣсу, гдѣ бы только больше казны и корысти добыти"; у нихъ уже заготовлено, въ счетъ будущихъ благъ, много вина, пива и табаку; они устраиваютъ веселую пирушку и поютъ пѣсню, очень похожую на приведенныя выше пѣсни Орива и Селума въ 5-мъ дѣйствіи „Іудиѳи":

Братья! да возвеселимся,
Симъ виномъ да утвердимся,
Богъ убо вѣсть, сколь намъ жити.
Нынѣ идемъ купно въ поле:
Убитымъ быть или въ здравьѣ,
Съ корыстью быть, а не убиты?
Тѣмъ же да будемъ въ началѣ!
Веселись радостью нынѣ,
Богъ убо вѣсть, кто да живетъ
Въ годъ испити того вина!
Cá, cá, cá, cá, cá, cá, cá, cá.

Комическими персонами являются здѣсь, однако, не солдаты въ родѣ Сусакима, а профессіональные шуты—Пикельгерингъ и Телпелъ (Tölpel, простофиля,—одно изъ прозвищъ Гансвурста); ихъ буффонскія выходки очень незамысловаты и не отличаются особеннымъ комизмомъ: все дѣло сводится просто къ потасовкѣ. Въ послѣдней сѣни перваго дѣйства, представляющей какъ бы интермедію, двое Тамерлановыхъ солдатъ, Леонардъ и Валеріо, останавливаютъ му-

жика, идущаго въ Царьградъ, и обыскиваютъ его. При немъ оказывается большая сумма денегъ, вино, „жаренки" (Bratwurst) и воровское письмо, изъ котораго видно, что онъ—лазутчикъ, подосланный отъ Баязета. Они тутъ же отрубаютъ ему голову и хотятъ подѣлить между собою добычу; но пока они разговариваютъ, Пикельгерингъ воруетъ деньги, выпиваетъ вино и съѣдаетъ жаренки. Солдаты въ страхѣ думаютъ, что убитый ими мужикъ былъ „волхвунъ"; они замѣчаютъ убѣгающаго Пикельгеринга и бросаются его догонять, но сталкиваются другъ съ другомъ, „падутъ на землю обои, бьютъ и вопятъ". Такимъ же боемъ и воплемъ оканчивается и другая сцена, въ которой дѣйствуетъ Tölpel. Онъ приходитъ въ лагерь къ пирующимъ солдатамъ и спрашиваетъ, нельзя ли и ему также быть въ служивыхъ людяхъ?

Манесъ. Се, брате, нынѣ паки добудемъ новаго товарища. Слушай, Телпелъ: можешь ли гораздо клянутися (браниться)?

Телпелъ. О кровь! Ей, гораздо!

Манесъ. О то бы добро было! Но умѣешь ли доброе ясти и пити?

Телпелъ. Ей, умѣю, когда что имѣю.

Манесъ. И то добрю. Но имѣешн ли сердце въ тѣлѣ своемъ?

Телпелъ. Того не вѣдаю, занеже никогда видѣлъ есмь, дабы кто утробу свою велѣлъ разрѣзати и далъ бы сердце свое осмотрѣти.

Манесъ. Безумниче! Азъ дерзость быти разумѣю.

Телпелъ. То азъ не разумѣю, что то есть.

Манесъ. Ты глупче! То есть, когда тебе кто ударитъ, да безъ спуску боронишся отъ него.

Телпелъ. Ни, таковъ глупъ не есмь. Лучше его упрошу, да меня не бьетъ.

Манесъ. Но когда тя кто ударитъ безвѣстно, что тебѣ зубы отъ земли збирати?

Телпелъ. То недостойно и безчинно чинилъ бы.

Манесъ. Но когда азъ тя по уху ударю?

Телпелъ (здѣ ударитъ Манеса). Возьми тя бѣсъ за то! Азъ пришолъ есмь испити, а не побоища воспріяти.

Манесъ. Стой! азъ токмо издѣваюсь, и т. д.

(Здѣ бьются обои).

Солдатъ Сусакимъ въ „Іудиѳи", какъ фигура комическая, стоитъ несравненно выше этихъ шутовъ, являющихся на сцену только для драки и не имѣющихъ къ ходу пьесы никакого отношенія. Роль Тёлпеля выписана нами цѣликомъ; Пикельгерингъ—лицо безъ рѣчей; очевидно, составитель комедіи, работая торопливо, не имѣлъ времени придумать для этихъ дурацкихъ персонъ чего-нибудь болѣе занимательнаго въ рѣчахъ и положеніи и въ то же время не счи-

талъ возможнымъ вовсе ихъ исключить. Вѣроятно, въ нѣмецкомъ оригиналѣ Темиръ-Аксакова дѣйства роль Пикельгеринга не была написана, а существовало лишь извѣстное въ „англійскихъ" комедіяхъ указаніе: „hier agiret Pickelhering", предоставлявшее полный просторъ импровизаторской находчивости исполнителя. Русскіе актеры, въ эпилогѣ пьесы сами себя называющіе „еще неискусными и несмышленными отрочатами", не могли, конечно, справиться съ такою задачей; оттого введенныя въ комедію потѣшныя сцены и ограничились только дракой. Сцены кровавыя вышли разнообразнѣе: зритель видѣлъ передъ собою сраженіе, казнь лазутчика, самоубійство Баязета. Не смотря на краткость комедіи, ея постановка требовала значительной опытности и искусства; это была пьеса à grand spectacle, обильно уснащенная всякими эффектами: тутъ нужны были и молнія, и выстрѣлы, огненныя гранаты и ракеты, трубы и барабаны; Тамерланъ выѣзжаетъ на конѣ; Баязета возятъ въ клѣткѣ. Словомъ, составитель дѣйства постарался придать ему возможно больше внѣшней привлекательности и заинтересовать зрителей чисто-свѣтскимъ представленіемъ. Эти старанія имѣли успѣхъ: есть извѣстіе, что комедія о Тамерланѣ и Баязетѣ разыгрывалась въ Москвѣ даже во времена Штелина, въ 1742 году [1]).

Что касается до языка этой пьесы, то онъ представляетъ большое сходство съ языкомъ „Іудиеи", такъ что переводчикомъ обѣихъ пьесъ можно предположить, одно и то же лицо. Здѣсь встрѣчаемъ обычные германизмы: благо да живетъ, прочитайте скоро, двигнитеся тогда и т. п.; союзъ если употребляется въ смыслѣ нѣмецкаго ob (напримѣръ: посмотри, есть ли не самъ Палеологусъ пріѣхалъ, 210; не вѣдаю, есть ли и вы такъ будете за мною наступати, 213); Баязетъ называетъ себя мастеромъ (Meister) всего свѣта (209); авангардъ и арьергардъ названы переднею и заднею стражею (220); Грузія—Георговскою землею (228), Китай—Хинѣйскимъ государствомъ (220) и т. д. южно-русскія слова и выраженія—тѣ же, что и въ „Іудиеи": не маю (206), бунчукъ (220), господыня (223), шматъ хлѣба (215); изъ военныхъ чиновъ упоминаются: гетманы, маеоръ, капитанъ, рейтары; далѣе встрѣчаются названія полковъ: стремянной, дворовый; обводный караулъ; ѣздные люди; генеральной смотръ; бояре думные, комнатные и ближніе. Изъ характерныхъ выраженій можно отмѣтить: безъ всякіе дани при-

[1]) *Пекарскій*, I, 407; *Wesselofsky*, 60.

чины (208); выложеніе сновОго грязенія (объясненіе сновидѣнія, 208); богъ земленой (209); дуванить съ добычи (242). Грамота Тамерлана къ Баязету начинается словами: „мы, Темиръ-Аксакъ великой, Божіею милостью и прочее"; его знамя—зеленый бунчукъ („знамя пророка?"), а войско его дѣлится, какъ и турецкое на таборы.

Есть основаніе думать, что нѣмецкая пьеса, послужившая оригиналомъ для нашего дѣйства, имѣла въ Германіи большую извѣстность и продолжительный успѣхъ и вызывала подражанія. Въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка странствующій актеръ Вецель сочинилъ дѣйство о Тамерланѣ и Баязетѣ, долго считавшееся одною изъ знаменитѣйшихъ Haupt- und Staatsactionen. Дѣйство это до насъ не дошло, сохранилось только подробное его заглавіе [1]) и краткое изложеніе содержанія, изъ котораго видно, что эта прославленная въ свое время пьеса въ литературномъ отношеніи была нисколько не лучше, пожалуй—даже и хуже нашей комедіи. Сначала Баязетъ и Тамерланъ обмѣнивались оскорбительными рѣчами черезъ пословъ (какъ и въ нашей пьесѣ); затѣмъ оба являлись на сцену и лично принимали участіе въ сраженіи: они схватывались между собою, нещадно тузили другъ друга кулаками, валялись по землѣ и т. д.; наконецъ, Тамерланъ побѣждалъ своего соперника и запиралъ его въ клѣтку. Въ пьесѣ дѣйствовала, между прочимъ, женщина-арлекинъ: это была невѣста Баязета, которая переодѣвалась арлекиномъ, чтобъ имѣть возможность сопровождать своего жениха въ походѣ. Имя ея передается различно: Moecha, Mancha, Mincha; замѣчательно, что и въ нашемъ дѣйствѣ жена Баязета, являющаяся на сцену лишь въ самомъ концѣ пьесы съ двумя-тремя незначительными словами, называется Милкой. Можетъ быть, оригиналъ нашей пьесы послужилъ также источникомъ и для обработки Вецеля.

Какъ видно изъ эпилога „Темиръ-Аксакова дѣйства", оно было представлено вскорѣ послѣ комедіи объ Іосифѣ: „Яко древле тамо всѣ снопы предъ единымъ снопомъ Іосиѳа кланяхуся"—говорится въ

---

[1]) Der auf eine seltsame Art triumphirende *Tamerlan*, oder die spielende Fortuna bei der Person des von dem Gipfel des Glücks in den Abgrund der Verzweiflung gestürzten *Bajazeth*, vorher sehr stolzen, endlich aber gedemütigten türkischen Kaisers, oder der weibliche Arlequin. *Schütz*, Hamburgische Theatergeschichte, 60 fg.; *Devrient*, Gesch. d. deutschen Schauspielkunst, I, 301, 346—348; *Prutz*, Vorlesungen, 210, 211.

этомъ эпилогѣ—„тако и мы, оставивъ Тамерлановъ престолъ купно сь Баязетовымъ венцомъ, кланяемся должно и падъ ницъ усмиряемся передъ вашимъ царскимъ величествомъ" (242). Затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда „потѣшныхъ, радостныхъ" комедій, Грегори нашелъ нужнымъ „примѣшать" къ нимъ и „едину малую жалобную комедію—о человѣческомъ началѣ, также о паденіи и конечной погибели его, то-есть, о Адамѣ и Еввѣ".

Исторія грѣхопаденія и искупленія человѣческаго рода была однимъ изъ древнѣйшихъ сюжетовъ христіанской драмы. Обыкновенно входя, какъ составная часть, въ рождественскія дѣйства, она повсюду въ Европѣ служила предметомъ многочисленныхъ мистерій и moralités и обработывалась во множествѣ Fastnachtspiele и духовно-народныхъ представленій, разыгрываемыхъ до сихъ поръ въ южно-нѣмецкихъ и швейцарскихъ деревняхъ (Adam- und Eva- Spiele, Paradeisspiele). Въ XVI столѣтіи этимъ сюжетомъ овладѣла школьная драма, трактовавшая его по правиламъ схоластической піитики, преимущественно въ аллегорическомъ тонѣ; говоря о польскихъ и южнорусскихъ школьныхъ дѣйствахъ XVII вѣка, мы изложили содержаніе дошедшихъ до насъ отъ этой эпохи нравоучительныхъ пьесъ, такъ или иначе соприкасающихся съ исторіей грѣхопаденія. Въ нѣмецкой литературѣ этой темѣ особенно посчастливилось; здѣсь она прошла черезъ всѣ формы драматической поэзіи; ей была посвящена первая опера, представленная въ Гамбургѣ 2-го января 1678 года [1]); затѣмъ, въ концѣ XVI и первой четверти XVIII столѣтія, она является въ видѣ Haupt- und Staatsaction, а въ 1736 году—даже въ видѣ „музыкальной оперетты" [2]).

„Жалостная комедія" Грегори [3]), какъ мы уже говорили раньше,

[1]) Adam und Eva, oder Singspiel von der Erschaffung oder der geschaffene gefallne und wieder aufgerichtete Mensch, v. *Chr. Richter*. См. *Allg. Mus. Zeitung* 1877, S. 371 fg.

[2]) *Prutz*., 207. *Schütze*, книга котораго Hamb. Theatergeschichte вышла въ 1794 году, разсказываетъ (стр. 34, 59), что онъ самъ видѣлъ въ Гамбургѣ подобное представленіе, но уже на кукольномъ театрѣ, при чемъ одна изъ важнѣйшихъ ролей въ пьесѣ была отведена Гансвурсту.

[3]) Находится въ упомянутой уже рукописи Имп. Пуб. Б—ки. изъ собранія гр. Сухтелена, F. XIV в. Издана *С. Тихонравовымъ* въ *Лѣтописяхъ русск. лит.*, III, и затѣмъ, въ болѣе исправномъ видѣ, въ *Русск. драм. произв.*, I, 243—269. Въ первомъ изданіи тексту комедіи предпосланъ превосходный комментарій, которымъ мы и пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

отличается отъ разобранныхъ нами школьныхъ дѣйствъ особымъ характеромъ. Она носитъ на себѣ печать гораздо болѣе стараго типа духовной драмы и представляетъ соединеніе элементовъ мистеріи и moralité въ ихъ древнемъ, строго-выдержанномъ стилѣ. Пьеса открывается небольшимъ нравоучительнымъ предисловіемъ, въ которомъ объяснена цѣль представленія и причина выбора именно этого сюжета: „человѣческое житіе, еже по Бозѣ подъ милостивымъ защищеніемъ вашего царскаго величества имѣемъ и въ немъ содержаны бываемъ,— во ономъ такожде всѣ прохлажденіе и радость взыскуемъ; но обрѣтаемъ скорбь и бѣду. Ей, взыскуемъ въ немъ миру, но что же обрѣтаемъ? не смиреніе, а брань; взыскуемъ посмѣшеніе, но обрѣтаемъ плачъ и рыданіе; взыскуемъ въ немъ здравіе, но обрѣтаемъ скорбь и недугъ"... Причина этого злополучія заключается въ томъ, что „мы носимъ предателя неизвѣстно въ нѣдрахъ нашихъ, а именно—древняго Адама, то-есть, истую плоть и кровь нашу". Чтобы напомнить объ этомъ зрителямъ „потѣшныхъ" и „радостныхъ" комедій, чтобы показать что въ жизни не все потѣшно и радостно, и сочинена предлагаемая „жалобная" комедія. Вводя ее въ свой репертуаръ, Грегори, помимо этой прямо заявляемой благочестивой цѣли, могъ имѣть въ виду еще и другія соображенія: быть можетъ, слишкомъ свѣтскій характеръ комидійной потѣхи вызывалъ нареканія со стороны ревнителей благочестія,—и вотъ, чтобы дать имъ отпоръ, чтобы загладить невыгодное впечатлѣніе, производимое на нихъ пьесами въ родѣ Темиръ-Аксакова дѣйства, и была выбрана, въ видѣ противовѣса, строго-нравоучительная духовная драма, представляющая собою какъ бы лицевую великопостную проповѣдь.

Комедія объ Адамѣ и Евѣ дошла до насъ не вполнѣ (въ рукописи недостаетъ конца). Она дѣлится на двѣ части: первая (первыя два дѣйства) изображаетъ грѣхопаденіе и имѣетъ совершенно мистеріальный характеръ; вторая представляетъ аллегорически судъ надъ Адамомъ и Евой, нарушившими Божію заповѣдь, и отличается всѣми особенностями старыхъ moralités. Первое дѣйство состоитъ изъ трехъ сѣней. Сначала Адамъ въ небольшомъ монологѣ описываетъ свое блаженное состояніе въ раю и благодаритъ Создателя; затѣмъ является ангелъ Уріилъ и, напоминая Адаму заповѣдь—не вкушать запрещеннаго плода, предостерегаетъ его отъ злыхъ ангеловъ Веліала и Луципера, которые за свою гордость низвержены съ неба и теперь замышляютъ погубить Адама. По уходѣ Уріила, является Ева; Адамъ сообщаетъ ей слышанное отъ ангела, и оба они даютъ обѣщаніе не

поддаваться діавольскимъ кознямъ. Дѣйство заключается хоромъ ангеловъ: „Бога тя мы хвалимъ“ (Te Deum laudamus, гимнъ, который очень часто пѣлся въ западныхъ мистеріяхъ) и „Святъ есть Господь Богъ Саваоѳъ“. Второе дѣйство раздѣлено на двѣ сѣни. Оно начинается разговоромъ Евы съ искушающимъ ее змѣемъ; разговоръ этотъ ведется довольно искусно: сначала змѣй поэтически описываетъ рай и его прелести, затѣмъ говоритъ о прекрасныхъ плодахъ, растущихъ на райскихъ деревьяхъ, и наконецъ, переходитъ очень осторожно къ восхваленію плода запрещеннаго. Ева рѣшительно отказывается прикоснуться къ опасному плоду; тогда змѣй пускаетъ въ ходъ всевозможные софизмы и мало по малу успѣваетъ разсѣять ея опасенія. „Змѣй тихо отходитъ“, а Ева любуется прекраснымъ плодомъ и наконецъ рѣшается его попробовать, призываетъ Адама и убѣждаетъ его сдѣлать то же. Адамъ нисколько не колеблется, и тотчасъ же съѣдаетъ плодъ; но вслѣдъ за тѣмъ чувствуетъ угрызеніе совѣсти и тоску. Вторая сѣнь (или картина) представляетъ Адама стоящимъ на колѣняхъ, уже во иномъ одѣяніи: прежде онъ былъ, вѣроятно, одѣтъ въ бѣлую ризу—символъ чистоты и невинности; теперь же на немъ должно быть черное одѣяніе, въ знакъ его грѣховности: въ такомъ видѣ является грѣшная душа въ цитированной нами въ своемъ мѣстѣ польской школьной пьесѣ на тему Божьяго суда и искупленія [1]). Онъ горько плачется на свое паденіе и погибель: „Азъ бѣхъ святъ и безъ порока, но нынѣ есмь головня преисподней геенны; пресвѣтлые драгоцѣнные каменія, аспидъ и яхонтъ, сіянію палаты моей уступали, нынѣ же и то отъ меня отъиде, еже прежде того примѣчати не возмоглъ: нынѣ бо обрѣтаюся быть нагимъ. Ко Господу Богу бяше упованіе мое, не бояхся никого же; но нынѣ трепещу и страшуся, нищетная земля, и предъ листвіемъ деревовымъ; прежде обыдоша окрестъ безчисленныхъ полковъ, но нынѣ вся отъ меня отступиста; звѣріе такожде ко мнѣ во множествѣ числѣ совокупистася, но нынѣ вся отъ меня убѣгаютъ; солнце, луна и звѣзды воззираютъ на мя зѣло печальными образы, и земля не хощетъ мя вящше носити; ничто же, того ради, оставаетъ, точію во отчаяніе ми пріити“.... Дѣйствіе заключается, также, какъ и первое, хоромъ: „Чрезъ Адамово паденіе вси роды погублены“, и пр.

Эта первая часть „жалостной комедіи“, сохраняя тонъ и харак-

---

[1]) Vestis nigra oblonga, paruca, in manu cruces aliquot ligneae. Рук. Имп. Пуб. Б—ки, польск. Q. XIV. 19, л. 57.

теръ средневѣковой мистеріи, очень близко подходитъ къ современнымъ нѣмецкимъ „райскимъ дѣйствамъ" (Paradeisspiele) и, какъ это было указано уже Н. С. Тихонравовымъ, иногда почти буквально повторяетъ нѣкоторыя подробности этихъ дѣйствъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что оригиналомъ для нашей комедіи служила именно такая народно-духовная нѣмецкая пьеса; но составитель не переводилъ ея, а или воспроизвелъ по памяти или, что̀ еще вѣроятнѣе, воспользовался только пріемомъ обработки общеизвѣстнаго сюжета. При одинаковости сюжета, весьма несложнаго, и при заимствованіи общаго скелета драмы, частныя совпаденія весьма возможны и легко объяснимы.

Вторая часть комедіи представляетъ судъ надъ Адамомъ и Евой. Въ третьемъ актѣ ангелы Гавріилъ, Уріилъ и Рафаилъ устроиваютъ мѣсто для суда и бесѣдуютъ между собою о плачевномъ паденіи бѣдныхъ созданій: „Всѣ небесныя силы соболѣзнуютъ о семъ, и никакой радости ужь больше нѣсть, также и вся тварь во всей вселеннѣй стонетъ, скорбящи зѣло о томъ: никая бо птица больши не поетъ, никій звѣрь больши не ищетъ про себя пищи, никій цвѣтокъ не обрѣтается въ прежней бывшей красотѣ, древеса низъ сроняютъ отъ печали листы своя и трава увядаетъ"…. Этотъ покаянный плачъ Адама и съ нимъ всей природы является въ нашей комедіи отголоскомъ апокрифическихъ сказаній, церковныхъ пѣснопѣній и народныхъ духовныхъ стиховъ, въ которыхъ поэтически изображается скорбь и раскаяніе падшаго человѣка [2]). Н. С. Тихоправовъ видитъ въ этомъ плачѣ един-

---

[1]) Профессоръ Тихонравовъ указываетъ на Paradeisspiel, изданную *Weinhold*'омъ въ Weihnachtspiele und Lieder, 294—328, и на нижне-нѣмецкую мистерію Sündenfall Арнольда Иммессена, изд. *Schönemann*'омъ (Der Sündenfall und Marienklage, Hannover. 1855); къ этому можно прибавить подобныя же пьесы, изданныя *Hartman*'омъ (Volkschauspiele etc.), въ особенности такъ-называемую Adam und Evaspiele. Отрывокъ подобной же народной пьесы, разыгрывавшейся еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія у словинцевъ, сообщенъ *Илячемъ* въ Narodni slavonski običaji, 1846, p. III—114 (цитировано у *А. Н. Веселовскаго*, Стар. театръ, 255). Ср. еще *Devrient*, Gesch. der d. Schauspielkunst, I, 344.

[2]) „Солнце лучи скры, луна со звѣздами въ кровь преложися, горы ужасошася, холми вострепеташа, егда рай заключися. Исходя Адамъ руками бія въ лице, глаголаше: милостиве, помилуй мя падшаго".—„Мене рыдайте, ангельстіи чинове, рая доброты и садовъ тамошнее благолѣпіе, прельстившагося злополучнѣ и Бога отвергшагося".—„Луже блаженный, садове богонасажденніи, рая красота, нынѣ о мнѣ слезы проливайте отъ листовъ, якоже отъ очію"… „Споболи, раю, тяжателю обнищавшему и шумомъ твоихъ листвій умоли содѣтеля, да не затворитъ тя", и т. д. *Порфирьевъ*, Апокр. сказ., 104—105; *Тихонравовъ*,

ственный въ нашей драматической литературѣ слѣдъ апокрифическихъ христіанскихъ разказовъ, которые принимали такое сильное участіе въ развитіи средневѣковой европейской драмы и обогащали ее прекрасными поэтическими мотивами. Выше мы указывали на отраженіе апокрифовъ въ комедіи объ Іосифѣ.

Ангелы печалятся о паденіи Адама, а змѣя торжествуетъ и похваляется, что вслѣдствіе нарушенія Божьяго завѣта родъ человѣческій принадлежитъ теперь ей, и никто уже не вырветъ его изъ власти дьявола. На помощь ей являются другія змѣи (бѣсы), повторяющія то же самое; но архангелъ Михаилъ удерживаетъ ихъ, говоря, что до произнесенія приговора Всевышнимъ Судіею, дьяволъ не имѣетъ права на грѣшниковъ [1]). Гавріилъ призываетъ обвиняемыхъ и приказываетъ имъ готовиться къ суду, не теряя надежды на милосердіе Божіе.

Архангелъ Михаилъ, съ мечемъ въ рукѣ, возвѣщаетъ всѣмъ небеснымъ силамъ, что вѣчная Премудрость въ совѣтѣ святыя Троицы рѣшила поставить Адама и Еву предъ страшный судъ [2]). Въ роли обвинителя является змѣя, имѣя „полную мочь отъ первоначальника своего Луципера". Вмѣстѣ съ своими товарищами она приводитъ къ суду Адама и Еву связанными и при этомъ издѣвается надъ ними: „Приходите, послушливыя чада мои, нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу; здѣ дрожите знатно отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти". Въ этихъ словахъ слышится слабый отголосокъ той комической роли, которую обыкновенно игралъ діаволъ въ средневѣ-

---

Пам. отреч. лит., I, 1—15; II, 298—304; *Пыпинъ*, Пам. стар. рус. лит., III, 1—7; Διήγησις καὶ πολιτεία Ἀδὰμ καὶ Εὔας, у *Тишендорфа*, Apocalypses apocr., Lips. 1866, p. 1—23. Vita Adae et Evae, herausg. und erläutert v. *W. Meyer*, Münchner Abhandl. 1878, XIV, 185—250. *Безсоновъ*, *Калики*, VI, 236—314. Ср. загадку: „Когда весь міръ плакалъ?—когда Адамъ согрѣшилъ". Этногр. Сборн., VI, 65.

[1]) Н. С. Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, что змѣя являлась на нашей сценѣ точно также, какъ и въ Германіи,—въ видѣ дѣвицы съ длинною косою (*Weinhold* o. c., 311). Средневѣковая сцена руководствовалась въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ постановкѣ пьесъ, церковною живописью: на древнѣйшихъ иконахъ змѣя писалась въ видѣ женщины; на миніатюрахъ древнихъ Библій она изображается съ женскою головой.

[2]) Въ рукописи (и въ печатныхъ изданіяхъ) комедіи здѣсь перепутанъ счетъ явленій: послѣ 1-й и 2-й сѣней третьяго дѣйствія снова слѣдуютъ сѣни 1-я и 2-я. Можетъ быть, (употребляя нынѣшнюю терминологію), третье дѣйствіе комедіи дѣлилось на двѣ самостоятельныя „картины", между которыми полагался антрактъ съ перемѣною декораціи.

ковой мистеріи. За исключеніемъ этой насмѣшливой фразы, да еще одного замѣчанія, что „бѣдный бѣсъ" не виноватъ въ свободной волѣ человѣка, змѣя сохраняетъ тонъ суроваго обличителя и во имя правосудія требуетъ казни для нарушителей Божьей заповѣди. Обвиняемые признаютъ свою вину, и архангелъ, выслушавъ обѣ стороны, повелѣваетъ истцу и отвѣтчику отступить въ ожиданіи приговора великаго Судіи.

Слѣдующія затѣмъ сцены изображаютъ такъ-называемое „райское преніе" (procès de paradis),—сюжетъ весьма распространенный въ западно-европейской средневѣковой литературѣ, обработанный во многихъ мистеріяхъ, діалогахъ, школьныхъ дѣйствахъ и служащій также иногда составною частью Paradeisspiele. Правда „зѣло болѣзнуетъ о бѣдномъ паденіи человѣческомъ" передъ Богомъ-Отцомъ, который и созываетъ для постановленія приговора небесный совѣтъ. На совѣтъ являются: Богъ Сынъ, Правда, Истина, Милосердіе и Миръ. Правда, держа въ рукѣ жезлъ, обращается къ Богу Отцу съ прошеніемъ, чтобъ онъ предалъ Адама такой же казни, какой подверглись гордые ангелы, дерзнувшіе возстать противъ Бога и за то свергнутые въ геенну огненную: „Почто нечистому духу больше нежели тебѣ слушали? и почто свободную волю свою къ тварямъ, а не къ Богу, къ злобнымъ, а не къ благимъ наклонили?" Правда подаетъ Богу Отцу свой жезлъ, чтобъ Онъ сокрушилъ его надъ головами грѣшниковъ; Богъ Отецъ готовъ это исполнить; но Сынъ Божій проситъ Его потерпѣть въ праведномъ гнѣвѣ, пока сами люди дадутъ отвѣтъ предъ Его престоломъ. Истина настаиваетъ на строгой карѣ и на исполненіи страшнаго слова Божія; но Сынъ Божій снова проситъ внять голосу Милосердія, которое умоляетъ о прощеніи виновныхъ. Правда и Истина возражаютъ ему, что Богъ не можетъ нарушить своего правосуднаго слова, „аще и весь свѣтъ преставится". Миръ, желая, „дабы на жестокомъ судѣ единая часть другую не услабѣла", проситъ позволенія привести своихъ „любимыхъ сестеръ" къ доброму согласію, чтобы приговоръ могъ быть постановленъ по общему рѣшенію. Богъ Отецъ и Богъ Сынъ удаляются, а Миръ и Милосердіе дѣлаютъ попытку склонить Правду и Истину на свою сторону. Но „любимыя сестры" не могутъ измѣнить себѣ и не видятъ выхода изъ этого положенія. Тогда, по совѣту Мира, всѣ обращаются къ Сыну Божію и просятъ у Него совѣта, какъ избавить родъ человѣческій отъ вѣчной смерти, чтобы при этомъ никому изъ нихъ не было нанесено никакого ущерба.

Сынъ Божій совѣтуетъ отыскать такого мужа, который своею смертью воздалъ бы долгъ за прегрѣшеніе Адама и Евы: „Такимъ-бо образомъ", говоритъ Онъ,—„и вы безвредни прѣбудете, и бѣдный человѣкъ освободится".

На этомъ прерывается дошедшій до насъ списокъ „жалостной комедіи". Она оканчивалась, безъ сомнѣнія, какъ и другія подобныя пьесы, разобранныя нами въ предыдущей главѣ этихъ очерковъ, заявленіемъ Сына Божія, что Онъ принимаетъ на себя грѣхи міра, что̀ и служило связующимъ звеномъ между „райскою игрою" и рождественскимъ дѣйствомъ. Procès de paradis въ средневѣковой литературѣ издавна служилъ именно прологомъ къ рождественской мистеріи, наглядно объясняя основной догматъ христіанства—искупленіе человѣчества отъ первороднаго грѣха рожденіемъ и смертью Спасителя. По указанію Н. С. Тихонравова, Бернардъ Клервоскій († 1153 г.) первый, въ проповѣди на Благовѣщеніе, развилъ въ формѣ живой и длинной параболы стихъ 81-й псалма: „Милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася" [1]). Этому примиренію „небесныхъ сестеръ", конечно, предшествовало (говоритъ проповѣдникъ) какое-нибудь разногласіе, и это разногласіе возникло именно по вопросу о судьбѣ человѣческаго рода послѣ грѣхопаденія; примиреніе было достигнуто только тѣмъ, что Сынъ Божій добровольно изъявилъ желаніе принести Себя въ жертву божественной Истинѣ и Правдѣ. Эта притча св. Бернарда во множествѣ варіацій обошла всю католическую Европу и была, между прочимъ, развита Яковомъ Ѳерамо въ особомъ трактатѣ: Belial или Consolatio peccatorum (1378—1389 гг.), гдѣ Веліалъ является обвинителемъ человѣческаго рода и требуетъ вѣчнаго его осужденія; на защиту людей выступаетъ Моисей; его поддерживаютъ Миръ и Милосердіе; Истина и Правда настаиваютъ на осужденіи. Тогда Сынъ Божій объявляетъ (какъ и въ нашей комедіи), что добровольная смерть праведнаго человѣка можетъ примирить разнорѣчивыя требованія небесныхъ сестеръ. Истина по всему міру ищетъ безгрѣшнаго человѣка и не находитъ; наконецъ, Сынъ Божій самъ заявляетъ готовность умереть за родъ человѣческій.

Въ XV столѣтіи небесный процессъ былъ включенъ въ составъ

---

[1]) Это указаніе проф. Тихонравова заимствовано имъ изъ статьи *Пипера*: Der Rathschluss der Menschenwerdung und Erlösung, въ его Evangelischer Kalender 1859, S. 17—42. *Лѣтописи русск. лит.* III, отд. 2, стр. 41.

огромной французской сводной „Мистеріи Ветхаго Завѣта" [1]); въ нѣмецкой литературѣ проповѣдь св. Бернарда въ первый разъ получила драматическую обработку во второй половинѣ XVI столѣтія [2]); развитіе этого сюжета въ польской и южно-русской школьной драмѣ было уже нами отмѣчено. Трактатъ Якова Ѳерамо, въ свою очередь, получилъ дальнѣйшее распространеніе и развитіе въ католической церковной литературѣ и послужилъ образцомъ для польскаго произведенія въ томъ же родѣ, которое было переведено на русскій языкъ въ 1674 году, то-есть, именно около того времени, къ которому относится представленіе нашей „жалостной комедіи". Переводъ въ рукописи, принадлежащей Н. С. Тихонравову, носитъ заглавіе „Противъ человѣка, всечестнаго Божія созданія, завистное сужденіе и злое поведеніе проклятаго демона, съ польска языка преведеное": Здѣсь въ діалогической формѣ излагается содержаніе губительныхъ демонскихъ совѣщаній подъ предсѣдательствомъ Луципера, исторія грѣхопаденія и небесный процессъ. „Исторія грѣхопаденія и небеснаго процесса", говоритъ Н. С. Тихонравовъ,—„составляетъ цѣлую и полную мистерію; всѣ условія драмы соблюдены въ точности, и невольно приходишь къ предположенію, что дѣйствительно отдѣльная пьеса вплетена въ сборникъ апокрифическо-догматическихъ статей. Споръ небесныхъ сестеръ по содержанію очень близокъ къ Belial Ѳерамо: мѣсто Моисея занимаетъ здѣсь (какъ и въ „Жалостной Комедіи") архангелъ Михаилъ, который ходатайствуетъ за человѣческій родъ передъ престоломъ Божіимъ. Спачала Веліаръ проситъ, чтобы родъ человѣческій навсегда былъ присужденъ демонамъ. Архангелъ Михаилъ заступается за людей, но Веліаръ прерываетъ его рѣчь упрекомъ въ несоблюденіи юридическихъ формальностей. Тогда небесные ассессоры „приводятъ опасателей—дабы обѣ страны не глаголали по гнѣву, но учтиво и благочестно". Въ сознаніи своей справедливости, Веліаръ проситъ, чтобы сама святая Правда, которая никогда не отлучается отъ престола Божія, приняла на себя

---

[1]) Petit de Julleville, o. c. II, 359.

[2]) Ein schöne und newe Comedien von der wunderbarlichen vereinigung göttlicher gerechtigkeit und barmhertzigkeit, wie dieselben in der seligkeit und erlösung des Menschen zusamenkomen... aus S. Bernhardo genomen... durch *Lucas Maien*, aufgeführt im Schloss zu Schleusingen, 11 und 13 Febr. 1561. Wittenb. 1562 (*Gödecke*, II, 363, № 162; *Wilken*, Gesch. der geistl. Spiele in Deutschl., S. 496). У *Gödecke* указаны и позднѣйшія пьесы на ту же тему,—№№ 171, 297, 331, 367.

какой-нибудь образъ и усмирила между ними сваръ и распри. Правда принимаетъ на себя образъ „дѣвицы нетлѣннаго тѣла". Она становится передъ престоломъ Господа сердцевѣдца, „имѣя въ рукѣ скипетръ долгій и пресвѣтлый", который во время суда ставитъ предъ собою, и начинаетъ говорить, „не ожесточевая рода демонскаго". Но ея слова не въ пользу рода человѣческаго. Архангелъ Михаилъ призываетъ Клеменцію, и съ краскою стыда, „воспламенившись червленостію", начинаетъ она „тихую" рѣчь свою передъ престоломъ Божіимъ. Замѣтивъ, что Господь склоняется къ ея рѣчамъ, демонъ „разъярися на ню и сказалъ гласомъ гнуснымъ, подобнымъ встеклому: Женескѣ родъ мѣста не имать при судѣ говорити или за кого ходатайствовати; но имутъ молчаніе хранити, яко и въ церкви; точію сіе единымъ мужемъ належитъ". Послѣ длиннаго ряда юридическихъ доводовъ и опроверженій со стороны Веліара и архангела Михаила, на небѣ „настаетъ веліе молчаніе" въ ожиданіи божественнаго суда, и затѣмъ является „указъ по дѣлу", который повелѣвается прочесть предъ всѣми небесными чинами и предъ всѣми ангельскими полками и записать въ книгу живота архангелу Рафаилу. Содержаніе его—обѣтъ Бога Сына [1]).

Въ русской литературѣ ранѣе XVII столѣтія, сколько намъ извѣстно, исторія небеснаго процесса не встрѣчается. Такимъ образомъ, „Жалостная комедія" Грегори, представляющая варіантъ „райскаго дѣйства", съ одной стороны, изображала въ драматической формѣ всѣмъ извѣстное сказаніе о грѣхопаденіи, а съ другой стороны, вмѣстѣ съ польскимъ „Сужденіемъ", вводила въ нашу литературу новый аллегорическій мотивъ. Архаическая мистеріальная форма нашей комедіи объясняется, по нашему мнѣнію, именно тѣмъ, что первообразомъ для нея служила нѣмецкая Paradeisspiel: народно-духовныя драмы въ Германіи и до сихъ поръ строго сохраняютъ отличительныя черты древней мистеріи и нерѣдко даже архаическія особенности языка [2]).

Отличаясь отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ, пьесъ репертуара Грегори своимъ духовно-нравоучительнымъ содержаніемъ, „жалостная комедія" столь же рѣзко отличается отъ нихъ и языкомъ:

---

[1]) *Лѣтоп. русск. лит.* I. с., 44—45.

[2]) Такъ, напримѣръ, текстъ „райскаго дѣйства", изданный *Schröer*'омъ въ Deutsche Weihnachtsspiele aus Ungarn, 123—141, по тону и языку чрезвычайно близко подходитъ къ пьесамъ XVI столѣтія.

полное отсутствіе обычныхъ германизмовъ заставляетъ предполагать, что эта пьеса, можетъ быть, не переведена, а прямо написана по русски, кѣмъ-нибудь изъ русскихъ учениковъ пастора (или, можетъ быть, его помощникомъ по школѣ, учителемъ Юріемъ Михайловымъ), по составленному имъ плану и подъ его руководствомъ. Языкъ ея— великорусскій [1]), очень близкій къ церковно-славянскому.

Кромѣ разобранныхъ нами пьесъ перваго русскаго репертуара, случайно сохранившихся до настоящаго времени, существовали, вѣроятно, еще и другія, но о нихъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Выше упомянуто о балетѣ, представленномъ, по свидѣтельству Рейтенфельса [2]), въ субботу на масляницѣ (die bacchanalium ludorum penultimo); обыкновенно это представленіе пріурочиваютъ къ 1675 году; по нашимъ соображеніямъ, его вѣрнѣе слѣдовало бы отнести къ 1673 году [3]). Передъ началомъ спектакля на сцену вышелъ актеръ, изображавшій Орфея, и пропѣлъ нѣмецкіе куплеты, которые тотчасъ же были переведены царю толмачами:

Ist nun der gewünschte tag
Dermahl eins erschienen,
Das man dir zur freude mag
Grosser Zare dienen? и т. д.

Въ изысканныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ превозносились въ этомъ привѣтствіи прекрасныя свойства души Алексѣя Михайловича, прославлялись его добродѣтели и мудрость и высказывалось пожеланіе ему многолѣтней, благополучной и славной жизни. По обѣ стороны Орфея стояли двѣ пирамиды, украшенныя транспарантами и освѣщенныя разноцвѣтными огнями; окончивъ свое пѣніе, Орфей обратился къ этимъ пирамидамъ съ приглашеніемъ танцовать:

Drumb wohlan meyn seytenwerck,
Las dich lieblich zwingen,
Und du pyramidenberg—
Hüpfe nach dem singen.

---

[1]) Исключеніе составляетъ одно только слово: *укусъ* (252), на-ряду съ которымъ, однако, много разъ повторяются: вкусити, вкушеніе и т. п. На стр. 2482-й г. Тихонравовъ читаетъ: я змѣй *естемъ*; но въ рукописи эти слова были скопированы переписчикомъ безсознательно: *я јмѣтесъ*, и кажется, что вѣрнѣе можно прочесть: я змѣй *есть*, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующей же фразѣ сказано: (я) не обрѣлъ *есть*.

[2]) De reb. Moschovit., 106.

[3]) Рейтенфельсъ въ 1673 году уѣхалъ изъ Москвы.

По окончаніи танца пирамидъ (?!), начался балетъ. А. Н. Веселовскій предполагаетъ, что, быть можетъ, это было подражаніе балету „Орфей и Эвридика", сочиненному виттенбергскимъ профессоромъ элоквенціи Августомъ Бухнеромъ по случаю бракосочетанія курфирста Іоанна-Георга II, въ 1638 году [1]). Весьма вѣроятно, что подобныя чисто-свѣтскія представленія устроивались фанъ-Стаденомъ, возвратившимся изъ заграничнаго путешествія: въ Дворцовыхъ Разрядахъ есть извѣстіе, что его призывали во дворецъ одновременно съ игрецами Тимоѳеемъ Гасенкрухомъ и Симономъ органистомъ.

Изъ одной челобитной, недавно напечатанной Е. В. Барсовымъ [2]), видно, что въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича во главѣ руководителей комидійнаго дѣла въ Москвѣ стоялъ Степанъ Чижинскій, „Львовскаго повѣту шляхетской сынъ, благочестивыя вѣры греческаго закону". Первоначально, какъ онъ самъ разказываетъ, онъ служилъ въ полку у гетмана Потоцкаго; послѣ неудачи, понесенной этимъ полкомъ подъ Фастовымъ, Чижинскій ушелъ въ Кіевскій Братскій монастырь и здѣсь въ продолженіе двухъ лѣтъ былъ учителемъ латинскаго языка; затѣмъ, вмѣстѣ съ своими учениками, „смоленскою шляхтою", пріѣхалъ въ Смоленскъ, явился къ мѣстному воеводѣ князю Михаилу Андреевичу Голицыну, и снова въ продолженіе двухъ лѣтъ училъ шляхетскихъ дѣтей по латыни. Въ 1675 (183) году пріѣхалъ въ Москву и явился къ боярину Матвѣеву, который спрашивалъ его „о комидійныхъ наукахъ"; Чижинскій отвѣчалъ, что „съ комидійное дѣло его станетъ", и по приказу боярина „дѣлалъ комедію О Давидѣ съ Голіаѳомъ и иныя комедіи, и училъ комидійному дѣлу восемьдесятъ человѣкъ всякаго чина людей, и былъ у того дѣла восемь мѣсяцевъ... и какъ комедіи минули, онъ, Степанъ, съ того времени жилъ у Газскаго митрополита (Паисія Лигарида) по отпускѣ его съ Москвы, а потомъ—на Симоновскомъ подворьѣ".

Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Чижинскій, по всей вѣроятности,

---

[1]) Deutsche Einflüsse, 21. Балетъ Бухнера напечатанъ въ *Weimar. Jahrb.* II, 13—39; по мнѣнію *Коберштейна*, Grundriss, II[5], 271, онъ представляетъ передѣлку „Эвридики" Ринуччини.

[2]) *Чтенія* 1882, III: Новыя Разысканія о первомъ періодѣ русск. театра, стр. 4. Г. Барсовъ, печатая этотъ документъ, говоритъ, что онъ находится въ „одной дошедшей до насъ рукописи 1677 года"; но гдѣ эта рукопись, какъ она называется и почему относится къ 1677 году—объ этомъ издатель не сообщаетъ, да и самый документъ приводитъ лишь въ отрывкѣ.

былъ рекомендованъ Матвѣеву княземъ Голицынымъ и вызванъ въ Москву для того, чтобы замѣнить Грегори, скончавшагося въ началѣ іюня 1675 года. У комидійнаго дѣла, завѣдуя театромъ и театральною школою, онъ пробылъ восемь мѣсяцевъ, то-есть, съ іюня 1675 по январь 1676 года включительно, до кончины царя Алексѣя Михайловича, съ которою „комедіи минули". Школа, въ которой въ первое время было 60 учениковъ, теперь расширилась; учениковъ стало больше, и сумма, отпускаемая на нихъ содержаніе, увеличилась: при Грегори, какъ мы знаемъ, отпускалось по 4 деньги на человѣка въ день,—теперь стали давать „поденнаго корму" по цѣлому алтыну: очевидно, о театрѣ заботились не менѣе, если не болѣе прежняго, и желали поддержать и упрочить въ Москвѣ это новое учрежденіе. Комедія Чижинскаго о Давидѣ съ Голіаѳомъ въ рукописяхъ неизвѣстна; въ собраніи Е. В. Барсова имѣется только отрывокъ изъ его перевода какого-то латинскаго сочиненія о лунѣ. Заглавіе пьесы показываетъ, что преемникъ Грегори въ выборѣ сюжетовъ для своихъ комедій, подобно своему предшественнику, держался Библіи; но, какъ человѣкъ, получившій латино-польское образованіе и какъ преподаватель кіево-братской школы, въ обработкѣ библейскихъ сюжетовъ онъ руководствовался, по всей вѣроятности, уже не свѣтскими традиціями Грегори и не репертуаромъ „англійскихъ комедіантовъ", а правилами школьной піитики. Если такъ, то слѣдуетъ признать, что подъ управленіемъ Чижинскаго нашъ театръ не сдѣлалъ дальнѣйшихъ шаговъ по пути самостоятельнаго развитія, а только повторялъ старые школьные зады; такимъ образомъ, послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича едва ли можно считать благопріятнымъ для нашей драматической литературы.

Вскорѣ послѣ кончины царя, по желанію и подъ покровительствомъ котораго было положено начало русскому театру, бояринъ Матвѣевъ подвергся сначала опалѣ, а потомъ ссылкѣ въ Пустозерскъ; люди его частью были разосланы по деревнямъ, частью поступили къ новымъ помѣщикамъ; при дворѣ восторжествовала новая партія, и „комедіи минули". 15-го декабря 1676 года послѣдовалъ царскій указъ: „надъ аптекарскимъ приказомъ палаты, которыя заняты были на комедію, очистить, и что въ тѣхъ палатахъ было, органы и прекспективы (sic) и всякіе комидійные припасы — все свезть на дворъ, что бывалъ Никиты Ивановича Романова" [1]). Театральная школа также

[1]) *Е. Е. Замысловскій.* Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. С.-Пб., 1871, риложеніе, стр. IV.

должна была закрыться. Если справедлива догадка И. Е. Забѣлина, что Аманъ въ „Эсѳири" могъ напоминать зрителямъ о Богданѣ Хитрово, а Мардохей — о Матвѣевѣ, то весьма вѣроятно, что именно Хитрово побудилъ новаго царя уничтожить заведенный стараніями Матвѣева театръ: въ числѣ лицъ, сказывавшихъ царскій указъ о закрытіи театра и очищеніи дворцовыхъ палатъ отъ комидійныхъ припасовъ, мы встрѣчаемъ, вмѣстѣ съ кн. Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, дворецкаго и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово [1]).

Такъ кончился первый періодъ исторіи нашего театра. Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, комедія, только-что возникшая, упразднилась сама собою. Но, по справедливому замѣчанію И. Е. Забѣлина [2]), зрѣлища, въ теченіе четырехъ лѣтъ занимавшія государя и дворъ, не могли пройдти безслѣдно для народа, по крайней мѣрѣ, для московскаго общества, въ низменныхъ его слояхъ, откуда, по большей части, выбирались актеры и статисты для царскихъ комедій. Зрѣлища прекратились, но осталась мысль, что они позволительны, что въ нихъ нѣтъ особеннаго грѣха, какъ учили люди Стоглава и Домостроя, ибо и самъ великій государь, со всѣмъ своимъ государевымъ домомъ, со всею боярскою палатой и даже со всякаго чина людьми свободно потѣшались комедіями, интермедіями и всякими подобными играми и своимъ присутствіемъ на этихъ играхъ какъ бы освящали ихъ право существовать въ ряду всѣхъ другихъ неотреченныхъ народныхъ увеселеній; оставалась, однимъ словомъ, мысль, что такія зрѣлища можно продолжать.

Молодой царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, воспитанникъ Симеона Полоцкаго, зналъ польскій языкъ и читалъ польскія книги; извѣстно, что его первая жена, изъ фамиліи Грушецкихъ, была полька. Конечно, онъ не былъ противникомъ нововведеній, но къ театральному дѣлу, по видимому, относился совершенно равнодушно, и этого было достаточно для того, чтобы театръ, лишенный вниманія и поддержки, совершенно заглохъ. Къ тому же, бурныя обстоятельства конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ—внѣшнія войны и внутреннія междоусобія, борьбы съ „церковными мятежниками", дворскіе происки, народныя и стрѣлецкія возмущенія,—не могли благопріятствовать развитію комидійной потѣхи, даже еслибы возбужденный ею интересъ и не осла-

[1]) Замѣчанія г. *В. Карпова*, въ ст. „Русскій театръ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ", въ журн. *Искусство*, 1883, № 25, стр. 286.

[2]) Бытъ русск. царицъ, 481—482.

бѣвалъ въ царской семьѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что охота къ театральнымъ зрѣлищамъ существовала и въ это время; но для какого-нибудь самостоятельнаго почина въ этомъ направленіи не настала еще пора. Можетъ быть, комедіи Симеона Полоцкаго разыгрывались учениками Спасской школы; но учрежденная по мысли Симеона, и уже послѣ его смерти, Академія на первыхъ же порахъ попала въ руки греческихъ учителей, принципіально враждебныхъ всему, что такъ или иначе напоминало западную школу, а слѣдовательно, не допускавшихъ и мысли о какихъ-нибудь школьныхъ представленіяхъ. Словомъ, въ послѣдней четверти XVII столѣтія въ Москвѣ не было почвы для комидійнаго дѣйства: не на подмосткахъ потѣшной хоромины, а на всероссійской исторической сценѣ разыгрывалась въ эту пору великая, живая трагедія, обильная кровавыми событіями и глубоко захватывавшая насущные интересы общества и народа. Бурный потокъ этихъ событій своею мутною волною размывалъ старые устои русской жизни и пробивалъ для нея новое русло; когда это волненіе перекипѣло и затихло, когда новый порядокъ могъ считаться сравнительно уже упроченнымъ, — только тогда, но не раньше, могла явиться и мысль о возрожденіи забытаго за недосугомъ театра. Но это случилось уже въ началѣ XVIII столѣтія.

Такимъ образомъ, отсутствіе свѣдѣній о театральныхъ представленіяхъ въ послѣдней четверти XVII вѣка является вполнѣ естественнымъ: ничего подобнаго въ Москвѣ въ то время не было. Правда, съ легкой руки Штелина, которому принадлежитъ первый по времени очеркъ исторіи нашего театра, въ нашей исторической литературѣ уже очень давно распространилось и утвердилось какъ фактъ мнѣніе, что „въ теремахъ просвѣщенной европейскимъ ученіемъ царевны Софьи Алексѣевны представлялись не только духовныя трагедіи, написанныя другими, но и собственныя ея сочиненія и переводы; что она сама въ представленіи участвовала съ приближенными боярышнями и царедворцами". „Мнѣ извѣстно по семейнымъ преданіямъ", писалъ князь А. А. Шаховской [1]), — „что прабабка моя Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софіи Алексѣевны, представляла лицо Екатерины мученицы въ трагедіи, написанной самой царевной (такъ она сказывала своей дочери, а моей бабкѣ), и что Петръ Великій, бывая всегда при театральныхъ зрѣлищахъ въ теремахъ своей сестры, прозвалъ Татьяну Ивановну „Екатериной мученицей, большіе

[1]) *Репертуаръ* 1840 г., кн. I.

глаза". Къ этому авторъ прибавляетъ, что представленія въ теремахъ завелись въ 1690 году, и что, по мнѣнію И. А. Дмитревскаго, „Докторъ принужденный" Мольера, если и не переведенъ самою царевною Софьею, то вѣрно игранъ въ ея теремахъ [1]. Но еще И. Е. Забѣлинъ [2] совершенно справедливо указалъ, что „знающему читателю очень замѣтны разказанныя здѣсь несообразности". Князь Шаховской, а раньше его и другіе наши писатели, говоря о старомъ русскомъ театрѣ, слишкомъ довѣрились краткому указанію Штелина, который въ своемъ „Извѣстіи о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ" [3] сообщилъ, между прочимъ, что „царевна Софія съ благородными дѣвицами и мужчинами играла также въ комедіяхъ". Эта замѣтка была повторена А. Ѳ. Малиновскимъ въ его „Запискахъ, принадлежащихъ къ исторіи россійскаго театра" [4], съ добавкою, что „ея (Софьи) творенія есть одна трагедія". Карамзинъ въ „Пантеонѣ россійскихъ авторовъ" (1801 г.) придалъ этому извѣстію еще болѣе категорическую форму и надолго закрѣпилъ его своимъ авторитетомъ. „Софія", говоритъ онъ, — „занималась и литературою: писала трагедіи (стало быть; уже не одну?) и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея драмъ, и думаемъ, что царевна могла бы сравняться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, еслибы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ". Какъ называлась пьеса, заслужившая эту весьма двусмысленную похвалу, Карамзинъ не отмѣтилъ; надо думать, что повѣривъ на слово Штелину (писателю, какъ извѣстно, далеко не

---

[1]) Бытъ русск. царицъ, 493.

[2]) *Веселовскій*, Стар. театръ, 360.

[3]) Zur Geschichte des Theaters in Russland въ *Haigold's* (A. L. Schlözer) Beilagen zu „Neuverändertes Russland", 1769, I, 387—431. Переведено въ *С.-Пб. Вѣстникѣ* 1779, IV, 83, 163, 243.

[4]) Напечатана въ видѣ предисловія ко II-й части изданнаго Малиновскимъ „Собранія нѣкоторыхъ театральныхъ сочиненій, съ успѣхомъ представленныхъ на Московскомъ публичномъ театрѣ", М. 1790 (черновая рукопись этого сборника имѣется въ Импер. Публ. Библіотекѣ, Q. XIV, 17), и 32 года спустя перепечатано, съ незначительными измѣненіями, въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1822, IV, 179, подъ заглавіемъ: „Историческое извѣстіе о россійскомъ театрѣ". Малиновскій почти дословно списывалъ у Штелина; у Малиновскаго же списалъ (сокращенно) *Загоскинъ* свою статейку, напечатанную въ *Чтеніяхъ въ общ. люб. росс. слов.* 1822, II, 135—148. Митрополитъ *Евгеній* въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей (статья о Волковѣ) повторилъ всѣ ошибки этихъ своихъ предшественниковъ.

во всемъ достовѣрному), онъ принялъ за сочиненіе Софьи какую-нибудь комедію начала XVIII столѣтія, случайно ему попавшуюся. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время, когда составлялись біографіи, помѣщенныя въ „Пантеонѣ", Карамзинъ едва начиналъ свои занятія по русской исторіи и далеко не имѣлъ той критической опытности, какую пріобрѣлъ впослѣдствіи, работая надъ историческими источниками.

Слова Карамзина объ авторствѣ царевны Софьи были повторены въ небольшой статейкѣ Драматическаго Вѣстника 1808 года [1]) и затѣмъ много разъ, съ измѣненіями и произвольными добавками, повторялись въ нашей литературѣ вплоть до князя Шаховскаго. Къ этому присоединилось еще новое недоразумѣніе: замѣткѣ Штелина о томъ, что царевна Софья играла въ комедіяхъ, непосредственно предшествуетъ указаніе, что „во время малолѣтства Петра Великаго часто въ Заиконоспасскомъ монастырѣ играны бывали комедіи духовныя, а иногда и свѣтскія, съ французскаго на словенскій языкъ переведенныя, яко-то „Врачъ противъ воли" и другія". Это извѣстіе точно также безъ всякой критики повторялось позднѣйшими писателями и наконецъ, въ связи съ первымъ, обратилось въ догадку, что мольеровскій Médecin malgré lui есть именно одна изъ тѣхъ комедій, которыя разыгрывались въ теремахъ царевны Софьи „благородными дѣвицами и мужчинами". Догадка, по обычаю историковъ нашего стариннаго театра, не замедлила обратиться въ фактъ: Ѳ. А. Кони, въ своей статьѣ: „Русскій театръ, его судьбы и его историки" [2]), среди множества другихъ нелѣпостей, впервые опубликовалъ афишу перваго представленія мольеровской пьесы, 17-го сентября 1678 года (!), съ именами участвовавшихъ въ этомъ представленіи „благородныхъ дѣвицъ и мужчинъ". Эта „историческая"

---

[1]) Часть I, стр. 50: „Царевна Софія Алексѣевна сочиняла сама трагедіи и представляла ихъ въ теремахъ съ своими придворными". Къ этимъ словамъ въ экземплярѣ, находящемся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, рукою *А. Н. Оленина* приписано: „Я видѣлъ у покойнаго граѳа А. И. Мусина-Пушкина печатную церковными литерами аѳишу подобнаго зрѣлища. Уповательно она сгорѣла въ Москвѣ при нашествіи Наполеона!" Сколько извѣстно, театральныхъ аѳишъ въ XVII и первой четверти XVIII столѣтія не существовало, но печатались программы школьныхъ дѣйствъ и тезисы богословскихъ диспутовъ славяно-греко-латинской академіи (экземпляръ такихъ тезисовъ имѣется въ Импер. Публ. Библіотекѣ). Быть можетъ, А. Н. Оленинъ видѣлъ именно что-нибудь въ этомъ родѣ.

[2]) *Русск. сцена* 1864 г., №№ 2, 3, 6 и 8.

точность ввела въ заблужденіе даже такого добросовѣстнаго и осторожнаго изслѣдователя, какъ Алексѣй Ник. Веселовскій, который, сомнѣваясь въ подлинности документа, все-таки замѣтилъ, что „сочиненіе“ цѣлой афиши съ именами и лицами того времени было бы почти немыслимо [1]). Какъ теперь оказывается, эта афиша была переписана Кони, съ разными прикрасами, изъ „Хроники“ Носова [2]). Уже одно это обстоятельство уничтожаетъ всякую подлинность документа; наивное сочинительство составителя „Хроники“ становится еще очевиднѣе, если присмотрѣться ближе къ тѣмъ лицамъ, которымъ онъ раздаетъ роли въ мольеровской комедіи. Роль Сганареля, напримѣръ, играетъ 76-лѣтній старецъ, знаменитый бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, намѣстникъ Новгородскій, Тверской и Суздальскій, начальникъ приказовъ стрѣлецкаго, пушкарскаго, сыскныхъ дѣлъ, Смоленскаго и хлѣбнаго, отличившійся въ походѣ противъ Стеньки Разина и въ войнѣ съ Польшей и погибшій во время стрѣлецкаго бунта, 15-го мая 1682 года [3]); Валера — тоже почтенный старикъ, окольничій князь Дмитрій Нефедовичъ Щербатовъ; Луки—извѣстный стрѣлецкій полковникъ Сем. Өед. Грибоѣдовъ; Перрена — бояринъ кн. Гр. Аө. Козловскій, прославившійся своимъ упорствомъ въ дѣлахъ мѣстничества,—все люди уже очень пожилые и притомъ люди совершенно стараго закала, которымъ, разумѣется, даже и во снѣ не могло присниться шутовское лицедѣйство, да еще въ такомъ фарсѣ, какъ „Врачъ противъ воли“! Самой царевнѣ авторъ афиши не назначилъ никакой роли, но, конечно, не могъ обойдти самаго близкаго къ ней лица, князя В. В. Голицына: ему поручена роль Робера, сосѣда Сганареля. Князь Василій, дѣйствительно, былъ однимъ изъ немногихъ въ то время любителей театра, и мы имѣемъ извѣстіе, что въ его богатой библіотекѣ находились, между прочимъ, „четыре письменныя книги о строеніи комедіи“ [4]). Но все-таки, и его участіе въ спектаклѣ, по понятіямъ даже самыхъ передовыхъ русскихъ людей XVII вѣка, было бы рѣшительною невозможностію.

Такимъ образомъ, три строки легковѣрнаго Штелина, переходя изъ рукъ въ руки не менѣе легковѣрныхъ историковъ, разрослись въ

[1]) Стар. театръ, 360.

[2]) Хроника русск. театра, стр. 23.

[3]) Русск. родосл. книга, изд. кн. *П. Долгоруковымъ*, I, 88, 105.

[4]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XIV, 99.

цѣлое фантастическое сказаніе, съ которымъ теперь приходится серьезно считаться. А между тѣмъ, недоразумѣніе объясняется простою обмолвкою, и въ сущности, въ томъ, что касается любви царевны къ комидійному дѣлу вообще, показаніе Штелина совершенно справедливо, только съ двумя оговорками: вопервыхъ, оно относится къ позднѣйшему времени, къ началу XVIII столѣтія, и вовторыхъ, въ этомъ извѣстіи вмѣсто „царевна Софья" слѣдуетъ читать: „царевна Наталья Алексѣевна"; объ этой сестрѣ Петра Великаго во времена Штелина успѣли уже забыть, и помнили только одну Софью, которая оставила по себѣ историческую память, и которой поэтому, и присвоивали все, чѣмъ замѣчательна была какая-либо царевна. Наталья Алексѣевна († 1716) дѣйствительно была большая любительница театра и, можетъ быть, сама сочиняла разныя дѣйства; по крайней мѣрѣ, Бассевичъ прямо свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ: „Принцесса Наталья, младшая и любимая сестра императора, говорятъ, сочинила, незадолго до своей смерти, двѣ пьесы, расположенныя по очень умному плану и съ подробностями, не лишенными красоты; но недостатокъ въ актерахъ помѣшалъ поставить ихъ на сцену" [1]). Другой иностранецъ, мекленбургскій посланникъ Веберъ, сообщаетъ, что Наталья Алексѣевна заставляла играть драматическія пьесы, которыя смотрѣть воленъ былъ всякій [2]). На этихъ представленіяхъ бывалъ и царь, въ Походномъ журналѣ котораго записано, что 26-го февраля 1715 года, по прибытіи въ Петербургъ въ третьемъ часу по полудни, въ 6 часовъ онъ изволилъ пойдти къ царевнѣ Натальѣ въ комедію. Для театра, по разказу Вебера, былъ выбранъ огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. „Десять актеровъ и актрисъ были природные русскіе, не видавшіе ничего, кромѣ Россіи. Великая княжна и сама сочиняла по русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ Библіи или изъ обыкновенныхъ вседневныхъ приключеній". Въ спискѣ комедіантскихъ книгъ, по которымъ дѣйствовали въ этомъ театрѣ, упоминается и „шутовская" комедія „О докторѣ битомъ" [3]), или, по другому заглавію, — „Докторъ принужденный": это, безъ сомнѣнія, мольеровскій Médecin malgré lui. Что касается до личнаго участія

---

[1]) *Пекарскій*, I, 431.

[2]) Тамъ же, 441—442.

[3]) *Пекарскій*, I, 429, невѣрно назвалъ ее комедіею о докторѣ *Битомъ*.

царевны въ театральныхъ представленіяхъ, то эту часть показанія Штелина слѣдуетъ отвергнуть: не смотря на всю свободу нравовъ во времена Петра Великаго, все-таки, не имѣя вполнѣ точныхъ и несомнѣнныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, не возможно допустить, чтобы царевна рѣшилась сама выйдти на сцену. Еслибы это въ самомъ дѣлѣ случилось, то непремѣнно обратило бы на себя особенное вниманіе современниковъ и было бы ими отмѣчено; между тѣмъ, въ ихъ разказахъ нигдѣ не говорится объ этомъ ни слова.

П. Морозовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ [1].

V.

Произведенія, разсмотрѣнныя въ предыдущихъ главахъ нашего труда, представляютъ собою наиболѣе цѣнный историческій и литературный матеріалъ сравнительно съ прочими сказаніями о смутѣ, завѣщанными намъ XVII вѣкомъ. По времени составленія всѣ они болѣе или менѣе близки къ смутной эпохѣ. Одни изъ нихъ тѣмъ и драгоцѣнны, что были составлены въ самую смуту; другія отличаются или богатствомъ содержанія, или оригинальными взглядами на эпоху, значеніе которыхъ заключается въ томъ, что они были высказаны современниками смуты; третьи, наконецъ, возбуждаютъ интересъ личностью автора. Въ массѣ другихъ сказаній о смутѣ, извѣстныхъ намъ, мы уже не найдемъ такихъ цѣнныхъ памятниковъ, которые могли бы по своему значенію стать рядомъ съ разобранными нами выше. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимся или съ произведеніями довольно ранними, но имѣющими лишь второстепенный интересъ, или же съ памятниками позднѣйшими, не восходящими ранѣе половины XVII вѣка. Одни изъ нихъ, сохраняя литературную самостоятельность, изображаютъ или отдѣльный фактъ, или отдѣльное лицо смутной эпохи; если же разсказываютъ о смутѣ вообще, то вводятъ въ повѣствованіе легендарный элементъ. Другіе же пользуются текстами болѣе ранними и механически соединяютъ отрывки разнохарактерныхъ произведеній въ компилятивные разсказы. Иногда, впрочемъ, повѣствованіе какого-нибудь ранняго писателя подвер-

[1] *Окончаніе.* См. мартовскую книжку *Ж. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

гается литературной переработкѣ и дополняется вставками позднѣйшаго книжника.

Длинный рядъ этихъ второстепенныхъ и позднѣйшихъ произведеній мы пройдемъ краткими характеристиками. Обиліе текстовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, и отсутствіе точныхъ указаній на время появленія многихъ изъ нихъ, заставляютъ насъ замѣнить хронологическій порядокъ въ размѣщеніи памятниковъ нѣкоторой ихъ систематизаціей. Прежде всего мы разсмотримъ памятники литературно-самостоятельные; не рискуя впасть въ большую неточность, можно сказать, что всѣ они имѣютъ характеръ біографическій, посвящены изображенію жизни и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ смутнаго времени. Затѣмъ обратимся къ обзору компилятивныхъ произведеній, основанныхъ на извѣстныхъ уже намъ трудахъ о смутѣ. И наконецъ, представимъ краткія замѣчанія о мѣстныхъ сказаніяхъ, касающихся смуты.

I. Перечень памятниковъ біографическаго характера мы начнемъ такимъ произведеніемъ, которое по своему заглавію посвящено не лицу, а факту. Это пространное Сказаніе о поставленіи на патріаршество Филарета Никитича [1]). Состоитъ оно изъ двухъ неравныхъ по объему частей: въ первой, меньшей, разсказывается о постепенномъ утвержденіи благочестія на Руси, о дѣятельности первыхъ русскихъ патріарховъ и о судьбѣ Филарета до возведенія его на патріаршество [2]). Во второй, бо̀льшей части описывается возведеніе Филарета въ патріархи и приводится цѣликомъ „грамота благословенная“ освященнаго собора объ избраніи Филарета и чинъ нареченія и поставленія его на патріаршескій престолъ [3]). Все произведеніе носитъ характеръ офиціальнаго панегирика патріарху Филарету, и первая часть его, въ которой изложена исторія патріаршества въ Россіи, служитъ только введеніемъ въ этотъ панегирикъ. Вотъ почему мы причислили разбираемый памятникъ къ разряду тѣхъ произведеній, которыя посвящены лицамъ смутнаго времени.

Къ исторіи смуты нѣкоторое отношеніе можетъ имѣть только вступительная часть Сказанія. Въ ней находимъ прежде всего во-

[1]) Доп. къ Акт. Ист., II, № 76.—Повѣствованіе это напечатано по ркп. Моск. Синодальной Библіотеки, писанной въ листъ, скорописью конца XVII в., со многими украшеніями, на 117 лл. Не приводимъ полнаго заглавія памятника: оно очень обширно.

[2]) Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 185—200.

[3]) Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 200—221.

сторженный отзывъ о царѣ Ѳеодорѣ, благосклонную характеристику патріарха Іова и полное осужденіе Бориса. Авторъ, давая характеристику Годунова, упоминаетъ только о двухъ его дѣяніяхъ: убійствѣ цар. Димитрія и гоненіи на Романовыхъ [1]). Обходя время самозванца („яже о воцареніи того инѣмъ оставляю",—говоритъ авторъ,—„понеже Лѣтописная книга пространно сія написа"), сказатель обращается къ В. Шуйскому, которому сочувствуетъ за то, что онъ „устрояетъ" Филарета Ростовскимъ митрополитомъ [2]), и за то, что онъ будто бы самъ понялъ необходимость удалиться отъ царства во избѣжаніе кровопролитія [3]). Въ обзорѣ дальнѣйшихъ событій вниманіе автора вполнѣ занято судьбою Филарета. Авторъ витіевато повѣствуетъ о его посольствѣ къ Сигизмунду и о девятилѣтнихъ страданіяхъ въ польскомъ плѣну. Краткія замѣчанія объ общемъ ходѣ смуты вводятся въ разсказъ для того только, чтобы лучше освѣтить патріотическую дѣятельность Филарета картиною общей шатости и разоренія Руси. При такомъ служебномъ значеніи общеисторическихъ показаній понятнымъ становится отсутствіе всякой въ нихъ послѣдовательности. Авторъ упоминаетъ, напримѣръ, о страданіяхъ и смерти Гермогена раньше, чѣмъ о сожженіи Москвы; дѣятельность Жолкѣвскаго и Гонсѣвскаго въ Москвѣ онъ представляетъ одновременною. Разсказъ автора о смутѣ не даетъ ничего исторически цѣннаго, и для біографіи Филарета нѣтъ въ немъ ни одной такой подробности, которой бы не было въ Новомъ Лѣтописцѣ. Такимъ образомъ историческаго значенія разбираемое произведеніе не имѣетъ.

Происхожденіе Сказанія намъ не извѣстно. Общій характеръ его повѣствованія указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ офиціальнымъ, которое всего скорѣе могло быть написано при патріаршемъ дворѣ. Нѣкоторый намекъ на время его составленія за-

[1]) Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 194—195.—Любопытно показаніе автора о томъ, что Борисъ къ Романовымъ „исперва любовно присоединяся и клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помогателя имѣти". Объ этомъ показаніи мы уже упоминали при разборѣ Повѣсти Катырева.

[2]) Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 196. — Мы уже видѣли, что Филаретъ сталъ Ростовскимъ митрополитомъ при самозванцѣ, а не при Шуйскомъ (сравн. Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 194, и Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110).

[3]) Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 196: Царь Василій „уразумѣ себѣ повинна быти таковому.... и сего ради оставляетъ царствіе и во иноческая облачится, лутче судивъ стяжати небесное богатство,.... нежели имѣти привременное царство".... Нѣтъ нужды опровергать такое представленіе о Шуйскомъ.

ключается въ ссылкѣ автора на „Лѣтописную книгу“, содержащую въ себѣ „пространный“ разсказъ о воцареніи самозванца. Если подъ этою „книгою“ разумѣть Новый Лѣтописецъ (а это всего вѣроятнѣе), то нужно отнести составленіе Сказанія ко времени послѣ 1630 года. Есть даже поводъ думать, что Сказаніе было написано послѣ смерти царя Михаила: о царѣ Михаилѣ въ Сказаніи нигдѣ не говорится, какъ о человѣкѣ еще живущемъ; напротивъ, въ его характеристикѣ находятся такія выраженія: „бѣ же Михаилъ добръ, образомъ красенъ и очима свѣтелъ.... и нравомъ зѣло преудобенъ, милостивъ же и кротокъ и тихъ“ [1]). Такая форма отношенія къ личности государя могла явиться скорѣе по смерти его, чѣмъ при его жизни.

Рядомъ съ произведеніемъ о Филаретѣ можно поставить произведеніе о М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ, извѣстное подъ названіемъ: О роженіи князя Михаила Васильевича [2]). Оно уже подверглось нѣкоторой оцѣнкѣ со стороны изслѣдователей. А. Н. Поповъ считаетъ его „въ высшей степени интереснымъ“ памятникомъ: по словамъ Попова, „не смотря на бѣдность сообщаемыхъ въ немъ фактовъ, оно интересно по своей литературной формѣ, по совмѣщенію книжныхъ пріемовъ съ народною думою о смерти Скопина-Шуйскаго“. В. С. Иконниковъ также указывалъ на двойственность литературныхъ пріемовъ въ этомъ произведеніи, а Л. Н. Майковъ изслѣдовалъ ту часть произведенія, которую онъ призналъ отрывкомъ изъ народной былины,—именно разсказъ объ отравленіи князя Михаила [3]). Но ни одинъ изслѣдователь не опредѣлилъ точно времени и обстоятельствъ происхожденія всего памятника; и самый текстъ его не заключаетъ въ себѣ ни хронологической даты, ни указаній на автора.

Изученіе памятника позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о его составѣ. Первыя страницы произведенія, повѣствующія весьма кратко о рожденіи, дѣтствѣ и подвигахъ Скопина до Калязинской битвы съ тушинцами, представляютъ собою,

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 199.

[2]) Издано въ Изборникѣ *А. Н. Попова*, стр. 379—388 (Отрывокъ въ „Памятникахъ старинной русск. литературы“ подъ редакціей *Н. И. Костомарова*, II, стр. 410—411).

[3]) *А. Н. Попова* Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 257.—*В. С. Иконникова* „Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій“ въ *Чтеніяхъ въ Ист. Обществѣ Нестора Лѣтописца*, I, стр. 159—160.—*Л. Н. Майкова* „О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1880 г., ноябрь, стр. 209—211.

на сколько мы можемъ судить, самостоятельный разсказъ благочестиваго книжника, обильный ссылками на Св. Писаніе [1]). Пространное описаніе Калязинской битвы, слѣдующее за нимъ, дословно взято изъ Сказанія Авраамія Палицына [2]). Разсказъ объ отравленіи и смерти Скопина сохранилъ намъ, какъ это указано Л. Н. Майковымъ, отрывокъ старинной былины съ соблюденіемъ даже ея стихотворнаго склада [3]). Повѣствованіе о погребеніи Скопина, составляющее центръ всего Сказанія, носитъ на себѣ черты книжнаго эпическаго творчества [4]) и было, вѣроятно, написано современникомъ событія, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ частностямъ: авторъ знаетъ имена дѣйствующихъ лицъ и сообщаетъ много мелочныхъ подробностей событія [5]).

---

[1]) Изборникъ, стр. 379—381.—Эта часть повѣствованія очень бѣдна содержаніемъ, и В. С. Иконниковъ въ своей монографіи о Скопинѣ могъ взять изъ нея весьма немногія данныя.

[2]) Сравн. Изборникъ, стр. 382, и Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 190—193 (до словъ: „подъ Колязинъ монастырь со многою корыстію"). Авторъ Сказанія о Скопинѣ не сумѣлъ даже сдѣлать толковаго перехода отъ словъ Палицына къ дальнѣйшему повѣствованію. Обращаясь прямо къ исторіи отравленія Скопина и пропуская всѣ подробности его пріѣзда въ Москву, авторъ помѣщаетъ только слѣдующую, лишенную яснаго смысла, фразу: „Егда той воинъ и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйскій послушавъ царя и пріѣхалъ въ царствующій градъ Москву изъ слободы Александровы (ранѣе о слободѣ не говорилось) и напрасно грѣхъ ради нашихъ и родишася боярину кн. И. М. Воротынскому сынъ княжевичь Алексѣй, и не дошедъ двy мѣсяцъ по четыредеситъ роженію бысть князь Михайло крестнымъ кумомъ"..... (Изборникъ, стр. 382—383).

[3]) Изборникъ, стр. 383.—Памятники старинной русск. литературы, II, стр. 410—411.—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1880 г., ноябрь, стр. 209—211.—Сравн. Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя *Киршею Даниловымъ*, изд. 3-е, М. 1878, стр. 191—193.

[4]) Изборникъ, стр. 383—387. Эпическій складъ произведенія ярче всего обнаруживается въ обычаѣ автора влагать длинныя рѣчи въ уста дѣйствующихъ лицъ. Въ условныхъ, поэтическихъ формахъ представляетъ авторъ многія частности, напримѣръ, горе царя Шуйскаго, который „егда отъ погребанія возвратися и пришедъ въ полату свою, и на златъ столъ свой царскій ницъ падъ и плачася, захлипаяся горко, смоча слезами столъ, слезы на полъ со стола каплюще" (Изборникъ, стр. 387). Тѣ же формы поэтическаго представленія находимъ и немногимъ ниже: „И тѣ же княгини, мати его (Скопина) и жена, пришедше въ домъ свой и падше на столъ свой ницъ, плакахуся горце и захлепающе, стенюще и слезами своими столъ уливая" и т. д.

[5]) Онъ знаетъ, какъ звали жену и мать Скопина (сравн. Изборникъ, стр. 383 и 387, и *Чтенія въ Ист. Общ. Нестора*, I, стр. 105—106 и 160); вполнѣ удовлетворительно объясняетъ, почему тѣло Скопина не отвезли въ Суздаль (Изборникъ, стр. 385); сообщаетъ даже такія подробности о днѣ погребенія князя:

Наконецъ, краткая замѣтка о Клушинской битвѣ и взятіи Новгорода, заключающая собою Сказаніе, рѣзко отличается отъ прочихъ частей произведенія простотою языка и представляется намъ лѣтописною замѣткою, взятою въ Сказаніе со стороны [1]).

Такимъ образомъ становится ясно, что разбираемый памятникъ не есть цѣльное произведеніе. Его смѣло можно назвать сборникомъ самыхъ разнообразныхъ отрывковъ, и если нѣкоторыя его части могутъ считаться разсказами очевидца, то внесенный въ него отрывокъ Сказанія Палицына ясно свидѣтельствуетъ, что въ полномъ своемъ составѣ произведеніе возникло не ранѣе 1620 года. Историческими данными разбираемый памятникъ очень бѣденъ, какъ уже замѣтилъ А. Н. Поповъ; съ литературной же стороны мы назвали бы его компиляціей, еслибы могли доказать, что авторъ сборника не самъ составилъ его главную часть—повѣствованіе о погребеніи князя Скопина.

Къ біографіямъ причисляемъ мы и Исторію о первомъ Іовѣ, патріархѣ московскомъ, хотя авторъ и придалъ ей характеръ житія „иже во святыхъ отца нашего святѣйшаго Іова, патріарха Московскаго и всея Россіи чудотворца“ [2]). Литературная форма этого житія отступаетъ, по признанію В. О. Ключевскаго, „отъ стараго стиля житій“ [3]), а содержаніе памятника, лишенное агіографическаго колорита, почти все исчерпывается характеристикой Іова, какъ человѣка и дѣятеля. Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе очень короткимъ перечнемъ внѣшнихъ данныхъ для біографіи патріарха, сообщая, когда и какія церковныя должности проходилъ Іовъ [4]). За этимъ въ Исторіи слѣдуетъ очень любопытная оцѣнка добродѣтелей патріарха, и авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается

„второму часу наставшу и паки стекается всенародное множество со всего Московскаго царства, понеже во вчерашнія день не всѣмъ въ слухи внидоша и невѣдомо, гдѣ погребенъ будетъ“ (Изборникъ, стр. 385—386).

[1]) Изборникъ, стр. 387—388.

[2]) Лучшій изъ извѣстныхъ намъ списковъ въ рукописи Саввина-Сторожевскаго монастыря № 5, въ 4 д., полууставомъ, 67 лл., лл. 40—67 об. (*Строевъ* зналъ рукопись подъ старымъ № 196: Библіол. Словарь, стр. 333; митр. *Макарій*—подъ № 84: Ист. Р. церкви, X, стр. 55. Копія съ этого списка руки *Строева* въ Румянц. Музеѣ, по описанію *Востокова* № 39).—Другіе списки: 1) ркп. Румянц. Музея, по описанію Востокова № 156, въ 4-ю д., полууставомъ, 7214 (1706) года, безъ конца, и 2) ркп. В. М. Ундольскаго № 1110 (см. „Слав.-русскія рукописи Ундольскаго“, стр. 22; этого списка мы не видѣли).

[3]) Древнерусскія житія святыхъ, стр. 465.

[4]) Ркп. Саввина мон., лл. 40—43 об.

на ней на томъ основаніи, что, по его словамъ: „нидѣ бо о немъ (Іовѣ) нигдѣ не писано". Іовъ владѣлъ рѣдкимъ знаніемъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, служилъ всегда наизусть и съ замѣчательнымъ чувствомъ; велъ воздержную жизнь и строго постился; отличался полнымъ смиреніемъ и кротостью; „во дни же убо его не обрѣтеся человѣкъ подобенъ ему ни образомъ, ни нравомъ, ни гласомъ, ни хожденіемъ, ни вопросомъ, ни отвѣтомъ". Патріаршій санъ не измѣнилъ натуры Іова, и онъ остался тѣмъ же кроткимъ человѣкомъ: „лѣнивыхъ никакоже никогда царю не оглашая и никого никогда же не оскорбляя, ни стужая никому, но всѣхъ милуя и преизлишно питая" [1]). Смиреніемъ патріарха думаетъ авторъ объяснить и всѣ особенности его политической дѣятельности. Когда Борисъ Годуновъ воцарился „многимъ козноденствомъ", его темныя дѣла стали извѣстны народу и соблазняли его. Многіе люди упрекали Іова въ томъ, что онъ „молчитъ" передъ Борисомъ; но Іовъ только плакалъ и не могъ стать „обличникомъ" Бориса [2]). Не сталъ онъ прямо противъ Годунова и тогда, когда

---

[1]) Ркп. Саввина мон., лл. 43 об.—47.

[2]) Приводимъ цѣликомъ это любопытное мѣсто Исторіи: „По смерти же царя Θеодора Іоанновича хотя или не хотя воцарился правитель Борисъ Феодоровичъ многимъ козноденствомъ. Патріарху же Іову та вся новотворимая царемъ Борисомъ видѣ, а иная дѣла явна бываемая, вся уразумѣваемая представляхуся. Инови бо людіе стужаху ему, глаголюще: что, отче святый, новотворимое сіе видѣши, а молчиши? И совѣсть сердца его яко стрѣлами устрѣлено бываше и не могій что сотворити, еже сѣмена лукавствія сѣема видя и, винограда Христова дѣлатель сый, изнеможе, токмо къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую слезами обливаше. Быстрь (можетъ быть: бысть) убо и строптивъ сей царь Борисъ и не хотя видѣти обличника себѣ: тѣмъ же непороченъ единъ путь ходити оставивъ и во два пути хождаше" (Ркп. Саввина мон., л. 47—47 об.). Очевидно, что здѣсь подъ словами „та вся новотворимая царемъ Борисомъ" нельзя разумѣть культурныхъ новшествъ Бориса (о которыхъ авторъ выше не говорилъ ни слова), а слѣдуетъ понимать событіе политическое—узурпацію Борисомъ престола путемъ преступленій. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, какое далъ приведенному мѣсту памятника С. М. Соловьевъ въ заключительныхъ строкахъ первой главы VIII т. Исторіи Россіи (по изд. 1873 г. стр. 57.—Сравн. *Макарія* Ист. Р. церкви, X, стр. 89). Мы лично думаемъ, что весь приведенный нами разсказъ составляетъ позднѣйшее произвольное распространеніе словъ самого Іова въ его духовномъ завѣщаніи: „въ многи скорби и въ печали впадохъ о преставленіи..... царя.... Θеодора Ивановича.... и всяко вещемъ сопротивное нападе на мя озлобленіе, и клеветы, укоризны, рыданіяжъ и слезы, сія убо мене смиренаго достигоша" (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 82, стр. 181).

развились доносы и погибало много невинныхъ людей: патріархъ только молился и просилъ народъ „дабы престали отъ всякаго зла дѣла, паче же отъ доводовъ и отъ ябедничества; и бѣ ему непрестанныя слезы и плачъ непостижный" [1]). Мужественно ополчился Іовъ только противъ самозванца, котораго авторъ Исторіи называетъ еретикомъ и волхвомъ. Патріархъ „съ горкими слезами глаголаше народомъ", что онъ зналъ Отрепьева давно,—„какъ въ Чудовѣ монастырѣ былъ и какъ въ келіи у него жилъ" этотъ еретикъ. Ничто однако не помогло Іову: клевреты самозванца свергли его съ престола, чернь разграбила его дворъ, и патріархъ едва „умолилъ, дабы разстрига его отпустилъ на обѣщаніе свое въ городъ Старицу во Успенской монастырь" [2]). Въ Старицѣ Іовъ былъ встрѣченъ извѣстнымъ архимандритомъ Діонисіемъ, который, „невѣдый, что сотворити великому пастырю", спрашивалъ Іова, „что укажетъ еже о себѣ творити". Прежнее смиреніе не покинуло патріарха и въ ссылкѣ; въ молитвахъ окончилъ онъ свою жизнь въ Старицкомъ монастырѣ, окруженный заботами Діонисія [3]).

Такъ кончаетъ авторъ главную часть своего труда—жизнеописаніе патріарха. Вслѣдъ за разсказомъ о погребеніи Іова начинается отрывочное повѣствованіе о чудесахъ его, между которыми особенно

---

[1]) Ркп. Саввина мон., л. 49—49 об. — Предъ этимъ заявленіемъ авторъ въ обширной вставкѣ разсказываетъ объ убійствѣ цар. Димитрія, о московскомъ пожарѣ 1591 г. и о развитіи доносовъ при Борисѣ. Онъ самъ указываетъ источникъ своего разсказа: „о сихъ всѣхъ злыхъ бѣдахъ писано пространно во Исторіи въ монастырѣ Сергія чудотворца" (сравн. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 3—6, 8—9, и Ркп. Саввина мон., лл. 48—49). Авторъ не строго держался своего источника: онъ, напримѣръ, обвиняетъ Бориса въ поджогѣ Москвы, чего не дѣлаетъ Палицынъ; но въ общемъ его разсказъ близокъ къ тексту Палицына.

[2]) Разсказъ автора о похожденіяхъ самозванца не представляетъ ничего любопытнаго и повторяетъ по большей части данныя Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 54—56). За то любопытны нѣкоторыя подробности сверженія Іова съ престола (Ркп. Саввина мон., лл. 52—54 об.). Этими подробностями уже воспользовался митроп. *Макарій* въ своей Исторіи Р. церкви (т. X, стр. 92—93), и потому мы не приводимъ здѣсь выписокъ. Сличая повѣствованіе Исторіи Іова съ „прощальною грамотою" Іова 1607 г. (Акт. Арх. Эксп. II, № 67, стр. 153—154), невольно приходимъ къ догадкѣ, что извѣстія о насиліяхъ надъ патріархомъ и о разграбленіи его двора взяты авторомъ Исторіи изъ патріаршей грамоты и литературно переработаны.

[3]) Данныя разбираемаго памятника объ отношеніи Діонисія къ Іову приведены и оцѣнены митроп. *Макаріемъ* (Ист. Р. церкви, X, стр. 95—96).

достойны вниманія явленіе патріарха арх. Діонисію и исцѣленіе жителя Старицы Іоанна Іоанновича Тулупова. Іовъ явился Діонисію съ такою рѣчью: „поставили вы надъ гробомъ моимъ палатку не по моему приказу: мнѣ де палатка строить не тѣмъ переводомъ" [1]). Чудо исцѣленія, совершившееся надъ Тулуповымъ, произошло во время разоренія Старицы тушинцами въ 1609 году; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что этотъ Иванъ Тулуповъ одно лицо съ извѣстнымъ монахомъ Германомъ Тулуповымъ, написавшимъ Минеи Четьи и происходившимъ такъ же изъ Старицы [2]). За чудесами въ Исторіи Іова слѣдуетъ разсказъ о перенесеніи тѣла патріарха въ Москву въ 1652 году и, наконецъ, Исторія заключается повѣствованіемъ о тѣхъ чудесахъ, какія произошли отъ гроба святителя при перенесеніи его мощей [3]).

Таково содержаніе разбираемаго памятника. Время его появленія точно опредѣлить нельзя; но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ части Исторіи составлены были не раньше 1652 г., когда состоялось перенесеніе мощей патріарха [4]). Быть можетъ, именно это перенесеніе и послужило поводомъ къ составленію жизнеописанія Іова [5]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ сочиненіемъ довольно позднимъ. Авторъ его иногда самъ обнаруживаетъ свои источники, ссылаясь на Сказаніе Палицына, упоминая Житіе преп. Діонисія. Это обстоятельство, свидѣтельствуя о начитанности автора, въ то же время говоритъ намъ, что въ его произведеніи мы не найдемъ непосредственныхъ впечатлѣній очевидца и современника смуты. При такихъ условіяхъ нельзя придавать большаго историческаго значенія показаніямъ Исторіи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и не встрѣчаются ни въ какихъ другихъ памятникахъ [6]).

---

[1]) Ркп. Саввина мон., л. 57—57 об.

[2]) Ркп. Саввина мон., лл. 57 об.—60 об.—*Ключевскаго* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 297—298.—Можно думать, что исцѣленный Тулуповъ былъ живъ, когда составлялась Исторія Іова, и былъ близокъ къ автору ея: авторъ иногда зоветъ его дружески однимъ отчествомъ „Іоанновичъ".

[3]) Ркп. Саввина мон., л. 61 об.—67 об.

[4]) Въ біографіи Іова авторъ дѣлаетъ ясное указаніе на Житіе пр. Діонисія въ такихъ словахъ: „о архимандритѣ Діонисіи индѣ писано" (Ркп. Саввина мон., л. 56). Житіе архимандрита Діонисія составлено было, какъ увидимъ ниже въ 1648—1654 годахъ. Стало быть, и біографія Іова появилась не ранѣе.

[5]) *Ключевскаго* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 465.

[6]) Всѣ сколько-нибудь цѣнныя данныя памятника касаются личной жизни Іова и, какъ мы показали выше, уже извлечены митроп. *Макаріемъ*.

Едва ли мы впадемъ въ грубую ошибку, если предположимъ, что автора Исторіи слѣдуетъ искать среди братіи Троице-Сергіева монастыря. Онъ знаетъ объ архимандритѣ Діонисіи такія частности, какъ видѣніе ему патріарха Іова. Онъ знаетъ тѣ литературныя произведенія, которыя создавались въ Лаврѣ. Очень обстоятельно разсказываетъ онъ объ „Іоанновичѣ" Тулуповѣ, а монахъ Тулуповъ по порученію Діонисія составилъ свои Минеи-Четьи для Троицкаго монастыря и жилъ въ ту же эпоху, когда писалась Исторія о патріархѣ Іовѣ. Какъ ни мелочны всѣ эти черты, онѣ однако производятъ на читателя извѣстное впечатлѣніе: нѣсколько разъ въ Исторіи мелькаютъ имена, связанныя съ жизнью Троицкаго монастыря, тогда какъ о другихъ видныхъ лицахъ современнаго автору общества нѣтъ такихъ отзывовъ, которые способны бы были привлечь наше вниманіе.

Отъ произведеній, носящихъ характеръ біографій, переходимъ къ житіямъ. Между ними для насъ главное значеніе имѣютъ Житія царевича Димитрія. Самое раннее изъ нихъ составлено было, какъ мы видѣли, въ 1607 году и представляло изъ себя дословный отрывокъ Повѣсти 1606 года, присоединенный къ обстоятельному повѣствованію о перенесеніи мощей царевича въ Москву [1]). Второе житіе Димитрія составилъ кн. С. И. Шаховской, при чемъ далъ ему характеръ поучительнаго трактата, а фактическую его сторону заимствовалъ изъ Повѣсти Катырева [2]). Къ половинѣ XVII вѣка появилась и третья редакція этого житія, въ литературномъ отношеніи мало зависимая отъ двухъ первыхъ. Она была внесена въ Минеи свящ. Іоанна Милютина (1646—1654 гг.) [3]) и получила чрезвычайно широкое распространеніе въ спискахъ [4]). Въ отличіе отъ прочихъ

---

[1]) См. въ первой главѣ нашего труда „Житіе цар. Димитрія, внесенное въ Минеи Г. Тулупова".

[2]) См. въ четвертой главѣ нашего труда разборъ Повѣстей кн. Шаховскаго.

[3]) Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805 (по указателю арх. *Саввы*), XVII в., въ 4-ю д., скорописью, 1489 лл., лл. 1026—1046. Нач: „Сей благовѣрный царевичъ"... О Минеяхъ Милютина см. *Ключевскаго* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 297—298.

[4]) Укажемъ списки, намъ извѣстные: 1) Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, въ листъ, XVII вѣка, 252 лл., лл. 206 об.—213 об.;—2) Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1612, въ 4 д., XVII в., 215 лл., лл. 189—204;—3) Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 22 (изъ собр. гр. Толстова, отд. II, № 140), XVII и XVIII вв., въ 4-ку, 971 лл., лл. 100—115;—4) Имп. Публ. Библ. Q. I. 762, XVIII в., въ 4 д., 206 лл., лл. 38—52;—5) Библ. С.-Пб. Дух. Академіи Софійск. № 1459 (*Строевъ* зналъ этотъ списокъ подъ „№ 431 изъ Кириловскихъ": Библіол. Словарь, стр. 328), XVII в.,

редакцій мы будемъ звать ее **Милютинскою редакціей** житія, хотя и не рѣшаемся приписать ея составленіе самому Милютину [1]). Въ полномъ своемъ видѣ это Житіе состоитъ изъ трехъ статей: первая разсказываетъ объ убіеніи царевича, вторая—о явленіи его старцу Тихону и о важнѣйшихъ событіяхъ въ Москвѣ до сверженія самозванца, третья же описываетъ перенесеніе мощей святаго.

Что касается до первой, главной части Житія, [2]) то она составлена, какъ можно догадываться, по двумъ источникамъ, хотя съ литературной стороны написана самостоятельно. Въ бо́льшей степени

въ 4-ку, 365 лл., лл. 114—135;—6) Библ. С.-Пб. Дух. Акад. Софійск. № 1493, XVII в., въ 4-ку, 629 лл., л. 535—558;—7) Моск. Публ. Музея № 260, XVII в., въ 8-ку, 96 лл., лл. 1—36;—8) Моск. Публ. Музея № 925, XVII в., въ 4-ку, 215 лл., лл. 115 об.—149;—9) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 303, конца XVII в., въ 4-ку, 20 лл.; —10) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 609, XVII в., въ 4-ку, 447 лл., лл. 168—183;—11) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 623, XVII в., въ 4-ку 87 лл., лл. 9—31 об.;—12) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 660, XVIII в., въ 4-ку, 227 лл., лл. 210—227;—13) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 1306, XVII в., въ 4-ку, 183 лл., лл. 106—117;—14) Моск. Публ. Музея, Бѣляев. № 1515, XVII—XVIII в., въ листъ, лл. 84—92.—Не всѣ изъ указанныхъ списковъ одинаково полны и исправны: лучшими намъ представляются тѣ, которые помѣщены въ нашемъ перечнѣ подъ цифрами 1, 5 и 6. — О другихъ спискахъ см. *Барсукова* Источники русск. агіографіи, ст. 154, § 3.—Любопытную попытку дополнить это Житіе данными Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 19—20) находимъ въ ркп. Имп. Публ. Библ. Q. I. 877, въ 4-ку, XVII—XVIII в., 71 лл., лл. 44—44 об. (въ этой рукописи смѣшаны отрывки Милютинскаго житія царевича съ тою его редакціею, которая вошла въ Минеи Четьи св. Димитрія Ростовскаго).

[1]) *В. О. Ключевскій* удостовѣряетъ, что І. Милютинъ „старался сокращать и даже иногда передѣлывать памятники" (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 298). Можно было бы поэтому предположить, что самъ Милютинъ составилъ Житіе царевича: это Житіе, какъ увидимъ ниже, есть переработка немногихъ источниковъ; оно является впервые въ сборникѣ житій Милютина и не попало еще въ Минеи Тулупова (написавшаго майскую Минею въ 1630 году). Но подобному предположенію мѣшаетъ то обстоятельство, что списокъ Житія въ подлинникѣ Минеи Милютина не такъ исправенъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, и ничѣмъ не напоминаетъ авторскаго экземпляра. Во всякомъ случаѣ въ Милютинскомъ житіи мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ довольно позднимъ. Авторъ его косвенно даетъ понять, что писалъ уже послѣ патріаршества Филарета; онъ говоритъ, что за мощами царевича Димитрія „посланъ бысть Филаретъ митрополитъ,.... иже послѣди.... и самъ патріархъ *бысть* во всей велицей Россіи" (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 212 об.).

[2]) Въ спискахъ она носитъ заглавіе: „Мѣсяца маія въ 15 день. Убіеніе благовѣрнаго царевича князя Димитрія Ивановича Углицкаго и всеа Русіи новаго чюдотворца".

авторъ зависѣлъ отъ того сказанія о смерти царевича, которое мы видѣли въ Новомъ Лѣтописцѣ, а въ меньшей степени—отъ Повѣсти 1606 года (или, вѣрнѣе, отъ основаннаго на ней Житія 1607 года). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сравнить показанія Житія съ названными памятниками. Начинается оно именно тѣми извѣстіями, какія Житіе 1607 года заимствовало изъ Повѣсти 1606 года. Кратко сказавъ о смерти Грознаго, воцареніи Ѳеодора и объ удаленіи Димитрія въ Угличъ по Житію 1607 года,—авторъ описываетъ затѣмъ властолюбіе Годунова уже по тому образцу, какой нашелъ въ Новомъ Лѣтописцѣ. Не заимствуя изъ Лѣтописца фразъ цѣликомъ, онъ считаетъ позволительнымъ брать оттуда отдѣльные обороты рѣчи [1]). За немногочисленными отступленіями и весь строй его изложенія соотвѣтствуетъ той послѣдовательности, какую находимъ въ Лѣтописцѣ. Стремленіе къ краткости заставляетъ автора опустить извѣстія Лѣтописца о томъ, какъ Борисъ тщетно искалъ убійцъ, пока Клешнинъ не нашелъ ему Битяговскаго [2]). Авторъ прямо переходитъ къ описанію смерти царевича. Сообщенія своихъ источниковъ о попыткахъ отравить Димитрія, онъ передаетъ такъ, какъ будто бы эти попытки дѣлали Битяговскій и его сообщники, не рѣшавшіеся дѣйствовать открыто. При этомъ авторъ уже не видитъ прямаго чуда въ томъ, что царевичъ уцѣлѣлъ отъ отравы; онъ замѣчаетъ только, что ради „рождьшія и ближнихъ его (царевича) пріятелей и доброхотовъ облюденія, паче же Божіяго ради храненія не возможе (убійцы) тѣмъ своимъ коварствомъ таковѣй смерти пре-

---

[1]) Замыселъ Годунова истребить царскій корень авторъ Житія приписываетъ наущенію дьявола, какъ и авторъ Новаго Лѣтописца, и притомъ въ очень сходныхъ выраженіяхъ: „искони бо ненавидяй добра роду человѣческому древній змій сатана.... вложи убо во умъ тому Борису.... и влагаетъ ему въ сердце злую и нечеловѣческую мысль“.... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 206 об.—207.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1027—1027 об.—Сравн. Ник. Лѣт. VIII, 15).

[2]) Этотъ пропускъ ведетъ автора къ нѣкоторой оплошности. Впослѣдствіи, упоминая о поведеніи Клешнина на слѣдствіи въ Угличѣ, авторъ заявляетъ, что Клешнинъ „вкупѣ бо съ нимъ (Борисомъ) бысть и убійца“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 209.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1035). Для читателя Житія это замѣчаніе лишено смысла, такъ какъ въ Житіи раньше нѣтъ ни слова о соучастіи Клешнина въ преступленіи. Для насъ же эти слова есть ясный признакъ зависимости Житія отъ Новаго Лѣтописца: злодѣйство Клешнина подробно описано въ одномъ только Новомъ Лѣтописцѣ. Отъ показаній этого послѣдняго авторъ Житія отступаетъ только въ томъ, что зоветъ Волохову не Марьею, какъ Новый Лѣтописецъ, а Василисою, какъ Слѣдственное дѣло.

дати его". Открытое покушеніе на царевича авторъ Житія описываетъ очень кратко, ближе подходя къ Повѣсти 1606 года, чѣмъ къ Новому Лѣтописцу [1]). Дальнѣйшія обстоятельства—погибель убійцъ и пристрастное слѣдствіе Клешнина и Шуйскаго—изложены въ Житіи очень близко къ Новому Лѣтописцу. Но въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія авторъ Житія дѣлаетъ легендарную вставку, которая ясно свидѣтельствуетъ о его историческомъ невѣжествѣ. Онъ говоритъ, что самъ царь Ѳеодоръ, находившійся по случаю праздника Пятидесятницы въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, пожелалъ ѣхать въ Угличъ на погребеніе брата. Узнавъ это, Борисъ будто бы велѣлъ зажечь Москву и убѣдилъ Ѳеодора, что его присутствіе въ столицѣ необходимо. Тогда царь Ѳеодоръ возвратился въ Москву, а въ Угличъ послалъ Шуйскаго, къ которому Борисъ присоединилъ Клешнина „и много отъ священническаго чина". Въ 1591 году праздникъ Пятидесятницы былъ 23-го мая, московскій пожаръ—22-го мая, а слѣдственная коммиссія пріѣхала въ Угличъ—19-го мая [2]). Сопоставленіе этихъ датъ убѣждаетъ въ несправедливости всего разсказа автора. Первое же отступленіе его отъ текста тѣхъ источниковъ на которыхъ онъ построилъ свое повѣствованіе, оказывается неудачнымъ и ведетъ къ заключенію, что авторъ мало зналъ обстоятельства смерти царевича.

Собственно Житіе царевича оканчивается извѣстіемъ о его погребеніи. Въ первой изъ добавочныхъ статей Житія—о явленіи царевича старцу Тихону [3])—авторъ продолжаетъ держаться прежнихъ

---

[1]) „Часъ приспѣвше, повелѣша (убійцы) той преждереченней Василисѣ, да повелитъ кормилицѣ его, сірѣчь мамѣ, свести изъ дому исъ хоромъ его: вѣдуще бо окаянніи, яко обычай ему есть ходить на играніе дѣтское. И сотвориста та окаянная такоже, якожеречеся.... Они же зліи кровоядцы готови на пролитіе неповинныя тоя крови и наскочиша нань, аки волцы немилостивіи, и сотвориша то прелютое дѣло средѣ двора его. Единъ отъ нихъ емъ его за выю и прерѣза ему гортань. Мати же его благочестивая царица Марія во внутреннихъ своихъ храмѣхъ сѣдящи, ничто же того свѣдущи, токмо внезапу услыша и узрѣ то сотворенное злое дѣло, борзостно стече долу".... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск № 1558, л. 207—207 об.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1029—1029 об).—Далѣе разсказъ близокъ къ Новому Лѣтописцу.

[2]) *Горбачевскаго* Археограф. календарь, табл. 14.—Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 4.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 60, стр. 103.

[3]) Полное заглавіе статьи таково: „О явленіи благовѣрнаго царевича князя Димитрія Ивановича Углицкаго и Московскаго старцу Тихону и отмщеніи крови его".

источниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ знакомство и съ Повѣстью 1607 года о перенесеніи мощей царевича въ Москву. Послѣ весьма близкаго къ Новому Лѣтописцу разсказа о томъ, какъ были наказаны Борисомъ угличане и всѣ Нагіе за расправу съ убійцами Димитрія,—авторъ сообщаетъ о смерти царя Θеодора почти буквально словами Повѣсти 1607 года [1]). Свидѣтельствуя затѣмъ, что при Борисѣ отъ царевича Димитрія „начаша знаменія и чюдеса бывати", авторъ совершенно самостоятельно описываетъ одно изъ такихъ знаменій. Въ „первоенадесять лѣто по убіеніи своемъ", то-есть, въ 1601—1602 годахъ, царевичъ явился „нѣкоему отъ калугеръ тамо живущихъ во градѣ Углечѣ, имянемъ Тихону". Онъ предсказалъ Тихону появленіе и погибель многихъ самозванцевъ, что̀ скоро и сбылось. Для того, чтобы выяснить справедливость предсказанія, авторъ Житія даетъ краткую исторію перваго самозванца. Въ ней онъ не выходитъ изъ круга фактовъ, извѣстныхъ изъ Повѣсти 1606 года и Новаго Лѣтописца; вступительныя же фразы заимствуетъ онъ опять изъ Повѣсти о перенесеніи мощей [2]).

Нѣкоторое вліяніе этой Повѣсти можно замѣтить и въ послѣдней довольно краткой статьѣ Житія—о перенесеніи мощей царевича [3]). Но здѣсь встрѣчаемъ и существенныя отступленія: по разсказу Повѣсти 1607 года, перенесеніе мощей происходило до поставленія Гермогена въ патріархи; авторъ же Милютинскаго житія дѣлаетъ Гер-

[1]) „Во осмое жъ лѣто по убіеніи благовѣрнаго царевича князя Димитрія Ивановича случися Божіими судбами, или же самъ вѣсть" и т. д. (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 210.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1037).—Сравн. начало Повѣсти 1607 года въ ркп. С.-Петербургск. Дух. Академіи № 1357, л. 474.

[2]) „Бысть же сице грѣхъ ради нашихъ и всякихъ неправдъ, яже къ Богу. Сихъ ради насъ наказуя, да быхомъ творили заповѣди Его и отвратилися отъ всѣхъ злобъ своихъ, и попусти на насъ за наше беззаконіе аки новаго Іуліана" (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 210об.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1039). Въ Повѣсти 1607 года соотвѣтствующее мѣсто читается такъ: „Многихъ ради грѣхъ нашихъ и неправдъ, еже ко Господу и ко своей братіи, сихъ ради Богу насъ наказующу, да быхомъ познали заповѣди Его и отвратилися бы отъ всѣхъ золъ своихъ, пустившу на насъ, грѣхъ ради нашихъ, за наше беззаконіе богомерзкаго безбожнаго досадителя".... (Ркп. С.-Петербургск. Дух. Академіи № 1357, л. 474 об.),

[3]) Заглавіе этой добавочной статьи таково: „О принесеніи мощей благовѣрнаго царевича князя Димитрія отъ града Углеча въ царствующій градъ Москву".—Близость этой статьи къ Повѣсти 1607 года особенно замѣтна въ подборѣ подробностей самаго обрѣтенія мощей.

могена однимъ изъ главныхъ участниковъ этого церковнаго торжества. Здѣсь онъ впадаетъ въ ошибку, но нѣтъ основанія считать ошибками нѣкоторыя иныя мелочи его изложенія, не находящіяся въ Повѣсти 1607 года и въ другихъ извѣстныхъ намъ текстахъ [1]). Правда, оригинальныя сообщенія автора, какъ въ этой части Житія, такъ и въ предыдущихъ, слишкомъ мелки для того, чтобы придать его повѣствованію историческій интересъ; но они выдѣляютъ его Житіе изъ ряда многочисленныхъ компиляцій, также какъ и самостоятельные литературные пріемы, свидѣтельствующіе о привычкѣ автора къ литературному труду [2]).

Большею оригинальностью отличается очень любопытная Повѣсть

---

[1]) Такъ, напримѣръ, заслуживаетъ вниманія извѣстіе, что мощи царевича остались нетлѣнны, „токмо мала часть взята отъ руку перста его" (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 212 об.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1045). Этого извѣстія мы не нашли въ другихъ извѣстныхъ намъ повѣствованіяхъ о перенесеніи мощей.

[2]) Милютинское житіе оказывало вліяніе на послѣдующіе литературные труды, касающіеся изображенныхъ въ немъ событій. Вопервыхъ, въ значительно мѣрѣ повліяло оно на ту редакцію Житія царевича, которую читаемъ въ Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго подъ 3 іюня (Нач: „По преставленіи благовѣрнаго ц. и в. кн. Іоанна Васильевича"... См. *Барсукова* Источники русской агіографіи, ст. 154—155, § 6). Кромѣ печатныхъ изданій, эта послѣдняя редакція часто встрѣчается въ копіяхъ XVIII вѣка; съ двухъ лицевыхъ списковъ она издана Обществомъ Любителей Древней Письменности (въ 1879 г. подъ № XXXVI: „Житіе св. Димитрія царевича"). Самъ Димитрій Ростовскій такъ объясняетъ происхожденіе составленнаго имъ Житія: „азъ,... собравъ съ нѣкоего хронографа и съ Углечской книжицы, написахъ исторію о святомъ Димитріи царевичи" (*Кашпирева* Памятники новой русск. исторіи, т. II, отд. II, стр. 1). Подъ „Углечской книжицей" трудно разумѣть что-нибудь иное, кромѣ Милютинской редакціи житія: на столько близки къ этой редакціи многія частности повѣствованія св. Димитрія Ростовскаго. Что же касается до хронографа, о которомъ упоминаетъ св. Димитрій, то онъ, очевидно, былъ очень полонъ: въ немъ Димитрій Ростовскій нашелъ и сказаніе Новаго Лѣтописца о смерти царевича, и части Хронографа 2-й редакціи, и отдѣльное „Сказаніе о царствѣ государя и в. кн. Ѳеодора Ивановича" (о немъ будетъ рѣчь ниже). Сравненіе Житія, составленнаго Димитріемъ Ростовскимъ, съ этими памятниками открываетъ не только фактическую, но, если можно такъ сказать, и стилистическую зависимость отъ нихъ труда св. Димитрія. — Вовторыхъ, Милютинское житіе было, очевидно, извѣстно, знаменитому Котошихину, который въ своей книгѣ (О Россіи и т. д., изд. 3-е, стр. 2—3) разсказалъ о злодѣйствахъ Годунова и погибели царевича Димитрія всѣ тѣ недостовѣрныя подробности, какія впервые появились въ редакціи Милютинской. Наконецъ, вліяніе этой Милютинской редакціи житія увидимъ и на нѣкоторыхъ иныхъ памятникахъ, о которыхъ еще будемъ говорить.

о убіеніи царевича Димитрія, изданная съ единственнаго пока извѣстнаго списка А. Ѳ. Бычковымъ [1]). Содержаніе ея общеизвѣстно, и намъ нѣтъ нужды пересказывать его. Издатель Повѣсти полагаетъ, что „она составлена современникомъ, бывшимъ близкимъ ко двору царевича или имѣвшимъ знакомство съ лицами, къ нему принадлежавшими". Основаніемъ для такой догадки служитъ чрезвычайная подробность и видимое правдоподобіе показаній памятника: „въ цѣлой Повѣсти не встрѣчается ни одной черты, которая давала бы возможность заподозрить ея достовѣрность", замѣчаетъ г. Бычковъ.

Дѣйствительно, такое именно впечатлѣніе производитъ первое знакомство съ текстомъ Повѣсти. Изслѣдованіе ея затрудняется отсутствіемъ всякихъ указаній на автора, время и обстоятельства ея составленія. Изученіе единственнаго списка Повѣсти не приводитъ ни къ какому результату: списокъ этотъ составляетъ лишь малую часть пестраго по составу сборника, сплетеннаго П. М. Строевымъ изъ многихъ рукописей, и Строевъ не оставилъ ни одной замѣтки о томъ, откуда досталась ему Повѣсть. Можно только удивляться тому, что такой любопытный историческій памятникъ сохранился до насъ всего въ одномъ, и притомъ несомнѣнно позднемъ экземплярѣ. Это—признакъ, не свидѣтельствующій въ пользу древняго происхожденія Повѣсти. Чѣмъ объяснить, что разбираемая Повѣсть, если она была записью современника убіенія царевича, не распространилась въ XVII вѣкѣ и не была внесена ни въ одно изъ многочисленныхъ компилятивныхъ повѣствованій о смутѣ? Неужели люди XVII вѣка, вообще интересуясь смутой и охотно переписывая мало содержательныя житія царевича, не довѣряли наиболѣе обстоятельному разсказу о смерти Димитрія?

Нѣкоторая загадочность происхожденія Повѣсти заставляетъ съ большой осторожностью отнестись къ ея показаніямъ. Изъ этихъ показаній прежде всего обнаруживается, что и краткое вступленіе въ Повѣсть, и самая Повѣсть были написаны уже послѣ 1605 года: во вступленіи авторъ говоритъ о погибели Бориса Годунова: „не во вѣки нацарствовавъ, яко прахъ во мгновеніи ока исчезе"; въ концѣ же Повѣсти авторъ замѣчаетъ о Марѳѣ Нагой, что она послѣ смерти

---

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1864 г., IV, Смѣсь, стр. 1—4. Списокъ находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ Погодинск. № 1563, лл. 97—99, въ 4-ку, XVIII в. (См. *А. Ѳ. Бычкова*. Описаніе ц.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, I, стр. 95 и 103—104).

сына „въ заточеніи была 14 лѣтъ". Оба эти замѣчанія могли явиться не раньше царствованія Шуйскаго (при самозванцѣ сами Нагіе офиціально не считали царевича мертвымъ, и врядъ ли кто нибудь могъ составить такую Повѣсть, какъ разбираемая нами). Такія данныя о времени написанія Повѣсти ведутъ къ тому любопытному соображенію, что изучаемый памятникъ былъ составленъ не раньше извѣстной намъ Повѣсти 1606 года. Косвенно подобное соображеніе подтверждается еще и содержаніемъ этой послѣдней Повѣсти. Ея авторъ—офиціозный публицистъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ много документовъ,—долженъ былъ придавать важное значеніе всякой подробности о смерти царевича [1]). Если бы разбираемое произведеніе возникло ранѣе его труда и въ офиціальномъ кругу Нагихъ (къ которому относитъ его А. Ѳ. Бычковъ), то авторъ Повѣсти 1606 г. легко могъ бы его знать при своемъ хорошемъ знакомствѣ съ офиціальными документами. Но онъ не воспользовался показаніями изучаемой Повѣсти, конечно, потому, что не зналъ ихъ.

Такимъ образомъ нѣтъ основанія считать разбираемую нами Повѣсть древнѣйшимъ литературнымъ изображеніемъ смерти царевича: Повѣсть 1606 года написана или одновременно съ нею, или раньше ея. Нѣтъ основанія и для того, чтобы въ нашей Повѣсти видѣть произведеніе, вышедшее непремѣнно изъ среды Нагихъ. Этого не дозволяетъ текстъ Повѣсти: въ немъ не видимъ никакихъ прямыхъ слѣдовъ близости автора къ Нагимъ. Въ немъ, напротивъ, читаемъ, что царица Марія надъ тѣломъ царевича Димитрія „плачася, убиваяся, говорила всему народу, чтобы тѣ окаяннiи злодѣи душегубцы царскому кореню живы не были". Можно думать, что лицо близкое къ Нагимъ никогда не позволило бы себѣ изобразить въ такихъ чертахъ поведеніе Маріи Нагой и возложило бы вину угличскихъ убійствъ не на царицу, а на другихъ лицъ. Съ другой стороны, одна любопытная приписка къ компилятивному Житію царевича, какъ и самый составъ этого Житія, показываетъ намъ, что въ семьяхъ, родственныхъ Нагимъ, переписывали въ XVII—XVIII вв. не разбираемую Повѣсть, а Милютинское житіе Димитрія и сказаніе о его убіеніи Новаго Лѣтописца [2]). Наконецъ, мало основаній видѣть въ

---

[1]) Вспомнимъ, что главною цѣлью автора Повѣсти 1606 года было—доказать самозванство убитаго Лжедимитрія. Однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для этого служили доказательства смерти настоящаго царевича (см. первую главу этого труда).

[2]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. I. 877, въ 4 д., 71 лл., лл. 44—45, — заклю-

авторѣ и угличанина-современника событія. Нельзя допустить, чтобы человѣкъ, знакомый съ топографіей Углича, стоящаго на правомъ берегу Волги, употребилъ такой оборотъ рѣчи, говоря о слѣдственной коммиссіи по дѣлу царевича: „пріѣхавъ, досматривали тѣло государя царевича князя Димитрія Ивановича, а осмотря, и отъѣхали прочь за Волгу".

Изложенныя замѣчанія представляются намъ достаточными для того, чтобы не признавать въ изучаемой Повѣсти памятника, современнаго событію и написаннаго компетентнымъ лицомъ. Откуда же явился въ Повѣсти рядъ мелкихъ подробностей о послѣднемъ днѣ царевича? Не возможно дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, за то возможно построить простую догадку. Еслибы въ Повѣсти не было упоминанія о старцахъ Кириллова монастыря, отъ которыхъ царевичъ „образы принялъ", и еслибы не было подробностей объ обѣдѣ царевича, мы рѣшились бы утверждать, что Повѣсть основана на показаніяхъ, записанныхъ въ извѣстномъ Слѣдственномъ дѣлѣ, и представляетъ собою попытку кратко изложить данныя дѣла о смерти царевича,—только не въ оправданіе, а въ обвиненіе Бориса [1]). Присутствіе же въ Повѣсти такихъ извѣстій, какихъ нѣтъ въ оффиціальномъ дѣлѣ, заставляетъ подозрѣвать у автора и другіе источники,—быть можетъ, простое преданіе съ примѣсью благочестивой легенды. Отпечатокъ именно такой легенды

чаетъ въ себѣ отрывки житія, составленнаго по Милютинской редакціи и Новому Лѣтописцу. Въ концѣ приписка: „Списано сіе страданіе благовѣрнаго царевича... Димитрія... въ... градѣ Москвѣ, князь Петра Эльмурзича Черкаского у жены его вдовы княгини Анны Васильевны, сродницы его, благовѣрнаго царевича Димитріа, по матери его царицы Маріи Іоанновны (ошибочно вмѣсто Өеодоровны), во инокиняхъ иноки Мареы. Понеже мати благовѣрнаго царевича Димитріа Марія Іоанновна и княгиня Анна Васильевна одного роду бяше, прозваніемъ Нагихъ". Эта приписка сдѣлана не ранѣе 1692 года (см. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1882 г., стр. 45—47).

[1]) Возстановляя внѣшнюю обстановку смерти царевича, авторъ ни въ чемъ не противорѣчитъ даннымъ Слѣдственнаго дѣла, только даетъ имъ то освѣщеніе, какое далъ на слѣдствіи Михайло Нагой (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 60). Мы вовсе не находимъ въ Повѣсти такихъ показаній о смерти и слѣдствіи, которыхъ нельзя было бы вывести изъ Слѣдственнаго дѣла. Авторъ дополняетъ свой разсказъ другаго рода показаніями,—такими, которыхъ по существу своему не долженъ былъ заключать въ себѣ слѣдственный документъ: такъ онъ, напримѣръ, сообщаетъ день погребенія царевича—22-го мая, день и годъ его рожденія—9-го октября 7091 (1582) года (слѣдуетъ читать 19-го октября: *Карамзина* Ист. Гос. Росс., IX, прим. 741) и т. п.

агіографическаго стиля носятъ на себѣ всѣ подробности о благочестіи и воздержаніи царевича, который „кушалъ... по единожды днемъ, а обычай у него государя царевича былъ таковъ: по вся дни причащался хлѣбу Богородичну". Въ другихъ документахъ и повѣстяхъ о царевичѣ не видимъ такихъ чисто житійныхъ чертъ; напротивъ, и въ грамотѣ Василія Шуйскаго [1]), и во всѣхъ сказаніяхъ о перенесеніи мощей Димитрія находимъ противорѣчащее по своему духу показаніе о томъ, что мальчикъ въ послѣдніе часы „тѣшился" орѣхами [2]).

Сознаемся, что мы не идемъ далѣе шаткихъ догадокъ о составѣ и происхожденіи Повѣсти, но думаемъ, что болѣе точныя заключенія возможны станутъ лишь тогда, когда явятся новыя данныя по внѣшней исторіи этого памятника, заключающаго собой рядъ произведеній о царевичѣ Димитріи. Не входя въ разборъ ничтожныхъ по значенію и весьма краткихъ литературныхъ варіацій, построенныхъ на извѣстныхъ уже намъ редакціяхъ житій царевича [3]), переходимъ къ другимъ житіямъ, касающимся смуты. Они пользуются нѣкоторою извѣстностью въ нашей литературѣ.

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 111.

[2]) Память царевича окружалась легендами: кромѣ легендарныхъ чертъ въ разбираемой Повѣсти, мы видѣли легенду о явленіи царевича старцу Тихону въ Милютинскомъ житіи. Еще одно преданіе—о чюдѣ, бывшемъ во время перенесенія мощей царевича въ Москву,—заключается въ ркп. Моск. Синод. Библіотеки № 858 (по указателю арх. Саввы), въ 4-ку, 1704 года, 230 лл., лл. 212 об.—213 об. (изъ рукописей св. Димитрія Ростовскаго, съ его помѣтами). Чудо заключалось въ томъ, что могила, которую ископали для тѣла царевича въ Архангельскомъ соборѣ, „сама о себѣ засыпашеся", а гробы, не разъ изготовляемые для мощей, не могли прійдтись въ пору. Въ этихъ явленіяхъ царь Василій и патріархъ Гермогенъ (легенда изображаетъ Гермогена уже патріархомъ во время перенесенія мощей) увидѣли чудесное знаменіе и рѣшили поэтому не скрывать мощей царевича подъ землею. Текстъ легенды по указанному списку и нѣкоторыя соображенія о ея происхожденіи приведены нами въ журналѣ *Библіографъ* за 1888 г. (№ 1, стр. 18—19). Испорченный пересказъ этой легенды можно найдти въ *Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1867 г. (№ 15, стр. 117—118). Св. Димитрій Ростовскій, собравшій въ своей редакціи Житія царевича полный сводъ его чудесъ, отвергъ эту легенду.

[3]) Укажемъ извѣстныя намъ замѣтки о смерти царевича: 1) во многихъ спискахъ къ Милютинскому житію приписано его сокращеніе съ помѣтою: „а се по Проложному" (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 213.—Ркп. С.-Петербурск. Дух. Акад. Софійск. № 1493, л. 556.—Ркп. С.-Петербургск. Дух. Акад. Софійск. № 1459, л. 133 об.); 2) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск.

Прежде всего остановимся на Житіи ростовскаго затворника Иринарха, написанномъ его ученикомъ Александромъ [1]. Житіе дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, къ сожалѣнію, довольно позднихъ [2]. Оно было издано арх. Амфилохіемъ въ полномъ видѣ, но съ исправленіями слога [3]; нѣкоторые же его отрывки, касающіеся смутнаго времени, были напечатаны В. М. Ундольскимъ и заимствованы у него гр. М. В. Толстымъ [4]. Житіе Иринарха—памятникъ очень любопытный и по литературнымъ пріемамъ, и по содержанію. Простотою своего разсказа оно приближается къ безыскусственному біографическому очерку и содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ историческихъ чертъ. Мы не разъ замѣчали, что современники смуты, писавшіе о ней, были скупы на автобіографическія подробности и очень

№ 1616, XVIII в., л. 76, находится краткая запись о смерти царевича; 3) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Т. IV. 215 (изъ собранія гр. Толстова, отд. I, № 157), XVII в., л. 293, читаемъ небольшой разсказъ житійнаго стиля; 4) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. О. IV. 17, XVII в., л. 283, записано очень краткое житіе въ родѣ Проложнаго; 5) Въ ркп. Библ. Троице-Сергіев. Лавры № 325 (858), л. 747, XVII в., находится краткая запись о убіеніи царевича и принесеніи мощей; 6) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 48 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 401), XVII в., лл. 1—19, находимъ попытку измѣнить со стороны слога редакцію Житія, составленную Димитріемъ Ростовскимъ. Всѣ эти повѣствованія не представляютъ ни историческаго, ни литературнаго интереса.

[1] „Мѣсяца генваря въ 13 день. Житіе и подвизи отца нашего воздержателя, столпа крѣпка, страдальца и наставника и учителя и затворника Борисоглѣбского монастыря на Устьѣ, старца праведна мужа Иринарха. Списано бысть тоя же обители ученикомъ его старцомъ Александромъ, иже бысть съ нимъ тридесять лѣтъ при животѣ его. Прочитати благослови, отче,“—таково заглавіе Житія въ одномъ изъ старѣйшихъ списковъ, принадлежащемъ Имп. Публ. Библіотекѣ (Погодинск. № 724). Борисоглѣбскій на Устьѣ монастырь находится въ 15 верстахъ отъ Ростова.

[2] Мы пользовались двумя списками: 1) Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724 (изъ собранія Строева № 141, въ 4 д., XVII в., 63 лл.; листовъ 49—52, къ сожалѣнію, не достаетъ) и 2) Погодинск. № 725 (изъ собранія Строева № 121, въ 4 д., XVIII в., 88 лл.). Остальные извѣстные указаны у *Барсукова* Источники русск. агіографіи, ст. 224—225. Большинство списковъ—XVIII вѣка.

[3] „Жизнь преп. Иринарха, затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, что на Устьѣ рѣкѣ“. М. 1863.—Содержаніе Житія пересказано и *И. Е. Забѣлинымъ* въ статьѣ: „Безвѣстный герой смутнаго времени“ (Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 271—284).—Общая историческая оцѣнка памятника дана *В. О. Ключевскимъ* (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 323).

[4] *Ундольскаго* „Библіографическія разысканія“ (въ *Москвитянинѣ* за 1846 г., кн. XI—XII, стр. 187—193).—*Гр. Толстаго* Древнія святыни Ростова Великаго (въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1847 (третій) годъ, II, стр. 63—67).

рѣдко спускались до простой передачи своихъ личныхъ воспоминаній и впечатлѣній. Они писали не мемуары, а историческія или публицистическія произведенія. Авторъ Житія Иринарха составляетъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе [1]). Онъ былъ близокъ къ Иринарху и въ простыхъ выраженіяхъ передаетъ намъ все то, что̀ удержала его память о любимомъ учителѣ. При этомъ онъ и самъ не скрывается отъ взглядовъ читателя: по написанному имъ Житію можно возстановить его личность и нѣкоторые факты его монастырской жизни.

Автора въ мірѣ звали Алексѣемъ. Онъ пришелъ въ Борисоглѣбскій монастырь около 1586 года, когда Иринархъ только что обрекъ себя на затворничество. Видя подвижничество Иринарха, онъ увлекся, „позавидѣ житію его" и просилъ затворника принять его къ себѣ. Иринархъ согласился, Алексѣй былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Александра и „бысть у него (Иринарха) первый ученикъ". Старецъ Александръ не разставался съ своимъ наставникомъ въ теченіе 30 лѣтъ, до самой кончины Иринарха въ 1616 году. Въ 1608 году вмѣстѣ съ учителемъ ѣздилъ онъ въ Москву къ царю Василію и былъ свидѣтелемъ бесѣды Шуйскаго съ затворникомъ, предсказавшимъ царю плѣненіе Московскаго государства отъ Литвы. Во время перваго прихода шаекъ Сапѣги подъ монастырь послѣ Калязинской битвы въ 1610 году, Иринархъ съ учениками Александромъ и Корниліемъ остался въ монастырѣ въ своей кельѣ. Тамъ нашолъ ихъ какой-то польскій панъ и донесъ Сапѣгѣ: „азъ нашелъ въ монастырѣ у Бориса и Глѣба трехъ старцовъ скованыхъ" (стало быть и ученики Иринарха подвизались, какъ онъ самъ, въ веригахъ). Сапѣга видѣлся съ Иринархомъ и его учениками, удивлялся подвижнику и, не тронувъ его, ушелъ въ Переяславль. Послѣ того, какъ Скопинъ-Шуйскій, получившій отъ Иринарха вмѣстѣ съ благословеніемъ его крестъ, вступилъ въ Москву,—Александръ былъ посланъ отъ учителя ко князю Михаилу и привезъ отъ него крестъ обратно. Въ томъ же 1610 г. [2]) онъ не только былъ свидѣтелемъ притѣсненій, какія перенесъ Иринархъ отъ новаго игумна Симеона, но и самъ

---

[1]) Только извѣстные Симонъ Азарьинъ и Иванъ Насѣдка иногда могутъ сравниться съ нимъ въ простотѣ литературныхъ пріемовъ. Объ этихъ лицахъ будемъ еще говорить.

[2]) Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. ркп. № 724, л. 35 об.: „во 112 году"; ркп. № 725, л. 21: „во сто осмомъ на десять году". См. *Строева* Списки Іерарховъ, ст. 341.

потерпѣлъ: онъ былъ разлученъ на время со своимъ наставникомъ. Послѣ взятія Москвы въ концѣ 1612 или началѣ 1613 года (когда „король литовской побѣжалъ во свою землю изъ Вязьмы"), Александръ снова ѣздилъ въ Москву отъ имени Иринарха, на этотъ разъ ко князю Дм. М. Пожарскому, по дѣламъ своего монастыря. Въ 1616 году Александръ погребалъ своего учителя и, вѣроятно, вскорѣ послѣ кончины Иринарха и по его завѣту составилъ Житіе своего любимаго наставника [1]).

Свѣдѣнія объ авторѣ Житія позволяютъ намъ съ увѣренностью сказать, что онъ былъ очевидцемъ всѣхъ тѣхъ событій смутнаго времени, о которыхъ упоминалъ въ своемъ трудѣ. Всѣ подробности его разсказа, допускающія провѣрку, свидѣтельствуютъ о правдивости его показаній [2]). Простота литературной формы придаетъ еще боль-

---

[1]) Автобіографическія показанія Александра приведены нами по ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, лл. 16 об.—17, 26—28, 31—32, 34 об.—35, 36—38, 44—44 об., 54 об.—Въ этомъ спискѣ не достаетъ тѣхъ листовъ, на которыхъ должно было помѣщаться свѣдѣніе, что самъ Иринархъ завѣщалъ написать свое житіе; въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 725, л. 31, смыслъ этого завѣщанія совершенно искаженъ, а въ печатномъ изданіи арх. *Амфилохія* (Жизнь преп. Иринарха, стр. 26) о немъ нѣтъ ни слова. Мы въ данномъ случаѣ опираемся на слова *В. О. Ключевскаго*, видѣвшаго болѣе исправные списки (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 382).

[2]) Сопоставляя извѣстія Житія о событіяхъ смуты съ другими источниками, не находимъ въ Житіи никакихъ неточностей. Такъ походъ Скопина подъ Москву авторъ Житія излагаетъ подробнѣе, чѣмъ какой-либо другой фактъ смуты, и его разсказъ совершенно согласенъ съ показаніями Авр. Палицына (Сказаніе, изд. 2-е, стр. 196—199, 202—204) и Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт., VIII, 122—123, 129—130). Тотъ, кто знакомъ только съ отрывками, напечатанными Ундольскимъ, и съ текстомъ арх. Амфилохія, можетъ видѣть ошибку въ словахъ Житія о смерти Яна Сапѣги: „Сапѣга побѣжалъ въ Переславль, въ Калугу, и самого его убили" (Библіограф. разъисканія, стр. 190.—Жизнь преп. Иринарха, стр. 19.—Сапѣга умеръ отъ болѣзни подъ Москвой въ 1611 году: Русск. Ист. Библіотека, I, ст. 254).—Но необходимо замѣтить, что въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, л. 34 об., это мѣсто читается такъ: „И Сапѣга побѣжалъ подъ Іосифовъ монастырь, а песъ Тушина побѣжалъ прелестникъ (то-есть самозванецъ) въ Колугу, и тамо его убили". — Также точенъ, хотя и краткокъ, разсказъ Житія о походѣ нижегородскаго ополченія къ Москвѣ. Наконецъ, и повѣствованіе о походѣ Лыкова на казаковъ, если сравнить его съ другими извѣстіями (Ник. Лѣт. VIII, 214—216.—Книги Разрядныя, I, 3 и далѣе.—Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 22), не обнаруживаетъ крупныхъ неточностей: можно только замѣтить, что слова автора, будто государь далъ Лыкову „рати семь городовъ", не соотвѣтствуютъ показаніямъ разрядныхъ книгъ, насчитывающихъ болѣе десятка городскихъ отрядовъ у Лыкова (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, л. 45—45 об.—Книги Разрядныя, I, 3—4).

шую цѣну этимъ показаніямъ въ глазахъ историка. Предъ читателемъ проходитъ въ Житіи рядъ картинъ, въ которыхъ дѣйствуютъ извѣстныя историческія лица смутной эпохи: Василій Шуйскій съ почетомъ принимаетъ затворника въ Москвѣ; М. В. Скопинъ, кн. Пожарскій и Мининъ дорожатъ благословеніемъ Иринарха и заходятъ къ нему на своемъ пути въ Москву; Янъ Сапѣга бесѣдуетъ со старцемъ и говоритъ о немъ: „я такова батька нигдѣ здѣсь, ни во иныхъ земляхъ крѣпка и безбоязна отъ нашего меча не наѣхалъ" [1]; кн. Б. М. Лыковъ во время похода 1614 года на казаковъ присылаетъ къ Иринарху „по благословеніе" и самъ заходитъ къ нему. Историческую дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ старецъ Александръ описываетъ кратко, а то и совсѣмъ не описываетъ; частныя же отношенія ихъ къ Иринарху изображаетъ очень живо. Рядомъ съ этимъ просто и живо рисуетъ онъ и жизнь своего монастыря съ ея бѣдами и печалями, и даже съ темными ея сторонами. Такой характеръ повѣствованія, безыскусственнаго и правдиваго, придаетъ Житію Иринарха большой интересъ. Для общей исторіи смуты оно даетъ, конечно, немного фактовъ, но въ немъ историкъ можетъ найдти рѣдкій по откровенности образецъ частныхъ записокъ смутнаго времени, въ которыхъ удачно переплелись бытовыя черты съ чертами, имѣющими и былевое значеніе. Остается только пожалѣть, что Житіе Иринарха до сихъ поръ не издано удовлетворительно: въ изложеніи арх. Амфилохія исчезла прелесть первоначальной формы Житія, а въ отрывкахъ Ундольскаго, далеко не исчерпывающихъ историческаго содержанія памятника, замѣтны пропуски и искаженія.

Не будемъ останавливаться на Житіи Ѳеодосія, архіепископа Астраханскаго [2]. Внѣшняя исторія этого памятника возстановлена В. О. Ключевскимъ, а все то, чѣмъ Житіе можетъ быть интересно историку смуты, уже пересказано Н. И. Костомаровымъ [3]. Послѣдній склоненъ относиться довѣрчиво ко всѣмъ подробностямъ разсказа Житія о томъ, что Ѳеодосій упорно не желалъ признавать Разстригу истиннымъ Димитріемъ и обличалъ его самозванство въ бесѣдѣ съ нимъ самимъ. Справедливѣе однако будетъ думать, что разговоръ

---

[1]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, л. 33.

[2]) Мы пользовались спискомъ Имп. Публ. Библіотеки Q. XVII. 28 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 287). Другіе списки, вообще довольно рѣдкіе, указаны у *Барсукова* Источники русск. агіографіи, ст. 602.

[3]) *Ключевскаго* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 333.—*Костомарова* Смутное время (въ *Вѣстн. Европы* за 1866 г., II, стр. 14).

Ѳеодосія съ Лжедимитріемъ дошелъ къ намъ уже въ легендарной формѣ. Повѣствованіе Житія о пребываніи Астраханскаго архіепископа въ Москвѣ мало похоже на правду и заключаетъ въ себѣ между прочимъ грубый анахронизмъ. Изъ него узнаемъ, что смѣлое обличеніе самозванца не навлекло на Ѳеодосія никакого гоненія; мало того, Ѳеодосій при жизни Лжедимитрія оставался въ Москвѣ и на свободѣ: „и живяше сей... Ѳеодосій... на Москвѣ, — разсказываетъ Житіе,—у святѣйшаго Ермогена патріарха на дворѣ и тамо питаяся". Когда же самозванецъ былъ убитъ, Гермогенъ отправилъ Ѳеодосія за мощами цар. Димитрія [1]). Не нужно доказывать, сколько ошибокъ заключается въ этихъ сообщеніяхъ Житія. Авторъ его, очевидно, не имѣлъ твердыхъ свѣдѣній о событіяхъ смутной эпохи, и это обстоятельство заставляетъ считать Житіе Ѳеодосія памятникомъ позднимъ: современникъ смуты не могъ не знать, что при самозванцѣ былъ патріархомъ Игнатій, а Гермогенъ занялъ патріаршій престолъ уже послѣ посылки въ Угличъ за мощами царевича.

Переходимъ къ общеизвѣстному Житію преп. Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева монастыря [2]). Надъ нимъ въ 1648—1654 годахъ трудились два замѣчательныхъ человѣка XVII столѣтія: написалъ Житіе троицкій келарь Симонъ Азарьинъ, а ключарь Московскаго Успенскаго собора Иванъ Насѣдка дополнилъ его своими воспоминаніями о дѣятельности Діонисія. Мы не можемъ ничего прибавить къ тому, что̀ уже извѣстно о жизни и дѣятельности составителей Житія [3]) и о внѣшней исторіи разбираемаго произведе-

---

[1]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 28, л. 360 об.—361.

[2]) Издано подъ названіемъ: „Канонъ преп. отцу нашему Діонисію архимандриту Сергіевы Лавры, Радонежскому чудотворцу, съ присовокупленіемъ Житія его". М. Въ синодальной типографіи. 1824 (были и другія изданія).—Списки Житія указаны у *Барсукова* Источники русск. агіографіи, ст. 169. Уцѣлѣлъ автографъ С. Азарьина въ ркп. Моск. Синод. Библіотеки № 416 (см. *Ключевскаго* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 353).

[3]) Біографическія данныя о С. Азарьинѣ приведены *Ключевскимъ* (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 350), іеромонахомъ *Арсеніемъ* (*Лѣтопись занятій Археографич. Коммиссіи*, IV, Матеріалы, стр. 83—84 и 97) и *Горскимъ* (Историч. Описаніе Св.-Троицкія Сергіевы Лавры. М. 1879, I, стр. 128—129). Нѣкоторыя подробности о себѣ сообщаетъ и самъ С. Азарьинъ въ своихъ трудахъ (см. ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 142 об.—143 и др.). Изъ „Описи келейной казны патр. Филарета" (Русск. Ист. Библіотека, III, № 6) узнаемъ, что Симонъ былъ патріаршимъ казначеемъ съ августа 1630 г. по апрѣль 1631 г.—О священникѣ Іоаннѣ Насѣдкѣ много свѣдѣній собрано у митр. *Макарія* Ист. Русск.

нія [1]). Поэтому обратимся прямо къ содержанію памятника, на сколько оно касается смутной эпохи.

Симонъ Азарьинъ при изображеніи подвиговъ архимандрита Діонисія не разъ обращается къ лицамъ и событіямъ смуты. Въ первый разъ упоминаніе о смутѣ является у него въ разсказѣ о близости архимандрита къ патріарху Гермогену. Діонисій страдалъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ отъ противниковъ законнаго царя Василія. Чтобы объяснить читателю, какъ могло это случиться, Симонъ даетъ общій очеркъ междоусобій, бывшихъ въ Москвѣ при Шуйскомъ, когда „у многихъ отецъ на Москвѣ, а сынъ въ Тушинѣ". Этотъ очеркъ не заключаетъ въ себѣ цѣнныхъ фактическихъ подробностей, но любопытенъ по тѣмъ намекамъ, какіе сдѣланы въ немъ на заговоръ противъ Шуйскаго князя Гагарина, Сумбулова и Грязнаго [2]). Далѣе въ Житіи находимъ не лишенный интереса, но не поддающійся провѣркѣ разсказъ о томъ, какъ въ 1610 году Діонисій узналъ о своемъ назначеніи въ Троицкій монастырь на дорогѣ изъ Ярославля къ Москвѣ. Чтобъ избѣжать на пути притѣсненій и грабежа, архимандритъ и его спутники выдавали себя за братію Троицкаго монастыря и говорили о Діонисіи, что это—„Сергіева монастыря старецъ изъ селъ ѣдетъ". Дѣлали они такъ потому, что троицкая братія „Сергіевымъ именемъ" безопасно ѣздила по всѣмъ путямъ, занятымъ разбойничьими шайками [3]). Къ характеристикѣ дѣятельности Діонисія и всей Троицкой братіи въ смуту относится и то краткое предисловіе, которымъ Симонъ Азарьинъ снабдилъ статьи о Діонисіи, писанныя Иваномъ Насѣдкою и внесенныя въ Симоново Житіе [4]). Далѣе, интересно сообщеніе Азарьина о чудѣ, какимъ сопровождалось выступленіе нижегородскаго ополченія изъ-подъ Троицы къ Москвѣ: послѣ молитвъ и благословенія, даннаго войску преп. Діонисіемъ, вѣтеръ, дувшій до тѣхъ поръ въ лицо воинамъ, „потянулъ въ тылъ". Объ этомъ чудѣ Палицынъ, бывшій очевидцемъ выступле-

---

церкви, X и XI, и у г. *Цвѣтаева* Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1887.

[1]) Исторія составленія Житія Діонисія очень обстоятельно изложена *В. О. Ключевскимъ* (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 351—353).

[2]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 10—11.—Ник. Лѣт. VIII, 111—112.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 150—151.—Нов. Лѣт. 101—102.—Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 198—199.

[3]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 11—13.

[4]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 40—42.

нія войска, не говоритъ ничего; Симонъ же свидѣтельствуетъ, что „сія писанія пріяхомъ отъ самого князя Димитрія (Пожарскаго)“ [1]). Если мы упомянемъ еще объ одной мелочи повѣствованія Симона— о представленіи патріарху Өеофану троицкихъ иноковъ-героевъ монастырской осады [2]),—то исчерпаемъ весь матеріалъ, данный для исторіи смуты въ Симоновомъ Житіи. Нельзя не замѣтить, что матеріалъ этотъ незначителенъ по объему и интересенъ болѣе со стороны бытовой. Собственно историческія сообщенія Азарьина совпадаютъ съ показаніями другихъ источниковъ, уступая имъ въ подробности.

Большое значеніе для исторіи смуты имѣютъ дополнительныя къ Житію статьи Ивана Насѣдки. Въ первой изъ нихъ [3]) Насѣдка даетъ прекрасную характеристику троицкаго старца Дороөея, самоотверженно ходившаго за больными и ранеными жертвами смуты. Во второй статьѣ [4]) мастерскимъ перомъ обрисованы ужасы московскаго разоренія съ 1610 года и раскрыта во всей ея полнотѣ патріотическая и благотворительная дѣятельность Троицкаго монастыря, руководимаго высокою доблестью Діонисія. Провѣрить сообщенія Насѣдки нечѣмъ: у насъ нѣтъ другихъ настолько же подробныхъ извѣстій о тѣхъ фактахъ, которыхъ касается повѣствованіе Насѣдки [5]). Усумниться въ этомъ повѣствованіи нѣтъ повода. Простая, искренняя рѣчь попа Ивана, точность показаній, постоянныя ссылки на то или другое лицо, знающее излагаемыя подробности, и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенное недовѣріе къ своимъ знаніямъ и памяти [6]),—все это

---

[1]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 54—56. — Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 267—268.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ (Ник. Лѣт. VIII, 189—190) это чудо разсказано столь же подробно, но приписано чудотворенію преп. Сергія. Это и понятно: Новый Лѣтописецъ писанъ былъ еще при жизни Діонисія, скончавшагося въ 1633 году.

[2]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 80—81.

[3]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 34—38.

[4]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 43—54.

[5]) Содержаніе послѣднихъ частей Сказанія Палицына (съ 71 главы) не совпадаетъ съ показаніями Насѣдки; Новый Лѣтописецъ не даетъ общихъ характеристикъ положенія Руси, а слѣдитъ за отдѣльными внѣшними фактами; въ прочихъ же сказаніяхъ, какъ и въ грамотахъ смутнаго времени, нѣтъ ничего подходящаго къ показаніямъ Насѣдки ни по содержанію, ни по обстоятельности изложенія.

[6]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 50: „и о таковыхъ грамотахъ тебѣ, господину, допросити Алексія Тихонова, который больше вѣдаетъ“. Въ этомъ

служитъ для насъ ручательствомъ авторской добросовѣстности Насѣдки и даетъ его разсказу большую историческую цѣнность. Только шестая глава Авр. Палицына можетъ поспорить съ этимъ разсказомъ какъ въ богатствѣ содержанія, такъ и въ энергіи, даже красотѣ языка, свободнаго отъ условныхъ риторическихъ путъ.

Благодаря тому, что Симонъ Азарьинъ жилъ въ Троицкомъ монастырѣ среди людей, не только видѣвшихъ смутную эпоху, но и вліявшихъ во время московскаго разоренія на общественное мнѣніе страны, его разсказы о смутѣ получаютъ большое значеніе, хотя они и были записаны уже въ половинѣ XVII вѣка. Еще болѣе можно это сказать о Насѣдкѣ, который самъ помнилъ смутное время, „послѣ разоренія московскаго вскорѣ прибрелъ къ дому Пресвятыя Троицы" и участвовалъ въ тѣхъ трудахъ троицкой братіи, которые такъ удачно описалъ [1]).

Житіемъ Діонисія не ограничились агіографическіе труды Симона Азарьина. Еще раньше, чѣмъ онъ принялся за это Житіе, онъ сталъ работать надъ описаніемъ новоявленныхъ чудесъ преп. чудотворца Сергія. Но собранные имъ разсказы о чудесахъ не всѣ были включены въ печатное Житіе преп. Сергія 1646 года [2]): лица, вѣдавшія печатное дѣло, „вмѣняху въ случай, а не въ чюдеса" многое изъ того, что̀ имъ представилъ Азарьинъ. Возмущенный этимъ, Симонъ еще съ большимъ стараніемъ продолжалъ собирать и записывать извѣстія о чудотвореніяхъ святаго и только въ 1654 году закончилъ свою Книгу о чудесахъ преп. Сергія [3]). Изъ 76 описанныхъ Симономъ чудесъ нѣкоторыя имѣютъ отношеніе къ исторіи смутнаго времени. Такъ, чудо 2-е, описывая чудесное умноженіе муки въ мо-

---

случаѣ попъ Иванъ не надѣется на точность собственныхъ показаній; напротивъ, если онъ вѣритъ въ свою память, онъ говоритъ: „и мнѣ то въ памяти есть гораздо" (стр. 46).

[1]) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 35, 41—42.

[2]) По выходу книги видно, что Житіе печаталось съ 31-го августа 7154 (1646) по 27-е ноября 7155 (1646) года.

[3]) Единственный списокъ, принадлежавшій автору, находится въ ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, въ 4-ку, XVII в., 384 лл., лл. 1—163.—„Книга о чудесахъ преп. Сергія" въ полномъ видѣ напечатана Имп. Общ. Любителей Древн. Письменности въ „Памятникахъ древней письменности и искусства" (С.-Пб. 1888). Предисловіе къ ней съ замѣчаніями г. *Смирнова* было помѣщено во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, смѣсь, стр. 1 — 13, и въ Историч. Описаніи Св.-Троицкія Сергіевы Лавры. М. 1879, II, стр. 60—74.—Извѣстія о происхожденіи Книги заключаются въ ней самой.

настырской хлѣбнѣ во время московскаго разоренія, даетъ нѣсколько свѣдѣній о благотворительности Троицкаго монастыря въ смутные годы [1]). Чудо 8-е повѣствуетъ о ссылкѣ при Борисѣ Ив. Н. Романова, который молитвами преп. Сергія получилъ облегченіе отъ узъ и впослѣдствіи разсказалъ объ этомъ арх. Діонисію и прочей братіи [2]). Чудо 10-е сообщаетъ намъ любопытныя подробности о томъ, какъ пришедшій съ царемъ Михаиломъ въ Троицкій монастырь какой-то рында остался недоволенъ монастырскимъ угощеніемъ и сталъ бранить братію. Между прочимъ онъ называлъ келаря (очевидно, Авраамія Палицына) „королемъ", намекая на его измѣну и на службу королю Сигизмунду [3]). Чудо 13-е содержитъ въ себѣ легенду о смерти извѣстнаго Лисовскаго, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ и ея источникъ—царскую грамоту въ монастырь о погибели этого опаснаго врага Москвы [4]). Наконецъ, чудо 9-е представляетъ собою цѣлое сказаніе о началѣ нижегородскаго ополченія [5]).

---

[1]) Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 20—23.—Ркп. Моск. Дух. Академія № 203, лл. 28 об.—32. — Это чудо записано Симономъ со словъ Ивана Насѣдки („Повѣда намъ соборный ключарь Иванъ, зовомый Насѣдкинъ", — говоритъ Азарьинъ). И самъ ключарь Иванъ въ своей статьѣ о смутѣ намекаетъ на это чудо (Житіе Діонисія, изд 1824 г., стр. 53). Повѣствованіе о дѣятельности монастыря, находящееся въ описаніи 2-го чуда, основано Симономъ, очевидно, на статьѣ о смутѣ того же Насѣдки: Симонъ поминаетъ ее, называя Повѣстью.— Наконецъ, въ слѣдующемъ, 3-мъ чудѣ, является передъ нами тотъ же ключарь Иванъ съ любопытными размышленіями о смутѣ. Грустныя мысли приходили ему въ голову во время московскаго разоренія; онъ даже отчаялся въ спасеніи Руси и православія. Но невѣдомый голосъ устыдилъ его и успокоилъ, возвѣстивъ, что „будетъ православіе на Руси попрежнему".

[2]) Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 28—29. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 39—40.

[3]) Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 39—40. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 52 об.—58 об.—Этотъ случай произошелъ вскорѣ послѣ смуты: Симонъ, пришедшій въ Троицкій монастырь въ 1624 году (*Лѣтопись занятій Археографич. Коммиссіи*, IV, Матеріалы, стр. 83) самъ не помнитъ случая съ рындою и говоритъ: „обрѣтохъ же азъ о семъ въ писаніи прежнихъ нѣкіихъ". При такомъ условіи ясно, что брань рынды относилась именно къ Палицыну. Такъ думаетъ и г. *Кедровъ* (Авр. Палицынъ. М. 1880, стр. 63—64).

[4]) Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 43—46. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 57—61. — Грамота о смерти Лисовскаго именно съ этого списка напечатана была *А. В. Горскимъ* (Историч. Описаніе Св.-Троицкія Лавры. М. 1879, I, стр. 116—117).

[5]) Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 30—39.—Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 40 об.—52.

Это сказаніе начинается пространнымъ введеніемъ, въ которомъ нѣтъ ничего цѣннаго: словами, очень близкими къ выраженіямъ Житія Діонисія, описываются во введеніи бѣдствія Руси въ 1610—1611 годахъ и дѣятельность Діонисія, неустанно посылавшаго по городамъ свои „грамоты поучительныя". Подъ вліяніемъ этихъ грамотъ составилось первое подмосковное ополченіе, но оно „непотребно бысть" и потому распалось. Неудача не ослабила патріотическаго рвенія Діонисія и его помощника Авр. Палицына; они продолжали посылать свои воззванія по всей землѣ и имѣли новый успѣхъ: „начаша мнози во умиленіе приходити, паче же въ Нижнемъ Новѣгородѣ за се крѣпко вземшимся". Разсказъ о томъ, какъ взялись нижегородцы за дѣло, и составляетъ главное содержаніе чуда. Благочестивому мужу нижегородскому Козьмѣ Минину три раза являлся преподобный Сергій, „повелѣвая ему казну собирати и воинскихъ людей надѣляти и идти на очищеніе Московскаго государства". Не сразу повѣрилъ Мининъ велѣнію святаго и за то былъ наказанъ, „болѣзнуя чревомъ". Повѣривъ же, онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло. Но въ то время его выбрали въ земскіе старосты, и онъ позналъ въ этомъ „начало Божія промысла". „Въ земской избѣ, и идѣже аще обрѣташеся", началъ онъ говорить народу о необходимости идти на освобожденіе Москвы. Не всѣ сразу откликнулись на его призывъ. Св. Сергій предсказалъ Минину, что „юнніи преже имутся за дѣло". Такъ и случилось: юноши первые стали побуждать своихъ отцовъ къ подвигу и достигли цѣли. Нижегородцы „приговоръ всего града за руками устроиша, иже во всемъ Козмы слушати",—и Мининъ собою подалъ примѣръ самоотверженія, „положивъ предъ всѣми на строеніе ратныхъ людей" почти все свое имущество. За нимъ добровольно послѣдовали и другіе; скупыхъ же и „лѣнивыхъ"—Мининъ заставлялъ жертвовать и „съ нужею", потому что онъ „уже волю веемъ надъ ними по ихъ приговору". Собравъ казну, Мининъ позвалъ въ Нижній смоленскихъ дворянъ, блуждавшихъ безъ крова „въ Арзамасскихъ мѣстѣхъ", а затѣмъ нижегородцы избрали своимъ вождемъ Пожарскаго и пошли въ походъ. Самаго похода Симонъ не описываетъ. Онъ только упоминаетъ о чудесной перемѣнѣ вѣтра въ ту минуту, когда ополченіе двинулось отъ Троицы къ Москвѣ (мы уже видѣли, что это чудо было имъ описано въ Житіи преп. Діонисія); а затѣмъ въ краткомъ очеркѣ Симонъ рисуетъ несогласія воеводъ и воинства подъ Москвою, примирительную роль троицкихъ властей и

чудесное явленіе преп. Сергія Арсенію Галасунскому наканунѣ взятія Москвы [1]). Этимъ и кончается сказаніе.

Ново и цѣнно въ немъ только свидѣтельство о началѣ народнаго движенія въ Нижнемъ. Оно значительно дополняетъ тотъ скудный запасъ данныхъ, какой заключается въ памятникахъ болѣе раннихъ [2]). Сопоставленіе разсказа Симона съ этими болѣе ранними источниками не можетъ его опровергнуть и свести на степень недостовѣрной легенды. Истинный характеръ повѣствованія Симона уясняется не критикою его частностей, для которой мало данныхъ, а обстоятельствами его происхожденія. Симонъ свидѣтельствуетъ, что о явленіи преподобнаго Сергія самъ Мининъ сообщилъ архимандриту Діонисію еще въ 1612 году, когда ополченіе стояло у Троицы на пути къ Москвѣ. Діонисій держалъ втайнѣ разсказъ Минина, пока не освободилась Москва, впослѣдствіи же передалъ его въ личной бесѣдѣ Симону Азарьину, какъ передавалъ, должно быть, и другимъ лицамъ. Симонъ слышалъ этотъ разсказъ не только отъ своего учителя, но и отъ иныхъ „достовѣрныхъ" людей [3]). Очевидно, что благочестивое преданіе стало довольно извѣстнымъ въ той средѣ, гдѣ вращался Азарьинъ. Но можно думать, что до Симона оно никѣмъ не было записано: Симонъ, по своему обычаю, указалъ бы намъ, что пользовался письменными документами, еслибы онъ имѣлъ въ рукахъ какую нибудь запись о чудѣ. Но онъ не только не дѣлаетъ этого, но прямо намекаетъ на устный характеръ своихъ источниковъ. Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать, что въ повѣствованіи Симона Азарьина имѣемъ дѣло съ преданіемъ, почти

---

[1]) Въ этой послѣдней части разсказа Азарьинъ не выходитъ изъ круга фактовъ, изложенныхъ Палицынымъ (Сказаніе, изд. 2-е, стр. 266—283), но выдвигаетъ на первый планъ Діонисія вопреки самолюбивымъ показаніямъ Палицына: архимандритъ подъ Москвою дѣйствуетъ не менѣе келаря для примиренія враждующихъ вождей и войска.

[2]) Сравн. Новый Лѣтописецъ (Ник. Лѣт. VIII, 168, 175—176) и Столяровъ хронографъ (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 352—354). Повѣствованіе Симона въ нѣкоторыхъ частностяхъ расходится съ извѣстіями этихъ памятниковъ.

[3]) Симонъ Азарьинъ пишетъ: „Козма же повѣдавъ архимариту Діонисію, како ему явися Сергій.... Слышавъ же сія, архимаритъ.... до времени сего никому не повѣдавъ, дондеже исполнися благодать Божія". О себѣ Симонъ замѣчаетъ, что о явленіи Сергія „отъ самого архимарита Діонисія отъ устъ его слышахъ, паки же и отъ прочихъ достовѣрныхъ увѣрився" (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 33 и 36.—Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, л. 44 об. и лл. 48 об.—49).

полвѣка жившимъ въ устной передачѣ. Понятно, что при такомъ условіи нельзя требовать отъ повѣствованія строгой фактической точности: въ немъ неизбѣжны пробѣлы и ошибки, въ немъ могутъ быть легендарныя наслоенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ преданіе не теряетъ исторической цѣны: мы знаемъ лицъ, передававшихъ его, и можемъ сказать, что оно дошло до насъ всего изъ третьихъ устъ [1]).

И. Е. Забѣлинъ [2]) считаетъ разбираемое сказаніе Симона источникомъ той легенды о Mининѣ, которую нашелъ П. И. Мельниковъ въ такъ называемомъ Ельнинскомъ хронографѣ [3]). Легендарный разсказъ Ельнинскаго хронографа есть не что иное, какъ обширная вставка въ текстъ одной изъ главъ Новаго Лѣтописца [4]). Эта вставка повѣствуетъ прежде всего о приходѣ въ Нижній троицкой грамоты и о совѣтѣ, который составили по поводу ея нижегородцы: „Ѳеодосѣй, архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва, спасскій протопопъ съ братіею, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворяне, и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Ми-

---

[1]) Въ трудѣ *И. Е. Забѣлина* „Мининъ и Пожарскій" (М. 1883, стр. 20—27) находимъ остроумную попытку возсоздать исторію легенды о явленіи Минину преп. Сергія. Но почтенный историкъ склоненъ слишкомъ скептически относиться къ разсказу С. Азарьина, что̀, конечно, обусловливается излишнимъ довѣріемъ къ легендѣ его литературнаго противника *Н. И. Костомарова*.

[2]) Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 315—316, прим. 10.

[3]) *П. И. Мельникова* „Нижній Новгородъ и нижегородцы въ смутное время" въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1843 г., т. XXIX, отд. II, стр. 31.—Хронографъ названъ Ельнинскимъ по имени стариннаго владѣльца, крестьянина Ельнина. Составъ его *Мельниковымъ* не описанъ, потому что *Мельниковъ* интересовался не столько хронографомъ, сколько приложенною къ нему отдѣльною рукописью (XVIII в., въ листъ, 21 лл.). Въ ней, какъ говоритъ Мельниковъ, „заключаются выписки изъ VIII тома Никоновой Лѣтописи (то-есть, Новаго Лѣтописца) о разореніи Московскаго государства и восшествіи на престолъ Михаила.... Есть и прибавленія, заимствованныя изъ хронографовъ". Изъ этихъ прибавленій одно содержитъ въ себѣ легенду о началѣ нижегородскаго ополченія и напечатано Мельниковымъ сполна (частью на стр. 31-й, частью же на стр. 23).

[4]) Глава 283-я: „О присылкѣ изъ Нижняго Новагорода ко̀ князю Дмитрею Михаиловичю" и т. д. (Ник. Лѣт. VIII, 174.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 234). Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 144) эта глава уже подверглась переработкѣ, но здѣсь риторическое усердіе не дошло до созданія новыхъ легендъ. Напротивъ, въ Ельнинской рукописи текстъ 283-й главы не переработанъ литературно, а переданъ очень небрежно и просто разорванъ легендарною вставкой между словами: „како бы помочь Московскому государству".... — „Козма Мининъ, рекомый Сухорукъ, возопи"....

нинъ“ [1]). На этомъ совѣтѣ Мининъ кратко объявилъ о своемъ видѣніи; онъ сказалъ только: „Св. Сергій явися мнѣ и повелѣ возбудити спящихъ, прочтите же грамоту властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря въ соборѣ, а что Богъ велитъ“. Биркинъ „сумнишеся“, но въ чемъ,—легенда не объясняетъ точно. Мининъ погрозилъ Биркину: „исповѣдаю тя православнымъ“, — и опять не объясняется, въ чемъ можно было обличить Биркина передъ народомъ. Наконецъ, читатель не узнаетъ и того, чѣмъ кончился совѣтъ нижегородцевъ. Авторъ легенды забываетъ о немъ и переходитъ къ описанію слѣдующаго дня, когда читали троицкую грамоту въ соборѣ и протопопъ Савва говорилъ рѣчь. Эта рѣчь очень риторична, какъ риторичны и возгласы народа, слушавшаго Савву. Народъ кричалъ: „увы намъ, увы намъ! погибаетъ царствующій градъ Москва, погибаетъ и государство Московское!“ [2]). Но сейчасъ же стали служить молебенъ,—„да подастъ Господь Богъ побѣду христіанамъ“,—прежде, чѣмъ христіане собрались на бой противъ враговъ.

Такими неловкостями и недомолвками чисто легендарными наполнено повѣствованіе Ельнинскаго хронографа. Зная его содержаніе, нельзя и думать, что оно стоитъ въ какой-нибудь литературной зависимости отъ сказанія Азарьина. Общаго между ними нѣтъ ничего; только одинъ фактъ явленія Минину преп. Сергія упоминается и тамъ, и здѣсь, но и то съ совершенно различными чертами. Независимо повѣствованіе Ельнинскаго хронографа и отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ разсказовъ о нижегородскомъ ополченіи. Но литературная самостоятельность этого повѣствованія не можетъ, конечно, свидѣтельствовать о его достовѣрности. Тотъ фактъ, что оно явилось, какъ дополненіе къ Новому Лѣтописцу, показываетъ, что возникло оно послѣ 1630 года. Если же обратить вниманіе на слогъ повѣствованія, отличающійся бо́льшею правильностью синтаксиса, сравнительно съ памятниками XVII в. (особенно

[1]) Уничтоживъ слова Новаго Лѣтописца о Мининѣ: „Единъ же отъ нихъ нижегородецъ имѣяше торговлю мясную“ (Ник. Лѣт. VIII, 174), легенда вовсе не объясняетъ, кто былъ Мининъ, голова или староста, выборный ли человѣкъ, или простой нижегородецъ.

[2]) Этотъ народный плачъ обличаетъ въ его авторѣ человѣка XVIII столѣтія, когда уже позабыли, что „Москва“ и „Московское государство“ въ XVII вѣкѣ были синонимами.

первой его половины), то придется отнести разбираемое произведеніе въ той формѣ, какъ оно дошло до насъ,—или къ XVIII вѣку, къ которому принадлежитъ его списокъ, или же къ концу XVII вѣка. Такимъ образомъ никакъ нельзя считать повѣствованіе Ельнинскаго хронографа памятникомъ раннимъ, современнымъ тѣмъ событіямъ, какія въ немъ описаны. Съ другой стороны, общій колоритъ повѣствованія, какъ замѣчали уже изслѣдователи [1]), легендаренъ. Дѣйствительно, указанная нами сбивчивость изложенія, витіеватыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ, не совсѣмъ понятные ихъ діалоги, — все это свидѣтельствуетъ намъ, что авторъ произведенія не имѣлъ яснаго представленія о томъ, о чемъ писалъ, и вносилъ въ изображеніе факта свою творческую фантазію. Можно было бы при такихъ условіяхъ считать Ельнинскій хронографъ позднею выдумкою какого нибудь грамотѣя, недовольнаго краткимъ и непритязательнымъ разсказомъ Новаго Лѣтописца. Но отъ подобнаго приговора удерживаетъ одна черта разбираемой легенды: авторъ ся называетъ такого дѣятеля нижегородскаго движенія, котораго не знаютъ другія повѣсти и сказанія о смутѣ, но который дѣйствительно былъ въ Нижнемъ въ 1612 году: таковъ протопопъ Савва [2]). Очевидно, что если самъ авторъ и не былъ современникомъ описанныхъ имъ событій, то имѣлъ о нихъ какія-то данныя. Объяснить сочетаніе точныхъ данныхъ съ легендарными чертами всего разсказа возможно только тѣмъ предположеніемъ, что дошедшая до насъ легенда Ельнинскаго хронографа представляетъ собою позднее изложеніе и развитіе какого-то ранняго, намъ неизвѣстнаго преданія о подвигѣ Минина. Съ этой только точки зрѣнія она и можетъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе.

Отъ легенды, посвященной болѣе всего прославленію Минина, мы можемъ перейдти къ легендѣ, посвященной личности и похожденіямъ перваго самозванца. Ею и закончимъ мы длинный рядъ сказаній о лицахъ смутнаго времени.

---

[1]) *Забѣлина* Мининъ и Пожарскій, стр. 20 и д.—*Кедрова* Авр. Палицынъ, стр. 100. — Одинъ *Костомаровъ* съ нѣкоторымъ, впрочемъ, колебаніемъ принимаетъ извѣстія разбираемаго повѣствованія за раннія и правдоподобныя (*Вѣстн. Европы* за 1871 г., іюнь, стр. 512; за 1872 г., сентябрь, стр. 20).

[2]) Авторъ, кромѣ Минина, называетъ арх. Ѳеодосія, Савву, Биркина и Юдина. Арх. Ѳеодосій и Биркинъ встрѣчаются въ Новомъ Лѣтописцѣ. Савва—лицо извѣстное по актамъ, но не по сказаніямъ (Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 203, стр. 643. — Дворцовые Разряды, I, 1085 — 1086). Юдинъ же намъ неизвѣстенъ.

Полный текстъ легендарнаго сказанія о Лжедимитріи давно уже извѣстенъ въ русской исторіографіи и былъ напечатанъ еще въ 1847 году подъ названіемъ: Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о похожденіи его [1]). Сокращенная же редакція этого Сказанія, отбросившая многія его легендарныя черты, остается до сихъ поръ въ рукописяхъ и не пользуется извѣстностью [2]). Прежде

---

[1]) *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1846—1847 г., IX, и отдѣльно: М. 1847. — *Карамзинъ*, зная это Сказаніе по рукописи, текстъ которой былъ сходенъ съ напечатаннымъ позднѣе (Ист. Гос. Росс., X, прим. 247; XI, прим. 194, 196, 199, 202, 207, 216, 405 и др.), называлъ его баснословнымъ. *Костомаровъ*, разбирая данныя Сказанія о похожденіяхъ Отрепьева въ Литвѣ, далъ о памятникѣ такой отзывъ: „это Сказаніе отъ начала до конца оказывается невѣроятнымъ.... все это составлялось человѣкомъ, жившимъ вдалекѣ отъ описываемаго театра событій" (Кто былъ первый Лжедимитрій? С.-Пб. 1864, стр. 27—29).—Мы не видѣли хорошаго списка этого памятника. Извѣстные намъ или не полны, или небрежны (Ркп. Моск. Рум. Музея, № 390, въ 4-ку, XVIII в., 79 лл., л. 1—43.—Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ (изъ собр. Ундольскаго) № 790, XVIII в. въ 4-ку, 28 лл.—Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ (изъ собр. Бѣляева) № 1510, XVII в., въ 4-ку, западно-русск. скорописью, 211 лл., лл. 147—211; послѣдній списокъ очень любопытенъ, но не полонъ.

[2]) 1) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 33 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 70), въ 4-ку, 7157 (1649) года, 157 лл., лл. 116—157. На послѣднемъ листѣ приписка: „сія тетрати Івашка Андрѣева сына поселку Сычева Соли Камской посацкого че(ло)вѣка; а писалъ ихъ свое(й) рукою лѣта 7157 году марта въ 15 день" (см. *Строева* Библіол. Словарь, стр. 431 — 432); 2) Ркп. Имп. Публ. Библ. С. XVII. 114, въ 4-ку, XVII в., 319 лл., лл. 293—311. Въ этихъ двухъ спискахъ выпущены всѣ подробности о похожденіяхъ Отрепьева (по печатному изданію стр. 2, отъ словъ: „поставленъ бысть царемъ въ лѣто 7106 году, мѣсяца сентября въ 1 день", до стр. 12: „слышавше латинскаго языка папа Римскій"....). Взамѣнъ выпущеннаго поставлено буквально слѣдующее: „И въ пятое лѣто царства Борисова, во 111 году изыде изъ Російского государства въ Литовскую землю чернецъ именемъ Гриша Отрепьевъ. И вшедъ въ Литовскую землю и сверже съ собя иноческій образъ и облечеся въ мірскія одежды и бысть бѣлецъ. И дьявольскимъ навоженіемъ и еретическимъ умышленіемъ и бѣсовскими козньми нача себя называти царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Московскимъ. И своими вражіими прелестными словесы и лукавыми умыслы и лживыми глаголы въ Литвѣ нача говорити: Не уби мене Борисъ Годуновъ холопъ, а убіенъ де бысть во мое мѣсто иной юноша, приличенъ моему зраку; азъ же Божіею милостію избѣгохъ и соблюдохся отъ крѣпкія его отъ измѣнныя руки, сохранихся и до сего дни и часа. (И многажды сіи лукавая словеса) изнесе, и пріяша его въ Литвѣ Вишневецкіе князи, князь Адамъ да князь Костянтинъ и приведоша его въ Польшу хъ королю Жигимонту Августусу, Свицкія земли родомъ, Ягановъ (сынъ). И повѣдаша ему, яко царевичь Російского

чѣмъ опредѣлить, какую редакцію считать болѣе древнею,—пространную или краткую,—остановимся на составѣ первой изъ нихъ. О происхожденіи памятника мы не имѣемъ никакихъ данныхъ и всѣ свои заключенія должны строить на основаніи простыхъ наблюденій надъ текстомъ Сказанія. Въ началѣ пространной редакціи Сказанія мы видимъ рядъ расположенныхъ по годамъ довольно отрывочныхъ извѣстій, повѣствующихъ о началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, о возвышеніи, злодѣйствахъ и воцареніи Бориса Годунова. Извѣстія эти, при всемъ ихъ нерасположеніи къ Годунову, кажутся правдоподобными; съ литературной стороны они вполнѣ оригинальны и заключаютъ въ себѣ новыя черты даже сравнительно съ такими памятниками, какъ Новый Лѣтописецъ и ранняя Повѣсть 1606 года. Въ доказательство укажемъ на точныя хронологическія показанія о смерти нѣкоторыхъ Шуйскихъ: ихъ нѣтъ ни въ какихъ иныхъ литературныхъ памятникахъ. Языкъ первыхъ извѣстій Сказанія не отличается отъ языка прочихъ русскихъ сказаній и повѣстей [1]). Совершенно иной характеръ имѣетъ дальнѣйшій разсказъ—о появленіи самозванца и его приключеніяхъ въ Польшѣ [2]). Послѣ замѣчаній о немъ Карамзина и Костомарова нѣтъ нужды доказывать, что это—самая неумѣренная легенда, показанія которой не имѣютъ исторической цѣны. Она любопытна только съ точки зрѣнія литературной, и прежде всего—по своему языку. Въ немъ попадаются сплошь и рядомъ не русскія реченія: „картечка", „каморы", „миля", „рыцарствовать" и т. д. Если сопоставить эти реченія, очевидно взятыя

государства къ нимъ пріиде. Онъ же поганый король и не смысленъ въ разумѣ, и пріемлетъ его съ честію великою и радуется своимъ безуміемъ о приходѣ его треклятаго. И посылаетъ вѣсть во всю Польскую землю и повелѣваетъ всѣмъ своимъ паномъ и гетманомъ и воеводамъ быти на раду и посылаетъ къ папѣ латынскому въ Римъ извѣтъ достовѣренъ, что пріиде къ нему изъ Російского государства царевичь Дмитрей Ивановичь. А сей убо не царевичь Дмитрей, но злый еретикъ и отступникъ вѣры христіанскія и поругатель иноческому обѣщанію, Гришка Отрепьевъ, родомъ галечанинъ, и мати его и братія въ Галечи живутъ. И слышавъ се латынскаго закона папа Римскій".... (Далѣе, какъ въ печатномъ. Мы привели текстъ по ркп. Q. XVII, 33, лл. 120—121 об., съ исправленіями по менѣе полному тексту — ркп. Q. XVII. 114, лл. 295—296). Кромѣ этого главнаго различія въ текстахъ пространной и краткой редакцій Сказанія, есть и другія: въ краткой редакціи иногда перемѣшанъ порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ извѣстія, иногда выпускаются отдѣльныя показанія, иногда измѣненъ слогъ.

[1]) Сказаніе, еже содѣяся, стр. 1—2.

[2]) Сказаніе, стр. 3—13.

изъ польскаго языка, съ нѣкоторыми бытовыми чертами легенды, то становится ясно, что легенда возникла подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ. Авторъ ея описываетъ нѣкоторые западно-русскіе обычаи [1]), одежду польскихъ монаховъ [2]). Авторъ знаетъ о религіозной розни въ Литвѣ: его герои ведутъ пренія о вѣрѣ [3]). Авторъ самъ бывалъ близокъ къ литовскимъ людямъ и говорилъ съ ними [4]); онъ зналъ даже такихъ литовскихъ пановъ, которые не принимали участія въ походѣ Лжедимитрія на Русь и не играли въ Литвѣ выдающейся роли [5]). Словомъ, авторъ знакомъ съ польско-литовскимъ бытомъ больше, чѣмъ какой-нибудь иной писатель о смутѣ. Но отсюда нельзя еще заключать, что онъ самъ былъ изъ Литвы. Онъ, очевидно, противополагаетъ литовцевъ и поляковъ себѣ и русскимъ людямъ, когда говоритъ: „повѣдаша ихъ же Литва, что пріидоша тринадцать тысячъ Запорожанъ къ самозванцу" [6]). И языкъ автора, не смотря на частые полонизмы, не можетъ быть названъ западно-русскимъ, если сравнить его хотя бы съ памятниками западно-русской полемической литературы XVI — XVII вв. Это — испорченная московская рѣчь.

Вслѣдъ за легендой о началѣ самозванства Отрепьева въ Сказаніи слѣдуетъ болѣе правдоподобная исторія его похода на Москву, воцаренія и погибели [7]). Въ этой исторіи можно подмѣтить слѣды источниковъ, какими пользовался авторъ. Такъ, его разсказъ о прелестныхъ грамотахъ самозванца обнаруживаетъ знакомство съ подлинною грамотой Лжедимитрія, внесенною въ Повѣсть 1606 года [8]). Повліяли на Сказаніе и грамоты В. Шуйскаго: по нимъ авторъ разсказываетъ о посольствѣ отъ папы къ самозванцу; изъ такъ-называемыхъ рѣчей Бучинскихъ беретъ онъ данныя о жестокостяхъ Раз-

---

[1]) Напримѣръ, обычай витанія (Сказаніе, стр. 8—9).

[2]) Сказаніе, стр. 7—8.

[3]) Сказаніе, стр. 6. По словамъ автора, литовцы даже полагали, что Гришка пришелъ въ Литву „о духовныхъ бесѣдовати".

[4]) Сказаніе, стр. 13: „слышахомъ отъ нихъ, литовскихъ людей".

[5]) Николай и Янъ Воловичи (Сказаніе, стр. 5—6). О нихъ мы не нашли извѣстій. Въ концѣ XVI в. въ Литвѣ замѣтенъ Евстаѳій Воловичъ (Сказанія *кн. Курбскаго*, изд. 3-е, стр. 250—251.—Русск. Ист. Библіотека, IV, стр. 950, 1324, 1441). Какой-то панъ Воловичъ упоминается и въ смутное время, но позже перваго самозванца (Акт. Ист. II, № 146, стр. 172; № 174, стр. 200).

[6]) Сказаніе, стр. 14.

[7]) Сказаніе, стр. 13—26.

[8]) Сказаніе, стр. 13.—Иное Сказаніе, стр. 15—16.

стриги и безобразіяхъ поляковъ въ Москвѣ; изъ сообщеній Шуйскаго о перепискѣ самозванца онъ заимствуетъ черты для исторіи женитьбы Лжедимитрія (но отъ себя прибавляетъ имя Аѳ. Власьева и разсказъ о Гермогенѣ и коломенскомъ епископѣ Іосифѣ); наконецъ, на рѣчахъ Бучинскихъ основываетъ онъ свои показанія о замыслѣ Лжедимитрія перебить бояръ [1]). Далѣе, сличая разбираемое произведеніе съ Новымъ Лѣтописцемъ, Сказаніемъ Авр. Палицына и Повѣстью 1606 года, находимъ у нашего автора нѣсколько мѣстъ, очень сходныхъ съ разсказами названныхъ памятниковъ [2]). Однако эти сходныя мѣста самостоятельны по языку и оригинальны по нѣкоторымъ деталямъ изложенія. При этомъ условіи нельзя, конечно, утверждать, что авторъ изучаемаго Сказанія прямо заимствовалъ изъ другихъ литературныхъ произведеній. Но можно догадываться, что онъ былъ съ ними знакомъ, и для такой догадки найдутся основанія.

Нѣкоторыя мѣста разсказа о царствованіи Лжедимитрія производятъ съ перваго взгляда такое впечатлѣніе, какъ будто они написаны современникомъ и даже очевидцемъ событій. Такъ, изображая въѣздъ Марины Мнишекъ въ Москву, авторъ сообщаетъ такія подробности: „И ѣхалъ Сендомирской съ панною съ Маринкою площадью гораздо тихо, а въ тѣ поры.... игра была многая.... до тѣхъ мѣстъ, какъ вошли въ Кремль городъ; а на Флоровскихъ воротѣхъ по тому жъ была игра въ музыки". При описаніи свадьбы самозванца авторъ говоритъ, что для музыки поставлены были „съ трубы (слѣдуетъ читать: срубы) отъ соборныя церкви и до Архангела, противъ самыхъ церковныхъ дверей и образа Пречистыя Богородицы, что въ кіотѣ надъ дверьми" [3]). Вмѣстѣ съ такими подробностями въ Сказаніи находится нѣсколько точныхъ хронологическихъ датъ: авторъ любитъ указывать числа и дни событій. Однако не слѣдуетъ довѣряться этой

---

[1]) Сказаніе, стр. 18—19; 19; 19—20; 22—23.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 114; 108—109; 114—115; 108.

[2]) Такъ, къ даннымъ Новаго Лѣтописца приближаются разсказы автора о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ самозванца на Руси и о въѣздѣ самозванца въ Москву (Сказаніе, стр. 13—14, 17.—Ник. Лѣт. VIII, 60—61, 70—71). Къ показаніямъ Авр. Палицына авторъ близокъ въ разсказѣ о дьякѣ Тимоѳеѣ Осиповѣ (Сказаніе, стр. 25.—Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 29). Наконецъ, съ Повѣстью 1606 года разбираемое Сказаніе сходится въ повѣствованіи объ опалѣ Шуйскихъ при самозванцѣ (Сказаніе, стр. 17—18.—Иное Сказаніе, стр. 30—31). Сказаніе какъ будто усвоило себѣ и общую точку зрѣнія Повѣсти 1606 года на Шуйскихъ, весьма благосклонную.

[3]) Сказаніе, стр. 21—22.

мелочности и точности показаній. Рядомъ съ показаніемъ очевидца, на видъ правдивымъ, найдемъ и легендарную ложь: авторъ, напримѣръ, утверждаетъ, что въ маѣ 1606 года въ Москвѣ литовскіе люди „хождаху по рядомъ и по улицамъ со оружіемъ и съ самопалы, и стрѣляху въ христіянъ, и грабляху, и біяху, и жены и дщери сильно у мужей отнимаху" [1]). До такой степени не обострялись, какъ извѣстно, отношенія русскихъ и поляковъ до смерти самозванца. И точныя хронологическія указанія автора оказываются иногда совершенно невѣрными [2]). Все это свидѣтельствуетъ намъ, что если въ разбираемомъ Сказаніи мѣстами видны впечатлѣнія очевидца, то эти впечатлѣнія не принадлежатъ самому автору Сказанія, а стали ему извѣстны случайно, изъ какихъ-нибудь другихъ сказаній. Въ такой догадкѣ утвердимся окончательно, если обратимъ вниманіе на слѣдующую подробность: авторъ Сказанія два раза опредѣляетъ время пріѣзда въ Москву Юрья Мнишка, и опредѣляетъ совершенно различно. Сначала онъ прямо называетъ число: „маія во 2 день въ Московское государство пришедъ изъ Литвы и съ Польши Сендомирской воевода.... и дочь свою, панну Маринку, съ собою привезъ" [3]). Немного ниже онъ повторяетъ извѣстіе о пріѣздѣ Мнишка съ дочерью и говоритъ между прочимъ о Мнишкѣ: „пріиде подъ царствующій градъ Москву на Свѣтлой недѣли въ четвергъ", то-есть, 24-го апрѣля [4]). Ясно, что самъ авторъ точно не зналъ дня пріѣзда Мнишка и не понялъ показаній тѣхъ источниковъ, которыми пользовался. Извѣстно, что Мнишекъ опередилъ свою дочь на пути въ Москву и пріѣхалъ туда дѣйствительно 24-го апрѣля; торжественный же въѣздъ Марины въ столицу былъ 2-го мая [5]). Еслибы ав-

[1]) Сказаніе, стр. 23.

[2]) Невѣрно показано число битвы подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ 10-е декабря (вмѣсто 21-го) 1604 г. (Сказаніе, стр. 14.—Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 326.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 80, стр. 171). Неточно означенъ день смерти царя Ѳедора Борисовича: въ 1605 году 19-го іюня было не въ четвергъ, а въ среду (Сказаніе, стр. 16.—*Горбачевскаго* Археограѳ. календарь, табл. 10); весьма сомнительно и самое число 19-го іюня: Буссовъ пишетъ 10-го іюня, и справедливѣе, потому что смерть Борисова сына не могла быть наканунѣ пріѣзда Лжедимитрія въ Москву (Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 46).

[3]) Сказаніе, стр. 20.

[4]) Сказаніе, стр. 21.—*Горбачевскаго* Археограѳ. календарь, табл. 30.

[5]) На эти числа 24-го апрѣля и 2-го мая (или, по новому стилю, 4-го и 12-го мая) есть нѣсколько указаній: Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 54, 302; II, стр. 141, 147.—Сказанія Массы и Геркмана, стр. 181, 183.

торъ Сказанія самъ видѣлъ изображенныя имъ событія, или еслибы онъ о нихъ слышалъ отъ очевидцевъ, то онъ не спуталъ бы такихъ фактовъ, которые видѣла вся Москва. Но авторъ имѣлъ въ рукахъ вполнѣ точныя даты и не могъ съ ними справиться,—ясный знакъ, что онъ былъ далекъ отъ описанной эпохи и возстановлялъ ее уже по источникамъ, не всегда даже умѣя ихъ понимать. Если же авторъ писалъ по источникамъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ зналъ такіе крупные памятники, какъ Повѣсть 1606 года, Сказаніе Авр. Палицына и Новый Лѣтописецъ. Тѣ же немногія извѣстія нашего автора, которыхъ нельзя отыскать въ названныхъ памятникахъ, могли явиться у него изъ устныхъ преданій или изъ какихъ нибудь произведеній о смутѣ, до насъ не дошедшихъ (слѣды такихъ произведеній увидимъ ниже). По крайней мѣрѣ нѣтъ основаній думать, что все новое и цѣнное въ послѣдней части Сказанія непремѣнно составляетъ плодъ личныхъ наблюденій автора. Чтобы окончить рѣчь объ этой послѣдней части Сказанія, нужно замѣтить, что языкъ ея такъ же отмѣченъ полонизмами, какъ и языкъ разсказа о жизни самозванца въ Литвѣ. Нерѣдко встрѣчаются здѣсь выраженія, заимствованныя, очевидно съ польскаго: „клейноты", „магирка", „каплапъ (Kapelan)". Но и здѣсь общій складъ рѣчи не даетъ права считать ее не московскою.

Итакъ, начало разбираемаго Сказанія представляетъ собою наборъ отдѣльныхъ извѣстій; вторая его часть является легендарнымъ преданіемъ, сложившимся подъ литературнымъ вліяніемъ польскимъ; повѣствованіе же о воцареніи и погибели самозванца не такъ легендарно, какъ разсказъ о первыхъ его похожденіяхъ, и представляется до извѣстной степени простою переработкою грамотъ и иныхъ источниковъ. Рѣзкое различіе литературныхъ пріемовъ въ различныхъ частяхъ Сказанія даетъ намъ право не считать его произведеніемъ литературно-цѣльнымъ: авторъ довольно механически соединялъ простыя замѣтки лѣтописнаго типа съ легендою, художественно-стройною, и съ переработанными показаніями офиціальныхъ грамотъ.

Въ какомъ же отношеніи находится краткая редакція Сказанія къ пространной? Главное ихъ различіе заключается въ томъ, что въ краткомъ Сказаніи выпущена почти вся легендарная повѣсть о первоначальныхъ похожденіяхъ самозванца и сдѣланы нѣкоторыя сокращенія въ разсказѣ о царствованіи Лжедимитрія. Но въ ней остался конецъ легендарной повѣсти, съ извѣстіемъ о баснословномъ Ла-

шевскомъ сеймѣ [1]), остались и характерныя не московскія выраженія пространной редакціи. Мало того, нѣкоторыя показанія той вставки, которою замѣнена въ краткомъ Сказаніи выпущенная легенда,—прямо согласованы съ окончаніемъ этой легенды. Для того, чтобы пояснить происхожденіе Лашевскаго сейма, составитель вставки нашелъ нужнымъ сказать о Сигизмундѣ, что онъ „повелѣваетъ всѣмъ своимъ паномъ и гетманомъ и воеводамъ бытй на раду". Для того, чтобы сдѣлать понятнѣе вмѣшательство папы въ дѣло самозванца онъ обстоятельнѣе, чѣмъ въ пространной редакціи, поясняетъ, будто король послалъ „къ папѣ латынскому въ Римъ извѣтъ достовѣренъ, что пріиде къ нему изъ Російского государства царевичь Дмитрей Ивановичъ". Но эту пояснительную фразу составитель вставки взялъ изъ пространной же редакціи [2]). Такимъ образомъ краткая редакція вмѣстѣ съ языкомъ пространнаго Сказанія заключаетъ въ себѣ и часть его легендарнаго содержанія. Это не позволяетъ думать, чтобы краткая редакція была составлена раньше полной и послужила для нея какъ бы канвой, на которой возникла впослѣдствіи легенда. Гораздо вѣроятнѣе, что разсказъ пространный написанъ былъ раньше; обиліе въ немъ бытовыхъ чертъ западно-русской жизни, мало понятныхъ для московскихъ людей, могло вызвать желаніе упростить его,—и вотъ, главнѣйшее сокращеніе произведено было именно въ легендѣ о польскихъ приключеніяхъ Отрепьева.

Если наше соображеніе вѣрно, мы можемъ воспользоваться имъ, чтобы опредѣлить хотя до нѣкоторой степени время составленія Сказанія. На одномъ изъ списковъ краткой редакціи есть замѣтка о томъ, что онъ писанъ въ 1649 году [3]). Стало быть, краткое Сказаніе появилось не позднѣе этого года. Если оно есть переработка пространнаго, то и послѣднее слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ XVII вѣка [4]). Кто былъ авторомъ разбираемаго произведенія, опре-

---

[1]) Имп. Публ. Библ. ркп. Q. XVII. 33, л. 121 об. и далѣе; ркп. Q. XVII. 114, л. 296 и далѣе.—Сказаніе, стр. 12—13.

[2]) Сравн. Сказаніе, стр. 12, и выписку изъ краткой редакціи Сказанія, приведенную выше.

[3]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 33, л. 157. Приписка приведена нами выше.

[4]) Одинъ изъ списковъ пространнаго Сказанія западно-русскаго письма г. *Викторовъ* относилъ даже къ *началу* XVII вѣка (*Викторова* Рукописи И. Д. Бѣляева. М. 1881, стр. 4, № 1510). Мы имѣли случай видѣть этотъ списокъ; въ немъ рядомъ съ частями разбираемаго Сказанія списаны тѣмъ же почеркомъ

дѣлить нельзя. Изъ того, что было сказано о самомъ произведеніи, можно только вывести догадку, что авторъ его былъ московскій человѣкъ, знакомый съ польскою рѣчью и западно-русскимъ бытомъ.

II. Обращаемся къ произведеніямъ о смутѣ компилятивнаго характера. Среди нихъ можно замѣтить два различныхъ типа повѣствованій. Одни компиляторы, явно пользуясь извѣстіями болѣе раннихъ текстовъ, стремятся на основаніи ихъ создать свой самостоятельный разсказъ о смутѣ и достигаютъ этого иногда съ большимъ литературнымъ искусствомъ. Другіе же просто соединяютъ части различныхъ произведеній и ограничиваютъ свой личный трудъ только тѣмъ, что вносятъ въ разсказъ двѣ-три соединительныя фразы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ необходимо поддержать чисто-внѣшнюю, грамматическую связь между заимствованными текстами. Въ первомъ случаѣ читатель имѣетъ дѣло съ очень стройнымъ литературнымъ произведеніемъ, во второмъ онъ видитъ предъ собою христоматію, составленную изъ плохо согласованныхъ отрывковъ.

Познакомимся сперва съ компилятивными произведеніями о смутѣ, имѣющими литературную цѣльность. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ подобныхъ произведеній было повѣствованіе, внесенное въ Погодинскій хронографъ № 1465 [1]). Оно представляетъ собой весьма краткій очеркъ смуты, лишенный цѣнныхъ историческихъ чертъ. Авторъ не скрываетъ того, что пользуется письменными памятниками, и, приводя извѣстіе о постриженіи Годунова съ именемъ Бого-

---

отрывки Сказанія Палицына (сравн., напримѣръ, л. 145, главу „О Борисѣ царѣ Годуновѣ", и Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 20: „Оскверни же царь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ" и т. д.). Стало быть, списокъ не могъ явиться раньше 1620 года.—Болѣе надежнымъ свидѣтельствомъ ранняго происхожденія пространной редакціи является слѣдующій фактъ: въ одномъ изъ хронографовъ, составленіе котораго *А. Н. Поповъ* относитъ къ первымъ годамъ царствованія царя Алексѣя (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 264), мы находимъ извѣстія именно пространнаго Сказанія, выпущенныя въ краткомъ (Сравн. Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 416, и Сказаніе, стр. 19, 22: о посольствѣ Аѳ. Власьева и о свадьбѣ самозванца).

[1]) Издано: цѣликомъ въ Изборникѣ *А. Н. Попова*, стр. 413—429; частью у гр. *Растопчина* Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ, стр. 5—20.—Описаніе списка (ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1465) въ Обзорѣ хронографовъ р. редакція, II, стр. 264—270 (А. Н. Поповъ относитъ составленіе этого хронографа къ началу царствованія Алексѣя Михайловича).—Есть и другой списокъ того же повѣствованія о смутѣ—въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1616, XVIII вѣка, въ 4 д., 385 *лл.*, *лл.* 98—113 (*А. Ѳ. Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, I, стр. 470, § 6).

лѣпа, замѣчаетъ, что такъ „нѣцыи же написаша". Самъ же авторъ плохо зналъ событія и дѣлалъ крупные промахи. Такъ, онъ думалъ, что мать царевича Димитрія послѣ его смерти оставалась въ Угличѣ и что самозванецъ ее „взялъ съ Углича къ себѣ къ Москвѣ". Подмосковнаго Ляпуновскаго ополченія онъ вовсе не зналъ и писалъ, что Дм. Т. Трубецкой, Пожарскій и Мининъ вмѣстѣ собрали воинство и пришли подъ Москву [1]). Краткость изложенія автора не дозволяетъ указать его источники вездѣ съ одинаковой точностью. По тѣмъ же мѣстамъ Хронографа, гдѣ авторъ выражается пространнѣе, можно заключить, что ему были извѣстны „Сказаніе, еже содѣяся", и грамоты, вошедшія въ Повѣсть 1606 года. Изъ Сказанія заимствовалъ онъ цѣлыя фразы въ свой разсказъ о царствованіи Лжедимитрія и не отбросилъ даже польскихъ выраженій, находящихся въ Сказаніи [2]). А по грамотамъ В. Шуйскаго описалъ онъ открытіе мощей царевича Димитрія и всенародное покаяніе иноки Мароы, матери царевича [3]). Иногда извѣстія своихъ источниковъ авторъ сопровождаетъ благочестивыми замѣчаніями и текстами Св. Писанія, а къ повѣсти о дьякѣ Тимоѳеѣ Осиповѣ, взятой изъ „Сказанія, еже содѣяся", онъ присочинилъ цѣлую рѣчь Тимоѳея самозванцу и прибавилъ новую фактическую черту, что „зауши его (то-есть, самозванца) Тимоѳей каменемъ въ лице". Эта редакція разсказа о подвигѣ дьяка составляетъ самую любопытную часть разбираемаго памятника. Въ дальнѣйшихъ же его статьяхъ, относящихся уже ко времени Михаила Ѳеодоровича, нельзя не отмѣтить отрывковъ какого-то намъ неизвѣстнаго муромскаго лѣтописца, повѣствующаго приказнымъ слогомъ о приходѣ Лисовскаго подъ Муромъ въ 1616 году [4]).

Гораздо большею содержательностью и значеніемъ отличается **Повѣсть о разореніи Московскаго государства и всеа Россійскія земли**, изданная А. Н. Поповымъ въ 1881 году [5]). Въ прекрасномъ предисловіи издателя находится точная характеристика

---

[1]) Изборникъ, стр. 415, 421.

[2]) Сравн. Изборникъ, стр. 416—417, и Сказаніе, стр. 19, 22, 25.

[3]) Сравн. Изборникъ, стр. 418—419, и Иное Сказаніе, стр. 47—50 (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110—112).

[4]) Изборникъ, стр. 422—423. Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1616, л. 109 об.,—этого нѣтъ.—Сравн. Ник. Лѣт. VIII, 219.—Книги Разрядныя, I, 183.

[5]) *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1881 годъ, II, „Библіографическіе матеріалы", собранные *А. Поповымъ*, стр. 1—51.—Повѣсть издана по двумъ спискамъ (изъ рукописей Моск. Дух. Академіи № 203 и № 201); третій списокъ былъ извѣстенъ *Карамзину* (Ист. Гос. Росс., X, прим. 248 и др.).

памятника и рядъ замѣчаній о времени его появленія и о личности автора. Повѣсть о разореніи Московскаго государства—очень любопытное произведеніе. Она написана въ 1654 году, въ то время, когда царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился объявить войну Польшѣ за Малороссію и самъ отправился въ походъ, „подвижеся со всѣмъ своимъ христолюбивымъ воинствомъ" [1]). Цѣль Повѣсти—оправдать предпринятую войну, показать ея политическую необходимость и объяснить, что для войны выбрано надлежащее время. Повѣсть—это „проповѣдь безпощадной кровавой политики возмездія", говоритъ А. Н. Поповъ. Въ войнѣ съ Польшей авторъ видитъ прекрасный случай отплатить полякамъ за все зло, какое они нанесли Москвѣ полвѣка передъ тѣмъ: „день отмщенія настоитъ" восклицаетъ онъ,—„и время воздаянія належитъ нечестивымъ!" [2]) Для того, чтобы показать, какія бѣды нанесли поляки Руси въ прошломъ, авторъ и вспоминаетъ весь ходъ смуты: торжество Разстриги, поддержаннаго Польшей, грабежи поляковъ при Шуйскомъ и польское господство послѣ Шуйскаго. Въ современной ему Польшѣ авторъ усматриваетъ такую же смуту, какъ была когда-то въ Московскомъ государствѣ: на престолѣ сидитъ разстрига [3]), казачество возстало, и у Польши нѣтъ силъ съ нимъ справиться. При такихъ условіяхъ, слабость Польши очевидна, и Руси нельзя пропускать такой благопріятной минуты для отмщенія за свои обиды.

Итакъ, Повѣсть по своимъ цѣлямъ есть публицистическое произведеніе, въ которомъ исторія смуты играетъ только служебную роль. Исторической своей стороной разбираемый памятникъ, по словамъ Попова, „представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ легкій поверхностный очеркъ, пересказъ событій, гораздо обстоятельнѣе изложенныхъ въ другихъ лѣтописныхъ трудахъ". Къ тому же этотъ пересказъ событій весь построенъ на источникахъ, намъ уже извѣстныхъ, и потому историческая его цѣнность была бы совершенно ничтож-

---

[1]) Повѣсть, стр. 48.

[2]) Повѣсть, стр. 48.

[3]) Авторъ, сравнивая короля польскаго Яна Казимира съ Отрепьевымъ, такъ выражается о немъ: „то ли христіянскаго закона чинъ сохраняютъ: оставя иноческій образъ и духовный чинъ отъ себя отвергнувъ, и на королевство коруноватися и братню жену за себя взявъ и дѣти прижити" (Повѣсть, стр. 44). О Янѣ Казимирѣ у *Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie, t. II. Warszawa. 1881, p. 215: „r. 1643 wstąpił do Jezuitów, r. 1645 kardynałem, r. 1648 królem polskim obrany, panował do roku 1668".

ной, еслибы не были любопытны нѣкоторые взгляды и отзывы умнаго и образованнаго автора Повѣсти.

Онъ самъ говоритъ намъ въ заглавіи своего произведенія, что оно „выписано отъ лѣтописныхъ книгъ и отъ иныхъ повѣстей“. И въ текстѣ Повѣсти онъ не разъ откровенно указываетъ на свои источники. Такъ, характеризуя царя Ѳеодора Іоанновича, онъ прямо ссылается на его Житіе, составленное Іовомъ [1]). Говоря объ ослѣпленіи Симеона Бекбулатовича, онъ указываетъ, какъ на источникъ, на „Лѣтопись русскую“, подъ которою разумѣетъ, какъ кажется, Никонову лѣтопись [2]). Заимствуя почти дословно одну фразу Новаго Лѣтописца, онъ не скрываетъ, что приводитъ чужія слова [3]). Иногда, по поводу того или другаго своего заявленія, авторъ спѣшитъ прикрыть свое личное мнѣніе авторитетомъ лѣтописей [4]). Наконецъ, и въ послѣсловіи къ Повѣсти авторъ еще разъ заявляетъ, что не вымышлялъ своихъ извѣстій, а бралъ ихъ изъ прежнихъ повѣстей [5]). Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ несамостоятельнымъ. Сличеніе текста Повѣсти съ другими памятниками позволяетъ опредѣлить довольно точно и тотъ тѣсный кругъ „прежнихъ повѣстей“ о смутѣ, съ которымъ былъ знакомъ авторъ Повѣсти. Кромѣ Новаго Лѣтописца и Житія царя Ѳеодора, онъ пользовался только Сказаніемъ Авр. Палицына.

Болѣе всего слѣдовалъ онъ Новому Лѣтописцу. Изъ него заимствовалъ онъ свой разсказъ о смерти царевича Димитрія и о наказаніи Нагихъ и угличанъ за расправу съ убійцами (но число наказанныхъ угличанъ—200—взято у Авр. Палицына) [6]). По Новому Лѣтописцу

---

[1]) Повѣсть, стр. 12: „писано въ Житіи его“.

[2]) Повѣсть, стр. 13, прим. 3. — Извѣстіе это, очевидно, взято изъ Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 30). Называя его „Лѣтописью русской“, авторъ этимъ обнаруживаетъ, что пользовался Новымъ Лѣтописцемъ уже въ лѣтописномъ сводѣ,—вѣроятнѣе всего, въ Никоновскомъ.

[3]) Повѣсть, стр. 20: „*кепщуютъ* о немъ (Отрепьевѣ)—таковое ученіе дадеся ему не отъ Бога“. — Сравн. Ник. Лѣт. VIII, 55: „грамота жъ ему дася не отъ Бога“.

[4]) Повѣсть, стр. 22: „яко же лѣтописныя книги объявляютъ“; стр. 50: „по свидѣтельству лѣтописныхъ книгъ“.

[5]) Повѣсть, стр. 51: „Не отъ своего же помышленія о сихъ бесѣдовавъ, но прежнимъ повѣстемъ послѣдовавъ“....

[6]) Повѣсть, стр. 13—14.—Ник. Лѣт. VIII, 17—20. — Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 3—4.

изложено гоненіе Бориса на митр. Діонисія, нелюбовь его къ датскому королевичу, преслѣдованіе Шуйскихъ [1]); далѣе, исторія перваго самозванца и посылка въ Литву Смирнаго-Отрепьева; усиленіе разбойничества при Борисѣ и смерть отъ разбойниковъ И. Ѳ. Басманова, строгія мѣры Бориса противъ казаковъ [2]). По Новому же Лѣтописцу излагается далѣе царствованіе и женитьба самозванца и всѣ дальнѣйшія событія смуты, за тѣми немногими исключеніями, когда авторъ беретъ данныя у Палицына [3]). Изъ Сказанія Палицына взяты между прочимъ слѣдующія подробности: описаніе московскаго пожара 1591 года, извѣстіе о невѣстѣ „изъ Хвалисъ" для Борисова сына, извѣстіе о голодѣ 1601—1603 гг., разсказъ о вѣнчаніи Бориса на царство, разсказъ о замыслѣ самозванца избить бояръ, и нѣкоторыя другія частности [4]). Изъ Житія же царя Ѳеодора взята, какъ мы уже видѣли, характеристика благочестиваго государя.

Но среди громаднаго большинства данныхъ, очевидно, взятыхъ изъ „прежнихъ повѣстей", въ Повѣсти есть и оригинальныя мѣста. Любопытны тѣ изъ нихъ, гдѣ авторъ высказываетъ собственные взгляды и наблюденія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о Борисѣ, что „поставленіе его на царство множемъ яко роженъ въ сердцы бысть". О Борисовомъ дворѣ въ Москвѣ сообщаетъ онъ любопытное повѣрье XVII вѣка, что „ни дворъ его Борисовъ, идѣже живаше, можаше царскіе сановники вмѣщати въ себѣ на много лѣтъ". Сѣмя смутъ видитъ онъ въ преступной дѣятельности Бориса: „оттуду корень бѣдамъ и напастемъ начало изыде". Погибель Ляпунова и неудачу его ополченія онъ приписываетъ тому обстоятельству, что въ полкахъ были „все уѣздные люди, а честныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мало бяше въ воинствѣ томъ"; „уѣздные люди" и убили Ляпунова [5]). Этими примѣрами, конечно, не исчерпываются любопытныя для историка смуты частности разбираемаго труда. Благодаря обилію такихъ частностей, Повѣсть о разореніи Московскаго государства можетъ имѣть, помимо своего большаго историко-лите-

---

[1]) Повѣсть, стр. 16, 17, 19.—Ник. Лѣт. VIII, 9—10, 49—50, 36.

[2]) Повѣсть, стр. 20, 21, 24, 25.—Ник. Лѣт. VIII, 55—56, 60, 53, 59.

[3]) Повѣсть, стр. 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36.—Ник. Лѣт. VIII, 72 и 74; 77 и 80—81; 90; 100 и 116—117; 132 и 140; 144—145; 148; 149; 171—172.

[4]) Повѣсть, стр. 15, 16, 22, 23, 26—27. — Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 4—5, 18, 11—13, 7—8, 30—31.

[5]) Повѣсть, стр. 16, 19, 20, 37.

ратурнаго интереса, еще и нѣкоторое значеніе, какъ историческій документъ.

А. Н. Поповъ думаетъ, что авторомъ Повѣсти былъ Симонъ Азарьинъ: въ рукописяхъ Симона находится черновой списокъ Повѣсти [1]). Нельзя отвергать возможности и правдоподобности такого заключенія. Но нельзя считать его и непреложнымъ. Въ Повѣсти на личность автора нѣтъ прямыхъ указаній; въ ней не разъ упоминается о Троицкомъ монастырѣ и о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ троицкія власти и братія принимали дѣятельное участіе. Но нигдѣ не видно особеннаго вниманія автора къ Троицкимъ чудотворцамъ и братіи. Такое спокойное, чтобы не сказать равнодушное, отношеніе къ монастырю совершенно не въ духѣ Азарьина, глубочайшаго почитателя своей обители.

Отъ произведеній половины XVII вѣка переходимъ къ произведеніямъ, составленнымъ въ послѣдніе его годы. Въ концѣ царствованія царя Алексѣя Михайловича извѣстный бояринъ А. С. Матвѣевъ приступилъ въ Посольскомъ приказѣ къ составленію нѣсколькихъ официіальныхъ повѣствованій историческаго и дипломатическаго характера [2]). Между прочимъ подъ его руководствомъ въ 1672—1673 годахъ написана была роскошная по своей внѣшности Книга объ избраніи на престолъ царя Михаила Θеодоровича [3]). Главное содержаніе Книги составляетъ разсказъ объ избраніи на царство царя Михаила, а затѣмъ о нареченіи и поставленіи на патріаршество его отца Филарета. Разсказъ основанъ на официіальныхъ документахъ [4]) и ведется официіальнымъ языкомъ. Вмѣсто же вступленія къ нему приписано краткое повѣствованіе о смутѣ вообще. Оно имѣетъ компилятивный характеръ и составлено съ большимъ литературнымъ умѣньемъ изъ отрывковъ Хронографа 2-й редакціи, Повѣсти 1606 года, Новаго Лѣтописца, Сказанія Палицына и Ми-

---

[1]) Повѣсть, стр. 1—3, 8.

[2]) Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева. С.-Пб. 1776 г., стр. 34—35.—Доп. къ Акт. Ист., VI, № 43.—*Строева* Библіол. Словарь, стр. 209.—Митр. *Евгенія* Словарь русск. свѣтскихъ писателей, II, 49—52.

[3]) „Книга объ избраніи на царство великаго государя царя и в. кн. Михаила Θеодоровича. Издана Коммиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и т. д. М. 1856.

[4]) Источниками его были: официіальное описаніе избранія Михаила Θеодоровича, составленное при царѣ Михаилѣ (см. Книгу объ избраніи, Предисловіе, стр. XXXIV — XXXV, и Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 1 и № 16) и Чинъ поставленія въ патріархи Филарета Никитича (Доп. къ Акт. Ист. II, № 76).

лютинскаго житія цар. Димитрія [1]). Хотя авторъ повѣствованія не слѣдовалъ буквально своимъ источникамъ, а передѣлывалъ ихъ изложеніе въ офиціально-риторическій разсказъ, тѣмъ не менѣе онъ не внесъ отъ себя ни одного новаго показанія, ни одной любопытной для историка мысли. Поэтому значеніе разбираемой Книги, какъ историческаго источника, вполнѣ ничтожно. Документы, сохранившіе намъ исторію составленія этого памятника, называя лицъ, трудившихся надъ перепиской, рисунками и переплетомъ Книги, не называютъ того лица, которое написало ея текстъ. Нельзя думать, чтобы это былъ личный трудъ Матвѣева: онъ и самъ не считаетъ себя одного авторомъ, такъ какъ говоритъ, что „сдѣлалъ книги съ товарищи своими, и съ приказными людми, и съ переводчики".—Одновременно съ Книгою объ избраніи царя Михаила и тѣмъ же порядкомъ въ Посольскомъ приказѣ составлена была и другая книга—о титулахъ московскихъ государей и государей разныхъ земель [2]). Въ началѣ ея находится краткій очеркъ всей русской исторіи, показывающій, „откуду произыде корень великихъ государей... россійскихъ". Въ этомъ очеркѣ есть и описаніе смуты, прямо заимствованное съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями изъ Книги объ избраніи царя Михаила [3]).

Оба эти офиціальные труда не даютъ намъ ничего исторически цѣннаго. Нельзя сказать этого о любопытномъ частномъ произведеніи, которое было составлено въ тѣ же приблизительно годы и въ литературѣ получило названіе Латухинской Степенной книги. Единственный извѣстный намъ списокъ этого труда сохранился въ рукописяхъ Н. М. Карамзина [4]) и былъ полученъ исторіографомъ

---

[1]) Считая по страницамъ печатной Книги, заимствованія идутъ въ такомъ порядкѣ: стр. 2-я („Сей же царь"...) составлена по Хронографу 2-й редакціи и Милютинскому Житію; стр. 3 („Глаголютъ убо и преставленіе"...)—по Повѣсти 1606 года, затѣмъ по Новому Лѣтописцу (отъ словъ: „И по лукавомъ ихъ злословіи"...); стр. 4, 5, 6—по Новому Лѣтописцу; стр. 6 („Царь же Борисъ, разумѣвъ, яко фіалъ"...) — по Хронографу 2-й редакціи; стр. 7 — 10 заключаютъ въ себѣ очень краткія замѣтки, очевидно, по Новому Лѣтописцу и Сказанію Палицына; стр. 10—13—по Сказанію Палицына и офиціальнымъ актамъ. Далѣе, повѣствованіе идетъ исключительно по офиціальнымъ документамъ.

[2]) Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XII, стр. 86—251.—*Строева* Библіол. Словарь, стр. 209.—*Строевъ* невѣрно принимаетъ годъ составленія книги—1678: она была составлена раньше (Доп. къ Акт. Ист., VI, № 43, § XV).

[3]) Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XVI, стр. 94—102.

[4]) Нынѣ въ Имп. Публ. Библіотекѣ (ркп. F. IV. 597, въ листъ, полууставомъ XVIII в.).

„отъ Болохнинскаго купца Латухина“ [1]). Карамзинъ очень внимательно изучилъ показанія памятника и многіе его отрывки напечаталъ въ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи [2]). Но онъ не указалъ ни времени, ни автора произведенія, не опредѣлилъ и его состава. Списокъ же Латухинской книги даетъ нѣсколько опредѣленныхъ указаній въ этомъ отношеніи.

Въ началѣ его находятся длинныя „Вирши“, служащія предисловіемъ къ Степенной книгѣ [3]). Слагая начальныя буквы каждаго стиха, получаемъ такую фразу, тоже стихотворную: „Тихон(ъ) монах(ъ) о Возе начах(ъ), книги сія нетрудно писах(ъ), доволноу же мздоу за се взях(ъ), в(ъ) Лавроу Желтоводскую отдах(ъ) в(ъ) лето седм(ъ) тисящ(ъ) сто осмдесят(ъ) седмое, в(ъ) месеце ноемвріи“. Тихонъ монахъ, котораго по виршамъ слѣдуетъ считать составителемъ Степенной книги, есть, очевидно, тотъ самый архимандритъ макарьевскій Тихонъ, который управлялъ Желтоводскимъ монастыремъ въ 1675—1677 годахъ, въ 1680 году былъ сдѣланъ келаремъ Саввина-Сторожевскаго монастыря и получилъ извѣстность въ древнерусской письменности, какъ авторъ „Сказанія о нотномъ гласобѣжаніи“ [4]). Оставивъ управленіе монастыремъ въ 1677 году, онъ, вѣ-

---

[1]) Ист. Гос. Росс., I, прим. 532.

[2]) Длинный перечень ссылокъ Карамзина на Латухинскую книгу и выписокъ изъ нея см. у *Строева* Ключъ къ Исторіи Гос. Росс., подъ словомъ: Латухинъ.

[3]) Нач.: „*Т*ворецъ и создатель Богъ всему
и всей твари, служащей Ему.
Христосъ истинный всѣхъ спаситель,
*о*тецъ явися и зиждитель,
*Н*еизреченнымъ же совѣтомъ
*м*ногимъ сый озари насъ свѣтомъ“...

Много распространяясь о просвѣщеніи древней Руси истиннымъ свѣтомъ Христовой вѣры, вирши затѣмъ объясняютъ содержаніе слѣдующаго за ними труда такимъ образомъ:

„*С*ей лѣтописецъ возвѣщаетъ,
*м*ногій намъ разумъ просвѣщаетъ:
*Д*ревле бывшая вся времена,
*е*диновѣрныхъ намъ племена,
*С*тепени царскія и роды,
*я*же державства ихъ и годы,
*Т*ѣхъ же временъ благоденствіе,
*с*трашно же бысть и злоденствіе“... и т. д.

[4]) *Строева* Списки Іерарховъ, ст. 613.—*Титова* Троицкій Желтоводскій монастырь у Стараго Макарья. М. 1887, стр. 27.—*Смирнова* Историч. описаніе

роятно, продолжалъ жить у Макарья и посвятилъ своей обители трудъ, законченный имъ въ исходѣ 1678 года [1]).

Книга Тихона въ полномъ своемъ составѣ требуетъ особаго изученія, какъ одна изъ многихъ еще малоизвѣстныхъ попытокъ переработать Степенную книгу Макарія. Мы не можемъ, конечно, принять на себя подобнаго труда, не выходя далеко за предѣлы темы. Большой объемъ статей Латухинской книги, посвященныхъ смутѣ, лишаетъ насъ возможности представить и ихъ подробный анализъ, не распространивъ его въ обширную статью. Вотъ почему мы считаемъ себя въ правѣ привести о разбираемомъ памятникѣ только такія замѣчанія, которыя установятъ компилятивный характеръ произведенія, а, стало быть, и второстепенное его значеніе въ ряду лѣтописныхъ источниковъ для исторіи смуты.

Самое поверхностное сравненіе разбираемой Книги съ Новымъ Лѣтописцемъ показываетъ уже, что послѣдній легъ въ основаніе той части труда Тихона, которая повѣствуетъ о смутномъ времени. Кое-гдѣ измѣненъ порядокъ главъ; часто сокращено изложеніе, переработанъ слогъ; иногда показанія Новаго Лѣтописца замѣнены или дополнены разсказами другихъ писателей; кое-гдѣ внесены извѣстія для насъ новыя,—такой характеръ имѣютъ всѣ передѣлки и отступленія Тихона въ отношеніи къ тексту его главнаго источника. Несмотря на то, что онъ стремился вообще сокращать повѣствованіе Новаго Лѣтописца и совсѣмъ ничего не разсказалъ, напримѣръ, о перенесеніи мощей царевича Димитрія, о которомъ другіе писатели говорятъ съ особымъ вниманіемъ [2]),—не смотря на то онъ часто слѣдовалъ Новому Лѣтописцу даже въ изложеніи весьма мелкихъ событій давнопрошедшаго времени [3]).—Кромѣ главнаго своего источника, авторъ охотно черпалъ извѣстія изъ Сказанія Палицына. Изъ него заимствовалъ онъ, между прочимъ, описаніе голода 1601 года,

---

Саввина-Сторожевскаго монастыря. М. 1879, стр. 98 и прим. 172.—*Ундольскаго* Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи (въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.*, годъ второй (1846—1847), № 3, стр. 14—16).

[1]) Нужно замѣтить, что до насъ дошелъ не авторскій экземпляръ Книги Тихона, а уже дополненный извѣстіями до 1725 года (послѣднее извѣстіе—о смерти Петра Великаго).

[2]) Вмѣсто главы о перенесеніи мощей написано лишь ея заглавіе и подъ нимъ слова: „Полное его слово въ Прологѣ мѣсяца маіа въ 15 день“ (л. 473 об.).

[3]) Какъ на примѣръ, укажемъ на подробное описаніе одного изъ богомольныхъ походовъ царя Θеодора, взятое прямо изъ Новаго Лѣтописца (Сравн. Ник. Лѣт. VIII, 24—25, и Латух. книгу, л. 428).

причемъ дополнилъ разсказъ Авраамія разсказомъ Хронографа 2-й редакціи [1]). По Сказанію Палицына повѣствовалъ онъ о разбойничествѣ при Борисѣ; а окончаніе третьей главы Палицына послужило ему основаніемъ для особой статьи: „О самохотѣніи царя Бориса укрѣпить свою державу“ [2]). Отъ Палицына же взялъ онъ извѣстіе объ оскудѣніи казны въ Троицкомъ монастырѣ и о явленіи преп. Сергія Арсенію Галасунскому [3]).—Не одинъ разъ видны заимствованія и изъ Хронографа 2-й редакціи: изъ него, напримѣръ, взята замѣтка о постройкѣ стѣнъ Бѣлаго города въ Москвѣ; его же словами начинаетъ Тихонъ повѣствованіе о царствованіи царя Михаила [4]).—Знакомы Тихону и извѣстія Повѣсти 1606 года: напримѣръ, о лести и угрозахъ Годунова народу предъ избраніемъ его въ цари, о несостоявшейся казни Шуйскаго при Лжедимитріи, о потѣшномъ адѣ, который устроенъ былъ самозванцемъ [5]). Можно, наконецъ, зазамѣтить вліяніе и „Сказанія, еже содѣяся“, — въ разсказѣ Тихона о польскихъ послахъ къ самозванцу и о пріѣздѣ въ Москву Марины Мнишекъ [6]).

Такъ обширенъ былъ кругъ повѣстей о смутѣ, извѣстныхъ Тихону. Но не всѣ подробности Латухинской книги можно найдти въ названныхъ нами выше памятникахъ: у Тихона были и такіе источники, опредѣлить которыхъ теперь нельзя, и о характерѣ которыхъ можно только догадываться. Такъ, подробный разсказъ о землетрясеніи въ Астрахани, бывшемъ въ 7116 (1608) году „апрѣлліа въ 7 день, въ 11 часъ дне“, — даетъ поводъ думать, что у автора Латухинской книги было подъ рукою мѣстное сказаніе объ этомъ событіи [7]). Откуда-то,—очевидно, изъ письменныхъ документовъ—почер-

---

[1]) Латух. книга, лл. 442 об.—443.—Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 10—13.— Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 190. — Уже и *Карамзинъ* замѣчалъ, что Латух. книга „повторяетъ“ Сказаніе Палицына (Ист. Гос. Росс., XI, прим. 410).

[2]) Латух. книга, лл. 446 об.—447, лл. 448—448 об. — Сказаніе Палицына, стр. 14—16, 18—21.

[3]) Латух. книга, лл. 536, 537.— Сказаніе Палицына, стр. 224—225, 281—282.

[4]) Латух. книга, л. 415 об., лл. 541 об.—542.—Изборникъ, стр. 187, 203.

[5]) Латух. книга, л. 434—434 об., л. 464 об., л. 466—466 об. — Иное Сказаніе, стр. 7, 30, 32. — У *Карамзина* приведены также нѣкоторыя мѣста, заимствованныя изъ Повѣсти 1606 года и дополненій къ ней въ Иномъ Сказаніи (Ист. Гос. Росс., XI, примѣч. 574; XII, примѣч. 79, 84, 86 и др. — Слич. Иное Сказаніе, стр. 34, 58—59, 57—58, 60—61).

[6]) Латух. книга, лл. 467—468. — Сказаніе, еже содѣяся, стр. 20—21.— Ник. Лѣт. VIII, 73.

[7]) Латух. книга, лл. 481 об. — 482.

палъ онъ и точныя хронологическія даты различныхъ событій, какихъ нѣтъ въ его источникахъ, намъ извѣстныхъ. Но всего любопытнѣе цѣлый рядъ извѣстій о Годуновыхъ, оригинальныхъ и притомъ замѣтно благосклонныхъ и къ Борису, и ко всему его роду [1]). Тихонъ не былъ самъ сторонникомъ Бориса и собиралъ о немъ одинаково и хорошіе и дурные отзывы, не обходя въ этомъ случаѣ и враждебной Годунову Повѣсти 1606 года. Кромѣ того, съ необыкновенною подробностью и очень правдоподобно описывая смерть Ив. Ив. Годунова, онъ допустилъ при этомъ явный анахронизмъ, отнеся событіе ко времени перваго, а не втораго самозванца [2]). Нѣтъ поэтому никакого основанія приписывать самому Тихону составленіе показаній о Годуновыхъ. Вѣрнѣе, что онъ имѣлъ дѣло съ какими-то документами о Годуновыхъ, или же съ повѣстью о нихъ, до насъ не дошедшею, и не всегда могъ справиться съ этимъ матеріаломъ, неудачно размѣщая его хронологически и сопоставляя пріязненныя показанія друзей Бориса съ показаніями его враговъ. Наконецъ, среди разнообразныхъ источниковъ Латухинской книги нельзя не замѣтить и легендарныхъ преданій: разсказъ Тихона о томъ, что патріархъ Игнатій просилъ благословенія у патріарха Іова [3]), безъ сомнѣнія, баснословенъ.

Итакъ, Латухинская книга есть памятникъ поздній и компилятивный. Нужно замѣтить, что авторъ ея не высказываетъ никакихъ личныхъ взглядовъ на событія смутной эпохи, не имѣетъ личныхъ симпатій и антипатій по отношеніямъ къ дѣятелямъ смуты; онъ только собираетъ факты и при этомъ обнаруживаетъ большую начитанность въ той литературѣ о смутѣ, какая успѣла образоваться къ его времени. При такихъ условіяхъ значеніе для насъ его труда опредѣляется суммою такихъ его показаній, источника которыхъ мы не можемъ опредѣлить. Выдѣлить и оцѣнить эти показанія—задача отдѣльнаго изслѣдованія; исполненіе ея недостижимо въ нашемъ общемъ обзорѣ.

Къ числу памятниковъ, въ которыхъ сочетались литературныя заимствованія съ самостоятельнымъ творчествомъ, слѣдуетъ отнести

---

[1]) Они собраны *Карамзинымъ* (Ист. Гос. Росс. IX, прим. 611, 618, 754; X, прим. 10, 30, 60, 147, 353, 365; XII, прим. 475).

[2]) Латух. книга, л. 463 об. — *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, прим. 475 (здѣсь и критическія замѣчанія по поводу этого эпизода).

[3]) Латух. книга, л. 465—465 об. — *Карамзина* Ист. Гос. Росс. XI, прим. 378. — Сравн. Ник. Лѣт., VIII, 71.

и нѣкоторыя явно легендарныя произведенія. Первое изъ нихъ сохранилось въ Хронографѣ князя М. А. Оболенскаго [1]). Эта рукопись, подробно описанная И. Е. Забѣлинымъ [2]), заключаетъ въ себѣ первую редакцію Хронографа, дополненную, между прочимъ, предисловіемъ и статьями Хронографа 1617 года. Разсказъ о смутѣ Хронографа Оболенскаго ничѣмъ по существу не отличается отъ разобранныхъ нами выше статей второй редакціи Хронографа, но изложенъ въ сокращенномъ видѣ [3]). Значеніе для историка смуты списка князя Оболенскаго состоитъ не въ его основномъ текстѣ, а въ тѣхъ къ нему прибавленіяхъ, которыя сдѣланы на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги и вклеены между большими листами рукописи. На нихъ находимъ портреты царя Ѳедора Ивановича, царя Михаила Ѳедоровича и польскаго короля Сигизмунда. Далѣе, на одномъ листкѣ читаемъ грамоты самозванца [4]), а на трехъ другихъ—легендарные разсказы о разныхъ эпизодахъ смутной эпохи [5]).

Первый разсказъ — о погибели самозванца и Марины Мнишекъ — любопытенъ по своей конструкціи: авторъ для начала взялъ фразу Хронографа 2-й редакціи, видоизмѣнилъ ее [6]) и къ ней придѣлалъ невѣжественную легенду о позорномъ погребеніи Лжедимитрія и казни Марины въ Астрахани на рынкѣ.—Точно также поступилъ авторъ и съ разсказомъ о Скопинѣ: буквально списалъ первое предложеніе изъ того же Хронографа [7]), а затѣмъ разсказалъ о посоль-

---

[1]) Нынѣ — ркп. Моск. Главн. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 101—128 (въ листъ, скорописью XVII вѣка).

[2]) *И. Е. Забѣлина* „Важный хронографъ особаго состава" въ *Архивѣ ист.-юридич. свѣдѣній Калачова*, I, отд. VI, по изд. 2-му стр. 31—38.

[3]) Хронографъ Оболенскаго, *лл.* 533, 534, 537, 540, 543. — Изборникъ, стр. 186—204.—См. первую главу нашего труда.

[4]) Хронографъ Оболенскаго, л. 536. — Акт. Арх. Эксп. II, № 26 и № 34.— Иное Сказаніе, стр. 15—16, 24—27.

[5]) Хронографъ Оболенскаго, л. 535, — о погибели самозванца и о судьбѣ Марины Мнишекъ (*Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 33—34); л. 538 — о Скопинѣ-Шуйскомъ (не издано); л. 542 — объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ и объ избраніи царя Михаила (начало въ *Архивѣ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 34—36, а конецъ у *Забѣлина*: Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 310—312).

[6]) Изборникъ, стр. 193: „И внезапу бо убо возшумѣша многочисленнаго народа волны и вси вельможи, князи и боляре, и державніи земли, разъярившеся на мерзость его" и т. д.— Сравн. *Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 33: „Разъярившеся православніи и возшумѣша яко волны" и т. д.

[7]) Хронографъ Оболенскаго, л. 538: „въ лѣто 117 царь Василій Іоанновичь послалъ воеводу своего отъ сродства своего князя Михаила Скопина" и т. д.

ствѣ Скопина къ самому шведскому королю. Король „преклоняется на милость“, даетъ Скопину 40 тысячъ войска и, послѣ совѣта съ „бурмистромъ“ Пунтусовымъ, требуетъ отъ Скопина городовъ „въ закладъ въ грошахъ и въ кормахъ и во всякихъ проторяхъ подъемныхъ“. Скопинъ уступаетъ „Великій Новгородъ, да Корелской городъ, да Копорье, да Орѣшекъ, да Юрьи Ливонской, да Ивань-городъ“, и съ шведскимъ войскомъ разбиваетъ своихъ враговъ „подъ Торжкомъ“ [1]). Побѣда героя возвращаетъ автора къ тексту Хронографа 2-й редакціи: его словами характеризуетъ онъ побѣдителя [2]), а затѣмъ кратко описываетъ отравленіе Скопина чертами, близкими къ знакомому уже намъ Сказанію о рожении князя Михаила [3]). Разсказъ заканчивается легендой о разореніи шведами Новгорода за то, что новгородцы „сильны учинилися“ и не заплатили Пунтусову его „гроши и подъемы и кормы и всякія изъяны“. Подробности этой легенды баснословны и нелѣпы: авторъ, напримѣръ, пишетъ, что Пунтусовъ „наѣхалъ“ въ Новгородъ въ 7087 (1579) году, а выѣхалъ въ 7125 (1617) году.

Болѣе независимо отъ Хронографа 2-й редакціи повѣствованіе о нижегородскомъ ополченіи, взятіи Москвы и избраніи царя Михаила, хотя и въ немъ мы видимъ фразу о Мининѣ, цѣликомъ взятую изъ Хронографа [4]). За то авторъ зналъ Сказаніе Палицына, ибо упоминаетъ какъ о дѣятельности Авраамія, такъ и о его книгѣ [5]). Легендарно разбираемое повѣствованіе не менѣе двухъ первыхъ. Козьма Мининъ дѣйствовалъ не какъ земскій староста, а какъ частный че-

---

Сравн. Изборникъ, стр. 197, и Иное Сказаніе, стр. 66 (до словъ: „скоро исполни; шедъ“...)

[1]) Сравн. Ник. Лѣт. VIII, 119—120.

[2]) „И бысть воевода храбръ и мужественъ, скоро аки молнія супостатныя полки обтече и врагомъ противникъ непобѣдимъ являшеся и тако всѣхъ отъ царствующаго града, яко буря зѣлная съ громомъ страшнымъ и молніею, всѣхъ разгна, аще не бы темный гробъ такова храбраго Ектора или Ахиллеса покры“ (л. 538).—Слич. Изборникъ, стр. 198, и Иное Сказаніе, стр. 66.

[3]) Изборникъ, стр. 383.—Новы у автора только слова, что „Скопинъ пріемлетъ себѣ духовнаго отца и причащается святыхъ таинъ“ (л. 538).

[4]) „Аще и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ“ (*Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 35. — Изборникъ, стр. 202. — Иное Сказаніе, стр. 71).

[5]) *Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 35: „И свѣдалъ келарь Троицкой Аврамій Палицынъ“ и т. д.; немного ниже (стр. 36) читаемъ ссылку на книгу Палицына въ словахъ: „что Аврамія Палицына въ *Троицкомъ сведѣніи*“ (Сравн. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 281—283).

ловѣкъ; онъ успѣлъ собрать полторы тысячи „единомысленниковъ" и 1700 рублей „третьей деньги",—и только тогда объявилъ о своемъ дѣлѣ земскимъ старостамъ. До прихода Минина подъ Москву Трубецкой „взялъ Бѣлгородъ и Китай", а затѣмъ они вмѣстѣ снова „взяша градъ Китай". Когда нижегородское ополченіе шло къ Москвѣ, Пр. Ляпуновъ былъ еще живъ и сталъ съ Трубецкимъ противъ нижегородцевъ. Напротивъ, князя Пожарскаго какъ будто и вовсе не было при освобожденіи Москвы; онъ является только на земскомъ совѣтѣ объ избраніи государя и притомъ въ роли главнаго руководителя. На его вопросъ: „Есть ли у насъ царское прирожденіе?" никто сразу не можетъ отвѣтить. Только на слѣдующій день, и то не духовные и не придворные люди, а простой галичскій дворянинъ и „славнаго Дону атаманъ" объяснили собору, что Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ имѣетъ право на престолъ, какъ племянникъ царицы Анастасіи и сынъ того самаго человѣка, которому царь Ѳедоръ поручилъ свой скипетръ. Таковы легендарныя несообразности, придающія памятнику характеръ поэтической думы, изложенной въ прозѣ.

Итакъ, приписки къ Хронографу Оболенскаго—легенда, далеко ушедшая отъ исторіи. Возникла она однако на опредѣленномъ историческомъ матеріалѣ, пользовалась его литературною формою, сама приняла видъ историческаго повѣствованія съ хронологическими датами и числовыми показаніями. Когда же она создалась и кто былъ ея авторомъ? Приписки къ различнымъ частямъ Хронографа Оболенскаго, писанныя одинаковымъ почеркомъ съ разобранными нами повѣствованіями, заключаютъ въ себѣ указанія на годы 1680, 1681 и 1686,—время, когда составлялись дополненія къ основному, болѣе раннему тексту рукописи [1]. Въ повѣствованіи о Скопинѣ авторъ его говоритъ,—что шведы „до днесь" владѣютъ тѣми городами, которые были ими взяты при Шуйскомъ [2]. Оба признака заставляютъ относить возникновеніе легенды къ XVII в., и даже не къ послѣднимъ его годамъ. Далѣе, почеркъ приписокъ—бѣлорусскаго типа, а самыя приписки заключаютъ въ себѣ иногда польскія и латинскія фразы и обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка, знакомаго съ латино-польской схоластикой. Но еще вопросъ, самъ ли авторъ мелкихъ дополненій къ рукописи Оболенскаго составилъ легендарныя повѣсти о смутѣ

[1]) Хронографъ Оболенскаго, л. 263, л. 368 об., л. 522 об. (по современной пагинаціи, которою пользовались мы; у И. Е. Забѣлина другія цифры—по старинной нумераціи листовъ: *Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 37).

[2]) Хронографъ Оболенскаго, л. 538 об.

Думаемъ, что нѣтъ. Какъ можно убѣдиться изъ напечатанныхъ отрывковъ, языкъ этихъ повѣстей—великорусскій, а не бѣлорусскій. Литературные ихъ источники—Хронографъ 1617 года и Сказаніе Палицына—тоже великорусскіе. Очевидно, что еслибъ эти повѣсти были составлены самимъ бѣлоруссомъ, дополнявшимъ Хронографъ, то онѣ носили бы на себѣ болѣе замѣтные слѣды его языка и образованія. Кромѣ того, можно указать и прямой признакъ, что авторъ съ чего-то переписывалъ свой разсказъ объ освобожденіи Москвы: онъ пропустилъ въ своемъ оригиналѣ то мѣсто, гдѣ разсказывалось о явленіи преп. Сергія архіепископу Арсенію, и такъ какъ нарушилъ этимъ послѣдовательность изложенія, то считалъ нужнымъ отмѣтить свой пропускъ словами: „Здѣ повѣствуется о Арсеніи Голасунскомъ и о явленіи преп. Сергія, что Аврамія Палицына въ Троицкомъ сѣдѣніи" [1]. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что легенды Хронографа Оболенскаго создались непремѣнно въ Бѣлоруссіи [2].

Другое легендарное произведеніе о смутѣ, не уступающее въ произвольномъ творчествѣ Хронографу Оболенскаго,—заключается въ рукописномъ Сказаніи о царствѣ государя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича [3]. Сказаніе повѣствуетъ о царствованіяхъ Ѳеодора, Бориса и самозванца. Составъ его опредѣляется очень легко: въ первой половинѣ оно представляетъ пересказъ Милютинскаго

[1]) *Арх. ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 36.

[2]) Чтобы закончить рѣчь о тѣхъ преданіяхъ, которыми окружена была память Минина и прославлялся подвигъ нижегородцевъ,—упомянемъ о легендѣ, недавно обнародованной *А. С. Гацискимъ* (Нижегородскій Лѣтописецъ. Н.-Новгородъ. 1886, стр. 45—46). Литературная исторія этой легенды такъ мутна, а содержаніе ея такъ сказочно, что мы не рѣшаемся видѣть въ ней сколько-нибудь пригодный для историка документъ.

[3]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, XVIII в., въ 4 д., 74 лл., л. 1—30 (*А. Ѳ. Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. рукописн. сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, I, стр. 408—410).—Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 234, XVIII в., въ 4-ку, 58 лл. (списокъ неполный, но болѣе исправный; см. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1868 г., стр. 237).—Въ первомъ изъ этихъ списковъ произведеніе озаглавлено: „Сказаніе о царстви государя и в. князя Ѳеодора Ивановича всея Россіи, и о убіени брата его государя царевича Димитрія Ивановича Углицкого и о царстви злопрелесника и святоубица Бориса Годунова и о прелести зломъ проклятаго еретика и богоотступника Гришки Отрепьева". Съ подобнымъ же названіемъ есть списокъ (также XVIII вѣка), намъ неизвѣстный, въ рукописяхъ И. Н. Царскаго, нынѣ гр. Уварова (*Строева* Рукописи славянскія и россійскія И. Н. Царскаго, стр. 564, № 459).

житія цар. Димитрія, дополненный легендарными вставками, а во второй половинѣ—пересказъ „Повѣсти, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ“ [1]) Изъ Житія авторъ заимствовалъ всю первую его часть, то-есть, исторію убіенія царевича и затѣмъ начало статьи о явленіи царевича старцу Тихону до разсказа Житія о самозванцѣ. Разсказъ же о самозванцѣ до его убіенія взялъ онъ изъ „Повѣсти, како восхити“ и пр. Наконецъ, смерть Лжедимитрія описалъ онъ самостоятельно въ краткомъ легендарномъ разсказѣ. Къ своимъ источникамъ авторъ относился очень свободно: то слѣдовалъ имъ дословно, то передѣлывалъ ихъ со стороны слога, то дополнялъ ихъ легендами, развивая простое показаніе въ цѣлую баснословную повѣсть [2]). Такихъ баснословныхъ повѣстей въ Сказаніи довольно много. Укажемъ виднѣйшія изъ нихъ, опуская вымышленныя риторическія рѣчи, которыя авторъ постоянно влагаетъ въ уста героевъ. Дополненіемъ къ Милютинскому житію является разсказъ объ отправленіи въ Угличъ царевича Димитрія [3]); далѣе, разсказъ о волхвованіи Бориса [4]) и повѣствованіе объ убіеніи царе-

---

[1]) Эта Повѣсть, какъ сказано въ первой главѣ, составляетъ сокращеніе Повѣсти 1606 года. Что авторъ разбираемаго Сказанія заимствовалъ не изъ самой Повѣсти 1606 года, а изъ ея передѣлки, доказывается тѣмъ, что онъ точно воспроизвелъ тѣ мѣста послѣдней о самозванцѣ, гдѣ она расходится съ Повѣстью 1606 года.

[2]) Можно привести очень наглядный примѣръ того, какъ фактъ перерождался въ легенду подъ перомъ безцеремоннаго сказателя. Въ „Повѣсти, како восхити“, есть такое мѣсто о самозванцѣ, заимствованное прямо изъ Повѣсти 1606 года: „А за щитомъ онъ богомерскій не взялъ ни единыя веси, не точію что мала нѣкоего града. А знающа его не бѣ никого же въ тѣхъ странахъ“ (Иное Сказаніе, стр. 28). Авторъ Сказанія передѣлалъ эту фразу такъ: „А шелъ онъ окаянной въ то время за щитомъ, нелзя никоторыми дѣлами его вскорѣ узнать; вси бо покоряхуся ему безъ драки, чающе его природнымъ (его) государя своего. А знающихъ людей въ тѣхъ (градѣхъ) никого нѣтъ, ктобъ его проклятого въ бѣлцахъ зналъ или въ черничествѣ“ (Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 20 об.—21; ркп. Q. IV. 234, лл. 36 об.—37).

[3]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 1—2.—*Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I, стр. 408—409.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 9 (Карамзинъ зналъ разбираемое Сказаніе по Морозовскому Лѣтописцу, куда вошли многіе отрывки Сказанія: см. т. X, прим. 13, 155, 195, 221, 232, 233, 235, 244, 366, 368, 376, 385; т. XI, прим. 201, 305 (первая ссылка), 348, 351, 403).

[4]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 2—3.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 221.

вича Димитрія [1]). Авторъ Сказанія сообщаетъ, будто бы убійцы царевича сознались, что дѣйствовали по приказу Годунова, и будто бы земля не принимала ихъ труповъ [2]). Царь Ѳедоръ, по словамъ автора, узналъ отъ В. Шуйскаго истину о смерти брата, но по своему

---

[1]) Начало разсказа сходно съ Милютинскимъ житіемъ и убійцы названы тѣ же; но самое преступленіе разсказано оригинально: „Они окоянные (убійцы) по ево Борисову ученію искаше времяни на свою погибель и присовокупиша къ своей прелести кормилицу царевича Дмитрія Ивановича именемъ Дарію, по прозвощу Митякову, и прелстиша ея лукавыми своими словами лес(т)но, чтобъ она царевича Дмитрія Ивановича вывела исъ царскихъ хоромъ на дворъ гулять. Она жъ окоянная жена по ихъ лстивымъ словамъ невкоторы(й) день, взявъ ево неповиннаго младенца за руку, и повела его за руку на дворъ гулять. И рече ему: поидемъ, государь, и погуляемъ на дворѣ! и дастъ на потѣшеніе орѣховъ. А мати его царица Марья Ѳеодоровна того она не вѣдала и была въ заднихъ хоромахъ. Царевичъ же по словеси кормилицы своей поиде съ нею на дворъ гулять. Они же окоянные и злые кровопійцы и святоубі(й)цы въ то время схоронишася на дворѣ подъ лѣсницу, на которой поиде царевичъ гулять, и они изостри неподобные свои руки на убивство неповиннаго младенца государя царевича Дмитрія Ивановича, аки звѣріе. И какъ царевичъ пошелъ по лѣсницѣ и будетъ посреде лѣсницы, и діякъ Мишка Битяговскі(й) скоро вскочилъ, аки ехидной злой (то-есть, змій) и ухватилъ его, незлобиваго младенца, сквозъ лѣсницу за ношки, сынъ же его Данилка за чес(т)ную его главу, аки злодѣи и душегубцы. Племянникъ же его Никита Качаловъ, вынявъ ножъ, и закололъ его, аки агнца непорочна и незлобиваго сущаго младенца. И напившеся окоянные крови его, царевича Дмитрія Ивановича, и пресече царскую младость, и повергоша его на землю мертва, а сами окоянные побѣжали кои куда и не увидѣли пути себѣ и дороги. И въ той часъ ослѣпи ихъ неповинная кровь непорочнаго агнца, не потерпѣла беззаконію ихъ. И нѣкая богоизбранная жена возвѣстила царицѣ Марьѣ Ѳеодоровнѣ о такомъ нелѣпомъ дѣлѣ. Она жъ государыня царица скоро исъ хоромъ побѣжала и увидѣла свое милое чадо на земли лежаща мертва“... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 5 об.—6.—Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 234, л. 3—3 об.—Далѣе разсказъ идетъ близко къ Милютинскому житію). По сравненію съ другими повѣствованіями объ убіеніи царевича Сказаніе рисуетъ совершенно новую картину убійства, и еслибъ эта картина находилась въ другомъ, менѣе легендарномъ памятникѣ, она получила бы значительный историческій интересъ. Въ баснословномъ же памятникѣ и она кажется баснословіемъ.

[2]) „Наша винность и наше дѣло (говорили убійцы): неповинная насъ кровь обличила. Послушали прелестника и богоотступника Бориса Годунова, его прелестными словами прелстилися на такое дѣло“. Авторъ Сказанія пользуется суевѣрнымъ разсказомъ Повѣсти 1606 г. о бѣсовскихъ играхъ надъ трупомъ самозванца и переноситъ его черты на убійцъ царевича (Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 6 об.—7; ркп. Q. IV. 234, лл. 6 об.—7 об.). Заимствуетъ онъ, кажется, кое-какія подробности и изъ Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 18); но не рѣшаемся утверждать этого категорически.

беззлобію не наказалъ Бориса, провидя Божью казнь на него [1]). Наконецъ, въ дополненіе къ краткимъ показаніямъ Милютинскаго житія о кончинѣ царя Ѳеодора, въ Сказаніи находимъ пространную легенду объ отравленіи его Борисомъ [2]) и нѣсколько замѣчаній объ избраніи Бориса, основанныхъ на „Повѣсти, како восхити“ и пр. [3]). Измѣнивъ и распространивъ показаніе житія о старцѣ Тихонѣ [4]), авторъ Сказанія основываетъ свое дальнѣйшее изложеніе почти исключительно на „Повѣсти, како восхити“ и гораздо менѣе измышляетъ самъ. Къ тексту Повѣсти прибавляетъ онъ между прочимъ извѣстіе о всенародномъ поруганіи тѣла Бориса [5]), о возвращеніи самозванцемъ сосланныхъ при Борисѣ лицъ, о замыслѣ самозванца избить бояръ [6]), и наконецъ заключаетъ свой трудъ баснословнѣйшимъ разсказомъ о погибели Лжедимитрія [7]).

---

[1]) Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 12; ркп. Q. IV. 234, л. 19—19 об.

[2]) Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 12 об.—14; ркп. Q. IV. 234, лл. 21 об.—23 об.—*Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I, стр. 409—410.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 366.—Въ данномъ случаѣ авторъ распространилъ извѣстіе Повѣсти 1606 года (Иное Сказаніе, стр. 29—30).

[3]) Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 14—15 об.; ркп. Q. IV. 234, лл. 24—25, 27 (листы этой послѣдней рукописи спутаны). Авторъ говоритъ, что по смерти мужа царица Ирина Ѳедоровна держала скипетръ „полтора года“; Борисъ же ея именемъ приказывалъ избрать себя на престолъ, хотя сестра и не благословляла его на царство. „И цѣлой годъ онъ царемъ не сидѣлъ на царскомъ престолѣ, понеже сестра его не благословила и не дала царскаго посоха.“ Вотъ до какой степени доходитъ историческое невѣжество автора Сказанія.

[4]) Имп Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 16; ркп. Q. IV. 234, лл. 26, 28.—*Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I, стр. 410.

[5]) Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 22 об.—23 об.; ркп. Q. IV, 234, л. 41—42.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XI, прим. 351.

[6]) Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 23 об.—24, лл. 26 об.—27 об.; ркп. Q. IV. 234, лл. 42 об.—43 об., лл. 49—51.—Въ разсказѣ о возвращеніи ссыльныхъ авторъ воспользовался, кажется, Хронографомъ 1617 года (Изборникъ, стр. 193—194): только изъ этого Хронографа могъ онъ взять извѣстіе, что Филаретъ былъ назначенъ въ Ростовъ при самозванцѣ.—О избіеніи же бояръ говорилъ онъ, очевидно, на основаніи не разъ нами упоминавшихся рѣчей Бучинскихъ.

[7]) Объемъ этого разсказа не дозволяетъ привести его цѣликомъ (Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 29—30; ркп. Q. IV. 234, л. 54—54 об.). Содержаніе его вкратцѣ таково: когда „всѣмъ омерзѣло“ поведеніе Разстриги, москвичи призвали въ Москву В. И. Шуйскаго и другихъ бояръ и „градскихъ

Историческаго значенія Сказаніе, конечно, имѣть не можетъ [1]); значеніе же историко-литературное, безъ сомнѣнія, имѣетъ. Изслѣдователь не будетъ пользоваться показаніями этой сплошной легенды, не свѣривъ ихъ съ ея источниками. Но онъ съ интересомъ отнесется къ литературнымъ пріемамъ баснословнаго повѣствованія: въ Сказаніи до мелочей можно прослѣдить отношеніе легенды къ ея фактическому матеріалу и можно такимъ образомъ возсоздать процессъ того творчества, какимъ исторія превращается въ сказку.

Обращаясь къ произведеніямъ, механически соединявшимъ отрывки разныхъ повѣстей и сказаній о смутѣ, мы ограничимся только перечнемъ ихъ и указаніемъ ихъ источниковъ. Перечень нашъ не можетъ быть полнымъ уже потому, что нѣтъ возможности собрать всѣ списки хронографовъ и позднихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ находятся компилятивные разсказы о смутѣ. Нѣтъ возможности, кромѣ того, установить въ спискахъ намъ извѣстныхъ какіе-нибудь точные типы компиляцій: каждая рукопись имѣетъ свои отличія, и даже повѣствованіе о смутѣ Хронографовъ 3-й редакціи распадается на большее число разрядовъ, чѣмъ тѣ три, какіе старался установить А. Н. Поповъ. Съ этихъ хронографовъ и начнемъ нашъ перечень.

1) Хронографы 3-й редакціи. „То, что мы называемъ третьею редакціею,—говоритъ А. Н. Поповъ,—характеризуется передѣлкою, по новымъ источникамъ, самой важной исторической части Хронографа,—въ русскихъ статьяхъ отъ царствованія Ѳеодора Ивановича до воцаренія Михаила Ѳеодоровича“ [2]). Русскія статьи въ третьей

людей“: всѣ они были разосланы въ заточеніе и ссылку самозванцемъ. Когда всѣ съѣхались, то москвичи всѣмъ городомъ „пріидоша обличать его (самозванца) на царскій дворъ“. Услыша шумъ, Лжедимитрій тотчасъ приготовился къ оборонѣ и послалъ по городу собирать своихъ приверженцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „узналъ свою погибель и нача непрестанно посылать изъ царскихъ полатъ и спрашивать: кой часъ и котораго часу четверть? И безпрестанно сидитъ за своею еретическою книгою, и дожидаетца своего смертнаго часу, и повелѣлъ запереть вси двери полатные накрѣпко“. Однако москвичи съ В. Шуйскимъ во главѣ „вырубиша двери“, нашли самозванца и „каменіемъ ево проклятого еретика побиша“. Ясно, съ какою прихотливою сказкою мы имѣемъ дѣло.

[1]) Помимо легендарности повѣствованія, Сказаніе не заслуживаетъ довѣрія и вниманія изслѣдователя, какъ памятникъ поздній. Оно основано на Милютинскомъ житіи, которое само возникло довольно поздно. Всѣ его извѣстные списки относятся къ XVIII вѣку, и языкъ памятника уже не похожъ на языкъ раннихъ повѣстей о смутѣ. Съ большимъ вѣроятіемъ поэтому можно относить Сказаніе или къ концу XVII, или же къ XVIII вѣку.

[2]) Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 147.

редакціи составлялись по тремъ источникамъ: Хронографу 1617 года, Сказанію Палицына и Иному Сказанію. Отрывки этихъ произведеній, взятые почти всегда дословно, присоединялись одинъ къ другому и составляли одно повѣствованіе, цѣль котораго заключалась въ возможно подробномъ описаніи событій. А. Н. Поповъ до послѣднихъ мелочей прослѣдилъ характеръ и порядокъ заимствованій Хронографовъ изъ этихъ источниковъ, и къ его труду мы съ своей стороны не можемъ прибавить ничего [1]). Но нельзя не замѣтить, что самъ же Поповъ далъ основаніе заподозрить справедливость своего дѣленія 3-й редакціи на три только разряда. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на такъ-называемомъ Мухановскомъ хронографѣ и замѣтилъ, что онъ заключаетъ въ себѣ „важные варіанты" сравнительно съ третьимъ разрядомъ 3-й редакціи [2]). Дѣйствительно, Хронографъ Муханова отличается отъ всѣхъ разрядовъ, указанныхъ Поповымъ, хотя и составленъ по тѣмъ же тремъ источникамъ, какъ и прочіе разряды [3]). Мы могли бы поэтому назвать его четвертымъ разрядомъ 3-й редакціи Хронографа.

2) Хронографъ Императорской Публичной Библіотеки F. IV. 165, возникшій не ранѣе половины XVII вѣка [4]), представляетъ собою попытку изложить исторію смуты по Хронографу 1617 года, Повѣсти Катырева-Ростовскаго и грамотѣ Шуйскаго о первомъ

---

[1]) Обзоръ хронографовъ, II, стр. 150—173, 173—198, 198—214.—Изборникъ, стр. 213—246, 257—281.—Очень рѣдкія дополненія къ источникамъ, сдѣланныя въ первомъ разрядѣ 3-й редакціи, всѣ указаны Поповымъ (Обзоръ хронографовъ, II, стр. 152.—Изборникъ, стр. 215, 216—218, 239).—Отрывки Хронографа 3-й редакціи издали, кромѣ Попова: гр. *Растопчинъ* (Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ, стр. 79—132.—См. Обзоръ хронографовъ, стр. 198—199, № 4 и № 5) и *И. Д. Бѣляевъ* (Иное Сказаніе, стр. 81—146, — по ркп. изъ собранія Ундольскаго № 725).

[2]) Мухановскій хронографъ—въ рукописяхъ Археографич. Коммиссіи, № 142 (XVIII в., въ листъ, 895 лл.). Отзывъ о немъ Попова — въ *Лѣтописи занятій Археографич. Коммиссіи*, V, отд. IV, стр. 158—159.

[3]) Въ Мухановскомъ хронографѣ глава о царствованіи Θеодора Ивановича начинается первыми словами Повѣсти 1606 года, тогда какъ третій разрядъ пропускаетъ эти слова. Послѣ статьи третьяго разряда „о чудеси, бывшемъ во царство Василія царя", вставлены 66, 67, 68 и 71-я главы Сказанія Палицына. Послѣ статьи „о Гермогенѣ патріархѣ" вставлены 69 и 70-я главы Палицына (См. Обзоръ хронографовъ, II, стр. 207, 212, 213). Таковы, между прочимъ, отступленія Мухановскаго хронографа отъ третьяго разряда 3-й редакціи, съ которымъ думаетъ его сблизить А. Н. Поповъ.

[4]) Обзоръ хронографовъ, II, стр. 258.—Изборникъ, стр. 404—412.

самозванцѣ. Его глава „о Ростригѣ" есть собраніе отрывковъ изъ всѣхъ этихъ источниковъ. Глава „царство Ростриги" начинается по Хронографу, продолжается изложеніемъ грамоты Шуйскаго и кончается опять отрывками Хронографа [1]). Глава „царство царя Василія" послѣ вступительной фразы изъ Хронографа излагаетъ ту же грамоту Шуйскаго; дальнѣйшее же повѣствованіе заимствовано уже исключительно изъ Хронографа 1617 года.

3) Погодинскій сборникъ № 1578 заключаетъ въ себѣ краткую лѣтопись, статьи которой о смутѣ сокращенно излагаютъ „Сказаніе, еже содѣяся", дополняя его отдѣльными фразами Сказанія Палицына [2]).

4) Погодинскій сборникъ № 1616, кромѣ разобраннаго уже нами разсказа о событіяхъ смуты, одинаковаго съ Погодинскимъ хронографомъ № 1465, содержитъ въ себѣ еще одно повѣствованіе о смутѣ подъ не совсѣмъ точнымъ названіемъ „О убіеніи благовѣрнаго царевича великаго князя Димитрія" [3]). Начало повѣствованія — по Сказанію Палицына; затѣмъ слѣдуютъ отрывки какого-то оригинальнаго произведенія, извѣстные Карамзину,—о голодѣ при Борисѣ Годуновѣ [4]). Прочее же повѣствованіе составлено по краткой редакціи „Сказанія, еще содѣяся". Отступленіе отъ нея только одно—въ оригинальномъ извѣстіи о ссылкѣ Годуновыхъ при самозванцѣ [5]).

5) Отрывокъ Соловецкаго хронографа о ссылкѣ Романовыхъ [6]) состоитъ въ первой половинѣ изъ пересказа словъ Авраамія

---

[1]) Изборникъ, стр. 406—410, стр. 192—194.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48.—Иное Сказаніе, стр. 42 и слѣд.

[2]) Ркп. Имп. Публ. Библ., XVII в., въ 4-ку, 174 лл., лл. 95—119.—Отрывки приведены *А. Ѳ. Бычковымъ* въ Описаніи церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, I, стр. 155—157 (Фразы Палицына на стр. 156: „тако жъ Рострига и по граду всегда со многимъ воинствомъ"... „И прежъ спряженія браку"... Слич. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 26, 28).

[3]) Ркп. Имп. Публ. Библ., XVIII в., въ 4-ку, 385 лл., лл. 76—97.—Отрывки приведены *А. Ѳ. Бычковымъ* въ Описаніи церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, I, стр. 468—470, § 4.

[4]) Лл. 77 об.—78 об. (у *Бычкова* стр. 468).—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XI, прим. 164 и 168. — Карамзинъ бралъ эти показанія изъ незнакомой намъ „Повѣсти о зломъ еретикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ". Интересъ отрывковъ о голодѣ—въ томъ, что они писаны очевидцемъ: „то бо мы сами видѣхомъ своима очима" (у Карамзина: „то бо есмь азъ видѣхъ своима очима").

[5]) Л. 86 (у *Бычкова* стр. 460).

[6]) Изборникъ, стр. 437—438, и предисловіе (подобная же статья въ ркп. гр. Ѳ. А. Толстова, отд. I, № 67).

Палицына, а во второй—повторяетъ извѣстія Новаго Лѣтописца, видоизмѣняя ихъ форму [1]). Оригинальны неизвѣстно откуда взятое показаніе о смерти Льва Романова и панегирикъ Филарету [2]).

6) Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 159 заключаетъ въ себѣ не имѣющій заглавія и замѣчательный по отсутствію системы разсказъ о смерти и погребеніи царя Θеодора, о появленіи самозванца и затѣмъ о слѣдствіи по поводу смерти царя Димитрія. Все изложеніе буквально слѣдуетъ Житію царя Θеодора и Новому Лѣтописцу. Нѣкоторому сокращенію подверглись только подробности погребенія царя Θеодора [3]).

7) Исторія, како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь Богъ праведное свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Росіи, и т. д. [4]). Это—описаніе всей смутной эпохи, составленное на основаніи Хронографа 2-й редакціи, Палицына и Иного Сказанія. Есть основаніе думать, что авторъ пользовался показаніями своихъ источниковъ уже въ передачѣ 3-й редакціи Хронографа, потому что приводитъ одно изъ тѣхъ рѣдкихъ извѣстій, которое составитель 3-й редакціи присоединилъ къ своимъ источникамъ [5]). За разсказомъ о смутѣ въ Исторіи слѣдуютъ погодныя извѣстія о времени послѣдующемъ, до царствованія царя Алексѣя.

8) Морозовскій Лѣтописецъ [6]), благодаря частымъ ссылкамъ

---

[1]) Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 8.—Ник. Лѣт. VIII, 44.

[2]) Еще одинъ лѣтописный отрывокъ о томъ же времени Бориса Годунова былъ изданъ И. Д. Бѣляевымъ (*Архивъ ист.-юр. свѣдѣній Калачова*, I, отд. VI, стр. 30—31). Бѣляевъ ошибочно думалъ, что издавалъ неизвѣстный текстъ: приведенныя имъ извѣстія почти дословно заключаются въ Сказаніи Палицына (изд. 2-е, стр. 8 и 20).

[3]) Ркп. XVIII в., въ 4 д., 71 лл., лл. 58—69 об. Заимствованія идутъ въ такомъ порядкѣ страницъ Никоновой лѣтописи: т. VII, 347, 350, 352—355, 355—357; т. VIII, 54—57, 17—20.

[4]) Ркп. гр. Уварова (изъ собранія И. Н. Царскаго № 415), въ 4 долю, XVII вѣка (около 1661 г.), 124 лл., лл. 76—101. Нач.: „Благочестивому и храброму во царѣхъ...“.

[5]) Л. 76 об. (Изборникъ, стр. 215,—объ отравленіи Гр. В. Годунова).

[6]) Списокъ, кажется, единственный находится въ Имп. Публ. Библ. F. IV. 228, въ листъ, 140 лл.; рукопись принадлежала купцамъ Морозовымъ, а затѣмъ гр. Θ. А. Толстому (отд. I, № 447), отъ котораго и имѣлъ его Карамзинъ (Ист. Гос. Росс., IX, прим. 328). Карамзинъ относилъ рукопись къ XVII вѣку; Строевъ же и Калайдовичъ относили къ XVIII (Второе прибавленіе къ Описанію рукописей гр. Толстова, стр. 17—18). Первая половина рукописи занята краткимъ лѣтописцемъ, вторая (лл. 74 об.—140)—описаніемъ смуты.

на него Карамзина, получилъ значительную извѣстность и обратилъ на себя вниманіе и другихъ историковъ смуты [1]). На самомъ же дѣлѣ значеніе этого памятника для исторіи смутной эпохи ничтожно: онъ представляетъ собою компиляцію, безхитростно соединившую отрывки Повѣсти Катырева, „Сказанія, еже содѣяся", „Сказанія о царствѣ гос. и в. кн. Θеодора Ивановича" и Сказанія Палицына. Въ первой части разсказа о смутѣ, при описаніи царствованія Θеодора, Бориса и Лжедимитрія, авторъ пользовался всѣми этими источниками, причемъ поступалъ такъ: переписывая извѣстіе одного памятника дословно, на поляхъ страницы присоединялъ къ нему извѣстіе другаго писателя также въ дословной передачѣ. Въ этомъ собраніи отрывковъ наибольшее мѣсто занимаютъ баснословныя сказанія, свидѣтельства же Катырева и Палицына только дополняютъ ихъ разсказъ [2]). При описаніи же царствованія Шуйскаго и дальнѣйшей смуты (до освобожденія Москвы) составитель прямо списалъ Повѣсть Катырева безъ всякихъ дополненій. Карамзинъ, не знавшій ни Повѣсти Катырева, ни „Сказанія о царствѣ" и пр., имѣлъ полное основаніе смотрѣть на Морозовскій Лѣтописецъ съ большимъ интересомъ; въ настоящее же время такого основанія нѣтъ.

9) Лѣтописецъ Имп. Публ. Библіотеки F. XVII. 17 [3]) представляетъ собою подобную Морозовскому Лѣтописцу попытку соединить повѣствованіе различныхъ источниковъ, сопоставляя иногда ихъ пока-

[1]) На Морозовскій Лѣтописецъ дѣлали указанія *С. М. Соловьевъ* (Ист. Россіи, VII, прим. 79, 82, 127) и *Бутурлинъ* (Исторія смутнаго времени, I, стр. 8, 78, 277).

[2]) Дополненій, не заключающихся въ названныхъ нами источникахъ Лѣтописца, почти нѣтъ. Мы успѣли замѣтить только, что въ Лѣтописцѣ очень распространено простое извѣстіе Палицына о томъ, что Марѳа Нагая „прельстилась" и назвала самозванца сыномъ (Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 24.— Мороз. Лѣт., л. 109 об.). Кромѣ того, составитель Лѣтописца внесъ ту самую обличительную рѣчь Гермогена по поводу женитьбы самозванца, которую прибавилъ Шаховской къ даннымъ Катырева и которую мы привели цѣликомъ при разборѣ Повѣстей Шаховскаго въ IV главѣ (Мороз. Лѣт., л. 116). Наконецъ, любопытна слѣдующая приписка составителя Лѣтописца: „Старыя люди говорятъ, яко на Красной площади (въ Москвѣ) были десять церквей и наречены были Пятницы. И отъ простыхъ поселянскихъ женъ, приходяще къ Москвѣ изъ селъ, молящеся имъ, и отъ того обыкоша говорити: осмая, и девятая, и десятая пятница".

[3]) Ркп. изъ собранія гр. Толстова (отд. I, № 198), XVII в., въ листъ, 483 лл., Лѣтописецъ на лл. 267—483. Имъ пользовался *Соловьевъ* (Ист. Россіи, VIII, прим. 60).

занія рядомъ въ видѣ отдѣльныхъ разсказовъ объ одномъ и томъ же фактѣ. Въ основаніе Лѣтописца положены статьи Хронографа 1617 года и дополнены извѣстіями Новаго Лѣтописца и Авр. Палицына. Между прочимъ составитель Лѣтописца сохранилъ намъ въ краткомъ пересказѣ неизвѣстное сказаніе о небесномъ знаменіи 1613 года [1]); другихъ же дополненій къ источникамъ онъ, насколько можемъ судить, не дѣлалъ.

10) Рукопись Имп. Академіи Наукъ № 46 [2]) является очень интереснымъ памятникомъ, въ которомъ видно стремленіе собрать данныя для исторіи всего XVII вѣка. Начинается повѣствованіе описаніемъ московскаго разоренія, освобожденія Москвы и царствованія Михаила. Оно взято цѣликомъ изъ позднѣйшаго извода Новаго Лѣтописца [3]). Затѣмъ, послѣ краткихъ замѣчаній о времени царей Алексѣя и Ѳеодора, помѣщены Записки Сильвестра Медвѣдева. Къ показаніямъ Новаго Лѣтописца нѣтъ рѣшительно никакихъ дополненій [4]).

Этими замѣчаніями мы и можемъ закончить нашу рѣчь о компилятивныхъ произведеніяхъ [5]). Переходимъ къ послѣднему виду памятниковъ, касающихся исторіи смуты,—къ сказаніямъ мѣстнымъ.

---

[1]) Л. 471: „Обрѣтохомъ же нѣгдѣ *въ особныхъ писаніихъ* предивное сіе знаменіе 121 (1613) году, іюля въ“ „день, на исходѣ 17 часу дни“.... Знаменіе состояло въ томъ, что на солнце напали два звѣря „зракомъ яко змій великъ“ и „яко медвѣдь великій“. Они рвали солнце на куски и уже едва не истребили его совсѣмъ, но, наконецъ, исчезли, и солнце засіяло по прежнему. Ясна аналогія солнца съ погибавшей и только что ожившей Москвой, но прямаго толкованія знаменія въ Лѣтописцѣ нѣтъ.

[2]) Ркп. XVIII вѣка (не позже 1761 года), въ листъ, 10+186 лл. (см. *Соколова* Каталогъ обстоятельный рукописей Имп. Академіи Наукъ, стр. 16).

[3]) Новый Лѣтописецъ по списку кн. Оболенскаго. М. 1853, стр. 144—190 (съ главы 161-й и до конца).

[4]) Любопытно, что и та рукопись, съ которой издалъ кн. Оболенскій свой Новый Лѣтописецъ, имѣла такой же приблизительно составъ, какъ и рукопись Академіи Наукъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ ней заключался весь текстъ Новаго Лѣтописца (Предисловіе къ Лѣтописцу Оболенскаго, III).

[5]) Кругъ извѣстныхъ намъ сколько-нибудь любопытныхъ произведеній будетъ исчерпанъ, если мы укажемъ на двѣ рукописи, изслѣдовать которыя съ желаемою точностью намъ не пришлось. Обѣ онѣ принадлежатъ Имп. Публ. Библіотекѣ. Первая (Погодинск. № 1624) описана *А. Ѳ. Бычковымъ* (Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ, I, стр. 411—415, § 13) и повѣствуетъ о смутѣ на основаніи Житія царя Ѳеодора и Сказанія Палицына. Въ другой же (Q. IV. 139, или, по каталогу Ѳ. А. Толстова, отд. II, № 101)—находится краткій „Лѣтописецъ великія земли Россійскія“, доведенный до 1700 года: его повѣствованіе о смутѣ

III. О мѣстныхъ сказаніяхъ, повѣствующихъ о смутѣ, мы можемъ предложить лишь самыя краткія замѣтки. Намъ не удалось ознакомиться со всѣми ихъ списками, извѣстными по описаніямъ библіотекъ и древлехранилищъ. Поэтому подборъ текстовъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, довольно случаенъ, и нельзя ручаться, что намъ удалось исчерпать весь археографическій матеріалъ этого рода. Съ другой стороны изученіе многихъ изъ мѣстныхъ сказаній затрудняется самымъ свойствомъ ихъ содержанія: для надлежащаго уразумѣнія его необходимо знакомство съ мѣстной топографіей и исторіей, которое не всегда въ средствахъ изслѣдователя. Вотъ почему мы сознательно придавали лишь второстепенное значеніе въ нашемъ трудѣ тѣмъ извѣстіямъ о смутѣ, которыя или повѣствуютъ о событіяхъ, имѣвшихъ только мѣстный интересъ, или носятъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго творчества.

Обиліе извѣстій о смутѣ находимъ мы въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. На ряду съ простыми лѣтописными замѣтками о фактахъ смутнаго времени [1]), находятся здѣсь и отдѣльныя сказанія. Таково въ „Лѣтописцѣ новгородскомъ церквамъ Божіимъ" сказаніе О взятіи великаго Новагорода отъ Нѣмецъ, отмѣченное печатью правдивости и, очевидно, раннее [2]). Къ нему приписана статья О взятіи Новгородскомъ и о послѣхъ, дословно заимствованная изъ Но-

---

довольно кратко и составлено по хронографамъ и Сказанію Палицына, на которое дѣлаются прямыя указанія (л. 316). Изъ этого Лѣтописца взятъ разсказъ протопопа Терентія о видѣніи 1606 года, напечатанный въ *Лѣтописи занятій Археографич. Коммиссіи*, I, отд. II, стр. 52—56.—Кончая нашу рѣчь о второстепенныхъ трудахъ по исторіи смуты, не можемъ не упомянуть о трудѣ переводномъ. Въ концѣ XVII в. на русскій языкъ переведена была польская Хроника бискупа Павла Пясецкаго (съ конца XVI вѣка по 1637 годъ), и переводъ ея сохранился въ ркп. Имп. Публ. Библ. F. IV. 163 (изъ собранія гр. Ѳ. А. Толстова, отд. I, № 17). Съ этого списка отрывки Хроники изданы Имп. Обществомъ Любителей Др. Письменности подъ редакціей арх. *Леонида* (Памятники древней письменности. Смутное время и московско-польская война. С.-Пб. 1887).

[1]) Такія замѣтки внесены въ „Краткій Лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ" (П. Собр. Р. Лѣт. III, 187.—Новгородскія Лѣтописи. С.-Пб. 1879, стр. 149—150) и въ „Лѣтописецъ новгородскій церквамъ Божіимъ" (П. Собр. Р. Лѣт. III, 264 —Новг. Лѣт., 350—351). Не можемъ считать особенно пригоднымъ историческимъ источникомъ Дворищенскаго Лѣтописца, дѣлающаго ссылки на историческіе труды прошлаго вѣка (Новг. Лѣт., 449—456, и особенно 455; 470—475, и особенно 474).

[2]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 264—266.—Новг. Лѣт., 352—355.

ваго Лѣтописца [1]). Въ томъ же Лѣтописцѣ церквамъ Божіимъ помѣщено и Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря въ 1613 году, существующее въ отдѣльныхъ спискахъ въ болѣе пространномъ видѣ. Сличая текстъ краткаго Сказанія, занесеннаго въ Лѣтопись [2]), съ текстомъ пространнаго, существовавшаго отдѣльно [3]), легко замѣчаемъ, что они близки между собою. Краткое Сказаніе написано, по всѣмъ признакамъ, очевидцемъ Тихвинской осады, очень просто, хотя и литературнымъ языкомъ. Пространное же Сказаніе передѣлало разсказъ краткаго въ риторическую напыщенную Повѣсть, не внесло собственно въ исторію осады ничего фактически новаго, за то стерло многія цѣнныя подробности событій и къ изложенію осады прибавило вступленіе, заимствованное изъ Хронографа 1617 года и Новаго Лѣтописца [4]).

[1]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 266—267.—Новг. Лѣт., 355—357.—Ник. Лѣт. VIII, 168—170.—Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы эта статья была перенесена въ Новый Лѣтописецъ изъ Новгородскаго свода. Начало ея („В то же время...") совершенно понятно въ первомъ памятникѣ и непонятно во второмъ, гдѣ уже были разсказаны событія болѣе позднія, чѣмъ приходъ шведовъ на Хутынь: вотъ почему составитель Новгородскаго свода и счелъ нужнымъ вставить отъ себя слово *какъ* („Въ то же время, какъ..."). Въ Новомъ Лѣтописцѣ статья о взятіи Новгорода и слогомъ и степенью подробности гармонируетъ совершенно съ рядомъ другихъ извѣстій о новгородскихъ дѣлахъ. Собиратель же Новгородскаго свода о штурмѣ Новгорода имѣлъ болѣе подробныя извѣстія въ мѣстномъ сказаніи, а къ Новому Лѣтописцу обратился за свѣдѣніями о капитуляціи новгородцевъ и о посольствѣ ихъ въ Швецію: этихъ свѣдѣній онъ, очевидно, не нашелъ на мѣстѣ. Перенося изъ Новаго Лѣтописца статью цѣликомъ, онъ оставилъ въ ней всѣ выраженія своего источника—и о жителяхъ Новгорода писалъ „новгородцы" (такъ называлъ ихъ посторонній Новгороду авторъ Новаго Лѣтописца), а раньше онъ выражался о нихъ иначе: „людіе Великаго Новаграда", „людіе христіанстіи".

[2]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 267—273.—Новг. Лѣт., 357—373.

[3]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 283—305 и 206.—Новг. Лѣт., 405—448 и XX—XXI (здѣсь текстъ полнѣе).—Списки въ Имп. Публ. Библіотекѣ: рки. Погодинск. № 1601, XVII в., въ 4-ку, 147 лл., лл. 88—120, и рки. Погодинск. № 1619, XVII в., въ 12 д., 176 л., лл. 96—176 (*А. Ѳ. Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ, I, стр. 238—239, 397.—*Москвитянинъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 137—138).—Это Сказаніе составлено въ 1658 году Иродіономъ Сергѣевымъ иконникомъ, вѣроятно, Тихвинскаго монастыря (Новг. Лѣт., XXI.—Впрочемъ, существуетъ мнѣніе, что въ 1658 г. Сказаніе было только переписано съ болѣе ранней рукописи: Ист.-статистич. описаніе первокласснаго Тихвинскаго Богородицкаго монастыря. С.-Пб. 1859, стр. 16—31 и прим. 19).

[4]) Сравн. Изборникъ, стр. 197 и 203, съ первой статьей Сказанія („Всякое слово побѣждается...") и съ главой его „О пріятіи царств. града Москвы" (II.

И въ Псковскихъ лѣтописяхъ находится много извѣстій о смутномъ времени. Къ такъ-называемой Первой Псковской лѣтописи приписанъ длинный рядъ замѣтокъ по годамъ, то краткихъ, то переходящихъ въ очень подробные разсказы о мѣстныхъ дѣлахъ [1]). Въ нѣкоторыхъ же спискахъ этой лѣтописи взамѣнъ разсказа по годамъ находимъ отдѣльныя сказанія о смутѣ. Первое изъ нихъ— О прежнемъ пришествіи нѣмецкомъ и о нынѣшнемъ на Новгородскую землю—заключаетъ въ себѣ рядъ очень бѣглыхъ замѣтокъ касательно смутнаго времени и интересный разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Псковомъ въ 1615 году [2]). Другое—О нашествіи Литвы на Печерскій монастырь во Псковской области—представляетъ собою, вѣроятно, извлеченіе изъ полной Повѣсти о Псково-Печерскомъ монастырѣ, съ составомъ которой намъ не удалось ознакомиться [3]). Далѣе, въ Первой Псковской лѣтописи слѣдуютъ два извѣстныхъ сказанія, достаточно характеризованныхъ С. М. Соловьевымъ [4]). Сказаніе О бѣдахъ и скорбѣхъ и напастѣхъ, иже

Собр. Р. Лѣт. III, 283—284, 285. —Новг. Лѣт., 405—407, 408: главы 25 и 27).— Сравн. Ник. Лѣт. VIII, 168—169, и главу Сказанія „О взятіи Великаго Новаграда“ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 284—285.—Новг. Лѣт., 407—408: глава 26). Всѣ дополненія пространнаго Сказанія къ краткому носятъ характеръ риторическій или агіографическій. Только въ главахъ 28 и 29 (П. Собр. Р. Лѣт. III, 285—286.—Новг. Лѣт., 408—411) находимъ фактическія добавленія изъ источника, намъ неизвѣстнаго (сравн. Ник. Лѣт. VIII, 205, 208).

[1]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 321—332.—Псковская Лѣтопись, изд. Погодинымъ М. 1837, стр. 213—235.—Можно думать, что первоначально этотъ изводъ Первой Псковской лѣтописи кончался извѣстіемъ о сожженіи Москвы въ 1611 году и словами „Царства царя Василья полчетверта лѣта“ (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 322). Это видно изъ того, что послѣдующія извѣстія снова возвращаются къ царю Василію и говорятъ о немъ уже подробнѣе. Въ другомъ изводѣ Первой Псковской лѣтописи (о немъ см. П. Собр. Р. Лѣт., IV, 171, 307, 342—345; V, 49—74) погодныя замѣтки замѣнены рядомъ отдѣльныхъ сказаній, о которыхъ рѣчь ниже.

[2]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 51—54.

[3]) Повѣсть о Псково-Печерскомъ монастырѣ издана подъ названіемъ: „Повѣсть о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря, взятая изъ древнихъ Лѣтописцевъ, обрѣтающихъ въ книгохранительницѣ онаго монастыря“ (изданіе 2-е. Псковъ. 1849). Но въ ней нѣтъ статей, касающихся смуты. О рукописныхъ текстахъ, составѣ и происхожденіи Повѣсти см. *Ключевскаго* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 249—250 и 315—316; также *Строева* Библіол. Словарь, стр. 378—380, и *Москвитянинъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 139.

[4]) Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 428—431 и 431—436.

бысть въ Велицѣй Росіи, [1])—обнаруживаетъ въ своемъ авторѣ псковича низшихъ классовъ общества, писавшаго о московскихъ событіяхъ „по стоустой молвѣ народной", какъ выражается Соловьевъ. Онъ внесъ въ свое повѣствованіе много басенъ, примѣромъ которыхъ можетъ служить его разсказъ о сверженіи Шуйскаго. Явная противобоярская тенденція и довольно позднее происхожденіе Сказанія, писаннаго далеко не въ самую смуту [2]) вмѣстѣ съ его баснословностью не позволяютъ придавать большую цѣну его показаніямъ. Сказаніе о смятеніи, междоусобіи и отступленіи Псковичь отъ Московскаго государства [3]) болѣе предыдущаго занимается мѣстными дѣлами и въ своихъ сообщеніяхъ часто сближается съ текстомъ другаго извода Первой Псковской лѣтописи. Нельзя однако прослѣдить прямой литературной связи между обоими памятниками. Какъ уже выяснилъ С. М. Соловьевъ, они отличаются другъ отъ друга основною точкой зрѣнія. Въ то время, какъ авторъ погодныхъ замѣтокъ отличался безпристрастіемъ, авторъ „Сказанія о смятеніи" и пр. былъ настроенъ противъ „смердовъ самовластія", не разъ наступавшаго во Псковѣ, и держалъ сторону „нарочитыхъ мужей" псковскихъ. И съ литературной стороны онъ былъ самостоятеленъ: хотя его Сказаніе знаетъ фактъ 144 (1636) года [4]) и, стало быть, поздно приняло окончательную редакцію, однако въ немъ можно найдти много впечатлѣній очевидца, записанныхъ совершенно независимо отъ погодныхъ замѣтокъ, названныхъ нами.

Въ такъ-называемой Повѣсти о явленіи чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы, иже нарицается Курская [5]), находимъ стремленіе составить исторію города Курска съ его основанія. Нѣсколько главъ этой исторіи посвящено и общерусскимъ событіямъ въ смуту. Изъ нихъ только двѣ главы („О взятіи сего образа изъ

---

[1]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 55—66.

[2]) Послѣднее извѣстіе Сказанія, изложенное съ общей тенденціозной точки зрѣнія, касается смерти Маріи Долгорукой, жены царя Михаила. Она умерла въ 1625 году (Дворц. Разряды, I, 658.—Ник. Лѣт. VIII, 248); стало быть, ранѣе этого года не могло быть написано Сказаніе.

[3]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 66—73.

[4]) П. Собр. Р. Лѣт. V, 73

[5]) *Москвитянинъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 138—139. Списка, принадлежавшаго Погодину, мы не знаемъ и пользовались спискомъ Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10 (изъ собранія гр. Ѳ. А. Толстова, отд. V, № 13, новаго письма, въ 4-ку, 112 лл.). Другой списокъ въ библіотекѣ гр. Уварова (изъ собранія Царскаго № 548, въ 4-ку, 1744 г., 133 лл.).

града Курска во градъ Путивль" и „О нашествіи на сію страну гетмановъ" и т. д.) [1]) даютъ нѣсколько новыхъ, хотя и скудныхъ чертъ для исторіи перваго самозванца и для московско-польской войны 1618 года. Остальныя же подробности о смутѣ заимствованы у Авр. Палицына [2]), на котораго ссылается самъ авторъ, и изъ Хронографа 1617 года [3]).

Если мы помянемъ еще Сказаніе о нашествіи поляковъ на Устюжну Желѣзопольскую [4]), отрывки изъ Угличскаго Лѣтописца [5]), Сказаніе о разореніи Пафнутьева монастыря [6]) и Лѣтописцы Двинскій и Нижегородскій [7]),—то исчерпаемъ всѣ тексты мѣстныхъ сказаній о смутѣ, какіе были въ нашихъ рукахъ. Еще разъ рѣшаемся повторить, что не смотримъ на нашъ перечень какъ на полный сводъ того мѣстнаго матеріала о смутѣ, которымъ въ настоящую минуту можетъ располагать наша исторіографія.

С. Платоновъ.

---

[1]) Рки. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, лл. 51—52, лл. 68 об.—80.

[2]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, л. 60 об.: „въ книзѣ списано о семъ Троицкаго келаря Авраміа Палицына".

[3]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, л. 33: „А ржи четверть купили"... Изборникъ, стр. 190.

[4]) Русск. Ист. Библіотека, II, № 187, ст. 793—814.

[5]) *Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1867 годъ, № 9—№ 21, стр. 70—168 (Часть неофиціальная). — Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 54, конца XVIII в., въ 4-ку, 48 лл., лл. 1—32.—Оба текста не даютъ точнаго понятія о настоящемъ составѣ и времени происхожденія Лѣтописца.

[6]) Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XI, стр. 419—422.—Составитель ошибочно отнесъ событіе къ 1606 году (вмѣсто 1610) и невѣжественно соединилъ два отрывка Новаго Лѣтописца о Тушинскомъ ворѣ и Лжепетрѣ (Ник. Лѣт. VIII, 136—137 и 87—88).

[7]) Двинскій Лѣтописецъ въ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XVIII, стр. 1—71 статьи о смутѣ на стр. 16—22).—Нижегородскій Лѣтописецъ, напечатанный первоначально въ томъ же томѣ Др. Росс. Вивліоѳики (стр. 72—94), изданъ отдѣльно *А. С. Гацискимъ* („Нижегородскій Лѣтописецъ". Н.-Новг. 1886. Извѣстія о смутѣ на стр. 36—50).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новый взглядъ на государственную дѣятельность Перикла.

Max. Duncker. Geschichte des Alterthums. Neue Folge. I—II Band. Leipzig. 1884—1886.

До сихъ поръ въ исторической наукѣ господствовала, можно сказать, исключительно та точка зрѣнія на Перикла, которую установилъ Ѳукидидъ. Характеристика, посвященная послѣднимъ своему знаменитому современнику, принималась безусловно такими историками какъ Гротъ, Курціусъ, Ранке (въ „Weltgeschichte"), не говоря уже о Герцбергѣ и Адольфѣ Шмидтѣ, авторѣ спеціальной монографіи о Периклѣ [1]) и особенно преклоняющемся предъ своимъ героемъ. Такъ, приведя эту характеристику, Шмидтъ прямо заявляетъ, что она должна служить путеводною звѣздою нашего собственнаго сужденія, масштабомъ нынѣшняго изслѣдованія, и все, что̀ находится въ явномъ противорѣчіи съ нею, должно быть безусловно отвергнуто (p. 11). А Курціусъ, напримѣръ, характеризуя Перикла и касаясь нападокъ на него въ древности, говоритъ: „Тѣмъ болѣе признательны мы единственному историку, давшему намъ возможность узнать, не смотря на всѣ искаженія, первоначальныя черты образа Перикла; тѣмъ отраднѣе становится для насъ задача съ изумленіемъ изучать, опираясь на Ѳукидида, всѣ слѣды, которые великій духъ Перикла оставилъ въ исторіи своего народа" („Ист. Греціи", II, 342).

Но въ послѣднее время, судя по нѣкоторымъ признакамъ, въ нѣмецкой ученой литературѣ совершается поворотъ въ другую сторону:

[1]) Perikles und sein Zeitalter. Iena. 1877.

является попытка подвергнуть строгой критикѣ точку зрѣнія Ѳукидида на Перикла. Такъ, одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей по средневѣковой исторіи, Pflugk-Harttung, въ своей книгѣ: „Perikles als Feldherr", вышедшей въ 1884 г., находя свидѣтельство Ѳукидида пристрастнымъ, старается доказать несостоятельность Перикла, какъ полководца и даже какъ государственнаго дѣятеля [1]). Такого же взгляда держится и Максъ Дункеръ въ послѣднихъ двухъ томахъ своей столь извѣстной „Исторіи древняго міра". Трудъ этотъ доставилъ славу Дункеру. Это главное произведеніе его жизни; надъ нимъ онъ работалъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, постоянно исправляя и дополняя его. „Geschichte des Alterthums" впервые вышла еще въ 1852 г. и съ тѣхъ поръ выдержала нѣсколько изданій, изъ которыхъ послѣднія представляютъ, можно смѣло сказать, совершенно новый трудъ—такъ велики тутъ измѣненія и дополненія, сдѣланныя авторомъ: изложенію исторіи древняго Востока и Греціи до битвы при Платеѣ, вмѣсто прежнихъ 4 томовъ, посвящено здѣсь цѣлыхъ 7. Въ послѣдніе годы престарѣлый авторъ рѣшился продолжать свой трудъ; въ 1884 г. вышелъ 8-й томъ („Die Gründung der Macht Athens und der erste Krieg mit den Peloponnesiern"), а въ январѣ 1886 г.—9-й („Die Staatsleitung des Perikles"), составлявшіе начало „Новой серіи„ („Neue Folge"); но 9-го (21-го) іюля прошлаго года 75-лѣтняго историка постигла смерть, и такимъ образомъ его „Исторія древняго міра" остается не оконченною; она доведена лишь до смерти Перикла.

Многихъ безспорныхъ достоинствъ книги Дункера, на которыя указываетъ, между прочимъ, Гольмъ (Holm) въ своей рецензіи [2]), мы

---

[1]) Образцомъ тона автора могутъ служить слѣдующія фразы (по поводу избранія Перикла вновь въ стратеги послѣ осужденія): по Pflugk-Harttung'y, „ging es den Athenern fast wie einem Mädchen, das sich in dem Geliebten zwar getäuscht sieht, aber nicht mehr recht ohne ihn leben kann.—Doch Ansehen und Vertrauen scheinen geknickt gewesen zu sein". См. рецензію *Пёльманна* въ *Hist. Zeitschr.*, 1886, 2-tes Heft.

[2]) *Berliner philologische Wochenschrift*, 15 mai, 1886, № 20, p. 622—628. Вотъ, напримѣръ, заключительныя слова этой рецензіи: „Die Menge der einzelnen Beiträge zur Geschichte der Zeit, welche der Band enthält, hier aufzuzählen ist unmöglich. Es kann hier vielfach im einzelnen Widerspruch erhoben werden; aber es ist immer anzuerkennen, dass die Ansichten Dunckers wohlerwogen sind und stets mit dem Ganzen seiner Darstellung im trefflichsten Zusammenhang stehen. Wir stehen an nicht, den vorliegenden Band für die glänzendste Leistung zu erklären, die seit lange auf dem Gebiete der griechischen Geschichte

не будемъ здѣсь касаться, а въ виду извѣстности автора и несомнѣнной оригинальности его взгляда, остановимся подробнѣе на его характеристикѣ Перикла, которая такъ идетъ въ разрѣзъ съ общепринятою, и разсмотримъ, на сколько основательны тѣ доводы, которые приводитъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Въ первый разъ Дункеръ характеризуетъ Перикла рядомъ съ Эфіальтомъ по поводу просьбы Спарты о помощи во время такъ-называемой „Третьей Мессенской войны". Онъ указываетъ тутъ на богатыя дарованія Перикла, на цѣлый рядъ славныхъ предковъ его, что̀, безъ сомнѣнія, открывало ему путь къ вліянію. Но вообще первое мѣсто Дункеръ отводитъ Эфіальту; Периклъ является у него пока на второмъ планѣ, и взглядъ автора еще не выступаетъ здѣсь со всею своею опредѣленностью. Тѣмъ не менѣе можно уже предугадать, съ какой точки зрѣнія будетъ смотрѣть Дункеръ на Перикла въ дальнѣйшемъ. Такъ, онъ приводитъ свидѣтельство Плутарха о томъ, что Периклъ, по натурѣ своей далеко не демократъ (гл. VII), сталъ на сторону демоса, надѣясь такимъ путемъ добиться вліянія и успѣха въ борьбѣ съ Кимономъ, и что, не будучи въ состояніи соперничать съ послѣднимъ въ богатствѣ и щедрости, онъ прибѣгнулъ къ другимъ средствамъ, чтобы подкупить въ свою пользу народъ [1]). А по поводу извѣстнаго процесса Кимона Дункеръ отвергаетъ свидѣтельство того же Плутарха (Cimon, 14), по которому Периклъ, сначала одинъ изъ рьяныхъ обвинителей Кимона, потомъ, во время самаго процесса, далеко не ревностно обвинялъ своего соперника, выступивъ съ рѣчью всего одинъ разъ, лишь бы только формально исполнить свою обязанность въ качествѣ назначеннаго народомъ обвинителя. „Тутъ противорѣчіе", замѣчаетъ Дункеръ;—„да такой

---

erschienen ist. Es ist eine Arbeit aus einem Guss, in der Darstellung nach unserer Meinung dem vorigen Bande des Werkes überlegen; alles Einzelne von dem das Ganze durchdringenden Gedanken beherrscht; eine Arbeit, die von dem Standpunkt des Verf. aus, welcher die Entwicklung Athens von 449—429 eingehendzeichnen wollte, nicht besser gelingen konnte, als sie ihm gelingen ist". Совсѣмъ иной отзывъ даетъ *Niese* въ своей рецензіи, помѣщенной въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* (1886, № 19, p. 741—755): „Der Verf. gibt... eine originelle, von seinen Vorgängern oft abweichende Darstellung; jedoch haben wir in ihr *einen Fortschritt in der wissenschaftlichen Behandlung der griechischen Geschichte nicht zu erkennen*".

[1]) Pericl., 7, 9; ср. у *Дункера*, II, 496. О побужденіяхъ, которыя могли руководить въ данномъ случаѣ Перикломъ, см. *Schmidt*, p. 15; *Curtius*, 215; *Лючерсольскій*. Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла. (*Извѣстія Ист.-фил. института кн. Безбородко*, I, 15).

образъ дѣйствій во всякомъ случаѣ не служитъ къ чести Перикла" (p. 254—255); а въ концѣ втораго тома, давая общую характеристику Перикла и касаясь сказанныхъ имъ на смертномъ одрѣ словъ, что онъ никого не заставилъ носить трауръ, Дункеръ говоритъ: „однако Периклъ выступилъ противъ самого Кимона съ такимъ обвиненіемъ, послѣдствіемъ котораго могла быть казнь обвиняемаго, и не его заслуга, если геліасты оправдали Кимона" (II, 496). Напрасно только Дункеръ такъ рѣшительно отвергаетъ показаніе Плутарха: въ этомъ свидѣтельствѣ нѣтъ никакого противорѣчія. Дѣйствія Перикла, какъ передаетъ о нихъ Плутархъ, можно объяснить, не прибѣгая вовсе къ предположенію о великодушіи его и гуманныхъ чувствахъ: Периклъ могъ ближе узнать настроеніе аѳинянъ и убѣдиться, что на осужденіе Кимона нельзя разчитывать, поэтому и предпочелъ не играть такой дѣятельной роли въ процессѣ, какъ этого можно было ожидать. Во всякомъ случаѣ Периклу нужна была не казнь Кимона: онъ вмѣстѣ съ Эфіальтомъ, котораго столь высоко во всѣхъ отношеніяхъ ставитъ Дункеръ, имѣлъ въ виду лишь пошатнуть положеніе соперника, лишить его преобладающаго вліянія, нанеся ему нравственный ударъ обвиненіемъ.

На реформѣ, касавшейся ареопага, и другихъ, связанныхъ съ нею, останавливаться я не буду, такъ какъ главнымъ дѣятелемъ тутъ у Дункера является Эфіальтъ, хотя строго говоря, за отсутствіемъ данныхъ, мы не можемъ сказать навѣрно, что̀ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Эфіальту и что̀—Периклу. Кому изъ нихъ, напримѣръ, принадлежитъ самая мысль реформы? Для оцѣнки послѣдующаго взгляда автора на внутреннюю политику Перикла нужно только замѣтить, что къ реформамъ Эфіальта онъ относится съ сочувствіемъ и указываетъ на ихъ умѣренность и благоразумную осторожность.

Какъ вообще скудны наши свѣдѣнія о той эпохѣ и какое широкое поле вслѣдствіе этого открывается для самыхъ разнообразныхъ догадокъ, видно, напримѣръ, изъ того, что виновникомъ экспедиціи въ Египетъ на помощь Инару считали прежде Кимона (см. между прочимъ A. Schmidt, p. 44), а недавно нѣмецкій историкъ Бузольтъ [1]) возложилъ на Перикла вину этого предпріятія, которое, по его мнѣнію, было поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Аѳинъ, началомъ упадка ихъ могущества, и по своимъ роковымъ послѣдствіямъ можетъ быть смѣло сравнено съ сицилійскою экспедиціей. Что касается Дункера,

[1]) „Das Ende der Perserkriege" (въ *Hist. Zeitschr.*, 1882, 6-tes Heft).

то онъ считаетъ походъ въ Египетъ дѣломъ Эфіальта; только онъ не осуждаетъ послѣдняго за это предпріятіе, а напротивъ удивляется величію и смѣлости его замысловъ. Впрочемъ, и Дункеръ дальше замѣчаетъ, что политика Эфіальта была „смѣлою, быть можетъ, даже слишкомъ ужь смѣлою" (p. 272). Какъ бы то ни было, но катастрофа въ Египтѣ, по его словамъ, постигла аѳинянъ уже тогда, когда Эфіальта не было въ живыхъ, когда во главѣ государства стоялъ одинъ Periклъ. Эфіальтъ же, по Дункеру, рѣшился оказать помощь Мегарѣ, тѣснимой Коринѳомъ, вполнѣ понимая все значеніе этого шага и всѣ его послѣдствія (p. 275). Вообще Дункеръ высоко ставитъ Эфіальта: въ лицѣ послѣдняго, по его словамъ, казалось, нашелся человѣкъ, который могъ замѣнить Ѳемистокла, если не какъ полководецъ, то какъ государственный дѣятель; яркими красками описываетъ онъ могущество и успѣхи Аѳинъ наканунѣ первой войны ихъ съ Спартой [1]). То, что аѳинскій флотъ не былъ отозванъ отъ Эгины подъ первымъ впечатлѣніемъ неудачной битвы при Танагрѣ, Дункеръ ставитъ въ великую заслугу именно Эфіальту, хотя навѣрно даже неизвѣстно, живъ ли онъ былъ еще тогда, и есть полное основаніе думать, что онъ былъ убитъ еще до упомянутой битвы [2]). Управленіе Эфіальта, говоритъ Дункеръ,—доставило аѳинянамъ великіе успѣхи среди тяжелой войны; оно ознаменовалось важною реформой въ государственной жизни и рядомъ блестящихъ побѣдъ; при Эфіальтѣ со славою велась война и въ Элладѣ, и на берегахъ Сиріи, и на Нилѣ (p. 333—337). Его смерть была невознаградимою и самою тяжелою утратой, какая могла только постигнуть Аѳины (p. 336).

Такіе отзывы составляютъ полный контрастъ съ отношеніемъ Дункера къ Периклу. Отчасти это обнаруживается уже въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ, гдѣ идетъ рѣчь о томъ, что за смертью Эфіальта задача править государствомъ выпала на долю Перикла. Близость послѣдняго къ первому, говоритъ авторъ, служила ручательствомъ, что направленіе внутренней и внѣшней политики пока не измѣнится. Происхожденіе и соціальное положеніе, выдающійся ораторскій талантъ,

---

[1]) Отмѣтимъ уже тутъ критическое отношеніе Дункера къ Ѳукидиду. Вопреки свидѣтельству послѣдняго, Дункеръ полагаетъ, что деньги не даромъ были употреблены персидскимъ посломъ Мегабазомъ, явившимся въ Спарту: онъ приводитъ въ связь съ этимъ вторженіе спартанцевъ въ Среднюю Грецію. Такимъ образомъ нападеніе на Аттику, котораго добивался Мегабазъ, послѣдовало, но только не прямо съ юга, а съ сѣвера (p. 321—324).

[2]) *Curtius*, II, 174 (5-te Aufl); *Busolt*, Das Ende der Perserkriege (*Hist. Zeitschr.*, 1882, 6 Heft., p. 386—388).

облегчали Периклу разрѣшеніе его новой задачи; это были преимущества, которыми не обладалъ Эфіальтъ. Но вопросъ былъ въ томъ, „сравнится ли онъ съ Эфіальтомъ по прозорливости, рѣшительности и энергіи. Онъ былъ болѣе остороженъ, нежели смѣлъ, болѣе осмотрителенъ, нежели рѣшителенъ“ (р. 337). И все послѣдующее изложеніе представляетъ въ сущности строгую критику дѣйствій Перикла, при чемъ авторъ иногда самъ себѣ противорѣчитъ, прибѣгаетъ къ шаткимъ гипотезамъ и произвольнымъ комбинаціямъ, заходя далеко за предѣлы того, что̀ могутъ дать намъ источники. Такъ, онъ не совсѣмъ одобряетъ планъ военныхъ дѣйствій Перикла, который во главѣ флота упрочилъ господство Аѳинъ на Коринѳскомъ заливѣ, произвелъ вторженіе въ Сикіонскую область, нанесъ непріятелю пораженіе въ битвѣ, присоединилъ къ Аѳинскому союзу ахейскіе города и т. д. Но самъ же Дункеръ считаетъ по крайней мѣрѣ послѣднее дѣло значительнымъ успѣхомъ; самъ же онъ приводитъ слова Плутарха (Pericl., 19) и Діодора (XI, 85), свидѣтельствующія о значеніи этого похода и о томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ; и онъ же самъ признаетъ, что Периклъ расширилъ владычество аѳинянъ въ Коринѳскомъ заливѣ, признаетъ, какъ сильно стѣсненъ былъ этимъ Коринѳъ. Наконецъ, благодаря господству тутъ аѳинянъ, явилась возможность поселить въ Навпактѣ побѣжденныхъ спартанцами мессенцевъ, а всю важность этого для дальнѣйшаго хода борьбы между аѳинянами и Спартой отлично сознаетъ и Дункеръ (р. 344—358; ср. р. 368). Далѣе, на стр. 356—358, Дункеръ обвиняетъ Перикла въ излишней уступчивости за то, что тотъ предложилъ призвать изъ изгнанія Кимона. Это означало, говоритъ авторъ, что Периклъ отказывается отъ политики Эфіальта, отказывается вести одновременно войну и съ Спартой, и съ Персіей; возвратить Кимона — это значило дать понять Спартѣ, что Аѳины нуждаются въ мирѣ. Но дальше, на стр. 368, Дункеръ самъ сознается, что положеніе дѣлъ было необыкновенно затруднительное для аѳинянъ, и что возвращенія Кимона едва ли можно было избѣжать, „быть можетъ даже, нельзя было откладывать“.

Оцѣнивая дѣятельность Перикла съ момента смерти Эфіальта и до возвращенія Кимона изъ изгнанія, онъ говоритъ, что, на сколько позволяютъ судить скудныя извѣстія и лежащіе предъ нами факты, управленіе Перикла за это время нельзя назвать вполнѣ счастливымъ: при бо̀льшей предусмотрительности и прозорливости можно было бы избѣжать катастрофы, постигшей аѳинянъ въ Египтѣ, пу-

темъ своевременной посылки подкрѣпленій или своевременнаго отозванія аѳинскихъ силъ (р. 368),—предположеніе, которое, за отсутствіемъ данныхъ, представляется крайне гадательнымъ. Можно возразить, вопервыхъ, что отвѣтственность за катастрофу на островѣ Прозопитѣ падаетъ прежде всего на вождей аѳинскаго флота въ Египтѣ: имъ виднѣе были обстоятельства и настоящее положеніе дѣлъ на этомъ театрѣ войны; ихъ обязанность была подумать объ отступленіи, пока еще было время; не могъ же Периклъ изъ Аѳинъ руководить всѣми военными дѣйствіями и все предусматривать до мельчайшихъ подробностей. Вовторыхъ, нужно имѣть въ виду, что аѳинянамъ приходилось обращать вниманіе въ разныя стороны, что одновременная борьба разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ требовала страшнаго напряженія силъ, и что такимъ образомъ врядъ ли можно было обойдтись безъ катастрофы или, по крайней мѣрѣ, неудачи на какомъ-либо пунктѣ. Слѣдуетъ еще удивляться необыкновенной энергіи аѳинянъ [1]). И самъ Дункеръ раньше, на стр. 366—367, касаясь результатовъ первой войны Аѳинъ съ Спартой и перемирія, заключеннаго между ними на 5 лѣтъ, перечисляетъ важные успѣхи, достигнутые аѳинянами среди тяжелой 8-лѣтней борьбы, и характеризуетъ ихъ господствующее положеніе послѣ заключенія перемирія; по собственнымъ его словамъ, въ сравненіи съ этимъ результаты, достигнутые Спартой, оказываются ничтожными: едва ли не главнымъ изъ нихъ является уничтоженіе союза между Аѳинами и Аргосомъ и перемиріе послѣдняго съ Спартой.

Но еще съ большею опредѣленностью обнаруживается предъ нами взглядъ Дункера на государственную дѣятельность Перикла во 2-мъ томѣ.

Начинается этотъ томъ характеристикой Перикла и его противника, Ѳукидида Алопекскаго (сына Мелезія), бывшаго главою аристократической партіи по смерти Кимона. Тутъ Дункеръ указываетъ, между прочимъ, на многія выдающіяся качества Перикла, на его честность и безкорыстіе, на превосходство и широту его ума, жаждузнанія, тонкій художественный вкусъ (р. 3, 6—7, 14, 15); онъ описываетъ его кружокъ, при чемъ, касаясь отношеній Перикла къ Анаксагору, основательно отвергаетъ преувеличенные разказы о вліяніи

---

[1]) Интересно, какъ отнесся бы Дункеръ къ Периклу, еслибы тотъ отозвалъ заранѣе, еще до рѣшительной катастрофы, аѳинскій флотъ изъ Египта? Вѣроятно, обвинилъ бы его въ слабости и въ излишней уступчивости?

послѣдняго на перваго (р. 21—22). Но въ заключеніе всей этой характеристики онъ произноситъ приговоръ неблагопріятный для Перикла, какъ государственнаго дѣятеля. Всѣ перечисленныя блестящія качества, которыми обладалъ Периклъ, еще не достаточны были для того, чтобы счастливо разрѣшить выпавшую на долю его задачу: „только неподкупный, далеко провидящій взоръ истиннаго государственнаго человѣка" могъ найдти путь, ведущій ко благу Аѳинъ и Эллады, и настоящія средства для этого. Поставленная Перикломъ цѣль — удержать Аѳины на той высотѣ могущества, на какой находились онѣ при Кимонѣ и обезпечить имъ внутреннюю силу и здоровье,—эта цѣль достижима была лишь при выдающемся практическомъ умѣ, непоколебимой волѣ, рѣшительности и энергіи въ войнѣ и мирѣ. „Окажутся ли его философскія, его поэтическія и художественныя наклонности и стремленія содѣйствующими или же препятствующими элементами для его управленія государствомъ, — это должно было рѣшить будущее" (р. 27).

Очень интересна у Дункера слѣдующая глава, посвященная переговорамъ съ Персіей и такъ-называемому Кимонову миру. Но прежде всего посмотримъ, какъ рѣшаетъ Дункеръ старый вопросъ объ этомъ мирѣ? Посольство Каллія въ Сузы, въ 449—448 гг., онъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія [1]); цѣль же посольства была—заключеніе съ Персіей не мира, а соглашенія, компромисса, на условіяхъ обоюднаго воздержанія отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Если же Геродотъ, говоря объ аргосскомъ посольствѣ въ Сузы, о Калліи замѣчаетъ вскользь, что онъ былъ тамъ „по другому дѣлу", то такое неопредѣленное выраженіе, по Дункеру, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Геродотъ не считалъ удобнымъ въ началѣ Пелопоннесской войны, когда пелопоннесцы стремились войдти въ соглашеніе съ Персіей, говорить о переговорахъ Аѳинъ съ Персидскимъ царемъ и не желалъ упоминать о неудачѣ перикловой политики, такъ какъ аѳинское посольство не имѣло успѣха: по словамъ Дункера, не только не было заключено формальнаго мира, но даже не установилось и мира фактическаго. Что же касается до приводимаго (по словамъ Плутарха, Cimon, 13) Кратеромъ постановленія аѳинскаго народнаго собранія, то это не текстъ мирнаго договора, а не что иное, какъ полномочіе, инструкціи, данныя посламъ и обнародованныя во всеобщее свѣдѣніе съ тою цѣлью, чтобъ избавить союзниковъ отъ

[1]) Тутъ онъ ссылается на свое изслѣдованіе въ *Sitzungsberichte Berl. Akad.*, 1884, р. 785 ff.

напрасныхъ тревогъ и опасеній. Это-то постановленіе, подъ вліяніемъ прекращенія наступательныхъ дѣйствій со стороны Аѳинъ, упадка энергіи Персидскаго царства и наступившаго вслѣдствіе этого полумирнаго положенія, въ связи съ воспоминаніемъ о посольствѣ Каллія, повело къ созданію въ фантазіи ораторовъ IV в. представленія о славномъ мирѣ. А что до Ѳукидида, то онъ въ своемъ „суммаріумѣ" не имѣлъ никакой надобности упоминать о безполезной попыткѣ Аѳинъ заключить миръ съ Персіей (p. 45).

Спрашивается теперь, какое же участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ Периклъ, и какъ смотритъ Дункеръ на его политику въ данномъ случаѣ? Дункеръ утверждаетъ, что именно Периклъ потребовалъ отозванія аѳинскаго флота и отъ Кипра, и отъ устьевъ Нила, какъ перваго шага къ вступленію въ мирные переговоры съ Персіей, хотя о формальномъ приказѣ отступить,данномъ флотамъ будто бы изъ Аѳинъ, и объ участіи тутъ Перикла въ источникахъ нѣтъ и помину, и свое утвержденіе Дункеръ основываетъ лишь на томъ, что безъ формальнаго повелѣнія аѳинскіе полководцы не рѣшились бы покинуть своихъ позицій, и что подобный приказъ могъ исходить только отъ противниковъ кимоновой партіи, то-есть, отъ Перикла. Это отозваніе флотовъ, этотъ добровольный отказъ отъ плодовъ побѣдъ, отъ достигнутыхъ уже успѣховъ на Кипрѣ и на Нилѣ (авторъ забываетъ, что именно въ Египтѣ аѳинянъ постигла катастрофа), по Дункеру, безъ сомнѣнія очень важная ошибка (p. 46). Самое вступленіе въ переговоры съ Персіей по предложенію того же Перикла (p. 37), въ глазахъ Дункера, тоже въ сущности ошибка: оно должно было повлечь за собою лишь дурныя послѣдствія для Аѳинъ, лишь поколебать ихъ могущество и обаяніе; оно противорѣчило положенію, которое заняли Аѳины по отношенію къ Персіи со времень мараѳонской и саламинской побѣдъ (p. 38). Ихъ возвышеніе и могущество основывалось на борьбѣ съ Персіей: въ этомъ была ихъ національная задача. Съ прекращеніемъ борьбы или даже съ попыткой достигнуть соглашенія съ Персіей потрясался самый базисъ ихъ могущества—разрывалась нравственная связь между ними и союзниками. Еслибы Аѳины, во что бы то ни стало, твердо поддерживали борьбу съ національнымъ врагомъ, то и союзники обязаны были бы во что бы то ни стало защищать Аѳины противъ ихъ враговъ въ самой Элладѣ (p. 503).

Съ послѣднимъ замѣчаніемъ Дункера, конечно, нельзя не согласиться. Только несправедливо во всемъ обвинять Перикла: это зна-

чить отдѣльную личность дѣлать отвѣтственною за то, что̀ является результатомъ самаго хода событій, результатомъ извѣстнаго историческаго процесса. Борьба съ Персіей сама собою должна была утратить прежній свой характеръ; она не могла уже вестись съ прежнимъ одушевленіемъ и напряженіемъ. Это не была уже борьба за существованіе Греціи; опасность со стороны Персіи для грековъ уменьшилась, если не совсѣмъ миновала; противоположность между міромъ греческимъ и міромъ персидскимъ стала нѣсколько сглаживаться; а все это, даже еслибы Periклъ и не пытался вступить въ соглашеніе съ Персіей, должно было неизбѣжно отразиться на положеніи Аѳинъ и на отношеніяхъ къ нимъ союзниковъ. Вообще для опроверженія взгляда Дункера на политику Перикла въ данномъ случаѣ достаточно сослаться на его же собственныя слова и приводимыя имъ соображенія: авторъ самъ отлично выясняетъ всю затруднительность положенія Аѳинъ въ тотъ моментъ и всю трудность и въ то же время безполезность дальнѣйшей борьбы ихъ съ Персіей. Истекалъ срокъ 5-тилѣтняго перемирія съ Спартой (нужно замѣтить, что Дункеръ относитъ посольство Каллія къ 449—448 г.); слѣдовало ожидать возобновленія войны и въ Греціи, такъ какъ Спарта навѣрно не преминула бы воспользоваться благопріятнымъ для нея моментомъ, то-есть, тѣмъ, что силы аѳинянъ отвлечены были бы борьбой съ Персіей, и взялась бы за оружіе вмѣстѣ съ своими союзниками противъ Аѳинъ. А что значитъ бороться въ одно и то же время и съ Персіей, и съ Пелопоннесомъ, — это аѳиняне уже испытали. Возобновленіе „Эллинской войны“ рядомъ съ персидскою угрожало Аѳинамъ еще большею опасностью, нежели прежде. Тогда возстаніе мессенцевъ, союзъ Аѳинъ съ Аргосомъ позволяли Спартѣ употребить противъ нихъ только часть силъ своихъ и союзническихъ. Теперь Иѳома пала, Аргосъ заключилъ миръ со Спартой; въ случаѣ войны Спарта могла двинуть противъ Аѳинъ всѣ силы свои и пелопоннесцевъ. А тутъ и на сѣверѣ, въ Ѳессаліи, отношенія измѣнились не въ пользу аѳинянъ (р. 28). Словомъ, внѣшняя политика Аѳинъ сопряжена была съ неимовѣрными трудностями: приходилось поддерживать аѳинское господство противъ вражды Спарты, зависти Коринѳа, ненависти Ѳивъ и въ то же время бороться съ Персіей. „Даже самый прозорливый умъ“ могъ, по словамъ же Дункера, „не справиться съ такою задачей“. Послѣ опытовъ первой войны съ Пелопоннесомъ, послѣ пораженій при Танагрѣ и Прозопитѣ, силы Аттическаго государства казались Периклу недо-

статочными для одновременной борьбы и съ Персіей и съ Пелопоннесомъ. Поэтому онъ могъ стремиться къ миру съ Персіей, чтобы сосредоточить аѳинскія силы всецѣло противъ Спарты (р. 503). Съ другой стороны, послѣ 15-ти лѣтъ (со времени сраженія при Евримедотѣ), полныхъ войнъ и битвъ, аѳиняне нуждались въ мирѣ; имъ необходимо было собраться съ силами. Еслибы они воспользовались прекращеніемъ войны съ Персіей для того, чтобы отдохнуть и вооружиться, подготовиться къ дальнѣйшей борьбѣ въ Греціи, то можно было надѣяться, что и Спарта окажется болѣе склонною къ миру и согласится окончательно признать за ними обладаніе Мегарой, Трезеною, Эгиной, Ахаіей (р. 30). Наконецъ, Периклъ могъ желать мира для осуществленія своей великой программы — сдѣлать Аѳины умственнымъ и художественнымъ центромъ Греціи. Если же мы посольство Каллія отнесемъ не къ 449—448 г., какъ дѣлаетъ это Дункеръ, а къ 445 г., какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, Курціусъ, то тогда образъ дѣйствій Перикла для насъ сдѣлается еще болѣе понятнымъ: окажется, что въ переговоры съ Персіей Аѳины вступили въ то время, когда ихъ силы были уже истощены борьбой съ сосѣдями въ самой Элладѣ. Да и къ чему могла привести дальнѣйшая борьба съ Персіей? Развѣ не была достигнута главная цѣль, спрашиваетъ самъ Дункеръ, развѣ острова и мало-азіатскіе греки не были фактически свободны отъ персидскаго ига? Нанести рѣшительный ударъ персидской монархіи, окончательно сокрушить ее, нечего было и думать. Неужели же Аѳины должны были тратить свои силы и подвергать себя серьезнымъ опасностямъ ради того, чтобъ освободить одинъ-два города на сѣверѣ Малой Азіи или на Кипрѣ? Притомъ, необходимо было обратить вниманіе и на положеніе союзниковъ: если вѣрно, что война съ Персіей поддерживала и укрѣпляла нравственную связь союзниковъ съ Аѳинами, то съ другой стороны—не менѣе вѣрно также и то, что съ уменьшеніемъ опасности со стороны Персіи союзники должны были тяготиться этою, уже безполезною въ ихъ глазахъ, борьбою и тѣми жертвами, которыхъ она отъ нихъ требовала; слѣдовало уменьшить лежавшія на нихъ тягости, а для этого необходимо было прекратить наступательную войну противъ Персіи.

Неудача переговоровъ, говоритъ Дункеръ, была чувствительнымъ ударомъ для Перикла. Если даже и такъ, если предположенія Дункера о цѣли посольства Каллія и ходѣ переговоровъ вѣрны, то всетаки обвинять Перикла въ этой неудачѣ врядъ ли можно; это зна-

чило бы судить о дѣятельности государственнаго человѣка только съ точки зрѣнія результата, успѣха; самъ Дункеръ указываетъ на всѣ трудности соглашенія съ Персидскимъ царемъ (p. 34—35, 43—44). Уже Плутархъ вполнѣ оцѣнилъ политику Перикла по отношенію къ Персіи: „Что Периклъ поступалъ правильно, удерживая аѳинскія силы въ Греціи", говоритъ онъ (Pericl., 22),—„это доказали послѣдовавшія затѣмъ событія", именно отпаденіе Евбеи, измѣна Мегары, вторженіе спартанцевъ.—Къ этимъ-то событіямъ мы теперь и обращаемся.

По поводу похода спартанцевъ на помощь Дельфамъ противъ фокидцевъ Дункеръ указываетъ на то, что аѳиняне оставались спокойными зрителями пораженія своего союзника, такъ что спартанское войско безпрепятственно могло возвратиться домой. По его собственному сознанію, объ этомъ походѣ имѣются самыя скудныя извѣстія, и о томъ, что̀ побуждало Перикла смотрѣть, по видимому, спокойно и безучастно на пораженіе фокидцевъ, то-есть, на такой ударъ, который долженъ былъ потрясти все зданіе аѳинскаго владычества въ Средней Греціи, можно только догадываться (p. 55): походъ спартанцевъ, по мнѣнію Дункера, могъ служить блестящимъ свидѣтельствомъ мудрости и прозорливости Перикла, сосредоточивавшаго силы государства противъ Лакедемона, не говоря уже о томъ, что этотъ походъ избавлялъ его отъ настояній противной партіи начать снова войну съ Персіей, „Но эти выгоды Перикла", замѣчаетъ далѣе Дункеръ,—„не были въ то же время выгодами Аѳинъ". Перемиріе, безъ сомнѣнія, тоже не могло удержать аѳинянъ отъ вмѣшательства. Но и Дункеръ указываетъ на то, что въ Беотіи не произошло въ тотъ моментъ никакого движенія въ пользу Спарты, а это было очень важно. Можетъ быть, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, Периклъ на первый разъ удовольствовался тѣмъ, что занялъ такое положеніе, которое помѣшало Ѳивамъ примкнуть къ спартанцамъ (p. 56); быть можетъ—(добавимъ отъ себя)—Периклъ вмѣсто того, чтобы вступать съ спартанцами въ открытую битву, исходъ которой являлся во всякомъ случаѣ крайне сомнительнымъ, предпочиталъ уничтожить плоды спартанскаго похода инымъ путемъ, безъ риску, безъ особыхъ жертвъ и потерь. И дѣйствительно, послѣ ухода лакедемонянъ, по свидѣтельству Ѳукидида и Плутарха, аѳиняне выступили въ походъ и возвратили фокидцамъ обладаніе Дельфами. Такимъ образомъ результаты спартанскаго похода оказа-

лись непрочными; все, по видимому, возвратилось къ прежнему положенію (p. 57).

„Но“, говоритъ Дункеръ,—„такъ только казалось; аѳиняне обнаружили мало энергіи; они не осмѣлились выступить противъ спартанцевъ, и это принесло горькіе для нихъ плоды“ (p. 57), и авторъ описываетъ послѣдовавшее затѣмъ движеніе въ Беотіи и битву при Коронеѣ. Тутъ онъ указываетъ на цѣлый рядъ ошибокъ со стороны аѳинянъ, то-есть, другими словами, Перикла. Поведеніе аѳинянъ въ виду возстанія ихъ противниковъ въ Беотіи, говоритъ онъ, еще непонятнѣе, еще загадочное, чѣмъ ихъ пассивность во время похода спартанцевъ за годъ до того. Источники и здѣсь хранятъ молчаніе; а въ словахъ Плутарха, будто Периклъ предостерегалъ Толмида объ опасности вторженія въ Беотію съ недостаточными силами и въ ненадлежащее время, проглядываетъ лишь попытка снять съ Перикла всякую отвѣтственность за послѣдовавшія затѣмъ событія. Выступленіе въ походъ никоимъ образомъ нельзя было назвать слишкомъ поспѣшнымъ: дѣло шло о скорѣйшемъ вмѣшательствѣ аѳинянъ; всякое промедленіе возвышало мужество враговъ, давало Ѳивамъ время вооружиться: всякій пропущенный день увеличивалъ опасность въ Беотіи. „Подождать“! да это былъ самый несчастный совѣтъ, какой только могъ быть данъ въ тогдашнемъ положеніи, если только дѣйствительно былъ онъ данъ! Къ сожалѣнію, въ Аѳинахъ на самомъ дѣлѣ слишкомъ долго медлили. На сколько мы можемъ судить, ничто не мѣшало тотчасъ же съ сильнымъ отрядомъ гоплитовъ выступить въ Беотію. Случилось противоположное. . . . (p. 60—61). Еще непонятнѣе дальнѣйшее поведеніе аѳинянъ. Нельзя было сомнѣваться, что Ѳивы всѣми силами будутъ оказывать поддержку начавшемуся движенію; а между тѣмъ мы не слышимъ, чтобы въ виду этого въ Аѳинахъ приняты были мѣры и чтобы держалась на-готовѣ другая еще армія; для предотвращенія катастрофы при Коронеѣ достаточно было своевременно выступить второму аттическому войску. Тутъ тяжкая отвѣтственность всецѣло падаетъ на тѣхъ, кому надлежало поспѣшить на помощь выступившему впередъ войску (p. 61).

Таковы соображенія и замѣчанія Дункера по поводу Коронейской битвы. Мы привели ихъ отчасти для того, чтобы представить образчикъ самыхъ пріемовъ автора, съ помощью которыхъ онъ обыкновенно доказываетъ несостоятельность Перикла, какъ государствен-

наго дѣятеля. На сколько основательны подобныя соображенія въ данномъ случаѣ, при нашихъ источникахъ сказать едва ли возможно; обстоятельства и условія, среди которыхъ Периклу приходилось дѣйствовать, неизвѣстны намъ во всѣхъ подробностяхъ; тутъ открывается обширное поле для болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ: быть можетъ, не было времени на то, чтобы снарядить вторую армію и явиться на выручку Толмиду; быть можетъ, нельзя было направить всѣ силы въ Беотію въ виду опасности съ другой стороны, напримѣръ, со стороны Евбеи, гдѣ вслѣдъ затѣмъ также произошло движеніе противъ аѳинскаго господства. Правда, Дункеръ отвергаетъ существованіе подобной опасности въ тотъ моментъ, но одно молчаніе нашихъ источниковъ въ данномъ случаѣ еще не даетъ намъ право отвергать это такъ рѣшительно: источники умалчиваютъ о многомъ, и нельзя же всякое умалчиваніе ихъ и наше сомнѣніе объяснять непремѣнно не въ пользу Перикла, какъ дѣлаетъ это Дункеръ.

Авторъ называетъ веденіе войны, приведшей къ коронейскому пораженію, непредусмотрительнымъ и безразсуднымъ („unsere unvorsichtige und thörichte Kriegführung"). Онъ сравниваетъ дѣйствія Аѳинъ послѣ этого пораженія съ ихъ поведеніемъ послѣ битвы при Танагрѣ и находитъ громадную разницу: потери при Танагрѣ, говоритъ онъ, были тяжелѣе, большая половина гражданъ, способныхъ носить оружіе, находилась тогда частью у Эгины, частью у Мемфиса, и все-таки аѳиняне поспѣшили возвратить себѣ Беотію! Теперь же не было и рѣчи хотя бы о попыткѣ подобнаго рода! Но, вопреки увѣренію Дункера относительно громадности потерь при Танагрѣ, едва ли даже можно сравнивать полное пораженіе аѳинянъ при Коронеѣ съ неудачной битвой ихъ при Танагрѣ [1]); вовторыхъ, долголѣтняя борьба могла истощить силы Аѳинъ; наконецъ, самъ Дункеръ указываетъ на опасенія аѳинянъ за участь плѣнныхъ, опасенія, которыя могли побудить ихъ какъ можно скорѣе заключить миръ съ Ѳивами. Какъ бы то ни было, но источники, повторяемъ, не позволяютъ намъ судить, на сколько правъ Дункеръ, обвиняя аѳинянъ въ недостаткѣ энергіи во время похода спартанцевъ и въ слабости, обнаруженной послѣ битвы при Коронеѣ, и во всякомъ случаѣ странно, что эту битву онъ называетъ „не особенно значительнымъ ударомъ" (p. 64). Приводя слова Діодора (XII), что пораженіе при Коронеѣ унизило Аѳины, онъ замѣчаетъ, что слова эти могутъ быть

[1]) См., напримѣръ, *Curtius*, Gr. Gesch., II, 175.

примѣнены—только не касательно безупречнаго поведенія аттическихъ гоплитовъ во время сраженія, а касательно той политики, которой послѣ этого слѣдовали Аѳины.—Совсѣмъ иначе, едва ли не вѣрнѣе, смотритъ на дѣйствія Перикла въ данномъ случаѣ, напримѣръ, Курціусъ. „Однимъ ударомъ", говоритъ онъ,—„уничтожено было Аѳинское господство въ Беотіи, потому что оно нигдѣ здѣсь не пустило корня, потому что оно стояло въ противорѣчіи и съ исторіей страны, и съ аттическою политикой; ибо аѳиняне вступили-было въ союзъ съ аристократическою партіей, которая и измѣнила при первомъ же удобномъ случаѣ. Аѳиняне должны были заключить миръ, чтобы освободить своихъ плѣнныхъ. Они не могли думать о мести, такъ какъ движеніе охватило съ ужасающею быстротой и сосѣднія страны, подвластныя имъ" (II, p. 184—185).

Относительно образа дѣйствій Перикла въ виду вторженія спартанцевъ Дункеръ говоритъ: „Периклъ медлилъ. Онъ былъ въ высшей степени осторожный, даже болѣе, чѣмъ осторожный, полководецъ. Однако мы такъ мало знаемъ тогдашнее положеніе дѣлъ, что не можетъ быть сужденія о томъ, кто былъ правъ, онъ или гоплиты, настаивавшіе на битвѣ. Послѣдующія событія оправдали Перикла" (p. 71). Дункеръ находитъ непонятнымъ образъ дѣйствій спартанцевъ, но еще непонятнѣе для него то, что аѳиняне послѣ счастливаго оборота войны, послѣ совершеннаго покоренія Евбеи, не употребили всѣхъ усилій, чтобы снова овладѣть Мегаридой. „Въ рѣзкой противоположности съ стойкостью, обнаруженною ими въ первую войну съ пелопоннесцами, мы видимъ, какъ теперь аѳиняне ищутъ мира со Спартой именно послѣ того, какъ представились болѣе благопріятные виды, и прежде даже, чѣмъ испробована была серьезная борьба". Но, спрашивается, въ чемъ же заключались эти „болѣе благопріятные виды"? въ подавленіи евбейскаго возстанія? Но, вѣдь, этого было еще мало для того, чтобъ аѳиняне могли разчитывать на успѣхъ и въ борьбѣ съ остальными многочисленными врагами, окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ, въ томъ числѣ и со Спартой. Осудивъ, хотя и косвеннымъ образомъ, дѣйствія аѳинянъ, Дункеръ далѣе самъ же заявляетъ, что мы не можемъ судить ни о дѣйствіяхъ Плейстоанакса, ни о поведеніи Перикла, за неимѣніемъ данныхъ! (p. 72).

Въ слѣдующей (4-й) главѣ авторъ ярко изображаетъ все значеніе уступокъ со стороны Аѳинъ по 30-лѣтнему миру 445 г. (p. 77—78, 81—82). Спарта, говоритъ онъ, имѣла полное основаніе ликовать:

аѳиняне понесли страшныя утраты. Заключая подобный миръ, они заранѣе признавали себя побѣжденными, не будучи даже разбиты. Это было тяжелое нравственное пораженіе, неминуемымъ слѣдствіемъ котораго былъ упадокъ ихъ славы и авторитета. Это былъ „несчастный“ договоръ. Слава Аттики померкла. Подобное униженіе государства должно было глубоко и долго чувствоваться (p. 86). Словомъ, по договору съ Ѳивами и со Спартой Аѳины возвращались почти къ тому положенію, въ какомъ находились онѣ послѣ изгнанія Пизистратидовъ, до своего возвышенія (p. 87). Для Дункера непонятны мотивы, заставившіе аѳинянъ согласиться на подобный миръ! По его словамъ, отвѣтственность тутъ падаетъ прежде всего на Перикла (p. 83—84), и оппозиція, прежняя партія Кимона, могла съ полнымъ правомъ указать на контрастъ между перемиріемъ, заключеннымъ при Кимонѣ, котораго Периклъ обвинялъ въ „лаконизмѣ“, и миромъ, заключеннымъ самимъ Перикломъ (p. 84) [1]). Вообще управленіе послѣдняго со смерти Кимона, продолжаетъ авторъ, едва ли ознаменовалось хотя бы однимъ успѣхомъ. Тѣмъ значительнѣе были неудачи: переговоры съ Персіей ни къ чему не привели, а такого невыгоднаго договора, какъ съ Ѳивами и со Спартой, Аѳины никогда еще не заключали; тутъ Периклъ отказался отъ всего, что̀ умѣлъ сохранить Кимонъ (p. 101—102).

Такимъ образомъ Дункеръ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ господствовавшимъ до сихъ поръ взглядомъ на дѣятельность Перикла въ тотъ моментъ: въ Периклѣ видѣли спасителя Аѳинъ; своею мудрою политикою онъ спасъ, что̀ можно было спасти [2]); путемъ благоразумныхъ уступокъ онъ избавилъ государство отъ страшной опасности, грозившей ему отовсюду. И дѣйствительно, въ оправданіе Перикла достаточно вспомнить то, что̀ говоритъ самъ Дункеръ, на стр. 28 и 30, о затруднительномъ положеніи Аѳинъ, о необходимости для нихъ мира; а какъ нуждались онѣ тогда въ мирѣ, это подтверждаетъ и Ѳукидидъ (IV, 21, въ концѣ). И въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ въ тотъ моментъ было критическое. Почти одновременно со всѣхъ сторонъ грозила имъ опасность, движеніе противъ аѳинскаго господства распространялось съ ужасающею быстротой (Curtius, II, 184—185): за

---

[1]) Дункеръ полагаетъ, что именно за заключеніе этого постыднаго мира, а вовсе не за переговоры съ Персіей, Каллій подвергнутъ былъ отвѣтственности и штрафу: этимъ оппозиція думала нанести хотя косвенный ударъ Периклу и его политикѣ (p. 87, 47).

[2]) *Curtius*, II, 184.

Беотіей возстаетъ Евбея, отлагается Мегара, вторгается спартанское войско. Можно ли было выйдти безъ потерь изъ такого кризиса? Да въ дѣйствительности уступки Аѳинъ по миру 445 года вовсе не были такъ значительны, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ: аѳиняне отказались отъ того, что̀ уже фактически было утрачено [1]), отказались отъ тѣхъ областей, гдѣ ихъ владычество не имѣло почвы, гдѣ оно было явленіемъ эфемернымъ и, такъ сказать, случайнымъ, и Ранке, напримѣръ, придаетъ большое значеніе этому договору 445 года въ томъ отношеніи, что онъ отвѣчалъ, по его мнѣнію, обоюднымъ интересамъ: если аѳиняне и отказались отъ нѣкоторыхъ владѣній, то за то Спарта признала аѳинскій союзъ; Периклъ вполнѣ сознавалъ, чѣмъ жертвовалъ и что̀ пріобрѣталъ [2]). Да и самъ Дункеръ мастерски изображаетъ мотивы, руководившіе Перикломъ при заключеніи, по видимому, столь невыгоднаго мира. Можно было сказать, что мира требовали интересы Аѳинъ; этимъ интересамъ заключенныя условія скорѣе удовлетворяли, нежели вредили. Безъ крайняго напряженія своихъ силъ аѳиняне не могли удерживать за собою Мегару и Истмъ, Трезену, Ахаію, тѣмъ болѣе, что Беотія была утрачена: нужно было охранять границу и съ этой стороны и въ то же время зорко слѣдить за только-что вновь покоренною Евбеей. Поэтому необходимо было ограничить пространство, требовавшее прикрытія. Подчиненіе снова Мегары во что бы то ни стало, противъ воли ея населенія, защита отдаленныхъ Трезены и Ахаіи противъ сосѣдей, повели бы къ неизбѣжнымъ замѣшательствамъ и обязательствамъ, выполнить которыя возможно было только на счетъ морского могущества Аѳинъ; этимъ можно было убить „самый нервъ аѳинскихъ силъ“ — военный флотъ. Периклъ предпочиталъ, очевидно, сконцентрировать силы, сосредоточить ихъ на морѣ, подготовить средства для новаго, неминуемаго въ будущемъ столкновенія (p. 85—86). Кажется, что лучшаго оправданія для Перикла нельзя и представить. Непомѣрному расширенію аѳинскаго владычества оказывались не соотвѣтствующими силы небольшой Аттики. Прибавимъ къ этому, что Периклъ нуждался въ мирѣ для осуществленія своего великаго плана—сдѣлать Аѳины средоточіемъ умственной и художественной жизни тогдашней Греціи, украсить ихъ безсмертными памятниками искусства. И тѣмъ не менѣе Дункеръ ули-

[1]) Ср. *A. Schmidt*, p. 82—83.

[2]) Weltgeschichte, I, 1, 285—286.

чаетъ Перикла въ слабости, излишней уступчивости, недостаткѣ энергіи. Съ такимъ взглядомъ можно согласиться лишь тогда, если признать, что для государственнаго дѣятеля нѣтъ высшей и лучшей задачи, какъ стремиться къ завоеваніямъ или удерживать разъ сдѣланныя завоеванія во что бы то ни стало, какихъ бы жертвъ это ни стоило, какъ бы ни истощались и ни тратились напрасно народныя силы. Периклъ имѣлъ въ виду болѣе благородную и возвышенную задачу—предоставить возможность развиться вполнѣ умственному и художественному генію Греціи и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять народное благосостояніе, а его дѣятельность на самомъ дѣлѣ лучше увѣковѣчила славу Аѳинъ и его собственную, чѣмъ могли это сдѣлать самыя блестящія побѣды надъ Спартой и самыя обширныя территоріальныя пріобрѣтенія (ср. замѣчанія самого Дункера на стр. 498 и 500). А что у Перикла не было недостатка въ энергіи, что онъ умѣлъ дѣйствовать быстро и рѣшительно тамъ, гдѣ считалъ успѣхъ возможнымъ и гдѣ, по его мнѣнію, были затронуты насущные интересы Аѳинъ,—это онъ доказалъ своими дѣйствіями при подавленіи возстанія въ Эвбеѣ въ тотъ критическій моментъ, когда аѳинянамъ со всѣхъ сторонъ угрожали враги; тутъ онъ, несомнѣнно, обнаружилъ энергію, быстроту, рѣшительность.

Идемъ далѣе. По словамъ Дункера, Амиртей искалъ помощи у аѳинянъ и съ этою цѣлью отправилъ имъ въ даръ 30,000 медимновъ хлѣба [1]) (p. 98—99). Но оказаніе помощи Амиртею влекло за собою возобновленіе открытой и рѣшительной войны съ Персіей, а это противорѣчило программѣ Перикла, его стремленію расширить сферу аѳинскаго вліянія и торговыхъ сношеній (p. 102 — 103). Съ другой стороны, нельзя же было и отвергнуть Амиртеевъ даръ: это возбудило бы народное неудовольствіе. Поэтому, утверждаетъ Дункеръ, самымъ удобнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился Периклъ, представлялся походъ къ Понтійскимъ берегамъ: онъ являлся благовиднымъ предлогомъ, чтобы не оказать открытой помощи Амиртею, а, съ другой стороны, можно было даже сослаться на то, что такой походъ будетъ косвенною помощью египетскому возстанію, такъ какъ до нѣкоторой степени долженъ отвлечь отъ Египта силы и вниманіе Персидскаго царя. Это было предпріятіе, какъ разъ отвѣчавшее свойствамъ Перикла, какъ полководца, не

---

[1]) Такъ по Филохору, а по Плутарху—40,000 медимновъ (Pericl., 37, а не 27, какъ ошибочно напечатано у *Дункера*).

охотно пускавшагося въ смѣлыя предпріятія. Такимъ образомъ, просьбы о помощи, съ которыми, по словамъ Дункера, понтійскіе греки обратились будто бы въ Аѳины, были какъ нельзя болѣе кстати для Перикла. Такъ представляетъ дѣло Дункеръ. Но не говоря уже о томъ, что обращеніе какъ Амиртея, такъ и Понтійскихъ городовъ за помощью въ Аѳины—фактъ не доказанный, а только болѣе или менѣе правдоподобное предположеніе, не говоря уже о томъ, что Дункеръ извращаетъ слова Плутарха, приписывая ему здѣсь то, чего у того вовсе не сказано [1]),—приведеніе въ связь этихъ двухъ событій—просьбы Амиртея и понтійскаго похода Перикла—является ничѣмъ инымъ, какъ чистѣйшею гипотезой, не имѣющею ни малѣйшаго подтвержденія въ источникахъ [2]), и для установленія такой связи, какую предполагаетъ авторъ между упомянутыми фактами, недостаточно еще доказать ихъ одновременность: вѣдь помощь греческимъ городамъ могла быть оказана не для избѣжанія похода въ Египетъ, а просто потому, что просьбѣ грековъ о защитѣ слѣдовало отдать предпочтеніе предъ просьбой египтянина (см. замѣчанія самого Дункера, p. 106). Какъ бы то ни было, но и Дункеръ не отвергаетъ важнаго значенія экспедиціи Перикла къ берегамъ Понта, особенно въ торговомъ и финансовомъ отношеніи (p. 118, 497). Этимъ, по его словамъ, хотя на время, заглажено было впечатлѣніе цѣлаго ряда предшествовавшихъ неудачъ (p. 132). И дѣйствительно, Периклъ доказалъ, что онъ понимаетъ выгоды Аѳинъ и умѣетъ блюсти ихъ торговые интересы.

Не останавливаясь на панэллинскихъ планахъ Перикла, на не-

---

[1]) Дункеръ говоритъ, будто Плутархъ передаетъ, что въ Аѳины пришли просьбы со стороны Понтійскихъ городовъ; но у Плутарха этого прямо не сказано, а упоминается лишь о томъ, что Периклъ отправился въ Понтъ съ большимъ и блестящимъ флотомъ и исполнилъ желанія тамошнихъ грековъ (ὧν ἐδέοντο διεπράξατο, Pericl., 20).

[2]) Что просьба греческихъ Понтійскихъ городовъ относится къ 444 г., Дункеръ доказываетъ, между прочимъ, тѣмъ, что именно въ этомъ году Амиртей прислалъ свой даръ аѳинянамъ: такимъ образомъ основаніемъ для доказательства служитъ то, что само еще нуждается въ доказательствѣ. По поводу вообще этой комбинаціи *Niese* (въ *Gött. gel. Anz.*, 1886, № 19) замѣчаетъ: „Ein besonders auffallendes Beispiel einer kühnen aber nicht genügend begründeten Kombination ist die IX, 95 ff. gegebene Darstellung der Fahrt des Pericles in den Pontus". Ср. *Латышева* Изслѣдованіе о государственномъ строѣ города Ольвіи (*Ж. М. Нар. Просв.*, 1887, январь, 46—47).

удачѣ задуманнаго имъ конгресса [1]), на значеніи помощи изгнаннымъ сибаритамъ и проч., мы перейдемъ къ внутренней дѣятельности Перикла и къ его реформамъ, при чемъ, не говоря о частностяхъ, напримѣръ, о возраженіяхъ противъ придуманнаго Перикломъ плана укрѣпленія Пирея (р. 137—138), коснемся лишь самаго существеннаго.

Всѣ Перикловы реформы (какъ введеніе жалованья войску, платы за участіе въ судѣ, думѣ и народномъ собраніи, введеніе θεωρικόν'а, такъ и перемѣны въ организаціи союза и самые проекты построекъ) Дункеръ считаетъ одновременными, тѣсно связанными одна съ другою (р. 163) и введеніе ихъ относитъ къ 442—440 гг. Несомнѣнно, логически онѣ между собою связаны: онѣ представляютъ цѣлую стройную систему; но были ли онѣ связаны и фактически, хронологически, это другой вопросъ. Тутъ, за отсутствіемъ данныхъ въ источникахъ, остается лишь смутно догадываться, когда и въ какомъ порядкѣ вводились реформы въ дѣйствительности. Соображенія же Дункера основываются на очень шаткихъ и малоубѣдительныхъ хронологическихъ опредѣленіяхъ и не свободны отъ противорѣчій, на что̀ указываетъ и Гольмъ въ своей рецензіи, въ которой отзывается вообще съ большою похвалой о книгѣ Дункера и одобряетъ его точку зрѣнія на Перикла, находя его порицанія вполнѣ справедливыми [2]). Такъ, напримѣръ, на стр. 165 Дункеръ говоритъ: изгнаніе Өукидида (Алопекскаго) посредствомъ остракизма, послѣдовавшее, какъ ниже будетъ выяснено, въ 442 году, доказываетъ, что главная борьба изъ-за реформъ происходила въ 443 году, и что реформы стали вводиться въ 442 году, по удаленіи Өукидида; а на стр. 188 говорится, что онѣ могли осуществиться вполнѣ лишь по изгнаніи Өукидида, и что, слѣдовательно, это изгнаніе раньше 442 года не могло произойдти. Настоящій circulus vitiosus.

Какъ извѣстно, въ настоящее время уже не находятъ возможнымъ приписывать Периклу введеніе μισθὸς ἐκκλησιαστικός [3]). Но Дункеръ чисто апріорнымъ путемъ доказываетъ, что и эта плата введена

---

[1]) Въ числѣ причинъ этой неудачи Дункеръ указываетъ на предшествовавшія пораженія аѳинянъ; недостатокъ энергіи, говоритъ онъ, не возвышаетъ авторитета и вѣса государства, пораженія не приносятъ лавровъ (р. 121).

[2]) „Trotz des *gerechten Tadels*" (*Berlin. philol. Wochenschr.* 1886, № 20).

[3]) *Würz*, „De mercede ecclesiastica Athen." (1878). См. у *Gilbert*, Handbuch der griech. Staatsalterthümer, I, 152, 273, 326—328 (1881); *Curtius*, Gr. Gesch., 5-te Aufl., II, 237—238, 842—843.

была при Периклѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, введенію θεωρικὸν'а непремѣнно должно предшествовать введеніе вознагражденія за посѣщеніе народнаго собранія [1]) (p. 151—152). Далѣе, онъ видимо сочувствуетъ возраженіямъ, которыя могли быть представлены съ финансовой, политической и нравственной точки противъ Перикловыхъ реформъ, этой „цѣлой системы подкуповъ", еще не виданной въ Греціи (p. 175—183). Θукидиду Алопекскому, всей аристократической и консервативной партіи, приходилось напречь всѣ силы, чтобы воспрепятствовать этому перевороту, этому вступленію на гибельный путь (p. 177). Въ виду тѣхъ мѣткихъ, уничтожающихъ возраженій, которыя могли быть сдѣланы оппозиціей, доводы Перикловой партіи едва ли могли оказаться вѣскими [2]) (p. 182). Но сила Перикловыхъ проектовъ заключалась не въ ихъ внутреннемъ достоинствѣ, а въ тѣхъ заманчивыхъ выгодахъ, которыя они сулили въ будущемъ всѣмъ менѣе состоятельнымъ. Въ такихъ нововведеніяхъ Дункеръ склоненъ видѣть со стороны Перикла средство, чтобы подкупить въ свою пользу народъ (ср. Плутарха, Pericl., 9, 11); а къ своимъ проектамъ, касавшимся перемѣнъ въ организаціи союза, Периклъ, по замѣчанію Дункера, не преминулъ присоединить, какъ приманку, свободное распоряженіе союзною казною для построекъ, что̀ могло дать значительный заработокъ населенію Аттики (p. 168).

Такова точка зрѣнія Дункера. Въ оправданіе Перикла нужно сказать, что его реформы вызваны были серьезною необходимостью: онѣ были неизбѣжны, если только Периклъ желалъ, чтобы въ Аѳинахъ демократія существовала въ дѣйствительности, а не номинально, чтобы въ судѣ и управленіи участвовали не одни лишь богатые,

---

[1]) Вотъ подлинныя слова Дункера: „*Der Einführung des θεωρικόν*, welche dem Perikles notorisch angehört (Plut. Pericl. 9), *muss die Einführung der Schadloshaltung für die Mühen der Volksversammlung nothwendig vorausgegangen sein.* Zunächst war doch der Bürger für den öffentlichen Dienst zu entschädigen; die Entschädigung für die Festfreude konnte dieser erst folgen. Ueberdies liegt zu Tage, dass dem Perikles in erster Linie daran gelegen sein musste, seine Partei vollzählig in der Versammlung zu haben. *Das war dringendes Gebot für ihn, das θεωρικόν eine anmuthige* Zugabe".

[2]) По поводу необходимости доставить и менѣе состоятельнымъ средства нравственнаго образованія Дункеръ замѣчаетъ: „Die Replik lag freilich nahe genug, dass für die Menge der sittliche Erfolg des Anhörens schwer verständlicher Chöre oder nur zu verständlichen Schmutzes nicht erheblich, am wenigsten erheblich genug sein könne, der Prämiirung des Müssigganges, der täglichen Richterei, dem Hoheitsdünkel und Hoheitsschwindel das Gegengewicht zu halten".

наконецъ, чтобы не было просто недостатка въ необходимомъ числѣ геліастовъ. Такія мѣры, какъ жалованье флоту и вознагражденіе геліастамъ и членамъ думы, являлись вполнѣ справедливыми, первая—въ виду продолжительныхъ ежегодныхъ маневровъ, заведенныхъ Перикломъ, вторая—въ виду бо́льшаго обремененія думы и геліэи дѣлами [1]. Что же касается до платы за посѣщеніе народнаго собранія, то, какъ было замѣчено, введеніе ея при Периклѣ не доказано. Впрочемъ, мы не будемъ останавливаться на мотивахъ Перикловыхъ реформъ, такъ какъ на это столько разъ уже указывалось (см. замѣчанія у самого Дункера на стр. 141, 147—149, 155). Реформы эти—естественное и вполнѣ логическое слѣдствіе предыдущаго хода развитія аѳинскаго государственнаго строя. Въ сущности Периклъ является тутъ лишь продолжателемъ дѣла цѣлыхъ предшествовавшихъ поколѣній, лишь завершителемъ того, первые зародыши чему положены были при Солонѣ и что̀ получило дальнѣйшее развитіе, благодаря Клисѳену, Ѳемистоклу, Аристиду и, можетъ быть, Эфіальту, къ реформѣ котораго съ такимъ сочувствіемъ относится Дункеръ, а Периклъ шелъ по пути Эфіальта, дѣйствовалъ въ его духѣ и направленіи; да на самомъ дѣлѣ, какъ было упомянуто, нельзя даже съ точностью сказать, что̀ здѣсь сдѣлано Эфіальтомъ и что̀—Перикломъ. Странно также, отчего Дункеръ не порицаетъ, напримѣръ, Ѳемистокла и его дѣла, значеніе котораго для всего строя Аѳинской жизни онъ самъ такъ ярко освѣтилъ въ 7 томѣ своего труда (p. 172—178, 192 [2]).

Со взглядомъ автора на перемѣны въ организаціи союза Аѳинскаго при Периклѣ можно согласиться, но съ большими оговорками, такъ какъ и тутъ въ его замѣчаніяхъ не мало сомнительнаго, и тутъ онъ, быть можетъ, слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе личности Перикла. Такъ, онъ говоритъ, что Периклъ одержалъ верхъ въ борьбѣ съ оппозиціей, и вотъ началось рабство союзниковъ: прежняя организація союза, союзный совѣтъ, уничтожены, вся власть сосредоточена въ Аѳинахъ (p. 192). Кимонъ, по словамъ Дункера, умѣлъ лучше обращаться съ союзниками, чѣмъ Периклъ: онъ никогда не устана-

---

[1]) Ср. *Curtius*, II, 225 ff.

[2]) Между тѣмъ какъ *А. Шмидтъ* предложеніе о запрещеніи личныхъ нападокъ на сценѣ приписываетъ жреческой, ортодоксальной партіи (p. 109—113), Дункеръ приписываетъ это Перикловой партіи. По замѣчанію его въ другомъ мѣстѣ, этой мѣры въ тотъ моментъ безусловно требовало благо государства (p. 499).

кливалъ тираннія Аѳинъ надъ ними, никогда не попиралъ союзнаго устройства (р. 218). „Съ реформой аттическаго государственнаго строя Периклъ провелъ также и реформу союза... По выраженію, влагаемому Ѳукидидомъ (II, 63) въ уста самого же Перикла, союзъ превратился въ тираннію, въ насильственное господство Аѳинъ надъ союзниками, и этимъ самъ Периклъ произноситъ суровый приговоръ надъ своимъ управленіемъ: вѣдь, никто иной, какъ онъ, превратилъ аѳинскую гегемонію въ тираннію" (р. 417). Еще былъ вопросъ, подобнаго рода владычество Аѳинъ надъ союзниками, это пассивное повиновеніе послѣднихъ выдержитъ ли испытаніе въ критическій моментъ, когда поднимется сильный внѣшній врагъ (р. 246). Нѣтъ сомнѣнія, Аѳинскій союзъ не былъ особенно проченъ; но нельзя упускать изъ виду того, что перемѣны въ его организаціи, въ отношеніяхъ между аѳинянами и союзниками, начались еще задолго до Перикла, и онѣ не были слѣдствіемъ какого-нибудь формальнаго, законодательнаго акта со стороны Аѳинъ, а возникли постепенно и совершенно естественно; самый ходъ дѣлъ велъ къ тому, чтобъ аѳинская гегемонія превратилась въ „ἀρχή", и было бы несправедливо во всемъ этомъ обвинять одного только Перикла: недовольство союзниковъ аѳинскою гегемоніею, превращеніе ихъ изъ равноправныхъ членовъ союза въ подданныхъ Аѳинъ, относится еще ко времени именно того Кимона, который, по Дункеру, такъ умѣлъ обращаться съ ними; вспомнимъ, напримѣръ, о возстаніи Наксоса и Ѳазоса (см. замѣчанія самого Дункера на стр. 218).

Что касается до употребленія союзной казны на украшеніе Аѳинъ, то тутъ была, конечно, своего рода эксплуатація. Но къ подобнымъ отношеніямъ нельзя прилагать чисто идеальной мѣрки; союзники были въ зависимости отъ аѳинянъ, обязаны были имъ покровительствомъ и защитой отъ внѣшняго врага; при такомъ положеніи извѣстная доля эксплуатаціи слабой стороны сильною была неизбѣжна, и если даже не согласиться съ тѣмъ, что̀ приводилъ Периклъ въ свое оправданіе (Плутархъ, Pericl., 12), то и тогда нельзя не признать, что союзныя деньги употреблялись, по крайней мѣрѣ, на дѣло благородное, и что другіе на мѣстѣ аѳинянъ поступали бы, вѣроятно, хуже (ср. слова аѳинскихъ пословъ у Ѳукид., I, 76—77).

Переходимъ къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ Дункера по поводу возстанія Самоса, замѣчаніямъ, показывающимъ, между прочимъ, какъ произвольно обращается онъ съ источниками. Онъ находитъ поразительною ту пассивность, съ которою аѳиняне смотрѣли,

какъ два члена союза, Милетъ и Самосъ, боролись между собою съ цѣлью лишить самостоятельности третій членъ, Пріену (p. 134). Далѣе Дункеръ признаетъ за фактъ, что Самосъ въ моментъ вмѣшательства Аѳинъ вовсе не находился въ открытомъ возстаніи противъ нихъ; остается подъ сомнѣніемъ даже, дѣйствительно ли правящая на Самосѣ аристократія задумывала отложиться. Вѣрно только то, утверждаетъ авторъ, что вмѣшательство со стороны аѳинянъ послѣдовало подъ вліяніемъ мысли о возможности лишь подобнаго возстанія, а такое опасеніе вызвано было собственнымъ ихъ сознаніемъ, что сами они, съ своей стороны, нарушили право (p. 196, также p. 198). Самосская аристократія подняла возстаніе въ негодованіи за насильственныя дѣйствія ихъ (p. 198). Такимъ образомъ своимъ вмѣшательствомъ аѳиняне вызвали именно то, что̀ хотѣли предотвратить (p. 201). Наконецъ, исходъ морской битвы между Перикломъ и самосцами, вопреки свидѣтельству Ѳукидида (I, 117) и Плутарха (Pericl., 25), Дункеръ считаетъ сомнительнымъ; онъ прямо говоритъ, что здѣсь онъ раздѣляетъ взглядъ Pflugk-Harttung'а (p. 203).

На стр. 220—223 Дункеръ упоминаетъ о потеряхъ, постигшихъ аѳинское владычество въ Ликіи и Каріи, гдѣ персамъ удалось овладѣть нѣкоторыми городами, и, опираясь лишь на Аристофана предполагаетъ, что послѣ подавленія самосскаго возстанія въ Персію дѣйствительно было вторичное посольство, возвратившееся, подобно первому, ни съ чѣмъ (p. 221—222). По словамъ Дункера же, послѣ самосскаго возстанія Периклъ, наученный опытомъ, настаиваетъ подъ благовиднымъ предлогомъ на томъ, чтобы были срыты стѣны Іонійскихъ городовъ (p. 241—243). Основаніемъ для такого утвержденія автору служатъ весьма неопредѣленныя указанія Ѳукидида (III, 33) и комика Телеклида (у Плутарха, Pericl., 16).

Главу, посвященную строительной дѣятельности Перикла, Дункеръ начинаетъ извѣстною характеристикой послѣдняго у Ѳукидида и Плутарха. Но онъ не безусловно соглашается съ этою характеристикой: если Ѳукидидъ, а за нимъ и Плутархъ, утверждаютъ, что при Периклѣ Аѳины достигли высшаго могущества, то это, по его словамъ, можетъ относиться къ величинѣ города, къ экономической жизни, къ благосостоянію Аттики и къ далекимъ торговымъ связямъ ея, но никакъ не къ политическому и военному могуществу Аѳинъ; при управленіи Кимона Аѳины, безъ сомнѣнія, были сильнѣе, нежели при Периклѣ. Но Дункеръ вполнѣ признаетъ, что Периклу

удалось „осуществить мысль — сдѣлать Аѳины средоточіемъ экономической жизни грековъ, средоточіемъ еллинскаго искусства и еллинской духовной жизни, возвысить ихъ на степень умственной и художественной столицы Греціи" (p. 243 — 248). Такимъ образомъ относительно этой стороны дѣятельности Перикла не можетъ быть спора; поэтому мы не будемъ останавливаться на ней. Кстати только замѣтимъ, что самая строительная дѣятельность Перикла не мало способствовала поднятію благосостоянія низшихъ классовъ: масса рабочихъ, ремесленниковъ, находила заработокъ. Бывали времена, когда украшеніе городовъ, созданіе великихъ памятниковъ искусства, увлеченіе послѣднимъ, покупалось дорогою цѣною, когда ради этого народной массѣ приходилось стонать подъ гнетомъ непомѣрныхъ платежей. Не такъ было при Периклѣ: на украшеніе Аѳинъ шелъ избытокъ средствъ; для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ народу не нужно было напрягать своихъ платежныхъ силъ. Матеріальное благосостояніе разливалось тогда болѣе или менѣе равномѣрно между различными классами общества.

Внѣшнюю политику Перикла Дункеръ далеко не одобряетъ. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что Ѳуріи, эта „образцовая" панеллинская колонія, основанная „съ большимъ шумомъ и надеждами", не оправдала ожиданій (p. 269, 270): Периклъ открылъ двери этой колоніи всѣмъ грекамъ, и не-аѳинянамъ удалось отторгнуть Ѳуріи отъ аѳинянъ (p. 301); всѣ труды и траты послѣднихъ пропали даромъ (p. 302). Аѳины дожили до того, что основанный ими же городъ сражался противъ нихъ на сторонѣ спартанцевъ (p. 304). Дункеръ сомнѣвается также, благоразумно ли поступилъ Периклъ, принявъ сторону враговъ Пердикки (p. 299—300); а по поводу союза Аѳинъ съ Акарнаніей, несомнѣнно расширявшаго сферу аѳинскаго вліянія, онъ прямо обвиняетъ Перикла въ черной неблагодарности. Коринѳъ оказалъ незадолго передъ тѣмъ услугу аѳинянамъ; вслѣдствіе его противодѣйствія Спарта не помогла возставшему противъ нихъ Самосу. Но „Периклъ не отступилъ ни предъ возможностью столкновенія съ Коринѳомъ, ни предъ упрекомъ въ неблагодарности: аѳиняне рѣшили помочь акарнанцамъ противъ Амбракіи и двухъ другихъ коринѳскихъ колоній" (p. 276). Это было первымъ актомъ возобновленной вражды Аѳинъ къ Коринѳу (p. 307).

Но еще яснѣе обнаруживается взглядъ Дункера тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о началѣ Пелопоннесской войны.

Перемѣны, происшедшія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ во внѣш-

нихъ отношеніяхъ Аѳинъ, не были благопріятны для послѣднихъ, говоритъ авторъ. На продолжительный миръ со Спартой нельзя было разсчитывать; рѣшительная борьба съ Пелопоннесомъ являлась неизбѣжною. Сильный сосѣдъ и врагъ Аѳинъ, Ѳивы, находились въ тѣсномъ союзѣ съ Коринѳомъ и Спартой; правда, аѳиняне могли опереться на дружбу съ Ѳессаліей, но за то эта дружба стоила имъ союза съ фокидцами. На сѣверѣ собирались тучи: тамъ могли явиться опасными врагами Одризскій царь, Ситалкъ, все расширявшій границы своего царства, и вѣроломный, энергическій Пердикка, царь Македонскій. Еще болѣе угрожающіе признаки проявлялись на западѣ: вспыхнула распря между Коринѳомъ и Керкирой; аѳиняне, казалось, тѣмъ менѣе могли оставаться чуждыми этой распрѣ, что они недавно ступили ногой въ Акарнаніи; въ случаѣ рѣшительной побѣды Коринѳа, имъ врядъ ли удалось бы удержаться здѣсь (р. 287—290). Дункеръ ярко изображаетъ всю затруднительность положенія аѳинянъ въ виду возникавшей борьбы между Керкирой и Коринѳомъ и всѣ роковыя слѣдствія вмѣшательства ихъ въ пользу первой. Говоря о рѣчахъ пословъ обѣихъ враждующихъ сторонъ предъ аѳинскимъ собраніемъ, онъ замѣчаетъ, что у коринѳянъ не было недостатка въ вѣрныхъ доводахъ, чтобы опровергнуть доводы противниковъ (р. 310). Нѣтъ сомнѣнія, по его словамъ, что Периклъ стоялъ за союзъ съ Керкирой, хотя Ѳукидидъ объ этомъ и не упоминаетъ (I, 44). Но тутъ противъ него должна была выступить враждебная ему партія и всѣ друзья мира: они должны были употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать ему вовлечь Аѳины въ безконечныя замѣшательства и самую тяжкую войну (р. 313—314). И Дункеръ съ особенною яркостью и выразительностью представляетъ всѣ тѣ соображенія, которыя, по его мнѣнію, могли быть приведены оппозиціей противъ союза съ Керкирой (р. 315). Периклъ же, по его словамъ, успѣлъ устранить первое рѣшеніе народнаго собранія и добиться во второмъ собраніи того, что съ Керкирой заключенъ былъ, по крайней мѣрѣ, строго-оборонительный союзъ, хотя и тутъ Ѳукидидъ не упоминаетъ имени Перикла (I, 44). „Со стороны Аѳинянъ это былъ рискованный шагъ, который также могъ повести къ опаснымъ столкновеніямъ“ (р. 317). За то и Дункеръ отвергаетъ разказъ Плутарха (Pericl., 29), будто Периклъ изъ вражды къ Кимонову потомству предоставилъ въ распоряженіе Лакедемонія (сына Кимона) всего лишь 10 тріеръ, какъ бы въ насмѣшку, съ цѣлью не дать ему возможности совершить что-либо важное и навлечь на

него подозрѣніе въ „лаконизмѣ": по Дункеру, это не что иное, какъ сплетни. Тутъ же, ссылаясь на изслѣдованіе Pflugk-Harttung'а, Дункеръ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе, что Периклъ скорѣе избѣжалъ бы открытаго столкновенія съ Коринѳомъ, еслибы послалъ на помощь Керкирѣ, вмѣсто 10 тріеръ, 100, такъ какъ въ такомъ случаѣ коринѳяне врядъ ли бы рѣшились предпринять нападеніе (р. 318 [1]).

Виновниками Пелопоннесской войны Дункеръ считаетъ аѳинянъ, а ихъ въ эту войну вовлекъ Периклъ. Именно аѳиняне, говоритъ авторъ, нарушили миръ съ Коринѳомъ (р. 323), принявъ участіе въ битвѣ при Сиботахъ. Они же сдѣлали дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи, заключивъ союзъ съ Закинѳомъ, а затѣмъ съ Регіумомъ и съ Леонтинами (р. 324—325): во всемъ этомъ коринѳяне могли усмотрѣть новое посягательство со стороны аѳинянъ. Вообще къ союзу съ Регіумомъ и съ Леонтинами Дункеръ относится съ порицаніемъ: отъ такихъ далекихъ и непрочныхъ связей польза была сомнительная; онѣ требовали со стороны аѳинянъ лишь излишняго напряженія силъ, налагали на нихъ извѣстныя обязательства, грозили новыми безконечными столкновеніями и замѣшательствами (324—325, 331, 414, 504); еще вопросъ, усиленію или же ослабленію Аѳинъ способствовало подобное расширеніе сферы вліянія (363). По Дункеру, виновникъ этихъ союзовъ—Периклъ; правда, Ѳукидидъ не называетъ его и даже прямо ничего не говоритъ о заключеніи упомянутыхъ союзовъ—мы узнаемъ о нихъ лишь изъ позднѣйшихъ намековъ и ссылокъ Леонтинскихъ союзниковъ (у Ѳукидида же) и изъ отрывковъ надписей; но такъ онъ дѣлаетъ для того, чтобы не выставлять Перикла виновникомъ замѣшательствъ, впослѣдствіи приведшихъ аѳинянъ къ Сицилійской экспедиціи, и чтобы за эту экспедицію бросить упрекъ аттическому народу (р. 316, 508). Но предположимъ даже, что Дункеръ правъ, приписывая Периклу заключеніе союза съ Регіумомъ и съ Леонтинами (по надписямъ, предложеніе исходило отъ Каллія): развѣ заключеніе простого союза и отправленіе отборнаго

---

[1]) Но это, можетъ быть, не вина Перикла: не слѣдуетъ забывать, что здѣсь онъ имѣлъ дѣло съ сильною оппозиціей, и, конечно, не всѣ предлагаемыя имъ мѣры осуществлялись въ томъ именно видѣ, какъ онъ желалъ: вѣроятно, ему часто приходилось идти на компромиссъ. Очень можетъ быть, напримѣръ, что въ данномъ случаѣ противники Перикла и „друзья мира" (употребляя выраженіе Дункера) настояли на томъ, чтобы въ помощь Керкирѣ посланъ былъ именно такой незначительный отрядъ.

флота, снаряженнаго съ колоссальными издержками, съ напряженіемъ силъ, для завоеванія цѣлаго острова—одно и то же? Неужели справедливо сваливать на Перикла отвѣтственность даже и за злополучную Сицилійскую экспедицію?

Далѣе, какъ выражается Дункеръ, послѣдовалъ новый вызовъ Коринѳу (p. 328). Это—тѣ требованія, съ которыми обратились аѳиняне къ Потидеѣ. По автору, тутъ аѳиняне оказываются кругомъ неправыми и дѣлаютъ одну ошибку за другою. Требованія предъявлены были ими, не смотря на то, что на Потидею никоимъ образомъ нельзя было пожаловаться. Сдѣлано это было съ тою цѣлью, чтобы предотвратить возможность отпаденія (p. 327; ср. поведеніе аѳинянъ по отношенію къ Самосу, у Дункера же); а между тѣмъ требованія эти могли вызвать именно то, что̀ имѣлось въ виду предупредить ими (p. 328). Не смотря на всѣ свои старанія и просьбы, потидейцы не могли добиться ихъ отмѣны; тогда-то они тайно посылаютъ въ Спарту за помощью. Въ такомъ свѣтѣ представляетъ это дѣло Дункеръ. Но вопервыхъ, интриги Пердикки и то обстоятельство, что Потидея была колоніей коринѳскою, давали аѳинянамъ основательный поводъ къ опасенію за ея вѣрность (Ѳукид., I, 57). Вовторыхъ, изъ Ѳукидида видно, что потидейцы вошли въ сношенія со Спартой не послѣ того уже, какъ увидѣли всю безплодность своихъ переговоровъ съ аѳинянами (какъ утверждаетъ это Дункеръ), а въ то же время, какъ отправили пословъ въ Аѳины; словомъ оказывается, что оба посольства были событіями одновременными [1]).

Затѣмъ продолжаетъ Дункеръ, было ясно, что аѳиняне сдѣлали большую ошибку, предъявивъ Потидеѣ очень суровыя требованія и не выславъ въ то же время такой вооруженной силы, которая могла бы тотчасъ заставить ее исполнить эти требованія. Мало того. Когда возстала Потидея, сдѣлана была новая ошибка: въ Аѳинахъ опять замедлили съ отправкой подкрѣпленія. Дункеръ рѣшается назвать это ошибкой, вѣроятно, потому, что тутъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, источники наши не даютъ рѣшительно никакихъ указаній на причины подобнаго замедленія, и этого молчанія достаточно для Дункера, чтобы обвинить аѳинянъ въ цѣломъ рядѣ ошибокъ: всякія сомнѣнія и недоразумѣнія, возникающія вслѣдствіе недостаточности нашихъ свѣдѣній, онъ разрѣшаетъ не въ пользу Перикла (ср. выше). Но въ данномъ случаѣ нужно помнить, что аѳи-

[1]) Ѳукид., I, 58.

нянамъ приходилось имѣть дѣло со многими врагами разомъ, что и ихъ силы имѣли же извѣстный предѣлъ и нельзя же было моментально собрать ихъ! Такимъ образомъ, тутъ Дункеръ обвиняетъ аѳинянъ въ медленности и непредупредительности, а раньше ставилъ имъ въ вину то, что они заподозрѣли „безъ всякаго основанія“ Потидею въ измѣнѣ и обратились къ ней съ слишкомъ суровыми требованіями! Интересно знать, какъ назвалъ бы Дункеръ поведеніе аѳинянъ, еслибы они не приняли никакихъ мѣръ на случай измѣны Потидеи и еслибы Потидея все-таки измѣнила? Тогда бы, вѣроятно, въ его же глазахъ Периклъ и вмѣстѣ съ нимъ аѳиняне оказались виновными въ недальновидности и слабости.

Какъ будто мало еще было горючаго матеріала, говоритъ Дункеръ,—аѳиняне именно теперь вступаютъ въ распрю еще и съ Мегарой (p. 328). По его мнѣнію, постановленія аѳинскаго народнаго собранія противъ Мегары находились въ прямомъ противорѣчіи съ мирнымъ договоромъ 445 года, нарушали его (p. 329, 349—350, 379) [1]). А что касается обвиненія мегарцевъ въ убіеніи аѳинскаго герольда, то, по словамъ Дункера, въ Мегарѣ совершенно основательно отвергали всякое участіе въ этомъ дѣлѣ (p. 350).

Такимъ образомъ, изъ всего изложенія автора выходитъ, что вина за послѣдовавшія затѣмъ событія всецѣло падаетъ на аѳинянъ. Не такъ смотрѣлъ на дѣло Ѳукидидъ: уже онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что событія въ Эпидамнѣ и Потидеѣ, жалобы Мегары и Эгины, все это были лишь **поводы**, **предлоги** къ войнѣ, истинная же **причина**, о которой однако менѣе всего говорилось, **коренилась въ возвышеніи аѳинскаго могущества**, возбуждавшаго въ лакедемонянахъ страхъ и зависть (I, 23; II, 8).

Нельзя не упомянуть также о томъ, какъ отзывается Дункеръ о дѣйствіяхъ оппозиціи противъ Перикла. Тутъ оказывается, будто противники послѣдняго тщетно пытались предотвратить грозящую

---

[1]) На томъ основаніи, что по 30-тилѣтнему миру между обѣими сторонами сношенія должны были производиться безпрепятственно (Ѳукидидъ, I, 67; Плутархъ, Pericl., 29). Въ противоположность общепринятому мнѣнію, Дункеръ предполагаетъ, что противъ Мегары въ аѳинскомъ народномъ собраніи состоялось не одно, а два постановленія: одно—осенью 433 г. и состояло въ запрещеніи ввоза и пограничныхъ сношеній, другое—весною 432 г.—усиливало строгость перваго и состояло въ запрещеніи всякой торговли съ Мегарой и въ изгнаніи мегарцевъ изъ предѣловъ Аттики (p. 329—330, 350). Основываетъ онъ свое мнѣніе на словахъ Плутарха и на намекахъ Аристофана.

опасность, тщетно старались удержать Аѳины отъ вступленія на гибельный путь рискованныхъ предпріятій и приключеній (р. 331). Но нападенія на внѣшнюю политику Перикла ни къ чему не вели, хотя онъ и впутывалъ государство все въ бо́льшія и бо́льшія замѣшательства и въ то же время постройками еще болѣе расточалъ казну, лишь бы обезпечить городской толпѣ хорошій заработокъ и этимъ склонить ее въ пользу своихъ безумно-смѣлыхъ внѣшнихъ плановъ. И вотъ, чтобы хотя косвеннымъ образомъ нанести ударъ Периклу и вмѣстѣ съ тѣмъ положить конецъ постройкамъ и сохранить для государственной казны, по крайней мѣрѣ, часть суммъ, предназначенныхъ на эти постройки, оппозиція нападаетъ на Фидія (р. 331, 334, 335). Словомъ, изложеніе Дункера производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ не только вѣритъ патріотизму и искренности намѣреній оппозиціи, но и сочувствуетъ ей въ данномъ случаѣ, и какъ будто самыя обвиненія противъ Фидія не были простою интригою, а вызваны были, между прочимъ, заботой о сохраненіи государственной казны; обвинители Фидія оказываются блюстителями государственныхъ интересовъ.

Совсѣмъ иначе относится Дункеръ къ Спартѣ: онъ выставляетъ на видъ ея миролюбіе, ея желаніе, по возможности, избѣжать войны.

По Ѳукидиду, спартанцы отправили посольство въ Аѳины уже послѣ того, какъ ими рѣшена была война (I, 125—126); ихъ требованія вызваны были желаніемъ найдти, въ случаѣ отказа, тѣмъ большій предлогъ къ войнѣ [1]); притомъ и приготовленія ихъ еще не были окончены. Какъ же смотритъ Дункеръ на поведеніе Спарты въ виду такихъ ясныхъ свидѣтельствъ источниковъ? Во всѣхъ ея требованіяхъ, предъявленныхъ ею аѳинянамъ, онъ видитъ вовсе не простой предлогъ для оправданія или временной отсрочки войны. Такъ, по его мнѣнію, требуя изгнанія святотатцевъ изъ Аѳинъ, партія мира въ Спартѣ разчитывала на то, что съ удаленіемъ Перикла аѳиняне согласятся на умѣренныя уступки, и такимъ образомъ миръ будетъ обезпеченъ (р. 389). Спарта ясно давала понять, что она не начнетъ войны, лишь бы только отмѣнено было постановленіе аѳинскаго собранія относительно Мегары. Отъ другихъ требованій она готова была отказаться, но на этой отмѣнѣ она особенно настаивала; къ такому требованію побуждало ее чувство благодарности къ Мегарѣ, такъ какъ отпаденію послѣдней отъ Аѳинскаго союза она обя-

[1]) I, 126: ὅπως σφίσιν ὅτι μεγίστη πρόφασις εἴη τοῦ πολεμεῖν, ἤν μή τι ἐσακούσωσι.

зана была своимъ успѣхомъ во вторую войну съ Аѳинами (p. 390). Спарта не могла допустить, чтобы на ея глазахъ морили голодомъ ея союзника (p. 391). Наконецъ, въ виду союзниковъ и для удовлетворенія спартанскаго самолюбія, нужно же было добиться уступки хотя бы по одному пункту. Вообще Спарта открывала аѳинянамъ достаточно путей для мира (p. 418). Доказательствомъ ея миролюбія служитъ и то, что она рѣшилась отправить въ третій разъ посольство въ Аѳины. И тутъ она не скрываетъ, что для предотвращенія войны и сохраненія мира аѳинянамъ достаточно отмѣнить постановленіе противъ Мегары [1]). Что же касается остальныхъ требованій Спарты, то требованія касательно Потидеи и Эгины, по Дункеру предъявлены были лишь для виду, а новое—относительно свободы аѳинскихъ союзниковъ—должно было служить какъ бы поводомъ къ продолженію переговоровъ и вмѣстѣ серьезною угрозой того, въ какомъ смыслѣ Спарта будетъ вести войну, если дѣло дойдетъ до этого (p. 391—392).

Такимъ образомъ Дункеръ придаетъ рѣшающее значеніе отказу аѳинянъ отмѣнить постановленія противъ Мегары. Со стороны Спарты это не былъ лишь пустой предлогъ; за уступкой аѳинянъ по этому пункту вовсе не послѣдовали бы какія-нибудь новыя требованія, какъ увѣрялъ Периклъ. Аѳинянамъ слѣдовало избѣгать войны въ тотъ моментъ, слѣдовало выждать, по крайней мѣрѣ, время, пока падетъ Потидея, пока покорены будутъ города Халкидики. И войны можно было избѣжать; относительно этого не оставляютъ никакихъ сомнѣній многократныя посольства Спарты, поведеніе Архидама, увѣренія спартанскихъ пословъ; стоило только отмѣнить постановленія касательно Мегары (p. 397—398). Тогда бы и ѳиванцы не осмѣлились напасть на Платею (p. 418). Да и что значила отмѣна этого постановленія въ сравненіи съ выгодами, которыя представляла для аѳинянъ отсрочка войны? Утвержденіе Перикла у Ѳукидида, будто подобная отмѣна—начало рабства Аѳинъ, есть не болѣе, какъ риторическій оборотъ безъ всякаго значенія и притомъ (если только Периклъ дѣйствительно его употребилъ) въ его устахъ болѣе легкомысленный, нежели въ устахъ всякаго другаго оратора: вѣдь, и не

[1]) Правда, Ѳукидидъ говоритъ, что на этотъ разъ спартанцы, не упоминая вовсе о прежнихъ требованіяхъ, поставили условіемъ сохраненія мира—свободу аѳинскихъ союзниковъ; но дальше (утверждаетъ Дункеръ) онъ самъ себѣ противорѣчитъ, сообщая, что аѳиняне рѣшили отвѣчать разомъ на всѣ требованія Спарты.

такія еще унизительныя условія онъ самъ заставилъ аѳинянъ принять по 30-тилѣтнему миру, и однако аѳиняне не сдѣлались же рабами Лакедемона. И если Периклъ ставилъ на видъ, что, за исполненіемъ ими первыхъ требованій, со стороны Спарты послѣдуютъ скоро другія, то это ничего не значило: ихъ можно было подождать: въ тогдашнемъ положеніи аѳинянъ прежде всего нужно было выиграть время (p. 398). Словомъ, во власти Перикла было отсрочить войну (p. 465); но онъ втянулъ въ нее аѳинянъ, потому что желалъ ея (p. 397). Война не была неизбѣжною; неизбѣжною ее сдѣлало лишь отклоненіе спартанскихъ требованій („der Krieg war nicht unvermeidlich, erst die Abweisung der Forderungen der Spartaner machte ihn unvermeidlich", p. 398).

Итакъ, Дункеръ, въ другихъ случаяхъ упрекающій Перикла въ слабости, недостаткѣ энергіи и т. п., на этотъ разъ ставитъ ему въ вину твердость. Стараясь доказать во что бы то ни стало, что Спарта стремилась къ миру, Дункеръ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ Ѳукидидомъ, по категорическому свидѣтельству котораго въ Спартѣ взяла верхъ партія войны и война тамъ рѣшена была заранѣе. Дункеръ полагаетъ, что своимъ постановленіемъ относительно Мегары аѳиняне нарушили условія 30-тилѣтняго мира; спартанцевъ же—за то, что они отказались отъ предложеннаго аѳинянами рѣшенія дѣла мирнымъ, третейскимъ судомъ, какъ того требовалъ договоръ 445 года на случай распри и недоразумѣній,—онъ не обвиняетъ въ нарушеніи условій мира. Напротивъ, Спарта, по его мнѣнію, и не могла иначе поступить,—не могла согласиться на подобное предложеніе (p. 391). Съ другой стороны, по поводу отказа аѳинянъ исполнить требованія спартанцевъ относительно Мегары можно замѣтить, что исполненіе нѣкоторыхъ требованій противника бываетъ иногда унизительнѣе всякихъ территоріальныхъ уступокъ и хуже всякаго открытаго пораженія. Такъ и въ данномъ случаѣ: постановленіе аѳинскаго собранія, касавшееся Мегары и запиравшее для нея аѳинскіе рынки и гавани, было дѣло, такъ сказать, внутреннее; тутъ вмѣшательство Спарты должно было показаться аѳинянамъ особенно оскорбительнымъ. Быть можетъ, потому-то Спарта и настаивала особенно на этомъ требованіи, что аѳиняне безъ крайняго униженія не могли его выполнить, что на него они менѣе всего могли согласиться. Дѣло Перикла было поддержать честь и достоинство Аѳинскаго государства. Въ виду все новыхъ и новыхъ требованій противника необходимо было обнаружить твердость. А толкованіе, къ которому

прибѣгаетъ Дункеръ по поводу послѣдняго требованія Спарты (относительно освобожденія аѳинскихъ союзниковъ) есть натяжка: оно слишкомъ ужь искусственно и ни на чемъ не основано. Да и странный былъ бы это способъ со стороны спартанцевъ выражать свое миролюбіе—при возобновленіи переговоровъ не уменьшать, а все увеличивать свои требованія.

Авторъ называетъ политику Перикла оригинальною и не легко понятною (p. 398). Съ точки зрѣнія Дункера поведеніе Перикла дѣйствительно непонятно; дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, онъ приписываетъ ему желаніе непремѣнно поднять войну, а съ другой—уличаетъ его въ недостаткѣ твердости и отсутствіи энергіи. Въ изложеніи же Ѳукидида образъ дѣйствій Перикла представляется вполнѣ яснымъ и понятнымъ, тутъ нѣтъ ничего загадочнаго: въ дѣлѣ отклоненія спартанскихъ требованій политика Перикла, какъ и рѣчь его, сказанная по этому поводу, носитъ на себѣ отпечатокъ твердости и вмѣстѣ съ тѣмъ чужда всякаго вызывающаго характера. Притомъ, коль скоро рѣшительная борьба со Спартой была неизбѣжна въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ — а этого не отрицаетъ и Дункеръ (p. 123 и т. д.), — то Периклъ могъ предпочесть начать эту борьбу теперь же, когда Аѳины были въ полномъ развитіи своихъ внутреннихъ силъ и когда, по свидѣтельству Ѳукидида, онѣ были подготовлены къ войнѣ такъ, какъ никогда прежде [1]), не говоря уже о тѣхъ личныхъ побужденіяхъ, которыя могли здѣсь руководить Перикломъ [2]).

Разъ аѳиняне сдѣлали войну неизбѣжною, говоритъ далѣе Дункеръ,—слѣдовало не предоставлять инициативы непріятелю, а предупредить его, воспользовавшись большею сосредоточенностью своихъ силъ. Рѣшительнаго отвѣта на предъявленныя требованія еще недостаточно было, чтобы сломить энергію врага; для этого нужно было, чтобы за рѣшительнымъ отказомъ послѣдовали тотчасъ же и рѣшительныя дѣйствія. И Дункеръ, какъ контрастъ пассивности аѳинянъ, представляетъ дѣйствія ѳиванцевъ, напавшихъ на Платею (p. 398—399). Онъ порицаетъ поведеніе Аѳинъ вслѣдъ за нападеніемъ ѳиванцевъ на Платею. Этимъ нападеніемъ Ѳивы сами разорвали мирный договоръ. Аѳиняне имѣли полное право тотчасъ же напасть на нихъ и

[1]) II, 20: „τοὺς γὰρ 'Αθηναίους ἤλπιζεν, ἀκμάζοντάς τε νεότητι πολλῇ καὶ παρεσκευασμένους ἐς πόλεμον ὡς οὔπω πρότερον, и т. д.

[2]) Ср. *Ranke*, Weltgeschichte, I, 1, 297.

поразить такимъ образомъ ближайшаго и самаго опаснаго своего врага, прежде чѣмъ подоспѣли бы пелопоннесцы.

Такого удобнаго случая нельзя было пропускать уже въ виду того, что иначе Платея могла подвергнуться новому нападенію (р. 402—403). Но произошло невѣроятное (р. 424): Периклъ удовольствовался тѣмъ что снабдилъ провіантомъ Платею, помѣстилъ тамъ гарнизонъ и перевелъ въ Аѳины неспособныхъ владѣть оружіемъ платейцевъ, женъ и дѣтей. Но самъ же Дункеръ не отрицаетъ, что въ виду такихъ мѣръ ѳиванцы не осмѣлились одни выступить опять противъ Платеи. Периклъ, продолжаетъ Дункеръ, по прежнему давалъ Спартѣ время собрать войска и приготовиться какъ слѣдуетъ (р. 402—403). Аѳиняне упорно держались принятой ими системы полной пассивности, между тѣмъ какъ Спарта, послѣ событій въ Платеѣ, обнаруживала рѣшительность и предусмотрительность. Назначеніе спартанцами дня, къ которому должны были собраться на Истмѣ союзные контингенты, было яснымъ призывомъ для аѳинянъ раньше этого дня быть на Истмѣ и занять Геранею. Въ Аѳинахъ оставили безъ вниманія и этотъ намекъ (р. 405)!

Говоря о силахъ обѣихъ сторонъ, готовившихся вступить въ рѣшительную борьбу, Дункеръ утверждаетъ, что тактика и дисциплина аѳинскихъ гоплитовъ при Периклѣ была въ бо́льшемъ пренебреженіи, чѣмъ бы слѣдовало. На чемъ основывается Дункеръ, утверждая это, неизвѣстно. Вѣроятно, онъ говоритъ тутъ просто a priori въ виду особаго вниманія, которое обращалъ Периклъ на флотъ. По крайней мѣрѣ, съ такимъ утвержденіемъ не совсѣмъ гармонируютъ приводимыя имъ же самимъ слова Ѳукидида о многочисленности аѳинской молодежи и подготовленности Аѳинъ къ войнѣ, какъ никогда раньше; да и изъ изложенія Дункера на стр. 409—412 видно, какъ велики были въ то время силы Аѳинъ и въ какомъ превосходномъ состояніи онѣ находились.

Не военныя силы имѣютъ рѣшающее значеніе въ борьбѣ, говоритъ Дункеръ, а способъ ихъ употребленія. Съ этой стороны образъ дѣйствій Перикла давалъ аѳинянамъ мало надежды на побѣду. И Дункеръ подвергаетъ строгому суду Перикловъ планъ войны [1]).

„Этотъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы оставить на произволъ Аттику, отступить за стѣны города и гавани. Правда, назадъ тому почти 50 лѣтъ аѳиняне два раза покидали не только Аттику, но и

[1]) Привожу слова Дункера въ сокращеніи.

свой городъ, но тогда это дѣлалось для того, чтобы собрать всецѣло силы, быть сильнѣе на одномъ рѣшающемъ пунктѣ. Теперь же страну очищали для того, чтобы уйдти отъ рѣшенія. Периклъ самъ былъ того мнѣнія, что война будетъ длиться долго, и на это продолжительное время страна должна была оставаться покинутою или же покидаться каждый разъ при вторженіи пелопоннесцевъ. Изъ года въ годъ граждане, землевладѣльцы и крестьяне должны были смотрѣть со стѣнъ города, съ полною пассивностью, какъ непріятель наводняетъ и безпрепятственно опустошаетъ страну. Странный способъ веденія войны, который чрезвычайныя мѣры превращалъ въ постоянныя, который заранѣе предавалъ въ руки врага то, что̀ государству надлежало защищать! Правда, за эти опустошенія Аттики предполагалось мстить непріятелю тѣмъ же—предполагалось дѣлать высадки въ Пелопоннесъ и здѣсь также производить опустошенія. Но Пелопоннесъ былъ великъ, гораздо больше Аттики, да и что̀ значили эти кратковременныя опустошенія въ сравненіи съ опустошеніемъ до-тла всей Аттики! Этимъ путемъ можно было ждать окончанія войны только отъ утомленія непріятеля или своего собственнаго. Но кто прежде утомился бы? Только одинъ результатъ подобнаго плана войны былъ ясенъ заранѣе: съ перваго же раза все сельское населеніе Аттики дѣлалось врагомъ войны; многократныя очищенія страны раззоряли не только крупныхъ земельныхъ собственниковъ, но и все крестьянское сословіе Аттики, то-есть, самую крѣпкую и здоровую часть ея населенія. Какой подъемъ духа, какую преданность отечеству могло пробудить въ крестьянахъ это ежегодное зрѣлище опустошаемой страны! Если реформы Перикла устранили вліяніе крестьянскаго сословія на государственную жизнь Аѳинъ, то теперь, казалось, онъ хотѣлъ уничтожить его и въ экономическомъ отношеніи. Или не помогалъ ли ужь Периклъ крестьянамъ тѣмъ, что совѣтовалъ имъ не дожидать опустошеній со стороны непріятеля, а самимъ опустошить страну, или тѣмъ, что отдавалъ въ собственность государству свои имѣнія въ случаѣ пощады ихъ спартанцами?

„Такимъ способомъ, этою чисто пассивною обороной, Периклъ никакъ не могъ привести Аѳины къ цѣли—къ преобладанію ихъ надъ Спартой. А не имѣть въ виду такой цѣли или надежды ея достигнуть и въ то же время вовлекать Аѳины въ войну, которой можно было избѣжать,—этого ужь никакъ нельзя оправдать! Но если даже вести войну и оборонительно, то все-таки аѳинянамъ не слѣ-

довало унижаться до обороны подобнаго рода. Не надо было терять ни минуты; нужно было предупредить непріятеля и напасть на Мегару; времени впереди было достаточно. Быстрымъ движеніемъ слѣдовало запереть мегарянъ въ городѣ, а гавань запереть тріерами; тотчасъ же надо было занять Геранею и загородить ея проходы укрѣпленіями. Обезпечивъ такимъ образомъ фронтъ на югѣ, аѳиняне должны были съ другой стороны запереть Киѳеронъ и Парнесъ противъ беотійцевъ" и т. д. „Своимъ вѣроломнымъ нападеніемъ на вѣрнаго аѳинскаго союзника Ѳивы нарушили миръ. Поэтому аѳиняне могли предпочесть прямо отвѣтить на такой дерзкій шагъ, немедленно отмстить за это нападеніе и за Коронейское пораженіе. Быть можетъ, такъ было бы даже лучше, чѣмъ занимать Геранею. Со всѣми силами, какія были подъ рукой, слѣдовало наводнить Беотію, провозгласить свободу беотійскихъ городовъ, побудить союзныхъ ѳессалійцевъ вторгнуться съ Сѣвера.... Въ рукахъ аѳинянъ былъ случай однимъ быстрымъ ударомъ расторгнуть Беотійскій, то-есть, Ѳиванскій союзъ.

„Только уничтоженіе Беотійскаго союза и ударъ въ сердце Спарты могли рѣшить войну въ пользу Аѳинъ. Главное, къ чему должны были стремиться послѣдніе, это сново поднять мессенцевъ противъ Спарты. Если Спарта провозглашала освобожденіе еллиновъ отъ аѳинской тиранніи, то аѳиняне должны были начертать на своемъ знамени освобожденіе лаконскихъ рабовъ еллинской крови, дорическаго и ахейскаго происхожденія,—освобожденіе Мессеніи.... Нечаяннымъ нападеніемъ или энергическимъ штурмомъ слѣдовало занять на Мессенскомъ берегу хорошую гавань; слѣдовало сюда перевести мессенянъ изъ Навпакта.... Здѣсь было слабое мѣсто Спарты; здѣсь можно было нанести ей смертельный ударъ („Hier war die Stelle, an welcher Sparta sterblich war"). Высадка аѳинянъ въ Мессеніи удержала бы въ Пелопоннесѣ спартанское войско или же навѣрное вызвала бы его обратно изъ Аттики, въ случаѣ, если вторженіе уже послѣдовало. Это былъ противоударъ (Gegenstosz), который нанесъ бы Ѳемистоклъ. Въ этомъ смыслѣ нужно было понимать совѣтъ послѣдняго, что если аѳиняне будутъ снова тѣснимы съ суши, то имъ слѣдуетъ держаться города и гавани, сѣсть на корабли, но не для того, чтобы совершать грабежи, а чтобы наносить непріятелю рѣшительные удары.... Высадка въ Мессеніи должна была скоро привести къ цѣли. Только имѣя въ виду такую высадку, могли

аѳиняне оставить безъ вниманія Геранею и Беотію, ждать вторженія пелопоннесцевъ, чтобы тѣмъ тверже стать ногой въ Мессеніи".

Дункеръ указываетъ затѣмъ на деморализирующее вліяніе такихъ набѣговъ, какіе задумывалъ Периклъ: „Они дѣйствовали вредно, такъ какъ вслѣдствіе ихъ аѳинскіе гоплиты отвыкали отъ серьезной войны и битвъ, уходя на корабли, какъ только непріятель соберется въ нѣкоторомъ числѣ; они должны были лишить всякой энергіи какъ вождей, такъ и воиновъ. Если ни на какое дѣло не отваживались, никакой серьезной задачи не ставилось, если не наступало напряженнаго ожиданія великихъ рѣшеній, если ничего не было, кромѣ прогулокъ флота и сожженія селъ и деревень, въ то время какъ Аттика пылала въ пламени въ виду Аѳинъ, то какъ могли граждане и прежде всего согнанные въ городъ („die in die Stadt zusammengepferchten"), голодающіе крестьяне сохранить мужество и воинскій пылъ? Подобному веденію войны слѣдовало предпочесть даже открытыя пораженія въ битвѣ съ вдвое или втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ. Да развѣ такъ ужь было несомнѣнно, что аѳиняне будутъ разбиты? вѣдь, аттическіе гоплиты изъ крестьянъ сражались бы за свою землю, за домашній очагъ и свое достояніе навѣрное не хуже, чѣмъ ихъ отцы при Мараѳонѣ. Если теперь не было у аѳинянъ Ѳемистокла, Мильтіада и Кимона, которые умѣли побѣждать и съ меньшинствомъ, то противъ беотійцевъ, локрянъ и фокидцевъ аѳиняне могли выступить съ равными силами. Чѣмъ болѣе обнаружили бы они энергіи, тѣмъ менѣе можно было опасаться отпаденія союзниковъ. Пелопонесцевъ скорѣе могли заставить прекратить войну тѣ утраты, которыя они понесли бы даже въ случаѣ своей побѣды предъ стѣнами Аѳинъ, чѣмъ та жалкая боязливость, на которую хотѣлъ обречь аѳинянъ Периклъ.

„Деморализирующія слѣдствія подобнаго способа веденія войны не могли и не должны были ускользнуть отъ предусмотрительнаго государственнаго человѣка. Они тѣмъ гибельнѣе дѣйствовали, что тутъ жертвой были крестьяне. Притомъ, если Перикловы реформы сдѣлали городскую массу и матросовъ самыми пылкими приверженцами существующаго строя, то въ той же мѣрѣ онѣ отвратили отъ него сердца состоятельныхъ [1])... Война, исключительно морская, была

[1]) Дункеръ не разъ съ удареніемъ говоритъ о томъ, что плата за службу во флотѣ располагала народную массу въ пользу Перикла (напримѣръ, стр. 437).

выгодна для 4-го класса, но она налагала большія тягости на состоятельныхъ" (тріерархіи). Мыслимо ли было, чтобы послѣдніе приносили охотно все бо́льшія и бо́льшія жертвы для безконечной войны, о которой они могли сказать, что она затягивается на ихъ счетъ въ интересахъ массы? Съ негодованіемъ крестьянъ, съ неудовольствіемъ состоятельныхъ посѣяны были сѣмена раздора, которыя могли принести аѳинянамъ лишь горькіе плоды".

Дункеръ описываетъ вслѣдъ за тѣмъ чувства, которыя, по его мнѣнію, должны были овладѣть аѳинянами при первомъ извѣстіи о дерзкомъ нападеніи ѳиванцевъ на Платею. „Едва ли" говоритъ онъ,—„бывали минуты, когда все аѳинское войско, отъ юношей до старцевъ, выступило бы съ бо́льшимъ воодушевленіемъ противъ ѳиванцевъ, чѣмъ въ тотъ моментъ. Но зова вождя, предсѣдательствующаго стратега, не послѣдовало". По плану Перикла, „Аѳины должны были держаться строго оборонительной системы, и плоды столь неэнергическаго веденія войны не замедлили обнаружиться" (р. 417—425). Вообще отвѣтственность за планъ войны всецѣло падаетъ на Перикла (р. 430).

Съ нѣкоторыми замѣчаніями Дункера тутъ, по видимому, нельзя не согласиться. Но нужно имѣть въ виду слѣдующее. Тогдашнія условія и обстоятельства намъ неизвѣстны во всѣхъ подробностяхъ (на что̀ уже было указано); мы знакомы съ событіями лишь въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ; здѣсь возникаетъ не мало вопросовъ, недоумѣній, и наши источники не даютъ на нихъ отвѣта. Конечно, тутъ можно пускаться въ болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, строить предположенія и т. д.; не трудно поставить вопросъ, отчего не было сдѣлано того-то? Зачѣмъ поступлено было такъ, а не иначе? Почему не былъ посланъ отрядъ туда-то, не была занята такая-то позиція? Но врядъ ли подобный пріемъ будетъ научнымъ, врядъ ли онъ достоинъ серьезнаго историка. Тутъ легко предаться фантазіи. Не зная въ точности всѣхъ тогдашнихъ условій, мы не всегда можемъ быть увѣрены, что то или другое дѣйствіе, которое, по нашему, казалось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ, было и осуществимо. Дункеръ говоритъ, что аѳинянамъ слѣдовало занять Геранею и т. п., но развѣ, помимо ужъ всего другаго, не могло это повести къ тому, что главный центръ тяжести войны палъ бы на сушу, и что такимъ образомъ рѣшеніе войны послѣдовало бы именно тамъ, гдѣ аѳиняне были несравненно слабѣе. Вѣдь самъ Дункеръ, на стр. 415, говоритъ о громадности сухопутныхъ силъ Спарты и ея союзниковъ. Что ка-

сается высадки въ Мессеніи, то она была предпринята (Метона) и не удалась, благодаря героизму Бразида. Объ открытомъ сраженіи съ войскомъ Архидама нечего было и думать: это войско, составлявшее всего лишь $^2/_3$ пелопоннесскихъ силъ (Өукид., II, 10), доходило до 60,000 тяжеловооруженныхъ (по Плутарху, Pericl., 33; а по мнѣнію Дункера—до 40,000). Къ этому нужно прибавить славу непобѣдимости спартанцевъ на сушѣ [1]), опытъ аѳинянъ, вынесенный ими изъ предшествовавшихъ столкновеній съ спартанскимъ войскомъ [2]). При такихъ условіяхъ вступать въ открытый бой съ пелопоннесцами значило обрекать аѳинское войско на вѣрное пораженіе, если не гибель (ср. Өукид., I, 143). Не даромъ же Архидамъ такъ желалъ завлечь аѳинянъ въ битву (Өукид. II, 20). Да и вторженія спартанцевъ, по признанію же Дункера (p. 72), сами по себѣ не могли привести къ важному результату: они не шли далѣе опустошеній. Странно даже, какъ рѣшается Дункеръ называть предвзятою мыслью мнѣніе Перикла, что лишь флотъ можетъ рѣшить войну въ пользу Аѳинъ (p. 505).

Вообще Дункеръ смотритъ слишкомъ пессимистически на Перикловъ планъ, а между тѣмъ, пока былъ живъ Периклъ, война, не смотря даже на чуму, для аѳинянъ вовсе не была такъ безнадежна и не принимала особенно печальнаго оборота для нихъ; побѣда еще долго колебалась, и тогда трудно было сказать, кто наконецъ возьметъ верхъ въ этой борьбѣ? Не съ точки ли зрѣнія намъ извѣстнаго исхода этой борьбы судитъ Дункеръ о тогдашнихъ событіяхъ и о планѣ Перикла? [3]). Тутъ невольно вспоминается наша отечественная война. Еслибъ исходъ ея былъ печаленъ для насъ, то, навѣрное, нашлось бы не мало охотниковъ обвинять во всемъ дѣйствія Барклая-де-Толли: вѣдь и о его же планѣ можно сказать то, что̀ говоритъ Дункеръ по поводу Периклова плана, то-есть, что онъ дол-

---

[1]) Ср. рецензію *Адольфа Бауэра* въ *Histor. Zeitschr.*, 1887, 2-tes Heft, P. 242—245.

[2]) Ср. *Busolt*, Das Ende der Perserkriege (*Histor. Zeitschr.*, 1882, 6-tes Heft, p. 386).

[3]) Ср. рецензію *Niese* въ *Gött. gel. Anz.*, 1886, № 19. Эту рецензію мнѣ удалось прочесть уже послѣ того, какъ написана была настоящая статья; въ ней я встрѣтилъ полное подтвержденіе высказываемому мною здѣсь взгляду на недостатки тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаетъ Дункеръ въ своихъ доказательствахъ. Мнѣ кажется только, что Низе слишкомъ ужъ строгъ къ Дункеру и, по видимому, не признаетъ никакихъ достоинствъ за послѣдними томами его труда.

женъ былъ дѣйствовать деморализирующимъ образомъ на войско, что онъ заранѣе отдавалъ въ руки врага то, что государству надлежитъ защищать и т. д. Пелопоннесская война кончилась неудачно для аѳинянъ, и вотъ Дункеръ осуждаетъ Перикла за то, что онъ не постарался избѣгнуть ея; образъ же дѣйствій Спарты, также рѣшившейся на эту войну, онъ одобряетъ, между тѣмъ какъ при безпристрастной оцѣнкѣ и если не принимать въ соображеніе послѣдующихъ событій, шансы обѣихъ сторонъ на побѣду были, по меньшей мѣрѣ, равныя; во всякомъ случаѣ и аѳиняне имѣли нѣкоторое основаніе надѣяться на успѣхъ.

Не такъ, какъ Дункеръ, судитъ о дѣйствіяхъ Перикла во время пелопоннесской войны знаменитый Ранке въ своей „Wetgeschichte", столь отличающейся оригинальностью взгляда. По словамъ Ранке, планъ Перикла—это идея, приписываемая Ѳемистоклу, въ полномъ ея развитіи (p. 301) [1]). Периклъ зналъ, что на сушѣ не можетъ устоять противъ силъ Пелопоннеса, но чтобы не быть подавленнымъ ими при первомъ же вторженіи, онъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ, которая, сама по себѣ величественная („grossartig in sich selbst"), должна была оказаться роковою для него самого и для Аѳинъ". Ранке находитъ ее возможною, вполнѣ осуществимою. „То была трагическая судьба, что этотъ планъ разрушенъ былъ вмѣшательствомъ непредвидѣнныхъ естественныхъ силъ"—эпидеміей (p. 305). Конечно, по Дункеру, противники Перикла и тутъ могли свалить на него всю отвѣтственность; они могли сказать, что болѣзнь вызвали его способъ веденія войны, „скопленіе населенія и тѣснота между „Длинными стѣнами", возведенными не по Кимонову плану, при которомъ было бы больше пространства и воздуха" (p. 507).

Осудивъ такимъ образомъ общій планъ войны, задуманный Перикломъ, Дункеръ и въ послѣдующемъ изложеніи дѣлаетъ не мало частныхъ замѣчаній въ томъ же родѣ. На всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ я останавливаться не буду (см., напримѣръ, стр. 425, 428, 431, 433), а укажу лишь на главнѣйшія. На стр. 436, по поводу опустошенія Перикломъ Мегариды, авторъ находитъ непонятнымъ, какъ могъ Периклъ удовольствоваться этимъ опустошеніемъ, „стоя во главѣ военныхъ силъ, какихъ аѳиняне никогда еще не высылали въ походъ—во главѣ 13,000 гоплитовъ и 100 отлично снаряженныхъ тріеръ, онъ имѣлъ полную возможность загладить осенью то, что упущено

[1]) Ср. *Curtius*, II, 422—423.

было имъ весною,—занять и укрѣпить Геранею, запереть Мегару съ суши и съ моря,—и ограничился военною прогулкой!" А извѣстныя мѣры Перикла на случай крайней опасности (отложеніе 1,000 талантовъ и отдѣленіе 100 тріеръ для защиты города), какъ ни предусмотрительны онѣ были, съ несомнѣнною ясностью указываютъ на то, что онъ не думалъ о рѣшительныхъ ударахъ, а имѣлъ въ виду долго длящуюся войну (р. 438). Тамъ же Дункеръ замѣчаетъ, что нападки Клеона на способъ веденія войны продолжались, „да и кто могъ бы найдти ихъ несправедливыми?" Описывая ужасное положеніе аѳинянъ, когда у воротъ города стоялъ непріятель, а внутри свирѣпствовала смертность, авторъ говоритъ: „Было бы совсѣмъ иное, еслибы прошлою осенью Периклъ, вмѣсто опустошенія Мегариды, нанесъ рѣшительный ударъ Ѳивамъ (р. 450). Безъ беотійской конницы, по словамъ самого Периклова племянника, пелопоннесцы не отважились бы вторгнуться. Периклъ избавилъ бы этимъ свою страну отъ вторженія непріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ скопленія населенія въ городѣ, что̀ такъ увеличивало силу болѣзни. Ужь если аѳинянамъ суждено было умереть, то лучше было пасть въ бою, чѣмъ жалкимъ образомъ погибать отъ чумы. Первое, что̀ требовалось,—это дать побольше воздуха городу, вывести противъ непріятеля все аѳинское населеніе, способное носить оружіе..., великою освободительною задачей способствовать подъему духа. Бездѣятельному, терпѣливому перенесенію бѣдствія слѣдовало предпочесть даже величайшій рискъ. Если, не смотря на все это, Периклъ все-таки не желалъ отважиться на битву, то нужно было хотя бы раздвинуть линію укрѣпленій. А еслибы онъ продолжалъ стоять на томъ, чтобы не вступать ни въ прямое, ни въ косвенное столкновеніе съ Архидамомъ, то слѣдовало все аѳинское войско съ метэками и ѳетами посадить на корабли, чтобы удалить изъ города какъ можно больше людей и затѣмъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ въ Мессеніи" (р. 450). Но, вопервыхъ, и на самомъ дѣлѣ предпринятъ былъ походъ съ многочисленнымъ флотомъ; вовторыхъ, это нисколько не могло помочь бѣдствію, такъ какъ болѣзнь проникла и сюда, во флотъ, чего не можетъ отвергать и Дункеръ (р. 452); втретьихъ, развѣ легко предпринимать и приводить въ исполненіе энергическія мѣры противъ внѣшняго врага, когда внутри свирѣпствуетъ ужасное бѣдствіе, чума? Нужно и то удивляться, какъ аѳиняне сохранили на столько энергіи, что могли предпринять хотя что-нибудь и не опустили тотчасъ рукъ въ борьбѣ съ такими бѣдствіями.

Далѣе Дункеръ порицаетъ дѣйствія Перикла во главѣ флота: такъ, нападеніе на Епидавръ не могло нанести чувствительнаго удара непріятелю; это нападеніе было бы успѣшнѣе, еслибы Периклъ; вмѣсто предварительнаго опустошенія окрестностей, воспользовался первымъ же мгновеніемъ, чтобы захватить городъ въ расплохъ. О результатѣ всего похода авторъ отзывается такъ: 151 тріэра и около 40,000 человѣкъ были двинуты—чтобы обратить въ развалины Празіи! „Это было ужь слишкомъ. Столь жалкая неудача великой армады должна была еще сильнѣе растравить глубокія раны государства!“ (р. 453).

Но и Дункеръ признаетъ, что Периклъ сослужилъ своему родному городу великую службу въ тотъ критическій моментъ, когда аѳиняне въ отчаяніи вступили-было въ переговоры со Спартою. „Не только его рѣчь, — его собственный примѣръ показывалъ аѳинянамъ, что частное горе нужно преодолѣть ради спасенія государства. Онъ достигъ того, что переговоры съ лакедемонянами были прерваны“ (р. 459—460). Но по поводу нападокъ противниковъ на Перикла Дункеръ опять повторяетъ, что и на самомъ дѣлѣ отвѣтственность за возникновеніе войны и за способъ ея веденія лежала, безспорно, на Периклѣ [1]), и если въ послѣдней своей рѣчи онъ доказывалъ, что успѣхъ въ войнѣ зависитъ отъ превосходства благоразумія и предусмотрительности, то веденіе войны аѳинянами пока не обнаруживало этого превосходства (р. 460). Периклу предстояла участь, которую нѣкогда его отецъ уготовилъ Мильтіаду, которую онъ самъ думалъ уготовить Мильтіадову сыну, когда обвинялъ его въ подкупности (р. 461—462). Затѣмъ, однако, касаясь осужденія Перикла, Дункеръ сознается, что онъ правилъ государствомъ съ большимъ достоинствомъ, и вдругъ это государство, для котораго онъ неустанно трудился съ 35-лѣтняго возраста своего, которымъ онъ правилъ съ рѣшающимъ авторитетомъ, по своему усмотрѣнію, въ теченіе двухъ десятилѣтій, подвергло его суду за расхищеніе государственнаго достоянія,—его, который съ полнымъ правомъ могъ хвалиться „своими незапятнанными руками“, своею честностью и безкорыстіемъ!... И не только ради себя самого ему приходилось оплакивать свое паденіе: кто, вмѣсто него, былъ въ состояніи обдуманно и послѣдовательно

---

[1]) Ср. замѣчаніе Ранке: „Вслѣдствіе опустошенія страны и чумы“, говоритъ онъ по тому же самому поводу,—„Периклъ потерялъ расположеніе народа, который во всякомъ несчастіи обыкновенно винитъ вождей“ (р. 304).

править Аѳинами? Кто могъ, среди высоко вздымающихся волнъ того мрачнаго кризиса, руководить этою массой, которой онъ самъ далъ въ руки кормило? (p. 464 — 465). Въ призваніи Перикла снова къ управленію, Дункеръ видитъ полное и блестящее удовлетвореніе для него, возстановленіе его чести; это было открытое признаніе, что нѣтъ человѣка въ Аѳинахъ, который могъ бы заступить мѣсто Перикла (p. 479).

Но уже на стр. 494 авторъ опять выступаетъ съ порицаніями Перикла, на этотъ разъ за то, что не было оказано помощи осажденной Платеѣ: слѣдовало выручить городъ, который, положившись на обѣщаніе Аѳинъ, отказался отъ всякаго соглашенія съ непріятелемъ.

Сказавъ о смерти Перикла, Дункеръ бросаетъ общій взглядъ на всю его дѣятельность. Тутъ онъ останавливается сначала на его заслугахъ и успѣхахъ и посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ (p. 497—500, 505—506) блестящей сторонѣ его дѣятельности. Дункеръ признаетъ вполнѣ, что всѣ стороны аттической жизни, благодаря Периклу, достигли полнаго развитія и богатаго разцвѣта, хотя, касаясь колонизаціи, онъ и оговаривается потомъ, что, быть можетъ, эту колонизацію Периклъ распространилъ ужъ слишкомъ далеко на востокъ и на западъ (p. 504). Вся богато расцвѣтшая духовная жизнь Аттики нашла себѣ всестороннее пониманіе въ тонко организованной натурѣ Перикла (p. 498). Принявъ живое, покровительственное участіе во всѣхъ стремленіяхъ въ области технической, экономической, художественной, поэтической и филофской жизни Аѳинъ, Периклъ вписалъ яркими чертами свое имя не только въ исторіи своей страны, но и въ исторіи всеобщаго культурнаго развитія (p. 500).

Но затѣмъ Дункеръ обращается къ другой сторонѣ дѣятельности Перикла. Онъ ставитъ вопросъ, удалось ли Периклу разрѣшить великія проблемы государственнаго управленія? Удалось ли ему соединить народную свободу и народныя права съ силою и могуществомъ государства, укрѣпить и возвысить „нравственное здоровье" („die moralische Gesundheit") аттическаго народа? Удалось ли ему справиться съ еще болѣе трудною задачей—дать аѳинскому владычеству надъ союзниками не одну только внѣшнюю опору, обезпечить за Аѳинами побѣду въ рѣшительной борьбѣ, которую онъ оставлялъ въ наслѣдіе послѣ себя? И на всѣ эти вопросы Дункеръ даетъ отрицательный отвѣтъ: Периклъ былъ слишкомъ многосторонне органи-

зованная натура, одаренъ былъ слишкомъ живымъ чувствомъ ума (Geist) и красоты, слишкомъ сынъ своего вѣка, жаднаго къ знанію и стремившагося къ образованію, слишкомъ великій ораторъ,—чтобы быть государственнымъ дѣятелемъ съ неумолимо реалистическимъ взглядомъ и съ безпощадною энергіей (р. 503). Периклъ былъ храбрый солдатъ, но онъ не былъ полководецъ и государственный человѣкъ въ одно и то же время, подобно Ѳемистоклу и Кимону.

Общій итогъ, подводимый авторомъ въ концѣ обзора дѣятельности Перикла, все-таки оказывается какъ-бы въ пользу послѣдняго (р. 507). Но на этомъ Дункеръ не останавливается: въ послѣдней, заключительной главѣ, приводя слова Ѳукидида, что „будь живъ Периклъ и слѣдуй аѳиняне его совѣту, они бы безъ труда побѣдили", онъ замѣчаетъ, что едва ли самъ Периклъ былъ такого мнѣнія въ послѣдніе дни своей жизни, и въ доказательство этого описываетъ печальное положеніе Аѳинъ въ тотъ моментъ. Совѣтъ Перикла (продолжаетъ Дункеръ) во время войны не пускаться въ рискованныя предпріятія и не пытаться расширять свое владычество—былъ, конечно, благоразуменъ, если только дѣйствительно онъ былъ данъ Перикломъ, а не выведенъ самимъ Ѳукидидомъ изъ позднѣйшихъ событій; но кто же, какъ не Периклъ, заключилъ договоръ съ Регіумомъ и съ Леонтинами,—договоръ, налагавшій на аѳинянъ обязательства на западѣ въ тотъ самый моментъ, какъ готова была вспыхнуть война въ Елладѣ? (р. 507—508). Намъ кажется, что тутъ самъ Дункеръ судитъ о Периклѣ съ точки зрѣнія послѣдующихъ событій; во всякомъ случаѣ (какъ было ужь замѣчено), едва ли возможно заключеніе союза съ двумя сицилійскими городами сравнивать съ роковою сицилійскою экспедиціей.

Какъ бы то ни было, но и Дункеръ считаетъ великимъ несчастьемъ для аѳинянъ смерть Перикла среди войны (р. 515). Чѣмъ болѣе расширилъ Периклъ права и значеніе низшихъ классовъ, тѣмъ необходимѣе былъ противовѣсъ монархическаго элемента, энергическаго правленія. Для разрѣшенія тяжелаго кризиса, для побѣдоноснаго окончанія войны, для будущаго Аѳинъ, въ которомъ заключалось и будущее Греціи, нуженъ былъ на мѣсто Перикла государственный человѣкъ неуклонной энергіи, все равно, вышелъ ли онъ изъ рядовъ старыхъ аристократическихъ родовъ, или просто состоятельныхъ, или изъ народа,—государственный человѣкъ, который былъ бы въ то же время и полководецъ. Могли ли Аѳины надѣяться, что послѣ цѣлаго ряда великихъ мужей, руководившихъ ими въ теченіе полу-

тораста лѣтъ, послѣ Солона, Пизистрата, Клисѳена, Мильтіада, Ѳемистокла, Аристида, Кимона, Эфіальта, Ѳукидида и Перикла, у нихъ явится личность, которая немногимъ уступала бы самому мощному изъ названныхъ, Ѳемистоклу,—вотъ вопросъ, отъ того или другаго рѣшенія котораго зависѣла участь Аѳинъ, участь всей Еллады" (р. 525). Такими словами заканчиваетъ авторъ свой трудъ.

Таковъ взглядъ Дункера на государственную дѣятельность Перикла. Не такъ смотрятъ на эту дѣятельность не только Адольфъ Шмидтъ, но и Гротъ, Курціусъ и даже Ранке, о чемъ было упомянуто въ самомъ началѣ статьи. Курціусъ прямо говоритъ, что „политика Перикла была единственнымъ путемъ, на которомъ можно было достигнуть успѣшнаго развитія національныхъ интересовъ" (русск. перев., II, 705). Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что Периклъ не былъ геній; онъ не былъ великимъ реформаторомъ, онъ не обладалъ тою смѣлостью, тѣмъ творчествомъ мысли, какими отличались нѣкоторые изъ великихъ мужей Аѳинъ, его предшественниковъ. Но видѣть въ его дѣятельности безконечный рядъ ошибокъ едва ли будетъ справедливо. Взглядъ Дункера оказывается въ сущности несостоятельнымъ; онъ не выдерживаетъ критики.

И въ самомъ дѣлѣ, резюмируемъ вкратцѣ тѣ возраженія, которыя вызываетъ изложеніе Дункера.

Прежде всего, съ самыми пріемами автора нельзя никакимъ образомъ согласиться: они не научны и едва ли могутъ быть допускаемы въ строго историческомъ трудѣ. Съ помощью подобныхъ пріемовъ можно, пожалуй, доказать все, что̀ угодно. Дункеръ какъ бы забываетъ, что наши источники въ данномъ случаѣ далеко не богаты; не мало возникающихъ вопросовъ и недоумѣній остается безъ отвѣта; нерѣдко намъ приходится тутъ или просто сознаваться въ невѣдѣніи, въ недостаточности нашихъ свѣдѣній, или же пускаться во всевозможныя догадки и соображенія, а для нихъ, при скудости источниковъ, конечно, открывается обширное поле. Дункеръ даетъ волю своей фантазіи [1]): онъ строитъ гипотезы и комбинаціи, часто малоубѣдительныя и очень шаткія; онъ иногда основываетъ свои соображенія на такихъ хронологическихъ опредѣленіяхъ, которыя сами являются, по меньшей мѣрѣ, гадательными и еще нуждаются въ подтвержденіи и доказательствѣ. Дункеръ крайне произвольно обращается съ источниками, произвольно отвергаетъ тѣ показанія,

---

[1]) Ср. рец. *Niese* въ *Gött. gel. Anz.*

ихъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ его взглядомъ, извращаетъ смыслъ ихъ словъ, дѣлаетъ натяжки, не всегда обращаетъ вниманіе на разницу въ достовѣрности извѣстій, отдавая подчасъ предпочтеніе источнику позднѣйшему и ненадежному [1]). С. Рейнахъ указываетъ [2]) на объективность, какъ на одну изъ выдающихся особенностей Дункера. Но именно этой-то объективности, мнѣ кажется, и недостаетъ въ данномъ случаѣ автору: не находя въ источникахъ отвѣта на возникающіе вопросы, онъ обыкновенно всѣ сомнѣнія разрѣшаетъ не въ пользу Перикла. Вообще получается впечатлѣніе, какъ будто авторъ писалъ съ предвзятою мыслью, стараясь во что бы то ни стало отыскать побольше ошибокъ въ дѣйствіяхъ Перикла. Это проглядываетъ даже въ самомъ тонѣ и выраженіяхъ его (колонія Ѳуріи основана „съ большимъ шумомъ" или, напримѣръ, ироническія замѣчанія на стр. 419). Изложеніе Дункера отличается въ значительной степени парадоксальностью, тутъ не мало противорѣчій: авторъ, напримѣръ, самъ прекрасно выяснивъ мотивы того или другаго Периклова дѣйствія, показавъ всю неизбѣжность его, потомъ порицаетъ Перикла за это же дѣйствіе. Дункеръ придаетъ слишкомъ большое значеніе вліянію личности: онъ часто ставитъ въ вину Периклу то, что̀ въ сущности является естественнымъ и логическимъ слѣдствіемъ цѣлаго предшествовавшаго историческаго процесса, что̀ вытекало изъ самаго хода событій, создавалось самою силою вещей; нельзя же все объяснять ошибками и промахами отдѣльныхъ лицъ: вѣдь, есть, кромѣ того, и общія причины явленій. Читая Дункера, рѣшительно нельзя понять, какимъ образомъ Периклъ могъ такъ долго руководить аѳинянами, какъ послѣдніе могли терпѣть его владычество? Если его дѣятельность представляетъ безконечный рядъ ошибокъ, то чѣмъ же объяснить его вліяніе? Вообще Дункеръ, какъ видно, судитъ о Периклѣ съ точки зрѣнія конечныхъ результатовъ, подъ вліяніемъ намъ уже извѣстныхъ послѣдующихъ событій, что̀ опять-таки не можетъ быть допущено въ строго историческомъ трудѣ. Наконецъ, изложеніе Дункера находится часто въ прямомъ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ источниковъ, и самый взглядъ его на Перикла идетъ совершенно въ разрѣзъ съ свидѣтельствомъ главнаго нашего источника—съ характеристикой Перикла у Ѳукидида, которою мы и закончимъ нашу статью:

---

[1]) Ibid.

[2]) Въ некрологѣ Дункера, помѣщенномъ въ *Revue historique*, 1886, XXXII.

„Периклъ", говоритъ Ѳукидидъ,—„былъ первый изъ аѳинянъ того времени, сильный словомъ и дѣломъ. „Стоя во главѣ государства въ мирное время, онъ правилъ умѣренно и охранялъ его безопасность. Аѳины достигли при немъ высшаго могущества. Когда же настала война, то оказалось, что и тутъ онъ зналъ заранѣе силы государства. А когда онъ умеръ, то еще больше обнаружилась его прозорливость (πρόνοια) относительно этой войны. Ибо онъ утверждалъ, что аѳиняне побѣдятъ, если будутъ дѣйствовать спокойно, если будутъ заботиться о флотѣ, не будутъ стремиться къ расширенію своего владычества во время самой войны и не будутъ подвергать государство риску. Аѳиняне же поступили совершенно на оборотъ... Периклъ, будучи силенъ нравственнымъ достоинствомъ и умомъ и извѣстенъ своею высокою честностью, свободно правилъ массой; не онъ подчинялся демосу, а демосъ—ему, потому что онъ пріобрѣлъ власть, не прибѣгая къ недостойнымъ средствамъ, и не имѣлъ вслѣдствіе этого нужды льстить толпѣ, но, пользуясь уваженіемъ, рѣзко противорѣчилъ ей. Такъ, когда онъ видѣлъ, что аѳиняне не вовремя смѣлы, онъ своими рѣчами пробуждалъ въ нихъ страхъ, и на оборотъ, видя ихъ падающими духомъ безъ основанія, онъ возбуждалъ въ нихъ смѣлость. По имени это была демократія, на дѣлѣ же правленіе лучшаго мужа".

В. Бузескулъ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Кн. I. С.-Пб. 1888.

„Мы лѣнивы и нелюбопытны", говорилъ когда-то Пушкинъ. Слова эти долго были полною правдою, да и теперь еще они не совсѣмъ потеряли свое значеніе, хотя правда и то, что въ послѣдніе тридцать лѣтъ дѣло значительно измѣнилось къ лучшему: историческіе журналы имѣютъ у насъ большой успѣхъ, благодаря, конечно, отчасти ихъ анекдотическому и отрывочному содержанію; появляются и большія сочиненія, посвященныя памяти видныхъ дѣятелей и въ общественной, и въ литературной сферѣ; но сколькихъ замѣчательныхъ людей мы или совсѣмъ не знаемъ, или знаемъ очень мало! Вотъ почему появленіе каждаго серьезнаго жизнеописанія необыкновенно радуетъ людей, любящихъ Россію. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ несомнѣнно та, начало которой мы видимъ передъ собою. Личность Погодина одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и въ исторіи умственнаго движенія въ Россіи XIX вѣка, и вообще въ исторіи общественной жизни, какъ

по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по связямъ его съ замѣчательнѣйшими людьми Русской земли за цѣлые полвѣка. При мысли о Погодинѣ невольно вспоминаются стихи его стараго друга Ѳ. И. Тютчева, присланные къ его юбилею:

Врагъ отрицательности узкой,
Всегда онъ въ уровнѣ шелъ съ вѣкомъ:
Онъ въ человѣчествѣ былъ русскій,
Онъ былъ въ наукѣ человѣкомъ.

Неизгладимое впечатлѣніе оставилъ, я полагаю, въ большинствѣ присутствовавшихъ на юбилеѣ Погодина этотъ юбилей, на которомъ такъ широко и разносторонне указывалось въ рѣчахъ, письмахъ, телеграммахъ, стихахъ многосторонность дѣятельности Погодина. Конечно, и тогда не всѣ смотрѣли на Погодина, какъ мы на него смотримъ: мы даже читали въ одной журнальной статьѣ, что Погодинъ представляетъ собою типъ средняго человѣка, то-есть, зауряднаго. Какъ счастливо было бы то общество, въ которомъ Погодины являлись бы заурядными! Нѣтъ, Погодинъ дѣйствительно типичный русскій человѣкъ, но далеко не заурядный. Кто зналъ Погодина, кто слѣдилъ за его литературною дѣятельностью, тотъ знаетъ, какъ онъ умѣлъ всегда по-своему, всегда оригинально отнестись къ злобѣ дня, какъ онъ умѣлъ найдти способъ сдѣлать свою мысль доступною и понятною въ разныхъ сферахъ общества, какъ умѣлъ ставить вопросы и будить сознаніе. Были люди, которые не любили его, но и они вступали съ нимъ въ полемику, старались часто представить его смѣшнымъ. Такія старанія иногда увѣнчивались успѣхомъ, особенно потому, что Погодинъ поражалъ всегда „лица не общимъ выраженіемъ", употребляя слова Пушкина. Прибавимъ къ тому, что Погодинъ никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи: для иныхъ это большое достоинство, для многихъ большой недостатокъ: нѣтъ ярлыка—не знаешь, куда и отнести такого человѣка. Такъ относилась къ Погодину такъ-называемая интеллигенція, а простые грамотные люди смотрѣли на него иначе. Мнѣ случилось на дальнемъ востокѣ, въ Екатеринбургѣ, слышать восторженные отзывы о его публицистическихъ статьяхъ: русскій инстинктъ Погодина подсказалъ ему то, до чего люди не всегда доходятъ и размышленіемъ. Погодинъ былъ русскій съ головы до ногъ; мысль о Россіи была его господствующею мыслью: Россію онъ зналъ не умомъ, не доходилъ до ея пониманія долгимъ процессомъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, которые могли бы взять себѣ девизомъ стихи Тютчева:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить.

Эта вѣра въ Россію, въ „русскую печку, которая все переваритъ", по его же образному выраженію, далась Погодину легко безъ всякой борьбы: она была ему прирожденною. Въ Погодинѣ не было ничего систематическаго, всякая система была противна его природѣ: онъ глубоко сознавалъ, что жизни можно только помогать, а передѣлывать жизнь—значитъ искажать ее. Какъ онъ относился къ настоящему, такъ относился и къ прошедшему: онъ былъ постояннымъ врагомъ логическихъ системъ, сознавая, что ни одна изъ нихъ не охватываетъ жизни вполнѣ. Онъ былъ чутокъ ко всякому пониженію русской народности, хотя бы наше легкомысленное общественное мнѣніе, готовое гнаться за всякою новизной, и стояло за какой-либо домыселъ, въ которомъ вѣчно чуткому Погодину представлялось умаленіе событій и людей прошлаго, покушеніе на цѣлость русскихъ началъ. Отсюда вся его полемика; мы, конечно, не станемъ утверждать, что всегда онъ былъ чуждъ личнымъ впечатлѣніямъ: до такой высоты человѣку не суждено доходить; мы только утверждаемъ, что въ полемикѣ Погодина всегда въ основѣ лежитъ русское чувство, русскій инстинктъ или то, что̀ онъ считалъ научною истиною. Только за Русскую землю и за русскую науку вставалъ и ополчался Погодинъ. Мнѣ могутъ напомнить его скандинавоманію, но и здѣсь скажу, что его плѣняла мысль о призваніи, какъ характеристическая черта русскаго народа. Варяговъ онъ считалъ скандинавами—по завѣту Шлецера, да и до сихъ поръ въ ихъ нескандинавскомъ происхожденіи серьезно убѣждены весьма немногіе.

Русскій инстинктъ рано привелъ Погодина къ пониманію славянства въ его отношеніяхъ къ Россіи: еще въ 30-хъ годахъ въ своей университетской рѣчи онъ говорилъ о славянствѣ. Поѣхавъ за границу онъ завелъ живыя сношенія. Идеѣ славянства онъ усердно служилъ всю свою жизнь и статьями, и личными письмами, и записками, и въ послѣдніе годы участіемъ въ славянскомъ комитетѣ. Кто былъ на юбилеѣ, тотъ помнитъ письмо М. Ѳ. Раевскаго, который, вспоминая старое время, говоритъ: „Вы меня поучали живымъ словомъ во время вашихъ заграничныхъ путешествій, а теперь доучиваете печатными словами. Спасибо вамъ, достопочтенный учитель, за добрую науку! Спасибо не отъ меня одного, но отъ всѣхъ вашихъ учени-

ковъ—имъ же имя легіонъ". Свою любовь къ Россіи, свое уваженіе къ наукѣ Погодинъ стремился передать своимъ ученикамъ, пока онъ былъ профессоромъ, и всей публикѣ, когда онъ являлся журналистомъ. Какъ онъ умѣлъ учить—это разкажутъ его ученики, которые еще живы, и въ сжатыхъ чертахъ изобразилъ И. Д. Бѣляевъ въ рѣчи на юбилеѣ; другую сторону его преподавательской дѣятельности, пробужденіе любви къ славянству, сознаніе его единства съ Русью, передалъ съ своимъ неподражаемымъ мастерствомъ рѣчи на томъ же юбилеѣ кн. В. А. Черкасскій. Какова была публицистическая дѣятельность Погодина можно отчасти узнать, хотя изъ указателей къ его журналамъ Московскому Вѣстнику и Москвитянину [1]). Желающіе поближе изучить переберутъ и самые журналы, какъ имъ издаваемые, такъ и тѣ, гдѣ онъ помѣщалъ свои статьи. Такое изученіе не останется безплоднымъ. Будемъ надѣяться, что біографъ Погодина представитъ характеристику его публицистической дѣятельности. Пора намъ отречься отъ предубѣжденій, оставленныхъ полемикою старыхъ годовъ, пора безпристрастно отнестись къ той и другой изъ боровшихся сторонъ. Погодинъ при такомъ безпристрастномъ отношеніи можетъ только выиграть, а ужь никакъ не проиграть. Я былъ бы глубоко радъ, еслибъ оказалось, что все сказанное мною есть безполезное повтореніе всѣмъ извѣстнаго и всѣми принятаго. Едва ли впрочемъ можно надѣяться на это: мы болѣе склонны къ осужденію нашихъ дѣятелей, чѣмъ къ безпристрастному, по любовному отношенію къ нимъ.

Н. П. Барсуковъ предпринялъ подробно познакомить русское общество съ жизнью замѣчательнаго человѣка, свойства котораго мы пробовали обозначить общими чертами въ предшествующемъ изложеніи. Авторъ нашелъ для своей цѣли обширный матеріалъ въ бумагахъ Погодина, между которыми оказался дневникъ, начатый имъ въ 1820 г. и продолжавшійся до его смерти. Пособіемъ для автора послужили и печатныя сочиненія Погодина, какъ въ формѣ воспоминаній, такъ и въ формѣ отступленій, не рѣдкихъ въ его сочиненіяхъ. Разказы живыхъ современниковъ Погодина, письма къ нему или о немъ, печатныя и частью рукописныя, дополнили пробѣлы и многое уяснили. За работу принялся авторъ въ 1872 г. и работалъ ревностно и добросовѣстно; эти качества его работъ давно уже извѣстны тѣмъ, кто читалъ его

[1]) Статьи въ *Русскомъ* можно узнать по библіографическимъ трудамъ В. И. Межова.

біографію П. М. Строева и знаетъ его „Агіографію". Достоинство книги г. Барсукова составляетъ его теплое, любовное отношеніе и къ лицу, жизнь котораго онъ изображаетъ, и къ той средѣ, въ которой онъ жилъ. Любовь—качество, незамѣнимое въ трудахъ подобнаго рода; никакой талантъ не производитъ того впечатлѣнія, какое оставляетъ на читателѣ теплое отношеніе автора къ предмету.

Появившійся томъ оканчивается 1826 годомъ, и слѣдовательно, сочиненіе обѣщаетъ быть многотомнымъ. Мы не можемъ не порадоваться этому обстоятельству: чѣмъ подробнѣе изложеніе, тѣмъ болѣе вводитъ оно читателя въ изображаемый предметъ, тѣмъ живѣе отпечатлѣваются и лица, и событія. Въ появившемся томѣ проходитъ передъ нами прежде всего грамотная мѣщанская семья, въ которой выросъ Погодинъ: отецъ его былъ вольноотпущенный; обстоятельство это очень важно для Погодина: отсюда его близость съ народомъ и его чисто-русскій складъ ума и характера, не испорченный никакимъ иноземнымъ вліяніемъ. Если для насъ важно замѣтить вліяніе няньки Пушкина и дядьки Тютчева на развитіе ихъ питомцевъ, то еще ярче сказывается вліяніе народной среды на сына вольноотпущеннаго. Семья была грамотная, и Погодинъ началъ читать рано. Авторъ указываетъ вліяніе на него, съ одной стороны, романовъ, усилившихъ въ Погодинѣ мечтательность, ярко сказывающуюся во многихъ страницахъ его дневника [1]), съ другой — патріотическихъ сочиненій въ родѣ Русскаго Вѣстника Глинки, котторый способствовалъ развитію патріотическаго чувства. Изъ дому Погодинъ поступилъ въ гимназію, которая сообщила ему кое-какія свѣдѣнія, главнымъ образомъ познакомила съ языками латинскимъ и нѣмецкимъ и, что̀ всего важнѣе, развила въ немъ вкусъ къ словесности и уваженіе къ наукѣ. Университету, въ который Погодинъ вступилъ въ 1818 году, авторъ посвящаетъ много страницъ, из-

---

[1]) Напримѣръ, его мечтанія о томъ, за кого выдать замужъ княженъ Трубецкихъ, или фантазія о томъ, что̀ онъ сдѣлалъ бы, еслибы занималъ видный постъ. Замѣчательно, что у Погодина и въ позднѣйшіе года встрѣчаются разные планы и предположенія, не легко осуществимые. Эта способность строить воздушные замки уживалась въ немъ съ положительнымъ методомъ его изслѣдованій и съ большимъ практическимъ смысломъ. Противорѣчія не удивляютъ насъ въ Погодинѣ, ибо мы знаемъ, что по природѣ своей онъ—врагъ прямолинейности. Онъ не боялся такихъ противорѣчій, что̀ я высказалъ даже ему самому въ юбилейной рѣчи, и на что̀ онъ склонилъ голову, какъ бы въ знакъ согласія.

ображая профессоровъ, частію по разказамъ Погодина, частію по разказамъ другихъ лицъ. Университетъ далъ Погодину много, хотя, разумѣется, методическаго начала тогда не было, да это, можетъ быть, и лучше. Студенты читали, работали, благоговѣли передъ наукою. Прелестенъ разказъ о томъ, какъ Погодинъ ходилъ за разъясненіями къ Тимковскому, какъ товарищи крестили его, какъ онъ, получивъ разъясненіе, до того былъ сконфуженъ, что только на другой день успѣлъ передать товарищамъ, въ чемъ дѣло. Здѣсь Погодинъ прочелъ Исторію Карамзина и вмѣстѣ съ товарищемъ и другомъ своимъ А. М. Кубаревымъ приступилъ къ изученію Шлецера, который остался главнымъ руководителемъ въ его ученыхъ занятіяхъ. Это изученіе Шлецера отразилось на тѣхъ требованіяхъ, которыя въ раннихъ страницахъ своего дневника Погодинъ прилагаетъ къ развитію исторической науки: онъ полагалъ, что прежде чѣмъ приступать къ дѣлу, историкъ долженъ имѣть въ рукахъ до 200 томовъ разныхъ предварительныхъ трудовъ. Трудъ Карамзина казался ему тогда не исторіей, а „многими превосходными, драгоцѣнными историческими отрывками" (стр. 80—81). Эта мысль о предуготовительныхъ работахъ осуществилась впослѣдствіи въ шести томахъ „Изслѣдованій, лекцій и замѣчаній". Еще студентомъ поступилъ Погодинъ учителемъ въ домъ кн. Трубецкаго, гдѣ былъ поставленъ очень хорошо. Здѣсь онъ привыкъ къ житейскимъ отношеніямъ и сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ. Нѣсколько знакомствъ (между прочимъ съ Ѳ. И. Тютчевымъ) сдѣлано имъ между своими товарищами. По окончаніи курса онъ былъ преподавателемъ въ Благородномъ пансіонѣ, съ характеромъ котораго интересущіеся русскою исторіей достаточно ознакомлены изъ книги г. Загарина о Жуковскомъ. Тютчевъ ввелъ Погодина въ литературный кругъ С. Е. Раича. Въ этомъ кружкѣ Погодинъ сблизился съ С. П. Шевыревымъ, познакомился съ В. П. Титовымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, Н. М. Рожалинымъ и другими; тогда же начинается знакомство съ Д. В. Веневитиновымъ. Тогда же Погодинъ знакомится съ Шеллинговою философіей, о которой такъ много толковали въ кружкѣ; но въ метафизику онъ вдается мало. Религіозныя воззрѣнія его укрѣпляются еще во время университетское при помощи его товарища Загряжскаго. Члены раичевскаго кружка впослѣдствіи образовали кружокъ Московскаго Вѣстника. Магистерскій экзаменъ Погодина, изданіе „Ураніи", знакомство съ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцевымъ, изданіе перевода сочиненія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, поѣздка его въ Петербургъ и знакомство

съ Карамзинымъ заканчиваютъ томъ. Мы только бѣгло обозначили содержаніе любопытной книги Н. П. Барсукова, пропустивъ массу важныхъ подробностей, изъ которыхъ въ особенности любопытна жизнь Погодина въ должности наставника у Трубецкихъ и разговоры его съ разными лицами; но мы надѣемся, что читатели познакомятся съ нею сами. Пожелаемъ лишь въ заключеніе, чтобы дневникъ Погодина, который, судя по сообщеннымъ отрывкамъ, такъ ярко рисуетъ развитіе Погодина и его отношенія къ разнымъ лицамъ, былъ изданъ вполнѣ, когда то позволятъ обстоятельства; по всему видно, что въ немъ исторія пріобрѣтетъ одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для изученія общественнаго развитія за пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ. Сдѣлать полную оцѣнку и дѣятельности Погодина, и достоинствъ книги можно будетъ только послѣ ея окончанія; но нельзя и теперь не сказать, что книга составляетъ весьма отрадное явленіе.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. *Е. Барсова.* Два тома. М. 1887.

Почтенный авторъ этого труда давно извѣстенъ какъ знатокъ, издатель и изслѣдователь памятниковъ нашей старины и народной словесности. Двѣ статьи его объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о Полку Игоревѣ, напечатанныя еще въ 1878 году въ Вѣстникѣ Европы, были въ свое время по достоинству оцѣнены, какъ плодъ тщательнаго и любовнаго изученія предмета. Оригинальные пріемы изслѣдованія, большой подборъ новыхъ данныхъ, ясность основнаго положенія, все пріятно выдѣляло ихъ изъ массы работъ о „Словѣ“. Объемистыя книги настоящаго изслѣдованія должны заинтересовать еще болѣе. Здѣсь, не стѣсненный рамками журнальныхъ статей, авторъ могъ съ полнотой и обстоятельностью развить свой взглядъ на памятникъ; не малою приманкой послужили и „новыя неизвѣстныя приложенія“, которыя посулилъ авторъ (см. введеніе къ 1-му тому и третій заглавный листъ 2-го тома). Признаться, основываясь на заглавіи, мы полагали найдти въ его трудѣ и подробный художественный анализъ нашего драгоцѣннаго памятника. Произведенія нашей древней литературы и народной словесности мало разбирались съ этой точки зрѣнія. Но, прочитавъ внимательно оба тома, мы нашли въ нихъ лишь установку основной точки зрѣнія на

„Слово“, какъ на литературный, художественный памятникъ дружинной Руси, и эта цѣль заслонила для автора изученіе драгоцѣнныхъ поэтическихъ штриховъ произведенія.

Впрочемъ, не предъявляя собственныхъ желаній къ чужой работѣ, лучше посмотримъ, что̀ новаго въ критическомъ и тереотическомъ отношеніи даетъ г. Барсовъ. Начинается сочиненіе библіографическимъ погоднымъ спискомъ по литературѣ „Слова“, дѣлающимъ честь автору со стороны внимательнаго изученія предмета. Основаніе для библіографіи положено самимъ же авторомъ настоящаго изслѣдованія еще въ 1875 году. Позже подобная же работа производилась профессорами Смирновымъ и Ждановымъ. Въ настоящемъ трудѣ библіографія значительно дополнена. Затѣмъ слѣдуетъ критическій очеркъ литературы „Слова“ (I, 31—212). Эта обширная глава подраздѣляется на пять частей. Въ первой разсматриваются открытіе и изданіе „Слова“ и палеографическіе вопросы, связанные съ погибшею рукописью. Эта часть главы очень интересна, благодаря черновымъ бумагамъ Малиновскаго, перваго редактора „Слова“, которыя были въ рукахъ у нашего автора. Первые шаги въ изученіи памятника переданы Е. В. Барсовымъ очень живо. Основной вопросъ, разсматриваемый въ этой главѣ, есть вопросъ о вѣкѣ Пушкинской рукописи. Онъ освѣщается авторомъ съ двухъ сторонъ—исторической и палеографической (послѣдній терминъ употребленъ авторомъ, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ точно). Самыми важными свидѣтелями при историческомъ обсужденіи вопроса надо, конечно, считать Малиновскаго и Карамзина. По мнѣнію г. Барсова, оба они склонялись скорѣе къ XVI, чѣмъ къ XIV вѣку. Карамзинъ говоритъ, что рукопись написана развѣ въ концѣ XV вѣка (то-есть, по видимому, никакъ не раньше, а скорѣе позже). Малиновскій стоялъ ближе всѣхъ къ рукописи и былъ опытенъ въ разборѣ и хронологическомъ распредѣленіи памятниковъ письма, но объ его мнѣніи нельзя сказать ничего достовѣрнаго. По свидѣтельству Дубенскаго, Малиновскій передъ смертью просилъ выставить на изданіи памятника XIV вѣкъ. Между тѣмъ нашъ авторъ цитируетъ письмо Малиновскаго къ графу Румянцову, гдѣ рукопись опредѣленно относится къ XVI вѣку. Вообще отношенія Малиновскаго къ Мусину-Пушкину, безусловно вѣрившему въ древность своего списка, не давали ему возможности высказаться въ печати о вѣкѣ рукописи вполнѣ открыто. Убѣжденіе Калайдовича въ принадлежности рукописи XVI вѣку тоже имѣетъ значеніе, хотя меньшее, потому что самой рукописи онъ не видалъ.

Четвертый сторонникъ даты XVI вѣка, митрополитъ Евгеній, въ данномъ случаѣ не могъ быть компетентенъ, такъ какъ не занимался спеціально ни палеографіей, ни самымъ „Словомъ". Но безусловно важнѣе „палеографическое" изученіе вопроса по тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя мы имѣемъ. Г. Барсовъ исходитъ изъ того положенія, что рукопись написана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись. Это утвержденіе, переданное со словъ Малиновскаго Калайдовичемъ, вполнѣ оправдывается, кажется, сличеніемъ обоихъ печатныхъ изданій—Московскаго и Петербургскаго—съ черновою копіей, найденною въ бумагахъ Малиновскаго. Характеръ разнорѣчій на основаніи анализа, произведеннаго нашимъ изслѣдователемъ, выставляетъ на видъ слѣдующія палеографическія свойства рукописи: присутствіе множества скорописныхъ буквъ, преобладаніе конечныхъ сокращеній, рѣзкое смѣшеніе строчнаго письма съ надстрочнымъ. Важно также сопоставленіе орѳографіи списковъ съ орѳографіей памятниковъ XVI вѣка, гдѣ обнаруживается много интересныхъ параллелей (смѣшеніе *а* и *о*, *ѣ* вм. *е* въ зват. пад.; чередованіе *ъ* и *е* въ концѣ словъ).

Вторая часть второй главы посвящена обозрѣнію прозаическихъ переводовъ и объясненій памятника. Эти страницы грѣшатъ нѣкоторымъ многословіемъ и горячностью, при чемъ утрачивается объективное и серьезное отношеніе къ предмету: онѣ много уступаютъ соотвѣтствующей работѣ г. Жданова. Фанатическое отношеніе къ „Слову", какъ къ памятнику неизмѣримой художественной высоты и глубины, и черезчуръ оптимистическое отношеніе къ тексту (въ смыслѣ его цѣльности и неиспорченности) вызываютъ у автора сужденія и осужденія безповоротныя. Особенно возмущаетъ его скептицизмъ сравнительной школы. На стр. 103 онъ рѣшаетъ: „Новѣйшій скептицизмъ также мало имѣетъ для себя основаній, какъ и скептицизмъ старый, и потому мы въ правѣ смотрѣть на него, какъ на преходящее явленіе въ разработкѣ „Слова". Такой приговоръ, равно какъ и замѣчанія на стр. 102, 149, 334, 354, 358 I-го тома, къ сожалѣнію, не обосновываются достаточнымъ количествомъ данныхъ. Не возставая въ принципѣ противъ сравнительнаго метода въ исторіи литературы, авторъ однако не доволенъ его примѣненіями, дѣлаетъ ему упреки и ставитъ большія ограниченія. Самый ходячій и легкій упрекъ, конечно, въ произвольности сравненій. Впрочемъ, если г. Барсовъ вспомнитъ исторію самаго метода, то навѣрно согласится, что онъ возникъ въ силу реакціи противъ произвола и противорѣчивости сближеній въ школѣ миѳологовъ. Всѣ

усилія серьезныхъ изслѣдователей школы сравнительной, начиная отъ ея основателя, Бенфея, направлялись и направляются именно къ тому, чтобы опредѣлить мѣсто возникновенія, область и пути постепеннаго распространенія мотивовъ и обусловить ихъ модификаціи. Вниманіе изслѣдователя здѣсь приковывается то къ Тибету, то къ Персіи въ эпоху Сассанидовъ, то къ Византіи, то къ арабамъ, то къ славянскому Дубровнику, смотря по тому, въ какомъ пунктѣ стараго свѣта является въ данную эпоху почва для заимствованія, обмѣна, литературнаго вліянія. Завоеванія сравнительнаго метода съ каждымъ шагомъ становятся неоспоримѣе и прочнѣе: и въ нашей народной поэзіи множество чертъ, получавшихъ прежде совершенно неудовлетворительное или же неполное объясненіе съ точки зрѣнія національной и бытовой, относится теперь въ область книжнаго вліянія; всѣ эти Соловьи Разбойники, мечи-кладенцы, Василисы Микулишны, являясь лишь русскими модификаціями общихъ мотивовъ, выдѣляются и даютъ мѣсто чертамъ чисто русскимъ, такимъ образомъ оттѣняя ихъ и выдвигая на первый планъ. Отнюдь нельзя согласиться и съ тѣми ограниченіями, которыя налагаетъ нашъ авторъ на сравнительный методъ. По его мнѣнію (I, 148), сравнительному изученію могутъ подлежать лишь тѣ явленія и мотивы, которые отразились въ разныхъ литературахъ съ болѣе или менѣе одинаковою содержательностью, опредѣленностью и, если можно такъ выразиться, имѣютъ свою характерную физіономію. Мы рѣшительно не видимъ основанія, почему разказъ изъ Gesta Romanorum не можетъ быть сравненъ съ новеллой Бокаччіо или драмой Шекспира, не смотря на совсѣмъ не одинаковую содержательность.

Желая оградить „Слово" отъ сравнительнаго анализа, авторъ нашъ впадаетъ, кажется, въ нѣкоторую логическую ошибку. А именно, онъ хочетъ, чтобы раньше оно было вполнѣ обслѣдовано въ связи съ историческими и бытовыми условіями; но вѣдь можетъ быть, при тщательномъ сравнительномъ анализѣ уничтожилась бы самая необходимость такого изученія, или радикально бы измѣнилась его форма. Затѣмъ, едва ли, съ точки зрѣнія автора, художественная обработка „Слова" можетъ помѣшать его сравненію съ какимъ бы то ни было поэтическимъ памятникомъ. Или можетъ быть, оно слишко высоко, цѣнно въ художественномъ смыслѣ, чтобъ идти въ параллель съ другими произведеніями?

Отношеніе г. Барсова къ проф. Потебнѣ, какъ изслѣдователю „Слова", въ этой главѣ очень неопредѣленно: онъ ставитъ ему, во-

первыхъ, въ упрекъ введеніе однообразнаго правописанія XII вѣка, указывая, что это правописаніе нигдѣ съ такою строгостью не выдерживалось. Пріемъ г. Потебни, конечно, искусственный, — но вѣдь какая-нибудь центральная ороографія была же и для того вѣка. Странно также, что другому изслѣдователю „Слова", г. Тихонравову, авторъ ставитъ упрекъ противоположный (стр. 140). Второе возраженіе противъ г. Потебни заключаетъ въ себѣ, очевидно, какое-то недоразумѣніе. Г. Барсовъ находитъ, будто „его синтаксическія замѣчанія построены на законахъ языка современнаго" (стр. 153). На сколько мы понимаемъ исходную точку почтеннаго профессора, онъ убѣждается въ крайней испорченности дошедшаго до насъ текста на основаніи отсутствія не синтактической, а логической, смысловой связи между отдѣльными мѣстами ея. Но критическій ножъ вообще не по душѣ г. Барсову; онъ вездѣ тщательно вооружается противъ допущенія глоссъ, перестановокъ и какихъ бы то ни было существенныхъ искаженій на одной изъ тѣхъ ступеней, по которымъ дошла до насъ пѣснь объ Игорѣ. Онъ приписываетъ г. Потебнѣ даже вину въ дальнѣйшемъ появленіи болѣе смѣлыхъ чтецовъ глоссъ и исправителей текста, въ родѣ г. Андріевскаго; но вѣдь въ такомъ случаѣ г. Барсову, который первый провелъ параллель между повѣстью Іосифа Флавія и „Словомъ", пожалуй, придется быть отвѣтственнымъ за подрывающую критику „Слова" въ трудѣ проф. В. Ѳ. Миллера или за теорію проф. Малышевскаго. Страннымъ кажется намъ и упрекъ проф. Потебнѣ, будто его трудъ даетъ „глубокое изученіе частностей „Слова", отдѣльныхъ образовъ и картинъ, словъ и предложеній, въ ущербъ живому пониманію памятника въ его цѣломъ, въ планѣ и идеѣ, въ оригинальныхъ и свободныхъ пріемахъ творчества, подобнаго Боянову" (I, 153—154). Такое требованіе можно было бы предъявить къ изученію сатиръ Горація или поэмъ Байрона, но если человѣку не ясна логическая цѣльность и стройность произведенія, откуда же возьметъ онъ свою отправную точку? Да профессору Потебнѣ и вовсе нельзя сдѣлать этотъ упрекъ, потому что его частности не суть мелочи, не связанныя между собою, — передъ нимъ всегда широкая область народной поэзіи, и онъ стремится бросить живыя зерна народнаго творчества опять въ ту почву, изъ которой они были взяты для испорченнаго книжнаго „Слова". Между тѣмъ, едва ли не одно изученіе деталей и постоянная критическая провѣрка частностей могутъ гарантировать изслѣдователя отъ упрековъ, которые дѣлаетъ хотя бы самъ авторъ г. Андріевскому

за его пріемы въ критикѣ „Слова“: „это выраженіе неумѣстно“, „это подозрительно“ и т. п.

Въ третьей части очерка идетъ обзоръ поэтическихъ переложеній „Слова“. Этотъ обзоръ очень интересенъ подборомъ фактовъ. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ почтеннаго автора о достоинствѣ малорусскаго Максимовичевскаго перевода „Слова“, гдѣ сказывается родство той и другой художественной рѣчи. Но намъ кажется, что въ строгомъ смыслѣ при настоящей неразъясненности „Слова“, всякій его переводъ является болѣе или менѣе удачною поэтическою фантазіей на тему Игоревой пѣсни. Весьма примѣчательны тѣ вѣхи, которыя ставитъ г. Барсовъ для разрѣшенія вопроса объ отношеніи „Слова“ въ первоначальномъ его видѣ къ мѣрной рѣчи, и указанія на разнообразные размѣры въ связи съ народно-поэтическими, на аллитерацію нѣсколькихъ видовъ.

Четвертая часть очерка посвящена изданіямъ педагогическимъ и популярнымъ. Этому, можетъ быть, и любопытному, но ужь никакъ не въ научномъ смыслѣ, матеріалу авторъ удѣляетъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ много мѣста. Въ пятой части для библіографической полноты приводятся свѣдѣнія о переводахъ иностранныхъ, и подъ конецъ нѣсколько страницъ посвящено замѣчательному труду галицкаго ученаго, г. Огоновскаго. Странно, что авторъ, ставящій въ упрекъ г. Огоновскому и проф. В. Миллеру неполноту ихъ библіографическихъ свѣдѣній о „Словѣ“, самъ говоритъ о трудѣ г. Огоновскаго со словъ проф. Жданова и критической статьи о немъ г. Житецкаго.

Слѣдующая глава есть центральная и самая важная во всемъ изслѣдованіи. Она посвящена „Слову“, какъ выраженію школы кіевской дружинной Руси. Очень интересны и часто даже замѣчательны параллели между Несторовою лѣтописью, текстомъ и славянскимъ переводомъ повѣсти Іосифа Флавія. Жаль только, что греческій текстъ напечатанъ очень небрежно. На стр. 218 находимъ σκηνοποιεῖσθαι, γαζοφηλαχία, καπετασματα. Русскій переводъ мѣстами неточенъ и даже невѣренъ.

Вотъ примѣры:

ὁ μὲν ζῶν ἄρξει τῶν νῦν ὁμοίων

Кто лишится жизни изъ таковыхъ (222).
ὑπὸ τῆς περὶ τὴν ἔξοδον ἐπείξεως—съ поспѣшностью въ дорогѣ (228).
ὑπὸ τὰς πρώτας αὐγάς—предъ первой зарей (232).

Καὶ βέλη μὲν ἦν ἀμφοτέροις ἄχρηστα—стрѣлы и копья стали обоимъ ненужны (236).

Δεξιαῖς.... προσηγάγετο—подавъ руку, привлекъ на свою сторону (237).

Κατεάγησαν.... τὴν ἰσχύν—не теряли силу (244).

Τοσοῦτον ὀργῆς ἐπι ζῶντος, ὅσον εὐνοίας ἐπι τεθνάναι δοκοῦντες πρότερον ἀνελάμβανον—узнавъ, что онъ живъ, отнеслись къ нему съ такимъ негодованіемъ, съ какимъ относились до того, думая, что онъ умеръ (245).

При сравненіи языка „Слова" съ языкомъ перевода, сравненіи, имѣющемъ въ виду доказать существованіе въ дружинной Руси особой литературной школы, г. Барсовъ мѣстами входитъ въ утрировку. Напримѣръ, что̀ доказываютъ такія сопоставленія?

Луци напряжени	ХРАМИ РАЗГРАБЛЕНИ
тули отворени	РОДИ ИСѢЧЕНИ
Два солнца померкоста	СИМОНЪ СЪ ЇѠАНОМЪ ОБНАЖИСТА Ѧ И КРОВЬ ИХЪ ИСПИВАШЕТА

Въ главѣ о „Словѣ", какъ повѣсти исторической, есть очень интересный подборъ параллелей между слогомъ лѣтописи и „Слова". Дальше идетъ глава: „Слово какъ пѣснь подобная Бояновой". Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ вообще далъ ей мѣсто въ своемъ трудѣ. Она въ значительной мѣрѣ основывается на фикціяхъ; что̀ значитъ, напримѣръ, такая фраза: „Нельзя не пожалѣть, что пѣвецъ „Слова" мало внесъ Бояновыхъ словесъ въ свое произведеніе. Быть можетъ, нашъ Боянъ былъ, дѣйствительно, настоящій славянскій Гомеръ" (I, 307—308). Неудачною кажется намъ и теоретическая часть этой главы, и полемика съ Вс. Ѳ. Миллеромъ, и этимологическіе экскурсы. На стр. 329 находимъ такое положеніе: „Миѳы прежде всего отражаютъ нравственный смыслъ, и кто обладалъ необыкновеннымъ даромъ поэтическаго творчества, тотъ не могъ иначе представляться въ эпическія времена, какъ внукомъ божества, первоисточника лиры и музы". Жалко, что такія напыщенныя и ничего въ сущности не выражающія фразы г. Барсовъ имѣетъ порой стремленіе выдавать за доказательства. Рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ о „Дажь-божьихъ внукахъ" и Велесовомъ внукѣ", и авторъ, по видимому, нисколько не думаетъ уходить въ миѳологію. Нравственный же смыслъ, который долженъ отражаться въ миѳахъ,—вещь, и помимо этого, весьма спорная: миѳъ не

выясненъ еще далеко ни по существу, ни по происхожденію; школа фетишизма, солярная система, „болѣзни языка“ выводятъ миѳъ изъ различныхъ пунктовъ и проводятъ его по разнымъ путямъ. Мы выписали это мѣсто только какъ образецъ легкости, съ которою авторъ разрубаетъ разные гордіевы узлы науки. Полемика г. Барсова съ Вс. Ѳ. Миллеромъ, какъ намъ кажется, приняла нѣсколько неправильный характеръ. Существенною стороной теоретическихъ положеній извѣстнаго скептика является именно отрицательный ихъ элементъ. Съ этой стороны получаютъ они, по видимому, значеніе и въ глазахъ такихъ компетентныхъ ученыхъ, какъ акад. Веселовскій и профессора Ор. Миллеръ и Ждановъ. Существенно, напримѣръ, неупоминаніе Перуна, неясность въ обрисовкѣ Бояна, несоотвѣтствіе между миѳологіей „Слова“ и миѳологическою стороной „Плача Ярославны“. Въ разборѣ этихъ неудоумѣній, въ отвѣтѣ на поставленные вопросы долженъ былъ бы, кажется намъ, лежать центръ тяжести данной главы у г. Барсова; между тѣмъ онъ относитъ замѣчанія свои по этому поводу въ примѣчанія, а въ текстѣ нападаетъ на болѣе слабую и безусловно-второстепенную сторону труда пр. Вс. Миллера, на допущеніе византійско-болгарскаго прототипа, тогда какъ въ этомъ отношеніи онъ даже не можетъ и быть вполнѣ самостоятельнымъ, имѣя такого могучаго союзника, какъ акад. Веселовскій.

Отсутствіе Перуна въ Словѣ г. Барсовъ объясняетъ отсутствіемъ торжествующаго элемента въ разказѣ. А первая побѣда въ пятницу утромъ? А Игорь въ предѣлахъ Руси на возвратномъ пути? Лингвистическіе доводы автора часто весьма сомнительны; онъ забываетъ, по видимому, что звуковое подобіе не есть гарантія этимологическаго родства, что для его констатированія необходимо установить коренное фонетическое единство и генетическое соотношеніе. Для автора есть слово видѣцъ (sic! — 357 видѣть — видѣцъ); велесъ и велецъ суть параллельныя формы, и рядомъ съ ними являются вавилонское Belesys и Велисъ аммонитянъ (362). Хорсъ все равно что Хоросъ (а отсюда и хорошъ), а въ производныя слова попадаютъ даже Хорославинскіе (?) (363). Дажь-богъ сопоставляется съ Богдаево, Бождаевка (367). Можно отмѣтить также ошибки и совершенно произвольное толкованіе въ греческихъ словахъ: ὤδη (sic! bis I, 361) „не значитъ просто пѣснь, а пѣснь полную человѣческаго вдохновенія и очарованія, какъ даръ необыкновеннаго божескаго наитія“ (361—362), ἡστόρια (sic. 274) (въ смыслѣ повѣсти).

Въ 6-й главѣ г. Барсовъ разсматриваетъ отношеніе „Слова“ къ

былинамъ. Глава эта, какъ намъ кажется, могла бы быть пообстоятельнѣе теперь, послѣ того какъ создалась цѣлая литература, разработавшая южно-русскую былину. Для автора въ отношеніи былинъ есть только двѣ точки зрѣнія: историко-бытовая и миѳическая. Первая разработана въ трудѣ Л. Н. Майкова, къ сожалѣнію, вышедшемъ до богатаго накопленія былинныхъ варіантовъ. Вторая имѣетъ, по словамъ г. Барсова, двухъ представителей—автора почтеннаго труда объ Ильѣ и Кіевскомъ богатырствѣ, О. Ѳ. Миллера, и академика Буслаева (не совсѣмъ точно называть его представителемъ миѳической теоріи). Какъ реакція противъ миѳологической школы, указывается еще трудъ В. В. Стасова; но мы не находимъ ни слова упоминанія о трудахъ академика Веселовскаго, академика Ягича, профессора Жданова, гг. Халанскаго, Сазоновича и др. Тутъ дѣло не въ библіографической неполнотѣ, а въ томъ, что совершенно игнорируется особый родъ пониманія и оцѣнки всего рода данныхъ произведеній. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ совершенно опредѣлилъ для себя и сущность, и происхожденіе былины. Въ самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, былина основывается на историческомъ фактѣ богатырства и слагается, какъ послѣ складывались житія нѣкоторыхъ святыхъ, гдѣ, за неимѣніемъ въ преданіи опредѣленныхъ біографическихъ чертъ, оно обставлялось условными эпически-біографическими чертами (I, 415). Еще одинъ нашъ гордіевъ узелъ, такимъ образомъ, разрубленъ, и является полный просторъ для сравненія деталей. Соловей - Разбойникъ, Поганое идолище, Лютая змѣя (?) разныхъ видовъ въ былинѣ означаютъ для автора поганую степь и, стало быть, какъ рѣшаетъ онъ, „вполнѣ отвѣчаютъ Диву и Тмутараканскому болвану" (I, 423). Лѣтопись, „Слово" и былина, по мнѣнію г. Барсова, описываютъ одну и ту же Русь, но оказывается, что въ лѣтописи сказывается точка зрѣнія монаха, въ „Словѣ"—боярина, а въ былинѣ—дружинную Русь воспѣлъ мужикъ (I, 426). Послѣднее утвержденіе требуетъ, кажется, еще очень много доказательствъ. Въ цитатахъ этой главы нашъ авторъ часто небреженъ: не смотря на всю извѣстную опытность въ собираніи памятниковъ народной словесности и на обширныя познанія его въ этой области, цитовать былины по памяти въ ученомъ изслѣдованіи довольно опасно. И въ самомъ дѣлѣ, онъ цитуетъ, напримѣръ, наизусть (безъ ссылки, по крайней мѣрѣ) классическую былину о Микулѣ Селяниновичѣ, по видимому, на основаніи Рыбниковскаго варіанта (Рыбн. I, 17 — 22, подъ заглавіемъ: Вольга

Святославичъ) и дѣлаетъ пропускъ стиха, нарушая этимъ цѣльность и точность эпическаго изображенія:

... Да во скирды складу
Во скирды складу—домой выволочу

За симъ пропущено:

Домой выволочу—дома выколочу
Длани надеру (вм. Драни надеру)....

По памяти цитуется также на стр. 413:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ,
Одинъ казакъ на Святой Руси
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.

Цитуя пѣсню „Вдоль по травкѣ" (410), авторъ забываетъ указать источникъ, откуда ее взялъ. Если не измѣняетъ намъ память, первый привелъ ее Костомаровъ.

Предпослѣдняя глава разбираетъ отношенія „Слова" къ позднѣйшимъ повѣстямъ. Послѣдняя есть привѣсокъ, для закругленности говорящій о художественныхъ произведеніяхъ, вдохновленныхъ „Словомъ". Второй томъ изслѣдованія г. Барсова посвященъ разбору самаго „Слова" въ цѣломъ и частяхъ. Къ сожалѣнію, здѣсь остаются непонятными пока ссылки на лексикологію, къ которой почтенный авторъ отсылаетъ за самыми интересными и насущными разъясненіями. Въ продажѣ такого сочиненія не появлялось, и въ предисловіи оно только еще обѣщано. Мы не находимъ въ комментаріи къ „Слову" у г. Барсова никакого художественно-филологическаго разбора; нѣтъ здѣсь разъясненія поэтическихъ оборотовъ, выраженій, освѣщенія, такъ-сказать, эстетической обстановки поэта; нѣтъ даже простого списка метафоръ, сравненій, эпитетовъ. Въ замѣнъ всего этого, 1-я глава даетъ намъ переводъ „Слова" (мѣстами прекрасный), сопровождаемый одушевленнымъ комментаріемъ. Исходная точка автора въ переводѣ и комментаріи слѣдующая: гдѣ въ словѣ недостатокъ пониманія, тамъ недостаетъ лишь достаточнаго изученія (II, 1—2).

Нѣкоторыя части комментарія замѣчательно интересны: напримѣръ, Карну и Жлю авторъ передѣлалъ въ Карину и Желю, поэтическіе образы вопленицъ-вѣстницъ. Фигуры народной причети, въ самомъ дѣлѣ, очень напоминаютъ Карну и Жлю, и нельзя не признать, рядомъ съ этимъ объясненіемъ, натянутою догадку г. Потебни, который видитъ здѣсь торжествующихъ Кончака и Гзу.

Нѣкоторыя выраженія въ переводѣ г. Барсова кажутся намъ непонятными по отношенію къ тексту. Напримѣръ:

Заря свѣтъ заронила.

Или:

Рано безпривѣтной кукушкой кукуетъ она.

Но разбирать правильность и вообще достоинство этого перевода трудно до знакомства съ его словаремъ.

Слѣдующая глава посвящена новѣйшему скептицизму въ отношеніи къ тексту „Слова". Глава начинается упреками г. Потебнѣ за его предположенія относительно испорченности текста; при этомъ авторъ повторяетъ свой упрекъ, будто критикъ мѣритъ на „аршинъ современной грамматики" и имѣетъ въ виду лишь „существующій засѣкъ древне-русской лексикологіи, исчерпываемый словарями Миклошича и Востокова" (II, 83). Смѣемъ думать, что г. Барсовъ упустилъ, говоря это, изъ виду филологическія работы почтеннаго профессора, каковы: „Къ исторіи звуковъ русскаго языка", „Изъ записокъ по русской грамматикѣ", „Объясненіе поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедривокъ" (для лексики). Напрасно также г. Барсовъ приписываетъ г. Потебнѣ примѣненіе къ критикѣ „Слова" грамматическихъ правилъ. На сколько намъ извѣстно, г. Потебня занимался только научною грамматикой, гдѣ нѣтъ правилъ, какъ въ практической, а есть лишь обобщенія и законы.

Конецъ главы посвященъ г. Андріевскому. Библіографическая щедрость заставляетъ авторъ выписать на цѣлыхъ 8 страницахъ чуть ли не весь текстъ, возстановленный этимъ изслѣдователемъ. Не лишнее ли это, когда авторъ намѣревается ограничить свой разборъ шестью строками упрека (II, 119)? Для читателей, конечно, было бы удобнѣе, еслибъ имъ дано было нѣсколько характерныхъ мѣстъ текста, съ указаніемъ на ихъ коренной недостатокъ.

Третья глава занята палеографическою критикой текста. Это подробнѣйшій, въ высшей степени добросовѣстный и полезный сборъ комментаріевъ и переводовъ „Слова" въ порядкѣ отдѣльныхъ выраженій. Сводная критика текста предшествуется собственнымъ возстановленіемъ текста съ переводомъ и объясненіемъ каждаго отдѣльнаго выраженія. Здѣсь встрѣчается мѣстами повтореніе данныхъ изъ 1-й главы (въ переводѣ) и нѣкотораго рода балластъ въ мнѣніяхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ комментаторовъ „Слова", но все же трудъ данъ замѣчательный: онъ освѣщаетъ исторію работы

русской мысли надъ „Словомъ" и значительно облегчаетъ для будущихъ изслѣдователей критическую работу въ данной области. Очень хороши нѣкоторыя палеографическія возстановленія автора; напримѣръ, „свистъ звѣринъ въстазби" легко могло получиться изъ въстанзби. Загадочныя слова какъ бусови, болонь, сань, воззни, трикусъ (II, 221—253) для полнаго своего уясненія ждутъ еще лексикологіи автора.

Въ концѣ втораго тома приложены дополненія къ библіографіи „Слова" академика А. Ѳ. Бычкова; здѣсь приведены краткія, но характерныя выписки изъ неизвѣстныхъ автору книгъ. Особенно интересны выписки изъ книги г. Партыцкаго; это безпримѣрный курьезъ въ сферѣ критики текста, чуть не сатира на этого рода литературную работу.

Кончая наши бѣглыя замѣчанія на трудъ г. Барсова, мы должны оговориться: недостатки, которые казались намъ болѣе или менѣе существенными, и на которые мы здѣсь указали, не уменьшаютъ въ нашихъ глазахъ и на десятую долю капитальныхъ заслугъ работы: окончанія этого труда нельзя не ожидать съ большимъ любопытствомъ; это совершенно естественно при томъ запасѣ свѣдѣній, той талантливости и той любви къ дѣлу, которыми обладаетъ Е. В. Барсовъ.

И. Анненскій.

Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи *Н. Пальчиковымъ*. Изданіе А. Е. Пальчикова. С.-Пб. 1888.

Время идетъ, и русская старинная народная пѣсня понемногу изчезаетъ, ея коренные напѣвы портятся посторонними вставками, а часто пѣсня и совсѣмъ выходитъ изъ обращенія, вымираетъ, забывается,— и новыя поколѣнія поютъ уже новыя пѣсни. Поэтому собрать и записать уцѣлѣвшіе образцы старинной коренной русской пѣсни,—вотъ и цѣль, и оправданіе настоящаго сборника". Такъ говоритъ, между прочимъ, издатель въ своемъ предисловіи къ названному труду (стр. IV). Слова эти, къ сожалѣнію,— истинная правда, а потому и предположенная цѣль настоящаго изданія можетъ только заслуживать похвалы и признательности.

Сборникъ г. Пальчикова включаетъ въ себѣ 125 музыкальныхъ записей и немного больше соотвѣтствующихъ имъ текстовъ. 125 характерныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ одномъ селѣ,—это уже явленіе

въ наше время далеко не заурядное; оно говоритъ уже само за себя, свидѣтельствуя о томъ, что судьба натолкнула собирателя на одинъ изъ тѣхъ уголковъ Россіи, въ которомъ „преданья старины глубокой“ не успѣли еще развѣяться въ пухъ и прахъ отъ соприкосновенія съ новою жизнью, вносящею безповоротное забвеніе всего добраго стараго и, подчасъ, не дающею въ замѣнъ его, столь же хорошаго новаго. Это одно, уже заранѣе, даетъ поводъ предполагать, что николаевцы дѣйствительно дадутъ намъ образцы старинной коренной русской пѣсни. Вотъ что́, между прочимъ, разказываетъ собиратель объ историческомъ, такъ сказать, происхожденіи этихъ образцовъ: „Со времени переселенія крестьянъ, составляющихъ въ настоящее время с. Николаевку, изъ Пензенской и другихъ губерній, то-есть, приблизительно съ начала нынѣшняго столѣтія и до 60-хъ годовъ, каждую весну, все наличное взрослое населеніе собиралось въ одинъ хороводъ и пѣло пѣсни, если и не вполнѣ стройно, то относительно складно, имѣя такимъ образомъ возможность выработать извѣстный способъ исполненія пѣсенъ, для всѣхъ исполнителей однообразный. Затѣмъ съ 60-хъ годовъ хороводъ разбился на двѣ части, по улицамъ, составляющимъ с. Николаевку, и по веснамъ собирается теперь уже два хоровода. Исполненіе пѣсенъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ хороводахъ, потеряло свое однообразіе, а съ теченіемъ времени и съ наплывомъ стороннихъ лицъ изъ сосѣднихъ деревень, на столько измѣнилось, что „пѣть одной улицѣ съ другою стало неловко... Такимъ образомъ старые, настоящіе, истинные и правильные напѣвы Николаевскихъ пѣсенъ слѣдовало искать у стариковъ и старухъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ хороводахъ до 1860 года и имѣвшихъ въ то время репутацію хорошихъ пѣсельниковъ и пѣсельницъ. Такихъ лицъ, еще оставшихся въ живыхъ, указали мнѣ человѣкъ 10 или 12. Я позвалъ ихъ къ себѣ, и съ ихъ голосовъ записалъ почти всѣ пѣсни“ (предисл., стр. VI).

Почти тридцать лѣтъ живетъ г. Пальчиковъ въ с. Николаевкѣ, полюбилъ мѣстныя пѣсни и неоднократно пытался воспроизвести ихъ по возможности точно; долго это ему не удавалось, пока, наконецъ, не напалъ онъ на правильный путь во время разговоровъ при записываніи со словъ упомянутыхъ старыхъ пѣвцовъ; при этомъ ему „выяснилась еще та особенность взгляда николаевскихъ пѣвцовъ на пѣсни, что они не дѣлаютъ никакого различія между пѣсней одноголосою и хоровою. Они прямо говорили: „мы этого не разбираемъ“, „всѣ пѣсни сообща поемъ“, „каждую пѣсню можно пѣть

вмѣстѣ". „Всѣ эти „сообща", „вмѣстѣ" указываютъ", говоритъ собиратель,—„на то, что полнымъ выразителемъ исполненія пѣсни въ Николаевкѣ можно признать только хоръ, а отдѣльные пѣвцы поютъ только какъ бы элементы или части пѣсни, напѣвы, изъ которыхъ въ хорѣ вполнѣ складывается вся пѣсня... Каждый голосъ воспроизводитъ по-своему напѣвъ, и сумма этихъ-то напѣвовъ составляетъ то, что̀ слѣдовало бы назвать „пѣсней", такъ какъ она воспроизводится вся, со всѣми оттѣнками, исключительно только въ крестьянскомъ хорѣ, а не при единоличномъ исполненіи... Всякая пѣсня представлена, поэтому, въ моемъ сборникѣ, въ нѣсколькихъ варіантахъ (отъ 6-ти до 10-ти и болѣе), и если всѣ эти варіанты спѣть разомъ... то получится почти полное представленіе о томъ хоровомъ исполненіи, которое придаетъ пѣснѣ самъ народъ, и о той манерѣ, съ какою одинъ и тотъ же напѣвъ разработывается народомъ" (стр. VI и VII). Итакъ, сущность пріема, которымъ воспользовался собиратель при записываніи мѣстныхъ мелодій, заключается въ признаніи его за крестьянскую пѣсню только пѣсни хоровой, а не одноголосной.

Не считаемъ себя въ правѣ вдаваться въ спеціальное обсужденіе этой музыкальной стороны сборника; укажемъ только на оговорку, которую дѣлаетъ г. Пальчиковъ по поводу вышеизложенныхъ разсужденій: „Къ этому считаю необходимымъ добавить, что всѣ мои разсужденія и положенія, изложенныя выше, имѣютъ только мѣстное значеніе; они касаются лишь николаевскихъ пѣсенъ и николаевскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Какъ поютъ, и какъ поются пѣсни въ другихъ мѣстахъ Россіи, я не знаю, и потому никакъ обобщеній не дѣлаю" (стр. VII).

Перейдемъ къ обозрѣнію текстовъ. Собиратель подраздѣлилъ пѣсни по отдѣламъ, „какъ ихъ дѣлитъ народъ". I. Вешнія (весеннія) (№№ 1—36), въ составъ которыхъ входятъ: А. Хороводныя (№№ 1—33): а) съ игрою (№№ 1—25), б) безъ игры (№№ 26—30), в) ходовыя (№№ 31—33); Б. Троицкія и Семицкія (№№ 34—36). „Вешнихъ пѣсенъ", говоритъ г. Пальчиковъ,—„въ Николаевкѣ немного и онѣ почти всѣ вошли въ сборникъ; единственное отличіе ихъ отъ другихъ заключается во времени исполненія,—онѣ поются исключительно весной". II. Проголосныя (протяжныя) (№№ 37—78). III. Свадебныя (№№ 79—94). IV. Величальныя (95—104). V. Частыя (скорыя) (№№ 105—119), „въ число которыхъ входятъ

шуточныя, игровыя на посидѣнкахъ и плясовыя". VI. Святочныя (№№ 120—125).

Это перечисленіе отдѣловъ заслуживаетъ уже вниманія и прежде всего потому, что подраздѣленіе пѣсенъ сдѣлано не по усмотрѣнію собирателя, а „какъ ихъ дѣлитъ народъ"; весьма важно для этнографической науки увеличивать кадръ пѣсенъ, самимъ народомъ отнесенныхъ къ тому или другому разряду, опять-таки самимъ же народомъ названному; настоящій сборникъ, какъ видимъ, можетъ служить солиднымъ обогащеніемъ такого кадра. Съ другой стороны, не менѣе важнымъ является и то обстоятельство, что у николаевцевъ по сіе время существуетъ еще такое сознательное, по видимому, распредѣленіе пѣсенъ по названіямъ; это указываетъ, опять-таки на то что, собиратель напалъ на хорошій источникъ, ибо рѣдко гдѣ на Руси можно найдти теперь такое сознательное отношеніе народа къ пѣсенному дѣлу. И въ этомъ нельзя не усмотрѣть новаго повода къ тому, чтобы пѣсни, вошедшія въ сборникъ, признать, дѣйствительно, за образцы старинной, коренной русской пѣсни.

Разсмотримъ эти образцы.

Хотя собиратель и говоритъ, что вёшнихъ пѣсенъ въ Николаевкѣ немного, тѣмъ не менѣе представленныя имъ 36 пѣсенъ являются такимъ солиднымъ вкладомъ, какой едва ли былъ сдѣланъ кѣмъ-либо послѣ Сахарова и Терещенка. Особеннаго вниманія заслуживаютъ пѣсни хороводныя. Нерѣдко ихъ можно встрѣтить въ сборникахъ, но далеко не сгрупированными въ такой полнотѣ, какъ здѣсь, и притомъ собранными изъ различныхъ мѣстностей, между тѣмъ какъ здѣсь мы видимъ воспроизведеніе одного мѣстнаго хоровода во всемъ его объемѣ, начиная съ первой пѣсни, имѣющей особый призывный характеръ и кончая послѣднею.

25 пѣсенъ хороводныхъ представлены „съ игрой", при чемъ точнымъ образомъ описана и самая игра; одна изъ этихъ игръ, именно основа (№ 9), даже изображена графически. Большая часть этихъ пѣсенъ и хороводовъ являются прекрасными варіантами уже извѣстныхъ изъ другихъ сборниковъ, но есть между ними очень рѣдко встрѣчающіяся и даже совсѣмъ новыя. Къ числу такихъ нужно отнести: „Груша" (№ 4), „То-то горе-то мое" (№ 6) „Отколь добрый молодецъ" (№ 18), „Еще какъ ты утена" (№ 24) и „Селезень мой" (№ 23), нигдѣ еще не записанный; этотъ послѣдній мы и приведемъ здѣсь:

Селезень мой, (2) селезень мой сизъ косистый, (2)
Сизъ косистый, (2) сизъ косистый, голосистый, (2)

Подъ поплавай, (2) подъ поплавай по Дунаю, (2)
(Въ хороводъ выходитъ дѣвушка).
Подплыви ты, (2) подплыви ты къ винограду, (2)
Стань подъ грушу, (2) стань подъ грушу, стань—послушай, (2)
Какъ старушки, (2) какъ старушки скачутъ, пляшутъ, (2)
Онѣ эдакъ, (2) онѣ эдакъ, все вотъ эдакъ: (2)
Сутулимшись, (2) сутулимшись, сугорбимшись. (2)
(Дѣвушка представляетъ пляску старухъ)
Селезень мой.... и т. д.
. . . . . . стань послушай, (2)
Какъ дѣвицы, (2) какъ дѣвицы скачутъ, пляшутъ. (2)
Онѣ эдакъ, (2) онѣ эдакъ, все вотъ эдакъ: (2)
Подбодрёмшись (2) подбодрёмшись, веселёмшись, (2)
Пободрёмшись и въ ладоши. (2)
(Дѣвушка въ хороводѣ пляшетъ).

По справкамъ, наведеннымъ издателемъ, этотъ хороводъ нигдѣ еще не записанъ; что касается до русскаго хоровода, то соотвѣтствующаго приведенному не можемъ указать и мы, но въ малорусскомъ и галицкомъ хороводѣ встрѣчаемъ очень близко къ нему подходящій—только роль русскаго селезня тамъ играетъ козелъ; такъ у Чубинскаго (въ Трудахъ этн.-ст. экск. въ зап.-русск. кр. т. III, стр. 89) находимъ:

Вийди, кунзлику, вийди (2) рано,
Вийди, (2) рано, вийди погуляймо.
Да скажи намъ, кунзлику, якъ дівочки скачуть,
Ой такъ хорошонько, ой такъ приязненько;
и т д.

У Головацкаго (Народн. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, т. II, стр. 181, №, 5) находимъ:

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо!
Та повѣдай, кôзле, правду!
„Що жь ти маемъ повѣдати,
Коль нѣчого й не чувати?"—
Ой якъ паняночки скачутъ? (2)
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ роженьку, то въ калину".

Также и съ „парубочками".

. . . . Та якъ старй бабы скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ бодлаки, то въ крапиву.

Также и „старй дѣды".

Есть соотвѣтствующій варіантъ и въ бѣлорусскомъ хороводѣ (помѣщенъ въ печатающемся нынѣ подъ нашею редакціей сборникѣ бѣлорусскихъ пѣсенъ г-жи Радченко)—въ нѣсколько грубой формѣ:

Якъ возьму я козла да за рожечки,
Да поведу козла за воротечки,
Да привяжу козла къ дубовому тыну,
Да накажу козлу—сукиному сыну:
Скажи, скажи, козлю, якъ дѣвки скачуть?
Отъ такъ, такъ дѣвки скачуть,
Отъ такъ по малéсеньку,
Отъ такъ потихéсеньку,

Также и „бабы“:

Якъ возьму козла бити, ругати,
Да стану я у козла правды пытати:
Скажи, скажи, козлю, якъ хлопцы скачуть?
Отъ такъ, такъ и т. д.

Также и „дѣды“.

До сихъ поръ можно было предполагать, что нѣсколько странный хороводъ этотъ стоитъ совершенно особнякомъ—у малоруссовъ и бѣлоруссовъ; опубликованный г. Пальчиковымъ варіантъ даетъ болѣе широкое распространеніе этой идеи, указывая на развитіе ея въ великорусскомъ хороводѣ, и притомъ въ формѣ, которая, безъ сомнѣнія, представляется въ болѣе привлекательномъ видѣ, нежели остальные варіанты. Галицкій припѣвъ „Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо!“ и упоминаніе „Дуная“ въ русскомъ варіантѣ указываютъ на древнее происхожденіе этого хоровода.

Далѣе въ сборникѣ г. Пальчикова слѣдуютъ пять хороводныхъ пѣсенъ „безъ игры“, то-есть, по объясненію собирателя, когда „дѣвушки и парни водятъ просто хороводъ; никакою игрой эти пѣсни не сопровождаются“, и въ числѣ этихъ пѣсенъ есть одна, до сихъ поръ не записанная (№ 26):

Охъ да созывалъ король во танокъ дѣвокъ,
Ой Диди Ладушка, во танокъ дѣвокъ и т. д.

тоже безъ сомнѣнія, старинная, на чтó указываетъ уже припѣвъ. По поводу неигровой пѣсни „Какъ на рѣченькѣ“ (№ 28) нужно замѣтить, что она является почти повтореніемъ первой игровой (№ 1); разница въ 5 первыхъ стихахъ; игровая начинается такъ:

Выходите красныя дѣвушки
Изъ воротъ играть на улицу.

Выносите соловья на рукахъ.
Какъ соловьюшко защекотывалъ,
Красны дѣвушки заигрывали,
А молодушки заплакали.
Поиграйте-ка вы дѣвушки и т. д.;

Начало неигровой такое:

Какъ на рѣченькѣ, рѣченькѣ,
На ракитовомъ кустичкѣ,
Соловеюшка пѣсенки поетъ,
Онъ молодушкамъ назолушку даетъ,
Краснымъ дѣвушкамъ вѣсть подаетъ:
Поиграйте-ка вы дѣвушки и т. д.

Дальнѣйшіе 22 стиха въ обѣихъ пѣсняхъ являются дословнымъ повтореніемъ другъ друга, при чемъ игровая на томъ и обрывается, а неигровая даетъ еще 13 стиховъ любопытнаго продолженія. Тѣмъ не менѣе обѣ эти пѣсни поются на различные голоса,—явленіе любопытное, такъ какъ при нынѣшнемъ оскудѣніи пѣсенности чаще можно встрѣтить обратное явленіе, то-есть, нѣсколько пѣсенъ поются на одинъ мотивъ. Страннымъ только покажется, съ перваго взгляда, какъ это сами пѣвцы неигровую пѣсню сдѣлали игровою, когда это обусловливается вѣдь и содержаніемъ самой пѣсни. Но странность эта только кажущаяся; она устраняется, если обратить вниманіе на примѣчаніе собирателя къ первой (№ 1) пѣснѣ игровой: „Пѣсней этою начинаются хороводы. Дѣвушки поютъ ее „толпой“ и не устанавливаются въ хороводъ, поджидая подходящихъ подружекъ“. Значитъ, по существу эта пѣсня все-таки остается неигровою и пѣвцовъ въ противорѣчіи упрекнуть нельзя. Очевидно, главную роль въ этой пѣснѣ играетъ призывъ къ хороводу, что̀ и выражается въ ея первыхъ стихахъ; остальную часть составляетъ болѣе подходящая изъ неигровыхъ, такъ какъ хороводъ еще собственно не начался [1]).

Три послѣднія пѣсни изъ хороводныхъ названы ходовыми и поются, по объясненію собирателя, „когда хороводъ „стѣной“ идетъ по улицѣ. Передъ хороводомъ лицомъ къ нему, идутъ двѣ дѣвушки“ (№ 31). Здѣсь приведена, между прочимъ, мало извѣстная пѣсня „репей“, записанная до сихъ поръ только Терещенкомъ:

Вдоль по улицѣ репей, вдоль по широкой репей.
Ой Диди, мой репей, о Ладо, молодо.

---

[1]) Любопытно бы узнать, не носитъ ли эта призывная пѣсня какого-нибудь особаго названія.

Репей стелется, разстилается.
Да не быть репью со тынόмъ равну,
Да не быть свекру супроть батюшки,
А мой батюшка—дума крѣпкая,
Слово тайное, невыносное.

Разсмотрѣнный отдѣлъ хороводныхъ пѣсенъ составляетъ едва ли не самую цѣнную часть сборника. Помимо прекрасныхъ старинныхъ пѣсенъ, сообщенныхъ въ такомъ значительномъ количествѣ, тутъ сдѣланы важныя указанія и относительно техники дѣла: приведенное дѣленіе хороводныхъ пѣсенъ на игровыя, неигровыя и ходовыя можетъ уже считаться весьма выдающеюся заслугою сборника г. Пальчикова, а такія опредѣленія, какъ: поютъ „толпой“, хороводъ „стѣной“ идетъ по улицѣ—обогащаютъ новыми данными еще такъ мало извѣстную у насъ русскую народную терминологію пѣсеннаго дѣла [1]).

Вторымъ отдѣломъ весннихъ пѣсенъ приведены троицкія и семицкія. Вообще говоря, этихъ пѣсенъ записано очень мало; немного ихъ и въ этомъ сборникѣ, всего пять, при чемъ три изъ нихъ поются на одинъ голосъ; всѣ онѣ, по замѣчанію собирателя, „поются исключительно въ семикъ и въ Троицу, когда дѣвушки ходятъ завивать вѣнки“ (№ 34). Пѣсня „Еще кто траву билъ“ (№ 35) сопровождается особымъ троицкимъ хороводомъ: „Дѣвушки, заплетя вѣнки и побросавъ ихъ въ воду или повѣсивъ на деревья, становятся въ хороводъ и пляшутъ“. По справкѣ издателя, эта пѣсня оказалась незаписанною еще нигдѣ; мы, съ своей стороны, можемъ указать близкій къ ней варіантъ, помѣщенный у Терещенка въ числѣ хороводныхъ (ч. IV, стр. 160), гдѣ роль „Ивана сударя“ играютъ дѣвица, вдовица и молодица; такъ у г. Пальчикова:

Еще кто траву билъ.
Кто мураву толочилъ.
    Да притоптана травушка.
    Притолочена муравушка [2]).
А Иванъ сударь билъ,
А Иванычъ толочилъ.
На конѣ винтовалъ,
Къ терему подъѣзжалъ.
Къ терему подъѣзжалъ,

---

[1]) Срав. нашъ Предварит. отчетъ о результатахъ экспед. для собиранія русск. народн. пѣсенъ съ напѣвами въ *Извѣстіяхъ Имп. Р. Геогр. Общ.* 1887 г. вып. 1, стр. 11, 12.

[2]) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Да Ульяну вызывалъ.
Ты Ульянушка выдь,
Свѣтъ Степановна выдь.

У Терещенка (хороводъ: лугъ, лужечекъ).

Лугъ ты мой, лугъ зеленной!
Зеленъ лугъ, лужечекъ.
Кто тебя топталъ?
Да кто толочилъ?
Топтала дѣвица,
Другая вдовица,
Третья молодица, и т. д.

Весьма близкій по содержанію варіантъ, находимъ у Сахарова (по изд. 1841 г. т. I, кн. 3, стр. 30, № 12) въ числѣ хороводныхъ пѣсенъ, при чемъ хороводъ (по изд. 1837 года) названъ „Женихъ“:

Какъ подъ лѣсомъ подъ темнымъ
Выростала трава шелковая;
Какъ тутъ ходилъ, гулялъ
Заѣзжій гость;
Онъ во дудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Невѣсту себѣ.
Выходила красна дѣвица,
Тонка, высока,
Тонешенька, бѣлешенька,
Собой хороша и т. д.

Въ бѣлорусскомъ хороводѣ можно указать соотвѣтствующій (въ печатающемся сборникѣ г-жи Радченко):

Въ бору травка потолочена,
Охъ и ой леле потолочена.
Кто тую травку потолóчивъ?
Потолочила черная кунà,
Черная куна съ куненятками: и т. д.

Пѣсня: „По нѣмецкой по улицѣ“ (№ 36) является заключительною: „Завивши вѣнки и возвращаясь домой, дѣвушки поютъ эту пѣсню. Ею замыкается кругъ весеннихъ пѣсенъ“.

Затѣмъ слѣдуютъ 45 пѣсенъ проголосныхъ (протяжныхъ). Первыя пять являются прекрасными варіантами былинъ: про Добрыню (№ $37,_1$), про Алешу (№ $37,_2$), про Темрюка Темрюковича—отрывокъ (№ 38), про взятіе Казани—отрывокъ (№ 39) и про пожаръ Московскій (№ 40); изъ нихъ вторая, излагающая бой Алеши со Скимомъ-звѣремъ, очень рѣдка; она записана лишь Гр. Н. Потанинымъ (Этногр. сборн. вып. VI).

То обстоятельство, что эти несомнѣнныя былины, исполняемыя, какъ извѣстно, однимъ голосомъ, обратились въ с. Николаевкѣ въ пѣсни хоровыя проголосныя, указываетъ на особое предрасположеніе мѣстныхъ пѣвцовъ къ хоровому исполненію пѣсенъ; быть можетъ, условія мѣстнаго быта извѣстнымъ образомъ сказались въ этой особенности.

Послѣ былинъ слѣдуютъ пять пѣсенъ волжскихъ разбойничьихъ, съ неизбѣжнымъ Стенькой Разинымъ во главѣ; далѣе находимъ около 30 пѣсенъ бытовыхъ и лирическихъ, которыя по строю и характеру необходимо отнести къ пѣснямъ досельнымъ, старинкымъ; сверхъ того, помѣщена пѣсня рекрутская, съ чисто мѣстнымъ характеромъ, двѣ пѣсни солдатскія, съ упоминаніемъ объ императорѣ Николаѣ и объ „Аршавѣ"; въ заключеніе отдѣла приводится образецъ пѣсни закоперской, при вбиваніи свай. Многія изъ этихъ пѣсенъ записаны въ первый разъ, нѣкоторыя являются исключительно мѣстными; есть между ними и юмористическія. Пѣсня: „Ахъ усыньки, усы" (№ 43), по замѣчанію собирателя, „записана въ первый разъ въ 1864 году отъ 60-лѣтняго старика, пѣвшаго всегда, какъ продолженіе пѣсни, нижеслѣдующую характеристику окрестныхъ съ Николаевкой селеній. Кѣмъ и когда сложена эта характеристика, узнать не удалось":

Вотъ и стары старики, Старомазинскіе.
Неразводны животы- Темерганскі мужики.
Вотъ и трубошники—Юшадинскіе,
Вотъ зелены-то дуги, то Останковы слуги,
А хорошеньки лошадки—Ташліярскіе.
А и бѣлые кафтáны, то Тугашевски татары,
Сурончакъ на горѣ, по двѣ курвы на дворѣ,
А какъ съ обыскомъ пойти—по пяти можно найти [1]).
А Шурански животы—слабогузы мужики,
А большіе то коты—Новомазинскіе.
Огурешникъ на голо,—то Каранское село.
А широки кушаки, то Тамбовски мужики.
Вотъ подраться, побороться—Николаевскіе.
А скупые животы—Матвѣевски мужики,
А богаты мужики, то-то Аристовски,
А вотъ воръ на голо—то Можаровско село.
Косники и мясники—Ахматовски мужики.

---

[1]) Въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ" *Романова* есть подобная пѣсенка (стр. 187, № 7), гдѣ между прочимъ говорится:

А Гомель на горѣ—по три шлюхи на дворѣ, а съ вобыскомъ
пойдемъ, по пяти въ дворѣ найдемъ.

Вотъ кривые-то носы, то-то Каркински. (Морозомъ погнуло).
А хлѣбные мужики—Маткаушскіе.
Вотъ сухіе то лещи, то Игински мужики.
Вотъ гнилые караси—то-то Юртовскіе. (Сами чуть живы).
А и синія заплаты—Мензелинскіе солдаты.

Любопытна также пѣсня (на тотъ же голосъ), въ которой выведены всевозможныя рыбы:

Рыболовъ рыбу ловилъ, почевать къ Дунѣ ходилъ,
Въ воротахъ ставилъ сазапа, при калиткѣ судака,
Середи мово двора заунывнаго сома,
Середи новыхъ сѣней красноперыхъ окуней

и т. д.

Въ отдѣлѣ свадебныхъ пѣсенъ приведены два краткія причитанія невѣсты и до 20 пѣсенъ, весьма характерныхъ, съ обозначеніемъ, когда и кому онѣ поются. Изъ числа 11 величальныхъ, большая часть также относится къ свадебному ритуалу.

Въ числѣ 15 пѣсенъ часты́хъ (скорыхъ) приведены нѣсколько шуточныхъ, игровыхъ на посидѣнкахъ и плясовыхъ; всѣ онѣ очень характерны по своему складу и, въ противоположность такимъ же частымъ пѣснямъ новѣйшаго изобрѣтенія, такъ-называемымъ „повертушкамъ" или „крутовороткамъ" являются вполнѣ осмысленными и не лишены подчасъ интереснаго содержанія. Въ одной изъ шуточныхъ можно усмотрѣть, между прочимъ, насмѣшливое отношеніе русскаго населенія къ нѣкоторымъ бытовымъ особенностямъ населенія татарскаго (№ 106):

Какъ у нашего сосѣда завелася пиръ бесѣда,
У нашего кабака была яма глубока,
Была яма глубока, соломою покрыта́.
Какъ во этою во ямѣ завелися крысы, мыши.
А крысиный (а и крысинъ) господинъ по канату выходилъ,
По канату выходилъ, съ стариками говорилъ:
Ахъ вы стары старики, міроѣды (пожилые) мужики,
Міроѣды, мужики, воры ябедники,
У васъ бороды сѣдыя, глаза сѣрые, большіе,
Глаза сѣрые, большіе, брови черныя, густыя.
Вы не хлопайте глазами, не трясите бородами.
Еще Трошка, Митрошка посадилъ крысу въ рогожку,
Еще Сидоръ да Назаръ свезли крысу на базаръ,
Да никто крысу не купитъ, никто даромъ не беретъ,
Лишь татаринъ сторговалъ, дорогу́ цѣну давалъ.
Русакъ издали глядитъ, все татарина бранитъ:
Ты татаринъ ли, татаринъ, ты татарскій лобъ,

Да на что-же тебѣ крыса: али сына женить,
Али сына женить, али дочь отдавать?
Мнѣ не сына женить, мнѣ не дочь отдавать,
Мнѣ не дочь отдавать, отца-мать поминать.

Въ заключеніе этого отдѣла приводится пѣсня лакейская, по содержанію своему представляющая полнѣйшую противоположность остальнымъ пѣснямъ, и съ явными признаками такъ-называемой лакейской, городской цивилизаціи.

Послѣдній отдѣлъ составляютъ 8 пѣсенъ святочныхъ; изъ нихъ первая носитъ призывной характеръ на игрища (№ 120):

Ужь вы святки, святочки, вы святые вечера
О, о, хо, хо, о, охти мнѣ.
Какъ за горницею, за повалушею
То не гусли ли рокочутъ (не гуси ли гогочутъ), не
свирѣль ли говорятъ,
А то чибышекъ, воробушекъ по улицѣ скакалъ,
Онъ и дѣвушекъ молодушекъ на игрище скликалъ:

и т. д.

Шесть пѣсенъ охарактеризованы припѣвомъ: Таусень. Сверхъ этихъ 8 пѣсенъ, въ томъ же отдѣлѣ помѣщена и заключительная пѣсня сборника: „Бычокъ“ (№ 125), по содержанію, конечно, скорѣе шуточная, нежели святочная; при ней приложенъ и строй балалайки, неизмѣнной спутницы этой пѣсни.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ содержаніе сборника г. Пальчикова; значительное по количеству, оно представляется прекраснымъ и по качеству; во всѣхъ пѣсняхъ сказывается несомнѣнная старина [1]), и мы охотно признали бы, что сборникъ дѣйствительно даетъ намъ уцѣлѣвшіе образцы старинной коренной русской пѣсни.

Кромѣ внутренняго достоинства, матеріалъ сборника отличается и достоинствомъ внѣшнимъ: способъ записыванія пѣсеннаго текста является таковымъ, какой, по нашему мнѣнію, представляется въ настоящее время единственно желательнымъ. Несомнѣнно, что собиратель точно воспроизводилъ текстъ каждой пѣсни во время ея голосоведенія, соблюдая при этомъ всѣ особенности и всѣ оттѣнки пѣсенной рѣчи, являющіеся отпечаткомъ ея мелодіи; таковы, напримѣръ, пѣсни (№ 45):

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ, несомнѣнно старыхъ пѣсенъ являются варіантами записанныхъ нами лично въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, нѣкоторыя приходилось встрѣчать въ старыхъ пѣсенныхъ сборникахъ печатныхъ и даже рукописныхъ конца прошлаго столѣтія.

Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ, да, эхъ да, лугово—луговою сторонѣ,
Луговою же сторонкѣ, эхъ да. легка ло—легка лодочка плыветъ.

и т. д. Или № 48:

Охъ да не хотѣлося да, мнѣ дѣвченочкѣ,
охъ, да за разбойника замужъ идти.
Вотъ идти, да. Какъ со вечера да воръ разбойникъ,
охъ, думу думаетъ одинъ.
Ахъ, да воръ одинъ. Со полуночи воръ разбойникъ
ахъ, да собирался на разбой.

и т. д.

Не говоря уже о постановкѣ необычныхъ удареній, что̀ также строго соблюдено г. Пальчиковымъ, такое записываніе текста придаетъ полный и настоящій характеръ пѣснѣ.

Богатая русская пѣсня, по нашему глубокому убѣжденію, прекрасная не только въ хоровомъ, но и въ единоличномъ исполненіи, при такой записи, дающей отпечатокъ ея музыкальнаго строя, даже и при чтеніи производитъ впечатлѣніе картинности и красоты.

Издатель сборника, А. Е. Пальчиковъ, не пожалѣлъ, ни труда, ни средствъ, чтобы придать ему надлежащую цѣнность; помимо прекрасной внѣшней стороны изданія, издатель снабдилъ его весьма полезными приложеніями; такъ мы находимъ здѣсь списокъ а) 33 сборниковъ пѣсенъ безъ напѣвовъ и отдѣльныхъ изслѣдованій и б) 24 сборниковъ пѣсенъ съ напѣвами, просмотрѣнныхъ въ видахъ сличенія помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ пѣсенъ съ другими. Трудъ положенъ не малый, и всякій занимающійся народною русскою пѣсней скажетъ г. Пальчикову большое спасибо за этотъ списокъ. Въ видахъ пополненія этого списка по части изслѣдованій о народной русской пѣснѣ мы указали бы на нашу статью по поводу изслѣдованія г. Голохвастова: „Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго“ (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г. мартъ и апрѣль), гдѣ нами представленъ на стр. 135 сводъ такого рода изслѣдованій, не вошедшихъ въ списокъ г. Пальчикова. Что касается до сборниковъ русскихъ пѣсенъ безъ напѣвовъ, то для большей полноты списка мы указали бы, между прочимъ, еще на прекрасное собраніе свадебныхъ пѣсенъ А. Жаравова, помѣщенное въ Москвитянинѣ (1853 г. кн. 4): „Сельскія свадьбы Архангельской губерніи“, гдѣ можно найдти варіанты пѣсенъ г. Пальчикова: № 85—на стр. 94 и № 88—на стр. 18.; а также на статью кн. Л. Ухтомскаго: „Сюзьма. Этнографическій очеркъ“, напечатанную въ Древней и Новой Россіи (1876 г. кн. 2), гдѣ приведено не мало

старинныхъ мѣстныхъ свадебныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ можно указать варіанты: для № 85—на стр. 16 (отд. оттиска) и № 86—на стр. 18. Сверхъ того, можно бы указать еще на статью Н. Г....а: „Свадебные обряды и пѣсни крестьянъ Тульской губерніи", помѣщенную въ упомянутой книгѣ Москвитянина (1853 г. кн. 4). Списокъ сборниковъ пѣсенъ съ напѣвами можно бы пополнить недавно вышедшимъ трудомъ О. Х. Агреневой-Славянской: „Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями..." въ 3-хъ частяхъ. Ч. 1. 2. Москва—Тверь. 1887.

Кромѣ этого чрезвычайно полезнаго списка, приведенъ: „Библіографическій указатель вошедшихъ въ сборникъ пѣсенъ", какъ результатъ сличенія пѣсенъ: въ немъ, противъ каждаго нумера пѣсенъ г. Пальчикова указаны сборники, съ обозначеніемъ страницъ, въ которыхъ встрѣчаются къ нимъ варіанты; нѣтъ сомнѣнія, что и это приложеніе является весьма цѣннымъ; изъ него, между прочимъ, видно, „что въ настоящій сборникъ вошло болѣе 30 пѣсенъ, текстъ которыхъ не помѣщенъ ни въ одномъ изъ перечисленныхъ изданій и около 80 совершенно неизвѣстныхъ пѣсенныхъ напѣвовъ". Затѣмъ приложенъ, необходимый при подобнаго рода изданіяхъ, алфавитный указатель пѣсенъ и списокъ мѣстныхъ словъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ сборника,—хотя мало новаго прибавляющій къ словарю Даля, тѣмъ не менѣе, не безполезный для читателей. Интересное выраженіе—девятерѳвы ворота, съ котораго начинается свадебная пѣсня (№ 80), составитель словаря объясняетъ „искаженнымъ—девтерѳвы. Девтеръ или дефтеръ—ханскій ярлыкъ, облагавшій податью плотничью работу во время монгольскаго ига, въ XIII—XIV вв". Толкованіе, по видимому, удачное, особенно въ связи со слѣдующимъ за этимъ выраженіемъ стихомъ:

Девятерѳвы ворота
Десятерѳвы *плотнички*.

Въ заключеніе остается только быть признательнымъ николаевскимъ пѣвцамъ, уберегшимъ старую русскую пѣсню, Н. Е. Пальчикову, прекрасно ихъ записавшему, и А. Е. Пальчикову, который тщательно издалъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать возможнаго распространенія этого сборника въ средѣ интересующихся русскою народною пѣсней.

Ѳ. Истоминъ.

Новый трудъ по этнографіи македонскихъ славянъ.

A. Ofeїkoff. La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Philippopoli. 1887.

Почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній для этнографическаго и діалектологическаго изученія славянской части несомнѣнно разноплеменной, разноязычной и разнокультурной Македоніи служитъ сборникъ братьевъ Д. и К. Миладиновыхъ, который впрочемъ давно ужь сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Но и въ книгу братьевъ Миладиновыхъ вошли драгоцѣнные и безукоризненно записанные образцы (хотя и напечатанные съ первоначальной греческой транскрипціи) лишь изъ слѣдующихъ мѣстностей: Струги, Дебри, Охриды, Велеса (Кёпрюлю), Битоля (Монастыря), Прилепа, Костура (Касторіи) и Кукуша (Кылкыча) — число слишкомъ незначительное, если взять въ разчетъ, что въ современной Македоніи, по вычисленію болгарина А. Офейкова (псевдонимъ), существуетъ 3289 населенныхъ пунктовъ, изъ которыхъ на долю болгарскихъ приходится 1986. Что же касается незначительнаго сборника В. И. Верковича (Народни песме Македонскихъ Бугара), то въ немъ находимъ новые образцы лишь изъ Крушева (Мравацкаго), Разлога и особенно изъ Сереса. Въ 1885 году появилось начало широко задуманнаго сборника, принадлежащаго уроженцу Охриды К. Шапкареву, куда вошли отлично записанные образцы малоизвѣстной болгарско-македонской прозы, но для изученія македонскихъ діалектовъ и эти образцы не представляютъ важнаго интереса, ибо происходятъ изъ извѣстныхъ уже мѣстностей Охриды, Прилепа, Кукуша съ придачей къ нимъ Гевгеліи. Свѣдѣнія по дебрскому подрѣчію существенно обогатилъ И. С. Ястребовъ изданіемъ своего замѣчательнаго сборника пѣсенъ и обычаевъ сербовъ Косовскаго вилэйета. Раньше г. Ястребова издалъ два-три образца по тому же подрѣчію М. С. Дриновъ (въ Браиловскомъ Пер. Списаніи), но и это еще не все, что̀ слѣдовало бы знать при окончательномъ рѣшеніи вопроса, къ какой вѣтви отнести это подрѣчіе—къ сербской или къ болгарской, или нѣтъ нужды относить его ни къ тому, ни къ другому. О дурно изданныхъ или дурно записанныхъ образцахъ тенденціозныхъ сборниковъ М. Милоевича (Песме и обичаи укупног народа Српског) и С. Верковича (Славянскія веды) не можетъ быть и рѣчи, какъ объ источникахъ надежныхъ. Не лучше ихъ и сборникъ А. Дозона, хотя этому собирателю, какъ иностранцу, простительно было путать. Кстати сказать, весьма

рѣзкій, но справедливый отзывъ объ этихъ македонскихъ фальсификаторахъ—болгароманахъ и сербоманахъ (Верковичѣ, Дозонѣ, Ветенковичѣ, Милоевичѣ и др.)—далъ покойный болгарскій критикъ и беллетристъ Любенъ Каравеловъ въ своемъ изданіи Знаніе (1876 г.). Очень можетъ быть, что въ многочисленныхъ болгарскихъ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ разное время въ различныхъ городахъ европейскаго юго-востока и даже на Левантѣ, разбросано не мало полезныхъ этнографическихъ замѣтокъ и образцовъ народной поэзіи по такъ-называемому македонскому нарѣчію, но и трети этого количества газетъ нельзя найдти даже въ софійской и филиппопольской народныхъ библіотекахъ; тѣмъ менѣе могъ ими пользоваться какой-нибудь славистъ за границей въ своемъ кабинетѣ; такому изслѣдователю приходится слишкомъ долго разыскивать этотъ газетный хламъ для того, чтобъ извлечь оттуда двѣ-три крупицы интересующихъ его свѣдѣній. Не смотря на всѣ наши тщательные поиски, мы успѣли найдти весьма незначительные и притомъ не всегда удовлетворительно изданные образцы лишь по слѣдующимъ говорамъ: солунскому въ константинопольской газетѣ Совѣтникъ за 1865 г. (перепечатано М. Гатталой въ Книжевникѣ В. Ягича); веденскому—всего одна пѣсня, случайно попавшая въ сборникъ Миладиновыхъ; другая, по тому же говору, худо издана М. Милоевичемъ; кратовскому, о которомъ существуетъ очень хорошая монографія въ Браиловскомъ Пер. Списаніи; джумаисскому—въ западно-болгарскомъ (Шопскомъ) сборникѣ В. Качановскаго; меленицкому—одна пѣсня тамъ же; штибскому—двѣ пѣсни, худо изданныя въ пловдивской Наукѣ; тетовскому—именно Лазарицы, у И. С. Ястребова; есть онѣ и у М. Милоевича, но худо изданныя или худо записанныя; неврокопскому и ахачелебійскому—пѣсни, не фонетически изданныя въ сборникѣ В. Чолакова; по южно-помацкому нарѣчію — Хр. Константиновымъ въ болгарской Иллюстраціи за 1882 г., Н. Шишковымъ въ его сборникѣ за 1886 г. (Филиппополь), П. Славейковымъ въ Наукѣ за 1882—1883 гг., русскимъ этнографомъ А. А. Башмаковымъ тамъ же и чешскимъ болгаровѣдомъ К. Иречкомъ въ VIII книгѣ Пер. Списанія.

Такимъ образомъ мы располагаемъ матеріалами лишь изъ той части западной Македоніи, которая примыкаетъ къ Албаніи, имѣемъ кое-какіе случайно и притомъ не всегда хорошо обнародованные образцы по нѣкоторымъ говорамъ съ лѣвой стороны Вардара и не имѣемъ никакихъ образцовъ изъ юго-западной, юго-восточной

и особенно изъ сѣверной Македоніи, составляющей настоящее яблоко раздора между сербскими и болгарскими патріотами и нѣкоторыми даже филологами, то-есть, нѣтъ ни одной строки спеціально обнародованнаго діалектическаго и этнографическаго матеріала изъ округовъ Солунскаго, Енидже-Вардарскаго (Пелльскаго), Воденскаго (Эдесскаго), Могленскаго, Дойранскаго (Полянинцкаго), Кичевскаго, Рѣсенскаго, Леринскаго (Флоринскаго), Петричскаго, Драмскаго и особенно Скопскаго, Кумановскаго, Криво-Паланскаго, Кочанскаго и Гостиворскаго. И если кто не желаетъ вѣрить нà слово ни болгарамъ, ни сербамъ, постоянно утверждающимъ, что все славянское населеніе современной Македоніи говоритъ на самомъ чистомъ, единомъ и нераздѣльномъ литературномъ сербскомъ или литературномъ болгарскомъ языкахъ, то онъ долженъ сказать, что неизвѣстное по прежнему остается неизвѣстнымъ, и что его еще нужно отыскать.

Македонскій сборникъ (Collection Macédonienne), хотя и издается Болгарскимъ экзархатомъ подъ редакціей г. Офейкова съ цѣлью чисто патріотическою, то-есть, съ цѣлью обороны великой болгарской идеи въ Македоніи отъ притязаній таковой же идеи сербской, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по видимому, принесетъ цѣнный вкладъ и въ сокровищницу македоновѣдѣнія, ибо въ этотъ сборникъ, судя по предпосланному ему введенію, войдетъ 1500 образцовъ со всѣхъ концовъ македонско-славянской провинціи, записанныхъ самими македонцами и присланныхъ въ Болгарскій экзархатъ его дѣятелями и учителями въ Македоніи. Очень удачно выбрано и заглавіе этого сборника: онъ названъ не болгарскимъ, а нейтральнымъ именемъ македонско-славянскаго (Macédoine Slave). Въ этомъ видна вѣра издателей сборника въ безпристрастіе будущаго рѣшенія филологической критики, которая разъ навсегда разсудитъ, чьи это образцы—сербскіе или болгарскіе, и принадлежатъ ли они претендентамъ отчасти, или же вполнѣ, и нѣтъ ли между ними такихъ, которые придется присудить не сербу и не болгарину, а лишь собственно македонцу. Жаль только, что желанный сборникъ этотъ (тексты) еще не вышелъ въ свѣтъ, а вышла лишь первая его часть, именно вышеуказанная статья, принадлежащая болгарскому ученому г. Офейкову, составляющая profession de foi великой болгарской идеи, и статья П. А. Сырку о македонской фонологіи. Далѣе появятся историческія статьи профессора М. С. Дринова и В. В. Качановскаго. Въ этотъ же сборникъ должны были войдти

также статьи извѣстнаго историка Болгаріи К. Иречка и еще двухъ славистовъ, но они потомъ отказались принять участіе въ немъ.

Всѣ эти статьи, написанныя частью по болгарски, частью по русски, понадобилось перевести на французскій языкъ, ибо онѣ спеціально доводятся до просвѣщеннаго свѣдѣнія западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, преимущественно политическихъ и дипломатическихъ сферъ, которыя, какъ надѣятся издатели, пожелаютъ сообразоваться съ идеею сборника при практическомъ рѣшеніи македонскаго вопроса. Къ слову замѣтимъ, что дипломаты, привыкшіе къ утонченному французскому языку и къ точности и аккуратности, прійдутъ, вѣроятно, въ ужасъ отъ того французскаго языка, на который переведены эти статьи, и множества опечатокъ и ошибокъ, встрѣчающихся во французскомъ введеніи къ сборнику, преимущественно же въ статьѣ г. Офейкова.

Оказывается, что пространное введеніе г. Офейкова есть обработка его статей, которыя въ прошломъ году помѣщались въ органѣ будущаго „европейскаго Афганистана“ и будущей тѣсной „конфедераціи“ всѣхъ народностей Балканскаго полуострова подъ верховенствомъ Австріи, газетѣ Revue de l'Orient, издаваемой въ Буда-Пештѣ евреемъ В. Вельтнеромъ, полякомъ де-Пульскимъ и венгдерцемъ Аттилой Семерой. Для этой цѣли у этой газеты имѣются постоянные сотрудники и корреспонденты болгарскіе, сербскіе, волошскіе, македонскіе, греческіе и даже турецкіе, которымъ предоставлено вести свободно научную полемику на македонскую тему. Статьи эти не что иное, какъ распространенная полемика съ извѣстнымъ сербскимъ писателемъ Матіасомъ Ваномъ, который и до сихъ поръ еще продолжаетъ спорить съ своимъ болгарскимъ противникомъ на тему о томъ, болгарскою ли, или сербскою была Охридская экзархія (прежняя Prima Justiniana), имѣвшая свое мѣстопребываніе въ Скоплѣ и въ Кюстендилѣ. Ссылаясь на Убичини, I. Мюллера, Гризбаха, Кольба, Барта, Гильфердинга, Н. Н. Обручева, Мэкензи, Эрби и другихъ авторовъ, которые будто бы уже давно порѣшили научно македонскій языковый вопросъ въ благопріятномъ болгарскимъ патріотамъ смыслѣ, г. Офейковъ прямо утверждалъ, что tous ces auteurs bien connus, éthnographes et voyageurs, certifient dans leurs oeuvres que la Macédoine n'est habitée que des Bulgares (см. Revue de l'Orient, 1887, № 27). То же самое заявляетъ г. Офейковъ въ своемъ новомъ трудѣ съ тою лишь разницей, что

голословныхъ утвержденій здѣсь еще больше. Такъ онъ перечисляетъ слѣдующихъ авторовъ: Ю. Венелина, П. I. Шафарика, д-ра I. Миллера, В. И. Григоровича, Ами Буэ, Круза, Гризбаха, Петтермана, А. Ѳ. Гильфердинга, Лежана, Дюмона, Дозона, Штейна, Кольба, Реклю, Буша, А. С. Будиловича, Н. Н. Обручева и А. Ѳ. Риттиха, В. С. Теплова, В. В. Качановскаго, Мэкензи, Эрби, Е. Лавеле, и такихъ историковъ, какъ Пансій Самоковскій (авторъ „Царственника") и Л. Добровъ (авторъ книги „Турки и Славяне"), и дѣлаетъ выводъ: Tous ces savants ont voyagé dans la Turquie d'Europe non pour inventer des Bulgares. Tous ces voyageurs et ethnographes déclarent, que la Macédoine est habitée par des Slaves Bulgares (p. 7). Но такое догматическое рѣшеніе македонскаго вопроса совершенно не соотвѣтствуетъ той чрезвычайной и многосторонней трудности, которую представляетъ онъ въ научномъ смыслѣ.

Что же касается статьи П. А. Сырку о македонской фонологіи, то хотя она растянута и несистематична, но все же представляетъ полный сводъ всего того, чтò извѣстно было до сихъ поръ по скуднымъ печатнымъ образцамъ касательно македонской діалектологіи. Новаго здѣсь лишь то, что авторъ представляетъ свою классификацію діалектовъ болгарскаго языка, которыхъ онъ насчиталъ уже четыре: ѳракійско-мисійскій, шопскій, родопскій или рупаланскій и македонскій, а равно и то, что онъ довольно подробно говоритъ о родопскомъ діалектѣ отчасти на основаніи непосредственныхъ наблюденій, отчасти на основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ В. Чолаковымъ, П. Славейковымъ, Н. Шишковымъ, а также и на основаніи Веды С. Верковича. Далѣе онъ говоритъ о нарѣчіи дебрянъ, полемизируя противъ извѣстныхъ мнѣній о немъ И. С. Ястребова, и исчерпываетъ всю наличную литературу о назализмѣ ѫ и ѩ въ современныхъ македонско-славянскихъ говорахъ въ связи съ восточно-болгарскими, не зная однако, что назализмъ или ринезмъ есть также въ воденскомъ, могленскомъ, рѣсенскомъ и демиръ-хисарскомъ говорахъ, и о тройномъ постпозитивномъ членѣ въ Македоніи, не зная, что этотъ членъ свойственъ не однимъ родопскимъ помакамъ, тыквишанамъ и добрянамъ, но и всѣмъ барзакамъ прилѣпскимъ, велесскимъ, битольскимъ и т. д.

Понятно, что, исходя лишь изъ извѣстной печатной литературы македонскаго нарѣчія, г. Сырку гораздо болѣе распространился о родопскомъ діалектѣ, чѣмъ о македонскомъ. Между тѣмъ западнородопскіе говоры, пограничные между Ѳракіей и Македоніей, далеко

не имѣютъ такого важнаго значенія въ научномъ рѣшеніи сербско-болгарскаго языковаго спора, какъ говоры юго-западной и особенно сѣверной Македоніи, которые остались г. Сырку совершенно неизвѣстными, такъ что вышеупомянутое неизвѣстное по прежнему пребываетъ неизвѣстнымъ; заставлять же другихъ вѣрить тому, чего не знаютъ и сами болгаровѣды, довольно мудрено.

Вотъ почему мы съ нетерпѣніемъ ждемъ скорѣйшаго выхода болгарско-экзархійскаго македонскаго сборника съ его 1500 образцовъ chansons populaires recueillies chez les paysans de toute la Macedoine Slave. Не дурно было бы, еслибъ и Сербская академія наукъ (бывшее Српско научно друштво) съ своей стороны позаботилась составить и издать свой македонскій сборникъ, но, конечно, не такой, какъ сборники М. Милоевича или Вука Караджича, а составленный sine studio et sine ira. У сербовъ, кстати, теперь есть свои консульства въ Македоніи, которыми начальствуетъ г. Ст. Новаковичъ, нынѣшній сербскій посланникъ въ Константинополѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошій филологъ, не мало потрудившійся и для исторіи болгарской литературы. Если, сверхъ того, и мнѣ удастся издать составленный мною македонскій сборникъ, содержащій въ себѣ 1000 нумеровъ текстовъ, добытыхъ въ Македоніи изъ 105 населенныхъ пунктовъ, то можно сказать, что всѣми этими матеріалами уничтожатся крупные пробѣлы по македонской діалектологіи.

Располагая всѣмъ этимъ, наука славянской филологіи будетъ въ состояніи разъ навсегда рѣшить языковый македонскій споръ и разсудить безпристрастно, что̀ въ этихъ трехъ македонско-славянскихъ сборникахъ принадлежитъ болгарскому нарѣчію, что̀—сербскому нарѣчію, и что̀ наконецъ не относится ни къ сербскому, ни къ болгарскому, а составляетъ, быть можетъ, принадлежность одного лишь собственно македонскаго нарѣчія.

П. Драгановъ.

Книжныя новости.

Н. Я. Данилевскій. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ Германо-Романскому. Изданіе третье съ портретомъ и посмертными примѣчаніями (изданіе Н. Страхова). С.-Пб. 1888.—Сочиненіе покойнаго Данилевскаго—одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ, когда-либо появлявшихся на русскомъ языкѣ,—едва ли много извѣстно въ русской публикѣ, хотя и было обнародовано три раза (въ первый разъ въ малочитавшейся Зарѣ 1869 г.). Авторъ поражаетъ строгою логичностью своихъ выводовъ, необыкновеннымъ глубокомысліемъ, широтою взгляда и многосторонностью своихъ познаній. Недавно появившійся посмертный трудъ его „Дарвинизмъ", возбудившій уже полемику, служитъ новымъ доказательствомъ и глубины ума его, и обширности знаній. „Россія и Европа" тоже не разъ обращала на себя вниманіе критики; но говорившіе о ней отнеслись болѣе или менѣе неблагосклонно къ ея выводамъ, какъ неблагосклонно относились и къ трудамъ словянофиловъ, ученію которыхъ Данилевскій придалъ стройный видъ цѣлостной системы. Цѣль книги—поставить на твердомъ основаніи мысль, издавна высказывавшуюся славянофилами, о необходимости и неизбѣжности новой цивилизаціи славянской. Естествоиспытатель по своимъ излюбленнымъ занятіямъ, Данилевскій ввелъ въ постановку вопросовъ общественныхъ строгій методъ естественныхъ наукъ. Н. Н. Страховъ совершенно правъ, когда говоритъ, что Данилевскій ввелъ науки общественныя въ періодъ естественной системы, то-есть, сдѣлалъ для нихъ то, что̀ Коперникъ сдѣлалъ для астрономіи, Жюсье — для ботаники и т. д. Для этой цѣли авторъ доказалъ, что Россія чужда Европѣ, и что Европа постоянно смотритъ на нее враждебно; на мѣсто ученія о постоянномъ прогрессѣ и мнимой неразрушимости европейской (то-есть, германо-романской) цивилизаціи Даниловскій ставитъ ученіе о смѣняющихся культурныхъ типахъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ извѣстной группѣ народовъ одного племени, каждый имѣетъ свои достоинства и свои недостатки, каждый совершаетъ свой кругъ: возростаетъ, старится и умираетъ. Его характеристики этихъ типовъ, преимущественно типа господствующей въ наше время цивилизаціи романо-германской, сто̀ятъ вполнѣ вдумчиваго изученія. Не отвергая того, что типы эти не совсѣмъ изолированы, ибо результатъ жизни одного изъ нихъ не остается безъ вліянія на развитіе другаго, Данилевскій доказываетъ однако, что главныя условія этого развитія заключаются въ психологіи народовъ, ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и историческихъ условіяхъ (историческое воспитаніе, какъ онъ выражается). Такимъ образомъ прогрессъ состоитъ не въ прямолинейномъ движеніи, а въ томъ, что разныя племена, проявляя свои особенности, раскрываютъ этимъ путемъ все содержаніе человѣческаго духа подобно тому, какъ въ каждомъ обществѣ духъ проявляется въ отдѣльныхъ людяхъ и характеръ общества сказывается тѣмъ разностороннѣе, чѣмъ болѣе въ немъ оригинальныхъ лицъ. Самостоятельныя цивилизаціи появляются однако у народовъ вполнѣ самостоятельныхъ, и притомъ у нѣсколькихъ народовъ одного племени, потому что и здѣсь прилагается законъ разнообразія въ единствѣ. Это обстоятельство побуждаетъ Данилевскаго перенестись въ далекое будущее, когда племена славянскія образуютъ союзъ подъ

верховнымъ водительствомъ Россіи. Только въ этомъ союзѣ, по мнѣнію его, можетъ созрѣть плодъ цивилизаціи вполнѣ оригинальной. Задатки этому онъ видитъ и въ томъ, что многія славянскія племена сберегли православіе, которое несомнѣнно глубже другихъ христіанскихъ исповѣданій сохраняетъ ученіе о церкви, далекое и отъ сосредоточенія церкви въ одномъ непогрѣшимомъ лицѣ, и отъ предоставленія рѣшенія религіозныхъ вопросовъ личному произволу; видитъ и въ общемъ всѣмъ славянскимъ народамъ (кромѣ тѣхъ, которые уже через-чуръ поддались вліянію Европы) духѣ общественности, и въ томъ, что въ русскомъ народѣ государственность создается не на насиліи и не на договорѣ, наконецъ— въ русскомъ и общеславянскомъ (кажется, можно употребить это выраженіе) понятіи о землевладѣніи, при которомъ у насъ еще жива давно уже утраченная Западомъ форма его, и то, что̀ тамъ составляетъ предметъ желаній, достижимыхъ только новымъ насиліемъ, у насъ—историческое право. Быть можетъ, пройдетъ еще не одно поколѣніе, пока идеалы Данилевскаго станутъ существенностью; но прежде, чѣмъ идеалъ воплотится въ жизни, онъ долженъ быть воспринятъ сознаніемъ и изъ темнаго неяснаго чувства, борящагося въ однихъ съ предвзятыми идеями, почивающаго у другихъ въ безсознательной глубинѣ души, обратится въ ясную сознательную мысль, которая въ свою очередь побудитъ къ дѣйствію и осуществится въ жизни. Изученіе книги Данилевскаго должно много способствовать этому процессу. Знакомство съ нею должно отвратить молодые умы отъ безплодныхъ, по большей части отживающихъ или отжившихъ свой вѣкъ мыслей, а отчасти никуда неприложимыхъ, вздорныхъ и вредныхъ мечтаній и направитъ ихъ на единственный путь, на которомъ возможна плодотворная дѣятельность, на изученіе своего, на сознательное обобщеніе его и укрѣпленіе сознанія народности сначала въ себѣ самихъ, а потомъ и въ тѣхъ, въ комъ оно живетъ какъ инстинктъ. Вотъ почему надобно желать широкаго распространенія книги Данилевскаго, надобно желать, чтобъ она стала настольною книгою каждаго мыслящаго человѣка въ Россіи, и чтобы знакомство съ нею считалось обязательнымъ для каждаго образованнаго человѣка. Издатель предпосылаетъ тексту краткій біографическій очеркъ, заканчивающійся чрезвычайно мѣткою характеристикою мыслей, развиваемыхъ авторомъ.

Матеріалы для исторіи русскаго флота. Ч. XII. С.-Пб.—Описаніе дѣлъ архива морскаго министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія. Т. V. С.-Пб. — Дѣятельность особой коммиссіи при морскомъ министерствѣ, на которую возложено описаніе его архива и собраніе матеріаловъ для исторіи русскаго флота, заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія. Просвѣщенное руководство отличнаго знатока нашей морской исторіи, Ѳ. Ѳ. Веселаго, предсѣдательствующаго въ означенной коммиссіи, уже само по себѣ обезпечиваетъ успѣхъ этого важнаго дѣла; но кромѣ того, почтенный г. Веселаго нашелъ себѣ дѣятельныхъ и усердныхъ помощниковъ, и такимъ образомъ совокупными усиліями всѣхъ членовъ коммиссіи возложенное на нее порученіе исполняется такъ удачно, какъ немногіе у насъ труды подобнаго рода. Вышедшіе нынѣ томы обоихъ серій одинаково любопытны. Въ XII томѣ „Матеріаловъ“ помѣщены свѣдѣнія, относящіяся ко второму десятилѣтію царствованія императрицы Екатерины II (1772—1782 гг.), при чемъ по каждому году сообщены, вопервыхъ, разные документы административнаго характера, затѣмъ извлеченія изъ шханечныхъ журналовъ о плаваніи

судовъ и выписки изъ журналовъ адмиралтействъ - коллегіи; томъ заканчивается превосходно составленными указателями: систематическимъ, предметнымъ и алфавитнымъ личныхъ именъ. Пятый томъ „Описанія архива“ содержитъ въ себѣ описаніе 720 дѣлъ, распредѣленныхъ по слѣдующимъ семи отдѣламъ архива: дѣла воинской морской коммиссіи 1731—1753 гг.; дѣла коммиссіи россійскихъ флотовъ и адмиралтейскаго правленія 1757—1782 гг.; дѣла коммиссіи образованія флота 1802—1805 гг.; дѣла адмирала гр. Н. Ѳ. Головина 1733—1757 гг.; бумаги, переданныя изъ кабинета императрицы Екатерины, 1776—1796 гг.; дѣла адмирала С. Ив. Мордвинова 1762—1784 гг.; дѣла гр. Чернышева 1762—1796 гг.; къ книгѣ приложены три указателя: 1) предметовъ, названій географическихъ и именъ судовъ; 2) именъ личныхъ; 3) годовъ по вязкамъ документовъ. Изъ предисловій къ обоимъ томамъ видно, что какъ собираніе матеріаловъ для исторіи русскаго флота, такъ и описаніе морскаго архива, дѣятельно продолжается.

Охранный каталогъ рукописей *А. А. Титова*. Выпускъ 3-й. М. 1888.— Рукописное собраніе г. Титова находится въ Ростовѣ, Ярославской губерніи, и содержитъ въ себѣ болѣе 3000 манускриптовъ. Собиратель счелъ полезнымъ издать имъ краткій перечень и въ то же время предпринялъ подробное ихъ описаніе, которое вскорѣ поступитъ въ печать. Въ этой обширной коллекціи есть, конечно, не мало рукописей незначительнаго интереса или цѣнности, но есть довольно и такихъ, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія любителей нашей письменности. Собирателю удалось пріобрѣсти нѣсколько рукописей, относящихся къ исторіи роднаго ему Ростовскаго края, бумаги нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, какъ напримѣръ, О. М. Бодянскаго и П. И. Мельникова, много старинныхъ переводовъ повѣстей и сочиненій мистическаго содержанія и т. п. Въ 3-мъ выпускѣ Охраннаго каталога описано 1027 рукописей, и между ними особенно замѣчательны Тріодь цвѣтная на пергаменѣ, XIV в., дневники и сочиненія архимандрита Сергія Назаретскаго, а также письма къ нему разныхъ лицъ, и богатое собраніе рукописей по расколу, составленное знатокомъ его П. И. Мельниковымъ. Дѣятельность г. Титова по собранію нашихъ письменныхъ памятниковъ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія всѣхъ друзей русскаго просвѣщенія.

Два реферата, читанныхъ въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ 17-го августа 1887 года д. членомъ Вятскаго статистическаго комитета *А. В-нымъ*. Вятка. 1887.—Рефераты эти, принадлежащіе г. Верещагину, суть слѣдующіе: I. Заселена ли была Вятка Новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ? II. Откуда почерпнуты и насколько достовѣрны вообще показанія „Вятскаго лѣтописца“ („Повѣсти о странѣ Вятской“). Авторъ высказываетъ въ нихъ основательныя сомнѣнія относительно показаній такъ-называемаго Вятскаго лѣтописца.

Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года *Э. А. Вольтера*. С.-Пб. 1887. Въ составъ книжки вошли слѣдующія главы: А. Общій отчетъ объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди, совершенной лѣтомъ 1887 года. В. Литовскія древности: I. О мѣстонахожденіи главнаго града чудскихъ Куровъ (Корси), покореннаго шведами въ 853 году. II. Развалины Трокскаго замка. С. Къ исторіи литовской письменности (литературные очерки): 1. Постилла Н. Даукши 1599. Изъ постиллы 1596 года. 2. Библія Минвида: a) Изъ Пятикнижія Моисеева. b) Изъ книги Эсфирь. c) Книга Руѳь. d) Псаломъ 40-й,

ст. 1—5. 3. Жмудскій переводъ житія Іисуса Христа, изданный въ XVIII вѣкѣ: Padubka and werksma pzy Graba Iezusa Pana. 4. Симонъ Довконтъ и Матвѣй Волончевскій. Приложенія: 1) Изъ Жмудской исторіи С. Довконта. 2) Изъ 2-го тома рукописи С. Довконта „Pasakajimas apej wejkotas Letuwiû tautos senowe" (Фототипія). Послѣсловіе. Указатели (къ изданію литовскаго катехизиса Н. Даукши (1886 г.) и къ отчету о путешествіи по Литвѣ и Жмуди 1887 года: I) Списокъ городовъ, волостей, селъ и имѣній, изслѣдованныхъ Э. А. Вольтеромъ въ 1884—1887 годахъ. II) Указатель именъ. IIIa (Литовскія слова. IIIb) Славянскія слова. Опечатки и дополненія. Какъ видно изъ перечня, статьи этого сборника сообщаютъ много новыхъ и любопытныхъ данныхъ касательно исторіи древностей и письменности мало еще изслѣдованной литовско-жмудской народности; но къ сожалѣнію, при изданіи настоящаго труда г. Вольтера, весьма плохо пишущаго по русски, онъ не былъ должнымъ образомъ проредактированъ со стороны изложенія и языка, вслѣдствіе чего книга является подчасъ неудобочитаемою. Таковы, напримѣръ, слѣдующія мѣста: „Когда они, такимъ образомъ, слишкомъ тревожились различными обстоятельствами и не знали, что дѣлать, то порѣшили испросить черезъ жребій, намѣрены ли ихъ боги имъ помочь такъ, чтобы они или одержали побѣду или ушли бы оттуда въ живыхъ... въ лагерѣ поднялись неописанные вопли и стоны и вся мужественность въ нихъ упала. „Что", говорили они,—„мы несчастные будемъ дѣлать? Боги отъ насъ отклонились, и никто изъ нихъ намъ не помогаетъ. Куда мы побѣгимъ? (sic) Вотъ наши корабли далеки отъ насъ и когда мы пустимся въ побѣгъ..." и т. под.

Записки романо-германскаго отдѣленія Филологическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Выпускъ I. С.-Пб. 1888. — Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ начало этого изданія, въ которомъ предполагается сосредоточить труды нашихъ ученыхъ романистовъ и германистовъ. Содержаніе I-го выпуска слѣдующее: Легенды о дикомъ охотникѣ, опытъ генетическаго объясненія—акад. *А. Н. Веселовскаго*; Кіевъ—градъ Днѣпра—его же; Романъ о Фовелѣ, изслѣдованіе гр. *А. А. Бобринскаго*; Лицевая исторія Fauve, не изданный памятникъ французской литературы XIV вѣка, текстъ (по рукописи Императорской Публичной Библіотеки) съ введеніемъ и словаремъ гр. *А. А. Бобринскаго* и *Ѳ. Д. Батюшкова*; кромѣ того, правила и составъ романо-германскаго отдѣленія Филологическаго общества и свѣдѣнія о его дѣятельности за 1885—1887 года.

Указатель къ научнымъ трудамъ Александра Николаевича Веселовскаго. 1859—1885. С.-Пб.—Профессоръ и академикъ Ал. Н. Веселовскій своими трудами по сравнительному изученію литературы стяжалъ себѣ европейскую извѣстность; но онъ можетъ быть названъ не только однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ изслѣдователей въ этой области по качеству своихъ трудовъ, — онъ является и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ обиліе и разнообразіе. Съ 1859 по 1885 г. имъ напечатано болѣе 130 ученыхъ статей, замѣтокъ и цѣлыхъ сочиненій, иногда очень объемистыхъ. Поэтому составленіе толковаго указателя къ многочисленнымъ трудамъ академика Веселовскаго есть дѣло весьма полезное и необходимое. Такой указатель, усердно обработанный,

и содержится въ настоящей книжкѣ, изданіемъ которой бывшіе слушатели г. Веселовскаго желали почтить исполнившееся три года тому назадъ двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности своего почтеннаго наставника.

Объ источникахъ Г. Светонія Транквилла въ біографіяхъ XII Цезарей. Историко-литературное изслѣдованіе *Сергѣя Вѣхова*. Часть I (общая). Варшава. 1888. — Небольшое по объему изслѣдованіе г. Вѣхова представляетъ плодъ долгой и добросовѣстной работы. Хотя тема, которую онъ выбралъ для своего труда, и не нова въ наукѣ, однако вопросъ объ источникахъ Светонія въ біографіяхъ Цезарей, не смотря на довольно многочисленныя монографіи западныхъ ученыхъ, и до сихъ поръ далеко не можетъ считаться рѣшеннымъ; поэтому всякій тщательный и талантливый трудъ, посвященный его разработкѣ, заслуживаетъ вниманія. О томъ, что трудъ г. Вѣхова тщателенъ, свидѣтельствуетъ его обстоятельное изученіе, какъ самого Светонія, такъ и относящейся къ нему новой и новѣйшей литературы, а о талантливости автора говоритъ тотъ интересъ, съ которымъ читается его изслѣдованіе. Въ немъ, послѣ общихъ замѣчаній о трудѣ Светонія—о времени изданія сборника біографій, объ отношеніи между отдѣльными біографіями и др., авторъ занимается разысканіемъ основнаго принципа Светонія въ пользованіи источниками, и послѣ тщательныхъ и детальныхъ изслѣдованій приходитъ къ выводу, что этотъ авторъ не слѣдовалъ какому-нибудь одному писателю, а собиралъ матеріалъ для своего труда изъ многихъ, и притомъ разнообразныхъ, источниковъ. Выводъ этотъ, подкрѣпленный разумно подобранными и искусно сгруппированными доказательствами, весьма вѣренъ и ставитъ трудъ Светонія въ рядъ сравнительно немногихъ произведеній древней учености и, въ частности, исторіографіи, относительно которыхъ столь излюбленная въ настоящее время теорія одного главнаго источника не имѣетъ мѣста. Въ заключительной главѣ авторъ разсматриваетъ отношеніе къ біографіямъ Светонія позднѣйшихъ сочиненій въ греческой и римской литературѣ, соприкасающихся съ ними по содержанію. Эта глава также очень интересна, какъ по эрудиціи автора, такъ и по многимъ любопытнымъ даннымъ относительно позднѣйшихъ судебъ сочиненія Светонія. Нельзя не пожелать, чтобъ авторъ поскорѣе довершилъ свой трудъ изданіемъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ біографіяхъ историка Римскихъ цезарей.

Дачная обстановка и образъ дачной жизни знатнаго и богатаго римлянина въ первомъ столѣтіи по Р. Х. Четыре письма Плинія Младшаго въ русскомъ переводѣ *И. Гвоздева*. Казань 1888.—Г. Гвоздевъ, знакомый читателямъ Журнала Мин. Нар. Пр. по статьѣ своей: „Образованность и литературные нравы въ римскомъ обществѣ временъ Плинія Младшаго", помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ 1873 г., имѣетъ въ виду въ настоящей брошюрѣ представить, до какой степени доходили роскошь и блескъ домашней обстановки богатыхъ римлянъ времени имперіи, и пользуется для этого письмами Плинія Младшаго, въ которыхъ послѣдній описываетъ свою знаменитую Лаврентскую виллу. Противъ выбора этихъ писемъ и желанія ознакомить съ ними русскую читающую публику сказать нельзя ничего: письма эти на столько характерны, что, дѣйствительно, даютъ понятіе о загородной жизни любившаго житейскій комфортъ Плинія. Но можно замѣтить г. Гвоздеву, что содержаніе его брошюры не соотвѣтствуетъ за-

---

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]

Arriani Anabasis. Для учениковъ третьяго класса гимназій и прогимназій по эвристическому методу обработалъ *Вячеславъ Ракушанъ*, учитель первой Тифлисской гимназіи. Часть первая. Тифлисъ. 1887. Въ 8-ку 177 стр. Цѣна 65 коп.

Книга г. Ракушана, согласно означенному на заглавномъ листѣ методу, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ; изъ сборника фразъ, изъ словаря и изъ этимологической части грамматики древне-греческаго языка. Фразы (стр. 5—67) дѣлятся на двадцать группъ, а каждая группа заключаетъ въ себѣ греческія предложенія, за которыми помѣщаются русскія. Первыя заимствуютъ изъ введенія и первой книги Исторіи Александра Великаго, составленной Арріаномъ (Ἀρριάνου Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου), греческій текстъ, но онъ синтаксически передѣланъ г. Ракушаномъ на самыя простыя предложенія, которыя постепенно усложняются въ слѣдующихъ группахъ. Русскія же фразы, количество которыхъ значительно превышаетъ число греческихъ, составлены изъ понятій и грамматическихъ формъ, встрѣчающихся въ предыдущемъ греческомъ текстѣ, и представляютъ ихъ во всѣхъ возможныхъ видоизмѣненіяхъ. Принимая въ соображеніе избранный г. Ракушаномъ методъ, слѣдуетъ сказать, что фразы составлены не дурно. Словарь (стр. 67—68), расположенный по группамъ фразъ, сообщаетъ русское значеніе греческихъ словъ, при чемъ уже въ группѣ, соотвѣтствующей первому уроку, за исключеніемъ нѣкоторыхъ формъ, греческія слова склоняемыя приводятся въ им. падежѣ ед. числа, а спрагаемыя въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени, не смотря на то, что изъ первой статейки ученики успѣли

[1] Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

познакомиться съ одною лишь формою 3-го лица аориста и съ формами ἦν, ἦσαν. Этимологія греческаго языка изложена систематически и, захватывая курсы IV-го и даже V-го классовъ, далеко выходитъ изъ предѣловъ программы III-го класса по греческому языку.

Весь матеріалъ, вмѣщающійся въ этихъ трехъ отдѣлахъ, г. Ракушанъ предполагаетъ сообщить ученикамъ III-го класса путемъ такъ-называемаго эвристическаго метода, появившагося въ дѣлѣ преподаванія реакціей безжизненному схематизму, который, въ первую половину текущаго столѣтія, захватилъ было изученіе классическихъ языковъ. Но и эвристическій методъ подпалъ подъ общій законъ каждой реакціи, не огражденной ни безпристрастіемъ, ни осмотрительностью; возставъ противъ недостатковъ предшествовавшаго крайняго грамматизма, сторонники новаго метода упустили изъ виду, что нѣтъ ни одного предмета преподаванія, которому былъ бы присущъ исключительно одинъ только способъ обученія. Въ дидактикѣ, какъ всѣмъ извѣстно, употребляются пять такихъ способовъ: диктическій, акроаматическій, мнемоническій, эвристическій и катехетическій. Въ совершенно плодотворномъ преподаваніи какого бы ни было предмета долженъ быть примѣняемъ каждый изъ этихъ способовъ, смотря по свойству сообщаемаго и по характеру обучаемаго. Въ математикѣ, напримѣръ, которая по умозрительности предмета, особенно дается эвристическому способу преподаванія, нельзя обойдтись безъ мнемоники при запоминаніи теоремъ и формулъ, а исторія, которая преимущественно подлежитъ акроаматическому способу, не можетъ не прибѣгать къ катехетическому или даже къ эвристическому пріему, если дѣло идетъ о выводѣ общей характеристики изъ отдѣльныхъ фактическихъ данныхъ, не говоря уже о мнемоникѣ при заучиваніи хронологіи. Поэтому попытка изучать древніе языки посредствомъ одного лишь эвристическаго метода никакъ не можетъ быть вполнѣ успѣшна. И самъ г. Ракушанъ, какъ видно изъ сообщенныхъ въ предисловіи примѣрныхъ уроковъ, руководствуется то диктическимъ, то мнемоническимъ, то акроаматическимъ способами. Если онъ (см. предисл. стр. 10) говоритъ, что учитель прибавляетъ νται, σθαι и т. д., то въ этихъ прибавленіяхъ нельзя не усмотрѣть примѣненія метода акроаматическаго, въ указаніяхъ па различіе между ε η, ο ω—метода диктическаго, а въ выучиваніи греческаго текста—мнемоническаго пріема преподаванія. Изъ этого слѣдуетъ, что громкое заявленіе г. Ракушана на заглавномъ листѣ: „по эвристическому методу" не имѣетъ прочнаго основанія; въ сущности, предлагаемый составите-

лемъ книги методъ отличается отъ обыкновенныхъ учебниковъ Кюнера, Григоревскаго, Чернаго, Коха, Нидерле и др. лишь тѣмъ, что при общепринятой системѣ преподаванія, соединяющей въ себѣ, какъ слѣдуетъ, всѣ вышеупомянутые способы, ученикъ проходитъ сперва теорію, какъ главное, имѣя готовые образцы склоненій и спряженій, послѣ чего онъ тотчасъ можетъ оріентироваться въ спеціально подобранныхъ фразахъ; а у г. Ракушана отъ отдѣльнаго слова переходятъ къ общему правилу, отъ общаго же правила опять возвращаются къ частному случаю, то-есть, предлагается двойная работа и вслѣдствіе того требуется двойное количество времени. Затѣмъ, по методу г. Ракушана, при подыскиваніи подходящаго падежнаго и глагольнаго окончанія къ данному слову, самодѣятельность ученика нисколько не болѣе возбуждается, чѣмъ при передачѣ понятной русской фразы греческими словами на основаніи пройденныхъ правилъ. Наконецъ, ученикъ, запоминая отдѣльныя, не связанныя ничѣмъ между собою этимологическія крошки, не можетъ имѣть отчетливыхъ свѣдѣній по грамматикѣ, каковыхъ требуютъ учебные планы 1871 года, постановляя двоякую цѣль преподаванія древнихъ языковъ, съ одной стороны — изученіе содержанія авторовъ, и съ другой — изученіе самаго языка, его формъ, его логики. Отъ послѣдней цѣли такъ-называемые эвристы, очевидно, совсѣмъ уклоняются, стремясь какъ къ единственной цѣли, къ ознакомленію съ литературою, на что̀ указываетъ и самъ г. Ракушанъ (см. предисл. стр. 2).

Сравнивая разсматриваемый трудъ съ другими находящимися въ употребленіи учебниками, мы находимъ слѣдующее: 1) Количество матеріала, который долженъ усвоить ученикъ III-го класса на память, не только не меньше, чѣмъ то, что̀ наши ученики того же класса проходятъ по обыкновеннымъ грамматикамъ, но даже значительно болѣе, какъ, напримѣръ, verba muta, liquida и глаголы неправильные и т. д 2) Первыя фразы „Арріана" въ передѣлкѣ г. Ракушана не много отличаются отъ первыхъ фразъ Кюнера и другихъ греческихъ сборниковъ статей для практическихъ упражненій; только послѣднія начинаются съ 1-го склоненія, а г. Ракушанъ счелъ нужнымъ сперва знакомить ученика со 2-мъ склоненіемъ. 3) Г. Ракушанъ вводитъ ученика въ спряженіе посредствомъ формы перваго аориста, и къ ней потомъ по закону случайности прибавляются и глагольныя формы всѣхъ разрядовъ, составляющія пеструю хаотическую массу единичныхъ этимологическихъ частицъ, которыя ученикъ едва ли въ состояніи долго сохранять въ памяти. 4) Разнообразіе

фразу даваемаго матеріала должно поразить ученика еще болѣе, чѣмъ если ему прямо дать выучить первое и второе склоненія. 5) Составитель (см. предисл. стр. 11) говоритъ: „Здѣсь важно то, что ученикъ, зная, какъ ему легко дается переводъ, не станетъ прибѣгать къ посторонней помощи". Не понимаемъ, почему тотъ ученикъ, который пойметъ спряженіе греческаго глагола по методу г. Ракушана изъ отрывочныхъ объясненій, долженъ и будетъ нуждаться въ посторонней помощи при изученіи глаголовъ по Кюнеру или Григоревскому, или слушая какого-нибудь другаго преподавателя, даже, пожалуй, самого г. Ракушана въ ту эпоху, когда онъ еще не былъ увлеченъ прекрасными результатами г. Дрбоглава. 6) Безконечное повтореніе одной и той же фразы (четыре метафразы, при чемъ каждая повторяется по пяти разъ) ничуть не болѣе интересно для ученика, чѣмъ самое скучное склоненіе, какъ велико ни было бы воодушевленіе учениковъ III-го класса, вызываемое на первомъ урокѣ блестящею рѣчью преподавателя о пользѣ изученія языковъ вообще, и греческаго въ особенности, и о значеніи древнихъ грековъ въ политической и культурной исторіи. Каждый опытный педагогъ знаетъ, какъ неохотно ученикъ повторяетъ хотя бы три раза одну и ту же фразу, не говоря уже о жеваніи первой статейки г. Ракушана въ теченіе семи уроковъ, какъ онъ самъ это совѣтуетъ (см. стр. 10).

Вообще и независимо отъ опыта, предлагаемые г. Ракушаномъ пріемы не внушаютъ полнаго довѣрія къ успѣху, не смотря на то, что составитель на столько увѣренъ въ непогрѣшимости своего дидактическаго принципа, что говоритъ одними лишь категорическими положеніями, какъ напримѣръ: Стр. 5: „Каждый ученикъ по аналогіи самъ выведетъ правила". Стр. 6: „Также (ученикъ) легко отыщетъ и знакъ основы ο и выведетъ правило". Стр. 6: „Изъ этой фразы извлечено все, что можно было извлечь, и ученикъ оставляетъ ее съ мыслью, что греческій языкъ не представляетъ для него какой-то невѣдомой страны, а на оборотъ, на первыхъ шагахъ въ изученіи греческаго языка онъ нашелъ давнымъ давно извѣстное ему (?); отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что и дальше такъ благополучно пойдетъ дѣло" и т. д. Словомъ, по мнѣнію составителя, изобрѣтенный имъ эвристическій методъ дѣйствуетъ какъ будто бы какою-то магическою силою. Впрочемъ, хотя на основаніи сказаннаго мы и не въ состояніи раздѣлять энтузіазмъ г. Ракушана относительно его способа, однако не намѣрены безусловно отрицать возможности кое-какого успѣха и отъ его книги, особенно если даровитый и во-

одушевленный этою идеей преподаватель со всею энергіей примется за дѣло; но разумѣется, такой способный преподаватель достигнетъ несравненно лучшихъ результатовъ другимъ путемъ. Приложенная къ книгѣ грамматика, безъ первыхъ двухъ отдѣловъ, могла бы послужить пригоднымъ руководствомъ, еслибъ она была подвергнута пересмотру относительно количества матеріала.

Практическая нѣмецкая грамматика для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и т. д. Составилъ *Л. Миллеръ*, учитель нѣмецкаго языка. Часть 1-я. Варшава. 1888. Въ 8-ку стр. II+155. Ц. 45 к.

Разсматриваемая книга назначается служить учебникомъ нѣмецкаго языка для II-го и III-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и содержитъ въ себѣ систематическій курсъ этимологіи нѣмецкаго языка, примѣры для практическаго упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно и небольшой сборникъ прозаическихъ статеекъ и мелкихъ стихотвореній для чтенія и заучиванія наизусть. Къ сожалѣнію, книга оказывается весьма плохо прокорректированною и до такой степени наполненною очень важными опечатками, что одно уже это обстоятельство дѣлаетъ невозможнымъ употребленіе ея въ классѣ. Самъ авторъ на стр. 155 отмѣтилъ и исправилъ 50 замѣченныхъ имъ опечатокъ, но число не замѣченныхъ имъ оказывается еще больше, и что̀ особенно непозволительно—многія опечатки встрѣчаются въ самихъ парадигмахъ. Укажемъ для примѣра на слѣдующіе опечатки и промахи въ правописаніи словъ, не ручаясь за полноту представляемаго нами списка: стр. 4 существительныя; ibid. mänlichen; стр. 7 Wölfinen; стр. 8 dea вм. den; ibid. Stachal; ibid. o вм. u; стр. 9 der Ahn—передокъ; ibid. медведь; стр. 10 окончаніе; стр. 11 den Herzen вм. dem Herzen; стр. 15 въ парадигмѣ переставлены формы дат. и вин. падежей, одна на мѣсто другой; стр. 19 Biertel вм. Viertel; стр. 25 вретя вм. время; ibid. Futurum axactum (та же ошибка встрѣчается еще на стр. 28, 29, 30 и два раза на стр. 32); на стр. 29 Praesns вм. Praesens и Futurm вм. Futurum; на стр. 32 Imprativ вм. Imperativ; на стр. 36 Indicaitiv; на стр. 39 Conditidnalis praesens (кстати замѣчу, что авторъ въ латинскихъ названіяхъ временъ не соблюдаетъ никакого принципа; то онъ ихъ употребляетъ безъ флексіи, то съ флексіею: рядомъ съ indicativ praesens, participium praesens онъ пишетъ participium perfecti); на стр. 40 ie вм. ei; стр. 43 имѣеютъ; стр. 50 wür вм. wir; стр. 51 könuen вм. können; стр. 60 des Kinders; стр. 62 gesärlich вм. gefährlich; ibid. bie вм. die; стр. 68

находится; стр. 71 Wörme; стр. 72 isi theur вм. ist theuer; стр. 73 цвѣтуюціа; стр. 75 dem mächtige; стр. 78 нокрывать; ibid. послѣдстіе; ibid. isi вм. ist; стр. 80 die Ausdauen; стр. 83 anders=wo hin pflangen вм. anderswohin pflanzen; стр. 84 путешественникъ; стр. 87 Schwalden вм. Schwalben; стр. 88 позвалять, помагать; стр. 92 Cngländer вм. Engländer; стр. 96 die Fossilien Sammlung (два раза) вм. die Fossiliensammlung; ibid. Geburts Stadt, Naturalien Kabinet; стр. 101 вкусать и т. д.

Столь необыкновенная неисправность изданія сама по себѣ освобождаетъ референта отъ обязанности входить въ подробный разборъ содержанія книги. Да и результатъ такого разбора былъ бы не въ пользу ея. Главные отдѣлы этимологіи, склоненіе и спряженіе, особенно такъ-называемое „сильное", изложены неудовлетворительно. Авторъ вмѣсто того, чтобы держаться признаннаго всѣми въ нѣмецкой грамматикѣ различія между двумя способами спряженія существительныхъ—сильнымъ и слабымъ (или какъ ихъ называютъ нѣкоторые, дрѐвнимъ и новымъ), распредѣляетъ существительныя по родамъ на четыре склоненія, вслѣдствіе чего у него въ каждомъ склоненіи являются самыя разнообразныя формы множественнаго числа. Глаголы сильнаго спряженія распредѣлены по десяти разрядамъ, при чемъ большею частью не обозначено, въ чемъ состоитъ характеристическая примѣта каждаго разряда; десятый разрядъ (стр. 47), § 84, по словамъ автора, содержитъ въ себѣ „глаголы, которые различнымъ образомъ перемѣняютъ коренную гласную неопредѣленнаго наклоненія и не подходятъ подъ другіе разряды"; въ § 86 упоминаются еще неправильные глаголы: brennen, kennen, nennen, rennen, senden, wenden, bringen, denken и wissen, а одинаковые по образованію съ послѣднимъ глаголомъ глаголы dürfen, können, mögen, müssen, sollen, wollen, къ которымъ прибавленъ и не относящійся сюда глаголъ lassen, являются еще какъ одинъ особый родъ глаголовъ, какъ бы extra-неправильныхъ. Если отсутствіе строгой научной системы не позволило автору справиться съ грамматическимъ матеріаломъ и было причиною сопоставленія разнородныхъ явленій или же разъединенія однородныхъ, то подобный недостатокъ строгаго логическаго мышленія проявляется и въ самомъ изложеніи правилъ. Ограничимся нѣсколькими примѣрами: § 40 (стр. 16): „Иногда въ поэзіи прилагательное ставится послѣ существительнаго, тогда оно остается въ усѣченномъ окончаніи". Правило само по себѣ неточно и выражено неудобно. § 42. „Пре-

восходная степень не выражаетъ качества въ самой высокой степени, а только качество въ высшей степени относительно другихъ предметовъ, съ которыми сравнивается данный предметъ". Правило ненужное и запутанное. § 56: „Irgend употребляется только въ соединеніи съ другимъ мѣстоименіемъ въ болѣе неопредѣленномъ значеніи". Частью не вѣрно, частью совершенно непонятно. § 69: „Глаголы сложные съ предлогами (такими-то) раздѣляется (sic!), если предлоги имѣютъ полное значеніе". Непонятно. § 74: „Кромѣ вышесказанной формы спряженія (считаемъ нужнымъ замѣтить, что непосредственно предшествуетъ §, въ которомъ говорится о сложныхъ глаголахъ, и что самъ § 74 находится подъ общимъ заглавіемъ „Сложные глаголы"), въ которой несложныя времена обозначаются перемѣною окончанія, есть другая форма, въ которой замѣняется коренная гласная съ неопредѣленнаго наклоненія (sic!) на другую гласную, именно въ imperfectum и причастія прошедшаго времени. Эти глаголы отличаются также тѣмъ, что въ imperfectum отбрасываютъ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія en, а въ participium вмѣсто окончанія et и t оканчиваются на en. Такая перемѣна бываетъ только въ несложныхъ формахъ, главнымъ образомъ въ imperfectum и participium, иногда также во второмъ и третьемъ лицѣ praesens. Дѣепричастіе (sic!) настоящаго времени и сослагательное наклоненіе всегда образуются безъ перемѣны гласной. Относительно перемѣны гласныхъ глаголы тѣ (sic!) можно раздѣлить на слѣдующіе разряды". Трудно болѣе запутать опредѣленіе сильнаго спряженія! § 75: „Condionalis praesens во всѣхъ глаголахъ, отбрасывающихъ въ imperfectum indicativ (sic!) окончаніе *en* и перемѣняющихъ гласною (sic!), образуется прибавленіемъ *e* до (sic) imperf. indic." § 87: „Есть еще одинъ родъ глаголовъ, которые не выражаютъ сами собою дѣйствіе, а только возможность или желаніе, и поэтому требуютъ другаго дополнительнаго глагола для выраженія полной мысли, хотя этотъ дополнительный глаголъ часто только подразумѣвается". § 94: „Глаголы указанные употребляются съ другими глаголами; когда этотъ дополнительный глаголъ подразумѣвается, то perfectum и plusquamperfectum образуются: ich habe gekonnt, ich hatte gedurft; но когда дополнительный глаголъ выражается, то причастіе въ сложныхъ формахъ переходитъ въ неопредѣленное наклоненіе, напримѣръ, perf. ich habe lesen können, Plusqmprf.. ich hatte lesen können; Fut. ich werde lesen können". Значитъ, по мнѣнію автора, и въ формѣ будущаго времени infinitivus замѣняетъ причастіе! § 99: „Для выраженія въ превосходной

степени качества, которое не сравнивается съ другимъ дѣйствіемъ или предметомъ, употребляется передъ нарѣчіемъ auf's и на концѣ ste". Какъ можно сравнивать качество съ дѣйствіемъ или предметомъ?

Александръ Еше. Нѣмецкій синтаксисъ. Москва. 1886. Въ 8-ку стр. XIII+128. Цѣна 60 к.

Книга эта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ обзоръ членовъ предложенія, при чемъ то, что̀ сходно съ русскимъ, отмѣчено въ краткихъ словахъ, а болѣе подробно разбираются лишь особенности нѣмецкаго языка въ выраженіи безличныхъ предложеній, въ согласованіи и выраженіи сложнаго сказуемаго. Затѣмъ слѣдуетъ глава о порядкѣ словъ и разборъ формъ предложенія вопросительной и отрицательной. Второй отдѣлъ, значительно превышающій по объему первый, посвященъ разбору особенностей употребленія частей рѣчи и ихъ формъ въ предложеніи, въ слѣдующемъ порядкѣ: ученіе о падежахъ, предлоги, ученіе о членѣ, глаголъ, союзы. Какъ видно, составитель держится порядка, принятаго при изложеніи синтаксиса древнихъ языковъ. „При такомъ распредѣленіи матеріала все, что̀ требовалось сказать, очень легко находитъ себѣ должное мѣсто", заявляетъ авторъ въ предисловіи. Для учениковъ мужскихъ гимназій этотъ способъ изложенія имѣетъ то большое преимущество, что нѣмецкій синтаксисъ имъ представляется съ той же точки зрѣнія, съ которой ихъ пріучили смотрѣть на синтаксисъ латинскаго и греческаго языковъ; они не встрѣчаютъ новыхъ категорій и легче могутъ оріентироваться въ новомъ для нихъ предметѣ при помощи уже знакомой имъ системы. Встрѣчающіяся въ видѣ краткихъ примѣчаній подъ текстомъ указанія на сходныя съ нѣмецкими явленія въ древнихъ языкахъ способствуютъ, какъ нельзя лучше, уясненію нѣкоторыхъ особенностей нѣмецкаго синтаксиса, которыя безъ такого сопоставленія потребовали бы обстоятельныхъ объясненій. Но авторъ примѣняетъ этотъ пріемъ въ мѣру и только тамъ, гдѣ отъ него справедливо можно ожидать пользы для учащихся. Вообще, выражаясь кратко, ясно и опредѣленно, онъ избѣгаетъ лишнихъ разсужденій, критическихъ замѣтокъ и цитатъ, каковыми безъ нужды и въ ущербъ дѣлу часто испещряются школьные учебники авторами, желающими придать своему труду видъ учености. Все, что̀, по его мнѣнію, нуждалось въ научномъ объясненіи, и что̀ нужно было сказать въ оправданіе изложеннаго въ учебникѣ взгляда на раз-

личныя явленія нѣмецкаго синтаксиса, авторъ выдѣлилъ изъ учебника и помѣстилъ въ пространномъ предисловіи, которое свидѣтельствуетъ, какъ о начитанности, такъ и о здравомъ взглядѣ автора на свою задачу. Воспользовавшись для своего труда всѣми выдающимися сочиненіями иностранныхъ ученыхъ по избранному предмету, составитель не отвлекся отъ своей прямой цѣли, но имѣлъ постоянно въ виду, что онъ пишетъ учебникъ нѣмецкаго языка для учениковъ, и именно, русскихъ. Желая довести ученика кратчайшимъ путемъ до полнаго пониманія разсматриваемаго синтаксическаго явленія, авторъ часто замѣняетъ толкованіе переводомъ на русскій языкъ, если способы выраженія въ данномъ случаѣ, хотя и не свойственны русскому языку, но понятны всякому русскому. Каждое правило сопровождается хорошо подобранными примѣрами, назначенными для заучиванія наизусть; кромѣ того, сообщаются еще и другіе примѣры для бо́льшаго уясненія правила и для упражненія въ его примѣненіи. Эти вторые примѣры напечатаны мелкимъ шрифтомъ; такимъ же шрифтомъ напечатаны и примѣчанія, содержащія въ себѣ подробности, которыя, при недостаткѣ времени, можно опустить безъ нарушенія систематическаго хода преподаванія. Кромѣ полноты собраннаго авторомъ синтаксическаго матеріала и хорошаго его распредѣленія, слѣдуетъ поставить въ заслугу автору чистоту и правильность русскаго языка, какъ въ изложеніи правилъ, такъ и въ переводахъ примѣровъ; послѣдніе часто весьма удачны. Въ концѣ книги прилагается указатель-словарь, который облегчаетъ ученикамъ отыскиваніе извѣстнаго правила и переводъ помѣщенныхъ въ книгѣ нѣмецкихъ примѣровъ.

Die Helden Homers nebst kurzer Darstellung anderer Sagen des Alterthums. Герои Гомера съ краткими очерками изъ другихъ сказаній древняго міра. Пособіе для класснаго чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ и снабдилъ словарями *С. Чекала*, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. Москва. 1888. Въ 8-ку XVIII + 180 стр. Цѣна 80 коп.

„Предлагаемое учебное пособіе“, говоритъ авторъ въ предисловіи,—„предназначается къ употребленію на третій годъ преподаванія въ учебномъ заведеніи, въ двухъ низшихъ классахъ котораго на нѣмецкій языкъ удѣлено 6 и 5 уроковъ въ недѣлю“. Содержаніе книги составляютъ краткіе разказы сказаній о Геркулесѣ, Ѳесеѣ, Аргонавтахъ, Эдипѣ, Персеѣ, Танталидахъ, Троянской войнѣ, приключеніяхъ Одиссея, основаніи Рима и Кирѣ. Соображенія, побудившія

автора избрать такой именно матеріалъ для чтенія, обстоятельно изложены въ предисловіи (стр. XII слл.). Исходя изъ того положенія, что „книга, служащая пособіемъ для класснаго чтенія, должна состоять изъ статей дѣльнаго характера, которыя имѣли бы цѣну не только сами по себѣ, но и соотвѣтствовали бы общей цѣли ученія въ данномъ учебномъ заведеніи", авторъ при выборѣ матеріала для чтенія остановился на сказаніяхъ древняго міра потому, что ознакомленіе съ этими сказаніями служитъ лучшимъ приготовленіемъ и дополненіемъ къ изученію исторіи, а также и потому, что знакомство съ греческими миѳами необходимо для образованнаго человѣка, такъ какъ „воздѣйствіе этихъ миѳовъ на жизнь замѣчается и въ наше время на каждомъ шагу, не только въ произведеніяхъ искусствъ и литературы, но и въ типическихъ оборотахъ рѣчи, въ намекахъ и выраженіяхъ обыкновеннаго разговора въ образованномъ обществѣ". При выборѣ и обработкѣ матеріала, взятаго главнымъ образомъ изъ Гомера, авторъ поступилъ совершенно педагогично, исключивъ всѣ сказанія, неудобныя для чтенія дѣтей, и пропустивъ, а иногда и измѣнивъ немного нѣкоторыя детали, несогласныя съ требованіями нравственности и приличія.

Сообщаемыя сказанія изложены кратко; разказъ ведется простымъ и правильнымъ языкомъ, не представляющимъ никакихъ затрудненій въ синтаксическомъ отношеніи, такъ что главное вниманіе читающихъ обращается на этимологію и лексику нѣмецкаго языка. По отношенію къ послѣдней учащіеся знакомятся, конечно, не столько съ разговорною рѣчью, сколько съ болѣе возвышенными выраженіями и оборотами литературнаго языка, а потому тотъ, кто для чисто практическихъ цѣлей желаетъ въ короткое время научиться говорить по нѣмецки, не найдетъ въ этой книгѣ подходящаго пособія. Но она и составлена не для такихъ читателей , а для учениковъ, обучающихся нѣмецкому языку въ теченіе шести-семи лѣтъ и имѣющихъ цѣлью пріобрѣсти не только навыкъ въ разговорѣ, но и способность понимать произведенія ученой и изящной нѣмецкой литературы. Впрочемъ, авторъ не пренебрегаетъ и практическою стороною преподаванія; напротивъ, онъ придаетъ большое значеніе употребленію изучаемаго языка самими учениками и самъ въ предисловіи (стр. XIV) указываетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться его книгою для достиженія этой цѣли. Онъ совѣтуетъ не переводить помѣщенныхъ статей на русскій языкъ, но довольствоваться точнымъ пониманіемъ текста, которое дало бы ученикамъ возможность пересказать про-

читанное по нѣмецки своими словами. Согласно съ таковымъ употребленіемъ книги составленъ и постатейный словарь; въ немъ при отдѣльныхъ словахъ сообщается точное ихъ значеніе, но не указывается то именно выраженіе, которое, по особенностямъ русской фразеологіи, было бы наиболѣе подходящимъ для передачи разказа въ связной русской рѣчи.

Кромѣ постатейнаго словаря, въ концѣ книги помѣщенъ еще списокъ словъ, которыя считаются извѣстными ученикамъ. Этотъ списокъ, не имѣющій прямаго отношенія къ тексту статей, такъ какъ въ немъ помѣщено много словъ, не встрѣчающихся въ книгѣ, составленъ въ алфавитномъ порядкѣ, однако такъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ слова расположены въ ихъ этимологической принадлежности, напримѣръ, подъ словомъ bitten помѣщены слова: die Bitte, beten, das Gebet, betteln, der Bettler. Онъ назначенъ для повторенія словъ, раньше заученныхъ учениками, а такое повтореніе оказывается тѣмъ болѣе необходимымъ, что многія самыя обыкновенныя слова, выражающія предметы и понятія современной жизни, по существу дѣла не могли найдти себѣ мѣста въ разказахъ, относящихся къ древнему міру. Считая нужнымъ прибавить такой списокъ, не имѣющій связи съ текстомъ, авторъ косвеннымъ образомъ признаетъ, что предлагаемый имъ для чтенія матеріалъ, при всѣхъ преимуществахъ, страдаетъ нѣкоторою односторонностью и не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ преподаванія.

Книга издана хорошо, даже изящно; нѣмецкій текстъ напечатанъ весьма красивымъ и четкимъ готическимъ шрифтомъ. Опечатокъ мало; мы замѣтили лишь слѣдующія: на стр. 26 Mikenä вм. Mykenä на стр. 142 Даной вм. Данай, ibid. Киферы вм. Киѳера, и на стр. 143 Меланфій вм. Меланѳій.

Сборникъ образцовыхъ произведеній нѣмецкихъ классиковъ съ біографическимъ обзоромъ и словаремъ. Составили *Р. Гретманъ* и *А.* фонъ *Биберштейнъ*. Москва. 1887. Въ 8-ку X+320+120 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Означенный сборникъ, по заявленію составителей, „имѣетъ цѣлью познакомить воспитанниковъ старшихъ классовъ съ образцовыми писателями нѣмецкой литературы и устранить тѣ неудобства, съ которыми сопряжено въ учебномъ заведеніи чтеніе отдѣльныхъ произведеній". Однимъ изъ этихъ неудобствъ, по мнѣнію составителей, является отсутствіе словаря; другое неудобство состоитъ въ томъ, что эти произведенія слишкомъ обширны, чтобы цѣликомъ читаться въ классѣ, а

также содержатъ въ себѣ много мѣстъ неудобныхъ для классnatо чтенія. Поэтому составители прибавили къ сборнику нѣмецко-русскій словарь и сократили предлагаемыя произведенія, выпустивъ все то, что имѣетъ второстепенное значеніе или неудобно по педагогическимъ соображеніямъ. Словарь составленъ вообще удовлетворительно; слѣдовало бы, однако, по нашему мнѣнію, исключить изъ него слишкомъ обширныя синтаксическія указанія, такъ какъ ими никогда не будетъ пользоваться ученикъ, желающій приготовить переводъ заданнаго ему отрывка. Вмѣсто помощи, эти указанія, содержащія въ себѣ часто цѣлые отдѣлы синтаксиса, могутъ оказать учащемуся только затрудненіе, отвлекая его отъ прямой его работы, состоящей въ пріисканіи подходящаго къ мѣсту русскаго значенія слова, а не въ повтореніи или изученіи вновь синтаксическихъ правилъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости сдѣланнаго нами замѣчанія, стоитъ взглянуть на такія статьи, какія помѣщены въ словарѣ подъ словами: mögen, lassen, müssen, sein, sollen (3 столбца), um, wol, wollen, zu и т. д. Сокращеніе помѣщенныхъ произведеній сдѣлано умѣло, такъ что этими пропусками нисколько не нарушается цѣльность произведенія; они замѣтны только для того, кто близко знакомъ съ подлинникомъ.

Сборникъ раздѣляется на пять отдѣловъ, изъ которыхъ каждый посвященъ одному изъ нѣмецкихъ классиковъ, а именно: Виланду, Лессингу, Гердеру, Гете и Шиллеру. Клопштокъ, котораго справедливо можно было бы ожидать найдти въ числѣ этихъ авторовъ, опущенъ составителями сборника, можетъ быть, потому, что они признали его языкъ уже слишкомъ устарѣлымъ. Но если они, какъ слѣдуетъ предполагать по составу книги, желали дать ученикамъ возможность познакомиться съ развитіемъ нѣмецкой литературы въ классическій ея періодъ, то опущеніе Клопштока должно признать немаловажнымъ недостаткомъ. Каждый изъ вышеупомянутыхъ пяти отдѣловъ содержитъ въ себѣ: извѣстія о жизни автора и оцѣнку литературнаго его значенія, изложеніе содержанія главнѣйшихъ его произведеній и затѣмъ одно или нѣсколько произведеній автора. Соглашаясь вполнѣ съ составителями въ необходимости дать ученикамъ понятіе объ авторѣ прежде, чѣмъ приступить съ ними къ чтенію извѣстнаго произведенія, мы не можемъ признать цѣлесообразнымъ тотъ пріемъ, который примѣняется въ разсматриваемомъ сборникѣ. Чтеніе самого произведенія составляетъ главную задачу занятій по языку, и чѣмъ скорѣе можно приступить къ чтенію, тѣмъ лучше. Поэтому введеніе должно быть по возможности кратко и не представлять никакихъ затрудненій

для пониманія; лучше всего такое введеніе дается на родномъ языкѣ; въ рѣдкихъ случаяхъ можно допустить и введеніе на нѣмецкомъ языкѣ, но оно должно быть и по содержанію, и по формѣ изложенія приноровлено къ пониманію учениковъ. Составители поступили иначе: не только очерки жизни авторовъ, но и разборъ ихъ сочиненій заимствованы, какъ говорятъ составители, „изъ первоклассныхъ историковъ литературы и представляютъ въ своемъ родѣ образцы классическихъ писателей", въ числѣ которыхъ являются Гете, Гейне, Гервинусъ, Курцъ, Карріеръ, Дюнцеръ, Льюсъ, Р. Кенигъ, Шереръ, Геттнеръ и т. п. Познакомиться со взглядами и сужденіями такихъ выдающихся знатоковъ литературы весьма интересно для того, кто самъ нѣсколько знакомъ съ нѣмецкою литературой, и для такихъ-то читателей и написаны эти очерки; для учениковъ же русскихъ учебныхъ заведеній эти очерки безполезны, потому что они для нихъ непонятны, даже при самомъ основательномъ разборѣ ихъ въ классѣ. Желая достичь двухъ цѣлей—и сообщить свѣдѣнія изъ литературы, и дать новый матеріалъ для чтенія, составители не достигли ни той, ни другой.

Выборъ помѣщенныхъ произведеній не всегда удаченъ. „Ифигенія въ Тавридѣ" Гете и „Марія Стюартъ" Шиллера—произведенія, подходящія для чтенія въ классѣ; но нельзя того же самаго сказать про весьма значительный отрывокъ изъ „Исторіи Абдеритовъ" der Prozess um des Esels Schatten, единственное произведеніе Виланда, помѣщенное въ сборникѣ; тонкая сатира на бытъ провинціальнаго нѣмецкаго города въ прошломъ столѣтіи непонятна и мало интересна для учениковъ. Изъ сочиненій Лессинга, кромѣ его драмы „Натанъ Мудрый", помѣщенъ небольшой отрывокъ изъ „Гамбургской Драматургіи", рецензія неизвѣстной ученикамъ трагедіи Вольтера „Семирамида". Не вполнѣ пригоденъ будетъ для учениковъ и очеркъ древнихъ Вавилоніи, Ассиріи и Халдеи, заимствованный изъ книги „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit" Гердера, а баллада его о Іоаннѣ Грей, имѣющая только научный интересъ, совершенно непонятна, тѣмъ болѣе, что, она, какъ и всѣ остальныя произведенія, помѣщенныя въ сборникѣ, не снабжена никакими примѣчаніями, хотя для пониманія баллады требуется знакомство съ относящимися сюда фактами англійской исторіи. Мелкія стихотворенія Гете и Шиллера, вошедшія въ составъ сборника, также выбраны неудачно.

Вообще однако должно сказать, что книга гг. Гретмана и Биберштейна составлена весьма старательно и съ знаніемъ нѣмецкой лите-

ратуры; вмѣстѣ съ тѣмъ она содержитъ въ себѣ нѣсколько литературныхъ произведеній въ удобной для школы редакціи и словарь, а потому можетъ до извѣстной степени замѣнить отдѣльныя изданія произведеній классической нѣмецкой словесности.

Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence, par *Montesquieu*. Съ примѣчаніями. Составилъ *В. Кутузовъ*. С.-Пб. 1887. Изданіе второе. 183 стр. въ 8-ку.

Трактатъ Монтескье до сихъ поръ занимаетъ почетное мѣсто въ числѣ книгъ, посвященныхъ изученію древняго Рима. Для лицъ, занимающихся спеціальнымъ изученіемъ древней исторіи, ближайшее знакомство съ этимъ сочиненіемъ признается необходимымъ. Но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оно можетъ быть читано съ большою пользою въ старшихъ классахъ, какъ прекрасный образецъ повѣствовательной прозы. Во время появленія перваго изданія этого сочиненія въ обработкѣ г. Кутузова для школьнаго употребленія, то-есть, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ преподаваніи иностранныхъ языковъ отдавалось предпочтеніе сборникамъ мелкихъ отрывковъ изъ писателей передъ цѣльными сочиненіями на томъ основаніи, что нужно учениковъ знакомить съ языкомъ и слогомъ различныхъ авторовъ. Такое мнѣніе, конечно, справедливо, но только въ томъ случаѣ, когда учащіеся вполнѣ владѣютъ языкомъ, чувствуютъ его красо́ты, могутъ сознавать различіе въ слогѣ и оцѣнивать художественную сторону способа выраженія мыслей, однимъ словомъ—когда чтеніе ведется съ цѣлью историко-литературной критики. Но когда всѣ заботы преподаванія должны быть направлены исключительно почти къ тому, чтобы довести учащихся до пониманія читаемаго иностраннаго текста, то высказанный выше мотивъ въ значительной степени теряетъ свою силу. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе стало распространяться мнѣніе о преимуществѣ чтенія, въ старшихъ классахъ, цѣльныхъ иностранныхъ сочиненій передъ чтеніемъ отрывковъ, и въ нѣмецкой литературѣ появилось уже много разныхъ изданій французскихъ и нѣмецкихъ классическихъ произведеній въ обработкѣ для школьнаго употребленія. Даже у насъ извѣстны уже изданные для этой цѣли г. П. Н. два крупные эпизода, заимствованные изъ сочиненій Альфреда де-Виньи и графа Сегюра и изданная г. Алексѣевымъ комедія Мольера „Le Misanthrope". По отношенію къ нашей учебной литературѣ, однако, починъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ

признать за г. Кутузовымъ, такъ какъ „Considérations“ Монтескье и комедію Мольера „Les femmes savantes“ онъ издалъ еще въ 1872 году.

Комментаріи въ разсматриваемомъ изданіи сдѣланы г. Кутузовымъ по нѣмецкому изданію В. Вендлера; они очень обильны и касаются объясненія, какъ лексической, такъ и исторической стороны сочиненія Монтескье. Въ особенности комментаріи, относящіеся до бытовой и политической жизни Рима, подробны и наполнены цитатами изъ латинскихъ и греческихъ писателей. Въ предисловіи издатель заявляетъ, что онъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить желанія нѣкоторыхъ преподавателей французскаго языка видѣть въ его изданіи болѣе пространныя примѣчанія, по части римскихъ древностей. Для спеціалистовъ комментаріи этой категоріи могли бы имѣть цѣну, но для гимназистовъ они излишни, такъ какъ для пониманія содержанія текста все нужное должно быть имъ уже извѣстно изъ объясненій преподавателей древнихъ языковъ и древней исторіи. Поэтому мы находимъ, что г. Кутузовъ сдѣлалъ хорошо, не поспѣшивъ удовлетворить желанія, которое потребовало бы ненужнаго увеличенія объема и цѣны книги безъ всякой пользы для учащихся, такъ какъ у нихъ навѣрное нѣтъ времени прочитывать всѣ существующія объясненія въ книгѣ г. Кутузова и проникать въ смыслъ длинныхъ латинскихъ и греческихъ цитатъ. Въ виду того, что сочиненіе Монтескье назначается только для изученія самой лексики французскаго языка и для образованія навыка въ чтеніи серьезной повѣствовательной прозы, мы полагаемъ даже, что добрую половину излишнихъ для гимназистовъ объясненій г. Кутузова было бы гораздо полезнѣе замѣнить алфавитнымъ французско-русскимъ словаремъ, который предохранилъ бы многихъ неимущихъ учащихся отъ лишняго расхода. Для того, чтобы научить гимназистовъ понимать написанныя на французскомъ языкѣ сочиненія и извлекать изъ нихъ пользу для своего образованія, едва ли слѣдуетъ заводить ихъ въ область глубокихъ лингвистическихъ тонкостей и тратить время на отысканіе арабскихъ, персидскихъ, готскихъ и даже санскритскихъ корней для французскихъ словъ. Г. Кутузовъ слишкомъ широко, и потому ошибочно, понимаетъ преподаваніе иностранныхъ языковъ въ нашихъ школахъ: вооружившись, какъ онъ, такими словарями, какъ словари Литтре, Браше и сочиненіемъ Шевалле, а также нѣмецкими комментированными изданіями, можно выказать очень обшир-

ную филологическую начитанность и ученость; но для гимназистовъ изъ всего этого моря учености нужна только та капля, которая можетъ помочь имъ уразумѣть смыслъ читаемаго текста и усвоить лексическій матеріалъ языка для чисто практическихъ видовъ.

Начальная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Е. Тихомировъ*, преподаватель Орловской гимназіи. Москва. 1887. 400 стр. въ 8-ку. Цѣна 1 р. 25 к.

Названная книга заслуживаетъ быть причисленною къ разряду тщательно составленныхъ учебниковъ; ее можно даже предпочесть нѣкоторымъ учебникамъ алгебры, принятымъ въ руководство въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изложеніе всѣхъ отдѣловъ систематическое, правильное и удобопонятное. Хотя авторъ въ предисловіи и говоритъ о своей книгѣ, что „по изложенію, исключительно догматическому (?), она должна быть изучаема подъ непремѣннымъ руководствомъ учителя", но съ этимъ едва ли можно согласиться. Изученіе алгебры, безъ пособія учителя, вообще весьма трудно и даже недоступно малоспособному ученику, но обладающій достаточными способностями и подготовкою будетъ въ состояніи изучить этотъ предметъ по книгѣ г. Тихомирова не съ большею трудностью, чѣмъ и по всякой другой толково составленной алгебрѣ.

Растянутостей и излишнихъ подробностей въ книгѣ не много, и притомъ всѣ онѣ такого рода, что безъ труда могутъ быть исключены по указанію преподавателя. Напримѣръ, глава о неравенствахъ занимаетъ 12 страницъ; достаточно было бы ограничиться двумя или тремя страницами текста, а все остальное содержаніе главы, какъ вполнѣ доступное для самостоятельной работы учениковъ, включить въ число примѣровъ для упражненій. (Въ текстъ учебника должны входить, для обязательнаго запоминанія всѣми учениками, только теоремы первостепенной важности, служащія основою для алгебраическихъ дѣйствій и для доказательствъ теоремъ второстепенныхъ; чѣмъ менѣе этихъ послѣднихъ включено въ текстъ, и чѣмъ большее число ихъ предоставлено выводамъ или доказательствамъ самихъ учениковъ, при содѣйствіи лишь крайне необходимыхъ указаній или намековъ, тѣмъ основательнѣе будетъ знаніе существенныхъ частей алгебры и тѣмъ прочнѣе вообще результатъ ученія). Рѣшеніе уравненій высшихъ степеней, сводящихся на квадратныя, занимаетъ 40 страницъ. Хотя знаніе этого отдѣла алгебры весьма полезно и желательно, но такой объемъ слишкомъ великъ и не со-

отвѣтствуетъ программамъ для гимназій и реальныхъ училищъ; значительная часть того, что̀ содержится въ послѣднихъ трехъ главахъ IV-го отдѣла, могла бы быть напечатана мелкимъ шрифтомъ, какъ необязательная для усвоенія ея всѣми учениками. Первая глава IV-го отдѣла, имѣющая своимъ предметомъ уравненія второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ числомъ, также могла бы быть нѣсколько сокращена и въ то же время значительно выиграла бы въ изяществѣ и научной строгости метода, а именно: слѣдовало начать непосредственно съ разложенія трехчлена второй степени на линейныхъ множителей; тогда рѣшеніе квадратнаго уравненія, свойства его корней и т. п. были бы уже очевидными слѣдствіями и, такъ-сказать, включались бы въ этомъ разложеніи.

Пробѣловъ и не досказаннаго авторомъ также не много, и хотя нѣкоторые изъ пробѣловъ не маловажны, но они легко поправимы, и для преподавателей не будетъ затруднительно дополнить недостающее. Важнѣе всѣхъ остальныхъ пробѣловъ, недомолвка относительно ирраціональныхъ чиселъ. А именно, на стр. 147 сказано: „...извлеченіе корней приводитъ насъ къ такимъ числамъ, которыя не могутъ выражаться ни цѣлымъ числомъ единицъ, ни какими-нибудь частями единицы. Подобныя числа называются несоизмѣримыми съ единицею. Числа эти могутъ быть выражены только съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ ихъ истинной величинѣ“. Вопервыхъ, подобныя числа не „называются“ несоизмѣримыми съ единицами, а „суть“ таковыя. Но главное дѣло въ томъ, что необходимо было договорить и формулировать съ надлежащею полнотою, что такими числами, то-есть, квадратными корнями изъ неполныхъ квадратовъ и т. под., называются предѣлы вышеупомянутыхъ приближеній. Включеніе этого понятія объ ирраціональныхъ числахъ не потребовало бы расширенія объема курса, такъ какъ вовсе не необходимо для такой цѣли излагать основныя теоремы о предѣлахъ или вообще углубляться въ теоретическія подробности. При отсутствіи упомянутаго опредѣленія ученики не могутъ имѣть яснаго понятія о томъ, напримѣръ, что $\sqrt{2}$ есть вполнѣ опредѣленное и точное число, и не будутъ знать, что̀ именно подразумѣвается подъ словами: сложеніе ирраціональныхъ чиселъ, ихъ умноженіе и т. п. Вслѣдствіе той же причины, доказательство теоремы $\sqrt[n]{abc....} = \sqrt[n]{a}.\ \sqrt[n]{b}.\ \sqrt[n]{c}...$, приведенное на стр. 139 имѣетъ мѣсто лишь для случая a, b, c... полныхъ n-ныхъ степеней, а между тѣмъ на стр. 146 сдѣлана ссылка на эту теорему, какъ уже на доказанную для a, b, c,...

неполныхъ n-ныхъ степеней. Потребовалось бы не много строкъ, чтобы дать понятіе о произведеніи радикаловъ, какъ о предѣлѣ произведенія ихъ приближеній, и на основаніи этого, доказать равенство $\sqrt[n]{a}.\sqrt[n]{b}.=\sqrt[n]{b}.\sqrt[n]{a}$, а слѣдовательно, и теорему стр. 139 со всѣми ея слѣдствіями. Отсутствіе этихъ недомолвокъ значительно возвысило бы достоинство книги, еслибы при этомъ была сохранена краткость текста. На стр. 182 сказано, что „на мнимыя количества вида $a+bi$ условились распространять тѣ правила дѣйствій, которыя были выведены для дѣйствительныхъ количествъ"; слѣдовало бы дополнить это условіемъ не производить дѣйствій надъ i по общимъ правиламъ дѣйствій надъ радикалами, то-есть, для избѣжанія ошибокъ, не надо замѣнять буквы i радикаломъ $\sqrt{-1}$, а руководствоваться лишь равенствомъ $i^2=-1$. На стр. 173 изложено съ надлежащею краткостью и ясностью доказательство, что, „умножая послѣдовательно члены дроби на соотвѣтствующихъ множителей, мы можемъ всегда исключить въ знаменателѣ радикалы второй степени", и приведены примѣры, въ числѣ которыхъ есть дроби содержащія въ знаменателѣ радикалы высшихъ степеней. Для полноты изложенія полезно было бы упомянуть, хотя бы безъ доказательства, что не только квадратные, но и всякіе радикалы могутъ быть исключены изъ знаменателя введеніемъ соотвѣтствующихъ множителей. Притомъ, самое доказательство этой возможности, весьма краткое по существу, доставило бы удобный случай къ ознакомленію учениковъ со способомъ неопредѣленныхъ коеффиціентовъ, о которомъ авторъ не упоминаетъ, хотя и пользуется имъ при рѣшеніи системы уравненій по способу Безу. Доказательство это могло бы быть включено въ „Дополненія", составляющія VII-й отдѣлъ книги. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать по поводу сказаннаго на стр. 225, а именно: изложивъ на предыдущихъ страницахъ рѣшеніе нѣкоторыхъ двучленныхъ уравненій (сводящихся на квадратныя), авторъ говоритъ: „Для каждаго изъ взятыхъ выше двучленныхъ уравненій число рѣшеній равняется числу единицъ въ степени уравненія. Слѣдовательно, переходя къ извлеченію корней, мы можемъ сдѣлать такое заключеніе: всякое число имѣетъ столько корней какой-либо степени, сколько единицъ въ показателѣ корня". Распространяя, безъ доказательства, на корни n-ой степени то, чтò было доказано лишь для нѣкоторыхъ значеній n, слѣдовало бы вести обобщеніе далѣе и сказать о разложимости всякой цѣлой функціи одного перемѣннаго числа на

стольких линейных множителей, сколько единиц въ показателѣ степени этой функціи. Знаніе этой истины уже потому важнѣе знанія числа корней изъ чиселъ, что послѣднее заключается въ первомъ.

Вообще содержаніе книги согласовано съ программами гимназій и реальныхъ училищъ. Нѣкоторыя уклоненія въ распредѣленіи статей не нарушаютъ этого согласія и вполнѣ оправдываются желаніемъ автора сохранить систематичность изложенія; непонятно только, какую цѣль онъ имѣлъ въ виду, соединивъ нѣкоторыя статьи въ особый отдѣлъ (VII-й), помѣщенный въ концѣ книги, подъ заглавіемъ „дополненія". Отдѣлъ этотъ содержитъ въ себѣ: 1) соединенія и биномъ Ньютона, 2) непрерывныя дроби, 3) опредѣленіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній нѣкоторыхъ алгебраическихъ выраженій. Слѣдовательно, если разсматривать его какъ предназначенный для гимназическаго курса, то только 3-я глава и часть 1-ой могутъ быть названы „дополненіями", а вся 2-я глава и значительная часть 1-ой не соотвѣтствуютъ этому названію, ибо онѣ обязательны для всѣхъ учениковъ VII-го класса. Для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ упомянутый отдѣлъ, и вообще вся Алгебра г. Тихомирова, руководствомъ служить не можетъ, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ весьма многаго, обязательнаго для учениковъ этого класса, а именно въ ней нѣтъ слѣдующихъ статей: 1) способъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ, 2) о рядахъ и разложеніи степенныхъ количествъ въ строки, 3) логариѳмическія и тригонометрическія строки и приложеніе ихъ къ составленію таблицъ и 4) способъ предѣловъ.

Къ числу главныхъ достоинствъ книги, составляющихъ ея общій характеръ, слѣдуетъ отнести между прочимъ то, что авторъ нигдѣ не прибѣгаетъ къ такимъ доказательствамъ, которыя можно назвать „формальными" (въ узкомъ смыслѣ этого слова), весьма часто встрѣчающимся въ разныхъ учебникахъ; онъ всегда разъясняетъ сущность вопроса, и его разъясненія и доказательства кратки, точны и ясны (о немногихъ исключеніяхъ, вызванныхъ, по всей вѣроятности, опасеніемъ усложнить предметъ, было упомянуто выше).

Въ текстѣ книги помѣщено вполнѣ достаточное количество задачъ или примѣровъ для упражненій. Но, кромѣ этихъ задачъ, подробно изложенныхъ, въ концѣ каждой главы предлагается для самостоятельной работы учениковъ весьма много задачъ, такъ что общее число этихъ послѣднихъ превышаетъ 500. Какъ по обилію, такъ и по хорошему выбору, эти примѣры для упражненій представляютъ цѣнный матеріалъ, увеличивающій достоинства учебника.

Въ изложеніи не встрѣчается такихъ недостатковъ, которые можно было бы назвать присущими автору, то-есть, которые повторялись бы многократно; встрѣчаются лишь нѣкоторыя случайныя неудачныя выраженія, незначительныя упущенія и тому подобные мелкіе недосмотры, легко поправимые въ слѣдующихъ изданіяхъ и почти не вредящіе достоинству учебника. Примѣрами ихъ могутъ служить слѣдующіе:

1) Нельзя назвать удачными первыя строки книги: „Алгебра имѣетъ цѣлью рѣшить различные вопросы въ общемъ видѣ, предложенные относительно чиселъ". Хотя подобнаго рода опредѣленіе алгебры можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ образцовыхъ трактатахъ, тѣмъ не менѣе оно не выдерживаетъ критики: вопервыхъ, оно не полно, вовторыхъ, недостаточно опредѣлительно: оно не проводитъ границы между алгеброй и теоріей чиселъ, а также между алгеброй и нѣкоторыми областями трансцендентнаго анализа.

2) На стр. 7 сказано: „Если въ выраженіе не входитъ ни $+$ ни $-$, то оно называется одночленомъ". Но развѣ $\sqrt{a+b}$ или $\frac{a}{b+c}$ и тому подобныя формулы можно назвать многочленами?

3) На стр. 8: „Скобки. Если надъ многочленомъ нужно произвести какое-нибудь дѣйствіе, то его заключаютъ въ скобки". Но если изъ многочлена надо извлечь, напримѣръ, квадратный корень или раздѣлить этотъ многочленъ на какой-либо другой, то развѣ необходимо заключить его въ скобки? Притомъ, развѣ скобки не употребляются и въ другихъ случаяхъ, и развѣ не бываетъ иногда необходимо заключать одночлены въ скобки? Очевидно, что о назначеніи скобокъ слѣдовало бы выразиться не такъ, какъ сказано авторомъ.

4) Объ умноженіи многочленовъ, имѣющихъ многочисленные коеффиціенты, не упомянуто вовсе.

5) На стр. 33—35 напечатаны мелкимъ шрифтомъ теоремы, относящіяся до признаковъ дѣлимости многочлена M, цѣлаго относительно x, на $x-a$ или на $x+a$. Мелкій шрифтъ указываетъ, слѣдовательно, что знаніе этихъ основныхъ теоремъ не обязательно для учениковъ; но съ этимъ мнѣніемъ автора нельзя согласиться.

6) Стр. 44—45: „Опредѣленіе. Если частное отъ дѣленія двухъ алгебраическимъ выраженій A и B мы представимъ въ видѣ $\frac{A}{B}$, то въ такомъ случаѣ оно называется алгебраическою дробью. Весьма неудачное опредѣленіе. Развѣ та же формула, изображенная въ видѣ $A:B$, уже не будетъ алгебраическою дробью?

Стр. 39: „Извѣстно, какъ опредѣляются двучленные дѣлители

какого-нибудь многочлена..... Чтобы разложить многочленъ P по этому способу, располагаютъ его по степенямъ, напримѣръ, x и опредѣляютъ его двучленныхъ дѣлителей, напримѣръ, $x-a$ и $x-b$; тогда $P=(x-a)(x-b)Q$. Этотъ способъ вообще довольно продолжительный и потому мало употребляется". Замѣчаніе невѣрное, такъ какъ разложеніе многочленовъ по этому способу или, что то же самое, „рѣшеніе уравненій" составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ алгебры; а по мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетныхъ ученыхъ, въ разложеніи многочленовъ по этому способу заключается даже вся цѣль собственно алгебры.

8) Стр. 184. При рѣшеніи уравненія $5-\sqrt{x^2+x+7}=9-x$ не упомянуто, что оно имѣетъ корень $x=\infty$.

9) Стр. 190: „Если въ уравненіи послѣ уничтоженія въ немъ радикаловъ и знаменателей неизвѣстное входитъ во второй степени, то оно называется уравненіемъ второй степени или квадратнымъ". Выражено неловко.

10) На стр. 34 три опечатки: „$x+b$ не есть дѣлитель"; вторично „$x+b$ не есть дѣлитель", а также „$x+c$ не есть дѣлитель". Вмѣсто этого, слѣдовало напечатать: 1) „$x-b$ не есть дѣлитель"; 2) „$x+b$ есть дѣлитель"; 3) „$x+c$ есть дѣлитель". Къ книгѣ не приложено списка опечатокъ, а между тѣмъ, хотя ихъ и не много, ихъ все-таки надо было указать.

Учебникъ всеобщей географіи (Азія, Африка, Америка и Австралія). Составилъ *Будиновъ*. Москва. 1888. 74 стр. въ 8-ку. Цѣна 30 коп.

Географическихъ названій въ учебникѣ, судя по приложенному указателю,—960; эти названія ученикамъ нужно затвердить, большую часть изъ нихъ изобразить на чертежѣ и все это въ какихъ-нибудь 56 или 60 уроковъ [1]. Но по отношенію къ матеріалу другаго рода въ книгѣ наблюдается умѣренность. Такъ этнографическіе очерки почти отсутствуютъ; изъ топографіи сообщаются только самыя характерныя данныя; физическая часть наиболѣе обширная, но въ ней нигдѣ не дается излишнихъ, утомительныхъ для памяти, подробностей. Вообще, за исключеніемъ обилія въ разныхъ мелочныхъ названіяхъ, книжка составлена довольно толково, изложена

[1]) Если г. Будиновъ въ дальнѣйшихъ частяхъ курса не будетъ держаться надлежащей умѣренности, то можетъ случиться, что въ его учебникѣ будетъ не менѣе названій, чѣмъ въ учебникѣ Ободовскаго (3600), а этотъ послѣдній, какъ извѣстно, сильно удручалъ память учениковъ.

правильнымъ языкомъ и, что всего важнѣе, сжато; исключеніе изъ послѣдняго составляютъ разсѣянныя мѣстами нарѣчія и прилагательныя, которыя ничего не даютъ и отвлекаютъ только вниманіе учениковъ; напримѣръ: „страшный деспотъ“, „мощный потухшій вулканъ“, „знаменитое вино“, „пѣвчія птицы-канарейки“, „необыкновенно вредный“, „необыкновенно здоровый“, „совершенный упадокъ“, „крайне сырой“, „очень здоровый“ и т. д.

Разныхъ мелкихъ недосмотровъ въ книгѣ достаточно. Для примѣра отмѣтимъ слѣдующіе:

Стр. 5. „Гиндукушъ—Парапанизъ (древнее названіе)“. У древнихъ географовъ не Парапанизъ, а Паропамизъ.

Стр. 8. Туранъ причисленъ вмѣсто Средней Азіи къ Сѣверной.

Стр. 10. „Кипръ въ древности славился мѣдью и виномъ“. Но чѣмъ замѣчателенъ онъ нынѣ не сказано.

Стр. 12. „На Ливанѣ сохранилась еще дюжина старыхъ кедровъ, которымъ насчитываютъ по 3000 лѣтъ“... По свидѣтельству профессора Фрасса, исполинскихъ деревьевъ въ 10 и болѣе метровъ въ объемѣ въ 1875 г. было только 5.

Стр. 13. „Красивенькій городокъ—Назаретъ“. Едва ли удобна въ учебникѣ такая характеристика.

Стр. 17. Въ Белуджистанѣ указано неизвѣстное въ исторіи племя брагуевъ, что̀ въ общемъ образовательномъ курсѣ менѣе важно, чѣмъ зависимость Келата отъ Англіи, а это опущено.

На стр. 19 говорится, что арійское племя пришло въ Индостанъ „чрезъ Кабульскій проходъ“. Это извѣстно по тому только, что со стороны Ирана Кабульскій проходъ былъ до послѣдняго времени единственный извѣстный.

Стр. 33. „Львы и гіены исчезли изъ Европы въ сравнительно недавнее время“... 100—200 лѣтъ назадъ, по понятіямъ мальчиковъ, составляютъ уже давнее время, а названные виды животныхъ исчезли еще ранѣе.

Стр. 33. „Сѣверную Африку издревле населяютъ берберы и египтяне“, а ниже говорится: „копты составляютъ часть египтянъ“. Такимъ образомъ оказывается, что населеніе Египта съ древнихъ поръ не измѣнилось.

На стр. 34 въ примѣчаніи сказано: „Значительную часть населенія южной Абиссиніи составляетъ народъ галла неизвѣстнаго происхожденія“. Объ этомъ племени можно было бы и не говорить, а если говорить, то необходимо было бы отмѣтить симпатичныя сто-

роны въ ихъ характерѣ, и сверхъ того, едва ли не было бы ближе къ истинѣ сказать, что народъ галла причисляется къ хамитамъ.

На стр. 35 утверждается, что древніе каналы и водохранилища въ Египтѣ сохраняются до настоящаго времени.

Стр. 38. „Сахара занимаетъ значительную часть Африки, растянувшись отъ Атлантическаго океана до долины Нила". Слово „растянувшись" не идетъ къ данному случаю.

Въ учебникѣ два нововведенія. Первое состоитъ въ томъ, что многія географическія названія переданы новою транскрипціей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходною съ таковою же въ атласѣ Линберга, но почти всюду различающеюся отъ распространенныхъ учебниковъ и атласа Ильина. Такимъ образомъ мы читаемъ вмѣсто общепринятыхъ гебры — „гвебры", „Косцюшко", вмѣсто Костюшко, „Пуэрто-Рико" вмѣсто Порто-Рико и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ новыя названія помѣщаются въ скобкахъ, напримѣръ: Ферро (Іерро), Венецуэла (Венесвэла), Цинцинати (Синсинэти) и т. д. Такое нововведеніе породитъ путаницу и новыя затрудненія для учащихся тѣмъ болѣе, что при учебникѣ нѣтъ картъ. Къ тому же замѣчается непослѣдовательность. Такъ, въ одномъ мѣстѣ читаемъ: остр. Принца Уэльскаго, а въ другомъ—Велингтонъ; въ текстѣ Монтъ-Гукеръ, а въ таблицѣ Моунтъ-Гукеръ и т. д.

Другое нововведеніе состоитъ въ томъ, что въ географическихъ именахъ гласныя, на которыя падаетъ удареніе, отмѣчены особымъ шрифтомъ; это нововведеніе похвально и заслуживаетъ подражанія, но съ произношеніемъ нѣкоторыхъ словъ у г. Будинова согласиться нельзя, какъ напримѣръ: Ти́бетъ, А́тласъ, Таити́; на нѣкоторыхъ словахъ, какъ напримѣръ, Па́мпа́сы, Лья́но́сы, Ми́чига́нъ, два ударенія, что̀ уже совершенно безцѣльно.

Опечатки встрѣчаются; напримѣръ: Индѣйскій океанъ вмѣсто Индійскій, Силимановы горы вмѣсто Солимановы, Ефратъ вмѣсто Евфратъ, Авганистанъ вмѣсто Афганистанъ и т. д.

Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ *Н. Раевскимъ*. 5-е исправленное изданіе съ 203 рисунками. С.-Пб. 1887.

Достоинства учебника этого давно извѣстны и признаны; не смотря на большую конкурренцію, онъ выходитъ уже пятымъ изданіемъ, и притомъ вполнѣ заслуживаетъ такого успѣха. Каждое изданіе исправляется авторомъ очень старательно; четвертое было значительно измѣнено; нынѣшнее пятое также подверглось пересмотру и допол-

ненію, при чемъ дополненіе, главнымъ образомъ, состоитъ въ прибавкѣ 42 новыхъ рисунковъ къ прежнимъ 161. Прибавленные рисунки очень хорошо исполнены и очень поучительны. Упрекъ изданію можно сдѣлать только въ нѣкоторой неисправности печати. Есть опечатки и недосмотры, которые указываютъ, что корректоръ не былъ свѣдущъ въ предметѣ. Напримѣръ, рисунокъ 181-й (на 140 стр.) поставленъ вверхъ ногами. Конечно, это объясняется отсутствіемъ автора, находящагося въ далекой Сибири, но желалательно, чтобъ издатель впредь выбралъ болѣе свѣдущее лицо для наблюденія за печатаніемъ.

Руководство для преподаванія рукодѣлія въ школахъ, *С. А. Давыдовой*, съ приложеніемъ пяти рисунковъ. С.-Пб. 1887. 80 страницъ. Цѣна 60 коп.

„Руководство для преподаванія рукодѣлія въ школахъ", составленное С. А. Давыдовою, — весьма полезный вкладъ въ нашу педагогическую литературу. Оно можетъ пособить начинающимъ учительницамъ въ раздѣленіи общихъ женскихъ рукодѣльныхъ работъ на элементы и въ приведеніи этихъ элементовъ въ послѣдовательную систему, объясняющую переходъ отъ простыхъ работъ къ сложнымъ, отъ легкихъ къ болѣе труднымъ. Кромѣ того, въ руководствѣ есть нѣсколько указаній относительно содержанія классныхъ работъ въ должной чистотѣ, оцѣнки ихъ баллами и нѣсколько словъ о классной дисциплинѣ во время рукодѣльныхъ уроковъ; весьма обстоятельно объяснены пріемы вязанья на спицахъ, вязанья крючкомъ, шитья, вышиванья, штопанія и починки бѣлья и платья. Указаны простые пріемы кройки бѣлья и платья, очень удобные для преподаванія въ двухклассныхъ школахъ съ четырехъ годичнымъ курсомъ. Также не забытъ перечень матеріаловъ, употребительныхъ для рукодѣлій, съ указаніемъ ихъ свойствъ и приблизительныхъ цѣнъ.

Руководство изложено такъ просто, что его поймутъ учительницы рукодѣлій, не только окончившія курсъ въ гимназіяхъ, но даже и тѣ, которыя прошли курсъ городскихъ училищъ. Въ особенности это руководство полезно для тѣхъ учительницъ-мастерицъ, которыя, хотя сами очень основательно исполняютъ всѣ изложенныя въ немъ рукодѣлія, но незнакомы съ класснымъ обученіемъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

II.

Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности [1]).

I.

Въ дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности, согласно съ самымъ назначеніемъ его, на первомъ планѣ стоятъ занятія по отечественной и славянской филологіи и литературѣ; но въ кругъ дѣйствія отдѣленія, на основаніи его устава, входитъ и исторія. Съ трудовъ по этой части, какъ поглощавшихъ въ истекающемъ году значительную долю силъ нашего отдѣленія, я и начну настоящій отчетъ.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ въ истекшемъ году окончилъ печатаніемъ первый томъ „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго". Въ этомъ объемистомъ (слишкомъ 60 печатныхъ листовъ) томѣ, составляющемъ начало обширнаго изданія, которое будетъ имѣть весьма важное значеніе для изучающихъ время Петра Великаго, помѣщено съ небольшимъ 400 писемъ и бумагъ преобразователя Россіи, относящихся къ періоду съ 1688 по 1701 годъ. Эти документы, изъ которыхъ иные не были еще доселѣ напечатаны, обставлены довольно подробными

---

[1]) Составленъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ *Я. К. Гротомъ* и читанъ имъ въ торжественномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1887 года.

примѣчаніями. Значительное число писемъ Петра Великаго за указанный періодъ времени до насъ, къ сожалѣнію, не дошло; изъ писемъ же государя къ нѣкоторымъ лицамъ, напримѣръ: Льву Кирилловичу Нарышкину, Автомону Михайловичу Головину, Гавріилу Ивановичу Головкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну, Францу Яковлевичу Лефорту, Алексѣю Семеновичу Шеину, Прокофію Богдановичу Возницыну, датскому коммиссару Бутенанту фонъ-Розенбушу не сохранилось ни одного. О содержаніи этихъ утраченныхъ писемъ до извѣстной степени можно составить себѣ понятіе по сохранившимся отвѣтнымъ на нихъ письмамъ къ Петру Великому, которымъ по этой причинѣ и дано мѣсто въ примѣчаніяхъ къ тому. Число помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ отвѣтныхъ писемъ разныхъ лицъ къ Петру Великому тоже достигаетъ почтенной цифры (именно 362). Изъ нихъ значительная часть издается впервые, и многія изъ нихъ весьма любопытны по содержанію.

Въ этомъ же году А. Ѳ. Бычковъ приступилъ къ печатанію сборника такъ-называемыхъ „Литовскихъ лѣтописей" на русскомъ языкѣ, очень разнообразныхъ по редакціи и сообщающихъ любопытныя и наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о великомъ княжествѣ Литовскомъ, занимавшемъ довольно видное мѣсто въ судьбахъ нашего отечества.

Исторія, какъ познаніе и разумѣніе прошлаго для руководства въ настоящемъ, нужна не только государствамъ и народамъ, но и отдѣльнымъ обществамъ и учрежденіямъ. Академія Наукъ весьма рано сознала эту потребность, и попытки къ удовлетворенію ея начались очень давно. Самымъ важнымъ и виднымъ въ этомъ отношеніи предпріятіемъ былъ трудъ покойнаго сочлена нашего П. П. Пекарскаго. Начавъ его въ 1863 году, этотъ неутомимый труженикъ съ рѣдкою любовью работалъ надъ выполненіемъ своей задачи, но успѣлъ довести исторію Академіи только до начала царствованія Екатерины II, и со смертью его въ 1872 году дѣло это совершенно остановилось.

Въ 1882 году графъ Д. А. Толстой, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность президента нашей Академіи, возымѣлъ мысль положить начало изданію, которое, хотя и не можетъ служить продолженіемъ труда Пекарскаго, но должно значительно облегчить такое продолженіе въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать средство къ повѣркѣ и пополненію свѣдѣній, сообщенныхъ Пекарскимъ. Изданіе это, озаглавленное „Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ", содержитъ въ себѣ собраніе расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ документовъ изъ архивовъ канцеляріи и конференціи Академіи, начиная отъ са-

маго ея учрежденія. Подъ наблюденіемъ академика М. И. Сухомлинова оно подвигается безостановочно. О содержаніи первыхъ трехъ томовъ этого изданія было уже сообщаемо въ отчетахъ за прежніе годы. Въ истекающемъ году появился 4-й томъ, снабженный портретами президента фонъ-Бреверна и академика Рихмана, того самаго, который, какъ извѣстно изъ знаменитаго письма Ломоносова, убитъ былъ громомъ при опытахъ надъ электрическою машиной. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ бумаги отъ 1739 по 1741 годъ. Къ этому времени относится вторая половина пребыванія Ломоносова и двухъ его товарищей, Рейзера и Виноградова, въ Германіи, куда они въ 1736 году отправлены были Академіей для изученія химіи и металлургіи.

Въ вышедшемъ томѣ помѣщена любопытная переписка Академіи объ этихъ трехъ студентахъ, ихъ занятіяхъ и поведеніи, сперва въ Марбургѣ, а потомъ во Фрейбергѣ. Поводъ къ жалобамъ подавалъ особенно Виноградовъ. Всѣ трое надѣлали долговъ, и это послужило главною причиною, почему найдено было нужнымъ ускорить ихъ отъѣздъ изъ Марбурга во Фрейбергъ. При этомъ Академія поручаетъ профессору Вольфу выдать имъ на дорогу каждому по 20 рублей и затѣмъ увѣдомить Академію объ ихъ отъѣздѣ и о точномъ размѣрѣ суммы, до которой дошли ихъ долги; когда же все это будетъ исполнено, то какъ по оказавшимся обстоятельствамъ, такъ и по причинѣ чрезмѣрныхъ долговъ этихъ студентовъ, а равно вслѣдствіе дурнаго поведенія Виноградова, войдти съ докладомъ въ кабинетъ Ея Величества. Въ то же время положено написать бергъ-физику Генкелю во Фрейбергъ о скоромъ прибытіи студентовъ и отправить туда 300 рублей на содержаніе ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ рекомендовать ему имѣть пристальный надъ ними надзоръ, не давать имъ денегъ въ руки и вездѣ объявить, чтобы никто безъ его вѣдома не оказывалъ имъ кредита, потому что Академія за нихъ платить не будетъ. Тогда же послано наставленіе и самимъ студентамъ. Изъ предшествовавшей переписки видно, что на содержаніе этихъ молодыхъ людей во Фрейбергѣ опредѣлено было отпускать только по 150 руб. въ годъ вмѣсто 300 руб., которые прежде назначены были имъ на прожитокъ въ Марбургѣ, и притомъ выдавать эти деньги не имъ на руки, а бергъ-физику Генкелю, на покрытіе издержекъ на ихъ пропитаніе, квартиру, дрова, свѣчи и прочія надобности.

Въ этомъ же томѣ мы находимъ множество цѣнныхъ свѣдѣній какъ объ общемъ состояніи Академіи, такъ и о членахъ ея. Видимъ между прочимъ, какія препятствія они встрѣчали въ своихъ занятіяхъ

вслѣдствіе тогдашнихъ порядковъ въ общественномъ устройствѣ. Однимъ изъ такихъ неблагопріятныхъ для науки обстоятельствъ были воинскіе постои въ частныхъ домахъ. Такъ, знаменитый математикъ Эйлеръ, жившій въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ въ 10-й линіи, „недалеко отъ большой прешпективной дороги", въ октябрѣ 1739 года подалъ въ Академію такую просьбу на нѣмецкомъ языкѣ: „Вчера капитанъ фонъ-деръ-Зиге явился ко мнѣ и отвелъ въ моемъ домѣ квартиру 10 солдатамъ Нижегородскаго полка. Такимъ постоемъ я приведенъ почти въ совершенную невозможность исполнять мои обязанности при Академіи, такъ какъ происходящіе отъ того великіе безпорядки и непріятности отнимаютъ у меня способность ко всякому размышленію. Поэтому покорнѣйше прошу Императорскую Академію Наукъ избавить меня, какимъ бы ни было способомъ, отъ этого невыносимаго затрудненія. Въ эту самую минуту ко мнѣ опять приходятъ изъ полиціи и дѣлаютъ во вчерашнемъ распоряженіи ту перемѣну, что теперь хотятъ навязать мнѣ на шею даже драгунъ съ лошадьми Ямбургскаго полка, а какъ это для меня совершенно не возможно, то я и прошу меня отъ этого обремененія благоволить наипоспѣшнѣйше освободить". Изъ другой бумаги видно, что Эйлеръ въ то же время обѣщалъ незванымъ гостямъ нанять для нихъ другое помѣщеніе, Академію же просилъ принять на свой счетъ плату за его квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, такъ какъ назначенныхъ ему на этотъ предметъ 60-ти рублей въ годъ недостаточно. Результатомъ было опредѣленіе Академіи просить императорскій кабинетъ освободить состоящихъ на службѣ ея лицъ отъ повинности постоя, а пока послѣдняя не отмѣнена, профессоръ Эйлеръ долженъ подчиниться существующему постановленію. Что оно по крайней мѣрѣ черезъ годъ еще не было отмѣнено, доказываетъ поданное Эйлеромъ въ декабрѣ 1740 года доношеніе, въ которомъ онъ снова проситъ освободить его отъ солдатскихъ постоевъ. Вслѣдствіе ходатайства о томъ президента Бреверна состоялась резолюція кабинетъ-министровъ: „Ежели у онаго профессора объявленный дворъ—наемный, то постой свесть, а хозяину того двора для постою солдатамъ иное мѣсто показать". Но такъ какъ домъ принадлежалъ Эйлеру, то конечно, и постой у него остался, что̀ доказывается и дальнѣйшими фактами.

Вскорѣ послѣ того, именно въ февралѣ 1741 года, во время регентства при малолѣтнемъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ, Эйлеръ проситъ уволить его отъ Академіи, объясняя, что онъ вынужденъ,

какъ ради слабаго здоровья, такъ и по другимъ обстоятельствамъ искать „пріятнѣйшаго климата" и принять сдѣланное ему Прусскимъ королемъ предложеніе.

Съ учеными, которые поступали на службу Академіи, въ то время заключаемъ былъ контрактъ на извѣстное число лѣтъ. Съ Эйлеромъ первоначальный контрактъ возобновленъ былъ въ январѣ 1740 года, но безъ опредѣленія срока его, при чемъ академику, за особенныя заслуги, увеличено жалованье до 1.200 руб., суммы. которую получалъ „предокъ его Бернулій". Академія, принимая во вниманіе разстроенное здоровье Эйлера, особливо его ослабѣвшее зрѣніе, не рѣшилась отказать ему въ увольненіи, но выразила надежду, что онъ, „пришедши въ лучшее здоровье, изъ Нѣмецкой земли опять въ Россію возвратится и Академіи наукъ бóльшую предъ нынѣшнимъ услугу и пользу принесть можетъ". Извѣстно, что эта надежда въ царствованіе императрицы Екатерины II и осуществилась.

Согласно съ просьбой Эйлера, при переселеніи его въ Германію, принадлежавшій ему въ 10-й линіи домъ опредѣлено взять подъ Академію, уплативъ за него, на основаніи оцѣнки архитектора, 300 р.: а такъ какъ въ этомъ домѣ стоялъ въ то время постоемъ поручикъ Челищевъ, то положено потребовать, чтобы „полицеймейстерская канцелярія приказала этого поручика съ того двора свести и впредь на тотъ дворъ постоя не ставить, понеже оный дворъ—нынѣ казенный". Эти немногія выписки могутъ служить образчикомъ тѣхъ обильныхъ свѣдѣній, которыя мы находимъ въ „Матеріалахъ для исторіи Академіи Наукъ" относительно ея быта и дѣятельности въ давно прошедшее время.

II.

Посвящая часть своихъ трудовъ исторіи Академіи Наукъ, отдѣленіе русскаго языка и словесности не упускало изъ виду и разработку исторіи учрежденія, отъ котораго само оно ведетъ свое начало. До позднѣйшаго времени о дѣятельности Россійской Академіи имѣлись только весьма скудныя и отрывочныя свѣдѣнія. Въ началѣ 1870-хъ годовъ академикъ Сухомлиновъ предпринялъ обширный трудъ составленія подробной ея исторіи по архивнымъ документамъ. Въ 1874 году вышелъ первый томъ этой исторіи, и съ тѣхъ поръ Михаилъ Ивановичъ посвящалъ ей бóльшую часть времени, остававшагося у него отъ занятій по каѳедрѣ русской словесности въ здѣшнемъ университетѣ. Выпуски слѣдовали одинъ за другимъ, и въ ны-

нѣшнемъ году явился 8-й и послѣдній томъ этой важной для исторіи русскаго просвѣщенія книги.

Въ предыдущихъ томахъ авторъ излагалъ свой предметъ въ формѣ разсмотрѣнія жизни и дѣятельности членовъ Россійской Академіи, просуществовавшей около 60-ти лѣтъ, отъ 1783 по 1841 годъ. Изданный недавно выпускъ заключаетъ въ себѣ обзоръ главныхъ трудовъ этого учрежденія, и особенно обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ составленія академическаго словаря. Такъ какъ отдѣленіе наше въ настоящее время занято подобнымъ же трудомъ, то этотъ томъ представляетъ для насъ много поучительныхъ указаній, которыми мы и не преминемъ воспользоваться, но для большинства читателей особенно интересенъ общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ относительно значенія Россійской Академіи:

„Болѣе нежели полувѣковое существованіе Россійской Академіи", говоритъ онъ,—„не прошло безслѣдно для русской литературы и науки. Къ такому заключенію приводитъ безпристрастное свидѣтельство данныхъ, которыми необходимо руководствоваться при оцѣнкѣ академической дѣятельности.

„Въ основной цѣли Россійской Академіи, въ кругѣ академическихъ занятій и предпріятій обнаруживается то стремленіе къ самосознанію, которое такъ ярко выразилось въ нашей умственной жизни во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Мысль о всестороннемъ изученіи нашего отечества проявилась тогда съ особенною силою. Съ этою цѣлью предпринимаемы были научныя путешествія по различнымъ краямъ Россіи, имѣющія такое важное значеніе въ области естественныхъ наукъ; этой же цѣли должно было служить и изученіе духовной стороны русскаго народа—его языка и его исторіи. Главнѣйшею задачею вновь учреждаемой Академіи полагалось изученіе и разработка отечественнаго языка, а также и отечественной исторіи. Самое названіе: Россійская, данное академіи, какъ бы указывало на ея національное значеніе. Первый періодъ существованія Россійской Академіи ознаменованъ составленіемъ и изданіемъ словопроизводнаго словаря, котораго одного достаточно, чтобы сказать, что академія существовала не даромъ (стр. 366). Она добросовѣстно исполнила свою задачу и проложила путь для дальнѣйшихъ работъ на открытомъ ею поприщѣ. Какъ велико было сочувствіе къ Россійской Академіи въ кругу ученыхъ и писателей, можно судить по дѣятельному участію въ трудахъ ея такихъ представителей литературы и науки, какъ Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ, Озерецковскій и др. Литературный органъ, получившій историческое значеніе — „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова"—издавался членами Россійской Академіи; на страницахъ его помѣщались статьи, представляемыя въ Россійскую Академію и читанныя въ ея засѣданіяхъ.

„Тяжелая пора настала для Академіи со смертью ея основательницы императрицы Екатерины II, принимавшей непосредственное участіе въ академическихъ трудахъ. Ссылка президента (кн. Дашковой) и явное нерасположеніе власти къ учено-литературному обществу, учрежденному Екатериною II,

служили какъ бы подтвержденіемъ тревожныхъ ожиданій. Съ воцареніемъ Императора Александра I судьба Россійской Академіи измѣнилась къ лучшему. Все, отнятое у Академіи, было ей возвращено. Но зданіе было уже расшатано, и для возстановленія его требовалось много такихъ усилій, которыя были не по силамъ людямъ, желавшимъ призвать академію къ новой жизни. Многіе изъ дѣятелей Екатерининской эпохи сошли въ могилу; не было въ живыхъ ни Фонвизина, ни Лепехина, ни Болтина; княгиню Дашковой не могъ замѣнить Нартовъ, назначенный президентомъ. Преемникъ Нартова Шишковъ сдѣлался полнымъ властелиномъ Академіи; его воззрѣнія, его сочувствія, даже его литературные предразсудки находили вѣрный отголосокъ въ сужденіяхъ и приговорахъ Россійской Академіи. Вслѣдствіе этого Академія представлялась постороннему наблюдателю не столько учено-литературнымъ обществомъ, безпристрастно оцѣнивающимъ заслуги писателей, сколько литературною партіей, почтительно повторявшею мнѣнія своего руководителя.

„Не смотря однакоже на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, Россійская Академія продолжала приносить свою посильную пользу. Для вѣрнаго вывода въ этомъ отношеніи необходимо припомнить, что Россійская Академія принимала на себя обязанности, которыя впослѣдствіи были раздѣлены между нѣсколькими учрежденіями. Работая надъ словаремъ, расположеннымъ по азбучному порядку, составившимъ славу Академіи во второй періодъ ея существованія; издавая, одинъ за другимъ, четыре учено-литературныхъ журнала, Академія занималась вмѣстѣ съ тѣмъ переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій; издала на свои средства нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской литературы и науки; составляла и издавала учебныя книги; оказывала поддержку нуждающимся писателямъ, и т. д. На пособіе писателямъ и на снабженіе едва возникавшихъ тогда мѣстныхъ библіотекъ въ различныхъ краяхъ Россіи, Академія употребила около семидесяти тысячъ. Замѣтимъ, что въ тѣ времена нуждающіеся писатели находили единственную поддержку въ Россійской Академіи: она шла имъ на помощь, выдавая имъ значительныя денежныя суммы, подписываясь на нѣсколько сотъ экземпляровъ издаваемыхъ сочиненій, или же печатая на свой счетъ и предоставляя все изданіе въ пользу автора.

„Нельзя забыть также, что Россійской Академіи принадлежитъ починъ въ литературномъ сближеніи съ славянскимъ міромъ. Среди всеобщаго равнодушія къ славянству, Россійская Академія заговорила о необходимости изучать родственныя намъ славянскія нарѣчія, объ изданіи памятниковъ языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ, и т. п. Россійская Академія приглашала въ свою среду выдающихся славянскихъ ученыхъ и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянскими учено-литературными обществами и съ замѣчательнѣйшими изъ представителей науки и литературы славянъ, съ Добровскимъ, Копитаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкою, Караджичемъ, и др. Не мало научныхъ трудовъ на пользу славянства появилось въ свѣтъ, только благодаря щедрымъ пособіямъ со стороны Россійской Академіи; она же давала славянскимъ ученымъ и писателямъ весьма значительныя средства для собиранія и изданія памятниковъ устной и письменной словесности, для этнографическаго изученія славянскаго міра, и т. п.

„Но вмѣстѣ съ свѣтлыми сторонами въ академической дѣятельности были и темныя стороны. Главное ея несчастіе заключалось въ томъ, что она не была предоставлена самой себѣ и не имѣла свободы выбора. Шишковъ распоряжался въ ней полновластнымъ хозяиномъ и вербовалъ своихъ единомышленниковъ, будучи наивно увѣренъ, что они-то и составляютъ настоящее украшеніе литературы. Отсутствіе талантовъ подрывало авторитетъ Академіи, и можно ли было довѣрять ея приговорамъ, когда она упорно молчала о Лермонтовѣ, а нѣкоторое время даже о Пушкинѣ, и превозносила поэтическія дарованія Бориса Өедорова и князя Шихматова.

„Долго, чрезвычайно долго господствовало въ Академіи подобное недоразумѣніе; но оно должно было рано или поздно уступить мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ писателей. Избраніе Карамзина, Пушкина и Жуковскаго въ члены Россійской Академіи помирило съ нею общественное мнѣніе и наглядно показало, что она не желаетъ плыть противъ теченія и отрицать таланты, которые составляютъ дѣйствительную красу и славу отечественной литературы.

„Пушкинъ признавалъ, что Россійская Академія принесла истинную пользу нашему прекрасному языку, и можетъ, если захочетъ, ободрить и оживить нашу словесность. Краснорѣчивымъ приговоромъ надъ дѣятельностью Русской Академіи могутъ служить отзывы современниковъ, высказанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ закрытія Россійской Академіи, то-есть, преобразованія ея во второе отдѣленіе Академіи Наукъ".

Объ этомъ обстоятельствѣ трудъ М. И. Сухомлинова въ первый разъ сообщаетъ точныя и полныя свѣдѣнія:

„Вліяніе Шишкова, господствовавшее въ академической жизни и дѣятельности, продолжалось до самой смерти Шишкова. Со смертью его прекратилось и существованіе Россійской Академіи. Докладывая государю, что президентъ Россійской Академіи Шишковъ скончался въ ночь съ 9-го на 10-е апрѣля 1841 года, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ присовокупилъ, что впредь до дальнѣйшаго повелѣнія онъ принялъ Россійскую Академію въ непосредственное свое управленіе. Императоръ Николай Павловичъ написалъ на этомъ докладѣ, 11-го апрѣля 1841 года: „Представьте Мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ". Вслѣдствіе этого Уваровъ представилъ свой проектъ, по которому вмѣсто двухъ Академій предполагалось три подъ однимъ названіемъ: Императорскія соединенныя Академіи, а именно: 1) Академія наукъ, въ кругъ которой входятъ науки математическія и естественныя; 2) Академія русской словесности, или Славяно-русская академія, и 3) Академія исторіи и филологіи. Государь повелѣлъ, чтобы подъ общимъ названіемъ Императорской Академіи Наукъ состояло три отдѣленія. Для составленія устава Академіи Наукъ, съ которою соединялась Россійская Академія, учрежденъ былъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Академіи Наукъ князя Дондукова-Корсакова, изъ членовъ: со стороны Россійской Академіи—Востокова и Языкова, со стороны Академіи Наукъ—Френа и Фуса. Составленный этимъ комитетомъ проектъ академическаго устава представленъ въ министерство въ началѣ августа 1841 года; но до октября дѣлу не было дано дальнѣйшаго движенія. На докладѣ о медали, выбитой на пятидесятилѣтіе Россійской Академіи, государь написалъ: „Пора

кончить съ дѣломъ Академіи: Я все жду". Слова эти написаны 14-го октября 1841 года, а на другой день, 15-го октября того же года, Уваровъ представилъ государю доклады о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ и объ утвержденіи академиковъ и адъюнктовъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Причина замедленія заключалась, по словамъ Уварова, въ томъ, что дѣло Россійской Академіи, совсѣмъ оконченное, находилось въ числѣ дѣлъ, о которыхъ онъ надѣялся доложить лично, но болѣзнь воспрепятствовала. 19-го октября 1841 года государь утвердилъ положеніе объ этомъ отдѣленіи русскаго языка и словесности. Въ первомъ параграфѣ положенія говорится: „Императорская Россійская Академія присоединяется къ Императорской Академіи Наукъ въ видѣ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности. Вслѣдствіе сего вся собственность первой, состоящая въ зданіяхъ, денежныхъ суммахъ и другихъ принадлежностяхъ, обращается въ составъ имущества послѣдней".

Изъ подробностей о ходѣ составленія Россійскою Академіей двухъ ея словарей могу привести здѣсь только самое существенное. Немедленно по учрежденіи своемъ, въ концѣ 1783 года, она приступила къ изготовленію словаря этимологическаго или словопроизводнаго и успѣла окончить этотъ обширный трудъ, состоящій изъ 6-ти томовъ, въ теченіе 11-ти лѣтъ, именно въ 1794 году. Ея словарь, по словамъ М. И. Сухомлинова, является общимъ академическимъ трудомъ, не только по названію, но и въ дѣйствительности, и принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ, появившихся у насъ въ концѣ XVIII столѣтія. Особенно дѣятельное участіе въ его составленіи принимали Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ и еще нѣсколько ученыхъ и писателей того времени. Конечно, словопроизводный порядокъ словъ не есть въ практическомъ отношеніи самый удобный для словаря, но онъ значительно облегчаетъ первоначальный трудъ. Поэтому-то и Французская академія первоначально издала словарь этимологическій и, лишь сознавъ неудобство этой системы, предприняла переработку его въ азбучный. Покойный нашъ сочленъ И. И. Срезневскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей славянской филологіи, разсматривая первый словарь Россійской Академіи и находя въ немъ много недостатковъ, говоритъ однакожь:

„Виднѣе всѣхъ несовершенствъ его должно быть для насъ то, что въ немъ въ первый разъ собрана и приведена въ порядокъ громада 43.000 словъ уже не одного книжнаго русско-славянскаго языка, но русскаго общественнаго, простонароднаго, ученаго, техническаго. Сравнивая же этотъ словарь русскій со словарями западно-европейскихъ языковъ того времени, нельзя не согласиться, что очень немногіе составлены лучше, сообразнѣе съ потребностями общими.... Не тѣмъ бы, говорятъ, должна была начать Академія, чѣмъ начала: должна была бы позаботиться болѣе о собираніи и правильномъ и подробномъ объясненіи словъ, чѣмъ о систематизированіи ихъ по кор-

нямъ, предоставивъ хлопоты о словопроизводствѣ на будущее время; но едва ли она могла поступить иначе, сообразно со средствами, которыми могла располагать. Академія знала, что съ помощью однихъ словъ легко припоминать другія слова такого же корня, употребила словопроизводство въ помощь, и едва ли ошиблась въ выборѣ методы, едва ли могла бы сдѣлать свой первый словарь столь обильнымъ, еслибы держалась какихъ-нибудь другихъ правилъ. Что касается ея системы словопроизводства, то сколько ни помогла она смѣлостью знанію, она не выходила, при отличеніи корней, изъ предѣловъ простой наглядности и, слѣдовательно, не могла себя затруднять рѣшеніями сложныхъ этимологическихъ вопросовъ. Приготовивши себѣ „Словаремъ словопроизводнымъ" главную часть матеріала, Академія продолжала свои труды заботами объ умноженіи и объясненіи словъ и черезъ десять лѣтъ по изданіи послѣдней части перваго словаря приступила къ печатанію первой части втораго".

Этотъ второй словарь былъ расположенъ въ азбучномъ порядкѣ. Задача состояла въ приведеніи этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ. Въ обоихъ словаряхъ и опредѣленія словъ, и примѣры—одни и тѣ же, все отличіе заключается весьма часто въ самомъ легкомъ измѣненіи редакціи, сокращеніи числа примѣровъ и и т. под. Второй словарь, начатый въ 1801 году, сталъ появляться въ 1806: тогда вышла его первая часть, шестая же и послѣдняя издана въ 1822 году. Въ составъ его, по словамъ того же академика Срезневскаго, вошло до 52.000 словъ языка книжнаго, стараго и новаго, языка народнаго, равно и термины наукъ, художествъ, и т. д. При словахъ менѣе обыкновенныхъ есть свидѣтельства и ссылки на книги, при словахъ обыкновеннаго разговорнаго языка—выраженія поговорочныя. Словарь не полонъ ни по количеству словъ, ни по отличенію смысловъ словъ; въ немъ не мало и странностей и ошибокъ, но мысль, руководившая составителей, выкупаетъ ошибки, а время составленія ихъ извиняетъ. Азбучный словарь Академіи остается навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій Россійской Академіи.

III.

По примѣру Россійской Академіи, отдѣленіе русскаго языка и словесности первою заботою поставило себѣ изготовленіе новаго, болѣе полнаго и удовлетворительнаго словаря, и черезъ шесть лѣтъ, именно въ 1847 году, издало въ 4 томахъ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка", въ который вошло 115.000 словъ. Уже вскорѣ послѣ появленія этого труда, отдѣленіе, желая заранѣе употребить всѣ средства къ усовершенствованію его въ будущемъ, при-

нялось за приготовительныя къ тому работы; но мало по малу другія занятія отвлекли его вниманіе отъ этой задачи, и только въ минувшемъ году оно имѣло возможность возвратиться къ давно задуманному дѣлу. Въ прошлогоднемъ отчетѣ А. Ѳ. Бычковъ уже сообщилъ, что оно поручено академику Гроту, который съ тѣхъ поръ, при помощи двухъ молодыхъ магистрантовъ, гг. Смирнова и Пѣтухова, уже и успѣлъ вчернѣ обработать слова на 12 первыхъ буквъ. Другія лица приглашены имъ къ выпискѣ примѣровъ изъ лучшихъ писателей; особеннаго упоминанія заслуживаетъ значительное собраніе извлеченій, выписанныхъ г. Шейномъ изъ сочиненій Пушкина. Такимъ образомъ дѣло подвигается хотя и не быстро, но безостановочно, на сколько это позволяютъ другія, лежащія на предсѣдательствующемъ обязанности по отдѣленію. Существенное отличіе будущаго изданія академическаго словаря отъ прежнихъ заключается въ томъ, что это будетъ словарь собственно русскаго языка. Въ эпоху составленія первоначальнаго словаря, да и при позднѣйшей переработкѣ его, вовсе еще не было особыхъ словарей церковно-славянскаго языка; самое понятіе объ отдѣльномъ отъ него существованіи русскаго языка не было вполнѣ выяснено. Теперь же, когда мы имѣемъ словари Востокова и Миклошича, нѣтъ уже надобности мѣшать въ одномъ и томъ же лексиконѣ два разныя нарѣчія; само собою разумѣется, однако, что изъ русскаго словаря не могутъ быть исключаемы тѣ церковно-славянскія слова, которыя пріобрѣли право гражданства въ русскомъ или получили общую извѣстность изъ исторіи. Даже и старинныя русскія, но малоизвѣстныя слова предполагается исключить изъ словаря на томъ основаніи, что въ настоящее время отдѣленіе печатаетъ Древне-русскій словарь, составленный академикомъ И. И. Срезневскимъ. Приведенный въ порядокъ дочерью покойнаго, Ольгою Измайловною, онъ печатается, при ея участіи въ окончательной редакціи, подъ наблюденіемъ академика Бычкова.

Печатаніе Литовско-русскаго словаря, оставленнаго въ рукописи покойнымъ И. В. Юшкевичемъ, продолжалось подъ надзоромъ профессора Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатова.

Академикъ А. Н. Веселовскій, продолжая свои изслѣдованія по исторіи романа и повѣсти, напечаталъ въ академическомъ изданіи обширное приложеніе къ прежнему труду, подъ заглавіемъ: „Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ“. Поводомъ къ этой работѣ послужила сообщенная ему румынскимъ ученымъ, д-ромъ Гастеромъ, любопытная еврейская Александрія XII вѣка, бросающая

новый свѣтъ на литературную исторію Псевдокаллисѳена въ средневѣковой Европѣ и у славянъ. Главные результаты этой работы были изложены авторомъ въ Giornale storico della letteratura italiana, t. IX, по поводу отчета о книгѣ Paul Meyer'a: Alexandre le Grand dans la littérature francaise du moyen âge (Paris, 1886, 2 vol.). Второй томъ изслѣдованій по исторіи романа и повѣсти посвященъ троянской притчѣ и бѣлорусскимъ повѣстямъ, найденнымъ въ одномъ познанскомъ сборникѣ XVI вѣка: въ ихъ числѣ единственный экземпляръ русскаго Тристана и древнѣйшая редакція сказки о Бовѣ. Текстъ познанскихъ повѣстей уже отпечатанъ, отрывки изслѣдованія о нихъ явились на страницахъ Журнала Мин. Народн. Просв. („Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ и Бовѣ въ познанской рукописи XVI вѣка"). Общій выводъ, получаемый изъ сравнительнаго разбора текстовъ, позволяетъ выдѣлить въ исторіи спеціально-русскихъ повѣстей особую ихъ группу, посредствующую между древнею, слѣдовавшею византійскимъ образцамъ, и позднѣйшею, приходившею съ запада черезъ Польшу, тогда какъ тѣ же западныя, ближе—италіанскія вліянія, оказывается, достигали насъ и раньше при посредствѣ переводовъ съ сербскаго. Для исторіи литературнаго усвоенія западныхъ идей и рыцарскихъ понятій на почвѣ славянства тексты, объединенные авторомъ подъ названіемъ „Славяно-романскихъ повѣстей", даютъ не безынтересный матеріалъ.

Къ той же литературной области относится и другая работа академика Веселовскаго, явившаяся недавно въ академическомъ изданіи подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка. M-me d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite, и лубочныя сказки о принцѣ Адольфѣ". Послѣдняя оказывается неумѣлымъ сокращеніемъ перевода, сдѣланнаго въ половинѣ прошлаго столѣтія, одного эпизода изъ упомянутаго романа m-me d'Aulnoy.

Другія работы и отчеты академика Веселовскаго печатались въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Вѣстникѣ Европы и въ Archiv für slavische Philologie.

Академикъ И. В. Ягичъ, къ сожалѣнію, могъ только издали участвовать въ занятіяхъ отдѣленія, на сколько ему позволяло свободное время, которое въ первый годъ его дѣятельности при Вѣнскомъ университетѣ было по необходимости ограничено. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ начатые въ Россіи труды и въ дополненіе къ изданной имъ здѣсь перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ печаталъ корреспонденцію разныхъ западно-славянскихъ филологовъ-слави-

стовъ то между собою, то съ русскими современниками, какъ важный источникъ для будущей исторіи славянской науки. Кромѣ того онъ предпринялъ новый, цѣнный въ этомъ же смыслѣ трудъ, который долженъ будетъ представить въ одномъ цѣломъ все то, что̀ въ теченіи прошлыхъ столѣтій высказывалось о церковно-славянскомъ языкѣ у южныхъ славянъ и у насъ, въ Россіи въ видѣ разсужденій о языкѣ, о правописаніи, о задачахъ переводовъ на славянскій языкъ съ греческаго и т. п. Для изученія этого вопроса нашъ сочленъ пріѣзжалъ лѣтомъ нынѣшняго года въ Петербургъ и въ Москву и затѣмъ представилъ въ отдѣленіе докладную о томъ записку, въ которой говоритъ между прочимъ:

„Церковно-славянскій языкъ, какъ о̀рганъ духовной жизни громаднаго большинства славянскихъ народовъ, занималъ у нихъ въ продолженіе многихъ столѣтій такое же положеніе, какое выпало на долю латинскаго въ средніе вѣка западной Европы. Поэтому, надо полагать, онъ долженъ былъ быть усердно изучаемъ. Но это изученіе шло безгласно, преимущественно путемъ практическаго усвоенія словъ, выраженій и оборотовъ, попадающихся въ церковныхъ книгахъ. Изъ столѣтія въ столѣтіе передавался этотъ языкъ по книгамъ. Иногда, хотя вообще довольно рѣдко, слышатся также и теоретическіе отзывы о церковно-славянскомъ языкѣ: то разсуждается о значеніи его на ряду съ греческимъ и латинскимъ, при чемъ усердно отстаиваются права его, то выставляется трудность задачи переводить съ греческаго на славянскій языкъ, наконецъ дѣлаются попытки пониманія этого языка посредствомъ различныхъ объясненій и словотолкованій, или же замѣтно стараніе обезпечить исправное примѣненіе его въ письменности путемъ правилъ орѳографическихъ и грамматическихъ. Мало, слишкомъ мало вниманія обращалось до сихъ поръ на эту сторону церковно-славянскаго языка: ее обходили молчаніемъ, какъ будто бы она не существовала или не имѣла для нашего времени никакого болѣе значенія. Но такой взглядъ былъ бы не совсѣмъ вѣренъ. То, что̀ въ теченіе многихъ столѣтій продолжало быть предметомъ теоретическаго обсужденія, что̀ служило руководствомъ для людей грамотныхъ при передачѣ „божественнаго“ писанія, не можетъ и не должно быть чуждо нашимъ научнымъ интересамъ. Мы должны познакомиться съ этими теоріями, потому что онѣ важны для оцѣнки воззрѣній стараго времени, господствовавшихъ впрочемъ еще недавно (при обученіи грамотѣ нашихъ дьячковъ); онѣ дадутъ намъ ключъ къ уразумѣнію различныхъ тонкостей, довольно искусственныхъ по своему характеру, но строго соблюдаемыхъ въ рукописяхъ церковнаго письма въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ“.

Изучая этотъ предметъ по южно-славянскимъ и русскимъ рукописямъ, академикъ Ягичъ убѣдился, что подобрать весь этотъ матеріалъ въ одно цѣлое представило бы для исторіи церковно-славянскаго языка трудъ очень полезный. Вотъ почему онъ и взялся за это дѣло и успѣлъ уже приготовить часть его, именно ту, которая

составитъ первую половину сборника, задуманнаго имъ подъ заглавіемъ: „Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ“. Цѣлое изданіе по плану, указанному самимъ содержаніемъ, должно состоять изъ двухъ частей: грамматической и лексической.

Журнала Archiv für slavische Philologie, издаваемаго И. В. Ягичемъ въ Берлинѣ, вышелъ X томъ при участіи въ немъ, кромѣ нашего сочлена, какъ редактора, еще многихъ другихъ спеціалистовъ-филологовъ, въ числѣ которыхъ всегда есть и русскіе ученые.

IV.

Двумя изъ членовъ Отдѣленія собраны въ настоящемъ году нѣкоторыя изъ прежде изданныхъ ими статей.

Подъ заглавіемъ „Народная поэзія“ академикъ Ѳ. И. Буслаевъ напечаталъ томъ своихъ монографій, относящихся къ изслѣдованію древнихъ памятниковъ народнаго творчества въ стихотворной формѣ и остававшихся до сихъ поръ разсѣянными въ разныхъ журналахъ. Хотя большая часть этихъ статей въ первый разъ появилась около четверти вѣка тому назадъ, но всѣ онѣ составляютъ результатъ такого основательнаго изученія русской старины и народности, что и теперь еще не утратили своего достоинства и интереса. Въ краткомъ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что господствующая въ нихъ точка зрѣнія устарѣла, что ученіе о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которое онъ проводилъ въ этихъ монографіяхъ, уступило мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Нельзя однакожь не замѣтить, что и г. Буслаевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ русской народности, благодаря обширному знакомству съ западно-европейскими произведеніями народной словесности, безпрестанно находитъ въ нихъ аналогіи съ памятниками русскаго эпоса и удачно пользуется сравнительнымъ методомъ для объясненія въ послѣднихъ того, что иначе оставалось бы непонятнымъ. Первое мѣсто и по обширности, и по значенію занимаетъ въ этомъ сборникѣ статья, озаглавленная „Русскій богатырскій эпосъ“. Какъ образчикъ изслѣдованій академика Буслаева приведу изъ этой статьи любопытное мѣсто относительно распространенности у славянъ почитанія рѣкъ.

„Миѳическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непремѣнно пріурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ осо-

бенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными. Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова, Смородины, не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индоевропейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Сообразуясь съ бытомъ и представленіемъ славянскихъ племенъ, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ.... Разселяясь и садясь по рѣкамъ, славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть, вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ, рѣки Сава, Драва, Одра или Одеръ, Ра, Уна, Донъ, Дунай, древнѣйшаго индоевропейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индоевропейскихъ корней, въ большей части сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей арійской родины въ Европу, вынесли съ собою общее индоевропейское имя рѣки вообще дуни, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у осетинъ формы дун и дон означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у славянъ Донъ получило смыслъ собственнаго имени, а форма дун, съ окончаніемъ авъ, именно Дунавъ, и потомъ Дунай имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ, напримѣръ, поется въ одной польской пѣснѣ: За рѣками... за Дунаями. Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей. По мѣрѣ того, какъ нарицательныя имена Донъ, Дунай, Днѣпръ, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой собственный, индивидуальный характеръ, въ памяти и воображеніи славянскихъ племенъ все болѣе и болѣе оказывалась потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, то-есть, олицетворить въ опредѣленной формѣ человѣческаго образа“.

Такимъ образомъ г. Буслаевъ часто прибѣгаетъ къ пособію филологіи для своихъ выводовъ относительно вѣрованій и преданій народныхъ. О самомъ словѣ богатырь, какъ названіи героя эпическихъ сказаній, мы находимъ въ разсматриваемой статьѣ слѣдующее объясненіе:

„Слово богатырь особенно распространено въ русской народной поэзіи Кромѣ поляковъ, ни у кого изъ прочихъ славянскихъ племенъ его нѣтъ. Вмѣсто его употребляютъ то юнакъ, то грдина, то какое-нибудь другое ре-

ченіе. Въ древнерусской письменности до самыхъ татаръ слово богатырь не встрѣчается, и самая мысль о героѣ, какъ кажется, не имѣла для себя въ языкѣ установившейся, одной, опредѣленной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать богатырь, мы читаемъ то кметъ (въ Словѣ о полку Игоревѣ), то витязь (въ Лѣтописи Переяславск.), то просто мужъ, воинъ, храбрый и др. Далѣе, въ позднѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ богатыремъ, какъ бы въ дополненіе мысли, употребляются удалецъ, рѣзвецъ (въ Рязанск. повѣсти объ Евпатіи Коловратѣ). Только со временъ татаръ и первоначально — сколько мнѣ извѣстно — только о татарскихъ воеводахъ стало у насъ употребляться слово богатырь, и что̀ особенно важно, какъ варіантъ формы багатуръ (монгольск. baghatur). А именно въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи (XIV—XV в.), подъ 1240 г. между Батыевыми воеводами встрѣчаемъ: „Се бѣдяй (вар. Себедяй) богатуръ и бурундай богатуръ". При этомъ реченіи варіанты: багатырь и богатырь. Далѣе, тамъ же, подъ 1243 г., читаемъ, какъ къ князю Даніилу въ Холмъ прибѣжалъ половчанинъ Актай и говорилъ: „Батый воротился есть изо Угоръ, и отрядилъ есть на тя два богатыря возъискати тебѣ, Монъ-мана и Балаа". Ясно, что слово богатырь, по монгольскому обычаю, употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ въ видѣ титула при собственныхъ именахъ".

Другое изданное Отдѣленіемъ собраніе статей академика Грота вызвано было чествованіемъ въ началѣ года памяти Пушкина по поводу исполнившагося тогда пятидесятилѣтія со дня его кончины. Книга носитъ названіе: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", но заключаетъ въ себѣ и нѣсколько статей, относящихся къ позднѣйшимъ эпохамъ изъ жизни поэта. Этотъ небольшой сборникъ и начинается рѣчью, произнесенною составителемъ его въ Александровскомъ лицеѣ 29-го января. Отдѣленіе не могло не откликнуться на выраженное во всѣхъ концахъ Россіи желаніе воспользоваться случаемъ, чтобы почтить память великаго поэта. Въ ознаменованіе этихъ поминокъ и былъ предпринятъ трудъ, посвященный дорогой отечеству славѣ.

Исполнившееся въ этомъ же году столѣтіе со дня рожденія другаго даровитаго и высоко-цѣнимаго потомствомъ писателя, К. Н. Батюшкова, послужило поводомъ къ торжественному засѣданію отдѣленія, соединившему въ стѣнахъ Академіи многочисленную и блестящую публику. Произнесенныя въ этомъ собраніи академикомъ Гротомъ и корреспондентомъ нашимъ Л. Н. Майковымъ рѣчи уже напечатаны.

Въ нынѣшнемъ же году праздновался пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности члена-корреспондента Академіи Наукъ Я. П. Полонскаго. Отдѣленіе поставило себѣ въ особенное удовольствіе принять участіе въ этомъ единодушномъ чествованіи любимаго русскимъ обществомъ таланта и привѣтствовало Якова Петровича

адресомъ. Позднѣе отдѣленіе пригласило г. Полонскаго въ члены коммиссіи по конкурсу на Пушкинскія преміи, и въ знакъ благодарности Академіи за оказанное ей въ этомъ случаѣ содѣйствіе присудило ему золотую Пушкинскую медаль.

V.

Изъ принадлежащихъ постороннимъ ученымъ трудовъ, изданіе которыхъ отдѣленіе приняло на себя и которые въ истекающемъ году печатались, слѣдуетъ упомянуть:

1. Издаваемый подъ наблюденіемъ академика Бычкова „Бѣлорусскій сборникъ" П. В. Шейна, собраніе народныхъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Въ 1887 году появился первый обширный томъ этого собранія; продолженіе печатается.

2. „Описаніе Черногоріи", составленное на мѣстахъ извѣстнымъ путешественникомъ П. А. Ровинскимъ. Географическій и этнографическій отдѣлы этого описанія уже окончены печатаніемъ; теперь идетъ часть историческая.

3. Біографія одного изъ дѣятелей Академіи Наукъ въ прошломъ столѣтіи, натуралиста Эрика Лаксмана, составленная на шведскомъ языкѣ профессоромъ Лагусомъ и издаваемая въ русскомъ переводѣ г. Паландера.

Два послѣдніе труда печатаются подъ наблюденіемъ академика Грота, а такъ какъ для вѣрной передачи подлинника біографіи Лаксмана необходимы, сверхъ знанія языковъ, спеціальныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, то въ просмотрѣ печатаемаго перевода принимаютъ постоянное участіе члены физико-математическаго отдѣленія, гг. академики А. В. Гадолинъ и К. И. Максимовичъ.

Въ 1883 году, по просьбѣ вдовы профессора А. А. Котляревскаго и на пожертвованныя ею средства учреждена при Академіи Наукъ премія имени Котляревскаго за лучшія изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи. Въ то же время отдѣленіе, цѣня заслуги покойнаго по разработкѣ русской и славянской старины, опредѣлило, согласно желанію г-жи Котляревской, напечатать собраніе трудовъ его, помѣщенныхъ большею частью въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Нынѣ эти труды, по просмотрѣ ихъ отдѣленіемъ, приведены въ хронологическій порядокъ, и въ наступающемъ году предположено приступить къ печатанію ихъ.

Въ заключеніе мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ предпріятіи отдѣленія. По окончаніи „Исторіи Россійской Академіи", М. И. Сухомлиновъ заявилъ о своей готовности заняться изданіемъ „Полнаго собранія сочиненій Ломоносова", какъ трудомъ, давно признаваемымъ одною изъ задачъ Академіи. По представленной г. Сухомлиновымъ программѣ, предполагается напечатать всѣ безъ исключенія сочиненія и письма Ломоносова по подлиннымъ рукописямъ, если таковыя сохранились, въ хронологическомъ порядкѣ, и съ примѣчаніями, объясняющими, по какому поводу каждое сочиненіе было написано и гдѣ впервые напечатано; въ составъ изданія войдетъ и біографія Ломоносова. Отдѣленіе, выразивъ живѣйшее сочувствіе къ этому предпріятію, о которомъ оно давно уже помышляло, вполнѣ одобрило изложенную программу. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно опредѣлило обратиться ко всѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ могутъ находиться матеріалы этого рода, въ особенности же частныя письма Ломоносова, съ просьбою не отказать въ сообщеніи подобныхъ документовъ, какъ бы незначительны ни оказались они, на время въ Академію, адресуя: „Въ отдѣленіе русскаго языка и словесности". Каждый такой документъ будетъ тщательно сбереженъ и по минованіи надобности возвращенъ владѣльцу въ полной сохранности. Отдѣленіе ласкаетъ себя надеждою, что предпріятіе это будетъ сочувственно встрѣчено всѣми просвѣщенными соотечественниками, и что русское общество охотно окажетъ Академіи содѣйствіе къ успѣшному его исполненію.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ 1886 ГОДУ.

Наличный составъ штатныхъ преподавателей въ университетѣ св. Владиміра къ 1-му января 1887 года былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 5, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3, итого 13; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ 2, астрономъ-наблюдатель 1, итого 15; на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 4; экстраординарныхъ 2, итого 6; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 14, экстраординарныхъ 5, прозекторовъ 4, итого 23. Всего штатныхъ преподавателей состояло: ординарныхъ профессоровъ 35, экстраординарныхъ 14, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3, астрономъ-наблюдатель 1, прозекторовъ 4, итого 57. Сверхштатныхъ профессоровъ было 9, по каѳедрамъ: богословія, оперативной хирургіи, чистой математики, теоріи и исторіи искусствъ, гражданскаго права, государственнаго права, финансоваго права, энциклопедіи права и исторіи философіи права, и терапевтической факультетской клиники. Приватъ-доцентовъ состояло 28, въ томъ числѣ: 4 по классической филологіи, 3 по хирургической патологіи, по 2 по терапевтической клиникѣ и по дѣтскимъ болѣзнямъ, и по одному—по русской словесности, русской исторіи, церковной исторіи, агрономіи, зоологіи, уголовному праву, церковному праву, политической экономіи и статистикѣ, оперативной хирургіи, общей хирургіи, акушерству и женскимъ болѣзнямъ, теоретической хирургіи, физіологіи, фармаціи и фармакогнозіи, судебной химіи, медицинской химіи и чистой математикѣ. Сравнительно съ 1885 годомъ, въ 1886 году было болѣе 3 ординарныхъ профессоровъ и 8 приватъ-

доцентовъ и менѣе однимъ экстраординарнымъ профессоромъ. До положеннаго по дѣйствующему уставу и штату числа лицъ недостаетъ: 5 ординарныхъ профессоровъ, 9 экстраординарныхъ, 1 лектора и двухъ прозекторовъ. Нѣкоторые изъ экстраординарныхъ профессоровъ, занимая каѳедры, не имѣли ученой степени доктора, такихъ профессоровъ состояло 6.

Изъ числа положенныхъ по дѣйствующему университетскому уставу каѳедръ оставались незамѣщенными слѣдующія 11: по историко-филологическому факультету—церковной исторіи и географіи и этнографіи, по физико-математическому — агрономіи, по юридическому—церковнаго права, политической экономіи и статистики, торговаго права, энциклопедіи права, финансоваго права; по медицинскому—фармаціи и фармакогнозіи, частной патологіи и терапіи, хирургической патологіи съ десмургіей и ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, исторіи и энциклопедіи медицины. Изъ поименованныхъ 11 каѳедръ 6 поручены были преподавателямъ другихъ предметовъ, а по остальнымъ 5-ти, именно: географіи и этнографіи, финансоваго права, частной патологіи и терапіи, хирургической патологіи и исторіи и энциклопедіи медицины, преподаваніе вовсе не производилось.

Въ теченіе 1886 года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій — 16, физико-математическій — 20, юридическій—23, медицинскій—16. Въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка ихъ преподаванія, сравнительно съ 1885 годомъ, сдѣланы были измѣненія соотвѣтственно съ проектами учебныхъ плановъ и указаній министерства. Способы контроля за научными занятіями студентовъ заключались, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: а) производились бесѣды преподавателей по предметамъ ихъ чтеній, б) практическія занятія по основнымъ и главнымъ предметамъ, а также въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, в) репетиціи по всѣмъ предметамъ, г) требовались обязательныя домашнія чтенія по указаніямъ преподавателей, д) обязательное участіе въ репетиціяхъ по всѣмъ выслушаннымъ предметамъ, е) обязательное исполненіе каждымъ студентомъ письменныхъ работъ. Сверхъ того, въ концѣ семестровъ, производились повѣрочныя испытанія студентовъ всѣхъ факультетовъ по предметамъ, прослушаннымъ въ теченіе семестра.

Для соисканія наградъ медалями въ 1886 году предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета—„Очеркъ исторіи Волынскаго княжества“, „Русская школьная драма XVII—XVIII вѣковъ“, „Гайдуки и гайдучество по юнацкимъ

пѣснямъ сербовъ и болгаръ", „О поэтикѣ Аристотеля", „Аграрный вопросъ при Гракхахъ"; отъ физико-математическаго—„Сдѣлать возможно большее число опредѣленій физическихъ свойствъ различныхъ изомеровъ или представителей какой-либо группы органическихъ соединеній", „Анатомическое строеніе цвѣточныхъ органовъ", „Изучить растенія мѣстной флоры въ отношеніи способа ихъ возобновленія и размноженія помощью луковицъ, клубней и корневыхъ шишекъ", „Изложить теорію инваріантовъ, показать приложеніе и значеніе ихъ въ аналитикѣ и геометріи, изложить въ краткомъ очеркѣ исторію развитія теоріи инваріантовъ", „Преобразованіе дифференціальныхъ уравненій къ новымъ перемѣннымъ"; отъ юридическаго—„Имущественныя отношенія между отцомъ и подвластнымъ сыномъ по римскому праву", „О страхованіи имуществъ по русскому законодательству", „Догматическое ученіе о контокоррентѣ", „О подданствѣ и натурализаціи"; отъ медицинскаго—„Сосудодвигательная нервная система. Изложеніе современнаго ученія объ отправленіи этой системы и экспериментально-критическая оцѣнка этого ученія". За представленныя на эти темы сочиненія удостоены медалей: золотыхъ—3 студента (1 историко-филологическаго и 2 юридическаго факультетовъ), серебряныхъ—6 (3 историко-филологическаго и 3 медицинскаго факультетовъ). Съ тою же цѣлью назначены на 1887 годъ темы: историко-филологическимъ факультетомъ —„О рѣчи Плавта", „De syntaxi congruentiae Tacitea", „Характеристика церковно-политическихъ воззрѣній Григорія VII на основаніи его регистра", „Эстетическія воззрѣнія Шиллера" и „О подражательномъ характерѣ и греческомъ элементѣ у Римлянъ-элегиковъ"; физико-математическимъ—„Сдѣлать возможно-большее число опредѣленій физическихъ свойствъ изомеровъ или представителей какой-либо группы органическихъ соединеній", „Анатомическое строеніе цвѣточныхъ органовъ", „Преобразованіе дифференціальныхъ уравненій къ новымъ перемѣннымъ" и „Изложить теорію инваріантовъ, показать приложеніе и значеніе ихъ въ аналитикѣ и геометріи; изложить въ краткомъ очеркѣ исторію развитія теоріи инваріантовъ"; юридическимъ—„Имущественныя отношенія между отцомъ и подвластнымъ сыномъ по римскому праву", „Русскія земскія учрежденія сравнительно съ западно-европейскими" и „Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства по сравненію ихъ съ уставными грамотами Московскаго государства"; медицинскимъ — „Изслѣдовать дѣйствіе уретона на центральную нервную систему и сердце", „О

развитіи сѣменныхъ тѣлъ у позвоночныхъ животныхъ" и „Причины смерти у животныхъ при устраненіи перспираціи значительныхъ участковъ кожи посредствомъ лакированія". Сверхъ медалей въ 1886 году присуждена одна денежная премія въ 100 руб. имени Н. И. Пирогова студенту 8-го семестра Андріяшеву за сочиненіе, написанное на заданную историко-филологическимъ факультетомъ тему: „Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV вѣка", удостоенное и золотой медали.

Преподаватели университета св. Владиміра, независимо отъ исполненія служебныхъ обязанностей, издали отдѣльными книгами или помѣстили въ періодическихъ изданіяхъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессора—В. А. Караваевъ издалъ отдѣльнымъ выпускомъ и помѣстилъ въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Оперативную хирургію съ атласомъ", В. С. Иконниковъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Новые матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго" и „Сборникъ изслѣдованій и очерковъ"; Ѳ. Я. Фортинскій въ томъ же изданіи помѣстилъ статьи: „Новое изданіе произведеній Григорія Турскаго" и „Научно-издательская дѣятельность Георга Вайца"; В. Б. Антоновичъ напечаталъ въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда „Изслѣдованіе о скальныхъ пещерахъ на берегахъ Днѣпра"; И. В. Лучицкій помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV—XV в."; Н. П. Дашкевичъ въ тѣхъ же Извѣстіяхъ напечаталъ статью; „Кіевъ по нѣкоторымъ произведеніямъ древне-сѣверской поэзіи" и, по порученію Академіи Наукъ, составилъ рецензію на книгу профессора Петрова: „Очерки украинской литературы XIX вѣка"; Ю. А. Кулаковскій помѣстилъ статьи: въ Русскомъ Вѣстникѣ— „Современное состояніе англійскихъ университетовъ" и въ Журналѣ Мин. Нар. Прос.—а) „Новыя книги по исторіи Римской имперіи", „Ученыя пособія по классической филологіи" и „Надписи Черноморскаго побережья"; П. П. Алексѣевъ приготовилъ къ печати „Анализъ газовъ" и напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Матеріалы для исторіи химической лабораторіи университета св. Владиміра" и „Обзоръ русской химической литературы за 1885 годъ" и въ Бюллетеняхъ Парижскаго Химическаго Общества—„Sur la constitution des combinaisons nitrics de la série grasse"; О. В. Баранецкій помѣстилъ въ Запискахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей статью „Утолщеніе стѣнокъ паренхимы"; О. О. Эйхельманъ въ Archiv für öffentlicher Recht статью „Das Kaiserl. russische Thron-

folge-und-Hausgesetz"; Л. Н. Казанцевъ началъ печатаніе „Избранныхъ мѣстъ изъ источниковъ римскаго гражданскаго права", Д. Г. Тальбергъ помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ: „О поврежденіи имущества по проекту уголовнаго уложенія" и „О похищеніи имущества по проекту уголовнаго уложенія"; Ѳ. Ѳ. Эргардтъ напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Судебно-медицинская экспертиза объ убійствѣ Сарры Беккеръ" и въ газетѣ Кіевлянинъ—„Наука и ея примѣненіе на судѣ"; В. А. Бецъ помѣстилъ: въ Дневникѣ съѣзда хирурговъ въ С.-Петербургѣ—„О взаимномъ соотношеніи различныхъ частей скелета" и „Таблицу опредѣленія возраста въ различное время жизни", въ Кіевлянинѣ—„О минеральныхъ водахъ" и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Систематическій курсъ исторіи развитія скелета человѣка"; С. И. Чирьевъ напечаталъ въ Central-blatt für d. Medin. Wissenschaft статью: „Zur Physiologie der Schieldrüse"; Г. Н. Минхъ продолжалъ печатаніе своихъ изслѣдованій: „Проказа на югѣ Россіи", Г. Е. Рейнъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ рѣчь, читанную на торжественномъ актѣ университета въ 1886 году, и редактировалъ переводъ сочиненія Фрича: „Основы патологіи и терапіи послѣродоваго періода"; М. И. Стуковенковъ помѣстилъ въ газетѣ Земская медицина статью: „Къ терапіи сифилиса въ сельскомъ населеніи"; П. И. Морозовъ напечаталъ въ Дневникѣ 1-го съѣзда врачей Московско-Петербургскаго Медицинскаго Общества три статьи: „Современное состояніе вопроса о плавленіи пуль въ огнестрѣльныхъ ранахъ", „О значеніи слѣдовъ ожоги при выстрѣлахъ въ упоръ, съ судебно-медицинской точки зрѣнія" и „Образованіе пулями воронокъ въ огнестрѣльныхъ ранахъ. Приватъ-доценты: С. И. Голубевъ издалъ первый выпускъ „Исторіи Кіевской духовной академіи"; В. И. Петръ напечаталъ „Этнографическій очеркъ древней Италіи"; В. К. Сованскій помѣстилъ въ Запискахъ Кіевскаго Общества естествоиспытателей сообщеніе о трехъ новыхъ видахъ р. Сусворъ; Я. Н. Барзиловскій напечаталъ въ томъ же изданіи статью „Вліяніе явленій изомернаго превращенія на теченіе реакцій окисленія ароматическихъ аминовъ"; С. М. Богдановъ помѣстилъ статьи: въ Извѣстіяхъ Петровской академіи—„Minimum поглощенія воды проростающими сѣменами", въ Запискахъ Кіевскаго Общества естествоиспытателей—„Результаты изслѣдованія продажнаго молока въ Кіевѣ", въ журналѣ Земледѣліе—„О фосфорнокислыхъ удобреніяхъ" и „Переводъ краткаго руководства къ изслѣдованію почвы, профессора Новицкаго" и въ Запискахъ

Кіевскаго Отдѣленія Техническаго Общества—„Успѣхи культуры сахарной свекловицы"; А. К. Лашкаревъ напечаталъ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи рядъ статей подъ заглавіемъ „Изъ чтеній по церковному праву", выходящихъ отдѣльнымъ выпускомъ подъ заглавіемъ „Право церковное въ его основахъ, формахъ и источникахъ", и редактировалъ печатаемый въ томъ же журналѣ переводъ твореній Блаженнаго Августина; В. А. Добронравовъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ отчетъ о своей лечебницѣ (акушерство и женскія болѣзни); И. В. Троицкій напечаталъ въ газетѣ Врачъ статью „Эпидемическій перипаротитъ. Исторія одной школьной эпидеміи"; Н. А. Роговичъ помѣстилъ въ Centralblatt für d. Medic. Wissenschaften статью „Краткое изложеніе вопроса о значеніи щитовидной железы". Кромѣ того, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ помѣщены напечатанныя и отдѣльными оттисками труды слѣдующихъ профессоровъ: Н. Н. Шиллера—„Элементы ученія объ электричествѣ", М. Ѳ. Хандрикова — „Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями" и „Описательная астрономія", М. Ю. Ващенко-Захарченко — „Аналитическая геометрія" и „Начала теоріи функцій"; А. А. Козлова—журналъ „Философскій трехмѣсячникъ", Н. В. Бобрецкаго—второй выпускъ „Основаній зоологіи", И. Ѳ. Кнауера—„Das Gobhilagrhyasutra. Einleitung, Uebersetzung und Erläuterungen", И. Ѳ. Шмальгаузена—„Флора юго-западной Россіи", М. Ф. Буданова—„Обзоръ исторіи русскаго права", П. П. Цитовича—„Очерки основныхъ понятій торговаго права" и „Вексельное право", А. Я. Антоновича—„Курсъ политической экономіи", А. В. Ходина—2-е изданіе „Руководства по глазнымъ болѣзнямъ".

Въ 1886 году нѣкоторые изъ профессоровъ читали публичныя лекціи, а именно: Алексѣевъ — по химіи, Хронщевскій — о заразныхъ болѣзняхъ вообще и о холерѣ въ особенности, и Сикорскій—о такъ-называемомъ мысленномъ внушеніи и чтеніи мыслей. Первыя изъ этихъ лекцій читались безплатно; сборъ за лекціи Хронщевскаго обращенъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, а за лекціи Сикорскаго—въ пользу недостаточныхъ студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Командированы были съ ученою цѣлью за границу: 10 профессоровъ, 1 прозекторъ и 1 ординаторъ, а профессоръ Шмальгаузенъ былъ командированъ, на лѣтнее вакаціонное время въ Волынскую губернію, для ботаническихъ экскурсій.

Совѣтъ университета св. Владиміра имѣлъ въ теченіе 1886 года 5 засѣданій. Въ числѣ предположеній совѣта заслуживаетъ вниманія

ходатайство его объ учрежденіи на медицинскомъ факультетѣ самостоятельной каѳедры дѣтскихъ болѣзней съ клиникой, вмѣсто положенной на этомъ факультетѣ, но незамѣщенной, каѳедры энциклопедіи и исторіи медицины. Учрежденіе новой каѳедры признается необходимымъ, такъ какъ при современномъ состояніи медицины,— дѣтскія болѣзни составляютъ совершенно самостоятельную и обширную отрасль медицинской науки; но такая каѳедра можетъ быть учреждена только вмѣстѣ съ учрежденіемъ особой дѣтской клиники; университетъ св. Владиміра изъ собственнаго опыта убѣдился почти въ невозможности существованія практическихъ медицинскихъ каѳедръ безъ единовременнаго учрежденія клиническихъ заведеній; такъ въ теченіе двухъ лѣтъ устройство сколько-либо правильнаго преподаванія по каѳедрамъ врачебной діагностики и психіатріи встрѣчало непреодолимыя препятствія, и лишь въ концѣ 1886 года, послѣ постройки университетскаго барака въ больницѣ Цесаревича Александра, преподаваніе по этимъ практическимъ каѳедрамъ сдѣлалось если не вполнѣ обезпеченнымъ, то возможнымъ.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій утверждены въ ученыхъ степенахъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: экстраординарный профессоръ Ярошъ — государственнаго права и стипендіатъ Подвысоцкій—медицины; б) въ степени магистра: доцентъ Зенгеръ—греческой словесности, студентъ Надеждинъ—физики, преподаватель Гольмстенъ — гражданскаго права, приватъ-доцентъ Назимовъ—государственнаго права; в) въ степени кандидата—70 (по историко-филологическому факультету 41, по физико-математическому 16, по юридическому 13); г) въ званіи дѣйствительнаго студента—124 (по историко-филологическому факультету 36, по физико-математическому 32, по юридическому 56). По медицинскому факультету удостоено ученыхъ степеней и званій: лѣкаря—89, акушера какъ члена врачебной управы—1, уѣзднаго врача—4, провизора—12, аптекарскаго помощника—37, дантиста—4, повивальной бабки—3. Всего удостоено ученыхъ степеней и званій—289 лицъ, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—78, физико-математическому—49, юридическому—72, медицинскому—90. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлено при университетѣ 9 лицъ по слѣдующимъ предметамъ: греческой словесности, классической филологіи, русской исторіи, минералогіи и геологіи, астрономіи, чистой математики, государственнаго права, гражданскаго права, хирургіи. Изъ числа этихъ 9-ти лицъ три кандидата: Шеф-

феръ, Мерингъ и Ренненкампфъ командированы за границу на два года, для дальнѣйшаго усовершенствованія: первый—по греческой словесности, второй — по астрономіи, третій — по государственному праву.

Къ началу 1886 года въ университетѣ св. Владиміра находилось 1825 студентовъ; въ теченіе 1886 года вновь поступило 480 (изъ гимназій по аттестатамъ и свидѣтельствамъ зрѣлости 403, изъ духовной семинаріи 1, изъ прогимназіи 1, изъ бывшихъ студентовъ университета св. Владиміра 26, бывшихъ студентовъ другихъ университетовъ 39, военно-медицинской академіи 1); въ 1886 году выбыло 328 (до окончанія курса 103, по окончаніи курса 225); затѣмъ къ 1-му января 1887 года оставалось на лицо 1968. Постороннихъ слушателей было: въ первой половинѣ года 30, во второмъ полугодіи—56. Остававшіеся къ 1887 году на лицо 1968 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—149, на физико-математическомъ —315 (по разряду естественныхъ наукъ—91, по разряду математическихъ наукъ 224), на юридическомъ—559, на медицинскомъ—945; б) по курсамъ: на I курсѣ—448, на II—546, на III—329, на IV—434, на V—211; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—1301, римско-католиковъ—337, протестантовъ (лютеранъ) 37, магометанъ—4, евреевъ—276, армяно-григоріанъ—12, караимовъ 1; г) по сословіямъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ—979, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—66, духовнаго званія—259, мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ—503, крестьянъ—81, казачьяго сословія—42, иностранцевъ—38; д) по предварительному образованію: гимназистовъ—1902, семинаристовъ—7, изъ другихъ учебныхъ заведеній—59; е) по учебнымъ округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся учебныя заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго Округа—22, Московскаго—18, Казанскаго—32, Оренбургскаго—2, Восточной и Западной Сибири—14, Харьковскаго=74, Одесскаго—223, Кіевскаго—1366, Виленскаго—144, Варшавскаго—23, Дерптскаго—15, Кавказскаго—34, изъ заграничныхъ заведеній—1. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались—145 лицъ, всего на сумму 34.137 руб. 32 коп., которые употреблены изъ слѣдующихъ источниковъ: 12.850 р.—изъ суммъ, ассигнованныхъ казною по финансовой смѣтѣ, 5.598 р. 97 к.—изъ специальныхъ средствъ университета, 4.275 р. изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ, 15.688 р. 35 к. — изъ постороннихъ

источниковъ. Изъ числа стипендій 34 обязательны, прочія не обязательны. Размѣръ стипендій—отъ 39 р. 73 к. до 600 р. включительно. Единовременныхъ пособій (за научныя занятія, по случаю несостоятельности, а также на лѣченіе, похороны и по другимъ причинамъ) выдано было 126 лицамъ: изъ суммъ казны 8.170 р., на счетъ спеціальныхъ средствъ университета 654 руб. 42 коп. и изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ 4.275 р., а всего 13.099 р. 42 к., размѣръ пособій составлялъ отъ 10 до 80 р. Освобожденіемъ отъ платы за право слушанія лекцій воспользовались 279 студентовъ, именно: историко-филологическаго факультета 56, физико-математическаго—32, юридическаго—99, медицинскаго—92. Пользовавшихся вспомоществованіями всѣхъ категорій было 538 студентовъ, что составляетъ 27,3% общаго числа студентовъ.

Финансовыя средства университета св. Владиміра находились въ слѣдующемъ положеніи: 1) Штатныя суммы: отъ 1885 года имѣлось въ остаткѣ 12.119 р. 12 к., по финансовой смѣтѣ ассигновано на содержаніе университета въ 1886 году 427.770 р. 62 к. (наличный составъ 278.225 р. 97 к., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 128.524 р. 65 к., на стипендіи и пособія студентовъ 21.020 р.), въ 1886 году израсходовано 405.318 р. 73 к., затѣмъ къ 1-му января 1887 года оставалось 34.581 р. 1 к. 2) Спеціальныя средства: а) разныхъ капиталовъ: къ 1886 году оставалось 718.064 р., въ теченіе года поступило 80.273 р. 26 к., за тотъ же срокъ израсходовано 69.889 р. 26 к., къ январю 1887 года имѣлось въ остаткѣ 739.448 р. 35½ к.; б) сбора платы со студентовъ за право слушанія лекцій: остатка отъ 1885 года 7.921 р., въ 1886 году поступило 16.165 р., израсходовано 23.969 р. 70 к., оставалось къ 1887 году 116 р. 30 к.; в) пожертвованныхъ для разныхъ цѣлей: оставалось отъ 1885 года 233 р. 96 к., въ 1886 году израсходовано 18 р., къ 1887 г. остатка было 215 р. 96 к. Главнѣйшіе расходы изъ спеціальныхъ средствъ были слѣдующіе: на награды служащимъ 8.091 р., на строительныя надобности 8.008 р., на расходы по изданію Университетскихъ Извѣстій 6.844 р., на пособія и стипендіи студентамъ 6.452 р., на пособія служащимъ 4.215 р., на командировки профессоровъ и другихъ преподавателей 3.450 р., на печатаніе сочиненій 3.335 р., на добавочное жалованье, пенсіи и плату служащимъ 2.480 р., на библіотеку и на студентскій отдѣлъ ея 3.393 руб.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ университета св. Владиміра за 1886 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ факультет-

скихъ клиникахъ: терапевтической (25 кроватей)—въ теченіе года поступило 242, изъ нихъ выздоровѣло 222, умерло 20, приходящихъ за совѣтомъ больныхъ было 771; хирургической (25 кроватей)—оставалось отъ 1885 года 8 больныхъ, въ 1886 году вновь поступило 175, выздоровѣло 151, умерло 8, оставалось на излеченіи къ началу 1887 года 24, приходило за совѣтомъ 954, глазной (10 кроватей)—къ началу 1886 года находилось 10, въ теченіе года поступило 149, выздоровѣло 149, осталось къ 1887 году 10, приходившихъ за совѣтами было 1341; акушерской (25 кроватей)—въ 1886 г. поступило 105, выздоровѣло 104, умеръ 1, за совѣтомъ приходило 1800 больныхъ; б) въ госпитальныхъ клиникахъ, учрежденныхъ при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ: терапевтической (48 кроватей)—оставалось отъ 1885 года больныхъ 51, въ 1886 году поступило 450, въ теченіе года выздоровѣло 425, умерло 29, осталось на излеченіи 47, приходившихъ больныхъ было 126; хирургической 40 кроватей)—къ началу 1886 года оставалось 38 больныхъ, въ теченіе года прибыло 363, выздоровѣло 345, умерло 12, осталось на излеченіи 44, приходило за совѣтомъ 40 больныхъ; дерматологической и сифилитической (100 кроватей)—отъ 1885 года оставалось 55, въ 1886 году поступило 477, выздоровѣло 461, умеръ 1, къ 1887 г. осталось 70, приходящихъ за совѣтомъ больныхъ было 758.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Мартъ 1888 г.

I.

Частыя перемѣны министерства не имѣютъ серьезнаго вліянія на судьбы нашего народнаго образованія; министры, пользуясь слишкомъ непродолжительною властію, не успѣваютъ оказывать личнаго вліянія, и въ сущности директора отдѣльныхъ частей вѣдомства народнаго просвѣщенія руководятъ, какъ высшимъ, такъ и среднимъ и низшимъ образованіемъ. Впрочемъ, ни одно важное преобразованіе не можетъ быть сдѣлано безъ согласія высшаго совѣта, собирающагося два раза въ годъ. Пока я однако не имѣю ничего особенно важнаго сообщить вамъ о нововведеніяхъ текущаго года. Высшее образованіе продолжаетъ рости и процвѣтать. Число студентовъ, записавшихся въ нынѣшнемъ году на словесный факультетъ въ Парижѣ, превосходитъ 1.000; между ними встрѣчаются представители очень разнообразныхъ національностей, напримѣръ: 2 японца, 1 армянинъ, 1 финляндецъ, греки, сербы, румыны и русскіе. Всѣ они дѣятельно занимаются, и профессора довольны ими. Общество студентовъ, замѣчательное по своему прекрасному направленію, насчитываетъ уже около 2.000 членовъ; студенты сходятся не для одного развлеченія, но и для совмѣстнаго труда; въ ихъ собраніяхъ читаются курсы англійскаго, нѣмецкаго и италіанскаго языковъ, дифференціальнаго счисленія, политической экономіи, права, стенографіи, живописи, медицины и судопроизводства. Географическое отдѣленіе общества занимается устройствомъ поѣздокъ въ окрестности Парижа и путешествій за границу. Общество получаетъ болѣе 100 различныхъ журналовъ,

и въ его библіотекѣ имѣется болѣе 3.500 томовъ; оно успѣло за время своего существованія образовать запасный капиталъ въ 6.000 франковъ. Вотъ любопытная черта различія между французскою молодежью и сосѣдями ея, англичанами и нѣмцами: гимнастическій залъ и манежъ открыты для студентовъ за весьма доступную плату, но почти никто изъ нихъ не пользуется ими. Наша молодежь не заботится о развитіи физической силы. Но въ то же время ей чужды излишества въ употребленіи пива и грубость нравовъ, которымъ такъ охотно предаются нѣмецкіе студенты.

Общій совѣтъ парижскихъ факультетовъ напечаталъ свой годовой отчетъ о дѣятельности факультетовъ въ 1886—1887 учебномъ году. Отчеты эти, помѣщаемые въ Revue internationale de l'enseignement supérieur, представляютъ собою весьма цѣнные документы. Въ нихъ помѣщаются, вопервыхъ, некрологи профессоровъ, умершихъ въ теченіе года, и свѣдѣнія объ ихъ преемникахъ, затѣмъ перечни свободныхъ лекцій, коихъ чтеніе открыто при факультетахъ; наконецъ, идетъ списокъ студентовъ, общее число которыхъ достигло въ минувшемъ году 10.229. Въ числѣ ихъ насчитываютъ болѣе 200 женщинъ: 1—на юридическомъ факультетѣ, 120—на медицинскомъ (въ томъ числѣ 108 русскихъ или русскихъ евреекъ). Впрочемъ, число студентокъ на медицинскомъ факультетѣ все уменьшается съ тѣхъ поръ, какъ при вступленіи требуется отъ нихъ аттестатъ зрѣлости. Такъ, въ 1886—1887 учебномъ году поступило всего 11 новыхъ студентокъ. На физико-математическомъ факультетѣ состоитъ 19 женщинъ, на словесномъ—86, подготовляющихся преимущественно къ преподаванію живыхъ языковъ; казенныхъ стипендіатовъ 150. Число экзаменовавшихся весьма значительно: на словесномъ факультетѣ экзаменовалось на степень баккалавра 5434 человѣка, и 45% всего числа выдержали экзаменъ. На медицинскомъ факультетѣ дано званіе доктора 357 лицамъ, на юридическомъ—68, на словесномъ—19, на физико-математическомъ—20. Надо помнить, что во Франціи получить званіе доктора словесности или естественнаго права значительно труднѣе, нежели въ Германіи.

Сообщу вамъ о двухъ нововведеніяхъ по учебной части въ Парижѣ. Муниципалитетъ, основавшій два года тому назадъ каѳедру исторіи революціи въ Сорбоннѣ, ассигновалъ сумму въ 12000 франковъ для учрежденія каѳедры философіи біологіи на физико-математическомъ факультетѣ. Надо надѣяться, что примѣръ этотъ найдетъ себѣ подра-

жаніе въ большихъ провинціальныхъ центрахъ. Во Французской коллегіи каѳедра естественнаго права, освободившаяся съ выходомъ Франка, закрыта. Она замѣнена каѳедрой опытной и сравнительной психологіи. Ее занялъ Рибо, извѣстный философъ и издатель Revue philosophique. Многія изъ его сочиненій переведены и на русскій языкъ. Во Французской коллегіи курсы наукъ не имѣютъ постояннаго характера. Главная цѣль тамошняго преподаванія—двигать впередъ какую-либо новую отрасль науки, давать тому или другому изъ извѣстныхъ ученыхъ средства свободно продолжать научныя изысканія, не заботясь о производствѣ экзаменовъ. Профессоръ Французской коллегіи беретъ тему для своихъ лекцій по личному выбору и свободно разработываетъ ее, а правительство требуетъ отъ него только одного—прочтенія по крайней мѣрѣ 40 лекцій въ годъ. Рибо удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ такого рода преподаванія, и несомнѣнно, что онъ съ честью и блескомъ поддержитъ свою репутацію, читая лекціи во Французской коллегіи.

Приведу вамъ нѣсколько свѣдѣній объ успѣхахъ, въ нашихъ провинціальныхъ факультетахъ, того, что̀ можно было бы назвать мѣстнымъ ученымъ духомъ. Въ былое время всѣ они дѣйствовали по одному плану; теперь они изучаютъ, какъ мѣстную исторію, такъ и мѣстную филологію; напримѣръ, въ Бордо городское управленіе вознаграждаетъ профессора, читающаго курсъ исторіи южной Франціи; въ Реннѣ читается курсъ кельтскаго языка и литературы. Профессоръ излагаетъ исторію Арморики, грамматику галльскаго языка, сравнивая его съ бретонскимъ, и объясняетъ галльскіе тексты. Издается особый журналъ подъ названіемъ Annales de Bretagne; въ немъ помѣщаются статьи, относящіяся преимущественно къ исторіи Бретани. Професссоръ кельтскаго языка помѣстилъ въ этомъ журналѣ бретонскую хрестоматію и пѣсни. Это прекрасное нововведеніе. Въ Ліонѣ профессора различныхъ факультетовъ основали ученый журналъ, выходящій въ свѣтъ каждые три мѣсяца, подъ названіемъ: Bulletin des travaux de l'Université de Lyon. Въ немъ печатаются самостоятельныя статьи, и кромѣ того, профессора помѣщаютъ отчеты объ изданныхъ ими книгахъ. Ліонъ, по видимому, весьма серьезно смотритъ на свое значеніе, какъ втораго города Франціи; первый выпускъ Бюллетеня, издаваемаго ліонскими профессорами, очень любопытенъ; онъ былъ встрѣченъ нашимъ ученымъ міромъ съ большимъ сочувствіемъ.

II.

Никогда еще Франція не интересовалась въ такой степени вопросами педагогики, какъ въ настоящее время. Доказательствомъ тому служитъ избраніе въ члены Французской академіи Греара, помощника попечителя Парижскаго учебнаго округа. Кромѣ книги о нравственныхъ идеяхъ Плутарха и „Женскихъ портретовъ", написанныхъ впрочемъ преимущественно съ точки зрѣнія педагогической, Греаръ писалъ исключительно объ учебныхъ вопросахъ. Все написанное имъ по этому предмету онъ собралъ въ 4 тома подъ заглавіемъ: „Воспитаніе и образованіе" (Education et Instruction. Paris. Hachette). Первый томъ посвященъ начальному обученію, два—среднему (или классическому) образованію, и одинъ—высшему. Нѣкоторыя изъ его статей написаны лѣтъ 20 тому назадъ, другія—весьма недавно. Но вездѣ въ нихъ видно стремленіе автора не къ одному только образованію ума, а и къ воспитанію души и сердца. Греаромъ затронуты почти всѣ педагогическія задачи нашего времени. Книга его о начальномъ обученіи начинается этюдомъ о дѣтскихъ садахъ системы Фребеля и заключается статьей о высшемъ начальномъ обученіи. Авторъ даетъ множество статистическихъ подробностей о начальныхъ парижскихъ школахъ, извѣстныхъ ему лучше, чѣмъ кому-либо другому. Въ двухъ книгахъ, посвященныхъ среднему образованію, онъ представляетъ полную картину его въ Парижѣ съ 1880 года, затѣмъ очерчиваетъ состояніе образованія реальнаго и средняго женскаго, при чемъ излагаетъ исторію послѣдняго съ XVII вѣка до нашихъ дней; кромѣ того, онъ изображаетъ развитіе учебнаго курса мужскихъ заведеній съ XVI вѣка до 1880 года и посвящаетъ особую статью духу дисциплины въ воспитаніи. Въ книгѣ о высшемъ образованіи помѣщенъ отчетъ о состояніи его въ Парижѣ въ 1881 году и подробный этюдъ по спорному вопросу о баккалаврствѣ. Этотъ томъ особенно любопытенъ; къ нему приложены планы большихъ учебныхъ учрежденій, построенныхъ или перестроенныхъ въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напримѣръ: фармацевтической школы, медицинскаго факультета и медицинской практической школы, Сорбонны, юридическаго факультета; эти драгоцѣнные матеріалы даютъ читателю, мало знающему Парижъ, понятіе объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ дѣлѣ образованія въ послѣднее время.

Собраніе важнѣйшихъ педагогическихъ сочиненій, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, издаваемое Гашеттомъ, обогатилось

двумя томами: сочиненіемъ Монтаня о воспитаніи дѣтей и второю книгою „Эмиля" Руссо. Разсужденіе Монтаня извлечено изъ I-й книги его знаменитыхъ „Essais" (гл. XXV); оно сопровождается введеніемъ и примѣчаніями, написанными Компере, бывшимъ профессоромъ словеснаго факультета въ Тулузѣ и авторомъ весьма почтеннаго труда: „Критическая исторія педагогическихъ теорій во Франціи съ XVI вѣка", (Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le XVI siècle), достигшаго 5-го изданія. Введеніе Компере составляетъ этюдъ о педагогическомъ движеніи въ XVI вѣкѣ и о взглядахъ Монтаня на этотъ предметъ. Хорошо составленныя примѣчанія объясняютъ устарѣлыя слова въ языкѣ Монтаня и безчисленныя ссылки его на разныхъ авторовъ. Изданіе второй книги „Эмиля" ввѣрено было протестантскому пастору Жюлю Стеккгу, состоящему, также какъ и Компере, членомъ палаты депутатовъ; къ книгѣ приложены небольшой этюдъ о Руссо и общая характеристика его идей о воспитаніи.

Значительные успѣхи лингвистическихъ изученій обнаружились во Франціи лѣтъ двадцать-пять тому назадъ; они совпали съ переводомъ грамматики Боппа, сдѣланнымъ М. Бреалемъ, съ открытіемъ каѳедры сравнительнаго языкознанія во Французской коллегіи и съ основаніемъ школы высшихъ знаній и Лингвистическаго общества. Но до сихъ поръ во Франціи не появилось ни одного полнаго руководства по сравнительной грамматикѣ. Наши лингвисты придерживались Боппа, а затѣмъ Шлейхера и, наконецъ, Бругмана. Лишь небольшое руководство по сравнительной грамматикѣ, составленное покойнымъ Эгжеромъ, вышло въ 1875 году седьмымъ изданіемъ и съ тѣхъ поръ не перепечатывалось. Въ 1868 году серьезный ученый Фредерикъ Водри предпринялъ было изданіе сравнительной грамматики классическихъ языковъ; но вышелъ только первый томъ его — о фонетикѣ. Въ настоящее время пробѣлъ этотъ пополненъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ лингвистовъ Викторомъ Анри, профессоромъ классической филологіи въ Лилльскомъ словесномъ факультетѣ. Имъ уже написано весьма оригинальное сочиненіе объ аналогіи и аналогическихъ образованіяхъ въ греческомъ языкѣ (1883) и „Этюды по морфологіи" (Analogie et les formations analogiques de la langue grecque.—Esquisses morphologiques). Анри въ продолженіе четырехъ лѣтъ читалъ въ Лилльскомъ словесномъ факультетѣ лекціи сравнительной грамматики классическихъ языковъ, а теперь напечаталъ руководство по этому предмету. Въ общемъ оно вышло только

элементарнымъ, ибо авторъ избѣгалъ спорныхъ пунктовъ. По каждому вопросу сравнительной грамматики онъ даетъ отвѣтъ, по его мнѣнію, наиболѣе справедливый, безъ опроверженія или упоминанія другихъ его рѣшеній. Онъ не претендуетъ на сообщеніе новыхъ данныхъ, резюмируя только теперешнее состояніе науки. Въ началѣ своей книги онъ помѣстилъ весьма полную библіографію языковѣдѣнія, съ указаніемъ лучшихъ сочиненій. Въ книгѣ говорится только о фонетикѣ, этимологіи и морфологіи; синтаксисъ оставленъ до слѣдующаго тома. Но эти три части разработаны очень обстоятельно. Книга оканчивается указателемъ латинскихъ или греческихъ словъ, изучаемыхъ авторомъ. Этотъ трудъ Анри принесетъ огромную пользу филологическимъ занятіямъ. Весьма вѣроятно, что онъ будетъ переведенъ и на иностранные языки.

Я уже писалъ вамъ, въ 1876 году, о вышедшей въ свѣтъ книгѣ Говелака о лингвистикѣ. Напечатанная въ извѣстной серіи, называемой „Библіотека современныхъ знаній" (Bibliothèque des sciences contemporaines), она имѣла успѣхъ и вышла теперь четвертымъ изданіемъ. Книга эта была значительно передѣлана; изданіе 1876 года заключало въ себѣ 350 страницъ, изданіе 1888 года состоитъ изъ 450. Въ составъ ея вошли совершенно новыя части; таково все касающееся накопляющихъ языковъ и языковъ Америки; авторъ соображался также и со взглядами ново-грамматиковъ. Въ общемъ трудъ Говелака содѣйствовалъ популяризаціи лингвистики. Говелакъ— одинъ изъ издателей Revue de linguistique; кромѣ того, онъ написалъ грамматику зендскаго языка.

Еллинисты отнесутся съ особымъ интересомъ къ книгѣ покойнаго Густава Эйхталя: „Греческій языкъ" (La Langue grecque. Mémoires et notices). Эйхталь былъ однимъ изъ основателей Общества для поощренія занятій греческимъ языкомъ и однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ филелленновъ. Тридцати лѣтъ, въ 1833 г., онъ посѣтилъ Грецію, только что освободившуюся отъ Турокъ послѣ войны за независимость, и увлекся ею со страстію поэта и художника. Нѣкоторое время онъ состоялъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ молодаго Греческаго королевства. Изъ этого пребыванія онъ вынесъ глубокое знаніе ново-греческаго языка, былъ настоящимъ основателемъ Общества для поощренія занятій греческимъ языкомъ и состоялъ первымъ казначеемъ его; онъ сталъ во главѣ тѣхъ ученыхъ, которые стремились ввести во Франціи современное греческое произношеніе въ примѣненіи къ древнему греческому языку. Посмертный томъ его сочи-

ній, изданный его семействомъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма любопытныхъ статей; таковы замѣтки о практическомъ употребленіи греческаго языка для международныхъ сочиненій: конечно, это была мечта, но болѣе практичная, чѣмъ изобрѣтеніе волапюка; замѣтки о произношеніи и о будущности греческаго языка; любопытная статья о Вольтерѣ и о состояніи греческаго языка въ 1770 году во время войны Екатерины II съ турками; замѣтка о среднемъ образованіи въ Россіи; наконецъ, историческія свѣдѣнія объ основаніи и развитіи Общества для поощренія занятій греческимъ языкомъ.

Это Общество, о которомъ я часто бесѣдовалъ съ вами, только что обогатило нашу литературу новымъ научнымъ періодическимъ изданіемъ. Оно ежегодно печатало томъ своихъ трудовъ. Отнынѣ вмѣсто него Общество будетъ печатать каждые три мѣсяца Revue des études grecques. Въ каждой книжкѣ будетъ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ въ 8-ку. Въ программу этого журнала входитъ все касающееся древней, средневѣковой и новой Греціи, филологія, археологія, исторія, литература, состояніе экономическое и общественное. Каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ большую статью, смѣсь и документы, критическій отдѣлъ и, наконецъ, хронику извѣстій по изученію греческаго міра. Эта послѣдняя часть совсѣмъ не входила въ составъ прежнихъ ежегодниковъ Общества. Редакція журнала поручена Теодору Рейнаху, бывшему ученику Аѳинской школы и брату извѣстнаго археолога Саломона Рейнаха.

По части изданій латинскихъ авторовъ я не имѣю сообщить вамъ ничего особенно важнаго. Укажу только на появленіе небольшой книжки: „Извлеченія изъ твореній римскихъ элегическихъ поэтовъ", изданной профессоромъ словеснаго факультета въ Бордо Вальцомъ (Extraits des élégiaques romains). Римскіе элегики не всегда удобны для чтенія юношеству; Вальцъ сдѣлалъ добросовѣстный выборъ изъ твореній Катулла, Тибулла, Проперція и Овидія, исключивъ все не подходящее къ чтенію учащихся; къ книгѣ приложено введеніе объ элегической поэзіи въ Греціи и Римѣ. Римская элегія подала въ послѣднее время у насъ поводъ къ нѣсколькимъ ученымъ трудамъ; таковы: „De carmine Ciris" Вальца (1881), „De IV Tibulli libro" Ларуме, „De Tibulli amoribus" Донсіё и, въ особенности прекрасное изслѣдованіе Плесси о Проперціи. Для составленія своего изящнаго сборника Вальцъ воспользовался всѣми этими сочиненіями; кромѣ того, онъ помѣстилъ въ немъ замѣтки о жизни каждаго изъ элегиковъ и объ ихъ метрикѣ.

Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ предложена была на конкурсъ 1886 года задача на слѣдующую тэму: „Философія языка: изложить и опредѣлить различныя системы, которыя отъ древнихъ временъ до нашихъ дней имѣли цѣлью объяснить философически происхожденіе и законы языка; собрать изъ важнѣйшихъ произведеній современной филологіи правила и факты, могущіе служить основой для философіи языка". Премія присуждена была Полю Ренью, профессору санскритскаго языка и сравнительной грамматики въ Ліонскомъ словесномъ факультетѣ. Ренью, бывшій ученикъ школы высшихъ знаній, слушалъ лекціи Бергеня и Бреаля. Но онъ не желаетъ jurare in verba magistri, и смѣлость его теорій не разъ вызывала возраженія со стороны его прежнихъ наставниковъ. Я уже писалъ вамъ о его „Санскритской риторикѣ"; кромѣ того, онъ напечаталъ большую книгу: „Опыты по эволюціи языка; примѣненіе общаго метода къ изученію развитія европейскихъ языковъ". Сочиненіе, нынѣ увѣнченное Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ, появилось въ свѣтъ подъ слѣдующимъ названіемъ: „Происхожденіе и философія языка или принципы лингвистики индо-европейской (Origine et philosophie du langage ou principes de linguistique indoeuropéenne. Paris. Librairie Fischbacher). Оно дѣлится на двѣ части; въ первой авторъ излагаетъ прежнія теоріи — Платона, Лукреція, Деброссa, Куръ-де-Жебелена, Макса Мюллера, Уитнея; во второй части Ренью старается провести новую теорію, которую называетъ развитіемъ фонетики. Было бы слишкомъ долго излагать и обсуждать ее здѣсь; ограничусь замѣчаніемъ, что доводы Ренью не убѣдили парижскихъ лингвистовъ. Тѣмъ не менѣе книга его представляетъ собою весьма любопытный опытъ.

Въ прошедшемъ году я говорилъ вамъ о книгѣ Рамбо: „Исторія французской цивилизаціи". Два первые тома этого труда имѣли большой успѣхъ. Авторъ дошелъ въ нихъ до 1789 года. Теперь вышелъ и третій томъ подъ заглавіемъ: „Исторія современной цивилизація во Франціи" (Histoire de la civilisation contemporaine en France). Этотъ томъ написанъ независимо отъ двухъ предыдущихъ и заключаетъ въ себѣ плодъ долгихъ изысканій, представляя собою трудъ, единственный въ своемъ родѣ. Въ книгѣ этой, написанной живымъ и изящнымъ языкомъ, авторъ изложилъ, на 700 страницахъ, полную исторію политическихъ и правительственныхъ учрежденій, судовъ, духовныхъ дѣлъ, войска и флота, колоній, народнаго просвѣщенія, успѣховъ литературы, искусства и науки, промышленности и тор-

говли, кредитныхъ учрежденій, нравовъ и обычаевъ во Франціи, начиная съ 1789 года. Книгѣ Рамбо недостаетъ только рисунковъ. Въ политикѣ авторъ старается быть безпристрастнымъ относительно дѣйствій различныхъ правительствъ, смѣнявшихъ другъ друга, освѣщаетъ одинаково сочувственно „великодушныя и человѣколюбивыя идеи учредительнаго собранія, патріотическій духъ конвента, талантъ организаціи Наполеона, праводушіе парламента обѣихъ конституціонныхъ монархій при послѣднихъ Бурбонахъ и при Людовикѣ-Филиппѣ, пламенный духъ правды, одушевлявшій вторую республику, и великіе матеріальные успѣхи, совершенные во время второй имперіи". Авторъ желаетъ, чтобы книга его, написанная преимущественно для учащейся молодежи, заставила полюбить Францію всѣхъ эпохъ. Онъ доказываетъ въ своемъ введеніи, что исторія должна умиротворять духъ, а не возбуждать его. Тотъ, кто въ политикѣ, говоритъ онъ,— увлекается скорыми и рѣзкими заключеніями, доказываетъ только, что онъ не наблюдалъ и не принималъ въ соображеніе дѣятельности людей прошлаго, то-есть, пренебрегалъ уроками исторіи.

Появилось еще одно сочиненіе, составляющее полезное дополненіе къ исторіи цивилизаціи и литературы во Франціи: это—этюдъ Шабріе о политическихъ ораторахъ Франціи, о традиціяхъ и характерѣ французской политики; книга эта содержитъ въ себѣ выборъ рѣчей, сказанныхъ во французскихъ народныхъ собраніяхъ съ 1302 по 1830 годъ. Авторъ этой книги—одинъ изъ парижскихъ преподавателей. Книга его начинается рѣчью короля Филиппа Прекраснаго и оканчивается рѣчью Шатобріана, сказанною въ палатѣ пэровъ. Самые замѣчательные ораторы, отрывки изъ рѣчей которыхъ приведены въ книгѣ, суть слѣдующіе: Кальвинъ, Л'Опиталь, Жанъ Боденъ—XVI вѣка, Генрихъ IV и Лудовикъ XIV—XVII в.; къ слѣдующему столѣтію относятся ораторы временъ революціи — Мирабо, аббатъ Мори, Верньо, Дантонъ, Бонапартъ; къ XIX—де-Серръ, Ройе Колларъ, Бенжаменъ Констанъ, Манюэль, Шатобріанъ. Авторъ въ выборѣ отрывковъ руководствовался чувствомъ литературнаго достоинства и чувствомъ патріотизма. Несомнѣнно, что политическое краснорѣчіе во Франціи не достигало той высоты, до которой оно доходило въ Греціи и Римѣ; несомнѣнно и то, что оно значительно уступаетъ нашему духовному краснорѣчію; тѣмъ не менѣе оно даетъ образцы высокаго достоинства и заслуживаетъ изученія, какъ часть исторіи. Шабріе позаботился помѣстить при каждомъ отрывкѣ историческія и литературныя примѣчанія. Этотъ трудъ можетъ быть весьма полезнымъ; желательно было

бы имѣть и второй томъ его, который заключалъ бы лучшія политическія рѣчи отъ 1830 года до нашихъ дней.

Изящный сборникъ „Les grands écrivains français" обогатился еще томомъ о Тюрго, знаменитомъ экономистѣ и государственномъ дѣятелѣ XVIII вѣка. Этотъ томъ написанъ Леономъ Се, бывшимъ министромъ, нынѣ сенаторомъ и членомъ Французской академіи. О Тюрго была уже издана нѣсколько лѣтъ тому назадъ превосходная монографія Фонсена. Этюдъ Се далеко не отличается полнотой; но онъ достаточно обрисовываетъ талантливаго человѣка, который можетъ быть названъ творцемъ политической экономіи, какъ ее понимаютъ въ XIX вѣкѣ. Благодаря свободѣ труда, провозглашенной Тюрго, который уничтожилъ цехи, XIX вѣкъ сдѣлался вѣкомъ развитія промышленности и великихъ открытій. Таково содержаніе книжки Се, написанной съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Говорятъ о скоромъ появленіи въ томъ же собраніи этюда о Вольтерѣ, который приготовляется блестящимъ критикомъ Revue des Deux Mondes Брюнетьеромъ.

Сыновья Лабулэ, бывшаго профессора Французской коллегіи, собрали въ одинъ томъ нѣкоторыя изъ его лекцій, читанныхъ имъ въ періодъ съ 1849 по 1882 годъ. Родольфъ Дарестъ, членъ кассаціонной палаты и института, написалъ къ этому сборнику введеніе. Лабулэ былъ однимъ изъ выдающихся ученыхъ и профессоровъ своего времени. Его курсы по сравнительному изученію права составляютъ въ рукописи болѣе 36 томовъ. Но къ сожалѣнію, имъ приведена въ порядокъ лишь очень небольшая часть этихъ лекцій. Книга, изданная сыновьями Лабулэ, заключаетъ въ себѣ пять лекцій (изъ курса 1849 года) о философіи права, пять лекцій (1857 г.) объ исторіи французскаго права, пять лекцій (1859—1860 гг.) объ исторіи права и двѣ лекціи (1878—1879 гг.) о конституціонномъ правѣ; всѣ эти чтенія заставляютъ сожалѣть о томъ, что Лабулэ не удалось редактировать окончательно весь читанный имъ курсъ.

Политическія событія послѣднихъ лѣтъ заставили французскихъ ученыхъ обратить вниманіе на Германію. Лависсъ, профессоръ исторіи въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ, издалъ книгу: „Опыты о Германской имперіи". Это рядъ блестящихъ этюдовъ о современныхъ событіяхъ. Разказавъ нѣсколько эпизодовъ изъ вторженія 1870 года, Лависсъ передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ частыхъ поѣздокъ его въ Пруссію, говоритъ о германскомъ парламентѣ, о партіяхъ, о выборахъ, о нѣмецкой эмиграціи, объ экономическомъ

кризисѣ и о политическомъ состояніи нынѣшней Германіи. Всѣ эти этюды написаны съ большимъ талантомъ, но заставляютъ пожалѣть, что авторъ не рѣшился написать полной исторіи Германіи и Пруссіи; такая книга должна была бы появиться въ собраніи Дюрюи, но отсутствуетъ въ немъ. Исторія Австріи, написанная Лежеромъ для этого же собранія, достигла уже втораго изданія и переводится теперь на англійскій языкъ.

О Россіи вышло у насъ много сочиненій, но рѣдкія изъ нихъ отличаются научнымъ духомъ. Переводятъ преимущественно романы; нѣкоторыя издательскія фирмы превратились въ настоящіе заводы переводовъ. Укажу, какъ на выходящую изъ ряда дюжинныхъ книгъ, на сочиненіе о русскихъ сектахъ (Les Sectes en Russie), написанную г. Цакни. Книга эта составлена общедоступно, но авторъ не указываетъ источниковъ, изъ которыхъ почерпалъ свои свѣдѣнія. Анатоль Леруа-Болье приготовляетъ къ печати сочиненіе о томъ же предметѣ, но съ болѣе серьезнымъ направленіемъ.

Л. Л—ръ.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

К. Я. Люгебиль.

Χαλεπὸν τὸ μετρίως εἰπεῖν.

Өукидидъ.

Въ лицѣ Карла Якимовича Люгебиля, скончавшагося скоропостижно 28-го декабря прошедшаго года, наука классической филологіи лишилась одного изъ наиболѣе достойныхъ и заслуженныхъ представителей своихъ въ Россіи. Профессорская дѣятельность покойнаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ прекратилась всего за годъ до его смерти. Прослуживъ тридцать лѣтъ, Карлъ Якимовичъ вышелъ въ отставку, чтобы тѣмъ съ большимъ усердіемъ на досугѣ отдаться научнымъ работамъ, отчасти давно имъ задуманнымъ. Но едва успѣлъ онъ приступить къ печатанію первой изъ этихъ работъ, какъ насталъ для него роковой часъ. Нѣсколько дней спустя послѣ его смерти въ Петербургѣ была получена новая книжка журнала Rheinisches Museum für Philologie (томъ 43, кн. 1), въ которой помѣщена первая часть статьи его подъ заглавіемъ: „Zur Frage über die Accentuation der Wörter und Wortformen im Griechischen". Кромѣ того, на его письменномъ столѣ оказалась почти готовою къ печати новая глава его этюдовъ по языку и критикѣ текста Гомера, отчасти напечатанныхъ, подъ заглавіемъ Homerica, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Историко-филологическое отдѣленіе Академіи Наукъ предполагало въ ближайшемъ будущемъ почтить заслуги К. Я. Люгебиля избраніемъ его въ число членовъ Академіи на мѣсто покойнаго Сте-

фанн. Безъ сомнѣнія, К. Я. Люгебиль не сталъ бы относиться къ академической каѳедрѣ какъ къ синекурѣ, связанной съ извѣстнымъ доходомъ; можно было опасаться, напротивъ того, что онъ черезчуръ серьезно отнесется къ новымъ обязанностямъ и тѣмъ въ скоромъ времени погубитъ свое здоровье. Поѣздка за границу, предпринятая имъ, по требованію врача, вслѣдъ за оставленіемъ университетской каѳедры, по видимому, укрѣпила его вообще слабое здоровье, однако новыя непосильныя занятія, а также и нѣкоторыя другія обстоятельства, уже успѣли отразиться на немъ неблаготворно.

К. Я. Люгебиль родился въ С.-Петербургѣ 11-го ноября 1830 года. Рано лишившись отца, онъ былъ принятъ въ сиротское приготовительное училище лютеранскаго прихода св. Анны, а оттуда за отличные успѣхи переведенъ въ главное училище того же прихода. По окончаніи гимназическаго курса въ 1848 году, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ и въ установленный срокъ окончилъ курсъ по разряду общей словесности со степенью кандидата. Любимымъ его руководителемъ по избранной имъ спеціальности былъ извѣстный эллинистъ Фридрихъ Грефе, одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Готфрида Германна, знатокъ въ особенности поэтовъ греческихъ и самъ „поэтъ въ душѣ", какъ о немъ однажды выразился Карлъ Якимовичъ. На службу К. Я. Люгебиль поступилъ въ 1854 году (два года онъ занимался частными уроками) старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Ларинской гимназіи. Въ теченіе 1858 и 1859 годовъ онъ преподавалъ латинскій и нѣмецкій языки въ частномъ училищѣ К. И. Мая. Въ 1858 г. онъ напечаталъ свою магистерскую диссертацію (De Venere Coliade Genetyllide), по защищеніи которой былъ въ слѣдующемъ году командированъ за границу на два года для приготовленія къ профессорскому званію. Эти два года (1860 и 1861) онъ провелъ въ Германіи, Италіи и Греціи. Изъ германскихъ научныхъ центровъ, посѣщенныхъ имъ въ эту поѣздку (Берлинъ, Геттингенъ, Мюнхенъ), ему, по видимому, всего болѣе понравился Геттингенъ, гдѣ онъ сошелся съ Заугше, Визелеромъ, Бенфеемъ и Эрнстомъ Курціусомъ. Въ Римѣ онъ сблизился съ Генценомъ и Бруниомъ и былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ института di corrispondenza archeologica, въ Извѣстіяхъ (Bulletino) котораго за 1861 годъ и помѣстилъ замѣтки о послѣднихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ (Scavi di Pompei). Предметомъ его занятій за границей были преимущественно древности и исторія древняго искусства. Съ свойственною ему добросо-

вѣстностью онъ изучалъ музеи и вообще вещественные памятники древняго міра. Онъ стремился восполнить пробѣлъ въ своихъ познаніяхъ, на который самъ указалъ въ своей магистерской диссертаціи (стр. 42: archaeologia, qua in arte ego quum versatus non essem и т. д.). Въ то же время, развивая два изъ приложенныхъ къ диссертаціи тезисовъ [1]), онъ написалъ разсужденіе „О сущности и историческомъ значеніи остракизма въ Аѳинахъ" (Ueber das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismos in Athen. Лейпцигъ. 1861), составляющее серьезный вкладъ въ науку и замѣчательное по живости и свѣжести изложенія. Удѣливъ около года на Германію и немного меньше времени на Италію, онъ весьма не долго могъ остаться въ Греціи, гдѣ успѣлъ ознакомиться только съ Аѳинами и ихъ окрестностями. Къ концу 1861 г. онъ возвратился въ Россію. Въ слѣдующемъ году онъ приступилъ къ чтенію лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ греческой словесности, въ 1864 году былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ, въ 1868 году, по защитѣ докторской диссертаціи (Историко-филологическія изслѣдованія: 1) Аѳинскій царь Кодръ и отмѣна царской власти въ Аѳинахъ. 2) Архонтство и стратигія въ Аѳинахъ во время Персидскихъ войнъ. С.-Пб. 1868) выбранъ экстраординарнымъ, а четыре года спустя—ординарнымъ профессоромъ. Если прибавимъ къ сказанному, что Люгебиль, будучи еще доцентомъ, нѣкоторое время состоялъ преподавателемъ латинскаго языка въ училищѣ правовѣдѣнія и помощникомъ хранителя древностей въ Императорскомъ Эрмитажѣ, то кажется, послужной списокъ его будетъ въ сущности исчерпанъ. Этотъ списокъ, какъ вообще жизнь покойнаго, не отличается пестротою: К. Я. Люгебиль всю жизнь свою отдалъ наукѣ и Петербургскому университету, которому самъ обязанъ былъ своимъ научнымъ образованіемъ.

---

[1]) Тезисъ VI: quae fuerit ostracismi qui dicitur ratio nondum exploratum est; quanquam ad veritatem proxime accessit Roscher (de Thucydide ejusque aequalibus p. 381), cujus sententia ab Aristot. de re publ. III, 13 Bekk. non tam infirmari videtur quam confirmari.—Тезисъ VII: Quod institutum non potest penitus perspici nisi investigetur qua ratione ostracismus cum ceteris Clisthenis legibus et institutis connexus sit. Эти тезисы, какъ и прочіе, не имѣютъ ничего общаго съ предметомъ диссертаціи. Замѣтимъ кстати, что прекрасная поправка 2-го стиха „Лисистраты" (Люгебиль избралъ это мѣсто исходнымъ пунктомъ для диссертаціи), по видимому, осталась неизвѣстною издателямъ Аристофана: ἢ 'ς Πανὸς ἢ 'πὶ Κωλιάδ' εἰς Γενετυλλίδος.

О глубокомъ и безусловномъ уваженіи, какимъ пользовался покойный въ средѣ сослуживцевъ по университету, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: когда онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и, не смотря на просьбу факультета, не согласился продолжать свою профессорскую дѣятельность, факультетъ поспѣшилъ представить совѣту университета объ избраніи Карла Якимовича въ почетные члены университета, и совѣтъ единогласно принялъ это предложеніе. С.-Петербургскій университетъ не щедръ на такія почести.

Не отличаясь вовсе блестящею дикціей, Люгебиль однако умѣлъ увлекать слушателей, сколько-нибудь интересующихся предметомъ, умѣлъ вызывать и развивать въ нихъ самодѣятельность мысли и серьезный, плодотворный скепсисъ. Онъ не любилъ, чтобъ ему вѣрили на слово, а напротивъ съ явною радостью встрѣчалъ вопросы, сомнѣнія и возраженія. Никогда не уклонялся онъ отъ признанія, что того или другаго не знаетъ, въ томъ или другомъ ошибся. Лекціи у него обыкновенно обращались въ бесѣды. На каѳедрѣ его, вѣроятно, никто изъ его слушателей не видалъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе, войдя въ аудиторію и положивъ портфель на каѳедру, становиться передъ первою скамьею и начинать лекцію, обращаясь попеременно то къ той, то къ другой группѣ студентовъ; затѣмъ, когда ему дѣлались возраженія или ставились вопросы, онъ, въ случаѣ надобности, подходилъ поближе къ автору ихъ, что впрочемъ обусловливалось отчасти, еще съ первой половины 70-хъ годовъ, нѣкоторою его глухотою, впослѣдствіи усиливавшеюся, такъ что ему наконецъ приходилось прибѣгать къ слуховому рожку. Въ диспутахъ со слушателями онъ внѣшней побѣды не добивался во что бы то ни стало: случалось, что студентъ-упрямецъ не сдавался; это забавляло публику, но и профессора не огорчало. Послѣ оживленнаго спора Люгебиль всегда съ сіяющею физіономіей выходилъ изъ аудиторіи. Всѣмъ, кому пришлось слушать покойнаго профессора съ перваго же курса, безъ сомнѣнія, памятны тѣ оригинальныя лекціи, съ которыми онъ обращался къ студентамъ, вновь поступившимъ. Тутъ онъ мало и вовсе не говорилъ о предметѣ своей спеціальности; иной новичокъ, слушая такую лекцію, недоумѣвалъ, на филологическій ли попалъ онъ факультетъ. Карлъ Якимовичъ говорилъ объ избраніи спеціальности, о научномъ трудѣ, о значеніи національности въ наукѣ, о литературѣ, о государствѣ и обязанностяхъ нашихъ въ отношеніи къ государству, о служебной карьерѣ, словомъ—онъ излагалъ цѣлое, въ нѣкоторомъ смыслѣ, міровоззрѣніе. Лекціи эти не имѣли ничего общаго съ либеральнымъ или антилиберальнымъ краснобайствомъ, съ игрою въ

громкія слова и общія мѣста; онѣ, безъ сомнѣнія, стройностью и внѣшнею обработанностью не отличались (хотя Карлъ Якимовичъ въ такихъ случаяхъ читалъ по конспекту), но за то онѣ дышали такою честностью и убѣжденностью, такою свѣжестью и свѣтлостью воззрѣній, что молодые слушатели сразу привязывались душою къ профессору и проникались сознательнымъ уваженіемъ къ тому духу, въ какомъ велось преподаваніе въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

К. Я. Люгебиль былъ прекраснымъ руководителемъ своихъ ближайшихъ учениковъ въ научной работѣ, а сблизиться съ нимъ было не трудно: въ университетѣ и на дому онъ бывалъ одинаково доступенъ студентамъ и не скупился на время. Онъ устроивалъ у себя на дому вечернія занятія, но пріемныхъ и непріемныхъ часовъ у него, собственно, не было. Никогда онъ не обнаруживалъ досады, когда ему приходилось отрываться отъ работы, чтобы бесѣдовать съ посѣтителемъ—студентомъ или магистрантомъ, никогда не выражалъ нетерпѣнія, когда посѣтитель, по наивности, засиживался. Люгибель былъ, конечно, въ этомъ, какъ почти во всемъ, непрактичный человѣкъ. Вопросы, разбираемые въ ученическихъ работахъ, разумѣется, по большей части находились въ связи болѣе или менѣе близкой съ занятіями у Карла Якимовича или съ бесѣдами у него на дому, но онъ не навязывалъ ученикамъ своимъ темъ изъ той именно области науки, которою самъ въ данный моментъ особенно интересовался, ни такихъ темъ, которыми самъ когда-то спеціально занимался, а пріучалъ ихъ работать въ томъ направленіи, къ какому каждый обнаруживалъ склонность и способность, предостерегая ихъ впрочемъ отъ слишкомъ ранней спеціализаціи [1]). Такого образа дѣйствія, разумѣется, не всякій профессоръ склоненъ будетъ держаться; Люгебиль обладалъ должною многосторонностью и во всякомъ случаѣ не боялся учиться вмѣстѣ съ учащимися, а подчасъ и у учащихся. Онъ ободрялъ учениковъ своимъ ласковымъ вниманіемъ, не брезгавшимъ никакими частностями, направлялъ ихъ своимъ яснымъ и широкимъ пониманіемъ дѣла и видимо радовался всякому ихъ успѣху. Не зная ученаго чванства, онъ не злоупотреблялъ своимъ авторитетомъ, не задѣвалъ

[1]) Темъ для соисканія наградъ медалями Карлъ Якимовичъ принципіально не назначалъ, отчасти потому, что, по его мнѣнію, большей части университетскаго курса едва достаточно для того, чтобы хоть нѣсколько оріентироваться въ наукѣ, отчасти же потому, что признавалъ медали развивающими тщеславіе и самодовольство.

безъ нужды самолюбія молодыхъ изслѣдователей, но съ другой стороны, не церемонился высказывать и неодобреніе, въ особенности когда ученикъ преувеличивалъ значеніе своихъ открытій, свысока судилъ о достойныхъ предшественникахъ или, увлекшись одною какою-нибудь дисциплиной, обнаруживалъ недостаточное пониманіе другихъ родовъ изслѣдованія. Нельзя сказать, чтобы Карлъ Якимовичъ искалъ случая распространяться о принципіальныхъ вопросахъ науки; однако онъ далекъ былъ отъ холодной или самолюбивой или лѣнивой сдержанности, и постоянно сказывалось, что принципы, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, имѣли въ его глазахъ первостепенное значеніе. Самъ онъ, по мѣрѣ возможности, строго и послѣдовательно проводилъ усвоенныя имъ принципіальныя воззрѣнія, не боясь прослыть чудакомъ или педантомъ, отъ учениковъ же требовалъ, по крайней мѣрѣ, осмысленнаго отношенія къ нимъ.

При непрочномъ здоровьи Карла Якимовича, его чрезвычайно, до самоотверженія, добросовѣстное отношеніе къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ не могло не отразиться невыгодно на его авторской производительности. Можно указать еще и другія причины, содѣйствовавшія тому, что онъ за тридцать слишкомъ лѣтъ, неустанно работая, напечаталъ сравнительно мало ученыхъ трудовъ; во всякомъ случаѣ, оцѣнить его по достоинству, какъ ученаго, на основаніи печатныхъ его трудовъ, какъ намъ кажется, не возможно даже людямъ, придающимъ значеніе не столько количеству и объему, сколько содержанію и качеству печатаемаго. К. Я. Люгебиль, правда, не поражалъ „эрудиціей", обладая памятью среднею, которой, быть можетъ, едва хватало на громадную массу пріобрѣтенныхъ имъ и постоянно пріобрѣтаемыхъ познаній; за то навѣрное весьма немного найдется филологовъ, которые по широтѣ научнаго кругозора, по многообразію научныхъ интересовъ могли бы съ нимъ сравниться. Въ то же время никто меньше его не былъ склоненъ къ верхоглядству, къ апріорнымъ общимъ мудрствованіямъ безъ серьезной, фактической подкладки. Онъ до конца своей жизни продолжалъ скромно учиться и усердно пополнять пробѣлы въ своихъ позианіяхъ. Exemplaria graeca не сходили съ его рабочаго стола, они не покидали его даже во время лѣтняго отдыха. У него были свои любимцы между древними—Гомеръ и Лисій, но и другіе, не спеціально изучаемые имъ авторы служили ему не только для справокъ, какъ, къ сожалѣнію, многимъ другимъ. Въ филологическихъ журналахъ его весьма многое интересовало, но онъ слѣдилъ за текущую ученою литературою не только по журнальнымъ

статейкамъ и библіографическимъ изданіямъ, а находилъ нужнымъ и отчасти возможнымъ прочитывать даже такіе вовсе не имѣвшіе прямого отношенія къ его собственнымъ изслѣдованіямъ труды, какъ напримѣръ, Römisches Staatsrecht и Münzwesen Моммзена, не говоря уже о всемъ замѣчательномъ, что появлялось въ области греческой грамматики, древностей, эпиграфики, гомеровскихъ вопросовъ, сравнительной грамматики, общаго языкознанія. Philologus erat, philologici nil a se alienum putabat.

Едва ли не самою замѣчательною чертою Карла Якимовича, какъ ученаго, была его удивительная отзывчивость на все свѣжее, живое и оригинальное въ наукѣ, удивительная тѣмъ, что онъ успѣлъ сохранить ее до сѣдыхъ волосъ, тогда какъ у большинства ученыхъ она или вовсе отсутствуетъ, или слишкомъ рано утрачивается, за недостаткомъ нравственной энергіи. Смѣло и послѣдовательно проведенная мысль, новая точка зрѣнія, новый методъ могли всегда расчитывать на серьезное вниманіе Карла Якимовича, хотя бы ему стоило болѣе или менѣе значительнаго труда и времени свыкнуться съ ними. У него такая черта не имѣла ничего общаго съ оригинальничаніемъ: онъ нисколько не пренебрегалъ рутинными пріемами, когда находилъ, что они даютъ удовлетворительные результаты. Пусть онъ иногда понапрасну увлекался, на словахъ не рѣдко, отстаивая извѣстныя воззрѣнія, обнаруживалъ излишній задоръ и нѣкоторую склонность къ парадоксамъ, помянутая черта, въ сущности, безъ сомнѣнія, обусловливалась его необычайно серьезнымъ и честнымъ исканіемъ истины, то-есть, лучшимъ, что, въ нравственномъ отношеніи, можно сказать объ ученомъ.

Тяжкою болѣзнью, постигшею Карла Якимовича въ 1873 году и надолго, если не навсегда, потрясшей его организмъ, учено-литературная дѣятельность его раздѣляется на два періода, отличные между собою, въ извѣстной мѣрѣ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ трудовъ. Къ первому періоду, который можно было бы назвать періодомъ диссертацій, относятся упомянутыя выше изслѣдованія: De Venere Coliade Genetyllide (Petropoli 1858; см. рецензію Преллера Jahrb. f. Philol. 1859, стр. 551 сля.); Ueber das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismus in Athen (Jahrbücher f. cl. Phil. Suppl. Bd. IV, и отдѣльно, Leipzig 1861); Историко-филологическія изслѣдованія (С.-Пб. 1868); затѣмъ нѣмецкая обработка того же сочиненія: Zur Geschichte der Staatsverfassung von Athen, Untersuchungen von K. L. I König Kodros und die sogenannten lebenslänglichen Archonten.

II Das Archontat und die Strategie zur Zeit der Perserkriege und die historische Bedeutung der Beamtenerloosung (Jahrb. f. cl. Phil. Suppl. Bd. V, и отдѣльно, Leipzig 1871; см. Revue crit. d'hist. et de lit. 1872, № 21; Lit. Centralbl. 1872, 26, а въ особенности обстоятельную и сердитую рецензію Шёманна въ Jahrb. f. cl. Phil. 1872, стр. 145—168); наконецъ три журнальныя статьи, изъ которыхъ одна (Zur Kritik und Erklärung von Pausanias I 20: Philologus XXXIII, 1871) представляетъ собою обработку реферата, читаннаго Карломъ Якимовичемъ на археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, а другія двѣ—рецензіи, на изданный А. К. Наукомъ Lexicon Vindobonense (Ж. М. Н. Пр. 1868 года, октябрь) и на Изслѣдованія по исторіи греческаго искусства А. В. Прахова (Ж. М. Н. Пр., 1871). Всѣ эти работы, за исключеніемъ замѣтки о Lexicon Vindobonense, явились плодами занятій автора греческою исторіей, древностями, миѳологіей и археологіей искусства; впослѣдствіи онъ только дважды, въ рецензіяхъ на диссертаціи, возвращался къ такого рода темамъ. Съ внѣшней стороны, произведенія перваго періода отличаются изложеніемъ, хотя и нѣсколько обстоятельнымъ, но вообще стройнымъ и гармоничнымъ, а отчасти весьма живымъ и привлекательнымъ. Авторъ, видимо, находится въ разцвѣтѣ силъ, идетъ въ гору. Въ эту пору уже Люгебиль сильно увлекался изученіемъ греческой грамматики, сравнительной грамматики и общимъ языкознаніемъ, чѣмъ могли воспользоваться его любимые ученики (Воеводскій, Аландскій, Бѣляевъ), и отъ чего вообще богатѣла и разнообразилась программа его лекцій, но осязательныхъ, печатныхъ плодовъ эти штудіи тогда еще не успѣли принести. Онъ спѣшилъ прежде всего приготовить къ печати свой переводъ, съ многочисленными и отчасти пространными примѣчаніями, извѣстнаго труда Г. Курціуса „Grundzüge der griechischen Etymologie", но одновременно продолжалъ заниматься многимъ другимъ, въ особенности школьнымъ изданіемъ Корнелія Непота, которое онъ и успѣлъ довести до конца. Однако оказалось, что онъ своихъ силъ не расчиталъ; слишкомъ напряженныя умственныя занятія привели къ нервному удару и вмѣстѣ съ тѣмъ къ продолжительному перерыву, какъ въ занятіяхъ его вообще, такъ въ особенности въ авторской дѣятельности. Къ чтенію лекцій онъ приступилъ сравнительно скоро (кажется, черезъ полтора года), но долго лекціи поглощали почти всю его рабочую силу. Въ промежуткѣ между 1871 и 1879 годами Люгебиль ничего не напечаталъ, кромѣ помянутаго изданія Корнелія Непота. Надо впрочемъ замѣтить, что онъ между 1873

и 1879 годами страдалъ не только отъ послѣдствій удара, подвергался операціи (рана на ногѣ) и разъ былъ даже при смерти отъ воспаленія легкихъ. Удивительна въ самомъ дѣлѣ была бодрость духа, энергія, съ какою онъ всякій разъ, едва оправившись отъ тяжкаго недуга, снова принимался за любимое дѣло. Свойственный ему огонекъ не погасалъ, а какъ будто воскрешалъ слабую плоть. Однако, равновѣсіе организма было разъ нарушено, и никакое регулированіе занятій, никакая гигіена уже не могли возвратить ему, на остатокъ жизни, его нормальную силу и связанную съ физическимъ здоровьемъ и сознаніемъ силы ясность и гармонію духа. Это отразилось и на печатныхъ трудахъ втораго періода, что впрочемъ вовсе не лишаетъ ихъ серьезнаго научнаго значенія. Изъ нихъ первое мѣсто, и по объему, и по полезности занимаетъ переводъ первой части „Grundzüge" Курціуса, печатавшійся „очень долго, съ нѣкоторыми, отчасти весьма продолжительными перерывами" (предисл. стр. I) и выпущенный наконецъ въ 1882 году, подъ заглавіемъ: Начала и главные вопросы греческой этимологіи, переводъ съ нѣмецкаго первой книги „Начертанія греческой этимологіи" Г. Курціуса, съ согласія автора перевелъ и прибавилъ свои примѣчанія К. Люгебиль (XXVI + 316 стр.). Отъ обработки второй части Курціуса Люгебиль по причинамъ, объясненнымъ въ предисловіи, отказался. Все остальное, напечатанное имъ въ послѣднее десятилѣтіе жизни — журнальныя статьи, отчасти довольно значительнаго объема. Въ Ж. М. Н. Пр. за 1880 г. была помѣщена имъ статья „О формахъ род. пад. ед. ч. т. н. 2-го греч. склоненія", нѣмецкая обработка которой (Der Genetivus Sing. in d. sog. 2-ten altgriech. Declination) въ томъ же году появилась въ Jahrbücher f. class. Phil. Suppl. Bd. XII. Въ Архивѣ Ягича (Archiv f. slavische Phil. Bd. VIII, 1884 г.) напечатана Люгебилемъ статья подъ заглавіемъ: Zur Frage über zweitheilige und einheitliche Sätze (auf Veranlassung von Miklosichs Schrift: „Die subjectlosen Sätze", 1883). Въ 1886 г. онъ началъ печатать въ Ж. М. Н. Пр. рядъ „этюдовъ въ области грамматики, метрики и критики текста Иліады и Одиссеи" подъ общимъ заглавіемъ „Homerica", изъ коихъ появились всего два (іюнь и августъ 1886 г.), одинъ—трактующій объ употребленіи у Гомера глаголовъ ἀμείβομαι и ἀπαμείβομαι, другой—„О древнѣйшей формѣ греческаго имени карійцевъ". Краткій конспектъ втораго этюда сообщенъ авторомъ въ журналѣ Бецценбергера Beiträge zur Kunde der indog. Sprachen, т. X (1886), стр. 303 и слѣд. Вотъ важнѣйшіе изъ трудовъ К. Я. Люгебиля, напеча-

танныхъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни. О статьѣ, появившейся послѣ смерти автора въ Rheinisches Museum f. Phil., мы выше уже упомянули. Остается перечислить замѣтки по критикѣ текста разныхъ греческихъ авторовъ и рецензіи, относящіяся къ тому же періоду. Въ Ж. М. Н. Пр. за 1879 и 1881 годы помѣщены двѣ замѣтки: „Объясненіе одного мѣста въ первой рѣчи Исея (§ 38)" и „Киклопъ Еврипида (ст. 558—565)"; первая впослѣдствіи была обработана авторомъ для Jahrbücher f. class. Philol. (1884 г., стр. 161 слл.), въ которыхъ, кромѣ того, появились замѣтки „Zu Aeschylos Septem" (1883 г.) и „Zu Solon (fr. 36 Bgk.)" (1884 г., стр. 819 сл.). Рецензіи Люгебиль писалъ на сочиненія: Ернштедта („Объ основахъ текста Андокида и т. д." и изданіе Антифонта: Ж. М. Н. Пр., 1880 и 1881), Л. Воеводскаго („Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ" и „Введеніе въ миѳологію Одиссеи", тамъ же 1882 г.), П. В. Никитина („Къ исторіи драматич. состязаній въ Аѳинахъ": Philol. Wochenschrift herausg. von W. Hirschfelder, 3. Jahrg. 1883, № 31—32) и А. Добіаша („Синтаксисъ Аполлонія Дискола": Ж. М. Н. Пр., 1883). Наконецъ, отзывъ о трехъ сочиненіяхъ г. Воеводскаго помѣщенъ Люгебилемъ еще въ Jahrb. f. class. Philol. за 1882 годъ. Рецензіи эти характерны для автора ихъ не только тѣмъ, что позволяютъ судить о многосторонности его, онѣ составлены не съ плеча, какъ водится, въ особенности въ нѣмецкихъ журналахъ, а добросовѣстно и обстоятельно, безъ выдергиванія чужихъ случайныхъ промаховъ и безъ кичливаго выставленія собственнаго превосходства.

Мы перечислили ученые труды К. Я. Люгебиля, но его писательская дѣятельность не исчерпывается собственно учеными трудами. Какъ въ бытность свою преподавателемъ средне-учебныхъ заведеній, такъ и впослѣдствіи, и даже до послѣднихъ дней своихъ онъ горячо принималъ къ сердцу школьное дѣло, въ особенности, разумѣется, хотя далеко не исключительно, дѣло преподаванія древнихъ языковъ, и по мѣрѣ силъ и времени старался способствовать его раціональной постановкѣ и развитію у насъ въ Россіи. Въ 1862 году онъ выхлопоталъ для жены своей, Софіи Андреевны, разрѣшеніе открыть дѣтскій садъ и въ устройствѣ этого перваго въ Россіи дѣтскаго сада самъ участвовалъ [1]). Онъ былъ въ числѣ учредителей С.-Петербург-

---

[1]) Свѣдѣніями о дѣятельности К. Я. Люгебиля по школьному дѣлу составитель некролога обязанъ, главнымъ образомъ, І. И. Паульсону, давнишнему другу покойнаго.

скихъ педагогическихъ собраній и съ 1859 по 1869 г. принималъ въ нихъ весьма дѣятельное участіе. Изъ читанныхъ имъ въ этихъ собраніяхъ рефератовъ въ протоколахъ, опубликованныхъ только отчасти, значатся слѣдующіе два: а) о принципѣ въ преобразованіи средне-учебныхъ заведеній (1862 г.) и б) о неумѣстности преподаванія исторіи литературы въ гимназіяхъ (1863 г.) Рефераты эти обсуждались въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, но напечатаны не были. Еще раньше своей первой поѣздки за границу К. Я. Люгебиль сотрудничалъ въ Журналѣ для воспитанія, издававшемся съ 1857 г. подъ редакціей А. А. Чумикова, и въ Русскомъ Словѣ. Въ Журналѣ для воспитанія за 1859 г. (№№ 2, 4 и 5) напечатана большая критическая статья его подъ заглавіемъ: „Наши латинскіе учебники", въ которой разбираются: а) Элементарная грамматика латинскаго языка Кюнера, въ переводѣ Коссовича; б) изданный въ 1847 г. учебникъ латинскаго языка профессора Московскаго университета Гофманна Донатъ (на этотъ малоизвѣстный и рано вышедшій изъ употребленія учебникъ Люгебиль указывалъ какъ на весьма хорошее въ методическомъ отношеніи руководство — съ цѣлью побудить къ новому его изданію); г) Пособія при первоначальномъ изученіи латинскаго языка, составленныя учителемъ Воронежской гимназіи Э. З.; д) Латинская хрестоматія Н. Бѣлюстина, и е) Латинская хрестоматія Н. Отто, учителя Новгородской гимназіи. Въ томъ же журналѣ (1859 г. № 5), въ отдѣлѣ „куріозовъ", помѣщена написанная въ юмористическомъ духѣ замѣтка Люгебиля о „Полномъ самоучителѣ латинскаго языка, составленномъ по лучшимъ новѣйшимъ методамъ" и т. д. (изд. 2-е, С.-Пб. 1858, два толстыхъ тома), произведеніи Н. И. Греча. Въ Русскомъ Словѣ за 1860 г. появилась замѣтка „объ изданіи греческихъ и латинскихъ классиковъ съ нѣмецкими примѣчаніями". Далѣе, въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1862 г. Люгебиль помѣстилъ статью о „новыхъ латинскихъ словаряхъ". Въ журналѣ Учитель за 1865 г. напечатана имъ статья „о преподаваніи латинскаго языка въ нашихъ филологическихъ гимназіяхъ и о новѣйшихъ пособіяхъ по этому предмету", кончающаяся обѣщаніемъ представить краткій разборъ вышедшихъ у насъ въ послѣднее время, то-есть, съ 1859 по 1865 г., учебниковъ латинскаго языка. Такой разборъ однако, какъ кажется, на страницахъ Учителя, издававшагося до 1870 г. включительно, не появлялся. За то тамъ же помѣщены другіе разборы того же автора, въ 1867 году—„Элементарной грамматики греческаго языка" Кюнера, въ переводѣ К. Коссовича

(3-е изд. 1866 г.), и гимназическихъ программъ по латинскому и греческому языкамъ, въ 1869 году—разборъ „Латинско-русскаго словаря" Г. Шульца (С.-Пб. 1865) [1]). Къ вопросу „о преподаваніи древнихъ языковъ" покойный возвратился еще разъ въ 1884 году, на страницахъ Журн. Мин. Нар. Пр. (ноябрь—декабрь) въ статьѣ „По поводу Отчета о занятіяхъ коммиссіи для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа (Тифлисъ 1884)". Выставленныя Люгебилемъ по этому вопросу положенія послужили темою для весьма оживленныхъ преній, происходившихъ 30-го марта и 20-го апрѣля 1884 года въ засѣданіяхъ Филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, при участіи многихъ педагоговъ-практиковъ.

Кромѣ перечисленныхъ статей по дидактикѣ древнихъ языковъ, К. Я. Люгебиль издалъ и руководства для употребленія въ гимназіяхъ: 1) „Различныя жизнеописанія Корнелія Непота, видоизмѣненныя, исправленныя и дополненныя по лучшимъ источникамъ по Фёлькеру (Chr. Conr. Völker), съ прибавленіемъ латинско-русскаго словаря. Руководство для употребленія въ гимназіяхъ". С.-Пб. 1874. См. статью автора „о руководствѣ: Жизнеописанія Корнелія Непота по Фелькеру" въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1874 г. Въ 1881 г. Люгебиль выпустилъ ту же книгу „вторымъ исправленнымъ изданіемъ" подъ заглавіемъ: Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота и т. д. 2) „Первая греческая книга для чтенія, для гимназій". С.-Пб. 1885. Это хрестоматія состоящая „изъ двухъ отдѣловъ: а) изъ извлеченія изъ Аполлодоровой греческой миѳологіи (библіотеки), дополненной немногими отрывками изъ Павсанія и Плутарха, и б) изъ двухъ первыхъ книгъ Ксенофонтова Похода Кира". Въ концѣ приложенъ словарь. Первый отдѣлъ хрестоматіи, по словамъ издателя, заимствованъ изъ книги для чтенія Латманна.

К. Я. Люгебиль не былъ педагогомъ-практикомъ, уже потому, что самъ онъ слишкомъ недолгое время преподавалъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Вслѣдствіе этого педагогамъ не трудно находить уязвимую сторону въ его положеніяхъ, какъ обнаружилось, между прочимъ, въ засѣданіяхъ университетскаго Филологическаго общества

---

[1]) Говоря о сотрудничествѣ К. Я. Люгебиля въ *Учителѣ*, слѣдуетъ упомянуть еще, хотя бы ради полноты, о помѣщенныхъ имъ въ этомъ журналѣ въ 1862 году статьяхъ подъ заглавіями „Гуманная начальница" и „Наука и геніальные люди".

30-го марта и 20-го апрѣля 1884 года. Съ другой стороны, педагогамъ, конечно, весьма полезно узнавать многое, что̀ не подсказывается непосредственно школьною практикою, хотя не лишено значенія въ дѣлѣ преподаванія. Со стороны многія обстоятельства, и притомъ не послѣдней важности, виднѣе—человѣку со здравымъ смысломъ, внимательно и съ любовью слѣдящему за дѣломъ, не обремененному частностями школьной практики и не увлеченному ея рутиною. Здравомыслящіе педагоги будутъ признательны такому человѣку за его совѣты и указанія, хотя бы сразу невозможно было значительно приблизиться къ выставляемому имъ идеалу. Припомнимъ слова Люгебиля изъ послѣдней его дидактической статьи, въ которой онъ рекомендуетъ эвретическій пріемъ обученія древнимъ языкамъ: „Если только высказанныя мною дидактическія убѣжденія не могутъ быть опровергнуты въ существенныхъ чертахъ, то пусть онѣ и останутся идеалами. Выставленіе ихъ все-таки имѣетъ свое значеніе, ибо идеалы помогаютъ намъ выпутаться изъ худшаго состоянія и добиться лучшаго, и если никогда нельзя достичь идеала, то все же слѣдуетъ всѣми силами стараться приблизиться къ нему".

Въ послѣднихъ словахъ, какъ намъ кажется, заключается разгадка всей личности К. Я. Люгебиля, съ ея принципіальностью, ея прямодушіемъ, задоромъ, наивностью, непрактичностью и съ ея неотразимою для всякаго, знавшаго его, привлекательностью. Онъ былъ идеалистомъ въ настоящемъ смыслѣ слова: для него идеалы не были сами по себѣ, а дѣйствительность сама по себѣ. Онъ, по видимому, не допускалъ компромиссовъ, не зналъ малодушія, онъ боялся всякой фальши и не боялся комизма. Люди иногда находили, что въ немъ „какъ будто чего-то недоставало"; они не ошибались, въ немъ дѣйствительно недоставало чего-то такого, что̀ мы привыкли считать нормальнымъ: онъ не былъ, что называется, себѣ на умѣ, или если въ немъ находилась эта необходимая ингредіенція человѣка, то въ слишкомъ незначительномъ количествѣ. Ave, anima candida.

В. Ернштедтъ.

II.

М. Н. Богдановъ.

Модестъ Николаевичъ Богдановъ родился въ 1841 году въ селѣ Русской Бекшанкѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, и первые годы провелъ тамъ же, въ имѣніи родителей. Въ немъ рано развилась наблюдательность и страсть къ охотѣ; жизнь на деревенскомъ просторѣ и разнообразная природа окружающей мѣстности давали въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ.

По окончаніи курса въ Симбирской гимназіи въ 1858 году, онъ поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ въ 1864 году. Еще во время университетскаго курса его призваніе окончательно опредѣлилось: онъ сдѣлался зоологомъ. Въ составѣ профессоровъ Казанскаго физико-математическаго факультета были тогда знаменитые ученые: достаточно назвать недавно умершихъ М. А. Ковальскаго и А. М. Бутлерова. Они, конечно, имѣли вліяніе на молодаго Богданова, но онъ не избралъ ихъ спеціальности. Въ Казани былъ въ то время профессоромъ ученый, нѣсколько забытый теперь, но много сдѣлавшій для изслѣдованія Казанской губерніи и Оренбургскаго края [1]), Эверсманъ. Онъ всего болѣе повліялъ на Богданова, который остался при университетѣ и въ 1867 году былъ избранъ прозекторомъ зоологіи. Въ томъ же году онъ окончилъ свой первый трудъ „Зоогеографическій очеркъ жизни полеваго тетерева" и представилъ его на первый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей, въ Трудахъ котораго онъ и напечатанъ.

Въ 1871 году, въ Трудахъ Казанскаго Общества естествоиспытателей, напечатана обширная работа Богданова: „Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги". Этотъ трудъ былъ имъ представленъ въ С.-Петербургскій университетъ, на степень магистра зоологіи, которую онъ и получилъ послѣ блестящаго диспута. Этотъ годъ вообще имѣлъ большое, рѣшающее значеніе въ жизни Богданова; лѣтомъ онъ былъ посланъ Казанскимъ Обществомъ естествоиспытателей на Кавказъ. Онъ сдѣлалъ большое путешествіе, собралъ обширный матеріалъ и

[1]) Въ тогдашнемъ его обширномъ значеніи, то-есть, включая губерніи Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую и области Уральскую и Тургайскую.

вмѣстѣ съ тѣмъ заболѣлъ лихорадкой, послужившею первою причиной тяжкихъ болѣзней, отъ которыхъ онъ страдалъ впослѣдствіи. Въ концѣ этого года онъ оставилъ Казанскій университетъ и перешелъ въ Петербургскій. Здѣсь его скоро оцѣнили по достоинству и избрали штатнымъ доцентомъ зоологіи. Профессоромъ зоологіи въ то время былъ К. Ѳ. Кесслеръ, о которомъ Богдановъ сохранилъ самое лучшее воспоминаніе. Академія Наукъ въ 1872 году избрала Богданова однимъ изъ хранителей своего зоологическаго музея. Въ этомъ богатомъ хранилищѣ Богдановъ проводилъ цѣлые дни, особенно въ вакаціонное время, приводя музейныя коллекціи въ порядокъ и собирая матеріалы для своихъ трудовъ. Несомнѣнно, что эта работа въ значительной степени разстроила его здоровье, ослабленное уже послѣдствіями кавказской лихорадки.

Въ 1873 году Богдановъ воспользовался случаемъ посѣтить пустыни Средней Азіи и Хивинскій оазисъ, въ то время еще почти неизвѣстные въ научномъ отношеніи; онъ принялъ участіе въ Хивинской экспедиціи, въ составѣ Казалинскаго отряда. Здѣсь ему пришлось не только въ полной мѣрѣ раздѣлить тягости экспедиціи, но и принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

По возвращеніи изъ экспедиціи, Богдановъ женился на О. Д. Шидловской. Въ послѣдующую зиму онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Оно исходатайствовало значительную сумму на ученую экспедицію въ Арало-Каспійскій край, подъ начальствомъ генерала Столѣтова, экспедицію, давшую столь богатые плоды. Богдановъ такъ заинтересовался природой этого края, что присоединился и къ новой экспедиціи. Теперь край былъ умиротворенъ, и ученые могли спокойно работать. Отчетъ отпечатанъ имъ въ VII томѣ Трудовъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей.

Результатомъ обоихъ путешествій Богданова въ Хиву и Арало-Каспійскія степи явилась книга: „Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизылъ-Кумъ“ [1]). Эта книга составляетъ часть описанія Хивинскаго похода. Предисловіе помѣчено: „С.-Петербургъ, январь, 1875“, но книга вышла изъ печати лишь въ 1882 г., а въ Петербургѣ получена еще позже.

Возвратившись въ Петербургъ, Богдановъ опять принялся за ра-

[1]) Описаніе Хивинскаго похода 1873 года. Издано подъ редакціей генералъ-лейтенанта *Троцкаго*. Выпускъ XII. Ташкентъ. 1882.

боту: теперь его вниманіе все болѣе сосредоточивалось на птицахъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ былъ командированъ за границу министерствомъ народнаго просвѣщенія. Его поѣздка продолжалась болѣе года и была посвящена, главнымъ образомъ, фаунистическимъ изслѣдованіямъ. Особенно много онъ работалъ въ зоологическихъ музеяхъ Парижа, Берлина и Вѣны. Въ 1878 году онъ напечаталъ книгу о русскихъ сорокопутахъ—образцовое изслѣдованіе рода птицъ, распространеннаго на очень большомъ пространствѣ, и первое изслѣдованіе такого рода въ Россіи. За него онъ получилъ степень доктора зоологіи отъ С.-Петербургскаго университета. Въ 1879 году онъ издалъ обширное изслѣдованіе „Птицы Кавказа", которое спеціалисты справедливо считаютъ „первымъ основнымъ камнемъ въ раціональной разработкѣ орнитологической фауны Кавказа". Въ 1880 году Богдановъ отправился во главѣ экспедиціи, снаряженной С.-Петербургскимъ Обществомъ естествоиспытателей на Бѣлое море и Сѣверный океанъ. Результаты ея изложены имъ въ Трудахъ Общества. Въ 1885 году вышелъ первый выпускъ обширнаго, классическаго труда Богданова „Русская орнитологія", который ему не суждено было докончить. Матеріалы для него онъ собиралъ въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ, наблюдая жизнь птицъ и изучая коллекціи въ зоологическихъ музеяхъ Европы.

По смерти профессора Кесслера, Богдановъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, а позже назначенъ ординарнымъ. Съ годами здоровье Модеста Николаевича становилось все хуже и онъ принужденъ былъ отказаться отъ мѣста хранителя музея Академіи Наукъ. Въ концѣ 1885 года онъ долженъ былъ прекратить чтеніе лекцій. Университетъ далъ ему командировку на Кавказъ; предполагалось, что въ тепломъ климатѣ онъ можетъ еще работать и поправить свое здоровье. Конецъ зимы 1885—1886 гг. онъ провелъ въ Тифлисѣ и Сухумъ-Кале, лѣто 1886 г.—у подошвы ледника, близъ Алагира, зиму 1886—1887 гг. — въ Тифлисѣ и Ашуръ-Аде, откуда надѣялся сдѣлать обширныя изслѣдованія на персидскомъ берегу, но сырой климатъ такъ дурно повліялъ на его здодовье, что врачи посовѣтовали ему скорѣе уѣхать. Онъ прожилъ съ марта по августъ 1887 г. въ родномъ Поволжьѣ, въ г. Сызрани, и замѣчательно поправился, такъ что пріѣхалъ въ Петербургъ такимъ бодрымъ, какимъ его давно не видали. Но уже въ концѣ сентября онъ вновь заболѣлъ, и черезъ два мѣсяца профессоръ С. П. Боткинъ уже не надѣялся, что Богдановъ можетъ прожить болѣе года. Болѣзнь все ухудша-

лась, и 9-го марта его должны были свидѣтельствовать врачи вслѣдствіе прошенія объ отставкѣ по неизлѣчимой болѣзни. Но 4-го марта уже его не стало. Онъ оставилъ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.

Труды Богданова были посвящены изслѣдованію жизни и географическаго распространенія позвоночныхъ животныхъ. Русскому ученому въ этой сферѣ представляется столь значительный кругозоръ, что очень важно, чтобъ это научное направленіе было широко распространено, особенно въ университетахъ. Въ этомъ отношеніи Богдановъ сдѣлалъ очень много. Онъ былъ замѣчательно талантливый профессоръ, молодежь относилась къ нему очень сочувственно, и онъ оставилъ учениковъ, продолжающихъ работать въ данномъ направленіи.

Человѣкъ съ широкими взглядами, Богдановъ далеко не ограничивался описаніемъ животныхъ. Изучая ихъ жизнь, онъ изучалъ и природу страны, гдѣ жили данныя животныя, и оставилъ намъ мастерскія описанія природы; особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи его книги: „Птицы и звѣри черноземной полосы“ и „Очерки природы Хивинскаго оазиса“. Въ первой книгѣ онъ далъ замѣчательно вѣрное описаніе природы своего родного Приволжья, вліянія чернозема, песковъ, рѣкъ и т. д. на органическій міръ. Нужно еще замѣтить, что многія мѣста этого края отъ Палласа до Богданова не были посѣщаемы натуралистами. Они стремились далѣе, въ Сибирь, на Кавказъ, въ Среднюю Азію, изслѣдовать природу болѣе разнообразную, болѣе отличную отъ европейской. Богдановъ показалъ, что и ближе къ намъ есть много новаго и любопытнаго, и, къ счастью, нашелъ послѣдователей. Хотя онъ не занимался спеціально изслѣдованіемъ чернозема, но и въ этомъ вопросѣ сдѣлалъ не мало. Вторая изъ упомянутыхъ книгъ, кромѣ живого описанія природы и органической жизни, замѣчательна еще тѣмъ, что авторъ обратилъ вниманіе на рыболовство и съ проницательностью человѣка, ясно понимающаго государственныя потребности, указалъ на то, что̀ слѣдуетъ сдѣлать въ этомъ краѣ. Дѣло въ томъ, что генералу Кауфману совѣтовали поселить русскихъ колонистовъ на Аму-Дарьѣ, для занятія земледѣліемъ, и на первый случай воспользоваться ссыльными уральскими казаками; Богдановъ высказался противъ этого, такъ какъ мѣстные жители — хорошіе земледѣльцы, а русскимъ будетъ трудно примѣниться къ новымъ условіямъ. Съ другой стороны, рыбное богатство Аму-Дарьи очень велико, а туземцы

были очень плохіе рыболовы, не знали употребленія паруса и весла и не умѣли сохранять рыбы въ прокъ. Богдановъ считалъ однако поселеніе уральскихъ казаковъ очень полезнымъ—какъ отличныхъ рыболововъ. То же было имъ высказано лично генералу Кауфману, который такъ и сдѣлалъ, съ большою пользой для края.

Другой государственный вопросъ, котораго Богдановъ нерѣдко касался, но гдѣ его предположеніямъ не суждено было осуществиться,—вопросъ о скотоводствѣ въ Киргизской степи. Онъ не стоялъ за привлеченіе кочевниковъ къ осѣдлой жизни. Эта степь, по его мнѣнію, самою природой назначена для скотоводства: здѣсь и люди, и породы скота приспособились съ условіямъ мѣстности. Обширное степное скотоводство очень важно для Россіи, давая массу животныхъ продуктовъ въ обмѣнъ на произведенія промышленности и земледѣлія. По мнѣнію Богданова, нужно заботиться объ улучшеніи степныхъ породъ скота, объ огражденіи ихъ отъ безкормицы и падежа, но не ломать естественныхъ условій жизни. Особенное значеніе, по его мнѣнію, имѣетъ для Россіи степное коневодство. Оно несомнѣнно должно падать въ мѣстностяхъ, удобныхъ для земледѣлія, гдѣ до сихъ поръ было развито, даже на Дону, такъ какъ уменьшается приволье для лошадей вслѣдствіе распашки земель. Киргизская степь даетъ такое приволье, но имъ нужно умѣть пользоваться.

Вообще Богдановъ очень интересовался домашними животными и много изучалъ ихъ. Особенно въ послѣдніе годы сказалось это направленіе и, проживи онъ еще нѣсколько лѣтъ, дало бы богатые практическіе результаты. Онъ былъ основателемъ и предсѣдателемъ Русскаго Общества птицеводства и передъ смертью былъ занятъ книгой о разведеніи куръ, для которой уже были заказаны рисунки. Онъ справедливо думалъ, что птицеводство имѣетъ большое экономическое значеніе для Россіи, и что мы могли бы сбывать за границу на многіе милліоны продукты птицеводства.

Богдановъ въ послѣдніе годы не мало писалъ и для дѣтей, особенно въ журналѣ Родникъ, и издалъ книгу „Мирскіе захребетники". Онъ умѣлъ и дѣтей заинтересовать животнымъ міромъ; его живое, талантливое изложеніе и любовь къ дѣлу нашли себѣ здѣсь богатое поприще.

А. Воейковъ.

III.

В. П. Гаевскій.

2-го марта скончался послѣ долгой и тяжкой болѣзни извѣстный литераторъ Викторъ Павловичъ Гаевскій.

Онъ родился 22-го января 1826 года въ Петербургѣ и воспитывался сперва въ Ларинской гимназіи, а затѣмъ въ Александровскомъ лицеѣ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1845 году. Въ томъ же году онъ поступилъ на службу въ коммиссію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, а затѣмъ служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ отецъ его былъ директоромъ департамента. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Викторъ Павловичъ вышелъ въ отставку и, по открытіи новыхъ судебныхъ учрежденій, поступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты. Кромѣ того, онъ долгое время состоялъ предсѣдателемъ общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, былъ однимъ изъ директоровъ въ Русскомъ музыкальномъ обществѣ и дѣятельнымъ членомъ Общества поощренія художниковъ.

Въ литературѣ В. П. Гаевскій извѣстенъ какъ отличный знатокъ пушкинскаго періода, которому онъ посвятилъ рядъ замѣчательныхъ статей; таковы: „Пушкинъ въ Лицеѣ и его лицейскія стихотворенія" (въ Современникѣ 1863 г.), разборъ изданія сочиненій Пушкина, сдѣланнаго П. В. Анненковымъ (въ Отечественныхъ Запискахъ 1855 г.), „Библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига" (тамъ же 1853 г.), „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время" (тамъ же 1861 г.), „Перстень Пушкина" и „Библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина" (въ Вѣстникѣ Европы 1888 г.), „О вліяніи лицея на творчество Пушкина" (въ изданной Имп. Александровскимъ лицеемъ брошюрѣ: Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. С.-Пб. 1887), „Пушкинъ и Кривцовъ" (въ Вѣстникѣ Европы 1887 г.), „Дельвигъ" (въ Современникѣ 1853—1855 гг.), „Замѣтки для біографіи Гоголя" (тамъ же 1853 г.)[1]). Имъ же главнымъ образомъ составленъ былъ каталогъ Пушкинской выставки, бывшей въ Петербургѣ въ 1882 году, и редакти-

---

[1]) Болѣе подробный перечень трудовъ Гаевскаго по пушкинскому періоду читатели найдутъ въ книгѣ В. И. Межова: Puschkiniana. С.-Пб. 1886.

рованъ отдѣлъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина въ изданіи литературнаго фонда 1887 г. При его же содѣйствіи издано А. С. Суворинымъ собраніе стихотвореній Дельвига. Кромѣ того, Гаевскому принадлежатъ нѣсколько статей по исторіи русской литературы XVIII в., а именно: о сочиненіяхъ Кострова (въ Современникѣ 1850 года) и разборъ книги Н. Н. Булича о Сумароковѣ (въ Журн. Мин. Н. Пр. 1854 г.). Вообще Гаевскій принималъ постоянное участіе въ критическомъ отдѣлѣ нашего журнала съ 1849 по 1859 г. и, кромѣ того, помѣщалъ въ немъ тогда же статьи о выставкахъ въ академіи художествъ. Болѣе мелкія сообщенія и рецензіи его появлялись въ Библіографическихъ Запискахъ 1861 г. и въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ шестидесятыхъ годовъ. Наконецъ, есть указаніе, что покойнымъ предпринятъ былъ, въ 1854 г., еще одинъ историко-литературный трудъ, оставшійся, къ сожалѣнію, не оконченнымъ, именно— исторія Вольнаго общества любителей словесности, существовавшаго въ Петербургѣ въ первой четверти текущаго столѣтія; Гаевскій намѣревался обработать этотъ предметъ по матеріаламъ, сообщеннымъ ему вторымъ отдѣленіемъ нашей Академіи Наукъ. Большой библіофилъ, Гаевскій собралъ отличную библіотеку, въ которой находится много рѣдкихъ книгъ, автографовъ и вообще рукописей изъ новаго періода нашей литературы. „Въ интимномъ литературномъ мірѣ“ — сказано въ одномъ изъ некрологовъ В. П. Гаевскаго — „это было одно изъ весьма извѣстныхъ и весьма симпатичныхъ именъ. Гдѣ надо было сдѣлать что-нибудь для литературы, для литератора покойникъ всегда находилъ и время, и много отзывчиваго сердца. Какъ предсѣдатель литературнаго фонда, онъ былъ человѣкомъ незамѣнимымъ. Свѣтски воспитанный, имѣвшій обширный кругъ знакомства, онъ жилъ собственно адвокатурою, литература же была для него любимымъ отдыхомъ. Связанный пріязнью со всѣми выдающимися литературными силами, воспитанникъ лицея онъ литературу и любилъ, и зналъ ее прекрасно“. Нельзя не пожелать, чтобы разсѣянныя по журналамъ статьи покойнаго, посвященныя Пушкину и его современникамъ, появились въ отдѣльномъ изданіи.

IV.

Е. В. Чешихинъ.

Скончавшійся 2-го марта редакторъ **Рижскаго Вѣстника** Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ принадлежалъ къ числу полезнѣйшихъ дѣятелей нашей провинціальной печати. Покойный родился въ 1825 г. и по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ поступилъ въ 1848 г. на службу по инженерному вѣдомству, а въ 1862 г. перешелъ на службу въ Ригу. Здѣсь онъ принялъ горячее участіе въ оживленіи мѣстнаго русскаго общества и положилъ основаніе первой русской газетѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, которую и велъ постоянно въ истинно-національномъ направленіи, твердо служа насущнымъ интересамъ русской государственной жизни. Въ томъ же направленіи предприняты были и его историческіе труды, написанные съ цѣлью ближайшимъ образомъ ознакомить русское общество съ прошлыми судьбами Прибалтійскаго края и его разноплеменнаго населенія. Главный изъ этихъ трудовъ есть „Исторія Ливоніи", къ сожалѣнію, оставшаяся не конченною (издано шесть выпусковъ); кромѣ того, имъ изданы четыре тома „Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края" и помѣщено нѣсколько статей по тому же предмету въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ **Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія** за 1884 г. статья о грамотности въ Ригѣ, составленная по даннымъ произведенной тамъ народной переписи.

За ᾔει(ν) рѣшающее значеніе имѣетъ Arist. Plut. 696; двойств. ч. (ᾔστην) встрѣчается только одинъ разъ во всей аттической литературѣ: Plat. Euthyd. 294 D. Ср. Cobet Nov. Lect., p. 334.—I л. множ. ч. ᾖμεν защищено рукописями Платона и размѣромъ Arist. Plut. 659. Eur. Androm. 1102. El. 775. (Schanz. Plat. VII, p. XIV). II л. множ. ч. ᾖτε имѣется Eur. Cycl. 40. III л. мн. ч. гласило у аттиковъ ᾖσαν.

За нее говоритъ: 1) аналогія другихъ формъ, 2) размѣръ у поэтовъ (Arist Eq. 605. fr. 161 Kock), 3) свидѣтельства грамматиковъ: Schol. ad Plat. de Rep. 449 A: ᾖα δισυλλάβως τὸ ἐπορευόμην. σὺν τῷ ἰῶτα γράφεται· οἱ γοῦν Ἴωνες ᾔϊα λέγουσι· καὶ ᾖσαν τὸ ᾔεσαν· καὶ παρὰ Θουκυδίδῃ οὕτως ἀναγνωστέον· ὅτι ἀκμάζοντες ᾖσαν ἐς αὐτόν· οἱ δὲ Ἴωνες ᾔεσαν; ср. Etym. M. s. v. εἰσῇμεν, Suid. s. v. ᾖα. Stahl, p. 65, сообщаетъ, что Thuc. I, 1, 1 въ рукописяхъ читается ᾖσαν, и что переписчики писали ᾔεσαν даже вмѣсто ἦσαν тамъ, гдѣ полагали, что эта форма происходитъ отъ ἰέναι, напримѣръ, Thuc. IV, 39, 2. 42, 3. Если, поэтому, Plat. Resp. I, 352 C и X, 600 E даже Parisin. A читаетъ ᾔεσαν, то не слѣдуетъ придавать этому обстоятельству никакого значенія.

φημί. О II л. ед. ч. прош. несов. говоритъ Phryn., p. 236: ἔφης. ἔστι μὲν παρὰ τοῖς ἀρχαίοις, ἀλλ' ὀλίγον. τὸ δὲ πλεῖστον ἔφησθα, то-есть, онъ признаетъ, кромѣ ἔφησθα, за древнеаттическую форму и ἔφης (между тѣмъ какъ онъ, p. 149, соотвѣтствующее ἦς вмѣсто ἦσθα называетъ σόλοικον. Совершенно справедливо устранили новѣйшіе издатели эту неаттическую форму изъ текстовъ, хотя она засвидѣтельствована рукописями (Plat. Gorg. 466 E, 496 E, Ion 539 замѣнилъ Шанцъ ἔφης черезъ φῄς, Euthyd. 293 C черезъ ἔφη; Aeschin. II, 86 читаютъ теперь ἔφησθ' ἀρτίως вм. ἔφης ἀρτίως. Aesch. Ag. читаютъ Диндорфъ, Веклейнъ и Кирхгофъ [v. 1584] τόνδε φῄς [φῄς] вм. чтенія всѣхъ рукописей τόνδ' ἔφης). Форма ἦς имѣетъ еще менѣе за себя: 8 мѣстъ Софокла, 9—Аристофана и 1—Эсхила требуютъ двухсложной формы; во всѣхъ остальныхъ она допускается размѣромъ. Eur. Iph. A. 339 имѣютъ рукописи ἦς ἁπάσης, или даже ἧς πάσης; издатели пишутъ теперь ἦσθα πάσης. Bamb. Jb. XII, p. 51.

О разныхъ аттическихъ формахъ прош. несоверш. гл. οἶδα мы заимствуемъ у Bamb. Jb. XII, ср. 52 sq., слѣдующія свѣдѣнія: I л. ᾔδη не исключается ни однимъ поэтическимъ мѣстомъ, требуется Ar. Av. 511 ᾔδη 'γώ. Исократъ, надо полагать въ виду XII, 127 προῄδειν ἐσόμενον, употреблялъ ᾔδειν. Для III л. ед. ч. ᾔδει(ν) имѣютъ доказательную силу мѣста: Arist. Pax 1182. Vesp. 558. 635. Eur. Ion

1187. Трехсложная форма II л. ед. ч. требуется размѣромъ Eur. El. 926. Cycl. 108. Ar. Eccl. 551; размѣръ не исключаетъ ея нигдѣ. Шанцъ пишетъ въ своемъ изданіи то (1875) ᾔδεισθα (Euthyphr. 15 D), то (1880. 1881) ᾔδησθα (Euthyd. 277 E, Men. 80 D). Послѣднее, кажется, было свойственно древнимъ аттикамъ, если можно вѣрить грамматику Etym. M. p. 420, 14 ᾔδεισθα· τὸ κοινότερον διὰ τοῦ ε, τὸ δὲ ἀττικώτερον διὰ τοῦ η, ᾔδησθα. Εὔπολις. За формы множ. ч. 1. ᾖσμεν, 2. ᾖστε, 3. ᾖσαν говорятъ мѣста: 1) Eur. Hec. 1112. Arist. fr. 149, 4 Kock, 2) Soph. fr. 317. Aesch. Prom. 451. Eur.. Cycl. 231. Rhes. 855.

3. Πίμπλημι, πίμπρημι.

Сложныя этихъ глаголовъ съ предл. ἐν должны по свидѣтельству нѣкоторыхъ позднѣйшихъ грамматиковъ лишиться своего μ: Lobeck ad Phryn., p. 95, приводитъ: Suid. πίμπλαται, ἐμπιπλᾷ δέ, Moschopul. πιμπλῶ μετὰ τοῦ μ, ἐμπιπλῶ χωρὶς τοῦ μ διὰ τὸ κακάφωνον и др. и защищаетъ это ученіе грамматиковъ на основаніи большинства рукописей. Послѣ Г. Германна (ad Eur. Ion 941 и Arist. Nub. 1488) высказался противъ этого Кобетъ (Nov. Lect. p. 141), главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что у драматическихъ поэтовъ размѣръ вездѣ допускаетъ формы съ μ, а иногда даже требуетъ (Arist. Nub. 1484. Lys. 311. Thesm. 749. Ach. 447—группы πλ и πρ не составляютъ положенія; ср. Christ, Metrik.[2], p. 14); кромѣ того (см. Schanz Plat. XII, p. XVI sq.), имѣетъ Paris. A Платона въ 13 мѣстахъ (напримѣръ, Tim. 52 E, Crit. 121 B, Leg. IV, 705 B, V, 725 C etc.) μ въ текстѣ, въ 5 мѣстахъ надписанное первою рукой. „Platoni ubique ἐμπίμπλημι, ἐμπίμπρημι restituendum est“, заключаетъ Шанцъ. И другіе критики приняли теперь эти формы съ μ въ своихъ изданіяхъ. Ср. Bamb. Z. f. G. 1874, p. 35 sq. Martin. Le ms. d'Isocr. Urb. p. 31.

4. Глаголы на -νυμι.

Изъ надписей приводитъ Meisterh., p. 83, слѣдующіе примѣры: ὀμνύντων CIA. IV, 71, d, 24 (420—413 a. C.), ὀμνύτ[ω ib. 116, d, 5 (раньше 403 a. C.), ὀμνύναι CIA. II, 140, 9; 578, 13; Ἀθ. V, 424 (всѣ эти надписи относятся къ IV в.). Лишь во II вѣкѣ является въ неопр. накл. окончаніе -υειν: στρωννύειν CIA. II, 624, 9 (II в.); ὀμνύειν Ἐφ. ἀρχ. 1884, 170, 26 (послѣ 48 a. C.), между тѣмъ какъ ὤ]μνυον относится уже къ IV в. (CIA II, 160, 13; 336 a. C.). Другіе примѣры даетъ Lautens., p. 8: ὀμνύναι CIA. I, 9, 15. 20 (вр. Кимона), ὑποζωνύν]αι (sic) CIA I, 77, 9 (450—400 a. C.). Формы средняго залога имѣютъ только окончанія глаголовъ на -μι: ζευγ]νυμένῳ CIA. I, 329,

c, 9 (408 a. C.), δείκνυνται CIA. II, 196, 18 (330—320 a. C.). У трагиковъ формы гл. на -ω не встрѣчаются, у комиковъ за то часто; συμπαραμιγνύων Arist. Plut. 719 защищено размѣромъ. Thuc. IV, 25, 5 ἀπολλύουσι и V, 19, 2. 24, 1 ὤμνοον считаетъ Stahl, p. 64, не подлежащими сомнѣнію.

Отдѣльные глаголы. Meisterh., p. 84—89.

1. ἀγγέλλω. Eur. Iph. T. 932 измѣнилъ Эльмслей рукописное чтеніе: ταῦτ' ἄρ' ἐπ' ἀκταῖς χἀνθάδ' ἠγγέλης μανείς, считая аористъ ἠγγέλην за неаттическую форму; что это предположеніе ошибочно, доказываетъ Syll. 13, 19=CIA. IV², 27, b, 19 ἐπειδὰν ἐπαγγελῇ 439 a. C.

2. ἀναγορεῦσαι. Кобетъ сдѣлалъ наблюденіе, что древніе аттики почти совсѣмъ не употребляли fut. aor. и perf. гл. ἀγορεύειν и его сложныхъ и что вм. нихъ встрѣчается ἐρεῖν, εἰπεῖν, εἰρηκέναι, εἰρῆσθαι. Въ надписяхъ встрѣчается только ἀναγορεύειν, но наблюденіе Кобета подтверждается и тутъ; до сихъ поръ нашлось въ періодъ времени отъ V—I вв. до Р. Х. 35 примѣровъ аориста ἀνεῖπον (ἀνεῖπα), напримѣръ, ἀνειπε... CIA, II, 55, 5 (раньше 352 a. C.), ἀνειπεῖν ib. 61, 9 (358—352 a. C.), Bull. III, 121, 9 (350 — 300), ἀνειπάτω 'Εφ'. ἀρχ. 1884, 71, 19 (350—300 a. C.), ἀνειπέτω CIA. II, 603, 13 (300—250 a. C.), ἀνείπει (= -ῃ) ib. 614, 22 (282—280 a. C.). 'Αναγορευσά[τω является лишь съ 325 г. до Р. Х. CIA. II, 809, a, 196, ἀναγορε]ῦσαι ib. 251, 22 рядомъ съ ἀνειπεῖν строка 6 (307—300 a. C.), ἀναγορορεῦσαι ib. 543, 2 (ок. 300 a. C.), ib. 331, 75 (ок. 270 a. C.), ἀναγορεύσωσι ib. 617, 15 (ок. 250 a. C.), ἀναγορευθῇ ib. 251, 22 (307—300 a. C.). Aor. pass. ἀναρηθέντες CIA. II, 719, 12 (321 a. C.). Herw., p. 43, Lautens., p. 14.

3. ἀναλῶ чередуется съ ἀναλίσκω въ древнеаттическомъ нарѣчіи. ἀναλοῦν CIA. I, 55, c, 3 (415 a. C.), но ἀπαναλίσκηται ib. 32, A, 26 (420—416 a. C.). Въ IV в. встрѣчаются въ надписяхъ лишь формы отъ ἀναλίσκω: ἀναλισκομένων CIA. II, 54, b, 29 (368 a. C.) etc. ἀναλίσκειν ib. 610, 10 (350—300 a. C.).

4. ἀνοίγω, употребляемое Θукидидомъ исключительно, и ἀνοίγνυμι слѣдуетъ считать за одинаково хорошія аттическія формы, но послѣднее встрѣчается въ надписяхъ въ формѣ ἀνοιγνυμένας CIA. II, 1054, 88 (347 — 329 a. C.) позже, чѣмъ первое: συνανοιγόντων CIA. I, 32, A, 16 (420—416 a. c.) и еще въ началѣ II в. до Р. Х. ἀνοίγουσα CIA. II, 622, 14. Fut. pass. ἀνοίξεται читается Syll. 352, 25=CIA. II, 1054, 25 (347 a. C.). Относительно perf. act. высказалъ уже Бамбергъ (Z. f. G. 1874, p. 18) мнѣніе, что ученіе обыкновенныхъ на-

шихъ грамматикъ, будто ἀνέῳγα относится къ среднему залогу, ἀνέῳχα же къ дѣйствительному, не вѣрно, и что только одно ἀνέῳγα слѣдуетъ признать за аттическую форму. Еще Phrynich., p. 157, говоритъ: ἀνέῳγεν ἡ θύρα, σολοικισμός· χρὴ γὰρ λέγειν ἀνέῳκται. Послѣднее подтверждается надписями: CIA. II, 720, B, 49 (320 a. C.) ἀ]ν[ε]ῳγμένον и ib. 1061, 8 ἀν]εῳγμένον (ἀνέῳχα читается въ нашихъ текстахъ Pseudo-Dem. XLII, 30 и Men. fr. 217 Mein.). Bamb. Jb. XII, p. 54.

5. ἀποροῦμαι = ἀπορῶ встрѣчается уже въ серединѣ IV в. до Р. Х.: CIA. II, Add. 115, b, 34 ἀπορῆται.

6. ἁρμόττω было исключительно употребительное у аттиковъ начертаніе, какъ видно изъ немалочисленныхъ примѣровъ надписей, напримѣръ. CIA. IV, 2, A, 16 ἁρμ]όττεσθαι (500—450 a. C.), CIA. II, 1054, 38, 61 (347 — 329 a. C.) ἁρμοττούσας, строка 58 ἁρμόττοντι, строка 64 συναρμόττουσι, строка 84 συναρμόττοντας. CIA. II, 167, 72 (вскорѣ послѣ 307 a. C.) etc. Ἁρμόζω нигдѣ не встрѣчается.

7. αὐξάνω въ аттическихъ надписяхъ не находится, а только αὔξω: αὔξει Ἐφ. ἀρχ. 1883, 21 (IV в.), συναύξων Ἀθ. VIII, 294, 7 (III в.), ἐπαύξον[τι CIA. II, 402, 18 (250—200 a. C.). Lautens., p. 9.

8. βιόω. Бамбергъ (Z. f. G. 1874, p. 39) и Кобетъ (Mnemos. VIII, p. 172) высказались въ пользу opt. aor. βιοίην и противъ βιῴην. Послѣдняя форма противорѣчитъ дѣйствительно всякой аналогіи (ср. δοίην, ἁλοίην, γνοίην) и, кромѣ того, извѣстна склонность позднѣйшихъ грековъ говорить δῴην, διδῴην. Moeris p. 117 δοίημεν, δοίητε, Ἀττικῶς. δῴημεν, δῴητε, Ἑλληνικῶς. Phryn. p. 345 οὐδεὶς τῶν Ἀττικῶν τὸ εὐκτικὸν εἶπε διὰ τοῦ ω, ἀλλὰ διὰ τῆς οι διφθόγγου. Споритъ противъ этого Thom. Mag., p. 92 R., и называетъ формы какъ δῴη, ἁλῴη только менѣе употребительными. Шанцъ пишетъ теперь Plat. Hipp. mai. 281 D ἀναβιοίη, Gorg. 512 E βιοίη, между тѣмъ какъ онъ еще въ 1875 г. сомнѣвался, не слѣдуетъ ли по указанію рукописей писать μεταδῴην Phaed. 63 C и 87 D.—Arist. Ran. 177 читаетъ Диндорфъ вопреки рукописямъ ἀναβιοίην. Bamb. Jb. XII, p. 54.

Относительно причастія того же аориста говоритъ Кобетъ Nov. Lect., p. 576: „diligenter notandum βιούς habere βιοῦντος, βιοῦντι, βιοῦντα. Mira res est, sed certissima res est". Bamb. Z. f. G. 1874, p. 38, предполагаетъ βιόντος, βιόντι на основаніи Herodian. ed. Lentz II, p. 704, 34 : αἱ δὲ εἰς ους μετοχαὶ διὰ τοῦ ντ κλίνεται, οἷον βιούς βιόντος, διδούς διδόντος, ἁλούς, ἁλόντος, Etym. M. p. 198, 46 и Thom. Mag. p. 92, 6 и, отвергая авторитетъ грамматика у Herm. de emendand. rat. gramm. gr. p. 457, говорящаго: ὁ βιούς, ὁ διδούς ὀξύνεται. τὰ

δὲ τούτων οὐδέτερα περισπῶνται, τὸ βιοῦν, τὸ διδοῦν(!), изъ-за послѣдняго слова, считаетъ нужнымъ образовать въ средн. р. βιόν. Послѣднюю форму находитъ Бамбергъ у Hesych. III, 108 καὶ ἐπεβίω δὲ καὶ ἐπιβιούς· καὶ τὸ παιδίον ἐπίβιον Ἰσαῖος εἴρηκεν и пишетъ ἐπιβιόν вм. ἐπίβιον.

9. γίγνομαι. Правописаніе γίνομαι встрѣчается въ аттическихъ надписяхъ лишь съ начала III в. : γίγνομαι CIA. I, 40, 16 (424 a. C.), ib. 68, 11 (450—400 a. C.); послѣдній примѣръ правописанія γίγνο μαι (CIA. II, 302, b, 9) относится къ 294 — 292 гг. до Р. Х. Съ этого времени писали только γίνομαι, напримѣръ, CIA. II, 478, ab, 17; Ἐφ ἀρχ. 1884, 135, 30 (307—286 a. C.) и 137, 43 (307—286 a. C.). Во время римскихъ императоровъ встрѣчается опять γίγνομαι при γίνομαι. Meisterh., p. 84. Lautens., p. 9.

10. γιγνώσκω. Начертанія имѣютъ γν по 325 г. до Р. Х. Въ императорское время встрѣчаются формы съ ν и γν. Къ примѣрамъ Мейстерганса присоединяетъ Lautens., p. 10, еще Mitth. VII, 368 ἀνεγίγνωσκεν (346 a. C.); γεινώσκω находится CIA. III, 36, 4 (не 34) и относится эта надпись къ 117—138 гг. по Р. Х.

11. δέδια. III л. plsqpf. гласитъ по Phryn., p. 180, ἐδέδισαν; Фринихъ говоритъ: Ἐδεδίεσαν· καὶ τοῦτο τῆς Λολλιανοῦ μούσης. σὺ δὲ λέγε τετρασυλλάβως ἄνευ τοῦ ε, ἐδέδισαν, и такъ читаютъ рукописи Plat. Leg. III, 685 C. Порицаемая Фринихомъ форма читается Thuc. IV, 55; V, 14; Lys. XIII, 27; Isocr. VII, 33. Bamb. Z. f. G. 1874, p. 37, считаетъ, врядъ ли вѣрно, обѣ формы за аттическія, и то, что онъ приводитъ въ пользу окончанія -ιεσαν, признать основательнымъ нельзя.

12. διώκω. Аттики говорили въ fut. только διώξομαι. Cobet. Nov. Lect., p. 254. Xen. An. I, 4, 8 и Cyrop. VI, 3, 13 слѣдуетъ исправить. Bamb. Z. f. G. 1874, p. 26.

13. ἐθέλω. Ученіе грамматика Thom. Mag., p. 172: ἠθέληκα Ἀττικοὶ λέγουσιν ἀπὸ τοῦ ἐθέλω, ἐθελήσω, ἠθέληκα· τὸ δὲ τεθέληκα Ἀλεξανδρεωτικὸν, ἀπὸ τοῦ θέλω κανονιζόμενον подтверждается прозаическими надписями: CIA. IV, 1, A, 40 ἐθέλῃ (раньш е 456 a. C.); ib. 51 e, f, 12 ἐθέλοντες (410 a. C.); CIA. I, 61, 16 (409 a. C.) ἐθέλωσι. Единственное исключеніе Мейстерганса изъ классическаго времени (CIA. I, 1, c, 16, гдѣ Кирхгофъ читаетъ θέλῃ) оказывается теперь по англійскому сборнику очень сомнительнымъ: несомнѣнное θέλω имѣется только отъ второй половины III в.: θέλει (coni.) CIA. II, 402, 15. Lautens., p. 9.

14. ἕλκω. Praes. и imperf. производятся въ надписяхъ только отъ основы ἑλκ, прочія времена только отъ основы ἑλκυ: ἕλκει CIA. II, 280.

14 (послѣ 350 а. С.); κα]θείλκυσεν ib. II, 791, 23 (377 a. C.), εἵλκυσε II, Add. 834, b, I, 23. 56. (329 a. C.); Add. 834, c, 53 (317—307 a. C.); ἑλκυσθεῖσαι ib. II, Add. 834, b, I, 55; ἀν[ειλ]κυσμένων CIA. II, 793, a, 4—5 (357 a. C.). Lautens., p. 8. 14. 23.

15. ἐπιμέλομαι встрѣчается только въ двухъ надписяхъ конца IV в. до Р. X. и на одной I в. (Mitth. VIII, 58); въ прочихъ надписяхъ находится съ 369 г. только ἐπιμελοῦμαι: ἐπιμέλεταί и ἐπιμέλεσθαι, CIA. II, 186, 26. 31 (322 a. C.), ἐπι[μ]ελέσθω 'Εφ. ἀρχ. 1884, 71, 28 (ок. 300); за ἐπιμελεῖται, ἐπιμελεῖσθαι, ἐπιμελοῦνται свидѣтельствуютъ 34 примѣра, при чемъ не приняты въ расчетъ 6 мѣстъ съ повелит. накл. ἐπιμελόσθων (ср. выше стр. 138), такъ какъ ихъ можно бы было читать ἐπιμελούσθων (Lautens. p. 9.). Вообще о болѣе древнихъ надписяхъ судить нельзя, потому что въ нихъ E=ε и ει, O=ο и ου, такъ что нельзя не назвать очень страннымъ, что Герверденъ, p. 52, на основаніи надписей I тома CIA. (времени до Евклида) приходитъ къ заключенію „Thucydidi et tragicis et antiquae comoediae auctoribus verbum contractum abiudicandum esse". Stahl, p. 66, впрочемъ признаетъ за Θукидидомъ одно ἐπιμέλομαι и считаетъ нужнымъ исправить рукописное чтеніе въ слѣдующихъ мѣстахъ: Thuc. IV, 18, 3; VI, 91, 5; VII, 8, 3; VIII, 39, 2. Размѣръ допускаетъ Arist. Vesp. 154 ἐπιμέλου и Plut. 1117 ἐπιμέλεσθ'; не возможно измѣнить форму ἐπιμελούμεθα, не нарушая размѣра, Eur. Phoen. 556, но этотъ стихъ принадлежитъ къ отрывку, который считаетъ A. Наукъ подложнымъ. Хотя такимъ образомъ ни изъ надписей, ни изъ языка сценическихъ поэтовъ прямого вывода сдѣлать нельзя, однако форму ἐπιμέλομαι слѣдуетъ все-таки считать за болѣе древнюю, чѣмъ ἐπιμελοῦμαι. Fut. этого глагола гласитъ ἐπιμελήσομαι: Syll. 101, 15 ἐπιμε[λ]ήσεσθαι.

16. ἔρχομαι. Мы повторимъ здѣсь то, что̀ уже давно указано другими: у аттиковъ употребляется отъ ἔρχομαι только praes. ind.; прочія наклоненія: ἴω, ἴοιμι, ἰέναι, ἰών, ἴθι, формы, которыя могутъ имѣть значеніе и будущаго; imperf. ᾖα; ἠρχόμην же относится къ ἄρχομαι, такъ что Thuc. VI, 120, 1 и 121, 1 ἐπήρχοντο и προσήρχοντο происходятъ отъ ἐπ-, προσάρχομαι; fut. ind. εἶμι; ἐλεύσομαι не аттическая форма, которая въ прозѣ первый разъ встрѣчается Lys. XXII, 11 ἐλεύσεσθαι, и Эльмслей (ad Eur. Heracl. 210), кажется, справедливо полагаетъ, что этою формой мы обязаны переписчикамъ, а не Лисію. Вѣрно говоритъ Phryn. p. 37 ἐπέξειμι λέγεται, ἀλλ' οὐκ ἐπεξελεύσομαι.

17. ἔχω. Fut. σχήσω въ надписяхъ вовсе не встрѣчается, а только ἕξω: ἕχ[σουσι CIA. I, 40, 28 (424 a. C.), παρέ]ξομεν IV, 71, d, 21

(420—413 a. C.), παρέξει II, 167, 48. 107 (вскорѣ послѣ 307 a. C.), ib. 312, 32 (286 a. C.), 318, 9 (282—280 a. C.), μεθέξουσιν Mitth. IX, 289 (200—150 a. C.), μ]εθέξοντα Mitth. XI, 291, 45 (200—150 a. C.), ἕξουσαν CIA. II, 482, 66 (39—32 a. C.). Lautens., p. 16.

По наблюденіямъ Э. Шульце (N. Jahrb. f. klass. Philol. 1883, p. 163—166) форма σχήσω устарѣла уже во время аттическихъ ораторовъ: употребленіе ея Исократомъ и Демосѳеномъ объясняется тѣмъ, что первый не произносилъ своихъ рѣчей и могъ поэтому отступить отъ обыкновеннаго языка, второй же потому, что считалъ необыкновенное слово болѣе годящимся для своего возвышеннаго слога.

17. ζώννυμι не имѣетъ σ въ perf. pass.: ὑπέζωται CIA. II, 802, b, 27, c, 7 (349 a. C.), διεζωμέναι, διέζωται CIA. II, 736, B, 16. 19 (не раньше 307 a. C.); объ ἀνυπόζωστος см. выше стр. 148.

18. θνῄσκω имѣетъ въ основѣ настоящ. вр. ι προσγεγραμμένον: θ]νῆι[σκον Kaib. Epigr. 28, 2 (IV в.), θνῄσκω 'Εφ ἀρχ. 1884, 65, 66. Cp. Etym. M. 482, 29: θνῄσκω, μιμνῄσκω. Δίδυμος χωρὶς τοῦ ι.... ἡ μέντοι παράδοσις ἔχει τὸ ι.

19. καθαίρω Что Кобетъ не правъ, утверждая Mnemos. N. S. VIII, p. 291: Nemo ante Alexandri tempora dicebat ἐκάθαρα, доказываетъ надпись CIA. II, 1054, 8 (347 a. C.) ἀνακαθαράμενος, тогда какъ ἐκάθηρα немного позже: ἀνακαθήραντι CIA. II, Add. 834, b, I, 49 (329 a. C.) и Kaib. Epigr. 104, a, 1 (вр. имп.) καθῆρα:. Во всякомъ случаѣ можно заключить, что форма ἐκάθαρα въ IV в. употреблялась такимъ же образомъ, какъ ἐκάθηρα, хотя древніе грамматики признаютъ только послѣднюю; ср. Thom. Mag. p. 121, 13 ἐρρύπηνα καὶ ἐκάθηρα 'Αττικοί, οὐκ ἐρρύπανα οὐδ' ἐκάθαρα. Moeris p. 137 ἐρρύπηνα, ἐκάθηρα, 'Αττικῶς. ἐρρύπανα, ἐκάθαρα λέγουσιν Ἕλληνες. Etym. M. p. 485, 15: δεῖ γινώσκειν, ὅτι ἐπὶ τοῦ ἀορίστου τῶν ἀπὸ μελλόντων περισπωμένων τῶν διὰ τῆς αι διφθόγγου οἱ Ἴωνες τρέπουσι τὸ α εἰς η, καθαρῶ, ἐκάθηρα· μιανῶ, ἐμίηνα... χρῶνται δὲ αὐτῷ καὶ οἱ 'Αθηναῖοι. ср. p. 626, 29. Phryn p. 24: σημᾶναι, ἐσήμαναν καὶ θερμᾶναι, ἐθέρμαναν καὶ καθᾶραι, ἐκάθαραν· καὶ ταῦτα παρὰ τὴν ἀρχαίαν χρῆσιν διὰ τοῦ α. Λέγομεν διὰ τοῦ η σημῆναι, θερμῆναι, καθῆραι. По послѣднему мѣсту въ особенности видно, что въ позднѣйшія времена образовывали аористъ отъ всѣхъ подобныхъ глаголовъ на -ανω, вслѣдствіе чего ошибочныя формы вкрались въ рукописи и изданія древнихъ аттиковъ; примѣры см. у Buttmann, Ausf. Gr. Spr². I, p. 439 и Lob. ad Phryn., p. 25.

20. Καίω. Въ древнеаттическомъ нарѣчіи аористъ гласитъ ἔκεα: ἐγκέαντι (два раза) CIA. I, 324, I, 43; II, 13 (408 a. C.); позже

ἔκαυσα: ἐνκαύσαντι CIA. II, Add. 834, b, II, 50 (329 a. C.). О формѣ ἐγκαυταῖς см. выше стр. 148. Ср. Moeris, p. 218: κατεκαύθη, Ἀττικῶς, κατεκαύσθη, Ἑλληνικῶς.

21. Κλίνω. Cobet Nov. Lect. p. 340: ἐκλίνθη Homericum est, Athenienses non aliter quam κατεκλίνην dicebant et sequiores forma κατεκλίθην ytuntur. Это утвержденіе Кобета подтверждается лучшими рукописями Платона: въ Paris. A читается Resp. II, 372 B κατακλινέντες; то же самое слѣдуетъ сказать объ Аристофанѣ. Scharz Plat. V, 2, p. X. Невѣрно слѣдовательно утверждаетъ Kühner Ausf. Gr.[2] I, p. 849.

22. Λαγχάνω. Perf. является въ надписяхъ только въ видѣ εἴληχα: εἰληχότων CIA. I, 54, 13 (416 a. C), εἰληχώς CIA. II, Add. 489, b, 9 (39—32 a. C.). Λέλογχα не встрѣчается.

23. Λέγω. CIA. IV[2], 227, b, 16=Syll. 13, 16 имѣется отъ гл. ἐκλέγω fut. pass. ἐκλεγήσεσθαι рядомъ съ aor. pass. ἐγλεχθῇ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что ἐλέχθην (=выбирать) не менѣе правильно, чѣмъ ἐλέγην.

Διαλέγομαι имѣетъ въ надписяхъ fut. med.: διαλεξομένην CIA. II, 323, 14 (277 a. C.), но aor. pass.: διελέχθη, διαλεχθείς CIA II, 314 (284 a. C.). Ср. Thom. Mag., p. 84: διελέχθη κάλλιον ἢ διελέξατο.

24. λιμπάνω, параллельная форма гл. λείπω, извѣстная изъ литературы (Thuc. VIII, 17, 1, Antiphan. 35 Kock), встрѣчается и въ надписи CIA. II, 610, 12 (350—300 a. C.); aop. находится въ надписяхъ только сильный: ἐ]νέλιπο[ν CIA. II, 814, a, B, 2 (374 a. C.) etc.

25. μίγνυμι. Объ этомъ глаголѣ была рѣчь уже выше стр. 86. Praes. въ надписяхъ не встрѣчается; но что древніе писали μείγνυμι, можно заключить по другимъ временамъ (δείκνυμι: δείξω=μείγνυμι: μείξω) и по собств. именамъ: Μειξίας, Μειξικλῆς, Μειξιάδης и др. Stahl, p. 39. Прочія времена: fut. μείξω, aor. ἔμειξα и adi. verb. μεικτός: συμμείξ[ειν или συμμείξ[ας CIA. I, 492, 3 (VI в.); σύμμεικτος читается въ надписяхъ 16 разъ, напримѣръ, CIA. II, 652, B, 13. 22 (398 a C.); 654, b, 3 (начала IV в.); вѣрно дополнено σύμ[μει]κτον CIA. I, 4 204, 8—9, (434—403 a. C.), потому что пробѣлъ требуетъ дополненія какъ разъ трехъ буквъ. Невѣрно дополняетъ Кёлеръ CIA. II, 645, 12 и 656, 3 σύμμικτα.

26. ξέω сливаетъ свои формы такимъ же образомъ, какъ δέω (вяжу): καταξοῦντι (написано καταχ[σο]ντι; мѣсто только для двухъ буквъ) CIA. I, 324, c, 61 (408 a. C.); ἀναξῶν CIA. II, 167, 72 (334—326 a. C.), ἀποξοῦσι ib. Add. 834, b, II, 42 (329 a. C.).

27. οἰκτίρω, οἰκτῖρῶ ᾤκτιρα, слѣдуетъ спрягать и писать. Это видно,

вопервыхъ, по надписямъ: οἴχτιρ' CIA IV, Add. 477, c (VI в. до Р. X.), οἴχτιρον CIA. IV², 477, h, 2 (VI в.), οἰχτίρας CIA I, 463, 2 (VI в.), вовторыхъ, по формамъ οἰχτιρμός, οἰχτίρμων, которыя должны бы были имѣть видъ οἰχτερμός и οἰχτέρμων, еслибы наст. вр. было οἰχτείρω; втретьихъ, Choerobosc. у Cram. Anecd. Ox. II, p. 243: οἰχτίρω, οἰχτείρω: χαὶ διὰ τοῦ ι γράφεται χαὶ διὰ τῆς ει διφθόγγου· ἔχουσι δὲ λόγον ἑχάτερα· τὸ γὰρ διὰ τοῦ ι γράφεται, διὰ τὸ οἰχτιρμὸς γράφεσθαι ι· χαὶ πάλιν οἱ Αἰολεῖς οἰχτίρρω λέγουσι, χαὶ οὐχὶ οἰχτέρρω, доказываетъ, что и греческимъ грамматикамъ было извѣстно вѣрное начертаніе. Если тѣмъ не менѣе предпочитали невѣрное начертаніе, то это происходило отъ того, что позднѣйшіе греки въ буд. вр. говорили οἰχτερῶ и Херобоскъ дѣйствительно этимъ и мотивируетъ другое начертаніе: εἰ οὖν οἰχτερῶ φαμὲν τὸν μέλλοντα διὰ τοῦ ε, δηλονότι ὁ ἐνεστὼς διὰ τῆς ει διφθόγγου γράφεται. Въ рукописяхъ исчезъ всякій слѣдъ правильной ороографіи; οἰχτίρω пишетъ теперь Кирхгофъ въ Эсхилѣ (напримѣръ, Ag. 1275=1321) и А. Наукъ въ Софоклѣ (напримѣръ, El. 1411 ᾤχτιρεθ'. Trach. 464 ᾤχτιρα, O. C. 109 οἰχτίρατ'.).

28. ὀράω. Suid. II, p. 441 Bernh. говоритъ: Ἐπιώψατο. χατέλεξεν, ἐξελέξατο, ἔστι δ' Ἀττιχόν. Ὁ βασιλεὺς ἐπιώψατο ἀρρηφόρους. οἷον, χατέλεξεν, ἐξελέξατο. Πλάτων ἐν Νόμοις [1]). Въ указанномъ Свидою смыслѣ (выбирать) встрѣчается эта форма въ надписяхъ CIA. II, 948, 1 τούσδε ἐπιώψ[ατ]ο ὁ ἱεροφάντης и 949, 2 τοὺς ἐπιοφθ[έντας, въ какомъ смыслѣ это сложное встрѣчается уже у Гомера, но только въ буд. вр.: Od. II, 294 τάων (νεῶν) ἐγὼ ἐπιόψομαι ἥ τις ἀρίστη и Il. IX, 167 τοὺς ἂν ἐγὼν ἐπιόψομαι. Plat. Leg. XII, 947 C придется написать съ начертаніемъ Свиды и надписей: οὓς ἂν οἱ προσήχοντες τοῦ τελευτήσαντος ἐπιόψωνται, какъ видѣлъ еще Бутманъ (Ausf. Gr. Spr. II, p. 259). Riem. Rev. IX, p. 90. Bamb. Jb. XII, 56.

29. Πείθομαι. Аористъ ἐπιθόμην открытъ въ государственномъ постановленіи 376 г. до Р. X.: CIA. II, 38, 14 ἐπιθόντο.

30. σῴζω. Многочисленные эпиграфическіе примѣры доказываютъ, что аттики писали этотъ глаголъ съ ι προσγεγραμμένον до середины II вѣка до Р. X.; σῷζε CIA. I, 397, 4 (раньше 444 a. C.); Σῳζομένην (имя корабля) CIA. II, 793, h, 5 (357 a. C.); σῴζονται Ib. 564, 4 (ок. 300 a. C.); σῴζουσιν Ib. 332, 85 (271—265 a. C.); Ἀνα]σῳζομέ[νοις Ib. 975, IV, 3 (160 a. C.);—σωζομένους Ib. 467, 89 (начала I в.). Прочія

---

[1]) ἐν Νήσοις исправилъ Порсонъ ad Moer. p. 142, то-есть, отнесъ приведенныя слова къ комику Платону.

времена производятся отъ основы σω- (σώσω, ἐσώθην, σέσωμαι), но встрѣчаются все-таки въ надписяхъ формы отъ основы σφδ: ἔσφσεν CIA. II, 605, 6 (начала II в.), σφσωσιν Rang. 453 (не раньше 270 a. C.); то же самое бываетъ и въ неаттическихъ надписяхъ (διέσφσε, συνδιασφσαντες, σέσφσται Syll. 330, 15; 316, 10; 193, 26). Вмѣсто δι]ασεσφμένους CIA. II, 225, 11 слѣдовало бы ожидать по крайней мѣрѣ δι]ασφσμένους (послѣ 319 a. C.). Riem. Rev. V, p. 169 sq.

31. πέτομαι. Cobet, Var. Lect. p. 305: „Attici dicunt πέτομαι, πτήσομαι (semel et iterum πετήσομαι), tum ἐπτόμην, πτέσθαι, πτόμενος. Tragici ex Homero assumserunt ἔπτην, πταίην, πτάς et ἐπτάμην, πτάσθαι, πτάμενος, quorum nihil in quotidiano sermone in usu fuit extra iocum aut παρῳδίαν. Itaque in comoedia ἐπτόμην locum habet, ἐπτάμην ubi supra soccum oratio adsurgit". Рукописи Платона подкрѣпляютъ это правило; cp. Schanz Plat. XII, p. 18.

32. τέμνω. Въ аттическихъ надписяхъ встрѣчается лишь аористъ ἔτεμον: κατατεμών CIA. II, 1054, 7 (347—329 a. C.), ἔτεμεν ib. Add. 854, b, I, 49 (329 a. C.), τεμεῖν CIA. 834, 14 (330—300 a. C.), κατετέμομεν ib. Add. 834, c, 13 (317—307 a. C.), ib. строка 14 κατατεμόντι, παρατεμών ib. 167, 65 (вскорѣ послѣ 307 a. C.), περιτεμεῖν ib. 836, c, 5 (ок. 270 a. C.) Lautens. p. 13. Аористъ ἔταμον встрѣчается только въ другихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ, Syll. 491, 40 (изъ Галикарнасса, 460 a. C.). У Өукидида (какъ и вообще въ аттической прозѣ) читается во всѣхъ мѣстахъ ἔτεμον, исключая I, 81, 6, гдѣ всѣ рукописи имѣютъ τάμωμεν. Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы такъ написалъ самъ Өукидидъ, то Stahl, p. 66, справедливо замѣняетъ эту форму аттическою τέμωμεν, какъ и Диндорфъ устраняетъ Eur. Hel. 1224 (1240) ἔταμες вопреки рукописямъ изъ триметра; Aesch. Ag. 1410 пишетъ Диндорфъ ἀπέτεμες, Кирхгофъ (v. 1364) ἀπέταμες.

33. τίνω. Такъ какъ настоящее вр. этого глагола у трагиковъ и комиковъ имѣетъ короткую ι, то и на надписяхъ другого начертанія ожидать нельзя; подтверждается это находками: ἀποτινέτω CIA. IV², 27, b, 58 (=Syll. 13, 58, ок. 429 a. C.), ἀποτί[νειν Mitth. IX, 117 (VI в. до Р. Х.), τ]ίνειν CIA. II, 11, 18 (394—387 a. C.). Прочія времена имѣютъ въ болѣе древнихъ надписяхъ всегда ει: fut. τείσω: CIA. II, Add. 203, b, 5 (IV в. до Р. Х.) ἐκτείσει, Kaib. Epigr. 1132 ἀποτείσε[ι; aor. ἔτεισα: CIA. II, 14, a, 8 (387 a. C.) ἀποτείσωσιν, CIA. II 33,6 τ]εισαμένου (400—350 a. C.), ἀποτεισάτω ib. 634, 10 (350—300 a. C.), ἀπ[έτ]εισε ib. 804, B, a, 70 (334 a. C.), ἀπέτεισαν ib. 758, A, II, 22 (не раньше 334 a. C.) etc. ἀποτίσασθαι является только въ началѣ

II вѣка до Р. X. CIA. II, 605, 20. Aor. pass. ἐτείσθην: CIA. II, 795, f, 33 (353 a. C.); perf. act. не встрѣчается въ аттическихъ надписяхъ, но что у аттиковъ оно гласило τέτειχα, можно заключить по Дельфійской надписи Syll. 313, 6, гдѣ находится προτέτειχα (II в. до Р. X.); въ пользу perf. pass. τέτεισμαι говоритъ ἀπότεισμα; см. выше стр. 148 п 85. Lautens., p. 10. 14. 16. 23. Riem. Rev. IX, p. 92.

34. φέρω. Равно какъ относительно аориста εἶπον и εἶπα (ср. выше стр. 147), такъ и относительно того же времени глагола φέρω приходитъ Мейстергансъ, стр. 88, слишкомъ поспѣшно къ слѣдующему выводу, основывающемуся на недостаточно обильномъ матеріалѣ: „формы, образованныя на подобіе I аориста, чужды древне-аттическому нарѣчію". Къ этому заключенію пришелъ Мейстергансъ на основаніи того, что существуетъ три примѣра изъ V вѣка: ἐνεγχέτω 'Αθ. VIII, 409, 161 (=CIA. IV[2], 27, b, 61; 429 a. C.), ἐξενε]γχέτω CIA. I, 37, m, 22 (425 a. C.) и ἀπήνεγχο[ν CIA. II, 675, 2 (вскорѣ послѣ 403 a. C.), между тѣмъ какъ семь формъ, образованныхъ съ α, находятся въ надписяхъ отъ середины IV вѣка до первой половины I вѣка: εἰσήνειγχαν CIA. II, Add. 57, b, 13 (362 a. C.), ἀπήνενχαν 'Εφ. ἀρχ. 1885, 166, 35 (ок. 350 a. C.), εἰσεν[έ]γχαντι CIA. II, 610, 21 (350—300 a. C.), ἐνεγχασῶν CIA. II, 162, a, 4 (334 a. C.), ἀπήνενχαν 'Εφ. ἀρχ. 1883, 123, 60 (329 a. C.), CIA. II, 811, b, 108 (323 a. C.) и 470, 7 (69—62 a. C.). Lautens., p. 13. Inf. гласитъ и послѣ 400 г. до Р. X. только ἐνεγχεῖν: CIA. II, 18, 18 ἐνεγχεῖν (раньше 378 a. C.); μετενεγχεῖν ib. 601, 6 (300 a. C.), εἰσενεγχεῖν ib. 367, 3 (раньше 271 a. C.) и 413, 10 (200—197 a. C.) etc. Opt. и imper. въ надписяхъ этого времени не встрѣчаются. Риманъ (Rev. XI, p. 180) правъ, говоря, что два раза найденное ἐνεγχέτω V в. не исключаетъ возможности предполагать, что древніе аттики рядомъ съ этою формой употребляли и ἐνεγχάτω, тѣмъ болѣе, что открыта теперь въ надписи V в. форма εἰπάτω. Формы perf. pass., открытыя въ надписяхъ, подтверждаютъ то, что было извѣстно изъ литературы: εἰσενηνεγμένοι CIA. II, 811, c, 115, 117 (323 a. C.), ἀνενήνεγχται CIA. I, 32, A, 4 (420—416 a. C.). Въ aor. act. и perf. pass. является въ надписяхъ отъ 373—335 гг. до Р. X. довольно часто ει передъ γχ: ἐπανενήνειγχται CIA. II, 789, a, 7. 27. 63, συνενείγχῃ, συνήνειγχαν CIA. II, Add. 57, b, 9. 13 (362 a. C.), κατενεγχ... CIA. II, 162. a, 2 (335 a. C.) и др. Meisterh., p. 89. Lautens., p. 13. 20.—Meyer Gr.[2], p. 460, считаетъ такія формы аориста за образованія, происшедшія отъ смѣшенія ἤνειχα съ ἤνεγχα.

34. φράττω. Древнеаттическое нарѣчіе образовываетъ времена отъ основы φαρκ- (ср. лат. farc-io): CIA. IV², 321, III, 31 διαφάρξαντι (409 a. C.), φάρξαι CIA. I, 319, 20 (ок. 420 a. C.). Лишь позже встрѣчаются формы, образованныя по аналогіи съ настоящ. вр.: διαφράξαι CIA. II, 1054, 63 (347 a. C.), ἀφράκτων ib. 470, 19 (69—62 a. C.). Ср. Etym. M. p. 667, 22 πεφαργμένος ἀντὶ τοῦ πεφραγμένος καὶ ἐφάρξαντο ἀντὶ τοῦ ἐφράξαντο καὶ τὸ φαρκτόν, ὥστε ὑπέρθεσις. Περὶ παθῶν. Hesych. ἐφάργνυσαν· ἔφραξαν; φάρκτου· φυλακὴν σκεύαζε. Phot. 290, 11 ναύφρακτον καὶ ναύφαρκτον τὴν ἀττικὴν (ναυτικὴν исправляетъ Диндорфъ) δύναμιν καλοῦσιν. Weckl., p. 43 sq. Въ рукописяхъ сохранились нѣкоторые слѣды древняго начертанія: Soph. Ai. 910 въ хоровой пѣснѣ читаетъ Laur. A ἄφαρκτος φίλων и Ant. 958 κατάφαρκτος, согласно съ чѣмъ Диндорфъ пишетъ Soph. Ant. 241 ἀποφάργνυσαι, Eur. Iph. A. 1259 στράτευμα ναύφαρκτον, Hippol. 657 ἄφαρκτος. Arist. Ach. 95 читается въ рукописяхъ ναύφρακτον βλέπειν; вѣрное чтеніе сохранилъ Phot. 290, 13 ναύφαρκτον βλέπειν· φησὶν ἐπὶ τοῦ περιαθροῦντος καὶ σεμνῶς ἰόντος· πρὸς τῶν θεῶν ἄνθρωπε ναύφαρκτον βλέπεις. Кирхгофъ пишетъ теперь въ своемъ изданіи Эсхила, по примѣру Диндорфа, Ag. 1330 (=1376 Dind.) φάρξειεν, Choeph. 178 (=186 Dind.) ἄφαρκτοι. Pers. 927 (=950 Dind.) ναύφαρκτος. Съ этимъ измѣненіемъ рукописнаго чтенія не согласенъ Веклейнъ (l. c.) въ виду того, что у Гезихія находится, кромѣ глоссы ἄφαρκτος· ἀφύλακτος, которая относится, будто, къ однимъ комикамъ, еще другая: ἄφρακτος· ἀφύλακτος· Σοφοκλῆς Αἴαντι μαστιγοφόρῳ, по которой Веклейнъ считаетъ нужнымъ заключить, что трагики въ нелирическихъ частяхъ говорили ἄφρακτος. Съ другой стороны—пишетъ Веклейнъ вопреки рукописямъ Arist. Av. 183 φάρξηθ', Vesp. 352 πέφαρκται, Eq. 567 ναυφάρκτῳ, Thesm. 581 ἀφάρκτοις. Во всякомъ случаѣ не правъ Riem. Rev. IX, p. 61, дѣлая изъ вышеприведенной надписи 347 г. до Р. X. общій выводъ, «que la metathèse, dans ce mot, n'était point obligatoire».

35. χαίρω. Свойственное эллинскому языку (κοινή) буд. вр. χαρήσομαι находится въ надписи II в.: συνχαρήσονται CIA. II, 593, b, 18. Herw. p. 68.

36. Χράομαι образуетъ въ надписяхъ слитныя формы такъ, какъ это извѣстно изъ литературы: χρῆσθαι CIA. I, 32, A, 31. B, 14. 17 (420—416 a. C.); χρῆται (сослаг. накл.) CIA. II, 476, 18, 67 (100—50 a. C.). Только разъ встрѣчается χρᾶ[σθαι Mitth. IX, 289 (200—150 a. C.). Lautens., p. 11.

IV. Синтаксисъ.

A. Членъ [1]).

1. Въ древнеаттическомъ нарѣчіи пропускается нерѣдко членъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ позднѣйшіе аттики поставили бы его: ὅρος Ἀρτέμιδος τεμένους Ἀμαρυσίας CIA. I, 526; δεῦρε Παιανιῶν τριττὺς τελευτᾷ Ἀθήν. VIII, 291 sq.; ἵπποις σῖτος ἐδόθη (=τοῖς ἵπποις ὁ σῖτος ἐδόθη) CIA. I, 185 (410 a. C.); πόλεις αἵδε στρατιᾷ μισθὸν ἐτέλεσαν (=αἵδε αἱ πόλεις τῇ στρατιᾷ τὸν μισθὸν ἐτέλεσαν) CIA. I, 260, B, 1 (421 a. C.).

Тамъ, гдѣ замѣчается колебаніе, обороты безъ члена относятся къ болѣе древнему времени: Ἀρτέμιδι Βραυρωνίᾳ CIA. II, 652, 49 (398 a. C.), но τῆς Ἀρτέμιδος τῆς Βραυρωνίας CIA. II, Add. 162, 5 (334 a. C.). Riem Rev. IX, p. 176, указываетъ, впрочемъ, на примѣръ V. в. ὁ Ζεὺς ὁ Ὀλύμπιος CIA. IV, 27, a, 35. 61 (446 a. C.) Такое же повтореніе члена имѣется въ надписяхъ обыкновенно въ формулѣ: ὁ γραμματεὺς ὁ τῆς βουλῆς, какъ CIA. I, 13, 45 (вр. Кимона); ib. 45, 16 (раньше 421 a. C.); CIA. II, 11, 24 (394 — 387 a. C.); отступленія встрѣчаются только изрѣдка и лишь въ IV в.: ὁ γραμματεὺς τῆς βουλῆς CIA. II, 50, 16 (372 a. C.); ib. 86, 13 (376—364 a. C.). Напротивъ того, не повторяется членъ въ прочихъ падежахъ: τῷ γραμματεῖ τῆς βουλῆς CIA. IV, 51, f, 21 (410 a. C.); CIA. II, 16, 16 (послѣ 383 a. C.); τὸν γραμματέα τῆς βουλῆς CIA. I, 20, 12; IV, 27, a, 59 etc.

2. Безъ члена ставятся обыкновенно:

a) имена лицъ: Ἀριστομάχη Ἀριστοκλέους CIA. II, 652, 38 (398 a. C.), исключая род. пад.: παρὰ Δημοστράτου τοῦ Ἀσπέτου. Большое число примѣровъ послѣднему правилу представляетъ CIA. II, 946: строка 7 ἀντὶ Πυθοδώρου τοῦ Θεμιστίου, 8 ἀντὶ Δεωπείθους τοῦ Διογε..., 9 ἀντὶ Δημοκράτους τοῦ Δημοκρ[άτους, 10 ἀντὶ Βουληκλέους τοῦ Βουλαρχίδου и друг.

b) имена городовъ и странъ: ε(ἰ)ς Σικελίαν CIA. I, 182, 12 (418 a. C.), ἐξ Ἐρετρίας CIA. II, 811, a, 195 (323 a. C.). При именахъ горъ замѣтно колебаніе: Διῆς ἐκ τοῦ Ἄθω CIA. I, 256 (428 a. C.), Διῆς ἐξ Ἄθω ib. 257 (427 a. C.).

c) имена народовъ, особенно въ приложеніи: Διόλλῳ Ἐρχιεῖ

[1]) *Meisterh.*, p. 89—92.

CIA. I, 188, 6 (410 a. C.), Ἱεροκλῆς Φασηλίτης CIA. II, 652, 35 (398 a. C.) и во множ. ч.: Ἐρυθραίων βουλήν CIA. I, 9, 8 (470—460 a. C.); Σάμιοι ἀποδιδόντων ib. 56, 6 (412 a. C.). **Исключенія встрѣчаются, хотя не часто, однако ужъ въ очень раннее время:** τ]οῖς Κολοφω[νίοις CIA. I, 13, 6 (раньше 444 a. C.), τοῖς Νεοπολίταις CIA. IV, 51, a, 6 (410 a. C.).

d) **нарицательныя**, обозначающія мѣстности и обратившіяся въ существительныя: ε(ἰ)ς πόλιν, ἐμ πόλει CIA. I, 32, 4 (435—420 a. C.), ἐν ἀκροπόλει CIA. II, 54, b, 26 (363 a. C.), εἰς βουλευτήριον ib. 803, d, 93 (342 a. C.), ἐν νεωρίοις ib. 808, b, 152 (326 a. C.). **Исключенія встрѣчаются уже въ IV в.:** ἐν τῇ ἀκροπόλει CIA. II, 49, 17 (355 a. C.), ἐν τοῖς νεωρίοις ib. 809, d, 62 (325 a. C.).

e) **имена праздниковъ:** μυστηρίοις CIA. IV², 27, b, 25 (439 a. C.); τοῖς μυστηρίοις CIA. II, 466, 7 (II в.).

f) **опредѣленія времени:** ἀπὸ διχομηνίας, μέχρι δεκάτης ἱσταμένου CIA. I, 1, B, 18. 22 (раньше 456 a. C.), ε(ἰ)ς τρίτην ἡμέραν ib. 37, m, 23 (425 a. C.), τετράδι φθίνοντος ib. 189, a, 10 (407 a. C.). **Отступленія и здѣсь встрѣчаются:** τῇ δευτέρᾳ ἱσταμένου CIA. II, 10, 17 (325 a. C.).

g) **Имена должностныхъ лицъ:** στρατηγοῖς εἰς Σικελίαν, Ἑλληνοταμίαις καὶ παρέδροις, Ἑλληνοταμίᾳ καὶ παρέδρῳ καὶ στρατηγῷ, ἱεροποιοῖς καὶ συνάρχουσι CIA. I, 182 (418 a. C.), ἀθλοθέταις καὶ συνάρχουσι ib. 188, 6 (410 a. C). Herw. p. 45. Riem. Rev. V, p. 161. **Отступленія встрѣчаются рано:** ὅπου ἂν δοκῇ τοῖς ἱεροποιοῖς καὶ τῷ ἀρχιτέκτονι ἐπιτήδειον εἶναι CIA. IV², 27, b, 11 sq. (439 a. C.).

h) ὅδε, ἥδε, τόδε = „**слѣдующій**", **если затѣмъ слѣдуетъ перечень:** πόλεις αἵδε (sic) στρατ[ιᾶ]ι μισθὸν ἐτέλεσαν CIA. I, 260, B, 1 sqq. (421 a. C.), ср. ib. 258, 15, (408—406 a. C.); εἶχον σκεύη τάδε CIA. II, 803, e, 35 (342 a. C.). **Болѣе примѣровъ даетъ** Riem. Rev. IX, p. 97, **какъ** τάδ' ἐπράθη ἐδά[φη CIA. II, 779, 1; τάσδε τριήρεις. . . . παρελάβομεν ib. 793, f, 9—11; τάδε εἰσεπράξαμεν χρήματα ib. 809, c, 1—2 **и др. Риманъ приводитъ еще слѣдующее отступленіе:** αἱ] δὲ δύο τριήρει[ς αἵδε] ἐ[πὶ] Διοτίμου [διε]δικάσθησαν CIA. II, 795, f, 37 sqq. Thuc. II, 9, 1: πόλεις δ' ἑκάτεροι τάσδ' ἔχοντες ξυμμάχους ἐς τὸν πόλεμον καθίσταντο **соблюдено правило, примѣненное въ надписяхъ. Относительно** οὗτος **замѣчаетъ Риманъ далѣе, что пропускъ члена при немъ встрѣчается гораздо рѣже и приводитъ только одинъ примѣръ:** τοκεῖα τούτων τὰ ἡμίσεα τοπέων. CIA. II, 803, b. 38.

i) **Когда рѣчь идетъ о храмѣ, принадлежащемъ извѣстному божеству:** Ἀπόλλωνος Δηλίου Φαληροῖ (а не ὁ Φαληροῖ) CIA. I, 210,

15—16, Ἀφροδίτης ἐπὶ Ἱππολύτῳ ib. 212, 1—2, Ἀθηναίας ἐν Παλληνίδι 222, 10—11, Ἡρακλέους ἐν Κυνοσάργει CIA. I, 273, d, 8—9, Ἀθηναίας ἐπὶ Παλλαδίῳ ib. f, 5, Ἀφροδίτης ἐν κήποις ib. 12, Ποσειδῶνος ἐπὶ Σουνίου ib. 14. Отступленіе находится CIA. I, 164, 170 Ἡρακλέους τοῦ ἐν Ἐλαιεῖ. Riem. Rev. V, p. 161. Послѣдній указываетъ еще на CIA. I, 282, 10 ἐπ]ὶ τὸν ὄνυχα (=ad unguem), между тѣмъ какъ словари приводятъ только выраженія εἰς ὄνυχα, ἐπ' ὄνυχος, δι' ὄνυχος безъ члена.

B. Единств. множеств. и двойств. ч. [1]).

1) Единств. ч. употреблено необыкновеннымъ образомъ CIA. II, 1054, 59=Syll. 352, 59 (347 a. C.) κεραμώσει Κορινθίῳ κεράμῳ ἁρμόττοντι πρὸς ἄλληλον и при двухъ надлежащихъ CIA. II, 754, 13, 14 (349—344 a. C.) Θυαίνη καὶ Μαλθάκη ἀνέθηκεν. Riem. Rev. IX, p. 94 sq., приводитъ изъ надписей еще другіе примѣры, въ которыхъ за предшествующимъ глаголомъ единств. ч. слѣдуетъ нѣсколько подлежащихъ: ἔτεμεν Δημήτριος, Ἐργασίων etc. CIA. II, Add. 834, b, I, 49; ἐμίσθωσεν ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ πάρεδροι Ἐφ. ἀρχ. 1883, 121, 30.

2. Множ. ч. глагола при подлежащемъ мн. ч. средн. р. встрѣчается въ надписяхъ лишь разъ: καθὼς ἐπέταττον αὐτοῖς τὰ ψηφίσματα τῆς τε βουλῆς καὶ τοῦ δήμου CIA. II, 467, 23 (I в. до Р. Х.). Значительное число примѣровъ, въ которыхъ соблюдено обыкновенное правило, собралъ Riem. Rev. IX, p. 95.

3. При двухъ подлежащихъ надписи имѣютъ по 417 г. до Р. Х. глаголъ всегда въ двойств. ч.: ἀνεθέτην CIA. I, 351 (VI в. до Р. Х.), ib. 396 (начала V в.), ἐποιησάτην ib. 375 (начала V в.), εἰσηγέθην ib. 319 19 (417 a. C.). Послѣ названнаго года встрѣчается только множ. ч.: χάρται ἐωνήθησαν δύο CIA. I, 324, C, II, 31 (408 a. C.), ..ὶ δ]ὲ δύο τριήρει[ς διε]δικάσθησαν CIA. II, 795, f, 37 (353 a. C.).

4. По 409 г. до Р. Х. имена существ. и прилаг., обозначающія два предмета, имѣютъ въ аттическихъ надписяхъ всегда окончанія двойств. ч.: φιάλα, λημνίσκω, ἀσπίδε etc.—στήλαιν, θεοῖν etc. И при сложныхъ числахъ, имѣющихъ число два въ концѣ, стоитъ двойств. ч.: πενταχοσίαις εἴκοσι δυοῖν δραχμαῖν CIA. I, 273, f, 31 (426—422 a. C.).

5. Съ 409 по 378 г. до Р. Х. вмѣсто двойств. ч. можетъ стоять и множеств. ч.: || (=δύο) γωνιαῖα, μῆκος ἔκποδε CIA. I, 322, a, 53 (409 a. C.); ἥλω δύο, μήλω δύο, ἐνφδίω χρυσὼ δύο... CIA. II, 652 (398

[1]) *Meisterh.*, p. 92—95. *Riem.* Rev. IX, p. 92—94.

a. C.), такъ что̀ Кекъ (стр. 46) невѣрно утверждаетъ, будто послѣ 408 г. до Р. X. нѣтъ болѣе примѣра двойств. ч. имени. Окончанія -α и -ει въ этотъ періодъ времени становятся неупотребительными: послѣдній примѣръ съ окончаніемъ -α (CIA. II, 652 σφραγῖδε ὀα[λίνα ποι]κίλα рядомъ съ περόναι δύο ἀμφιδέαι χρυσαῖ [‖]) относится къ 398 г. до Р. X. Объ аттическихъ ораторахъ см. выше стр. 103 и 112.

6) Въ періодъ времени отъ 378—320 гг. до Р. X. встрѣчаются только еще окончанія двойств. ч. -ω, -ε, -οιν, -αιν, напримѣръ, ὅρμω CIA. II, 682, 11 (365—360 a. C.), στολίδε δύο ib. 677, I, 31 (367 a. C.), χειροῖν (см. выше стр. 116), τοῖν θεοῖν, ταμίαιν, δυοῖν ἡμέραιν CIA, II, Add. 834, b, I, 1; II, 42 (329 a. C.). Множественное ч., впрочемъ, въ указанное время значительно преобладаетъ и притомъ не только въ им. и вин. пад., но и въ род. и дат.: χωπῶν θρανιτίδων ‖ (то-есть, δυοῖν); παραστατῶν ‖ CIA. II, 791, 57. 70 (377 a. C.); εἴκοσι καὶ δυοῖν ναυσί[ν ib. 794, c, 64 (356 a. C.); ἑκατὸν πεντήκοντα δυοῖν δραχμῶν CIA. II, 1055, 3. По первому примѣру видно, что Riem. Rev. V, p. 166 и IX, p. 93, невѣрно утверждаетъ, что δυοῖν съ множ. ч. встрѣчается въ надписяхъ не раньше середины IV вѣка. Риманъ упрекаетъ впрочемъ (Rev. IX, p. 176) Мейстерганса въ томъ, что онъ не выдѣляетъ тѣхъ случаевъ, гдѣ существительное имѣетъ членъ при себѣ, отъ тѣхъ, гдѣ находится при немъ δύο, и говоритъ самъ Rev. IX, p. 94: Quand le substantif est accompagné de l'article, l' ideé de dualité peut être exprimée en grec, soit par l'addition de δύο, soit simplement par l'emploi du duel. Изъ CIA. II онъ приводитъ такіе примѣры: 721, B, II, 17 τούτων (τῶν κρανῶν) τὰ δύο κεχ[α]λκωμένα; 731, A, 4 τ]ὰ δύο ΥΥ; 736, A, 13 τὰ δύο AA; 766, 36 οἱ [μ]ὲν δύο (т.-е. ὀφθαλμοί) [ἀ]ρ[γυ]ροῖ, οἱ δὲ δύο χρυσοῖ, а съ другой стороны—706, b, 18 τὼ ἑτέ[ρ]ω, и 742, A, 14 τοῖν [χ]ειροῖν. Эльмслей (ad Eur. Med. 798) утверждалъ, что аттики соединяли всегда δυοῖν съ двойств. числомъ, δύο же иногда и съ множ. ч., и исправляетъ согласно съ этимъ утвержденіемъ Aesch. Eum. 600 δυοῖν γὰρ εἶχε προσβολὰς μιασμάτοιν (вм. μιασμάτων рукописей) и Ag. 1384 κἂν δυοῖν οἰμωγμάτοιν (рукописи οἰμώγμασι; въ другихъ мѣстахъ Choeph. 304, 944, 1047 имѣется двойств. ч. при δυοῖν). Примѣру Эльмслея послѣдовали Диндорфъ и Кирхгофъ. Веклейнъ (p. 16 sq.), не соглашаясь съ этимъ, предполагаетъ, что трагики только при лицахъ соединяютъ δύο съ двойств. ч., и считаетъ нужнымъ поэтому Soph. Trach. δύ' οὖσαι замѣнить черезъ δύ' οὖσα или δύ' ὄντε. Что касается Аристофана, то самъ Веклейнъ признаетъ за издателями право испра-

вить многочисленныя мѣста, въ которыхъ двойств. ч. устранено писцами, напримѣръ Eccl. 265, Ach. 527, Ran. 565, Plut. 455, Lys. 229 sq. и др., мѣста, гдѣ отчасти даже лучшія рукописи сохранили вѣрное чтеніе. Weckl., p. 17 sq. По Кеку (стр. 47), ораторы соединяютъ δυοῖν обыкновенно съ двойств. ч., между тѣмъ какъ множ. ч. встрѣчается у нихъ лишь съ 362 г. по Р. X.

7) Въ македонско-александрійское время (320—30 гг. до Р. X.) встрѣчается въ надписяхъ только множ. ч., за исключеніемъ одного случая: CIA. II, 605, 12 (начала II в. до Р. X.) τῷ θεῷ (sic!).

8) Во время Римскихъ императоровъ подъ вліяніемъ дѣятельности грамматиковъ двойств. ч. начинаетъ опять являться, и притомъ встрѣчаются не только формы, какъ θεώ, θεοῖν, но даже формы на -α : τὼ θε]ὼ CIA. III, 5, 22; τοῖν θεοῖν ib. 5, 13; 6, 12; χρυσᾶ οἰάν[θα ib. Add. 238, a, 11.

C. Падежи [1]).

1) Имен. падежъ.

При ὄνομά ἐστιν имя стоитъ въ им. пад.: ἧ ὄνομα Ταχεία CIA. II, 809, c, 103 (325 a. C.); въ этомъ самомъ столбцѣ (c) находится еще много другихъ примѣровъ. Въ эпиграфическихъ отчетахъ замѣчается вольное употребленіе им. пад. Мейстергансъ приводитъ слѣдующіе примѣры: ἀπελάβομεν ἀπὸ τῆς τριήρους 'Ακτίδος—'Επιγένους ἔργον—CIA. II, 809, c, 170; οἱ ταμίαι... παρέδοσαν... πρῶτος ῥυμός... κεφαλή, στεφάνη... (вм. ἐν τῷ πρώτῳ ῥυμῷ κεφαλήν) CIA. II, 652, 16 sqq. (398 a. C.); τούσδε ἐπιώψ[ατο] ὁ ἱεροφάντης... Κριτόδημον... 'Επικράτην... Θράσυλλον... 'Αντιγένης... Πύρρος... Βούλαρχος CIA. II, 948, 1 (350—300 a. C.); κλιμακίδας, ἱστόν, κεραίας, κοντούς—ἄγκυραι ib. 811, c, 22 sqq. Другіе примѣры приводитъ Riem. Rev. V, p. 172 sq.

Въ надписяхъ времени Римскихъ императоровъ находится нерѣдко форма им. пад. вмѣсто вин. пад., какъ χοίνικες, Μακεδόνες, δεκάδες, CIA. III, 74; 915; 1362. Другіе примѣры, отчасти даже древніе изъ неаттическихъ надписей, указываютъ Meyer. Gr^2., p. 348, § 365 и Dittenberger. Syll., 388, not. 49.

2) Вин. падежъ.

Мейстергансъ приводитъ изъ надписей только два случая употребленія вин. пад. внутренняго дополненія: ἐπιμεμέληται τὴν ἐπιμέλειαν ἣν ἔδει αὐτὸν ἐπιμεληθῆναι Syll. 427, 5 (301 a. C.) и τὸ ψήφισ-

[1]) *Meisterh.*, p. 95—99.

μα... ὃ ἀπεκρίνατο ὁ δῆμος CIA. II, Add. 52, c, 20 (368 a. C.). Riem. Rev. IX, p. 95, указываетъ еще на вин., вмѣсто котораго слѣдовало бы ожидать род. п.: отдается участокъ земли за 152 драхмы ἕκαστον τὸν ἐνιαυτόν CIA. II, 1055, 4; ср. ib. 1058, 12 τοῦ ἐνιαυτοῦ ἑκάστου.

3) Род. падежъ.

Род. мѣста находится въ двухъ надписяхъ вм. ἐκ съ род.: δεξιᾶς εἰσιόντι, ἀριστερᾶς εἰσιόντι CIA. II, 835, 18. 83 (320—317 a. C.); δεξιᾶς εἰσιόντι ib. 733, A, II, 10. 22 (послѣ 306 a. C.). Riem. Rev. V, p. 163: „cet emploi du génitif n'est pas mentionné dans la grammaire de Krüger, et il a été contesté à tort par Casaubon: v. le Thesaurus, aux mots ἀριστερά, δεξιά".

Род. времени на вопросъ „въ теченіе какого времени?" встрѣчается особенно часто въ надписяхъ болѣе древняго времени: προσάξω δέκα ἡμερῶν, ὅταν πρυτανεύω CIA. IV, 27, a, 12—14 (445 a. C.); ἐπειδὰν ἥκωσ[ι 'Αθήναζε, τριά]κοντα ἡμερῶν ἐμ Βρέᾳ εἶναι CIA. I, 31, A, 27 (444—440 a. C.); ἐὰν δὲ μὴ παραδέξωνται πέντε ἡμερῶν.... ἐπειδὰν ἐπαγγελῇ CIA. IV², 27, b, 18 (439 a. C.); αἵδε τῶν πόλεων τοῦ τόκου... ἐνέλιπον καὶ οὐκ ἀπέδοσαν τῶν τεττάρων ἐτῶν CIA. II, 814, a, B, 2—4 (374 a. C.); уже рано встрѣчаются ἐντός и ἐν: ἐντὸς τριάκοντα ἡμερῶν CIA. I, 57, b, 2, 14 (411 a. C.); ἐν τρισὶν ἡμέραις CIA. II, Add. 834, c, 67 (послѣ 329 a. C.).

Въ зависимости отъ нарѣчія имѣется род. п. 'Αθην V, 518 (363 a. C.): ὅπου ἂν βούληται τῶν συμμαχίδων πόλεων.

Замѣчательные genit. obiect. представляютъ выраженія ἐξέπλευσαν ἐπὶ τὴν φυλακὴν τῶν λειστῶν CIA. II, 804, B, b, 35 (334 a. C.)=Syll. 351, 280; τὸ ψήφισμα τὸ τοῦ φόρου CIA. I, 38, f, 10 (442—413 a. C.). Herw., p. 46, считаетъ послѣдній примѣръ не лишеннымъ значенія въ виду того, что Кобетъ (Mnemos. VIII, p. 94) по поводу Thuc. I, 140 неосновательно высказалъ сомнѣніе относительно подобныхъ же мѣстъ писателей.

Gen. explicativus (не qualitativ. какъ говоритъ Мейстергансъ, стр. 97) слѣдуетъ признать въ выраженіи ὄνυξ μέγας τραγελάφου πρια[πίζοντος (=на которомъ изображенъ...) CIA. II, 652, B, 12 (398 a. C.).

Глаголы λείπειν и ἐλλείπειν встрѣчаются употребляемыми, какъ δεῖν и ἐνδεῖν съ род. п.: λείποντες κωπῶν CIA. II, 795, d, 22 (353 a. C.), ἐνέλειπον κωπῶν ib. 793, a, 20 (357 a. C.). Riem. Rev. IX, p. 95, приводитъ еще: ἑκκαίδεκα μέδιμνοι τρι[ῶ]ν χοινίκων ἀπολείποντες. Ср. Polyb. III, 22, 2 τριάκοντα ἔτεσι λείπουσι δυοῖν. Weckl., p. 41.

Съ двумя род. п. встрѣчается гл. ἀτυχεῖν: οὐδενὸς ἀτυχήσωσιν τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων. Ἀθήν. VI, 152 (347 a. C.).

Мейстергансъ не говоритъ ничего о gen. partitiv. въ выраженіи, часто встрѣчающемся въ надписяхъ, παίδων, ἀνδρῶν ἐνίκα. Weckl., p. 41.

4) **Дат. падежъ.**

Dat. loci. Въ видѣ нарѣчій употребляются дательные: Ἐπικηφι-[σι]ᾶ[ι] CIA. II, 773, 27 (конца IV в.); Θριᾷ CIA. I. 277, 2 (415 a. C.), Νεμέᾳ [1]) ib. 8, 12; Ἰσθμῷ Kaib. Epigr. (поэзія III в.); Ἰψῷ CIA. II, 314, 17 (284 a. C.); Βραυρῶνι ib. 652, B, 23 (398 a. C.); Ἐλευσῖνι CIA. IV², 27, b, 10, 29 (439 a. C.), CIA. II, Add. 834, b, I, 40 (329 a. C.); Μυῤῥινοῦντι CIA. II, 600, 5 (300 a. C.). Herw., p. 40. Riem. Rev. V, p. 157. Meisterh., p. 97.

Dat. temporis: τοῖς μυστηρίοις CIA. II, 466, 7 (II в.), μυστηρίοις Bull. IV, 226, 25 (V в.); τετράδι φθίνοντος CIA. I, 189, a, 10 (407 a. C.); ἀγορᾷ χορίᾳ Ἀθ. VIII, 235 (265—262 a. C.); Διονυσίων τε τῶν ἐν ἄστει καινοῖς τραγῳδοῖς καὶ Παναθηναίων καὶ Ἐλευσινίων τοῖς γυμνικοῖς ἀγῶσιν CIA. II, 470, 26 etc. Herw., p. 47. Riem. Rev. V, p. 164.

Вмѣсто εἰς встрѣчается dat. finalis въ такихъ примѣрахъ: ξύλα καὶ ἄνθρακες τῷ μολύβδῳ CIA. I, 319, 14 (позже 444 a. C.); ib. строка 12 μόλυβδος τῷ ἀνθέμῳ καὶ τοῖς δεσμοῖς; съ чѣмъ можно сравнить разные примѣры, находящіеся въ надписи CIA. II, Add. 834, b: I, 68 ἧλοι ταῖς θύραις, 70 στάθμα... ταῖς θύραις, II, 9—10 στροφίνγων ζεῦγος ταῖς θύραις... 37 ξ]ύλα εἰσ[τ]άθμα ταῖ[ς θ]υροκλινκίσιν, 38 ὀδοὶ ταῖς θυρ[οκ]ινλίσιν [2]), 67 πλινθεῖα... τοῖς πύργοις.

При perf. pass. употребляется въ надписяхъ вм. ὑπό c. gen. обыкновенно dat.: ἐψήφισται τῇ βουλῇ Bull. III, 474, 5 (369 a. C.) etc.

Въ одной и той же надписи (CIA. II, 965, b; 400—350 a. C.) находится строка 8 πένταθλον νικῶντι, а строка 23 πεντάθλῳ νικῶντι.

Изъ случаевъ употребленія дат. п. при глаголахъ нужно отмѣтить, что

a) ἐπαινεῖν встрѣчается въ надписяхъ не только съ вин. п., но и (какъ у Гомера) съ дат.: τῷ δήμῳ τῷ Σαμίων ἐπαινέσαι CIA. I, 56, 2 (412 a. C.); ἐπ]αινέσαι τοῖς Νεοπ[ολίταις CIA. IV, 51, d, 6 (410 a. C.) и f, 28; ἐπ]αινέσαι τοῖς Ἁλικαρνασσεῦσι CIA. II, 128, 4 (Кёлеръ предполагаетъ, что содержаніе надписи относится къ 410 a. C., но что

---

[1]) Впрочемъ предшествуетъ: Πυθοῖ ἢ Ἰσθμοῖ, такъ что Νεμέᾳ сказано подъ вліяніемъ предшествующихъ словъ.

[2]) Въ строкахъ 36 и 37 находится еще третій видъ слова: θυροκλιγκλίδας.

самая надпись вырѣзана послѣ Ol. 106). Съ вин. п. соединенъ гл. ἐπαινεῖν, напримѣръ, CIA. I, 45 (421 a. C.); ib. 59 (411 a. C.) etc.

b) ἐπιγράφειν встрѣчается въ V в. еще съ однимъ дат. п.: ἐπιγράφειν τοῖς ἀναθήμασι Bull. IV, 227, 43.

c) ἄρχειν=„быть архонтомъ“ находится съ дат. п. CIA. II, Add. 841, 10 (396 a. C.) ἐπὶ Φορμίωνος ἄρχοντος Ἀθηναίοις.

5) Аттракція относ. мѣстоименія гораздо чаще соблюдается въ надписяхъ, чѣмъ не соблюдается; примѣры той и другой конструкціи приводитъ Herw., p. 45 (соблюдается: CIA. II, 470, 25. 68. 481, 32. 482, 30. 471, 93. 582. 588 etc.; не соблюдается: ib. II, 477, 2. Add. 477, b. 592 etc.). Meisterh., p. 99, указываетъ слѣдующіе случаи:

a) слово, къ которому относится мѣстоименіе, предшествуетъ: τῶν παραδοθεισῶν, ὧν αὐτὸς εἰσήνεγκεν CIA. II, 803, c, 136 (342 a. C).

b) оно слѣдуетъ за мѣстоименіемъ: ὧν ἔλαβεν, — — τούτων τὰ ἡμίσεα οὗτος ἀπέδωκεν CIA. II, 803, b, 41 (342 a. C.); ср. ib. 807, b, 153 sqq. (330 a. C.).

c) его недостаетъ:

α) вин. п. уподобляется родительному или дательному п.: προσαπέδομεν πρὸς ᾧ (=πρὸς τούτῳ ὃ) πρότερον εἶχε CIA. I, 324, c, 17 (408 a. C.).

β) дат. уподобляется родительному п. или на оборотъ, конструкція, не встрѣчающаяся въ литературѣ (ср. Krüger I, 2, § 51, 10. Kühner[2] II, p. 914 A. 4): σὺν ᾗ (=σὺν ταύτῃ ἧς) παρ[ελ]άβομεν εἰσπεπραγμένον τὸ ἀργύριον CIA. II, 809, d, 65 (325 a. C.); σὺ[ν αἷ]ς (=ταύταις ὧν) τὸ ἀργύριον κατε[βλή]θη ib. строка 70 sq.

d) уподобленіе переходитъ и на другое слово: ἄριθμος τριήρων ὧν ἐν τοῖς νεωσοίκοις ἀνειλκυσμένων κατελάβομεν CIA. II, 793, a, 3 (357 a. C.). Впрочемъ возможно было второе слово не уподоблять: τῶν σκευῶν, ὧν γράψαντες εἰς τὴν στήλην οὐ παρέδοσαν ὄντα ἐν τοῖς νεωρίοις CIA. II, 809, c, 20 (325 a. C.); τριήρους, ἧς ὡμολόγησεν καινὴν ἀποδώσειν ib. строки 5—7 и 70.

D. Времена.

Meisterh., p. 99—100, говоритъ только объ употребленіи повелит. и неопред. накл. настоящ. вр. и аор. и утверждаетъ, что въ надписяхъ строго соблюдается разница между наклоненіями обоихъ временъ, какъ οἱ ταμίαι... ἀναγραψάντων... καὶ τὸ λοιπὸν ἀναγραφόντων οἱ ἀεὶ ταμίαι CIA. I, 32, 24 (435—420 a. C.) и στεφανῶσαι θαλλοῦ στεφάνῳ... στεφανοῦν δὲ καὶ εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον ταῖς θυσίαις CIA. II, 622, 20 (II в. до Р. Х.). Въ двухъ случаяхъ отступленія отъ общаго правила

Мейстергансъ видитъ недосмотръ со стороны рѣзчика: ὁ δὲ τ[αμίας ἀπ]οδότω Πεισιθείδει (=ῃ) κατὰ [τὴν πρυτ]α[νε]ίαν ἑκάστην CIA. II, Add. 115, b, 45 (ок. 344 г. до Р. Х.) и προσάγειν αὐτοὺς τοὺς πρυτ[άνεις ἐς τὴν πρώτην ἐκκλησίαν μετὰ τὰ ἱερ]ά· προσαγαγεῖν δὲ τοὺς ὑεῖς... CIA. II, Add. I, b, 36 (403 a. C.). Противъ предположенія Мейстерганса, что въ обѣихъ надписяхъ случайно пропущенъ одинъ слогъ, возражаетъ Риманъ Rev. IX, p. 176, указывая на CIA. I, 32, 9 ἀποδόντων τὰ χρήματα οἱ πρυτάνεις μετὰ τῆς βουλῆς καὶ ἐξαλειφόντων (гдѣ слѣдовало бы ожидать ἀποδιδόντων) и CIA. VI, 27, a, 67 τὸ ἀργύριον... παρεχόντων гдѣ слѣдовало бы ожидать παρασχόντων. Риманъ того мнѣнія, что Мейстергансъ долженъ былъ бы собрать всѣ примѣры или по крайней мѣрѣ примѣры всѣхъ глаголовъ, которые находятся въ надписяхъ употребленными или въ imper. praes., или въ aor. „La question reste à étudier", заключаетъ онъ.

E. Наклоненіе.

Помѣстимъ здѣсь два случая употребленія неопредѣл. накл., указанные Риманомъ (Rev. IX, p. 97):

Надпись CIA. II, 1098 представляетъ интересный примѣръ неопредѣленнаго накл. приказанія: ὅρος χωρίου κοινοῦ Εἰκαδείων· μὴ συνβάλλειν εἰς τοῦτο τὸ χωρίον μηθένα μηθέν. Риманъ замѣчаетъ, что этотъ примѣръ отличается отъ прочихъ, въ которыхъ неопред. накл. чередуется съ повелит., потому что въ послѣднихъ неопред. накл. можетъ быть понято какъ зависящее отъ предшествующаго ἔδοξεν.

Въ аттическихъ надписяхъ находится довольно большое число примѣровъ очень смѣлаго употребленія неопред. цѣли безъ ὥστε: κλίμακας ποιήσει ξυλίνας ἀναβαίνειν ἐπὶ τὰς μεσόμνας CIA. II, 1054, 84—85 (347—329 a. C.); πίττης δύο κ[ε]ράμια, τὰ ξύλα τὰ περὶ τὸ τεῖχος ἀλεῖψαι ib. Add. 834, b, I, 13 (329 a. C.); τάδε ἀνήλωται τὸν βωμὸν τοῦ Πλούτωνος περιαλεῖψαι ib. II, 4; τριττῆρες τέ(τ)ταρες τὰ ζεύγη ποτίζειν CIA. II, 834, c, 21 (начала III в. до Р. Х.); χοῖροι δύο καθῆ[ραι τὸ ἱερ]όν Ἐφ. ἀρχ. 1883, 119, 49.

F. Предлоги [1]).

1. ἀντί=„насупротивъ" находятся CIA. II, 835, 68 ἀσ[π]ίδες τρεῖς ἐν αἷς ἔνι ἱππεὺς καὶ ὁπλίτης κ[αὶ Θησεὺς ?] ἀντὶ τοῦ Μινωταύρου. Riem. Rev. IX, p. 176.

---

[1]) *Meisterh.*, p. 100—108.

2. ἀντοκρό. Аттическія надписи не представляютъ ни одного примѣра въ начертаніи, извѣстномъ изъ литературы: καταντικρύ, ἀπαντικρύ. Въ пользу начертанія ὀπαντοκρό приводитъ Мейстергансъ CIA. II, Add. 834, b, I, 25 (329 a. C.), однако тамъ читается ἀπαντροκὸ τοῦ δολίχου; такимъ же образомъ находится CIA. II, 1054, 88 (347 a. C) τὸ καταντροκὸ χωρίον. Простого ἀντοκρό не находится нигдѣ, такъ что этимъ подтверждается правило Thom. Mag., p. 1: ἀπαντικρὺ τοῦ δεῖνος καὶ καταντικρὺ λογογράφοι... ἀντικρὺ δὲ ποιηταί.

3. ἀπό чередуется съ ἐκ въ выраженіяхъ: Διῆς ἀπὸ τοῦ Ἄθω CIA. I, 237, 35 (443 a. C.) и Διῆς ἐκ τοῦ Ἄθω CIA. I, 244, 53 (436 a. C.).

ἀπό встрѣчается въ надписяхъ въ значеніи „цѣною“: χρυσῷ στεφάνῳ ἀπο X δραχμῶν CIA. II, Add. nov. 159, b, 7 (ок. 350 a. C.); φιάλην ἀπὸ δραχμῶν ἑκατόν Ib. 470, 71 (ок. 63 a. C.). Въ томъ же смыслѣ встрѣчается и ἐκ: κεφάλαιον τιμῆς κριθῶν... πραθεισῶν ἐκ τριῶν δραχμῶν τὸν μέδιμνον ἕκαστον Ἐφ. ἀρχ. 1883, 123, 69—70. Riem. Rev. IX, p. 95.

4. ἄχρι и μέχρι пишутся въ надписяхъ всегда (и передъ гласными) безъ σ согласно правилу Phryn., p. 14: μέχρις καὶ ἄχρις σὺν τῷ σ ἀδόκιμα· μέχρι δὲ καὶ ἄχρι λέγε. Thom. Mag., p. 13: ἄχρι καὶ μέχρι Θουκυδίδης ἀεὶ λέγει, οὐ μόνον ἐπαγομένου συμφώνου, ἀλλὰ καὶ φωνήεντος. οἱ δ' ἄλλοι, ἐπαγομένου μόνον φωνήεντος, καὶ μετὰ τοῦ σ καὶ χωρὶς τοῦ σ γράφουσιν· οἷον ἄχρις οὗ καὶ ἄχρι οὗ. Moeris, p. 35: ἄχρι ἄνευ τοῦ σ Ἀττικῶς· ἄχρις Ἑλληνικῶς. Изъ надписей приводитъ Мейстергансъ: μέχρι ἡλίου δύνοντος CIA. IV, 2, A, 4 (раньше 456 a. C.) и ἄχρι ἂν Kaib. Epigr. 48, 5 (поэзія, III в.). Три прозаическіе примѣра, относящіеся къ IV в., находятся еще CIA. II, Add. 834, b, I, 25, 34, 48: ἄχρι τῆς πολίδος — ἄχρι τῆς τρίτης — ἄχρι τοῦ ἐδάφους. Еслибы въ подобныхъ вопросахъ можно было приписать какое-нибудь значеніе рукописямъ, то слѣдовало бы вѣрить словамъ Өомы, утверждающаго, что одинъ Өукидидъ говорилъ всегда ἄχρι передъ гласными. А именно рукописи многихъ писателей (не исключая и Өукидида) имѣютъ ἄχρις и μέχρις передъ гласными; ср. Lobeck ad Phryn., p. 14 sq. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Веклейна (p. 52), что Өома или не принимаетъ во вниманіе различія во времени (не рѣдко онъ ссылается, напримѣръ, на текстъ Лукіана и даже Либанія), или составилъ себѣ мнѣніе на основаніи рукописей уже искаженныхъ.

5. Meisterh., p. 101, предполагаетъ существованіе предлога διαμέσως на основаніи чтенія надписи CIA. II, 1084, 13 (347 a. C.) διαμέσως τῆς σκευοθήκης. Справедливо сомнѣвается въ этомъ Лаутензахъ

въ своей рецензіи (стр. 236) и предполагаетъ, что вмѣсто этого слѣдуетъ, вѣроятно, читать διά μέσης τ. σχ.

6. εἰς. „По 380 г. до Р. Х.", говоритъ Мейстергансъ (стр. 101 сл.),—„обыкновенная форма была ἐς. Начертаніе ἐς является въ послѣдній разъ въ надписи 334 г. до Р. Х. (ἐς τὸ δικαστήριον рядомъ съ inf. ἀποδώσεν CIA. II, 804, A, 13. 33). Переходъ начертанія ἐς въ εἰς совпадаетъ такимъ образомъ совершенно съ тѣмъ временемъ, когда ε стало замѣняться черезъ ει (та же надпись содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый послѣдній случай употребленія ε=ει: ἀποδώσεν) и по этой причинѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что ἐς и εἰς отличаются другъ отъ друга лишь графически". Въ употребленіи предлога ἐς въ видѣ краткаго слога у трагиковъ (напримѣръ, Soph. O. C. 1424 ὁρᾷς τὸ τοῦδ' οὐν ὡς ἐς ὀρθὸν ἐκφέρεις. Trach. 1167 читается въ рукописяхъ съ метрическою ошибкой: Σελλῶν εἰσελθὼν ἄλσος εἰσεγραψάμην!), между тѣмъ какъ у Гомера, эпиковъ и Аристофана передъ гласными находится всегда долгота, видитъ Мейстергансъ результатъ ихъ склонности къ доризмамъ и, такъ какъ, по его мнѣнію, форма ἐς есть исключительно дорическое образованіе, понятное только съ точки зрѣнія этого нарѣчія въ виду отсутствія замѣнительнаго растяженія (ἐνς: ἐς = τόνς: τός) [1]), то онъ считаетъ начертаніе ἐς у Θукидида и Геродота лишь не устраненнымъ александрійскими грамматиками остаткомъ древняго, до-Евклидоваго правописанія, который мы должны будто устранить въ своихъ изданіяхъ. Не соглашаются съ мнѣніемъ Мейстерганса Шталь (р. 43), возражающій, что въ текстѣ Θукидида нѣтъ никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно бы было заключить, что Θукидидъ пользовался древнимъ правописаніемъ, и О. Риманъ (Rev. IX, p. 182). Послѣдній считаетъ невѣроятнымъ, чтобы характерная особенность языка Θукидида произошла отъ переписчиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ не лишеннымъ нѣкотораго значенія приведенное уже прежде у Weckl., p. 58, мѣсто Фотія, по которому аттики въ извѣстныхъ выраженіяхъ употребляли ἐς. Phot. biblioth. 535, 6, 2 Bekk.: οἱ 'Αττικοὶ κατά τι πάτριον ἔθος οὐ χρῶνται τῇ ει διφθόγγῳ ἐν τῷ λέγειν ἐς κόρακας ἢ ἐς μακαρίαν, ἀλλ' ἄνευ τοῦ διχρόνου ἐκφωνοῦσι τὴν πρόθεσιν; ἐπὶ δὲ τῶν ἄλλων ἁπάντων καὶ μετὰ τοῦ διχρόνου καὶ χωρὶς τοῦ διχρόνου τὴν πρόθεσιν λέγουσιν. Такъ какъ ни Шталь, ни Риманъ не обращаютъ вниманіе на то, на что опирается главнымъ образомъ Мейстергансъ, то-есть, на фонетику при образованіи предлога εἰς или ἐς, то не мѣшаетъ

---

[1]) Въ дорическихъ надписяхъ сохранилось ἐς по II в. до Р. Х.

остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ. Греческій языкъ имѣлъ первоначально только одинъ предлогъ ἐν, который употреблялся съ дат. и вин. п. на вопросы гдѣ и куда. Древнее употребленіе ἐν съ вин. п. сохранилось въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ: бэотійскомъ [1]) (ἐμ παλτοφόρας Collitz, Griech. Dialectinschr. Götting. 1884, 528, 9), Θессалійскомъ (ἐν χίονα Coll. 361, a, 11; ἐν τὸ ἱερόν Ib. 345, 22; ἐν τὸν ἅπαντα χρόνον Cauer, Delect.[2] 387, 6), этолійскомъ (ἐν τὸ ἔθνος, ἐν τὰν καλλίσταν διάθεσιν Cauer[2] 236), локрійскомъ, эолійскомъ и аркадскомъ; въ другихъ нарѣчіяхъ развилась новая форма съ -ς. Ср. Meyer Gr.[2], p. 68. По звуковымъ законамъ аттическаго языка выпадаетъ ν передъ σ при слѣдующемъ согласномъ: συνστρέφειν=συστρέφειν, συνζευγνύναι=συζευγνύναι, συνσκευάζειν=συσκευάζειν; такимъ же образомъ ἐνς τούς и т. п. обращалось въ ἐς τούς. Если же за νσ находится гласный, то растягивается предшествующій гласный: τόνς=τούς, πάνς=πᾶς, λέγονσι (изъ λέγοντι)=λέγουσι, слѣдовательно ἐνς ἄλλους=εἰς ἄλλους. Такимъ образомъ надо полагать, что ἐς говорилось первоначально только передъ согласными, εἰς передъ гласными и, что лишь впослѣдствіи, когда болѣе не сознавали происхожденія обѣихъ формъ, онѣ употреблялись безъ различія. Такъ объясняетъ образованіе обѣихъ формъ Бругманъ въ Berichte d. sächs. Ges. d. Wissensch. 1883, p. 185 sqq.; ср. Meyer Gr.[2], p. 79. 286 sq. Мнѣніе Мейстерганса о томъ, что ἐς свойственно однимъ дорянамъ, мы считаемъ опровергнутымъ этимъ объясненіемъ. Въ IV в. форма ἐς въ аттическихъ надписяхъ встрѣчается рѣдко; примѣры въ пользу этого начертанія приводитъ Weckl., p. 58; ср. Riem. Rev. IX, p. 58. Мартэнъ (Le ms. d'Isocr. Urb., p. 30) предполагаетъ, что Isocr. IV, 61 cod. Urbin. имѣлъ отъ первой руки вѣрное чтеніе ἐς τὴν πόλιν, и что здѣсь рукопись сохранила древнюю формулу, съ чѣмъ онъ сравниваетъ CIA. II, Add. 14, b, 5 ἐς τὴμ πόλιν, а Риманъ — CIA. II, 814, A, b, 13 εἰσαχθεὶς ἐς τὸ δικαστήριον. Что касается εἴσω и ἔσω, то трагики употребляли обѣ формы по потребности размѣра [2]), у комиковъ находится только εἴσω.

Шанцъ пишетъ въ своемъ изданіи Платона на основаніи рукописей только εἴσω (Plat. VII, p. XII), Шталь у Θукидида только ἔσω. Въ надписяхъ находится εἴσω CIA. II, 1054, 24 и 1079, 4. Riem. Rev. IX, p. 58.

---

[1]) Такъ встрѣчается ἐν съ вин. п. и у Пиндара, какъ Pyth. 2, 11; 5, 36 и др.

[2]) Ср., напримѣръ, Eur. Hippol. 2 и 4.

7. ἐν. Соединеніе этого слова съ род. п. основывается на эллипсѣ и встрѣчается особенно часто съ именами жителей аттическихъ демовъ: ἐν Ἡφαιστιαδῶν [1]) CIA. II, 772, B, 12 (IV—III в. а. С.), ἐν Θυμα(ιταδῶν) ib. 774, 11 (IV—III в. а. С.), ἐγ Κυδαντιδῶν ib. 785, 5 (послѣ 350 а. С.), ἐν Κοθωκιδῶν ib. 785, 9, ἐν Σχαμβω(νιδῶν) 773, 44 (IV—III b.), ἐν Κειριαδῶν ib. 768, 21, ἐλ Λακιαδῶν ib. Add. 834, b, I, 74.

Глаголы θεῖναι, καταθεῖναι соединяются съ ἐν и εἰς: καταθεῖναι ἐς πόλιν CIA. IV, 27, a, 60 (445 а. С.), καταθεῖναι ἐν ἀκροπόλει CIA. II, 115, 21 (343 а. С.), θέ]ντων ἐμ πόλει CIA. I, 32, A, 30 (435—420 а. С.), θεῖναι εἰς τὴν ἀκρόπολιν CIA. II, 113, 5 (344 а. С.).

Во время позднѣйшихъ Римскихъ императоровъ встрѣчается εἰς вм. ἐν: κεῖσθαι εἰς τύμβον CIA. III, 1362, ἀναπαύεσθαι εἰς τόπον ib. 1379.

8. ἕνεκα. Въ надписяхъ встрѣчаются, кромѣ обыкновеннаго ἕνεκα (напримѣръ, CIA. I, 42, 5; 423 а. С.—CIA. II, Add. 1, b, 34. ib. 607, 2 и B, 10), еще въ V и IV вѣкахъ до Р. Х. εἵνεκα и οὕνεκα; первое находится, впрочемъ, только въ метрическихъ надписяхъ: CIA. IV, 477, e, 2 (ок. 450 а. С.); Kaib. Epigr. 35, b, 10 (circa med. saec. IV); ib. 52, 2 приводится Мейстергансомъ (стр. 104) по ошибкѣ, такъ какъ тамъ читается согласно размѣру ἕνεκα. Объ ἕνεκεν говоритъ Мейстергансъ, что оно встрѣчается приблизительно съ 300 г. до Р. Х. и притомъ въ первый разъ Ἀθ. VIII 296 (=Syll. 427). Bamb. Jb. XII, p. 59, возражаетъ противъ этого, что CIA. II, 987, A, гдѣ строка 2-я читается φιλοτιμίας ἕνεκεν, а строка 5-я—ἀρετῆς ἕνεκα, по Кёлеру, относится къ серединѣ IV в. Въ офиціальныхъ постановленіяхъ встрѣчается ἕνεκεν, по Мейстергансу, не раньше 282 г. до Р. Х. (CIA. II, 316, 21. 30; 282—280 а. С.) и употребляется во II в. втрое чаще, чѣмъ ἕνεκα (первое, напримѣръ, CIA. II, 414, 7. 15; 417, 18; 424, 6; 426, 5; 438, 15; 621, 19). Οὕνεκα употребляется въ древнихъ надписяхъ лишь какъ союзъ (=потому что): CIA. IV^2, 422, 4 (VI в.) οὕνεκα τῶδε ἀ[λτῆρ']; CIA. I, 487, 1 (V в. до Р. Х.) οὔ]νεκα πιστὸς ἔφυς; Kaib. Epigr. 87, 4 (IV в.) οὕνεκα βήτην; CIA. III, Add. 759, a, 4 (вр. имп.) οὕνεκα διεσώσατο. Какъ предлогъ встрѣчается οὕνεκα только одинъ разъ въ эпиграммѣ V вѣка (какъ предполагаетъ Кёлеръ на основаніи формъ буквъ, а не IV—II вв., какъ говоритъ Мейстергансъ), Kaib. Epigr. 73, 2 CIA. IV^2, 491, 8, 3:

[1]) Вульгарная форма вм. Ἰφιστιάδης, но Римэнъ во всякомъ случаѣ не правъ, утверждая Rev. V, p. 153, что Ἡφαιστιάδης встрѣчается лишь въ римское время.

Ἀνθέμιδος τόδε σῆμα· κύκλῳ στεφανοῦσ(ι)ν ἑταῖροι
μνημείων ἀρετῆς οὕνεκα καὶ φιλίας [1]).

Что касается литературы, то лучшія рукописи Θукидида читаютъ I, 68, 2 ἕνεκεν; VI, 56, 3 οὕνεκα, а VIII, 69, 1 одинъ Vat. εἵνεκα. Шталь считаетъ вѣроятнымъ утвержденіе грамматика Thom. Mag., p. 151, 1 Θουκυδίδης ἀεὶ ἕνεκα, хотя Θома пользовался рукописью, которая была ни лучше, ни древнѣе, чѣмъ теперь существующія лучшія рукописи Θукидида. Ср. Stahl, p. 53. Шанцъ читаетъ въ Платонѣ вездѣ ἕνεκα, хотя, напримѣръ, Plat. Leg. 778 D даже Paris. A имѣетъ εἵνεκα и хотя Thom. Mag. l. c. говоритъ: ἕνεκα καὶ εἵνεκα Πλάτων καὶ Δημοσθένης καὶ οἱ ἄλλοι.

Относительно трагическихъ поэтовъ и Аристофана установилась съ временъ Дэвеса теорія, будто у нихъ форма εἵνεκα не позволительна и что вмѣсто нея слѣдуетъ вездѣ писать οὕνεκα; послѣднее приняли Мейнеке, Диндорфъ и другіе даже тамъ въ текстѣ, гдѣ лучшія рукописи даютъ εἵνεκα, напримѣръ, Aesch. Suppl. 188. Prom. 345. Ar. Nub. 526. Eccl. 329. 659. Названная теорія возникла на томъ основаніи, что часто встрѣчается οὕνεκα безъ варіанта, εἵνεκα— рѣдко. Подробнѣе разобралъ этотъ вопросъ Weckl., p. 36—39, и доказалъ, что въ большинствѣ мѣстъ рукописи Аристофана имѣютъ εἵνεκα и что у переписчиковъ существовала склонность замѣнять эту форму посредствомъ οὕνεκα, что̀ иногда даже въ такихъ мѣстахъ вкралось въ текстъ, гдѣ размѣръ требуетъ ἕνεκα, напримѣръ, Ar. Nub. 1217, 1236; Веклейнъ совершенно справедливо отрицаетъ вообще существованіе предлога οὕνεκα: 1) на основаніи образованія (изъ οὗ ἕνεκα) и 2) потому что нѣкоторые грамматики вовсе не знаютъ такого предлога. Ср. Etym. Magn. 641, 44 οὕνεκα σύνδεσμος αἰτιολογικός, σχήματος ἁπλοῦ, ἔχει δὲ ἔννοιαν συνθέτου ἀντὶ τοῦ οὕτινος ἕνεκα — — τὸ δὲ τούνεκα σύνδεσμος ἀνταποδοτικός. Ammon. p. 106 οὕνεκα καὶ εἵνεκα διαφέρει· οὕνεκα σημαίνει τὸ ὅτι, εἵνεκα δὲ χάριν. Cram. Anecd. Ox. I, 131, 4 ἕνεκα τοῦ οὕνεκα διαφέρει· τὸ μὲν οὕνεκα σημαίνει διότι. Εἵνεκα пишутъ теперь въ своихъ изданіяхъ: A. Наукъ (ср. его прим. ad Soph. O. R. 383 Anh. и Eurip. ed. tert. vol. I, p. XLVII) въ Софоклѣ и Еврипидѣ, Кирхгофъ въ Эсхилѣ и Блэдсъ въ Аристофанѣ. Ср. Wackernagel Zeitschr. f. vergl. Sprachf. XXVIII, p. 109 — 130. Съ другой стороны, защищаетъ предлогъ οὕνεκα Кобетъ въ Mnemos. N. S. VI, p. 166.

---

[1]) Конструкція: не στεφανοῦν τινά τινος„ какъ говоритъ Кайбель, но μνημείων зависитъ отъ οὕνεκα: „ut memores se esse testificentur virtutis et amicitiae eius", объясняетъ Кирхгофъ.

Что касается формы ἕνεκεν, то она защищена размѣромъ Arist. Plut. 989, и въ пользу ея говоритъ грамматикъ Phavor. p. 267 ἕνεκα καὶ ἕνεκεν 'Αττικοὶ γράφουσιν. Но по надписямъ нельзя во всякомъ случаѣ ничего заключить относительно ея употребленія у древнихъ аттиковъ, какъ это дѣлаетъ Weckl., p. 36.

Формы ἕνεκε, εἵνεκε, οὕνεκε нигдѣ не находятся въ аттическихъ надписяхъ; εἵνεκεν же и οὕνεκεν встрѣчаются со временъ императоровъ: εἵνεκεν Kaib. Epigr. 152 (II в. по Р. X.); ib. 953, 1 (вр. имп.); οὕνεκεν CIA. III, 751, 14 = Kaib. Epigr. 144 (союзъ; вр. Авреліевъ); Meisterh., p. 104.

9. ἐπί. Riem. Rev. IX, p. 95 указалъ на ἐπὶ ἡμέρας=ежедневно CIA. II, Add. 834, b, II, 6.

10. μετά. Объ употребленіи этого предлога въ сравненіи съ σύν написалъ особое изслѣдованіе: Tycho Mommsen, Entwickelung einiger Gesetze für d. Gebrauch d. griech. Praepos. μετά und σύν bei d. Epikern. Frankf. 1874. 1879. Данныя, обнаружившіяся въ надписяхъ, подтверждаютъ въ извѣстной мѣрѣ то, что, по изслѣдованію Моммзена, соблюдается въ литературѣ, а именно вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о содѣйствіи, сопровожденіи или участіи лицъ, употребляется и въ надписяхъ не σύν, а μετά: ὀρχῶσαι μετά τῶν ὀρχωτῶν CIA. IV, 27, a, 37. 65 (445 a. C.); τοὺς μετ' 'Αρύββου ἥκοντας CIA. II, 115, 29 (343 a. C.): такимъ же образомъ стоитъ μετά при им. собирательныхъ, обозначающихъ лица: δόντων μετὰ τῆς βουλῆς CIA. I, 32, A, 10 (420—416 a. C.); ἔθεντο τὰ ὅπλα μετὰ τῆς πόλεως CIA. II, 317, 12 (282—280 a. C.). Даже при глаголахъ, сложныхъ съ σύν, μετά употребляется такъ: συνδιεπο[λέμησ]αν τὸν πόλεμον μετὰ 'Αθηναίω[ν CIA. IV, 51, a—d, 7 (410 a. C.) etc. Лишь съ императорскихъ временъ смѣшивается μετά съ σύν: 'Αρεο]παγεῖται σὺν τοῖς γυμνασιαρχικοῖς οἵδε CIA. III, 1085, 19 (61, p. C.); σὺν Καπιτωλίοις νεικήσας τὸν ἀγῶνα ib. 120, 5 (138—161 p. C.). Meisterh., p. 104 sq.

11. περί. Одинъ разъ находится этотъ предлогъ въ надписи позади слова: τοῦ πολέμου πέρι καὶ τῶν τρ... CIA. I, 57, b, 13 (411 a. C.). Meisterh., p. 105, приводитъ пять примѣровъ съ περί c. dat. въ мѣстномъ значеніи: ἐπιθῆσαι ὀρθοστάτας περὶ μέσῃ τῇ εὐθυντηρίᾳ CIA. II, 1054, 19 (347 a. C.); ἀμπέχονον περὶ τῷ ἕδει ib. 754, 35 (349—344 a. C.); περὶ τῷ ἀρχαίῳ ib. 751, B, II, 4 (345 a. C.); χιτωνίσκος περὶ τῷ ἀγάλματι τῷ ὀρθῷ ib. строка 19; ἔγκυκλον περὶ τῷ ἀγάλματι ib. 758, B, 30 (ок. 334 a. C.).

12. σύν. По 410 г. до Р. Х. преоблагаетъ въ аттическихъ надписяхъ форма ξύν, а съ этого года — σύν, какъ видно по пропорціи:

отъ 460—410 г. до Р. Х. ξύν : σύν = 71 : 19

отъ 410—403 г. до Р. Х. ξύν : σύν = 9 : 50.

CIA. I, 188 (410 a. C.) имѣетъ разъ ξύν, 22 раза σύν; CIA. IV, 61, a (409 a. C.) ξύν—4 раза, σύν—3 раза. Послѣ 403 г. встрѣчается ξύν лишь изрѣдка въ юридическихъ выраженіяхъ: ξυναρχόντων CIA. II, 645, 7 (399 a. C.); ξυμβόλων, ξυμβολάς ib. 11, 12. 13 (396—387 a. C.); ξυγγραφάς CIA. I, 283, 19 (ок. 372 a. C.). Съ этого времени прекращается и это употребленіе, и ξύν сохраняется (до I в.) только въ формулѣ γνώμην δὲ ξυμβάλλεσθαι τῆς βουλῆς εἰς τὸν δῆμον ὅτι δοκεῖ τῇ βουλῇ, напримѣръ, CIA. II, Add. nov. 477 (I в. до Р. Х.); συμβάλλεσθαι находится такъ только разъ: CIA. II, 47, 7. Внѣ названной формулы, συμβάλλεσθαι пишется съ σ, напримѣръ, CIA. II, 610, 20 etc. Weckl., p. 57. Meisterh., p. 106.

Что касается синтаксиса, то σύν находится только при словахъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. По наблюденію Гейера (Geyer, Observationes epigraph. de praeposit. graec. forma et usu. Leipz. 1880), не находится σύν во всей первой части II тома CIA., заключающей въ себѣ офиціальные документы. Ср. Riem. Rev. IX, p. 96.

13. ὑπέρ. Въ надписи 369 г. до Р. Х. (Mitth. II, 197, 25) читается: ἄρχοντες, ὁπόσοι ὑπὲρ τοῦ κοινοῦ τῶν Θετταλῶν ἄρχουσ[ι]ν.

Krüger, Griech. Sprachl. I, § 68, 28, 3, говоритъ, что ὑπέρ въ смыслѣ περί встрѣчается лишь у Демосѳена и позднѣйшихъ; надписи подтверждаютъ это наблюденіе, такъ какъ лишь съ 300 г. до Р. Х. въ нихъ говорится ὑπέρ τινος вмѣсто περί τινος. Meisterh., p. 107, приводитъ три примѣра, наглядно показывающіе мало по малу совершившійся переходъ:

a) 335—332 г. до Р. Х.: περὶ ὧν λέγουσιν Κιτιεῖς περὶ τῆς ἱδρύσεως CIA. II, 168, 8.

b) 290 г. до Р. Х.: περὶ ὧν ἀγγέλει ὁ ἀγωνοθέτης ὑπὲρ τῶν θυσιῶν. ib. 307, 5.

c) раньше 200 г. до Р. Х.: ὑπὲρ ὧν ἀπαγγέλλουσιν ὑπὲρ τῶν θυσιῶν ib. 390, 8.

14. ὡς въ видѣ предлога встрѣчается въ надписяхъ рѣдко, и нашлось всего 4 примѣра: πορευθήσονται οἱ πρέσβεις ὡς βασιλέα CIA. II, 86, 3 (376—364 a. C.); πέμπῃ τινὰ ὡς αὐτόν ib. строка 24; τ]ὰ χρήματα ὡς 'Ορ[ό]ντην CIA. II, 108, b, 22 (349 a. C.); ἀφικν]ο[υμ]ένων ὡς Φίλιππον.

G. Союзы [1]).

1. **Мѣстные.** Рядомъ съ οὗ, ᾗ, ὅπου встрѣчается въ эпиграфическихъ памятникахъ и ἵνα въ значеніи „гдѣ", но всегда безъ глагола: ἵνα ἡ Νίκη, ἵνα τὰ κάμπυλα φύλλα, ἵνα ὁ Ζεύς CIA. II, 667, 12 sqq. (385 a. C.); ἵνα ὁ Ἀπόλλ[ω]ν, ἵνα τὰ ὀρθὰ πέταλα ib. 668, 4 sqq. (385 a. C.);—οὗ ὁ σίδηρος κεῖται CIA. II, 807, c, 46 (330 a. C.); οὗ τά ξύλα κεῖται ib. Add. 834, c, 25 (послѣ 329 a. C.).

2. **Временные.** Союзы ἕως и πρίν употребляются въ надписяхъ съ сослагат. наклон. только тогда, когда они имѣютъ при себѣ ἄν; ср. CIA. II, 117, b, 12 ἕως ἂν κομίσωντ[αι (333 a. C.); ib. 121, 24 ἕως ἂν κατέλθωσι[ν; ib. 578, 25 πρὶν ἄ[ν] δῷ; CIA. I, 40, 55 ἕως ἂν δι[απρ]αχθῇ (423 a. C.); CIA. II, Add. 115, b, 35 ἕως ἂν κατέλ[θῃ (343 a. C.); ib. 121, 24 ἕως ἂν κατέλθωσι[ν (337 a. C.). Безъ ἄν является ἕως съ сослаг. лишь съ середины II вѣка: CIA. II, 624, 18 ἕως σ[ύμ]π[ασ]αι διέλθωσιν.

Вмѣсто ἐπειδάν является въ надписяхъ ἐπάν не раньше 265 г. до Р. Х.: ἐπὰν καταλάβωσι Ἀθ. VIII, 235, 19 (265—262 a. C.); ср. Thom. Mag. p. 114: καὶ ἐπὰν καὶ ἐπειδάν· εὕρηται δὲ ἐπὶ πλέον τὸ ἐπειδάν. Ἐπήν въ аттическихъ надписяхъ вовсе не встрѣчается.

3. **Причинные.** Вмѣсто ἐπειδή встрѣчается ἐπεί лишь съ 265 г. до Р. Х.: ἐπεί τά τε ἄλλα πράττουσιν καλῶς Ἀθ. VIII, 235, 10 (265—262 a. C.). Herw., p. 77 приводитъ лишь примѣръ, относящійся ко времени Адріана: CIA. III, 15 ἐπεὶ δὲ προσήκει τοῖς ἐφήβοις τὴν τοσαύτην ὁδοιπορῆσαι ὁδόν.

ὅτι = „потому что", „за то что" является въ надписяхъ особенно часто въ выраженіяхъ στεφανῶσαι ὅτι, ἐπαινέσαι ὅτι: послѣднее читается, напримѣръ, CIA. I, 56, 3 (412 a. C.), первое CIA. II, 609, 19 (324 a. C.). Meisterh., p. 108.

4. **Пояснительные.** Взамѣнъ ὅτι = „что" находится изрѣдка ὡς: ἐὰν δέ τις εἴπῃ ἢ ἐπιψηφίσῃ ἢ ἄρχων ἢ ἰδιώτης παρὰ τόδε τὸ ψήφισμα, ὡς λύειν τι δεῖ CIA. II, 17, 53 (378 a. C.). Herw., p. 77. Съ 300 г. до Р. Х. встрѣчается такъ и διότι: ἐπειδὴ Ὄνασος ... ἐμφανίζει, διότι καὶ κοινῇ ὁ δῆμος ὁ Τρο[ζηνίω]ν τὴν εὔνοιαν ἀποδ[έδειχται καὶ ἰδίᾳ οἱ Τελεσίου πρόγονοι Ἀθ. V, 522, 6, 13 (начала III в. a. C.). Meisterh., p. 109.

5. **Союзы слѣдствія.** Мѣсто ὥστε = „съ тѣмъ условіемъ чтобы"

---

[1]) *Meisterh.*, p. 108 sq. Herw., p. 72—78.

заступаетъ часто ἐφ ᾧτε, даже въ одной и той же надписи: ᾧτε αὐτὸν ἑαυτῷ ξύλα παρέχειν и ἐφ' ᾧτε ξύλα αὐτὸς αὐτῷ παρέχειν CIA. II, Add. 834, b. II, 8. 51 (329 a. C.). Meisterh. p. 109.

6. Условные. Ἐάν остается въ древнее время всегда не слитнымъ. Единственный древній примѣръ, который, по словамъ Мейстерганса, заключаетъ въ себѣ слитное ἄν (CIA. II, 11, 6; 394—387 a. C.), подлежитъ сильному сомнѣнію, такъ какъ Кёлеръ читаетъ тамъ: ὅ τι ἂμμέ[ν 'Αθ[ήνησι συμβό]λαιον γένηται [πρὸς Φ]ασηλι[τ]ῶν τινα, гдѣ ὅ τι ἂμμέν = ὅ τι ἂν μέν, то-есть, ἄν тамъ частица. Ἤν въ аттическихъ надписяхъ нигдѣ не встрѣчается.

7. Союзы цѣли. Ἵνα = „чтобы" употребляется до македонскаго времени рѣдко: CIA. I, 37, f—m, 30 ἵνα μὴ αὐ[τ.... и строка 35 ἵνα εἰ[.... (420 a. C.); чаще оно встрѣчается въ III—I вв. до Р. X., напримѣръ, CIA. II, 310, 8 ἐφιλοτιμήθησαν ἵν' ὡς κάλλιστα.... ῥήσηται, начала III в.; ib. 404, 28 ἵνα το[ύτων συν]τελουμένων εὐσεβῶς ἔχῃ κτλ., II в.; 438, 21 ἵνα δὲ καὶ ὑ[πόμνημα ὑπάρχῃ; ib. 469, 63 ἵνα οὖν ἡ βουλὴ καὶ [ὁ δῆμος φ]αίνωνται etc. Всегда употребляется ἵνα съ сослаг. накл.; желательнаго нѣтъ нигдѣ.

Ὡς finale встрѣчается въ надписяхъ еще рѣже, чѣмъ ἵνα: безъ ἄν оно вовсе не встрѣчается; ὡς ἄν употребляется рѣдко съ желат. накл. и притомъ не раньше времени Адріана: CIA. III, 9, 12 δεδόχθαι—προστάξαι—ἄγειν—ὡς ἂν—ὑπάρχο[ι, ib. 27 ὡς ἂν—ἄγοιτο; ὡς ἂν c. coni. даже въ это позднее время не встрѣчается, такъ что CIA. III, 48, 31. 34 (ineunte sec. IV p. C.) слѣдуетъ, вѣроятно, дополнить ὡς ἂ[ν]—μὴ μ[ε]ταδόξ[αι, а не μεταδόξῃ.

Обыкновеннымъ финальнымъ союзомъ бываетъ въ надписяхъ ὅπως. Съ ind. fut. этотъ союзъ встрѣчается рѣдко: CIA. I, 32, B, 8 (ок. 420 a. C.) ὅπως ἄριστ[ά τε καὶ κάλλιστα κοσμηθ]ήσεται ἡ ἀκρόπολις καὶ ἐπισκευασθή[σεται; CIA. II, 86, 2 (376—354 a. C.) ἐπεμελήθη ὅπως ὡς κάλλιστα πορευθήσονται οἱ πρέσβεις.

Въ классическое время соединяется ὅπως съ сослаг. наклоненіемъ только тогда, когда при немъ находится ἄν. Въ IV вѣкѣ встрѣчается ὅπως c. coni. безъ ἄν въ первый разъ: CIA. II, 115, 40 ἐπιμελεῖσ[θαι δ]ὲ καὶ τοὺς στρατηγοὺ[ς, οἳ ἂ]ν στρατηγ[ῶ]σι, ὅπως 'Αρ[ύββα]ς καὶ οἱ παῖδες αὐτοῦ [κομί]σωνται τὴν ἀρχὴν τὴν [πατρ]ῴαν, гдѣ строка 16 читается: ἐπιμελεῖσθαι ὅπως ἂν προσόδου τυγχάνῃ. Въ III и II вѣкахъ употребляется ὅπως съ coni. безъ ἄν гораздо чаще, чѣмъ съ ἄν. Ὅπως съ ἄν c. opt. очень сомнительно и основывается только на до-

полненіяхъ новѣйшихъ издателей CIA. II, 300 (294 a. C.) и CIA. III, 5. Herw. p. 72—76.

8. Союзы сравнительные. Рядомъ съ ὥσπερ, καθά, καθάπερ, καθότι является съ конца II вѣка до Р. Х. и καθώς въ смыслѣ „какъ", напримѣръ, CIA. II, 466, 22 (II—I в.); ib. 467, 23 (ок. 100 a. C.). Въ неаттическихъ надписяхъ находится καθώς еще раньше Syll. 181, 15 (III в. до Р. Х.). Ср. Moeris, p. 212 καθότι, Ἀττικῶς. καθώς, Ἑλληνικῶς. Phryn., p. 425. Thom. M., p. 195 καθότι καὶ καθά· τὸ δὲ καθὼς παρὰ τοῖς δοκίμοις οὐκ ἔστιν. Meisterh. p. 109.

9. Отрицаніе. Krüger Gr. Sprachl. II, 2, § 69, 64, A. 2 говоритъ: „οὐ—οὔτε, μή—μήτε очень сомнительно. Soph. O. C. 496 читается въ рукописяхъ τῷ μὴ δύνασθαι μήθ' ὁρᾶν, вмѣсто чего пишетъ Диндорфъ μήτε σωκεῖν μήθ' ὁρᾶν. Riem. Rev. IX, p. 97 указываетъ теперь на CIA. II, 853, 13 οὐκ ἐντελὲς οὐθ' ὑγιές.

Риманъ (l. c.) приводитъ изъ надписей примѣръ употребленія οὐκ вм. μή: CIA. Add. 841, b, 35 (396 a. C.) ἐξορκωσάτω... συνηγορήσε(ι)ν τὰ δικαιότατα καὶ ο(ὐ)κ ἐάσε(ι)ν ο(ὐ)δένα μὴ ὄντα φρατέρα φρατρίζε(ι)ν.

Въ заключеніе мы сообщимъ здѣсь еще составленный Герверденомъ (p. 67) списокъ надписей, сохранившихся и у писателей: CIA. I, 406 = Schol. Arist. Av. 1128; ib. 403 = Anthol. Pal. XIII, 13; ib. 381 = Anthol. VI, 138; ib. 334 = Herodot. V, 77; CIA. IV, 46 b = Thuc. V. 47 (ср. Kirchhoff, Hermes XII, 368 sqq. Sitzungsber. d. Berl. Akad. 1883, 839—50); CIA. II, 240 = vit. X orat. p. 825 (Plut. Mor.); CIA. III, 171, 8 sqq. = Athen. XV, p. 702 A. Arch. Zeit. 1879, 301 = Anthol. Pal. XIII, 16.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 66, строка 6 читай: Bild und Lied вм. Wort und Bild.

Стр. 68, строка 13 читай: Traiecti вм. Traceti.

Къ стр. 74. Χαιρέας читается еще CIA. IV,[2] 462, d, 13, Χαιρίας же ib. строка 17 (V в.).

Стр. 76, строка 2 читай: Ἱπποθοοντίδος вм. Ἱπποτοοντίδος.

Стр. 77, строка 12 читай: звука *u* вм. звука *i*.

Къ стр. 78. Звукъ ο чередуется съ звукомъ ο въ три раза встрѣчающемся προτανεία CIA. II, Add. 834, b, I, 6. 8. II, 6 (329 a. C.) и въ той же надписи I, 11 προτανέας.

Стр. 79, строка 2 читай: δεῖ вм. ἀεί.

Стр. 80, строка 2 читай: ошибочно вм. впрочемъ; тамъ же, строка 4 послѣ: (peu après J. C.) вставь: тамъ читается γένητ' съ элизіей окончанія -αι.

Къ стр. 80. Въ классическое время пишется всегда Ποτειδεάτης, а не Ποτειδαιάτης, напримѣръ, CIA. I, 240, 5, такъ что Киркгофъ CIA. I, 236, 14 дополняетъ невѣрно Ποτειδαι[ᾶται, гдѣ слѣдуетъ дополнить Ποτείδαι[α.

Стр. 82, строка 28 читай: Ἡδέα вм. Ἡδεα.

Стр. 84, строка 19 читай: ἀξιόχρε⟨ι⟩φ вм. ἀξιοόχε⟨ι⟩φ.

Стр. 86, строка 7 снизу читай: Gorg., p. 446, вм. Gorg., p. 766.

Стр. 89, строка 1 читай διερράγῦα вм. διερραγῦας; тамъ же въ прим. читай: διερραγύα вм. διερραγύας.

Стр. 89, строка 4 читай ὑόν вм. ὑεόν.

Стр. 91, строка 12 читай: 262 — 229 вм. 262 — 269; тамъ же, строка 29 читай: ἀργύριον вм. ἀργόριον.

Къ стр. 92. Сліяніе. Въ отрывкѣ Драконова закона, приведенномъ въ постановленіи 409 г. до Р. X. (CIA. I, 61, 35), встрѣчается неслитная форма ἀέκων, тогда какъ въ надписи, относящейся къ первой половинѣ V в. (CIA. I, 1, B, 1) имѣется уже слитное ἀκοῦσι[α (sic). Meisterh., p. 33.

Стр. 92, строка 7 снизу читай: ἀνύτειν вм. ἀνύττειν.

Къ стр. 93. Придыханіе послѣ начальнаго согласнаго является CIA. IV,[2] 373, 208 въ словѣ μἑγάλου, по поводу чего Киркгофъ указываетъ на CIG. 344 Μὲίξιος и 343 ῥοϜαῖσι (съ остр. Корциры), ib. 360 λἀβών (съ Эгины). Сюда можно отнести также начертаніе θἡκάτῃ (=τῇ Ἑκάτῃ) CIA. IV,[2] 422, 3. Переходъ придыханія на другой слогъ замѣчается еще въ два раза встрѣчающемся φαρθένε: CIA. IV,[2] 373, 192 и ib. 373, 241. 1 (V в.).

Стр. 94, строка 10 читай: часть сложнаго слова вм. часть втораго слова.

Стр. 95, строка 6 читай: Ἰλισός вм. Ἴλισος.

Стр. 95, строка 12 снизу вставь: „какъ“ послѣ „такъ“.

Стр. 98, строка 18 снизу читай: Μυῤῥινούντῃ вм. Μυῤῥινούτ[ης.— Тамъ же строка 16 снизу читай: Μυῤ]ῥινούτ[της вм. Μυῤ]ρινούτ[ης.

Стр. 99, строка 6 снизу читай: τριηροποϊκά вм. τριηροϊκά.

Къ стр. 101. Чередуется β съ μ въ словѣ βαρνάμενοι CIA. IV,[2] 446, a, 51 (V в.).

Къ стр. 104, Contracta I склоненія. Къ названнымъ тамъ разно-

видностямъ имени богини 'Αθηνᾶ слѣдуетъ прибавить еще: 'Αθαναίᾳ CIA. IV,[2] 373, 105 (поэзія V в.) и 'Αθάνα ib. 373, 106 (поэзія V в.).

Стр. 108, строка 2 читай: βασιλέᾶς вм. βαοίλέᾶς.

Стр. 108, строка 18 читай: Φηγαιέες вм. Ρηγαιέες.

Къ стр. 108. Къ неслитнымъ формамъ род. пад. словъ на -ευς съ предшествующимъ гласнымъ нужно еще прибавить 'Αστυπαλαιέως CIA. IV,[2] 491, 18 (V в.) и Φλυ]έως ib. 331, d, 4.

Къ стр. 109 (снизу). Неслитное 'Ιατροκλέης читается CIA. IV,[2] 373, 10 (V в.).

Стр. 110, строка 7 читай: Σωκλέου вм. Σωφοκλέου.

Къ стр. 111 (внизу). Еще два раза читается ΣΚΕΛΕ = σκέλει CIA. IV[2], 331, e, 12. 16.

Къ стр. 116. υἱός. Форма ὑός находится еще CIA. IV,[2] 373, 100 и ib. 373, 107; односложное ὗς, происшедшее изъ ὑός, читается въ стихѣ CIA. IV,[2] 373, 94, 2.

Къ стр. 118 сл. Къ нарѣчіямъ на -θεν нужно прибавить: 'Αθμονόθεν CIA. IV,[2] 373, 121.

Стр. 119, строка 4. CIA. II. Add. 834, b, I 52 дополняетъ Кёлеръ не Σφηττῆ[θεν, а Σφηττί[φ; извѣстное изъ литературы нарѣчіе Σφηττόθεν находится и въ надписи CIA. IV,[2] 373, 198.

Стр. 131, строка 13 снизу читай μηθείς вм. μεθείς.

Стр. 132, строка 6 снизу читай: γραφάς вм. γραράς.

Стр. 133, строка 6 снизу читай: τραγικοὶ вм. τραγικο.

Стр. 135, строка 1 читай: ἐὰν вм. ἐὲν.

Стр. 135, строка 6 читай: στήσαιεν вм. στάσαιεν.

Стр. 137, строка 16 снизу читай: ἐκπεφευγοίην вм. ἐκπεφυγοίην.

Стр. 141, строка 25 читай: 'Αττικοὶ διὰ τοῦ η καὶ τοῦ ι вм. 'Αττικοὶ διὰ τοῦ ι.

Стр. 145, строка 3 снизу читай: сослаг. вм. изъяв.

Стр. 146, строка 21 читай: μετακατ]ασκευῶσιν вм. μετακατ]ασκευῶιν.

Стр. 148, строка 19 читай: κέχωμαι вм. κέχωμα.

Стр. 149, строка 4 снизу читай: ἔστι вм. ἔστε.

Стр. 151, строка 15 снизу читай: πρ]ο[σεστ]ῶτα CIA. I, 324, b, 3 (408 a. C.) вм. ἕστ[ηκ]εν CIA. IV, 477, e (V в.).

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ.

(Числа указываютъ страницы).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III. Этимологія.

А. Склоненія.

Нарицательныя им. на -ευς—111.
Двойств. ч. склон. на [illegible]—111 сл.
Род. множ. склон. на -ευς—114.
Ἀπόλλων, Ποσειδῶν (acc. sing.)—114 сл.

Аномаліа—115 сл.

Нарѣчія (на [illegible]; [illegible]; [illegible], на [illegible] и [illegible])—118 сл.

Прилагательныя. А. Положительная степень (на [illegible])—119 сл.
Прилагат. двухъ окончаній на -ος—120 сл.

В. Сравнит. степень (acc. на [illegible], gen. на [illegible], [illegible])—112 сл.

Мѣстоименія. Двойств. ч. личн. мѣст. 1 и 2 л.—125 сл.
Возвратн. мѣстоим.—126.
ὅτου, ὅτῳ, ἅττα—126.
Средній родъ отъ ὁ αὐτός, τοιοῦτος, τοσοῦτος—127.

Числительныя. Количественныя—127.
Порядковыя—131.
οὐθείς, μηθείς, οὐδείς, μηδείς—131.

В. Спряженіе.

Глаголы. окончанія. a) Изъявительное наклоненіе—131 сл.
2 л. дв. ч. истор. вр.; 3 л. дв. истор. вр.; 1 и 2 ед. давнпр. дѣйств.; 3 мн. давнопр. д. з.; 2 л. ед. ср. з. наст. и буд.; 3 мн. пр. сов. и давнпр. ср. зал. на -αται и -ατο.
b) Сослагательное наклоненіе—134.
c) Желательное наклоненіе—135.
Т. наз. эолич. формы жел. накл. слитн. глаг.; выпаденіе η въ дв. и мн. ч.
d) Повелительное наклоненіе: 3 множ. д. и ср. зал.—138 сл.
e) Неопредѣленное наклоненіе; слитные глаголы на α—139.
f) Причастіе пр. сов. дѣйств. зал. женск. род.—139.
g) Глагольныя прил. на .τός—139.

Приращеніе и удвоеніе a) Слоговое приращеніе—139 сл.
Въ давнпр.—139; η вм. ε—140; πρου и προε—140; ἔκτημαι и κέκτημαι—140.
b) Временное приращеніе—141 сл.
Переходъ ευ въ ηυ—141; глаголы слож. съ εὖ—142; глаголы начинающіеся съ ει—142, съ οι—142; глаг. ἀναλόω—142, ἕλκω—143, ἐξετάζω—143, εἶκον—143, пр. сов. отъ ὁράω—144, приращеніе въ давнопр. при аттическ. удвоеніи—145 сл.; приращеніе въ сложн. глаголахъ—145.
c) Неправильн. приращ. въ причастіяхъ существ.—145 сл.

Производство временъ: Будущее—146.
Буд. глаг. на—ίζω; σκευάζω, τελῶ, καλῶ;—ήσομαι въ страд. залогѣ.
Аористъ—146 сл.

IV. Синтаксисъ.

Э. Вертъ.

ПАРАДОКСЪ ЗЕНОНА О ЛЕТЯЩЕЙ СТРѢЛѢ.

(Aristot. phys. VI, 9).

Доводы Зенона Элейскаго противъ возможности движенія, дошедшіе до насъ вмѣстѣ съ возраженіями Аристотеля въ 6-й книгѣ его Φυσικῆς ἀκροάσεως, до сихъ поръ еще не нашли себѣ рѣшительной философской оцѣнки, не смотря на то, что этотъ вопросъ не былъ оставленъ вовсе безъ вниманія въ послѣднее время. Начиная съ Бэля, новые философы, какъ Гегель, Гербартъ и др., рѣзко расходятся въ своихъ сужденіяхъ о цѣнности Зеноновыхъ аргументовъ, и въ сущности то же старое несогласіе или недоразумѣніе между Зенономъ и Аристотелемъ остается не распутаннымъ. Вопросъ не близится къ разрѣшенію по многимъ причинамъ и, главнымъ образомъ, несомнѣнно потому, что еще не нашелъ себѣ до сихъ поръ историка. Всѣ имъ занимавшіеся ограничивались развитіемъ лишь своихъ собственныхъ взглядовъ и мнѣній, мало заботясь о томъ, чтобы вникнуть въ исторію полемики прежнихъ лѣтъ и тѣмъ самымъ выяснить основанія несогласія. Между тѣмъ внимательный обзоръ развитія этого вопроса долженъ привести къ убѣжденію, что противники Зенона не согласны съ нимъ потому, что они, ни мало не колеблясь и сами того не замѣчая, исходятъ отъ признанія непреложности основъ феноменальнаго существованія, основъ на столько привычныхъ, что онѣ кажутся намъ весьма простыми, естественными, истинными. Другіе, не успокоивая себя такою кажущеюся простотой, углубляются въ изслѣдованіе взаимныхъ отношеній этихъ основъ и въ изумленіи принуждены констатировать, что Зеноновы парадоксы возбуждаютъ серьезный вопросъ о несовмѣстимости самыхъ основныхъ понятій нашихъ. На это не хотятъ или не умѣютъ обратить вниманія Зеноновы против-

14*

ники. Такъ, напримѣръ, Аристотель опровергаетъ Зеноновы парадоксы, основываясь на понятіи о времени и пространствѣ какъ положительныхъ величинахъ, дающихъ при послѣдовательномъ дѣленіи всегда положительныя частицы, а не частицы безъ протяженія; но такимъ образомъ Аристотель принужденъ игнорировать самую сущность понятія безконечной дѣлимости, по скольку она предполагаетъ въ концѣ концовъ величину меньшую всякой данной величины, всякой другой величины, то-есть, нуль. И это приводитъ насъ къ условному компромиссу, который какъ будто устраняетъ противорѣчіе нашихъ понятій путемъ введенія гипотетическаго понятія объ атомѣ, какъ положительной величинѣ, меньшей всякой величины, слѣдовательно, меньшей себя самой.

Вопросы, выдвинутые уже Ксенофаномъ и Парменидомъ, въ той обостренной формѣ, которую придала имъ діалектическая ихъ постановка у Зенона, могутъ при серьезномъ изученіи служить прекраснымъ исходнымъ пунктомъ къ весьма важнымъ метафизическимъ изысканіямъ въ связи съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между элементарными понятіями, лежащими въ основѣ нашего разума. Таковы вопросы о совмѣстимости понятій существованія, несуществованія и посредствующаго между ними понятія измѣненія или движенія, и подобнымъ же образомъ понятій единства (или цѣлостности) и множественности, между которыми необходимо признать опять еще третье, нѣчто въ родѣ движенія или измѣненія, обусловливающаго явленіе разложенія всякаго органически цѣлостнаго единаго понятія или представленія на множество частностей.

Но прежде чѣмъ коснуться предмета, насъ интересующаго, необходимо преодолѣть одно немаловажное затрудненіе, представляющееся въ самомъ началѣ изслѣдованія. Затрудненіе это, разрѣшеніе котораго будетъ пока нашею ближайшею цѣлью, вызывается совершенно неудовлетворительнымъ состояніемъ Аристотелева текста, въ которомъ дошелъ наиболѣе цѣнный для насъ парадоксъ Зенона Элейскаго. Это извѣстный парадоксъ, гдѣ доказывается, что летящая стрѣла неподвижна. Безъ сомнѣнія, въ неудовлетворительномъ состояніи текста именно этого парадокса слѣдуетъ видѣть также одну изъ первыхъ причинъ того страннаго явленія, что до сихъ поръ не дано прочной постановки Зенонову вопросу. Прочіе парадоксы Зенона при скептическомъ отношеніи нашихъ временъ вообще къ діалектикѣ, очень легко могли казаться слишкомъ простыми, даже

ребяческими софизмами. Такъ именно и смотрѣли на Зеноновы доводы долгое время. Пародоксъ же о летящей стрѣлѣ, останавливавшій на себѣ особое вниманіе новѣйшихъ ученыхъ, явными, не смотря на порчу текста, признаками своей философской цѣнности, подвергался всегда самымъ свободнымъ и безцеремоннымъ парафразамъ, или же исправленіямъ текста весьма легкомысленнымъ, что̀ нисколько впрочемъ не удивительно въ виду вообще печальнаго даже и въ наше время положенія критики текста памятниковъ древней философіи. Притомъ нашъ текстъ представляетъ такъ много очевидныхъ затрудненій въ томъ видѣ, какъ онъ обыкновенно читается, что всѣ толкующіе его какъ бы боятся создавать себѣ новыя препятствія строгимъ отношеніемъ къ смыслу Зенонова разсужденія.

Текстъ указаннаго парадокса Зенона въ началѣ 9-й главы 6-й книги Φυσικῆς ἀκροάσεως по изданію Берлинской Академіи читается слѣдующимъ орбразомъ:

Ζήνων δὲ παραλογίζεται·

Положеніе первое:

I. εἰ γὰρ ἀεί, φησιν, ἠρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται, ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον.

Положеніе второе:

II. ἔστι δ'ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν.

Заключеніе:

III. ἀκίνητον τὴν φερομένην εἶναι ὀιστόν.

Аристотелево опроверженіе:

IV. τοῦτο δ'ἐστὶ ψεῦδος· οὐ γὰρ σύγκειται ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν τῶν ἀδιαιρέτων, ὥσπερ οὐδ 'ἄλλο μέγεθος οὐδέν.

То-есть:

„Зенонъ же разсуждаетъ ошибочно:

I. Если, говоритъ онъ, всегда всякій предметъ или покоится или движется, когда занимаетъ равное себѣ [мѣсто],

II. и если всегда движущійся въ пространствѣ предметъ находится въ настоящемъ,

III. то летящая стрѣла неподвижна.

IV. „Такое разсужденіе ложно, ибо время не слагается изъ настоящихъ миговъ, которые недѣлимы; равнымъ образомъ какъ и всякая другая величина [не слагается изъ недѣлимыхъ]".

Очевидно, что основоположенія I-е и II-е недостаточны для вывода изъ нихъ заключенія (III), что „летящая стрѣла неподвижна“ [1]).

Мы предлагаемъ слѣдующее исправленіе текста, которое надѣемся поддержать ниже доводами болѣе вѣскими, чѣмъ простое указаніе на очевидную удовлетворительность смысла текста въ исправленномъ видѣ и на вѣроятность объясненія его порчи совершенно механическою перестановкой переписчикомъ одного выраженія строкою выше и механическимъ же опущеніемъ одного слова, вслѣдствіе тожественности его со словомъ слѣдующимъ:

I. εἰ γὰρ ἀεὶ, φησὶν, ἠρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται,
II. ἔστι δ'ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν, (ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον,) (ἀκίνητον),
III. ἀκίνητον τὴν φερομένην εἶναι ὀιστόν.

etc.

Мы полагаемъ, что выраженіе ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον должно было первоначально находиться во второмъ положеніи (II) послѣ словъ ἐν τῷ νῦν, что оно по небрежности писца попало строкою выше въ конецъ перваго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ оставалось нѣкоторое время также и во второмъ (отъ этого времени остались и слѣды въ нѣкоторыхъ текстахъ); но, когда II-е положеніе при одной изъ слѣдующихъ переписокъ подверглось порчѣ отъ опущенія стоявшаго на концѣ его сказуемаго ἀκίνητον, тожественнаго съ слѣдующимъ ἀκίνητον, которое начинало собою заключеніе (III), тогда второе положеніе потеряло смыслъ для мало-мальски толковаго читателя. Тогда нашли болѣе умѣстнымъ выкинуть слова ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον, безъ которыхъ второе положеніе получало какъ будто бы удовлетворительный самостоятельный смыслъ. Къ тому же опущеніе этихъ словъ могло находить оправданіе въ томъ, что это выраженіе находилось вѣдь уже въ первомъ положеніи и могло, казалось, попасть во второе по ошибкѣ. Что касается значенія текста въ томъ видѣ, какъ мы его предлагаемъ, то оно вполнѣ ясно:

---

[1]) Нелѣпость рукописнаго преданія признается всѣми, ср. *Zeller*, Die Philosophie d. Griechen. 4 Aufl. I 547, примѣчаніе: „der Text, welcher in seiner gegenwärtigen Gestalt grosse Schwierigkeit darbietet....“ *Ferd. Schneider* въ *Philologus* XXXV, 1876, въ статьѣ „Zeno aus Elea“ стр. 627: von den beiden Stellen des Aristoteles ist die eine zu kurz (239 b 30 sqq.: τρίτος δὲ (λόγος) ὁ νῦν ῥηθείς, ὅτι ἡ ὀιστὸς φερομένη ἕστηκεν. συμβαίνει δὲ παρὰ τὸ λαμβάνειν τὸν χρόνον συγκεῖσθαι ἐκ τῶν νῦν· μὴ διδομένου γὰρ τούτου οὐκ ἔσται ὁ συλλογισμός), die andere giebt keinen verständigen Sinn; sie lautet nämlich: εἰ γὰρ ἀεὶ etc.

I-е положеніе является въ видѣ дилеммы.—Мы признаемъ для всѣхъ вещей или покой, или движеніе (и ничего средняго между ними нѣтъ).

II-е положеніе. Разсматривая движущуюся вещь въ настоящемъ (времени), мы видимъ, что она всегда, непрерывно (ἀεί) находится въ неподвижности, будучи на равномъ себѣ мѣстѣ (=коль скоро мы согласны, что она въ этомъ настоящемъ находится лишь на равномъ себѣ самой мѣстѣ).

III-е. Слѣдствіе. Стрѣла движущаяся неподвижна (то-есть, она покоится, такъ какъ по первому положенію можетъ быть только покой или движеніе).

Иначе: въ настоящемъ не можетъ быть движенія, такъ какъ въ настоящемъ всякій предметъ представляется занимающимъ опредѣленное, равное себѣ мѣсто, а не перемѣняющимъ мѣсто, ибо для перемѣны нужно прошедшее и будущее; настоящее же непрерывно, всегда продолжается, потому-то и летящая стрѣла всегда, все время полета не движется, или покоится.

Чтобы выяснить наиболѣе убѣдительно законность предложеннаго исправленія текста и, слѣдовательно, прежде всего основанія, приводящія къ этой поправкѣ, обратимся къ разсмотрѣнію имѣющихся до сихъ поръ наиболѣе выдающихся толкованій этого мѣста. При этомъ необходимо будетъ затронуть нѣкоторые вопросы, коснувшись которыхъ, мы обнаружимъ особенности Зенонова міровоззрѣнія, что̀ послужитъ къ надлежащему уразумѣнію и оцѣнкѣ значенія занимающаго насъ паралогизма. Мы будемъ останавливаться на прежнихъ толкованіяхъ болѣе внимательно, чѣмъ это нужно было бы при нашемъ убѣжденіи въ умѣстности нашей поправки, но мы имѣемъ въ виду по возможности исчерпать вопросъ и показать вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какой нерѣшительности относительно предпочтенія той или другой изъ существующихъ конъектуръ должны бы мы были остаться, еслибы нельзя было найдти совершенно новаго выхода изъ затрудненія. Кромѣ того, мимоходомъ намъ представятся случаи выяснить рѣшительнѣе нѣкоторыя неопредѣленныя выраженія нашего парадокса, а именно значеніе словъ „κατὰ τὸ ἴσον εἶναι“ и, что̀ особенно важно, смыслъ словъ „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν“, до сихъ поръ совсѣмъ превратно понимаемыхъ. Точное опредѣленіе смысла этихъ выраженій послужитъ намъ также поддержкой въ защитѣ нашей конъектуры.

Попытки, которыя сдѣланы были до сихъ поръ для истолкованія нашего текста, однѣ—безъ всякой его перемѣны въ первомъ положеніи и съ колебаніями въ редакціи втораго, другія—съ нѣкоторыми

отступленіями отъ рукописнаго чтенія въ обоихъ положеніяхъ. Мы начнемъ съ попытокъ перваго рода и замѣтимъ напередъ, что всѣ онѣ по болѣе внимательномъ разсмотрѣніи рушатся при изученіи перваго же Зенонова положенія.

К. Прантль въ своемъ изданіи Физики Аристотеля съ нѣмецкимъ переводомъ [1]), передавъ по нѣмецки рукописный текстъ дословно и безъ всякой претензіи на выясненіе смысла, пытается опредѣлить его въ примѣчаніи къ этому мѣсту [2]). Онъ допускаетъ, что аргументація Зенона приведена Аристотелемъ не въ полномъ видѣ [3]), что его доказательство должно было гласить приблизительно слѣдующее:

А (I-ое пол.). Если какой-либо предметъ, какъ въ одномъ моментѣ, такъ и въ слѣдующемъ содержится въ одномъ и томъ же отношеніи (ко всему остальному), „sich gleichmässig verhält", то онъ при такомъ условіи можетъ быть только или въ постоянномъ покоѣ, или въ равномѣрномъ движеніи.

В (II-ое пол.). Далѣе, тѣло разсматриваемое, когда оно находится въ движеніи, напримѣръ, выпущенная изъ лука стрѣла, находится постоянно въ одинаковомъ отношеніи потому именно, что всегда находится въ извѣстномъ настоящемъ мигѣ.

С. Но въ отдѣльномъ настоящемъ мигѣ, не имѣющемъ никакой продолжительности, нѣтъ вовсе времени для того, чтобъ стрѣла могла двигаться (это положеніе, говоритъ Прантль, пропущено Аристотелемъ, какъ легко подразумѣваемое).

D. a) а такъ какъ стрѣла относится ко всему равномѣрно въ каждый изъ отдѣльныхъ настоящихъ миговъ, то

b) если она не движется въ одномъ изъ нихъ, такъ и вовсе ни въ какомъ не движется,

c) слѣдовательно, она стоитъ неподвижно [4]).

---

[1]) Aristoteles' acht Bücher Physik. Griechisch und deutsch mit sacherklärenden Anmerkungen, herausgegeben von *Carl Prantl*. Leipzig. 1854.

[2]) Стр. 515, прим. 18 къ стр. 323.

[3]) Diese Beweisführung des Zeno scheint vollständiger folgende gewesen zu sein...

[4]) Слова Прантля: Wenn Etwas von Augenblick zu Augenblick sich gleichmässig verhält, so kann es nur entweder in steter Ruhe, oder in steter Bewegung sein; nun aber verhält sich ein in Bewegung eben begriffener Körper, wie z. B. ein abgeschossener Pfeil, gewiss darin stets gleichmässig, dass er immer in einem Jetzt sei; während eines einzelnen Jetzt aber, welches keine Ausdehnung hat, ist keine Zeit dazu, dass der Pfeil sich bewege (diesen Untersatz übergeht Ari-

Это послѣднее разсужденіе (D), или по крайней мѣрѣ главная часть его (b) также не находится въ текстѣ. Итакъ, если вѣрить Прантлю, самое существенное, что̀ было въ Зеноновомъ паралогизмѣ, вовсе не изложено Аристотелемъ, но только подразумѣвается; тогда какъ первая часть (A и B) Прантлева переложенія, исчерпывающая, по видимому, все, что̀ даетъ нашъ текстъ, оказывается совершенно излишнею, такъ какъ мысль, которую, по мнѣнію Прантля, хотѣлъ выразить Аристотель, вполнѣ передается въ словахъ (C и D), прибавляемыхъ самимъ Прантлемъ и яко бы подразумѣваемыхъ Аристотелемъ.

Кромѣ этой нелѣпости, толкованіе Прантля заключаетъ въ себѣ еще и другія странности. Во второмъ положеніи Зенону приписывается весьма неостроумная діалектическая хитрость, а именно, будто бы онъ утверждалъ, что движущееся тѣло sich gleichmässig verhält потому именно, что находится всегда въ извѣстномъ настоящемъ моментѣ: пребываніе всегда въ какомъ-нибудь моментѣ, очевидно, не даетъ вовсе основанія къ заключенію объ одинаковыхъ отношеніяхъ вещи къ чему бы то ни было. Странно также и то, что Прантль въ приведенной нами его парафразѣ во второмъ положеніи (B=II) принимаетъ, по видимому, добавленіе κατὰ τὸ ἴσον послѣ словъ „ἐν τῷ νῦν" (какъ читается въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, заимствовавшихъ это добавленіе изъ Cod. Laurentianus 87,7 [1])), между тѣмъ какъ ни въ текстѣ, который онъ даетъ, ни въ переводѣ его, этихъ словъ во второмъ положеніи не значится. Вѣроятно, эти слова понадобились ему, чтобы придать хотя какой-нибудь смыслъ паралогизму, что̀ оказалось однако очень затруднительнымъ при неправильномъ пониманіи выраженія „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον". Несомнѣнно, что самымъ слабымъ пунктомъ въ толкованіи Прантля нужно признать именно неправильное пониманіе этого выраженія, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, необходимо толковать въ мѣстномъ значеніи, то-есть, въ смыслѣ: „когда предметъ пребы-

---

stoteles als selbstverständlich); gleichmässig verhält sich aber der Pfeil in allen einzelnen Jetzt, also, wenn er in Einem sich nicht bewegt, bewegt er sich in gar keinem, also steht er.

[1]) Въ кодексѣ F (Laurentianus 87,7) послѣ словъ ἐν τῷ νῦν читается позднѣйшая приписка τῷ κατὰ τὸ ἴσον. Всѣ, принимающіе текстъ въ этомъ видѣ, воспользовались только словами κατὰ τὸ ἴσον, оставляя безъ вниманія словечко τῷ.

ваетъ на равномъ себѣ мѣстѣ". Причиной же, побудившей Прантля искать другаго смысла словъ „κατὰ τὸ ἴσον", было, безъ сомнѣнія, то, что при правильномъ ихъ пониманіи все первое положеніе (I) оказывается безсмыслицей [1]).

Упомянемъ мимоходомъ о толкованіи Гегеля, который понимаетъ „κατὰ τὸ ἴσον εἶναι" въ смыслѣ „im Ununterscheidbaren sein" и также прибавляетъ слова „κατὰ τὸ ἴσον" во второмъ положеніи (II) послѣ словъ „ἐν τῷ νῦν". Разбирать здѣсь подробно Гегелево толкованіе, какъ ни остроумно оно, нѣтъ нужды: Гегель слишкомъ легко отнесся къ тексту Аристотеля. Для насъ достаточно упомянуть о томъ лишь, что у него совершенно игнорируется первое положеніе Зенона (I) [2]).

---

[1]) На неудовлетворительность толкованія Прантля указывалъ уже Целлеръ. I⁴ 547 прим. 1: dass der Text.... auch durch Prantl z. d. St., wie mir scheint, keine durchaus befriedigende Erklärung gefunden hat. Неосновательно однако разбиваетъ Прантля Шнейдеръ (l. c. 627), заявляя, что Прантлево изложеніе представляетъ данныя, ведущія къ странному заключенію, совсѣмъ нежелательному для Зенона. „Если", говоритъ Шнейдеръ,—„предметъ, содержащійся въ одномъ и томъ же отношеніи, какъ въ одномъ, такъ и во всякомъ слѣдующемъ моментѣ, можетъ быть только или въ постоянномъ покоѣ, или въ непрерывномъ движеніи, а движущійся предметъ находится постоянно въ одинаковомъ отношеніи, находясь всегда въ настоящемъ мигѣ, то мы должны заключить, что въ настоящемъ мигѣ летящая стрѣла можетъ или двигаться, или покоиться". Тутъ Шнейдеръ, несомнѣнно, допускаетъ логическую ошибку. Если пребываніе въ одномъ и томъ же отношеніи вообще можетъ быть въ двухъ видахъ, или въ видѣ непрерывнаго движенія, или въ видѣ постояннаго покоя, то это не значитъ вовсе, что въ каждомъ конкретномъ случаѣ вещь, находящаяся въ извѣстномъ одинаковомъ отношеніи, можетъ и двигаться, и покоиться независимо отъ частныхъ условій этого случая.

[2]) *Hegel's* Werke, ed. *Michelet* B. XIII Geschichte der Philosophie S. 323: Die dritte Form (d. h. der dritte Beweis Zeno's) ist nun, dass er sagt, „der fliegende Pfeil ruht", und zwar deswegen, weil „das sich Bewegende immer in dem" sich gleichen Jetzt und dem sich gleichen Hier im „Ununterscheidbaren ist" (ἐν τῷ νῦν, κατὰ τὸ ἴσον); er ist hier, und hier, und hier. So, sagen wir, er ist immer derselbe; das nennen wir aber nicht Bewegung, sondern Ruhe; das ruht, was immer im Hier und im Jetzt ist. (Самъ авторъ ставитъ въ ковычки тѣ выраженія, которыя взяты имъ изъ текста. Все остальное представляетъ поясненіе текста и принадлежитъ самому Гегелю). Далѣе Гегель развиваетъ свое толкованіе. Oder es ist eben vom Pfeile zu sagen: er ist immer in demselben Raume und in derselben Zeit; er kommt nicht über seinen Raum hinaus, er nimmt nicht einen anderen, d. h. grösseren oder kleineren Raum ein. Hier ist das Anderswerden

Бартелеми Сентъ-Илеръ въ своемъ переводѣ физики Аристотеля [1]), держится того же пополненнаго текста, то-есть, тоже прибавляетъ во второмъ положеніи „κατὰ τὸ ἴσον“, но понимаетъ это выраженіе совершенно правильно въ смыслѣ „на равномъ себѣ пространствѣ“ [2]). Посмотримъ, какіе доводы говорятъ въ пользу этого толкованія, а Бартелеми Сентъ-Илера пока оставимъ.

Въ пользу такого пониманія словъ κατὰ τὸ ἴσον говорятъ не только парафразы Θемистія (f. 55 b: κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ διάστημα, f. 56 a: τὸ ἴσον ἑαυτῷ κατέχει διάστημα) [3]), Симплиція (f. 236 b: κατὰ τὸ ἴσον

---

aufgehoben; das Begrenztsein ist überhaupt-gesetzt, aber das Begrenzen ist ebenso nur Moment. Im Hier, Jetzt als solchem liegt kein Unterschied. Im Raume ist eins so gut ein Hier, als das Andere, dies hier und dies hier und wieder ein anderes u s. f.; und doch ist das Hier immer dasselbe Hier, sie sind gar nicht verschieden von einander. Die Kontinuität, Gleichheit der Hier ist so hier geltend gemacht gegen die Meinung der Verschiedenheit. Jeder Ort ist verschiedener Ort,— also derselbe; die Verschiedenheit ist nur gemeint. Nicht in diesen sinnlichen Verhältnissen, sondern erst im Geistigen kommt wahrhafter objectiver Unterschied vor.

[1]) Physique d'Aristote trad. par *Barthélemy Saint-Hilaire*. Paris. 1862.

[2]) Такое пониманіе было распространено уже ранѣе Сентъ-Илера. (Мы не имѣемъ въ виду излагать различныя толкованія Зенонова паралогизма во временной послѣдовательности ихъ появленія, но желаемъ отмѣтить только наиболѣе рельефныя и серіозно обдуманныя). Изъ французскихъ предшественниковъ Сентъ-Илера упомянемъ здѣсь толкованія Бэля и Кузена; толкованія же Целлера и Брандиса будутъ подробно разсмотрѣны ниже.

Bayle (Tome IV, art. Zénon): „Si une flèche qui tend vers un certain lieu se mouvait, elle serait tout ensemble en repos et en mouvement. Or cela est contradictoire, donc elle ne se meut pas. La conséquence de la majeure se prouve de cette façon. La flèche à chaque moment est *dans un espace qui lui est égal*; elle y est en repos, car on n'est point dans l'espace d'où l'on sort; il n'y a donc point de moment où elle se meuve; et si elle se mouvait dans quelques moments, elle serait tout ensemble en repos et en mouvement“.

V. Cousin (Nouveaux fragments philosophiques. Paris. 1828, p. 121): Le mouvement est identique au non mouvement. En effet, tout mouvement a lieu *dans un espace qui lui est égal*, c'est à dire où il a lieu au moment, où il a lieu; donc (comme on est toujours là où l'on est) la flèche est toujours en repos, quand elle est en mouvement (car elle n'est jamais, où elle n'est point)“. Это толкованіе отличается весьма страннымъ пониманіемъ слова „ἴσον“, какъ будто бы разумѣлось не ἴσον τῷ φερομένῳ, а ἴσον τῇ φορᾷ.

[3]) Cf. f. 55 b. Λέγω δὲ τὸ κατά τι εἶναι τὸ καὶ αὐτὸ τὸ κινούμενον καὶ τῶν μερῶν ἕκαστον ἐν ταὐτῷ εἶναι καὶ ἴσῳ διαστήματι. Выраженіе „κατά τι“ въ 8-й главѣ (VI-й книги), въ которой относится это мѣсто Θемистія, означаетъ несомнѣнно то же, что въ 9-ой главѣ „κατὰ τὸ ἴσον“.

ἑαυτῷ, ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ) [1]) и схоліаста codicis Regii 1853 [2]) (ἐν τῷ ἑαυτοῦ τόπῳ), но, что всего важнѣе, слова самого Зенона, цитуемыя Діогеномъ Лаертскимъ (IX, 11, 72): τὸ κινούμενον οὔτε ἐν ᾧ ἔστι τόπῳ κινεῖται, οὔτε ἐν ᾧ μή ἐστιν. Ту же цитату находимъ и у Секста Емпирика (Adv. Mathemat. p. 421): καὶ μὴν ὁ περὶ κινήσεως λόγος ποικίλως πόρως δέδεικται, διὰ τὸ μήτε ἐν ᾧ τί ἐστι τόπῳ δύνασθαι κινεῖσθαι μήτε ἐν ᾧ μή ἐστιν [3]). Зенонъ доказывалъ такимъ образомъ немыслимость движенія, ссылаясь на то, что тѣло не двигается, когда находится на своемъ мѣстѣ, такъ какъ для всякаго передвиженія, хотя бы и самаго малаго, очевидно, необходимо мѣсто нѣсколько больше того, какое занимаетъ само тѣло, то-есть, для движенія тѣла, кромѣ мѣста, занимаемаго тѣломъ, необходимо еще мѣсто, гдѣ его нѣтъ. Но не можетъ же тѣло двигаться тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Особенность Зенонова взгляда та, что онъ разсматриваетъ движеніе въ настоящемъ. Въ настоящемъ же тѣло содержится только на равномъ себѣ мѣстѣ. Мы же, чтобы представить себѣ передвиженіе предмета, должны представить, что въ его, такъ сказать, распоряженіи было мѣсто нѣсколько большее, чѣмъ онъ самъ; должны непремѣнно взять два момента, одинъ настоящій, другой будущій, или одинъ прошедшій, другой настоящій. Предметъ передвигается—значитъ онъ есть здѣсь и будетъ тамъ, или онъ былъ тамъ и есть здѣсь. Представить себѣ передвиженіе предмета не въ двухъ вре-

---

[1]) Ферд. Шнейдеръ (стр. 628) находитъ, что выраженіе Симплиція „κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ“ не ясно, но что Симплицій не могъ разумѣть подъ этими словами „sich gleichmässig verhalten“. Die Stelle des Simplicius ist unklar. Versteht er unter seinem κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ „sich gleichmässig verhalten“, so sind seine Worte „τὸ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὂν οὐ κινεῖται“ Unsinn, denn es ist gar nicht abzusehen, warum etwas, weil es sich in dem Jetzt gleichmässig verhält, sich nicht bewegt, es kann ja sehr wohl sich darin in dem Jetzt gleichmässig verhalten, dass es sich gleichmässig bewegt. Намъ кажется, незачѣмъ сомнѣваться въ томъ, что Симплицій употребилъ слова „κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ“ въ мѣстномъ значеніи; нужно только имѣть въ виду, что тѣ же слова немного выше передаются выраженіемъ „ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ“.

[2]) Cod. E Parisiensis Regius 1853, olim Mediceus. Время написанія опредѣляется въ каталогѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Is codex saeculo decimo ineunte maximam partem exaratus videtur. Ad illam vero quae manum antiquam prae se fert accessere scholia antiqua et ipsa sed non aeque omnia, ad quosdam libros perpetua, ad alios rariora. Manu recentiore scripta sunt folia ultima 108, saec. XIV.

[3]) Ср. также Plat. Theaet. 180. E: Μέλισσοί τε καὶ Παρμενίδαι.... διισχυρίζονται, ὡς ἕν τε πάντα ἐστὶ καὶ ἕστηκεν αὐτὸ ἐν αὐτῷ, οὐκ ἔχον χώραν ἐν ᾗ κινεῖται.

менахъ, а въ одномъ лишь настоящемъ времени мы не можемъ. Представить „теперь", „есть" значитъ представить нахожденіе, пребываніе на мѣстѣ и ничего болѣе.

Зенонъ правъ съ своей точки зрѣнія. Онъ спрашиваетъ насъ, есть ли движеніе, существуетъ ли оно. Мы отвѣчаемъ утвердительно, потому что мы убѣждены, что есть же разница между настоящимъ предмета, которому приписывается движеніе, и его прошедшимъ или будущимъ. Но есть ли прошедшее и будущее, обусловливающія движеніе? Можно ли приписать имъ существованіе въ томъ же смыслѣ, какой мы приписываемъ существованію въ настоящемъ? Это уже метафизическій вопросъ, и елеаты вполнѣ послѣдовательно приходятъ къ отрицательному отвѣту на него.

До сихъ поръ не было еще обращено должнаго вниманія на вышеприведенныя слова Зенона, цитуемыя Діогеномъ Лаертскимъ и Секстомъ Емпирикомъ. Никто не оцѣнилъ [1]) ихъ, какъ свидѣтельство о томъ, что у Зенона, кромѣ извѣстнаго, приводимаго Аристотелемъ, опроверженія движенія, былъ еще другой подобный λόγος противъ движенія, совершенно однако независимый отъ предыдущаго по характеру построенія. Между тѣмъ эти слова могутъ служить намъ подспорьемъ въ толкованіи Аристотелева текста, не только для правильнаго уразумѣнія выраженія „κατὰ τὸ ἴσον" въ смыслѣ „ἐν ᾧ ἐστι τόπῳ", но, какъ мы увидимъ дальше, еще и въ другомъ отношеніи.

Что касается вопроса, занимающаго насъ теперь, то-есть, толкованія перваго Зенонова положенія (I), въ которомъ мы опредѣлили значеніе „κατὰ τὸ ἴσον", то, имѣя въ виду приводимое Діогеномъ Лаертскимъ и Секстомъ Емпирикомъ Зеноновское опроверженіе движенія, гдѣ ясно говорится, что движущееся тѣло не движется на томъ мѣстѣ, гдѣ оно находится, слѣдуетъ признать наше первое положеніе совершенно безсмысленнымъ: Зенонъ никакъ не могъ сказать, что тѣло, когда оно занимаетъ равное себѣ мѣсто, или когда оно находится на своемъ мѣстѣ, можетъ или покоиться, или двигаться. Движеніе при данномъ условіи немыслимо [2]).

---

[1]) На слова Діогена Лаертскаго указываетъ правда Ферд. Шнейдеръ (еще раньше Фр. Кернъ въ Programm des Stadtgymnasiums zu Stettin. Ostern 1874), но видитъ въ нихъ не болѣе какъ свидѣтельство, подтверждающее, что κατὰ τὸ ἴσον слѣдуетъ толковать въ мѣстномъ значеніи.

[2]) Ср. что говоритъ Шнейдеръ (627): Uebersetzt man den Satz mit ὅταν durch: „so lange es in einem ihm gleichen Raume ist" so ist der Folgesatz unsinnig; denn, „so lange es in einem ihm gleichen Raume ist, ruht es und bewegt sich

Можетъ однако явиться сомнѣніе, имѣемъ ли мы достаточное основаніе отожествлять значеніе выраженій „ἐν ᾧ ἐστι τόπῳ εἶναι“ и „κατὰ τὸ ἴσον εἶναι“. Первое выраженіе несомнѣнно значитъ „быть тамъ, гдѣ находишься“, то-есть, на вполнѣ опредѣленномъ мѣстѣ, но послѣднее выраженіе, быть можетъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что тѣло занимаетъ въ пространствѣ не опредѣленное мѣсто, но нѣкоторую часть пространства себѣ равную, то-есть, попросту, тѣло имѣетъ извѣстную величину. Весьма заманчивымъ можетъ казаться такое предположеніе потому, что оно, по видимому, избавляетъ I-е положеніе отъ обвиненія въ безсмыслицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не согласится всякій, что движущееся тѣло точно также, какъ и покоющееся, занимаетъ всегда нѣкоторую равную себѣ часть пространства, или, что̀ то же, имѣетъ нѣкоторую величину? Однако при такомъ пониманіи словъ „κατὰ τὸ ἴσον“ I-е положеніе все-таки неудовлетворительно, потому что оно, хотя и не лишено смысла само по себѣ, будучи взято въ отдѣльности, но въ контекстѣ совершенно безсмысленно, ибо не вяжется со II-мъ положеніемъ и ничѣмъ не служитъ для заключенія (III). Будемъ же понимать „κατὰ τὸ ἴσον“ согласно съ схоліастами (ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ, ἐν τῷ ἑαυτοῦ τόπῳ и пр.) и съ другимъ приведеннымъ только что Зеноновымъ опроверженіемъ движенія, гдѣ наше „τὸ ἴσον“ точнѣе опредѣляется выраженіемъ „ἐν ᾧ ἐστι“ и противоположеніемъ ему „ἐν ᾧ μή ἐστι“. Въ нашей задачѣ „τὸ ἴσον“—мѣсто, занимаемое тѣломъ въ покоѣ, противополагается нѣсколько большему мѣсту, которое должно находиться въ распоряженіи тѣла, какъ условіе для нѣкотораго его передвиженія, то-есть, мѣсту которое равно τὸ ἴσον, ἐν ᾧ ἐστι + еще нѣкоторое хотя бы малѣйшее мѣсто ἐν ᾧ (въ данный моментъ) μή ἐστι.

Вернемся теперь къ толкованію нашего мѣста Бартелеми-Сентъ-Илеромъ. Разъ рѣшившись перевести „κατὰ τὸ ἴσον“ по примѣру схоліастовъ словами „dans un espace égal à elle-même“ (то-есть, à la chose elle même), онъ долженъ былъ признать немыслимость I-го положенія въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ рукописномъ текстѣ. И дѣйствительно, хотя онъ и передаетъ нашъ текстъ дословно въ своемъ переводѣ [1]), однако въ парафразѣ, которую пред-

---

nicht“. Однако въ такомъ видѣ, безъ ссылки на цитату Діогена Лаертскаго и Секста Емпирика, это утвержденіе не убѣдительно.

[1]) Томъ II, стр. 395 и сл.: „Si toute chose, dit-il, doit toujours être soit en mouvement, soit en repos, quand elle est dans un espace égal à elle-même, et si

посылаетъ переводу физики, онъ находитъ нужнымъ разложить первое положеніе Зенона на два. Одно получило у него форму дилеммы: „всякій предметъ долженъ всегда быть или въ движеніи, или въ покоѣ", а другое (отъ котораго находимъ въ текстѣ лишь слова „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον") должно было, по его мнѣнію, выражать мысль, что „всякій предметъ покоится, когда онъ въ равномъ себѣ пространствѣ" [1]). Смыслъ получается, по видимому, вполнѣ удовлетворительный, однако это вовсе еще не научно обоснованная поправка текста, а только совершенно произвольная парафраза.

Принятое въ послѣднее время чтеніе нашего мѣста съ поправками, предложенными Целлеромъ [2]), также вовсе не даетъ удовлетворительнаго разрѣшенія затрудненій, представляемыхъ рукописнымъ преданіемъ.

Конъектура Целлера лишена серіозныхъ основаній, исходя главнымъ образомъ изъ парафразы Ѳемистія.

У Ѳемистія мы читаемъ [3]):

οὕτω καὶ ὁ Ζήνων παραλογίζεται·

I. εἰ γὰρ ἠρεμεῖ, φησίν, ἅπαντα, ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον αὐτῷ διάστημα,

II. ἔστι δὲ ἀεὶ τὸ φερόμενον κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ διαστημα,

III. ἀκίνητον ἀνάγκη τὴν οἰστὸν εἶναι τὴν φερομένην.

Целлеръ предлагаетъ такое чтеніе Аристотелева мѣста [4]):

Ζήνων δὲ παραλογίζεται.

I. εἰ γάρ, φησιν, ἠρεμεῖ πᾶν, ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον,

II. ἔστι δ' ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον,

III. ἀκίνητον etc. по рукописному тексту.

---

tout corps qui se déplace est toujours pendant chaque instant dans un espace égal, il s'ensuit que la flèche qui vole est immobile".

[1]) Томъ I, стр. 285 и сл.: „Si toute chose, disait-il, doit toujours être ou en mouvement ou en repos, et si elle est en repos quand elle est dans un espace égal à elle-même, il s'ensuit que, tout corps qui se déplace, étant à chaque instant dans un espace égal à lui-même, la flèche qui nous semble voler est cependant immobile; car, à chaque instant de sa prétendue course, elle est dans un espace égal à elle même.

[2]) Чтеніе Целлера принимаетъ К. Прантль въ своемъ критическомъ изданіи физики 1879 г. (въ Bibliotheca Teubneriana) и другіе, см. у Шнейдера стр. 628.

Еще ранѣе Целлера попытка придать смыслъ первому положенію путемъ поправки текста была сдѣлана Герлингомъ (De Zenonis Eleatici paralogismis motum spectantibus, *Ch. L. Gerling*. Marburgi. 1825, стр. 16). Онъ предлагалъ читать въ первомъ положеніи „ἠρεμεῖ ἢ κινεῖται".

[3]) f. 55 b.

[4]) I, 547 прим. 1.

IV. τοῦτο δὲ ψεῦδος· οὐ γὰρ ἀεὶ τὸ φερόμενον κατὰ τὸ ἴσον διάστημα, μᾶλλον δὲ οὐδὲ ὅλως ἐν χρόνῳ ἐστίν, ἀλλ'ἐν τῷ νῦν μόνον, καθὰ προείρηται. οὐ σύγκειται δὲ ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν, οὔτε ἐντελεχείᾳ τὰ νῦν ὑπάρχει οὐδὲ μόριον ὅλως τοῦ χρόνου νῦν, ὥσπερ οὐδὲ ἄλλο τοῦ συνεχοῦς, ἀμερές τε καὶ ἀδιαίρετον μόριον.

Выраженіе „εἶναι κατὰ τὸ ἴσον“ Целлеръ переводилъ „быть на одномъ и томъ же равномъ себѣ мѣстѣ“, „seinen Ort nicht verändern“ [1]) и прельстился парафразой Θемистія, очевидно, благодаря тому, что въ ней I-е положеніе, въ которомъ отсутствуютъ слова „ἢ κινεῖται“, получаетъ разумный смыслъ. Но имѣлъ ли право Целлеръ отнестись къ этой парафразѣ, какъ къ цѣнному источнику для возобновленія Аристотелева текста? Что такого значенія изложеніе Θемистія не имѣетъ, явствуетъ уже изъ того, что во II-мъ положеніи у него опущены весьма важныя слова „ἐν τῷ νῦν“.

Разсужденіе Зенона получаетъ у Θемистія такой смыслъ: „Если всегда движущееся тѣло занимаетъ равное себя мѣсто (II), а занимать равное себя мѣсто значитъ быть въ покоѣ (I), то необходимо, летящая стрѣла должна находиться въ покоѣ (III)“. Еслибы такъ гласилъ подлинный текстъ Зенонова парадокса у Аристотеля, то съ нимъ никакъ не вяжется Аристотелево опроверженіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно читается по нашему рукописному преданію (τοῦτο δ' ἐστὶ ψεῦδος· οὐ γὰρ σύγκειται ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν τῶν ἀδιαιρέτων. ὥσπερ οὐδ' ἄλλο μέγεθος οὐδέν). Аристотель никакъ не могъ опровергать Зенона, утверждая, что онъ складываетъ время изъ недѣлимыхъ νῦν и тѣмъ самымъ лишаетъ время непрерывности, свойственной всякой величинѣ, если въ разсужденіи Зенона не было даже и помину объ νῦν, а напротивъ говорилось, что движущееся непрерывно, „ἀεί“ покоится въ равномъ мѣстѣ. Чтобы признать Θемистіевъ текстъ Зенонова парадокса въ качествѣ подлиннаго Аристотелева текста, или добросовѣстной парафразы послѣдняго, намъ пришлось бы сдѣлать предположеніе, что нашъ текстъ Аристотелева опроверженія (IV) испорченъ выпаденіемъ цѣлаго ряда словъ, которыя мы должны были бы возстановить также по Θемистію, а именно читать приблизи-

[1]) I, 548 (въ концѣ прим. 1 къ стр. 547): Das εἶναι κατὰ τὸ ἴσον erkläre ich mit Themistius und Simplicius: „in dem gleichen Raum sein“, wie vorher „seinen Ort nicht verändern“.

тельно слѣдующее: τοῦτο δ' ἐστὶ ψεῦδος, οὐ γὰρ [ἀεὶ τὸ φερόμενον κατὰ τὸ ἴσον ἐστίν, ἀλλ' ἐν τῷ νῦν μόνον, ἀλλ' οὐ] σύγκειται ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν etc.,— предположеніе слишкомъ рискованное, и потому тексту Θемистія приходится отказать въ томъ значеніи, которое ему приписываетъ Целлеръ. Правда, Целлеръ считаетъ нужнымъ возстановить опущенныя Θемистіемъ слова „ἐν τῷ νῦν"; но отъ такой поправки чтеніе его получаетъ характеръ крайне насильственной конъектуры. Опустить въ I-мъ положеніи неудобное „ἤ κινεῖται" и ни въ чемъ неповинное „ἀεί" по примѣру Θемистія, удержать во II-мъ положеніи „ἐν τῷ νῦν" изъ нашего текста, и „κατὰ τὸ ἴσον" опять изъ Θемистія,—что можетъ быть произвольнѣе такого врачеванія испорченнаго мѣста? Не благоразумнѣе ли уже было бы, оставивъ вовсе надежду на исправленіе текста Аристотеля, отказаться отъ пользованія имъ и держаться ближе Θемистіева изложенія задачи подобно Брандису, который, разбирая занимающій насъ вопросъ въ своей исторіи философіи [1]), вовсе не цитуетъ испорченнаго Аристотелева текста [2]), очевидно, считая его безнадежнымъ.

Брандисъ передаетъ задачу Зенона въ такихъ выраженіяхъ [3]): „движущееся должно занимать мѣсто, гдѣ оно движется, то-есть, покоиться въ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ двигаться, такъ что покой и движеніе совпадаютъ". Нельзя сказать, чтобы въ такой передачѣ Зеноновскіе доводы противъ движенія были особенно ясны и убѣдительны; но, имѣя въ виду, что, по мнѣнію Брандиса, Зеноновъ аргументъ имѣетъ отношеніе къ понятію о непрерывности движенія (Stetigkeit der Bewegung), мы позволимъ себѣ толковать его изложеніе въ такомъ смыслѣ: движущееся тѣло занимаетъ при движеніи извѣстное мѣсто не въ отдѣльные, прерывно слѣдующіе моменты, потому что въ такомъ случаѣ самое движеніе было бы прерывно, но, такъ какъ мы признаемъ непрерывность движенія, то движущееся непрерывно занимаетъ извѣстное мѣсто, значитъ—покоится. Зенонъ, слѣ-

---

[1]) *Christian Aug. Brandis.* Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie. Berlin. 1835. I Th. 415.

[2]) На первомъ мѣстѣ Брандисъ цитуетъ текстъ Θемистія f. 55 b. и хотя далѣе помѣщаетъ и другія цитаты Θемистія и Симплиція, гдѣ есть упоминаніе объ νῦν, однако, очевидно, не признаетъ за этимъ обстоятельствомъ особаго значенія.

[3]) ...das dritte (Argument) sich auf den Begriff der Stetigkeit der Bewegung bezieht. Das Bewegte soll zugleich den Raum, worin sich's bewegt, einnehmen d. h. in ihm ruhen und sich bewegen; so dass Ruhe und Bewegung zusammenfielen.

довательно (по Брандису), высказывалъ мнѣніе прямо противополож ное Аристотелеву (тому, что̀ въ опроверженіи IV). Онъ утверждалъ, что движущееся тѣло занимаетъ равное себѣ мѣсто всегда, непрерывно, то-есть, во времени, а Аристотель—что только въ отдѣльныхъ безвременныхъ мигахъ „τὰ νῦν“. Это можетъ казаться правдоподобнымъ. Но все же толкованіе Брандиса страдаетъ однимъ недостаткомъ, общимъ всѣмъ существующимъ толкованіямъ нашего мѣста, къ чему мы скоро перейдемъ. Разсмотримъ раньше еще кое-какіе доводы за и противъ цѣнности Θемистіева изложенія.

Любопытно, что Симплицій въ одномъ мѣстѣ [1]) чрезвычайно близокъ къ Θемистію въ изложеніи Зенонова паралогизма (исключая лишь разницы въ передачѣ I-го положенія, что̀ въ данномъ случаѣ для насъ не важно) [2]). Это мѣсто Симплиція гласитъ слѣдующее: (I) εἴπερ ἀνάγκη πᾶν ἢ κινεῖσθαι ἢ ἠρεμεῖν, (II) τὸ δὲ φερόμενον ἀεὶ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστι, τὸ δὲ ἀεὶ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὂν οὐ κινεῖται· (III) ἠρεμεῖ ἄρα. (IV) ψεῦδος δὲ λαμβάνει ὁ λόγος οὗτος, ὅτι ἀεὶ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστι τὸ φερόμενον· δέδεικται γὰρ ὅτι ἐν τῷ νῦν μόνῳ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστιν. καὶ τοῦτο μὲν συγχωρεῖ, οὐκ ἐννοεῖ δὲ ὅτι ἐν τῷ νῦν οὐδὲν οὔτε ἠρεμεῖ οὔτε κινεῖται. Здѣсь во второмъ положеніи, да и во всемъ изложеніи паралогизма, также, какъ и въ изложеніи Θемистія, нѣтъ ни слова о „νῦν“; за то въ опроверженіи (IV) Симплицій, подобно Θемистію, принужденъ напомнить Зенону, что только въ „νῦν“, а вовсе не **всегда**, движущійся предметъ занимаетъ равное себѣ мѣсто. Такое совпаденіе смысла этого текста у Симплиція съ пересказомъ Θемистія можетъ, пожалуй, показаться знаменательнымъ. Не можетъ ли оно служить доводомъ въ пользу предположенія, что слова Θемистія не есть лишь парафраза нашего текста, притомъ парафраза слишкомъ свободная и поверхностная, но, что въ основаніи ихъ лежитъ цѣнный текстъ? При Θемистіи и Симплиціи могли существовать двѣ редакціи нашего текста: одна Аристотелева со словами „ἐν τῷ νῦν“ во II-мъ положеніи, другая безъ нихъ, принадлежащая самому Зенону. Θемистій и Симплицій, какъ будто дѣйствительно воспользовались въ разныхъ мѣстахъ разными редакціями. А именно Θемистій держался чтенія безъ „νῦν“ (во II-мъ положеніи) въ приведенномъ уже мѣстѣ (f. 55 b.),

---

[1]) p. 237 b. во второмъ его изложеніи Зеноновой задачи, нѣсколько ниже ея перваго пересказа.

[2]) Первое положеніе читается здѣсь иначе, чѣмъ у Симплиція, но за то Θемистіево I-е положеніе является здѣсь во 2-й части II-го положенія, только съ добавленіемъ „ἀεί“.

но ниже (f. 56 а.) держался чтенія съ „νῦν“: „ἀεὶ μὲν γὰρ ἕκαστον τῶν κινουμένων ἐν τῷ νῦν τὸ ἴσον ἑαυτῷ κατέχει διάστημα, ἀλλ' οὐ σύγκειται ἐκ τῶν νῦν ὁ χρόνος etc.“. Симплицій читаетъ II-е положеніе безъ νῦν въ упомянутомъ текстѣ „εἴπερ etc.“ и со словами „ἐν τῷ νῦν“ нѣсколько выше (f. 236 b): ὁ δὲ Ζήνωνος λόγος προλαβὼν ὅτι πᾶν ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἢ κινεῖται ἢ ἠρεμεῖ καὶ ὅτι οὐδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, καὶ ὅτ τὸ φερόμενον ἀεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστιν καθ' ἕκαστον νῦν, ἐῴκει συλλογίζεσθαι οὕτως· τὸ φερόμενον βέλος ἐν παντὶ τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστιν, ὥστε καὶ ἐν παντὶ τῷ χρόνῳ, τὸ δὲ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὂν οὐ κινεῖται, ἠρεμεῖ ἄρα, ἐπειδὴ μηδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, τὸ ἄρα φερόμενον βέλος, ἕως φέρεται, ἠρεμεῖ κατὰ πάντα τὸν τῆς φορᾶς χρόνον, οὗ τί ἂν εἴη παραδοξότερον;... ὁ Ζήνωνος λόγος ὡς ἐκ τῶν νῦν συγκειμένου τοῦ χρόνου τὴν ἀπορίαν ἐκίνησεν· ὡς εἴγε μὴ τοῦτο δοθείη αὐτῷ, οὐκ ἔστιν ἀληθὲς ὅτι ἔστιν ἀεὶ ἐν τῷ ἴσῳ τὸ φερόμενον.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что Θемистій и Симплицій пользуются разными чтеніями не въ параллельныхъ мѣстахъ, что̀ могло бы служить явнымъ признакомъ заимствованія Симплиціемъ изъ парафразы его предшественника въ толкованіи Аристотелевской физики Θемистія; но, напротивъ, тамъ, гдѣ Θемистій выпускаетъ выраженіе „ἐν τῷ νῦν“, Симплицій удерживаетъ его, и, на оборотъ, ниже, гдѣ у Θемистія есть „ἐν τῷ νῦν“, у Симплиція эти слова отсутствуютъ.

Итакъ, можно предположить, что въ изложеніи самого Зенона не было и помину о „νῦν“, и что это слово впервые стало играть роль въ текстѣ, благодаря Аристотелю. Вставка „ἐν τῷ νῦν“ могла быть вовсе не намѣреннымъ искаженіемъ мысли Зенона со стороны Аристотеля, а только поясненіемъ ея въ томъ смыслѣ, какъ понималъ мысль послѣдній. Такое предположеніе находитъ, какъ будто, себѣ подтвержденіе, если обратить вниманіе на то, въ какой связи съ предыдущимъ цитуетъ Аристотель Зеноновъ парадоксъ. Въ концѣ 8-й главы VI-й книги Φυσικῆς ἀκροάσεως говорится о томъ, что движущееся тѣло занимаетъ извѣстное мѣсто безъ движенія не въ теченіе нѣкотораго времени, но въ мигѣ „ἐν τῷ νῦν“, не имѣющемъ временной продолжительности. Нѣтъ, какъ будто, ничего невѣроятнаго въ томъ, что „νῦν“, о которомъ только-что шла рѣчь, введено также въ текстъ нашего II-го положенія для разъясненія слова „ἀεὶ“ въ желательномъ для Аристотеля смыслѣ, то-есть, въ значеніи „въ каждомъ мигѣ“.

Только-что приведенные довольно соблазнительные доводы въ

пользу того, что Аристотель могъ вставить „ἐν τῷ νῦν“ въ подлинный Зеноновъ текстъ, гдѣ этихъ словъ не было, говорятъ, однако, лишь о возможности этого предположенія. Нужно еще доказательство необходимости его, доказательство, которое основывалось бы на невозможности допустить „ἐν τῷ νῦν“ въ словахъ самого Зенона. Посмотримъ же, на сколько сочетаніе „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν“ въ духѣ елеатскаго ученія.

Существующее, τὸ ὄν, не можетъ, говорятъ елеаты, произойдти изъ не существующаго, или въ не существующее обратиться; оно существуетъ ἀεί, всегда, оно вѣчно [1]), и по этой самой причинѣ есть только настоящее, τὸ νῦν, прошедшее же и будущее не возможны, такъ какъ ихъ признаніе равно утвержденію, что нѣчто существующее перестало существовать и нѣчто не существующее получитъ существованіе [2]).

Слова „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν“ не только возможны въ устахъ елеата вообще, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма умѣстны и въ занимающемъ насъ Зеноновомъ парадоксѣ. Дѣло лишь въ правильномъ разумѣніи ихъ, и тогда наше II-е положеніе будетъ имѣть большое преимущество передъ редакціей его безъ этихъ словъ. Мы увидимъ ниже, что Зеноновъ порадоксъ, какъ онъ читается въ приведенныхъ выше текстахъ Θемистія и Симплиція (въ тѣхъ текстахъ, гдѣ нѣтъ νῦν во II-мъ положеніи) и какъ его толковалъ Брандисъ, имѣетъ одно весьма слабое мѣсто. Напротивъ, при предложенной нами поправкѣ текста и съ удержаніемъ „ἐν τῷ νῦν“ во II-мъ положеніи, доводы Зенона окажутся неуязвимыми, если только мы не будемъ мудрствовать лукаво въ переводѣ очень яснаго выраженія „ἐν τῷ νῦν“. Слѣдуетъ обратить вниманіе на обстоятельство, которое играло весьма важную роль въ исторіи интерпретаціи Зенонова парадокса со временъ Аристотеля до нашихъ дней. Слова „ἀεὶ.. ἐν τῷ νῦν“ по примѣру Аристотеля всѣ послѣдующіе понимали такъ, какъ будто въ текстѣ было сказано: ἀεὶ...

---

[1]) См. объ ученіи Ксенофана v. 4: Αἰεὶ δ'ἐν ταὐτῷ τε μένειν κινούμενον οὐδέν. Cic. Acad. II, 37, 118: Xenophanes... unum esse omnia neque id esse mutabile et id esse deum, neque natum unquam et *sempiternum*; Theod. cur. gr. aff. IV, 5, p. 57 Sylb.: Ξ... ἓν εἶναι τὸ πᾶν ἔφησε... οὐ γεννητὸν ἀλλ' ἀίδιον καὶ πάμπαν ἀκίνητον. Plutarch. ap. Euseb. pr. ev. I, 8, 4: Ξ... εἶναι λέγει τὸ πᾶν ἀεὶ ὅμοιον. Hippolyt. Refut. I, 14: φησὶ δὲ καὶ τὸν θεὸν εἶναι ἀίδιον. Объ ученіи по этому вопросу у Парменида см. *Zeller*[4] I, 515 сл., объ ученіи Зенона и Мелисса ibd. 538 въ примѣч.

[2]) См. Parmenides v. 61—87.

ἐν ἑκάστῳ τῷ νῦν. Всѣ полагали, что Зенонъ имѣетъ въ виду τὰ νῦν, а не τὸ νῦν [1]). Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что множественность τῶν νῦν можетъ быть признаваема только въ системѣ, подобной Аристотелевой, гдѣ νῦν не есть временная величина, не часть [2]), а только предѣлъ времени „πέρας τοῦ χρόνου“ [3]), не имѣющій никакой величины. Такой пунктъ [4]) времени мы можемъ сколько угодно разъ и гдѣ угодно намѣтить въ теченіи извѣстной временной продолжительности [5]). Но изъ такихъ пунктовъ, сколько бы ихъ ни брать, мы никогда не получимъ времени, какъ непрерывной величины [6]). У елеатовъ нѣтъ множества τῶν νῦν, равно какъ нѣтъ времени въ смыслѣ величины, слагающейся изъ прошедшаго и будущаго. У нихъ міровое все (τὸ ὄν, τὸ πᾶν) существуетъ въ единомъ пепрерывномъ νῦν, не утекаю-

---

[1]) У Симплиція въ перечисленіи доводовъ Зенона (f. 236 b.): „καὶ ὅτι τὸ φερόμενον ἀεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστιν καθ'ἕκαστον νῦν“, и далѣе въ пересказѣ того же положенія: „τὸ φερόμενον βέλος ἐν παντὶ τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστιν“. У него же, равно какъ и у Ѳемистія въ изложеніи Аристотелева опроверженія, постоянно говорится о „τὰ νῦν“. У Схоліаста Codicis Regii a. l. во II-мъ положеніи: „τὸ τοίνυν φερόμενον βέλος ἐν ἑκάστῳ τῷ νῦν τοῦ χρόνου καθὸ κινεῖται etc.“

Bayle: „la flèche à chaque moment est dans un espace qui lui est égal etc.“. *Cousin* также, очевидно, имѣетъ въ виду многіе νῦν (см. текстъ его, уже приведенный). *Barthélemy Saint-Hilaire*: „toujours pendant chaque instant“. *Prantl* въ переводѣ передаетъ дословно „immerfort in dem Jetzt“, но въ примѣчаніи къ этому мѣсту говоритъ о многихъ νῦν: „von Moment zu Moment, in allen einzelnen Jetzt“. *Zeller*: „in jedem Augenblick“. *Schneider*: „in jedem Moment“. Гегель говоритъ о стрѣлѣ: „er ist hier, und hier, und hier“, предполагая тѣмъ самымъ различные jetzt und jetzt und jetzt. *Herbart* (Metaph. II, 234): „das Bewegte ruhet in jedem Puncte seiner Bahn während des Augenblicks, da es in demselben ist“, слѣдовательно, онъ также говоритъ о множествѣ τῶν νῦν.

[2]) ...οὐδὲ μόριον τὸ νῦν τοῦ χρόνου (Φυσ. ἀκρ. δ. 11, 220 a. 19).

[3]) τὸ νῦν τελευτὴ καὶ ἀρχὴ χρόνου... τοῦ μὲν παρήκοντος τελευτή, ἀρχὴ δὲ τοῦ μέλλοντος (Φ. ἀκρ. δ. 13, 222, a. 33); τὸ νῦν πέρας (ibid. δ. 10, 218, a, 24); τὸ νῦν ἐστὶ συνέχεια χρόνου (δ. 13, 222, a, 10).

[4]) τὸ νῦν ἀδιαίρετον (Φ. ἀκρ. ζ, 3, 233, b, 34), τὸ νῦν τὸ ἄτομον οἷον στιγμὴ γραμμῆς ἐστιν (περὶ οὐρ. γ. 1, 300, a, 14).

[5]) Потому что τὸ νῦν τὸν χρόνον μετρεῖ, ᾗ πρότερον καὶ ὕστερον (Φ. ἀκρ δ. 11, 219, b, 12), а предшествующее и послѣдующее можно считать съ какой угодно точки.

[6]) Чтобы составить непрерывную величину, τὰ νῦν должны соприкасаться, а это не возможно, такъ какъ между двумя νῦν всегда будетъ заключаться нѣкорое, хотя бы минимальное, время, подобно тому, какъ между двумя точками всегда заключается линія: στιγμῶν τὸ μεταξὺ γραμμὴ καί τῶν νῦν χρόνος (Φυσ. ἀκρ. ζ, 1, 231, b, 9).

щемъ въ небытіе и ниоткуда не приходящемъ. Это νῦν есть вѣчность, но не въ смыслѣ непрестанной безконечной смѣны феноменальнаго существованія, нѣтъ, это вѣчность косная, абсолютная. Если, подобно Аристотелю, разсматривать время какъ „число движенія въ отношеніи прошедшаго и будущаго“ [1]), то елеатское νῦν, елеатская вѣчность, исключающая возможность прошедшаго и будущаго, приравняется единому безвременному мигу. Елеатское „νῦν“ такимъ образомъ не есть извѣстное время въ обыденномъ смыслѣ, это лишь нѣкоторое опредѣленіе существованія, вытекающее изъ утвержденія, что есть только настоящее, то-есть, что есть только то, что̀ есть, въ противоположность общераспространенному мнѣнію о существованіи какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ, и въ будущемъ. Итакъ, у Зенона никоимъ образомъ не можетъ быть рѣчи о многихъ моментахъ τὰ νῦν. Слова „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν“ значатъ лишь „всегда (или вѣчно)... въ настоящемъ“, при чемъ настоящее разумѣется какъ непрерывное.

Легко предусмотрѣть весьма естественное возраженіе, что Зенонъ въ своихъ парадоксахъ не говорилъ языкомъ елеата, но становился на общепринятую точку зрѣнія и выводилъ свою мысль изъ несообразностей, открываемыхъ имъ въ обыкновенныхъ представленіяхъ. Совершенно вѣрно; но тѣмъ важнѣе занимающій насъ парадоксъ о стрѣлѣ, что въ немъ Зенонъ имѣлъ полную возможность, нисколько не измѣняя своему образу мыслей, вполнѣ согласоваться и съ представленіями свойственными всѣмъ и каждому. Въ самомъ дѣлѣ, по общему представленію, все будущее переходитъ въ прошедшее черезъ настоящее, а такъ какъ переходъ будущаго въ прошедшее непрерывенъ, то и настоящее постоянно, вѣчно существуетъ. Всякая перемѣна, всякое движеніе, самая жизнь наша совершаются черезъ настоящее, которое нераздѣльно, непрерывно длится. Наши представленія отличаются отъ Зеноновыхъ лишь тѣмъ, что мы признаемъ не только существованіе вѣчнаго настоящаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе постояннаго теченія будущаго въ прошедшее, чего Зенонъ, какъ строгій мыслитель, признать не можетъ. Зеноновъ парадоксъ является доказательствомъ несовмѣстимости нашего представленія о существованіи какъ исключительномъ достояніи настоящаго и представленія о дѣйствительности прошедшаго и будущаго. Всякій согласится

[1]) ὁ χρόνος ἀριθμός ἐστι κινήσεως κατὰ τὸ πρότερον καὶ ὕστερον (Φυσ. ἀκρ δ, 11, 219, b, 1).

съ Зенономъ, что движущійся предметъ, коль скоро мы разсматриваемъ его въ настоящемъ, находится неподвижно на равномъ себѣ мѣстѣ, ибо разъ мы представимъ себѣ малѣйшее передвиженіе, настоящаго уже мало: требуется нѣкоторое перемѣщеніе будущаго въ прошедшее. Далѣе мы признаемъ, что настоящее непрерывно, едино, что оно всегда, слѣдовательно и движущійся предметъ всегда и непрерывно недвижимъ.

Такой выводъ, вполнѣ подтверждающій правильность зеноновской постановки вопроса, можетъ быть, правда слишкомъ несимпатиченъ съ точки зрѣнія такъ называемаго здраваго смысла, сроднившагося съ представленіемъ о движеніи какъ существующемъ, и потому можетъ возбудить невольное недовѣріе ко всему ходу нашихъ разсужденій. Мы не будемъ однако вдаваться здѣсь въ развитіе философской стороны вопроса. Но укажемъ на три несомнѣнныя и немаловажныя пріобрѣтенія, къ которымъ приводитъ наше толкованіе словъ „ἀεὶ.... ἐν τῷ νῦν“. Одно изъ этихъ пріобрѣтеній имѣетъ прямое отношеніе къ разъясненію Аристотелева текста. Всѣ переводы и пересказы, передающіе „ἀεὶ.... ἐν τῷ νῦν“ словами „всегда.... въ каждомъ настоящемъ моментѣ“ обнаруживаютъ одинъ общій, и весьма серіозный недостатокъ текста, отмѣченный у Бартелеми Сентъ-Илера [1]), но почему-то проходимый молчаніемъ у всѣхъ другихъ, не смотря на то, что безсмыслица, казалось бы, должна кидаться въ глаза каждому [2]): заключеніе (III) не вытекаетъ непосредственно изъ предпо-

---

[1]) Т. II стр. 395 прим. къ словамъ: „il s'ensuit:“ Evidemment cette conclusion ne ressort pas des deux hypothèses qui viennent d'être posées, et il faut y ajouter cette autre hypothèse que l'espace égal soit toujours le même espace.

[2]) Указанный недостатокъ текста очень ясно видѣнъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ изложеніяхъ парадокса. *Zeller* (I 547): So lange etwas in einem und demselben Raume ist, ruht es. Nun ist aber der fliegende Pfeil in jedem Augenblick in demselben Raume. Er ruht also in jedem Augenblick seines Fluges, also auch während des ganzen Fluges, seine Bewegung ist nur scheinbar.—*Schneider* (627): Der fliegende Pfeil ruht. Denn ein sich bewegender Körper z. B. ein abgeschossener Pfeil, nimmt immer einen ihm (dem Körper) gleichen Raum ein, er ist also in jedem Moment in einem ihm gleichen Raum. Wenn er aber in einem ihm gleichen Raum ist, so ruht er; er ruht also in jedem Moment, folglich ruht er immer. *Herbart*, (Werke ed. Hartenstein VI 284): Das Bewegte, sagte Zeno, ruhet in jedem Puncte seiner Bahn, während des Augenblicks, da es in demselben ist, also ruht es immer. *E. Dühring* (Kritische Geschichte der Philosophie 2 Aufl. 1873 стр. 42): In jedem Punkte seiner Bahn hat der Pfeil eine bestimmte fixirbare Lage und verhält sich hiedurch sich selbst gleich. Insofern er diese Lage hat, erfährt er keine Veränderung; und man hat es daher mit einer Summe von unverän-

сланныхъ ему положеній (хотя бы мы держались какой угодно изъ существующихъ парафразъ или исправленныхъ чтеній); необходимо добавить, что пространство, занимаемое движущимся предметомъ въ каждый отдѣльный моментъ, не только всякій разъ равно этому предмету, но представляетъ собою одно и то же мѣсто. Немыслимо, чтобы такое утвержденіе, вовсе не похожее на аксіому, и едва ли поддающееся серьезному доказательству, стояло первоначально въ текстѣ и потомъ выпало вмѣстѣ со всѣми доказательствами. Еще невѣроятнѣе, чтобы оно подразумѣвалось, такъ какъ не можетъ быть сама собою понятна мысль, способная возбудить во всякомъ недоумѣніе. И однако при обыкновенномъ толкованіи нашего текста необходимо всегда подразумѣвать это странное положеніе. Иначе значеніе разсужденія Зенона будетъ таково: такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ движущійся предметъ неподвижно пребываетъ на равномъ себѣ мѣстѣ, то слѣдовательно, все передвиженіе можно разсматривать какъ рядъ послѣдовательныхъ пребываній предмета на равномъ ему мѣстѣ, но въ различныхъ, конечно, частяхъ пути, то-есть, движущееся тѣло, хотя и представляется намъ всякій разъ, какъ мы обратимъ на него вниманіе, занимающимъ извѣстное мѣсто, однако это мѣсто всякій разъ другое, и въ результатѣ получается передвиженіе.

Указанный недостатокъ нашего текста вполнѣ устраняется при предлагаемомъ пониманіи словъ „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν". Если „νῦν" одно нераздѣльное и вѣчно продолжающееся, то вовсе не требуется отожествлять равныя движущемуся тѣлу пространства, занимаемыя имъ въ каждомъ изъ множества „νῦν". Пребываніе „κατὰ τὸ ἴσον" все время (ἀεί) въ одномъ непрерывномъ „νῦν", гдѣ нѣтъ движенія, уже означаетъ нахожденіе тѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Изложеніе Зенонова парадокса у Брандиса страдаетъ недостаткомъ совершенно однороднымъ съ тѣмъ, который мы только-что устранили въ нашемъ текстѣ. „Тѣло двигается и одновременно занимаетъ мѣсто тамъ, гдѣ двигается", говоритъ Брандисъ;—„движеніе непрерывно, слѣдовательно, и пребываніе на мѣстѣ непрерывно, зна-

derten Lagezuständen zu thun. Eine Summe von Zuständen der unveränderten Lage oder Ruhe kann keine Bewegung ergeben. Der dialectische Begriff, auf den es bei dieser Wendung vornehmlich ankommt, ist derjenige der Gleichheit mit sich selbst oder, um moderner zu reden der Identität des Zustandes. Но вѣдь изъ идентичности состоянія въ смыслѣ постояннаго пребыванія на равномъ себѣ мѣстѣ, постоянно въ разныхъ пунктахъ пути получается движеніе, а не покой!

чить—тѣло покоится". Но послѣднее заключеніе вовсе вѣдь не обязательно. Движущееся тѣло можетъ непрерывно занимать мѣсто тамъ, гдѣ двигается, но это мѣсто не будетъ опредѣленною частью пути, оно будетъ безпрестанно все новое и новое, такъ что тѣло, непрерывно передвигаясь, перебываетъ на всемъ протяженіи своего пути, слѣдовательно покоя не будетъ. Мы убѣждаемся такимъ образомъ, что наше чтеніе съ „ἐν τῷ νῦν", правильно объясненное, по силѣ аргументаціи имѣетъ неоспоримое преимущество надъ изложеніемъ Брандиса и тѣми парафразами Ѳемистія и Симплиція, гдѣ „ἐν τῷ νῦν" отсутствуетъ. Итакъ, второе пріобрѣтеніе, къ которому приводитъ наше пониманіе „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν", есть признаніе, что упомянутые тексты Ѳемистія и Симплиція (безъ словъ „ἐν τῷ νῦν во II-мъ положенія), представляя доводы недостаточные для вывода желательнаго заключенія, не могутъ считаться основанными на подлинномъ текстѣ Зенона. Если только мы не хотимъ отказаться отъ критическаго отношенія къ Зенону, то подлинный текстъ долженъ былъ заключать слова „ἐν τῷ νῦν", потому что только эти слова сообщаютъ разсужденію Зенона характеръ полнаго и неотразимаго доказательства. Совпаденіе изложенія Ѳемистія съ Симплиціемъ (въ парафразахъ безъ „ἐν τῷ νῦν" во II положеніи) должно, слѣдовательно, объяснить вліяніемъ перваго на послѣдняго. Но кто не приметъ предлагаемаго толкованія „ἐν τῷ νῦν", тотъ не имѣетъ права пренебречь толкованіемъ нашего парадокса у Брандиса и текстами, на которыхъ послѣдній основывался (такъ какъ эти тексты даютъ никакъ не меньше смысла, чѣмъ наше мѣсто Аристотеля при обыкновенномъ разумѣніи „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν", хотя бы съ допущеніемъ какой угодно изъ предложенныхъ конъектуръ для поправки текста), и долженъ остаться въ сомнѣніи относительно цѣнности Аристотелевой редакціи парадокса [1]).

---

[1]) Кромѣ того, еслибы, подобно всѣмъ прочимъ изслѣдователямъ, не обратить должнаго вниманія на указанное нами обстоятельство, что пребываніе „κατὰ τὸ ἴσον" не означаетъ вовсе пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ, то можно было бы предложить для исправленія Аристотелева текста конъектуру весьма нехитрую и гораздо болѣе естественную, чѣмъ всѣ существующія. Удивительно, какъ возможность этой конъектуры ускользнула отъ вниманія Бартелеми Сентъ-Илера, парафраза котораго (вышеприведенная) невольно наводитъ на нее. А именно, отдѣливъ первую часть I-го положенія въ качествѣ самостоятельной дилеммы „εἰ γὰρ ἀεί, φησίν' ἠρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται", можно было бы предположить, что далѣе читались первоначально слова „καὶ ἠρεμεῖ" или „ἠρεμεῖ δέ", которыя въ такомъ контекстѣ весьма легко могли выпасть. Принявъ за-

Третье пріобрѣтеніе заключается въ томъ, что только наше пониманіе словъ „ἐν τῷ νῦν“ въ смыслѣ „въ настоящемъ“ (единомъ, непрерывномъ) даетъ ключъ къ точному разумѣнію вышеупомянутаго Зеноновскаго текста изъ Діогена Лаертскаго и Секста Емпирика. Покамѣстъ „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν“ въ нашемъ парадоксѣ понимали какъ „ἀεὶ... ἐν ἑκάστῳ τῷ νῦν“, пока не приходило на мысль, что Зенонъ разумѣлъ лишь единое настоящее, а никакъ не множество настоящихъ миговъ, и что это именно представленіе о единомъ настоящемъ играетъ весьма важную роль въ опроверженіи движенія; не было возможности понять цитаты Діогена и Секста Емпирика въ смыслѣ особаго, вполнѣ выдержаннаго доказательства противъ движенія и найдти въ немъ тотъ смыслъ, который мы выяснили выше. Въ самомъ дѣлѣ, свыкшись съ мыслью, что настоящее едино, непрерывно, постоянно, мы заключаемъ, что никакой предметъ не можетъ двигаться потому, что онъ, находясь въ настоящемъ, занимаетъ только свое мѣсто, между тѣмъ какъ для движенія ему нужно мѣсто нѣсколько большее, и онъ не можетъ располагать такимъ мѣстомъ нѣсколько бо́льшимъ, ибо это значило бы, что онъ въ одно и то же настоящее время пребываетъ и тамъ, гдѣ онъ есть, и тамъ, гдѣ его нѣтъ; иначе, въ одно и то же настоящее время онъ былъ въ одномъ мѣстѣ и есть въ другомъ, или есть въ одномъ и будетъ въ другомъ.

До сихъ поръ можно было толковать эту цитату лишь съ нѣкоторою натяжкой и притомъ иначе, а именно предположивъ, что Зенонъ имѣлъ въ виду Парменидово положеніе „πᾶν... πλέον ἐστὶν ἐόντος“ [1]). Еслибы это было такъ, то λόγος Зенона имѣлъ бы слѣдующій смыслъ: „движущееся не можетъ двигаться тамъ, гдѣ оно есть, но нуждается въ свободномъ мѣстѣ, куда бы оно могло передвинуться, а такого порожняго мѣста нѣтъ, такъ какъ все заполнено существующимъ“. Неудобство такого толкованія то, что въ главномъ положеніи „все заполнено существующимъ“ Зенонъ оказался бы со-

тѣмъ, по примѣру многихъ другихъ, слова „κατὰ τὸ ἴσον“ также во II-мъ положеніи, мы получили бы такой текстъ:

I. a) εἰ γὰρ ἀεί, φησίν, ἠρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται
b) (καὶ ἠρεμεῖ), ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον,
II. ἔστι δ'ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν (κατὰ τὸ ἴσον),
III. ἀκίνητον τὴν φερομένην εἶναι ὀιστόν.

Бѣда только въ томъ, что во II-мъ положеніи все же кое-чего не достаетъ, потому что „κατὰ τὸ ἴσον“ не значитъ непремѣнно „на томъ же самомъ мѣстѣ“.

[1]) v. 80.

всѣмъ не солидаренъ съ общераспространеннымъ представленіемъ, допускающимъ, кромѣ реальнаго существованія, еще и пустоту [1]).

Не смотря на указанныя выгоды нашего пониманія „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν", прежде чѣмъ окончательно признать несостоятельнымъ прежнее толкованіе, мы должны еще посмотрѣть, не имѣло ли оно достаточныхъ основаній, если не по смыслу всего разсужденія, какъ цѣлаго (ибо смыслъ вслѣдствіе порчи текста можетъ быть сочтенъ недостаточно опредѣлимымъ по догадкамъ), то хотя бы чисто формальныхъ: въ значеніи отдѣльно взятыхъ словъ. Есть ли возможность согласиться, что значеніе, обыкновенно приписываемое словамъ „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν" можетъ представлять содержаніе этого выраженія самого по себѣ, помимо контекста и независимо отъ выгодъ или невыгодъ, которыя обнаружатся въ результатѣ такого пониманія для всего разсужденія? Очевидно слово ἀεί понимали въ смыслѣ всякій разъ; и дѣйствительно ἀεί довольно часто встрѣчается въ такомъ значеніи: какъ и наше всегда, ἀεί означаетъ не только непрерывную продолжительность дѣйствія или состоянія, но также и правильную повторяемость, всякій разъ какъ имѣются въ наличности извѣстныя условія. Наше II-ое положеніе „ἔστι δ'ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον" (будемъ пользоваться наиболѣе употребительною до сихъ поръ редакціей), въ которомъ слово ἀεί мы переводимъ „всегда, постоянно", можно, если угодно передать и такъ: „всякій разъ движущійся предметъ въ настоящемъ находится на равномъ себѣ мѣстѣ", или, пожалуй, такимъ образомъ: „всякій разъ, какъ мы разсматриваемъ движущійся предметъ въ настоящемъ, онъ находится на равномъ себѣ мѣстѣ". Но слова „всякій разъ, какъ разсматриваемъ въ настоящемъ" не могутъ быть сами по себѣ растолкованы въ смыслѣ „во всякое (отдѣльное), разсматриваемое нами настоящее", или „во всякій отдѣльный, намѣченный нами моментъ". Толковать въ этомъ смыслѣ II-ое положеніе можно было только съ нѣкоторою натяжкой, а именно на основаніи Аристотелева опроверженія (IV), гдѣ онъ говоритъ о сложеніи множества τῶν νῦν, и такимъ образомъ Зеноновскому „νῦν" навязываетъ значеніе отдѣльнаго момента, одного изъ многихъ такихъ же самостоятельныхъ моментовъ.

Однако, какимъ образомъ Аристотель впалъ въ эту роковую

---

[1]) Представленіе пустоты имѣетъ тѣсное отношеніе къ представленію движенія. Демокритъ и другіе атомисты доказывали необходимость существованія пустоты, исходя изъ факта движенія. См. *Целлера* [4] I, 770.

ошибку, которая повела по ложному пути всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей Зенонова паралогизма? Напомнимъ, въ какой связи съ предыдущимъ изложеніемъ приводитъ Аристотель Зеноновъ паралогизмъ, который мы читаемъ у него въ самомъ началѣ 9-ой главы VI-ой книги. Въ 8-ой главѣ Аристотель доказываетъ, что нѣтъ такой малѣйшей частицы времени, въ теченіи которой предметъ, кончающій движеніе, останавливается. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, нѣкоторую временную продолжительность, въ теченіи которой движущееся тѣло останавливается [1]). Оно должно остановиться необходимо въ нѣкоторой части этого времени, и въ нѣкоторой части той части и т. д. [2]).

Дѣло въ томъ, что время, какъ и всякая величина, какъ вообще все непрерывное, можетъ быть дѣлимо до безконечности [3]). Во всякой малѣйшей частицѣ времени можетъ быть отмѣчено по меньшей мѣрѣ два мига, два νῦν [4]). Одно отдѣльное νῦν недѣлимо, но за то не имѣетъ уже свойствъ времени: это лишь предѣлъ (πέρας), грань между двумя временными величинами [5]). Чтобы тѣло покоилось, то-есть, занимало одно и то же мѣсто, нужно дѣлимое время [6]), дабы можно было сказать, что тѣло на мѣстѣ въ томъ и другомъ изъ νῦν [7]). Во всякомъ же отдѣльномъ мигѣ можно находиться на нѣкоторомъ мѣстѣ, но никакъ не покоиться; ибо ни двигаться, ни покоиться въ νῦν

---

[1]) ἔστω γὰρ ἐν ᾧ πρώτῳ ἵσταται ἐφ' ᾧ τὸ ΑΒ. τοῦτο δὴ ἀμερὲς μὲν οὐκ ἐνδέχεται εἶναι· κίνησις γὰρ οὐκ ἔστιν ἐν τῷ ἀμερεῖ διὰ τὸ κεκινῆσθαί τι αὐτοῦ, τὸ δ'ἱστάμενον δέδεικται κινούμενον. (239, a, 2—5).

[2]) ἀλλὰ μὴν εἰ διαιρετόν (ἐν ᾧ πρώτῳ ἵσταται) ἐστιν, ἐν ὁτῳοῦν αὐτοῦ τῶν μερῶν ἵσταται· τοῦτο γὰρ δέδεικται πρότερον, ὅτι ἐν ᾧ πρώτῳ ἵσταται, ἐν ὁτῳοῦν τῶν ἐκείνου ἵσταται. ἐπεὶ οὖν χρόνος ἐστὶν ἐν ᾧ πρώτῳ ἵσταται, καὶ οὐκ ἄτομον, ἅπας δὲ χρόνος εἰς ἄπειρα μεριστὸς, οὐκ ἔσται ἐν ᾧ πρώτῳ ἵσταται (239, a, 6—10).

[3]) χρόνος δ' οὐκ ἔστι πρῶτος οὐδὲ μέγεθος οὐδ' ὅλως συνεχὲς οὐδέν· ἅπαν γὰρ εἰς ἄπειρα μεριστόν (239 a, 21—22).

[4]) ἔτι δὲ καὶ τότε λέγομεν ἠρεμεῖν ὅταν ὁμοίως ἔχῃ νῦν καὶ πρότερον, ὡς οὐχ ἑνί τινι κρίνοντες ἀλλὰ δυοῖν τοῖν ἐλαχίστοιν (239 a, 14—16). А такъ какъ ἠρεμεῖν возможно только во времени (см. ниже прим. 6), то слѣдовательно, во всякомъ времени можно отмѣтить по меньшей мѣрѣ два νῦν.

[5]) См. цитованные выше тексты: Φυσ. ἀκρ. δ. 13. 222 a, 10 и 33; δ. 10, 218 a 24; π. οὐρ., γ, 1, 300 a 14.

[6]) ἠρεμεῖ καὶ κινεῖται πᾶν ἐν χρόνῳ (239 a, 20) τὸ γὰρ ἠρεμεῖν ἐστι τὸ ἐν τῷ αὐτῷ εἶναι χρόνον τινὰ καὶ αὐτὸ καὶ τῶν μερῶν ἕκαστον (239 a, 26—27).

[7]) οὕτω γὰρ λέγομεν ἠρεμεῖν, ὅταν ἐν ἄλλῳ καὶ ἄλλῳ τῶν νῦν ἀληθὲς ᾖ εἰπεῖν ὅτι ἐν τῷ αὐτῷ καὶ αὐτὸ καὶ τὰ μέρη (239 a, 27—29).

нельзя, но, несомнѣнно, въ немъ можно не двигаться и занимать нѣкоторое мѣсто; во времени же нельзя движущемуся тѣлу занимать нѣкоторое мѣсто покоясь, ибо движеніе обратилось бы въ покой [1]).

Далѣе слѣдуетъ начало 9-й главы:

Зенонъ разсуждаетъ ошибочно, такъ какъ, признавъ, что въ νῦν движущійся предметъ неподвижно занимаетъ свое мѣсто (съ чѣмъ Аристотель соглашается), складываетъ время движенія ἐκ τῶν νῦν, то-есть, изъ миговъ, которые недѣлимы и слѣдовательно не могутъ составить никакой положительной величины.

Мы видимъ, что въ концѣ 8-й главы Аристотель нѣсколько разъ употребляетъ слово νῦν во множественномъ числѣ, разумѣя подъ νῦν отдѣльный моментъ, не время, а предѣлъ времени; онъ употребляетъ такія выраженія какъ „ἐν ἄλλῳ καὶ ἄλλῳ τῶν νῦν“ или „ἐν ἑνὶ μόνῳ τῶν νῦν“ [2]) и подъ самый почти конецъ главы читается у него фраза, поражающая своимъ сходствомъ съ нашимъ II-мъ положеніемъ, а именно: „ἐν δὲ τῷ νῦν ἐστι μὲν ἀεὶ κατά τι μένον“; тутъ и „ἐν τῷ νῦν“, тутъ и „ἀεί“, тутъ и „κατά τι“, равнозначущее нашему „κατὰ τὸ ἴσον“, тутъ и подлежащее подразумѣвается то же самое, то-есть, „τὸ κινούμενον“, или „τὸ μεταβάλλον“; и въ этой фразѣ слова „...ἐν τῷ νῦν... ἀεί“ имѣютъ значеніе „во всякомъ моментѣ“, такъ какъ этотъ смыслъ сообщается имъ непосредственно предшествующимъ „ἀλλ᾽ ἐν ἑνὶ μόνῳ τῶν νῦν οὐκ ἔσται (τὸ μεταβάλλον) χρόνον οὐδένα κατά τι, ἀλλὰ κατὰ τὸ πέρας τοῦ χρόνου“. Такимъ образомъ весь конецъ 8-й главы является подготовленіемъ (конечно, вовсе не намѣреннымъ) къ пониманію Зеноновыхъ словъ въ томъ именно смыслѣ, какъ ихъ разумѣетъ Аристотель, то-есть, будто бы Зенонъ воображалъ, что τὰ νῦν представляютъ собою конечный результатъ безконечнаго дѣленія времени передвиженія, такъ что сложеніе τῶν νῦν даетъ въ суммѣ время полета и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто бы, и покой движущагося тѣла.

Разсмотрѣвъ главнѣйшія изъ предложенныхъ до сихъ поръ толкованій и поправокъ нашего мѣста и выяснивъ значеніе недостаточно опредѣленныхъ или неправильно толкуемыхъ выраженій, постараемся

---

[1]) ἐν δὲ τῷ νῦν ἔστι μὲν ἀεὶ κατά τι μένον, οὐ μέντοι ἠρεμεῖ· οὔτε γὰρ κινεῖσθαι οὔτ᾽ ἠρεμεῖν ἔστιν ἐν τῷ νῦν, ἀλλὰ μὴ κινεῖσθαι μὲν ἀληθὲς ἐν τῷ νῦν καὶ εἶναι κατά τι, ἐν χρόνῳ δ᾽οὐκ ἐνδέχεται εἶναι κατά τι ἠρεμοῦν (въ рукописяхъ и изданіяхъ читается κατὰ τὸ ἠρεμοῦν). συμβαίνει γὰρ τὸ φερόμενον ἠρεμεῖν (239 a, 35, b 1—4).

[2]) 239, a, 33.

теперь указать, какимъ образомъ предполагаемый нами первоначальный текстъ подвергся порчѣ, и какія еще соображенія, помимо нелѣпости всѣхъ другихъ толкованій, наводятъ насъ на поправку. Начнемъ съ I-го положенія, неудовлетворительность котораго, какъ мы видѣли, не была устранена ни натянутыми толкованіями „κατὰ τὸ ἴσον“, ни поправкой Целлера. Всего еще удачнѣе, кажется, поступилъ съ I-мъ положеніемъ Бартелеми Сентъ-Илеръ въ своей парафразѣ, выдѣливъ, какъ самостоятельное предложеніе, первую часть его „εἰ γὰρ ἀεί, φησίν, ἠρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται“ и трактуя совершенно отдѣльно слѣдующія затѣмъ слова „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“. Мы полагаемъ также, что въ I-мъ не было первоначально словъ „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“, присутствіе которыхъ теперь лишаетъ его смысла. У Симплиція въ обоихъ мѣстахъ, гдѣ онъ излагаетъ Зеноновъ парадоксъ, мы находимъ положеніе, соотвѣтствующее нашему I-му въ формѣ дилеммы (какъ у Бартелеми Сентъ-Илера). Такъ въ f. 237, b парадоксъ начинается положеніемъ „εἴπερ ἀνάγκη πᾶν ἢ κινεῖσθαι, ἢ ἠρεμεῖν“. Въ f. 236 b. парадоксъ повторяется два раза подрядъ. А именно Симплицій передаетъ сначала своими словами отдѣльныя положенія Зенонова парадокса, которыя онъ нашелъ въ текстѣ у Аристотеля и связь которыхъ онъ, повидимому, точно не понимаетъ [1]: „ὁ δὲ Ζήνωνος λόγος προλαβὼν (I), ὅτι πᾶν ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἢ κινεῖται ἢ ἠρεμεῖ καὶ (II) ὅτι οὐδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, καὶ ὅτι τὸ φερόμενον ἀεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστιν καθ' ἕκαστον νῦν...“. Здѣсь первое положеніе читается въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ нашемъ Аристотелевомъ текстѣ; очевидно, при Симплиціѣ порча уже существовала. По видимому, неудовлетворительность смысла именно перваго положенія и была причиной, почему Симплицій нашелъ неудобопонятнымъ Зеноново изложеніе и счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ болѣе свободной парафразѣ, которая у него слѣдуетъ за вышеприведеннымъ текстомъ въ качествѣ попытки выяснить ходъ разсужденія: ...ἐφκει (ὁ Ζήνων) συλλογίζεσθαι οὕτως· (II) τὸ φερόμενον βέλος ἐν παντὶ τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστιν, ὥστε καὶ ἐν παντὶ τῷ χρόνῳ. τὸ δὲ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὂν οὐ κινεῖται, ἠρεμεῖ ἄρα, ἐπειδὴ

---

[1]) Это ясно изъ сопоставленія вступительныхъ фразъ къ перечисленію отдѣльныхъ положеній и затѣмъ къ парафразѣ парадокса: ὁ δὲ Ζήνωνος λόγος προλαβὼν ὅτι... καὶ ὅτι... καὶ ὅτι... ἐῴκει συλλογίζεσθαι οὕτως etc. Ср. ***Barthélemy Sainte-Hilaire*** въ прим. къ стр. 395 II т. Simplicius en est embarrassé (de l'exposition de la théorie do Zénon) et il ne semble pas être sûr de la bien comprendre.

μηδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, τὸ δὲ μὴ κινούμενον ἠρεμεῖ (I), ἐπειδὴ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἠρεμεῖ. Въ этой парафразѣ, начинающейся съ изложенія II-го положенія, заключительное положеніе соотвѣтствуетъ нашему I-му, только безъ выраженія „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον".

Конечно, намъ могутъ возразить, что такая форма I-го положенія въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ Симплиція могла быть лишь результатомъ его собственной остроумной догадки, а вовсе не почерпнута имъ изъ авторитетнаго текста. Но обратимъ вниманіе на то, что 8-ю главу VI-й книги Φυσικῆς ἀκροάσεως Аристотель начинаетъ съ положенія почти тожественнаго съ дилеммой, которую мы предлагаемъ въ началѣ нашей 9-й главы въ видѣ I-го Зенонова положенія. Восьмая глава начинается словами „Ἐπεὶ δὲ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἠρεμεῖ" etc., а мы видѣли, что восьмую главу Аристотель писалъ, имѣя уже въ виду Зеноновъ парадоксъ, подъ вліяніемъ его, такъ сказать, вентилируя тотъ же вопросъ и какъ бы припоравливая свое собственное изложеніе къ выраженіямъ Зенона.

Но, что̀ всего болѣе говоритъ за предлагаемое чтеніе I-го положенія, помимо полнѣйшей невозможности признать его удовлетворительность при другихъ толкованіяхъ, такъ это то, что упомянутая дилемма нужна въ интересахъ доказательства. Собственно въ настоящемъ времени, „ἐν τῷ νῦν", не можетъ быть покоя, а будетъ только отсутствіе движенія, такъ какъ, чтобы можно было сказать „тѣло покоится", надо взять теперь и раньше, то-есть, два времени. Итакъ, Зенонъ имѣлъ право лишь отрицать движеніе стрѣлы, а не приписывать ей покой. Но неподвижность, которая не есть ни покой, ни движеніе, это—понятіе изъ области отвлеченнаго мышленія, недоступное сферѣ обыденныхъ представленій, языкомъ которыхъ хотѣлъ говорить Зенонъ. Таковыя представленія противополагаютъ движенію покой и при этомъ всякое недвиженіе съ покоемъ отожествляютъ. Предложеніе „εἰ γὰρ ἀεὶ... ἠρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται", поставленное во главѣ разсужденія, представляетъ діалектическую уловку, которая способствуетъ уразумѣнію словъ „ἀκίνητον εἶναι" (въ заключеніи III) въ смыслѣ общепонятнаго „ἠρεμεῖν", то-есть, покоиться [1]).

---

[1]) Такой діалектическій пріемъ требуется лишь популярнымъ изложеніемъ парадокса. Для строгого философскаго изложенія I-е положеніе, конечно, не нужно. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, не интересовавшіеся непосредственно текстомъ, поэтому именно и игнорировали I-е положеніе, напримѣръ, какъ мы видѣли, Гегель.

Итакъ согласимся, что къ I-му положенію слова „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“ не принадлежатъ. Весьма вѣроятно, что „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“ попало въ I-е положеніе лишь случайно, тогда какъ настоящее мѣсто этихъ словъ было во II-мъ положеніи послѣ словъ „ἐν τῷ νῦν“, именно тамъ, гдѣ всѣ новѣйшіе изслѣдователи вопроса, желающіе добиться какого-нибудь смысла для нашего текста, считаютъ необходимымъ добавлять „κατὰ τὸ ἴσον“. Какой-нибудь переписчикъ ошибся строкою и „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“ явилось раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Во II-мъ же положеніи эти слова остались своимъ чередомъ. Съ такимъ текстомъ имѣлъ дѣло Θемистій, который, видя его безсмысленность, счелъ нужнымъ исключить сомнительное, по его мнѣнію, „ἢ κινεῖται“ въ I-мъ положеніи, оставивъ въ немъ „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“, а во II-мъ исключилъ „ὅταν ᾖ“, потому ли, что счелъ эти слова просто лишними для своей парафразы, подобно словамъ „ἐν τῷ νῦν“, которыя онъ тоже легкомысленно выбрасываетъ; или же „ὅταν ᾖ“ показалось ему подозрительнымъ во II-мъ положеніи въ виду того, что фраза съ „κατὰ τὸ ἴσον“ въ I-мъ положеніи начинается тѣми же словами. Впослѣдствіи, вѣроятно, именно такое соображеніе повело къ исключенію всего выраженія „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“ изъ II-го положенія, которое, могло казаться, и безъ этихъ словъ имѣло само по себѣ удовлетворительный смыслъ; и такимъ образомъ получился нашъ рукописный текстъ I-го и II-го положеній.

У Симплиція мы находимъ слѣды пользованія двумя редакціями, испорченною и старою, правильною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Симплицій имѣлъ въ виду и парафразу Θемистія, вліяніе которой выразилось въ опущеніи словъ „ὅταν ᾖ“ повсюду, гдѣ онъ передаетъ II-е положеніе (въ 3-хъ мѣстахъ).

Испорченнаго текста Симплицій держится въ томъ мѣстѣ, гдѣ приводитъ по пунктамъ безсвязно найденныя имъ у Аристотеля Зеноновы положенія (въ I-мъ положеніи „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“, а въ положеніи, соотвѣтствующемъ нашему II-му („ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστιν“), а въ слѣдующей затѣмъ парафразѣ и во второмъ изложеніи парадокса на f. 237 b. онъ, какъ будто, руководствовался текстомъ, гдѣ „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον“ было лишь во II-мъ положеніи. Особенное вниманіе, которое Симплицій оказываетъ тексту, считаемому нами испорченнымъ, предпосылая своей парафразѣ передачу его несовсѣмъ яснаго и связнаго содержанія, можетъ быть объяснено тѣмъ, что, вѣроятно, только этотъ испорченный текстъ да Θемистіева парафраза были подъ рукой у Симплиція въ то время, когда онъ писалъ свой пере-

сказъ физики Аристотеля. Но когда-нибудь раньше Симплицій имѣлъ случай прочитать Зеноновъ парадоксъ въ другомъ не испорченномъ текстѣ и не могъ уже на столько забыть основные пункты доказательства, чтобъ не сумѣть воспроизвести ихъ вполнѣ вѣрно, хотя бы своими словами въ парафразѣ, что онъ, по нашему мнѣнію, и сдѣлалъ вполнѣ удачно. Мы разумѣемъ парафразу на f. 236 b, изложеніе же парадокса на f. 237 b, какъ повтореніе уже сказаннаго и притомъ повтореніе не по иниціативѣ самого Симплиція, а лишь для того, чтобы воспроизвести такое же повтореніе у Аристотеля, не было столь важно, и потому сдѣлано было небрежнѣе. Тутъ мы видимъ во II-мъ положеніи и въ опровержепіи слѣды заимствованія изъ парафразы Θемистія.

Послѣ Симплиція мы не находимъ уже слѣдовъ отъ первоначальнаго чтенія (то-есть, безъ перестановки „ὅταν etc.“). Текстъ же, которымъ пользовался Θемистій (то-есть, съ повторяющимся въ I-мъ и II-мъ положеніяхъ „κατὰ τὸ ἴσον“) читался еще схоліастомъ codicis Regii. У него I-ое и II-ое положенія разъясняются такою парафразой: „(I) ἅπαν, φησὶν, ἐν τῷ ἑαυτοῦ τόπῳ ὑπάρχον ἢ ἠρεμεῖ ἢ κινεῖται, ἀδύνατον δὲ ἐν τῷ ἑαυτοῦ κινεῖσθαι, ἠρεμεῖ ἄρα, (II) τὸ τοίνον φερόμενον βέλος ἐν ἑκάστῳ τῷ νῦν τοῦ χρόνου, καθὸ κινεῖται ἐν τῷ ἑαυτοῦ τόπῳ ὑπάρχον ἠρεμήσει“. Послѣдніе слѣды того же чтенія находимъ въ cod. Laurent. 87, 7 (14-го вѣка) [1]), гдѣ во II-мъ положеніи послѣ „ἐν τῷ νῦν“ приписаны другою рукой слова „τῷ κατὰ τὸ ἴσον“, и въ латинскомъ переводѣ XV вѣка, принадлежащемъ Іоанну Аргиропилу Византійскому [2]), гдѣ мы читаемъ: „Zeno vero prave ratiotinatur, dicit enim, si semper omne quiescit, aut movetur, cum est in sibi aequali, id autem quod fertur est in sibi aequali spatio in ipso nunc semper. etc. [3])

[1]) См. у *Bandini*: Codex Graecus papyraceus Ms. in 4 maiori, saeculi XIV Ioannicii manu, ut videtur exaratus etc.

[2]) Іоаннъ Аргиропилъ пріѣхалъ въ Италію въ 1434 г. и жилъ сначала въ Падуѣ, потомъ съ 1456 г. во Флоренціи, а съ 1480 г. въ Римѣ.

[3]) Впрочемъ, остается подъ сомнѣніемъ, основывался ли переводъ Аргиропила и приписка упомянутаго кодекса на какомъ-нибудь древнемъ, не дошедшемъ до насъ кодексѣ, или же чтеніе съ „κατὰ τὸ ἴσον“ въ обоихъ положеніяхъ исчезло гораздо ранѣе, и о немъ свидѣтельствуютъ лишь разсмотрѣнныя нами древнія парафразы. Намъ неизвѣстно также, къ какому времени относится приписка Лаврепціанскаго кодекса, и потому мы не можемъ рѣшить, были ли независимы другъ отъ друга исправленное чтеніе этого кодекса и переводъ Аргиропила, исходя изъ общихъ, либо разныхъ древнихъ источниковъ; или же зависѣли

Что касается возстановляемаго нами въ концѣ II-го положенія „ἀχίνητον", то выпаденіе этого слова должно было случиться послѣ перестановки „ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον", такъ какъ „ἀχίνητον" было еще въ текстѣ, которымъ пользовался Симплицій, о чемъ свидѣтельствуетъ то, что во всѣхъ трехъ мѣстахъ Симплиція, касающихся нашего II-го положенія, мы находимъ выраженія вполнѣ однозначущія съ добавляемымъ нами. Важнѣе всего то мѣсто на f. 236 b, гдѣ приводятся по пунктамъ положенія Зенона. Нашему II-му положенію тутъ соотвѣтствуютъ двѣ фразы, изъ которыхъ первая „χαὶ ὅτι οὐδὲν ἐν τῷ χῦν χινεῖται" отвѣчаетъ приблизительно одной части нашего положенія „ἔστι δ'ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν... ἀχίνητον", а другая фраза „ναὶ ὅτι τὸ φερόμενον ἀεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστι χαθ' ἕχαστον νῦν" передаетъ содержимое въ остальной части нашего II-го положенія, то-есть, указываетъ причину постояннаго покоя въ настоящемъ времени. Расчлененіе II-го положенія на два и неправильное отнесеніе „ἀεί" къ словамъ „ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστι", а не къ „οὐδέν ἐν τῷ νῦν χινεῖται", объясняется ложнымъ пониманіемъ „ἐν τῷ νῦν" и желаніемъ разъяснить эти слова въ смыслѣ „χαθ' ἕχαστον νῦν".

Тѣ же, но только болѣе распространенныя, два положенія, соотвѣтствующія нашему II-му, находимъ въ парафразѣ, которая непосредственно слѣдуетъ за только-что приведенными словами: „ἐφχει συλλογίζεσθαι οὕτως· τὸ φερόμενον βέλος ἐν παντὶ τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστιν, ὥστε χαὶ ἐν παντὶ τῷ χρόνῳ (чему соотвѣтствуетъ выше „ἀεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστιν χαθ' ἕχαστον νῦν"), τὸ δὲ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ

одинъ отъ другаго, ибо возможно, что Аргиропилъ въ бытность свою во Флоренціи (1456—1480 гг.) пользовался упомянутымъ кодексомъ, и что въ то время въ немъ уже была приписка; или что приписка принадлежитъ самому Аргиропилу, почерпнувшему эту поправку изъ другаго источника; или же Аргиропилъ вовсе не имѣлъ въ рукахъ этого кодекса, и приписка принадлежитъ кому-нибудь другому, читавшему переводъ Аргиропила. Послѣднее предположеніе кажется намъ наиболѣе правдоподобнымъ. Еслибы приписка Лаврентіанскаго кодекса основывалась непосредственно на указанныхъ схоліяхъ, или на какомъ-нибудь не дошедшемъ до насъ текстѣ, сохранившемъ во II-мъ положеніи выраженіе со словами „κατὰ τὸ ἴσον", то мы ожидали бы послѣ „ἐν τῷ νῦν" возстановленіе именно этого выраженія (съ „ὅταν ᾖ" или безъ этихъ словъ); между тѣмъ въ Лаврентіанскомъ кодексѣ читается „ἐν τῷ νῦν τῷ κατὰ τὸ ἴσον". Появленіе „τῷ", никакимъ текстомъ не оправдываемаго, можетъ быть объяснено лишь предположеніемъ, что приписанныя слова были переводомъ латинскаго текста, а не прямымъ заимствованіемъ изъ греческаго.

ἴσον ἑαυτῷ ὂν οὐ κινεῖται· ἠρεμεῖ ἄρα, ἐπειδὴ μηδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, τὸ δὲ μὴ κινούμενον ἠρεμεῖ", (все это не что иное, какъ многословное развитіе мысли „ὅτι οὐδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται"). Далѣе слѣдуетъ заключительное положеніе, отвѣчающее, какъ мы видѣли, нашему I-му: „ἐπειδὴ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἠρεμεῖ".

Мы замѣчаемъ, что приведенная парафраза Симплиція по ходу разсужденія весьма близка къ нашему толкованію Аристотелева мѣста; вредитъ ей только излишнее многословіе автора да неправильное пониманіе „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν". Мы подставимъ эти слова вмѣсто ихъ парафразы „ἐν παντὶ τῷ νῦν" и заключимъ въ скобки нѣкоторыя, совершенно излишнія для смысла, разъяснительныя повторенія, и тогда будетъ очевидно, что построеніе парадокса въ этой парафразѣ Симплиція покоится на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя мы выяснили въ изслѣдованіи исторіи Аристотелева текста, и отличается отъ предложеннаго нами чтенія только размѣщеніемъ положеній.

II. a) τὸ φερόμενον βέλος ἀεὶ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστιν, ὥστε καὶ ἐν παντὶ τῷ χρόνῳ.
b) τὸ δὲ (ἐν τῷ νῦν) κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὂν οὐ κινεῖται, ἠρεμεῖ ἄρα (ἐπειδὴ μηδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, τὸ δὲ μὴ κινούμενον ἠρεμεῖ),

I. ἐπειδὴ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἠρεμεῖ,

III. τὸ ἄρα φερόμενον βέλος ἕως φέρεται ἠρεμεῖ κατὰ πάντα τὸν τῆς φορᾶς χρόνον.

Въ третьемъ мѣстѣ Симплиція на p. 237 b, гдѣ вторая часть II-го положенія читается: „τὸ δὲ ἀεὶ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὂν οὐ κινεῖται· ἠρεμεῖ ἄρα", также находимъ въ послѣднихъ словахъ передачу нашего „ἔστι... ἀκίνητον".

Наконецъ въ парафразѣ схоліаста codicis Regii II-е положеніе читается: „τὸ τοίνυν φερόμενον βέλος ἐν ἑκάστῳ τῷ νῦν τοῦ χρόνου, καθὸ κινεῖται ἐν τῷ ἑαυτοῦ τόπῳ ὑπάρχον ἠρεμήσει". Нашему „ἔστι... ἀκίνητον" здѣсь, очевидно, отвѣчаетъ „ἠρεμήσει".

Въ заключеніе для удобства провѣрки правильности нашего пользованія источниками помѣщаемъ здѣсь слѣдующую синоптическую таблицу всѣхъ текстовъ, относящихся къ нашей задачѣ.

			I-е положеніе.
239 b. 5 sqq.	Во всѣхъ рукописяхъ.	Ζήνων δὲ παραλογίζεται·	εἰ γὰρ ἀεί, φησίν, ἠρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται, ὅταν ηῖ κατὰ τὸ ἴσον,
	Въ cod F (Laur. 87.7), читая τωῖ κατὰ τὸ ἴσον, принадлежащее позднѣйшей рукѣ.	Ζήνων δὲ etc.	id.
	Въ переводѣ Іоанна Аргиропила Византійскаго.	Zeno vero prave ratiotinatur,	dicit enim, si semper omne quiescit aut movetur cum est in sibi aequali,
239 b. 30 sqq.		τρίτος δὲ (λόγος περὶ κινήσεως) ὁ νῦν ῥηθείς, ὅτι	
Themistius f. 55 b.		οὕτω καὶ ὁ Ζήνων παραλογίζεται·	εἰ γὰρ ἠρεμεῖ, φησίν, ἅπαντα, ὅταν ηῖ κατὰ τὸ ἴσον αὑτωῖ διάστημα,
Them. f. 56 a.			

II-е положеніе.	Заключеніе (III).	Опроверженіе Аристотеля (IV).
ι δ' ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν ῖ νῦν,	ἀκίνητον τὴν φερομένην εἶναι οἰστόν·	τοῦτο δ' ἐστὶ ψεῦδος· οὐ γὰρ σύγκειται ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν τῶν ἀδιαιρέτων, ὥσπερ οὐδ' ἄλλο μέγεθος οὐδέν.
ι δ' ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν ι νῦν τωῖ κατὰ τὸ ἴσον	id.	id.
autem quod fertur est sibi aequali spatio, ipso nunc semper	immobilem eam esse sagittam quae fertur etc.	id.
	ἡ οἰστὸς φερομένη ἕστηκεν·	συμβαίνει δὲ παρὰ τὸ λαμβάνειν τὸν χρόνον συγκεῖσθαι ἐκ τῶν νῦν, μὴ διδομένου δὲ τούτου οὐκ ἔσται ὁ συλλογισμός.
δὲ ἀεὶ τὸ φερόμενον κ τὸ ἴσον ἑαυτωῖ διάμα,	ἀκίνητον ἀνάγκη τὴν οἰστὸν εἶναι τὴν φερομένην·	τοῦτο δὲ ψεῦδος· οὐ γὰρ ἀεὶ τὸ φερόμενον κατὰ τὸ ἴσον διάστημα, μᾶλλον δὲ οὐδὲ ὅλως ἐν χρόνωι ἐστίν, ἀλλ' ἐν τωῖ νῦν μόνον, καθὰ προείρηται· οὐ σύγκειται δὲ ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν, οὔτε ἐντελεχείαι τὰ νῦν ὑπάρχει, οὐδὲ μόριον ὅλως τοῦ χρόνου νῦν, ὥσπερ οὐδὲ ἄλλο τοῦ συνεχοῦς ἀμερές τε καὶ ἀδιαίρετον μόριον.
μὲν γὰρ ἕκαστον τῶν μένων ἐν τωῖ νῦν τὸ ἑαυτωῖ κατέχει τημα,		ἀλλ' οὐ σύγκειται ἐκ τῶν νῦν ὁ χρόνος οὔτε εἰς τὰ νῦν διαιρεῖται, μὴ συγχωρουμένου δὲ τούτου οὐ πρόεισιν ὁ συλλογισμός.

		I-е положеніе.
Simplicius f. 236 b.	ὁ δὲ Ζήνωνος λόγος προλαβών. ἐῴκει συλλογίζεσθαι οὕτως·	ὅτι πᾶν, ὅταν ηἶ κατὰ ἶσον ἑαυτωῖ, ἢ κινεῖτα ἠρεμεῖ, τὸ δὲ μὴ κινούμενον ἠρε· ἐπειδὴ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἠ μεῖ.
Simpl. f. 237 b.		εἴπερ ἀνάγκη πᾶν ἢ κιν σθαι ἢ ἠρεμεῖν.
Schol. Cod. Reg. 1853 ad. l.	Ζήνων δὲ παραλογίζεται·	ἅπαν, φησίν, ἐν τωῖ ἑαυ τόπωι ὑπάρχον ἢ [illegible] κινεῖται, ἀδύνατον δὲ ἐν ἑαυτοῦ κινεῖσθαι, ἠρεμεῖ [illegible]

II-е положеніе.	Заключеніе (III).	Опроверженіе Аристотеля (IV).
ι ὅτι οὐδὲν ἐν τωῖ νῦν νεῖται, καὶ ὅτι τὸ φερό- νον ἀεὶ ἐν τωῖ ἴσωι τωῖ ἐστιν καθ' ἕκαστον ', φερόμενον βέλος ἐν παντὶ ι νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυ- ῖ ἐστιν, ὥστε καὶ ἐν ντὶ τωῖ χρόνωι, τὸ δὲ ἐν ῖ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυ- ῖ ὂν οὐ κινεῖται, ἠρε- ῖ ἄρα, ἐπειδὴ μηδὲν ἐν ῖ νῦν κινεῖται,	τὸ ἄρα φερόμενον βέλος ἕως φέρεται ἠρεμεῖ κατὰ πάντα τὸν τῆς φορᾶς χρόνον.	οὗ τί ἂν εἴη παραδοξότερον;... ὁ Ζήνωνος λόγος ὡς ἐκ τῶν νῦν συγκειμένου τοῦ χρόνου τὴν ἀπορίαν ἐκίνησεν· ὡς εἴγε μὴ τοῦτο δοθείη αὐτωῖ, οὐκ ἔστιν ἀληθὲς ὅτι ἔστιν ἀεὶ ἐν τωῖ ἴσωι τὸ φερόμενον.
δὲ φερόμενον ἀεὶ κατὰ ἴσον ἑαυτωῖ ἐστι, τὸ ἀεὶ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτωῖ οὐ κινεῖται·	ἠρεμεῖ ἄρα.	ψεῦδος δὲ λαμβάνει ὁ λόγος οὗτος ὅτι ἀεὶ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτωῖ ἐστι τὸ φερόμενον· δέδεικται γὰρ ὅτι ἐν τωῖ νῦν μόνωι κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτωῖ ἐστιν, καὶ τοῦτο μὲν συγχωρεῖ, οὐκ ἐννοεῖ δὲ ὅτι ἐν τωῖ νῦν οὐδὲν οὔτε ἠρεμεῖ οὔτε κινεῖται.
τοίνυν φερόμενον βέλος ἑκάστωι τωῖ νῦν τοῦ χρό- ι, καθὸ κινεῖται, ἐν τωῖ υτοῦ τόπωι ὑπάρχον εμήσει, εἰ δὲ ἐν πᾶσι ς τοῦ χρόνου νῦν ἀπεί- ; οὖσιν ἠρεμεῖ, καὶ ἐν ντὶ ἠρεμήσει.	ἀλλ' ὑπόκειται κινούμενον. τὸ βέλος ἄρα κινούμενον ἠρεμήσει.	

В. Святковскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЪ-ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

Министерскія распоряженія.

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ОБЩЕЙ ФИЗИКѢ“,

который будетъ выходить съ Апрѣля ежемѣсячно по 2 печатныхъ листа

Цѣль редакціи собрать весь матерьялъ по физикѣ, въ видѣ научныхъ выводовъ въ разработкѣ каждаго отдѣла ея спеціалистами, такъ чтобы со временемъ это изданіе составило энциклопедію предмета, расположенную въ систематическомъ порядкѣ.

Въ дополненіе къ этому будетъ издаваться „Ежегодникъ“, въ который войдутъ: Списокъ профессоровъ физики въ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеній Европы. Хроника изобрѣтеній и изслѣдованій. Библіографія статей, помѣщенныхъ въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ. Списокъ привилегій. Адресъ-календарь наиболѣе извѣстныхъ въ Россіи и заграницей физико-механическихъ мастерскихъ.

Въ текущемъ году выйдутъ: **Астрономическія данныя**, въ примѣненіи ихъ къ физикѣ, *А. М. Жданова*, проф. С.-Петербургскаго университета; **Гальваническіе элементы** *С. Н. Степанова*, ред. журнала „Электричество“; **Метрологія и сравнительныя таблицы мѣръ** *А. Д. Путяты*, члена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.; **Цвѣтовыя явленія** *Б. Ю. Кольбе*; **Фотографія** *В. И. Срезневскаго*, секретаря Имп. Русск. Техн. Общ.; **Воздухоплаваніе** *А. М. Кованько*, дѣлопроизвод. Воздухоплават. парка.

Годовая цѣна изданія съ Ежегодникомъ 5 руб.
Съ доставкою . . . . 5 руб. 50 к.
Съ пересылкою . . . . 6 руб.

Подписка принимается въ **конторѣ Редакціи** (Англійскій пр., № 29), въ книжныхъ магазинахъ въ **Петербургѣ**: „Новое Время“, Цинзерлинга, Риккера, Панафидина. Карбасникова, Стасюлевича, Тяпкина, Мелье; въ **Москвѣ**: „Новое Время“; въ **Варшавѣ**—Карбасникова; въ **Одессѣ**—Распопова; въ **Казани**—Дубровина; въ **Кіевѣ**—Оглоблина; въ **Вильнѣ**—Сыркина; въ **Харьковѣ**—Полуэхтова.

Редакція „Справочной книжки по общей физикѣ“, поставивъ цѣлью включить въ свой „Ежегодникъ“ именной списокъ гг. профессоровъ и приватъ-доцентовъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также наблюдателей физическихъ обсерваторій Европы, съ указаніемъ на читаемые ими курсы, имѣетъ честь обратиться съ покорнѣйшею просьбой доставить ей къ іюню мѣсяцу сего года отвѣты на слѣдующіе вопросы:

Имя, отчество, фамилія, чинъ, ученая степень, занимаемое мѣсто (профессоръ, приватъ-доцентъ, лаборантъ или наблюдатель)?

Какую часть физики читаетъ; сколько означенное лицо имѣетъ недѣльныхъ лекцій и какого рода производитъ наблюденія?

Какія практическія работы были произведены и предприняты въ истекшемъ году, и кѣмъ именно, въ физическомъ кабинетѣ учрежденія?

Съ какого года существуетъ каѳедра физики, или обсерваторія?

Кромѣ того, редакція покорнѣйше проситъ дать, если возможно, полный списокъ всѣхъ печатныхъ работъ по физикѣ отдѣльныхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, а также списокъ всѣхъ докторскихъ диссертацій, признанныхъ учрежденіемъ за все время своего существованія.

Такъ какъ отъ полноты собраннаго матерьяла будетъ зависѣть степень общаго интереса изданія, то редакція „Ежегодника“ льститъ себя надеждою на сочувственное содѣйствіе достиженію поставленной ею цѣли со стороны каждаго отдѣльнаго учрежденія, преслѣдующаго развитіе физическихъ знаній.

Со своей стороны редакція можетъ обѣщать добросовѣстный трудъ по группировкѣ доставленныхъ ей данныхъ, а также и современный выпускъ „Ежегодника“ къ августу мѣсяцу сего 1888 года.

Редакторъ-издатель **А. ИЛЬИНЪ**.

ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНІЯ ТИПОГРАФІИ В. С. БАЛАШЕВА.

(Спб. Екатерининскій каналъ, соб. домъ № 78).

I. Строительная памятная книжка. Составилъ В. Карловичъ. Изящное изданіе въ переплетѣ. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

II. Малорусскій театръ М. П. Старицкаго. В. А. Кендзерскаго. Спб. Цѣна 50 к.

III. Вѣнчаніе Русскихъ Самодержевъ. Церковный обрядъ Коронованія и подробное описаніе трехъ коронацій нынѣшняго столѣтія. Н. Л. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

IV. И. А. Чанцевъ. **Скобелевъ какъ полководецъ.** 1880—1881. Историческій очеркъ. Съ портретомъ, факсимиле, письмами и рѣчами Скобелева. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

V. Очеркъ Николаевскаго уѣзда (Самарской губерніи), въ статистическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. Составилъ Иванъ Липинъ. Цѣна 1 р.

VI. Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра—Освободителя. Составилъ А. П. Сафоновъ. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

VII. Сочиненія Николая Ивановича Павлищева:

Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украйну. Изслѣдованіе. Въ 3 частяхъ. Цѣна за 3 тома 6 р. съ пересылкою. Тт. I, II, III.

Седмицы польскаго мятежа 1861—1864. Историческая монографія. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 3 р. съ пересылою. Тт. IV и V.

VIII. П. А. Матвѣевъ. **Болгарія послѣ Берлинскаго Конгресса.** Историческій очеркъ. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

IX. С. Каратаевъ. **Библіографія финансовъ, промышленности и торговли** со времени Петра Великаго по настоящее время. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

X. Русскіе въ Берлинѣ. П. Я. Бугайскаго. Цѣна 20 к. съ пересылкою.

Для подписчиковъ на Журналъ Мин. Нар. Просв. дѣлается на каждое изъ десяти поименованныхъ изданій типографія В. С. Балашева скидка 50% (пятьдесятъ процент).

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи Журнала Мин. Нар. Просв. — С.-Петербургъ, Троицкій пер. д. 13, каковая контора поименованныя требованія имѣетъ обращать въ типографію В. С. Балашева.

Календарь и справочная книжка для юристовъ на 1888 г. Цѣна 1 р.

ИЗДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, ВЫШЕДШІЯ ВЪ СВѢТЪ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ пятьдесятъ второй, книжка 1-ая. 1886. (*Содержаніе*: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1885 годъ, составленный Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ и читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1885 года. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1885 годъ, составленный Академикомъ А. Н. Веселовскимъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1885 года. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ 1 января 1886 года. — Списокъ изданій Императорской Академіи Наукъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1-го января по 31-го декабря 1885 г. — Объ экспедиціи, снаряженной Императорской Академіей Наукъ на Новосибирскіе острова и въ Приянскій край. Рѣчь Академика Л. И. Шренка, 29-го декабря 1885 г. — Предложенная Академіею задача о русскихъ повременныхъ изданіяхъ первой половины нынѣшняго столѣтія. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи съ января по декабрь 1885 г. — *Приложенія*: № 1. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1883 и 1884 годы. Представленъ Физико-Математическому Отдѣленію Академіи Наукъ 9 апрѣля 1885 г. Директоромъ Г. Вильдомъ. — № 2. О нѣкоторыхъ приложеніяхъ общихъ функцій Бернулли. В. Г. Имшенецкаго).

Цѣна книжки: 1 руб. 25 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно: № 1.., — » 60 »

№ 2... — » 15 »

—— Томъ пятьдесятъ второй, книжка 2-ая. 1886. (*Содержаніе:* Фотографія въ примѣненіи къ астрономіи. О. Струве. — Объ одномъ видоизмѣненіи функціи $E(f(x))$ и о приложеніи измѣненнаго пріёма къ изслѣдованію нѣкоторыхъ свойствъ квадратичныхъ и неквадратичныхъ вычетовъ простыхъ чиселъ вида $4k+1$. Академика В. Я. Буняковскаго. — Объ окончаніяхъ Ремаковскихъ волоконъ въ мышицахъ лягушки. Людмилы Соллогубъ. Съ рисункомъ. — Археологическія изысканія и открытія д-ра Пояркова близь Токмака. Статья Н. Ядринцева. — Положеніе о завѣдываніи Азіятскимъ музеемъ Императорской Академіи Наукъ и о пользованіи имъ со стороны академиковъ и постороннихъ лицъ. — *Приложенія:* № 3. Очеркъ ихтіологической фауны Казанской губ. Н. Варпаховскаго, кандидата естественныхъ наукъ. Съ одной картой. — № 4. Мужской половой аппаратъ чешуекрылыхъ, сравнительно-анатомическое изслѣдованіе Н. Холодковскаго. Съ 5 таблицами рисунковъ. — № 5. Матеріалы къ познанію эмбріональнаго развитія Araneina. Владиміра Шимкевича. Съ двумя таблицами).

Цѣна книжки: 2 руб. 5 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 3... — » 45 »
№ 4... — » 90 »
№ 5... — » 50 »

—— Томъ пятьдесятъ третій, книжка 1-ая. 1886. (*Содержаніе:* Къ аномаліямъ перваго шейнаго позвонка человѣка. Д-ра А. Фортунатова. Съ 2 рисунками. — Памяти почетнаго члена Академіи Абиха. Записка Адъюнкта А. П. Карпинскаго. — О преміяхъ таврическаго дворянства, предлагаемыхъ за сочиненія по исторіи русскаго дворянства. — Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за февраль, мартъ, апрѣль и май 1886 года. — *Приложенія:* № 1. Временные барометрическіе максимумы въ Европѣ. П. И. Броунова. Съ 2 чертежами и 16 картами. — № 2. Отчетъ о первомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго).

Цѣна книжки: 2 руб. 5 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 1... — » 75 »
№ 2... 1 » 10 »

—— Томъ пятьдесятъ третій, книжка 2-ая. 1886. (*Содержаніе:* Рыбы озера Ильменя и рѣки Волхова, Новгородской губерніи. Н. Варпаховскаго. Съ рисункомъ. — Правила о преміяхъ А. С. Пушкина. — *Приложенія:* № 3. Литовскій катихизисъ Н. Даукши. По изданію 1595 г., вновь перепечатанный и снабженный объясненіями Э. Вольтеромъ. — № 4. Отчетъ о двадцать восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова).

Цѣна книжки: 1 руб. 60 коп.
Цѣна приложенія № 4 отдѣльно: — » 60 »

——— Томъ пятьдесятъ четвертый. 1887. (*Содержаніе:* Обзоръ млекопитающихъ животныхъ долины рѣки Малки. К. Н. Россикова. — О снимкѣ съ китайской надписи, полученномъ Академіею отъ россійскаго консула въ Кашгарѣ г. Петровскаго. Донесеніе Академика В. П. Васильева. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1886 года. — *Приложенія:* № 1. Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Графа Д. А. Толстаго. — № 2. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій. Я. К. Грота. — № 3. О соотношеніяхъ между раздраженіемъ и возбужденіемъ при тетанусѣ. Н. Е. Введенскаго. Съ 13 таблицами. — № 4. Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія (по поводу книги П. Н. Петрова «Исторія родовъ Русскаго дворянства»). Александра Барсукова. — № 5. Грозы въ Россіи за 1884 годъ. А. Шенрока. Съ 1 чертежемъ).

Цѣна книжки:	4	руб.	20	коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 1...	—	»	90	»
№ 2...	—	»	40	»
№ 3...	1	»	65	»
№ 4...	—	»	50	»
№ 5...	—	»	20	»

——— Томъ пятьдесятъ пятый, книжка 1-ая. 1887. (*Содержаніе:* Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1886 годъ, составленный и читанный Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ публичномъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1886 года. (Съ приложеніемъ изображенія медали Н. М. Пржевальскаго). — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1886 г., составленный Академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1886 года.—Личный составъ Императорской Академіи Наукъ.— Новые виды птицъ центральной Азіи. Статья почетнаго члена Академіи Н. М. Пржевальскаго. — *Приложенія:* № 1. Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. Д. З. Бакрадзе, члена-корреспондента Академіи Наукъ. — № 2. Объ интегральныхъ вычетахъ, доставляющихъ приближенныя величины интеграловъ. П. Чебышева. — № 3. Присужденіе премій имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго въ 1886 году. — № 4. Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 19 апрѣля 1886 года, въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія В. Н. Татищева. (Съ приложеніемъ портрета В. Н. Татищева). — № 5. Замѣтка

—— Томъ пятьдесятъ второй, книжка 2-ая. 1886. (*Содержаніе:* Фотографія въ примѣненіи къ астрономіи. О. Струве. — Объ одномъ видоизмѣненіи функціи $E(f(x))$ и о приложеніи измѣненнаго пріёма къ изслѣдованію нѣкоторыхъ свойствъ квадратичныхъ и неквадратичныхъ вычетовъ простыхъ чиселъ вида $4k+1$. Академика В. Я. Буняковскаго. — Объ окончаніяхъ Ремаковскихъ волоконъ въ мышцахъ лягушки. Людмилы Соллогубъ. Съ рисункомъ. — Археологическія изысканія и открытія д-ра Пояркова близь Токмака. Статья Н. Ядринцева. — Положеніе о завѣдываніи Азіятскимъ музеемъ Императорской Академіи Наукъ и о пользованіи имъ со стороны академиковъ и постороннихъ лицъ. — *Приложенія:* № 3. Очеркъ ихтіологической фауны Казанской губ. Н. Варпаховскаго, кандидата естественныхъ наукъ. Съ одной картой. — № 4. Мужской половой аппаратъ чешуекрылыхъ, сравнительно-анатомическое изслѣдованіе Н. Холодковскаго. Съ 5 таблицами рисунковъ. — № 5. Матеріалы къ познанію эмбріональнаго развитія Araneina. Владиміра Шимкевича. Съ двумя таблицами).

Цѣна книжки:	2 руб.	5 коп.		
Цѣна приложеній отдѣльно:	№ 3...	—	»	45 »
	№ 4...	—	»	90 »
	№ 5...	—	»	50 »

—— Томъ пятьдесятъ третій, книжка 1-ая. 1886. (*Содержаніе:* Къ аномаліямъ перваго шейнаго позвонка человѣка. Д-ра А. Фортунатова. Съ 2 рисунками. — Памяти почетнаго члена Академіи Абиха. Записка Адъюнкта А. П. Карпинскаго. — О преміяхъ таврическаго дворянства, предлагаемыхъ за сочиненія по исторіи русскаго дворянства. — Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за февраль, мартъ, апрѣль и май 1886 года. — *Приложенія:* № 1. Временные барометрическіе максимумы въ Европѣ. П. И. Броунова. Съ 2 чертежами и 16 картами. — № 2. Отчетъ о первомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго).

Цѣна книжки:	2 руб.	5 коп.		
Цѣна приложеній отдѣльно:	№ 1...	—	»	75 »
[illegible]	[illegible]		»	10 »

—— Томъ пятьдесятъ тре[illegible], книжка [illegible] (Со[illegible]держаніе: Рыбы озера Ильменя и рѣки Во[illegible], Новг[illegible] Н. Варпаховскаго. Съ рисунко[illegible] — Прави[illegible] Пушкина. — *Приложенія:* № [illegible] [illegible]кши. По изданію 1595 г., вновь [illegible] объясненіями Э. [illegible]льтеромъ. — [illegible] восьмомъ присужден[illegible] градъ граф[illegible]

[illegible]: 1 руб. 60 коп.
[illegible]но: — » 60 »

млекопитающих ... кова. — ...

отъ россійскаи ...

Академік ...

даніи академ ...

Приложенъ ...

источниковъ ...

...

...о
...ое
... —
...соты
...выхъ
... 70 коп.

...одержаніе:
... и горизон-
... Лауренти,
... облачности (съ
...номъ ходѣ и о
...нетизма въ Пав-
..., съ августа 1882
... Г. Вильда, Но-
...ературы воздуха. —
...торами со стрѣлками

объ одной формулѣ, относящейся къ Теоріи Чиселъ. Академика В. Я. Буняковскаго).

Цѣна книжки: 1 руб. 55 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 1...— » 20 »
№ 2...— » 20 »
№ 3...— » 20 »
№ 4...— » 45 »
№ 5...— » 10 »

—— Томъ пятьдесятъ пятый, книжка 2-ая. 1887. (*Содержаніе:* О движеніи поверхности, прикасающейся къ другой поверхности, неподвижной. Д. Бобылева. — Замѣтки по Буддизму. Академика В. П. Васильева. — Климатъ Енисейска по двѣнадцатилѣтнимъ наблюденіямъ 1871—1883 гг. М. Маркса. — О предстоящемъ соисканіи наградъ графа Уварова. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль и мартъ 1887 года. — *Приложенія:* № 6. О двухъ теоремахъ относительно вѣроятностей. П. А. Чебышева. — № 7. Развитіе палочекъ, колбочекъ и наружнаго ядернаго слоя въ сѣтчаткѣ зародыша человѣка. І. Костенича. (Съ одной таблицей). — № 8. Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. А. П. Карпинскаго. (Съ одною картою). — № 9. Общій способъ нахожденія раціональныхъ дробныхъ частныхъ интеграловъ линейныхъ уравненій съ раціональными коэффиціентами. В. Г. Имшенецкаго. — № 10. Къ вопросу объ опредѣленіи истинной температуры и влажности воздуха. Р. П. Савельева).

Цѣна книжки: 1 руб. 70 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 6...— » 10 »
№ 7...— » 40 »
№ 8...— » 40 »
№ 9...— » 15 »
№ 10...— » 25 »

—— Томъ пятьдесятъ шестой, книжка 1. 1887. (*Содержаніе:* О преміяхъ почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ генерала-отъ-инфантеріи Өедора Өедоровича Шуберта. — Правила о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь. — Собраніе портретовъ въ Императорской Академіи Наукъ. — О новыхъ открытіяхъ въ области низшихъ кэмбрійскихъ образованій въ Эстляндіи. Докладъ Академика Ө. Б. Шмидта Физико-Математическому Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, читанный въ засѣданіи 13-го октября 1887 года. — *Приложеніе:* № 1. Критическій обзоръ млекопитающихъ и птицъ Кольскаго полуострова. Ө. Д. Плеске, ученаго хранителя Зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ).

Цѣна книжки: 2 руб. 20 коп.
Цѣна приложенія отдѣльно: 2 » 10 »

Библіографія русская историческая. Годъ десятый, 1864. 1884.
Цѣна 1 руб. 80 коп.

Метеорологическій Сборникъ, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціею д-ра Г. И. Вильда. Томъ IX. Съ 4 таблицами и 13 картами. 1885. (*Содержаніе:* № 1. М. Рыкачева, Магнитныя наблюденія, произведенныя въ Каспійскомъ морѣ лѣтомъ 1881 года. Съ 2 таблицами.—№ 2. П. Броунова, О годовомъ ходѣ температурныхъ аномалій въ европейскихъ циклонахъ. Съ 1 таблицею.—№ 3. Р. Бергмана, О надежности показаній волосного гигрометра, по наблюденіямъ, производимымъ на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ.—№ 4. А. Тилло, Результаты опредѣленій горизонтальнаго земнаго магнетизма, по наблюденіямъ Ивана Николаевича Смирнова, произведеннымъ на пространствѣ Европейской Россіи въ 1872—1878 гг.— № 5. А. Тилло, Изслѣдованіе о географическомъ распредѣленіи и вѣковомъ измѣненіи силы земнаго магнетизма на пространствѣ Европейской Россіи (съ 3 картами).—№ 6. М. Рыкачева, Новыя магнитныя карты Каспійскаго моря. Съ 3 картами.— № 7. І. Шпиндлера, Распредѣленіе вѣтровъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Съ 6 картами.—№ 8. А. Шепрока, О малыхъ неправильныхъ колебаніяхъ барометра. Съ 1 таблицею.—№ 9. Г. Вильда, Вліяніе качествъ и установки дождемѣра на его показанія. — № 10. Г. Вильда, Годовой отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1883 и 1884 гг. — *Мелкія сообщенія:* 1) Э. Лейста, Изслѣдованія надъ горизонтальнымъ напряженіемъ земнаго магнетизма въ окрестностяхъ Павловской Обсерваторіи. Съ одною картою.— 2) Б. Срезневскаго, Барометрическое опредѣленіе высоты Онежскаго озера надъ уровнемъ моря. — 3) Р. Бергмана, Барометрическое опредѣленіе высоты Ладожскаго озера надъ уровнемъ моря. — 4) Г. Вильда, Замѣчанія о барометрическомъ опредѣленіи высоты Ладожскаго озера.— 5) Э. Штеллинга, Повѣрка Робинзоновыхъ анемометровъ при большихъ скоростяхъ). Цѣна тома 5 руб. 70 коп.

——— Томъ X. Съ 14 таблицами и 29 картами. 1887. (*Содержаніе:* № 1. И. Мильберга, Объ абсолютномъ опредѣленіи горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма.—№ 2. Р. Лауренти, О личной погрѣшности при опредѣленіи степени облачности (съ 1 таблицею). — № 3. П. Мюллера, О нормальномъ ходѣ и о возмущеніяхъ въ ходѣ элементовъ земнаго магнетизма въ Павловскѣ во время дѣйствій полярныхъ экспедицій, съ августа 1882 до августа 1883 г. (съ 10 таблицами). — № 4. Г. Вильда, Новые опыты по опредѣленію истинной температуры воздуха. — № 5. Э. Лейста, Изслѣдованія надъ инклинаторами со стрѣлками

(съ 2 таблицами).—№ 6. А. Шепрока, Грозы въ Россіи въ 1884 г. (съ 1 таблицею). — № 7. А. Тилло, Горизонтальное напряженіе земнаго магнетизма въ сѣверной Сибири (съ 1 картою). — № 8. П. Броунова, Пути антициклоновъ въ Европѣ. (Съ 16 картами).—№ 9. Б. Срезневскаго, Пути циклоновъ въ Россіи за 1881 — 1883 гг. — № 10. Г. Вильда, Дальнѣйшія изслѣдованія по опредѣленію истинной температуры воздуха. — № 11. Э. Лейста, Погрѣшность въ опредѣленіи продолжительности качанія магнита, и вліяніе ея на абсолютное опредѣленіе горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. — № 12. Г. Вильда, Годовой отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1885 и 1886 гг. — *Мелкія сообщенія:* 1) К. Лауренти, О кажущемся сплюснутомъ видѣ небеснаго свода и пр. — 2) Б. Срезневскаго, Упрощенныя гипсометрическія таблицы. — 3) Р. Бергмана, Наблюденія надъ погодою, произведенныя діакономъ Истоминымъ въ Ишмѣ).

Цѣна тома 6 руб. 45 коп.

Вильдъ, Г. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1885 и 1886 годы. 1887. Цѣна 80 коп.

Вольтеръ, Э. А. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года. 1887. Цѣна 80 коп.

Дубровинъ, Н. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I. (Съ 1807—1829 годъ). 1883. Цѣна 2 руб.

——— Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, реляціи и донесенія. Томъ первый. 1775 — 1777 гг. 1885.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

——— Томъ второй. 1778 г. 1885. Цѣна 3 руб. 60 коп.

——— Томъ третій. 1779 — 1780 гг. 1887. Цѣна 3 руб.

Калачовъ, Н. В. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Томъ II. Годъ 1712-й. Книга 1 (январь — іюль). 1882. Цѣна 2 руб.

——— Томъ II. Годъ 1712-й. Книга 2 (іюль — декабрь). 1883.

Цѣна 2 руб.

Доклады и приговоры ..... подъ редакціею **Н. Ѳ. Дубровина.** Томъ III. Годъ 1713-й. Книга 1 (январь — іюнь). 1887. Цѣна 2 руб.

Цѣна I-го тома, вышедшаго въ свѣтъ въ 1880 году: 2 »

Отчетъ о двадцать восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1886. Цѣна 60 коп.

Радловъ, В. В. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ. Часть V. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. 1885.

Цѣна 2 руб. 40 коп.

Радловъ, В. В. Часть VI. Нарѣчіе Таранчей. 1886. Цѣна 90 коп.

Рыкачевъ, М. Вскрытія и замерзанія водъ въ Россійской Имперіи. Съ 3 картами. 1886. Цѣна 3 руб. 50 коп

(Собраніе). Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22-го ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. 1887. Цѣна 20 коп

Стебницкій, І. И. О фигурѣ земли. 1887. Цѣна 10 коп.

Толстой, графъ Д. А. Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. 1885.

Цѣна 45 коп.

—— Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. 1885. Цѣна 30 коп.

—— Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. 1886. Цѣна 90 коп.

Шренкъ, Л. Объ инородцахъ Амурскаго края. Томъ первый. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. Съ картою, 3-мя лит. и 5-ю фототип. таблицами. 1883.

Цѣна 4 руб. 75 коп.

Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, VIIe Série, tome XXXIV.

—— № 1. Alexander Stuckenberg. Materialien zur Kenntniss der Fauna der devonischen Ablagerungen Sibiriens. Mit 4 Tafeln. 1886. Цѣна 40 коп.

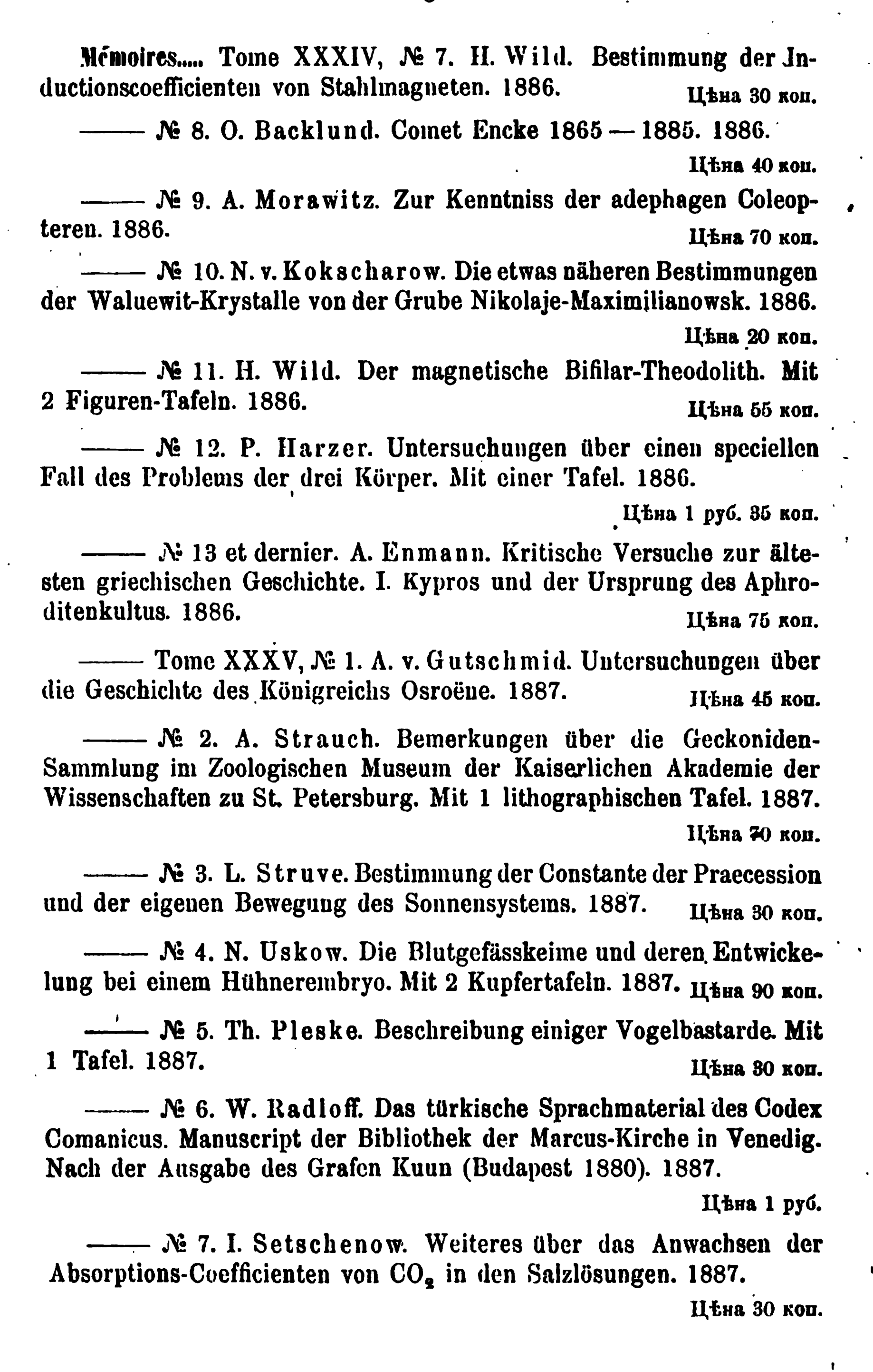
—— № 2. Magnus Nyrén. Untersuchung der Repsold'schen Theilung des Pulkowaer Verticalkreises nebst Auseinandersetzung der angewandten Untersuchungsmethode. 1886. Цѣна 80 коп.

—— № 3. J. Setschenow. Ueber die Absorptions-coefficienten der Kohlensäure in den zu diesem Gase indifferenten Salzlösungen Mit 1 Tafel. 1886. Цѣна 35 коп

—— № 4. D. Chwolson. Syrische Grabinschriften aus Semirjetschie. Mit 1 Tafel. 1886. Цѣна 60 коп.

—— № 5. Hermann Struve. Ueber die allgemeine Beugungsfigur in Fernröhren. 1886. Цѣна 20 коп.

—— № 6. A. Struve. Ueber die Schichtenfolge in den Carbonablagerungen im südlichen Theil des Moskauer Kohlenbeckens. Mit 1 Karte. 1886. Цѣна 1 руб. 15 коп.

Mémoires..... Tome XXXIV, № 7. H. Wild. Bestimmung der Inductionscoefficienten von Stahlmagneten. 1886. Цѣна 30 коп.

—— № 8. O. Backlund. Comet Encke 1865—1885. 1886. Цѣна 40 коп.

—— № 9. A. Morawitz. Zur Kenntniss der adephagen Coleopteren. 1886. Цѣна 70 коп.

—— № 10. N. v. Kokscharow. Die etwas näheren Bestimmungen der Waluewit-Krystalle von der Grube Nikolaje-Maximilianowsk. 1886. Цѣна 20 коп.

—— № 11. H. Wild. Der magnetische Bifilar-Theodolith. Mit 2 Figuren-Tafeln. 1886. Цѣна 55 коп.

—— № 12. P. Harzer. Untersuchungen über einen speciellen Fall des Problems der drei Körper. Mit einer Tafel. 1886. Цѣна 1 руб. 35 коп.

—— № 13 et dernier. A. Enmann. Kritische Versuche zur ältesten griechischen Geschichte. I. Kypros und der Ursprung des Aphroditenkultus. 1886. Цѣна 75 коп.

—— Tome XXXV, № 1. A. v. Gutschmid. Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne. 1887. Цѣна 45 коп.

—— № 2. A. Strauch. Bemerkungen über die Geckoniden-Sammlung im Zoologischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Mit 1 lithographischen Tafel. 1887. Цѣна 70 коп.

—— № 3. L. Struve. Bestimmung der Constante der Praecession und der eigenen Bewegung des Sonnensystems. 1887. Цѣна 30 коп.

—— № 4. N. Uskow. Die Blutgefässkeime und deren Entwickelung bei einem Hühnerembryo. Mit 2 Kupfertafeln. 1887. Цѣна 90 коп.

—— № 5. Th. Pleske. Beschreibung einiger Vogelbastarde. Mit 1 Tafel. 1887. Цѣна 30 коп.

—— № 6. W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest 1880). 1887. Цѣна 1 руб.

—— № 7. I. Setschenow. Weiteres über das Anwachsen der Absorptions-Coefficienten von CO_2 in den Salzlösungen. 1887. Цѣна 30 коп.

Mémoires..... Tome XXXV, № 8. E. Büchner. Zur Geschichte der kaukasischen Ture (Capra caucasica Güld. und Capra cylindricornis Blyth.) Mit 2 phototypischen Tafeln. 1887. Цѣна 60 коп.

——— № 9. G. Tamman. Die Dampftensionen der Lösungen. Mit 5 Tafeln. 1887. Цѣна 1 руб. 75 коп.

——— № 10 et dernier. J. Woldřich. Diluviale europäisch-nordasiatische Säugethierfauna und ihre Beziehungen zum Menschen. Mit Benutzung hinterlassener Manuscripte des Akademikers Geheimrathes Dr. Joh. Fried. Brandt bearbeitet und mit Zusätzen versehen von......1887. Цѣна 1 руб. 40 коп.

Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XXX. Avril 1885 — juillet 1886. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, V. Bianchi, M. Bogdanow, A. Bonsdorff, Al. Bunge, A. Famintzin, A. Gorloff, B. Hasselberg, A. Kessler, S. Kolotow, A. Krakau, E. Leyst, P. A. Muller, A. Nadéjdine, A. Nauck, A. Nikolski, M. Nyrén, K. Pogosheff, D. S. Przybytek, W. Radloff, F. Schmidt, O. Struve, A. Tarenetzky, Al. v. Tillo, J.-S. et M.-N. Vaněček, N. Warpachowsky, W. Welikij, H. Wild, Th. Wittram).

——— Tome XXXI. Avril 1886 — avril 1887. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, V. Bianchi, O. Chwolson, B. Imchénetsky, Imchénetzky et Bouniakowsky, A. Karpinsky, N. Katanoff, N. de Kokcharoff, C. J. Maximowicz, A. Nauck, W. Radloff, B. Rizza et A. Boutléroff, C. Salemann, Carl Schmidt, O. Struve, N. Warpachowsky, J. Wiedemann, Č. Zahálka).

Mélanges mathématiques et astronomiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome VI, livraison 3. 1885. (*Contenu:* O. Backlund. Ueber die Anwendung einer von P. Tschebyschew vorgeschlagenen Interpolationsmethode. — V. Bouniakowsky. Démonstration de quelques propositions relatives à la fonction numérique $E(x)$. *Article 4me*. — O. Backlund. Elemente und Ephemeride des Encke'schen Cometen für die Erscheinung 1884—1885. — Th. Wittram. Zur Berechnung der speciellen Störungen der kleinen Planeten). Цѣна 30 коп.

——— Tome VI, livraison 4. 1886. (*Contenu:* J. S. et M. N. Vaněček. Nouvelle génération d'un faisceau de coniques. — A. Bonsdorff. Ableitung neuer Formeln zur Auflösung sphäroidischer Dreiecke. — M. Nyrén. Polhöhenbestimmungen mit dem Ertel-Repsold'schen Verticalkreise. — O. Backlund. Comet Encke. I. Bearbeitung der Erscheinung 1885 und die Verbindung derselben mit den vier vorhergehenden Erscheinungen. — O. Struve. Die Photographie im

Dienste der Astronomie. (Aus einem Vortrage des Akademikers O. Struve, gehalten in der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften am 4 Februar 1886).— O. Backlund. Dr. Harzer's Untersuchungen über einen speciellen Fall des Problems der drei Körper. Bericht an die Akademie der Wissenschaften. 1886). Цѣна 35 коп.

Mélanges physiques et chimiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, tome XII, livraison 3. 1885. (*Contenu:* B. Rizza et Boutlerow. Sur l'asarone.—Dr. B. Hasselberg. Zusatz zu meinen Untersuchungen über das zweite Spectrum des Wasserstoffs. — H. Wild. Bericht über eine neue Verification der Schwingungszahl der Normal-Stimmgabel Russlands im physikalischen Central-Observatorium. — S. Kolotow. Ueber das Verhalten des Oxymethylens zu Aminen. — Generalmajor Dr. Al. v. Tillo. Ueber die absolute Höhe des Ladoga-Sees und das Gefälle der Newa. — E. Leyst. Beobachtung auffallender Blitze. — A. Nadéjdine. La détermination de la température critique dans les tubes opaques. — A. Krakau. Ueber die Einwirkung von Aetzalkalien auf Cinchonin und einige andere China-Alkaloide. — A. Gorboff und A. Kessler. Ueber die Einwirkung von Natriumisobutylat auf Jodmethylen. — H. Wild. Ueber die Beziehungen zwischen den Variationen des Erdmagnetismus und den Vorgängen auf der Sonne. (Mit einer Curven-Tafel). Цѣна 45 коп.

—— Tome XII, livraison 4. 1886. (*Contenu*: Prof. A. Famintzin und D. S. Przybytek. Aschenanalyse des Pollens von Pinus sylvestris. — H. Wild. Temperatur-Minimum in Werchojansk im Winter 1884 auf 1885. — H. Wild. Erzielung constanter Temperaturen in ober- und unterirdischen Gebäuden. — H. Wild. Vergleich der durch Nivellement und der barometrisch bestimmten Meereshöhe des Ladoga-Sees. — H. Wild. Bericht über die Sitzungen des internationalen meteorologischen Comités und des internationalen Maass- und Gewichts-Comités im September 1885 zu Paris.—A. v. Tillo. Die Meereshöhen der Seen Ladoga, Onega und Ilmen, und das Gefälle des Ladoga-Sees.. Auszug aus einem Briefe an den Akademiker O. Struve. — Dr. P. A. Müller. Die Dauer der Sonnenrotation nach den Störungen der erdmagnetischen Elemente in Pawlowsk. — F. Schmidt. Ueber einige neue ostsibirische Trilobiten und verwandte Thierformen. (Mit einer Tafel).—H. Wild. Sonderbare Hagelerscheinung beobachtet am 16 (28) November 1885 in Bobruisk. — P. A. Müller. Ueber die electromotorische Differenz und die Polarisation der Erdplatten). Цѣна 45 коп.

Mélanges physiques et chimiques..... Tome XII, livraison 5. 1887. (*Contenu*: O. Chwolson. Photometrische Untersuchungen über die innere Diffusion des Lichtes. — Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XLV— XLVIII. — N. v. Kokscharow. Mursinskit, ein neues Mineral. — C. Zahálka. Beitrag zur Kenntniss der Phymatellen der böhmischen Kreideformation. (Mit einer Tafel). —A. Karpinsky. Zur Geologie des Gouvernements Pskow. (Mit einer Tafel). A. Karpinsky. Ueber einige graphit- und granatführende metamorphische Gesteine des Urals. Mit einer Tafel). Цѣна 45 коп.

—— Tome XII, livraison 6 et dernière 1887. (*Contenu:* Benvenuto Rizza et A. Boutlerow. Sur l'asarone (2me partie). — Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XLIX.—H. Wild. Note sur l'effet du tremblement de terre du 23 février 1887 à l' Observatoire magnétique de Pawlowsk. — Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen L. — M. Rykatschew. Das vormittägige Temperaturmaximum zur See in den Tropen, nach den auf der Korvette «Witjas» unter dem Commando des Flügeladjutanten Capitain I. Ranges S. O. Makarow angestellten Beobachtungen. — A. Karpinsky, Bemerkungen über die Regelmässigkeit in der Gestalt und dem Bau der Continente. — N. Békétoff. Recherches sur l'énergie de combinaison. Les oxydes de potassium et de lithium. — H. Wild. Polarisations-Photometer für technische Zwecke und Untersuchung von Wenham-Gaslampen mit demselben). Цѣна 35 коп.

Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XII, livraison 3. 1886. (*Contenu:* A. Tarenetzky. Ueber Sehnenretinacula und dieselben spannende Muskeln auf dem Rücken des menschlichen Fusses.—Dr. Al. Bunge. Bericht über fernere Fahrten im Lena-Delta und die Ausgrabung eines angeblich vollständigen Mammuthcadavers. Aus Briefen an den Akademiker L. v. Schrenck. (Mit einer Karte). — W. Welikij. Ueber die Lymphherzen bei *Siredon pisciformis*. Vorläufige Mittheilung. — Dr. Al. Bunge. Brief an den beständigen Secretär der Akademie über den Gang der von der Akademie veranstalteten Polar-Expedition.— M. Bogdanow. Kurze Bemerkung über Plasianus Komarowii n. sp. — L. Pogosheff. Ueber den Nerven in den Enden des *Musculus sartorius*. — A. Morawitz. Zur Kenntniss der chilenischen Carabinen).

Цѣна 60 коп.

—— Tome XII, livraison 4. 1886. (*Contenu:* C. J. Maximovicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VI. Insunt stirpes quaedam nuper in Japonia detectae. — A. Famintzin. Ueber Knospenbildung bei Phanerogamen). Цѣна 45 коп.

Mélanges biologiques..... Tome XII, livraison 5. 1886. (*Contenu:* N. Warpachowsky. Eine neue Form von Opalina. — V. Bianchi. Ueber einen neuen Würger aus der Untergattung Otomela (*Otomela Bogdanowi.*) — A. Famintzin. Ueber Knospenbildung bei Phanerogamen. (Mit einer Tafel). — V. Bianchi. Zur Ornis der westlichen Ausläufer des Pamir und des Alai). Цѣна 30 коп.

Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1886. (*Contenu:* Dr. W. von Gutzeit. Über die Lebensgeschichte des heil. Georgios von Amastra und die Zeit ihrer Abfassung. — E. Kunik. Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens des h. Georg von Amastris. Ein Beitrag zur Aufklärung der russisch-byzantinischen Chronologie des 9ten Jahrhunderts. — F. G. Wiedemann. Zusätze und Berichtigungen zu dem syrjänisch-deutschen und wotjakisch-deutschen Wörterbuch. 1880). Цѣна 30 коп.

Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome IX, livraison 1. 1883. (*Contenu:* Liste des travaux de M. Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, † le 22 août (3 septembre) 1880. — B. Dorn. Nachträge zu der Abhandlung über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan. — O. Böhtlingk. Bemerkungen zu Ginakirti's Kampakakathânaka, herausgegeben und übersetzt von A. Weber). Цѣна 30 коп.

—— Tome IX, livraison 2. 1886. (*Contenu:* W. Radloff, Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus. — W. Radloff, Bericht über die Kurdischen Sprachsammlungen des Prof. Albert Socin. — N. Katanoff, Castrén's koibalisch-deutsches Wörterverzeichniss und Sprachproben des koibalischen Dialectes. Neu transscribirt). Цѣна 30 коп.

—— Tome IX, livraison 3. 1887. (*Contenu:* C. Salemann. Mittelpersische Studien. Erstes Stück. — C. Salemann. Bericht über des Mag. V. Žukovski Materialien zur persischen Dialektologie. — W. Radloff. Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886. — N. Katanoff. Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialektes. — N. Katanoff. Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung des Askys) bilden. — C. Salemann. Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums). Цѣна 50 коп.

Mélanges gréco-romains tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1884. (*Contenu:* A. Nauck. De Marci Antonini commentariis. — M. Schmidt, in Jena. Zweiter textkritischer Beitrag zu den Trachinierinnen).

Цѣна 80 коп.

——— Tome V, livraison 2. 1885. (*Contenu:* A. Nauck. Kritische Bemerkungen). Цѣна 40 коп.

Mittheilungen der internationalen Polar-Commission. — Bulletin de la Commission polaire internationale. — Communications from the International Polar Commission. Première livraison. 1882. Цѣна 10 коп.

——— Seconde livraison. 1882. Цѣна 25 коп.

——— Troisième livraison. 1882. Цѣна 15 коп.

——— Quatrième livraison. 1883. Цѣна 20 коп.

——— Cinquième livraison. 1884. Цѣна 25 коп.

——— Sixième livraison. 1884. Цѣна 50 коп.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. *Dritte Folge.* Auf Kosten der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von L. v. Schrenck und C. J. Maximowicz.

——— Band I. 1886. Graf D. A. Tolstoi. Das akademische Gymnasium und die akademische Universität im XVIII. Jahrhundert. Nach handschriftlichen Documenten des Archivs der Akademie der Wissenschaften. Aus dem Russischen von P. von Kügelgen.

Цѣна 90 коп.

——— Band II. Gemischten Inhalts. 1887. 1) Eug. Büchner. Die Vögel des St. Petersburger Gouvernements. 2) Graf D. A. Tolstoi. Die Stadtschulen während der Regierung der Kaiserin Katharina II. Aus dem Russischen übersetzt von P. v. Kügelgen.

Цѣна 1 руб. 80 коп.

——— Band III. 1887. Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande. Mit 6 Karten. Цѣна 2 руб. 10 коп.

Bésobrasof, W. Études sur l'économie nationale de la Russie. Région (centrale) industrielle de Moscou. Tome I. 1883.

Цѣна 1 руб. 60 коп.

——— Tome II, première partie. 1886. Цѣна 1 руб. 20 коп.

——— Tome II, seconde partie. 1886. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Böhtlingk, Otto. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung.
—— Sechster Theil, erste Lieferung. (ध—वेव).1885.
Цѣна 1 руб. 25 коп.

—— Zweite Lieferung. (वेध—ष). 1886.
Цѣна 1 руб. 20 коп.

—— Siebenter Theil, erste Lieferung. (स — सुरङ्गयुज्). 1887.
Цѣна 1 руб. 30 коп.

Leyst. Katalog der meteorologischen Beobachtungen in Russland und Finnland. Vierter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.
Цѣна 3 руб. 50 коп.

Nauck, Aug. Iamblichi de vita Pythagorica liber ad fidem codicis Florentini. Accedit epimetrum de Pythagorae aureo carmine. 1884.
Цѣна 1 руб. 80 коп.

Prym, E. und **A. Socin.** Kurdische Sammlungen. *Erste Abtheilung.* Erzählung und Lieder im Dialekte des Tûr 'Abdîn. Gesammelt, herausgegeben und übersetzt von...... a. *Die Texte.* 1887. **Цѣна 30 коп.**

—— b. *Uebersetzung.* 1887. **Цѣна 45 коп.**

Radloff, W. Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von... V. Theil. Der Dialect der Kara-Kirgisen. 1885.
Цѣна 2 руб. 40 коп.

—— VI. Theil. Der Dialect der Tarantschi. 1886.
Цѣна 1 руб. 10 коп.

Rykatschew, M. Ueber den Auf- und Zugang der Gewässer des Russischen Reiches. Mit 3 Tafeln. Zweiter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.
Цѣна 3 руб. 20 коп.

Struve, Otto. Sammlung der Beobachtungen von Sternbedeckungen während der totalen Mondfinsterniss 1884 October 4. 1885.
Цѣна 20 коп.

Tolstoi, Graf **D. A.** Ein Blick auf das Unterrichtswesen Russlands im XVIII. Jahrhundert bis 1782. Aus dem Russischen übersetzt von P. v. Kügelgen. 1884.
Цѣна 50 коп.

Wahlén, E. Wahre Tagesmittel und tägliche Variation der Temperatur an 18 Stationen des Russischen Reiches. Dritter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.
Цѣна 4 руб. 25 коп.

Wiedemann, F. J. Grammatik der Syrjänischen Sprache, mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. 1884.
Цѣна 1 руб.

Wild, N. Die Regen-Verhältnisse des Russischen Reiches. Mit einem Atlas (6 Karten). Fünfter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.

Цѣна съ атласомъ 6 руб.

Изданія Академіи продаются у комисіонеровъ оной: И. Глазунова и Эггерса и К° въ С. Петербургѣ, Н. Киммеля, въ Ригѣ, и въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (В. О., набережная Большой Невы, близь Дворцоваго моста, д. № 5). Покупателямъ, обращающимся за книгами въ Комитетъ, дѣлается уступка 25% съ объявленной цѣны.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

